Н. Г. Чернышевский

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ VII.

(Съ портретомъ автора 1859 г.).

СОВРЕМЕННИКЪ 1860—1861.

ОСНОВАНІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ Д. С. МИЛЛЯ

ПЕРЕВОДЪ и ПРИМѢЧАНІЯ.

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.
1905.

PRINTED IN RUSSIA

Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/completecollecte0007ngch

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе переводчика 1
Предисловіе автора 2

Основанія политической экономіи.

Введеніе. Предварительныя замѣчанія 5

Книга I. Производство.

Трудъ.

Глава I. Элементы производства 31
„ II. Трудъ, какъ дѣятель производства 35
„ III. Непроизводительный трудъ 46

Замѣчанія къ тремъ первымъ главамъ первой книги.

I. Гипотетическій методъ изслѣдованія 55
II. Выгодное и убыточное для общества производство и потребленіе . 59
III. О непріятности труда 70
IV. Обзоръ отдѣла о трудѣ 76

Капиталъ.

Глава IV. Капиталъ 88
„ V. Основныя теоремы относительно капитала 97
„ VI. Оборотный и основной капиталъ 123

Прибавленіе къ главамъ IV, V и VI.

Понятіе капитала 132
Трудъ и капиталъ, какъ элементы производства.—Общій выводъ изъ предъидущаго отдѣла 147

Условія успѣшности труда.

Глава VII. Условія производительности элементовъ производства 157
„ VIII. Сотрудничество или сочетаніе труда 168
Замѣчаніе на главу VIII. 180

Малый и большой размѣры производства.

„ IX. Производство въ большомъ и производство въ маломъ размѣрѣ . . 191
Прибавленіе къ главѣ IX 207

Мальтусовъ законъ.

стр.

Глава. X. Законъ возрастанія труда 214
„ XI. Законъ возрастанія капитала 219
„ XII. Законъ возрастанія продукта отъ земли 229
„ XIII. Послѣдствія предъидущихъ законовъ 237

Замѣчанія на послѣднія четыре главы первой книги Милля.

РАЗЪЯСНЕНІЕ СМЫСЛА МАЛЬТУСОВОЙ ТЕОРІИ.

I. Величина элементовъ мальтусовой теоремы 244
II. Законъ возрастанія земледѣльческаго продукта 251
III. О размноженіи людей 261
IV. Дѣйствительный источникъ дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ и истинный смыслъ мальтусовой теоріи 280
V. Общее заключеніе 299

Очерки изъ политической экономіи

(по Миллю).

Предисловіе 305

Распредѣленіе

(Милль, книга вторая).

Главы III—X.

A. Соперничество, какъ норма распредѣленія. Б. Классы, между которыми дѣлится продуктъ. 306
Принципъ соперничества.—Степень всеобщности его дѣйствій, степень его сообразности съ наивыгоднѣйшими условіями производства и распредѣленія; зародышъ экономической истины, находящейся въ этомъ принципѣ, и высшій экономическій принципъ, поставляемый наукою на мѣсто соперничества 310
B. Формы распредѣленія продукта при принципѣ частной собственности, по принципу соперничества или нормамъ экономическаго разсчета, еще менѣе удовлетворительнымъ 339

Главы XI—XVI.

Трехчленное распредѣленіе продукта 363
Рабочая плата 370
Прибыль 393
Рента 405

Обмѣнъ

(Милль, книга третья).

Главы I—VI.

Цѣнность и стоимость производства 416

Главы VII—XIII.

A. Покупательная сила 452

Главы XIV—XV.

Б. Колебаніе цѣнностей и норма цѣнностей 477

Главы XVII—XXII и XXV.

В. Торговля 493
Г. Общій очеркъ распредѣленія 504

Экономическій прогрессъ

(Милль, книга четвертая).

Главы I—VI.

А. Вліяніе экономическаго прогресса на рабочую плату, прибыль, ренту, цѣнности и цѣны.—Неподвижное состояніе 510
Б. Будущность экономическаго прогресса 540

Правительственное вліяніе

(Милль, книга пятая).

Глава I.

А. Сфера правительственнаго вліянія на экономическую жизнь 554

Главы II—VI.

Б. Налоги 560

Глава VII.

В. Національный долгъ 581

Глава XI.

Г. Границы правительственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь и дѣятельность народа 594

Приложеніе.

Распредѣленіе.

(Милль, книга вторая).

Глава I—II.

Собственность 617

ОПЕЧАТКИ.

Стр. 2, 4-ая строка снизу—напечатано: пересмотрѣно отъ начала до конца...
слѣдуетъ: пересмотрѣно авторомъ отъ начала до конца...
Стр. 477, 10-ая строка сверху—напечатано: В. Колебаніе цѣнностей...
слѣдуетъ: Б. Колебаніе цѣнностей...
Стр. 493, 7-ая строка снизу— напечатано: С. Торговля.
слѣдуетъ: В. Торговля.

ОСНОВАНІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Будучи въ русской литературѣ представителемъ взгляда на экономическіе вопросы, во многомъ отличающагося отъ теоріи французскихъ такъ называемыхъ экономистовъ, „Современникъ“ часто чувствовалъ затрудненіе, которому подвергаются и его читатели и самъ онъ отъ недостатка на нашемъ языкѣ трактатовъ о политической экономіи, излагающихъ науку въ духѣ теоріи, нами раздѣляемой. По соображеніи разныхъ обстоятельствъ, мы нашли, что самымъ удобнымъ способомъ помочь этому недостатку будетъ—перевести на русскій языкъ книгу Милля, и прибавить къ переводу замѣчанія.

Книга Милля признается всѣми экономистами за лучшее, самое вѣрное и глубокомысленное изложеніе теоріи, основанной Адамомъ Смитомъ. Переводя это произведеніе, мы хотимъ дать читателю доказательство, что большая часть понятій, противъ которыхъ мы споримъ, вовсе не принадлежитъ къ строгой наукѣ, а должна считаться только искаженіемъ ея, сочиненнымъ нынѣшними французскими такъ называемыми экономистами по внушенію трусости.

Милль пишетъ, какъ мыслитель, ищущій только истины, и читатель увидитъ, до какой степени различенъ духъ науки, имъ излагаемой, отъ направленія тѣхъ издѣлій, которыя выдаются у насъ за науку.

Но его система все-таки далеко не наша система. Мы переводимъ его книгу не потому, чтобы считали ее вполнѣ удовлетворительною, а только потому, что въ ней честно и вѣрно изложена та сторона науки, которая развилась раньше другихъ частей и служитъ основаніемъ для дальнѣйшихъ выводовъ.

Мы представимъ, по мѣрѣ нашихъ силъ и знаній, эти выводы въ дополненіяхъ, которыя будутъ слѣдовать за каждымъ отдѣломъ теоріи, излагаемой Миллемъ.

Переводимъ книгу его вполнѣ, безъ всякихъ сокращеній. Мы рѣшились на это изъ желанія, чтобы та часть молодаго поколѣнія, которая главнымъ источникомъ своего образованія имѣетъ русскія книги, избавилась наконецъ отъ необходимости изучать систему Адама Смита по плохимъ французско-русскимъ передѣлкамъ, искажающимъ ея духъ.

Чтобы страницы перевода наглядным образомъ разнились отъ страницъ, содержащихъ наши дополненія, мы печатаемъ эти дополненія шрифтомъ болѣе крупнымъ, нежели переводъ.

Изъ примѣчаній, помѣщенныхъ внизу страницъ, автору принадлежатъ только тѣ, которыя обозначены звѣздочками; другія, обозначенныя цифрами, сдѣланы переводчикомъ.

Переводъ сдѣланъ по четвертому изданію (Principles of Political Economy. London. 1857).

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Изданіе общаго трактата о предметѣ, по которому уже существуетъ столько хорошихъ сочиненій, вѣроятно, требуетъ нѣкоторыхъ объясненій.

Быть можетъ, довольно было бы сказать, что ни одинъ изъ существующихъ трактатовъ о политической экономіи не заключаетъ въ себѣ новѣйшихъ усовершенствованій, сдѣланныхъ въ теоріи этой науки. Учеными спорами послѣднихъ лѣтъ развито много новыхъ идей, даны новыя примѣненія многимъ другимъ идеямъ, въ особенности по вопросамъ о денежныхъ знакахъ, о внѣшней торговлѣ, о важныхъ предметахъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ колонизаціею; не безполезно будетъ произвести новое обозрѣніе поля политической экономіи во всемъ его объемѣ уже и для того одного, чтобы собрать въ одну книгу результаты этихъ изысканій и привести ихъ въ согласіе съ тѣми принципами, которые разъяснены лучшими мыслителями нашей науки.

Но пополненіе пробѣловъ, находящихся въ прежнихъ общихъ трактатахъ о политической экономіи, было не единственною и не главною цѣлью автора. Книга эта различается своимъ планомъ отъ всѣхъ подобныхъ трактатовъ, являвшихся въ Англіи послѣ творенія Адама Смита.

Отъ другихъ книгъ, въ которыхъ общіе принципы науки изложены также хорошо или даже лучше, нежели въ твореніи Адама Смита, оно отличается тѣмъ, что вмѣстѣ съ каждымъ принципомъ объясняетъ и его примѣненія,—это самая характеристическая черта въ трактатѣ Смита. Такимъ планомъ конечно обнимается кругъ идей и предметовъ гораздо обширнѣйшій того, который заключается въ политической экономіи, какъ одной изъ отраслей отвлеченнаго мышленія. Въ практическихъ своихъ примѣненіяхъ политическая экономія неразрывно переплетается съ разными другими отраслями общественной науки. Едва ли найдется такой практическій вопросъ, хотя бы самый близкій къ характеру чисто экономическаго вопроса, который могъ бы быть рѣшаемъ по однимъ экономическимъ принципамъ,—такое рѣшеніе допускаютъ развѣ только вещи неважныя. Адамъ Смитъ никогда не забываетъ этой истины; излагая примѣненія политической экономіи, онъ постоянно опирается и на другихъ соображеніяхъ, кромѣ тѣхъ, какія даются одною политическою экономіею; и эти соображенія, даваемыя другими отраслями науки, часто бываютъ гораздо важнѣе экономическихъ. Этимъ онъ даетъ читателю основательный методъ пользоваться принципами политиче-

ской экономіи въ практическихъ дѣлахъ, и вотъ причина, по которой изъ всѣхъ трактатовъ о политической экономіи одинъ „Опытъ о богатствѣ народовъ“ пріобрѣлъ популярность въ публикѣ и сильно отпечатлѣлся въ мысляхъ практическихъ людей и законодателей.

Автору кажется, что политической экономіи нужна нынѣ книга, по своему предмету и по общему плану подобная книгѣ Адама Смита, но соотвѣтствующая большему развитію знанія и болѣе вѣрнымъ идеямъ нашего вѣка. „Опытъ о богатствѣ народовъ“ во многихъ своихъ частяхъ устарѣлъ, а во всѣхъ частяхъ неудовлетворителенъ. Политическая экономія, какъ отдѣльная наука, была при Адамѣ Смитѣ во младенчествѣ и съ тѣхъ поръ возмужала; а общественная философія, отъ которой этотъ великій мыслитель никогда не отдѣлялъ свой частный предметъ въ практическомъ отношеніи, сдѣлала много шаговъ впередъ съ того положенія, въ какомъ онъ оставилъ ее, хотя и до сихъ поръ она остается въ очень молодой порѣ своего развитія. Несмотря на эти перемѣны, до сихъ поръ еще не было сдѣлано попытокъ соединить практическій методъ Адама Смита съ развитіемъ знанія, полученнымъ теоріею политической экономіи, представить экономическіе феномены общества по ихъ отношенію къ лучшимъ общественнымъ идеямъ нынѣшняго времени, какъ онъ съ удивительнымъ успѣхомъ излагалъ эти феномены въ духѣ философіи своего вѣка.

Такова мысль, которою руководился авторъ этой книги. Осуществить ее, хотя отчасти, было бы дѣломъ столь полезнымъ, что онъ охотно подвергается всѣмъ шансамъ неуспѣха. Надобно, впрочемъ, прибавить, что хотя авторъ желалъ написать книгу практическую и, насколько допускается сущностью предмета, популярную, но онъ не старался покупать этихъ преимуществъ принесеніемъ въ жертву имъ строгой научности мыслей. Онъ желаетъ, чтобы трактатъ его заключалъ въ себѣ нѣчто лучшее, нежели простое изложеніе абстрактныхъ теоремъ политической экономіи; но онъ хочетъ также, чтобы въ его книгѣ находилось и это изложеніе.

Это (четвертое) изданіе пересмотрѣно отъ начала до конца сочиненія: онъ прибавилъ въ немъ нѣкоторыя объясненія тамъ, гдѣ они казались ему необходимы. Болѣе всего дополненій сдѣлано въ главахъ „О вліяніи кредита на цѣны“ и „О регулированіи бумажныхъ денегъ, подлежащихъ обязанности обмѣна на звонкую монету“.

ОСНОВАНІЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни наука является гораздо позднѣе практики, систематическое изслѣдованіе способовъ, по которымъ дѣйствуютъ силы природы, бываетъ позднимъ продуктомъ долгаго ряда усилій обращать эти силы на служеніе практическимъ цѣлямъ. Политическая экономія, какъ отрасль науки, возникла очень недавно. Но предметъ ея изслѣдованій необходимо былъ во всѣ вѣка однимъ изъ главныхъ практическихъ интересовъ человѣчества, иногда чрезмѣрно заслонявшимъ собою всѣ другіе интересы.

Этотъ предметъ—богатство. Экономисты поставляютъ цѣлью своей науки изслѣдованія о сущности богатства, законахъ его производства и распредѣленія. Прямо или косвенно въ этотъ кругъ входитъ изложеніе всѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ хорошее или дурное состояніе человѣчества вообще или извѣстнаго человѣческаго общества по отношенію къ предмету всеобщаго желанія людей, богатству. Трактатъ о политической экономіи не можетъ ни разобрать подробно, ни даже перечислить всѣхъ этихъ причинъ; но онъ долженъ изложить наши свѣдѣнія о законахъ и принципахъ, по которымъ онѣ дѣйствуютъ.

Что такое богатство, объ этомъ каждый имѣетъ понятіе достаточно правильное для обыкновенной рѣчи, и никто не смѣшаетъ изслѣдованій о богатствѣ съ изслѣдованіями о какомъ нибудь другомъ изъ великихъ человѣческихъ интересовъ. Всѣ знаютъ, что быть богатымъ—дѣло одного рода, быть просвѣщеннымъ, мужественнымъ или гуманнымъ—дѣла иного рода; что вопросы о томъ, отчего нація становится богата, совершенно различны отъ изысканій о томъ, отчего она становится свободна, или нравственно хороша, или славна литературою, изящными искусствами, оружіемъ, политическими учрежденіями. Правда, всѣ эти вещи косвенно связаны между собою взаимнымъ вліяніемъ. Народъ становится иногда свободенъ оттого, что сталъ богатъ, иногда богатъ оттого, что сталъ свободенъ. Вѣра и законы народа имѣютъ могущественное вліяніе на его экономическое состояніе: оно, въ свою очередь, черезъ вліяніе на умственное развитіе и общественныя отношенія народа, дѣйствуетъ на его вѣру и законы. Но при всей связи между собою, эти предметы существенно различны, и никто въ томъ никогда не сомнѣвался.

Здѣсь не нужно хлопотать о тонкой метафизической строгости опредѣленій, когда понятія, возбуждаемыя терминами, имѣютъ и безъ того точность, удовлетворительную для дѣла. Но какъ ни трудно было бы ожидать вредной смутности понятій по предмету столь простому, какъ вопросъ о томъ, что должно считаться богатствомъ, исторія говоритъ, что эта смутность понятій существовала; мыслители и государственные люди одинаково страдали ею, и было время, когда они всѣ страдали ею; и въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній она давала совершенно ложное направленіе европейской государственной жизни. Я говорю о теоріи, которую со времени Адама Смита стали называть меркантильною системою.

Во время господства этой системы надъ всей государственной жизнью явно или тайно владычествовало предположеніе, что богатство составляютъ единственно деньги, или драгоцѣнные металлы, которые можно прямо превратить въ деньги. По тогдашнимъ понятіямъ, все, что ведетъ къ накопленію въ странѣ денегъ или вообще золота или серебра, обогащаетъ ее, а отъ всякаго вывоза драгоцѣнныхъ металловъ страна бѣднѣетъ. Если въ ней нѣтъ золотыхъ или серебряныхъ рудниковъ, она можетъ обогащаться только одною отраслью промышленности, внѣшнею торговлею, которая одна можетъ вносить въ нее деньги. Если предполагалось, что извѣстная отрасль промышленности уноситъ изъ страны больше денегъ, нежели вноситъ въ нее, она считалась убыточною, какъ бы велико и цѣнно ни было ея производство. Вывозъ товаровъ покровительствовался и поощрялся (даже средствами, очень обременительными для истинныхъ источниковъ богатства страны), потому что уплата за вывозимые товары считается на деньги, и тогда воображали, что она дѣйствительно будетъ произведена золотомъ и серебромъ. Думали, что при ввозѣ чего бы то ни было, кромѣ драгоцѣнныхъ металловъ, нація теряетъ всю цѣну ввезенныхъ вещей; исключеніе составляли только вещи ввозимыя для того, чтобы быть вывезенными обратно съ прибылью, и матеріалы или инструменты для промышленности, производящейся въ самой странѣ, потому что они даютъ возможность увеличивать вывозъ, дешевле производя вывозные товары. Всемірная торговля считалась борьбою націй изъ-за того, которой между ними удастся забрать къ себѣ наибольшее количество золота и серебра; думали, что въ этомъ состязаніи нація выигрываетъ только нанося убытокъ другимъ или отнимая у нихъ выгоду.

Всеобщее убѣжденіе одного вѣка,—убѣжденіе, отъ котораго никто не *былъ* тогда и безъ чрезвычайныхъ усилій генія и мужества не *могъ* стать свободенъ,—часто становится для послѣдующаго вѣка такою осязательною нелѣпостью, что трудно дѣлается вообразить, какъ могли когда нибудь вѣрить подобной вещи. Такъ случилось съ ученіемъ, что деньги и богатство—синонимы. Теперь кажется, что нельзя смотрѣть какъ на серьезное мнѣніе, на такую вздорную несообразность. Она кажется похожею на нескладныя фантазіи дѣтства, мгновенно разрушаемыя однимъ словомъ взрослаго человѣка. Но пусть никто не говоритъ, что избѣжалъ бы этого заблужденія, если бы жилъ во времена его владычества. Всѣ мысли, возбуждаемыя обыкновенными житейскими дѣлами каждаго, были въ пользу такого мнѣнія, и пока эти мысли служили единственными основаніями соображеній, казалось аксіомою то, что является теперь грубѣйшею нелѣпостью. Правда, какъ только подвергли критикѣ эту иллюзію, она исчезла; но никому не могло придти въ голову подвергнуть ее критикѣ, пока умъ его не свыкся съ особенными пріемами изслѣдованія экономическихъ феноменовъ, вошедшими въ обыкновенный образъ мыслей только благодаря вліянію Адама Смита и его комментаторовъ.

Въ обыкновенной рѣчи богатство всегда оцѣнивается на деньги. Если вы спросите, какъ богатъ такой-то, вамъ отвѣчаютъ, что у него столько-то тысячъ фунтовъ. Всѣ доходы и расходы, барыши и убытки, всѣ перемѣны въ богатствѣ считаются за полученіе и трату извѣстнаго количества денегъ. Правда, что въ счетъ имущества человѣка вносятъ не только деньги, которыя онъ имѣетъ на лицо или долженъ получить, но и всѣ другія вещи, имѣющія цѣнность; но эти вещи считаются не сами по себѣ, а по суммамъ денегъ, за какія можно продать ихъ, и если бы онѣ стали продаваться дешевле, ихъ владѣлецъ считался бы менѣе богатъ, хотя сами по себѣ эти вещи остались бы прежнія. Правда также, люди богатѣютъ не тѣмъ, что держатъ деньги безъ употребленія, а надобно расходовать ихъ для полученія прибыли. Человѣкъ, обогащающійся торговлею, богатѣетъ тѣмъ, что отдавая товары за деньги, отдаетъ и деньги за товары; вторая часть въ этомъ оборотѣ также необходима, какъ и первая. Но покупая товары для барыша, онъ покупаетъ ихъ для того, чтобы опять продать за деньги, покупаетъ въ ожиданіи получить за нихъ больше денегъ, нежели заплатилъ. Потому полученіе денегъ даже ему самому кажется окончательною цѣлью всѣхъ оборотовъ. Часто онъ получаетъ уплату не деньгами, а тѣмъ, что беретъ другіе товары на цѣнность, равную цѣнности проданныхъ имъ. Но онъ принимаетъ ихъ въ уплату по денежной оцѣнкѣ и только въ предположеніи выручить за нихъ больше денегъ, чѣмъ за сколько передаются они ему. У торговца, имѣющаго обширные и быстрые обороты, въ наличныхъ деньгахъ всегда находится только небольшая часть капитала. Но онъ цѣнитъ свой капиталъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой можетъ обратить его въ деньги; онъ считаетъ каждый оборотъ законченнымъ лишь тогда, когда чистый результатъ оборота уплаченъ ему въ деньгахъ, или высчитанъ въ долгу на комъ нибудь также въ деньгахъ. Когда онъ выходитъ изъ дѣлъ, онъ обращаетъ весь капиталъ въ деньги, и только тогда считаетъ себя реализировавшимъ пріобрѣтенное торговлею состояніе. При всѣхъ этихъ дѣлахъ деньги считаются будто бы единственнымъ богатствомъ, а другія вещи, стоющія денегъ, только средствами къ нихъ полученію. Можно сказать: деньгами дорожатъ только потому, что онѣ служатъ на удовлетвореніе потребностей и на доставленіе удовольствій себѣ или другимъ. Но поборникъ меркантильной системы ни мало не затруднится этимъ возраженіемъ. Правда, скажетъ онъ, таково назначеніе богатства; это назначеніе очень похвальное, если ограничивается отечественными товарами, потому что, покупая ихъ, вы обогащаете другихъ вашихъ соотечественниковъ тою самою суммою, какую расходуете. Тратьте ваше богатство на удовлетвореніе какимъ угодно вашимъ желаніямъ; но богатство не въ желаніяхъ, оно въ той суммѣ денегъ, за которую вы покупаете удовлетвореніе имъ, или въ деньгахъ, составляющихъ вашъ доходъ.

Мы видимъ, что есть множество поводовъ, располагающихъ принимать мнѣніе, которое служитъ источникомъ меркантильной системы. Есть даже дѣйствительное основаніе дѣлать между деньгами и всѣми другими цѣнными вещами то различіе, которому даетъ она такую громадную важность; основаніе это не очень сильно и совершенно недостаточно, но оно есть. Мы цѣнимъ выгоды, доставляемыя человѣку богатствомъ, не по количеству полезныхъ и пріятныхъ вещей, которыми онъ фактически пользуется, а по размѣру его власти надъ всею массою полезныхъ и пріятныхъ вещей,— мы дѣйствительно имѣемъ такой взглядъ и онъ справедливъ: богатство человѣка измѣряется объемомъ находящейся у него силы удовлетворять всякой своей надобности, всякому желанію, а эта сила въ деньгахъ, и всѣ другія вещи въ цивилизованномъ обществѣ даютъ ее повидимому только своею годностью къ промѣну на деньги. Вла-

дѣть какою нибудь другою цѣнною вещью значитъ владѣть именно только этою вещью; если вамъ нужна вмѣсто нея иная вещь, вы должны сначала продать вашу вещь, или подвергаться неудобству и промедленію отыскивая человѣка, который владѣлъ бы вещью вамъ нужною и хотѣлъ бы промѣнять ее на вашу вещь; а, быть можетъ, такого человѣка и вовсе не найдется. Но съ деньгами вы можете прямо купить какую угодно изъ всѣхъ продажныхъ вещей, и человѣкъ, состояніе котораго находится въ деньгахъ или въ вещахъ, быстро обращаемыхъ въ деньги, владѣетъ, по своему и по общему мнѣнію, не одною какою нибудь вещью, а всѣми вещами, выборъ между которыми предоставляютъ ему деньги. На удовлетвореніе надобностей владѣльца идетъ лишь незначительная часть его богатства; главная выгода отъ всего остального богатства та, что въ немъ хранится владѣльцу сила исполнять всякія вообще желанія; эта сила дается деньгами гораздо прямѣе и вѣрнѣе, чѣмъ другими родами богатства. Деньги—единственная форма его, годная не для одной какой нибудь надобности, а прямо пригодная на всякую надобность. Эта разница была тѣмъ замѣтнѣе правительствамъ, что имѣетъ большую важность для нихъ. Цивилизованному правительству удобно пользоваться только тѣми налогами, которые собираются въ деньгахъ, и едва ли можно какими нибудь другими вещами, кромѣ денегъ, производить большія и быстрыя уплаты, особенно когда онѣ должны идти за границу, на военные расходы или на субсидіи, для завоеваній или для отвращенія отъ себя порабощенія (а эти двѣ вещи до недавняго времени были главными заботами національной политики). Таковы причины, располагающія и частныхъ людей, и правительства при оцѣнкѣ своихъ средствъ придавать почти исключительную важность деньгамъ и драгоцѣннымъ металламъ, а всѣ другія вещи, съ точки зрѣнія этого разсчета, цѣнить только какъ отдаленныя средства къ полученію единственной вещи, дающей всеобщую и прямую возможность пріобрѣтать все, что угодно, и потому ближе всего соотвѣтствующей понятію богатства.

Но нелѣпость остается нелѣпостью, хотя бы мы и объяснили поводы, давшіе ей видъ истины. Ложность меркантильной теоріи была замѣчена тотчасъ же, какъ люди начали изслѣдовать сущность дѣлъ и выводить понятіе о нихъ изъ основныхъ фактовъ, а не изъ формъ и выраженій обыкновенной рѣчи. Какъ только люди спросили себя, что такое деньги на самомъ дѣлѣ, въ чемъ ихъ существенный характеръ, къ чему именно онѣ служатъ, тотчасъ же открылось, что деньги, подобно другимъ вещамъ, нужны намъ только потому, что имѣютъ у насъ свое назначеніе, что деньги пригодны вовсе не ко всякому назначенію, а, напротивъ, имѣютъ свое частное назначеніе, очень опредѣленное и ограниченное: оно въ томъ, чтобы облегчать распредѣленіе продуктовъ промышленности по пропорціи, принятой лицами, между которыми они дѣлятся. Всмотрѣвшись въ дѣло ближе, увидѣли, что польза, приносимая деньгами, вовсе не увеличивается отъ увеличенія количества денегъ, существующаго и обращающагося въ странѣ: велико или мало это общее количество денегъ, оно одинаково исполняетъ свою службу. Два милліона квартеровъ хлѣба не прокормятъ столько людей, какъ четыре милліона; но при двухъ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ будетъ произведено столь же торговыхъ оборотовъ, куплено и продано столько же товаровъ, какъ при четырехъ милліонахъ, только номинальныя цѣны товаровъ будутъ ниже. Деньги сами по себѣ не удовлетворяютъ никакой потребности человѣка; онъ дорожитъ ими потому, что онѣ удобная форма для полученія всевозможныхъ его доходовъ, и потомъ, когда ему нужно, обращаетъ эти доходы въ тѣ формы, которыя нужны ему. Страна, имѣющая монету, отличается отъ страны вовсе не имѣющей ея только тѣмъ, что дѣлать обороты въ ней

удобнѣе, что выигрывается время и уменьшаются хлопоты, все равно какъ легче молоть хлѣбъ на водяныхъ, чѣмъ на ручныхъ мельницахъ; или, по сравненію, сдѣланному Адамомъ Смитомъ, деньги полезны въ томъ же родѣ, какъ пути сообщенія: считать деньги за богатство такая же ошибка, какъ считать шоссе, по которому вамъ удобнѣе всего доѣхать до вашего дома или помѣстья, за самый вашъ домъ или помѣстье.

Удовлетворяя надобности, важной для государства и частныхъ лицъ, деньги справедливо считаются богатствомъ; но богатство также и всѣ другія вещи, служащія для человѣческихъ надобностей и не доставляемыя природою за-даромъ. Быть богатымъ значитъ имѣть большое количество полезныхъ вещей или имѣть средства купить ихъ. Потому къ богатству принадлежитъ всякая вещь, за которую можно покупать другія вещи, въ обмѣнъ за которую дадутъ что нибудь полезное или пріятное. Вещи, за которыя ничего не дадутъ въ обмѣнъ, при всей своей полезности или необходимости, не составляютъ богатства въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово въ политической экономіи. Воздухъ, напримѣръ, абсолютнѣйшимъ образомъ необходимъ для насъ, но не имѣетъ никакой цѣны на рынкѣ, потому что получается даромъ; собирать запасъ его было бы напрасно и невыгодно; законы его производства и распредѣленія составляютъ предметъ не политической экономіи, а совершенно иной науки. Но хотя воздухъ не богатство, богатство людей чрезвычайно увеличивается тѣмъ, что они получаютъ воздухъ даромъ, потому что время и трудъ, которыя иначе потребовались бы на удовлетвореніе настоятельнѣйшей изъ нашихъ надобностей, надобности въ воздухѣ, теперь могутъ быть употребляемы на другія надобности. Можно вообразить обстоятельства, при которыхъ воздухъ сдѣлался бы богатствомъ. Если бы явился обычай жить въ такихъ мѣстахъ, куда воздухъ не проникаетъ натуральнымъ образомъ, напримѣръ, въ подводныхъ колоколахъ, опускаемыхъ въ море, доставленіе туда воздуха искусственнымъ путемъ, подобно доставленію воды въ дома, имѣло бы цѣну. И если бы отъ какого нибудь переворота въ природѣ воздуха стало недостаточно для потребленія, или еслибы воздухъ могъ быть монополизированъ, онъ получилъ бы очень высокую рыночную цѣну. Въ такомъ случаѣ, если бы у кого нибудь находился большой запасъ воздуха, онъ, за исключеніемъ части нужной самому владѣльцу, составлялъ бы для него богатство; и на первый взглядъ могло бы казаться, что богатство человѣчества возрасло отъ этой перемѣны, которая была бы столь великимъ бѣдствіемъ для людей. Ошибка произошла бы отъ того, что не было принято въ соображеніе одно обстоятельство: какъ богатъ ни сталъ бы владѣлецъ воздуха на счетъ остальнаго общества, всѣ другія люди стали бы бѣднѣе на всю ту сумму, которую были бы принуждены платить за вещь, получавшуюся ими прежде безплатно.

Это ведетъ насъ къ важному подразличенію двухъ значеній въ словѣ богатство: оно имѣетъ одинъ смыслъ, примѣняясь къ имуществу отдѣльнаго человѣка, другой смыслъ, примѣняясь къ имуществу націи или человѣческаго рода. Богатство человѣчества составляютъ только вещи, сами по себѣ служащія на какую нибудь пользу или пріятность. Для отдѣльнаго человѣка богатствомъ бываетъ всякая вещь, которая даетъ ему возможность требовать отъ другихъ какую нибудь часть изъ ихъ запаса полезныхъ или пріятныхъ вещей, хотя бы сама по себѣ была безполезна. Приведемъ въ примѣръ долговую запись въ 1,000 фунтовъ, данныхъ подъ залогъ помѣстья. Запись эта составляетъ богатство для человѣка, которому даетъ она проценты и который можетъ продать ее иногда за полную сумму долга. Но она не богатство для націи, и если бы она уничтожилась, страна не стала бы отъ того ни богаче, ни бѣднѣе. Кредиторъ по-

терялъ бы 1,000 фунтовъ, владѣлецъ помѣстья выигралъ бы ихъ. Для націи долговая запись не была богатствомъ; она только давала А право на часть богатства В. Она была богатствомъ для А; онъ могъ передать ее третьему лицу,—но онъ собственно передавалъ бы въ ней фактическое право на собственность въ 1,000 фунтовъ изъ помѣстья, номинальнымъ владѣльцемъ котораго былъ одинъ В. Таково же положеніе лицъ, имѣющихъ облигаціи государственнаго долга: они кредиторы на счетъ общаго богатства націи. Уничтоженіе государственнаго долга было бы не уничтоженіемъ богатства, а только передвиженіемъ его, незаконнымъ отнятіемъ богатства у однихъ членовъ общества въ пользу правительства или лицъ, платящихъ налоги. Потому собственность, состоящая въ облигаціяхъ государственнаго долга, не можетъ считаться частью національнаго богатства. Это не всегда помнятъ составители статистическихъ вычисленій. Напримѣръ, при вычисленіяхъ валоваго дохода, основанныхъ на суммѣ, доставляемой налогомъ на доходъ, иногда не вычитаются изъ счета доходы, составляемые процентами съ фондовъ: а между тѣмъ налогу этому подлежитъ весь номинальный доходъ лицъ, платящихъ подати, безъ вычета той части дохода, которая берется съ нихъ разными налогами для образованія дохода владѣльцевъ фондовъ. Такимъ образомъ, въ этомъ вычисленіи часть общаго дохода страны считается два раза, и вся сумма дохода націи выходитъ почти на 30 милліоновъ фунтовъ больше истинной [1]). Но нація можетъ причислять къ своему богатству всѣ капиталы, которые имѣютъ ея граждане въ фондахъ иностранныхъ государствъ и другіе долги, которые имѣютъ они на иностранцахъ. Впрочемъ, и это богатство только потому составляетъ богатство для націи, что даетъ ей часть богатства, принадлежащаго другимъ націямъ [2]). Оно не со-

---

[1]) Напримѣръ, въ 1843 году количество доходовъ, подлежавшихъ подати, было около 185 милл. ф. стерл. Въ этомъ числѣ были доходы, получаемые владѣльцами государственныхъ фондовъ; проценты по этимъ фондамъ составляли около 30 милл. фунтовъ. Итакъ вся сумма доходовъ дѣлилась по своимъ источникамъ на двѣ части: А) 30 милл., даваемыхъ процентами фондовъ; В) другіе 155 милл., получаемые отъ земель, фабрикъ, домовъ и т. д. Откуда же брались казною деньги на уплату 30 милл. процентовъ? Изъ податей, то есть съ земли, съ фабрикъ, домовъ и т. д. Стало быть, кромѣ прямого налога съ части В бралось другими налогами еще 30 милл.; они передавались отъ владѣльцевъ В (земель, фабрикъ и пр.) владѣльцамъ А (фондовъ). Если же владѣльцы В, имѣя 155 милл. дохода, платили эти 30 милл. на выдачу процентовъ по фондамъ, у нихъ оставалось изъ 155 милл. только 125 милл. такихъ доходовъ, которыми дѣйствительно они располагали. Ясно, что цифра 185 милл. чисто номинальная цифра. Собственно всѣхъ доходовъ въ странѣ было не 185 милл., а только 155 милл., изъ которыхъ 30 милл. попадали въ счетъ два раза: во-первыхъ, они считались, находясь еще у людей, извлекавшихъ эти милліоны изъ земли или фабрикъ; во-вторыхъ, тоже считались по переходѣ изъ рукъ этихъ людей къ владѣльцамъ фондовъ.

Помѣстье, дающее 1,000 р. дохода, заложено въ 4,000 р. по 10%, то есть кредиторъ получаетъ отъ должника-владѣльца 400 р. въ годъ. Подъ прямую подать эти 400 р. могутъ попасть два раза: владѣлецъ получаетъ съ помѣстья 1,000 рублей и, по 1 копѣйкѣ съ рубля, заплатитъ 10 р. подати; кредиторъ, получающій съ него 400 р., заплатитъ еще 4 р. Послѣ этого, пожалуй, можно вычитать, что сумма доходовъ обоихъ этихъ людей будетъ 1,400 р.,—вѣдь они платятъ, по 1 коп. съ рубля, 14 рублей. Но дѣло въ томъ, что съ 400 р. по 1 коп. тутъ заплачено два раза, во-первыхъ, должникомъ, во-вторыхъ, кредиторомъ. У должника дохода остается собственно ему принадлежащаго не 1,000 р., а только 600 р.; 400 р. только проходятъ черезъ его руки, какъ черезъ руки кассира или управителя, для передачи настоящему хозяину, кредитору.

[2]) Напримѣръ, у англійскаго капиталиста, живущаго въ Лондонѣ, есть на 200,000 фунтовъ 5%-ныхъ австрійскихъ облигацій; онъ получаетъ по нимъ 10,000 фунтовъ процентовъ отъ австрійскаго правительства. Эти 10,000 собраны не съ англичанъ, а съ австрійцевъ, потому ихъ полученіе англійскимъ капиталистомъ не уменьшаетъ доходовъ никакого другого англичанина: итакъ эти 10,000 фунтовъ составляютъ чистую прибавку къ общей суммѣ доходовъ, существующей въ Англіи. Эти

ставляетъ части въ общемъ богатствѣ человѣческаго рода: это элементъ, относящійся къ распредѣленію, но не вводящій никакой новой составной части въ общую массу богатства.

Нѣкоторые писатели предлагали такое опредѣленіе: „понятіе богатство соотвѣтствуетъ понятію совокупность орудій", разумѣя подъ орудіями не одни инструменты и машины, а весь запасъ средствъ къ достиженію цѣлей, принадлежащій отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ [3]). Напримѣръ, поле—орудіе, потому что оно средство для полученія пшеницы. Пшеница — орудіе, потому что она средство для полученія муки. Мука — орудіе, потому что она средство для полученія булки. Булка—орудіе, потому что она средство для удовлетворенія голода и поддержанія жизни. Тутъ мы доходимъ наконецъ до вещей, которыя уже не должны называться орудіями, потому что служатъ предметами желанія сами по себѣ, а не какъ простыя средства для чего-нибудь иного или высшаго. Это понятіе логически правильно; или, лучше сказать, это выраженіе съ пользою можетъ употребляться на ряду съ другими, не потому, чтобы давало о предметѣ понятіе различное отъ обыкновеннаго, а потому, что даетъ болѣе ясности и реальности обыкновенному понятію.

Итакъ, можно сказать, что богатство составляютъ всѣ полезныя или пріятныя вещи, имѣющія мѣновую цѣнность; другими словами, всѣ полезныя или пріятныя вещи, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть въ какомъ угодно количествѣ получены безъ труда или пожертвованія [4]). Единственное возраженіе противъ этого опредѣленія, кажется, то, что оно не заключаетъ въ себѣ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, о которомъ очень много спорили: должны ли считаться богатствомъ такъ называемые не вещественные продукты? Надобно ли, напримѣръ, называть богатствомъ ремесленную ловкость работника или вообще всѣ природныя и пріобрѣтенныя силы тѣла или ума? Но это вопросъ не очень важный, и удобнѣе будетъ отложить до другого мѣста (книга I, глава III) разборъ его, на сколько онъ заслуживаетъ разбора.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія о богатствѣ, мы должны теперь обратить свое вниманіе на чрезвычайное различіе по богатству между разными націями и между разными эпохами; это различіе простирается и на количество богатства, и на его характеръ, и на его распредѣленіе между членами общества.

Едва ли найдется теперь такой народъ или такое общество, которое существовало бы исключительно тѣми продуктами растительности, которые выростаютъ сами со-

---

10,000—часть богатства Англіи. Но онѣ взяты изъ доходовъ жителей Австрійской имперіи, потому должны быть вычитаемы изъ богатства Австрійской имперіи.

[3]) По англійски это выраженіе, *instruments*, въ примѣненіи къ богатству также странно для обыкновенной рѣчи, какъ выраженіе „орудія", которымъ оно переведено у насъ. Вмѣсто этого довольно страннаго выраженія „орудія", *instruments*, можно было бы употребить слово „средство", *means*, которое менѣе шокировало бы непривычный слухъ. Богатство есть то, что служитъ средствомъ.

[4]) Слова „въ какомъ угодно количествѣ", *in the quantity desired*, важны потому, что есть вещи, которыя въ извѣстномъ количествѣ получаются безъ труда, и не имѣли бы мѣновой цѣнности, если бы не требовалось ихъ больше этого количества; но когда требуется ихъ больше того количества, какое дается отъ природы даромъ, добавочное количество должно уже быть производимо трудомъ, и тогда вещь получаетъ мѣновую цѣнность. Напримѣръ, въ степяхъ, гдѣ на одну лошадь кочевого племени приходится десятки десятинъ и лошади умѣютъ зимою выбивать траву копытомъ изъ-подъ снѣга, довольно корму производится природою даромъ; но когда населеніе становится гуще съ переходомъ къ земледѣлію и на каждую лошадь приходится уже гораздо меньше земли, человѣку становится нуженъ трудъ, чтобы увеличивать количество корма для лошадей или по крайней мѣрѣ собирать запасы его; тогда сѣно получаетъ мѣновую цѣнность.

бою. Но еще много есть такихъ племенъ, которыя живутъ исключительно или почти исключительно на счетъ дикихъ животныхъ, продуктами охоты и рыболовства. Ихъ одежда — звѣриныя шкуры; ихъ жилища — грубые шалаши, покидаемые ими въ одну минуту; пища у нихъ такая, которую нельзя заготовлять на долго, у нихъ нѣтъ запасовъ ея, и часто подвергаются они большимъ лишеніямъ. Богатство такого общества состоитъ лишь изъ шкуръ, служащихъ одеждою, нѣсколькихъ украшеній, любимыхъ дикарями, небольшого количества грубой посуды; оружія для охоты и для дракъ съ соперниками по средствамъ существованія; челноковъ для переѣзда черезъ рѣки и озера, или для рыбной ловли на морѣ; быть можетъ, также изъ нѣсколькихъ мѣховъ или другихъ продуктовъ дикой страны, собранныхъ для промѣна цивилизованнымъ людямъ за разныя бездѣлушки, за водку, за табакъ: быть можетъ, нѣкоторая часть этихъ иностранныхъ продуктовъ остается еще не израсходованною. Къ этому скудному списку матеріальнаго богатства дикаго племени надобно прибавить его землю, орудіе производства, которою оно пользуется мало по сравненію съ болѣе устроившимися обществами, но которая все таки служитъ источникомъ его существованія, и которая имѣетъ продажную цѣну, если есть по сосѣдству земледѣльческое общество, которому нужно пріобрѣтать землю. Это состояніе—самое бѣднѣйшее изъ всѣхъ, въ какихъ существовали или существуютъ извѣстныя намъ цѣлыя общества людей; но должно прибавить, что есть общества гораздо болѣе богатыя, въ которыхъ часть населенія находится по отношенію къ средствамъ продовольствія и житейскимъ удобствамъ въ положеніи столь же незавидномъ, какъ дикари.

Первый великій шагъ впередъ изъ этого состоянія то, когда дѣлаются домашними полезныя животныя; изъ этого возникаетъ пастушеское или кочевое состояніе, въ которомъ люди живутъ не продуктами охоты, а молокомъ, вещами приготовляемыми изъ молока и годичнымъ приращеніемъ своихъ стадъ. Это положеніе лучше прежняго само по себѣ; мало того, оно ведетъ къ дальнѣйшему прогрессу, и при немъ накопляется гораздо значительнѣйшая масса богатства. Пока обширныя натуральныя пастбища земли еще не вполнѣ заняты, пока продукты ихъ не потребляются быстрѣе, нежели воспроизводятся натуральнымъ образомъ, можно собирать, сохранять и постоянно увеличивать большой запасъ продовольствія, почти безъ всякаго труда, кромѣ того чтобы стеречь стада отъ дикихъ звѣрей и отъ хищниковъ. Такимъ образомъ въ этомъ періодѣ племя владѣетъ большими стадами; частные люди пріобрѣтаютъ ихъ своею дѣятельностью и бережливостью, а родоначальники колѣнъ—дѣятельностью, людей, связанныхъ съ ними зависимостью. Итакъ, въ пастушескомъ состояніи возникаетъ неравенство имуществъ, фактъ почти не существующій въ дикомъ состояніи, гдѣ никто не имѣетъ много избыточнаго сверхъ безусловно-необходимаго и, въ случаѣ недостатка долженъ даже необходимымъ дѣлиться съ своимъ племенемъ. Въ кочующемъ состояніи у нѣкоторыхъ такъ много скота, что они могутъ прокормить множество людей, а другіе не успѣли присвоить и удержать за собою лишняго, или и вовсе не имѣютъ скота. Но средства продовольствія перестали быть невѣрными, потому что людямъ, ведущимъ дѣла успѣшно, нечего дѣлать съ своимъ излишкомъ, кромѣ того, какъ кормить имъ не столь счастливыхъ, а каждое приращеніе въ числѣ лицъ, связанныхъ съ ними, служитъ для нихъ приращеніемъ и безопасности, и могущества. Такимъ образомъ, они получаютъ возможность сложить съ себя всякій трудъ, кромѣ управленія и надзора, и пріобрѣтать подвластныхъ, сражающихся за нихъ на войнѣ и служащихъ имъ въ мирѣ. Одно изъ качествъ этого состоянія то, что часть общества и въ нѣко-

торой степени даже все общество пользуется досугомъ. Только часть времени нужна на пріобрѣтеніе пищи, и остальное время не поглощается тревожными мыслями о завтрашнемъ днѣ или необходимостью отдыха отъ утомленія мускуловъ. Такая жизнь очень благопріятна возрастанію новыхъ потребностей и открываетъ возможность къ ихъ удовлетворенію. Возникаетъ желаніе имѣть одежду, посуду, орудія лучше прежнихъ; избытокъ пищи дѣлаетъ возможнымъ посвятить на эти занятія часть племени. Во всѣхъ, или почти во всѣхъ, кочующихъ обществахъ мы находимъ домашнюю выдѣлку фабрикатовъ грубаго, а въ нѣкоторыхъ и высокаго сорта. Есть свидѣтельства тому, что когда страны, бывшія колыбелью новой цивилизаціи, находились вообще еще въ номадномъ положеніи, народы ихъ достигли значительной степени искусства въ пряденіи, тканьѣ и крашеніи шерстянаго платья, въ выдѣлкѣ кожъ и даже въ изобрѣтеніи, по всей вѣроятности гораздо труднѣйшемъ,—въ обрабатываніи металловъ. Даже отвлеченной наукѣ первое начало было дано досугомъ, составляющимъ отличительную черту этого состоянія общественнаго прогресса. Первыя астрономическія наблюденія, по преданію, имѣющему большіе признаки истины, приписываются халдейскимъ пастухамъ.

Переходъ изъ этого состоянія общества къ земледѣльческому состоянію не легокъ (всякая великая перемѣна въ привычкахъ человѣчества трудна и вообще бываетъ или тяжела, или очень медленна); но этотъ переходъ дается, такъ сказать, натуральнымъ развитіемъ дѣлъ. Возрастающее число людей и скота стало съ теченіемъ времени превосходить размѣръ, въ какомъ земля способна доставлять продукты своими натуральными пастбищами. Эта причина безъ всякаго сомнѣнія заставила обратиться къ первому воздѣлыванію земли, точно также какъ въ позднѣйшій періодъ она заставляла избытокъ населенія въ племенахъ, оставшихся кочевыми, бросаться на племена уже ставшія земледѣльческими и грабить ихъ до той поры, пока они стали достаточно сильны для отраженія вторгающихся ордъ и, такимъ образомъ лишивъ вторгающіяся націи этого выхода, принудили ихъ также обратиться въ земледѣльческія общества.

Но когда былъ совершенъ этотъ великій шагъ, дальнѣйшій прогрессъ человѣчества (за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ совпаденія чрезвычайно благопріятныхъ обстоятельствъ) сталъ идти не такъ быстро, какъ можно было бы предполагать. Количество человѣческой пищи, производимое землею, даже при самой плохой системѣ земледѣлія, чрезвычайно превосходитъ массу пищи, получаемой въ чисто земледѣльческомъ состояніи, такъ что непремѣннымъ результатомъ перехода бываетъ огромное увеличеніе населенія [5]). Но это прибавочное количество пищи получается очень значительнымъ увеличеніемъ суммы труда; земледѣльческое населеніе имѣетъ гораздо менѣе досуга, нежели пастушеское, и при несовершенствѣ инструментовъ, при неискусной обработкѣ

---

[5]) Трудно сказать, хотя приблизительнымъ образомъ, какое пространство земли на каждаго человѣка нужно для добыванія пищи племенамъ, живущимъ исключительно охотою. Гаспаренъ (*Cours d' Agriculture*, томъ V, стр. 231) говоритъ: „Дичь обильна на равнинахъ Сѣверной Америки, а между тѣмъ они имѣли не болѣе одного жителя на 99 квадратныхъ километровъ“ (около 87 квадр. верстъ, или 9.000 десятинъ). Это явное преувеличеніе, но оно можетъ служить все-таки указаніемъ на чрезвычайную разницу между пространствами, нужными для племени дикарей и для племени, перешедшаго въ кочевое состояніе. По Гаспарену (тамъ же, стр. 231 и слѣд.), номадное племя нуждается въ 1²/₃ гектара (1½ десятины) земли на душу; при такомъ состояніи Франція могла бы имѣть 19.200.000 жителей. При трехпольномъ хозяйствѣ достаточно 78 десятинъ на продовольствіе 100 человѣкъ населенія. Считая во Франціи только 23 милліоновъ гектаровъ хлѣбныхъ полей, Гаспаренъ на-

(а такая обработка, такіе инструменты остаются въ употребленіи долгое время и на большей части земли до сихъ поръ еще не замѣнены лучшими) земледѣльцы не производятъ сверхъ своего личнаго потребленія такого большого излишка пищи, чтобы могло поддерживаться большое количество работниковъ, занятыхъ другими отраслями промышленности. Развѣ только при необычайно-выгодныхъ условіяхъ климата и почвы это бываетъ иначе. Но каковъ бы ни былъ этотъ излишекъ, великъ или малъ, онъ обыкновенно берется у производителей или правительствомъ, которому они подвластны, или частными лицами, которыя посредствомъ силы, или пользуясь религіозными вѣрованіями и наслѣдственными чувствами, внушающими земледѣльцу подчиненіе имъ, присвоили себѣ господство надъ землею.

Первый изъ этихъ способовъ присвоенія, присвоеніе правительствомъ, составляетъ характеристическую черту обширныхъ монархій, съ незапамятнаго для исторіи времени занимавшихъ азіатскія равнины. Свойства правительства въ этихъ земляхъ измѣняются по случайнымъ особенностямъ личнаго характера, но оно рѣдко оставляетъ земледѣльцамъ больше того, сколько нужно просто для поддержанія жизни, а часто отнимаетъ у нихъ и это необходимое количество, такъ что, взявъ у нихъ все, что они имѣютъ, оно бываетъ принуждено выдавать имъ взаймы часть взятаго, на посѣвъ и на ихъ прокормленіе до слѣдующей жатвы. При такомъ порядкѣ дѣлъ масса населенія живетъ въ лишеніяхъ; но правительство, собирая съ большого числа людей, по немногу отъ каждаго, получаетъ при малѣйшей разсчетливости возможность блистать богатствами, совершенно несоразмѣрными съ общимъ положеніемъ страны. Вотъ источникъ закоренѣлаго мнѣнія о великомъ изобиліи восточныхъ странъ, — ошибка, которую европейцы поняли только въ послѣднее время. Значительная часть этого богатства прилипаетъ къ рукамъ, занимающимся собираніемъ его; то, что доходитъ до правительства, раздѣляется, конечно, между многими людьми, не говоря уже о придворномъ штатѣ государя. Значительная часть распредѣляется между сановниками правительства, любимцами и фаворитками государя. Нѣкоторая часть по временамъ употребляется на общеполезныя сооруженія. Резервуары, колодези, каналы для орошенія, безъ которыхъ во многихъ тропическихъ земляхъ едва ли возможно было бы земледѣліе; плотины, ограждающія отъ разливовъ рѣкъ, базары для купцовъ, караванъ-сераи для путешественниковъ,—всѣ эти вещи, которыхъ не могли бы сдѣлать своими скудными средствами пользующіеся ими люди, обязаны своимъ существованіемъ щедрости и просвѣщенному своекорыстію лучшихъ изъ числа восточныхъ государей, а иногда добродушію или тщеславію богатыхъ людей, богатства которыхъ, по внимательному изслѣдованію, всегда оказываются происшедшими прямо или косвенно изъ государственнаго дохода, и чаще всего получаются черезъ прямой подарокъ части дохода отъ государя.

ходитъ, что исключительно трехпольное хозяйство могло бы кормить во Франціи 32.700.000 жителей. Но при всякомъ улучшеніи въ системѣ воздѣлыванія земли, количество пищи, доставляемой извѣстнымъ пространствомъ, колоссально возрастаетъ. Даже при нынѣшнемъ развитіи земледѣльческаго искусства есть такіе сѣвообороты, которые даютъ продуктовъ въ 10 и больше разъ противъ трехпольнаго хозяйства. Гаспаренъ вычисляетъ сборъ, получаемый отъ слѣдующаго четырехлѣтняго сѣвооборота: 1) картофель, 2) пшеница, 3) клеверъ или вика, 4) пшеница. Онъ находитъ, что 100 гектаровъ нивы при такой системѣ хозяйства даютъ пищу для 931 человѣка (то есть 100 десятинъ для 116 человѣкъ); полагая, что только 28 милліоновъ гектаровъ, то есть только половина земли во Франціи, была бы удобна для такого сѣвооборота, Франція, по вычисленію Гаспарена, могла бы кормить съ такимъ хозяйствомъ 260 милліоновъ человѣкъ.

Правитель такого общества, богато снабдивъ самого себя и всѣхъ, къ кому расположенъ, и набравъ на свое прокормленіе столько солдатъ, сколько кажется ему нужнымъ для его безопасности или блеска, имѣетъ остатокъ, которымъ можетъ располагать и который онъ съ удовольствіемъ обмѣниваетъ на предметы роскоши, соотвѣтствующіе его наклонностямъ: такой же остатокъ имѣютъ люди, обогащенные его благосклонностью или собираніемъ государственныхъ доходовъ. Такимъ образомъ, является запросъ на изысканные и дорогіе товары, сообразные съ небольшимъ, но богатымъ рынкомъ. Этотъ запросъ часто удовлетворяется почти исключительно купцами болѣе развитыхъ обществъ; но часто порождаетъ и въ самой странѣ сословіе мастеровыхъ, доводящихъ нѣкоторыя издѣлія до полной степени совершенства, какое можетъ производиться терпѣніемъ, сообразительностью, наблюдательностью и искусствомъ рукъ безъ значительныхъ знаній о качествахъ предметовъ; таковы, напримѣръ, нѣкоторыя индійскія хлопчато-бумажныя издѣлія. Эти мастеровые содержатся тою излишнею пищею, которая взята правительствомъ и его агентами, какъ принадлежащая ему часть продуктовъ. Форма дѣла такъ буквально соотвѣтствуетъ его сущности, что въ нѣкоторыхъ странахъ мастеровой не беретъ, какъ у насъ, свою работу домой и не получаетъ за нее плату по ея окончаніи, а, напротивъ, идетъ съ своими инструментами въ домъ человѣка, дѣлающаго заказъ, и получаетъ отъ него пищу во время работы. Но небезопасность всякаго имущества при подобномъ положеніи общества располагаетъ даже богатѣйшихъ покупщиковъ отдавать предпочтеніе такимъ товарамъ, которые не могутъ портиться и имѣютъ большую цѣнность при маломъ объемѣ, которые поэтому легко прятать или уносить съ собою. Потому золото и драгоцѣнные камни составляютъ значительную часть богатства этихъ націй, и у богатаго азіатца почти все его состояніе часто бываетъ надѣто на немъ и на женщинахъ его гарема. Никто кромѣ государя не думаетъ обращать свое богатство въ собственность, которую нельзя унести. Но государь, чувствующій себя прочнымъ на престолѣ и надѣющійся передать престолъ своимъ потомкамъ, предается иногда вкусу къ долговѣчнымъ зданіямъ и сооружаетъ пирамиды или Секундрскій мавзолей и Таджъ-Мегалъ. Грубыя издѣлія, назначаемыя для земледѣльцевъ, производятся сельскими мастеровыми, которые вознаграждаются землею, безпошлинно отдаваемою въ ихъ пользованіе, или получаемою въ натурѣ частью изъ той доли жатвы, которая оставлена поселянину правительствомъ. Есть при этомъ состояніи общества и торговый классъ; его составляютъ два разряда купцовъ: одни торгуютъ хлѣбомъ, другіе деньгами. Хлѣбные торговцы покупаютъ хлѣбъ обыкновенно не отъ производителей, а отъ чиновниковъ, которые, собирая доходъ натурою, охотно уступаютъ другимъ заботу доставлять его въ тѣ мѣста, гдѣ подлѣ государя собраны главные его гражданскіе и военные сановники, главныя массы его войскъ и мастеровые, удовлетворяющіе надобностямъ этихъ разныхъ лицъ. Торговцы деньгами даютъ взаймы несчастнымъ земледѣльцамъ, разореннымъ неурожаями или казенными поборами, деньги на поддержаніе жизни и на продолженіе земледѣлія, а на слѣдующую жатву получаютъ уплату съ ужасными процентами; или, въ болѣе широкомъ размѣрѣ, они даютъ взаймы правительству и лицамъ, которымъ оно уступило часть своего дохода; вознаграждаются они полученіемъ уплаты отъ чиновниковъ, собирающихъ доходы, или полученіемъ въ свое владѣніе извѣстныхъ округовъ, доходами съ которыхъ уплачивался бы долгъ: для этого имъ обыкновенно передается значительная часть правительственной власти, которою они пользуются пока округи будутъ выкуплены, или доходами съ нихъ ликвидируется долгъ. Такимъ образомъ, коммерческія операціи того и другого класса торгов-

цевъ имѣютъ своимъ главнымъ матеріаломъ ту часть продуктовъ, которая составляетъ доходъ правительства. Изъ этого дохода періодически уплачивается ихъ капиталъ съ прибылью, и тотъ же самый доходъ былъ почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго произошелъ ихъ первоначальный капиталъ. Таково въ общихъ чертахъ экономическое положеніе почти всѣхъ азіатскихъ земель, существовавшее въ нихъ со временъ, предшествовавшихъ началу достовѣрной исторіи, и продолжающее существовать до нынѣ въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ не измѣнилось оно отъ иностранныхъ вліяній.

Не таковъ былъ ходъ дѣлъ въ тѣхъ земледѣльческихъ обществахъ древней Европы, раннее состояніе которыхъ хорошо намъ извѣстно. Почти всѣ они при своемъ началѣ были маленькими городскими обществами; при основаніи ихъ въ странѣ не занятой или въ странѣ, изъ которой были изгнаны прежніе жители, земля, бравшаяся въ собственность поселенцевъ, была правильно раздѣляема равными, или почти равными, участками между семействами, составлявшими общество. Иногда былъ не одинъ городъ, а союзъ нѣсколькихъ городовъ, занятыхъ людьми, которые считали себя происходящими отъ одного племени и поселившимися въ странѣ около одного и того же времени. Каждая семья производила сама свою пищу и матеріалы для своей одежды, изъ которыхъ ткались, обыкновенно женщинами, грубыя издѣлія, удовлетворявшія тому вѣку. Налоговъ не было никакихъ, потому что или не было чиновниковъ, получавшихъ плату, или плата этимъ чиновникамъ производилась продуктами назначенной для того части земли, которую обрабатывали рабы въ пользу государства; а войско состояло изъ общества гражданъ. Такимъ образомъ всѣ продукты земли принадлежали безъ всякаго вычета семейству, ее воздѣлывающему. Пока прогрессъ событій дозволялъ сохраняться такому положенію собственности, состояніе общества, по всей вѣроятности, было не дурно для большинства свободныхъ земледѣльцевъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ прогрессъ человѣчества въ умственномъ развитіи былъ необыкновенно быстръ и блистателенъ при такомъ состояніи. Въ особенности происходило это тамъ, гдѣ съ выгодными условіями племени и климата и при разныхъ благопріятныхъ случайностяхъ, всякій слѣдъ которыхъ потерянъ, была соединена выгода прибрежнаго положенія у большаго внутренняго моря, другіе берега котораго были уже заняты довольно развитыми обществами. При знакомствѣ съ иностранными продуктами, пріобрѣтавшемся въ такой мѣстности, при легкомъ доступѣ къ иностраннымъ идеямъ и изобрѣтеніямъ, ослаблялась на этихъ обществахъ цѣпь рутины, столь крѣпко связывающая необразованные народы. Обращая вниманіе только на ихъ промышленное развитіе, надобно сказать, что они рано пріобрѣли разнообразныя и многочисленныя потребности и желанія, возбуждавшія ихъ извлекать изъ своей земли всю возможную массу продуктовъ, какую только умѣли они извлечь; а когда ихъ земля была безплодна или когда они уже извлекли изъ нея все, что можно, они часто становились торговцами и покупали продукты чужихъ земель, чтобы съ прибылью продавать ихъ въ другихъ земляхъ.

Но существованіе такого состоянія было съ самаго начала не прочно. Эти маленькія общества жили въ состояніи почти непрерывной войны. Къ войнѣ было много причинъ. Въ болѣе грубыхъ и чисто земледѣльческихъ обществахъ причиною ея часто бывала просто стѣсненность возросшаго населенія въ ихъ маленькой землѣ: эта стѣсненность часто увеличивалась неурожаями, при грубомъ состояніи ихъ земледѣлія и при зависимости ихъ въ своемъ продовольствіи отъ одной и притомъ очень небольшой мѣстности. Когда являлись такіе случаи, общество часто эмигрировало всею массою, или высылало толпу своей молодежи съ оружіемъ въ рукахъ искать менѣе воинствен-

наго народа, чтобы выгнать его изъ его земли или удержать на ней въ невольничествѣ для обработки ея въ пользу пришельцевъ, завладѣвшихъ ею. Болѣе счастливыя племена дѣлали по честолюбію и воинственности то же самое, что менѣе развитыя дѣлали отъ нужды, и черезъ нѣсколько времени всѣ эти городскія общества стали завоевателями или завоеванными. Иногда завоевавшее государство довольствовалось наложеніемъ дани на побѣжденныхъ, которые, неся это бремя, освобождались отъ хлопотъ о защищеніи себя сухопутными и морскими силами и, благодаря такому облегченію, могли подъ своимъ игомъ пользоваться значительною долею экономическаго благосостоянія; а побѣдившее общество получало излишекъ богатства, который могло употреблять на дѣла общественной роскоши и великолѣпія. Изъ такого излишка были построены Парѳенонъ и Пропилеи, дана плата за статуи Фидія, праздновались торжества, для которыхъ писали свои драмы Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ и Аристофанъ. Но это состояніе политическихъ отношеній, бывшее, пока длилось, очень полезнымъ прогрессу и высшему интересу человѣчества, не имѣло въ себѣ элементовъ долговѣчности. Небольшое завоевательное общество, которое не сливаетъ съ собою въ одно цѣлое свои завоеванія, всегда кончаетъ тѣмъ, что само подвергается завоеванію. Такимъ образомъ всеобщее владычество осталось наконецъ за народомъ, знавшимъ искусство сливать съ собою побѣжденныхъ, за римлянами, которые, какія бы дѣла ни вели, всегда или начинали или кончали тѣмъ, что брали у другихъ народовъ большую часть земли для обогащенія своихъ главныхъ гражданъ и принимали въ правительствующее сословіе главныхъ землевладѣльцевъ остальной части. Нѣтъ надобности останавливаться на темной сторонѣ экономической исторіи Римской имперіи. Неравенство богатства, разъ начавшись, гигантски развивается въ обществѣ, которое не занято постоянно тѣмъ, чтобы посредствомъ промышленности поправлять несправедливости счастія: меньшія массы богатства поглощаются большими массами. Римская имперія оказалась напослѣдокъ покрыта громадными поземельными владѣніями небольшого числа семей, для роскошныхъ удовольствій, а еще больше для тщеславнаго блеска которыхъ производились самые дорогіе продукты, между тѣмъ какъ воздѣлыватели земли были рабами или мелкими фермерами, находившимися въ состояніи близкомъ къ рабскому. Съ той поры богатство имперіи стало все больше и больше падать; общественныхъ доходовъ и частныхъ богатствъ доставало сначала хотя на то, чтобы покрыть Италію великолѣпными общественными и частными зданіями; но постепенно эти средства до того изсякли подъ изнуряющимъ вліяніемъ дурного управленія, что остатки ихъ оказывались недостаточными даже для поддержанія построенныхъ зданій. Силы и богатства цивилизованнаго міра сдѣлались недостаточны на удержаніе напора кочующихъ племенъ, опоясывавшихъ сѣверную границу имперіи; эти племена наводнили имперію и на ея мѣстѣ возникъ иной порядокъ дѣлъ.

Европейское общество переформировалось теперь въ новый видъ. Населеніе каждой страны можно считать при этой формѣ состоявшимъ изъ двухъ неравныхъ по числу націй или племенъ—изъ завоевателей и завоеванныхъ. Завоеватели были собственники земли, завоеванные—воздѣлыватели ея. Этимъ воздѣлывателямъ дозволялось пользоваться землею на условіяхъ, созданныхъ насиліемъ и потому всегда обременительныхъ, но рѣдко доходившихъ до размѣра полнаго рабства. Еще въ послѣднія времена Римской имперіи значительная часть сельскихъ рабовъ перешла въ положеніе, подобное крѣпостному состоянію: римскіе „колоны“ были скорѣе крѣпостные люди, чѣмъ рабы въ полномъ смыслѣ; а варвары, завоевавшіе имперію, по своей неспособности и неохотѣ къ личному управленію промышленными занятіями, неизбѣжно принуждены были дать

земледѣльцамъ, въ поощреніе къ труду, нѣкоторую долю фактическаго интереса въ воздѣлываніи земли. Если требовалось, чтобы они поставляли въ замокъ разные продукты, нужные на обыкновенное потребленіе его жителей, если эти реквизиціи часто бывали чрезмѣрны, то все-таки, по исполненіи требуемыхъ поставокъ, имъ дозволялось свободно располагать всѣми остававшимися продуктами, какіе они могли собрать. При такой системѣ, крѣпостнымъ людямъ въ средніе вѣка было возможно, какъ возможно теперь въ Россіи (гдѣ господствуетъ система, въ сущности сходная съ этою), пріобрѣтать собственность; и дѣйствительно, накопленныя ими сбереженія составляютъ первоначальный источникъ богатства новой Европы.

Въ тѣ вѣка насилій и безпорядка, первое употребленіе, какое дѣлалъ крѣпостной земледѣлецъ изъ маленькаго запаса, накопленнаго имъ, состояло въ томъ, чтобы купить себѣ свободу и удалиться въ какой нибудь городъ или укрѣпленную деревню, уцѣлѣвшую со времени римскаго владычества, или, не выкупивъ своей свободы, скрыться туда. Въ этомъ убѣжищѣ, окруженный другими людьми своего класса, онъ пытался жить, нѣсколько ограждаясь отъ притѣсненій и обидъ военной касты мужествомъ своимъ и своихъ товарищей. Эти освободившіеся крѣпостные почти всѣ становились мастеровыми и жили промѣномъ продуктовъ своей промышленности на излишекъ матеріаловъ и пищи, доставляемыхъ землею феодальнымъ ея собственникамъ. Такимъ образомъ возникло въ Европѣ нѣчто подобное экономическому положенію азіатскихъ странъ; но разница была въ томъ, что вмѣсто одного азіатскаго монарха съ толпою фаворитовъ и чиновниковъ, безпрестанно мѣняемыхъ, въ Европѣ находился многочисленный классъ большихъ землевладѣльцевъ, имѣвшій довольно прочную наслѣдственность; они выказывали гораздо менѣе блеска, потому что каждый изъ нихъ располагалъ гораздо меньшимъ излишкомъ продуктовъ, и долгое время часть этого излишка расходовалась на содержаніе свиты тѣлохранителей, бывшихъ необходимыми для безопасности господина по воинственнымъ обычаямъ общества и по недостаточности охраненія, доставляемаго правительствомъ. Въ такомъ порядкѣ дѣлъ было больше постоянства, прочности для личнаго положенія отдѣльныхъ людей, нежели въ азіатской системѣ, которой оно въ экономическомъ отношеніи соотвѣтствовало, и это было одною изъ главныхъ причинъ того, что оно оказалось болѣе благопріятнымъ развитію [6]). Съ той поры экономическій прогрессъ общества былъ не-

[6]) Въ числѣ предубѣжденій, о которыхъ быть можетъ и надобно сказать, что въ нихъ есть нѣкоторая, небольшая, часть истины, но которыя безъ всякаго сомнѣнія теоретически несправедливы и практически вредны, когда принимаются за полную и очень важную для практики истину, очень замѣтное мѣсто занимаетъ предразсудокъ, будто особенныя племенныя свойства, происходящія отъ особенностей самого организма, играютъ очень сильную роль въ судьбѣ народовъ; будто одинъ народъ по самой своей прирожденной натурѣ, по своей расѣ, неспособенъ къ тому, къ чему способенъ другой народъ также по своей расѣ. Главною опорою этого ошибочнаго мнѣнія представляется неподвижность азіатскихъ народовъ по сравненію съ прогрессивностью исторіи европейскихъ народовъ. Но тутъ оказывается, что придаютъ важность гипотезѣ только по невниманію къ фактамъ, которые или совершенно уничтожаютъ надобность въ ней, или оставляютъ ей очень мало мѣста. Одну изъ дѣйствительныхъ причинъ разницы въ судьбѣ европейскихъ и азіатскихъ народовъ указываетъ Милль, и конечно, не отъ массы населенія, не отъ побѣжденныхъ туземцевъ зависѣло то различіе, что у германскихъ завоевателей было множество предводителей, а у дикарей, нападавшихъ на азіатскія земледѣльческія страны, только по одному предводителю. Милль справедливо находитъ, что эта многочисленность владѣльцевъ-завоевателей была одною изъ главныхъ причинъ, давшихъ Европѣ возможность прогресса, которой лишена была Азія сосредоточенностью господства въ одномъ предводителѣ. Но еще важнѣе географическое положеніе. Западная Европа такъ далека отъ степей средней Азіи, главнаго центра, изъ котораго выходятъ вторгающіеся кочевые народы, что въ послѣднія 2000 лѣтъ они только одинъ разъ успѣли проник-

прерывенъ. Безопасность личности и собственности постоянно, хотя медленно возрастала; житейскія искусства постоянно развивались; грабежъ пересталъ быть главнымъ источникомъ накопленія богатствъ, и феодальная Европа обратилась въ коммерческую и мануфактурную Европу. Въ послѣднюю половину среднихъ вѣковъ, города Италіи и Фландріи, вольные города Германіи, нѣкоторые города Франціи и Англіи имѣли большое населеніе энергическихъ ремесленниковъ и много богатыхъ гражданъ, имущество которыхъ было пріобрѣтено черезъ мануфактурную промышленность или черезъ торговлю продуктами ея. Общины Англіи, третье сословіе Франціи и вообще буржуазія континента составились изъ потомковъ этого сословія. Они были сословіе сберегающее, а потомки феодальной аристократіи—сословіе расточающее, потому буржуазія постепенно замѣстила аристократовъ во владѣніи значительною частью земли. Этотъ натуральный ходъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замедлялся законами, составленными съ цѣлью удержать землю за фа-

---

нуть въ нее. Орды Чингизъ-хана, Тамерлана и Османовъ или вовсе не доходили до Западной Европы, или едва касались ея предѣловъ, просто по отдаленности. Западно-европейское земледѣльческое населеніе вотъ уже 1400 лѣтъ избавлено отъ новыхъ наводненій варварства, и въ этотъ долгій періодъ имѣло время окрѣпнуть, устроить свои дѣла. Такого досуга не имѣли азіатскіе земледѣльческіе народы. Возьмемъ въ примѣръ Индію и Малую Азію. Съ X вѣка Индія подвергалась три раза нашествіямъ, подобнымъ тому, что называется въ западной исторіи переселеніемъ народовъ или завоеваніемъ римскихъ провинцій варварами: ее поочередно наводняли газневиды, орды Бабера и наконецъ кочевыя орды Шаха Надира изъ Персіи. Тоже было въ Малой Азіи: послѣ бедуиновъ явились сельджукскіе турки, потомъ османы, потомъ Тамерланъ, потомъ опять османы. Едва успѣвали разслабѣть и нѣсколько цивилизоваться, нѣсколько слиться съ завоеванными земледѣльцами одни дикіе завоеватели, едва начинало устроиваться нѣчто подобное тому положенію, къ какому пришла Европа въ IX и X вѣкахъ, какъ являлись новыя орды дикихъ завоевателей и повторялась исторія, которая была съ Европою въ IV и V вѣкахъ. Представимъ себѣ, что западная Европа въ X вѣкѣ подверглась тому же, что было съ нею въ V вѣкѣ, и что въ XV столѣтіи повторилась та же гибель. Великъ ли былъ экономическій и законодательный прогрессъ съ V до X вѣка? Все это время прошло почти только въ томъ, что дикіе пришельцы V вѣка сливались по національности съ туземцами. Вообразимъ же себѣ, что надобно было не одинъ разъ, а три раза совершиться этому процессу уподобленія въ послѣднія 1400 лѣтъ и что каждый разъ, едва онъ приходилъ къ концу, являлись дикари, при которыхъ дѣло должно было повторяться съ прежняго начала. Какой видъ должно имѣть экономическое, юридическое и умственное положеніе туземцевъ? Нѣсколько разъ они выбиваются изъ рабства и владычества дикости и каждый разъ снова низвергаются постороннею силою въ гибель насильственнаго дикаго господства. Какое тутъ вліяніе ихъ расы? Это просто вліяніе сосѣдства степей Средней Азіи, періодически извергающихъ на всѣ окружныя земледѣльческія страны потоки варварской лавы. Особенности туземной расы тутъ ничего не значатъ, какъ ничего не значатъ особенности почвы, слишкомъ близко лежащей къ подножію Везувія: она со всѣми своими геологическими свойствами постоянно заливается массою совершенно грубою, истребляющею всякую растительность; проходятъ вѣка, лава начинаетъ вывѣтриваться, живая сила природы начинаетъ покрывать ее слоемъ удобнымъ для человѣческой жизни, — но уже стремится новый потокъ прежней огненной лавы, сожигающій все, успѣвшее вырости, одѣвающій все каменнымъ саваномъ. А на двадцать верстъ дальше, второму и слѣдующимъ потокамъ не удалось добраться, и люди въ этихъ мѣстахъ, воспользовавшись болѣе долгимъ срокомъ, уже успѣли построить стѣны, прокопать рвы, черезъ которые уже не перельется до нихъ лава, если бы и устремилась когда нибудь въ ихъ далекія отъ кратера мѣста. Послѣ этого вы можете толковать о различіи западно-европейскихъ расъ отъ какой нибудь, напримѣръ, персидской расы: мы, романскіе, германскіе, славянскіе народы способны къ цивилизаціи по своей расѣ, а вотъ персіяне до сихъ поръ не умѣли выбиться изъ положенія, какое у насъ было въ VII или IX вѣкахъ; стало быть, ихъ раса не способна или менѣе способна. Но вѣдь это просто смѣшно. Персіяне, напримѣръ, вѣтвь одной расы съ западными европейцами, и филологи доказали, что разница между персидскою вѣтвью и нѣмецкою вѣтвью менѣе велика, нежели между нѣмецкою и романскою. Вспомнимъ, что Лейбницъ, никогда не имѣвъ понятія о персидскомъ языкѣ, былъ въ состояніи понимать по цѣлымъ стихамъ и даже цѣлымъ двустишіямъ въ персидскихъ стихотвореніяхъ просто оттого, что былъ нѣмецъ. Но французски или по испански нѣмецъ не пойметъ и двухъ словъ къ ряду,

миліями владѣльцевъ ея, въ другихъ случаяхъ ускорялся политическими переворотами. Постепенно, хотя медленнѣе, сами земледѣльцы во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ вышли изъ рабскаго или полу-рабскаго состоянія; впрочемъ при одинаковости этой главной черты, положеніе ихъ и въ юридическомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ чрезвычайно различно у разныхъ націй Европы и въ великихъ обществахъ, основанныхъ потомками европейцевъ за Атлантическимъ океаномъ.

Въ мірѣ нынѣ есть много обширныхъ странъ, имѣющихъ разнообразные элементы богатства въ такой степени изобилія, которой даже не могли себѣ вообразить люди прежнихъ вѣковъ. Безъ обязательнаго труда, ежегодно извлекается изъ земли громадное количество пищи, которымъ содержится, кромѣ людей производящихъ его, такое же, а иногда и большее число работниковъ, занятыхъ производствомъ безчисленно разнообразныхъ предметовъ надобности и роскоши или перевозкою ихъ съ одного мѣста на другое, также множество лицъ, занятыхъ управленіемъ и надзоромъ по разнымъ дѣламъ; а кромѣ всѣхъ и выше всѣхъ этихъ людей находится еще классъ, болѣе многочисленный чѣмъ въ самыхъ роскошныхъ древнихъ обществахъ, состоящій изъ людей, занятія которыхъ не прямо производительны, и изъ людей безъ всякаго занятія. Пища, собираемая теперь, кормитъ на данномъ пространствѣ населеніе гораздо болѣе значительное, чѣмъ

если не знакомъ съ этими языками. Напримѣръ, слово дочь только въ персидскомъ и въ нѣмецкомъ сохранило коренное сочетаніе звуковъ ХТ передъ окончаніемъ Р, также исчезнувшимъ, напримѣръ, у насъ и также одинаково сохранившимся въ нѣмецкомъ и персидскомъ въ словахъ, относящихся къ ближайшему родству.

нѣм.	англ.	перс.
дочь *tochter*	*dauchter*	дохтеръ
братъ *bruder*	*brother*	бродеръ

Въ одномъ персидскомъ окончаніе неопредѣленнаго наклоненія одинаково съ нѣмецкимъ и греческимъ *Н*,—латинская и славянская расы отдали преимущество другимъ окончаніямъ: персидское—рашиденъ (ѣхать, пріѣзжать) нѣмецкое—*reisen*. Этимологическая и синтаксическая структура нынѣшняго персидскаго языка совершенно такая же, какъ въ англійскомъ языкѣ: нѣтъ во всемъ индо-европейскомъ семействѣ двухъ языковъ болѣе сходныхъ въ этомъ отношеніи. Если разсматривать коренныя филологическія черты, персидскій языкъ до того близокъ къ языку нѣмецкаго племени, что представляется какъ будто однимъ изъ германскихъ нарѣчій, какъ будто чѣмъ то среднимъ между верхне-германскимъ (собственно такъ называемымъ нѣмецкимъ) и англо-саксонскимъ (англійскимъ) нарѣчіями нѣмецкой вѣтви индо-европейскаго семейства языковъ. (Конечно, мы говоримъ о самыхъ основныхъ, древнѣйшихъ, оригинальнѣйшихъ особенностяхъ, свидѣтельствующихъ о коренномъ особенно близкомъ родствѣ персидской и нѣмецкой расы. Тысячелѣтняя разлука, поставившая эти двѣ отрасли въ разныхъ сосѣдствахъ, дала разное направленіе дальнѣйшему развитію ихъ языковъ, и теперь, по общей совокупности филологическихъ признаковъ, нѣмецкія нарѣчія приняли характеръ европейской, а персидскій языкъ азіатской вѣтви индо-европейскаго семейства языковъ. Тотъ и другой заняли въ филологическомъ порядкѣ такое же положеніе, какое издавна стало принадлежать говорящимъ ими народамъ въ географическомъ отношеніи по распредѣленію мѣстностей, населенныхъ индо-европейцами: персидскій языкъ занимаетъ средину между индійскими нарѣчіями санскритскаго корня съ одной стороны и славянскимъ языкомъ съ другой стороны; нѣмецкій языкъ занимаетъ средину между славянскимъ и романскимъ. Славяне, вошедши въ середину между персіянами и нѣмцами по географіи, стали среднимъ между ними народомъ по языку).

Мы говоримъ все это къ тому, чтобы ослабить слишкомъ сильное расположеніе къ приписыванію коренного значенія расѣ народа въ его судьбѣ. Самъ Милль подаетъ поводъ сдѣлать такое замѣчаніе, довольно часто употребляя слово племя, какъ будто придавая важность физіологическимъ природнымъ особенностямъ организма разныхъ народовъ въ ихъ экономической судьбѣ. Подражая ему въ осторожности, мы не скажемъ, чтобы раса не имѣла ровно никакого значенія: развитіе естественныхъ и историческихъ наукъ не достигло еще такой точности анализа, чтобы можно было въ большей части случаевъ безусловно говорить: тутъ этого элемента абсолютно нѣтъ. Почему знать, быть можетъ въ этомъ стальномъ перѣ есть частицы платины; абсолютно отвергать этого нельзя; можно знать одно: по химическому анализу, въ составѣ этого пера оказывается такое количество частицъ, несомнѣнно не платино-

когда либо прежде (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ) и кормитъ его безъ періодически повторяющихся случаевъ голода, столь частыхъ въ прежней исторіи Европы и до сихъ поръ не рѣдкихъ въ восточныхъ странахъ, такъ что оно имѣетъ пищу всегда вѣрную. Много увеличившись количествомъ, пища много улучшилась качествомъ и разнообразіемъ; предметы удобства и роскоши уже не ограничиваются небольшимъ богатымъ классомъ, а проникаютъ въ большомъ изобиліи во многіе общественные слои, изъ которыхъ каждый слѣдующій шире предыдущаго. Совокупныя средства каждаго изъ этихъ обществъ обнаруживаютъ размѣръ невиданный прежде міромъ, когда выказываются для достиженія какой нибудь цѣли; каждое общество въ небывалыхъ прежде размѣрахъ можетъ содержать флоты и арміи, производить общественныя работы для украшенія или пользы, совершать національные акты благотворительности въ родѣ выкупа Вестъ-Индскихъ невольниковъ, основывать колоніи, давать образованіе своему населенію, словомъ сказать, дѣлать все, требующее издержекъ, и притомъ дѣлать все это, не отнимая предметовъ необходимости или существеннаго удобства у своего населенія.

По всѣмъ такимъ чертамъ, вообще характеризующимъ новыя промышленныя общества, очень эти общества различны между собою. Всѣ они изобилуютъ богатствомъ сравнительно съ прежними вѣками, но степень изобилія въ нихъ очень различна. Даже изъ тѣхъ странъ, которыя справедливо считаются богатѣйшими, одинъ больше другихъ воспользовались своими производительными средствами и получили пропорціонально своей территоріальной обширности большее количество продуктовъ. Кромѣ этого различія по количеству богатства, есть разница и по быстротѣ его возрастанія. Различіе въ распредѣленіи богатства еще больше, нежели въ его производствѣ. Положеніе бѣднѣйшаго класса въ разныхъ странахъ очень различно; также различны пропорціи числа и богатства классовъ, находящихся выше этого бѣднѣйшаго. Много разницы встрѣчаемъ даже въ характерѣ классовъ, между которыми первоначально дѣлятся продукты земли въ разныхъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ землевладѣльцы составляютъ особый классъ занимающихся промышленностью; въ другихъ мѣстахъ собственникъ земли почти

выхъ, что совершенно ничтожна часть, которая можетъ принадлежать платинѣ въ его составѣ; и если бы эта часть существовала, на нее нельзя обращать никакого вниманія съ практической точки зрѣнія. А кто судитъ по наружности, тотъ пожалуй приметъ перо за платиновое. Выбросьте изъ головы это предположеніе, если дѣло идетъ о практическомъ дѣйствованіи; поступайте съ этимъ перомъ, какъ надобно вообще поступать съ стальными перьями.

Точно также, не обращайте въ практическихъ дѣлахъ вниманія на расу людей, поступайте съ ними просто какъ съ людьми; дѣлайте то, что надобно дѣлать для удовлетворенія потребностямъ просто человѣческой природы и вы получите результаты, какихъ надобно ожидать отъ природы человѣка. Быть можетъ, раса народа имѣла нѣкоторое вліяніе на то, что извѣстный народъ находится нынѣ въ такомъ, а не въ иномъ состояніи; абсолютно нельзя отвергать этого, историческій анализъ еще не достигъ математической безусловной точности: послѣ него, какъ и послѣ нынѣшняго химическаго анализа, еще остается небольшой, очень небольшой *residium*, остатокъ, для котораго нужны болѣе тонкіе способы изслѣдованія, еще недоступные нынѣшнему состоянію науки; но этотъ остатокъ очень малъ. Въ образованіи нынѣшняго положенія каждаго народа такая громадная часть принадлежитъ дѣйствію обстоятельствъ, не зависящихъ отъ природныхъ племенныхъ качествъ, что если эти особенныя, различныя отъ общей человѣческой натуры качества и существуютъ, то для ихъ дѣйствія оставалось очень мало мѣста, неизмѣримо микроскопически мало мѣста. Человѣкъ, двое сутокъ не ѣвшій, съ жадностью бросается на пищу, — быть можетъ, онъ отъ природы обжора, но я объ этомъ не могу судить по факту, мною замѣчаемому: этотъ фактъ произведенъ двудневнымъ голодомъ, а не личными особенностями; я рѣшительно еще не знаю, отличается ли онъ по своей натурѣ отъ людей самыхъ воздержныхъ, и если вы, такъ же какъ и я, знающіе о немъ только одинъ этотъ фактъ, хотя зайдетесь объ обжорливой природѣ этого человѣка, я имѣю полное право остановить васъ словами: не клевещите.

всегда ея воздѣлыватель. владѣющій плугомъ, если не самъ ходящій за нимъ. Гдѣ собственникъ не самъ воздѣлываетъ землю, тамъ иногда есть между нимъ и работникомъ посредникъ, фермеръ, дѣлающій затраты на прокормленіе работниковъ, владѣющій орудіями производства и берущій себѣ, за уплатою ренты землевладѣльцу и жалованья работникамъ, весь продуктъ; въ другихъ мѣстахъ продуктъ дѣлится между землевладѣльцемъ, его наемными повѣренными и работниками. Мануфактурныя издѣлія также производятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ людьми работающими поодиночкѣ: они сами владѣютъ инструментами и машинами для нихъ нужными, или берутъ ихъ въ наймы, и употребляютъ на работу почти только тотъ трудъ, какимъ располагаетъ ихъ собственная семья. Въ другихъ случаяхъ производство ведется большимъ количествомъ людей, работающихъ вмѣстѣ, въ одномъ зданіи, при помощи дорогихъ и многосложныхъ машинъ, принадлежащихъ богатымъ мануфактуристамъ. Тоже самое различіе находится въ торговлѣ. Оптовыя операціи вездѣ ведутся большими капиталами, гдѣ существуютъ большіе капиталы: но розничная торговля, занимающая очень большую массу капитала, иногда ведется въ маленькихъ лавкахъ, почти только личными хлопотами самихъ торговцевъ съ ихъ семействами и развѣ еще какого нибудь одного ученика; иногда, напротивъ, ведется она въ обширныхъ заведеніяхъ, капиталъ которыхъ доставляется отдѣльнымъ богачемъ или цѣлой компаніей, и дѣло въ которыхъ производится многочисленными наемными прикащиками и прикащицами. Кромѣ этихъ различій въ экономическихъ феноменахъ по разнымъ частямъ такъ называемаго цивилизованнаго міра, разнообразіе увеличивается тѣмъ, что въ разныхъ частяхъ міра продолжаютъ до нашего времени существовать всѣ тѣ разныя экономическія состоянія, о которыхъ мы говорили прежде. Охотническія общества еще существуютъ въ Америкѣ, кочевыя въ Аравіи и въ степяхъ сѣверной Азіи; восточное общество въ существенныхъ чертахъ остается такимъ, какимъ всегда было: обширная Русская имперія до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ остается едва измѣненнымъ подобіемъ феодальной Европы. Всѣ великіе типы человѣческаго общества продолжаютъ существовать, понижаясь до эскимосскаго или патагонскаго общества.

Эти замѣчательныя различія въ состояніи различныхъ частей человѣческаго племени по отношеніямъ къ производству и распредѣленію богатства, должны подобно всѣмъ другимъ феноменамъ, зависѣть отъ причинъ. Приписывать ихъ исключительно различію въ степеняхъ знанія о законахъ природы и физическихъ житейскихъ искусствахъ было бы объясненіемъ недостаточнымъ. Тутъ есть также дѣйствіе многихъ другихъ причинъ; самый прогрессъ естественныхъ знаній и неровное ихъ распредѣленіе, будучи отчасти причинами, служатъ отчасти слѣдствіями состоянія, въ какомъ находится производство и распредѣленіе богатствъ.

На сколько экономическое состояніе націй зависитъ отъ положенія естественныхъ знаній, оно составляетъ предметъ естественныхъ наукъ и основанныхъ на нихъ искусствъ. Но на сколько оно зависитъ отъ причинъ нравственныхъ или психологическихъ, производимыхъ учрежденіями и общественными отношеніями или качествами человѣческой природы, изслѣдованіе о немъ принадлежитъ не естественной, а нравственной и общественной наукѣ и составляетъ предметъ того, что называется политическою экономіею.

Производство богатства, полученіе средствъ къ человѣческому существованію и удовольствію изъ матеріаловъ, представляемыхъ земнымъ шаромъ,—это, дѣло очевидно не зависящее отъ произвола. Оно имѣетъ свои необходимыя условія. Изъ этихъ усло-

вій нѣкоторыя принадлежатъ матеріальному міру, зависятъ отъ качествъ матеріи или, лучше сказать, отъ объема знанія объ этихъ качествахъ, принадлежащаго данному мѣсту и времени. Этихъ условій политическая экономія не изслѣдуетъ, а беретъ ихъ какъ готовый фактъ, объясненій котораго велитъ искать въ естественной наукѣ или ежедневномъ опытѣ. Соединяя съ этими фактами внѣшней природы другія истины, относящіяся къ человѣческой природѣ, она старается найти вторичные или производные законы, которыми опредѣляется производство богатства и въ которыхъ должно содержаться объясненіе различій богатства и бѣдности въ настоящемъ и прошедшемъ и должно лежать основаніе всему тому приращенію богатства, которое произойдетъ въ будущемъ.

Законы распредѣленія не безусловно изъяты отъ произвола: они отчасти создаются самими людьми, потому что способъ распредѣленія богатства въ данномъ обществѣ зависитъ отъ господствующихъ въ немъ постановленій и обычаевъ. Но если правительства или націи имѣютъ власть опредѣлять, какія должны существовать учрежденія, то они не могутъ произвольно опредѣлять, въ какомъ направленіи будутъ дѣйствовать эти учрежденія. Условія, отъ которыхъ зависитъ власть правительствъ или націй надъ распредѣленіемъ богатства, и вліяніе, оказываемое на его распредѣленіе разными системами дѣйствія, принимаемыми обществомъ, составляютъ точно такой же предметъ точнаго научнаго изслѣдованія, какъ физическіе законы природы.

Законы производства и распредѣленія и нѣкоторые изъ нихъ практическихъ послѣдствій составляютъ предметъ нашего трактата.

Если бы мы захотѣли теперь же изложить всѣ замѣчанія и дополненія, дѣлаемыя нашими учителями къ мыслямъ, находящимся въ этомъ введеніи, мы должны были бы написать здѣсь цѣлыя сотни страницъ, потому что предварительныя замѣчанія Милля касаются многихъ важнѣйшихъ вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ въ томъ или иномъ духѣ зависитъ характеръ всей системы, и нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ рѣшаются Миллемъ или неполно, или даже вовсе ошибочно. Но удобнѣе будетъ, не перерывая перевода слишкомъ длинными вставками съ первыхъ же страницъ, отложить до разныхъ спеціальныхъ главъ о томъ или другомъ предметѣ наши замѣчанія о немъ; а здѣсь обратить вниманіе лишь на тѣ понятія, которыя необходимо разъяснить до начала изслѣдованій о какомъ бы то ни было отдѣльномъ вопросѣ науки.

Прежде всего подумаемъ о первомъ словѣ, какое произноситъ Милль. Это слово „богатство“. Если хотите, рѣчь о предметѣ можно начинать съ какой угодно стороны предмета, въ какомъ бы духѣ ни хотѣли вы говорить о предметѣ. Но такіе случаи бываютъ лишь тогда, когда вы имѣете какое нибудь особенное намѣреніе, случайное, чуждое самому предмету. Если, напримѣръ, авторъ ищетъ популярности, онъ можетъ начать съ вопроса, занимающаго умы въ данную минуту, чтобы имъ приманить читателя. Онъ можетъ начать съ какого нибудь спорнаго вопроса, если излагаетъ предметъ въ полемическомъ тонѣ. Но никакихъ подобныхъ, случайныхъ и внѣшнихъ цѣлей нѣтъ у Милля. Онъ излагаетъ предметъ самымъ спокойнымъ, чисто ученымъ тономъ и не ищетъ эффектовъ для привлеченія публики,

полагаясь исключительно на внутреннее достоинство своихъ изслѣдованій. Въ такомъ случаѣ характеръ начала имѣетъ существенную важность для сужденія о книгѣ, потому что началомъ берется основное понятіе науки по мнѣнію автора: онъ начинаетъ тою идеею, которая въ самомъ дѣлѣ господствуетъ надъ всѣмъ его взглядомъ на науку, говоритъ прежде всего о томъ, что важнѣе всего.

Итакъ по теоріи, излагаемой Миллемъ, владычествуетъ надъ всѣмъ понятіе богатства, wealth. Это слово первое написано и основателемъ теоріи, Адамомъ Смитомъ. Когда вы берете первую и основную книгу этой школы, книгу Смита, вы читаете заглавіе „Опытъ о богатствѣ націй“, Essay on the wealth of Nations. Слово wealth на англійскомъ языкѣ имѣетъ тотъ же самый оттѣнокъ значенія, какъ у насъ слово „богатство“: это не благосостояніе, а именно богатство. Всмотримся ближе въ его смыслъ. Богатство — понятіе чисто относительное, въ немъ нѣтъ самостоятельной внутренней мѣрки для предмета, а есть только выводъ о превосходствѣ надъ другими сравниваемыми предметами. Человѣкъ терпитъ или не терпитъ нужду, благосостояленъ или неблагосостояленъ не по сравненію съ другими, а самъ по себѣ. Масштабъ тутъ дается природою человѣка, какъ дается онъ для понятій здоровья, правды, ума и другихъ положительныхъ качествъ и положеній. Сравнивайте съ кѣмъ угодно, или не сравнивайте ни съ кѣмъ сытаго человѣка, или человѣка, которому тепло, или человѣка, которому пріятно, вы все-таки скажете, что онъ сытъ, что ему тепло или пріятно. Признаніе его богатымъ—дѣло совершенно инаго рода. Владѣтель нѣсколькихъ тысячъ десятинъ хорошей земли—человѣкъ очень богатый по сравненію съ работникомъ, пашущимъ его землю; но онъ совершенно ничтожный бѣднякъ по сравненію съ Ротшильдомъ. Аѳины во время Перикла были государство очень богатое, т. е. по сравненію съ другими тогдашними греческими государствами; а по сравненію, не говоримъ уже съ Лондономъ, а хотя съ нынѣшнимъ Гамбургомъ, богатство Аѳинъ оказывается просто нищетой. Понятіе богатства есть нѣчто случайное, внѣшнее, относящееся своимъ смысломъ собственно не къ тому предмету, къ которому относится формою рѣчи, а къ постороннимъ предметамъ: своего содержанія въ немъ нѣтъ. Но, скажутъ намъ, наука даетъ ему свое опредѣленіе, смыслъ не сравнительный, не относительный, а прямой и положительный. Вотъ въ томъ то и дѣло, что, пріискавъ ему новый и въ сущности болѣе разумный смыслъ, она тотчасъ же начинаетъ запутываться въ этихъ двухъ смыслахъ и къ довершенію всего даже не замѣчаетъ, что пріисканный ею смыслъ существенно различенъ отъ разговорнаго. Милль, напримѣръ, прямо говоритъ, что каждый и безъ науки знаетъ, что такое понимается въ наукѣ подъ словомъ „богатство“; это каждому извѣстно изъ разговорнаго языка. Нѣтъ, изъ разговорнаго языка извѣстно вовсе не то. Наука понимаетъ подъ богатствомъ сумму вещей полезныхъ или пріятныхъ, имѣющихъ мѣновую цѣнность. Тутъ, какъ видимъ, дѣло состоитъ въ качествахъ вещей, а не въ ихъ количествѣ: когда ихъ много, богатство велико; когда ихъ очень мало, богатство очень мало, но оно все-таки богатство, какъ золото все-таки золото, хотя бы его была одна блестка, не стоющая гроша. Капитанъ Конѣй-

кинъ, имѣя ассигнаціонный банкъ изъ нѣсколькихъ синюгъ и серебра-мелочи, имѣлъ, по выраженію науки, богатство; но по мнѣнію компаніи, слушающей повѣсть о немъ, эти синюги составили бы богатство лишь тогда, еслибъ къ нимъ приложить тысячъ сорокъ.

Въ житейскомъ языкѣ богатство относится не къ качеству, а исключительно къ количеству вещей. Это понятія столь же различныя, какъ понятія о сытомъ и одаренномъ прожорливостью, какъ понятія о взрослomъ человѣкѣ и высокомъ человѣкѣ, какъ понятія о здоровьи и о богатырствѣ.

Школа Смита не замѣчаетъ этой двойственности, въ соотвѣтствіе съ которою черезъ всю теорію школы проходитъ раздвоеніе понятій и безпрестанное спутываніе одной системы воззрѣній, чисто научной, идущей къ корню вещей, съ другою системою, принадлежащею разговорному языку и поверхностному образу мыслей людей, не привыкшихъ къ отвлеченному мышленію.

Мы постепенно увидимъ, какъ проявляется эта раздвоенность воззрѣнія, эта спутанность несовмѣстныхъ между собою понятій по каждому частному вопросу въ Смитовской системѣ, какую односторонность, шаткость и непослѣдовательность производитъ она во всей Смитовской теоріи; а теперь покажемъ только ту шаткость, которая вносится въ направленіе Смитовской теоріи именно раздвоенностью понятія о богатствѣ, принимаемаго въ ней.

Если „богатство“ есть понятіе положительное, а не сравнительное, если словами „изслѣдованіе о способахъ и условіяхъ увеличенія богатства“ обозначается только изысканіе объ увеличеніи массы полезныхъ и пріятныхъ вещей, тутъ еще ничего не предопредѣляется о содержаніи законовъ, какіе должны быть найдены для распредѣленія богатства, наукѣ не ставится обязанностію непремѣнно доказать такую, а не иную мысль, наука сохраняетъ свою зависимость только отъ истины, не подчиняется какимъ нибудь напередъ составленнымъ гипотезамъ. Это понятіе научное, оно доставляетъ наукѣ роль приличную для нея.

Но если это научное понятіе смѣшивается съ другимъ, взятымъ безъ провѣрки изъ господствующихъ мнѣній, наука попадаетъ въ зависимость отъ напередъ составленныхъ предубѣжденій. Если богатство есть понятіе относительное, если „изслѣдованіе о способахъ и условіяхъ увеличенія богатства“ значитъ изысканіе объ увеличеніи числа богачей, людей превосходящихъ массу своихъ согражданъ количествомъ имущества, или объ увеличеніи богатства каждаго изъ этихъ людей, то есть, объ увеличеніи размѣра разницы между его имуществомъ и состояніемъ массы, этимъ уже предопредѣляется для науки, что она должна выставлять намъ за истину именно вотъ это, а не что нибудь иное, тутъ уже опредѣляется напередъ, что громадная разница между членами общества по имуществу есть нѣчто непремѣнное, неизбѣжное, безусловно-истинное.

Первое понятіе говоритъ наукѣ: ищи истину; второе уже напередъ прибавляетъ: доказывай необходимость и пользу неравенства. Это требованія совершенно разныя, несовмѣстныя, непримиримыя. Извѣстное мнѣніе можетъ быть справедливо или несправедливо, это еще неизвѣстно, пока оно не из-

слѣдовано наукою; но если бы даже и оказалось оно истиннымъ по изслѣдованію, то впередъ, прежде изслѣдованія налагать на науку обязанность непремѣнно подтвердить это мнѣніе значитъ приступать къ ней съ намѣреніями непригодными для науки, дѣлать ее служительницею не истины, а личныхъ нашихъ желаній или гипотезъ. Это не годится.

Мы увидимъ, что выводъ, къ которому приходитъ наука подъ вліяніемъ перваго, научнаго требованія, несовмѣстенъ съ выводомъ, который предписывается ей подтверждать вторымъ, ненаучнымъ требованіемъ. Формы распредѣленія, требуемыя понятіемъ о богатствѣ какъ о превосходствѣ однихъ надъ другими, несовмѣстны съ формами производства, проистекающими изъ понятія о богатствѣ, какъ о состояніи положительномъ, измѣряемомъ потребностями человѣка, а не превосходствомъ его по имуществу надъ другими. Смитовская теорія запутывается въ этомъ разнорѣчіи.

Чтобы избѣжать такой сбивчивости, мы должны помнить, что задача науки не разыскивать способъ къ увеличенію разницы между людьми или къ увеличенію числа людей, превосходящихъ массу, а просто искать условія, при которыхъ увеличивается количество полезныхъ вещей, принадлежащихъ людямъ. Если эту сумму полезныхъ вещей вамъ угодно назвать богатствомъ, вы можете говорить, что цѣль науки—изслѣдованіе законовъ богатства: но въ такомъ случаѣ вы должны уже помнить, что вы даете слову „богатство“ смыслъ совершенно различный отъ его смысла въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ; вы должны уже ежеминутно стеречь за самимъ собою, чтобы ваша мысль не измѣнила научному смыслу термина, не поддалась, позабывшись, разговорной рутинѣ.

Если же вамъ кажется, что это натянутое положеніе затруднительно и опасно, то надобно вмѣсто опредѣленія, подвергающаго ему, поискать другаго опредѣленія, которое не вело бы къ спутанности понятій, не давало бы словамъ натянутаго смысла, несогласнаго съ разговорнымъ, привычнымъ ихъ смысломъ. Если такъ, то яснѣе и точнѣе будетъ вмѣсто „политическая экономія есть наука о богатствѣ“ сказать:

Политическая экономія есть наука о матеріальномъ благосостояніи человѣка, на сколько оно зависитъ отъ вещей и положеній, производимыхъ трудомъ.

Это опредѣленіе гораздо сообразнѣе съ разъясненіями самого Милля, нежели то, при которомъ онъ остается по преданію.

Оно требуетъ развѣ одного только замѣчанія: обыкновенное опредѣленіе предмета политической экономіи въ Смитовской школѣ указываетъ на мѣновую цѣнность, какъ признакъ вещей, подлежащихъ изслѣдованію этой науки. Это ограниченіе предмета очень вѣрно, но оно заключается и въ принимаемомъ нами опредѣленіи, потому что мѣновая цѣнность собственно принадлежитъ только вещамъ, производимымъ трудомъ.

Отлагая до разныхъ главъ слѣдующихъ книгъ разныя объясненія о многихъ частныхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ „Предварительными замѣчаніями“, мы обратимъ теперь вниманіе на второй изъ главныхъ предметовъ, излагаемыхъ въ этомъ введеніи. Разъясненіе вопроса о томъ, что должно считаться богатствомъ, приводитъ Милля къ разоблаченію ошибочности

меркантильной системы. Все, что онъ говоритъ о ней, прекрасно, а сама меркантильная система дѣйствительно очень плоха. Но зачѣмъ онъ такъ торопится поразить эту нелѣпость? Развѣ она такъ вредна для Англіи, такъ господствуетъ надъ мнѣніями публики, для которой пишетъ Милль, что необходимо прежде всего убить этого страшнаго дракона, не впускающаго англичанъ въ святилище науки, входъ въ которое загражденъ его безобразнымъ тѣломъ? Вовсе нѣтъ. Англійская публика вся кричитъ теперь о нелѣпости меркантилизма; задолго до 1857 года, когда напечатано изданіе книги, по которому дѣлается нашъ переводъ, самая отсталая изъ политическихъ партій публично и искренно отреклась отъ меркантилизма устами д'Израили и Дерби. Меркантилизмъ теперь такъ же безопасенъ для Англіи, какъ для насъ какая нибудь удѣльная система или Батыева орда. Это врагъ умершій для Англіи, хранящійся тамъ только въ археологическихъ музеяхъ. Самъ Милль говоритъ, что при объясненіи меркантильной системы единственнымъ затрудненіемъ представляется вообразить, что подобная глупость могла нѣкогда приниматься за истину. Если такъ, зачѣмъ же давать такое передовое мѣсто разсужденію о безвредномъ археологическомъ вздорѣ? Это просто оттого, что такъ уже заведено со времени Адама Смита. Во время Адама Смита меркантильная теорія господствовала надъ умами, борьба съ нею была дѣломъ первой необходимости. Прошло восемьдесять лѣтъ, образъ мыслей публики совершенно измѣнился, ни у кого въ Англіи не осталось охоты защищать меркантильную систему, а политическая экономія продолжаетъ горячиться противъ врага, давно разсыпавшагося прахомъ, и ломиться въ дверь давно растворенную. Давать въ предисловіи къ политико-экономическому трактату, написанному для англійской публики, видное мѣсто разсужденію о меркантильной системѣ, значитъ рѣшительно тоже, что въ трактатѣ о русской исторіи, писанномъ для русской публики, тратить мѣсто на опроверженіе мнѣній Морошкина или Савельева-Ростиславича о славянскомъ происхожденіи франковъ и англо-саксовъ. Сто лѣтъ тому назадъ, во времена Тредьяковскаго и Сумарокова, русская публика дѣйствительно полагала, что славянскій языкъ отецъ всѣхъ языковъ и что всѣ народы происходятъ отъ славянъ, т. е. отъ русскихъ, и даже собственно отъ жителей Москвы; тогда дѣйствительно было нужно жарко и подробно опровергать эту дикую фантазію. Но что за охота, что за польза убиваться теперь спорами противъ нея?

Это все мы говоримъ потому, что съ первыхъ же страницъ каждой книги Смитовской системы вѣетъ чѣмъ то, быть можетъ и очень хорошимъ, но совершенно затхлымъ. Передъ вами какъ будто происходитъ Куликовская битва или состязаніе Ломоносова съ Миллеромъ; спора нѣтъ, Дмитрій Донской былъ великій человѣкъ, подобно Александру Македонскому, но вѣдь это археологія, а не современность.

Но какъ, по выраженію Милля, есть нѣкоторое дѣйствительное основаніе даже для нелѣпой меркантильной теоріи, потому что, по его же справедливому выраженію, каждый фактъ, каждое мнѣніе имѣютъ какое нибудь основаніе, такъ и для допотопной борьбы своей съ меркантильною системою Смитовская теорія имѣетъ дѣйствительное основаніе. Жаль только,

что надобно и объ этомъ дѣлѣ повторить слова Милля о самой меркантильной системѣ: основаніе хотя и существуетъ, но очень не удовлетворительное; надобно даже сказать, что это основаніе компрометируетъ систему Смитовской школы. Если мы сами окончательно раздѣлались внутри себя съ какимъ нибудь заблужденіемъ, мы уже говоримъ о немъ лишь тогда, когда встрѣчаемся съ людьми, надъ которыми оно господствуетъ; если же мы толкуемъ о предметѣ, не разбирая того, интересенъ ли онъ для нашихъ собесѣдниковъ, нужно ли разоблачать передъ ними заблужденіе или они сами давно поняли его ошибочность и убѣждать намъ некого, потому что всѣ убѣждены, — словомъ сказать, если мы страдаемъ, по выраженію Щедрина, духомъ словоизверженія по какому нибудь вопросу, это просто значитъ, что мы сами еще не отдѣлались окончательно отъ заблужденія. ратованіе противъ котораго такъ занимательно для насъ. Дѣйствительно, таково до сихъ поръ отношеніе Смитовской теоріи къ меркантильной системѣ: она страдаетъ сама меркантильнымъ недугомъ, засѣвшимъ въ ея костяхъ. Издали она кажется какъ будто чиста, но всмотритесь поближе и вы увидите, что ей нужно проглотить еще очень много меркурія для выздоровленія. А быть можетъ, ея силы уже и не вынесутъ такихъ сильныхъ пріемовъ и она должна скончаться отъ наслѣдственныхъ язвъ, которыя открыто красовались на лицѣ меркантильной системы, но ушли внутрь въ теоріи Смита.

Въ чемъ сущность, вредная и нелѣпая сущность меркантильной доктрины? Она придаетъ слишкомъ большую важность деньгамъ, какъ средству обмѣна. Посмотрите же на теорію Смита: она придаетъ такую же чрезвычайную и исключительную важность самому обмѣну. Обмѣнъ въ ней, какъ будто нѣчто самостоятельное, какъ будто нѣчто, составляющее конечную цѣль всѣхъ заботъ производителя, владычествуетъ и надъ производствомъ и надъ распредѣленіемъ. При такомъ размѣщеніи понятій, деньги и кредитъ, ихъ замѣняющій, натурально должны занимать чрезвычайно важное мѣсто въ Смитовской теоріи. Очень многими писателями вся она сводится почти исключительно въ теорію денежныхъ и кредитныхъ оборотовъ. Милль избѣгаетъ такой узкости, господствующей у французскихъ экономистовъ, у него существенно важнымъ элементамъ науки посвящено гораздо больше вниманія; но и у него, какъ увидимъ, коренной смыслъ дѣла безпрестанно затемняется впутываніемъ пріемовъ, чисто меркантильныхъ по духу, и онъ также очень часто останавливается на второстепенныхъ, производныхъ наружныхъ явленіяхъ, не углубляясь до основныхъ фактовъ. А между тѣмъ, самъ же онъ доказываетъ, что деньги ровно ничего не должны значить въ теоріи производства и распредѣленія, что самый кредитъ, когда служитъ просто представителемъ денегъ, не очень важенъ. Съ нимъ, пожалуй, готовы согласиться въ этомъ всѣ экономисты: они признаются, что если бы при усилившейся дѣятельности обмѣна не было никакихъ кредитныхъ знаковъ, дѣло пошло бы почти совершенно въ томъ же размѣрѣ просто посредствомъ ускоренія въ обращеніи денегъ. А что деньги ничего не значатъ въ національномъ хозяйствѣ, это они всѣ очень усердно доказываютъ.

Зачѣмъ же въ однихъ частяхъ теоріи придается огромная важность

такимъ элементамъ, неважность которыхъ доказывается въ другихъ частяхъ той же теоріи? Откуда это внутреннее разнорѣчіе? И зачѣмъ во всѣхъ частяхъ теоріи безпрестанно впутываются соображенія, основанныя на великомъ значеніи денегъ и нынѣшняго кредита, ограничивающагося ролью представителя денегъ? Зачѣмъ эти непослѣдовательныя соображенія затемняютъ коренную сущность дѣлъ? Все это наслѣдство меркантильной теоріи, или, лучше сказать, все это отростки того же корня, изъ котораго нѣкогда выростала она: въ предметѣ, гдѣ все зависитъ отъ разсчета, Смитовская теорія, подобно меркантильной, забываетъ довести счетъ до конца, прекращаетъ счетъ на половинѣ его, какъ меркантильная теорія прекращала на первой строкѣ; она подвигается нѣсколькими строками дальше, потому подходитъ нѣсколько ближе къ истинному выводу, отъ котораго была неизмѣримо далека меркантильная система; но все-таки до настоящаго баланса не всегда умѣетъ досчитаться. Меркантильная система останавливалась на фактѣ заграничной торговли; Смитовская теорія идетъ нѣсколько глубже и находитъ, что заграничная торговля только часть обмѣна вообще. Но собственно на этомъ она и останавливается: о фактѣ, который лежитъ въ основѣ всего, о производствѣ, она говоритъ много превосходнаго, но отвращается отъ разсчета отношеній между коренными элементами его: человѣческими потребностями, количествомъ рабочихъ силъ и количествомъ времени, на которое запасено продовольствіе. Оттого, что она не держится твердо этого окончательнаго баланса, все прекрасное, что говоритъ она о производствѣ, пропадаетъ безплодно, и теорія распредѣленія выходитъ въ ней не результатомъ строгаго научнаго анализа, а просто изложеніемъ довольно безобразной рутины, матеріальнымъ основаніемъ которой служитъ фактъ завоеванія, до нынѣ владычествующаго своими послѣдствіями надъ экономическою сферою того положенія вещей, нравственною поддержкою которому служитъ невѣжество массы; а надъ всѣмъ этимъ возвышается понятіе обмѣна, будто живительнаго начала, безъ котораго не было бы возможно почти никакое производство.

Въ двухъ первыхъ отдѣлахъ предисловія Милля, о понятіи богатства и о меркантильной системѣ, выказались намъ признаки двухъ качествъ Смитовской теоріи: во-первыхъ, признаки раздвоенности понятій, шаткости, непослѣдовательности ихъ; во-вторыхъ, признаки рутинности ихъ; третій отдѣлъ, исторія экономическаго развитія обществъ, заключаетъ въ себѣ мѣста обнаруживающія третье качество этой теоріи, служащее опорою для первыхъ двухъ качествъ. Очеркъ экономической исторіи сдѣланъ у Милля мастерски. Исторія идетъ медленно, быть можетъ, но все таки идетъ впередъ, и съ появленія средняго сословія, съ возникновенія средневѣковыхъ городовъ, прогрессъ былъ непрерывенъ. Теперь и пища лучше, чѣмъ прежде, и другіе предметы удобства или даже роскоши становятся достояніемъ все большей и большей пропорціи членовъ общества. Превосходно. Въ этомъ общій смыслъ историческаго очерка, представляемаго Миллемъ. Прекрасно; жаль только, что впечатлѣніе нѣсколькихъ страницъ разрушается двумя несчастными строками, попадающимися на первой изъ нихъ. Сказавъ, что состояніе дикаго общества, не имѣющаго ни жилищъ, ни запасовъ пищи,

есть состояніе величайшей бѣдности, какая только извѣстна намъ по исторіи, Милль прибавляетъ: но „въ обществахъ гораздо богатѣйшихъ, есть классы, находящіеся въ состояніи столь же незавидномъ, какъ эти дикари“, несравненно бѣднѣйшіе всякихъ эскимосовъ, якутовъ, и готтентотовъ. Что жъ это такое? Съ чѣмъ это сообразно? Какъ это возможно? Не знаемъ; повидимому, это ни съ чѣмъ несообразно; повидимому, это должно бы было быть невозможно. Но это дѣйствительно такъ.

Этими двумя строками портится все дѣло. Исторія экономическаго развитія портится фактомъ, о которомъ онѣ говорятъ. А еще хуже для теоріи, предисловіе къ которой мы видѣли, то, что изъ двадцати страницъ она посвятила этому факту ровно двѣ съ половиною строки. Больше этого не стоитъ, видно, говорить о немъ: видно, что онъ не важенъ, не занимателенъ, да и больше сказать о немъ нечего, какъ мимоходомъ упомянуть о немъ: нѣтъ, видно, никакихъ особенныхъ средствъ помочь ему; довольно въ двухъ строкахъ сказать, что есть вотъ какой фактъ, выразить сожалѣніе о немъ и заняться другими предметами, болѣе важными.

Въ такомъ равнодушіи виноватъ не Милль: нѣтъ, онъ еще гораздо лучше всѣхъ другихъ послѣдователей Смитовской школы. Виновата теорія этой школы, построенная такъ, что въ ней нѣтъ мѣста для факта, ставшаго теперь повсюду главнымъ двигателемъ исторіи. Сто лѣтъ тому назадъ, когда она строилась, масса населенія, отъ него страдающая, еще не имѣла твердой мысли о возможности измѣнить свое положеніе. Кто не предъявляетъ своихъ требованій, о томъ никто не заботится. Средній классъ, которому принадлежитъ Смитовская теорія, думалъ тогда, что простолюдину ничего особеннаго не нужно, что полнымъ счастіемъ для народа будетъ то, когда ему, среднему классу, удастся осуществить свои требованія.

Теперь оказалось иное; простолюдины находятъ, что для прочнаго улучшенія ихъ состоянія нужны вещи, которыя не нужны среднему сословію, которыя во многомъ даже несовмѣстны съ выгодами средняго сословія. Оно испугалось этихъ новыхъ требованій; борясь противъ нихъ въ жизни, оно старается опровергнуть ихъ въ теоріи. Если это не измѣнится, если теорія, созданная среднимъ сословіемъ, не будетъ перестроена сообразно потребностямъ новаго, простонароднаго элемента жизни и мысли, она будетъ отвергнута прогрессомъ, уже начавшимъ быть во враждѣ съ нею. Но рѣчь объ этомъ будетъ у насъ впослѣдствіи, а теперь обратимся опять къ переводу Милля.

КНИГА I.

ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА I.

Элементы производства.

1. Производство имѣетъ два элемента: трудъ и пригодные для него предметы, даваемые природою. Трудъ бываетъ физическій и умственный, или, выражая эту разницу точнѣе, мускульный и нервный, и понятіе труда необходимо должно обнимать не только самую дѣятельность, но и всякое физическое или умственное обремененіе или стѣсненіе, вообще всѣ непріятныя ощущенія, соединенныя съ употребленіемъ мысли или мускуловъ на извѣстное занятіе. О другомъ элементѣ—пригодныхъ предметахъ, даваемыхъ природою, надобно замѣтить, что сама природа имѣетъ или производитъ нѣкоторые предметы, пригодные для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ. Въ природѣ есть пещеры и дупла, могущія служить кровомъ; плоды, коренья, дикій медъ и другія естественныя произведенія, могущія питать человѣка. Но и тутъ вообще нужно значительное количество труда, чтобы найти и присвоить эти предметы, которые создаются сами собою. Только въ немногихъ и неважныхъ случаяхъ, имѣющихъ нѣкоторое значеніе развѣ при самомъ началѣ человѣческихъ обществъ, предметы, доставляемые самою природою, не нуждаются въ переработкѣ; но вообще они, чтобы служить для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ, должны подвергаться нѣкоторому преобразованію дѣятельностью человѣка. Трудъ, предметами котораго служатъ дикія животныя и рыбы, доставляющія пропитаніе охотничьимъ и рыболовнымъ племенамъ, главнымъ образомъ состоитъ только въ томъ, чтобы овладѣть ими; но кромѣ того нужно, чтобы обратить ихъ въ пищу, убить ихъ, разрѣзать на куски, и почти всегда сварить или изжарить; это дѣйствія, требующія нѣкотораго труда. Отъ такой или еще меньшей степени передѣлки въ качествахъ и видѣ предмета преобразованіе, которому подвергаются естественные предметы для пригодности къ удовлетворенію человѣческихъ нуждъ, доходитъ по разнымъ степенямъ до такой полной переформировки, что не остается замѣтно никакого слѣда отъ первоначальнаго вида и организаціи предмета. Кусокъ руды, находимой въ землѣ, нимало не походитъ на плугъ, топоръ, пилу. Фарфоръ не похожъ на вывѣтрившійся гранитъ, изъ котораго дѣлается, стекло не походитъ на смѣсь песка съ поташемъ. Еще больше разница между овечьимъ руномъ или горстью хлопчато-бумажнаго

зерна и каленкоромъ или сукномъ. Да и сама овца, само хлопчато-бумажное зерно производятся не одною природою, а составляютъ результаты человѣческаго ухода за ними. Во всѣхъ этихъ случаяхъ окончательный продуктъ до такой степени различенъ отъ вещества, доставляемаго природою, что въ обычной рѣчи природа считается только доставительницею матеріала для труда.

Но она доставляетъ труду не одинъ матеріалъ,—она доставляетъ ему и силы. Матерія, находящаяся на земномъ шарѣ, не бездѣятельно принимаетъ формы и качества, придаваемыя ей человѣческими руками. Она имѣетъ сама дѣятельныя силы, которыя соучаствуютъ въ трудѣ и могутъ даже быть употребляемы на замѣну его. Сначала люди обращали хлѣбъ въ муку, разбивая зерно между двухъ камней; потомъ они придумали способъ вертѣть одинъ камень на другомъ посредствомъ рукоятки; этотъ способъ, въ нѣсколько усовершенствованномъ видѣ, до сихъ поръ господствуетъ на Востокѣ. Но мускульная дѣятельность, требуемая имъ, очень тяжела, изнурительна до такой степени, что эта работа часто служила наказаніемъ невольникамъ, разгнѣвавшимъ своихъ господъ. Пришло время, когда поняли, что разсчетъ требуетъ сократить трудъ и страданія невольниковъ; тогда нашли возможность сложить съ нихъ большую часть этой физической работы, придумавъ способъ, чтобъ верхній камень вертѣлся на нижнемъ не усиліями человѣка, а силою вѣтра или ниспадающей воды. Такимъ образомъ, человѣкъ заставилъ силы природы, вѣтеръ или тяжесть воды, исполнять часть дѣла, прежде совершавшагося трудомъ.

2. Подобные случаи, въ которыхъ человѣкъ избавился отъ извѣстной доли труда, сложивъ дѣло на какую нибудь силу природы, могутъ возбуждать ошибочное мнѣніе о о сравнительномъ участіи труда и силъ природы въ производствѣ: можно думать, будто бы соучастіе силъ природы въ человѣческой промышленности ограничивается тѣми случаями, въ которыхъ онѣ заставлены исполнить то, что безъ нихъ дѣлалось бы трудомъ, будто въ такъ называемыхъ ручныхъ издѣліяхъ природою доставленъ только пассивный матеріалъ. Это иллюзія. Силы природы и тутъ участвуютъ дѣятельнымъ, а не пассивнымъ образомъ. Работникъ беретъ стебель льна или пеньки, раздѣляетъ его на волокна, свиваетъ пальцами нѣсколько такихъ волоконъ при помощи простого орудія, называемаго веретеномъ. Надѣлавъ такимъ образомъ нитокъ, онъ кладетъ рядомъ множество ихъ и всовываетъ поперекъ ихъ другія такія же нитки, такъ чтобы каждая поперечная шла поочередно сверху одной и снизу другой продольной; эта часть дѣла облегчается орудіемъ, которое называется челнокомъ. Вотъ работникъ произвелъ ткань, льняную или пеньковую, смотря по матеріалу. Говорятъ, что онъ выдѣлалъ ее руками и предполагается, что никакая сила природы не содѣйствовала ему. Но какая же сила дѣлала возможнымъ каждый процессъ этой выдѣлки и сдерживаетъ выдѣланную ткань въ цѣлости? Это дѣлается крѣпостью волоконъ, то есть силою притяженія ихъ частицъ; а это одна изъ силъ природы и мы можемъ въ точности измѣрять ея энергію сравнительно съ другими механическими силами, чтобы узнать, какое количество каждой изъ нихъ нужно для нейтрализированія или уравновѣшенія этой силы сцѣпленія.

Разсматривая какой угодно другой случай такъ называемаго дѣйствія человѣка на природу, мы также найдемъ, что силы природы или иначе сказать, качества матеріи исполняютъ все дѣло, лишь только предметы приведены въ нужное положеніе. Только эта операція,—помѣщеніе вещей въ такое положеніе, чтобы онѣ измѣнялись по нашей надобности своими внутренними силами и силами, лежащими въ другихъ предметахъ

природы, — производится надъ матеріею человѣкомъ, и больше этого онъ не можетъ ничего дѣлать. Онъ только придвигаетъ одну вещь къ другой. Онъ вдвигаетъ зерно въ землю, и естественныя растительныя силы постепенно производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плодъ. Онъ продвигаетъ топоръ черезъ дерево, и оно падаетъ естественною силою тяжести; онъ особеннымъ манеромъ продвигаетъ черезъ него пилу, и оно раздѣляется на доски по физическимъ силамъ, заставляющимъ болѣе мягкую вещь вытѣсняться отъ напора болѣе твердой; онъ располагаетъ эти доски въ извѣстномъ порядкѣ, продвигаетъ сквозь нихъ гвозди или кладетъ между ними склеивающую матерію и производитъ столъ или стѣну. Онъ придвигаетъ частичку огня къ топливу, и оно загорается, силою горѣнія варитъ пищу, спаиваетъ или размягчаетъ желѣзо, обращаетъ въ пиво и сахаръ солодъ и тростниковый сокъ, когда онъ придвинетъ къ огню эти вещи. Онъ имѣетъ только одно средство дѣйствовать на матерію, это средство — двигать ее. Движеніе и сопротивленіе движенію — вотъ единственныя вещи, для которыхъ годятся его мускулы. Сжатіемъ мускуловъ онъ можетъ производить давленіе на внѣшній предметъ; если оно довольно сильно, оно приводитъ предметъ въ движеніе, а если онъ уже двигался, то замедляетъ, или измѣняетъ, или вовсе останавливаетъ движеніе: кромѣ этого человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать. Но этого довольно для доставленія людямъ всей той власти, которую они пріобрѣли надъ силами природы, неизмѣримо сильнѣйшими самихъ людей, — той власти, которая велика уже и теперь, но безъ сомнѣнія должна съ теченіемъ времени увеличиваться до размѣровъ, которымъ нельзя опредѣлить границъ. Человѣкъ обнаруживаетъ эту власть, или пользуясь уже существующими естественными силами, или приводя предметы въ такія смѣшенія и соединенія, которыми пораждаются естественныя силы; напримѣръ, прикладывая зажженную спичку къ топливу и вливая воду въ находящійся надъ топливомъ котелъ, онъ пораждаетъ силу расширенія пара, которою въ такомъ обширномъ размѣрѣ воспользовался для достиженія своихъ цѣлей.

Итакъ въ матеріальномъ мірѣ трудъ всегда исключительно употребляется на то, чтобы приводить предметы въ движеніе; остальное дѣлается качествами матеріи, законами природы. Искусство и изобрѣтательность людей направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы находить такія удобоисполнимыя человѣческими силами движенія, которыя производили бы желаемые людьми результаты. Но если движеніе единственный результатъ, который можетъ непосредственно и прямо производиться человѣческими мускулами, то нѣтъ человѣку необходимости прямо производить своими мускулами всѣ движенія, какія ему нужно. Первою и самою простою замѣною дѣйствія человѣческихъ мускуловъ служитъ дѣйствіе мускуловъ животныхъ. Постепенно человѣкъ заставляетъ помогать ему неодушевленную природу, напримѣръ, вѣтеръ или воду, вещи уже находящіяся въ движеніи, сообщать часть этого движенія колесамъ, которыя прежде такого изобрѣтенія были ворочаемы силою мускуловъ. Эта услуга вынуждается у силъ вѣтра и воды рядомъ дѣйствій, состоящихъ также въ томъ, что человѣкъ вдвигаетъ извѣстные предметы въ извѣстныя положенія, въ которыхъ они составляютъ то, что называется машиною. Но дѣйствіе мускуловъ, нужное для этого, не продолжается непрерывно, а совершается разъ навсегда, и такимъ образомъ въ суммѣ получается большое сбереженіе труда.

3. Нѣкоторые писатели поднимали вопросъ о томъ, въ какой степени помогаетъ труду природа въ разныхъ отрасляхъ промышленности, и говорили, что въ нѣкоторыхъ производствахъ наибольшая часть дѣла совершается трудомъ, въ другихъ природою.

Надобно думать, что это мнѣніе просто слѣдствіе неясности понятій. Участіе природы въ каждой человѣческой работѣ непзмѣримо и несоизмѣримо. Невозможно сказать, что въ одномъ дѣлѣ природа участвуетъ больше, нежели въ другомъ; нельзя даже сказать этого и о трудѣ. Можетъ быть, что одно дѣло требуетъ меньшаго количества труда чѣмъ другое; но если требуемое количество безусловно необходимо, то результатъ—на столько же произведеніе труда, на сколько и природы. Если два элемента равно необходимы для произведенія результата, нельзя говорить, что такая-то часть его произведена однимъ элементомъ, а такая-то другимъ; это все равно, что пытаться рѣшить, которая изъ двухъ половинъ ножницъ болѣе участвуетъ въ разрѣзываніи, или какой изъ двухъ факторовъ, 5 и 6, болѣе участвуетъ въ произведеніи цифры 30. Эта странная фантазія обыкновенно является въ формѣ предположенія, что природа даетъ болѣе помощи человѣку въ земледѣліи, нежели въ фабричномъ дѣлѣ; такое заблужденіе существовало у французскихъ экономистовъ (физіократовъ), и отъ него не былъ свободенъ Адамъ Смитъ; оно возникало изъ ошибочнаго понятія о характерѣ ренты. Рента—цѣна платимая за пользованіе содѣйствіемъ природы, и въ фабричной промышленности нѣтъ такой платы; поэтому экономисты (физіократы) говорятъ, будто плата за силы природы въ земледѣліи существуетъ потому, что количество службы, отправляемой природою, въ земледѣліи больше, нежели въ фабричномъ производствѣ; но точнѣйшее изслѣдованіе предмета показало, что причина платы за пользованіе землею заключается просто въ ограниченности количества земли: если бы воздухъ, теплота, электричество, химическіе агенты и другія силы природы, употребляемыя фабрикантами, существовали только въ ограниченномъ количествѣ и подобно землѣ могли быть обращаемы въ собственность, то можно было бы брать ренту и за нихъ.

4. Это ведетъ насъ къ подраздѣленію, имѣющему, какъ мы увидимъ, первостепенную важность. Количество однѣхъ силъ природы ограниченно, другихъ неограниченно. Подъ неограниченностью количества понимается, конечно, не безусловная, а практическая неограниченность, понимается то, что существующее количество больше того, какое мы можемъ обратить въ дѣло когда-нибудь или, по крайней мѣрѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ. Количество земли въ нѣкоторыхъ новозаселяемыхъ земляхъ практически неограниченно: оно больше того, сколько можетъ понадобиться существующему населенію и нѣсколькимъ слѣдующимъ поколѣніямъ, какъ бы ни возрастали они въ числѣ. Но даже и въ этихъ странахъ вообще ограниченно количество земли, имѣющей благопріятное положеніе относительно рынковъ или путей сообщенія; этой земли не столько, сколько хотѣли бы занять и воздѣлывать или обратить на какое-нибудь другое употребленіе люди. Во всѣхъ старыхъ странахъ земля, удобная для воздѣлыванія, или, по крайней мѣрѣ, земля нѣсколько плодородная принадлежитъ къ естественнымъ предметамъ, ограниченнымъ въ своемъ количествѣ. На берегахъ рѣкъ и озеръ вода для обыкновенныхъ надобностей существуетъ въ неограниченномъ изобиліи. Но если она требуется для орошенія, количество ея даже въ этихъ мѣстахъ можетъ оказываться недостаточнымъ для удовлетворенія всей надобности, а въ тѣхъ мѣстахъ, на потребленіе которыхъ вода доставляется цистернами или небольшими колодезями, особенно такими, которые подвергаются убыли, она входитъ въ число вещей, количество которыхъ ограниченно тѣснѣйшимъ образомъ. Тамъ, гдѣ сама вода въ изобиліи, можетъ быть ограничена сила воды, т. е. ея паденіе, примѣнимое къ механическому употребленію въ промышленности; этой силы можетъ быть гораздо меньше количества, какимъ воспользовались бы люди, еслибъ она была изобильнѣе. Каменный уголь, руды и другія полез-

ныя вещества, находимыя въ землѣ, существуютъ въ количествѣ еще болѣе ограниченномъ, чѣмъ земля. Они встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и запасы ихъ могутъ быть истощены, хотя въ данномъ мѣстѣ и въ данное время они могутъ находиться въ такомъ изобиліи, что мѣстное населеніе не могло бы нынѣ употребить въ дѣло всего запаса ихъ, хотя бы они могли получаться даромъ. Морскія рыбныя ловли почти всегда составляютъ даръ природы, практически неограниченный въ своемъ количествѣ. Но китовая ловля въ сѣверныхъ моряхъ давно стала недостаточна для удовлетворенія запроса, существующаго даже при значительной цѣнѣ продукта, необходимой для покрытія издержекъ ловли; и громадное развитіе китовой ловли въ южныхъ моряхъ, бывшее слѣдствіемъ ея истощенія на сѣверѣ, должно также истощить ихъ и на югѣ. Рѣчная рыба— продуктъ, даваемый природою въ очень ограниченномъ объемѣ; онъ былъ бы истощенъ быстро, если бы каждому безъ всякаго ограниченія позволено было пользоваться имъ. Воздухъ, даже въ томъ состояніи, которое называется вѣтромъ, получается почти на всѣхъ мѣстностяхъ въ количествѣ достаточномъ для всевозможныхъ цѣлей; также неограниченна возможность водяной перевозки на морскомъ берегу и на большихъ рѣкахъ; но пространство гаваней или пристаней, нужныхъ для этого способа перевозки, во многихъ мѣстностяхъ гораздо меньше того, какимъ бы можно было воспользоваться, еслибъ оно легко пріобрѣталось.

Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ сильна зависимость общественной экономіи отъ того факта, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ орудій производства, даваемыхъ природою, и въ особенности земля, существуютъ только въ ограниченномъ количествѣ. Теперь я замѣчу лишь то, что пока количество естественнаго продукта или орудія производства практически неограниченно, этотъ предметъ, если не можетъ подвергаться искусственной монополіи, не можетъ имѣть никакой рыночной цѣнности, потому что никто ничего не дастъ за вещь, которую можно получить даромъ. Но какъ скоро ограниченіе становится практически возможнымъ или замѣтнымъ, когда нѣтъ извѣстной вещи въ такомъ количествѣ, въ какомъ захотѣли бы пользоваться ею за-даромъ, право собственности или пользованія этимъ естественнымъ продуктомъ или орудіемъ производства пріобрѣтаетъ мѣновую цѣнность. Когда въ извѣстномъ округѣ нужно больше водяной силы, чѣмъ сколько доставляютъ ея потоки или водопады, люди станутъ платить извѣстную цѣну за пользованіе этою силою. Если требуется обработка такого количества земли, какого нѣтъ въ данномъ мѣстѣ, или, точнѣе говоря, если нѣтъ въ немъ нужнаго количества земли извѣстнаго качества, пользующейся извѣстными выгодами положенія, земля этого качества, находящаяся въ этомъ положеніи, будетъ продаваться за извѣстную цѣну или отдаваться въ наймы за извѣстную ренту. Этотъ предметъ будетъ впослѣдствіи изложенъ нами подробнѣе; но часто бываетъ нужно впередъ сдѣлать краткое замѣчаніе о принципахъ и выводахъ, которые вполнѣ можно изложить только въ дальнѣйшей части труда [7]).

ГЛАВА II.

Трудъ, какъ дѣятель производства.

1. Трудъ, кончающійся производства предметомъ, годнаго на что нибудь человѣку, употребляется или прямо на эту вещь, или на приготовительные процессы. Напримѣръ,

[7]) Замѣчанія къ этой и слѣдующимъ двумъ главамъ будутъ помѣщены вмѣстѣ, въ концѣ третьей главы.

при изготовленіи хлѣба, служащаго для пищи, трудомъ прямо обращеннымъ на это дѣло надобно назвать трудъ человѣка, пекущаго хлѣбъ; но трудъ мельника также составляетъ часть общей суммы труда, производящаго печеный хлѣбъ, хотя прямо обращенъ на производство не этого хлѣба, а только еще муки; тоже надобно сказать о трудѣ человѣка, сѣявшаго хлѣбъ, и трудѣ жнеца. Могутъ замѣтить, что всѣ эти люди должны считаться употребляющими свой трудъ прямо на изготовленіе хлѣба, который мы ѣдимъ, потому что хлѣбъ въ зернѣ, мука и печеный хлѣбъ — одно и тоже вещество въ трехъ разныхъ состояніяхъ. Не споря объ этомъ вопросѣ, относящемся только къ формѣ выраженія, мы замѣтимъ, что кромѣ этихъ людей есть еще кузнецъ, дѣлавшій плугъ: онъ участвовалъ въ результатѣ еще отдаленнѣйшимъ способомъ. Всѣ эти люди вознагражденіе за свой трудъ получаютъ окончательнымъ образомъ изъ выпеченнаго хлѣба или цѣны его; кузнецъ, дѣлавшій плугъ, также получаетъ свое вознагражденіе изъ него, потому что плуги не годятся ни къ чему, кромѣ паханія земли, и никто не сталъ бы дѣлать или употреблять ихъ, если бы увеличеніе въ количествѣ продукта, доставляемаго землею при помощи плуга, не давало источника для должнаго вознагражденія за трудъ кузнеца, дѣлавшаго плугъ. Если продуктъ потребляется въ формѣ выпеченнаго хлѣба, вознагражденіе кузнецу должно получаться изъ этого хлѣба, который долженъ вообще вознаградить всѣхъ людей, нами перечисленныхъ, и кромѣ того множество другихъ людей: напримѣръ, вознаградить плотниковъ и каменьщиковъ, строившихъ ферму; людей дѣлавшихъ изгороди и копавшихъ канавы для огражденія нивы; рудокоповъ и заводскихъ работниковъ, вынимавшихъ изъ земли руду и приготовлявшихъ изъ нея желѣзо, которое пошло на плугъ и другіе земледѣльческіе инструменты. Но эти люди и кузнецъ, ковавшій плугъ, получаютъ свое вознагражденіе не изъ того количества хлѣба, какое дается одною жатвою, а изъ того, какое дается всѣми жатвами, которыя будутъ собираться, пока испортится плугъ, обветшаютъ зданія и засыплятся канавы. Мы должны прибавить еще иной родъ труда, трудъ на перевозку продукта съ мѣста его производства до мѣста его потребленія, трудъ перевозки хлѣба въ зернѣ на рынокъ, съ рынка на мельницу, потомъ трудъ перевозки муки съ мельницы въ пекарню, и печенаго хлѣба съ пекарни на мѣсто его окончательнаго потребленія. Количество этого труда иногда очень велико: мука привозится въ Англію изъза Атлантическаго океана, хлѣбъ въ зернѣ изъ глубины Россіи. Непосредственно трудятся надъ этимъ дѣломъ матросы и люди, занимающіеся извозомъ; кромѣ того тутъ надобно считать дорогія орудія, напримѣръ, корабли, на построеніе которыхъ было потрачено много труда; но этотъ трудъ не все свое вознагражденіе, а только часть его долженъ получать изъ хлѣба, потому что корабль, существующій много лѣтъ, употребляется обыкновенно на перевозку не одного хлѣба, а множества различныхъ товаровъ.

Такимъ образомъ вычислить трудъ, результатомъ котораго является извѣстный продуктъ, дѣло далеко не простое. Цифры, входящія въ разсчетъ, очень многочисленны, могутъ даже казаться безконечно многочисленными: если частью труда, употребленнаго на производство хлѣба, мы должны считать трудъ кузнеца, сдѣлавшаго плугъ, то почему же не считать и трудъ, употребленный на изготовленіе инструментовъ, которыми работаетъ кузнецъ, и инструментовъ, употребленныхъ на выдѣлку этихъ инструментовъ, и такъ далѣе до возникновенія исторіи? Но, поднявшись на двѣ или на три ступени этой восходящей лѣстницы, мы входимъ въ область дробей, слишкомъ мелкихъ для вычисленія. Предположимъ, что одинъ плугъ можетъ служить до своей порчи двѣнадцать лѣтъ; только двѣнадцатая часть труда, употребленнаго на выдѣлку плуга, должна входить

въ счетъ по жатвѣ каждаго года. Двѣнадцатая часть труда выдѣлки плуга количество еще замѣтное. Но одинъ приборъ инструментовъ годится кузнецу на то, чтобы выковать сто или больше плуговъ, которые двѣнадцать лѣтъ будутъ служить на воздѣлываніе земли въ ста разныхъ фермахъ. Итакъ одна тысяча-двухсотая часть труда, употребленнаго на выдѣлку инструментовъ,—вотъ вся часть его, пошедшая на одну жатву одной фермы; а когда эту дробь прійдется распредѣлять по мѣшкамъ пшеницы и по фунтамъ хлѣба, то каждый убѣдится, что такихъ количествъ не стоитъ брать въ разсчетъ: они такъ мелки, что практически незамѣтны въ оцѣнкѣ товара. Правда, что если бы не работалъ мастеръ, дѣлавшій инструменты для кузнеца, то не было бы вовсе произведено хлѣба; но мѣшокъ пшеницы не повысится въ цѣнѣ и на одну десятую часть фартинга для вознагражденія его труда.

2. Второй способъ косвеннаго или непрямаго приложенія труда къ производству вещи требуетъ особеннаго вниманія; это трудъ, употребляемый на производство пищи для содержанія работниковъ въ теченіе времени, употребляемаго ими на производство. Это предварительное примѣненіе труда служитъ необходимымъ условіемъ всякой производительной операціи, кромѣ развѣ дѣлъ очень малаго размѣра. Кромѣ труда охотника и рыболова едва ли найдется какой-нибудь родъ труда, немедленно дающій свои результаты. Производство должно длиться извѣстное время и только по истеченіи этого срока получаются плоды производства. Работнику до начала дѣла необходимо имѣть запасъ пищи или пользоваться отъ кого нибудь другаго запасомъ пищи, достаточнымъ на его пропитаніе до окончанія производства, иначе онъ можетъ приниматься развѣ за такой трудъ, который удобно ведется съ перерывами, посвящаемыми на добываніе пищи инымъ путемъ; онъ не можетъ получить даже пищу сколько нибудь изобильную, потому что всякій способъ получить ее требуетъ, чтобы уже существовалъ запасъ пищи. Земледѣліе производитъ пищу только по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и труды земледѣльца должны занимать значительную часть этого времени, хотя и нѣтъ надобности непрерывно продолжать ихъ рѣшительно все это время. Мало того, что земледѣліе невозможно безъ заготовленной напередъ пищи; нужно очень большое количество такого запаса, чтобы общество, сколько нибудь значительное, могло все содержать себя земледѣліемъ. Страна, подобная Англіи или Франціи, имѣетъ возможность заниматься земледѣліемъ въ нынѣшнемъ году только потому, что земледѣліе прошлыхъ годовъ произвело въ этихъ или другихъ странахъ запасъ пищи, достаточный на содержаніе ихъ земледѣльческаго населенія до слѣдующей жатвы. Производя кромѣ пищи множество другихъ вещей, эти страны могутъ производить ихъ только потому, что пища, запасенная въ прошлую жатву, достаточна на содержаніе многочисленнаго промышленнаго населенія, кромѣ земледѣльческихъ работниковъ.

Трудъ, употребленный на производство этого запаса продовольствія, составляетъ огромную и важную часть того прошедшаго труда, который былъ необходимъ для доставленія возможности къ занятію настоящимъ трудомъ. Но есть очень важная разница между этою и другими частями предварительнаго или приготовительнаго труда. Мельникъ, жнецъ, пахарь, кузнецъ, кующій плугъ, извощикъ и телѣжный мастеръ, даже матросъ и корабельный плотникъ (если корабль занятъ перевозкою хлѣба) получаетъ свое вознагражденіе изъ окончательнаго продукта, изъ хлѣба, который въ разныхъ видахъ требовалъ ихъ труда или произведенъ при помощи орудій, сдѣланныхъ ими. Трудъ, произведшій пищу, которою продовольствовались всѣ эти работники, столь же необходимъ для окончательнаго результата, для полученія хлѣба нынѣшней жатвы, какъ и

всѣ другія части труда, употребленнаго на нее. Но другія части этого труда вознаграждаются изъ нынѣшней жатвы, а эта часть, т. е. предварительный трудъ, получилъ свое вознагражденіе изъ пищи предварительно заготовленной. Чтобы получить продуктъ, нужны: трудъ, инструменты, матеріалы и кромѣ того пища для прокормленія работниковъ. Но инструменты и матеріалы не имѣютъ никакой цѣли или, по крайней мѣрѣ, не предназначаются ни для какой другой цѣли кромѣ полученія продукта, и трудъ ихъ изготовленія можетъ быть вознагражденъ только изъ продукта, который будетъ произведенъ имп. Пища, напротивъ того, имѣетъ свою внутреннюю полезность и употребляется на дѣло, имѣющее цѣль въ себѣ самомъ, на прокормленіе людей. Трудъ, употребленный на производство пищи и вознаграждаемый ею, не нуждается во вторичномъ вознагражденіи изъ продукта слѣдующаго труда, который былъ бы имъ прокормленъ. Если мы предположимъ, что одни и тѣ же работники занимались мануфактурнымъ производствомъ и вмѣстѣ занимались земледѣліемъ, прокармливая себя имъ во время мануфактурнаго труда, то они за свой трудъ имѣютъ, во-первыхъ, пищу, во-вторыхъ—мануфактурное издѣліе; но если они также занимались изготовленіемъ матеріаловъ и инструментовъ для своего мануфактурнаго дѣла, то за этотъ трудъ единственнымъ ихъ вознагражденіемъ будетъ мануфактурное издѣліе.

Требованіе вознагражденія, основанное на владѣніи пищею, годною для продовольствія работниковъ, имѣетъ иной характеръ: тутъ вознаграждается не трудъ, а отсрочка личнаго потребленія. Если человѣкъ имѣетъ запасъ пищи, онъ можетъ потребить ее въ праздности самъ или на прокормленіе людей, прислуживающихъ ему, сражающихся за него, поющихъ или танцующихъ для него. Если вмѣсто того онъ отдаетъ пищу производительнымъ работникамъ на содержаніе ихъ во время ихъ дѣла, онъ можетъ, и, конечно, будетъ требовать вознагражденія изъ продукта. Онъ не будетъ доволенъ простымъ возвращеніемъ взятаго количества: получая назадъ только это количество, онъ только видитъ себя въ первоначальномъ положеніи, онъ не получилъ никакой выгоды отъ того, что отсрочилъ употребленіе сбереженныхъ имъ вещей на свое собственное удобство или удовольствіе. Онъ захочетъ получить что-нибудь за эту отсрочку; онъ захочетъ ожидать, чтобы затраченная имъ пища возвратилась къ нему съ увеличеніемъ, которое на коммерческомъ языкѣ называется прибылью; надежда на эту прибыль вообще бываетъ однимъ изъ побужденій, склоняющихъ человѣка накоплять запасъ, экономичная въ своемъ личномъ потребленіи, и заставляющихъ его по накопленіи запаса удерживаться отъ употребленія его на личное удобство или удовольствіе. Пища, содержавшая другихъ работниковъ во время производства инструментовъ или матеріаловъ для труда, также должна была быть запасена для нихъ впередъ кѣмъ-нибудь и онъ также долженъ имѣть свою прибыль изъ окончательнаго продукта. Но разница здѣсь та, что окончательный продуктъ долженъ не только дать прибыль, но и вознагражденіе за трудъ по производству инструментовъ и матеріаловъ труда. Правда, мастеръ, дѣлавшій инструменты (напримѣръ кузнецъ, дѣлавшій плугъ), обыкновенно не ждетъ своей платы до окончанія жатвы: фермеръ даетъ ему уплату впередъ и заступаетъ его мѣсто, дѣлаясь владѣльцемъ плуга. Но тѣмъ не менѣе плата должна быть получена изъ жатвы; потому что фермеръ не сдѣлалъ бы издержки на покупку плуга, если-бъ не ожидалъ, что жатва уплатитъ ему и уплатитъ съ прибылью за эту новую затрату, т. е., если бы жатва, кромѣ вознагражденія земледѣльческимъ работникамъ (и прибыли фермеру за уплату имъ этого вознагражденія впередъ), не дала остатка, достаточнаго для вознагражденія работниковъ кузнеца, дѣлавшаго плугъ для полученія

прибыли этимъ кузнецомъ и полученія прибыли фермеромъ за выдачу впередъ этой прибыли кузнецу и вознагражденія работникамъ кузнеца.

3. Изъ этихъ соображеній видимъ, что, вычисляя и классифицируя отрасли промышленности, получающія косвенное или окончательное свое вознагражденіе изъ другого производительнаго труда, мы не должны включать въ этотъ счетъ трудъ, производящій продовольствіе и другіе предметы первыхъ потребностей на потребленіе производительныхъ работниковъ; потому что главная цѣль этого труда находится въ самомъ продовольствіи и хотя запасъ продовольствія дастъ средства заниматься другою работою, но это должно считаться только постороннимъ послѣдствіемъ, а не сущностью этого запаса. Остальные способы косвеннаго участія труда въ производствѣ распредѣляются на пять разрядовъ.

Во-первыхъ, трудъ, употребляемый на производство матеріаловъ, которые должны быть передѣланы другимъ послѣдующимъ трудомъ. Во многихъ случаяхъ дѣло это состоитъ въ простомъ завладѣніи предметами или въ такъ называемой добывающей промышленности. Напримѣръ, трудъ рудокопа состоитъ въ томъ, что онъ выкапываетъ изъ земли вещества, которыя могутъ быть обращены промышленностью въ разные предметы, годные для человѣческаго употребленія. Но добывающая промышленность доставляетъ одни только матеріалы. Каменный уголь, напримѣръ, употребляется не только на промышленные процессы, но и прямо на согрѣваніе людей, и при такомъ употребленіи онъ уже не служитъ простымъ матеріаломъ, а самъ по себѣ дѣлается окончательнымъ продуктомъ. Тоже самое надобно сказать о добываніи драгоцѣнныхъ камней. Они въ небольшомъ количествѣ употребляются при производствѣ, напримѣръ алмазъ для рѣзанія стекла, корундъ для полировки; но главное назначеніе драгоцѣнныхъ камней—служить украшеніемъ; это прямое употребленіе на удовлетвореніе потребности. Чтобы служить этому назначенію, они, впрочемъ, нуждаются почти всегда въ обдѣлкѣ, и это, быть можетъ, даетъ намъ право считать ихъ не окончательнымъ продуктомъ, а матеріалами. Металлическія руды—просто матеріалы.

Къ производству матеріаловъ надобно причислить рубку лѣса, если лѣсъ рубится и приготовляется для построекъ, для столярнаго и другихъ ремеслъ. Въ лѣсахъ Америки, Норвегіи, Германіи, Пиринейскихъ и Альпійскихъ горъ этотъ родъ труда въ обширномъ размѣрѣ прилагается къ деревьямъ, произращаемымъ самою природою. Въ другихъ случаяхъ мы должны прибавлять къ труду человѣка, рубившаго лѣсъ, трудъ человѣка, разводившаго и воспитывавшаго лѣсъ.

Къ этому разряду принадлежатъ также труды земледѣльца, производящаго ленъ, пеньку, хлопчатую бумагу, воспитывающаго шелковичныхъ червей, производящаго кормъ для скота, красильныя вещества, растенія для выдѣлки масла и множество другихъ предметовъ, пригодныхъ только для употребленія въ другихъ отрасляхъ промышленности. Сюда принадлежитъ также трудъ охотника, когда его цѣль въ добываніи мѣховъ и перьевъ; трудъ пастуха и земледѣльца, воспитывающаго скотъ, въ томъ отношеніи, что этимъ трудомъ доставляется шерсть, шкуры, щетина, рога, конскій волосъ и т. д. Вещи, служащія матеріалами для разныхъ издѣлій, имѣютъ самый разнородный характеръ и получаются почти изъ всѣхъ областей животнаго, растительнаго и минеральнаго царствъ. Кромѣ того, готовые продукты многихъ отраслей промышленности служатъ матеріалами для другихъ отраслей. Пряжа, производимая одною промышленностью, употребляется почти исключительно какъ матеріалъ для другой промышленности, для тканья. Самый продуктъ тканья служитъ главнымъ образомъ какъ матеріалъ для людей, изго-

товляющихъ одежду, или мебель, или новыя орудія для производительной промышленности, напримѣръ паруса. Все занятіе кожевника и дубильщика состоитъ въ превращеніи сыраго матеріала въ матеріалъ, такъ сказать, обработанный. Строго говоря, всѣ съѣстные продукты, выходящіе изъ рукъ земледѣльца, только матеріалы для людей, занимающихся приготовленіемъ пищи.

4. Второй разрядъ косвеннаго труда — трудъ выдѣлки инструментовъ или орудій для помощи труду. Я употребляю эти термины въ самомъ обширномъ смыслѣ, понимая подъ ними всѣ постоянныя орудія или пособія для производства, начиная съ кремня и огнива для высѣканія огня до пароваго корабля или самой сложной фабричной машины. Трудно опредѣлить черту разграниченія между орудіями и матеріалами, и нѣкоторыя вещи, служащія для производства (напримѣръ, топливо), едва ли захочетъ называть тѣмъ или другимъ именемъ разговорная рѣчь, приспособившаяся къ требованіямъ житейскихъ соображеній, а не научнаго изложенія. Чтобы избѣжать размноженія разрядовъ и названій, основанныхъ на подраздѣленіи, не имѣющемъ научной важности, экономисты включаютъ въ разряды орудій и матеріаловъ всѣ вещи, служащія непосредственно для производства (о вещахъ, служащихъ для него не-непосредственно, мы будемъ говорить на слѣдующихъ страницахъ). Можно думать, что проще и лучше всего линія разграниченія между орудіями и матеріалами опредѣлится тѣмъ, если мы станемъ считать матеріаломъ всякое средство производства, которое служитъ на него только одинъ разъ, этимъ однимъ разомъ разрушаясь или становясь непригоднымъ для такого же вторичнаго дѣла. Такъ топливо, разъ сгорѣвъ, уже не можетъ снова служить топливомъ,—на топливо годится опять только та часть его, которая осталась несгорѣвшею въ первый разъ. Мало того, что оно за одинъ разъ истребляется употребленіемъ, оно и полезно только своимъ уничтоженіемъ, потому что если бы ни одна часть топлива не истребилась, то не произошло бы теплоты. Руно также уничтожается пряденіемъ нитокъ: когда онѣ выпрядены, руна уже не остается; да и самая пряжа уже перестаетъ быть пряжею, когда соткано изъ нея сукно. Но топоръ не уничтожается тѣмъ, что срубается дерево; онъ остается тѣмъ же топоромъ и можетъ потомъ служить на срубку еще сотни или тысячи деревьевъ. Правда, что каждымъ разомъ онъ нѣсколько портится, но онъ дѣлаетъ свое дѣло не тѣмъ, что портится, между тѣмъ какъ каменный уголь и руно дѣлаютъ свое дѣло тѣмъ, что разрушаются; напротивъ, топоръ тѣмъ лучшее орудіе, чѣмъ лучше держится противъ порчи. Къ разряду матеріаловъ справедливо причисляются разныя вещи, которыя могутъ идти въ дѣло по два и по три раза, но только тогда, когда продуктъ, составлявшійся изъ нихъ прежде, перестаетъ существовать. Желѣзо, составлявшее котелъ или рядъ трубъ, можетъ быть перековано въ плугъ или въ паровую машину; кирпичи, составлявшіе домъ, могутъ по его сломкѣ служить на постройку другаго дома. Но это возможно только по уничтоженіи прежняго продукта; эти вещи теряютъ свою годность быть матеріалами, пока не прекратится существованіе прежняго продукта. Не таковъ характеръ вещей, называемыхъ орудіями: онѣ могутъ постоянно употребляться все на новыя дѣла до той, иногда очень отдаленной поры, пока изотрутся, а дѣло ими сдѣланное продолжаетъ существовать, и если разрушается, то уже по своимъ собственнымъ законамъ или по случайностямъ, относящимся собственно уже къ нему, а не къ нимъ *).

*) Критикъ, разбиравшій эту книгу въ *Edinburgh Review* (за октябрь 1848 года), иначе опредѣляетъ различіе между матеріалами и орудіями. Онъ предлагаетъ называть матеріалами „всѣ тѣ вещи, которыя потерпѣвъ перемѣну, требуемую производствомъ, составляютъ предметъ обмѣна“

Изъ подраздѣленія вещей на матеріалы и на орудія слѣдуетъ только одна разница, очень важная въ практическомъ отношеніи и уже замѣченная нами на одной изъ предыдущихъ страницъ. Матеріалы, какъ матеріалы, разрушаются употребленіемъ за одинъ разъ; потому изъ одного этого продукта, производимаго однимъ разомъ, долженъ быть вознагражденъ весь трудъ, израсходованный на производство матеріаловъ, и человѣкъ, давшій средства заниматься этимъ трудомъ, также долженъ быть вознагражденъ за отсрочку своего личнаго потребленія. Напротивъ того, орудія могутъ служить на повтореніе производства много разъ, потому вся сумма продуктовъ, произведенію которыхъ содѣйствовали эти орудія, служитъ фондомъ, изъ котораго берется вознагражденіе за трудъ ихъ выдѣлки и вознагражденіе за отсрочку личнаго потребленія со стороны людей, сбереженіями которыхъ содержался этотъ трудъ. Достаточно будетъ, если каждый изъ множества этихъ продуктовъ дастъ часть, и обыкновенно незначительную часть, вознагражденія за трудъ и отсрочку потребленія при выдѣлкѣ орудій или часть вознагражденія ближайшему производителю за-то, что онъ далъ впередъ это вознагражденіе человѣку, который произвелъ орудія.

5. Третій родъ косвеннаго труда. Кромѣ матеріаловъ, надъ которыми трудится производство, и орудій помогающихъ ему, нужны особенныя мѣры, принимаемыя для того чтобы ходъ производства не прерывался помѣхами и продукты не портились отъ разрушительныхъ силъ природы или отъ человѣческаго насилія и хищничества. Изъ этого возникаетъ новый способъ, по которому трудъ, не употребленный прямо на самый продуктъ, содѣйствуетъ его производству: это трудъ, употребленный на охраненіе производства. Такова цѣль всѣхъ построекъ для промышленности: мануфактуръ, магазиновъ, доковъ, хлѣбныхъ амбаровъ, овиновъ, и земледѣльческихъ строеній для скота или для разныхъ операцій земледѣльческаго труда. Я не включаю сюда тѣ постройки, въ которыхъ живутъ работники, и которыя назначены для ихъ разныхъ личныхъ надобностей: эти постройки, подобно пищѣ работниковъ, удовлетворяютъ потребностямъ самого человѣка и должны причисляться къ вознагражденію за его трудъ. Есть разныя формы, въ которыхъ трудъ еще прямѣе употребляется на охраненіе производительныхъ процессовъ. Пастухъ занятъ почти только тѣмъ, чтобы охранять скотъ отъ вреда: положительныя силы, производящія охраняемый имъ продуктъ, дѣйствуютъ почти сами собою. Я уже говорилъ о трудѣ человѣка, копающаго канавы, дѣлающаго заборы (плетни) и изгороди. Сюда же надобно причислять трудъ солдата, полицейскаго стража и судьи. Эти агенты общества занимаются не исключительно охраненіемъ производства и жалованье имъ не составляетъ части издержекъ производства для отдѣльнаго производителя; но жалованье имъ уплачивается изъ налоговъ, собираемыхъ съ продуктовъ производства, и въ странѣ, имѣющей сколько-нибудь порядочное управленіе, эти люди оказываютъ операціямъ производства услугу гораздо значительнѣйшую издержки на содержаніе охранителей. Такимъ образомъ для всего общества ихъ трудъ составляетъ часть издержекъ производства и если бы количества продуктовъ не было достаточно на содержаніе этого труда, сверхъ всѣхъ другихъ требуемыхъ производствомъ родовъ труда, то производство не было бы возможно, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ

а орудіями или инструментами „вещи, которыя употребляются для произведенія этой перемѣны, но сами не становятся частью результата, поступающаго въ обмѣнъ“. По такимъ опредѣленіямъ, топливо, сожигаемое на фабрикѣ, надобно было бы считать не матеріаломъ, а орудіемъ. Это употребленіе терминовъ болѣе предлагаемаго мною согласовалось бы съ первоначальнымъ физическимъ значеніемъ слова матеріалъ: но подраздѣленіе, на которомъ оно основано, не важно для политической экономіи.—*Примѣч. авт.*

какъ теперь. Надобно прибавить, что если бы правительство не давало охраненія дѣлу производства, то производители были бы принуждены или отнимать на свою защиту значительную часть своего времени и труда отъ производства, или нанимать на свою защиту вооруженныхъ людей; въ томъ и другомъ случаѣ трудъ охраненія прямо вознаграждался бы изъ продукта и нельзя было бы производить вещей, не дающихъ средства платить за этотъ прибавочный трудъ. При нынѣшнемъ устройствѣ продуктъ платитъ свою долю на такое же охраненіе и получаетъ его въ болѣе удовлетворительномъ качествѣ съ гораздо меньшими издержками, не смотря на растраты и расточительность, которымъ подвержены правительственные расходы.

6. 4-й разрядъ. Очень большое количество труда употребляется не на производство продукта, а на то, чтобы сдѣлать произведенный продуктъ доступнымъ для тѣхъ, для чьего употребленія онъ назначенъ. Есть много важныхъ разрядовъ работниковъ, занимающихся исключительно дѣлами этого рода. Во первыхъ, сюда принадлежатъ всѣ классы работниковъ, занятыхъ водяною или сухопутною перевозкою: погонщики муловъ, возчики, работники на рѣчныхъ судахъ, матросы, носильщики, прислуга желѣзныхъ дорогъ и т. д. Во вторыхъ, строители всѣхъ орудій перевозки: кораблей, барокъ, телѣгъ, локомотивовъ и т. д., также каналовъ, простыхъ и желѣзныхъ дорогъ. Дороги дѣлаются иногда правительствомъ, и за провозъ по нимъ ничего не берется; но тѣмъ не менѣе трудъ постройки ихъ уплачивается изъ продуктовъ. Уплачивая свою долю той части налоговъ, которая идетъ вообще на постройку дорогъ, каждый производитель платитъ за тѣ дороги, которыми пользуется; и если дороги строятся сколько нибудь разсудительно, онѣ увеличиваютъ производительность его дѣла количествомъ гораздо большимъ этой уплаты.

Другой многочисленный классъ работниковъ, занятыхъ тѣмъ, чтобы дѣлать продукты доступными для потребителей—классъ оптовыхъ и мелочныхъ торговцевъ, которыхъ можно назвать распредѣлителями. Тратилось бы очень много времени и хлопотъ, неудобство часто доходило бы до невозможности, если бы производители могли получать нужныя имъ вещи только черезъ прямыя сдѣлки съ производителями. И производители, и потребители разбросаны; разстояніе между производителемъ и потребителемъ часто очень велико; чтобы уменьшить потерю времени и труда, давно придумали устроивать ярмарки и базары, на которыхъ производители и потребители могли бы періодически сходиться безъ всякаго посредничества. Эта система довольно удобна для многихъ товаровъ, въ особенности для земледѣльческихъ продуктовъ, потому что земледѣльцы въ извѣстныя времена года имѣютъ нѣкоторое количество свободнаго времени. Но даже и тутъ отправляться въ данное мѣсто часто бываетъ очень хлопотливо и неудобно покупателямъ, имѣющимъ другія занятія и не живущимъ въ близкомъ сосѣдствѣ; а по товарамъ, производство которыхъ требуетъ постояннаго вниманія производителей, эти періодическіе торги должны производиться черезъ такіе длинные промежутки и потребители должны запасать себѣ такія большія количества этихъ товаровъ, или такъ долго оставаться безъ нихъ, что еще въ тѣ времена, когда средствами общества не допускалось учрежденіе лавокъ, доставленіе такихъ товаровъ производителямъ вообще стало занятіемъ странствующихъ торговцевъ: разносчикъ, могшій являться разъ въ мѣсяцъ, представлялъ гораздо больше удобства нежели ярмарка, которая бывала только разъ или два раза въ годъ. Въ деревенскихъ округахъ, далекихъ отъ городовъ и большихъ селъ, ремесло разнощиковъ еще не совершенно устранилось лавками. Но торговецъ, всегда имѣющій товары въ извѣстномъ мѣстѣ и имѣющій постоянныхъ покупателей, снабжаетъ

потребителей гораздо вѣрнѣе разнощика, и потребители предпочитаютъ обращаться къ нему, если только дойдти до него не трудно; потому торговцы находятъ выгоду основывать постоянныя лавки въ каждой мѣстности, гдѣ есть число покупателей, достаточное для ихъ вознагражденія.

Часто производитель и торговецъ одно и тоже лицо, или производителю принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, товаръ, продаваемый торговцемъ, и надзоръ за продажею. Портной, сапожникъ, булочникъ и многіе другіе торговцы сами производятъ товары, которыми торгуютъ, сами обращаютъ свои матеріалы въ продуктъ, которымъ торгуютъ. Но соединеніе производителя съ лавочникомъ въ одномъ лицѣ выгодно только тогда, когда товаръ удобно производить въ томъ самомъ мѣстѣ или близко къ тому мѣсту, гдѣ выгодно производить мелочную распродажу его, и когда притомъ товаръ производится и продается небольшими единицами. Когда товаръ надобно привозить издалека, одному лицу неудобно наблюдать и за производствомъ и за продажею; когда товаръ лучше и дешевле можно производить въ большомъ размѣрѣ, то одна фабрика требуетъ для сбыта своего продукта продажи его въ столькихъ разныхъ мѣстностяхъ, что удобнѣе всего передавать мелочную продажу другимъ лицамъ; даже сапоги и платье обыкновенно получаются не прямо отъ производителей, когда вдругъ требуются въ большомъ количествѣ, какъ, напримѣръ, на цѣлый полкъ или на рабочій домъ: они поставляются въ такихъ случаяхъ торговыми посредниками, имѣющими своимъ занятіемъ разузнавать, отъ какихъ производителей дешевле можно достать лучшій товаръ. Даже въ тѣхъ товарахъ, окончательная продажа которыхъ происходитъ по мелочи, удобство скоро создаетъ классъ оптовыхъ торговцевъ. Когда продукты и торговыя сдѣлки размножились до извѣстной степени, когда одна мануфактура снабжаетъ много лавокъ, а одна лавка должна покупать товары изъ многихъ мануфактуръ разнаго рода, то для избѣжанія хлопотъ и траты времени мануфактуристамъ и мелочнымъ торговцамъ становится удобнѣе имѣть дѣло не прямо другъ съ другомъ, а съ небольшимъ числомъ оптовыхъ торговцевъ; они, собирая товаръ отъ разныхъ производителей, распредѣляютъ его по мелочнымъ торговцамъ, которые, въ свою очередь, распредѣляютъ его по потребителямъ. Изъ этихъ разныхъ разрядовъ составляется распредѣляющій классъ, дѣятельность котораго служитъ дополненіемъ къ дѣятельности производящаго класса, и распредѣленный такимъ образомъ продуктъ, или его цѣна, служитъ источникомъ, изъ котораго распредѣлители вознаграждаются за свою дѣятельность и за отсрочку личнаго потребленія, давшую имъ средство производить впередъ уплаты, требуемыя дѣломъ распредѣленія.

7. Мы кончили перечисленіе способовъ, которыми служитъ производству трудъ, обращенный на внѣшнюю природу. Но есть еще способъ употребленія труда, также ведущій къ этой цѣли, хотя еще отдаленнѣйшимъ путемъ, — это трудъ, предметомъ котораго бываетъ человѣкъ. Каждый изъ людей воспитывается съ младенчества; на это воспитаніе или прокормленіе расходуется много труда однимъ или нѣсколькими другими людьми, и еслибъ не былъ употребленъ на человѣка весь этотъ трудъ или часть его, ребенокъ никакъ не достигъ бы возраста и силы, чтобы стать въ свою очередь работникомъ. Для общества во всей цѣлости, трудъ и издержки на воспитаніе (прокормленіе) малолѣтней части населенія составляютъ часть расхода, служащаго условіемъ производства; эта часть должна съ избыткомъ покрываться будущимъ продуктомъ труда воспитываемыхъ. Напротивъ, отдѣльные люди подвергаются этому труду и расходу и обыкновенно вовсе не по тому побужденію, чтобы получить въ будущемъ выгоду, и политическая экономія въ большей части своихъ соображеній не должна причислять этого

труда и расхода къ издержкамъ производства. Но техническое или промышленное воспитаніе общества, трудъ, употребляемый на то, что люди учатъ и учатся производительнымъ искусствамъ, на пріобрѣтеніе и сообщеніе мастерства въ этихъ искусствахъ,— этотъ трудъ совершается именно для того, и обыкновенно единственно для того, чтобы черезъ него достичь большаго или болѣе цѣннаго производства, чтобы учащимся было со временемъ собрано вознагражденіе за него или даже вознагражденіе съ излишкомъ и кромѣ того доставлено пропорціональное вознагражденіе учителю, если у него былъ учитель.

Умственный трудъ, дающій производительную силу,,подобно физическому, долженъ считаться частью труда, которымъ общество исполняетъ свои производительныя операціи, иначе сказать, долженъ считаться частью стоимости продукта для общества. Точно то же надобно сказать и о трудѣ, употребляемомъ на поддержаніе производительныхъ силъ, на охраненіе ихъ отъ погибели или ослабленія вреднымъ случаемъ или болѣзнью. Трудъ доктора или хирурга, когда имъ пользуются производители, долженъ считаться въ общественной экономіи пожертвованіемъ, дѣлаемымъ для того, чтобы предохранить отъ погибели, смерти или болѣзни ту часть производительныхъ средствъ общества, которую составляютъ жизнь и тѣлесныя или умственныя силы членовъ общества, занимающихся производствомъ. Но для отдѣльныхъ людей разсчетъ служитъ только частью, иногда незамѣтною частью побужденій, по которымъ они обращаются къ медицинскому пособію. Когда человѣкъ даетъ хирургу произвести надъ нимъ ампутацію или старается вылѣчиться отъ лихорадки, главнымъ побужденіемъ тутъ бываетъ не экономическій разсчетъ, хотя и этотъ разсчетъ самъ по себѣ уже составляетъ достаточное основаніе лѣчиться. Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда трудъ и расходъ, ведущій къ производству, совершается не для этой цѣли, не для выгоды, и потому выходитъ изъ сферы почти всѣхъ тѣхъ общихъ теоремъ, которыя выводятся политическою экономіею относительно производительнаго труда; но если брать въ разсчетъ дѣла общества, а не дѣла отдѣльныхъ лицъ, то надобно этотъ трудъ и расходъ считать частью затраты, которая нужна обществу для производительныхъ операцій, и вознагражденіемъ за которую долженъ быть продуктъ.

8. Есть еще родъ труда, который, причисляясь обыкновенно къ умственному, содѣйствуетъ полученію продукта также прямо, хотя не такъ непосредственно, какъ и самъ физическій трудъ; это трудъ изобрѣтателей промышленныхъ процессовъ. Я говорю „онъ обыкновенно причисляется къ умственному“, потому что въ сущности онъ не исключительно умственный. Всякая человѣческая дѣятельность состоитъ изъ соединенія умственнаго и тѣлеснаго элемента. Самый тупой носильщикъ, изо дня въ день таскающій кирпичи по подмосткамъ, исполняетъ дѣло отчасти умственное: самая понятливая собака, самый умный слонъ, вѣроятно, не могутъ выучиться этому. Самый тупоумный человѣкъ, будучи пріученъ, можетъ вертѣть рукоятку машины, а лошадь не можетъ вертѣть этого колеса, если кто нибудь не погоняетъ ее и не смотритъ за ней. Наоборотъ, есть физическій элементъ въ трудѣ повидимому чисто умственномъ, если онъ производитъ какой нибудь внѣшній результатъ. Ньютонъ не могъ бы произвести своихъ Principia безъ физическаго труда, ему нужно было писать или диктовать свою книгу; ему надобно также было начертить много фигуръ, написать много вычисленій и доказательствъ, пока онъ готовилъ ихъ въ умѣ. Изобрѣтатели, кромѣ головной работы, вообще дѣлаютъ много труда руками, устроивая модели и производя опыты, прежде чѣмъ ихъ мысль успѣетъ осуществиться на фактѣ. Но все равно, будетъ ли ихъ трудъ умственнымъ или физическимъ, онъ составляетъ часть труда, совершающаго производство. Трудъ Уатта,

изобрѣтшаго паровую машину, былъ такою же существенною частью производства, какъ трудъ работниковъ, дѣлающихъ такія машины или управляющихъ ими, и, подобно ихъ труду, онъ производился съ разсчетомъ на вознагражденіе изъ продукта. Часто трудъ изобрѣтенія цѣнится и уплачивается тѣмъ же способомъ, какъ трудъ исполненія. У многихъ фабрикантовъ, производящихъ модныя вещи, находятся на службѣ изобрѣтатели, получающіе за составленіе рисунковъ жалованье или рабочую плату, точно такъ же какъ другіе получаютъ ее за копированіе рисунковъ. Все это составляетъ въ строгомъ смыслѣ часть труда производства, какъ трудъ автора книги составляетъ часть этого продукта наравнѣ съ трудомъ типографщика и переплетчика.

Съ національной или всеобщей точки зрѣнія, трудъ ученаго или мыслителя, занимающагося отвлеченными изслѣдованіями, составляетъ часть производства въ такомъ же тѣснѣйшемъ смыслѣ, какъ трудъ человѣка, дѣлающаго практическое изобрѣтеніе, потому что многія практическія изобрѣтенія были прямыми послѣдствіями теоретическихъ открытій, и каждое расширеніе знаній о силахъ природы было плодотворно по отношенію къ житейскимъ дѣламъ. Электро-магнитный телеграфъ былъ изумительнымъ и неожиданнымъ слѣдствіемъ опытовъ Эрстеда и математическихъ изслѣдованій Ампера, нынѣшнее искусство мореплаванія было непредвидѣннымъ выводомъ изъ изслѣдованій Александрійскихъ математиковъ о свойствахъ трехъ кривыхъ, производимыхъ сѣченіемъ плоскости и конуса,—изслѣдованій чисто отвлеченныхъ и производившихся, повидимому, просто изъ любознательности. Даже съ чисто матеріальной точки зрѣнія нельзя опредѣлить никакихъ границъ для важности мышленія, хотя бы мы говорили только о производствѣ. Но эти матеріальныя послѣдствія, хотя и бывающія результатомъ ученыхъ изслѣдованій, рѣдко составляютъ прямую цѣль ихъ; потому и вознагражденіе за нихъ вообще берется не изъ увеличенія продуктовъ, производимаго учеными открытіями случайно и почти всегда долго спустя послѣ того, какъ они сдѣланы; въ большей части вопросовъ политической экономіи не нужно принимать въ разсчетъ этого дѣла, и мыслители, занимающіеся отвлеченными изысканіями, обыкновенно считаются только производителями книгъ и другихъ полезныхъ предметовъ, имѣющихъ продажную цѣну, прямо производимыхъ ими. Но если мы станемъ на другую точку зрѣнія, переходить на которую мы всегда должны быть готовы въ политической экономіи, и возьмемъ въ соображеніе не дѣла частныхъ лицъ и не ихъ побужденія, а національные и общечеловѣческіе результаты, то мы должны приписать теоретическому мышленію могущественнѣйшее участіе въ производительномъ трудѣ общества, а ту часть средствъ общества, которая употребляется на веденіе и вознагражденіе этого труда, высоко производительною частью расходовъ общества.

9. Обозрѣвая способы употребленія труда на производство, я не держался обыкновеннаго раздѣленія промышленности на земледѣльческую, мануфактурную и торговую, потому что оно плохо соотвѣтствуетъ условіямъ классификаціи. Подъ него вовсе не подходятъ или подходятъ лишь съ большою натяжкою многія важныя отрасли производительной промышленности, напримѣръ, не говоря уже объ охотѣ и рыболовствѣ, рудокопство, дѣланіе дорогъ и мореходство. Притомъ, нельзя провести точной границы между земледѣльческою и мануфактурною промышленностью. Напримѣръ, къ какой изъ нихъ надобно отнести ремесло мельника и булочника? По своему характеру это занятія мануфактурныя; пища уже окончательно разсталась съ землею, переходя въ ихъ руки. Но тоже можно сказать о трудѣ молотьбы и вѣянія хлѣба, о дѣланіи масла и сыра, занятіяхъ, всегда причисляемыхъ къ земледѣльческой промышленности, вѣроятно,

потому, что обыкновенно они исполняются людьми, живущими на фермѣ, подъ тѣмъ же самымъ управленіемъ, какъ хлѣбопашество. По многимъ отношеніямъ, всѣ эти люди, въ томъ числѣ мельникъ и булочникъ, должны причисляться къ одному разряду съ пахарями и жнецами. Всѣ они занимаются производствомъ пищи и получаютъ свое вознагражденіе изъ произведенной пищи; когда одни изъ нихъ имѣютъ изобиліе, его имѣютъ и другіе. Всѣ они вмѣстѣ составляютъ собою „земледѣльческую партію“. Трудами всѣхъ ихъ вмѣстѣ оказывается націи одна общая услуга, и всѣ они получаютъ уплату изъ одного источника. Наоборотъ, даже землепашество, когда имъ производится не пища, а матеріалъ для такъ называемой мануфактурной промышленности, по многимъ отношеніямъ принадлежитъ въ общественной экономіи къ этой промышленности. Каролинскій воздѣлыватель хлопчатой бумаги и австралійскій производитель шерсти имѣютъ больше общихъ интересовъ съ прядильщикомъ и ткачемъ, нежели хлѣбопашцемъ. Но съ другой стороны, промышленность, непосредственно связанная съ землею, имѣетъ, какъ мы увидимъ, особенныя свойства, изъ которыхъ проистекаютъ очень важные факты и которыми она отличается отъ послѣдующихъ фазисовъ производства, хотя бы велась и тѣми же людьми, какъ эти дальнѣйшія операціи; отличается отъ молотьбы и вѣянія столько же, сколько отъ тканья каленкора. Когда я буду говорить о земледѣльческомъ трудѣ, я буду вообще разумѣть такую промышленность, и ее надобно подразумѣвать въ моихъ словахъ исключительно, если прямо или косвенно не сказано, что смыслъ моего выраженія относится не къ ней. Слово „мануфактурный“ такъ неопредѣленно, что неудобно употреблять его, когда нужна точность выраженій, и когда я буду употреблять его, читатель долженъ знать, что я хочу говорить популярнымъ, а не научнымъ языкомъ.

ГЛАВА III.

Непроизводительный трудъ.

1. Трудъ необходимъ для производства, но производство не всегда бываетъ его результатомъ. Есть много труда, и труда очень полезнаго, предметъ котораго вовсе не производство. Сообразно этому, трудъ раздѣляется на производительный и непроизводительный. Политико-экономы много спорили о томъ, какіе роды труда должны считаться непроизводительными, не всегда замѣчая, что въ сущности не было никакого фактическаго основанія для того, чтобы спорить имъ.

Были писатели, хотѣвшіе называть производительнымъ только такой трудъ, результатомъ котораго бываетъ осязательный предметъ, удобно передаваемый отъ одного человѣка другому. Есть другіе (въ томъ числѣ Мекъ-Келлокъ и Сэ), считающіе слово непроизводительный унизительнымъ и возстающіе противъ примѣненія его къ какому бы то ни было полезному труду, какому бы то ни было труду, приносящему пользу или удовольствіе, равное расходу на него. Трудъ чиновниковъ, морскихъ и сухопутныхъ войскъ, медиковъ, адвокатовъ, преподавателей, музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ, актеровъ и актрисъ, домашней прислуги и т. д. не долженъ, по словамъ этихъ писателей, „клеймиться“ именемъ непроизводительнаго, когда эти люди дѣйствительно исполняютъ дѣло, за которое получаютъ плату, и когда количество ихъ не превышаетъ числа, нужнаго для исполненія цѣли,—они, кажется, считаютъ выраженіе „непроизводительный“ синонимомъ словъ излишній, безполезный, пустой. Мнѣ кажется, что споръ этотъ происходитъ отъ непониманія дѣла. Производство не единственная

цѣль человѣческаго существованія; названію „непроизводительный“ нѣтъ необходимости быть клеймомъ, да и писатели, примѣнявшіе его къ извѣстнымъ родамъ труда, вовсе не думали клеймить ихъ этимъ словомъ. Тутъ дѣло идетъ чисто о формѣ выраженія и о классификаціи. Но разница формъ выраженія не лишена своей важности, хотя бы и не основывалась на различіи мнѣній: изъ двухъ разныхъ выраженій, одинаково согласныхъ съ полною истиною, одно обыкновенно привлекаетъ наше вниманіе къ одной сторонѣ предмета, другое къ другой. Потому мы должны нѣсколько заняться разными значеніями, заключающимися въ терминахъ „производительный“ и „непроизводительный“ по примѣненію къ труду.

Во-первыхъ, не надобно забывать, что даже въ такъ называемомъ производствѣ матеріальныхъ предметовъ производится не матерія, составляющая ихъ. Весь трудъ всего человѣчества не можетъ произвести ни одного атома матеріи. Соткать сукно значитъ только расположить особеннымъ образомъ частицы шерсти; произвести хлѣбъ значитъ только помѣстить частицу матеріи, называемую зерномъ, въ такое положеніе, чтобы она могла стягивать разныя частицы матеріи изъ земли и воздуха для составленія новой комбинаціи, называемой растеніемъ. Создавать матерію мы не можемъ, а можемъ только заставлять ее принимать качества, по которымъ она, бывши прежде безполезною для насъ, становится полезною. Мы производимъ и хотимъ произвести всегда только полезность, по вѣрному выраженію Сэ: трудъ создаетъ не предметы, а только полезности. Точно также потребляются и разрушаются нами не самые предметы [8]). Матерія, изъ которой они состояли, остается, больше или меньше измѣнившись въ формѣ; потребляются собственно качества, по которымъ они были пригодны для назначавшейся имъ цѣли [9]). Потому Сэ и нѣкоторые другіе писатели основательно спраши-

---

[8]) Милль нарушаетъ строгую точность терминологіи, — надобно было сказать не „предметы“, а „матерія, составляющая предметы“. Предметы мы создаемъ. Предметомъ называется часть матеріи, принявшая извѣстную форму и качества. Трудъ, давая желѣзу пропитаться кислородомъ, превращаетъ желѣзо въ сталь. Сталь особенный предметъ. Этотъ предметъ самою природою не создается; онъ создается только трудомъ. Но матерія, составляющая сталь, не создается трудомъ: онъ не можетъ произвести ни одного атома желѣза или кислорода. Но и тутъ опять: матерія, составляющая желѣзо, атомы этого предмета не производятся трудомъ: онѣ только извлекаются изъ желѣзной руды; а желѣзо все таки особенный предметъ, различный отъ желѣзной руды (напримѣръ, отъ магнита). Желѣзо какъ желѣзо, какъ особенный предметъ, не существуетъ въ природѣ; оно создается трудомъ. Мы не можемъ создавать атомы матеріи или элементы ея (простыя химическія тѣла): но мы создаемъ ихъ комбинаціи: каждая изъ этихъ комбинацій есть особенный предметъ: каждое опредѣленное количество каждой комбинаціи или каждаго элемента, получившее особенную фигуру, прочно сохраняющуюся и оказывающую такія дѣйствія, какихъ тоже вещество не имѣетъ въ другихъ фигурахъ, также есть особенный предметъ, напримѣръ, плугъ, заступъ, вилы, вилка — разные предметы, производимые трудомъ изъ желѣза. Конечно, и тутъ дѣло только въ формѣ выраженія. Точно также мы и разрушаемъ предметы, а не разрушаемъ только матерію ихъ.

[9]) Опять та же неточность. Сами предметы могутъ быть потребляемы, самыя частицы матеріи потребляются (хотя не истребляются, между тѣмъ какъ предметы даже истребляются). Пища потребляется организмомъ, всасывается въ его составъ, такъ что вмѣсто двухъ предметовъ, куска хлѣба и организма, получается одинъ предметъ, организмъ, съ нѣсколько увеличившимся количествомъ сначала одной изъ своихъ частей, крови, потомъ другихъ частей, мускуловъ, костей и т. д. Скажутъ: это увеличеніе уравновѣшивается потерею частицъ черезъ ихъ выдѣленіе: но вѣдь выдѣляется вовсе не то, что принимается, не хлѣбъ, а уже испарина и т. д. Притомъ, потребленіе пищи составомъ организма превышаетъ ея выдѣленіе во все время, пока организмъ ростетъ. Это и предыдущее замѣчаніе показываютъ, какъ опасно пользоваться трудами французскихъ экономистовъ школы Смита: даже такой сильный въ логикѣ, такой точный умъ, какъ умъ Милля, тотчасъ же впалъ въ неточность, лишь только вздумалъ воспользоваться мыслью лучшаго изъ этихъ экономистовъ, Сэ.

ваютъ: если подъ фразою „мы производимъ предметы“ надобно понимать только: производимъ полезности [10]), то какъ же не считать производительнымъ всякій трудъ, производящій полезность. Какъ отказывать въ производительности труду хирурга, вправляющаго руку, судьи или законодателя, вносящаго безопасность въ общество, и давать это имя ювелиру, гранящему и шлифующему алмазъ? Какъ отказывать въ этомъ имени труду наставника, научающаго меня мастерству, которое меня будетъ пропитывать, и давать его кандитеру, дѣлающему конфекты на минутное наслажденіе чувству вкуса?

Совершенная правда, что всѣ эти роды труда производятъ полезности, и вопросъ, занимающій насъ теперь, вовсе не существовалъ бы, если бы производство полезности само по себѣ уже удовлетворяло понятію, господствующему между людьми о производительномъ трудѣ. Въ выраженіяхъ „производство и производительный“ есть эллипсисъ, въ нихъ подразумѣвается понятіе, что произведено *нѣчто*; а это *нѣчто* по общему понятію не полезность, а богатство. Производительный трудъ значитъ „трудъ, производящій богатство“. Такимъ образомъ мы должны возвратиться къ вопросу, котораго касались въ первой главѣ: что такое богатство? должны ли быть считаемы богатствомъ вообще всѣ полезные продукты, или только матеріальные продукты.

2. Полезности, производимыя трудомъ, бываютъ трехъ родовъ:

Во первыхъ, полезности, вложенныя и осуществленныя во внѣшнихъ предметахъ, производимыя трудомъ, употребляемымъ на придачу внѣшнимъ матеріальнымъ вещамъ качествъ, дѣлающихъ ихъ годными для людей. Это обыкновенный случай; онъ не требуетъ объясненія.

Во вторыхъ, полезности, вложенныя и осуществленныя въ людяхъ; трудъ въ этомъ случаѣ употребляется на придачу людямъ качествъ, которыя дѣлаютъ ихъ годными для самихъ себя и для другихъ. Къ этому разряду принадлежитъ трудъ всѣхъ людей, занимающихся воспитаніемъ: не только учителей, гувернеровъ и профессоровъ, но и правительствъ, насколько правительства заботятся объ улучшеніи народа и успѣваютъ въ томъ; трудъ моралистовъ и духовенства, насколько онъ приноситъ пользу; трудъ докторовъ, насколько онъ служитъ средствомъ къ сохраненію жизни и физическихъ или умственныхъ силъ; трудъ людей, обучающихъ физическимъ занятіямъ, разнымъ промысламъ, практическимъ наукамъ и искусствамъ, вмѣстѣ съ трудомъ учениковъ на пріобрѣтеніе этихъ знаній и искусствъ; наконецъ, вообще всякій трудъ, обращаемый въ жизни человѣкомъ на улучшеніе своего или чужаго знанія и на развитіе своихъ или чужихъ физическихъ или умственныхъ способностей.

Въ третьихъ, полезности, не вложенныя и не осуществленныя ни въ какомъ предметѣ, а состоящія только въ томъ, что оказывается услуга, дается удовольствіе, отвращается неудобство или страданіе на извѣстное время, но не оставляется никакого

[10]) Нѣтъ, эти выраженія неправильны: мы производимъ и потребляемъ не только полезности, а самые предметы, и, надобно сказать, что производить полезность мы можемъ не иначе, какъ производя предметъ, потреблять ее не иначе, какъ только потребляя предметъ. Весь эпизодъ, на который мы дѣлали эти замѣчанія, возникъ изъ фальшиваго понятія о качествахъ матеріи, какъ о чемъ-то различномъ отъ матеріи, о чемъ-то самобытномъ, какъ будто о какихъ-то эѳирныхъ предметахъ (невѣсомыхъ жидкостяхъ), сидящихъ въ томъ грубо матеріальномъ предметѣ, который можно класть на вѣсы. Разныя качества матеріи — это таже самая матерія, разсматриваемая съ разныхъ точекъ зрѣнія по соприкосновенію съ другими частями матеріи. Точныя выраженія таковы: мы производимъ предметъ для того, чтобы воспользоваться извѣстными качествами его, составляющими его полезность для насъ; потребляя предметъ, мы пользуемся этими качествами или полезностью его.

постояннаго пріобрѣтенія въ улучшеніи качествъ какого нибудь лица или какой нибудь вещи; трудъ здѣсь употребляется прямо на производство полезности, а не на приспособленіе какого нибудь другаго предмета къ произведенію полезности, какъ бываетъ, въ первыхъ двухъ случаяхъ. Таковъ, напримѣръ, трудъ музыканта, актера, человѣка, декламирующаго что нибудь передъ публикой или дающаго передъ нею какое нибудь представленіе. Безъ сомнѣнія этимъ можетъ производиться нѣкоторая и иногда очень большая польза чувствамъ и расположенію ума или общему состоянію пріятнаго чувства въ зрителяхъ, остающаяся и по окончаніи дѣла; или, наоборотъ, вмѣсто пользы можетъ производиться также долговременный вредъ. Но цѣлью дѣла служитъ не это долговременное измѣненіе, не за него платитъ зритель: цѣль публики и актера только непосредственное наслажденіе. Таковъ же трудъ арміи и флота; лучшее, что могутъ они сдѣлать, это предохранить страну отъ покоренія иностранцами, отъ обидъ матеріальныхъ или нравственныхъ; это услуга, но она оставляетъ страну безъ всякой перемѣны къ лучшему или худшему. Точно таковъ же трудъ законодателя, судьи и всѣхъ другихъ агентовъ правительства при отправленіи ихъ обыкновенныхъ обязанностей, если не принимать въ соображеніе того вліянія, какое они могутъ имѣть на улучшеніе національнаго характера; услуга ими оказываемая состоитъ въ охраненіи тишины и безопасности; эти предметы составляютъ производимую ими полезность. Кому нибудь можетъ показаться, что люди, занимающіеся перевозкою, и торговцы должны быть отнесены къ тому же классу, потому что ихъ трудъ не придаетъ предметамъ никакихъ новыхъ качествъ. Нѣтъ, онъ придаетъ предметамъ новое качество, качество находиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ они нужны, тогда какъ прежде они находились въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ; а это качество очень полезное, и полезность имъ производимая воплощена въ самыхъ предметахъ, которые теперь дѣйствительно находятся въ томъ мѣстѣ, гдѣ они нужны, и по такому увеличенію своей полезности могутъ быть продаваемы за цѣну, возвысившуюся пропорціонально труду, употребленному на вложеніе въ предметы этого качества. Итакъ, трудъ перевозки и торговли принадлежитъ не къ третьему, а къ первому классу.

3. Теперь мы должны разсмотрѣть, о какомъ изъ этихъ разрядовъ труда надобно сказать, что онъ производитъ богатство (вспомнимъ что подъ терминомъ „производительный“ разумѣется выраженіе „производящій богатство“). Полезностей третьяго разряда, состоящихъ въ удовольствіяхъ, которыя существуютъ только во время самаго наслажденія, и въ услугахъ, которыя существуютъ только въ то время, пока совершаются, нельзя назвать богатствомъ, иначе какъ съ намѣреніемъ выразиться метафорически. Существенная черта идеи богатства та, что оно можетъ быть накопляемо; вещи, которыя, будучи произведены, не могутъ быть хранимы хотя сколько нибудь времени, никакъ не считаются богатствомъ; потому что, сколько бы ни было ихъ произведено, сколько бы ни было получено отъ нихъ наслажденія, человѣкъ, пользовавшійся ими, не сталъ отъ нихъ богаче и обстоятельства его нисколько ими не улучшены. Но обычное понятіе не нарушается такъ явно и положительно, если богатствомъ назовется всякій предметъ, который, будучи полезнымъ, можетъ быть накопляемъ. Ловкость, энергія работниковъ извѣстной страны, ихъ постоянство въ работѣ причисляются къ богатству ея, подобно ихъ инструментамъ и машинамъ. По этому опредѣленію, мы должны считать производительнымъ всякій трудъ, употребляемый на созданіе сохраняющихся полезностей, въ чемъ бы ни воплощались онѣ, въ людяхъ или въ другихъ одушевленныхъ или неодушевленныхъ предметахъ. Это основаніе номенклатуры я уже предлагалъ въ

одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній *) и думаю, что оно лучше всѣхъ другихъ соотвѣтствуетъ цѣли классификаціи, хотя не строго соотвѣтствуетъ разговорному языку.

Но когда терминъ богатство примѣняется къ промышленнымъ способностямъ людей, въ разговорной рѣчи всегда подразумѣвается тутъ отношеніе къ матеріальнымъ продуктамъ. Искусство мастерового считается богатствомъ только потому, что оно средство къ пріобрѣтенію богатства въ матеріальномъ смыслѣ, и качества, не ведущія явнымъ образомъ къ этой цѣли, едва-ли могутъ называться богатствомъ. Какой бы драгоцѣнностью ни были для страны геній, добродѣтели и другія достоинства ея жителей, они не называются богатствомъ страны иначе какъ въ метафорическомъ смыслѣ или тогда, когда смотрятъ на эти качества, какъ на продажные товары, которыми страна можетъ пріобрѣтать матеріальное богатство изъ другихъ странъ, какъ, напримѣръ, дѣлали древніе греки и разныя націи новаго времени. Если бы я создавалъ новый техническій языкъ, я избралъ бы основаніемъ подраздѣленія способность продуктовъ сохраняться, а не ихъ матеріальность. Но при употребленіи терминовъ, вошедшихъ въ общее употребленіе, надобно употреблять ихъ такъ, чтобы дѣлать какъ можно меньше насилія привычному языку. Улучшеніе терминологіи, покупаемое насилованіемъ принятаго смысла разговорныхъ фразъ, вообще покупается слишкомъ дорого, потому что изъ смѣшенія старыхъ понятій съ новыми возникаетъ темнота.

Потому, когда я буду говорить о богатствѣ въ этомъ трактатѣ, я буду понимать подъ этимъ словомъ только такъ называемое матеріальное богатство, а подъ производительнымъ трудомъ только тѣ роды дѣятельности, которыми производятся полезности, воплощенныя въ матеріальныхъ предметахъ. Но ограничивая смыслъ термина этимъ значеніемъ, я хочу пользоваться имъ въ полномъ размѣрѣ этого тѣснаго значенія и не откажу въ названіи производительнаго такому труду, который не даетъ матеріальнаго продукта прямымъ своимъ результатомъ, если окончательнымъ послѣдствіемъ этого труда бываетъ увеличеніе матеріальныхъ продуктовъ. Такъ, я называю производительнымъ трудъ, употребленный на пріобрѣтеніе мануфактурной ловкости, давая ему это названіе не за самую ловкость, а за производимые ею матеріальные продукты, созданію которыхъ существенно полезенъ трудъ обученія ремеслу. Трудъ правительственныхъ агентовъ, доставляющихъ охраненіе, которое тѣмъ или другимъ способомъ необходимо доставлять промышленности для ея успѣшности, долженъ считаться производящимъ даже матеріальное богатство, потому что безъ него оно не могло бы существовать въ изобиліи подобномъ нынѣшнему. Такой трудъ можетъ называться непрямо или косвенно производительнымъ, въ противоположность труду землепашца или ткача, служащихъ производству непосредственно. Сходство между ними то, что они одинаково оставляютъ страну съ большимъ богатствомъ матеріальныхъ продуктовъ, нежели какое она имѣла до нихъ; они увеличиваютъ матеріальное богатство или ведутъ къ его увеличенію.

4. Непроизводительнымъ трудомъ напротивъ того будетъ называться у меня трудъ, не имѣющій своимъ окончательнымъ результатомъ созданіе матеріальнаго богатства; трудъ, который, въ какомъ бы обширномъ размѣрѣ и съ какимъ бы успѣхомъ ни производился, оставляетъ общество и, въ окончательномъ выводѣ, весь міръ не богаче прежняго матеріальными продуктами, а напротивъ бѣднѣе ими на все то количество, какое было потреблено работниками во время занятія этимъ трудомъ. Итакъ на языкѣ поли-

*) *Essays on some unsettled questions of political economy.* Этюдъ III „о словахъ производительный и непроизводительный“.—*Прим. авт.*

тической экономіи непроизводительнымъ называется всякій трудъ, который кончается непосредственнымъ наслажденіемъ, не увеличивая накопленнаго запаса постоянныхъ средствъ къ наслажденію. По опредѣленію, нами принятому, долженъ также считаться непроизводительнымъ и трудъ, кончающійся произведеніемъ не мимолетной пользы, какъ бы ни была она важна, если только увеличеніе матеріальныхъ продуктовъ не составляетъ части этой пользы. Спасеніе жизни друга будетъ производительнымъ трудомъ только въ томъ случаѣ, если имъ спасенъ производительный работникъ, производящій больше нежели потребляетъ. Дѣйствія миссіонера или проповѣдника могутъ назваться совершенно производительными, если кромѣ религіознаго ученія они преподаютъ искусства цивилизованныхъ странъ, какъ дѣлали въ нѣкоторыхъ случаяхъ миссіонеры острововъ Тихаго Океана. Напротивъ того очевидно, что чѣмъ больше количество миссіонеровъ или проповѣдниковъ, содержимыхъ націею, тѣмъ меньше продуктовъ остается у ней для расходованія на другіе предметы, между тѣмъ какъ, чѣмъ больше благоразумныхъ расходовъ дѣлаетъ она на содержаніе земледѣльцевъ и мануфактурныхъ работниковъ, занятыхъ производствомъ, тѣмъ больше будетъ имѣть она продуктовъ для употребленія на другіе предметы. При равныхъ обстоятельствахъ, въ первомъ случаѣ уменьшается, а во второмъ случаѣ увеличивается запасъ матеріальныхъ продуктовъ у націи.

Непроизводительный трудъ можетъ быть столь же полезнымъ, какъ и производительный, даже со стороны прочной выгоды; но въ другихъ случаяхъ онъ можетъ давать только пріятное ощущеніе, исчезающее безъ всякихъ слѣдовъ; наконецъ онъ можетъ не давать даже и этого, а составлять безусловную растрату труда. Какъ бы то ни было, но общество и человѣчество не богатѣютъ, а бѣднѣютъ отъ него. Всѣ матеріальные продукты, потребляемые человѣкомъ, ничего не производящимъ, исключаются этимъ потребленіемъ изъ того количества матеріальныхъ продуктовъ, которыми владѣла бы нація безъ этого потребленія. Но если нація не можетъ богатѣть отъ непроизводительнаго труда, то отдѣльный человѣкъ можетъ, напротивъ, богатѣть отъ него. За непроизводительный трудъ работникъ можетъ получать отъ людей, пользующихся или наслаждающихся его трудомъ, такое вознагражденіе, которое можетъ служить ему значительнымъ источникомъ богатства. Но его выигрышъ уравновѣшивается потерею людей, платящихъ ему; быть можетъ, они получили удовольствіе, равное сдѣланному ими расходу, но они стали бѣднѣе на всю израсходованную сумму. Когда портной дѣлаетъ пальто и продаетъ его, мы имѣемъ, во-первыхъ, передачу платы за пальто отъ покупщика портному, и кромѣ того пальто, котораго прежде не было. Но когда пріобрѣтаетъ вознагражденіе актеръ, мы имѣемъ просто передачу платы въ его кошелекъ изъ кошелька зрителя, и въ вознагражденіе зрителю не остается никакого предмета богатства. Потому общество въ цѣломъ своемъ составѣ ничего не пріобрѣтаетъ отъ труда актера, а теряетъ въ формѣ доходовъ актера, всю ту часть богатства, которую онъ потребляетъ, сохраняя только то, что онъ сберегаетъ. Но на счетъ другихъ націй, нація можетъ увеличивать свое богатство и непроизводительнымъ трудомъ, какъ можетъ этимъ путемъ увеличивать его на счетъ другихъ людей отдѣльный человѣкъ. Доходы итальянскихъ пѣвицъ, нѣмецкихъ гувернантокъ, французскихъ танцовщицъ служатъ источникомъ богатства для ихъ отечествъ, когда онѣ возвращаются домой, сохранивъ часть полученнаго. Маленькія греческія государства, особенно тѣ изъ нихъ, которыя были грубы и отстали отъ другихъ, были разсадниками солдатъ, нанимаемыхъ восточными государями и сатрапами для веденія безполезныхъ и разрушительныхъ войнъ: они возвращались подъ старость въ отечество съ накопленными деньгами. Они занимались непроизводительнымъ

трудомъ, и жалованье, ими полученное, вмѣстѣ съ добычею, ими награбленною, было безвозвратною тратою для странъ, дававшихъ его; но, не будучи увеличеніемъ богатства для человѣческаго рода, оно было увеличеніемъ богатства Греціи. Позднѣе, та же самая страна и ея колоніи стали снабжать римскую имперію авантюристами другаго рода, подъ именемъ философовъ или риторовъ, учившими молодежь высшихъ сословій тѣмъ знаніямъ, которыми тогда дорожили; почти всѣ эти люди занимались трудомъ непроизводительнымъ, но ихъ большіе доходы служили источникомъ богатства для ихъ отечества. Ни однимъ изъ этихъ занятій общее богатство человѣчества не увеличивалось. Услуги, оказываемыя этими людьми, если были полезны, то получались черезъ пожертвованіе части матеріальнаго богатства, принадлежавшаго человѣческому роду; а если онѣ были безполезны, то все богатство, потребленное этими людьми, тратилось совершенно напрасно.

Но не одинъ непроизводительный трудъ составляетъ растрату богатства. Производительный трудъ также бываетъ растратою богатства, если расходуется въ количествѣ большемъ, нежели какимъ дѣйствительно порождается производство. Если по неискусству работниковъ или по неразсудительности людей, управляющихъ работою, производительная дѣятельность ведется дурнымъ образомъ; если фермеръ продолжаетъ пахать плугомъ въ три лошади съ двумя людьми, когда опытъ показалъ, что довольно для плуга двухъ лошадей съ однимъ человѣкомъ,—лишній трудъ составляетъ растрату, хотя и употребленъ на производство. Если принятъ новый процессъ производства и окажется не лучше или хуже прежнихъ способовъ, трудъ, употребленный на изобрѣтеніе и на осуществленіе его, также растраченъ, хотя употребленъ на производство. Нація можетъ бѣднѣть отъ производительнаго труда, если производимое имъ богатство, то-есть увеличеніе запаса полезныхъ или пріятныхъ вещей, не таково, чтобы страна нуждалась въ немъ тогда, когда оно произведено; напримѣръ, когда товаръ не продается, потому что произведенъ въ количествѣ, превышающемъ настоящую надобность, или когда спекулянты строятъ доки и магазины тамъ, гдѣ нѣтъ еще торговли. Обанкротившіеся штаты Сѣверной Америки сдѣлали эту ошибку, преждевременно построивъ желѣзныя дороги и каналы; не рѣшено еще, не сдѣлала ли Англія того же самаго непропорціональнымъ развитіемъ спекуляцій на желѣзныя дороги. Трудъ, затраченный въ ожиданіи отдаленной выгоды, когда огромность нуждъ или ограниченность средствъ страны требуетъ быстраго возврата затратъ, дѣлая страну бѣднѣе во время его всею суммою потребленія трудящихся надъ нимъ, можетъ и въ результатѣ оставить ее бѣднѣе того, чѣмъ она была бы, если бы искала быстраго возвращенія затратъ, отлагая до будущаго времени тѣ предпріятія, которыя не даютъ скорой выгоды.

5. Термины „производительный“ и „непроизводительный“ прилагаются не къ одному труду, но и къ потребленію. Не всѣ члены общества производители, но всѣ они потребители и потребляютъ или производительно или непроизводительно. Кто ничѣмъ, ни прямо, ни косвенно не содѣйствуетъ производству, тотъ потребитель непроизводительный. Производительными потребителями бываютъ одни только производительные работники (считая конечно и трудъ надзора за производительный, подобно труду исполненія). Но даже потребленіе производительныхъ работниковъ бываетъ непроизводительнымъ потребленіемъ: производительные потребители могутъ имѣть непроизводительное потребленіе. То, что они потребляютъ на поддержаніе или улучшеніе своего здоровья, силы и своей способности къ труду, или на воспитаніе другихъ производительныхъ работниковъ, которые замѣстятъ ихъ, то служитъ потребленіемъ производительнымъ. Но

потребленіе на удовольствія или на предметы роскоши должно считаться непроизводительнымъ, все равно, будетъ ли оно производиться праздными или трудящимися людьми, потому что производство не цѣль его и никакимъ образомъ не можетъ увеличиться отъ него. Но изъ этого надобно, вѣроятно [11]), исключить извѣстное количество удовольствій, которое можетъ быть причислено къ предметамъ необходимости, потому что безъ него трудъ не получалъ бы всей своей успѣшности. Производительнымъ потребленіемъ надобно считать только то, которое обращено на поддержаніе и увеличеніе общественныхъ производительныхъ силъ, находящихся въ землѣ, въ матеріалахъ, въ количествѣ и качествѣ орудій производства и въ людяхъ, составляющихъ общество.

Есть предметы, которые не способны, можно сказать, къ производительному потребленію. Все годичное потребленіе золотаго шитья, апельсиновъ, шампанскаго должно считаться непроизводительнымъ, потому что эти вещи не даютъ никакой помощи производству и не даютъ жизни или силѣ такой поддержки, которую не могли бы съ такимъ же успѣхомъ дать вещи менѣе дорогія. Изъ этого можно было бы заключить, что трудъ, употребленный на ихъ производство, не долженъ считаться производительнымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понимается экономистами. Я согласенъ, что трудъ, употребляемый на производство вещей для непроизводительныхъ потребителей, ни мало не можетъ содѣйствовать обогащенію общества. Портной, дѣлающій платье человѣку, непроизводящему ничего, самъ остается производительнымъ работникомъ; но черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ платье изношено, а износившій его не произвелъ ничего на его замѣну, и общество тогда оказывается точно также не ставшимъ богаче отъ труда портнаго, какъ если бы такая же сумма была заплачена за ложу въ оперѣ. Но тѣмъ не менѣе общество было богаче отъ этого труда, пока платье носилось, т. е. пока общество черезъ одного изъ своихъ непроизводительныхъ членовъ не потребило непроизводительнымъ образомъ продуктъ труда. Золотое шитье или апельсинъ отличаются отъ этого платья только тѣмъ, что они еще болѣе далеки отъ качества вещей необходимыхъ. Итакъ эти вещи составляютъ богатство, пока не будутъ потреблены.

6. Но изъ этого мы видимъ, что есть между разными родами труда различіе еще болѣе важное для общества, нежели различіе между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ; это разница между трудомъ на производительное и трудомъ на непроизводительное потребленіе, разница между трудомъ, употребляемымъ на поддержаніе или увеличеніе производительныхъ средствъ страны и трудомъ, не имѣющимъ такого результата. Только часть продуктовъ страны назначается на производительное потребленіе; остальная часть служитъ на непроизводительное потребленіе производителей и на все потребленіе непроизводительныхъ классовъ. Предположимъ, что пропорція годичнаго производства, обращаемаго на первую изъ этихъ двухъ цѣлей, составляетъ половину всей суммы; тогда только половина производительныхъ работниковъ страны занята дѣлами, отъ которыхъ завпситъ постоянное богатство страны. Другая половина изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣнія занята производствомъ вещей, которыя потребляются и исчезаютъ безъ всякаго результата, и все потребленіе этой половины работниковъ составляетъ для постоянныхъ національныхъ средствъ такую же

[11]) Конечно, не „вѣроятно“, а „навѣрное“ надобно исключить. Если работникъ подаритъ женѣ или дочери серебряныя серьги, купленныя за полтинникъ или за день труда, это удовольствіе навѣрное столько оживитъ и ободритъ его, что онъ на долгое время становится энергичнѣе и усерднѣе къ работѣ, и производительность его труда навѣрное увеличится многими рублями отъ этого потраченнаго на удовольствіе полтинника.

полную потерю, какъ бы оно было потребленіемъ непроизводительнымъ: все потребленное этими работниками исчезаетъ безвозвратно. Предположимъ, что эта вторая половина работающаго населенія перестала работать и что центральное правительство или мѣстные округи содержали ее въ праздности цѣлый годъ; трудъ первой половины работниковъ былъ бы достаточенъ, чтобы произвести, какъ производилъ прежде, предметы необходимаго потребленія для нея самой и кромѣ того для второй половины, а такъ же и поддержать безъ уменьшенія запасъ матеріаловъ и орудій; правда, непроизводительные классы умерли бы тогда съ голода или были бы принуждены сами производить свое продовольствіе, а все общество въ теченіе цѣлаго года имѣло бы только вещи первой необходимости. Но источники производства остались бы всѣ въ цѣлости и на слѣдующій годъ не было бы причины не произвести такой же суммы продуктовъ, какъ если бы и не существовалъ годичный интервалъ бездѣйствія. А если мы предположимъ наоборотъ, что первая половина работниковъ прекратила на годъ свои обычныя занятія, то въ концѣ года страна оказалась бы совершенно обѣднѣвшею.

Большою ошибкою было бы жалѣть о томъ, что значительная часть годичнаго продукта идетъ въ богатой странѣ на непроизводительное потребленіе. Это значило бы жалѣть о томъ, что общество имѣетъ много излишка за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей, для употребленія на свои удовольствія и на высшія цѣли. Эта часть продукта служитъ фондомъ, изъ котораго покрываются всѣ надобности общества по потребностямъ высшимъ, нежели простое поддержаніе жизни; эта часть служитъ мѣриломъ средствъ общества къ наслажденію и силы его совершать всѣ тѣ дѣла, цѣль которыхъ состоитъ не въ производствѣ. Надобно радоваться тому, что общество располагаетъ такимъ большимъ излишкомъ для подобныхъ дѣлъ и что онъ можетъ быть употребленъ на нихъ. Предметомъ сожалѣнія, предметомъ заботы объ исправленіи должно быть то что этотъ излишекъ распредѣляется съ изумительною неравномѣрностью, что большая часть его употребляется на вещи пустыя и что изобильная часть достается на долю людямъ, которые не возвращаютъ за нее равномѣрныхъ услугъ обществу.

Замѣчанія къ тремъ первымъ главамъ первой книги.

I.

Гипотетическій методъ изслѣдованія.

Мы видѣли уже много примѣровъ тому, какими пріемами пользуется политическая экономія при рѣшеніи своихъ задачъ. Это пріемы математическіе. Иначе и быть не можетъ, потому что предметъ науки—количества, подлежащія счету и мѣрѣ, понимаемыя только черезъ вычисленіе и измѣреніе. Напримѣръ, спрашивается: полезно ли было для Англіи отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ, то есть дозволеніе безпошлинно ввозить иностранный хлѣбъ? Тотчасъ же вычисляется, сколько фунтовъ хлѣба среднимъ числомъ приходилось въ Англіи, до отмѣненія хлѣбныхъ законовъ, на потребленіе человѣку, сколько приходится теперь; оказывается, что теперь средняя цифра потребленія хлѣба больше, и дѣло рѣшено безвозвратно: отмѣна хлѣбныхъ законовъ была полезна.

Цифры, доставляемыя статистикою, чрезвычайно важны. Но онѣ часто бываютъ недостаточны для рѣшенія именно самыхъ коренныхъ вопросовъ, вопросовъ о вредномъ или полезномъ вліяніи каждаго изъ основныхъ элементовъ общественной жизни, разсматриваемой со стороны матеріальнаго благосостоянія. Статистическій фактъ обыкновенно бываетъ явленіемъ очень многосложнымъ, зависящимъ отъ дѣйствія многочисленныхъ элементовъ, перепутывающихся въ немъ своими вліяніями такъ, что трудно бываетъ безъ особенныхъ, облегчающихъ дѣло, способовъ распознать, какая роль принадлежитъ въ немъ извѣстному элементу; кромѣ того, является вопросъ: не играетъ ли этотъ элементъ иной роли въ другихъ фактахъ?—надобно было бы перебрать всѣ тѣ факты, въ произведеніи которыхъ онъ участвуетъ, а это очень трудно: всѣ факты общественной жизни такъ перепутаны взаимнымъ вліяніемъ, всѣ элементы ея такъ развѣтвляются своими послѣдствіями по всѣмъ отраслямъ ея, что нельзя быть увѣрену, приняты ли въ соображеніе всѣ факты, на которыхъ отразилось дѣйствіе извѣстнаго элемента, не ускользнули ли отъ вниманія нѣкоторыя и, быть можетъ, самыя важныя дѣйствія этого элемента. Напримѣръ: были ли полезны для Англіи войны, которыя вела она съ Франціею въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго вѣка? Очень многіе находятъ до сихъ поръ, что онѣ были полезны, развили англійское земледѣліе, англійскую мануфактурную промышленность и торговлю. Большинству читателей такое мнѣніе, конечно, кажется нелѣпостью. Но въ подтвержденіе ему приводятся тысячи статисти-

ческихъ данныхъ. Разумѣется, люди, опровергающіе его, также приводятъ противъ него тысячи статистическихъ данныхъ. При такой многочисленности статистическихъ данныхъ съ обѣихъ сторонъ, споръ запутывается до того, что невозможно было бы принять тотъ или другой взглядъ иначе, какъ по произволу, по личному образу мыслей, словомъ сказать, произносить рѣшеніе по капризу, на удачу, если бы для полученія точнаго, несомнѣннаго, безспорнаго отвѣта не существовалъ иной методъ, кромѣ метода разбора статистическихъ данныхъ. Но такой методъ существуетъ.

Этотъ методъ состоитъ въ томъ, что когда намъ нужно опредѣлить характеръ извѣстнаго элемента, мы должны на время отлагать въ сторону запутанныя задачи, и пріискивать такія задачи, въ которыхъ интересующій насъ элементъ обнаружилъ бы свой характеръ самымъ несомнѣннымъ образомъ, пріискивать задачи самаго простѣйшаго состава. Тогда, узнавъ характеръ занимающаго насъ элемента, мы можемъ уже удобно распознать ту роль, какую играетъ онъ и въ запутанной задачѣ, отложенной нами до этой поры.

Напримѣръ, вмѣсто многосложной задачи: были ли войны съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка полезны для Англіи, берется простѣйшій вопросъ, незапутанный никакими побочными обстоятельствами: можетъ ли война быть полезна, не для какой нибудь шайки, а для многочисленной націи?

Теперь, какъ же рѣшить этотъ вопросъ? Дѣло идетъ о выгодѣ, то есть о количествѣ благосостоянія или богатства, объ уменьшеніи или увеличеніи его, то есть о величинахъ, которыя измѣряются цифрами. Откуда же мы возьмемъ цифры? Никакой историческій фактъ не даетъ намъ этихъ цифръ въ томъ видѣ, какой намъ нуженъ, то есть въ простѣйшемъ видѣ, такъ чтобы онѣ зависѣли единственно отъ опредѣляемаго нами элемента, отъ войны;—во всякомъ историческомъ фактѣ, какъ въ той войнѣ, которая возбудила этотъ вопросъ, статистическія явленія и цифры опредѣлялись не однимъ элементомъ войны, а также множествомъ всевозможныхъ другихъ условій и обстоятельствъ.

Итакъ, изъ области историческихъ событій мы должны перенестись въ область отвлеченнаго мышленія, которое вмѣсто статистическихъ данныхъ, представляемыхъ исторіею, дѣйствуетъ надъ отвлеченными цифрами, значеніе которыхъ условно, и которыя назначаются просто по удобству.

Напримѣръ, оно поступаетъ такъ.

Предположимъ, что общество имѣетъ 5,000 человѣкъ населенія, въ томъ числѣ 1,000 взрослыхъ мужчинъ, трудомъ которыхъ содержится все общество. Предположимъ, что 200 изъ нихъ пошли на войну. Спрашивается, каково экономическое отношеніе этой войны къ обществу? Увеличила или уменьшила она благосостояніе общества?

Лишь только мы произвели такое простѣйшее построеніе вопроса, рѣшеніе становится столь просто и безспорно, что можетъ быть очень легко отыскано каждымъ, и не можетъ быть опровергнуто никѣмъ и ничѣмъ.

Каждый, кто умѣетъ производить умноженіе и дѣленіе, не задумавшись, скажетъ: до войны, каждому работнику приходилось содержать пять

человѣкъ, а во время войны, когда 200 работниковъ отвлечены отъ труда, осталось 800 работниковъ; они должны содержать себя, 4,000 человѣкъ остального населенія и кромѣ того еще 200 бывшихъ работниковъ, пошедшихъ на войну, всего 5,000 человѣкъ; стало быть, каждому приходится содержать 6,25 человѣкъ (иначе говоря, прежде 100 работниковъ содержали 500 человѣкъ, теперь содержатъ 625 человѣкъ),—ясно, что положеніе работниковъ стало тяжелѣе и что остальные члены общества не могутъ быть содержимы въ прежнемъ изобиліи. Ясно, что война вредна для благосостоянія общества.

Читатель видитъ, что абсолютной величинѣ цифръ не приписывается тутъ никакой важности: важность только въ томъ, увеличилась или уменьшилась извѣстная пропорція отъ перемѣны въ цифрѣ того элемента, характеръ котораго мы хотимъ узнать. Больше будетъ, или меньше будетъ, вотъ все, что намъ нужно знать, чему мы придаемъ важность. Если выходитъ „больше“, оно все таки останется „больше“, какія бы цифры мы ни взяли, а если выходитъ „меньше“, то все таки выйдетъ „меньше“. какія бы цифры мы ни взяли.

Напримѣръ, положимъ, что въ обществѣ не 5,000, а 600,000 человѣкъ; положимъ, что въ немъ не 1,000, а 150,000 работниковъ; положимъ, что на войну пошли не 200 человѣкъ, а 50,000 человѣкъ, выводъ будетъ все тотъ же:

До войны работникъ содержалъ 4-хъ человѣкъ; во время войны осталось изъ 150,000 человѣкъ работниковъ только 100,000; стало быть, каждому приходится содержать по 6 человѣкъ. Тоже самое, что и прежде: работникамъ стало тяжелѣе прежняго, а всему населенію общества хуже прежняго.

Мы видимъ также, что въ какой именно пропорціи стало хуже, это уже зависитъ отъ величины взятыхъ нами цифръ: онѣ брались нами предположительно, потому мы и не придавали важности точной величинѣ пропорціи. Но мы видимъ также, что чѣмъ бо́льшая пропорція людей посылается на войну, тѣмъ больше вредъ, приносимый войною, обществу, и потому говоримъ: убыточность войны для общества прямо пропорціональна числу людей, идущихъ на войну.

Эти выводы сохраняютъ свою совершенную безспорность, полную математическую достовѣрность, хотя цифры брались нами просто „по предположенію“, просто сопровождались словомъ „предположимъ“.

По этому термину, „предположеніе“, „гипотеза“, самый методъ называется гипотетическимъ.

Возвращаемся теперь къ частному, фактическому вопросу, на время отложенному нами: полезна ли была для Англіи война съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка?—мы видимъ, что онъ уже разрѣшенъ, что онъ допускаетъ одно только рѣшеніе: если война вообще не можетъ быть полезна, если отъ нея всегда вообще бѣднѣетъ общество, то, конечно, и рядъ войнъ, о которомъ мы говоримъ, былъ вреденъ для Англіи.

Въ этомъ общемъ смыслѣ, политико-экономическіе вопросы рѣшаются посредствомъ гипотетическаго метода съ математическою достовѣрностью,

лишь бы только были поставлены правильно, лишь бы только обращены были въ уравненія вѣрнымъ образомъ. Рѣшеніе получается въ словахъ „увеличивается“ и „уменьшается“, то есть „польза“ и „вредъ“, „выгода“ и „убытокъ“.

Иное дѣло, если мы хотимъ узнать, какъ именно велико было вредное или полезное дѣйствіе опредѣленнаго нами элемента на данное общество въ данномъ случаѣ, какъ именно великъ былъ вредъ, нанесенный Англіи войнами съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Это уже дѣло исторіи и статистики; онѣ должны отвѣчать на него своими не гипотетическими, а положительными разсказами и цифрами. Трактатъ, нами переводимый, занимается почти исключительно вопросами въ самомъ общемъ ихъ видѣ; потому къ помощи исторіи и статистики намъ рѣже понадобится прибѣгать, нежели къ гипотетическому методу. Но какъ надобно думать о тѣхъ случаяхъ, когда на общее рѣшеніе вопроса, находимое гипотетическимъ способомъ, возражаютъ фактами и цифрами относящимися къ одному или нѣсколькимъ отдѣльнымъ событіямъ, когда, напримѣръ, на рѣшеніе „война убыточна“ возражаютъ цифрами о развитіи англійской торговли и промышленности во время войнъ съ Франціею при республикѣ и Наполеонѣ? Если эти цифры достовѣрны, то естественно является надобность провѣрить, могутъ ли онѣ считаться слѣдствіями того элемента, дѣйствію котораго приписываются, или произведены были вліяніемъ другихъ элементовъ. Въ результатѣ мы всегда находимъ, что это такъ, что если при существованіи извѣстнаго элемента были въ обществѣ факты, противорѣчившіе общему характеру его, найденному нами посредствомъ гипотетическаго метода, то они производились дѣйствіемъ другихъ, противоположныхъ ему элементовъ, которые могли даже пересиливать его вліяніе, но которыхъ дѣйствіе ослаблялось его вліяніемъ.

Имѣя математическій характеръ, гипотетическій методъ въ сущности всегда дѣйствуетъ цифрами; но часто уравненія, составляемыя по его правиламъ, такъ немногосложны, что писатель предоставляетъ самому читателю вообразить въ своемъ умѣ какія нибудь цифры, а самъ ограничивается только неопредѣленными словами „больше“ и „меньше“. Напримѣръ: чѣмъ больше пропорція работниковъ или взрослыхъ мужчинъ въ числѣ населенія, тѣмъ благосостояніе общества значительнѣе. Если подобныя соображенія относить, какъ и слѣдуетъ, къ гипотетическому методу, мы увидимъ, что рѣшительно вся политическая экономія развивается его помощью. Конечно, такія неопредѣленныя выраженія, такіе короткіе доводы читаются легче, нежели тѣ нѣсколько длинные разсчеты, въ которыхъ дѣйствительно выставляются цифры. Если въ нашихъ замѣчаніяхъ будетъ довольно много разсчетовъ и цифръ, это происходитъ не отъ того, чтобы мы не понимали утомительности ихъ для читателя; но мы обращаемъ вниманіе читателя на такіе вопросы, которые слишкомъ многими писателями рѣшались ошибочно, фальшивое мнѣніе о которыхъ сильно распространено. Говорить о нихъ только неопредѣленными словами „много“ и „мало“, „больше“ и „меньше“ было бы неудовлетворительно; а выводы изъ ихъ правильнаго рѣшенія такъ важны, что заслуживаютъ употребленія нѣкоторой напряженной внимательности при ихъ изслѣдованіи.

II.

Выгодное и убыточное для общества производство и потребленіе.

Мы видѣли, что трудъ бываетъ производительный или непроизводительный, потребленіе бываетъ производительное или непроизводительное. Слѣдуя Адаму Смиту и Рикардо, Милль относитъ къ непроизводительному труду многіе роды занятій, которые французскими экономистами, и въ томъ числѣ Сэ, обыкновенно причисляются къ труду производительному. Послѣ разъясненій Милля не остается никакого сомнѣнія, что французскіе экономисты обольщаютъ себя въ этомъ случаѣ грубыми натяжками; откуда же явилось въ нихъ расположеніе придумывать софизмы въ опроверженіе вывода, очень ясно сдѣланнаго еще Адамомъ Смитомъ? Сэ самъ объясняетъ эту причину: слово непроизводительность набрасываетъ какую-то дурную тѣнь на тѣ роды занятій, къ которымъ относится. Милль говоритъ, что непроизводительность не мѣшаетъ многимъ занятіямъ быть очень почтенными и полезными. Но Сэ самъ зналъ, что они почтенны и полезны; именно потому онъ и старался избавить ихъ отъ имени непроизводительныхъ. Изъ такого разнорѣчія мыслителей, думающихъ въ сущности одинаково, мы должны заключить, что есть въ самомъ поставленіи вопроса какая нибудь неясность. Конечно, трудъ Гаррика и Кина, превосходно передававшихъ Шекспира, гораздо выше, нежели трудъ полуграмотнаго писаря, безтолково читающаго передъ сельскими старшинами предписаніе волостнаго правленія; но почему же трудъ писаря не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ своей полезности для общества, а труды Гаррика и Кина показались французскимъ экономистамъ нуждающимися въ защитѣ посредствомъ натянутыхъ объясненій? Почему въ словѣ „непроизводительный“ лежитъ какое-то порицаніе, несмотря на высокое достоинство нѣкоторыхъ родовъ непроизводительнаго труда?

Для этого надобно намъ вникнуть въ распредѣленіе силъ общества между разными занятіями, въ отношеніе этихъ занятій къ потребностямъ общества.

Предположимъ, что общество состоитъ изъ 4,000 человѣкъ, изъ числа которыхъ 1,000 человѣкъ—взрослые мужчины, трудомъ которыхъ должно содержаться все общество. Положимъ, что среднимъ числомъ нужно по 2 четверти хлѣба въ годъ на человѣка. Положимъ, что каждый работникъ, занимаясь земледѣліемъ половину года или 150 рабочихъ дней, производитъ 20 четвертей. Въ такомъ случаѣ нужно на производство 8,000 четвертей 400 человѣкъ, занимающихся производствомъ въ теченіе половины года, или, что то же, будетъ занято число дней, равное годичному труду 200 работниковъ. Положимъ, что на производство другихъ съѣстныхъ припасовъ, нужныхъ для доставленія здоровой и разнообразной пищи (мясо, молоко, овощи), нужно столько же времени, или годичный трудъ также 200 работниковъ. Положимъ, что столько же труда (200) нужно на изготовленіе и поправку жилищъ и на заготовленіе топлива; столько же на изготовленіе удовлетворительной одежды и мелкихъ хозяйственныхъ надоб-

ностей первой необходимости. Это все трудъ, прямо обращенный на предметы надобности. Кромѣ того, нужно извѣстное количество непрямого производительнаго труда на поддержаніе этого прямого труда. Положимъ, что на охраненіе нужно 50 работниковъ, и на другіе роды непрямаго труда (приготовленіе инструментовъ и проч.) столько же. Это все трудъ, обращенный на производство предметовъ первой надобности; итакъ, мы имѣемъ, что обществу нужно слѣдующее число годичныхъ единицъ труда (или слѣдѣющее число годичныхъ работниковъ, считая по 300 рабочихъ дней на человѣка) для изготовленія предметовъ первой необходимости въ количествѣ, удовлетворяющемъ надобности всего общества:

Производство хлѣба	200	работниковъ.
„ другихъ съѣстныхъ припасовъ	200	„
„ жилищъ и топлива	200	„
„ одежды и остальныхъ надобностей	200	„
Охраненіе общества и продуктовъ	50	„
Другіе роды непрямого производ. труда	50	„
Итого	900	работниковъ.

Итакъ, на всѣ другія занятія, кромѣ занятій по производству предметовъ первой надобности, остается 100 единицъ труда или 100 взрослыхъ мужчинъ.

Теперь, вмѣсто того, чтобы начинать разсчетъ съ надлежащаго начала, съ мысли о хлѣбѣ и другихъ первыхъ надобностяхъ,—вмѣсто того, чтобы оставлять на другія занятія только то количество времени, или людей, какое остается избыточнымъ по удовлетвореніи первыхъ надобностей, мы попробуемъ повернуть дѣло задомъ напередъ, и прежде всего подумаемъ о томъ, какія вещи пріятны, какія наслажденія возвышенны и назначимъ прежде всего трудъ на нихъ.

Намъ нуженъ 1) театръ; на него нуженъ трудъ 20 человѣкъ. Намъ нужны 2) концерты,—тоже 20 человѣкъ. Нужны 3) бронзовыя украшенія,—тоже 20 человѣкъ. Нужны 4) золотое шитье; 5) шелковые обои и занавѣси; 6) нужны разныя другія издѣлія того же сорта; на каждый предметъ по 20 работниковъ, всего 120 работниковъ. Но это все для глазъ и слуха, а неужели не подумать о желудкѣ? Намъ нужны гастрономическія кушанья,—положимъ на нихъ хотя 40 работниковъ,—право, это очень умѣренно; нужны тонкія вина—еще 40 человѣкъ; итого на гастрономическія наслажденія 80 и на другіе предметы роскоши 120 человѣкъ, всего 200 работниковъ.

Ясно, что на предметы первой надобности остается только 800 работниковъ, вмѣсто 900, которые были бы нужны для производства ихъ въ достаточномъ количествѣ. Ясно, что на многихъ членовъ общества будетъ недоставать этихъ предметовъ, и что явится гораздо больше поводовъ развиваться воровству и другимъ нарушеніямъ тишины и собственности. На охраненіе общества отъ этихъ покушеній нужно больше труда; вмѣсто прежнихъ 50 работниковъ нужно на это 100. Въ какомъ же видѣ будетъ прямое производство предметовъ первой надобности?

Всего остается, за вычетомъ этихъ 200 работниковъ по предметамъ роскоши, 100 по охраненію и 50 по непрямому производству другихъ разрядовъ, на прямое производство предметовъ первой надобности 650 человѣкъ, вмѣсто того, что надобно ихъ 800.

Что тогда будетъ? Безъ хлѣба жить нельзя, уменьшеніе по производству пищи падетъ главнымъ образомъ не на него, а на мясо, овощи и т. д. Но можно и хлѣба ѣсть нѣсколько меньше; такимъ образомъ, на производство его можно вмѣсто 200 работниковъ употребить 175 человѣкъ: тогда его будетъ производиться 7,000 четвертей.

Остается на другіе съѣстные продукты, жилища, топливо, одежду и проч. вмѣсто прежнихъ 600 работниковъ только 475. Мяса и другихъ съѣстныхъ припасовъ можно производить гораздо меньше, вѣдь это прихоти, довольно и одного хлѣба; вмѣсто 200 работниковъ положимъ на это 125. Тогда на жилища и топливо останется 175, на одежду тоже 175.

Мы видимъ, что и въ пищѣ, и въ одеждѣ, и въ жилищахъ, и во всѣхъ другихъ предметахъ первой надобности очень многіе члены общества будутъ имѣть очень сильный недостатокъ.

Отчего этотъ недостатокъ? Оттого-ли, что занятія, которыми поглощено время 200 работниковъ, не полезны сами по себѣ и не возвышенны? Это все равно. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, занятія поваровъ и бронзовщиковъ, не имѣютъ въ себѣ ничего особенно возвышеннаго. Но другія очень почтенны или возвышенны: въ числѣ этихъ 200 работниковъ есть великіе живописцы, превосходные музыканты, геніальные художники всякаго рода. Это все равно. Все равно, чѣмъ бы ни занимались эти 200 человѣкъ, они занимаются не производствомъ предметовъ первой необходимости, между тѣмъ какъ обществу не достаетъ предметовъ первой необходимости. Нужда общества происходитъ не отъ того, чтобы ихъ занятія сами по себѣ были менѣе хороши нежели хлѣбопашество или шитье мужицкихъ сапогъ,—нѣтъ, просто оттого, что этихъ людей 200 человѣкъ, между тѣмъ какъ общество безъ вреда для себя могло бы отдѣлить на ихъ занятія только 100 человѣкъ.

Дѣйствительно-ли въ какомъ-нибудь обществѣ существуетъ такая непропорціональность между числомъ рукъ, занятыхъ производствомъ предметовъ роскоши или трудомъ непроизводительнымъ, и количествомъ рукъ, какое нужно было бы для производства предметовъ первой надобности, показать это уже дѣло статистики. Но политическая экономія говоритъ, что если въ какомъ-либо обществѣ существуетъ трудъ непроизводительный и трудъ обращенный на производство предметовъ роскоши при недостаткѣ предметовъ первой необходимости, то общество это страждетъ отъ неразсчетливаго, несообразнаго съ его потребностями и средствами распредѣленія рукъ между родами занятій.

Сравнивая два примѣра, нами приведенные, мы можемъ видѣть, отчего происходитъ эта несообразность. Въ первомъ случаѣ, мы начинали распредѣленіе по потребностямъ низшимъ; на высшія оставался у насъ только излишекъ за удовлетвореніемъ низшихъ. Во второмъ, начинали съ удовлетворенія высшихъ, а на низшія оставили только то, чему случилось остаться.

Которое изъ двухъ основаній распредѣленія вообще лучше для общества, это каждый можетъ рѣшать по своему; при нынѣшнемъ еще неудовлетворительномъ состояніи многихъ отраслей нравственныхъ наукъ, существуетъ возможность говорить, что лучше любоваться на картины Рафаэля, нежели имѣть здоровую пищу. Надобно впрочемъ сказать, что нынѣшній образъ мыслей не расположенъ къ подобнымъ воззрѣніямъ. Нынѣ вообще полагаютъ, что бѣдность мѣшаетъ развитію достойной человѣка жизни, что высшія наслажденія становятся доступны человѣку только по удовлетвореніи низшихъ потребностей, что, напримѣръ, философіею или астрономіею можно съ успѣхомъ и удовольствіемъ заниматься только при нѣкоторой свободѣ отъ матеріальныхъ лишеній; изъ этого слѣдовало бы, что даже тотъ, кому интересы искусства, отвлеченной науки, живописи или ваянія, филологіи или археологіи, театра или поэзіи, болѣе милы, нежели матеріальное благосостояніе общества,—даже и тотъ былъ бы долженъ находить лучшимъ такое распредѣленіе занятій, основаніемъ которому служили бы матеріальныя потребности человѣка, потому что при матеріальномъ благосостояніи общества наука и искусство должны развиваться успѣшнѣе, нежели тогда, когда матеріальныя потребности неудовлетворены. Сообразно такому образу мыслей, можно полагать, что если у всѣхъ 100 человѣкъ, составляющихъ извѣстное общество, есть изобиліе и досугъ хотя по воскресеньямъ, а нѣтъ между ними ни одного человѣка, называющагося актеромъ, то всетаки спектакли будутъ у нихъ многочисленнѣе и лучше, нежели въ обществѣ, гдѣ есть 20 актеровъ и 60 бѣдняковъ, затупленныхъ лишеніями. Лишь бы люди получили матеріальное благосостояніе, а за театромъ остановки у нихъ не будетъ. Напротивъ, самый театръ будетъ плохъ и фальшиво-искусственъ, если изъ-за любви къ нему мы водворимъ въ массѣ общества бѣдность и невѣжество, потому что вся общественная жизнь получитъ тогда жалкое направленіе. Масса можетъ быть презираема; но состояніе и развитіе всѣхъ классовъ общества зависитъ отъ состоянія массы: ея невѣжество отражается и на ученыхъ, ея пошлость—и на свѣтскихъ людяхъ, ея страданія—и на людяхъ, изобилующихъ всѣмъ. Развитіе наукъ, искусствъ, нравственности, и всѣхъ другихъ совершенствъ всегда бываетъ прямо пропорціонально матеріальному благосостоянію массы.

Справедливъ-ли такой взглядъ, предоставляемъ судить каждому, какъ ему угодно. Разборъ этихъ вопросовъ принадлежитъ не политической экономіи; мы коснулись ихъ только потому, что противъ мыслителей, говорящихъ о выгодности распредѣленія занятій сообразно съ матеріальными нуждами общества, часто слышится упрекъ, будто бы системы этихъ мыслителей враждебны всему возвышенному, поэтическому, прекрасному; будто бы они хотятъ отбить голову Аполлона Бельведерскаго, чтобы сдѣлать ее горшкомъ для варенія каши. Этому могутъ вѣрить только люди незнакомые съ ними. Напротивъ, забота о матеріальномъ благосостояніи массы служитъ, по ихъ мнѣнію, вѣрнѣйшимъ средствомъ къ развитію всѣхъ высшихъ благъ, которыми можетъ дорожить человѣкъ. Правда-ли это? — отвѣта надобно искать не въ нашей спеціальной наукѣ, не въ политической экономіи, а въ психологіи. Можно только полагать, что одна наука не будетъ проти-

ворѣчить другой. А политическая экономія вся основана на мнѣніи, что матеріальное благосостояніе служитъ не препятствіемъ, а условіемъ для всякаго высшаго развитія.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, не подлежитъ спору тотъ принципъ, что отвлеченіе излишняго числа рукъ отъ производства первыхъ надобностей къ другимъ занятіямъ служитъ источникомъ недостатка въ предметахъ первой надобности. Масса не знаетъ этой истины теоретическимъ образомъ, но чувствуетъ на себѣ ея практическія послѣдствія. Въ Англіи общество спокойно и потому тамъ очень можно воображать удовлетворительными тѣ рекомендаціи, какихъ заслуживаютъ многія отрасли непроизводительнаго труда по своему внутреннему достоинству, независимо отъ соображеній о томъ, удобно-ли для общества отдѣлять слишкомъ большое число работниковъ для этихъ прекрасныхъ занятій, не дающихъ въ результатѣ ни пшеницы, ни сукна. Во Франціи положеніе дѣлъ не таково. Съ конца прошлаго вѣка масса волнуется, спрашивая, зачѣмъ она бѣдна, и ежеминутно угрожая переворотомъ, въ надеждѣ, что переворотъ истребитъ бѣдность. Она чувствуетъ и ея представители говорятъ, что обществу нужно большее количество продуктовъ первой необходимости. Весь трудъ съ этой точки зрѣнія дѣлится на двѣ половины: часть его обращена на производство предметовъ первой необходимости, другая часть—на занятія инаго рода. Весь непроизводительный трудъ принадлежитъ ко второй половинѣ и составляетъ самую замѣтную, хотя, быть можетъ, не самую огромную долю ея. Подъ вліяніемъ господствующей мысли легко было перенести названіе непроизводительнаго труда на всю вторую половину его и обратить въ упрекъ и въ униженіе имя непроизводительнаго труда для всѣхъ занятій, неудовлетворяющихъ первымъ потребностямъ, хотя многія изъ нихъ и не могутъ быть названы непроизводительными по господствующей терминологіи, а другія сами по себѣ очень почтенны. Французскіе экономисты, не замѣтивъ настоящаго основанія популярности и унизительности термина „непроизводительный“, вообразили, что могутъ возстановить репутацію милыхъ имъ занятій, если докажутъ, что ихъ должно называть производительными по смыслу ученой терминологіи, хотя дѣло относилось вовсе не къ ней. Отсюда ихъ усиліе доказать, что должны называться производительными тѣ занятія, за которыми Адамъ Смитъ не призналъ этого имени. Усилія эти неудачны; но еслибъ и были удачными, не принесли бы пользы, потому что дѣло не въ названіяхъ занятій, а въ несообразности распредѣленія рабочихъ рукъ между разными занятіями съ потребностями общества.

Милль, какъ человѣкъ считающій свое общество безопаснымъ отъ потрясеній, остается холоденъ къ этому вопросу о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, поставленному въ самомъ дѣлѣ не точно, но скрывающему въ своей основѣ требованіе, чтобы количество предметовъ роскоши, производимыхъ націею, было сообразно съ ея потребностями уменьшено, для увеличенія производства предметовъ первой необходимости.

Но онъ справедливо замѣчаетъ великую важность другаго подобнаго различенія,—различенія между производительнымъ и непроизводительнымъ потребленіемъ. Начало пятаго параграфа и особенно начало шестаго пара-

графа въ 3-й главѣ его 1 книги превосходно. О второй половинѣ шестаго параграфа мы будемъ говорить ниже, а теперь, припоминая все, сказанное Миллемъ о различныхъ родахъ труда и потребленія, сообразимъ съ ними сдѣланныя нами замѣчанія, которыя не заключаютъ въ себѣ ровно ничего противнаго ни Миллю, ни Рикардо, ни Мальтусу, ни Адаму Смиту, напротивъ, совершенно сообразны съ ихъ основными понятіями и выведены по методѣ, которой слѣдовали всѣ эти мыслители, такъ что едва-ли найдется въ нашихъ словахъ мысль, которая не была бы выражена и каждымъ изъ нихъ.

Результаты этого соображенія будутъ:

Съ точки зрѣнія настоятельнѣйшей потребности общества, потребности въ увеличеніи количества продуктовъ первой надобности, основаніе къ различенію труда на производительный и непроизводительный не имѣетъ важности (это говоритъ самъ Милль). Оно съ этой точки зрѣнія представляется несоотвѣтствующимъ практической цѣли экономическихъ изысканій и неудобнымъ въ теоретическомъ отношеніи, потому что раздѣляетъ на разные разряды тѣ роды труда, существенный характеръ которыхъ одинаковъ, и соединяетъ въ одинъ разрядъ роды труда, не имѣющіе между собою по существенному назначенію ничего общаго. Напримѣръ, трудъ живописца или скульптора по этому дѣленію будетъ называться производительнымъ, только оттого, что картина и статуя—вещи прочныя и матеріальныя, а трудъ актера и музыканта—непроизводительнымъ: между тѣмъ, по всѣмъ кореннымъ, важнымъ для общества признакамъ всѣ эти люди и ихъ произведенія составляютъ одинъ разрядъ. Напротивъ, въ одинъ разрядъ съ живописцемъ и скульпторомъ ставятся землекопъ и водовозъ. Что общаго между этими людьми и трудами ихъ?

Напротивъ, очень важно съ точки зрѣнія практическихъ потребностей общества и очень логично въ теоретическомъ отношеніи раздѣленіе потребленія на производительное и непроизводительное.

Основанія этихъ классификацій, употребляющихъ одинъ и тотъ же терминъ, совершенно различны: въ трудѣ основаніемъ принимается внѣшній, случайный признакъ, матеріальность или долговѣчность продукта; въ потребленіи, назначеніе, смыслъ, экономическая роль того или другого потребленія.

Ясно, что для приведенія этихъ двухъ классификацій Смитовской теоріи въ гармонію другъ съ другомъ, надобно принять для одного изъ двухъ дѣленій основаніе, одинакое съ другимъ. Логика и практическая важность заставляютъ отдать предпочтеніе основанію, которое принимается этою теоріею для классификаціи потребленія.

Признакомъ производительнаго потребленія служитъ то, что оно имѣетъ своею цѣлью увеличеніе средствъ къ производству, служитъ источникомъ новаго производства; признакомъ производительнаго труда также должно принять то, что его продукты служатъ источникомъ новаго производства, имѣютъ своею цѣлью увеличеніе средствъ къ производству.

Когда мы писали статью „Капиталъ и трудъ“, мы, не желая увеличивать объемъ ея, не захотѣли вводить новой терминологіи, чтобы не тра-

тить мѣста на объясненіе надобности въ ней: измѣняя основаніе классификаціи труда, мы оставили прежніе термины для обозначенія разрядовъ.

Но, по справедливому замѣчанію Милля, старому термину опасно давать новое значеніе, потому что иначе произойдетъ спутанность понятій между новымъ и старымъ значеніемъ; лучше давать новый терминъ для новаго понятія. Мы полагаемъ, что удобнѣе будетъ пріискать для классификаціи труда и потребленія новый терминъ.

Намъ кажется, что сущности дѣла хорошо соотвѣтствуютъ слова „выгодный“ и „убыточный“. Мы думаемъ постоянно пользоваться ими.

Чья выгода тутъ разумѣется? Наука говоритъ о націи, объ обществѣ, о человѣческомъ родѣ. Потому выгоду и убыточность надобно разсчитывать по дѣламъ общества, націи, человѣческаго рода. О какой именно выгодѣ надобно говорить? Въ политической экономіи, занимающейся изслѣдованіемъ условій матеріальнаго благосостоянія, конечно, о выгодѣ для матеріальнаго благосостоянія.

Путь къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія—производство: потому выгодно то, что ведетъ къ увеличенію производства; такимъ образомъ, классификація по принимаемой нами терминологіи совершенно совпадаетъ для потребленія съ тою, какую принимаетъ Милль по прежней терминологіи.

Но разные роды труда распредѣлятся по новой классификаціи далеко не такъ, какъ по прежней.

Нѣкоторые роды труда имѣютъ характеръ абсолютно выгодный. Напримѣръ, хлѣбопашество и вообще всякій трудъ, обращенный на производство предметовъ первой необходимости, также трудъ воспитанія и образованія, потому что отъ этихъ трудовъ матеріальное благосостояніе общества непремѣнно и во всякомъ случаѣ увеличивается.

О другихъ родахъ надобно сказать, что они имѣютъ характеръ абсолютно убыточный. Таково, напримѣръ, всякое занятіе, уничтожающее тѣлесныя, умственныя или нравственныя силы въ людяхъ, потому что этимъ уменьшается одинъ изъ факторовъ матеріальнаго благосостоянія. Такова, напримѣръ, война.

Но кромѣ того, есть обширный классъ занятій, которыя могутъ быть выгодны или убыточны для общества, смотря потому, какой степени матеріальнаго благосостоянія оно достигло и каковъ размѣръ средствъ, которыми оно располагаетъ. Напримѣръ, трудъ, употребляемый на тканье тонкаго сукна въ обществѣ, которое не имѣетъ достаточнаго количества простого сукна, былъ бы убыточенъ; потому, что общество, какъ видно, не располагаетъ еще такими обильными средствами производства, чтобы могло, безъ уменьшенія своего матеріальнаго благосостоянія, тратить на производство сукна больше средствъ, больше труда, нежели сколько нужно для выдѣлки простого сукна, а выдѣлка тонкаго сукна беретъ больше труда, поглощаетъ больше средствъ, нежели выдѣлка простого. Но когда съ увеличеніемъ средствъ производства, общество достаточно снабдитъ себя простымъ сукномъ и будетъ имѣть излишекъ времени, оно можетъ безъ убытка для себя употребить этотъ излишекъ, на то, чтобы выдѣлывать сукно болѣе тонкое.

Этотъ разрядъ труда и продуктовъ особенно интересенъ, и самъ по себѣ, и по спорамъ, которые онъ возбуждаетъ.

Самъ по себѣ онъ интересенъ въ томъ отношеніи, что каждый родъ и каждый сортъ принадлежащихъ къ нему продуктовъ требуетъ особеннаго разсмотрѣнія, и притомъ въ каждую данную эпоху экономическаго развитія въ каждомъ обществѣ: тутъ нѣтъ никакихъ неподвижныхъ признаковъ, какъ въ первыхъ двухъ разрядахъ съ абсолютными качествами выгодности и убыточности; напротивъ, тутъ все зависитъ отъ отношеній даннаго труда и продукта къ даннымъ средствамъ общества. Это тоже самое, что вопросъ о разсчетливости извѣстнаго расхода для индивидуума: что разсчетливо и умно для одного человѣка, съ одними средствами, то расточительно и безразсудно для другаго человѣка, съ другими средствами, было бы расточительностью, безразсудствомъ и въ первомъ, когда бы у него были не тѣ средства. Богатый негоціантъ дѣлаетъ очень умно, когда покупаетъ карету на лежачихъ рессорахъ и пару отличныхъ лошадей; было бы даже неразсчетливо ему ѣздить на дрянномъ извозчикѣ—лишній часъ, выигранный имъ каждый день отъ быстрой ѣзды, даютъ ему въ годъ выигрышъ на сумму въ десятеро большую истраченной на отличныхъ лошадей и экипажъ, потому что каждый часъ, выигранный имъ для дѣлъ, даетъ ему выигрышъ въ сотняхъ и въ тысячахъ рублей. Но глупо было бы заводить карету человѣку, имѣющему всего 1,000 рублей дохода: онъ въ своей каретѣ насидѣлся бы голоденъ и она скоро отвезла бы его въ долговую тюрьму.

Точно тоже и для разныхъ экономическихъ обществъ. Всѣ-ли въ этомъ обществѣ ѣдятъ пшеничный хлѣбъ? Всѣ-ли имѣютъ на столѣ мясо, когда захотятъ? Если всѣ, общество можетъ употребить излишекъ своихъ средствъ на пріобрѣтеніе спаржи зимою. Всѣ-ли жилища въ этомъ обществѣ снабжены порядочною мебелью? Если всѣ, оно можетъ выдѣлывать бронзовыя украшенія. Зимняя спаржа и бронза—вещи прекрасныя и очень приличныя ему. Но если нѣтъ, если оно не развило въ такой мѣрѣ своихъ производительныхъ силъ, то спаржа зимою и бронза для него преждевременны: più lardi, какъ говоритъ маэстро Лазаревъ, авторъ знаменитой симфоніи, разыгрываемой на бомбардонахъ; повремените кушать десертъ, пока еще нѣтъ у васъ на столѣ супа: десертъ хорошъ только послѣ нѣсколькихъ сытныхъ блюдъ.

Внѣшнимъ образомъ этотъ разрядъ продуктовъ и занятій, выгодность или убыточность которыхъ зависитъ отъ состоянія общества, интересенъ потому, что къ нему принадлежатъ такъ называемые предметы роскоши, о вредѣ, или безвредности, или даже пользѣ которыхъ было очень много споровъ. Мы полагаемъ, что читатель не нуждается въ доказательствахъ вреднаго вліянія роскоши на общественное благосостояніе. Но онъ видитъ также, что принадлежность извѣстной вещи къ предметамъ роскоши или къ предметамъ простаго, полезнаго удобства, или даже къ предметамъ необходимости—дѣло, зависящее отъ времени. Имѣть въ своемъ личномъ распоряженіи обширную равнину или рощу, чтобы охотиться въ ней—для дикаря предметъ первой необходимости, а въ Англіи предметъ роскоши. Имѣть при своемъ жилищѣ обширный, ему одному принадлежащій дворъ,

для русскаго поселянина предметъ первой необходимости, а для жителя Петербурга, тѣмъ болѣе для жителя большаго западнаго города—предметъ роскоши. Наоборотъ, имѣть нѣсколько стульевъ для западнаго европейца предметъ первой необходимости, а для кочеваго киргиза предметъ роскоши. Мы видимъ, что принадлежность извѣстной вещи къ тому или другому разряду зависитъ не отъ внутреннихъ ея качествъ, а только отъ того, какое количество труда требуется въ данномъ мѣстѣ, въ данное время для ея пріобрѣтенія, или какимъ количествомъ выгодъ надобно жертвовать для ея полученія или сохраненія. Въ странѣ, населенной только еще охотничьимъ племенемъ, огромныя пространства лѣса почти никому не нужны и почти ни на что не годятся кромѣ охоты. Дикарь, нуждающійся въ нѣсколькихъ десяткахъ или сотняхъ десятинъ лѣса, не отнимаетъ ихъ своею охотою ни у какого другаго общественнаго или частнаго употребленія. Ни цѣлое общество, ни кто изъ отдѣльныхъ людей въ этомъ обществѣ не лишается черезъ это средствъ къ труду, существующему въ томъ обществѣ. Напротивъ, каждая десятина, занятая охотничьимъ паркомъ въ Англіи, отнимаетъ значительное количество мѣста у земледѣльческаго или какого нибудь другаго труда, болѣе выгоднаго для Англіи, нежели охота. Владѣлецъ охотничьяго парка жертвуетъ для охоты значительною суммою болѣе полезныхъ вещей, которыя могли бы производиться этимъ мѣстомъ. Мѣстность, занятая паркомъ, не приноситъ выгоды обществу, но не потеряла способности приносить ее земледѣльческими продуктами при другомъ употребленіи. Потому, хотя она не приноситъ выгоды обществу, но сохраняетъ высокую мѣновую цѣнность, величина которой равняется размѣру тѣхъ выгодъ, какія могли бы приносить земледѣльческіе продукты этого пространства земли. Высокая мѣновая цѣнность составляетъ признакъ всѣхъ предметовъ роскоши; но по одному этому признаку еще нельзя рѣшить, что извѣстная вещь составляетъ предметъ роскоши: есть вещи первой необходимости, имѣющія высокую мѣновую цѣнность. Напримѣръ, платина совершенно необходима для нѣкоторыхъ техническихъ аппаратовъ, употребляемыхъ въ фабричномъ дѣлѣ, или алмазъ необходимъ для рѣзанія стекла, т. е. для доставленія нужнаго вида такому продукту, который въ нашемъ обществѣ составляетъ предметъ первой необходимости. То количество платины и алмаза, какое нужно на эти вещи и какое дѣйствительно употребляется на нихъ, должно считаться въ нашемъ европейскомъ обществѣ предметомъ такой же первой необходимости, какъ пилы, терпуги, желѣзо, дерево и другіе инструменты или матеріалы для инструментовъ. Но остальное количество платины и алмаза, обращаемое на украшенія, каждый называетъ предметомъ роскоши. Почему же это такъ? Не собственно по высокой мѣновой цѣнѣ этихъ продуктовъ: платина, идущая на химическій тигель, имѣетъ точно такую же мѣновую цѣнность, какъ платина, идущая на фермуаръ или брошку. Нѣтъ, сущность дѣла зависитъ не только отъ того, что платина или алмазъ, идущіе на украшеніе, имѣютъ высокую мѣновую цѣнность, а собственно отъ того, что они въ этомъ случаѣ идутъ на такое употребленіе, которому съ равнымъ или даже съ большимъ внутреннимъ успѣхомъ могутъ соотвѣтствовать другіе предметы, добываемые гораздо меньшимъ количествомъ труда. Напримѣръ,

брильянтовый уборъ на волосахъ вовсе не придаетъ имъ большей красоты, нежели какой нибудь простой уборъ изъ полевыхъ цвѣтовъ или какихъ нибудь цвѣтныхъ бусъ. Въ этомъ согласны всѣ живописцы и люди съ тонкимъ вкусомъ. Разница тутъ не въ красотѣ убора, или скорѣе эта разница въ красотѣ убора клонится на сторону простыхъ цвѣтовъ. Разница просто въ дороговизнѣ убора, то-есть въ томъ, что уборъ изъ цвѣтовъ не свидѣтельствуетъ, а брильянтовый уборъ свидѣтельствуетъ, что лицо, имѣющее такой уборъ, превосходитъ богатствомъ другія лица, не имѣющія такого убора. Такимъ образомъ брильянтовый уборъ нуженъ не для того, чтобы удовлетворять существенному назначенію убора, не для того, чтобы придавать красивость фигурѣ человѣка, а только для того, чтобы удовлетворять чувству тщеславія. Таково существенное свойство всѣхъ предметовъ роскоши.

Предметы роскоши существуютъ собственно только для удовлетворенія чувству тщеславія. Хорошо ли само по себѣ это чувство, имѣетъ ли оно право на удовлетвореніе въ обществѣ разумныхъ людей и даже такова ли его натура, чтобы оно могло достигать дѣйствительнаго удовлетворенія себѣ,—это вопросы, рѣшеніемъ которыхъ занимаются психологія и нравственная философія, а не политическая экономія. Что нравственная философія не признаетъ права на удовлетвореніе за чувствомъ тщеславія, это каждому извѣстно. Въ прибавленіе къ этому надобно сказать, что психологія причисляетъ чувство тщеславія къ тѣмъ чувствамъ, которыя возникаютъ изъ патологическаго состоянія души, которыя, принадлежа къ душевнымъ болѣзнямъ, не могутъ находить себѣ реальнаго и прочнаго удовлетворенія и должны быть предметомъ лѣченія, а не поощренія, или хотя бы равнодушнаго невмѣшательства. Доказательствъ этого читатель долженъ искать въ психологіи, а мы можемъ представить здѣсь только результатъ ея изысканій. Политическая экономія смотритъ на роскошь только со стороны ея отношеній къ матеріальному благосостоянію общества и находитъ, что она убыточна для общества, имѣя свою сущность въ томъ, что предметъ, хорошо удовлетворяющій извѣстному назначенію и производимый небольшимъ количествомъ труда, отвергается и замѣняется для удовлетворенія чувству тщеславія другимъ предметомъ, который спеціальному своему назначенію удовлетворяетъ не лучше или даже гораздо хуже отвергаемаго предмета, но стоитъ обществу гораздо большаго количества труда. Весь этотъ излишекъ труда составляетъ неразсчетливую растрату его или убытокъ для общества.

Что такое предметъ роскоши, можно пояснить слѣдующимъ сравненіемъ. Изъ Петербурга въ Москву можно пріѣхать безчисленнымъ множествомъ разныхъ путей. Изъ нихъ самый прямой и удобный желѣзная дорога. Но проѣхать по ней стоитъ всего только отъ 15 до 25 рублей. Если вы думаете ѣхать изъ Петербурга въ Москву за какимъ нибудь дѣломъ, полезнымъ для общества или хотя лично для васъ, вы поѣдете по этому пути и будете очень рады его дешевизнѣ. Но, быть можетъ, вы хотите, чтобы это путешествіе не служило удовлетвореніемъ какой нибудь надобности, а просто средствомъ для васъ показать, что вы располагаете огромнымъ

богатствомъ. Въ такомъ случаѣ вы можете ѣхать въ Москву по прежнему шоссе въ великолѣпной каретѣ, — это будетъ гораздо дороже и эффектнѣе, хотя въ сущности будетъ для васъ самихъ гораздо менѣе удобно. Вы можете достичь Москвы способомъ еще болѣе эффектнымъ: купите себѣ яхту, поѣзжайте кругомъ Европы, потомъ, проѣхавъ Дарданеллы, поднимайтесь вверхъ по Днѣпру, потомъ поставьте вашу яхту на колеса, какъ дѣлалъ Олегъ подъ Царьградомъ, впрягите въ нее двѣ сотни паръ воловъ и они довезутъ васъ до Москвы на яхтѣ. Если вы сдѣлаете это, о васъ будетъ говорить цѣлая Европа, и всѣ глупцы въ цѣлой Европѣ будутъ удивляться вашему богатству, потому что человѣкъ посредственнаго состоянія никакъ не въ силахъ выкинуть такую штуку. Каждый предметъ роскоши есть своего рода маленькая или большая яхта для поѣздки изъ Петербурга въ Москву способомъ, недоступнымъ для обыкновенныхъ людей. Политическая экономія называетъ путешествія подобнаго рода безразсудствомъ, убыточнымъ для общества, которое принуждено тратить свой трудъ не на какую нибудь разсудительную надобность, а просто на удовлетвореніе тщеславію лица, пріобрѣтающаго предметъ роскоши.

Во всемъ этомъ этюдѣ мы не сказали ровно ничего противнаго принципамъ той теоріи, которая основана Адамомъ Смитомъ. Вѣрность наша ея духу простирается до того, что изъ всѣхъ изложенныхъ нами мыслей не найдется рѣшительно ни одной, которая не была бы высказана и самимъ Адамомъ Смитомъ и тѣми его учениками, которые содѣйствовали развитію его теоріи, Мальтусомъ и Рикардо. О томъ, что нѣтъ въ нашихъ словахъ ничего противнаго мыслямъ Милля, можетъ судить самъ читатель. Мы беремъ тѣ самыя основанія подраздѣленій, какія даются Миллемъ; мы находимъ, что каждое изъ опредѣленій, соотвѣтствующихъ этимъ основаніямъ, само по себѣ вѣрно и удовлетворительно. Мы замѣтили только, что нѣкоторыя изъ основаній классификаціи очень важны, напримѣръ то, по которому потребленіе дѣлится на производительное и непроизводительное: замѣтили также, что основанія другихъ классификацій не столь важны, напримѣръ то, по которому производительный трудъ различается отъ непроизводительнаго. Но все это говоритъ и самъ Милль, мы только повторяемъ его слова. Что жъ новаго въ нашихъ мысляхъ? Мы думаемъ, что новаго въ самыхъ мысляхъ нѣтъ ровно ничего.

Но, мы настаиваемъ на томъ, чтобы тѣ основанія классификаціи, которыя въ самой теоріи Адама Смита признаются наиболѣе важными, были поставлены на такое мѣсто, котораго заслуживаютъ по важности, признаваемой за ними самою теоріею Смита. Она говоритъ: „это понятіе чрезвычайно важно“, и между тѣмъ упоминаетъ о немъ только мимоходомъ, не заботясь о томъ, чтобы дать ему развитіе, соотвѣтствующее его важности; мы стараемся восполнить этотъ недостатокъ, происшедшій у Адама Смита просто отъ невнимательности, просто оттого, что въ эпоху когда онъ писалъ, вниманіе общества было поглощено не тѣми понятіями, которыя оказались важными по изслѣдованіямъ самого Смита и которыхъ не могъ онъ развить съ надлежащей полнотою только потому, что трудно мыслителю долго останавливаться на предметахъ, на которыхъ еще не на-

ходитъ нужнымъ останавливаться окружающее его общество. Теперь положеніе общества измѣнилось, явились у него новыя заботы и выступаютъ на первый планъ такія понятія, которыя были второстепенными 80 лѣтъ тому назадъ. Только въ этомъ разница; какое значеніе придавать ей, — рѣшить это должны уже не мы, а сами послѣдователи Смита. Они могутъ сказать, что несогласны видоизмѣнять пропорцію между частями своей системы, — тогда ихъ система будетъ отвергнута обществомъ, состоянію котораго не соотвѣтствуетъ. Но они могутъ также согласиться на видоизмѣненія, требуемыя временемъ, и тогда система ихъ, приведенная въ согласіе съ новымъ положеніемъ общества, сохранитъ свое прежнее имя. Перемѣна неизбѣжна; притомъ же она вытекаетъ изъ самой сущности понятій, изложенныхъ Адамомъ Смитомъ; но отъ людей зависитъ, сохранитъ ли прежнее имя измѣненная вещь или получитъ новое имя. Мы находимъ, что она могла бы сохранить прежнее названіе. Французскіе экономисты не согласны съ этимъ. Чѣмъ кончится разнорѣчіе по названію мы не будемъ отгадывать. Очень можетъ быть, что у большинства людей, называющихъ себя экономистами, найдется наконецъ столько проницательности, чтобы понять необходимость перемѣны; если такъ, новое направленіе науки будетъ называться по прежнему политическою экономіею. Но если нѣтъ, если привязанность къ буквѣ и политическое консерваторство навсегда будутъ мѣшать пониманію смысла основныхъ идей собственной теоріи въ большинствѣ экономистовъ, тогда за теоріею, соотвѣтствующею нынѣшнимъ потребностямъ общества, утвердится новое имя.

III.

О непріятности труда.

„Въ понятіи труда заключаются кромѣ самой дѣятельности и всѣ тѣ непріятныя или тяжелыя ощущенія, которыя соединены съ этою дѣятельностью“, говоритъ Милль; — кто станетъ спорить съ этимъ? Но одни ли непріятныя ощущенія соединены съ дѣятельностью, которая называется трудомъ? Милль объ этомъ не говоритъ. Очень можетъ быть, что во времена Адама Смита не представлялъ никакой важности вопросъ о томъ, одну ли только непріятную сторону имѣетъ въ себѣ трудъ, или, кромѣ непріятныхъ ощущеній, онъ производитъ также пріятныя. Но теперь вопросъ этотъ поставленъ, и объяснено, что тотъ или иной отвѣтъ на него имѣетъ послѣдствія совершенно различныя для направленія экономической теоріи.

Есть теорія, утверждающая, что непріятныя ощущенія, производимыя трудомъ въ трудящемся человѣкѣ, проистекаютъ не изъ сущности самой дѣятельности, имѣющей имя труда, а изъ случайныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ, обыкновенно сопровождающихъ эту дѣятельность при нынѣшнемъ состояніи общества, но устраняющихся отъ нея другимъ экономическимъ устройствомъ. Теорія эта прибавляетъ, что, напротивъ, самъ по себѣ трудъ есть дѣятельность пріятная, или по термину, принятому этою теоріею,

дѣятельность привлекательная, такъ что, если отстраняется внѣшняя неблагопріятная для труда обстановка, онъ составляетъ наслажденіе для трудящагося.

Мы должны предоставить личному мнѣнію читателя сужденіе о томъ, справедлива ли изложенная нами теорія въ абсолютномъ своемъ развитіи, когда она утверждаетъ, что *никакой* родъ труда не заключаетъ самъ въ себѣ ничего непріятнаго. Экономическое устройство, которое считается раціональнымъ въ этой теоріи, до сихъ поръ еще не осуществлено, и потому нельзя съ достовѣрностью знать, въ томъ ли именно размѣрѣ измѣнится при этомъ устройствѣ характеръ *всякаго* труда, какъ предполагаетъ она.

Но если при нынѣшнемъ состояніи общественныхъ учрежденій и знаній нельзя съ математическою точностью доказать, что-бы *никакой* родъ труда не имѣлъ въ своей сущности ничего непріятнаго, то еще менѣе можно сказать, чтобы наука давала намъ право утверждать противное. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ тѣмъ очень многочисленнымъ вопросамъ, на которые при нынѣшнемъ состояніи знаній невозможно давать отвѣтовъ, имѣющихъ математическую безусловную точность, а можно отвѣчать только съ приблизительною точностью, впрочемъ совершенно удовлетворительною для практики.

Дѣйствительно ли во всѣхъ *безъ исключенія* родахъ труда непріятныя ощущенія происходятъ *единственно* отъ внѣшней неблагопріятной обстановки? Дѣйствительно ли *никакой* родъ труда не заключаетъ самъ въ себѣ абсолютно *ничего* непріятнаго? Этого нельзя рѣшить при нынѣшнемъ состояніи знаній; но и при нынѣшнемъ состояніи знаній уже положительно надобно сказать, что *почти* во всѣхъ родахъ труда, и въ томъ числѣ *во всѣхъ важнѣйшихъ* по экономическому значенію, *почти* всѣ непріятныя ощущенія производятся не самою сущностью труда, а только внѣшнею, случайною обстановкою его; что почти всѣ роды труда, и въ томъ числѣ всѣ важные роды его имѣютъ по своей сущности пріятность или привлекательность, которая далеко превышаетъ ихъ непріятную сторону, если даже есть въ ихъ сущности непріятная сторона (существованіе которой сомнительно), такъ что при отстраненіи неблагопріятной, случайной и внѣшней обстановки почти всякій, и въ томъ числѣ всякій важный въ экономическомъ отношеніи, трудъ составляетъ для трудящагося не непріятность, а удовольствіе.

Это подтверждается ежедневнымъ опытомъ и естественными науками. Каждый на себѣ и на другихъ можетъ замѣчать, что трудъ часто доставляетъ ему наслажденіе. Анализируя эти случаи и случаи противнаго, когда трудъ составляетъ не удовольствіе, а обремененіе, каждый можетъ видѣть, что ощущеніе пріятное производится трудомъ всегда, когда существуютъ слѣдующія три условія: во первыхъ, когда труду не препятствуютъ слишкомъ сильныя внѣшнія помѣхи; во-вторыхъ, когда человѣкъ совершаетъ его по собственному соображенію о его надобности или полезности для него самаго, а не по внѣшнему принужденію; въ третьихъ, когда трудъ не продолжается долѣе того времени, пока мускулы совершаютъ его безъ изнуренія, вреднаго организму, разрушающаго организмъ. Анализъ показы-

ваетъ, что непріятность труда всегда происходитъ отъ неисполненія этихъ условій.

Легко замѣтить, что трудъ не отличается въ этомъ отношеніи ни отъ какой другой органической дѣятельности. Каждая изъ нихъ становится непріятной при неисполненіи условій, перечисленныхъ нами. Напримѣръ, никто не скажетъ, чтобы ѣда хорошей пищи, или слушаніе хорошей музыки, или какія нибудь гимнастическія развлеченія въ родѣ танцевъ, прогулки и т. п. были сами по себѣ непріятны; напротивъ, сами по себѣ они составляютъ удовольствіе, наслажденіе. Но если человѣкъ танцуетъ не потому, чтобы ему самому вздумалось танцовать, а по какому нибудь внѣшнему понужденію, танцы уже составятъ для него обремененіе, скуку, досаду. Точно также они становятся непріятны, когда продолжаются болѣе, нежели сколько времени можетъ заниматься ими организмъ безъ изнуренія. Это мы постоянно замѣчаемъ на балетныхъ танцовщицахъ; замѣчаемъ на самыхъ любящихъ танцы молодыхъ людяхъ, когда балъ происходитъ или въ неудобное для нихъ время, или они отправляются на него не по собственному желанію, или когда онъ тянется слишкомъ долго. Самый пріятный концертъ, самый пріятный спектакль становится непріятенъ для меломановъ и театраловъ, если бываетъ слишкомъ продолжительнымъ. Когда желудокъ уже пресыщенъ пищею, самое вкусное блюдо становится отвратительнымъ, и если нельзя отъ него отказаться, то ѣда бываетъ большою непріятностью.

Изъ этого мы видимъ, что пріятность или непріятность труда подчинена тѣмъ же самымъ условіямъ, какъ пріятность или непріятность всѣхъ другихъ органическихъ дѣятельностей. Трудъ различается въ этомъ смыслѣ отъ свѣтскихъ развлеченій и разныхъ родовъ физическаго или умственнаго наслажденія не тѣмъ, чтобы его непріятность происходила не точно отъ такихъ-же внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ какихъ получаютъ непріятность ѣда, танцы, слушаніе концертовъ и т. д., а просто только тѣмъ, что при трудѣ гораздо чаще бываютъ эти неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, нежели при собственно такъ называемыхъ удовольствіяхъ или занятіяхъ, обыкновенно называемыхъ пріятными. Чрезвычайно рѣдко бываетъ, чтобы человѣкъ ѣлъ по внѣшнему принужденію или больше, чѣмъ пріятно для него; но чрезвычайно часто бываетъ, что человѣкъ трудится по внѣшнему принужденію, или больше, нежели удобно для его организма.

Изъ этого возникаетъ новый вопросъ: отчего же происходитъ, что трудъ гораздо чаще совершается подъ условіями, дающими ему непріятность, нежели совершаются тѣ органическія дѣятельности, которыя собственно называются удовольствіями? Происходитъ ли эта слишкомъ частая неблагопріятность внѣшней обстановки отъ самыхъ предметовъ, на которые обращенъ трудъ, или отъ причинъ столь же постороннихъ, какъ тѣ, которыми производится непріятность удовольствій? Подробное изслѣдованіе этого вопроса найдетъ свое мѣсто въ ученіи о распредѣленіи продуктовъ труда, составляющемъ вторую книгу въ трактатѣ Милля. Здѣсь мы предварительно, и только мимоходомъ, замѣтимъ лишь одно обстоятельство:

тѣ явленія общественной жизни, которыя называются удовольствіями, бываютъ обыкновенно производимы обращеніемъ человѣческой мысли и воли собственно на произведеніе именно этихъ явленій. Напримѣръ, если происходитъ спектакль, онъ происходитъ собственно оттого, что люди составлявшіе его, хотѣли устроить именно спектакль, а не что нибудь другое. Поэтому они и устраивали дѣло такъ, чтобы оно происходило съ наивозможно лучшимъ устраненіемъ всѣхъ невыгодныхъ для него обстоятельствъ. Напримѣръ, они устроили спектакль въ удобномъ для зрителей зданіи, чтобы вѣтеръ, дождь или холодъ не мѣшалъ публикѣ заниматься собственно тѣмъ дѣломъ, за которымъ она пришла въ театръ, то есть смотрѣніемъ на сцену; время для спектакля выбрано такое, въ какое удобнѣе всего публикѣ заниматься спектаклемъ. Словомъ сказать, приняты всѣ возможныя мѣры для удобства дѣла. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что именно только сосредоточеніемъ заботъ собственно на этомъ пунктѣ достигается пріятность спектакля для публики. Попробуйте снять крышу съ оперы, и всѣ уйдутъ изъ нея съ негодованіемъ, и развѣ только палкою загоните вы публику въ оперу, пока крыша остается раскрытой. Попробуйте назначить начало оперы въ три часа дня, когда всѣмъ хочется обѣдать, или въ три часа утра, когда всѣмъ хочется спать, а не ѣхать въ спектакль, и почти никто не пойдетъ въ оперу добровольно, да и тѣ немногіе, которые пойдутъ, уйдутъ изъ нея съ недовольствомъ.

Подумаемъ же теперь о томъ, съ какими цѣлями, по какимъ соображеніямъ, для какихъ дѣлъ организовано общество во всѣхъ странахъ? Руководились ли народы заботою о наивыгоднѣйшей обстановкѣ труда, когда давали обществамъ своимъ то устройство, которое до сихъ поръ сохраняется въ существенныхъ и важнѣйшихъ чертахъ? Подробное изслѣдованіе объ этомъ дѣло исторіи, а не политической экономіи; мы можемъ здѣсь представить только готовый выводъ, даваемый исторіею и несомнѣнный для людей, сколько нибудь знакомыхъ съ нею. Для ясности, возьмемъ опредѣленный фактъ, напримѣръ, хотя Францію, исторія которой наиболѣе извѣстна у насъ. Франки, основавшіе нынѣшнее французское общество, пришли въ страну, овладѣли ею и дали ей извѣстное устройство не для того, чтобы трудиться, а чтобы воевать, грабить и праздношатательствовать. Надобно сказать что устройство, ими данное Франціи, прекрасно соотвѣтствовало этой цѣли. Но политическая экономія находитъ, что условія, нужныя для такой цѣли, совершенно противоположны условіямъ, какія нужны для удобства труда. Съ X или XI вѣка (до той поры продолжалось безъ всякихъ перемѣнъ положеніе вещей, созданное въ IV и V вѣкахъ), Франція испытала много измѣненій въ своемъ общественномъ устройствѣ. Намъ нѣтъ нужды разсматривать, какъ велика произошедшая отъ этихъ перемѣнъ разница между XI и XIX вѣкомъ въ нравственномъ, умственномъ, юридическомъ отношеніяхъ: но объ экономической сферѣ французскаго быта надобно сказать, что мы можемъ сколько нашей душѣ угодно восхищаться громадностью произошедшихъ перемѣнъ, а по точномъ изслѣдованіи онѣ все-таки оказываются преобразовавшими до сихъ поръ только нѣкоторыя второстепенныя подробности быта, существовавшаго въ XI вѣкѣ,

а вовсе не существенныя черты его, не коренныя его основанія. Доказывать это—дѣло не политической экономіи, а исторіи и статистики. Но такъ какъ выводъ, приводимый нами изъ этихъ наукъ, покажется новъ для многихъ, то мы обратимъ вниманіе, для пробы, хотя на одну черту, едва ли не самую важную, на состояніе поземельной собственности. Можно сколько угодно говорить объ огромности конфискацій, произведенныхъ въ концѣ прошлаго вѣка. объ упадкѣ французской аристократіи по матеріальному богатству и т. д., но статистика говоритъ, что почти вся та масса земли во Франціи, которою владѣло потомство франковъ въ XI столѣтіи, до сихъ поръ остается въ рукахъ ихъ потомковъ. Массу населенія во Франціи составляютъ потомки кельтовъ и латинскихъ племенъ; но едва ли не половина земли во Франціи и нынѣ, въ 1860 году, принадлежитъ малочисленнымъ потомкамъ тѣхъ малочисленныхъ франковъ, которые взяли себѣ эту землю при Хлодвигѣ и его преемникахъ. Ни одинъ французскій статистикъ не отваживается утверждать, чтобы больше половины земли принадлежало во Франціи людямъ, ее воздѣлывающимъ, и всѣ согласны въ томъ, что другая половина принадлежитъ людямъ не земледѣльческаго сословія. Этого одного факта уже довольно. Ясно, что весь порядокъ земледѣльческаго производства долженъ опредѣляться во Франціи надобностями и удобствами людей, которые живутъ доходомъ съ земли, не воздѣлывая ее; потому что, когда половина производства зависитъ прямо отъ людей сильныхъ, то и другая половина должна подчиняться косвенному ихъ вліянію. Земленашецъ, владѣющій 5 или 6 гектарами земли, по необходимости долженъ оставаться при такомъ характерѣ производства и при такихъ условіяхъ труда, какія налагаются на французское общество удобствами большихъ землевладѣльцевъ, помѣстьями которыхъ окруженъ его ничтожный участокъ и въ зависимости отъ которыхъ онъ самъ находится по всевозможнымъ общественнымъ отношеніямъ. Повторяемъ. что доказательствъ нашимъ словамъ надобно искать въ исторіи и статистикѣ; мы беремъ здѣсь уже готовый результатъ изслѣдованій изъ этихъ наукъ, и кто знакомъ съ ними, для того справедливость представляемаго нами вывода несомнѣнна. Экономическій бытъ Франціи съ XI вѣка измѣнился въ очень значительной степени; но все-таки перемѣны до сихъ поръ не такъ велики. чтобы экономическое устройство французскаго общества нынѣ существенно отличалось по отношенію къ обстановкѣ труда отъ того устройства, какое Франція имѣла въ XI или даже V вѣкѣ. Перемѣны значительны и хороши, мы противъ этого не споримъ; мы говоримъ только, что онѣ еще не получили до сихъ поръ такой значительности, чтобы условія труда во Франціи соотвѣтствовали, хотя сколько нибудь, требованіямъ науки. Въ сущности остается во Франціи порядокъ дѣлъ, устроенный для войны, для праздности, но не для труда.

То, что мы сказали о Франціи, примѣняется еще въ гораздо большей степени къ другимъ странамъ Западной Европы. Сѣверная Америка до сихъ поръ жила европейскими преданіями. Обстановка труда до сихъ поръ вездѣ чрезвычайно неблагопріятна, потому что дается ему такою организаціею общества, которая была устроена для дѣятельностей, совершенно не похо-

жихъ на трудъ и требующихъ характера отношеній, противоположнаго тому, какой нуженъ для труда.

Если отъ этой обстановки, неудобной для труда, мы обратимся къ самой сущности труда, то естественныя науки заставляютъ насъ утверждать, что трудъ по своей сущности составляетъ для человѣка пріятность. Мы говоримъ это собственно о физическомъ или мускульномъ трудѣ, потому что привлекательность умственнаго или нервнаго труда извѣстна по опыту каждому, въ чьей головѣ трудъ этотъ достигаетъ или когда нибудь достигалъ какой нибудь энергіи. Мускульный трудъ, по прекрасному разъясненію Милля, состоитъ исключительно въ движеніи, и мускулы имѣютъ движеніе единственнымъ родомъ дѣятельности, къ какой способны. Выражаясь техническимъ языкомъ, движеніе составляетъ функцію мускуловъ, какъ зрѣніе составляетъ функцію глаза, слушаніе—функцію ушей, мышленіе—функцію головнаго мозга, пищевареніе—функцію желудка. Естественныя науки говорятъ, что пріятное ощущеніе получается каждымъ изъ нашихъ органовъ тогда, когда онъ съ извѣстною степенью энергіи занятъ своею функціею. Напримѣръ, зрѣніе доставляетъ намъ пріятность, когда предметъ, на который смотритъ нашъ глазъ, занимателенъ для насъ, то есть когда онъ возбуждаетъ въ глазѣ довольно значительную энергію дѣятельности; мы имѣемъ пріятное ощущеніе въ желудкѣ, когда онъ пріобрѣлъ достаточное количество матеріала, нужнаго для его дѣятельности. Непріятное ощущеніе отъ извѣстной части организма производится или отсутствіемъ матеріала для ея дѣятельности, или внѣшнимъ препятствіемъ совершать эту дѣятельность. Однимъ изъ препятствій бываетъ чрезмѣрность матеріала, который массою своею превышаетъ силы организма. Напримѣръ, такое количество свѣта, при которомъ глазу удобно смотрѣть, доставляетъ глазу удовольствіе; но когда свѣтъ слишкомъ ярокъ, то есть когда глазъ получаетъ такое количество его, котораго не въ силахъ переработать удобнымъ для себя образомъ, глазъ страдаетъ; точно также желудку непріятно, когда пищи въ немъ уже слишкомъ много. Но недостатокъ матеріала, то есть невозможность заниматься своею функціею съ надлежащей энергіей, также производитъ въ органѣ непріятное чувство. Когда зрѣнію нечѣмъ заняться, мы чувствуемъ скуку; когда нечѣмъ заняться желудку, мы чувствуемъ голодъ.

Прилагая эти общіе выводы естественныхъ наукъ къ мускуламъ и къ ихъ функціи, т. е. къ движенію, т. е. къ труду, мы должны сказать, что отсутствіе нужнаго количества труда должно производить въ мускулахъ чувство неудовлетворенности, соотвѣтствующее чувствамъ скуки, тоски, голода; должны сказать, что, наоборотъ, чрезмѣрностью труда должно производиться въ мускулахъ также непріятное чувство изнуренія, соотвѣтствующее рѣзи въ глазу и чувству обремененности въ желудкѣ; а такимъ количествомъ труда, которое не превышаетъ силъ мускуловъ, должно производиться въ нихъ ощущеніе пріятное, какое производится не чрезмѣрнымъ количествомъ свѣта на глазъ, не чрезмѣрнымъ количествомъ пищи на желудокъ *).

*) Мы беремъ понятіе о функціи мускуловъ, движеніи, за понятіе равносильное понятію физическаго труда, состоящаго исключительно въ движеніи. Движеніе,

Мы видимъ, что изъ этого длиннаго разсужденія получается краткій выводъ, до того простой, что когда прійдешь къ нему, удивительно становится, какимъ образомъ могла явиться односторонность или ошибка, вызвавшая нужду въ изслѣдованіи и доказываніи того, что для всѣхъ всегда было ясно и понятно безъ всякихъ изслѣдованій. Мы пришли къ выводу, что трудъ долженъ быть сообразенъ съ силами человѣка и что онъ дуренъ, т. е. непріятенъ тогда, когда превышаетъ ихъ. О чемъ тутъ разсуждать, что тутъ доказывать? Но мы еще будемъ имѣть много случаевъ видѣть, какъ важна практическая разница между истиною, очевидною до начала научныхъ изслѣдованій о ней, и тою же истиною, уже выдержавшею отрицаніе и подтвержденною научнымъ изслѣдованіемъ.

IV.

Обзоръ отдѣла о трудѣ.

Послѣ этихъ общихъ разъясненій о различныхъ родахъ труда и потребленія и объ антропологическомъ характерѣ труда мы должны пересмотрѣть параграфъ за параграфомъ всѣ три первыя главы Милля, чтобы дополнить или исправить ихъ въ подробностяхъ.

Производство имѣетъ два элемента: трудъ и природу; природа доставляетъ матеріалъ, изъ котораго создаются трудомъ предметы, удовлетворяющіе человѣческимъ надобностямъ, и она же доставляетъ силы, которыми совершается передѣлка этого матеріала (гл. I, § 1). Трудъ дѣлаетъ только то, что ставитъ предметы въ положенія, при которыхъ они подвергаются отъ силъ природы такимъ перемѣнамъ, что дѣлаются годными для человѣка (§ 2). Потому дѣйствіе природы въ каждомъ процессѣ производства—количество несоизмѣримое съ количествомъ труда, и физіократы ошибались, думая, что въ мануфактурной промышленности силы природы дѣйствуютъ менѣе, чѣмъ въ земледѣліи (§ 3). Матеріалы и силы, доставляемыя труду природою, различаются въ экономическомъ отношеніи тѣмъ, что количество однихъ практически неограниченно, а количество другихъ практически ограниченно (§ 4). Все это очень ясно и вѣрно, все тутъ на своемъ мѣстѣ, и понятія разграничены съ большою точностью.

Но уже не то во второй главѣ. О чемъ собственно должна идти въ ней рѣчь? „О трудѣ, какъ дѣятелѣ производства“, говоритъ ея заглавіе; о томъ, каковы различные способы, которыми трудъ участвуетъ въ произ-

составляющее трудъ отличается отъ другихъ родовъ мускульнаго движенія, какъ, напримѣръ, отъ игры, гигіеническаго моціона и т. д., только тѣмъ, что совершается по внушенію разсчета о своей полезности для матеріальнаго благосостоянія. Нѣтъ надобности говорить, что взрослый и разсудительный человѣкъ отдаетъ этому разсчету преимущество надъ всѣми другими личными своими побужденіями и потому скучнымъ и глупымъ кажется ему всякое движеніе, производимое не по разсчету о матеріальномъ благосостояніи. Политическая экономія признаетъ личный интересъ сильнѣйшимъ или даже единственнымъ важнымъ двигателемъ человѣческой жизни. Чѣмъ болѣе важное мѣсто мы приписываемъ ему, тѣмъ полнѣе охватываетъ трудъ всякую мускульную дѣятельность.

водствѣ, о разныхъ формахъ труда, нужнаго на производство предмета. Такъ ли? Да. Просмотримъ же, что говорится объ этомъ.

Кромѣ труда, прямо обращеннаго на производство продукта, есть трудъ не прямо, но также необходимо участвующій въ этомъ производствѣ; именно, трудъ приготовительный на выдѣлку инструментовъ или матеріаловъ для этого производства (§ 1) и трудъ на приготовленіе запаса пищи и другихъ жизненныхъ необходимостей на содержаніе работниковъ во время производства (§ 2). Главная цѣль пищи и другихъ жизненныхъ потребностей въ самомъ продовольствованіи человѣка, а остальные роды труда, косвенно содѣйствующаго производству предмета, дѣлятся на пять главныхъ разрядовъ: производство матеріаловъ (§ 3), выдѣлка орудій труда (§ 4), охраненіе производства (§ 5): перевозка продуктовъ и вообще передача ихъ отъ производителя потребителю (§ 6); приготовленіе работниковъ (§ 7). Къ этому надо вообще прибавить трудъ мышленія, которымъ порождены всѣ способы производства (§ 8). Эта классификація важна, а раздѣленіе родовъ труда на земледѣльческій, мануфактурный и торговый вообще не точно, и особенными качествами отличается только трудъ, непосредственно связанный съ землею, къ какому бы изъ этихъ трехъ разрядовъ ни причислялся (§ 9).

Вотъ, мы извлекли все, что относится собственно къ разъясненію различныхъ способовъ употребленія труда на производство: но исчерпали ль мы этимъ все содержаніе второй главы? Въ нашемъ изложеніи ни разу не употреблено слово „вознагражденіе“, а оно является на каждой страницѣ во второй главѣ, и цѣлыя страницы посвящены въ ней разъясненію того, откуда берется вознагражденіе за тотъ или другой родъ труда, содѣйствующаго производству. Мы спрашиваемъ теперь: относится ли понятіе вознагражденія собственно къ производству? Да, если въ трактатъ о производствѣ вы вводите изслѣдованіе психологическихъ побужденій къ производству; но Милль не дѣлаетъ этого; онъ не касается психологической стороны предмета, говоритъ о производствѣ исключительно въ экономическомъ отношеніи. А если такъ, то рѣчь о вознагражденіи можетъ принадлежать только трактатамъ о распредѣленіи и обмѣнѣ; производству до этого понятія нѣтъ никакого дѣла. Зачѣмъ же понятіе вознагражденія явилось раньше, нежели требуется классификаціею понятій по той самой теоріи, которую излагаетъ Милль?

Легко видѣть, зачѣмъ оно явилось; его употребленіе служитъ облегчающимъ пріемомъ для различенія того, къ какому продукту относится извѣстная форма труда: изъ какого продукта получается уплата за трудъ, къ производству того предмета и относится трудъ. Купецъ, продающій вамъ сукно, получаетъ плату за свой трудъ изъ цѣны сукна; значитъ, онъ участвовалъ въ доставленіи вамъ сукна, то есть въ производствѣ сукна. Вотъ зачѣмъ явилась рѣчь о вознагражденіи тамъ, гдѣ дѣло должно идти о вопросѣ совершенно иного рода, о формахъ производства, а не объ отношеніи производства къ вознагражденію.

Мы спрашиваемъ теперь: сообразенъ ли такой пріемъ съ духомъ той самой теоріи, которую излагаетъ Милль? Развѣ по внѣшнимъ формамъ

дѣла должно распознавать значеніе дѣла, а не по существеннымъ его качествамъ? Вы хотите разбирать, какія формы принимаетъ трудъ для содѣйствія производству; берите же ходъ производства и разсматривайте, какими способами соприкасается трудъ съ производствомъ продукта въ разныхъ фазахъ этого производства. Вы увидите, что для производства нужны: матеріалъ, инструментъ и работникъ; вотъ вамъ трудъ на добываніе матеріала, на выдѣлку инструмента, на заготовленіе пищи работнику и на приготовленіе самого работника къ дѣлу. Теперь производство можетъ начаться, но оно пойдетъ успѣшно только при охраненіи; продуктъ готовъ, надобно перевезти его на мѣсто потребленія и хранить въ готовности для потребителя—вотъ, вы имѣете трудъ охраненія, перевозки и торговли. Таковъ методъ изслѣдованія, приличный для науки: берите сущность дѣла и анализируйте ее. Такъ вообще и поступаетъ Милль; но иногда онъ вдругъ рѣшаетъ дѣло инымъ путемъ: вмѣсто того, чтобы сказать „этотъ способъ труда соприкасается съ продуктомъ слѣдующимъ образомъ, и потому долженъ считаться составною частью его производства“, онъ вдругъ начинаетъ разсуждать такъ: „этотъ человѣкъ получаетъ вознагражденіе за свой трудъ изъ продукта, слѣдовательно его трудъ участвуетъ въ производствѣ продукта“; это уже значитъ судить по внѣшнему признаку, по наружной формѣ, а не по сущности дѣла: это методъ меркантильной системы, методъ непригодный для науки и отвергаемый духомъ Смитовской теоріи.

Но облегчается ли хотя внѣшнимъ образомъ изслѣдованіе черезъ приложеніе такого поверхностнаго метода? Нѣтъ, оно только усложняется черезъ это; Милль безпрестанно долженъ дѣлать оговорки: хотя этотъ трудъ получаетъ вознагражденіе изъ этого продукта, но онъ участвуетъ въ производствѣ не этого, а другого продукта. Если же такъ, если поверхностный методъ не приводитъ даже къ той цѣли, для которой долженъ служить, если онъ не сокращаетъ изслѣдованія, а затягиваетъ его, то почему же онъ безъ всякой надобности впутывается въ дѣло? Мы легко можемъ замѣтить, отъ чего это происходитъ: школа Смита еще не умѣетъ совершенно очиститься отъ меркантильныхъ воззрѣній, и съ своего собственнаго, глубокаго и часто научнаго вопроса: „какъ происходитъ дѣло?“ безпрестанно сбивается на меркантильный вопросъ: „кто даетъ деньги на это дѣло? кому достается денежная выгода отъ него?“ Вопросъ о томъ, кому достается выгода, очень важенъ; но о немъ должна быть рѣчь особенно, потому что ходъ дѣла и выгода дѣла—понятія совершенно различныя, и перепутываніе ихъ не можетъ не производить въ наукѣ сбивчивости.

Дѣйствительно, черезъ всю вторую главу Милля проходитъ смѣшиваніе понятій, относящихся къ сущности дѣла, съ воззрѣніями, относящимися только къ одной изъ внѣшнихъ формъ его. Напримѣръ, для производства нужно, чтобы существовалъ запасъ пищи, нужной работнику во время производства,—это такъ, это сущность дѣла, это условіе коренное и неизмѣнное. Но смотрите, какъ тотчасъ же, неизвѣстно откуда, неизвѣстно зачѣмъ является (§ 2, послѣдній отдѣлъ, стр. 56—57) уже длинное разсужденіе о томъ, что часть продукта должна доставаться человѣку,

снабдившему работниковъ продовольствіемъ на время работы,—не за трудъ производства, не за трудъ охраненія этого продовольствія, нѣтъ, за это идетъ особое вознагражденіе,—нѣтъ, за „отсрочку личнаго потребленія“; но развѣ это трудъ? Нѣтъ, это уже явленіе другого порядка вещей, явленіе умѣренности, разсчетливости, а не труда, то есть нѣчто несоизмѣримое съ трудомъ. Продуктъ—плодъ труда; какъ же вы опредѣлите, какая часть продукта пойдетъ на вознагражденіе за это явленіе, несоизмѣримое съ трудомъ? Плугъ произведенъ одною десятою частью всего труда, пошедшаго на производство 50 четвертей хлѣба: тутъ самою сущностью дѣла опредѣляется часть продукта, которая идетъ въ вознагражденіе за выдѣлку плуга,—это десятая часть изъ 50 четвертей, то есть 5 четвертей. Но сколько приходится человѣку—не за то, что онъ совершилъ извѣстное количество труда, а за то, что добродѣтеленъ, или уменъ, или воздержанъ, или краснорѣчивъ, или высокъ ростомъ, или изященъ своими манерами? Это достоинства прекрасныя, но совершенно различныя отъ понятія труда, не имѣющія съ нимъ никакой общей мѣры; потому невозможно опредѣлить никакого вознагражденія частью продуктовъ труда. У каждаго спеціальнаго рода дѣятельности есть свой спеціальный результатъ, который и служитъ вознагражденіемъ за него; напримѣръ, за добродѣтель вознагражденіемъ служитъ пріятное состояніе совѣсти, за краснорѣчіе—вниманіе и аплодисменты слушателей, за изящество манеръ—уваженіе свѣтскихъ людей и т. д. Одно вознагражденіе нейдетъ къ другой дѣятельности, и несообразностью было бы говорить, напримѣръ, о томъ, что за добродѣтель человѣкъ долженъ быть приглашаемъ на балы и танцовальные вечера, или за изящныя манеры долженъ пользоваться уваженіемъ, какъ ораторъ, или получать извѣстную долю продуктовъ. У каждаго качества, у каждой дѣятельности, какъ мы сказали, свой особенный результатъ и собственно только въ этомъ результатѣ состоитъ вознагражденіе за качество или дѣятельность, которыми онъ произведенъ.

Такъ и умѣренность, воздержаніе отъ личнаго потребленія, отсрочка личнаго потребленія имѣетъ свой особенный результатъ, которымъ собственно и должна ограничиваться награда за это качество, или за этотъ фактъ. Положимъ, что у человѣка есть банка варенья въ 5 фунтовъ, и что нынѣ онъ не съѣлъ всѣ 5 фунтовъ, а съѣлъ только половину фунта—какое ему вознагражденіе за эту воздержность? Во-первыхъ, то, что онъ не разстроилъ своего желудка; во-вторыхъ, то, что у него осталось чѣмъ полакомиться завтра, послѣзавтра. Точно тоже надобно сказать и о человѣкѣ, у котораго 3 четверти хлѣба и который не растратилъ его въ одинъ день, а ѣстъ хлѣба всего по 2 фунта въ день—какая ему награда за это? Во-первыхъ, какимъ бы образомъ онъ съѣлъ 3 четверти хлѣба въ одинъ день? Въ одинъ день онъ могъ бы спустить ихъ развѣ въ рѣку, а не въ свой желудокъ; но бросивъ ихъ въ рѣку, онъ поступилъ бы глупо, и первая награда ему за то, что онъ не сдѣлалъ этого—сознаніе, что онъ не поступилъ глупо, и что надъ нимъ не хохочутъ добрые люди. Во-вторыхъ, когда онъ ѣстъ по 2 фунта хлѣба въ день, хлѣба ему достанетъ на цѣлый годъ: а если бы онъ не „отсрочивалъ личнаго по-

требленія", израсходовалъ бы свой хлѣбъ въ одинъ день, ему завтра пришлось бы голодать.

Таковъ нормальный ходъ дѣла по сущности самаго дѣла. Но подъ вліяніемъ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ мало ли что случается? Во Франціи Монтіонъ учредилъ денежныя преміи за добродѣтель; въ Турціи за умѣнье кружиться на одномъ мѣстѣ въ родѣ кубаря поклоняются дервишамъ, какъ великимъ подвижникамъ добродѣтели, между тѣмъ какъ нормальное вознагражденіе за это должно быть — приглашеніе поступить танцоромъ въ балетную труппу; въ древней Персіи считали умнѣйшимъ человѣкомъ того, кто можетъ больше выпить, не опьянѣвъ, между тѣмъ какъ нормальною наградою за это должна служить репутація горькаго пьяницы. Наука не можетъ принимать такихъ несоотвѣтственныхъ сущности дѣла послѣдствій за нѣчто нормальное, неизмѣнное, не можетъ вводить такихъ фактовъ въ свое изложеніе иначе, какъ изслѣдовавъ ихъ вліяніе на раціональный порядокъ дѣлъ; не можетъ, упоминая о нихъ, не прибавлять, хороши они или дурны, чѣмъ ихъ можно поддержать и развить, если они хороши, и, наоборотъ, ослабить и искоренить, если они дурны. У человѣка два глаза — нечего тутъ разсуждать, хорошо это, или дурно: надобно только описать устройство глазъ, и довольно: это нормальная принадлежность человѣческаго организма, это слѣдствіе закона природы производящаго организмъ. Но въ Египтѣ множество слѣпыхъ людей: объ этомъ фактѣ мало сказать, что онъ существуетъ; надобно сказать, хорошъ онъ или дуренъ, и чѣмъ его можно развить или отстранить, потому что онъ не нормаленъ, производится не тѣми законами, которыми производится человѣческій организмъ, а вліяніемъ случайныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ на дѣйствіе этихъ законовъ.

Мы видѣли, въ чемъ состоитъ нормальное вознагражденіе за отсрочку личнаго потребленія, или умѣренность, или воздержаніе: во-первыхъ, въ сознаніи благоразумности такого образа дѣйствій; во-вторыхъ, и это главное, въ томъ, что сохраненіе вещи, потребить которую не нужно человѣку нынѣ, даетъ ему средство потребить ее завтра, когда это потребленіе ему будетъ нужно. Если кромѣ этого нормальнаго вознагражденія существуетъ еще требованіе особеннаго вознагражденія, не вытекающаго изъ сущности дѣла и состоящаго въ томъ, чтобы количество продукта не просто сохранялось, а увеличивалось отъ его сохраненія, то наука должна разсмотрѣть, изъ какихъ внѣшнихъ, постороннихъ самому дѣлу, обстоятельствъ проистекаетъ такое требованіе, благопріятны ли для общественнаго благосостоянія эти обстоятельства, и, если благопріятны, то какими способами можно поддержать и усилить ихъ, а если неблагопріятны, то какими способами можно ослабить и искоренить ихъ. Этимъ мы займемся, когда рѣчь будетъ идти о прибыли (profit) и о процентахъ (interest). Здѣсь мы только хотѣли показать, что Милль поступилъ не логически, когда внесъ въ изслѣдованіе объ основныхъ элементахъ производства фактъ, относящійся не къ производству, а къ распредѣленію и обмѣну, и притомъ внесъ этотъ фактъ въ свое изложеніе безъ критики, говоритъ о немъ, какъ о чемъ-то нормально принадлежащемъ теоріи, между тѣмъ какъ онъ вытекаетъ вовсе не изъ

теоріи, вовсе не изъ основныхъ понятій о сущности дѣла, а просто изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, постороннихъ дѣлу.

Но еще гораздо страннѣе и противнѣе принципамъ самой теоріи Смита такія разсужденія, какія мы находимъ въ параграфѣ 7-мъ (стр. 64 и 65). „Для общества во всей цѣлости издержки на воспитаніе малолѣтней части населенія составляютъ часть расхода, служащаго условіемъ производства; напротивъ, отдѣльные люди подвергаются этому труду и расходу не по тому побужденію, чтобы получить въ будущемъ выгоду, и политическая экономія въ большей части своихъ соображеній не должна причислять этого труда и расхода къ издержкамъ производства". Но какъ же не причислять, если онъ принадлежитъ? Для общества принадлежитъ, для частнаго человѣка не принадлежитъ, потому не причислять. Нѣсколькими строками дальше, опять тоже человѣкъ лѣчится не по экономическому разсчету, а по другимъ побужденіямъ. потому трудъ и расходъ на лѣченье „выходитъ изъ сферы почти всѣ общихъ теоремъ политической экономіи"; а между тѣмъ и тутъ, „если брать въ разсчетъ дѣла общества, а не дѣла отдѣльныхъ лицъ, то надобно этотъ трудъ и расходъ" причислять къ издержкамъ производства. Тоже самое говорится и въ § 8-мъ о собственно ученомъ трудѣ, о трудѣ отвлеченнаго мышленія: онъ рождаетъ, можно сказать, все производство; но ученые трудятся обыкновенно не собственно съ намѣреніемъ усиливать производство и получаютъ свое вознагражденіе не тѣмъ порядкомъ, какимъ получаютъ его ремесленники, фабриканты, купцы; потому „въ большей части вопросовъ политической экономіи не нужно принимать въ разсчетъ этого дѣла". Но черезъ нѣсколько строкъ Милль говоритъ, что политическая экономія должна быть постоянно готова переходить съ точки зрѣнія разсчетовъ и побужденій частныхъ лицъ на ту точку зрѣнія, которая дается національными и всеобщими интересами. Въ томъ и дѣло, что наука должна твердо помнить, какой точки зрѣнія должна она держаться. Сама теорія Смита говоритъ, и справедливо говоритъ, что наука должна говорить о благосостояніи общества. Если такъ, если она дѣйствительно должна считать расходомъ то, что составляетъ расходъ для общества, если трудъ отвлеченныхъ изслѣдованій, трудъ воспитанія и трудъ лѣченія составляютъ часть труда нужнаго обществу для производства, то какимъ же образомъ расходы на этотъ трудъ не составляютъ части издержекъ производства? Страннымъ образомъ Милль, въ противоположность своимъ прежнимъ словамъ, будто бы политическая экономія не должна почти никогда брать въ разсчетъ трудъ отвлеченнаго изслѣдованія, самъ прибавляетъ въ концѣ того же параграфа, что, съ общественной точки зрѣнія, трудъ этотъ долженъ считаться чрезвычайно производительнымъ.

Изъ его собственныхъ словъ мы видимъ, отчего произошла такая непослѣдовательность: порядокъ, по которому идутъ дѣла общества, онъ, какъ будто, считаетъ на этотъ разъ не столь важнымъ для науки, какъ анализъ побужденій, по которымъ дѣйствуютъ частныя лица. Но если наука забываетъ объ обществѣ для частнаго лица, она уже должна говорить, что изслѣдованія объ обществѣ не ея предметъ, а предметъ какой нибудь другой науки. Политическая экономія имѣетъ другія притязанія: она хочетъ говорить объ обществѣ; такъ пусть же и говоритъ о немъ.

Само собою разумѣется, что Милль дѣлаетъ ошибку, исключая трудъ лѣченія, воспитанія и научнаго изслѣдованія изъ элементовъ труда, нужнаго производству. Ошибка такъ ясна, что почти не стоило бы и упоминать о ней. Но мы замѣчаемъ ее только для того, чтобы спросить читателя: можно ли ожидать полноты и послѣдовательности въ разрѣшеніи многосложныхъ вопросовъ отъ теоріи, которая спутывается въ такихъ простыхъ вещахъ?

Мы видѣли источникъ ошибки: онъ состоитъ въ томъ, что общественный разсчетъ забывается для психологическихъ разсужденій о побужденіяхъ и желаніяхъ частныхъ лицъ. Эта непослѣдовательность, не могущая держаться на высотѣ общественныхъ соображеній и безпрестанно падающая въ меркантильные разсчеты одного только сословія или просто отдѣльныхъ лицъ, господствуетъ во всей второй главѣ. Отъ этой непослѣдовательности произошло и сбивчивое понятіе о способѣ, по которому трудъ вознаграждается продуктомъ. Станемъ на точку зрѣнія общественнаго разсчета, и посмотримъ, въ чемъ сущность дѣла.

Положимъ, что общество, состоящее изъ 100 человѣкъ, собираетъ жатву въ 500 четвертей. Положимъ, что этой жатвы достаточно на его пропитаніе въ теченіе года до слѣдующей жатвы. Оно будетъ заниматься по прежнему земледѣліемъ. Если на слѣдующую жатву оно соберетъ 500 четвертей хлѣба, трудъ его вознаградился: на поддержку труда пошло 500 четвертей и продуктъ труда составилъ 500 четвертей. Послѣ жатвы втораго года общество остается точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ было годъ тому назадъ.

Но если вторая жатва дала не 500 четвертей, какъ прежняя, а только 400 четвертей, трудъ общества не вполнѣ вознаградился. Если въ первый годъ, потребляя 500 четвертей, оно не нуждалось, оно будетъ нуждаться во второй годъ, имѣя только 400 четвертей.

Если же вторая жатва дала 600 четвертей, трудъ вознаградился съ избыткомъ, и положеніе общества во второй годъ будетъ лучше, чѣмъ въ первый.

Вотъ научная сущность понятія о вознагражденіи труда. Трудъ вознагражденъ, если въ продуктѣ получается такое же количество нужныхъ вещей, какое было потреблено на производство труда. Въ этомъ случаѣ существованіе поддерживается безъ ухудшенія и безъ улучшенія. О томъ, удовлетворительно ли это для человѣка и для общества и при какихъ случаяхъ должно быть признано неудовлетворительнымъ, а нуженъ еще излишекъ въ продуктѣ надъ расходами производства, мы будемъ говорить впослѣдствіи. Теперь мы хотимъ только замѣтить, что очень странно и ошибочно дѣлаетъ Милль, когда вмѣсто этого понятія о вознагражденіи, то есть объ отношеніи массы продуктовъ къ массѣ вещей, расходуемыхъ на производство, подставляетъ разговорное понятіе о вознагражденіи, какъ о рабочей платѣ. Это двусмысліе ведетъ къ важнымъ запутанностямъ.

Чѣмъ опредѣляется обширность производствъ, которыми можетъ заниматься общество? Массою запасовъ, какіе оно уже имѣетъ для продовольствія работниковъ при началѣ производства. Напримѣръ, европейскія

общества, по словамъ самого Милля, могутъ получать свою пищу посредствомъ земледѣлія, то есть посредствомъ процессовъ производства, требующихъ цѣлый годъ времени, только потому, что имѣютъ запасъ продовольствія на цѣлый годъ. При научномъ понятіи о вознагражденіи эти запасы, будучи матеріаломъ или орудіемъ труда, никакъ не могутъ называться вознагражденіемъ за тотъ земледѣльческій трудъ, плодомъ котораго будетъ жатва слѣдующей осени. Съ общественной точки зрѣнія, всякая работа, относящаяся къ земледѣлію, получаетъ свое вознагражденіе изъ жатвы слѣдующей осени; величина сбора отъ этой слѣдующей жатвы покажетъ, вполнѣ ли вознаградился трудъ, или съ излишкомъ, или не вполнѣ. Но отъ этого вознагражденія будетъ зависѣть состояніе, трудъ и жизнь общества уже въ слѣдующемъ году, а трудъ нынѣшняго года зависитъ отъ прошлой жатвы, но вовсе не отъ слѣдующей жатвы. Самъ Милль возвращается къ этимъ болѣе правильнымъ выраженіямъ въ главахъ о капиталѣ; зачѣмъ же въ § 2-мъ второй главы онъ толкуетъ, что одни работники получаютъ свое вознагражденіе изъ прошлой жатвы, другіе изъ слѣдующей жатвы? Въ сущности, всѣ они одинаково получаютъ вознагражденіе изъ слѣдующей жатвы, а средства къ труду всѣ одинаково получаютъ изъ прошлой жатвы. Но Милль не остерегся, и вмѣсто общаго научнаго воззрѣнія, идущаго къ корню вещей, къ средствамъ и способамъ труда, подставилъ случайныя и внѣшнія формы, принимаемыя этимъ дѣломъ при томъ экономическомъ состояніи, въ какомъ находятся нынѣ нѣкоторыя страны. Напримѣръ, въ Англіи фермеръ выручаетъ деньги, затраченныя на производство, продавая жатву,—и такъ, онъ получаетъ вознагражденіе изъ жатвы, слѣдующей за трудомъ; но кузнецъ въ январѣ получаетъ отъ него деньги за плугъ которымъ будутъ пахать землю только уже въ мартѣ,—и такъ, онъ получилъ вознагражденіе изъ прошлой жатвы. Такъ дѣлается въ Англіи, и Милль безъ всякой критики выдаетъ эти явленія за сущность дѣла. Нѣтъ, сущность дѣла не такова, она только покрыта этими формами.

Важно ли то для теоріи, къ разнымъ ли семействамъ принадлежатъ фермеръ и кузнецъ? Предположимъ, что у фермера есть сынъ кузнецъ и что онъ сдѣлалъ плугъ для отцовской фермы. Въ такомъ случаѣ плугъ не проданъ, онъ просто сдѣланъ, онъ остается въ однѣхъ рукахъ, платы за него не было производимо. Но почему плугъ сдѣланъ? Потому что фермеръ произвелъ слѣдующій разсчетъ: имѣя хорошій плугъ, я получу не 200, а 250 четвертей хлѣба; плугъ стоитъ только того труда, какого стоятъ 10 четвертей хлѣба,—и такъ, жатва слѣдующаго года съ избыткомъ вознаградитъ нашу семью за выдѣлку плуга: мы израсходуемъ 10 четвертей на трудъ, который дастъ 50 четвертей. Ясно, что работа кузнеца въ сущности вознаграждается слѣдующею жатвою, подобно работѣ фермера.

Теперь, почему же у фермера одинъ изъ сыновей могъ выучиться кузнечному дѣлу? Ясно, только потому, что остальные члены семьи производили достаточно хлѣба для своего и для его прокормленія, пока онъ учился кузнечеству. Почему онъ въ нынѣшнемъ году можетъ заниматься кузнечествомъ, а не принужденъ добывать съѣстные припасы для себя рыбачествомъ или охотничествомъ? Ясно, только потому, что въ прошедшую

жатву фермеръ съ другими сыновьями заготовилъ довольно хлѣба на свое и его пропитаніе до слѣдующей жатвы. Ясно, что кузнецъ, подобно земледѣльцу, содержится продуктами прошлой жатвы.

Въ обыкновенной рутинѣ и въ разговорномъ языкѣ понятіе вознагражденія смѣшивается съ понятіемъ рабочей платы. Милль впадаетъ въ ошибку, перенося въ область науки эту спутанность. Рабочая плата составляетъ сумму предметовъ, получаемыхъ трудящимся, если онъ трудится не въ свою собственную прибыль, а въ прибыль хозяина. Вознагражденіе за трудъ есть вся сумма продуктовъ, бывающихъ результатомъ труда. Мы впослѣдствіи увидимъ важность соблюденія ясной памяти объ этомъ различіи.

Третья глава посвящена почти вся подраздѣленію труда на производительный и непроизводительный. Въ примѣчаніяхъ 8, 9 и 10 мы уже говорили объ ошибочности выраженій, которыя Милль слишкомъ довѣрчиво взялъ изъ Сэ. Кромѣ этого и кромѣ другихъ маловажныхъ подробностей, понятія Милля проведены логично; но самъ онъ говоритъ, что разница между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ вовсе не важна. Мы видѣли, что онъ говоритъ это совершенно справедливо. Зачѣмъ же онъ употребляетъ на изслѣдованіе этихъ не важныхъ различій нѣсколько страницъ, между тѣмъ какъ посвящаетъ всего по одной страничкѣ разсмотрѣнію классификацій гораздо важнѣйшихъ, разсмотрѣнію понятій о производительномъ и непроизводительномъ потребленіи, понятій о трудѣ, продукты котораго обращаются или не обращаются на поддержаніе производства? Зачѣмъ отдѣлываться нѣсколькими словами отъ предметовъ, которые самъ признаешь важными, и тратить почти цѣлую главу на длинныя разсужденія о вещи, которую самъ признаешь не важной? Опять рутина и рутина. Сорокъ лѣтъ тому назадъ ученые люди вели длинный споръ; теперь мы увидѣли, что одни изъ этихъ ученыхъ людей говорили совершенный вздоръ и что противники ихъ были совершенно правы и что весь споръ былъ совершенно пустъ. Мы знаемъ это, но излагаемъ передъ читателемъ весь споръ со всѣми подробностями. О другихъ предметахъ, гораздо важнѣйшихъ, мало говорилось сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, потому и мы почти не говоримъ о нихъ, хотя знаемъ, что они очень важны. Это все равно, что въ исторіи русской литературы посвятить двадцать страницъ Княжнину и по одной страницѣ Пушкину и Гоголю. Что вы скажете объ удовлетворительности такого руководства къ изученію русской литературы?

Въ § 4 встрѣчается непослѣдовательность, которая вполнѣ разоблачится для насъ тогда, когда мы станемъ говорить о теоріи заграничной торговли, но которую мы должны мимоходомъ указать теперь же, какъ примѣръ тому, что школа Смита не умѣетъ доходить до конца счета и останавливается на срединѣ его: непроизводительный трудъ вообще не увеличивается, а уменьшаетъ богатство страны, говоритъ Милль,— справедливо; но, продолжаетъ онъ, „на счетъ другихъ націй, нація можетъ увеличивать свое богатство и непроизводительнымъ трудомъ“ (стр. 75) и приводитъ въ доказательство итальянскихъ пѣвицъ, древнихъ греческихъ

наемныхъ солдатъ риторовъ и т. д. Прекрасно, но только вотъ что: нынѣшняя Италія съ своими пѣвицами бѣднѣе Англіи, изъ которой везутъ онѣ золото въ Италію; Греція съ каждымъ годомъ разорялась въ то время, когда стали ходить на службу персамъ ея солдаты, на службу къ римлянамъ ея риторы. Не надобно ли предполагать, что непроизводительно-нажитое богатство не можетъ идти въ прокъ націи, хотя бы оно привозилось и изъ-за границы?

Чтобы разобрать это, обратимся къ цифрамъ. Положимъ, что въ какомъ нибудь древнемъ греческомъ обществѣ было 1,000 взрослыхъ работниковъ при 4,000 населенія, что 200 человѣкъ изъ взрослыхъ мужчинъ ушли въ Персію, на службу какому нибудь Артаксерксу, что 50 человѣкъ изъ нихъ убиты на войнѣ или умерли на чужой сторонѣ, а 150 воротились назадъ и каждый изъ нихъ привезъ съ собой по пуду золота, между тѣмъ какъ въ этомъ обществѣ 25 четвертей хлѣба, добываемыя работникомъ, стоили всего только одну десятую часть фунта золота. Каждый изъ возвратившихся воротился въ такомъ случаѣ богачемъ въ родѣ нашего землевладѣльца, имѣющаго 1,000 десятинъ хорошей земли. Посмотримъ же на производство въ этомъ обществѣ до отправленія авантюристовъ на войну, потомъ во время ихъ отсутствія и наконецъ по ихъ возвращеніи.

До отъѣзда авантюристовъ было 1,000 взрослыхъ работниковъ, кормившихъ 4,000 человѣкъ. Положимъ, что каждый изъ нихъ производилъ 25 четвертей хлѣба; въ такомъ случаѣ на каждаго жителя приходилось 5,25; если на безбѣдную жизнь нужно было по 6 четвертей человѣку, это общество имѣло нѣкоторый, правда, не очень большой, но все-таки чувствительный избытокъ.

Но вотъ 200 человѣкъ авантюристовъ ушло въ Персію. Въ обществѣ осталось при 3,800 человѣкъ населенія только 800 работниковъ. Каждому работнику приходится кормить уже не 4 человѣкъ, какъ прежде, а 4,75, т. е. 4 работника кормятъ не 16 человѣкъ, какъ прежде, а цѣлыхъ 19 человѣкъ. Производя по 25 четвертей каждымъ работникомъ, общество имѣетъ только по 5,25 четвертей на человѣка; оно чувствуетъ довольно сильную нужду.

Вотъ возвратились авантюристы. Они люди богатые, заниматься черной работой они не станутъ. Не прилично ихъ богатству не только пахать землю, но и самимъ убирать въ комнатахъ, чистить платье; каждому изъ нихъ нуженъ слуга. Денегъ они не жалѣютъ, и каждый охотно бросаетъ земледѣліе, чтобы быть лакеемъ у кого нибудь изъ нихъ. Съ появленіемъ 150 господъ явилось 150 лакеевъ и за земледѣліемъ осталось всего 650 человѣкъ. Они должны кормить 3,950 человѣкъ (3,800 человѣкъ прежняго населенія и 150 возвратившихся авантюристовъ), т. е. каждому приходится кормить по 6,05 человѣкъ, т. е. на каждаго жителя общество имѣетъ только по 4,13 четвертей хлѣба. Нужда стала несравненно тяжеле прежняго. Имѣть вмѣсто 6 четвертей въ годъ только 4, значитъ, или каждому человѣку изъ трехъ дней одинъ проводить безъ пищи, или изъ каждыхъ трехъ человѣкъ одному умереть съ голоду. Лучше было бы всѣмъ 200 человѣкамъ авантюристамъ погибнуть на войнѣ; тогда пропало бы 200 человѣкъ, а теперь пропадетъ 1,300.

Этотъ выводъ примѣняется ко всякому случаю, когда нація пріобрѣтаетъ какія нибудь суммы богатства насчетъ другихъ націй: богатство, пріобрѣтенное ею съ убыткомъ для другихъ, служитъ источникомъ разоренія для себя самой. Каждый экономистъ говоритъ, что таково было вліяніе огромныхъ массъ богатства, поступавшихъ при Филиппѣ II и его преемникахъ изъ Америки въ Испанію. Только теперь, лишившись американскихъ владѣній, лишившись средства жить на чужой счетъ, будучи принуждена сама заниматься производительными работами, Испанія начинаетъ оправляться отъ долгаго разоренія, принесеннаго ей приливомъ американскихъ богатствъ. Отдѣльный человѣкъ, или какая нибудь малочисленная шайка людей можетъ богатѣть чужимъ трудомъ; но цѣлая нація можетъ поддерживать и увеличивать свое благосостояніе только собственнымъ трудомъ; всякое обстоятельство, отвлекающее націю отъ этого единственнаго источника ея жизни, разоряетъ націю. Сама теорія Смита очень хорошо доказываетъ это, но, какъ видимъ, не всегда умѣетъ остаться вѣрна своему собственному принципу и часто обольщается поверхностными меркантильными впечатлѣніями. Мы много разъ уже указывали источникъ такихъ ея ошибокъ: она останавливается на второстепенныхъ явленіяхъ обмѣна, вмѣсто того, чтобы проникать до основныхъ фактовъ производства; забываетъ сосчитывать отношеніе рабочихъ силъ общества къ массѣ продуктовъ первой необходимости, которая была бы нужна для общественнаго благосостоянія.

Новымъ замѣчательнымъ примѣромъ этой забывчивости служитъ второй отдѣлъ послѣдняго параграфа третьей главы (стр. 79). Милль говоритъ, что если въ извѣстной странѣ значительная часть годичнаго продукта идетъ на непроизводительное потребленіе, то надобно радоваться тому, что общество располагаетъ такимъ большимъ излишкомъ, а жалѣть надобно только о томъ, что этотъ излишекъ распредѣляется съ удивительною неравномѣрностью, употребляется на вещи пустыя и отдается людямъ, не возвращающимъ за него равномѣрныхъ услугъ обществу. Такъ, надобно жалѣть объ этомъ; но безъ точныхъ изслѣдованій нельзя еще рѣшить, дѣйствительно ли этотъ кажущійся излишекъ долженъ считаться излишкомъ. Очень можетъ быть, что въ сущности излишка вовсе нѣтъ, а часть необходимаго отвлекается отъ разсудительнаго употребленія на первыя необходимости, чтобы служить на предметы роскоши; очень можетъ быть, что феноменъ, представляющійся излишкомъ, производится фальшивымъ образомъ. Если мы будемъ говорить объ этомъ, не производя точнаго разсчета общественныхъ средствъ, мы легко впадаемъ въ меркантильное заблужденіе. Мы знаемъ, что въ расходахъ частныхъ лицъ часто бываетъ такая фальшь. Мы видимъ, напримѣръ, что какой нибудь господинъ бросаетъ десятки рублей цыганскому хору. Если мы не сочли его доходовъ, то можно-ли впередъ сказать, что надобно радоваться существованію у него значительнаго излишка, а можно жалѣть только о томъ, что онъ бросаетъ лишнія деньги на пошлое и пустое удовольствіе, вмѣсто того чтобы доставлять себѣ на нихъ удовольствія возвышенныя, напримѣръ, покупать картины или составлять библіотеку. Нѣтъ, мы еще не знаемъ, дѣйствительно ли

можно считать излишкомъ у него тѣ деньги, которыя бросаетъ онъ цыганамъ. Очень можетъ быть, что онъ живетъ на довольно дурной квартирѣ, нуждается въ бѣльѣ, подвергаетъ лишеніямъ свое семейство. Точно таково же то національное явленіе, которое обыкновенно принимается за признакъ избытка. Очень можетъ быть, что въ сущности нація вовсе еще не имѣетъ никакого излишка, когда тратитъ часть своихъ продуктовъ на предметы роскоши. Чтобы рѣшить это, надобно сосчитать, удовлетворены ли достаточнымъ образомъ первыя ея потребности. Не знаемъ, каково матеріальное благосостояніе обществъ, существующихъ на Лунѣ, Марсѣ и Сиріусѣ. Но что касается до обществъ, существующихъ, напримѣръ, въ Западной Европѣ, то статистика показываетъ, что ни въ одномъ изъ нихъ не обращается достаточное количество продуктовъ на удовлетвореніе первыхъ потребностей: въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, не говоря уже о другихъ странахъ, масса населенія до сихъ поръ не имѣетъ удовлетворительной пищи, одежды и порядочнаго помѣщенія. А если такъ, то эти націи еще не имѣютъ излишка, который могли бы разсудительнымъ образомъ обращать на непроизводительное потребленіе или на какіе бы то ни было предметы роскоши. Если такъ, надобно жалѣть не только о томъ, что мнимый излишекъ, идущій на эти предметы, распредѣляется и употребляется дурно, надобно еще больше жалѣть о томъ, что нація обольщается, воображая, будто имѣетъ излишекъ, когда вовсе не имѣетъ его; надобно жалѣть, что она тратитъ часть своихъ силъ на выдѣлку бездѣлушекъ, когда еще не выдѣлываетъ достаточнаго количества хлѣба.

Мы полагаемъ, что читателю не совсѣмъ легко теперь свести въ одно воззрѣніе ту часть переведеннаго нами отдѣла, которая осталась нетронутою отъ нашихъ замѣчаній, съ нашими дополненіями къ ней и возраженіями на другую часть мыслей Милля. Для облегченія этого труда читателю мы, конечно, обязаны сами изложить въ систематическомъ видѣ ту теорію труда, которая возникаетъ изъ свода нашихъ дополненій и замѣчаній съ мыслями, находящимися у Милля. Но по тѣсной связи понятій труда и капитала, полезно будетъ отложить эту задачу до разсмотрѣнія теоріи капитала; тогда мы представимъ общій взглядъ на характеръ обоихъ этихъ дѣятелей производства.

ГЛАВА IV.

Капиталъ.

1. Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что, кромѣ двухъ первоначальныхъ и необходимыхъ элементовъ производства, есть еще третій элементъ, безъ котораго невозможны никакіе производительные процессы, кромѣ развѣ грубыхъ и скудныхъ начатковъ первобытной промышленности: мы видѣли, что сверхъ труда, сверхъ матеріаловъ и силъ, доставляемыхъ природою, нуженъ для производства предварительно накопленный запасъ продуктовъ прежняго труда. Этотъ накопленный запасъ продуктовъ труда называется капиталомъ. Ясное пониманіе роли капитала въ производствѣ чрезвычайно важно, потому что очень многіе изъ ошибочныхъ мнѣній, портящихъ нашу науку, возникаютъ изъ неполноты и сбивчивости понятія объ участіи капитала въ производствѣ [12]).

[12]) Мы увидимъ чрезвычайную важность различія между понятіемъ о капиталѣ, какъ только той части накопленныхъ продуктовъ труда, которая имѣетъ своимъ назначеніемъ производительное употребленіе, и понятіемъ о капиталѣ, какъ о всей суммѣ накопленныхъ продуктовъ безъ всякаго разбора въ назначеніи, какое имѣютъ эти продукты. Мы увидимъ, что только первое понятіе, принимаемое Миллемъ, соотвѣтствуетъ надобностямъ научной классификаціи, а второе, по небрежности допущенное большею частью континентальныхъ экономистовъ, ведетъ къ безчисленнымъ запутанностямъ и несообразностямъ. Эта раздвоенность понятій сбиваетъ большинство и спеціалистовъ и публики, происходитъ, какъ и съ терминомъ „богатство“, отъ того, что наука, сообразно своимъ надобностямъ, придала слову капиталъ значеніе не то, какое принадлежитъ ему въ разговорной рѣчи. Многіе ученые, забывая о важности болѣе тѣснаго опредѣленія, даннаго наукой, вовлекались въ ошибку, придавая по временамъ тому же самому термину въ своихъ изслѣдованіяхъ широкое разговорное значеніе, несоотвѣтствующее научной надобности. Отъ этой забывчивости не всегда бываютъ свободны и англійскіе экономисты. Но у континентальныхъ экономистовъ сбивчивость увеличивается тѣмъ, что англійскій языкъ, литература котораго служитъ коренным источникомъ для изученія Смитовской теоріи, имѣетъ кромѣ слова „капиталъ“, *the capital*, еще нѣсколько словъ, которыя иностранецъ легко смѣшиваетъ съ нимъ; изъ нихъ особенно сильнымъ поводомъ къ сбивчивости было слово *the stock*, которое въ разговорной рѣчи переводится на французскій, нѣмецкій или русскій языкъ чаще всего также словомъ „капиталъ“. Можно вообразить себѣ, какая путаница должна произойти, когда, во-первыхъ, смѣшиваются два разныя значенія англійскаго слова *the capital*, научное и разговорное, и въ прибавокъ само это слово въ обоихъ своихъ значеніяхъ спутывается въ умѣ французскаго, нѣмецкаго или русскаго ученика англичанъ съ словомъ *the stock*, которое употребляется англійскими экономистами безъ всякаго точнаго опредѣленія, потому что не служитъ у нихъ научнымъ терминомъ, и сохраняетъ всѣ разнообразные оттѣнки разговорнаго своего значенія. Чтобы избѣжать этой путаницы мы употребляемъ слово „капиталъ“ исключительно только тамъ, гдѣ оно стоитъ и въ англійскомъ подлинникѣ, а слово *the stock* переводимъ словомъ „запасъ“ или выраженіями „масса продуктовъ“, масса цѣнностей“ и т. п.; но никогда не замѣняемъ его словомъ „капиталъ“. У Милля, надобно отдать ему справедливость, слово *the capital* постоянно принимается исключительно въ своемъ научномъ смыслѣ: онъ никогда не забываетъ, что если наука разъ дала извѣстному слову точный смыслъ научнаго термина, то уже постоянно должна сохранять за нимъ этотъ смыслъ. Несоблюденіемъ этого требованія научной терминологіи большинство нынѣшнихъ французскихъ экономистовъ сильно повредило развитію науки въ своей странѣ.

По мнѣнію людей, совершенно непривычныхъ къ размышленію о нашемъ предметѣ, капиталъ представляется понятіемъ совершенно равнозначительнымъ съ деньгами. Разоблачать эту ошибку значило бы повторять то, что мы говорили во введеніи. Деньги точно такъ же не капиталъ, какъ и не богатство. Сами по себѣ деньги не могутъ совершать ни малѣйшей части дѣйствій капитала, потому что не могутъ давать никакого содѣйствія производству. Чтобы содѣйствовать ему, деньги должны быть обмѣнены на другія вещи, и все, что можетъ быть обмѣнено на другія вещи, можетъ содѣйствовать производству точно въ такой же степени какъ деньги. Капиталъ помогаетъ производству тѣмъ, что даетъ удобное помѣщеніе, охраненіе, инструменты и матеріалы, нужные для работы, даетъ пищу и другое содержаніе работникамъ въ продолженіе работы. Это услуги, требуемыя настоящимъ трудомъ отъ прошедшаго труда и его продуктовъ. Капиталомъ называются всѣ тѣ вещи, которыя назначены къ этому употребленію, то есть къ снабженію производительнаго труда различными предварительными условіями, которыхъ онъ требуетъ.

Чтобы ближе усвоить себѣ понятіе капитала, посмотримъ, какой видъ принимаетъ капиталъ, употребленный на какую нибудь отрасль производительной промышленности. Мануфактуристъ имѣетъ часть своего капитала въ формѣ строеній, приспособленныхъ и назначенныхъ къ веденію извѣстной отрасли мануфактурнаго дѣла. Другую часть капитала онъ имѣетъ въ формѣ машинъ. Третья часть состоитъ у него въ хлопчатой бумагѣ, льнѣ или шерсти, если онъ занимается пряденіемъ, въ льняной, шерстяной, шолковой, или бумажной пряжѣ, если онъ занимается тканьемъ; состоитъ вообще въ матеріалахъ, требуемыхъ его родомъ фабрикаціи. Въ нынѣшнее время нѣтъ обычая, чтобы мануфактуристъ прямо записалъ пищу и одежду для своихъ работниковъ, и кромѣ людей, занимающихся посредствомъ пищи или одежды, мало найдется такихъ капиталистовъ, у которыхъ значительная часть капитала находилась бы въ этомъ видѣ. Но за то у каждаго капиталиста есть деньги, которыми онъ дастъ плату своимъ работникамъ, то есть даетъ имъ возможность снабжать себя пищею и одеждою. Кромѣ того онъ имѣетъ въ своихъ кладовыхъ изготовленные товары, продажею которыхъ также выручаетъ деньги на выдачу платы работникамъ, на пополненіе запаса матеріаловъ, на поправку строеній и машинъ и на пріобрѣтеніе новыхъ, послѣ совершенной порчи старыхъ. Но не всѣ его деньги, не всѣ его изготовленные товары входятъ въ составъ его капитала, потому что не всѣ они обращаются имъ на эти цѣли: часть наличныхъ денегъ и часть выручки за товары онъ обращаетъ на свое личное потребленіе и на потребленіе своего семейства, на наемъ домашней своей прислуги, на содержаніе охотничьихъ лошадей и собакъ для себя, на воспитаніе своихъ дѣтей, на уплату налоговъ или на дѣла благотворительности. Въ чемъ же состоитъ его капиталъ? Въ той части его имущества, которую назначаетъ онъ на веденіе новаго производства, какова бы ни была форма этого имущества. Если часть его или все оно имѣетъ форму, въ которой не можетъ прямо удовлетворять надобностямъ работниковъ, это все равно.

Положимъ, напримѣръ, что капиталистъ занимается выдѣлкою желѣзныхъ вещей и что, за исключеніемъ инструментовъ, весь его капиталъ состоитъ въ данное время изъ желѣзныхъ издѣлій. Желѣзныя издѣлія не могутъ служить пищею работникамъ. Но простою перемѣною въ назначеніи этихъ желѣзныхъ издѣлій онъ можетъ доставить пищу работникамъ. Положимъ, что частью своей выручки онъ хотѣлъ содержать охоту или домашнюю свою прислугу и что, перемѣнивъ намѣреніе, онъ начинаетъ употреблять часть этой выручки

на свою фабрикацію, выдавая ее въ плату большему числу работниковъ, чѣмъ прежде. Вновь нанятые работники получаютъ теперь возможность покупать и потреблять пищу, которая прежде была бы съѣдена охотничьими собаками или домашними служителями; такимъ образомъ, хотя хозяинъ не видѣлъ глазами и не касался рукою ни одной крохи пищи, его рѣшеніе опредѣлило, что изъ пищи, существующей въ странѣ, извѣстное количество, потреблявшееся прежде совершенно непроизводительнымъ образомъ, обратилось на употребленіе производительныхъ работниковъ. Измѣнимъ теперь гипотезу и предположимъ, что деньги, обращенныя хозяиномъ на рабочую плату, расходовались прежде не на содержаніе прислуги или охоты, а на покупку серебряныхъ и золотыхъ вещей; чтобы дѣйствіе этой перемѣны было замѣтно, предположимъ, что перемѣна совершается въ значительномъ размѣрѣ, что отъ покупки золотыхъ и серебряныхъ вещей большая сумма обращается на плату производительнымъ работникамъ, о которыхъ мы предположимъ, что прежде они, подобно ирландскимъ поселянамъ, были только на половину заняты и сыты. При увеличеніи своей платы работники израсходуютъ прибавку въ ней не на золотыя и серебряныя вещи, а на пищу. Но количество пищи въ странѣ не увеличилось и нѣтъ въ ней непроизводительныхъ работниковъ или животныхъ, отъ которыхъ пища перенеслась бы на производительныя цѣли. Пища будетъ, если можно, ввезена въ страну, а если ввозъ невозможенъ, то работники до слѣдующаго лѣта останутся на своемъ скудномъ продовольствіи. Но отъ перемѣны непроизводительнаго расхода капиталистовъ въ производительный произошла перемѣна въ запросѣ на товары, и эта перемѣна въ запросѣ будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ то, что на слѣдующій годъ будетъ произведено больше пищи и меньше серебряныхъ и золотыхъ вещей. Такимъ образомъ, когда люди, не имѣющіе прямаго соприкосновенія съ пищею работниковъ, обратили часть какой бы то ни было своей собственности отъ непроизводительнаго назначенія къ производительному, слѣдствіемъ этой перемѣны было то, что стало производиться большее количество пищи на потребленіе производительныхъ работниковъ. Итакъ, различіе между капиталомъ и не капиталомъ состоитъ не въ характерѣ имущества, а въ намѣреніи капиталиста, въ его рѣшеніи употреблять это имущество на ту или на другую цѣль; и всякое имущество, хотя бы само по себѣ и было совершенно не пригодно къ употребленію работниковъ, составляетъ капиталъ, когда оно, или цѣнность, какую можно получить за него, опредѣляется для производительнаго употребленія. Сумма всѣхъ цѣнностей, назначенныхъ на такое употребленіе своими владѣтелями, составляетъ капиталъ страны. Всѣ ли эти цѣнности имѣютъ форму, прямо приложимую къ производительному употребленію, или нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ формы прямо пригодной для него, это все равно. Если онѣ предназначены на эту цѣль, то онѣ найдутъ путь преобразоваться въ вещи, пригодныя для нея.

2. Всѣ продукты страны, назначенные на производство, составляютъ капиталъ; и, говоря наоборотъ, весь капиталъ страны назначенъ на производство. Но эта вторая теорема подлежитъ нѣкоторымъ ограниченіямъ и объясненіямъ. Извѣстное имущество можетъ искать производительнаго употребленія и не находить такого употребленія, которое соотвѣтствовало бы желаніямъ владѣтеля; въ такомъ случаѣ эта сумма все-таки капиталъ, но капиталъ, остающійся безъ употребленія. Другой случай: запасъ имущества можетъ состоять изъ нераспроданныхъ товаровъ, не пригодныхъ для прямаго приложенія къ производительному употребленію и не находящихъ себѣ сбыта въ извѣстное время; эти товары, пока лежатъ непроданы, находятся въ состояніи капитала, остающагося безъ употребленія. Третій случай: искусственныя или случайныя обсто-

тельства могутъ приводить къ необходимости затрачивать впередъ, передъ началомъ производства, такую массу запасовъ, то есть капитала, которая больше размѣра, требуемаго сущностью дѣлъ. Предположимъ, что правительство налагаетъ пошлину на производство въ одномъ изъ его первыхъ періодовъ, напримѣръ, облагаетъ пошлиною матеріалъ. Фабрикантъ долженъ платить пошлину впередъ, до начала производства, и потому принужденъ имѣть большую массу средствъ, чѣмъ сколько нужно для производства и сколько дѣйствительно идетъ на него; въ этомъ случаѣ фабриканту для содержанія производительнаго труда нужно имѣть больше капитала, нежели требуется самымъ дѣломъ, или, что тоже, при данномъ капиталѣ онъ не можетъ содержать того количества труда, сколько могъ бы по сущности дѣла. Такимъ образомъ этотъ способъ взиманія налоговъ подвергаетъ излишнему ограниченію промышленность страны: часть имущества, назначеннаго своими владѣльцами на производство, отвлекается отъ этой цѣли и находится въ постоянномъ положеніи уплаты впередъ, производимой правительствомъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Фермеръ можетъ снять ферму въ такое время года, что ему прійдется платить за одну, двѣ или даже три четверти года ренту, безъ полученія выручки продуктами. Эта часть ренты должна быть уплачена имъ изъ капитала. А рента, платимая за самую землю, а не за улучшенія, произведенныя въ ней трудомъ, составляетъ расходъ непроизводительный, не принадлежитъ къ издержкамъ на содержаніе труда, или на заготовку инструментовъ и матеріаловъ для производства, она въ такомъ случаѣ просто цѣна, платимая за пользованіе силами природы, обращенными въ частную собственность. Эти силы природы столь же необходимы, какъ и инструменты, или даже еще необходимѣе; но вовсе нѣтъ необходимости платить за нихъ. Инструменты — вещи производимыя трудомъ, и потому цѣна составляетъ необходимое условіе ихъ существованія; но земля существуетъ сама собою. Потому плата за землю не принадлежитъ къ издержкамъ производства и необходимость производить эту плату изъ капитала заставляетъ имѣть такое количество капиталовъ, такую массу сбереженія изъ продуктовъ прежняго труда, которая больше размѣра, требуемаго естественной необходимостью или достаточнаго при иной системѣ поземельнаго владѣнія. Это излишекъ капитала, хотя и назначевъ своими владѣтелями на производство, употребляется въ сущности непроизводительнымъ образомъ и ежегодно воспроизводится не изъ своихъ собственныхъ продуктовъ, а изъ продуктовъ труда, содержимаго остальною частью капитала фермера [13]).

---

[13]) Объяснимъ это примѣрами. Во-первыхъ, посмотримъ, каково дѣйствіе пошлины, взимаемой не съ готоваго продукта, поступающаго уже на потребленіе, а съ матеріала, который служитъ на производство продукта. Положимъ, что фабрикантъ, начинающій производство, имѣетъ капиталъ въ 1,000 рублей. Положимъ, что онъ, по существующей нормѣ прибыли, долженъ получать съ него 20%. Итакъ онъ долженъ продать свои продукты за 1,200 рублей.

Положимъ, что правительству нужно взимать съ этого производства 10%. Если пошлиною облагается самый продуктъ, поступившій въ мелочную продажу, правительство возьметъ съ цѣнности продуктовъ 120 рублей. Продукты будутъ куплены потребителями за 1,320 р.

Если мы предположимъ, что капиталомъ въ 1,000 рублей производится 1,000 аршинъ сукна, аршинъ сукна поступитъ въ розничную торговлю по цѣнѣ 1 рубль 32 копѣйки.

Предположимъ теперь, что пошлина берется не съ готоваго продукта, а съ матеріала. Положимъ, что этого матеріала, напримѣръ, шерсти, привозимой изъ-за границы, покупается фабрикантомъ на такую же сумму, какая идетъ на остальные расходы. Положимъ, что правительство хочетъ ограничиться тѣмъ же размѣромъ пошлины 10%. Тогда, имѣя 1,000 рублей капитала, фабрикантъ покупаетъ шерсти на 500 рублей. Но съ этой шерсти уже взята пошлина въ 10%, то есть за 500 рублей

Наконецъ, значительная часть того производительнаго капитала страны, который употребляется на рабочую плату работникамъ, не составляетъ въ строжайшемъ и необходимомъ смыслѣ необходимости для производства, или даже вовсе не составляетъ необходимости для него. Тотъ излишекъ ея, который превышаетъ дѣйствительную необходимость для жизни и здоровья, расходуется не на содержаніе труда, а на его вознагражденіе, а въ платѣ мастеровымъ этотъ излишекъ обыкновенно бываетъ значителенъ [14]). Работники могли бы ждать полученія этой части своего вознагражденія

фабрикантъ получаетъ теперь только то количество шерсти, какое прежде получалъ за 450 рублей. Если изъ прежняго количества можно было выдѣлать 1,000 аршинъ, то изъ этого количества будетъ получено только 900 аршинъ. Какую сумму долженъ взять фабрикантъ за эти 900 аршинъ? Ту же самую, какъ и прежде, то есть 1,200 рублей. Но пошлина уже взята, потому новой надбавки въ цѣнѣ не будетъ. Итакъ въ розничную торговлю поступаютъ 900 аршинъ сукна за 1,200 рублей, то есть аршинъ по 1 руб. 33 коп.

Цѣна сукна повысилась очень мало, но общество имѣетъ вмѣсто 1,000 аршинъ только 900, а правительство вмѣсто 120 рублей пошлины только 50. Это значитъ, что общество будетъ нуждаться въ одеждѣ, а правительство въ деньгахъ.

Какимъ образомъ станетъ переносить нужду въ одеждѣ общество, это уже его собственное дѣло. Но правительство увидитъ необходимость увеличить свои доходы по крайней мѣрѣ вдвое: вмѣсто 120 руб. можно еще удовольствоваться 100 рублями, но 50 рублями никакъ нельзя покрыть необходимые государственные доходы.

Итакъ, надобно будетъ увеличить пошлину на шерсть до 20%. Тогда съ количества, покупаемаго фабрикантомъ за 50 рублей, будетъ взято пошлины 100 рублей и фабрикантъ получаетъ за свои деньги только такое количество шерсти, какое безъ пошлины получалъ за 400 рублей, то есть такое количество, изъ котораго можно сдѣлать только 800 аршинъ сукна. Эти 800 аршинъ поступаютъ въ продажу по прежнему за 1,200 рублей, т. е. каждый аршинъ сукна стоитъ уже 1 р. 50 коп.

Съ повышеніемъ пошлины доходъ правительства увеличился, но цѣна сукна сильно поднялась, а количество его стало еще меньше прежняго. Имѣя только 800 аршинъ, общество будетъ уже очень сильно нуждаться въ сукнѣ, а правительство — все-таки имѣетъ только 100 рублей, а не 120, которые имѣло бы при взиманіи пошлины съ готоваго продукта вмѣсто пошлины съ матеріала.

Изъ этого мы видимъ, почему благосостояніе общества и доходы казны увеличиваются съ принятіемъ свободной торговли, вмѣсто протекціоннаго тарифа.

Теперь обратимся къ уплатѣ ренты до полученія выручки изъ продуктовъ фермы.

Положимъ, что фермеръ вступаетъ во владѣніе рентою съ новаго года. Положимъ, что уплата ренты производится впередъ по четвертямъ года. Положимъ, что выручка за сборъ хлѣба бываетъ въ сентябрѣ. Положимъ, что величина ренты составляетъ 400 рублей и фермеръ имѣетъ капиталъ въ 1,000 рублей. Положимъ, что каждые 2 рубля, употребленные фермеромъ на земледѣльческія работы даютъ въ продуктѣ 1 четверть хлѣба. Положимъ, что обществу нужно 500 четвертей.

Фермеръ, получивъ ферму 1 января, долженъ до 1 сентября заплатить три четверти ренты, то есть 300 руб. Эта уплата произведена еще до полученія выручки, то есть у него изъ 1,000 руб. остается на производство только 700. Онъ производитъ только 350 четвертей. Изъ этого сбора уплачена остальная часть ренты за первый годъ. Къ 1 Января положеніе дѣлъ опять прежнее: три четверти ренты за второй годъ должны уплачиваться не изъ выручки второго года, за которую собственно берется рента, а опять изъ капитала; то есть капитала на производство опять остается 300 рублями менѣе, чѣмъ нужно на производство 500 четвертей. Тоже будетъ и во всѣ слѣдующіе годы. Потому, если обществу нужны 500 четвертей и если на производство каждой четверти нуженъ капиталъ въ 2 рубля, фермеръ долженъ имѣть не 1,000 рублей, а 1,300 рублей капитала; т. е. величина капитала, требуемаго земледѣліемъ, поднимается выше своей натуральной величины на всю ту сумму, какую составляетъ уплата ренты до полученія выручки изъ жатвы.

[14]) Словомъ „мастеровые“ мы переводимъ здѣсь и постоянно будемъ переводить англійское выраженіе *skilled labourers* въ противоположность другому разряду рабочихъ, *unskilled labourers*, которыхъ мы будемъ называть въ нашемъ переводѣ „чернорабочими“. Различіе между этими двумя разрядами по экономическимъ отношеніямъ очень важно во всѣхъ странахъ, но только у англичанъ вошла въ обычай терминологія, неизмѣнно соотвѣтствующая ему. Тотъ и другой разрядъ существуютъ почти въ каждой отрасли производства. Напримѣръ, въ строительномъ производствѣ каменщики, плотники, кровельщики и т. п.—*skilled labourers*, мастеровые, а землекопы, посильщики и т. п. *unskilled labourers*—чернорабочіе. Въ типографскомъ дѣлѣ мастеровые

до окончанія производства; нѣтъ необходимости ей существовать до начала производства въ видѣ капитала; а если бы по несчастію они совершенно лишились этой лишней части, производство могло бы совершаться въ томъ же размѣрѣ. Чтобы все вознагражденіе работниковъ въ полномъ своемъ размѣрѣ могло быть выдаваемо имъ впередъ поденными или понедѣльными уплатами, нужно предварительно существовать запасу, обращаемому на производительное употребленіе, т. е. существовать капиталу въ размѣрѣ большемъ того, какой былъ бы достаточенъ для веденія производства въ существующемъ размѣрѣ. Этотъ излишекъ равняется всей суммѣ, какою превышаетъ получаемое работниками вознагражденіе ту норму выдачи, которую разсчетливый рабовладѣлецъ сталъ бы для своей собственной выгоды давать рабамъ [15]). Обычай платить впередъ вознагражденіе за трудъ, превышающее мѣру совершенной необходимости для жизни, могъ возникнуть уже только по накопленіи изобильнаго капитала, потому что излишекъ платы надъ мѣрою жизненной необходимости употребляется въ сущности не на производство, а на непроизводительное потребленіе производительныхъ работниковъ; а это показываетъ, что запасъ сбереженій, обращаемыхъ на производство, достигъ уже значительности, допускающей постоянное употребленіе части его не на жизненную необходимость, а на простое удобство.

Я предполагаю, какъ замѣтитъ читатель, что работники во всѣ времена содержались капиталомъ; очевидно, что всегда и было такъ въ дѣйствительности, хотя нѣтъ необходимости, чтобы капиталъ доставлялся особеннымъ человѣкомъ, который называется капиталистомъ. Когда работникъ содержитъ себя собственными запасами, напримѣръ, когда землепашецъ, арендующій обрабатываемую имъ землю или самъ владѣющій ею, живетъ продуктами этого участка, или когда ремесленникъ работаетъ самъ отъ себя, онъ все-таки живетъ капиталомъ, т. е. заранѣе приготовленнымъ запасомъ. Этотъ землепашецъ живетъ въ нынѣшнемъ году продуктами жатвы не нынѣшняго, а прошедшаго года; этотъ ремесленникъ живетъ выручкою не той работы, которая теперь у него въ рукахъ, а той работы, которую онъ уже кончилъ и продалъ. Оба они содержатся своимъ собственнымъ маленькимъ капиталомъ, который они періодически возстановляютъ изъ продуктовъ своего труда. Большой капиталистъ также содержится средствами заготовленными впередъ. Если самъ онъ лично управляетъ своими дѣлами, та часть его личнаго или семейнаго расхода, которая не превышаетъ надлежащаго вознагражденія за его трудъ по рыночной цѣнѣ, должна считаться частью его капитала, расходуемою подобно всѣмъ другимъ частямъ капитала на производство; та часть его личнаго по-

по англійской терминологіи—наборщики и машинисты, а чернорабочіе вертятъ машины, носятъ шрифтъ и т. д. Во всѣхъ странахъ и во всѣхъ производствахъ чернорабочіе получаютъ меньше платы, чѣмъ мастеровые; но чернорабочіе все-таки остаются живы, стало быть весь излишекъ платы мастеровыхъ надъ платою чернорабочихъ идетъ уже не собственно на поддержаніе жизни, а въ вознагражденіе за искусство ихъ въ своемъ мастерствѣ.

[15]) Положимъ, что на содержаніе раба въ здоровомъ видѣ нужно было бы его владѣльцу расходовать 1 руб. въ недѣлю. Положимъ, что процессъ производству продолжается цѣлый годъ (какъ, напримѣръ, въ земледѣліи). Положимъ, что хозяину предпріятія нужны 10 мастеровыхъ и что онъ платитъ имъ по 3 рубля въ недѣлю. Если бы эти мастеровые довольствовались до окончанія производства полученіемъ платы, необходимой для поддержанія жизни, хозяину на плату имъ нужно было бы имѣть въ запасѣ только по 52 рубля на человѣка, всего 520 рублей. Но онъ выдаетъ по 3 рубля, стало быть годичная затрата его на плату каждому работнику, составляетъ 156 рублей, а на всѣхъ работниковъ 1,560 рублей. Излишекъ второй суммы надъ первою, т. е. 1,040 рублей, составляетъ затрату капитала, превышающую размѣръ необходимости.

требленія, которая состоитъ изъ вещей необходимыхъ для жизни, составляетъ производительное потребленіе [16]).

Рискуя наскучить читателю, я долженъ прибавить еще нѣсколько разъясненій, чтобы сильнѣе и точнѣе выставить понятіе капитала. По справедливому замѣчанію Сэ, больше всего надобно стараться о разъясненіи самыхъ основныхъ элементовъ предмета, потому что самыя большія ошибки возникаютъ именно изъ неполнаго знакомства съ основными понятіями. Это не удивительно: вѣтвь можетъ быть больна и остальное дерево сохраняться здоровымъ; но болѣзнь въ корнѣ разливаетъ испорченность по всему дереву.

Посмотримъ же, можетъ ли считаться капиталомъ собственность людей, которые живутъ процентами съ своего имущества, не занимаясь лично производствомъ, и если можетъ, то въ какихъ случаяхъ. Въ разговорномъ языкѣ эта собственность называется капиталомъ, и по отношенію къ дѣламъ частныхъ лицъ такое названіе справедливо. Для частнаго лица равнозначительно капиталу все то состояніе, съ котораго онъ получаетъ доходъ, расходуемый имъ безъ уменьшенія и растраты его состоянія. Но поспѣшное и необдуманное перенесеніе на общую точку зрѣнія такихъ мнѣній, которыя справедливы относительно частныхъ лицъ, было источникомъ безчисленныхъ ошибокъ въ политической экономіи. По вопросу, занимающему насъ теперь, надобно сказать, что имущество, служащее капиталомъ для частнаго лица, иногда бываетъ, а иногда не бываетъ капиталомъ для націи, смотря по тому, расточается или не расточается кѣмъ-нибудь другимъ то имущество, которое не расточается, по нашему предположенію, самимъ владѣльцемъ.

Напримѣръ, предположимъ, что 10,000 фунтовъ, принадлежащіе А, даны въ займы В, фермеру или фабриканту, который съ выгодою употребляетъ ихъ на свои промышленныя дѣла. Если такъ, эти 10,000 фунтовъ точно такой же капиталъ, какъ если бы принадлежали самому В. Въ такомъ случаѣ, А въ сущности фермеръ или мануфактуристъ, не лично, но по своему имуществу. Капиталъ въ 10,000 фунтовъ употребляется на производство, на содержаніе работниковъ, на пріобрѣтеніе орудій и матеріаловъ. Этотъ капиталъ принадлежитъ А, а В беретъ на себя заботу употребить его въ дѣло и получаетъ въ вознагражденіе разницу между прибылью, имъ доставляемою, и процентами, которые онъ платитъ А. Это самый простой случай.

---

[16]) Напримѣръ, фабрикантъ, проживающій съ своимъ семействомъ 10,000 рублей, самъ управляетъ своею фабрикою; по существующимъ цѣнамъ нельзя было бы нанять хорошаго управляющаго такою фабрикою дешевле, какъ на 3,000 рублей. Эти 3,000 рублей изъ суммы, проживаемой лично фабрикантомъ, составляютъ его производительное потребленіе, а остальные 7,000 составляютъ потребленіе производительное. Воспользуемся этимъ примѣромъ также для того, чтобы снова выставить разницу между разговорнымъ значеніемъ слова „капиталъ“, значеніемъ, въ какомъ оно не годится для науки (и не употребляется ни на подлинникѣ Милля, ни въ нашемъ переводѣ), и между научнымъ его значеніемъ, въ какомъ оно исключительно употребляется у Милля, въ подлинникѣ и въ нашемъ переводѣ. Фабрикантъ приступаетъ къ веденію своей фабрики, имѣя 30,000 рублей: изъ этихъ денегъ онъ употребляетъ на покупку матеріаловъ и плату рабочимъ 20,000, а 10,000 проживаетъ самъ, управляя фабрикою, за что постороннему человѣку онъ долженъ былъ бы платить 3,000. Въ разговорномъ языкѣ всѣ 30,000, составляющіе его имущество, называются его капиталомъ. Но по терминологіи, принятой въ наукѣ, капиталъ его будетъ состоять только изъ 23,000 (20,000 на плату рабочимъ и покупку матеріаловъ и 3,000 за управленіе фабрикою); остальные 7,000, по понятію науки, идутъ на непроизводительное потребленіе и не составляютъ части капитала. Можно себѣ представить, какая путаница должна выходить, если мы смѣшаемъ эти разныя вещи и будемъ примѣнять ко всѣмъ 30,000, часть которыхъ не составляетъ капитала, тѣ выводы, какіе дѣлаются наукою только о 23,000, составляющихъ капиталъ.

Но предположимъ, что 10,000 фунтовъ, принадлежащіе А, даны въ займы не В, а поземельному владѣльцу С, который употребляетъ ихъ на улучшеніе производительныхъ силъ своего помѣстья, на огражденіе его изгородями, на дренированіе, проложеніе дороги или на другія прочныя улучшенія. Это производительное употребленіе. 10,000 фунтовъ вышли изъ обращенія, но не промотаны. Они даютъ постоянный доходъ. Земля теперь даетъ лишнее количество продуктовъ, и если деньги были израсходованы разсчетливо, то въ нѣсколько лѣтъ этимъ излишкомъ продуктовъ возвратится вся сумма, а потомъ увеличится во много разъ. Цѣнность 10,000 фунтовъ употреблена въ этомъ случаѣ на увеличеніе продуктовъ страны. Это составляетъ капиталъ; С получаетъ подъ формою увеличенія своей ренты доходъ съ него, отдавая землю въ наймы: по закладной записи А ежегодно получаетъ изъ этого дохода, въ видѣ процентовъ, такую сумму, какъ условился давать ему С. Перемѣнимъ теперь обстоятельства и предположимъ, что С употребляетъ занятыя имъ деньги не на улучшеніе своей земли, а на уплату прежняго своего долга, или на то, чтобы обезпечить своихъ дѣтей. Будутъ ли 10,000 фунтовъ въ этомъ случаѣ капиталомъ, зависитъ отъ того, что сдѣлаетъ съ ними человѣкъ, которому они окончательно достаются. Если дѣти обратятъ свое состояніе на производительное употребленіе, или кредиторъ, получивъ уплату, отдаетъ полученныя деньги другому землевладѣльцу на улучшеніе земли, или фабриканту на расширеніе фабрикаціи, эти деньги будутъ капиталомъ, потому что употребляются производительнымъ образомъ.

Но предположимъ, что С, землевладѣлецъ, берущій деньги въ займы, человѣкъ расточительный и обременяетъ свою землю долгомъ не для увеличенія своего состоянія, а для растраты его, расходованіемъ полученной суммы на экипажи и пиры. Въ годъ или въ два эти деньги будутъ промотаны безъ всякой выручки. А сохранилъ свое богатство: у него нѣтъ 10,000 фунтовъ, но за то есть закладная крѣпость на землю, которую онъ можетъ продать за эти деньги. С сталъ бѣднѣе прежняго на 10,000 фунтовъ: богаче прежняго не сталъ никто. Могутъ сказать, что стали богаты люди, воспользовавшіеся промотанными деньгами. Правда, если С проигралъ эти деньги, или онѣ были у него раскрадены прислугою, богатство только перешло изъ рукъ въ руки, а не разрушилось, и люди, которые пріобрѣли его, могутъ употребить его производительнымъ образомъ. Но если С получалъ за свои деньги настоящую цѣнность ихъ въ видѣ продовольствія или предметовъ роскоши, которые онъ потребилъ самъ или посредствомъ своихъ слугъ и гостей, то эти предметы перестали существовать, а не произведено ничего въ замѣну ихъ. Между тѣмъ, если бы эта сумма была употреблена на земледѣліе или на фабричное дѣло, то потребленіе въ концѣ года съ излишкомъ уравновѣсилось бы новыми продуктами, произведенными трудомъ людей, потреблявшихъ эту сумму. По расточительности С потреблено безъ возврата то, что иначе было бы потреблено съ возвратомъ. Торговцы, у которыхъ покупалъ С, могли получать прибыль, пока продолжалась растрата; но если бы капиталъ былъ израсходованъ производительно, точно такая же прибыль была бы получена людьми, строящими зданія, изгороди, дѣлающими орудія, и торговцами, поставляющими продовольствіе для работниковъ; по окончаніи этого времени С имѣлъ бы 10,000 фунтовъ возвратившимися къ нему, имѣлъ бы даже больше 10,000, а теперь не имѣетъ ихъ. Такимъ образомъ общество имѣетъ убытокъ по крайней мѣрѣ на 10,000 фунтовъ, составляющихъ сумму непроизводительной растраты С. Для А этотъ убытокъ не чувствителенъ, потому что его доходъ обезпеченъ залогомъ, и если залогъ хорошъ, а рыночная величина процентовъ не измѣнилась, то онъ всегда можетъ продать закладную запись за ея первоначальную цѣнность. Итакъ,

для А долгъ въ 10,000 фунтовъ, лежащій на помѣстьи С, дѣйствительно составляетъ капиталъ; но составляетъ ли онъ капиталъ для общества? Нѣтъ. А имѣлъ капиталъ въ 10,000 фунтовъ; онъ исчезъ, будучи промотанъ и уничтоженъ расточительностью С. Свой доходъ А получаетъ теперь не изъ продукта своего капитала, а изъ какого-нибудь другаго источника дохода, принадлежащаго С, вѣроятно, изъ ренты за землю С, т. е. изъ уплатъ, дѣлаемыхъ ему фермерами и составляющихъ продуктъ капитала уже этихъ фермеровъ, а не капитала А. Національный капиталъ уменьшился 10,000 фунтовъ, а національный доходъ уменьшился всею тою суммою продуктовъ, которая производилась бы этими 10,000 фунтовъ, если бы они были употреблены какъ капиталъ. Потеря не падаетъ на владѣльца уничтоженнаго капитала, потому что человѣкъ, уничтожившій его капиталъ, обязался вознаградить его. Но потеря этого человѣка составляетъ только небольшую часть потери, которой подвергалось черезъ него общество, потому что на потребленіе собственника шли только проценты, а самый капиталъ употреблялся или долженъ былъ употребляться на нескончаемое содержаніе извѣстнаго числа работниковъ, постоянно воспроизводящихъ то, что потребители; этого средства къ жизни они теперь лишены безвозвратно.

Измѣнимъ еще нашу гипотезу и предположимъ, что капиталъ занятъ не землевладѣльцемъ, а государствомъ. А ссужаетъ свой капиталъ правительству на веденіе войны; онъ покупаетъ у государства такъ называемые государственные фонды, т. е. обязательства, по которымъ правительство должно платить извѣстный ежегодный доходъ. Если бы правительство употребило деньги на построеніе желѣзной дороги, это было бы производительнымъ употребленіемъ, и имущество А послужило бы капиталомъ. Но деньги эти употреблены на войну, т. е. на жалованье офицерамъ и солдатамъ, ничего не производящимъ, и на безвозвратное уничтоженіе извѣстнаго количества ядеръ и пуль; потому правительство находится въ положеніи С, расточительнаго землевладѣльца, и 10,000 фунтовъ А составляютъ уничтоженный національный капиталъ: съ точки зрѣнія производства или богатства, эти деньги все равно, что брошены въ море, хотя и можетъ быть, что ихъ употребленіе оправдывается другими соображеніями. Доходъ, который будетъ получать теперь А, получается не изъ продуктовъ его капитала, а изъ налоговъ, берущихся съ продуктовъ остальнаго капитала общества. Капиталъ, принадлежавшій А, не даетъ обществу никакихъ продуктовъ въ вознагражденіе за эти уплаты, онъ потерянъ и погибъ, и теперь А имѣетъ уже только право на продукты, производимые капиталомъ и промышленностью другихъ людей. Правда, онъ можетъ продать это право, получить за него сумму цѣнностей, равную его бывшему капиталу, и можетъ потомъ употреблять его производительнымъ образомъ. Но онъ этою продажею возвратитъ себѣ не прежній свой капиталъ и не продукты, имъ произведенные: капиталъ ихъ уничтожился вмѣстѣ съ продуктами, которые могъ бы произвести. Теперь А пріобрѣтаетъ уже капиталъ какого нибудь другаго лица, соглашающагося промѣнять свой на его право брать доходъ изъ налоговъ. На мѣсто А становится кредиторомъ общества другой капиталистъ, владѣвшій имуществомъ, которое употреблялось или могло употребляться на производство. Отъ этого обмѣна производительныя силы общества не увеличились и не уменьшились. Убыль нанесена капиталу страны тогда, когда правительство взяло деньги А: этимъ была взята изъ производительнаго употребленія или отвращена отъ него цѣнность въ 10,000 фунтовъ, замѣнена правомъ на непроизводительное потребленіе и безвозвратно растрачена.

ГЛАВА V.

Основныя теоремы относительно капитала.

1. Если предыдущія объясненія были удовлетворительны, то они съ достаточною полнотою представили читателямъ понятіе о капиталѣ, достаточно ознакомили ихъ съ ролью капитала въ конкретныхъ случаяхъ, среди темноты, которою окружаютъ это понятіе обстоятельства отдѣльныхъ фактовъ, и теперь даже тотъ, кто не былъ приготовленъ къ этимъ соображеніямъ, можетъ уже понять основныя теоремы относительно капитала. Полное пониманіе этихъ теоремъ составитъ уже значительный шагъ изъ темноты къ свѣту.

Вотъ первая изъ этихъ теоремъ: размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала. Эта истина такъ очевидна, что часто принимается за безспорную въ разговорной рѣчи. Но замѣчать иногда истину еще совершенно не то, что признавать ее всегда и не допускать мнѣній несогласныхъ съ нею. До послѣдняго времени законодатели и публицисты почти постоянно пренебрегали аксіомою, которую мы представили; до сихъ поръ чрезвычайно часто излагаются мнѣнія несовмѣстныя съ нею.

Вотъ выраженія разговорной рѣчи, основанныя на принятіи этой истины. Обращеніе промышленныхъ силъ на какое нибудь опредѣленное дѣло выражается фразою „приложеніе капитала“ къ этому дѣлу. Обращать промышленныя силы на обработку земли значитъ прилагать капиталъ къ землѣ. Употреблять трудъ на фабричное производство значитъ прилагать капиталъ къ этому производству. Такими выраженіями предполагается, что промышленность не можетъ получить размѣра, превосходящаго капиталъ, который можно затратить на нее. Въ самомъ дѣлѣ, кто ясно понимаетъ эту мысль, не можетъ не согласиться съ ней. Разумѣется, фраза „приложеніе капитала“ есть выраженіе метафорическое: въ сущности прилагается къ дѣлу трудъ, а капиталъ служитъ только необходимымъ условіемъ для того. Мы часто говоримъ о „производительныхъ силахъ капитала“: это выраженіе не совершенно правильно. Производительныя силы только трудъ и природа; и если, расширяя смыслъ выраженія, можно сказать о какой нибудь части капитала, что она имѣетъ производительную силу, то сказать это можно только объ инструментахъ и машинахъ: они, подобно вѣтру или водѣ, принимаютъ участіе въ трудѣ. Пища работниковъ и матеріалы производства не имѣютъ производительной силы; но трудъ можетъ проявлять свою производительную силу только тогда, когда снабженъ ими. Размѣръ промышленности не можетъ быть больше того, на сколько снабжена она матеріалами для обработки и пищею для прокормленія. Это дѣло очевидное; но при всей его очевидности часто забываютъ, что народъ извѣстной страны содержится и удовлетворяетъ своимъ потребностямъ не изъ продуктовъ настоящаго своего труда, а изъ продуктовъ прошедшаго труда. Люди потребляютъ то, что уже произведено, а не то, надъ производствомъ чего еще трудятся. А изъ того, что произведено, только часть отдается на содержаніе производительнаго труда: размѣръ этого труда не бываетъ и не можетъ быть больше того, сколько его можетъ быть прокормлено и снабжено матеріалами и орудіями производства на ту часть продуктовъ, которая идетъ на него и составляетъ капиталъ страны.

Несмотря на очевидность этого факта, долго думали, что законы и правительства могутъ создавать промышленность, не создавая капитала. Правительство косвеннымъ образомъ можетъ въ извѣстной степени содѣйствовать тому, чтобы народъ сѣ-

лался болѣе трудолюбивъ, или успѣшность его труда увеличивалась; но думали, что правительство можетъ развивать промышленность не этимъ путемъ. Полагали, что хотя бы искусство и энергія работниковъ не увеличивались, хотя бы не были заставляемы работать люди, которые прежде содержались въ праздности, правительство все таки можетъ создать большее количество промышленныхъ дѣлъ, не увеличивая запаса, на который производится промышленность. Запретительными законами правительство прекращало ввозъ какого нибудь товара; заставивъ тѣмъ производить этотъ товаръ дома, оно хвалилось, что обогатило страну новой отраслью промышленности, выставляло на похвальбу въ статистическихъ таблицахъ количество полученнаго продукта и труда, употребленнаго на производство, и объявляло всю эту сумму выигрышемъ для страны, доставленнымъ ей черезъ запретительный законъ. Въ Англіи политическая ариѳметика этого рода нѣсколько потеряла свой кредитъ, но у націй континентальной Европы она еще процвѣтаетъ. Если бы законодатели понимали, что размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, они понимали бы, что когда масса капитала страны не увеличилась, то часть капитала, обращенная ихъ законами на новоприобрѣтенную отрасль промышленности, отнята у какой нибудь другой отрасли, въ которой она давала занятіе, вѣроятно, почти такому же количеству труда, какому даетъ занятіе въ новомъ дѣлѣ *).

*) Надобно сказать, что исключеніемъ изъ этого бываетъ, когда промышленность, создаваемая или поддерживаемая запретительнымъ закономъ, принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ домашнихъ издѣлій. Эти издѣлія производятся людьми, которые уже имѣютъ продовольствіе отъ другаго дѣла, производятся работающими семействами въ промежутки отъ другихъ занятій; потому для веденія этой промышленности не нужно переносить на нее отъ другихъ промышленностей никакого капитала, кромѣ того, сколько стоятъ матеріалы и орудія, цѣнность которыхъ часто бываетъ незначительна. Итакъ, если покровительственная пошлина бываетъ причиною занятія домашнимъ промысломъ, которымъ безъ нея не занимались бы, то она дѣйствительно увеличиваетъ производство страны.

Мы должны были сдѣлать это исключеніе, чтобы придать полную неопровержимость нашему теоретическому выводу; но этотъ особенный случай не касается ученія о свободной торговлѣ практическимъ образомъ. По самой сущности дѣла, домашнія издѣлія не нуждаются въ покровительственныхъ пошлинахъ: продовольствіе работниковъ доставляется изъ другихъ источниковъ, и потому какъ бы ни понижалась цѣна домашняго издѣлія, она почти вся составляетъ чистый барышъ для работниковъ. Если домашнія издѣлія прекращаются отъ соперничества привозныхъ, это бываетъ не отъ необходимости, а оттого, что продуктъ не стоитъ употребляемаго на него труда, по мнѣнію лучшихъ судей этого вопроса, тѣхъ людей, которые производятъ продуктъ и употребляютъ на него трудъ. Издержка на покупку платья кажется имъ менѣе обременительною, нежели трудъ на домашнее приготовленіе платья, и они не хотятъ продолжать этого труда, потому что общество не даетъ имъ за него больше, чѣмъ стоитъ ихъ продуктъ по собственному ихъ мнѣнію. *Прим. авт.*

Намъ кажется, что Милль въ этомъ случаѣ слишкомъ легко говоритъ о дѣлѣ, которое можно рѣшить только посредствомъ очень внимательнаго разсчета. Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ спеціальныя изслѣдованія, которыя заняли бы слишкомъ много мѣста, а замѣтимъ только одно обстоятельство. Домашними издѣліями работники и ихъ семейства занимались въ промежуткахъ отъ другихъ дѣлъ. Когда занятіе домашнимъ издѣліемъ прекращается, эти промежутки времени остаются безъ производительнаго дѣла. Ясно, что производство страны отъ этой перемѣны уменьшилось. Будетъ ли вознаграждена эта потеря употребленіемъ незанятыхъ промежутковъ на умственное образованіе, или на здоровый отдыхъ, или на что нибудь другое полезное, это еще вопросъ: а то, что потеря есть, это уже безспорно. Итакъ всякое уменьшеніе занятій домашними издѣліями представляетъ для общества и для самихъ работниковъ рискъ безвозвратной потери. Конечно, мы замѣчаемъ это вовсе не въ защиту протекціонныхъ пошлинъ, которыя не затѣмъ и существуютъ, чтобы поддерживать какія нибудь мужицкія издѣлія для собственнаго же мужицкаго употребленія. Мы хотимъ только сказать, что всякая перемѣна, уменьшающая трудолюбіе въ народѣ, отнимающая у него охоту дорожить каждою минутою, не выгодна для страны. Если домашнія издѣлія выходятъ изъ употребленія по несоотвѣтственности съ модными вкусомъ, то едва ли не всегда ихъ прекращеніе оказывается убыточнымъ для страны и для работниковъ. Но тутъ надобно заботиться не о сохраненіи протекціоннаго тарифа, а о томъ, чтобы въ обществѣ развивалась простота вкусовъ, привычка дорожить временемъ и возможность обращать на пользу каждую минуту его.—*Прим. переводч.*

2. Если размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, изъ этого еще не должно заключать, чтобы онъ всегда достигалъ такого предѣла. Быть можетъ, что нельзя получить такого числа работниковъ, какое могъ бы содержать и употреблять на дѣло капиталъ. Это, какъ извѣстно, случалось въ новыхъ колоніяхъ, гдѣ капиталъ пропадалъ иногда безполезно, по недостатку рабочихъ силъ; примѣромъ тому служила колонія Лебединой Рѣки (Swan River) въ первые годы по своемъ основаніи. На существующій капиталъ живутъ многіе люди, которые не производятъ ничего или могли бы производить больше, нежели производятъ. Если работники будутъ сведены на болѣе низкую плату или склонены къ тому, чтобы за прежнюю плату работать больше часовъ, или если ихъ семейства, которыя уже содержатся изъ капитала, будутъ въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ содѣйствовать увеличенію производства, то данный капиталъ доставитъ занятіе большему количеству производства. Непроизводительное потребленіе производительныхъ работниковъ, которое все получается теперь изъ капитала могло бы прекратиться или быть отсрочено до полученія продукта, и на эту сумму было бы можно содержать еще извѣстное число работниковъ, кромѣ нынѣшняго. Этими способами общество могло-бы получить отъ своихъ существующихъ средствъ большее количество продуктовъ; и оно бывало принуждаемо прибѣгать къ такимъ способамъ, когда, при внезапномъ уничтоженіи значительной части его капитала, становилось дѣломъ главнѣйшей важности то, чтобы употребить остальной капиталъ съ наибольшимъ размѣромъ дѣйствія.

Гдѣ промышленность не достигаетъ предѣла, назначаемаго ей капиталомъ, правительства могутъ приближать ее къ этому предѣлу различными способами, напримѣръ тѣмъ, чтобы привозить новыхъ работниковъ; такъ привозятся кули и свободные негры въ Вестъ-Индію. Правительства могутъ увеличивать размѣръ промышленности и другимъ способомъ: они могутъ создавать капиталъ. Они могутъ налагать подати и обращать ихъ на производительное употребленіе. Они могутъ дѣлать еще другую вещь, имѣющую почти такое же значеніе: налагать подати на доходъ или предметъ расхода и употреблять получаемыя суммы на уплату государственныхъ долговъ. Рентьеръ, у котораго выкуплены облигаціи государственнаго долга, захочетъ по прежнему получать доходъ отъ своей собственности и большая часть ея обратится на производительное употребленіе, а между тѣмъ значительная часть этой суммы взята изъ доходовъ, обращавшихся на непроизводительное употребленіе, потому что человѣкъ платитъ не весь налогъ изъ той части имущества, которую сберегаетъ, а нѣкоторую, если не главную, долю налога платитъ изъ той части, которую иначе израсходовалъ бы. Надобно прибавить, что всякое увеличеніе производительной силы капитала (или, точнѣе говоря, труда), порождаемое техническими усовершенствованіями или другими причинами, ведетъ къ увеличенію количества труда, содержимаго капиталомъ: при увеличеніи массы продуктовъ нѣкоторая часть прибавочнаго количества, конечно, всегда будетъ сбережена и обращена въ капиталъ. Тѣмъ болѣе надобно ждать этого, когда увеличеніе выгодности производства служитъ усиленіемъ побужденія обращать запасы отъ непроизводительнаго назначенія къ производительному.

3. Размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала и потому каждое увеличеніе капитала даетъ или можетъ давать большее количество занятій для промышленности; этому возрастанію нельзя назначить предѣловъ. Я вовсе не отрицаю того, что капиталъ или часть капитала можетъ получить употребленіе непригодное для содержанія работниковъ, можетъ быть изъята изъ оборота обращеніемъ въ машины, по-

стройки, земледѣльческія улучшенія и т. д. При каждомъ большомъ возрастаніи капитала значительная часть его всегда получитъ такое употребленіе и будетъ только содѣйствовать труду работниковъ, а не содержать ихъ. Но я хочу сказать то, что часть капитала, назначенная на содержаніе работниковъ, можетъ (при предположеніи неизмѣнности другихъ условій) быть увеличиваема выше всякаго даннаго размѣра и все-таки будетъ можно найдти занятіе для работниковъ; выражаясь иначе, если есть люди, способные работать, и есть пища для ихъ прокормленія, то они всегда могутъ быть употреблены на производство чего-нибудь. На этой теоремѣ надобно нѣсколько остановиться, потому что она принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми люди легко соглашаются въ видѣ общихъ формулъ, но отъ которыхъ они расположены отступаться въ хаосѣ дѣйствительныхъ фактовъ общественной жизни; при томъ же теорема эта сильно противорѣчитъ обыкновеннымъ мнѣніямъ. Къ числу мнѣній, наиболѣе распространенныхъ между людьми, принадлежитъ то, что непроизводительные расходы богатыхъ необходимы, чтобы дать занятіе бѣднымъ. До Адама Смита почти никто не сомнѣвался въ справедливости такого мнѣнія; да и послѣ Адама Смита писатели очень знаменитые и дѣйствительно заслуживающіе уваженія (напримѣръ, Мальтусъ, Чомерсъ, Сисмонди) утверждали, что если бы потребители стали сберегать и обращать въ капиталъ слишкомъ большую часть своего дохода и если бы они не обращали на непроизводительное потребленіе сумму средствъ, находящуюся въ извѣстной пропорціи къ капиталу страны, то эта прибавка къ сбереженію была бы просто потерею для общества, потому что не было бы рынка для сбыта товаровъ, которые произвелъ бы капиталъ, созданный такимъ образомъ. Я считаю это за одну изъ тѣхъ многочисленныхъ ошибокъ, которыя происходятъ въ политической экономіи, когда мы не начинаемъ изслѣдованія съ простѣйшихъ вопросовъ, а прямо бросаемся въ запутанные конкретные феномены.

Каждый можетъ видѣть, что если бы доброжелательное правительство владѣло всею пищею, всѣми инструментами и матеріалами общества, то оно могло бы требовать производительнаго труда отъ всѣхъ, кого допускаетъ къ участію въ пищѣ и никогда не имѣло бы затрудненія въ томъ, чтобы найти поле для занятія этому производительному труду; потому что пока оставалась бы неудовлетворенной чья-нибудь и какая-нибудь потребность, требующая удовлетворенія матеріальными предметами, трудъ общества могъ бы быть обращенъ на производство чего-нибудь, способнаго удовлетворить этой потребности. Частные люди, владѣющіе капиталомъ, увеличивая его новыми накопленіями, дѣлаютъ точно тоже самое, что въ нашемъ предположеніи дѣлалось бы доброжелательнымъ правительствомъ. Можно предполагать гипотетическимъ образомъ какіе угодно случаи, потому вообразимъ самый крайній случай, какой только можно представить. Предположимъ, что каждый капиталистъ дошелъ до такого мнѣнія, что, не имѣя заслугъ болѣе, чѣмъ хорошій работникъ, онъ не долженъ жить лучше работника, и что, сообразно такому внушенію совѣсти, всѣ капиталисты сберегаютъ весь излишекъ своей прибыли; или предположимъ, что эта воздержность производится не собственнымъ ихъ желаніемъ, а налагается закономъ или общественнымъ мнѣніемъ на всѣхъ капиталистовъ и на всѣхъ землевладѣльцевъ. Итакъ, непроизводительные расходы приведены къ наименьшему размѣру; спрашивается теперь, какое употребленіе себѣ найдетъ увеличившійся капиталъ? Кто станетъ покупать товары, имъ производимые? Нѣтъ покупщиковъ и на тѣ товары, которые уже были произведены въ прежнее время. Итакъ, товары останутся непроданными, говорятъ намъ; они будутъ тлѣть въ кладовыхъ, пока капиталъ уменьшится до своей прежней величины или, точнѣе сказать, до

величины меньшей прежняго на ту пропорцію, на какую уменьшился запросъ со стороны потребителей. Но говорить это значитъ видѣть только одну половину дѣла. Въ предполагаемомъ нами случаѣ не было бы со стороны капиталистовъ и землевладѣльцевъ запроса на предметы роскоши. Но, когда эти сословія обращаютъ свой доходъ въ капиталъ, они не уничтожаютъ этимъ свою силу потребленія, они только переносятъ ее отъ себя на работниковъ, которымъ даютъ занятіе. Относительно работниковъ можно сдѣлать два предположенія: въ числѣ ихъ происходитъ увеличеніе, пропорціональное увеличенію капитала, или не происходитъ такого увеличенія. Если оно происходитъ, вопросъ не представляетъ затрудненія: производство предметовъ необходимости для новаго населенія займетъ мѣсто производства предметовъ роскоши для части прежняго населенія и доставитъ ровно такое же количество занятія, какое было утрачено. Но предположимъ, что населеніе не возрасло. Все, что прежде расходовалось на предметы роскоши капиталистами и землевладѣльцами, распредѣляется между существующимъ числомъ работниковъ подъ формою увеличенной рабочей платы. Предположимъ, что эти работники уже и прежде были достаточно снабжены предметами необходимости. Что же теперь будетъ? Будетъ то, что работники станутъ потребителями предметовъ роскоши, и капиталъ, прежде употреблявшійся на производство предметовъ роскоши, по прежнему можетъ употребляться тѣмъ же путемъ; разница только въ томъ, что предметы роскоши распредѣляются по всему обществу, между тѣмъ какъ прежде распредѣлялись только между немногими людьми. Строго говоря, увеличеніе сбереженій и увеличеніе производства могло бы продолжаться до того, пока каждый работникъ сталъ бы имѣть всѣ удобства богатства, совмѣстныя съ продолженіемъ труда, предполагая, что сила труда работниковъ физически достаточна для произведенія всей массы этихъ удобствъ для всего числа работниковъ. Такимъ образомъ, границею богатства никакъ не можетъ служить недостатокъ потребителей, а служитъ ею только недостаточное количество производителей и производительныхъ силъ. Каждое увеличеніе капитала даетъ труду или увеличеніе занятія или увеличеніе вознагражденія, обогащаетъ или страну, или рабочій классъ. Если новый капиталъ находитъ новыя руки для занятія дѣломъ, онъ увеличиваетъ общую массу продуктовъ; если онъ не находитъ новыхъ рукъ, онъ даетъ прежнимъ рукамъ большую пропорцію продуктовъ, и даже въ этомъ случаѣ можетъ увеличить общую массу продуктовъ, возбуждая работниковъ къ болѣе усердному труду [17]).

---

[17]) Вопросъ такъ ясенъ, и мысль, доказываемая Миллемъ, такъ безспорна, что изумительно казалось бы, какъ могли держаться противнаго мнѣнія столь замѣчательные писатели, какъ Сисмонди и Мальтусъ. Но дѣло въ томъ, что ихъ мысль о пользѣ, будто бы получаемой бѣдняками отъ роскоши богатыхъ, мысль совершенно нелѣпая, была только неловкимъ способомъ объяснить фактъ, состоящій въ частыхъ остановкахъ фабричнаго производства отъ недостатка заказовъ и въ коммерческихъ кризисахъ. Они дѣлали фальшивое заключеніе, когда полагали, что прекращеніе роскоши могло бы усилить обременительность такихъ явленій, которыя собственно и производятся непропорціональнымъ со средствами общества распредѣленіемъ рабочихъ силъ между производствомъ предметовъ первой необходимости и предметовъ роскоши, слишкомъ большою тратою труда на предметы роскоши и на занятія совершенно непроизводительныя. Этотъ предметъ мы вполнѣ можемъ изложить, только познакомившись съ теоріею цѣнности, стоимости и цѣны. Но теперь замѣтимъ одно обстоятельство: теорема, что каждое увеличеніе капитала выгодно или для производства или для благосостоянія работниковъ, справедлива относительно капитала въ научномъ смыслѣ слова, то есть относительно части продуктовъ, употребляемыхъ на производство. Но выйдетъ самая вздорная путаница, если эту теорему отнести къ всякому вообще богатству, какъ дѣлаютъ французскіе экономисты, называющіе капиталомъ всякую массу цѣнностей, изъ какихъ бы предметовъ ни со-

4. Вторая основная теорема о капиталѣ относится къ источнику, изъ котораго онъ происходитъ. Капиталъ есть результатъ сбереженія. Полное доказательство тому находится въ объясненіяхъ, уже изложенныхъ нами; но самая теорема требуетъ еще новыхъ объясненій.

Если бы каждый расходовалъ на личныя надобности и удовольствія все, что производитъ и весь доходъ, получаемый имъ изъ продуктовъ другихъ людей, то капиталъ не могъ бы возрастать. Весь капиталъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, былъ первоначально результатомъ сбереженія. Я говорю однако же о нѣкоторомъ исключеніи; оно ничтожно, но оно существуетъ. Человѣкъ, трудящійся на свой собственный счетъ, можетъ расходовать на себя все, что производитъ, и не будетъ становиться бѣднѣе; запасъ продуктовъ, которымъ онъ продовольствуется пока соберетъ свою жатву или продастъ свое издѣліе, служитъ капиталомъ; но нельзя сказать, чтобы этотъ запасъ сберегался, потому что весь онъ употребляется на надобности этого человѣка и расходуется, быть можетъ, столь же быстро, какъ расходовался бы въ праздности. Мы можемъ вообразить, что извѣстное число лицъ или семействъ живутъ каждое на своемъ участкѣ земли, каждое продуктами своего собственнаго труда, и что каждое изъ нихъ потребляетъ весь продуктъ. Но даже и они должны сберечь (то есть не обратить на свое личное потребленіе) ту часть продукта, какая необходима на посѣвъ. И такъ даже въ этомъ простѣйшемъ состояніи экономическихъ отношеній нужно было сдѣлать нѣкоторое сбереженіе: люди эти должны были произвесть больше, чѣмъ потребили, или потребить меньше, чѣмъ произвели. Еще больше нужно имъ сдѣлать сбереженія, чтобы нанять другихъ работниковъ или увеличить свое производство до такого размѣра, какой не можетъ совершаться собственнымъ трудомъ ихъ рукъ. Всѣ продукты, употребляемые человѣкомъ на содержаніе и веденіе чьего нибудь труда, кромѣ своего собственнаго труда, должны были первоначально быть собраны сбереженіемъ; кто нибудь долженъ былъ произвести ихъ и отказаться отъ ихъ потребленія. Итакъ, не дѣлая практической неточности, можно сказать, что весь капиталъ и въ особенности всякое увеличеніе капитала—результатъ сбереженія.

Въ грубомъ и не безопасномъ положеніи общества постоянно бываетъ, что капиталъ принадлежитъ не тому лицу, которое сберегло его, а какому нибудь другому, болѣе сильному или принадлежащему къ болѣе сильному обществу, и перешелъ къ вла-

---

стояла она и на что бы ни употреблялась; между тѣмъ, какъ есть обширные разряды цѣнностей, непригодные по своей натурѣ къ обращенію на производство, и чѣмъ больше силъ употребляетъ общество на производство такихъ предметовъ, чѣмъ большую массу ихъ получаетъ, тѣмъ больше оскудѣваютъ его производительныя силы. Напримѣръ, положимъ, что въ обществѣ, имѣющемъ 100 человѣкъ работниковъ, 90 были заняты производствомъ хлѣба, а 10 производствомъ бронзы. Положимъ, что открытъ новый, лучшій способъ производить бронзу, что она стала стоить вдвое меньшаго труда, потому цѣна ея понизилась вдвое, и оттого сбытъ ея увеличился втрое. Теперь, чтобы сдѣлать втрое больше бронзы, при способѣ производства вдвое легчайшемъ, на это дѣло потребуется 15 работниковъ вмѣсто прежнихъ 10, а на производство хлѣба останется только 85 работниковъ, — ясно, что въ обществѣ будетъ производиться хлѣба меньше, чѣмъ прежде, и оно обѣднѣетъ. Можно сказать: „число населенія можетъ возрасти, такъ что возстановится прежняя пропорція земледѣльцевъ къ бронзовщикамъ“. Но въ отдѣлѣ о рентѣ мы увидимъ, что положеніе общества не улучшается, а становится хуже, когда увеличеніе населенія вызывается чѣмъ бы то ни было, кромѣ чрезмѣрнаго пространства невоздѣланной земли очень хорошаго качества, или улучшеній въ земледѣліи. Здѣсь нѣтъ ни того, ни другаго обстоятельства, потому положеніе общества станетъ еще хуже, если его населеніе увеличится.

дѣльцу посредствомъ грабежа. Даже при такомъ порядкѣ дѣлъ, въ которомъ собственность была ограждена, возрастаніе капитала долго происходило почти повсюду главнымъ образомъ отъ лишеній, которыя хотя въ сущности одинаковы съ сбереженіемъ, но не называются этимъ именемъ потому, что нѣтъ въ нихъ добровольности. Дѣйствительными производителями были рабы, принужденные производить столько, сколько можно было вынудить у нихъ силою, а въ потребленіи своемъ ограничиваться только тѣмъ, что давалъ имъ разсчетъ ихъ владѣльцевъ или сострадательность этихъ владѣльцевъ вообще очень незначительная. Но это насильственное сбереженіе не породило бы никакого увеличенія капитала, если бы часть продуктовъ, остающихся отъ него, не была снова сбережена, и уже добровольно сбережена, владѣльцемъ. Если бы онъ потреблялъ на личныя свои надобности все, что по его принужденію произвели и оставили непотребленнымъ рабы, онъ не увеличилъ бы своего капитала и не получилъ бы средства содержать большее число рабовъ. Да и вообще, чтобы содержать какое-бы то ни было число рабовъ, надобно было предварительно сдѣлать сбереженіе, заготовить впередъ какой нибудь запасъ, по крайней мѣрѣ пищи. Но это сбереженіе могло быть сдѣлано не отказомъ отъ личныхъ расходовъ, которому добровольно подвергалъ себя хозяинъ: вѣроятнѣе, что оно было сдѣлано самими рабами, когда они еще были свободны, а потомъ насиліе или война, лишившая ихъ личной свободы, перенесла въ руки побѣдителя и продукты, ими сбереженные.

Есть еще другіе случаи, въ которыхъ терминъ сбереженіе, съ мыслями къ нему обыкновенно принадлежащими, не примѣняется въ точности къ процессу, какимъ увеличивается капиталъ. Если, напримѣръ, мы скажемъ, что единственный путь ускорить возрастаніе капитала есть усиленіе сбереженія, то въ читателѣ, вѣроятно, пробудится этимъ мысль о большемъ ограниченіи потребленія и объ увеличеніи лишеній. Но очевидно, что все, увеличивающее производительную силу труда, создастъ большій запасъ для дѣланія сбереженій и дастъ средства увеличивать капиталъ безъ всякаго увеличенія лишеній, а, напротивъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ личнаго потребленія. По научному смыслу термина, происходитъ сбереженіе и въ этомъ случаѣ. Правда, что потребляется больше, но и остается послѣ потребленія больше прежняго: излишекъ производства надъ потребленіемъ тутъ значительнѣе прежняго, и потому такой процессъ правильно называется большимъ сбереженіемъ. Надобно сказать, что терминъ „сбереженіе“ не совсѣмъ удобенъ; но всякій другой терминъ былъ бы еще менѣе удобенъ. Сбереженіе состоитъ въ томъ, когда потребляется меньше, нежели производится; капиталъ увеличивается собственно этимъ процессомъ, а не всегда непремѣнно уменьшеніемъ въ размѣрѣ потребленія. Не надобно намъ до такой степени порабощать себя разговорному языку, чтобы, употребляя слово сбереженіе въ научномъ смыслѣ, забывать о томъ, что увеличеніе капитала совершается не однимъ путемъ уменьшенія въ размѣрѣ потребленія, а также и другимъ путемъ—увеличеніемъ производства.

5. Третья основная теорема о капиталѣ тѣсно связана со второю, теперь изложенною нами. Вотъ она: хотя капиталъ сберегается и составляетъ результатъ сбереженія, но тѣмъ не менѣе онъ потребляется. Слово „сбереженіе“ вовсе не говоритъ, чтобы сберегаемое не потреблялось, не говоритъ даже и того, чтобы потребленіе сберегаемаго непремѣнно отсрочивалось; оно говоритъ только, что если сберегаемое немедленно потребляется, то потребляется не лицомъ сберегающимъ, а другимъ лицомъ. Если продуктъ просто отложенъ для будущаго употребленія, то надобно сказать, что онъ спрятанъ; и пока онъ спрятанъ, вовсе онъ не потребляется. Но если онъ употребляется

какъ капиталъ, то онъ весь потребляется, только потребляется не капиталистомъ [18]). Часть его обмѣнивается на орудія или машины, изнашивающіяся отъ употребленія; часть на сѣмена или матеріалы, которые уничтожаются въ прежнемъ своемъ видѣ посѣвомъ или обработкою и совершенно уничтожаются потребленіемъ окончательнаго продукта. Остальная часть уплачивается производительнымъ работникамъ, потребляющимъ эту плату на свои ежедневныя нужды; а если работники и сберегутъ часть платы, то она, говоря вообще, не прячется, а посредствомъ сберегательныхъ кассъ и другихъ подобныхъ учрежденій снова обращается въ капиталъ и потребляется.

Принципъ, нами изложенный, служитъ сильнымъ примѣромъ необходимости внимательно вникать въ самыя элементарныя истины нашей науки: это одна изъ самыхъ элементарнѣйшихъ истинъ ея, а между тѣмъ почти никто не понимаетъ этой теоремы, если не вникалъ въ науку, и почти никто не соглашается даже принять эту истину, когда слышитъ ее въ первый разъ. Для профана не понятно, какъ сберегается то, что потребляется. Для него сберегающій человѣкъ представляется человѣкомъ, прячущимъ деньги; онъ думаетъ, что сбереженіе не дурно, или даже похвально, когда имѣетъ цѣлью обезпеченіе семейства и тому подобныя заботы; но профанъ совершенно не думаетъ, что сберегать значитъ приносить пользу другимъ: сберегать, по его мнѣнію, тоже, что

---

[18]) Въ этихъ словахъ уже отразилось вліяніе того случайнаго воззрѣнія, которое съ очевидностью раскрывается послѣдующими словами. Вмѣсто того чтобы удерживать мысль на высотѣ общаго анализа неизмѣнной сущности дѣла, Милль уже подстанавливаетъ, по забывчивости, анализъ извѣстной частной формы экономическаго устройства. Онъ говоритъ уже не вообще о человѣкѣ сберегающемъ, а только о такомъ человѣкѣ, у котораго запасъ сбереженій такъ великъ, что онъ заставляетъ работать другихъ вмѣсто себя. Чтобы видѣть ошибку, вошедшую отъ этой небрежности въ опредѣленіе процесса, которымъ потребляется капиталъ, мы представимъ слѣдующій случай. Положимъ, что крестьянское семейство начинаетъ ткать свое грубое сукно въ тотъ самый день, когда снято руно съ овцы, и потомъ начинаетъ шить платье изъ сукна въ тотъ же день, какъ вытканно сукно, и наконецъ начинаетъ носить платье въ тотъ же самый день, какъ сшито оно. Отсрочки потребленія нѣтъ, какъ мы видимъ, ни въ одномъ изъ фазисовъ, проходимыхъ продуктомъ, и продуктъ потребляется тѣми самыми людьми, которые сберегли его; но это руно, это сукно, это платье все-таки служитъ капиталомъ, то есть орудіемъ производства потому что оно даетъ средство заниматься внѣ избы земледѣльческими работами, которыя по времени года невозможны безъ суконныхъ онучъ и другихъ частей одежды не замѣняемыхъ короткимъ полушубкомъ мужика. Итакъ, надобно сказать, что по способу потребленія продуктъ, служащій капиталомъ, отъ продукта, потребляемаго не въ характерѣ капитала, отличается собственно только тѣмъ, что потребляется для усиленія производства, а не тѣмъ, чтобы сберегался однимъ лицомъ, а потреблялся другимъ. Разница между лицомъ сберегающимъ и между лицомъ потребляющимъ не принадлежитъ сущности дѣла, а относится только къ такой формѣ экономическаго устройства, при которой трудъ составляетъ принадлежность однихъ лицъ, а капиталъ собственность другихъ, уже не работающихъ руками. Итакъ, по сущности дѣла капиталъ есть та часть сбереженныхъ продуктовъ, потребленіе которой нужно для успѣшности самого процесса труда. Напримѣръ, если работнику въ сырую погоду нужно выпить чарку водки, эта выпитая имъ чарка капиталъ (безъ нея онъ работалъ бы менѣе энергично, и продукта получилось бы меньше). Мы дѣлаемъ это и многія другія подобныя замѣчанія не потому, чтобы сами по себѣ они имѣли большую важность; но необходимо намъ показывать, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ уклоняются писатели школы Смита отъ принциповъ и пріемовъ собственной своей теоріи, смѣшивая по забывчивости сущность дѣла съ его случайною формою. Мы пропускаемъ множество подобныхъ уклоненій безъ замѣтокъ, чтобы не слишкомъ утомлять читателя; а если бы не боялись этого, то должны были бы дѣлать такихъ поправокъ на текстъ Милля въ десять разъ больше, нежели дѣлаемъ. Что же касается до другихъ экономистовъ, то у каждаго изъ нихъ неточностей еще въ десять разъ больше, чѣмъ у Милля. Милля мы собственно и выбрали для перевода потому, что какъ ни много у него ошибокъ, но все-таки несравненно меньше, чѣмъ у всякаго другого писателя школы Смита. Впослѣдствіи мы приведемъ по одной или по двѣ страницы изъ нѣкоторыхъ другихъ нынѣшнихъ экономистовъ, наиболѣе знаменитыхъ у насъ чтобы читатель видѣлъ какую путаницу говорятъ они.

хранить вещь для самого себя, а растрачивать тоже, что раздавать вещь по рукамъ другихъ. Человѣкъ, расходующій свое состояніе на непроизводительное потребленіе, считается разливающимъ благодѣянія на всѣхъ окружающихъ его; онъ предметъ такого сочувствія въ обществѣ, что часть этой популярности переходитъ даже на человѣка, расточающаго состояніе, не принадлежащее ему, на человѣка, который не только уничтожаетъ свой капиталъ, если когда имѣлъ его, но, подъ видомъ займа и съ обѣщаніемъ уплаты, овладѣваетъ даже капиталомъ, принадлежащимъ другому, и также уничтожаетъ его.

Эта ошибочность обыкновеннаго взгляда происходитъ оттого, что обращается вниманіе только на одну и притомъ небольшую часть слѣдствій, проистекающихъ отъ сбереженія и отъ растраты: люди не думаютъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя не попадаются сами на глаза. Глазъ слѣдуетъ за сберегаемымъ имуществомъ въ воображаемую шкатулку и тутъ теряетъ его изъ виду. Онъ слѣдитъ за растрачиваемымъ имуществомъ какъ оно идетъ въ руки торговцевъ и людей, окружающихъ расточителя; но въ обоихъ этихъ случаяхъ глазъ одинаково не проникаетъ до окончательнаго назначенія имущества. Сбереженіе (на производительное потребленіе) и растрата очень сходны въ первомъ періодѣ своего процесса. То и другое начинается потребленіемъ, разрушеніемъ извѣстной части богатства. Разница только въ томъ, какія вещи потребляются и какіе люди потребляютъ ихъ. Въ первомъ случаѣ изнашиваются инструменты, уничтожается матеріалъ, также пища и одежда, которую потребляютъ работники; во второмъ случаѣ потребляются, т. е. уничтожаются дорогія вина, экипажи и меблировка. До сихъ поръ послѣдствіе обоихъ дѣлъ для національнаго богатства было почти одинаково: одинаковое количество богатства уничтожилось тѣмъ и другимъ дѣломъ. Но при мотовствѣ этотъ первый фазисъ служитъ и окончательнымъ фазисомъ: извѣстное количество продуктовъ труда исчезло и ничего отъ нихъ не осталось; а сберегающій человѣкъ во все время, пока продолжалось разрушеніе, держалъ на работѣ людей, возстановлявшихъ уничтожаемые продукты, и въ результатѣ оказывается, что работники съ излишкомъ воспроизвели то количество продуктовъ, которое было потреблено. Эта операція можетъ быть безконечное число разъ повторяема безъ новаго сбереженія, потому разъ сдѣланное сбереженіе становится фондомъ, могущимъ содержать вѣчное время извѣстное число работниковъ, которые ежегодно воспроизводятъ свое продовольствіе съ прибылью.

Для непривычнаго соображенія истинный характеръ этихъ феноменовъ затемняется тѣмъ, что въ нихъ участвуютъ деньги. Почти всѣ расходы производятся посредствомъ денегъ и потому деньги пріобрѣтаютъ видъ главнаго элемента въ этомъ дѣлѣ; а деньги не истребляются, онѣ только переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, и отъ вниманія ускользаетъ уничтоженіе, происходящее при непроизводительномъ расходѣ. Деньги только перешли изъ рукъ въ руки, и люди думаютъ, что богатство также перешло изъ рукъ мота въ другія руки. Но это просто значитъ смѣшивать деньги съ богатствомъ. Уничтоженное богатство было не деньги, а тѣ дорогія вина, экипажи и меблировка, которыя были куплены на деньги; эти вещи уничтожены теперь безвозвратно, и общество стало бѣднѣе на всю сумму ихъ. Могутъ сказать, что дорогія вина, экипажи и меблировка не пища, не инструменты, не матеріалы и ни въ какомъ случаѣ не могли бы годиться на содержаніе труда; что они годятся только на непроизводительное потребленіе и что ущербъ богатству общества наносился, когда они производились, а не тогда, когда они потреблялись. Я согласенъ допустить такое замѣчаніе, насколько нужно для разъясненія предмета, и замѣчаніе это было бы совершенно справедливо, если бы эти убыточные предметы роскоши брались изъ существующаго запаса,

которому не было бы уже суждено пополняться. Но вѣдь они будутъ производиться вновь, пока будутъ для нихъ потребители, и будутъ производиться въ большемъ количествѣ для удовлетворенія увеличившагося запроса; потому, когда потребитель расположился тратить 5,000 фунтовъ изъ своего дохода на предметы роскоши, онъ изъ года въ годъ держитъ соотвѣтственное число работниковъ, занятыхъ производствомъ вещей, которыя никакъ не могутъ пригодиться для производства. Трудъ этихъ работниковъ теряется по отношенію къ возрастанію національнаго богатства; пища, инструменты и матеріалы, ежегодно потребляемые ими, отнимаются изъ общаго запаса націи, пригоднаго на производительное употребленіе. По мѣрѣ расточительности или роскоши извѣстнаго класса, промышленность страны обращается къ производству предметовъ роскоши для него, и не только уменьшается количество занятія для производительныхъ работниковъ, но продовольствіе и инструменты, нужные для производительнаго занятія, производятся въ меньшемъ количествѣ.

Словомъ сказать, сбереженіе обогащаетъ, а расточительность приводитъ къ бѣдности общество, подобно отдѣльному человѣку; иначе говоря, это значитъ, что общество въ цѣломъ своемъ составѣ обогащается тою суммою, какую расходуетъ на содержаніе производительнаго труда и на содѣйствіе ему и, наоборотъ, бѣднѣетъ на ту сумму, какую потребляетъ для своихъ удовольствій *).

*) Вѣроятно, не безполезно будетъ обратить вниманіе на разныя обстоятельства, до извѣстной степени уменьшающія убытокъ, наносимый общественному богатству расточительностью частныхъ людей, или дающія болѣе или менѣе значительное уравновѣшеніе ему въ видѣ послѣдствій самаго убытка. Одно изъ этихъ обстоятельствъ то, что мотъ въ сущности не успѣваетъ потреблять все, что расточаетъ. Его обыкновенная безпечность въ расходѣ бываетъ причиною, что его обманываютъ и обкрадываютъ со всѣхъ сторонъ; а изъ этихъ обкрадывающихъ людей многіе имѣютъ экономныя привычки. Большія суммы постоянно накопляются повѣренными, управителями и даже домашними служителями богатыхъ, расточительныхъ людей. Кромѣ того расточительные люди дороже бережливыхъ платятъ за всѣ свои покупки (отъ этого и происходитъ расположеніе купцовъ къ нимъ). Такимъ образомъ они въ дѣйствительности не могутъ получить въ свои руки и уничтожить такое количество богатства, которое бы равнялось расточаемому ими состоянію: они потребляютъ въ сущности гораздо меньше, чѣмъ расходуютъ, и значительная часть ихъ состоянія не потребляется, а просто переходитъ къ другимъ, которые, можетъ быть, сберегутъ часть перешедшаго къ нимъ. Во-вторыхъ, надобно замѣтить, что расточительность однихъ можетъ приводить другихъ къ вынужденной экономности. Предположимъ, что капризомъ мота, капризомъ, котораго нельзя было предвидѣть впередъ, произведенъ внезапный запросъ на какой нибудь предметъ роскоши. По непредвидѣнности этого запроса не заготовлено лишняго запаса противъ прежняго. Цѣна поднимется: она можетъ подняться на столько, что превзойдетъ средства или желаніе нѣкоторыхъ прежнихъ потребителей; они, можетъ быть, откажутся отъ своего прежняго наслажденія и такимъ образомъ сберегутъ сумму, которую тратили на него. Если они не откажутся отъ него, а будутъ продолжать тратить на этотъ товаръ столько же, какъ прежде, тогда торговцы этимъ предметомъ получаютъ за прежнее количество товара сумму, увеличившуюся всѣмъ тѣмъ количествомъ, которое заплатилъ мотъ; такимъ образомъ сумма, теряемая мотомъ, фактически переходитъ къ нимъ и, можетъ быть, они присоединятъ ее къ своему капиталу, а его излишнее личное потребленіе составляется изъ уменьшеній въ потребленіи другихъ покупателей, которые за прежнюю сумму получили меньше прежняго количество товаровъ. Кромѣ того гдѣ нибудь процессъ мотовства долженъ отражаться въ обратномъ характерѣ, потому что мотъ долженъ въ чемъ нибудь уменьшить свои покупки для уравновѣшенія увеличенныхъ своихъ расходовъ на извѣстный предметъ. Быть можетъ, онъ вынулъ изъ обращенія суммы, употреблявшіяся на содержаніе производительнаго труда; въ такомъ случаѣ торговцы продовольствіемъ и орудіями производства имѣютъ оставшимися на своихъ рукахъ непроданные товары, или получили за прежнее ихъ количество сумму меньшую прежней; а такія свои утраты въ доходахъ или въ капиталѣ промышленные люди вообще (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда утраты чрезмѣрны) вознаграждаютъ увеличеніемъ разсчетливости и отказами себѣ въ удовольствіяхъ. Такимъ образомъ капиталъ общества въ результатѣ можетъ быть остался не уменьшеннымъ и мотъ велъ свою расточительность не на счетъ постоянныхъ средствъ другихъ людей, а на счетъ ихъ мимолетныхъ удовольствій и удобствъ. Но все-таки его расточительность производилась насчетъ другихъ, потому что во всякомъ случаѣ общество бѣднѣетъ на сумму расточаемую однимъ, если другіе не приводятся этимъ къ сокращенію своихъ растратъ. Есть еще другіе, не столь очевидные пути, которыми расточительность однихъ можетъ порождать свое вознагражденіе увеличеніемъ сбереженія у другихъ; но эти случаи можно будетъ разсмотрѣть намъ только въ томъ отдѣлѣ четвертой книги, который будетъ говорить о принципѣ предѣла въ накопленіи капитала.—*Прим. авт.*

6. Возвратимся къ нашей основной теоремѣ. Все, что производится—потребляется, потребляется и то, что называется растрачиваемымъ, и то, что называется сберегаемымъ; притомъ сберегаемое потребляется также быстро, какъ растрачиваемое. Всѣ выраженія разговорнаго языка ведутъ къ тому, чтобы мы этого не замѣчали. Когда говорится о старинномъ богатствѣ страны, о богатствахъ наслѣдованныхъ отъ предковъ, эти и всѣ подобныя имъ выраженія ведутъ насъ къ мнѣнію, будто богатства, переданныя отъ предковъ, были произведены очень давно, въ то время, когда они первоначально были пріобрѣтены, и будто въ нынѣшнемъ году произведена только та часть капитала страны, на какую увеличилась въ нынѣшнемъ году вся сумма его. На самомъ дѣлѣ вовсе не то. Большая часть тѣхъ составляющихъ богатство цѣнностей, которыя нынѣ существуютъ въ Англіи, произведена человѣческими руками въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ. Очень мала та часть этого огромнаго богатства, которая существовала лѣтъ десять тому назадъ: изъ нынѣшняго производительнаго капитала страны едва ли существовало тогда что нибудь, кромѣ домовъ на фермахъ и фабричныхъ зданій, да немногихъ изъ нынѣшнихъ кораблей и машинъ; да и изъ этихъ домовъ, кораблей и машинъ развѣ очень немногія просуществовали-бы десять лѣтъ, если-бы не употреблялся въ это время новый трудъ на ихъ поправку. Земля осталась отъ прежняго времени, и она почти единственная вещь, оставшаяся отъ прежняго времени. Зато она и не произведена; а все, что произведено, исчезаетъ, и почти все исчезаетъ очень быстро. Почти всѣ роды капитала по своей натурѣ неспособны долго сохраняться. Есть только нѣсколько, и притомъ очень мало, произведеній, способныхъ имѣть очень долгое существованіе. Уэстминстерское аббатство съ небольшими починками продержалось нѣсколько столѣтій; нѣкоторыя греческія статуи существуютъ больше 2,000 лѣтъ; пирамиды, быть можетъ, вдвое или втрое больше. Но это предметы, назначенные на непроизводительное употребленіе. За исключеніемъ мостовъ и водопроводовъ (къ которымъ можно прибавить нѣкоторые резервуары и плотины), почти нѣтъ сооруженій для промышленности, которыя существовали бы долго. Промышленныя зданія вообще скоро изнашиваются употребленіемъ, да и нѣтъ разсчета строить ихъ съ вѣковѣчною прочностью. Капиталъ поддерживается изъ поколѣнія въ поколѣніе не тѣмъ, что сохраняется, а тѣмъ, что постоянно воспроизводится: всѣ составныя части его разрушаются употребленіемъ, и вообще разрушаются вскорѣ послѣ того, какъ произведены; но люди, потребляющіе ихъ, занимаются между тѣмъ производствомъ другаго капитала, имѣющаго большій размѣръ. Возрастаніе капитала подобно возрастанію населенія. Каждый, кто рожденъ, умираетъ; но каждый годъ число рождающихся больше числа умирающихъ: потому населеніе постоянно возрастаетъ, хотя ни одного изъ лицъ, составляющихъ его, не существовало на свѣтѣ до времени вовсе недалекой старины.

7. Это постоянное потребленіе и воспроизведеніе капитала служитъ объясненіемъ факту, столь часто возбуждавшему удивленіе, факту чрезвычайной быстроты, съ которою страны поправляются отъ опустошеній, — тому, что скоро исчезаютъ всѣ слѣды бѣдствій, нанесенныхъ землетрясеніями, наводненіями, ураганами и военнымъ разореніемъ. Непріятель опустошаетъ страну огнемъ и мечомъ, разрушаетъ или увозитъ почти все существующее въ ней движимое богатство; всѣ жители разорены; но черезъ нѣсколько лѣтъ все почти въ такомъ же видѣ, какъ было до войны. Эта vis medicatrix naturae, „цѣлебная сила природы“, часто бывала предметомъ безплоднаго изумленія или приводилась въ примѣръ чудеснаго могущества сбереженія, вознаграждающаго такія громадныя потери въ такое короткое время. Но тутъ нѣтъ ровно ничего удивительнаго.

То, что уничтожено непріятелемъ, въ недолгое время было бы уничтожено и самими жителями; богатство, столь быстро воспроизводимое ими, они должны были бы воспроизводить и воспроизвели бы во всякомъ случаѣ, и, вѣроятно, въ столь же недолгое время. Разницы тутъ никакой нѣтъ, кромѣ той, что во время воспроизведенія они не имѣли наслажденія потреблять сами то, что было произведено ими прежде. Возможность быстраго возвращенія погубленныхъ бѣдствіемъ богатствъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, сохранилось ли населеніе страны. Если ея трудящееся населеніе не истреблено во время бѣдствія и не вымерло потомъ отъ голода, то, сохранивъ прежнее искусство и знаніе, оно имѣетъ оставшеюся безъ поврежденій свою землю съ ея прочными улучшеніями; вѣроятно, имѣетъ прочныя зданія также сохранившимися безъ поврежденій, или почти безъ поврежденій, или съ не очень важными и многочисленными поврежденіями; и такимъ образомъ у него остались почти всѣ элементы, нужные для веденія производства въ прежнемъ размѣрѣ. Если у жителей осталось столько пищи, или столько цѣнностей, чтобы купить пищи на то, чтобы съ какими бы то ни было лишеніями просуществовать и быть въ состояніи работать, они скоро произведутъ такое же количество продуктовъ, въ общей своей сложности пріобрѣтутъ прежнее количество богатства и капитала и достигнутъ этого простымъ продолженіемъ труда, какой прежде употребляли на свои занятія. Это фактъ, порождаемый вовсе не силою сбереженія въ разговорномъ смыслѣ слова, потому что мы видимъ тутъ не добровольную воздержность, а лишенія, налагаемыя внѣшнею необходимостью. Тутъ дѣйствуетъ воспроизведеніе [19]).

А между тѣмъ, такъ сильна привычка мыслить о предметѣ не прямо по его признакамъ, а только черезъ посредство техническихъ фразъ, и ученые изслѣдователи такъ мало свободны отъ тѣхъ умственныхъ немощей, которыми страдаютъ профаны, что простаго объясненія, приведеннаго нами здѣсь, не умѣлъ, сколько я помню, дать

---

[19]) Такимъ образомъ, главное условіе для продолженія и возрастанія изобильности страны продуктами состоитъ въ томъ, чтобы трудящаяся часть ея населенія сохранила энергію въ трудѣ. Мимолетныя бѣдствія, каковы бываютъ обыкновенно бѣдствія, наносимыя природою (наводненія, землетрясенія, даже болѣе сильныя потери отъ засухи или излишнихъ дождей, вредящихъ одной жатвѣ) не имѣютъ силы повредить энергіи труда. Изъ бѣдствій, наносимыхъ людямъ людьми, то, которое наносится чужими людьми, война, при нынѣшнемъ состояніи цивилизованныхъ странъ также рѣдко имѣетъ продолжительность, нужную для измѣненія привычекъ и нравовъ населенія, страна котораго опустошается ею; потому обыкновенно страна эта, сохранивъ прежнюю энергію труда, скоро оправляется отъ военнаго опустошенія. Но и недолгая война выносится страною безъ замѣтнаго ослабленія энергіи труда только тогда, если внутреннія благопріятныя труду условія уже прочно основали въ населеніи высокую степень этой энергичности; когда же трудъ до войны былъ вялъ, не настойчивъ, не энергиченъ, кратковременное военное бѣдствіе можетъ надолго понизить его силу, и страна долго не оправится отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны. Такъ напримѣръ, Смоленская губернія, по точному изслѣдованію г. Я. Соловьева, до сихъ поръ не вполнѣ оправилась отъ разоренія 1812 года, — болѣе 40 лѣтъ прошло съ той поры до эпохи, къ которой относится изслѣдованіе г. Соловьева, а страна все еще оставалась бѣднѣе, чѣмъ была въ 1811 году. Если же военное опустошеніе имѣетъ характеръ долгаго постояннаго грабежа, оно дѣйствуетъ очень сильно. Такъ Тридцатилѣтняя война слишкомъ на столѣтіе разрушила прежнее благосостояніе Германіи: народъ отвыкъ отъ правовъ, дававшихъ успѣшность его труду, и только во второй половинѣ XVIII столѣтія слѣды этого гибельнаго вліянія стали исчезать. Но характеръ постоянства въ особенности принадлежитъ невыгоднымъ обстоятельствамъ внутренней жизни самого населенія, тѣмъ бѣдствіямъ, которыя наносятся ему не чужими, а своими людьми. Отъ своей внутренней обстановки сотни, иногда тысячи лѣтъ трудъ лишается энергіи. Изслѣдованіе этого предмета относится къ той части политической экономіи, которая говоритъ о вліяніи общественныхъ учрежденій на производство.

ни одинъ политико-экономъ до д-ра Чомерса,—писателя, у котораго много мыслей по моему мнѣнію ошибочныхъ, но у котораго всегда есть то достоинство, что онъ изучаетъ феномены въ самомъ ихъ источникѣ и выражаетъ ихъ самостоятельнымъ языкомъ, часто раскрывающимъ такія стороны истины, которыя закрываются принятою фразеологіею.

8. Изъ того воззрѣнія, которымъ докторъ Чомерсъ объясняетъ изложенный нами вопросъ, онъ выводитъ важныя заключенія о другомъ, близкомъ къ объясненному факту предметѣ, о государственныхъ займахъ на войну и на другіе непроизводительные расходы. Займы эти, замѣняя собою налоги, берутся изъ капитала, между тѣмъ какъ налоги платились-бы изъ дохода и отчасти или вполнѣ покрывались бы увеличеніемъ экономіи въ расходахъ; и такъ, по принципамъ, намя изложеннымъ, займы ведутъ страну къ обѣднѣнію. Но годы, когда расходы, дѣлаемые на занятыя суммы, совершались въ громаднѣйшемъ размѣрѣ, часто бывали годами большаго наружнаго благосостоянія: средства страны и богатство ея, вмѣсто того чтобы являться уменьшенными, показывали всѣ признаки быстраго возрастанія, пока длился расходъ, и оказывались сильно расширившимися по его окончаніи. Всѣ согласны въ томъ, что такъ было съ Великобританіей во время послѣдней долгой континентальной войны (при Наполеонѣ I), и много мѣста понадобилось бы на исчисленіе всѣхъ неосновательныхъ политико-экономическихъ теорій, порожденныхъ этимъ фактомъ, вошедшихъ на нѣкоторое время въ довѣріе у публики, благодаря ему, и превозносившихъ непроизводительное потребленіе, какъ болѣе выгодное, чѣмъ производительное. Не входя въ изложеніе всѣхъ причинъ, не дававшихъ тутъ и обыкновенно не дающихъ странѣ чувствовать послѣдствія этихъ чрезвычайныхъ растратъ ея производительныхъ силъ въ полномъ размѣрѣ, какой обозначается теоріею, мы предположимъ самый неблагопріятный изъ всѣхъ возможныхъ случаевъ: предположимъ, что вся занятая и уничтоженная правительствомъ сумма богатствъ была вынута заимодавцемъ изъ производительнаго потребленія, которымъ была вся она фактически занята. Въ такомъ случаѣ капиталъ страны уменьшенъ на всю величину этой суммы. Но если сумма эта не была страшно чрезмѣрною, то по самой сущности дѣла нѣтъ причинъ національному капиталу не возвратить на слѣдующій годъ свою прежнюю величину. Заемъ не могъ быть взятъ изъ той части капитала, которая состоитъ въ инструментахъ, машинахъ и зданіяхъ. Онъ весь долженъ быть взятъ изъ той части капитала, которая служитъ платою работникамъ, и работники пострадали отъ займа пропорціонально взятой суммѣ. Но если никто изъ нихъ не умеръ съ голоду, если рабочая плата могла вынести такое уменьшеніе, или если благотворительность отвращала отъ работниковъ совершенное отсутствіе продовольствія, то нѣтъ причины, почему бы трудъ ихъ въ слѣдующемъ году произвелъ меньше, нежели въ предыдущемъ [20]).

---

[20]) То-есть, опять предполагая то условіе, важность котораго заставила насъ сдѣлать предыдущее замѣчаніе,—предполагая, что нравы и привычки трудящейся части населенія не успѣли повредиться отъ лишеній. Размѣръ этого поврежденія можетъ быть великъ или малъ, смотря по состоянію, какого прежде успѣла достичь прочная привычка къ энергіи труда: если она сильна, поврежденіе можетъ быть не столь громаднымъ, чтобы рѣзать глазъ поверхностнаго наблюдателя: но оно въ большей или меньшей степени непремѣнно слѣдуетъ за лишеніемъ. Это фактъ математическій, не подлежащій сомнѣнію въ теоріи; а на практикѣ нужно только внимательно изслѣдовать положеніе дѣлъ, чтобы открыть его существованіе. Война и всякій другой большой государственный непроизводительный расходъ портитъ энергію производительнаго труда, нанося порчу привычкамъ трудящихся. Это было замѣчено и въ Англіи во время войнъ съ французскою республикою и первою имперіею. Работники оказались менѣе прежняго успѣшны въ работѣ, потому что разви-

Если они за плату, уменьшившуюся извѣстнымъ числомъ милліоновъ, произведутъ столько же, какъ прежде, эти милліоны будутъ выиграны хозяевами ихъ [21]). Такимъ образомъ немедленно возстановляется уронъ, нанесенный капиталу; впрочемъ, возстановляется онъ

лось въ нихъ апатическое буйство, перемежающееся съ лѣностью. Не говоримъ уже о томъ, что во время ослабленія производительнаго труда земля остается нѣсколько запущенною, то есть нѣсколько портится, выдѣлка инструментовъ и машинъ для промышленныхъ производствъ ослабѣваетъ, а прежніе инструменты и машины сильнѣе обыкновеннаго портятся, оставаясь безъ поправки, да и матеріаловъ для промышленности изготовляется меньше, чѣмъ обыкновенно. Такимъ образомъ на слѣдующій годъ общество имѣетъ рабочія силы хуже прежнихъ, орудія производства (землю, инструменты, машины, промышленныя постройки) въ количествѣ меньшемъ и въ качествѣ худшемъ прежняго, матеріалы тоже; потому производство на слѣдующій годъ никакъ не можетъ имѣть того размѣра, какой имѣло бы безъ непроизводительнаго чрезвычайнаго расхода. Теорема о неизбѣжности этого результата имѣетъ математическую достовѣрность.

[21]) Но *именно* столько же они не произведутъ, потому что за меньшую плату трудъ получается худшаго качества, и потому не *всѣ* милліоны будутъ выиграны хозяевами,—часть этой суммы потеряется отъ ухудшенія въ качествѣ труда. Чтобы сдѣлать яснѣе это соображеніе, мы приведемъ гипотетическій балансъ общества.

Положимъ, что Англія занимаетъ на войну 50 милліоновъ фунтовъ. Эти 50 милліоновъ берутся изъ платы работникамъ. Положимъ, что она имѣла прежде величину 200 милліоновъ: она уменьшилась отъ займа на четвертую часть; качество труда ухудшилось отъ этого хотя на одну двадцатую часть. Если при помощи данныхъ орудій и даннаго количества матеріаловъ трудъ производилъ прежде продуктовъ на 500 милліоновъ, теперь онъ произведетъ ихъ одною двадцатою частью меньше, то есть только на 475 милліоновъ. Итакъ, что произвелъ заемъ только одною этою стороною своего дѣйствія? Онъ взялъ у работниковъ черезъ руки хозяевъ 50,000 милліоновъ; но, взявъ у работниковъ для передачи правительству 50 милліоновъ, хозяева сами потеряли отъ ухудшенія въ качествѣ труда 25 милліоновъ. Итого 75 милліоновъ чистой потери. Но это только одна часть потери. Всей громадности потери нельзя и сообразить, но попробуемъ сообразить хотя еще нѣкоторыя части его.

50 милліоновъ, взятые на войну, израсходованы на потребленіе непроизводительное, пропадающее безъ всякаго слѣда (Милль, книга I, глава 3, § 6, стр. 78). Производство было въ 500 милліоновъ; положимъ, что изъ него прежде шло на непроизводительное потребленіе 100 м., оставалось на производительное 400 м.; теперь пошло на непроизводительное потребленіе 150 м., осталось на производительное 350 м.; если прежде изъ 400 милліоновъ возникало 500, теперь изъ 350 м. возникало бы только уже 437½ милл., если-бы успѣшность труда осталась прежняя; но она уменьшилась на одну двадцатую часть, то есть на 21,87 милл., и такъ, производятся на слѣдующій годъ только 415,63 милліоновъ. Недочетъ составляетъ на первый слѣдующій за займомъ годъ 84,37 милліона.

Этотъ недочетъ перваго года отзовется нѣкоторымъ недочетомъ и на слѣдующемъ (второмъ), а отъ него на третьемъ году и т. д., потому что не вся сумма 84,37 милл. отнеслась на непроизводительное потребленіе, а часть ея легла и на производительномъ потребленіи. Но мы не станемъ уже высчитывать этихъ слѣдующихъ недочетовъ. Ограничимся однимъ первымъ годомъ.

Весь ли его недочетъ мы сочли? Нѣтъ, онъ имѣетъ множество формъ, мы взяли еще только одну,—легко было бы набрать ихъ десятка два очень крупныхъ; мы возьмемъ хотя только еще двѣ—вліяніе недочета на землю, инструменты, машины и вліяніе на рабочія силы.

Производительное потребленіе уменьшилось въ годъ военнаго расхода на одну восьмую часть (350 м. вмѣсто прежнихъ 400 м.). Это значитъ, что между прочимъ и на уходъ за землею приложено труда на ⅛ часть меньше прежняго. Отъ этого она дала продуктовъ на ⅛ часть, на 12½% меньше. Положимъ, что ея продукты составляли 50% всѣхъ продуктовъ,—мы считали всего 415,63 м., стало быть въ нихъ земледѣльческихъ продуктовъ считалось 207,81 милл., теперь оказывается, что ихъ надобно считать уменьшенными на одну восьмую часть, то есть вычесть 25,98; потому земледѣльческихъ продуктовъ надобно считать не 207,81 м., а только 181,83 м. Другихъ продуктовъ считаемъ то количество, какъ прежде (207,81 м.); обѣ суммы составляютъ уже только 389,64 м.

Но составляютъ ли онѣ и это количество? Вѣдь мы полагали, что трудъ производится тѣмъ же количествомъ такихъ же инструментовъ и машинъ, какъ прежде, а этотъ факторъ уменьшился тоже на ⅛ часть, и отъ этого трудъ снова сталъ на ⅛ часть менѣе успѣшенъ; итакъ надобно изъ 389,64 м. вычесть одну восьмую часть, то есть 48,70 м. Остается всего только 340,94 м.

Но остается ли хотя это? Вѣдь мы только полагали, что трудъ сталъ хуже ка-

лишеніями и часто сильною нищетою рабочаго класса. Вотъ дѣйствительная причина, почему такіе періоды, даже при самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, очень могутъ быть временами большихъ выигрышей для тѣхъ, благосостояніе которыхъ обыкновенно считается во мнѣніи общества за національное благосостояніе *).

чествомъ, сталъ производиться меньшимъ количествомъ и притомъ худшихъ инструментовъ и надъ землею худшаго качества, но все еще полагали, что количество труда осталось прежнее; осталось ли оно? Нѣтъ; было въ Англіи, положимъ, 5.000.000 взрослыхъ работниковъ, изъ нихъ 200,000 завербованы въ солдаты и военные матросы, а съ войны годными къ работѣ воротились развѣ 100,000—другіе 100,000 убиты, умерли отъ ранъ и тифа, или остались изувѣченными. Итакъ изъ 5.000,000 работниковъ исключено войною безвозвратно 100,000 работниковъ; количество труда уменьшилось на одну пятидесятую часть, на 2%; опять надобно вычесть 2% изъ количества продуктовъ, которое мы полагали прежде,—изъ 340,94 м. надобно вычесть 6,82 м., остается всего только 334,12 милліона, стало быть весь недочетъ—165,88 милліоновъ.

Да полно, весь ли это недочетъ? Куда, какъ можно! Вѣдь мы не считали, сколько работниковъ, оставшихся дома, умерло отъ лишеній, сколько другихъ сколько времени пролежали въ болѣзняхъ отъ лишеній, сколько времени потрачено ими на уходъ за родными, болѣвшими или умиравшими все отъ тѣхъ же лишеній, сколько продуктовъ пошло на лѣченье, на похороны; сколько съ горя пропито; сколько времени люди одурѣлые отъ горя шатались неспособными къ труду, сколько отъ этого пропало и попортилось орудій производства, сколько преступленій надѣлано отъ одуренія, отчаянія и нищеты, сколько потрачено на обузданіе развивавшейся въ массѣ готовности къ преступленіямъ, на преслѣдованіе преступленій, на содержаніе обвиненныхъ въ тюрьмахъ, на наказаніе преступниковъ. Этотъ дефицитъ составилъ бы тоже кругловатую цифру въ нѣсколько десятковъ милліоновъ.

А главное, мы считали убыль производства только отъ убыли въ рабочихъ силахъ и въ орудіяхъ, а не считали убыли отъ уменьшенія въ матеріалахъ, между тѣмъ какъ въ нихъ-то и произошло главное уменьшеніе. Что, напримѣръ, если оказалось, что на посѣвъ осталось только половина того количества зерна, какое употреблялось прежде? Тогда вѣдь и всю жатву придется считать въ половину меньше.

Но этого всего мы не считаемъ. Итакъ уже довольно набралось недочетовъ.

Подведемъ же итоги хотя къ тому, что сосчитали.

Отъ займа на войну въ 50 милл. нація въ тотъ годъ, когда расходовался этотъ заемъ, потеряла 75 милл. Въ слѣдующій годъ убыль по производству, далеко не вполнѣ сосчитанная, простиралась на 165,88, проще говоря, на 166 милл.,—итого, эти 50 милліоновъ стоили націи убытка по крайней мѣрѣ въ 241 милл. за годъ военнаго расхода и одинъ слѣдующій годъ.

А мы сказали еще, что недочетъ перваго года послѣ войны отзовется недочетомъ и на второмъ, и на третьемъ годѣ, да и дальше. А проценты по займу? Вѣдь и ихъ надобно будетъ откуда нибудь брать каждый годъ? Да, едва ли англичане отдѣлались убыткомъ, хотя-бы въ 250, хотя-бы въ 300, или даже въ 400 милліоновъ фунтовъ за этотъ израсходованный на войну съ Франціею заемъ въ 50 милліоновъ.

Лучше было бы имъ, чѣмъ дѣлать этотъ заемъ, взять да сожечь весь свой Лондонъ. Меньше было бы имъ убытка отъ этого, нежели отъ одного года успѣшной войны Лондонскимъ монументомъ великаго пожара 1666 года ознаменована память бѣдствія несравненно меньшаго для англичанъ, нежели монументомъ ихъ трафальгарской побѣды.

Какимъ же образомъ эти громадныя потери до того нечувствительны, что нужно еще доказывать ихъ? Какими путями производится то странное явленіе, что разница между годомъ войны и годомъ мира въ экономическомъ отношеніи не такъ ярка для невнимательнаго зрителя, какъ должна быть по сущности дѣла? Объясненіемъ этого служитъ нынѣшній порядокъ распредѣленія цѣнностей, и отвѣтъ надобно отложить до второй книги.

Теперь мы можемъ предвидѣть одно: должно быть что-то фальшивое, дикое въ томъ экономическомъ бытѣ, при которомъ для массы націи все равно, теряетъ ли нація 20%, 30%, или даже 50% своего дохода, а для многихъ эта потеря даже выгодна,—при которомъ нація восхищается своими побѣдами и рада вести войну, лишь бы шла она удачно. Это напоминаетъ о состояніи ощущеній человѣка одержимаго тифознымъ жаромъ, который самъ не можетъ опредѣлить, холодно ли или тепло въ комнатѣ, и который готовъ выпить хотя цѣлое ведро ледяной воды, отъ которой усиливается его болѣзнь.

*) Но съ другой стороны не должно забывать, что война отвлекаетъ отъ производительнаго занятія не только капиталъ, но и работниковъ; что суммы, взятыя изъ вознагражденія производи-

Это ведетъ къ спорному вопросу, на который и было обращено особенное вниманіе д-ра Чомерса: какимъ путемъ правительству лучше получать суммы, требуемыя экстреннымъ непроизводительнымъ расходомъ: путемъ-ли займовъ, по которымъ только проценты доставляются налогами, или путемъ налоговъ на время расхода въ размѣрѣ

тельныхъ работниковъ, отчасти употребляются на плату имъ же или другимъ за непроизводительный трудъ и что этою частью своихъ слѣдствій военныя издержки дѣйствуютъ въ направленіи прямо противоположномъ тому, которое указываетъ докторъ Чомерсъ; насколько простирается вліяніе этой стороны войны, оно вознаграждаетъ результаты, изложенные въ текстѣ. Часть дѣла, состоящая въ томъ, что работники берутся отъ производства въ армію и флотъ, *не* вредитъ рабочимъ классамъ, *не* даетъ выгоды капиталистамъ, а общая масса продуктовъ страны *уменьшается* военными издержками. Такимъ образомъ мнѣніе доктора Чомерса, справедливое относительно Англіи, совершенно не примѣняется къ странамъ, находящимся въ другихъ обстоятельствахъ; напримѣръ, къ Франціи во время наполеоновскихъ войнъ. Въ этотъ періодъ много лѣтъ сряду продолжался въ огромномъ размѣрѣ выводъ рабочаго населенія изъ Франціи; а суммы, на которыя велась война, доставлялись преимущественно контрибуціею съ земель, завоеванныхъ французскимъ оружіемъ, и только очень малая часть ихъ состояла изъ французскаго капитала. Поэтому во Франціи рабочая плата не падала, а возвышалась; хозяева, нанимавшіе рабочихъ, имѣли не выигрышъ, а убытокъ; богатство страны между тѣмъ уменьшалось остановкою или совершенною потерею огромнаго количества производительнаго труда. Въ Англіи всѣ эти результаты имѣли противоположный характеръ. Англія, сравнительно говоря, прибавила на время войны мало своихъ собственныхъ солдатъ и матросовъ, но отвратила сотни милліоновъ фунтовъ капитала отъ производительнаго занятія на доставленіе военныхъ запасовъ своимъ континентальнымъ союзникамъ и на содержаніе ихъ армій. Поэтому, какъ мы говорили въ текстѣ, работники ея страдали, капиталисты ея благоденствовали, а постоянныя производительныя силы ея не уменьшались.—*Примѣч. автора.*

Факты изложены тутъ справедливо, но въ изложеніи перемѣшаны двѣ разныя точки зрѣнія: выгодность распредѣленія для разныхъ сословій и производство. Мы уже нѣсколько разъ замѣчали, что даже у Милля, самаго серьезнаго и проницательнаго мыслителя изъ всѣхъ нынѣшнихъ политико-экономовъ, результаты, проистекающіе изъ сущности вещей, слишкомъ часто смѣшиваются съ явленіями второстепенными, временными, происходящими отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и затемняются такимъ смѣшеніемъ. Здѣсь эта запутанность доходитъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ трактата Милля, до такой степени, что можетъ оставлять въ читателѣ ложное впечатлѣніе объ излагаемомъ предметѣ. Мы много разъ видѣли, что, когда изъ массы населенія уводятся отборные работники, положеніе всей націи, и въ томъ числѣ рабочихъ классовъ, должно становиться хуже, потому что на продовольствіи у каждаго работника остается бо́льшее число людей, чѣмъ прежде. (Смотри, напримѣръ, стр. 82). Между тѣмъ Милль страннымъ образомъ не дѣлаетъ оговорки, что излагаетъ частный случай, производимый фальшивымъ положеніемъ вещей въ противность сущности дѣла, когда замѣчаетъ, что взятіе работниковъ на войну не вредитъ рабочимъ классамъ. Нѣтъ, само по себѣ оно очень вредитъ имъ, только вредъ можетъ уравновѣшиваться какою-нибудь другою перемѣною въ фальшивомъ положеніи дѣлъ, и притомъ также фальшивою перемѣною, происходящею отъ этого факта. Работниковъ стало меньше по сравненію съ числомъ содержимыхъ ими людей; потому нація стала бѣднѣе; стали бѣднѣе и работники и ихъ семейства. Но если число работниковъ сдѣлалось слишкомъ недостаточно, то есть нація терпитъ слишкомъ большую нужду въ продуктахъ, то запросъ на работниковъ можетъ очень усилиться и величина рабочей платы можетъ очень подняться, по крайней мѣрѣ въ денежномъ своемъ счетѣ. Французскій работникъ, получавшій до войны 1 франкъ, можетъ получать во время войны 3 франка. Это считается на золото или серебро, и онъ очень доволенъ, думая, что получаетъ втрое больше прежняго, пользуется втрое большимъ благосостояніемъ. Но продукты тоже вздорожали, и за 3 франка онъ получаетъ теперь гораздо меньше продуктовъ, нежели получалось за 3 франка до войны. Сосчитать это не такъ просто, какъ сосчитать на своей рукѣ вмѣсто одной монеты три монеты. Впрочемъ, можетъ случиться, что продукты вздорожали не въ такой пропорціи, какъ трудъ, и что за 3 франка получается ихъ теперь больше, чѣмъ прежде за 1 франкъ, хотя никакъ не можетъ быть, чтобы получалось ихъ столько, сколько получалось ихъ прежде за 3 франка. Можетъ случиться и наоборотъ: продукты могутъ вздорожать еще сильнѣе труда и тогда за 3 франка получается продуктовъ меньше, нежели прежде за 1 франкъ. Въ такомъ случаѣ даже работникъ, оставшійся при производительномъ трудѣ, проигралъ. Но когда цѣна труда поднялась сильнѣе цѣны продуктовъ, онъ дѣйствительно выигралъ, если онъ человѣкъ одинокій, или имѣющій всего только двухъ или трехъ человѣкъ на своемъ содержаніи. Тогда посторонніе люди могутъ находить и самые рабочіе воображать, что положеніе рабочихъ классовъ вообще улучшилось. Но это только оптическій обманъ, производимый сосредоточеніемъ вниманія на одной части простолюдиновъ. Вообще и между просто-

всего количества расхода?—На финансовомъ языкѣ послѣдній способъ называется „взиманіемъ въ одинъ годъ всей суммы расхода“. Докторъ Чомерсъ сильно защищаетъ этотъ послѣдній способъ. Вообще думаютъ, говоритъ онъ, что взять налогами въ одинъ годъ всю требуемую сумму дѣло или невозможное, или очень неудобное; что нація не можетъ, безъ большаго обремененія, вдругъ уплатить всю эту сумму изъ своего годоваго дохода, и что гораздо лучше требовать у нея ежегоднаго небольшаго платежа въ видѣ процентовъ, чѣмъ за одинъ разъ потребовать такого огромнаго пожертвованія. Онъ отвѣчаетъ на это, что пожертвованіе въ обоихъ случаяхъ одинаково дѣлается. Что растрачивается въ годъ, говоритъ онъ, то неизбѣжно берется изъ дохода за одинъ годъ. Все богатство, производимое въ странѣ, образуетъ ея годовой доходъ; каждая часть этого богатства составляетъ часть чьего-нибудь годоваго дохода. Та сумма лишеній, говоритъ онъ, которая произошла бы отъ взятія всей суммы расхода способомъ налоговъ, не отстранится, если возьмется способомъ займа. Потеря не отвращается, а только слагается на рабочіе классы, которые менѣе всѣхъ другихъ могутъ и должны выносить ее; а съ тѣмъ вмѣстѣ новымъ чистымъ убыткомъ остаются всѣ матеріальныя, нравственныя и политическія неудобства, производимыя установленіемъ и сохраненіемъ налоговъ на вѣчную плату процентовъ. Изъ продуктовъ или изъ суммъ, назначенныхъ на производство продуктовъ, взятъ капиталъ на то, чтобы поступить въ казну и израсходоваться непроизводительнымъ образомъ,—въ томъ и другомъ случаѣ вся эта сумма одинаково берется у рабочихъ классовъ; потому заемъ въ дѣйствительности уплачивается въ одинъ годъ; все пожертвованіе, нужное для уплаты его, одинаково производится на самомъ дѣлѣ въ этотъ годъ; только уплачено оно не въ тѣ руки, куда должно идти [22]), потому не погашаетъ собою требованія казны, и уплачивается посредствомъ наихудшаго изъ налоговъ, налога, исключительно падающаго на рабочій классъ. Совершивъ этимъ самымъ труднымъ и несправедливымъ изъ всѣхъ путей весь подвигъ, нужный на погашеніе долга, страна всетаки остается обременена этимъ долгомъ и вѣчною уплатою процентовъ.

людинами пропорція работниковъ къ общему числу сословія уменьшилась, то есть работнику вообще стало тяжеле; если нѣкоторые избѣжали участія въ общемъ бѣдствіи, тѣмъ бо́льшая часть его пришлась на долю остальной массы, состоящей изъ семействъ, лишившихся взрослыхъ мужчинъ или сохранившихъ слишкомъ малое число ихъ. Тому же оптическому обману помогаетъ еще другое обстоятельство, упоминаемое самимъ Миллемъ. При повышеніи рабочей платы выгоды капиталистовъ уменьшаются. Работники, сознавая противоположность своихъ интересовъ съ интересами капиталистовъ, слишкомъ часто радуются всякому ихъ затрудненію, какъ будто своему освобожденію, бѣду противника принимаютъ за свое счастье. Во многихъ случаяхъ это чувство ошибочно. Впрочемъ, уменьшеніе части продуктовъ, достающейся капиталистамъ, можетъ иногда быть такъ значительно, что, несмотря на уменьшеніе общей массы продуктовъ, работникамъ всетаки можетъ оставаться болѣе значительная часть, чѣмъ прежде. Но эта фальшивая поправка фальшиваго положенія, эта фальшивость въ квадратѣ такъ натянута, что непремѣнно въ скоромъ времени лопается, и рабочіе видятъ себя въ положеніи, худшемъ всего того, что когда-нибудь испытывали.—Читатель видитъ, что эти разъясненія относятся уже чисто къ теоріи распредѣленія, а не къ теоріи производства: но они вынуждены у насъ спутанностью точекъ зрѣнія въ разъясненіи явленій у переводимаго нами автора. Повторяемъ еще разъ, что у каждаго другаго изъ нынѣшнихъ экономистовъ такихъ запутанностей несравненно больше, нежели у Милля.—*Примѣч. переводч.*

22) То есть сущность дѣла состоитъ въ переходѣ извѣстной суммы отъ извѣстныхъ классовъ въ казну; если сумма берется посредствомъ займа, она въ сущности берется съ рабочаго класса, но составляется тѣмъ, что фабриканты, хозяева земледѣльческихъ заведеній и т. д. не выплачиваютъ своимъ рабочимъ того, что платили прежде; и такъ эта сумма идетъ отъ рабочихъ не въ казну, куда ей слѣдуетъ идти, а въ руки капиталистовъ. У капиталистовъ казна беретъ ее уже подъ формою займа, стало быть проценты идутъ просто посредникамъ, которымъ собственно и не принадлежала взятая въ займы сумма.

Это воззрѣніе кажется мнѣ совершенно вѣрнымъ относительно той части поглощаемыхъ займомъ цѣнностей, которая безъ займа была бы употреблена на производительную промышленность въ самой странѣ. Но практическое положеніе дѣла рѣдко вполнѣ соотвѣтствуетъ такому предположенію. Займы въ менѣе богатыхъ странахъ дѣлаются преимущественно изъ иностраннаго капитала, который, быть можетъ, не пошелъ бы на употребленіе въ эту страну ни подъ какою иною гарантіею, кромѣ обязательства со стороны ея правительства; а займы богатыхъ и благосостоятельныхъ странъ дѣлаются обыкновенно не изъ тѣхъ суммъ, которыя вынимались бы изъ производительнаго употребленія: они обыкновенно дѣлаются изъ новыхъ накопленій, непрерывно составляющихся изъ дохода, и часто дѣлаются изъ той части этихъ накопленій, которая, если бы не пошла на заемъ, то перешла бы въ колоніи или стала бы искать другаго употребленія себѣ за границей. Въ этихъ случаяхъ (которые мы подробнѣе разсмотримъ впослѣдствіи, въ книгѣ IV, въ главахъ 4 и 5) нужная сумма можетъ быть получена займомъ безъ ущерба работникамъ, безъ разстройства національной промышленности и, быть можетъ, даже съ большею выгодою для работниковъ и промышленности, чѣмъ при взиманіи ея налогами, потому что налоги, особенно когда бываютъ тяжелы, почти всегда уплачиваются отчасти на счетъ того, что безъ нихъ было-бы сбережено и прибавлено къ капиталу. Этого мало; если страна дѣластъ ежегодно такія большія прибавленія къ своему богатству, что часть этихъ прибавленій можно брать и тратить непроизводительно, не уменьшая капитала и даже не мѣшая ему значительно увеличиваться, то очевидно, что хотя бы даже вся сумма займа бралась изъ той части новыхъ накопленій, которая обратилась бы въ капиталъ и нашла бы себѣ занятіе въ самой странѣ, заемъ подѣйствуетъ на рабочіе классы далеко не съ тою силою вреда, какъ предполагалось въ первоначально изложенномъ нами случаѣ, и возраженіе противъ предпочтенія займовъ налогамъ очень значительно ослабѣваетъ. Это предварительное краткое изложеніе дѣла, подробное разсмотрѣніе котораго относится къ одной изъ слѣдующихъ частей нашего трактата, казалось намъ необходимо для предотвращенія ошибочныхъ выводовъ изъ мыслей, нами уже изложенныхъ [23]).

---

[23]) Хорошо, что Милль отсылаетъ читателя къ IV книгѣ за подробнымъ разсмотрѣніемъ дѣла: это даетъ и намъ возможность отложить подробный разборъ его до другаго мѣста, а иначе пришлось бы здѣсь, гдѣ и безъ того уже много примѣчаній, дѣлать еще очень длинное примѣчаніе; потому что ограниченія примѣнимости принципа Чомерса, приводимыя Миллемъ, основаны на взглядѣ или одностороннемъ, или вовсе не доходящемъ до сущности дѣла. Теперь довольно будетъ намъ высказать самымъ краткимъ образомъ основанія, почему нельзя принять возраженій, будто бы ослабляющихъ силу соображеній Чомерса. Бѣдныя страны, говоритъ Милль, берутъ заемъ изъ иностраннаго капитала, который не пошелъ бы въ нихъ иначе, какъ на гарантію ихъ правительства, т. е. въ формѣ государственнаго займа. Говорить это значитъ останавливаться на половинѣ изслѣдованія. Фактъ бѣдности не есть основной фактъ; онъ слѣдствіе другихъ фактовъ, изъ которыхъ главный—чрезмѣрность непроизводительнаго расхода и главнымъ образомъ непроизводительнаго правительственнаго расхода. Заемъ на непроизводительное потребленіе только увеличиваетъ этотъ расходъ, т. е. только увеличиваетъ бѣдность страны, хотя бы брался и изъ иностраннаго капитала. Хотя бы онъ пришелъ изъ-за границы, онъ всетаки гибеленъ для домашняго капитала. Заемъ въ богатыхъ странахъ, продолжаетъ Милль, дѣлается не изъ капитала, а изъ новыхъ сбереженій, которыя пошли бы искать занятія за границей. Но если бы за границей они нашли себѣ производительное занятіе въ какой-нибудь заграничной странѣ, они увеличили бы богатство этой страны, увеличили бы силу ея обмѣниваться своими продуктами съ націею, изъ которой вышелъ капиталъ, и обогатили бы эту націю развитіемъ ея заграничной торговли. Если вмѣсто выгоднаго заграничнаго употребленія нація дала своимъ накопленіямъ убыточное внутреннее употребленіе, она все-таки проиграла. Итакъ все равно, дома или за границей дѣлается заемъ для непроизводительнаго потребленія, все равно, дома-ли остались

9. Переходимъ теперь къ четвертой основной теоремѣ относительно капитала; о ней забываютъ или фальшиво понимаютъ ее едва-ли не чаще, нежели даже три первыя теоремы, какъ ни часто онѣ забываются или искажаются. Производительный трудъ содержится и прилагается къ дѣлу капиталомъ, расходуемымъ на содержаніе его за работою, а не запросомъ покупателей на изготовленный продуктъ труда. Запросъ на товары не есть запросъ на трудъ. Запросомъ на товары опредѣляется то, на какую частную отрасль производства должны обращаться трудъ и капиталъ, опредѣляется *направленіе* труда; но не опредѣляется самое количество труда, не опредѣляется размѣръ продовольствія или платы за трудъ. Количество труда и размѣръ платы за него зависятъ отъ количества капитала или другихъ суммъ, прямо назначенныхъ на продовольствованіе и вознагражденіе труда.

Предположимъ, напримѣръ, что существуетъ запросъ на бархатъ, существуетъ сумма, готовая къ израсходованію на покупку бархата, но не существуетъ капитала для основанія бархатной фабрики. Какъ бы великъ ни былъ этотъ запросъ, но все равно, пока не обратится капиталъ на эту фабрикацію, не будетъ выдѣлано ни одного дюйма бархата, стало быть не будетъ и куплено ни одного дюйма его. Иначе будетъ развѣ въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, желающій быть покупщикомъ бархата, желаетъ этого такъ сильно, что часть цѣны, которую заплатилъ бы за него, употребитъ на затрату для работниковъ, чтобы они могли заняться дѣланіемъ бархата, то есть когда онъ обратитъ часть своего дохода въ капиталъ и затратитъ этотъ капиталъ на выдѣлку бархата. Перевернемъ теперь гипотезу и предположимъ, что находится много капитала, готоваго выдѣлывать бархатъ, но нѣтъ запроса на бархатъ. Бархатъ тоже не будетъ выдѣлываться. Но со стороны капитала нѣтъ особеннаго предпочтенія къ выдѣлкѣ бархата передъ выдѣлкою чего-нибудь другаго. Фабриканты и ихъ работники производятъ не для удовольствія своихъ покупщиковъ, а для удовлетворенія собственныхъ надобностей; имѣя теперь капиталъ и трудъ, остающійся безъ занятія, то есть имѣя существенные элементы производства, они могутъ производить какой-нибудь иной товаръ, на который есть запросъ; а если нѣтъ посторонняго запроса ни на какой другой товаръ, они сами имѣютъ запросъ на извѣстные товары и могутъ производить вещи, нужныя имъ на собственное потребленіе. Такимъ образомъ занятіе, даваемое труду, зависитъ не отъ

бы, или пошли бы за границу суммы, взятыя этимъ займомъ, и все равно, на какое бы назначеніе ни пошли онѣ безъ этого займа, онъ ослабляетъ капиталъ страны на всю свою величину, составляетъ для страны столь же быстрое и столь же большое пожертвованіе, какое составилось бы взятіемъ этой суммы посредствомъ налога, и все равно ко всѣмъ этимъ случаямъ всѣ соображенія Чомерса прилагаются съ такою же силою, какъ прилагаются къ основному случаю, ко взятію займа изъ капитала, обращеннаго на производство въ самой странѣ. Но есть еще другое соображеніе, которое не выставлено у Милля и которое безусловнымъ образомъ дѣлаетъ путь займа несравненно разорительнѣйшимъ для націи, чѣмъ путь прямаго требованія нужной суммы посредствомъ налога. Эта причина заключается въ томъ, что налогъ прямо и очевидно показываетъ странѣ величину пожертвованія, дѣлаемаго ею на непроизводительный расходъ, а заемъ прячетъ истину, обольщаетъ страну видимою легкостью пожертвованія, хотя въ сущности дѣлаетъ его еще тяжеле, и такимъ образомъ заводитъ обольщающуюся страну по пути разорительныхъ растратъ гораздо дальше, нежели рѣшилась бы она идти съ налогомъ. Крымская война стоила французскому правительству 1,721 милліонъ франковъ. Эта сумма была растрачена мотѣе, чѣмъ въ два года. Это сумма всѣхъ богатствъ, находящихся въ цѣлыхъ двухъ департаментахъ средней величины. Если бы передъ войною французское правительство и французская нація ясно понимали, что каждый годъ войны равносиленъ для нихъ потерѣ цѣлаго департамента, вѣроятно, они не такъ легко рѣшились бы на войну. Но подъ формою займа они, сами для себя незамѣтно, истребили эти 1,721 милліонъ, уничтожили два департамента.

покупщиковъ, а отъ капитала. Разумѣется, я теперь не беру въ соображеніе слѣдствій внезапной перемѣны. Если запросъ неожиданно прекращается, а товаръ на его удовлетвореніе уже произведенъ, этимъ вводится новый элементъ въ положеніе дѣла: капиталъ фактически потребленъ на производство товара, котораго никому не нужно; такимъ образомъ капиталъ погибъ и занятіе, которое онъ давалъ труду, кончилось,—не потому, что прекратился запросъ, а потому, что исчезъ капиталъ. Такимъ образомъ этотъ случай не служитъ повѣркою принципа, что запросомъ опредѣляется направленіе капитала. Настоящая повѣрка этого принципа дается гипотезою, что перемѣна происходитъ постепенно и предусматривается, что она не сопровождается потерею капитала, такъ что фабрикація прекращается просто тѣмъ, что машины не возобновляются, когда испортятся отъ употребленія, и деньги не затрачиваются вновь на фабрикацію, по мѣрѣ того какъ выручаются продажею продукта. Въ этомъ случаѣ капиталъ готовъ на новое занятіе и будетъ содержать въ немъ столько же труда, какъ прежде. Фабрикантъ и его рабочіе теряютъ выгоду искусства и знанія, пріобрѣтеннаго ими въ прежнемъ дѣлѣ и могущаго только отчасти пригодиться имъ въ новомъ дѣлѣ. Въ этомъ состоитъ потеря, наносимая обществу перемѣною. Но работники всетаки могутъ работать, и капиталъ, дававшій имъ занятіе, будетъ, оставаясь въ тѣхъ же рукахъ или перешедши займомъ въ другія руки, давать, въ какомъ-нибудь другомъ дѣлѣ, занятіе или тѣмъ же самымъ работникамъ, или такому же числу другихъ работниковъ.

Покупать продуктъ не значитъ давать занятіе труду; запросъ на трудъ состоитъ въ рабочей платѣ, предшествующей производству, а не въ какомъ бы то ни было запросѣ на товары, служащіе результатомъ производства, — эта теорема чрезвычайно нуждается въ наивозможно точнѣйшемъ разъясненіи. Неприготовленному взгляду она кажется парадоксомъ; даже изъ знаменитыхъ политико-экономовъ я не могу указать никого, кромѣ Рикардо и Сэ, кто постоянно и твердо помнилъ бы ее. Почти всѣ другіе по временамъ выражаются такъ, какъ будто бы человѣкъ, покупающій товары, продукты труда, даетъ занятіе труду и въ самомъ дѣлѣ создаетъ запросъ на трудъ точно такъ же, какъ если бы онъ прямо покупалъ самый трудъ выдачею ему рабочей платы. Не удивительно, что политическая экономія развивается медленно, если такой вопросъ, встрѣчающійся на самомъ порогѣ ея, остается еще сомнительнымъ. Я полагаю, что если запросомъ на трудъ называть тотъ запросъ, которымъ возвышается рабочая плата или увеличивается число занятыхъ работниковъ, то запросъ на товары не составляетъ запроса на трудъ. Я думаю, что человѣкъ покупающій товары и потребляющій ихъ самъ, не приноситъ никакой пользы рабочему классу, а приноситъ пользу рабочему классу или увеличиваетъ сумму занятій для него человѣкъ только тѣмъ, что сберегаетъ отъ своего личнаго потребленія и расходуетъ на прямую плату работникамъ за ихъ трудъ.

Для лучшаго разъясненія этого принципа предположимъ слѣдующій случай. Потребитель можетъ расходовать свой доходъ на покупку личныхъ услугъ себѣ или товаровъ; употребить часть его на наемъ каменщиковъ для постройки дома, землекоповъ для устройства искусственныхъ прудовъ, работниковъ для устройства садовъ и парковъ; но вмѣсто того онъ можетъ расходовать такую же сумму на покупку бархата и кружевъ. Спрашивается, различны ли эти два способа его расходованія по отношенію къ интересамъ рабочихъ классовъ? Ясно, что въ первомъ изъ этихъ двухъ случаевъ онъ дастъ занятіе работникамъ, которые останутся безъ занятія, или по крайней мѣрѣ безъ этого занятія во второмъ случаѣ. Писатели, противъ которыхъ я спорю, утверждаютъ,

что это все равно, потому что, покупая бархатъ и кружево, онъ также даетъ занятіе работникамъ, именно тѣмъ работникамъ, которые дѣлаютъ бархатъ и кружево. Я, напротивъ, говорю, что въ этомъ второмъ случаѣ онъ не даетъ занятія имъ, а опредѣляетъ, какимъ дѣломъ будетъ занимать ихъ кто нибудь другой. Потребитель не платитъ изъ своихъ суммъ поденную плату ткачамъ и кружевницамъ. Онъ покупаетъ готовый товаръ, уже произведенный трудомъ и капиталомъ, и трудъ этотъ оплачивался не имъ, капиталъ доставлялся не имъ, а фабрикантомъ. Предположимъ, что прежде онъ употреблялъ эту часть своего дохода на наемъ каменщиковъ, которые расходовали получаемую плату на пищу и на платье, — предметы, также производимые трудомъ и капиталомъ; но что теперь онъ вмѣсто прежняго употребленія обращаетъ свой доходъ на покупку бархата и кружева: онъ создаетъ этимъ увеличенный запросъ на нихъ. Этотъ запросъ не можетъ быть удовлетворенъ безъ прибавки въ ихъ продажномъ количествѣ, а она не можетъ быть произведена безъ прибавки капитала; откуда же возьмется эта прибавка капитала? Въ измѣненіи мыслей потребителя нѣтъ ничего такого, отчего капиталъ страны увеличился бы. Потому должно сказать, что увеличенному запросу на бархатъ нельзя было бы теперь удовлетворить, если бы то самое обстоятельство, которое породило увеличеніе въ запросѣ, не освободило точно того количества капитала, какое нужно на удовлетвореніе увеличенія въ запросѣ. Та самая сумма, которую употребляетъ теперь потребитель на покупку бархата, шла прежде въ руки каменщиковъ, расходовавшихъ ее на пищу и другіе предметы необходимости, а теперь остающихся безъ этихъ предметовъ или отрывающихъ ихъ своимъ соперничествомъ отъ тѣхъ долей, которыя шли на другихъ работниковъ. Такимъ образомъ трудъ и капиталъ, производившіе прежде предметы необходимости для этихъ каменщиковъ, лишены теперь своего рынка, должны искать себѣ другаго занятія, и находятъ его въ выдѣлкѣ бархата для новаго запроса. Я говорю не то, чтобы тотъ самый трудъ и капиталъ, который производилъ предметы необходимости, обратился на выдѣлку бархата; но тѣмъ или другимъ изъ сотни разныхъ путей они занимаютъ мѣсто труда и капитала, дѣлающаго бархатъ. Существующій капиталъ могъ дѣлать одно изъ двухъ: или ткать бархатъ, или производить предметы необходимости для каменщиковъ; дѣлать того и другого вмѣстѣ онъ не можетъ. Отъ выбора потребителя зависѣло, которымъ изъ двухъ дѣлъ займутся трудъ и капиталъ; если онъ выбираетъ бархатъ, предметы необходимости не производятся. Для лучшаго разъясненія перевернемъ гипотезу. Потребитель имѣлъ прежде привычку покупать бархатъ, но рѣшился отказаться отъ этого расхода и ежегодно употреблять прежнюю сумму на наемъ каменщиковъ. Если справедливо обыкновенное мнѣніе, противъ котораго я спорю, эта перемѣна въ характерѣ его расхода не даетъ новаго занятія труду, а только переноситъ занятіе отъ ткачей бархата къ каменщикамъ. Но, всмотрѣвшись ближе, мы увидимъ, что произошла прибавка къ суммѣ, идущей на вознагражденіе труда. Фабрикантъ бархата (предполагаемъ, что онъ замѣтилъ уменьшеніе запроса на свой товаръ) уменьшаетъ производство и освобождаетъ соотвѣтственную такому уменьшенію часть капитала, употреблявшагося на выдѣлку бархата. Этотъ капиталъ, вынутый изъ продовольствованія ткачей бархата, не та сумма, которую покупщикъ сталъ употреблять на продовольствованіе каменщиковъ; это вторая такая же сумма. Такимъ образомъ мы видимъ теперь двѣ суммы, обращающіяся на продовольствованіе и вознагражденіе труда, вмѣсто того, что прежде была только одна такая сумма. Тутъ не просто переносъ занятія отъ бархатныхъ ткачей къ каменщикамъ; тутъ, во первыхъ, создается новое занятіе для каменщиковъ, а, во вторыхъ, переносится

занятіе отъ ткачей бархата къ какимъ нибудь другимъ работникамъ, по всей вѣроятности, къ тѣмъ, которые производятъ пищу и другіе предметы, потребляемые каменщиками.

Конечно, можно возразить, что хотя деньги, расходуемыя на покупку бархата, не составляютъ прибавки къ капиталу, но онѣ замѣняютъ капиталъ; что хотя онѣ не создаютъ новаго запроса на трудъ, но служатъ необходимымъ средствомъ для поддержанія существующаго запроса на трудъ. Скажутъ, что имущество фабриканта не можетъ быть прямо обращено на содержаніе труда, пока остается заключено въ бархатѣ; что оно начинаетъ составлять запросъ на трудъ только тогда, когда бархатъ проданъ и капиталъ, ушедшій на выдѣлку бархата, замѣненъ суммою, израсходованною покупщикомъ; изъ этого могутъ выводить, что производитель бархата и покупщикъ бархата, взятые вмѣстѣ, имѣютъ не два капитала, а только одинъ капиталъ, который актомъ покупки переносится отъ покупщика къ фабриканту, и что если покупщикъ вмѣсто покупки бархата покупаетъ трудъ, онъ просто переноситъ этотъ капиталъ на другое дѣло, уничтожая этимъ ровно столько же запроса на трудъ въ одномъ дѣлѣ, сколько запроса на трудъ создаетъ въ другомъ дѣлѣ.

Тѣхъ посылокъ, изъ которыхъ выводится это заключеніе, я не отрицаю. Освободить капиталъ, который иначе остался бы заключенъ въ формѣ, непригодной на содержаніе труда, конечно, тоже самое по отношенію къ интересамъ работниковъ, какъ и создать новый капиталъ. Если я расходую 1,000 фунтовъ на покупку бархата, я даю фабриканту средство употребить 1,000 фунтовъ на содержаніе труда, который не могъ получить занятія, пока бархатъ оставался не проданъ, — это совершенная правда; и если бы бархатъ навсегда остался не проданъ, когда бы я не купилъ его, то, измѣняя свое намѣреніе и вмѣсто покупки бархата нанимая каменщиковъ, я, разумѣется, не создаю новаго запроса на трудъ; потому что, употребляя 1,000 фунтовъ на наемъ труда, я въ тоже время навсегда уничтожаю 1,000 фунтовъ, составлявшихъ капиталъ бархатнаго фабриканта. Но говорить объ этомъ фактѣ значитъ смѣшивать послѣдствія, проистекающія чисто изъ внезапности перемѣны, съ послѣдствіями самой перемѣны. Если бы при прекращеніи покупки со стороны потребителя капиталъ, употребленный на выдѣлку бархата для этого потребителя, непремѣнно долженъ былъ погибнуть, то расходованіе той же суммы со стороны потребителя на наемъ каменщиковъ было бы не созданіемъ новаго занятія, а только перемѣщеніемъ занятія. Но я говорю то, что новое занятіе, даваемое труду, будетъ дано только тогда, если капиталъ бархатнаго фабриканта *можетъ* освободиться, и что оно будетъ дано только тогда, когда онъ *освободится*. Каждому извѣстно, что капиталъ, затраченный на извѣстное занятіе, можетъ быть вынутъ изъ него, если предоставляется на то достаточный срокъ. Если бархатный фабрикантъ получитъ предупрежденіе тѣмъ, что получаетъ заказовъ меньше прежняго, онъ произведетъ бархата на 1,000 фунтовъ меньше прежняго и 1,000 фунтовъ изъ его капитала уже освобождаются этимъ. Если онъ не имѣлъ такого предувѣдомленія въ уменьшеніи заказовъ и если потому товаръ остается на его рукахъ, это увеличеніе непроданнаго товара заставитъ его на слѣдующій годъ пріостановить или уменьшить свое производство, пока распродастся излишній товаръ. По окончаніи этого оборота фабрикантъ найдетъ себя имѣющимъ такое же богатство какъ прежде, и средства его давать занятіе труду не уменьшатся, хотя часть его капитала употребится теперь на содержаніе труда не при такомъ занятіи, какъ прежде. Пока происходитъ это приспособленіе въ употребленіи капитала, запросъ на трудъ просто измѣняется, а не увели-

чивается; но когда оно уже произошло, запросъ на трудъ увеличился. Прежде былъ только одинъ капиталъ, употребляемый на содержаніе ткачей при выдѣлкѣ бархата на 1.000 фунтовъ; а теперь тотъ же самый капиталъ употребленъ на какое нибудь другое занятіе и кромѣ того еще 1,000 фунтовъ распредѣляется между каменщиками. Теперь два капитала употребляются на вознагражденіе двухъ массъ работниковъ; а прежде одинъ изъ этихъ капиталовъ, капиталъ покупателя, служилъ только колесомъ въ механизмѣ, которымъ другой капиталъ (капиталъ фабриканта) давалъ изъ года въ годъ занятіе труду [24]).

Теорема, доказываемая мною, въ сущности равнозначительна выраженію, которое уму однихъ представится трюизмомъ, а уму другихъ парадоксомъ: человѣкъ приноситъ пользу работникамъ не тѣмъ, что потребляетъ на самого себя, а только тѣмъ, чего не потребляетъ самъ. Если я, вмѣсто расходованія 100 фунтовъ на дорогія вина или шелковыя матеріи, употребляю эти 100 фунтовъ на плату работникамъ или на подаянія, запросъ на товары въ обоихъ случаяхъ совершенно равенъ: въ первомъ случаѣ требуется на 100 фунтовъ винъ и матерій, во второмъ случаѣ то же на 100 фунтовъ требуется хлѣба, пива, работническаго платья, топлива и тому подобныхъ товаровъ; но во второмъ случаѣ работники страны имѣютъ на 100 фунтовъ больше продуктовъ, распредѣляющихся между ними. Я потребилъ на 100 фунтовъ меньше и передалъ работникамъ мою силу потребленія; сказать иначе значило бы сказать, что когда я потребилъ меньше прежняго, то не осталось больше прежняго на потребленіе другимъ, а это явное противорѣчіе. Когда производится прежнее количество продуктовъ, то продукты, отъ потребленія которыхъ отказывается одинъ, необходимо прибавляются къ долѣ тѣхъ, кому онъ передаетъ свои средства къ покупкѣ. Въ предполагаемомъ случаѣ нѣтъ необходимости, чтобы въ результатѣ мое потребленіе стало меньше прежняго; потому что работники, которымъ я даю плату, строятъ, можетъ быть, домъ для меня, или дѣлаютъ что нибудь другое для моего будущаго потребленія. Но дѣло въ томъ, что я отсрочилъ свое потребленіе и передалъ работникамъ часть моей доли изъ нынѣшнихъ продуктовъ общества. Если черезъ нѣсколько времени я получу для своего потребленія продуктъ во 100 фунтовъ, онъ получится не изъ нынѣшнихъ продуктовъ, а изъ будущей прибавки къ нимъ. Итакъ, изъ нынѣшнихъ продуктовъ я больше оставилъ на потребленіе другихъ, и эту оставшуюся отъ моего потребленія часть отдалъ въ руки работниковъ *).

---

[24]) Правильнѣе было бы сказать: теперь два капитала, а прежде расходуемая покупателемъ сумма, обратившаяся теперь въ капиталъ, не служила капиталомъ, будучи обращаема на непроизводительное потребленіе. Все дѣло именно въ томъ и состоитъ, что масса цѣнностей, не служившая прежде капиталомъ, обращается теперь въ капиталъ.

*) Слѣдующій случай, представляющій дѣло въ нѣсколько иной формѣ, можетъ еще больше разъяснить его.

Предположимъ, что богатый человѣкъ, А, ежедневно расходуетъ извѣстную сумму на плату работникамъ или на подаянія, которыя, тотчасъ по полученіи, расходуются и потребляются получившими въ видѣ хлѣба. А умираетъ, оставляя свое имущество В, который прекращаетъ эту статью расхода, а вмѣсто того расходуетъ каждый день ту же сумму на тонкія блюда собственнаго стола. Я выбралъ такое предположеніе для того, чтобы оба случая были совершенно сходны во всѣхъ чертахъ, кромѣ черты, служащей предметомъ сравненія. Чтобы не затемнять существенныхъ фактовъ дѣла представленіемъ ихъ сквозь затуманивающую призму денежныхъ сдѣлокъ, предположимъ также, что А и его наслѣдникъ В владѣльцы помѣстья, въ которомъ производятся и хлѣбъ, потребляемый людьми, которымъ раздавалъ свои цѣнности А, и предметы роскоши, доставляемые на столъ В; и предположимъ, что рента этимъ владѣльцамъ платится натурою, сообразно тому предувѣдомленію, какое они даютъ о качествѣ продуктовъ имъ нужныхъ. Теперь спрашивается: дастъ-ли расходъ В столько же занятія или столько же пищи его небогатымъ сосѣдямъ, сколько давалъ расходъ А?

Мы видимъ, что запросъ, отложенный до окончанія дѣла, не дѣлающій никакой затраты на производство, а только уплачивающій за затраты, сдѣланныя другими, нимало не составляетъ запроса на трудъ; сумма, израсходованная такимъ способомъ, не даетъ ровно никакого занятія труду, и по отношенію къ рабочему классу она все равно что вовсе не существуетъ: она не создаетъ и не можетъ создавать никакого за-

---

Изъ условій гипотезы, нами изложенной, слѣдуетъ, что при жизни А та часть дохода, которую онъ издерживалъ на рабочую плату или на подаяніе, бралась имъ съ фермы въ видѣ простонародной пищи и употреблялась въ пищу простонародью; напротивъ, его наслѣдникъ В потребуетъ вмѣсто такой пищи дорогіе съѣстные припасы на такую же цѣнность и они будутъ потребляться за его собственнымъ столомъ; потому фермеръ во время владѣнія В будетъ ежедневно производить простой пищи меньше прежняго, а дорогихъ съѣстныхъ припасовъ больше прежняго на эту сумму, и при владѣніи В на эту сумму уменьшится количество пищи, распредѣляемой между рабочими и небогатыми классами, сравнительно съ тѣмъ количествомъ, какое производилось и распредѣлялось для нихъ во время А. Это будетъ сообразно съ принципами, изложенными въ текстѣ. Тотъ, кто не согласенъ съ ними, долженъ напротивъ предполагать, что предметы роскоши, требуемые владѣльцемъ В, будутъ производиться не вмѣсто хлѣба, доставшагося прежде работникамъ В, а сверхъ этого хлѣба, и что сумма продуктовъ помѣстья возрастетъ въ количествѣ. Но мы спросимъ, какимъ же образомъ произойдетъ это удвоенное производство, какимъ образомъ фермеръ, капиталъ и трудъ котораго были уже совершенно заняты при А, получитъ силу удовлетворять новымъ потребностямъ В, не производя другихъ вещей въ меньшемъ количествѣ? Единственный способъ, какой можно представить, состоитъ въ томъ, что онъ *сначала* произведетъ хлѣбъ, а потомъ, давъ этотъ хлѣбъ работникамъ, которыхъ прежде кормилъ А, произведетъ ихъ трудомъ предметы роскоши, требуемые В. Такъ дѣйствительно должны думать несогласные съ изложеннымъ въ текстѣ взглядомъ писатели, когда настойчиво потребуется чтобы они разъяснили свое понятіе о дѣлѣ. Но если такъ, само собою очевидно, что В долженъ до второго года ждать своихъ предметовъ роскоши; а онъ требуетъ ихъ въ первый годъ. По первоначальнымъ условіямъ гипотезы онъ потребляетъ свой роскошный обѣдъ ежедневно съ перваго дня, и расходъ этотъ идетъ равномѣрно расходу порцій хлѣба, которыя прежде А раздавалъ своимъ работникамъ. Нѣтъ времени, чтобы сначала произвести пищу работникамъ, а уже потомъ удовлетворить В: онъ и они не могутъ вмѣстѣ получить удовлетвореніе своимъ потребностямъ; онъ можетъ удовлетворить своему запросу на товары только тѣмъ, что оставитъ безъ удовлетворенія такое количество запроса работниковъ, какое прежде удовлетворялось изъ получаемой имъ суммы.

Могутъ возразить, что время единственная вещь нужная на то, чтобы расходъ В сдѣлался совмѣстенъ съ занятіемъ работниковъ въ такомъ же размѣрѣ, какъ при А, и что если такъ, то зачѣмъ же намъ не предположить, что В отлагаетъ свое личное потребленіе предметовъ роскоши до той поры, пока они могутъ быть доставлены ему трудомъ людей, работавшихъ для А? Могутъ сказать, что въ этомъ случаѣ В дастъ занятіе и пищу такому же количеству труда, какъ его предмѣстникъ. Конечно, онъ дастъ это количество, но почему дастъ его? Потому, что его доходъ станетъ издерживаться тѣмъ же самымъ способомъ, какъ издерживался доходъ его предшественника,— будетъ издерживаться на рабочую плату. А не обращаль на свое личное потребленіе ту сумму, какую прямо платилъ работникамъ; В поступаетъ точно также, только не своими руками выдаетъ эту сумму работникамъ, а оставляетъ ее въ рукахъ фермера, чтобы онъ выдавалъ ее работникамъ. При такомъ предположеніи, В въ первый годъ, не расходуя самъ на себя этой суммы ни по способу А, ни по своему будущему способу, въ сущности сберегаетъ эту часть своего дохода и ссужаетъ ею фермера. И если въ слѣдующіе годы, ограничиваясь годичнымъ доходомъ, онъ оставляетъ въ рукахъ фермера эту прежнюю ссуду, она становится прибавкою къ капиталу, на которую фермеръ можетъ постоянно занимать трудомъ и продовольствовать работниковъ А. Никто и не говоритъ, что такой переходъ отъ издерживанія дохода на плату за трудъ къ сбереженію этого дохода для затраты его въ видѣ капитала отнимаетъ занятіе у работниковъ. Мы говоримъ только то, что занятіе у работниковъ отнимается перемѣною, состоящею въ покупкѣ товаровъ на личное употребленіе вмѣсто наниманія работниковъ; объ этомъ и говорила наша первоначальная гипотеза.

Въ нашемъ примѣрѣ предполагалось, что нѣтъ продажи и покупки, что не употребляются деньги. Но предположеніе, нами составленное, соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу дѣлъ во всемъ, кромѣ подробностей механизма. Вся страна цѣлой націи составляетъ въ сущности одну ферму и фабрику, изъ которой каждый членъ общества получаетъ свою опредѣленную часть продуктовъ, имѣя въ своихъ рукахъ извѣстное число жетоновъ, называемыхъ фунтами стерлинговъ (рублями), которые, когда ему нужно, онъ возвращаетъ назадъ, обмѣнивая на какіе угодно ему товары въ размѣрѣ части продуктовъ, приходящейся на его долю. Онъ не даетъ предувѣдомленій о томъ, какихъ вещей онъ потребуетъ, какъ даются эти предувѣдомленія въ нашей гипотезѣ. Но торговцы и производители сами имѣютъ возможность узнавать это изъ наблюденія, и каждая перемѣна въ запросѣ немедленно производитъ соотвѣтствующую перемѣну въ заготовкѣ продаваемыхъ вещей. Если потребитель вмѣсто издерживанія части своего дохода на рабочую плату станетъ въ тотъ же самый день (а не въ слѣдующій, не въ какой нибудь отдаленный день) издерживать эту часть на вещи для своего личнаго потребленія и будетъ держаться этого новаго способа расходованія столько времени, что производство успѣетъ приспособиться къ такой перемѣнѣ запроса, то, послѣ такой пере-

нятія для труда иначе, какъ черезъ уменьшеніе другаго уже существовавшаго занятія для труда *).

Запросъ на бархатъ дѣлаетъ по отношенію къ занятію труда и капитала только то, что опредѣляетъ, какое количество прежде существовавшаго занятія должно быть обращено на извѣстный путь вмѣсто другихъ путей; но для производителей, уже занятыхъ выдѣлкою бархата, это обстоятельство имѣетъ величайшую важность. Для нихъ уменьшеніе запроса бываетъ дѣйствительною потерею, и хотя бы ни одинъ кусокъ ихъ товара не пропалъ окончательно непроданнымъ, эта потеря можетъ возвышаться до такой величины, что они найдутъ нужнымъ для избѣжанія большихъ потерь прекратить свое производство. Увеличеніе запроса даетъ имъ, напротивъ, средства расширять свои обороты, получать прибыль на большій капиталъ, если онъ есть у нихъ или можно имъ занять его; при быстрѣйшихъ оборотахъ своего капитала они дадутъ болѣе постоянное занятіе своимъ работникамъ или увеличатъ число ихъ. Такимъ образомъ, увеличеніе запроса на товаръ въ самомъ дѣлѣ часто имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что въ отдѣльной отрасли промышленности прежній капиталъ даетъ большее занятіе труду. Но ошибка состоитъ въ томъ, что не замѣчаютъ одного обстоятельства: эта выгода приносится труду и капиталу въ одной отрасли промышленности только отнятіемъ такой же выгоды у другой отрасли; а когда перемѣна произвела свое естественное дѣйствіе, привлекла къ извѣстному занятію лишній капиталъ, пропорціональный увеличившемуся запросу, прекращается выгода и для этого занятія.

Запросъ на товары имѣетъ важность собственно въ теоріи обмѣна, а не въ теоріи производства. Въ общей массѣ и въ постоянномъ ходѣ дѣлъ вознагражденіе производителя происходитъ изъ производительной силы его капитала. Продажа продукта за деньги и потомъ расходованіе денегъ на покупку другихъ товаровъ просто феномены обмѣна равнозначительныхъ цѣнностей для взаимнаго удобства. Правда, что раздѣленіе занятій служитъ однимъ изъ главныхъ средствъ увеличенія производительной силы труда и что поэтому обмѣнъ порождаетъ большое увеличеніе продуктовъ; но и съ этой стороны трудъ и капиталъ вознаграждаются производствомъ, а не обмѣномъ. Операцію обмѣна, ведется-ли она прямо, мѣною товара на товаръ, или посредствомъ денегъ, мы, все равно, должны представлять себѣ просто механизмомъ, которымъ каждый вознагражденію за свой трудъ или за свой капиталъ даетъ ту особенную форму, которая наиболѣе пригодна для него; но никакъ мы не должны считать эту операцію источникомъ самаго вознагражденія.

10. Принципы, нами изложенные, обнаруживаютъ ошибочность множества поверх-

---

мѣны въ производствѣ, страна будетъ производить пищи и другихъ товаровъ для употребленія работниковъ въ количествѣ меньшемъ прежняго на ту самую цѣнность, какую имѣютъ вновь потребовавшіеся предметы роскоши, и работники въ общей своей массѣ сганутъ въ положеніе худшее прежняго пропорціонально этой суммѣ.—*Прим. авт.*

*) Вообще надобно только понять яснымъ образомъ основанія всякой теоремы, чтобы самому уже видѣть, какимъ ограниченіямъ подлежитъ она. Есть случай, въ которомъ запросъ на товары можетъ создавать занятіе для труда: это бываетъ, когда работникъ уже и безъ того имѣетъ пропитаніе, но время у него не все занято пропитывающимъ дѣломъ. Работа, дѣлаемая въ часы досуга людьми, получающими средства изъ другаго источника, можетъ (какъ мы уже замѣчали) быть предпринимаема, не отвлекая отъ другихъ дѣлъ никакого капитала, кромѣ той (часто ничтожной) суммы, какая нужна на расходъ для покупки матеріаловъ и инструментовъ. Къ этому случаю основанія нашей теоремы не относятся, потому не относится къ нему и самая теорема. Занятіе такого рода можетъ порождаться возникновеніемъ требованія на товаръ, не лишая труда соотвѣтствущей суммы занятія ни въ какомъ другомъ дѣлѣ. Но даже и въ этомъ случаѣ требованіе дѣйствуетъ на трудъ не иначе, какъ только черезъ посредство существующаго капитала: оно только даетъ капиталу побужденіе приводить въ дѣйствіе большее количество труда, чѣмъ прежде.—*Прим. авт.*

ностныхъ силлогизмовъ и мнѣній, постоянно возрождающихся въ новыхъ формахъ. Напримѣръ: многіе, и въ томъ числѣ люди, отъ которыхъ слѣдовало бы ждать болѣе здраваго взгляда, утверждаютъ, что ошибочно доказательство въ пользу налога на доходы, говорящее, что онъ падаетъ на высшій и средній классы и щадитъ бѣдный классъ; нѣкоторые даже называютъ это доказательство обманомъ. Говорятъ, что налогъ на доходы, взявъ у богатыхъ то, что они израсходовали бы разными уплатами бѣднымъ, вредитъ бѣднымъ столько же, какъ если бы прямо брался съ нихъ. Что сказать о такомъ мнѣніи, мы даже не знаемъ. Та часть суммъ, взимаемыхъ налогами съ богатыхъ, которая была бы сбережена и обращена въ капиталъ или хотя бы израсходована на содержаніе и плату служителямъ и другимъ разрядамъ непроизводительныхъ работниковъ, если бы не было налоговъ, — эта часть налоговъ дѣйствительно уменьшаетъ запросъ на трудъ и обращается во вредъ бѣднымъ; каждый налогъ на богатыхъ имѣетъ въ себѣ такую часть, производитъ въ большей или меньшей степени такое дѣйствіе; потому невозможно обложить богатыхъ такимъ налогомъ, изъ котораго бы никакая часть не могла упасть на бѣдныхъ. Но даже и тутъ остается вопросъ: когда правительство соберетъ налогъ, не употребитъ ли оно на прямую покупку труда столь же значительную часть его, какую употребили бы лица, заплатившія налогъ. А кромѣ того, остается въ налогѣ другая часть, которая, если бы не была уплачена правительству, была бы вся израсходована на товары (если же уплата налога произведена займомъ отъ капиталиста, къ этой части нужно даже прибавить и ту, которая была бы употреблена на плату за услуги). По принципамъ, нами изложеннымъ, видно, что вся эта часть налога окончательно падаетъ на богатыхъ и вовсе не падаетъ на бѣдныхъ. Когда мы будемъ говорить объ этой части налога, то надобно сказать, что взиманіе налога не производитъ никакого уменьшенія въ запросѣ на трудъ. Капиталъ, дававшій до налога занятіе работникамъ страны, остался и послѣ налога въ прежнемъ количествѣ и можетъ давать занятіе прежнему числу работниковъ. Количество продуктовъ, идущее на рабочую плату, или назначаемое на прокормленіе и одежду работниковъ, не уменьшилось въ своемъ размѣрѣ.

Если бы писатели, мнѣніе которыхъ я оспариваю, были справедливы, то невозможно было бы взять налогъ ни съ кого, кромѣ бѣдныхъ. Если брать налогъ изъ суммъ, расходуемыхъ на покупку продуктовъ труда, значитъ брать налогъ съ работниковъ, то рабочій классъ одинъ платитъ всѣ налоги. Но этимъ силлогизмомъ доказывается также и то, что вовсе нельзя взять налогъ съ работниковъ: налогъ будетъ израсходованъ или на плату за трудъ, или на товары, стало быть онъ весь возвратится къ работникамъ. Если такъ, налоги имѣютъ странное свойство: они не падаютъ ни на кого. По этому взгляду слѣдовало бы также, что можно безъ убытка для работниковъ взять у нихъ все, что они имѣли, и раздать другимъ членамъ общества. Вѣдь взятое у нихъ имущество тоже было бы „израсходовано на плату имъ“: а по взгляду, нами опровергаемому, полагается, что этимъ покрытъ весь ихъ убытокъ. Ошибка этихъ писателей происходитъ оттого, что они не смотрятъ прямо на дѣйствительныя явленія, а останавливаются только на внѣшнемъ механизмѣ денежныхъ платежей. Если мы посмотримъ не на судьбу денегъ, не на то, что происходитъ съ деньгами, которыя просто переходятъ изъ рукъ въ руки, а на то, что происходитъ съ товарами, которые идутъ въ употребленіе и потребляются, то мы увидимъ, что налогъ на доходы дѣйствительно уменьшаетъ потребленіе тѣхъ классовъ, съ которыхъ берется. Та сумма, на которую уменьшается отъ него ихъ потребленіе, берется дѣйствительно съ нихъ; этою своею

частью налогъ падаетъ дѣйствительно на нихъ. Она уплачивается тѣмъ, что безъ налога они обратили бы въ свое личное потребленіе. Наоборотъ, есть въ этомъ налогѣ часть, составляемая вычетомъ изъ того количества продуктовъ, которые безъ налога пошли бы на потребленіе рабочаго класса. Эта часть составляется тѣмъ, чего богатые не потребили бы сами, а сберегли бы на содержаніе производства или истратили бы на содержаніе и на плату непроизводительнымъ работникамъ: эта часть дѣйствительно берется съ бѣдныхъ. Но если правительство расходуетъ (и, вѣроятно, оно въ самомъ дѣлѣ расходуетъ) изъ налога на прямое занятіе труда (на наемъ матросовъ, солдатъ, полицейскихъ служителей) не меньше того, сколько израсходовали бы лица, уплатившія налогъ, или если оно даже увеличиваетъ капиталъ страны уплатою государственнаго долга, то налогъ вовсе не отнимаетъ никакого занятія у рабочихъ классовъ, а, напротивъ, быть можетъ, даетъ имъ даже больше занятія, чѣмъ имѣли бы они безъ налога. Если такъ, то весь налогъ падаетъ исключительно на тѣ классы, съ которыхъ предполагалось взять его.

Изъ всей той части продуктовъ страны, которая дѣйствительно и буквально потребляется всѣми другими ея жителями на ихъ личныя потребности, ровно ни одна доля ни малѣйшимъ образомъ не продовольствуетъ труда. Потребленіе не служитъ ни на чью пользу, кромѣ того самаго человѣка, который потребляетъ. А человѣкъ не можетъ, самъ потребляя свой доходъ, передавать его на потребленіе другимъ. Когда часть дохода берется у человѣка налогомъ, это не можетъ составлять лишенія вмѣстѣ и для него, и для другихъ, а составляетъ лишеніе только *или* для него, *или* для другихъ. Чтобы узнать, кто потерпѣлъ лишеніе, мы должны узнать, чье потребленіе должно было сократиться отъ налога: кто бы ни былъ этотъ человѣкъ, потребленіе котораго сокращается, собственно онъ и есть то лицо, на которое дѣйствительно падаетъ налогъ.

ГЛАВА VI.

Оборотный и основной капиталъ.

Для дополненія нашихъ объясненій о капиталѣ необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній о тѣхъ двухъ разрядахъ, на которые онъ обыкновенно раздѣляется. Различіе между ними замѣчается очень легко и мы часто касались его въ двухъ предыдущихъ главахъ, хотя и не употребляли терминовъ, обозначающихъ его. Теперь пора намъ опредѣлить эту разницу точнымъ образомъ и указать нѣкоторыя изъ ея послѣдствій.

Когда капиталъ затрачивается на производство какого-нибудь товара, часть затраченнаго капитала перестаетъ быть капиталомъ, будучи разъ употреблена въ дѣло. Она уже не можетъ содѣйствовать производству, по крайней мѣрѣ не можетъ содѣйствовать ему прежнимъ способомъ или не можетъ содѣйствовать прежнему производству. Такова, напримѣръ, часть капитала, состоящая изъ матеріаловъ. Сало и поташъ, изъ которыхъ дѣлается мыло, разъ пошедши въ дѣло, перестаютъ быть поташемъ и саломъ, и въ другой разъ уже не годятся на выдѣлку мыла, хотя въ новой своей формѣ мыла могутъ служить матеріаломъ или орудіемъ въ другихъ отрасляхъ фабрикаціи. Къ тому же классу надобно причислить часть капитала, идущую на рабочую плату, или потребляемую въ видѣ продовольствія работниковъ. Когда бумагопрядильный фабрикантъ заплатилъ часть своего капитала работникамъ, эта часть уже перестаетъ быть капиталомъ, по крайней мѣрѣ капиталомъ бумагопрядильнаго фабриканта; та доля

этой части, которую потребляютъ работники, уже вовсе перестаетъ быть капиталомъ; если даже сберегутъ они другую долю, ее скорѣе надобно считать новымъ капиталомъ, результатомъ второй операціи сбереженія. Капиталъ, исполняющій такимъ способомъ въ одинъ только разъ все свое дѣло въ производствѣ, на которое обращенъ, называется оборотнымъ капиталомъ. Терминъ этотъ, не совершенно удобный, заимствованъ отъ того обстоятельства, что эту часть капитала надобно постоянно возобновлять продажею изготовленнаго продукта, а по возобновленіи постоянно приходится тратить ее на покупку матеріаловъ и на выдачу рабочей платы, такъ что она исполняетъ свое дѣло, переходя изъ рукъ въ руки, а не оставаясь неподвижной [25]).

Другую и также очень большую часть капитала составляютъ орудія производства, имѣющія болѣе или менѣе прочный характеръ и производящія свое дѣло не тѣмъ, что тратятся, а тѣмъ, что остаются цѣлы; ихъ дѣятельность не истощается однимъ разомъ употребленія въ дѣло. Сюда принадлежатъ зданія, машины и всѣ или почти всѣ вещи, называемыя инструментами. Прочность нѣкоторыхъ изъ нихъ очень велика и они продолжаютъ служить орудіями производства при повтореніи производительной операціи множество разъ. Къ этому классу надобно также причислить капиталъ, затраченный на прочныя улучшенія земли. Сюда принадлежитъ и капиталъ, разъ навсегда затрачиваемый въ началѣ предпріятія на приготовленіе возможности для слѣдующихъ операцій. Напримѣръ, устройство шахты для рудника, постройка каналовъ, дорогъ и доковъ. Можно было бы набрать еще много такихъ примѣровъ, но довольно и этихъ. Капиталъ, существующій въ одной изъ этихъ прочныхъ формъ и возвращаемый продуктами въ теченіе продолжительнаго времени, называется основнымъ капиталомъ.

Нѣкоторые роды основнаго капитала требуютъ возобновленія черезъ опредѣленные или неопредѣленные сроки. Таковы всѣ инструменты, машины и зданія: по временамъ ихъ нужно возобновлять частями посредствомъ починокъ, а напослѣдокъ они совершенно изнашиваются, не могутъ уже служить какъ инструменты, машины, зданія и возвращаются въ разрядъ матеріаловъ. Въ другихъ формахъ, капиталъ не требуетъ полнаго возобновленія, если не подвергнется какому-нибудь чрезвычайному случаю: но все-таки и для этого капитала постоянно или хотя по временамъ нуженъ нѣкоторый расходъ, чтобы поддерживать его. Разъ будучи сдѣланъ, докъ или каналъ не требуетъ, какъ машина, чтобы его потомъ дѣлали въ другой разъ, если его не разрушатъ преднамѣренно, если не засыплется онъ землетрясеніемъ или другою подобною катастрофою; но часто и постоянно нужно дѣлать расходъ на поддержаніе его въ исправности. Разъ будучи вырыты, шахты рудника не требуютъ, чтобы ихъ рыли въ другой разъ; но если

---

[25]) Вотъ Милль уже подставляетъ понятіе денегъ вмѣсто понятія продуктовъ и матеріаловъ производства. Если мы не забудемъ, что дѣло собственно состоитъ не въ деньгахъ, а во всѣхъ разнообразныхъ вещахъ, нужныхъ для производства и только покупаемыхъ на деньги, то мы не скажемъ, что, „возобновивъ оборотную часть капитала, надобно тратить ее на покупку матеріаловъ и на выдачу рабочей платы". Вѣдь капиталъ въ сущности вовсе не деньги, а матеріалы, инструменты, зданія и другія вещи, нужныя для производства; пока у насъ въ рукахъ только еще звонкая монета, у насъ еще нѣтъ капитала въ научномъ и единственномъ точномъ смыслѣ слова. Мы должны сказать: „возобновивъ оборотный капиталъ, надобно вновь постоянно расходовать его переработкою въ продуктъ одной его половины и раздачею другой половины работникамъ". Это замѣчаніе относится только къ формѣ выраженія, но неточность выраженія показываетъ сбивчивость самыхъ понятій или по крайней мѣрѣ невнимательность къ охраненію ихъ въ ясности. Если угодно, можно сказать, что всѣ ошибки школы Смита происходятъ отъ этой смутности понятій: но мы увидимъ, къ какой неудовлетворительности ведутъ эти ошибки въ теоріи распредѣленія.

никто не принимаетъ на себя издержку очищать рудникъ отъ воды, онъ скоро станетъ не пригоденъ къ дѣлу. Самый прочный изъ всѣхъ основныхъ капиталовъ — капиталъ, употребленный на увеличеніе производительности предметовъ и силъ природы, напримѣръ, на улучшеніе земли. Осушеніе болотъ или наводнявшихся мѣстъ, въ родѣ Бедфордской Низменности, расширеніе прибрежья плотинами—это улучшенія, производимыя на вѣчное время; но осушающія канавы и плотины требуютъ частыхъ поправокъ. Такой же характеръ прочности принадлежитъ улучшенію земли дренажемъ подпочвы, столь сильно увеличивающимъ производительность глинистыхъ почвъ; или удобреніемъ, дѣйствующимъ долго, то есть прибавленіемъ къ землѣ не тѣхъ веществъ, которыя входятъ въ составъ растеній, потребляются ими, а тѣхъ, которыя просто измѣняютъ отношенія почвы къ воздуху и водѣ, напримѣръ, песка и извести къ тяжелымъ почвамъ, глины и мергеля къ легкимъ. Но даже такія работы для сохраненія полнаго своего дѣйствія требуютъ по временамъ нѣкотораго расхода, хотя, быть можетъ, очень небольшаго.

Тѣмъ самымъ, что заслуживаютъ имени улучшеній, эти работы говорятъ, что даютъ увеличеніе продукта, которое за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, нужныхъ для ихъ поддержанія, оставляетъ излишекъ. Этотъ излишекъ служитъ выручкою за капиталъ, употребленный на первоначальную работу; онъ не прекращается обветшаніемъ механизма, какъ выручка отъ машинъ, а продолжается навсегда. Возвысившись въ своей производительности этимъ способомъ, земля имѣетъ на рынкѣ цѣнность пропорціональную увеличенію ея производительности; потому капиталъ, употребленный на улучшеніе земли, обыкновенно считаютъ продолжающимъ существовать въ увеличенной цѣнности земли. Однако, надобно помнить сущность дѣла. Этотъ капиталъ, подобно всякому другому капиталу, потребился. Онъ потребился содержаніемъ работниковъ, дѣлавшихъ улучшенія, и порчею инструментовъ, помогавшихъ работѣ: но онъ былъ потребленъ производительно и оставилъ прочный результатъ въ увеличенной производительности земли, части природы, обращенной въ собственность. Увеличенный продуктъ этой земли можно назвать общимъ результатомъ земли и капитала, положеннаго въ землю. Но этотъ капиталъ, будучи въ сущности потребленъ, не можетъ быть вынутъ изъ земли, потому его производительность неразрывно связана съ производительностью первобытныхъ качествъ почвы и вознагражденіе за пользованіе имъ уже зависитъ не отъ законовъ, управляющихъ выручкою за трудъ и капиталъ, а отъ тѣхъ законовъ, которые управляютъ доходомъ отъ предметовъ и силъ природы. Качества этихъ законовъ мы разсмотримъ ниже (книга II, глава 16. Рента).

2. Результаты дѣйствій оборотнаго и основнаго капитала очень различны по отношенію къ валовому доходу страны. Оборотный капиталъ, употребляясь въ дѣло, однимъ разомъ или вовсе теряетъ характеръ капитала или по крайней мѣрѣ пропадаетъ для прежняго владѣльца; продуктъ, даваемый этимъ однимъ разомъ его употребленія, служитъ владѣльцу единственнымъ источникомъ возстановить капиталъ или получить вознагражденіе за его затрату на производство; разумѣется, продуктъ долженъ быть достаточенъ для этого, иначе говоря, результатомъ одной операціи должно быть воспроизведеніе, равное всей суммѣ употребленнаго въ ней оборотнаго капитала съ прибавкою прибыли. Въ этомъ нѣтъ необходимости для основнаго капитала. Машина, напримѣръ, не совершенно потребляется одною операціею, и нѣтъ необходимости, чтобы полная выручка за машину давалась продуктомъ одной операціи. Машина удовлетворяетъ намѣренію своего владѣльца, если въ каждую операцію она дастъ столько, чтобы по-

крыть издержку поправки ея за это время, покрыть порчу въ цѣнности ея за тотъ же періодъ и за этими вычетами дать еще излишекъ, могущій составлять прибыль обыкновеннаго размѣра на всю цѣнность машины.

Изъ этого слѣдуетъ, что всякое увеличеніе основнаго капитала должно быть, если не навсегда, то на время, вредно для работниковъ, когда происходитъ на счетъ оборотнаго капитала. Это относится не къ однимъ машинамъ, но и ко всѣмъ улучшеніямъ, на которыя капиталъ употребляется безвозвратно, такъ что уже навсегда становится неспособенъ содержать и вознаграждать трудъ. Предположимъ, что владѣлецъ земли самъ, будучи фермеромъ своего помѣстья, воздѣлываетъ его капиталомъ въ 2,000 квартеровъ хлѣба, употребляемымъ на годичное содержаніе работниковъ (для простоты, мы опускаемъ орудія и сѣмена на посѣвъ); положимъ, что трудъ ихъ производитъ ему ежегодно 2,400 квартеровъ,—это составляетъ прибыль въ 20%. Предположимъ, что онъ ежегодно потребляетъ эту прибыль, ведя свои операціи изъ года въ годъ на первоначальный капиталъ въ 2,000 квартеровъ. Положимъ теперь, что, расходуя половину этого капитала, онъ производитъ въ своей землѣ прочное улучшеніе, которое исполняется половиною его работниковъ и занимаетъ ихъ въ теченіе года, а по истеченіи года ему на обработку земли нужна будетъ только половина прежняго числа работниковъ. Остатокъ своего капитала онъ употребляетъ по прежнему. Въ первый годъ нѣтъ никакой разницы въ положеніи работниковъ, кромѣ того, что часть ихъ прежнее свое вознагражденіе получила за передѣлку въ землѣ, а не за распашку, посѣвъ и жнитво, какъ прежде. Но по окончаніи года владѣлецъ, сдѣлавшій улучшеніе, не имѣетъ капитала въ 2,000 квартеровъ, какъ прежде: только 1,000 квартеровъ его капитала воспроизведены по прежнему,—у него теперь только эти 1,000 квартеровъ и улучшеніе, сдѣланное въ землѣ. На слѣдующій годъ и потомъ во всѣ будущіе годы онъ будетъ употреблять только половину прежняго числа работниковъ и будетъ раздавать имъ только половину прежняго количества хлѣба. Потеря скоро будетъ заглажена для нихъ, если улучшенная земля съ уменьшеннымъ количествомъ труда производитъ прежніе 2,400 квартеровъ хлѣба, потому что такое громадное увеличеніе прибыли, вѣроятно, расположитъ владѣльца сберегать часть ея, прибавлять сбереженное къ капиталу и черезъ это увеличивать занятіе, даваемое имъ труду. Но очень можетъ быть, что этого и не будетъ. Мы предполагаемъ, что улучшеніе вѣковѣчно и расходы на его поддержку такъ малы, что не стоитъ брать ихъ въ разсчетъ; въ такомъ случаѣ владѣлецъ много уже выиграетъ отъ улучшенія, если земля стала давать не 2,400 квартеровъ, а 1,500 квартеровъ, потому что за вычетомъ 1,000 квартеровъ на возобновленіе составляющихъ нынѣ его оборотный капиталъ, у него будетъ прибыль въ 25% на весь основной и оборотный капиталъ, вмѣсто прежней прибыли въ 20%. Итакъ, улучшеніе можетъ быть очень выгоднымъ для него, будучи очень вреднымъ для работниковъ.

Предположеніе съ этими условіями—гипотеза чисто идеальная или приложимая развѣ только къ такому случаю, какъ обращеніе пахотной земли въ пастбище,—дѣло, бывшее прежде въ большомъ употребленіи, но почитаемое нынѣшними агрономами за шагъ назадъ, а не впередъ. Результатъ нынѣшнихъ земледѣльческихъ улучшеній, по крайней мѣрѣ тѣхъ улучшеній, которыя обращены на самую почву *), состоитъ въ томъ, что они вовсе не уменьшаютъ, а, напротивъ, увеличиваютъ валовой продуктъ. Но для сущности вопроса, намъ излагаемаго, это все равно. Предположимъ, что улучшеніе не дѣйствуетъ тѣмъ способомъ, какъ

*) Разница этихъ улучшеній отъ тѣхъ, которыя производятся не въ самой почвѣ, а въ способахъ воздѣлыванія, изложена ниже, кн. I, глава 12, § 3.—*Прим. авт.*

мы прежде предполагали, что оно не даетъ возможность уменьшить количество труда, какое прежде прилагалось къ землѣ, а только даетъ средство тому же труду производить больше продуктовъ. Предположимъ также, что есть потребность и найдутся покупатели на все это большее количество продуктовъ, которое можно получать изъ земли прежнимъ количествомъ труда. Въ такомъ случаѣ, владѣльцу сдѣлавшему улучшеніе, будетъ нужно прежнее количество работниковъ, получающихъ прежнюю плату. Но гдѣ же у него будутъ средства платить имъ? У него уже нѣтъ прежняго капитала въ 2,000 квартеровъ на эту надобность. 1,000 квартеровъ исчезли, потреблены на производство улучшенія. Если ему нужно имѣть прежнее количество работниковъ, давать имъ прежнюю плату, онъ долженъ занять или получить изъ какого нибудь другаго источника 1,000 квартеровъ на пополненіе недочета. Но эти 1,000 квартеровъ уже содержали или предназначались содержать такое же количество труда. Они не вновь созданы, ихъ назначеніе только перешло отъ одного производительнаго употребленія къ другому; владѣлецъ помѣстья пополнилъ недочетъ въ своемъ оборотномъ капиталѣ, но убыль, нанесенная оборотному капиталу націи, осталась непополненною.

Аргументъ, на который опираются почти всѣ писатели, утверждающіе, что машины никогда не могутъ вредить рабочему классу, состоитъ въ томъ, что машины, удешевляя производство, создаютъ сильное увеличеніе въ запросѣ на товаръ, въ скоромъ времени дающее возможность находить занятіе въ его производствѣ большему числу людей, чѣмъ прежде. По моему, этотъ аргументъ не имѣетъ силы, обыкновенно приписываемой ему. Правда, фактъ, имъ указываемый, часто бываетъ справедливъ (хотя аргументъ приписываетъ ему слишкомъ безъисключительный характеръ). Правда, вмѣсто переписчиковъ, лишенныхъ занятія изобрѣтеніемъ книгопечатанія, скоро явился болѣе многочисленный классъ наборщиковъ и печатальщиковъ; число людей, занятыхъ хлопчатобумажнымъ производствомъ, теперь во много разъ больше, нежели было до изобрѣтеній Гаргривса и Аркрайта; это показываетъ, что сверхъ громаднаго основнаго капитала, положеннаго на хлопчатобумажныя фабрики, хлопчатобумажное производство употребляетъ оборотный капиталъ, гораздо значительнѣйшій прежняго. Но если этотъ капиталъ былъ вынутъ изъ другихъ занятій, если суммы, занявшія мѣсто капитала, положеннаго на дорогой механизмъ, были доставлены не увеличеніемъ сбереженій, произошедшимъ изъ усовершенствованій, а заимствованіемъ изъ общаго капитала страны, то какая же польза рабочимъ классамъ отъ этого простаго перенесенія капитала? Чѣмъ вознаградилась потеря, понесенная ими отъ превращенія оборотнаго капитала въ основной, когда просто передвинулась въ новое занятіе отъ прежнихъ занятій часть остальнаго оборотнаго капитала [26])?

---

[26]) Эти задачи не просто предлагаются въ формѣ вопросовъ, онѣ до сихъ поръ и остаются вопросами, онѣ еще не рѣшены; а между тѣмъ отъ нихъ-то и зависитъ сила аргумента, противопоставляемаго мнѣнію о вредномъ вліяніи машинъ на рабочую плату при нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ. Положеніе дѣла таково. Прогрессивная школа говоритъ: „Изъ принциповъ, доказанныхъ теоріею Смита, слѣдуетъ, что само по себѣ замѣненіе ручнаго производства машиннымъ убыточно дѣйствуетъ на рабочую плату. Чтобы уравновѣсить хотя со временемъ эту потерю для работниковъ, надобно произведеніе новаго оборотнаго капитала. Докажите, что онъ дѣйствительно произведенъ, напримѣръ, въ хлопчато-бумажной фабрикаціи: только тогда годятся ваши аргументы, заимствуемые отъ удешевленія каленкора и увеличенія числа работниковъ въ Манчестерѣ. Пока вы не представите этого доказательства, надобно думать, что хотя работниковъ стало больше, но положеніе ихъ стало хуже, — это прямое слѣдствіе общаго закона, открытаго теоріею Смита“. Нѣтъ, говоритъ школа Смита, этотъ случай (и всякій другой случай замѣненія ручнаго производства машиннымъ) служитъ исключеніемъ изъ общаго принципа (который такимъ

По моему понятію, всѣ попытки доказать, что рабочіе классы въ общемъ своемъ составѣ *не могутъ* временно страдать отъ введенія машинъ или отъ положенія капитала на постоянное усовершенствованіе, непремѣнно обманчивы. То, что работники страдаютъ въ той отрасли промышленности, въ которой происходитъ эта перемѣна, очевидно для простаго здраваго смысла, и съ этимъ политико-экономы вообще согласны. Но часто они говорятъ, что если отнимается занятіе у труда въ одной отрасли, точно такое же количество занятія открывается ему въ другихъ отрасляхъ, потому что сумма, сберегаемая потребителями по удешевленію одного товара, даетъ имъ средство увеличить свое потребленіе въ другихъ товарахъ, и такимъ образомъ увеличиваетъ запросъ на другіе роды труда. Это аргументъ очень благовидный, но, какъ мы показали въ предыдущей главѣ, онъ заключаетъ въ себѣ обманъ: запросъ на товары совершенно не то, что запросъ на трудъ. Правда, у потребителей увеличились теперь средства покупать другія

образомъ выставляется просто бездѣйствующимъ закономъ, что случается въ юриспруденціи, но не въ природѣ, въ законахъ, исполненіе которыхъ зависитъ отъ человѣческой внимательности и охоты, а не отъ силъ природы, не отъ качествъ самыхъ вещей).—„Докажите это, говоритъ прогрессивная школа:—кто утверждаетъ, что общій законъ не оказываетъ вліянія на данный случай, долженъ показать, почему-же этотъ случай составилъ исключеніе изъ общаго правила“.—Доказательствъ школа Смита не представляетъ, а продолжаетъ твердить прежнее: „Нѣтъ, повѣрьте, это, исключеніе (да какъ же вѣрить безъ всякихъ основаній?); при томъ число работниковъ увеличилось (да это не идетъ къ дѣлу, дѣло не въ томъ, увеличилось или уменьшилось число работниковъ, а въ томъ, лучше или хуже стало ихъ положеніе); да успокойтесь; да не ропщите; да чего вы хотите“?—Чего хотятъ прогрессивные люди, это пока не относится къ дѣлу; дѣло пока въ томъ, какъ дѣйствуютъ машины на рабочую плату при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ. По принципу теоріи Смита, онѣ дѣйствуютъ вредно. Школѣ Смита угодно утверждать: нѣтъ, не вредно, а полезно; ее просятъ заняться изслѣдованіемъ фактовъ; она этого не дѣлаетъ. Факты по вопросу о дѣйствіи машинъ Аркрайта и Гаргривса на рабочій классъ нужно изслѣдовать по крайней мѣрѣ хотя слѣдующіе:

1) Сто лѣтъ назадъ, масса народа въ Англіи носила льняное и шерстяное бѣлье и платье вмѣсто нынѣшняго хлопчато-бумажнаго; надобно узнать, теплѣе ли стала одежда массы отъ этой перемѣны, меньше ли стало прорѣхъ и заплатъ въ этой одеждѣ?—Это не изслѣдовано.

2) Уничтожилась домашняя выдѣлка льняныхъ и шерстяныхъ тканей въ Англіи,—выгодно ли это было для семействъ, которыя отказались отъ такой выдѣлки, или по невозможности продолжать ее, или по ослабленію въ нихъ привычки употреблять на полезное дѣло каждую досужную минуту, по развитію привычки проводить въ праздности часы, остающіеся отъ фабричной работы?—Не изслѣдовано.

3) Воздѣлываніемъ льна и шерсти занимались свободные люди въ Англіи или на континентѣ Европы; теперь вмѣсто ихъ продуктовъ, вмѣсто льна и шерсти, требуется матеріалъ, производимый рабскимъ трудомъ въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки: выгодна ли для Англіи, европейскаго континента и самой Америки замѣна свободнаго труда рабскимъ? Безъ Манчестера, рабство въ Сѣверной Америкѣ давно уничтожилось бы. Выгодно ли, что оно напротивъ очень сильно развилось?—Аболиціонисты говорятъ, что это убыточно для Сѣверной Америки и всего человѣческаго рода, и представляютъ доказательства. Экономисты говорятъ: это можетъ быть не гуманно, но это выгодно; если бы не было выгодно, не развилось бы. Имъ возражаютъ: по вашей собственной теоріи, выгода малочисленнаго сословія можетъ быть убыткомъ для націи; если невольничій трудъ развивается, это показываетъ только, что онъ выгоденъ для плантаторовъ, но не показываетъ, чтобы онъ былъ выгоденъ для націи; по вашей собственной теоріи, невольничій трудъ убыточенъ для націи.—Нѣтъ, говорятъ они, тутъ онъ выгоденъ.—Докажите, изслѣдуйте вопросъ, говорятъ имъ.— Они оставляютъ вопросъ безъ изслѣдованія, и продолжаютъ говорить прежнее.

Итакъ, вотъ общій очеркъ дѣла: по общему закону доказано, что должно происходить отъ даннаго факта извѣстное явленіе. Нѣтъ, оно не происходитъ, говорятъ экономисты. Докажите, что не происходитъ, говорятъ имъ. Нѣтъ, доказывать мы не умѣемъ, а просто говоримъ, что вы вредные люди, отвѣчаютъ они. Вѣрны ли такіе господа духу теоріи Адама Смита, который хочетъ, чтобы все было изслѣдовано, взвѣшено, измѣрено? Это произволъ, это фантазія оптимизма, это застой рутины это все, что вы хотите, можетъ быть и очень хорошее (вѣдь, можетъ быть, произволъ-оптимизмъ, рутина—вещи очень хорошія, по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ многіе), но это не наука, это не изслѣдованіе истины.

вещи; но это еще не создаетъ другихъ вещей, если нѣтъ капитала на ихъ производство, а усовершенствованіе не освободило никакого капитала, можетъ быть даже поглотило его изъ другихъ занятій; поэтому, вовсе не произойдетъ предполагаемаго увеличенія производства и занятія труду въ другихъ отрасляхъ, и увеличеніе запроса на товары со стороны нѣкоторыхъ потребителей уравновѣсится прекращеніемъ запроса со стороны другихъ, именно со стороны работниковъ, лишившихся занятія отъ усовершенствованія: они теперь или вовсе остаются безъ продовольствія, или получаютъ его, путемъ соперничества или путемъ благотворительности, черезъ отдѣленіе части изъ того, что прежде потреблялось другими.

3. Однакожъ, я не думаю, чтобы въ дѣйствительности усовершенствованія часто бывали (если только когда нибудь бываютъ) даже временнымъ образомъ вредны рабочему классу во всей его массѣ. Они были бы вредны, если бы внезапно происходили въ большомъ размѣрѣ,—тогда значительная часть капитала, полагаемаго въ нихъ, по необходимости бралась бы изъ суммъ, уже служившихъ оборотнымъ капиталомъ. Но усовершенствованія всегда вводятся очень постепенно, и рѣдко дѣлаются или никогда не дѣлаются на капиталъ, извлекаемый изъ существующаго производства, а совершаются обращеніемъ на нихъ возрастанія капитала. Едва ли можно найти хотя одинъ примѣръ значительнаго увеличенія основнаго капитала въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, когда не возросталъ бы быстро и оборотный капиталъ. Не въ бѣдныхъ и не въ отсталыхъ странахъ дѣлаются большія и дорогія усовершенствованія въ производствѣ. Класть капиталъ въ землю для постоянной выручки, вводить дорогія машины,—это дѣла, заключающія въ себѣ пожертвованіе настоящими выгодами для отдаленныхъ, и показывающія, во-первыхъ, довольно полную безопасность собственности, во-вторыхъ, значительную дѣятельность въ промышленной предпріимчивости, въ-третьихъ, высокую степень такъ называемаго „дѣятельнаго стремленія къ накопленію“; всѣ эти три обстоятельства—элементы быстраго общественнаго прогресса въ увеличеніи капитала. Потому мы говоримъ: рабочіе классы должны страдать, если увеличеніе основнаго капитала такъ сильно и быстро, что замедляетъ то обыкновенное возрастаніе оборотнаго капитала, къ которому приспособилось обычное возрастаніе населенія,—и тѣмъ болѣе должны страдать, если возрастаніе основнаго капитала происходитъ на счетъ оборотнаго; но въ дѣйствительности, очень трудно ждать этого, потому что вѣроятно нѣтъ страны въ которой основной капиталъ возросталъ бы въ пропорціи болѣе быстрой, чѣмъ оборотный. Если бы всѣ желѣзныя дороги, получившія утвержденіе парламента во время спекулятивной горячки 1845 года, были построены въ сроки, назначенные для ихъ окончанія, эта неправдоподобная случайность, вѣроятно, произошла бы; но тогдашній оборотъ дѣла именно и служитъ поразительнымъ примѣромъ трудностей, представляющихся обращенію на новый путь значительной части капитала, уже пошедшей по извѣстному пути,—трудностей, вообще имѣющихъ такую силу, что предпріятія, требующія затраты основнаго капитала, не могутъ развиваться съ такою быстротою, чтобы изсушать источники существующаго употребленія капитала на содержаніе труда.

Къ этимъ соображеніямъ надобно прибавить, что если бы усовершенствованія даже и уменьшали на время массу продуктовъ общества и его оборотный капиталъ, то они все-таки ведутъ къ увеличенію массы продуктовъ и оборотнаго капитала. Они увеличиваютъ выручку на капиталъ; выгода отъ этого увеличенія должна по необходимости идти или капиталисту, черезъ увеличеніе прибыли, или потребителю черезъ пониженіе цѣны; въ томъ и въ другомъ случаѣ, она увеличиваетъ фондъ, изъ котораго

дѣлается сбереженіе, а увеличеніе прибыли кромѣ того служитъ усиленіемъ побужденія къ накопленію. Въ представленномъ нами примѣрѣ, когда непосредственнымъ результатомъ усовершенствованія было уменьшеніе валоваго продукта съ 2,400 квартеровъ на 1,500 квартеровъ, прибыль капиталиста все-таки увеличилась отъ 400 квартеровъ до 500 квартеровъ; прибавка 100 квартеровъ прибыли въ нѣсколько лѣтъ возстановитъ 1,000 квартеровъ уменьшенія въ оборотномъ капиталѣ владѣльца, если онъ будетъ постоянно сберегать ее. А расширеніе оборотовъ, бывающее почти непремѣннымъ слѣдствіемъ усовершенствованій въ каждой отрасли производства, даетъ человѣку, занимающемуся ею, сильное побужденіе увеличивать капиталъ; потому при медленности, съ которою обыкновенно вводятся усовершенствованія, значительная часть капитала, окончательно поглощаемаго улучшеніемъ, берется изъ увеличенія прибыли и увеличенія сбереженій, производимаго самымъ этимъ усовершенствованіемъ.

Стремленіе усовершенствованій производства вызывать увеличеніе накопленія и черезъ это въ результатѣ увеличивать валовой продуктъ, хотя бы онъ временно и уменьшался,—это стремленіе представится намъ въ еще сильнѣйшемъ характерѣ, когда мы увидимъ, что есть опредѣленныя границы и накопленію капитала и увеличенію производства, получаемаго отъ земли, что по достиженіи этихъ границъ всякое дальнѣйшее увеличеніе массы продуктовъ должно останавливаться, и что усовершенствованія въ производствѣ, каковы бы ни были другія ихъ послѣдствія, всегда стремятся отодвинуть ту или другую изъ этихъ границъ; эти истины представятся намъ совершенно ясными въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ нашего изслѣдованія. Мы увидимъ, что количество капитала, которое будетъ накопляться въ извѣстной странѣ и больше котораго не можетъ въ ней накопляться, а также и количество валоваго продукта, которое будетъ въ ней производиться и больше котораго не можетъ въ ней производиться, зависитъ отъ состоянія производительныхъ искусствъ этой страны въ данное время; мы увидимъ, что всякое усовершенствованіе, хотя бы на время даже уменьшало оборотный капиталъ и валовой продуктъ, въ результатѣ открываетъ путь увеличенію оборотнаго капитала и валоваго продукта до размѣровъ безъ того невозможныхъ. Этимъ окончательно пресѣкаются возраженія противъ машинъ; и мы впослѣдствіи (книга IV, глава 5) увидимъ, что эти истины даютъ безспорное доказательство тому, что даже при нынѣшнемъ состояніи общества механическія изобрѣтенія въ результатѣ приносятъ пользу работникамъ. Но этимъ не снимается съ правительствъ обязанность облегчать и, если возможно, предупреждать бѣдствія, которымъ подвергается или можетъ подвергаться существующее поколѣніе отъ этого дѣла, полезнаго въ окончательномъ результатѣ. Если положеніе капитала на машины или полезныя сооруженія шло бы когда нибудь въ такой пропорціи, что чувствительно уменьшало бы массу продуктовъ, на которые содержится трудъ, то законодательная власть была бы обязана принять мѣры для нѣкотораго уменьшенія этой быстроты; а такъ какъ усовершенствованія, не уменьшающія массы занятій для труда въ цѣломъ его составѣ, почти всегда лишаютъ занятій какой нибудь отдѣльный классъ работниковъ, то для стараній законодательной власти самымъ законнымъ предметомъ служитъ забота объ интересахъ людей, приносимыхъ такимъ образомъ въ жертву для выгодъ своихъ согражданъ и потомства [27]).

---

[27]) Читатель видитъ, какъ далека неискаженная теорія Смита даже въ нынѣшнемъ своемъ положеніи отъ поклоненія тому воззрѣнію, которое извѣстно подъ именемъ системы laisser faire, laisser passer, отъ безусловнаго принятія принципа о невмѣшательствѣ законодательной власти въ экономическія дѣла. Полное развитіе не-

Возвращаясь къ теоретическому подраздѣленію капитала на основной и оборотный, мы должны замѣтить, что при понятіи о капиталѣ, какъ о всей суммѣ богатства, назначеннаго на воспроизведеніе, встрѣчаются такіе элементы капитала, которые не совсѣмъ подходятъ, ни подъ опредѣленіе основнаго капитала, ни подъ опредѣленіе оборотнаго капитала; это надобно сказать, напримѣръ, о запасѣ изготовленныхъ товаровъ, которые мануфактуристъ или торговецъ имѣетъ въ данное время непроданными въ своихъ кладовыхъ. Но эти запасы, будучи капиталомъ по своему назначенію, еще не сдѣлались капиталомъ по фактической своей дѣятельности: запасъ непроданныхъ товаровъ еще не пошелъ на производство; для этого ему надобно сначала быть проданнымъ или обмѣненнымъ, т. е. обращеннымъ въ другіе товары равномѣрной цѣнности; потому этотъ запасъ не сталъ еще ни основнымъ, ни оборотнымъ капиталомъ, но онъ станетъ основнымъ или оборотнымъ, или распредѣлится между этими двумя назначеніями. Частью выручки за свои изготовленные товары фабрикантъ будетъ платить своимъ работникамъ, другою частью возобновитъ запасъ матеріаловъ для своей фабрикаціи, третьею частью изготовитъ для фабрикаціи новыя или поправитъ старыя зданія и машины; но сколько изъ выручки пойдетъ на какое изъ этихъ назначеній зависитъ отъ характера фабрикаціи и отъ ея потребностей въ данную минуту.

Надобно также замѣтить, что часть капитала, потребляемая въ формѣ посѣва или матеріала, относится къ части его, идущей на содержаніе труда, точно такъ же, какъ основной капиталъ, хотя имѣетъ съ основнымъ капиталомъ ту разницу, что должна быть возстановляема изъ валоваго продукта одного оборота производства. Сумма, расходуемая на матеріалъ, отнимается отъ содержанія и вознагражденія работниковъ, подобно суммѣ, полагаемой въ машину; и если бы капиталъ, расходуемый на рабочую плату, былъ обращенъ на матеріалъ, результаты этой перемѣны были-бы такъ же вредны работникамъ, какъ если-бы онъ обращался въ основной капиталъ. Но этого случая никогда не бываетъ въ дѣйствительности. Стремленіе усовершенствованій производства всегда состоитъ въ уменьшеніи, а не въ увеличеніи расхода посѣва или матеріала на данное количество продукта и работники никогда не могутъ бояться ущерба своимъ интересамъ отъ этой стороны дѣла.

искаженныхъ понятій объ этомъ вопросѣ по Смитовской теоріи составляетъ послѣднюю (V книгу) трактата Милля. До той поры онъ касается отношеній правительства къ экономической дѣятельности почти всегда только мимоходомъ (впрочемъ и въ четырехъ первыхъ книгахъ довольно большія изслѣдованія этой задачи представляются у него по нѣкоторымъ частнымъ предметамъ, напримѣръ, по рентѣ, по принадлежности земли самимъ землепашцамъ и по наслѣдству). Слѣдуя въ своихъ дополненіяхъ порядку его изложенія, мы также оставимъ до V книги развитіе принимаемыхъ нами понятій объ экономической функціи законодательства. Здѣсь замѣтимъ только, что по неискаженной теоріи Смита общими принципами для разрѣшенія вопросовъ этого отдѣла науки принимаются та же самая основная идея и тотъ же самый основной пріемъ, какіе служатъ общими принципами всей экономической науки, да и вообще всѣхъ тѣхъ нравственныхъ наукъ, которыя говорятъ о предметахъ, доступныхъ измѣренію: основная идея—благосостояніе общества, или человѣчества, или человѣка, а основной пріемъ—счетъ и мѣра.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ГЛАВАМЪ 4, 5 и 6.

Понятіе капитала.

Читателю, знакомому съ новой французской литературой по части политической экономіи, слишкомъ хорошо извѣстно, что слово „капиталъ“ служитъ нынѣ лозунгомъ чрезвычайно сильной полемики между отсталою и прогрессивною школами. Отсталая школа неистощима въ панегирикахъ капиталу, прогрессивная въ проклятіяхъ ему. Но читатель безъ труда замѣтитъ, что тутъ идетъ дѣло не о томъ элементѣ производства, который называется капиталомъ въ строгой наукѣ, а собственно только о роли, какую при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ играютъ капиталисты. Самое названіе капиталиста принадлежитъ не строгой научной теоріи, а только разговорному языку и почти постоянно употребляется именно въ такомъ изъ своихъ многочисленныхъ значеній, которое совершенно различно отъ смысла, какой имѣетъ терминъ „капиталъ“ въ наукѣ. Капиталистомъ обыкновенно называется человѣкъ, имѣющій такую сумму денегъ, что при нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ можетъ, не трудясь, богато жить на доходы, извлекаемые изъ этихъ денегъ посредствомъ процентовъ или коммерческой прибыли. Капиталистами называются банкиръ, богатый негоціантъ, человѣкъ, имѣющій значительное количество кредитныхъ бумагъ, или пуды золота, или десятки пудовъ серебра. Самый богатый землевладѣлецъ, если кромѣ помѣстья не имѣетъ большаго количества наличныхъ денегъ или кредитныхъ бумагъ, не называется капиталистомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова: онъ только можетъ легко стать капиталистомъ, обмѣнявъ свое помѣстье или часть своего права получать доходы съ помѣстья на звонкую монету или кредитныя бумаги, посредствомъ продажи или займа; пока онъ не сдѣлалъ этого, онъ еще только богатый человѣкъ, но не капиталистъ.

Читатель видитъ, на чемъ основано употребленіе слова капиталистъ въ такомъ смыслѣ: оно проистекаетъ изъ той спутанности научнаго и разговорнаго значенія слова „капиталъ“, о которой мы говорили въ примѣчаніяхъ 12-мъ (стр. 88) и 16-мъ (стр. 94). Вмѣсто научнаго понятія о капиталѣ, какъ о массѣ продуктовъ, которыми продовольствуется трудъ, тутъ подставляется понятіе о деньгахъ, о которыхъ Милль совершенно справедливо замѣчаетъ, что онѣ въ сущности вовсе не капиталъ. Мы говорили, что Милль удерживается отъ этой ошибки при употребленіи термина „капиталъ“; но даже и онъ, какъ мы замѣчали уже много разъ, не остерегся отъ спутанности, съ какою вообще употребляется слово „капиталистъ“: вмѣсто того, чтобы удерживать мысль на понятіи капитала, Милль очень часто говоритъ уже только о капиталистѣ, т. е. о человѣкѣ особеннаго разряда, дающемъ капиталъ на содержаніе работниковъ, о че-

ловѣкѣ, нанимающемъ работниковъ; а средство къ найму работниковъ, къ содержанію труда предполагается у самого Милля при такихъ выраженіяхъ состоящимъ уже не собственно въ продуктахъ, которыми содержатся работники, а въ деньгахъ, на которыя можно вымѣнять эти продукты. Такимъ образомъ мысль переводимаго нами автора дѣлаетъ сама и влагаетъ въ мысль читателя за одинъ разъ три неточности: во-первыхъ, вмѣсто понятія о матеріальныхъ вещахъ, продуктахъ труда, подставляется понятіе человѣка, владѣющаго этими продуктами; во-вторыхъ, вводится мысль, что люди подобнаго рода должны составлять особенный разрядъ людей; въ третьихъ, наконецъ, вмѣсто владѣнія продуктами, служащими на пищу или другое продовольствіе, подставляется понятіе денегъ, которыя при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ служатъ средствомъ къ пріобрѣтенію такихъ продуктовъ. Человѣкъ, знакомый съ требованіями логики объ условіяхъ научной терминологіи, легко поймetъ, къ какимъ ошибкамъ должны приводить подобныя подстановки разныхъ понятій подъ одинъ терминъ и употребленіе разныхъ словъ вмѣсто одного термина.

Но если кто нибудь изъ читателей не совсѣмъ ясно представляетъ себѣ строгость требованій научной терминологіи и чрезвычайную важность ихъ точнаго соблюденія, онъ, быть можетъ, назоветъ схоластикою наше стремленіе анализировать смыслъ выраженій, употребляемыхъ въ переводимомъ нами трактатѣ. Никто больше насъ не презираетъ схоластику. Но что же дѣлать, если чрезвычайное множество писателей, считающихся авторитетами въ политической экономіи, передѣлывали истинный смыслъ излагаемой ими Смитовской теоріи въ схоластическомъ духѣ? Что же дѣлать, если они, пускаясь въ схоластическія тонкости, совершенно искажали эту теорію и если при томъ искаженіе происходило отъ промаховъ, дѣланныхъ ими въ той самой сферѣ схоластики, въ которую они переносили теорію изъ области живыхъ общественныхъ потребностей, создавшихъ ее при Адамѣ Смитѣ? Человѣкъ, поставившій себѣ цѣлью очистить истину, загрязненную недобросовѣстностью софистовъ, не можетъ отказываться ни отъ какой части принятой имъ на себя обязанности, хотя бы нѣкоторыя изъ этихъ частей и не соотвѣтствовали его личнымъ наклонностямъ. Если школа, искажающая науку, прикрываетъ ея искаженіе схоластическими тонкостями, то надобно, при всемъ нерасположеніи къ схоластическимъ преніямъ, обратить на нихъ вниманіе и разоблачить ошибку.

Въ одной изъ своихъ рѣчей, лордъ Брумъ сжато и ясно выразилъ требованія научной терминологіи слѣдующими правилами:

1. „Всегда употребляйте самые ясные и недвусмысленные термины“.

2. „Никогда не употребляйте слова, имѣющаго два смысла, не опредѣливъ, въ какомъ изъ нихъ оно будетъ употребляться вами“.

3. „Никогда не употребляйте одного слова въ двухъ значеніяхъ“.

4. „Никогда не употребляйте разныхъ словъ въ одномъ значеніи“.

Надобно признаться, что терминологія политической экономіи во многихъ своихъ частяхъ не удовлетворяетъ этимъ правиламъ. Мы теперь еще въ началѣ трактата объ этой наукѣ, а имѣли уже много случаевъ видѣть ихъ нарушенія, и между прочимъ въ терминахъ чрезвычайно важныхъ.

Такъ, напримѣръ, для опредѣленія предмета науки выбрано слово „богатство“, постоянно ведущее мысль совершенно не къ тому понятію, какое дается наукою,—это служитъ источникомъ самой вредной двусмысленности; потомъ мы замѣтили, что слово „непроизводительный“ употребляется въ двухъ разныхъ смыслахъ при классификаціи труда и потребленія. Эти причины ошибокъ мы рѣшились устранить черезъ замѣну двусмысленнаго слова „богатство“ выраженіемъ „матеріальное благосостояніе“ и черезъ принятіе новыхъ терминовъ „выгодный“ и „убыточный“, для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ слова „производительный“ и „непроизводительный“ являлись съ смысломъ различнымъ отъ своего обыкновеннаго научнаго употребленія. Теперь мы встрѣчаемъ третій такой же случай съ терминомъ не менѣе важнымъ. Слово „капиталъ“ выбрано теоріею Смита не совсѣмъ удачно для обозначенія той части продуктовъ, которая обращается на веденіе новаго производства: этимъ словомъ постоянно возбуждаются въ умѣ такія представленія, которыя не соотвѣтствуютъ его научному смыслу, потому что разговорное значеніе слова „капиталъ“ совершенно различно отъ смысла, приданнаго ему теоріей Смита. Оно влечетъ мысль къ представленіямъ о звонкой монетѣ, о кредитныхъ бумагахъ и о множествѣ разныхъ продуктовъ, которые никакъ не могутъ сами по себѣ назваться капиталомъ въ научномъ смыслѣ слова. По настоящему, надобно было бы намъ и въ этомъ случаѣ поступить такъ же рѣшительно, какъ въ прежнихъ двухъ: слѣдовало бы совершенно отбросить слово „капиталъ“, какъ слишкомъ двусмысленное и потому неудовлетворяющее условіямъ научной терминологіи; но оно уже такъ утвердилось въ наукѣ, что мы не отважпваемся замѣнить его какимъ нибудь другимъ терминомъ, который самъ по себѣ былъ бы лучше: насъ и безъ того многіе станутъ упрекать за излишнюю отвагу.

Конечно, мы не поколебались бы въ такомъ замѣненіи, если бы находили вполнѣ удобнымъ какое нибудь изъ тѣхъ выраженій, которыми часто замѣняется слово „капиталъ“ у многихъ писателей, особенно у французскихъ, рѣшительно сбившихся въ употребленіи термина „капиталъ“ и потому почувствовавшихъ особенно сильную нужду въ новомъ выраженіи для экономическаго элемента, который пересталъ удовлетворительно характеризоваться у нихъ терминомъ „капиталъ“ отъ сбивчивости, съ какою употребляютъ они это слово. Изъ выраженій, служащихъ для замѣны его, самое удачное найдено во фразѣ „орудія труда“ (instruments du travail). Но въ этой фразѣ опять ведетъ къ двусмыслію слово „орудія“: трудно не забыть иногда, что главнымъ изъ орудій принимается тутъ пища работниковъ, а потомъ главнѣйшую важность имѣютъ матеріалы для обработки трудомъ; орудія же въ строгомъ смыслѣ слова, то есть инструменты и машины, составляютъ, можно сказать, незначительную часть продуктовъ, обнимаемыхъ этимъ выраженіемъ. Другія слова или выраженія, которыми замѣняется иногда слово „капиталъ“, еще менѣе удовлетворительны. Поэтому, если бы мы захотѣли для обозначенія научнаго понятія о капиталѣ выбрать выраженіе, вполнѣ удовлетворяющее условіямъ ученой терминологіи, намъ пришлось бы взять терминъ совершенно новый, никому не-

привычный. Мы не можемъ впередъ знать, будетъ ли эта книга имѣть въ публикѣ такое значеніе, чтобы могла утвердить право гражданства за столь большими нововведеніями, какъ замѣненіе слова „капиталъ“ какимъ нибудь терминомъ нашего собственнаго выбора. А пока мы не знаемъ этого, мы должны остаться при словѣ „капиталъ“.

Нѣкоторые читатели могутъ осудить насъ за такую нерѣшительность. На это мы скажемъ, что она противна и собственному нашему расположенію, и что въ рѣшимости у насъ недостатка не будетъ, когда мы увидимъ, что публика раздѣляетъ ее.

Но, оставаясь пока при словѣ „капиталъ“, при этомъ терминѣ, которымъ недовольны мы за его двусмысленность, мы должны сдѣлать по крайней мѣрѣ все возможное для предохраненія читателя отъ сбивчивости представленій, къ какой приводилъ почти всѣхъ писателей этотъ двусмысленный терминъ. Мы должны какъ можно настойчивѣе выказать разницу его научнаго смысла отъ разныхъ оттѣнковъ его разговорнаго употребленія и какъ можно яснѣе выставить тотъ единственный смыслъ, въ какомъ слово „капиталъ“ принимается экономическою теоріею у самого основателя науки, Адама Смита, у лучшихъ его продолжателей, Мальтуса и Рикардо, и у единственнаго замѣчательнаго мыслителя Смитовской школы въ наше время, у переводимаго нами автора.

Капиталомъ называются тѣ продукты труда, которые служатъ средствами для новаго производства. Главные разряды этихъ продуктовъ:

1) Пища, нужная работникамъ на время производства до полученія новой пищи отъ труда, содержимаго этимъ прежнимъ запасомъ пищи. Этотъ элементъ капитала необходимъ повсемѣстно и абсолютно, потому что человѣческій организмъ нигдѣ не можетъ существовать безъ пищи. Но, не говоря уже о томъ, что въ разныхъ климатахъ нужна разная пища (напримѣръ, чѣмъ холоднѣе климатъ, тѣмъ больше нужно въ пищѣ жирныхъ элементовъ, а чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ меньше надобности въ мясной пищѣ), надобно замѣтить, что самое количество пищи, нужной для поддержанія организма въ здоровомъ видѣ, въ различныхъ климатахъ различно. Большая часть пищи, потребляемой человѣкомъ, идетъ собственно не на выработку составныхъ частей его организма, а только на поддержаніе животной теплоты. Чѣмъ теплѣе атмосфера, тѣмъ меньше нужно организму питательнаго матеріала для уравновѣшенія той потери теплоты, которая производится окружающимъ воздухомъ, вообще многими градусами недостигающимъ температуры внутреннихъ частей организма. Изъ этого мы видимъ, что южныя страны по отношенію къ самой значительной части капитала находятся въ условіяхъ болѣе выгодныхъ для производства, чѣмъ сѣверныя страны. То количество пищи, какое нужно на годъ для тысячи человѣкъ, живущихъ въ Архангельскѣ, будетъ достаточно для гораздо большаго числа людей въ Кіевѣ и еще для большаго числа людей въ Алжиріи, при равенствѣ ихъ остальной житейской обстановки. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы видимъ, что очень значительное вознагражденіе за пищу можетъ доставляться людямъ сѣверныхъ климатовъ развитіемъ другихъ частей капитала, имѣющихъ подобно пищѣ главнымъ своимъ назначеніемъ

также поддержаніе животной теплоты. Обыкновенно различаются два разряда предметовъ, имѣющихъ такую роль—жилище и одежда.

2) Жилище, подобно пищѣ, служитъ главнымъ образомъ къ поддержанію животной теплоты въ организмѣ, но, подобно пищѣ, имѣетъ и много другихъ назначеній: какъ пища сверхъ поддержанія животной теплоты возобновляетъ составныя части организма, доставляетъ наслажденіе чувству вкуса и т. д., точно такъ и жилище, кромѣ сохраненія животной теплоты, предохраняетъ отъ непріятнаго или вреднаго вліянія разныхъ атмосферическихъ явленій и доставляетъ множество другихъ жизненныхъ удобствъ. Но главная экономическая роль его состоитъ въ сохраненіи теплоты: жилище, удовлетворяющее этому назначенію, обыкновенно имѣетъ уже всѣ качества, нужныя для соотвѣтственности съ другими своими назначеніями. Даже сырость въ жилищѣ почти всегда происходитъ только отъ того, что оно неспособно сохранять надлежащую теплоту во всѣхъ своихъ частяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при 8^0 тепла человѣку нужно больше пищи, нежели при 14^0. Изъ этого мы видимъ, что если бы намъ говорили, будто какая нибудь страна не можетъ хорошо прокормить своихъ жителей по излишней своей населенности, то, еще не спрашивая, хороши ли въ этой странѣ земледѣльческіе процессы, не пропадаетъ ли въ ней множество земли задаромъ, не обрабатывается ли курамъ на смѣхъ даже и воздѣлываемая часть ея, мы прежде всего должны спросить, хороши ли жилища у населенія этой страны? Если жилища у массы населенія не достаточно теплы или если они сыры (что значитъ тоже самое: не достаточно теплы), то населеніе имѣетъ недостатокъ въ пищѣ не по своей чрезмѣрной многочисленности, а просто по недостатку хорошихъ жилищъ, для которыхъ, вѣроятно, всегда бы нашлось довольно мѣста въ самой населенной странѣ земнаго шара. Замѣнить дурныя жилища хорошими значило бы тоже самое, что увеличить производство пищи.

3) Еще яснѣе тотъ же самый вопросъ повторяется, когда рѣчь идетъ объ одеждѣ. Снабдить теплымъ платьемъ человѣка, мерзнувшаго въ изорванной одеженкѣ, значитъ сдѣлать то, что, потребляя двѣ четверти хлѣба въ годъ, онъ будетъ чувствовать себя болѣе сытымъ, чѣмъ прежде при потребленіи въ двѣ съ половиною четверти. Мы дѣлаемъ эти замѣчанія къ тому, что увеличивать количество пищи, какъ мы увидимъ изъ 12 главы первой книги, не такъ легко, какъ увеличивать и улучшать одежду и жилище. Судя по всему, надобно полагать, что не только теперь нѣтъ, но при всевозможной быстротѣ человѣческаго размноженія и черезъ 200 или 300 лѣтъ еще не могло бы быть такой страны, которая при порядочномъ земледѣліи не успѣла бы съ изобиліемъ продовольствовать всѣхъ своихъ жителей пищею [28]). Но если бы даже согласиться, — на что никакъ не слѣдуетъ соглашаться,—будто бы народная нужда въ какой бы то ни было странѣ происходитъ нынѣ отъ трудности увеличить количество пищи, про-

[28]) Просимъ читателя сравнить съ этимъ слова Гаспарена, приведенныя нами въ примѣчаніи 5, на стр. 13. Онъ говоритъ, что Франція можетъ кормить по крайней мѣрѣ 260 милліоновъ населенія. Кстати, замѣтимъ здѣсь опечатку въ этомъ примѣчаніи, на 4-й строкѣ снизу: вмѣсто 116 человѣкъ надобно читать 1,160 человѣкъ; впрочемъ, это ясно по цифрамъ, рядомъ съ которыми выставлено это число.

изводимой этою страною, то оставался бы вопросъ: не было ли бы слишкомъ достаточно для изобильнаго продовольствія всѣхъ жителей страны и нынѣшнее количество пищи, при улучшеніи народныхъ жилищъ и одежды, на что нѣтъ уже ровно никакихъ затрудненій и ограниченій въ законахъ природы.

Пища, жилище и одежда—вотъ три главные разряда предметовъ, составляющихъ ту часть капитала, необходимость которой повсемѣстно возникаетъ изъ потребностей человѣческаго организма, разсматриваемаго въ ученіи о производствѣ, какъ вмѣстилище труда. Кромѣ этихъ трехъ главныхъ разрядовъ, для поддержанія организма въ способности къ успѣшному труду, нужны повсемѣстно многія другія вещи, напримѣръ, посуда, мебель, гигіеническія средства (изъ которыхъ всѣ лучшія состоятъ въ разныхъ способахъ употребленія одного и того же матеріала—воды, на очищеніе тѣла, платья и т. д.),—но всѣ они вмѣстѣ составляютъ въ экономическомъ отношеніи очень не важную часть капитала по сравненію съ тремя первыми разрядами, то есть на производство всѣхъ этихъ предметовъ или на приспособленіе ихъ къ употребленію въ дѣло требуется сумма труда незначительная по сравненію съ тою, какая нужна для производства пищи, жилищъ и одежды. Напротивъ, также очень много труда въ нѣкоторыхъ странахъ нужно на изготовленіе еще одного разряда предметовъ, требуемаго человѣческимъ организмомъ:

4) Топливо. Мы отнесли этотъ разрядъ продуктовъ такъ далеко отъ жилищъ и пищи, съ которыми онъ связанъ въ домашнемъ быту человѣка, потому, что онъ, имѣя двоякое экономическое назначеніе, служитъ переходомъ отъ части капитала, касающейся собственно работника, къ той части, которая относится уже къ продукту, производимому работникомъ. Кромѣ отопленія жилищъ и приготовленія пищи, топливо нужно для очень многихъ производствъ, какъ матеріалъ для добыванія движущей силы или для произведенія температуры, при которой достигаетъ нужнаго развитія химическое сродство и другія силы природы, совершающія требуемую перемѣну въ матеріалахъ производства. Въ нѣкоторыхъ странахъ топливо можетъ составлять значительную часть капитала только по этому второму, такъ сказать, техническому употребленію, а для домашняго быта нужно его такъ немного, что количество, достающееся человѣку почти безъ всякаго труда, было бы слишкомъ достаточно; въ южныхъ странахъ топить жилищъ никогда не нужно, а на приготовленіе пищи достаточно топлива найдется въ травѣ, или кустарникахъ и въ органическихъ остаткахъ отъ пищи людей и животныхъ, если нѣтъ въ той мѣстности лѣсовъ. У насъ почти во всей Европѣ не то: кромѣ немногихъ южныхъ краевъ ея, надобно извѣстную часть года топить жилища, и расходъ труда на изготовленіе топлива для нихъ уже довольно значителенъ. Но даже въ сѣверной полосѣ Европы повсюду, гдѣ промышленность хотя нѣсколько развита, идетъ бо́льшее количество топлива на промышленные процессы, чѣмъ на употребленіе въ домашнемъ быту, и примѣненіе пара ко всѣмъ производствамъ развивается съ такою быстротою, что нельзя опредѣлить границы, на какой остановится увеличеніе надобности въ этомъ элементѣ производства. Впро-

чемъ запасы торфа и каменнаго угля, находящіеся въ природѣ, такъ громадны, что недостатка въ топливѣ опасаться нечего [29]).

5) Служа нѣкоторою частью своею для надобностей домашняго быта, топливо не можетъ быть исключительно названо только матеріаломъ для производства; но уже и теперь въ наиболѣе развитыхъ странахъ предметы, служащіе топливомъ, идутъ на производство въ количествѣ гораздо большемъ, чѣмъ прямо на надобности домашняго быта. Тоже самое надобно сказать почти о всѣхъ другихъ матеріалахъ производства: шерсть, хлопчатая бумага и т. д. могутъ пригодиться на что нибудь для человѣка и безъ особенной обработки, въ своемъ натуральномъ видѣ, и нѣкоторая часть этихъ веществъ дѣйствительно служитъ человѣку безъ всякой обдѣлки, такъ что должна считаться по своему употребленію не матеріаломъ, а прямо окончательнымъ продуктомъ: напримѣръ, въ каждомъ домѣ потребляется нѣсколько хлопьевъ шерсти или ваты въ ихъ натуральномъ видѣ на мелкія домашнія надобности. Но гораздо бо́льшая часть всѣхъ продуктовъ природы, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, служитъ въ цивилизованныхъ странахъ только матеріаломъ для дальнѣйшей обработки. Различаясь отъ съѣстныхъ припасовъ въ этомъ отношеніи, всѣ другіе важные для общественной жизни продукты природы отличаются отъ хлѣба или мяса еще тѣмъ, что къ увеличенію добываемаго ихъ количества вовсе нѣтъ тѣхъ трудностей, какія, по крайней мѣрѣ по предразсудку сильно распространенному, встрѣчаются при увеличеніи производства хлѣба. Дѣйствительно ли существуютъ такія затрудненія въ увеличеніи производства съѣстныхъ припасовъ, мы должны будемъ разсмотрѣть ниже, въ замѣчаніяхъ на 10-ю и 12-ю главы первой книги Милля. Но, конечно, мы не встрѣтимъ никакихъ возраженій, когда теперь же безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій скажемъ, что, напримѣръ, количество матеріала для выдѣлки одежды можетъ быть безъ всякихъ затрудненій со стороны природы увеличиваемо человѣкомъ до неопредѣленной степени. Если мы спросимъ: можетъ ли Европа легко производить вдвое или втрое больше хлѣба чѣмъ теперь, очень мно-

---

[29]) До сихъ поръ даже приблизительно неизвѣстно, сколько торфа уже изготовлено природою и сколько его можетъ изготовлять она ежегодно вновь, безъ нашего труда. Далеко не во всѣхъ странахъ даже цивилизованной части свѣта сдѣланы хотя скудныя изысканія о количествѣ находящагося въ нихъ каменнаго угля. Но вотъ нѣкоторыя цифры о количествѣ его только въ двухъ странахъ—въ Великобританіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Великобританскіе пласты имѣютъ приблизительно до 190,000,000,000 тоннъ каменнаго угля. Нынѣ Великобританія добываетъ по 70 милліоновъ тоннъ въ годъ. Положимъ какое угодно быстрое возрастаніе добыванія, положимъ какой угодно огромный процентъ на растрату при самомъ добываніи,—все-таки читатель можетъ видѣть, что однихъ британскихъ каменноугольныхъ пластовъ было бы достаточно для паровыхъ машинъ и для всѣхъ промышленныхъ надобностей цѣлой Европы на многія сотни лѣтъ. Но великобританскіе пласты рѣшительно ничтожны передъ сѣвероамериканскими, которые вмѣщаютъ въ себѣ количество каменнаго угля въ 20 разъ большее. Для любопытныхъ приведемъ цифру этого запаса: она считается не менѣе, какъ въ 4 билліона тоннъ (4,000,000,000,000) или въ 250 билліоновъ (250,000,000,000,000) пудовъ. На сколько столѣтій можетъ достать этого запаса? Цифры взяты нами изъ Edinburgh Review, 1860, январь, Coal Fields of North America and Great Britain, стр. 88 и 89. Конечно, мы приводимъ эти колоссальныя числа не для того, чтобы читатель испыталъ надъ ними свою силу въ исчисленіи билліоновъ, непостижимыхъ уму по своей колоссальности. Онѣ понадобятся намъ современемъ, какъ фактическая опора противъ пустыхъ фразъ о несоразмѣрности населенія со средствами къ продовольствію.

гіе (то есть не вникавшіе въ дѣло, а повторяющіе рутинную фразу) люди скажутъ: не можетъ; но если спросить: трудно ли было бы Америкѣ производить вдвое большее количество хлопчатой бумаги, каждый скажетъ: не только вдвое, и въ десять, и въ двадцать разъ больше она легко стала бы производить, лишь бы находился сбытъ для такого количества. Тоже самое каждый скажетъ о матеріалахъ для всякаго другаго производства, имѣющаго дѣйствительную важность [30]).

Мы разсмотрѣли тѣ части капитала, которыя состоятъ въ продуктахъ, продовольствующихъ трудъ или служащихъ предметомъ его; теперь намъ остается перечислить тѣ части капитала, которыми передается дѣятельность труда предметамъ, обработываемымъ его силою. Тутъ, конечно, прежде всего припоминаются:

6) Орудія. О нихъ намъ нѣтъ надобности говорить подробно, потому что у самого Милля очень хорошо опредѣлена вся обширность разряда вещей, называемыхъ въ экономической теоріи орудіями: онъ обнимаетъ собою всѣ вещи отъ какой нибудь палки, служащей дикарю на охотѣ, отъ камня, которымъ онъ бьетъ звѣря, отъ рыбьей кости, которая замѣняетъ ему уду, до самыхъ сложныхъ машинъ. Сюда же надобно причислить постройки, дѣлаемыя для помѣщенія этихъ орудій и вообще для совершенія въ нихъ процессовъ производства, всѣ промышленныя зданія отъ овина и риги до фабрики и верфи. Все это ясно само собою. Точно также не было бы нужды разъяснять характеръ предметовъ или продуктовъ, служащихъ просто для перемѣщенія другихъ продуктовъ или предметовъ, если бы не было между средствами сообщенія той важной разницы, что одни изъ нихъ даются почти готовыми отъ самой природы, другіе, можно сказать, исключительно создаются трудомъ. Потому надобно замѣтить:

7) Пути сообщенія, конечно, должны считаться частью капитала настолько, насколько они созданы или поддерживаются трудомъ. Желѣзная дорога или шоссе безъ всякаго сомнѣнія капиталъ. Но море никто не называетъ капиталомъ, хотя до послѣдняго времени по морю перевозилось едва ли не больше продуктовъ, чѣмъ по всѣмъ сухопутнымъ дорогамъ. Если рѣка сама по себѣ судоходна, чиста отъ мелководныхъ мѣстъ и пороговъ, если поэтому не нужно употреблять на нее никакого труда для ея приспособленія къ перевозкѣ продуктовъ, она вовсе не капиталъ. Но если ее нужно углублять или очищать, она становится капиталомъ въ размѣрѣ труда, употребляемаго на это. Лодки, корабли, телѣги, паровозы и т. д. во всякомъ случаѣ, конечно, капиталъ. Пути сообщенія, принадлежа частью къ продуктамъ труда, частью къ простому дѣйствію силъ природы, происходящему безъ всякаго отношенія къ труду, приводятъ насъ къ разсмотрѣнію того, въ какой степени могутъ составлять часть капитала вообще.

8) Силы природы. Отвѣтъ на это уже находится на предыдущихъ

[30]) Конечно, брильянтовъ или жемчугу не могло бы, вѣроятно, добываться въ десять разъ больше, чѣмъ теперь, какъ бы ни увеличился запросъ на нихъ. За то, для человѣческаго благосостоянія нѣтъ ровно никакой надобности въ этомъ; напротивъ, при нынѣшнемъ положеніи человѣческихъ средствъ къ удовлетворенію нуждъ, была бы существенная польза оттого, когда бы уменьшилось добываніе этихъ продуктовъ или матеріаловъ.

строкахъ. Тѣ силы природы, которыя работаютъ въ производствѣ безъ помощи нашего труда, конечно, не составляютъ капитала; но если нужны какія нибудь орудія или вообще продукты труда для развитія извѣстныхъ силъ природы въ извѣстномъ мѣстѣ, дѣятельность этихъ силъ въ этомъ мѣстѣ составляетъ уже часть капитала, какъ бы вложившуюся въ продуктъ, посредствомъ котораго она обнаруживается. Такъ, напримѣръ, паденіе воды на мельничное колесо черезъ плотину запруженной рѣчки, конечно, составляетъ капиталъ. Нѣкоторые могли бы сказать, что капиталъ въ этомъ случаѣ только сама плотина, а не паденіе воды. О словахъ можно не спорить, если только и безъ нихъ останется памятно и понятно значеніе фактовъ. Особенность факта въ этихъ случаяхъ та, что вліяніе на производство совершенно не находится тутъ ни въ какой опредѣленной зависимости отъ количества труда, употребленнаго на созданіе капитала. Совершенно одинаковыя плотины могутъ давать очень различныя количества движущей силы, смотря по различію въ величинѣ ручьевъ, ими запруженныхъ. Этою неодинаковостью дѣйствія при одинаковости труда, употребленнаго на развитіе силъ природы въ разныхъ мѣстахъ, движущія силы природы, создаваемыя трудомъ, приближаются къ свойствамъ растительной силы земли, которая также должна быть капиталомъ на столько, на сколько возвышена трудомъ.

9. Кромѣ движущихъ силъ неорганической природы (воздухъ, вода, паръ) помогаютъ человѣку въ произведеніи движенія домашнія животныя; они всегда составляютъ капиталъ, потому что для ихъ укрощенія или воспитанія всегда требуется трудъ. Кромѣ животныхъ, доставляющихъ движущую силу, есть другія, дающія пищу или матеріалы (напримѣръ, шерсть). Всѣ они, конечно, также должны считаться капиталомъ.

Это длинное перечисленіе предметовъ и продуктовъ, составляющихъ капиталъ, конечно, можетъ показаться столь же напраснымъ, какъ, напримѣръ, длинное перечисленіе разныхъ разрядовъ производительнаго труда у Милля. Но когда рѣчь будетъ идти объ отношеніи средствъ существованія къ числу населенія или о знаменитомъ „принципѣ народонаселенія“ Мальтуса, читатель увидитъ, что представленный нами теперь перечень не безполезенъ. Впрочемъ, у насъ была не одна эта отдаленная цѣль: мы должны были стараться о томъ, чтобы какъ можно дольше задержать мысль читателя на научномъ понятіи капитала, слишкомъ легко затемняющемся отъ невниманія къ совершенному различію этого понятія отъ того смысла, какой имѣетъ слово „капиталъ“ въ разговорномъ языкѣ; мы должны были стараться рѣзко выставить передъ мыслью читателя всѣ сколько нибудь важныя части этого научнаго понятія. Достичь такой цѣли мы могли, конечно, не иначе, какъ длиннымъ, хотя бы и утомительнымъ, хотя бы, повидимому, и слишкомъ элементарнымъ анализомъ этого термина въ его научномъ значеніи.

Итакъ, всѣ сколько нибудь важныя для общественнаго быта части капитала подводятся подъ слѣдующіе разряды предметовъ: пища, жилище, одежда, топливо, матеріалы производства, орудія производства, средства сообщенія (пути и орудія перевозки), силы природы, и домашнія животныя.

Само собою разумѣется, что въ понятіе капитала, которымъ называются

только продукты труда, входятъ только силы природы, создаваемыя трудомъ или увеличеніе, придаваемое имъ трудомъ. Но точно тоже надобно сказать и о всѣхъ другихъ разрядахъ капитала: предметы совершенно одинаковаго рода могутъ принадлежать или не принадлежать къ капиталу, смотря по тому, помощью труда или одною природою безъ пособія труда они создаются. Мы замѣчали это о путяхъ сообщенія. Точно также и каменный уголь не былъ бы капиталомъ, если бы лежалъ вездѣ подъ руками и на самой поверхности земли. Надобно вообще замѣтить, что предметы одного экономическаго значенія со всѣми разрядами капитала (кромѣ домашняго скота) даются въ нѣкоторомъ количествѣ самою природою безъ содѣйствія труда: вездѣ, за исключеніемъ слишкомъ близкихъ къ полюсамъ странъ, которыя были населены, конечно, уже очень поздно, или кромѣ степей, которыя не могли быть заселены до сихъ поръ, каждая мѣстность производитъ сама по себѣ нѣкоторое количество съѣстныхъ припасовъ (ягодъ, грибовъ и т. д.), представляетъ нѣкоторыя средства укрыться отъ погоды (дупла, пещеры и т. д.)—Этимъ и начинается 1-й параграфъ, 1-й главы у Милля (стр. 31). Но чѣмъ больше возрастаетъ число жителей въ данной мѣстности и чѣмъ выше поднимается ихъ цивилизація, тѣмъ недостаточнѣе становится для удовлетворенія человѣческимъ потребностямъ одна дѣятельность природы, и тѣмъ значительнѣе становится участіе труда или продуктовъ труда въ производствѣ всѣхъ, потребляемыхъ людьми, предметовъ, такъ что очень многія изъ потребностей удовлетворяются исключительно продуктами производства самихъ людей. Таковы, напримѣръ, въ цѣлой Европѣ жилища и орудія производства—всѣ они созданы только уже трудомъ.

Теперь, разсмотрѣвъ, какіе разряды предметовъ могутъ быть капиталомъ и обыкновенно бываютъ капиталомъ при нынѣшнемъ состояніи цивилизаціи, мы, чтобы еще точнѣе впечатлѣлось въ нашей мысли понятіе капитала, должны посмотрѣть, какіе разряды не бываютъ капиталомъ.

Капиталъ—тѣ продукты, которые нужны для новаго производства; изъ этого ясно, что не бываютъ капиталомъ тѣ продукты, которые по своей природѣ не имѣютъ этого назначенія и должны потребляться непроизводительно, напримѣръ, драгоцѣнные камни (за исключеніемъ той ничтожной части, которая идетъ на рѣзаніе стекла и другія техническія надобности), наряды (за исключеніемъ той ничтожной части, которая потребляется работниками и служитъ къ поддержанію въ нихъ бодрости духа), тѣ сооруженія, которыя не служатъ помѣщеніемъ для работниковъ или для промышленныхъ производствъ. Словомъ сказать, капиталомъ не служатъ предметы роскоши.

Но и предметы первой необходимости, хотя по натурѣ своей всѣ носятъ характеръ капитала, далеко не всѣ входятъ въ капиталъ. Нѣкоторое количество каждаго изъ нихъ дѣйствительно служитъ капиталомъ (потребляется производительно), но остальное не становится капиталомъ (потребляется непроизводительно). Напримѣръ, часть пищи, производимой страною, потребляется производительными работниками и ихъ семействами—эта часть—капиталъ; другая часть потребляется людьми, не занятыми производительнымъ трудомъ или вовсе ничѣмъ незанятыми,—эта часть не слу-

житъ капиталомъ. Одинъ и тотъ же домъ можетъ въ одно время служить помѣщеніемъ для работниковъ—въ это время онъ капиталъ; въ другое время можетъ служить помѣщеніемъ для непроизводительныхъ жителей,—въ это время онъ не капиталъ.

Изъ всего этого прямо слѣдуютъ два заключенія:

Во-первыхъ, если мы находимъ, что въ извѣстной странѣ мало капитала,—то есть недостаетъ продуктовъ на удовлетворительное содержаніе производительнымъ работникамъ и на хорошее веденіе производительныхъ процессовъ,—то прежде надобно разсмотрѣть, какая часть производительныхъ силъ страны обращена на производство продуктовъ, пригодныхъ служить капиталомъ, и какая часть на производство предметовъ непригодныхъ для этого,—иначе сказать, какая часть занята выгоднымъ для общества, и какая убыточнымъ для него производствомъ: а изъ продуктовъ, пригодныхъ быть капиталомъ, какая часть дѣйствительно идетъ въ капиталъ (потребляется производительно) и какая часть не идетъ. (Просимъ сравнить съ этимъ этюдъ „О выгодномъ и убыточномъ производствѣ и потребленіи“, стр. 59—68; также §§ 5 и 6-й въ 3 главѣ 1 книги Милля, стр. 52—54, и принадлежащія къ этимъ параграфамъ наши поясненія на стр. 86—87).

Положимъ, напримѣръ, что на хорошее продовольствіе работнику съ семействомъ нужно было бы количество продуктовъ, равное 30 четвертямъ пшеницы, и на хорошее веденіе производства было бы нужно количество матеріаловъ, равное 15 четвертямъ, количество орудій и другихъ частей капитала, равное 5 четвертямъ, а всего для общественнаго благосостоянія нужно производство капитала, равнаго 50 четвертямъ пшеницы въ годъ (читатель знаетъ, что въ подобныхъ гипотезахъ, для краткости, всѣ разные роды продуктовъ подводятся подъ одинъ родъ, и этотъ переводъ дѣлается по разсчету труда, нужнаго на производство каждаго рода продуктовъ; напримѣръ, если на выдѣлку плуга или на ремонтъ жилища нужно по 10 рабочихъ дней, на производство 1 четверти пшеницы тоже 10 дней, то ремонтъ жилища или выдѣлка плуга порознь принимаются продуктами равными 1 четверти, а вмѣстѣ 2 четвертямъ пшеницы).

Положимъ теперь, что капитала производится только по 40 четвертей на рабочее семейство. Ясно, что трудъ будетъ содержаться плохо, матеріаловъ для труда будетъ мало, орудія труда будутъ плохи. Но отчего можетъ происходить это дурное экономическое состояніе?

Первымъ предметомъ изслѣдованія должна быть въ такомъ случаѣ пропорція между выгоднымъ (создающимъ капиталъ) и убыточнымъ (не создающимъ капитала) производствомъ, а также между частью продуктовъ, годныхъ въ капиталъ становящеюся въ дѣйствительности капиталомъ (идущею на новое производство) и частью ихъ, отвлекаемою отъ своего природнаго назначенія (потребляемою непроизводительно).

Положимъ, напримѣръ, что изъ 30 работниковъ заняты убыточнымъ производствомъ 10, а выгоднымъ только 20; положимъ, что изъ продуктовъ, производимыхъ выгоднымъ трудомъ, обращается въ капиталъ (служитъ на веденіе новаго производства) только одна половина, а другая половина потребляется непроизводительно. Тогда мы имѣемъ:

Половина продуктовъ пригодныхъ для обращенія въ капиталъ, обращаемая дѣйствительно въ капиталъ, составляетъ 40 четвертей на рабочее семейство; и такъ, всего производится продуктовъ, годныхъ служить капиталомъ, по 80 четвертей на рабочее семейство; семействъ этихъ всего 30, стало быть, продуктовъ, годныхъ для поступленія въ капиталъ, всего производится 2,400 четвертей; эти 2.400 четвертей производятся трудомъ только 20 семействъ, стало быть, каждое семейство, занятое выгоднымъ трудомъ, производитъ по 120 четвертей. Итакъ, успѣшность труда въ этомъ обществѣ такова, что если бы всѣ рабочія силы его были бы обращены на производство продуктовъ, пригодныхъ быть капиталомъ, и всѣ продукты, пригодные быть капиталомъ, дѣйствительно шли въ капиталъ, то капитала производилось бы по 120 четвертей на каждое семейство,—то есть работники жили бы въ изобиліи, матеріаловъ для производства было бы очень много, орудія труда были бы превосходныя (на все это нужно только по 50 четвертей), и кромѣ того оставался бы значительный избытокъ продуктовъ, который пригодился бы для доставленія работникамъ большаго отдыха, большаго образованія, большаго нравственнаго развитія. Если этого нѣтъ, если трудъ снабженъ плохимъ продовольствіемъ, плохими орудіями и часто остается безъ занятія (то есть вовсе безъ продовольствія) по недостатку продуктовъ на его содержаніе за занятіемъ и по недостатку матеріаловъ для обработки, это происходитъ не оттого, чтобы трудъ въ этомъ обществѣ уже не достигъ самъ по себѣ достаточной успѣшности,—нѣтъ, просто потому, что слишкомъ большая часть его идетъ на убыточное для общества производство, а изъ продуктовъ той части труда, которая занята выгоднымъ производствомъ, слишкомъ большая часть отдается въ убыточное потребленіе и слишкомъ малая обращается въ капиталъ.

Достаточность или недостаточность капитала страны зависитъ, какъ мы видимъ, отъ распредѣленія рабочихъ силъ между выгоднымъ и убыточнымъ производствомъ и отъ распредѣленія продуктовъ, могущихъ быть капиталомъ, между выгоднымъ и убыточнымъ потребленіемъ; а оба эти обстоятельства зависятъ отъ экономическихъ учрежденій страны; изъ этого мы выводимъ второе, очень важное заключеніе: учрежденія страны имѣютъ чрезвычайно сильное вліяніе на ея благосостояніе, и кто занимается вопросомъ о возвышеніи благосостоянія страны, долженъ обратить вниманіе прежде всего на гражданскія отношенія между ея жителями.

Капиталъ, въ научномъ смыслѣ слова, совершенно не то, что деньги; деньги, сами по себѣ, вовсе не составляютъ никакого капитала. Послѣ этого является вопросъ, какимъ же путемъ деньги имѣютъ вліяніе на производство страны? Полный отвѣтъ на это мы найдемъ при изложеніи понятій о звонкой монетѣ и о кредитѣ (въ книгѣ III), а теперь только приведемъ одну черту, по которой можно предугадать все рѣшеніе вопроса. Деньги служатъ выраженіемъ покупательной силы (purchase power); а желаніемъ покупателей опредѣляется, чѣмъ будутъ заняты рабочія силы, ими покупаемыя, и какое назначеніе получатъ продукты, производимые работниками. Представимъ, напримѣръ, такой случай:

Положимъ, что въ извѣстномъ экономическомъ округѣ изъ 200 работ-

никовъ 80 заняты убыточнымъ, а 120 выгоднымъ трудомъ; положимъ, что всѣ они вмѣстѣ получаютъ 20,000 рублей, т. е. на занятіе каждаго изъ нихъ работою употребляется покупательная сила во 100 рублей. Получая эти деньги, т. е. эту покупательную силу, они обращаютъ ее на пріобрѣтеніе предметовъ первой необходимости, которые всѣ для краткости мы переведемъ на пшеницу. Положимъ, что въ этомъ обществѣ находится 5,000 четвертей пшеницы; тогда покупательная сила, нужная для пріобрѣтенія одной четверти пшеницы, будетъ состоять въ 4 рубляхъ (на 20,000 рублей покупается 5,000 четвертей пшеницы). Положимъ теперь, что пріѣхалъ въ это общество иностранецъ съ цѣлью заниматься земледѣліемъ и привезъ тоже 20,000 рублей серебромъ. Отъ прибытія этихъ денегъ капиталъ страны еще не увеличился ни однимъ зерномъ пшеницы. Но посмотримъ, какая перемѣна произошла въ качествахъ покупательной силы. Прежде при покупательной силѣ въ 20,000 рублей нанимались на убыточное производство 80 человѣкъ изъ 200 человѣкъ, значитъ, изъ 20,000 рублей покупательной силы употреблялось на это дѣло 8,000 рублей, составлявшіе тогда 40% всей покупательной силы, а на выгодное производство оставалось только 60% покупательной силы. Теперь къ прежней покупательной силѣ прибавилось еще 20,000 рублей и вся она составляетъ уже 40,000 рублей; весь этотъ прибавокъ обращенъ волею своего владѣльца на выгодное производство. На убыточное производство идетъ по прежнему 8,000 рублей, но въ 40,000 рубляхъ эти 8,000 составляютъ уже только 20%; это значитъ, что эта покупательная сила уже въ несостояніи отвлечь отъ выгоднаго производства къ убыточному прежнихъ 80 работниковъ, а можетъ отвлечь только 40. Въ денежномъ счетѣ новое положеніе дѣлъ выразится такимъ образомъ: трудъ 200 работниковъ покупается теперь за 40,000 рублей, т. е. трудъ каждаго работника за 200 рублей; и на 8,000 рублей можно нанять только 40 работниковъ. Остальные 160 работниковъ будутъ наняты для выгоднаго производства на остальные 32,000 рублей. На первый годъ существуетъ для продажи только 5,000 четвертей пшеницы и работники имѣютъ 40,000 рублей, чтобы заплатить за это количество хлѣба; и такъ цѣна пшеницы будетъ 8 рублей за четверть. Пока работники еще ничего не выиграли и капиталъ страны не увеличился. Но въ теченіе года занимались производствомъ пшеницы не 120 работниковъ, какъ прежде, а 160 работниковъ; если 120 работниковъ производили 5,000 четвертей, то 160 работниковъ произведутъ 6,000 четвертей [31]).

Такимъ образомъ на каждаго работника будетъ приходиться уже не 25 четвертей, какъ прежде, а 30 четвертей пшеницы; мы видѣли, что именно

[31]) Полагая только 6,000, а не 6,666, какъ приходилось бы по точной пропорціи, мы слѣдуемъ въ этомъ случаѣ принципамъ Мальтуса и Рикардо, доказывающихъ, что масса земледѣльческихъ продуктовъ возрастаетъ не такъ быстро, какъ масса рабочихъ силъ обращенныхъ на земледѣліе; при изложеніи теорій Мальтуса и Рикардо мы увидимъ однако, что вліяніе этого принципа уравновѣшивается, а иногда и перевѣшивается вліяніемъ другихъ послѣдствій, соединенныхъ съ увеличеніемъ населенія, и что если 120 работниковъ производили 5,000 четвертей, то 160 работниковъ должны произвести не 6,000 четвертей и даже не 6,666, а 7,000 или 8,000 четвертей. Но теперь мы еще не имѣемъ права принимать такого послѣдствія, не изложивъ его основаній.

пшеница и составляетъ то, что въ наукѣ называется капиталомъ; и такъ черезъ годъ по прибытіи иностранца съ его 20,000 руб. капиталъ страны увеличился, т. е. трудъ этой страны получилъ лучшее содержаніе и производительные процессы улучшились: въ земледѣліи произведены усовершенствованія, земля стала удобряться лучше прежняго, введены лучшіе плуги, улучшился рабочій скотъ, страна стала гораздо благосостоятельнѣе прежняго.

Чѣмъ же произведена эта перемѣна къ лучшему, это увеличеніе капитала, влекущее за собою постоянное возвышеніе количества продуктовъ? Собственно ли прибытіемъ денегъ? Нѣтъ, собственно только тѣмъ, что увеличилась пропорція покупательной силы, обращенной на выгодное производство, и уменьшилась пропорція этой силы, обращенной на убыточное производство. Въ этомъ состоитъ сущность дѣла, а прибытіе денегъ было лишь ея симптомомъ, который тутъ сопровождалъ хорошую перемѣну, но которымъ точно также могла сопровождаться и дурная перемѣна;—чтобы увидѣть, какъ могла сопровождаться имъ дурная перемѣна, мы только должны предположить, что иностранецъ привезъ свои 20,000 р. съ намѣреніемъ не заняться земледѣліемъ, а построить, напримѣръ, оранжерею,—производство убыточное для общества. Что мы будемъ имѣть тогда?

На занятіе работниковъ земледѣліемъ обращалось прежде 12,000 р. Только они и остаются на это назначеніе, а 20,000 р. прибавляются къ тѣмъ 8,000 р., которые прежде отвлекали работниковъ къ убыточному производству. Итакъ, изъ 40,000 р., составляющихъ теперь покупательную силу, 28,000 р., т. е. 70% (вмѣсто прежнихъ 40%), обращаются на покупку труда для убыточнаго производства, а на выгодное производство остается только 30% покупательной силы,—при 40,000 р., платимыхъ 200 работникамъ, работникъ нанимается за 200 р., и на 12,000 р. можно занять земледѣліемъ только 60 человѣкъ. Если прежде 120 работниковъ производили 5,000 четвертей, то 60 работниковъ произведутъ теперь только 3,000 четвертей [32]). Итакъ, теперь на работника приходится уже только по 15 четвертей пшеницы, вмѣсто прежнихъ 25 четвертей. Итакъ отъ прибытія иностранца съ его 20,000 р. капиталъ общества сильно уменьшился, и общество обѣднѣло.

Мы видимъ, что прибыль денегъ можетъ уменьшать капиталъ страны; наоборотъ, убыль денегъ можетъ увеличивать его. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что люди, располагавшіе 8,000 рублей, на которые покупался трудъ для убыточнаго производства, потеряли болѣе половины своего состоянія, цѣлыхъ 5,000 р., сохранивъ только 3,000 р. вмѣсто прежнихъ 8,000 р. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто прежнихъ 20,000 р., общество будетъ имѣть только 15,000 р. На эту сумму будетъ купленъ трудъ 200 работниковъ, то есть каждый работникъ получитъ за трудъ вмѣсто прежнихъ 100 р. только 75 р. Но отъ потери денегъ не уменьшилось количество пшеницы, произведенное предидущею жатвою, и за 15,000 р. будутъ куплены работниками тѣ же 5,000 четвертей,—они ничего не потеряли въ этомъ году отъ потери 5,000 р. людьми, нанимавшими ихъ на убыточный трудъ; напротивъ, они скоро выиграютъ отъ этой потери. Въ самомъ дѣлѣ,

[32]) Мы полагаемъ 3,000, а не 2,500 четвертей, опять слѣдуя принципу Мальтуса и Рикардо.

на 3,000 р., по 75 р. человѣку, можно нанять на убыточный трудъ только 40 работниковъ, а на остальные 12,000 р., нанимающіе работниковъ для выгоднаго труда, будутъ наняты (по 75 р.) 160 человѣкъ; и если прежде 120 работниковъ, занимавшіеся земледѣліемъ, производили 5,000 четвертей, то 160 работниковъ произведутъ 6,000 четвертей, и на слѣдующій годъ общество будетъ имѣть, вмѣсто прежнихъ 25 четвертей, по 30 четвертей пшеницы на работника. Изъ этого мы видимъ, что отъ потери 5,000 р. людьми, нанимающими работниковъ на убыточный трудъ, точно въ такой же степени увеличивается капиталъ общества, какъ отъ прибыли 20,000 р., привозимыхъ иностранцемъ для найма работниковъ на выгодный трудъ.

Важность не въ томъ, увеличивается или уменьшается сумма денегъ, находящихся въ обществѣ,—вся важность только въ томъ, какъ измѣняется пропорція между покупательною силою людей, которымъ нуженъ выгодный трудъ, и людей, которымъ нуженъ убыточный трудъ.

Мы полагаемъ, что весь этотъ длинный этюдъ о понятіи капитала, служащій только развитіемъ словъ Милля: „капиталъ—вовсе не деньги, а только продукты, употребляемые на производство“,—словъ, заключающихъ въ себѣ одну изъ основныхъ теоремъ Смитовской теоріи,—мы надѣемся, что этотъ этюдъ могъ содѣйствовать укрѣпленію мысли читателя въ научномъ понятіи о капиталѣ. Если такъ, то читатель достаточно вознагражденъ за скуку, которую могли пробуждать въ немъ эти страницы. Утвердить въ себѣ точное понятіе о научномъ смыслѣ термина „капиталъ“—вещь чрезвычайной важности: кто твердъ въ немъ, тотъ (повторимъ метафору Милля) уже почти вышелъ изъ мрака меркантильныхъ заблужденій, господствующихъ надъ разговорнымъ языкомъ, въ свѣтъ здравыхъ экономическихъ воззрѣній.

Мы очень долго останавливались на анализѣ научнаго понятія о капиталѣ, но еще не касались той полемики, которая ведется въ защиту и противъ капитала въ его разговорномъ значеніи, совершенно различномъ отъ научнаго, а часто (и даже большею частью) совершенно противномъ ему,—о полемикѣ, въ которой подъ именемъ капитала разумѣются деньги и кредитныя бумаги, а еще точнѣе сказать, особенные люди, владѣющіе большимъ количествомъ денегъ и кредитныхъ бумагъ. Анализъ этой полемики мы отложимъ до тѣхъ отдѣловъ книги Милля, которые говорятъ о прибыли, получаемой капиталистами и вообще хозяевами промышленныхъ заведеній (profit), о процентахъ (interest), о звонкой монетѣ и кредитныхъ знакахъ (книга I, гл. 15; книга III, гл. 7—12 и глава 23).

Намъ прійдется также возвратиться къ вопросу о томъ, почему появленіе иностранныхъ капиталистовъ, или ихъ агентовъ, привозящихъ съ собою только кредитные знаки или звонкую монету, почти всегда ведетъ къ увеличенію капитала страны и почти никогда къ ея обѣдненію, хотя сами по себѣ деньги вовсе не капиталъ, и хотя, какъ мы видѣли, прибыль денегъ равно можетъ служить къ увеличенію и къ уменьшенію капитала,—это разъяснится для насъ отдѣломъ о ввозѣ монеты, о заграничной торговлѣ и о распредѣленіи драгоцѣнныхъ металловъ по торговому свѣту (книга III, главы 19—21).

ТРУДЪ и КАПИТАЛЪ,

КАКЪ ЭЛЕМЕНТЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Общій выводъ изъ предыдущаго отдѣла.

1. Предметы и явленія, производимыя самою природою, безъ содѣйствія человѣка, оказываются недостаточны по количеству или качеству для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ; изъ этого возникаетъ человѣку надобность направлять своею дѣятельностью силы и предметы природы къ произведенію предметовъ и явленій, соотвѣтствующихъ потребностямъ его организма. Эта дѣятельность называется трудомъ (Милль, кн. I. гл. 1, § 1—3; стр. 31—34).

2. Этимъ опредѣленіемъ труда, какъ дѣятельности, обусловливаемой произведеніемъ внѣшнихъ предметовъ и явленій, выставляется объективная сторона труда; но, подобно всякой человѣческой дѣятельности, трудъ имѣетъ и субъективную сторону. Разсматривая трудъ по отношенію къ органическимъ отправленіямъ, мы находимъ, что эта дѣятельность составляетъ функцію головнаго мозга (умственный трудъ) и мускуловъ (физическій трудъ), какъ пищевареніе—функцію желудка; а общее свойство функцій, требуемыхъ природою органовъ, заключается въ томъ, что дѣятельность приноситъ наслажденіе тому органу, которымъ совершается. Если трудъ бываетъ непріятенъ, это происходитъ, въ противность его натурѣ, отъ вліянія неблагопріятныхъ для дѣятельности мускуловъ и мозга обстоятельствъ; такіе случаи составляютъ нарушеніе нормальнаго порядка („О непріятности труда“, стр. 70—76).

3. Итакъ, полное понятіе о трудѣ будетъ таково: трудъ есть дѣятельность мозга и мускуловъ, составляющая природную. внутреннюю потребность этихъ органовъ, находящихъ въ ней свое наслажденіе, а внѣшнимъ своимъ результатомъ имѣющая приведеніе силъ и предметовъ природы къ производству предметовъ и явленій, удовлетворяющихъ нуждамъ человѣческаго организма.

4. Въ каждомъ трудѣ участвуютъ непремѣнно и мускулы, и мозгъ, такъ что нѣтъ труда исключительно умственнаго или исключительно физическаго: каждый трудъ,—есть трудъ умственно-физическій; если говорится о различіи труда умственнаго и физическаго, этимъ различіемъ указывается только то, что въ одномъ главная роль принадлежитъ мозгу,

въ другомъ—мускуламъ; но это преобладаніе одного элемента не есть исключеніе другаго: дѣятельность мозга всегда требуетъ нѣкотораго содѣйствія мускуловъ, а дѣятельность мускуловъ всегда производится подъ управленіемъ дѣятельности мозга.

5. По различію цѣлей, которыя ставитъ себѣ трудъ, онъ раздѣляется на отрасли, чрезвычайно различныя, такъ что законы и условія каждой изъ нихъ составляютъ предметъ особенной науки; такъ, трудъ, обращенный на сохраненіе или возстановленіе здоровья въ организмѣ, составляетъ предметъ медицинской науки; трудъ, обращенный на охраненіе правъ человѣка—предметъ юридической науки. Предметомъ политической экономіи служитъ та отрасль труда, которая обращена на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣческаго организма. Когда политическая экономія говоритъ просто „трудъ“, тутъ надобно понимать исключительно отрасль труда, обращенную на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка.

6. Эта отрасль труда, или, какъ мы для краткости говоримъ просто „трудъ“, подраздѣляется въ свою очередь на разные разряды, и возникаетъ нѣсколько классификацій труда, смотря по тому, какія стороны дѣла принимаются во вниманіе. Если мы обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ относится извѣстная частная форма труда къ производству предмета, пригоднаго къ удовлетворенію потребностей, то мы увидимъ, что нѣкоторыя формы труда употребляются прямо на окончательную выдѣлку предмета, нами потребляемаго—трудъ, прямо обращенный на производство этого предмета, или трудъ прямой; другія формы труда употребляются на изготовленіе матеріаловъ, обдѣлываемыхъ прямымъ трудомъ, или орудій и силъ, которыми онъ дѣйствуетъ, или обстановки, нужной для него, или на приготовленіе работника къ труду, или на приготовленіе содержанія для работника и проч.—трудъ, косвенно содѣйствующій производству предмета, косвенный трудъ (глава 2, §§ 1—7, стр. 35—44 и Обзоръ первыхъ трехъ главъ, стр. 76—77). Понятія, связанныя съ этою классификаціею, довольно привычны каждому въ образованномъ обществѣ, потому намъ нѣтъ надобности особенно настаивать на нихъ.

7. Точно тоже надобно сказать о другой классификаціи, дѣлящей трудъ по внѣшнимъ качествамъ производимыхъ имъ продуктовъ: если продуктами бываютъ матеріальные предметы или, точнѣе сказать, предметы, могущіе сохраняться довольно долго, трудъ называется производительнымъ, а если трудъ производитъ только мимолетныя явленія, исчезающія при самомъ своемъ возникновеніи, трудъ называется непроизводительнымъ (глава 2, §§ 1—4, стр. 46—52 и Обзоръ первыхъ трехъ главъ, стр. 81—82).

8. Обѣ эти классификаціи справедливы и не лишены нѣкоторой важности; но несравненно важнѣе ихъ обѣихъ классификація, основанная на разсмотрѣніи той экономической роли, къ какой способны продукты, основанная на различіи продуктовъ по тѣмъ качествамъ, которыя, съ экономической точки зрѣнія, представляются существенными и внутренними качествами ихъ. Есть продукты, пригодные на поддержаніе новаго производства; трудомъ, употребленнымъ на нихъ, благосостояніе общества поддер-

живается и увеличивается; потому трудъ, обращенный на производство такихъ предметовъ, мы называемъ выгоднымъ для общества или просто выгоднымъ. (Наука смотритъ на всѣ предметы съ точки зрѣнія общечеловѣческой или общественной, и должно само собою разумѣться, что, когда она говоритъ о выгодѣ, тутъ надобно понимать выгоду для общества, если не сдѣлано положительной оговорки, ограничивающей смыслъ слова). Другіе продукты непригодны на веденіе производства, потому для матеріальнаго общественнаго благосостоянія совершенно пропадаетъ обращенный на ихъ производство трудъ и все содержаніе этого труда, всѣ матеріалы и орудія его безвозвратно исчезаютъ изъ той суммы средствъ, отъ которой зависитъ общественное благосостояніе; этотъ трудъ долженъ называться убыточнымъ (Выгодное и убыточное для общества производство и потребленіе, стр. 59—70).

9. Классификація труда по его выгодности или убыточности для общества далеко не совпадаетъ съ обыкновеннымъ раздѣленіемъ труда на производительный и непроизводительный. Нѣкоторые разряды непроизводительнаго труда, то есть труда, продуктомъ котораго не бываютъ матеріальные предметы, чрезвычайно выгодны, потому что ими создаются силы и условія, необходимыя для производства; таковъ, напримѣръ, трудъ, обращенный на умственное или нравственное усовершенствованіе человѣка. За то очень многіе разряды производительнаго труда убыточны для общества, напримѣръ, трудъ, обращенный на производство предметовъ роскоши, и всякій вообще трудъ, вредный для физическихъ, умственныхъ или нравственныхъ силъ человѣка, занимающагося имъ; потому что трудъ этихъ разрядовъ имѣетъ своимъ результатомъ не увеличеніе, а уменьшеніе средствъ, дающихъ матеріальное благосостояніе обществу, т. е. уменьшеніе самаго благосостоянія общества. Напротивъ, это дѣленіе труда на выгодный и убыточный имѣетъ тѣсную связь съ обычнымъ дѣленіемъ потребленія на производительное и непроизводительное: выгоденъ тотъ трудъ, продукты котораго пригодны, убыточенъ тотъ, продукты котораго не пригодны на производительное потребленіе.

10. Итакъ, по внутреннимъ своимъ качествамъ, по существенному своему характеру продукты выгоднаго труда (развитыя физическія, умственныя или нравственныя силы человѣка, возникающій отъ надлежащаго ихъ состоянія хорошій общественный порядокъ, орудія производства, матеріалы производства, предметы, пригодные на потребленіе работниковъ) должны обращаться на производительное потребленіе. Достигаютъ ли они такого назначенія, требуемаго ихъ внутренними качествами, зависитъ отъ разныхъ условій и обстоятельствъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ и постояннымъ бываютъ общественныя учрежденія (законы). Та часть продуктовъ выгоднаго труда, которая не достигаетъ этой своей существенной цѣли, которая отвлекается отъ нея къ непроизводительному потребленію, пропадаетъ для матеріальнаго благосостоянія общества, подобно продуктамъ убыточнаго труда. Та часть, которая достигаетъ назначенія, сообразнаго съ ея коренными экономическими качествами, которая дѣйствительно идетъ на потребленіе производительное, называется капиталомъ.

11. Трудъ—единственный элементъ производства, лежащій въ организмѣ самаго человѣка; потому, съ человѣческой точки зрѣнія, всѣ продукты производства должны считаться продуктами исключительно труда. По строгой систематичности идей, понятіе вознагражденія относится скорѣе къ ученію о распредѣленіи, нежели къ ученію о производствѣ. Но отступленіе отъ точныхъ научныхъ пріемовъ въ изложеніи экономической теоріи,—отступленіе, свойственное всѣмъ послѣдователямъ Смитовской школы и состоящее въ подстановкѣ анализа второстепенныхъ феноменовъ вмѣсто анализа основныхъ фактовъ,—привело Милля къ соприкосновенію съ понятіемъ вознагражденія въ теоріи производства, и мы принуждены коснуться здѣсь этой стороны предмета, о которой собственно слѣдуетъ намъ говорить гораздо ниже, во второй и въ третьей частяхъ трактата, въ теоріи распредѣленія и обмѣна. Съ человѣческой точки зрѣнія, весь продуктъ обязанъ своимъ возникновеніемъ труду, стало быть, весь онъ долженъ составлять принадлежность того самаго организма, трудомъ котораго созданъ. Если въ созданіи продукта участвовалъ трудъ не одного, а многихъ человѣческихъ организмовъ, продуктъ долженъ распредѣляться между ними пропорціонально количеству труда, вложенному каждымъ изъ нихъ въ созданіе продукта. Это мы замѣчаемъ здѣсь только мимоходомъ, для предупрежденія читателя о характерѣ точной научной теоріи вознагражденія, а самое изложеніе этой теоріи оставляемъ до тѣхъ частей трактата, къ которымъ она собственно принадлежитъ (Обзоръ отдѣла о трудѣ, стр. 77—84).

12. Продуктъ возникаетъ изъ сочетанія трехъ основныхъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ вносится въ него человѣческимъ организмомъ, а два другіе внѣшнею природою: изъ матеріала, изъ силъ природы, преобразующихъ этотъ матеріалъ, и изъ труда, направляющаго дѣятельность силъ природы къ произведенію въ матеріалѣ именно такой перемѣны, какая нужна человѣку. Когда внѣшніе предметы и силы внѣшнихъ предметовъ, входящія въ производство продукта, созданы не трудомъ, а только самопроизвольною дѣятельностью природы, они не входятъ въ экономическій разсчетъ. Отступленіемъ изъ этого принципа, основаннаго на сущности дѣла, являются тѣ случаи, когда матеріалы или силы природы, существующія независимо отъ труда, доставляются природою, или въ количествѣ, допускающемъ обращеніе ихъ подъ власть отдѣльныхъ людей, или даже въ количествѣ меньшемъ того, какое было бы нужно людямъ; въ этихъ случаяхъ, при извѣстномъ состояніи общества, возникаетъ монополія такихъ предметовъ и силъ (глава I, § 4). Понятіе монополіи относится собственно не къ производству, а къ распредѣленію и обмѣну, и мы здѣсь только предварительно упоминаемъ о немъ, оставляя до тѣхъ частей трактата, къ которымъ оно собственно относится, разсмотрѣніе экономической роли этого феномена и объясненіе степени его соотвѣтственности съ потребностями человѣка и съ экономическимъ разсчетомъ. Кромѣ этихъ случаевъ отступленій отъ принципа, лежащаго въ сущности дѣла, отступленій, называемыхъ монополіями, внѣшніе предметы и силы внѣшнихъ предметовъ входятъ въ экономическій разсчетъ лишь тогда, когда бываютъ продуктами

труда, и должны входить въ него пропорціонально количеству труда, употребленнаго на ихъ созданіе.

13. Такимъ образомъ экономическая теорія предоставляетъ естественнымъ наукамъ и технологическимъ ихъ приложеніямъ изслѣдованіе пригодныхъ къ производству предметовъ и силъ внѣшней природы, а сама занимается только трудомъ и его отношеніями къ внѣшней природѣ; предметы и силы внѣшней природы разсматриваетъ она только съ той стороны, съ которой они бываютъ продуктами труда, да и тутъ обращаетъ вниманіе собственно только на то, какъ входятъ они въ экономическій разсчетъ труда.

14. Итакъ, предметомъ изслѣдованій экономической теоріи служитъ трудъ въ двухъ формахъ; объ одной изъ нихъ, въ которой онъ является производящею дѣятельностью, мы уже говорили. Теперь мы должны обратиться къ другой формѣ его, когда онъ, реализировавшись въ матеріальныхъ продуктахъ, содѣйствующихъ дальнѣйшему производству, называется капиталомъ. Для человѣка, желающаго достичь вѣрнаго взгляда на экономическія явленія, чрезвычайно важно утвердиться въ научномъ понятіи о капиталѣ, какъ о массѣ продуктовъ, пригодныхъ на производство и дѣйствительно употребляемыхъ на производство, и совершенно очистить свою мысль отъ вліянія ошибочныхъ сужденій, навѣваемыхъ спутываніемъ научнаго понятія о капиталѣ съ меркантильными оттѣнками значенія этого слова въ разговорномъ языкѣ (Милль, книга I, глава 4, стр. 88—96 и Анализъ понятія капитала, стр. 132—141).

15. Утвердившись въ научномъ понятіи о капиталѣ, мы безъ всякаго труда увидимъ справедливость той основной теоремы ученія о капиталѣ, что размѣръ производства въ данной странѣ опредѣляется размѣромъ капитала, существующаго въ ней, то есть количествомъ продуктовъ, идущихъ на производство. Увеличить производство страны, служащее основаніемъ ея благосостоянію, можно только путемъ увеличенія капитала, то есть массы продуктовъ, достающихся на потребленіе работниковъ или употребляемыхъ на производство въ видѣ орудій и матеріаловъ (глава 5, § 1, стр. 97). Эта цѣль можетъ быть достигаема, кромѣ усовершенствованія производительныхъ процессовъ, составляющихъ предметъ технологіи, еще тремя способами, принадлежащими кругу предметовъ экономической теоріи. Во-первыхъ, уменьшеніемъ той пропорціи продуктовъ, пригодныхъ на капиталъ, которая отвлекается отъ этого назначенія, иначе сказать, сокращеніемъ непроизводительнаго потребленія и перенесеніемъ рабочихъ силъ отъ убыточнаго труда къ выгодному (Анализъ понятія капитала, стр. 142—146); во-вторыхъ, доставленіемъ работнику возможности обращать на домашнія издѣлія тѣ мелкіе промежутки времени, которые остаются у него праздными отъ занятія кореннымъ его промысломъ (примѣчаніе на стр. 98); въ третьихъ, возбужденіемъ большей энергіи въ трудѣ, которая бываетъ пропорціональна хорошимъ качествамъ общественныхъ учрежденій и размѣру доли продукта, поступающей въ руки работника (примѣчанія 19 и 20, на стр. 108—110 и прибавленіе къ примѣчанію Милля, на стр. 112—113).

16. При ясномъ сознаніи отношеній производства къ потребленію, при сознаніи того, что потребленіе работниковъ можетъ возрастать до степени гораздо высшей, нежели на какой стоитъ нынѣ, и что каждое возрастаніе въ ихъ потребленіи будетъ сопровождаться возрастаніемъ производства, невозможно усомниться въ томъ, что непроизводительное потребленіе, то есть потребленіе продуктовъ труда не лицами, трудившимися надъ производствомъ продукта, приноситъ обществу вредъ, и что всякое уменьшеніе непроизводительнаго потребленія ведетъ къ возрастанію производства (глава 5, § 3, стр. 99—101 и Анализъ понятія капитала, стр. 142—146).

17. Неудовлетворительность терминологіи, принятой въ школѣ Смита, видна между прочимъ и на терминѣ, которымъ характеризуется путь возникновенія капитала: въ школѣ Смита принято говорить, что капиталъ образуется сбереженіемъ, между тѣмъ какъ въ сущности гораздо сильнѣе простаго сбереженія тутъ дѣйствуетъ производительное потребленіе: школа Смита принуждена объяснять, что въ ея теоріи слово „сберегать“ употребляется вмѣсто выраженія: „потреблять производительнымъ образомъ“. Страна поддерживаетъ и увеличиваетъ свое благосостояніе только тѣмъ, что капиталъ ея быстро потребляется производительнымъ образомъ, или, точнѣе сказать, только постояннымъ продолженіемъ и развитіемъ выгоднаго труда (глава 5, §§ 4—7, стр. 102—109).

18. Наоборотъ, каждое, даже кратковременное расширеніе непроизводительнаго потребленія на счетъ производительнаго или расширеніе убыточнаго труда насчетъ выгоднаго наноситъ странѣ убытокъ несравненно большій, нежели та сумма продуктовъ, которая отвлечена такимъ образомъ отъ выгоднаго потребленія къ убыточному, потому что этимъ фактомъ не только губятся уже изготовленные продукты труда, но, что еще важнѣе, отнимаются средства къ продолженію выгоднаго труда. Этимъ не только губится уже созрѣвшая жатва, но также портится самая почва, дающая жатвы, и истребляются сѣмена, изъ которыхъ должны выростать будущія жатвы (гл. 5, § 8, стр. 109—114).

19. Если въ нашемъ соображеніи ясно и неуклонно держится точное научное понятіе о капиталѣ, мы очень легко поймемъ, что трудъ содержится капиталомъ, то есть продуктами, идущими на его содержаніе,—а не запросомъ на продукты, изготовляемые этимъ трудомъ, и что запросомъ на товары опредѣляется вовсе не количество труда, то есть не общее число работниковъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ, продовольствующихся платою за производительный трудъ, а только то, въ какой пропорціи распредѣляется это число рабочихъ между производствами разныхъ товаровъ [33]) (глава 5, § 9; 115—121).

---

[33]) Много разъ мы замѣчали сбивчивость, вносимую въ изложеніе принциповъ политической экономіи тѣмъ, что послѣдователи Смита слишкомъ часто забываютъ обращать анализъ на коренную сущность дѣла, останавливаясь на второстепенныхъ симптомахъ его и вмѣсто пріемовъ строго научныхъ употребляютъ поверхностный меркантильный методъ. Милль, менѣе всѣхъ континентальныхъ послѣдователей Смита грѣшащій этимъ недостаткомъ, все еще слишкомъ много грѣшитъ имъ, и дурныя послѣдствія поверхностнаго метода въ очень широкомъ размѣрѣ проявля-

20. Изъ того, что запросъ на товаръ не увеличиваетъ благосостоянія работниковъ, прямо слѣдуетъ, что совершенно ошибочна очень распространенная мысль, будто-бы извѣстный классъ приноситъ другимъ классамъ или всей націи пользу своимъ потребленіемъ: нѣтъ, потребленіе не прино-

---

ются у него, напримѣръ, при изложеніи этой теоремы. Попробуемъ анализировать сущность дѣла.

Общество имѣетъ въ данномъ году извѣстное количество хлѣба, мяса, молока, простыхъ сортовъ одежды, простыхъ помѣщеній и другихъ предметовъ, которые нужны на содержаніе работниковъ. Изъ этихъ вещей извѣстная часть идетъ на содержаніе производительныхъ работниковъ, и только она составляетъ капиталъ. Другая часть тѣхъ же вещей, идущая на содержаніе непроизводительныхъ работниковъ или людей вовсе не работающихъ, не составляетъ капитала, а служитъ предметомъ непроизводительнаго потребленія. Какое же количество работниковъ будетъ въ этомъ году въ этомъ обществѣ содержаться при занятіи производительнымъ трудомъ? Дѣло ясное, что при этомъ занятіи будетъ содержимо только то число работниковъ, какое можетъ быть содержимо идущею на ихъ содержаніе частью хлѣба, мяса, одежды и т. д.; а именно эта часть и составляетъ капиталъ; потому, разумѣется, работники эти содержатся капиталомъ, а не чѣмъ нибудь инымъ, и, напримѣръ, не запросомъ на товары. Если капиталъ не увеличивается, не можетъ увеличиваться и число производительныхъ работниковъ. Запросомъ на товары, какъ явно изъ этого, опредѣляется только характеръ работы, а не число работниковъ. Если, напримѣръ, на пищу работника нужно 2 четверти хлѣба въ годъ, и если на содержаніе производительныхъ работниковъ употребляется 100 четвертей, то будутъ имѣть содержаніе и работу 50 работниковъ. Запросъ на товары будетъ опредѣлять только, какими работами какая пропорція изъ этого числа работниковъ будетъ занята. Если, напримѣръ, запросъ на бархатъ будетъ составлять одну пятую часть всей суммы запроса на всѣ товары, запросъ на хлѣбъ и мясо двѣ пятыхъ, а остальныя двѣ пятыя части всей суммы запроса будутъ составлять запросъ на остальные товары, то изъ 50 работниковъ десятеро будутъ заняты выдѣлкою бархата, 20 человѣкъ—производствомъ хлѣба и мяса, остальные 20—выдѣлкою всѣхъ другихъ товаровъ, также по пропорціи запроса на каждый изъ нихъ. Если пропорція запроса на разные товары измѣнится, измѣнится и пропорція, по которой эти 50 человѣкъ распредѣляются между разными производительными работами

Вотъ въ этомъ и все дѣло; оно такъ просто, что вполнѣ излагается, объясняется и доказывается на слѣдующихъ четырехъ съ половиною строкахъ:

Количество производительныхъ работниковъ не можетъ быть больше того, какое можетъ содержаться на предоставляемые этимъ работникамъ предметы продовольствія; предоставляемые производительнымъ работникамъ предметы продовольствія составляютъ капиталъ; и такъ число работниковъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ, опредѣляется размѣромъ капитала.

Вмѣсто того, чтобы обратиться прямо и просто къ этому коренному факту, Милль берется за изложеніе дѣла лишь посредствомъ анализа второстепенныхъ симптомовъ его; потому изложеніе сильно запутывается. Онъ разбираетъ одинъ симптомъ и доходитъ до своего заключенія,—но тутъ представляются разныя сомнѣнія и возраженія по неудовлетворительности перваго анализа. Чтобы опровергнуть ихъ, онъ долженъ браться за другіе симптомы, съ ними повторяется та же исторія, и вопросъ остается запутаннымъ до самаго конца. Ближе всего подходитъ къ сущности дѣла примѣръ, представляемый Миллемъ въ примѣчаніи на страницахъ 200 и 201,—примѣръ двухъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ одинъ обращаетъ свой доходъ на содержаніе работниковъ, а другой на свой собственный столъ. Доказательство это, данное послѣ многихъ недостаточныхъ разъясненій, одно излагаетъ наконецъ въ истинномъ научномъ видѣ ту сторону дѣла, на которую обращено вниманіе Милля. Но, запутавъ самъ для себя сущность вопроса предшествующимъ поверхностнымъ изложеніемъ, Милль и тутъ забылъ обстоятельство очень важное: онъ не опредѣляетъ характера производительнаго труда, которымъ заняты работники, и оттого вовлекается въ недосмотръ, отнимающій почти всю силу у доказываемой имъ теоремы.

Положимъ, говоритъ Милль, что землевладѣлецъ А, получая ренту натурою, расходуетъ ее на содержаніе работниковъ. Положимъ, что фермеру дается предувѣдомленіе какими продуктами потребуется уплата ренты. Продуктомъ, производимымъ для уплаты ренты, будетъ въ этомъ случаѣ хлѣбъ, которымъ будетъ содержать своихъ работниковъ А.—Если вмѣсто А явится новый владѣлецъ В, который захочетъ потреблять ренту въ видѣ гастрономическихъ блюдъ за своимъ собственнымъ столомъ, фермеръ долженъ будетъ на производство этихъ дорогихъ припасовъ, потребляемыхъ лично однимъ В, употребить ту часть

ситъ пользы никому кромѣ потребляющаго. Другіе люди могутъ получать пользу только отъ того, что производитъ человѣкъ, а не отъ того, что онъ потребляетъ. Если потребленіе служитъ извѣстному человѣку или классу источникомъ производства (производительное потребленіе, иначе сказать,

---

труда, которая прежде производила хлѣбъ, шедшій въ ренту А и продовольствовавшій работниковъ А. Теперь хлѣба на продовольствіе этихъ работниковъ уже не будетъ производиться.—Совершенно такъ.—Но, продолжаетъ Милль, если В не будетъ въ первый годъ брать ренты, а оставитъ ее у фермера, фермеръ употребитъ ее на продовольствіе бывшихъ работниковъ А, которые, продовольствуясь по прежнему, произведутъ на второй годъ роскошные продукты для стола В, и положеніе работниковъ останется такое же, какъ было при А.—Вотъ этого заключенія, что положеніе работниковъ не измѣнится, нельзя сдѣлать, не зная того, какимъ трудомъ занимались работники А: если они работали въ его оранжереѣ, положеніе дѣлъ при В дѣйствительно не измѣнится; но если они занимались хлѣбопашествомъ, то измѣнится. Мы это сейчасъ увидимъ, если не полѣнимся сосчитать.

Введя подразличеніе, о которомъ забываетъ Милль, мы имѣемъ не три, какъ онъ, а уже четыре разныхъ случая:

1) Ренту составляютъ гастрономическіе припасы и она требуется безъ отсрочки; 2) ренту составляютъ гастрономическіе припасы, и фермеру дается годичная отсрочка въ ея уплатѣ; 3) ренту составляетъ хлѣбъ, идущій на содержаніе оранжереи и 4) ренту составляетъ хлѣбъ, идущій на веденіе хлѣбопашества. У Милля есть три первые случая, но четвертаго нѣтъ, а въ немъ то и раскрывается истинное значеніе теоремы, важность которой онъ такъ высоко цѣнитъ—это намъ будетъ видно изъ слѣдующихъ счетовъ.

1) Если владѣлецъ В, требующій ренту гастрономическими припасами, не даетъ фермеру годовой отсрочки, то, полагая, что рента составляетъ одну треть всего продукта, и что у фермера 30 работниковъ, мы увидимъ, что фермеръ долженъ 10 человѣкъ изъ нихъ употребить на производство гастрономическихъ припасовъ, а на хлѣбопашество только 20. Если каждый хлѣбопашецъ производитъ 6 четвертей хлѣба, а на содержаніе работника нужно 4 четверти, то помѣстье производитъ 120 четвертей и содержитъ 30 работниковъ.

2) Если В дастъ фермеру на первый годъ отсрочку въ уплатѣ, фермеръ всѣхъ 30 человѣкъ своихъ работниковъ займетъ въ этомъ году хлѣбопашествомъ; они произведутъ (по 6 четвертей) 180 четвертей; на ихъ содержаніе будетъ нужно (по 4 четверти) 120 четвертей; на остальныя 60 четвертей фермеръ во второмъ году будетъ содержать 15 человѣкъ другихъ работниковъ, производящихъ гастрономическіе припасы для В. Итакъ, помѣстье производитъ 180 четв. и содержитъ 45 работниковъ.

3) Теперь тотъ случай, когда А, берущій ренту хлѣбомъ, содержитъ на нее работниковъ при оранжереѣ. У фермера 30 работниковъ; они всѣ заняты хлѣбопашествомъ, и производятъ 180 четвертей; 120 четв. потребляютъ сами, 60 четвертей фермеръ отдаетъ въ ренту; на нее А содержитъ 15 человѣкъ работниковъ при своей оранжереѣ. Помѣстье, какъ въ предыдущемъ случаѣ, производитъ 180 четв. хлѣба и содержитъ 45 человѣкъ работниковъ.

Милль имѣлъ въ виду эти три случая, и, какъ видимъ, былъ совершенно правъ, утверждая, что второй случай одинаковъ съ третьимъ, но что между ними и первымъ случаемъ есть существенная разница. Но еще больше разницы между ними и четвертымъ случаемъ, когда рента идетъ на хлѣбопашество, потому что—

4) Тутъ съ каждымъ годомъ быстро возрастаетъ продовольствіе, производимое помѣстьемъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ первыхъ трехъ случаяхъ оно оставалось неподвижно. Въ самомъ дѣлѣ, при этомъ порядкѣ дѣлъ мы имѣемъ такое развитіе:

а) Первый годъ. Фермеръ, имѣя 30 работниковъ, производитъ 180 четвертей; изъ нихъ на 120 содержитъ своихъ 30 работниковъ, а 60 отдаетъ въ ренту; на нихъ А содержитъ 15 хлѣбопашцевъ. Они производятъ, по 6 четвертей, 90 четвертей. Итого, ко второму году въ помѣстьѣ произведено: 180 четвертей работниками фермера, 90 четвертей работниками землевладѣльца, всего 270 четвертей.

б) Второй годъ. Фермеръ, имѣя остающихся у себя 120 четвертей, содержитъ по прежнему 30 работниковъ, производящихъ опять 180 четвертей. Землевладѣлецъ, имѣя сверхъ 60 четвертей, полученныхъ въ ренту отъ фермера, еще 90 четвертей, произведенныхъ его собственными работниками, всего 150 четвертей, содержитъ на нихъ уже не 15 работниковъ, какъ прежде, а 37,5 работниковъ (150: 4=37,5); они произведутъ ему 225 четвертей. Итого, помѣстье во 2-й годъ производитъ 405 четвертей (180+225) и содержитъ 67,5 работниковъ (30+37,5).

в) Третій годъ. Производство фермера остается въ прежнемъ видѣ; землевладѣлецъ, имѣя всего 285 четвертей (60 четв. ренты и 225 произведенныхъ его работниками), содержитъ уже 71,25 работниковъ (285: 4=71,25); они произведутъ ему

обращеніе продуктовъ въ капиталъ), это потребленіе, ведущее къ усиленію производства, дѣйствительно выгодно для общественнаго благосостоянія. Но потребленіе непроизводительное не имѣетъ этого дѣйствія. Оно составляетъ чистую потерю для общества и потому налоги, сокращающіе непроизводительное потребленіе, каковъ, напримѣръ, налогъ на доходы въ Англіи, никакъ не уменьшаютъ, а часто даже увеличиваютъ капиталъ страны, не вредятъ, а приносятъ пользу рабочимъ классамъ (глава V, § 10, стр. 121—123).

21. Вопросъ о вліяніи машинъ на судьбу рабочаго класса даетъ практическую важность подраздѣленію капитала на оборотный, потребляемый и воспроизводимый одною операціею производства, и основной капиталъ,

---

427,5 четвертей. Всего помѣстье производитъ 607,5 четв. (180+427,5) и содержитъ 101,25 работниковъ.

Этотъ быстрый ростъ производства и числа работниковъ будетъ продолжаться и въ слѣдующіе годы.

(Мы здѣсь не принимаемъ въ разсчетъ Мальтусову теорему объ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда пропорціонально возрастанію числа работниковъ, потому что, по мысли самого Милля, гипотеза, занимающая теперь насъ, должна быть построена какъ можно проще, а введеніе въ нее Мальтусовой теоремы очень усложнило бы вычисленія. Но скажемъ, что она лишь нѣсколько уменьшила бы пропорцію возрастанія продукта и числа работниковъ, а не измѣнила бы основнаго характера разницы между четвертымъ и тремя первыми случаями. Именно, по ней мы получили бы въ четвертомъ случаѣ:

Годы.	Число работниковъ.	Производство хлѣба въ четвертяхъ.
1	45	225
2	56,25	270
3	67,50	315

Обѣ цифры, остававшіяся неподвижными въ первыхъ трехъ случаяхъ, здѣсь все-таки, какъ видимъ, возрастаютъ.—Истинный характеръ закона, указываемаго Мальтусовою теоремою, и его вліяніе на земледѣльческое производство мы разберемъ въ замѣчаніяхъ на 10, 12 и 13 главы первой книги Милля; теперь же только предупреждаемъ читателя, что смыслъ факта, замѣченнаго Мальтусомъ, вовсе не таковъ, какъ думалъ самъ Мальтусъ, а что его теорема ведетъ не къ тѣмъ страшнымъ заключеніямъ, какія выводились изъ нея людьми, непривычными разбирать смыслъ алгебраическихъ уравненій, а просто къ сильнѣйшему разъясненію необходимости усилить выгодное и уменьшить убыточное производство).

Изъ сравненія этихъ четырехъ случаевъ мы получаемъ такіе выводы:

Когда безъ всякой отсрочки часть производительныхъ силъ отвлекается отъ занятій, продуктами которыхъ содержатся производительные работники, на занятія, продукты которыхъ идутъ въ потребленіе непроизводительныхъ членовъ общества, капиталъ уменьшается; сообразно тому уменьшаются величина продукта и число людей, находящихъ себѣ пропитаніе въ данномъ обществѣ (выводъ изъ сравненія перваго случая съ третьимъ).

Если однакоже при этомъ обращеніи части производительныхъ силъ отъ производства продуктовъ для работниковъ на производство продуктовъ для праздныхъ, дается отсрочка, равная полному обороту производительнаго процесса (напримѣръ, въ хлѣбопашествѣ—годичная отсрочка), то капиталъ, величина продукта и число работниковъ не уменьшаются (сравненіе 2-го случая съ 3-имъ).

Но и въ этомъ случаѣ, да и вообще всегда, когда извѣстная (опредѣляемая степенью производительности земледѣльческаго труда) часть производительныхъ работниковъ занята убыточнымъ производствомъ, капиталъ общества не возрастаетъ; для того, чтобы капиталъ возросталъ, чтобы число работниковъ также возрастало безъ уменьшенія ихъ продовольствія, нужно, чтобы производительные работники обращались отъ занятія убыточнымъ производствомъ къ выгодному производству (сравненіе 4-го случая съ 3-имъ).

Этотъ послѣдній выводъ и есть самый важный: въ немъ открывается существенный смыслъ изложенной Миллемъ теоремы о зависимости числа работниковъ отъ величины капитала. Этимъ выводомъ говорится: если состояніе общества неудовлетворительно, причины тому надобно бываетъ искать въ неудовлетворительномъ распредѣленіи рабочихъ силъ между выгоднымъ и убыточнымъ производствами.

служащій цѣлому длинному ряду производственныхъ операцій, такъ что каждою изъ нихъ можетъ воспроизводиться лишь нѣкоторая, часто очень незначительная часть его. Главная часть оборотнаго капитала состоитъ въ продовольствіи работниковъ. Если часть оборотнаго капитала переходитъ въ основной, это значитъ, что та сумма продовольствія, которая ежегодно потреблялась и воспроизводилась работниками, берется изъ ихъ потребленія, чтобы впослѣдствіи воспроизводиться лишь гораздо меньшими частями. Потому безъ вреда для работниковъ можетъ поступать въ основной капиталъ только тотъ излишекъ ежегодныхъ новыхъ сбереженій, какой остается за полнымъ воспроизведеніемъ прежняго оборотнаго капитала, съ прибавкою процента соотвѣтствующаго приращенію населенія страны (глава VI, стр. 123—131).

22. Если изложеніе понятій, обзоръ которыхъ мы теперь представили, потребовало цѣлыхъ 208 стр., вмѣсто какихъ нибудь 30 *), эта длиннота произошла отъ неудовлетворительныхъ пріемовъ поверхностнаго анализа, которымъ часто хочетъ ограничиваться Милль, разсматривая экономическія явленія, какъ они представляются въ меркантильномъ свѣтѣ обмѣна при посредствѣ денегъ, или смѣшивая временныя формы экономическаго устройства съ коренною сущностью явленій, проходящихъ нынѣ черезъ эти формы въ извѣстныхъ странахъ, проходящихъ чрезъ другія формы въ другихъ странахъ и проходившихъ черезъ третьи формы въ прежнія времена. Такое смѣшеніе сущности дѣла съ поверхностными симптомами очень часто производитъ у писателей Смитовской школы сбивчивую длинноту, на распутываніе которой также приходится употреблять много страницъ; но эти длинныя распутыванія могутъ быть нужны только для людей, еще не совершенно свыкшихся съ основнымъ пріемомъ и основною идеею Смитовской теоріи, которымъ далеко не всегда остается вѣрна школа, называющаяся Смитовскою. Коренной пріемъ, утвержденіе котораго въ наукѣ составляетъ одно изъ правъ Адама Смита на славу, заключается въ томъ, чтобы экономическіе феномены, имѣющіе очень многосложный видъ при нынѣшнемъ устройствѣ, разлагать на простѣйшіе элементы, лежащіе въ ихъ основаніи, составляющіе ихъ сущность. Коренная идея науки, находимая при помощи этого пріема, заключается въ томъ, что трудъ есть единственный источникъ производства съ человѣческой точки зрѣнія. Другой элементъ, которымъ человѣкъ можетъ участвовать въ производствѣ, капиталъ, составляетъ только видоизмѣненіе труда и притомъ видоизмѣненіе очень мимолетное, исчезаетъ чрезвычайно быстро, такъ что поддерживается лишь постояннымъ воспроизведеніемъ чрезъ трудъ и по сущности дѣла не имѣетъ ни малѣйшей независимости отъ труда, который одинъ и создаетъ и сохраняетъ его. Изъ этого легко видѣть, что всякая претензія приписывать капиталу не только преобладаніе надъ трудомъ, но хотя бы какую нибудь самостоятельность, должна считаться уклоненіемъ отъ нормальнаго экономическаго порядка. Какъ по своему происхожденію, такъ и по самымъ условіямъ возможности длить свое существованіе, капиталъ въ сущности дѣла не больше, какъ только принадлежность труда.

*) Въ „Современникѣ“.—*Примѣч. издателя.*

ГЛАВА VII.

Условія производительности элементовъ производства.

1. Мы кончили общій обзоръ элементовъ производства. Мы нашли, что они подводятся подъ три разряда: трудъ, капиталъ, матеріалы и двигательныя силы, доставляемыя природою. Изъ нихъ, трудъ и природный необработанный матеріалъ—первоначальные элементы, безъ которыхъ нельзя обойтись. Двигательныя силы природы могутъ быть призваны на помощь труду; но онѣ только помогаютъ производству, оно можетъ обходиться и безъ нихъ. Наконецъ, послѣдній элементъ, капиталъ, самъ продуктъ труда: и такъ, его дѣятельность въ производствѣ есть въ сущности тоже дѣятельность труда, только принявшаго иную форму. Но тѣмъ не менѣе, капиталъ долженъ считаться особеннымъ элементомъ производства. Предварительное приложеніе труда на производство капитала, нужнаго для потребленія во время работы, столь же необходимо, какъ и приложеніе труда на самую работу. Въ капиталѣ опять различаются двѣ части: одна, по размѣру гораздо большая другой, способствуетъ производству только тѣмъ, что поддерживаетъ существованіе производящаго труда; другая часть (орудія и матеріалы) прямо содѣйствуютъ производству, тѣмъ самымъ способомъ, какъ содѣйствуютъ ему силы природы и доставляемые природою матеріалы.

Теперь мы дошли до другаго великаго вопроса политической экономіи: отъ чего зависитъ степень производительности этихъ элементовъ? Вопросъ возбуждается очевидностью большаго различія ихъ производительности въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. При одинаковомъ размѣрѣ населенія и территоріи, однѣ страны получаютъ гораздо большую массу продуктовъ, чѣмъ другія; одна и та же страна въ одно время получаетъ большую массу продуктовъ, чѣмъ въ другое. Сравните Англію съ равною ей по пространству или по населенію частью Россіи; сравните нынѣшнюю Англію съ средневѣковою Англіею; сравните нынѣшнюю Сицилію, сѣверную Африку или Сирію съ тѣмъ, что были эти же самыя страны во времена своего процвѣтанія, до завоеванія римлянами. Изъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ эта разница въ производительности, однѣ сами собою явны для всякаго, другія не такъ прямо бросаются въ глаза. Мы перечислимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

2. Самую явную изъ причинъ болѣе высокой производительности составляютъ такъ называемыя естественныя преимущества. Они бываютъ различны. Плодородность почвы одно изъ главныхъ между ними. Въ этомъ отношеніи разныя земли очень различны, начиная съ арабскихъ пустынь до равнинъ Ганга, Нигера и Миссисипи, образовавшихся изъ осадковъ рѣчнаго ила. Есть страны, способныя быть обитаемыми, но по своей холодности недоступныя земледѣлію. Ихъ жители не могутъ подняться выше кочеваго состоянія; пропитываются они, какъ, напримѣръ, лапландцы, стадами оленей,

если не охотою и рыболовствомъ, какъ жалкіе эскимосы. Есть земли, какъ, напримѣръ, сѣверная часть Шотландіи, въ которыхъ созрѣваетъ овесъ, но не созрѣваетъ пшеница; въ другихъ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи, пшеница можетъ рости, но даетъ слишкомъ невѣрную жатву, оттого что бываетъ слишкомъ много дождя и мало яснаго времени. Съ каждымъ шагомъ на югъ, или въ умѣренной полосѣ (западной) Европы на востокъ, становится сначала возможна, а дальше и выгодна какая-нибудь новая отрасль земледѣлія: постепенно мы встрѣчаемъ виноградъ, маисъ, фиговое дерево, оливковое дерево, шелковичное дерево, рисъ, финиковое дерево, наконецъ достигаемъ сахарнаго тростника, кофе, хлопчато-бумажнаго кустарника, гвоздичнаго дерева въ климатахъ, которые въ годъ даютъ даже при малой обработкѣ двѣ или и три жатвы менѣе высокихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Не для одного земледѣлія важны климатическія различія: ихъ вліяніе чувствуется на многихъ другихъ отрасляхъ производства въ степени прочности всѣхъ продуктовъ, стоящихъ на воздухѣ, напримѣръ, зданій. Если бы храмы Карнака и Луксора не были повреждены людьми, они остались бы въ первоначальной цѣлости, можно сказать, навсегда, потому что надписи, находящіяся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя и сдѣланы еще до начала достовѣрныхъ историческихъ временъ, сохранились свѣжѣе, чѣмъ въ нашихъ климатахъ надписи, сдѣланныя за пятьдесятъ лѣтъ; а въ Петербургѣ самыя массивныя зданія, построенныя изъ гранита всего за одно поколѣніе, уже почти требуютъ перестройки, по разсказамъ путешественниковъ, отъ дѣйствія переходовъ изъ лѣтняго зноя къ сильному морозу. Превосходство тканей южной Европы надъ англійскими по богатству и чистотѣ нѣкоторыхъ цвѣтовъ приписывается тому, что атмосфера въ южной Европѣ лучше, и ни технологія, ни искусство красильщиковъ не могло до сихъ поръ въ нашемъ туманномъ климатѣ замѣнить этого преимущества.

Другая сторона климатическаго вліянія состоитъ въ томъ, что лучшій климатъ уменьшаетъ матеріальныя надобности производителей. Въ жаркихъ странахъ люди могутъ удобно существовать въ домахъ, построенныхъ не такъ прочно, и съ одеждою менѣе теплою; топливо тамъ нужно почти только для промышленнаго употребленія, а для жизни тамъ ненужна эта необходимость холодныхъ климатовъ. Пищи также нужно тамъ меньше; этотъ фактъ давно былъ доказанъ опытомъ, когда еще теорія и не объясняла его тѣмъ наблюденіемъ, что большая часть потребляемой нами пищи нужна не собственно для питанія органовъ, а для поддержанія животной теплоты и для доставленія жизненнымъ функціямъ того возбужденія, которое въ жаркихъ климатахъ уже почти въ достаточной степени дается воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ. Такимъ образомъ большое количество труда, расходуемое въ холодныхъ климатахъ на добываніе первыхъ необходимостей жизни, не нужно въ жаркихъ климатахъ и остается въ нихъ большее количество труда на высшія потребности и на удовольствія, если характеръ жителей не ведетъ ихъ къ потерѣ этихъ выгодъ излишнимъ размноженіемъ населенія или любовью къ бездѣйствію.

Кромѣ почвы и климата, изъ числа естественныхъ преимуществъ надобно упомянуть объ изобиліи минеральныхъ продуктовъ, лежащихъ въ удобныхъ положеніяхъ, такъ что можно добывать ихъ довольно легко. Таковы великобританскіе каменноугольные пласты, служащіе для жителей столь важнымъ вознагражденіемъ за невыгоды климата; почти столь же изобиленъ и важенъ для Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ огромный запасъ желѣзной руды, удобной для выплавки, лежащей не очень глубоко подъ поверхностью земли и въ близкомъ сосѣдствѣ съ каменноугольными пластами,

нужными для выплавки ея. Въ горныхъ и холмистыхъ округахъ изобиліе водяной двигательной силы, даваемой природою, служитъ значительнымъ вознагражденіемъ за то, что почва въ этихъ странахъ обыкновенно бываетъ не очень плодородна. Но едва-ли не важнѣе всѣхъ этихъ выгодъ приморское мѣстоположеніе, особенно когда по берегамъ есть хорошія естественныя гавани; послѣ приморскаго мѣстоположенія важнѣйшую выгоду составляютъ большія судоходныя рѣки. Правда, что польза отъ моря и отъ большихъ рѣкъ состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ сберегаютъ расходы по перевозкѣ. Но только люди, размышлявшіе объ этомъ предметѣ, вполнѣ понимаютъ, какая огромная экономическая выгода приносится такимъ сбереженіемъ, и оцѣнить ее надлежащимъ образомъ можно только, сообразивъ вліяніе обмѣна и такъ называемаго раздѣленія труда на производство. Эта выгода такъ важна, что часто съ избыткомъ вознаграждаетъ за безплодіе почвы и почти за всѣ другія естественныя невыгоды; въ особенности относится это къ тому раннему періоду промышленности, когда трудъ и наука еще не создали искусственныхъ средствъ сообщенія, могущихъ соперничать съ естественными. Въ древнемъ мірѣ и въ Средніе вѣка самыми цвѣтущими обществами были не тѣ, которыя имѣли наибольшую территорію или плодороднѣйшую почву, а тѣ, которыя, какъ Аѳины, Тиръ, Марсель, Венеція, вольные города Балтійскаго моря, были принуждены безплодіемъ почвы обращаться къ извлеченію всей возможной пользы изъ своего удобнаго приморскаго положенія.

3. Преимущество, доставляемое при равенствѣ другихъ условій всѣми этими естественными выгодами, такъ очевидно, что каждый цѣнитъ его надлежащимъ образомъ. Но опытъ свидѣтельствуетъ, что качества и способности самаго общества еще важнѣе для него, чѣмъ естественныя выгоды, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ онѣ важнѣе богатства и знатности. Богатѣйшими и могущественнѣйшими націями всегда были не тѣ, которыя обладали наилучшимъ климатомъ и почвою;—напротивъ, масса народа въ націяхъ, имѣвшихъ величайшія выгоды почвы и климата, вообще бывала и остается очень бѣдна, хотя при всей своей бѣдности она, вѣроятно, больше наслаждается, чѣмъ масса у другихъ націй. Въ этихъ странахъ для поддержанія жизни надобно такъ мало, что бѣдняки рѣдко страдаютъ отъ нужды, и въ этихъ климатахъ, гдѣ самое существованіе служитъ уже наслажденіемъ, любимая ихъ роскошь—бездѣйствіе. Энергіи вызываемой страстями у нихъ много, но нѣтъ той энергіи, которая выражается упорнымъ и настойчивымъ трудомъ; рѣдко заботясь объ отдаленныхъ цѣляхъ, они не могутъ установить у себя хорошихъ политическихъ учрежденій, и промышленныя побужденія ослабляются въ нихъ недостаточнымъ обезпеченіемъ плодовъ промышленности. Успѣшность въ производствѣ, подобно успѣху почти во всѣхъ другихъ дѣлахъ, зависитъ отъ самихъ дѣйствующихъ больше, чѣмъ отъ обстоятельствъ, въ которыхъ они дѣйствуютъ; а физическая и умственная энергія развивается затрудненіями, а не отсутствіемъ препятствій. Почти всѣ племена, завоевавшія другія племена и заставившія ихъ работать въ свою пользу, воспитались суровою жизнью; они были вскормлены въ сѣверныхъ лѣсахъ или, если природная ихъ жизнь не была сурова, они придавали ей искусственную суровость строгою военною дисциплиною, какъ было у грековъ и римлянъ. Когда положеніе нынѣшняго общества дозволило оставить эту дисциплину, югъ пересталъ производить племена завоевателей; военная энергія, подобно мыслительной и промышленной энергіи, стала имѣть главнымъ своимъ жилищемъ сѣверъ, гдѣ природа менѣе благопріятна [34]).

[34]) Въ примѣчаніи шестомъ (стр. 18—21) мы должны были сдѣлать оговорку противъ ни на чемъ не основанной гипотезы о сильномъ вліяніи племенныхъ орга-

Итакъ, второю причиною болѣе высокой производительности надобно поставить большую энергію труда, разумѣя тутъ постоянную и привычную энергію, а не такую, которая обнаруживается по временамъ и случайно. Никто безъ ропота не можетъ переносить большого количества временныхъ обремененій и утомленія, чѣмъ сѣверо-американскій индіецъ; никто не можетъ столько времени, какъ онъ, держать въ величайшемъ напряженіи свои физическія силы и тѣ умственныя способности, какія есть въ немъ; но этотъ индіецъ впадаетъ въ величайшую бездѣйственность, какъ только найдется у него недолгій покой отъ настоятельныхъ нуждъ минуты. Отдѣльные люди и цѣлыя націи разнятся между собою не столько по количеству усилій, какія могутъ и готовы они дѣлать подъ вліяніемъ сильныхъ побужденій настоящаго, сколько своею способностью трудиться для отдаленныхъ цѣлей и своимъ прилежаніемъ къ работѣ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Нѣкоторая степень этихъ качествъ служитъ необходимымъ условіемъ для всякаго значительнаго улучшенія въ бытѣ. Чтобы цивилизовать дикаря, нужно внушить ему новыя потребности и желанія, хотя бы и не очень высокаго рода, чтобы стремленіе удовлетворить имъ могло побуждать его къ постоянной и правильной физической и умственной дѣятельности. Если бы негры на Ямайкѣ и въ Демерарѣ по своемъ освобожденіи удовольствовались, какъ предсказывалось тогда, од-

---

ническихъ особенностей на экономическую судьбу разныхъ народовъ. Здѣсь надобно сдѣлать такую же оговорку о предполагаемомъ преимуществѣ сѣверной полосы умѣреннаго климата надъ южною полосою его и въ особенности надъ тропическимъ климатомъ. Это мнѣніе чрезвычайно распространено; каждый повторяетъ избитую фразу, что благосклонность южной природы располагаетъ человѣка къ бездѣйствію, что южный зной убиваетъ въ немъ энергію. Очень интересно для повѣрки такихъ фразъ сравнить мнѣнія нынѣшнихъ передовыхъ странъ съ мыслями писателей классической древности. Для англичанина, нѣмца, француза Италія уже югъ, ея климатъ уже убійственъ для энергіи. Греческіе и римскіе писатели находили напротивъ, что именно только Греція и Италія имѣютъ умѣренный климатъ, развивающій энергію, а дальше на сѣверъ, за Дунаемъ и за Альпами, климатъ уже такъ суровъ, что не допускаетъ развитія цивилизованной жизни. Что такое югъ, что такое сѣверъ въ устахъ каждаго изъ насъ? Вѣдь это раздѣленіе зависитъ просто отъ того, подъ какимъ градусомъ широты привыкли жить мы сами. Говорятъ, зной убиваетъ энергію труда. Но въ какое время бываютъ самыя обширныя и самыя тяжелыя работы, напримѣръ, въ Россіи, которая называется страною отчасти умѣреннаго, отчасти холоднаго климата? Главная часть земледѣльческихъ работъ совершается у насъ во время такого зноя, какого не бываетъ въ Неаполѣ. Зимою мы можемъ мерзнуть, но все свое продовольствіе, три четвертыхъ или четыре пятыхъ части всего своего производительнаго труда, совершаемъ подъ такимъ палящимъ солнцемъ, какого не испытываютъ жители Малой Азіи, апатію которыхъ мы страннымъ образомъ приписываемъ обстоятельству, не удерживающему насъ отъ самой усердной работы. Вотъ для любопытныхъ сравненіе нѣсколькихъ нашихъ мѣстностей съ мѣстностями тропическаго пояса по средней годичной температурѣ и по температурѣ періода главныхъ нашихъ земледѣльческихъ работъ. Беремъ эти цифры изъ Берггаузова Физическаго Атласа. Температура въ немъ показана по 100-градусному термометру.

	Средняя годичная температура.	Температура теплѣйшаго мѣсяца.
Якутскъ	— 7,5	+ 20,3
Нижній Новгородъ	+ 3,6	+ 20,7
Тамбовъ	+ 5,1	+ 20
Утакамундъ (Остъ-Индія) .	+ 13,9	+ 16,9
Квито (Центр. Америка). .	+ 15,6	+ 16,3

Правда, мы изъ длиннаго списка тропическихъ мѣстностей нарочно отыскали тѣ исключительныя мѣстоположенія, въ которыхъ даже средняя температура цѣлаго теплѣйшаго мѣсяца ниже температуры того же времени года въ нашемъ холодномъ климатѣ. Но не забудемъ, что средняя температура мѣсяца у насъ вовсе не близка къ температурѣ дневныхъ часовъ того же мѣсяца, потому что за чрезвычайно знойнымъ днемъ слѣдуетъ у насъ холодная ночь, между тѣмъ какъ въ тропическомъ климатѣ разница между температурою дня и ночи не велика. Вообще говоря, темпе-

нимъ необходимымъ для жизни, если бы они бросили всякій трудъ, кромѣ очень небольшаго труда, достаточнаго на поддержаніе жизни въ тропическомъ климатѣ при малочисленномъ населеніи и при множествѣ богатѣйшей земли, то они впали бы въ состояніе болѣе варварское, хотя и болѣе счастливое, чѣмъ въ какомъ были прежде, при рабствѣ. Любовь ихъ къ щегольской одеждѣ и къ нарядамъ послужила самымъ надежнымъ средствомъ склонять ихъ къ труду. Никто не станетъ называть дѣломъ достойнымъ поддержки вкусъ къ щегольству, и почти во всѣхъ обществахъ эта наклонность не столько обогащаетъ, сколько разоряетъ; но при той степени развитія, на какой были негры, щегольство дѣйствительно служило, можетъ быть, единственнымъ побужденіемъ, способнымъ обращать ихъ къ добровольному систематическому труду и къ пріобрѣтенію или сохраненію привычекъ добровольнаго прилежанія, которое могло бы потомъ обратиться къ достойнѣйшимъ цѣлямъ. Въ Англіи надобно учить людей не желанію богатства, а употребленію богатства и умѣнью цѣнить вещи, которыя не могутъ покупаться богатствомъ или достигаются безъ помощи богатства. Будутъ ли пріобрѣтать англичане болѣе высокія стремленія или будутъ только научаться вѣрнѣе оцѣнивать предметы своихъ нынѣшнихъ желаній, во всякомъ случаѣ всякое дѣйствительное улучшеніе англійскаго характера непремѣнно будетъ умѣрять пылкость ихъ стремленія къ пріобрѣтенію богатства. Но такое улучшеніе характера еще не влечетъ за собою умень-

---

ратура самаго жаркаго времени въ Остъ-Индіи и въ южной части Соединенныхъ Штатовъ простирается отъ 25 до 30° Цельсіева термометра. Кто же изъ насъ не знаетъ, что у насъ въ Россіи дневной зной доходитъ во время главныхъ нашихъ работъ до степени гораздо высшей? Наши земледѣльцы работаютъ на 35 или больше градусахъ жара по Цельсію. Уже изъ этого можно заключить, что если между европейскимъ и южно-азіатскимъ работникомъ есть разница въ энергіи труда, то причину его надобно искать не въ знойности климата, а въ чемъ нибудь иномъ. Говорятъ: южный человѣкъ лѣнивъ отъ того, что меньше ему надобности въ трудѣ для поддержанія жизни, по благодатности климата. Такъ, въ тропическомъ климатѣ природа щедрѣе и пищи нужно меньше, но для доставленія удобной житейской обстановки человѣку и тамъ нужно очень много труда. Если мы должны трудиться, чтобы оградить себя отъ холода, тамъ нужно трудиться для доставленія себѣ прохлады. Нынѣшніе археологи объяснили, почему вавилонскіе дворцы имѣли стѣны такой чудовищной толстоты: она была нужна, чтобы сохранять прохладную температуру въ комнатахъ. Какъ намъ нужно возить въ наши жилища дрова или каменный уголь, такъ жителямъ тропическихъ странъ нужно привозить къ себѣ ледъ. Сколько хлопотъ неизвѣстныхъ намъ нужно было бы для нихъ, чтобы защитить себя отъ множества гадинъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ, наполняющихъ дома въ тропическихъ климатахъ. Безспорно, трудъ на югѣ гораздо успѣшнѣе, но и тамъ его нужно столько что некогда было бы человѣку облѣниться; человѣкъ и тамъ впадаетъ въ апатію не отъ климата и не отъ собственной охоты, а отъ такихъ же обстоятельствъ, по какимъ впали въ апатію всѣ жители всѣхъ провинцій римской имперіи въ эпоху ея паденія. Возьмемъ для точнѣйшаго разбора одну собственную Италію. Сабинцы, самниты, латины, этруски—какіе энергическіе, какіе трудолюбивые люди были всѣ эти народы во время своей независимости и потомъ по соединеніи съ Римомъ, пока Римъ сохранялъ себя и ихъ подъ хорошими учрежденіями. Но когда пали эти учрежденія и начиная съ послѣдняго времени республики водворились тѣ бѣдствія, гибельное вліяніе которыхъ на энергію народнаго труда мы указывали въ примѣчаніи 19-мъ (стр. 108), всѣ племена, населявшія Италію, облѣнились, стали никуда негодны ни въ экономическомъ, ни въ какомъ другомъ отношеніи. Причинъ лѣности, какой предаются почти всѣ жители тропическихъ странъ, надобно искать, во-первыхъ, въ экономическомъ устройствѣ этихъ странъ: въ Остъ-Индіи, напримѣръ, земледѣлецъ сколько бы ни работалъ, все-таки остается въ нищетѣ: земиндары, тулукдары и т. д. берутъ у него все, что превосходитъ мѣру нищенскаго продовольствія. Во-вторыхъ, причиною апатіи служитъ та особенность исторической судьбы азіатскихъ земледѣльческихъ странъ, которую мы указывали въ примѣчаніи 6; это обстоятельство,—слишкомъ близкое сосѣдство съ степями центральной Азіи, изъ которыхъ безпрестанно вторгались дикіе завоеватели, было основаніемъ и того, что вотъ уже нѣсколько тысячелѣтій Остъ-Индія жила въ самомъ убійственномъ для народа экономическомъ устройствѣ.

шенія той усердной и практичной прилежности къ своему дѣлу, которая находится въ лучшихъ между англійскими работниками и составляетъ самое цѣнное ихъ достоинство.

Рѣдко люди умѣли держаться на разумной серединѣ, состоящей въ томъ, чтобы во время работы работать всею своею силою и особенно всей своей душой, но посвящать труду для одной денежной выгоды менѣе часовъ въ днѣ, менѣе дней въ году и менѣе лѣтъ въ жизни.

4. Третій элементъ, которымъ опредѣляется производительность труда въ обществѣ,—искусство и знаніе, находящееся въ этомъ обществѣ, въ самихъ ли работникахъ или въ людяхъ управляющихъ ихъ трудомъ. Не нужно доказывать того, какъ сильно увеличивается успѣшность дѣла ловкостью рукъ человѣка, если дѣло состоитъ въ простыхъ рутинныхъ процессахъ, сообразительностью человѣка, если въ дѣлѣ важную роль играетъ умъ, наконецъ размѣромъ знанія о естественныхъ силахъ и качествахъ предметовъ, обращаемыхъ на производство дѣла. Размѣръ производительности народнаго труда опредѣляется размѣромъ техническихъ знаній въ народѣ,—это очевидно; всякій прогрессъ техническихъ искусствъ, всякое улучшеніе въ примѣненіи предметовъ или силъ природы къ промышленнымъ цѣлямъ даетъ прежнему количеству труда при прежней интенсивности возможность получать большую сумму продуктовъ.

Одна изъ главныхъ отраслей этихъ улучшеній—изобрѣтеніе и употребленіе инструментовъ и машинъ. Нашему трактату нѣтъ надобности подробно объяснять, какимъ путемъ инструменты и машины увеличиваютъ производство и даютъ экономію въ трудѣ; это подробно изложено и объяснено примѣрами въ извѣстной книгѣ Бебджа „Машинная и фабричная экономія“ (Economy of Machinery and Manufactures), написанной популярно и съ тѣмъ вмѣстѣ научно. Цѣлая глава у Бебджа составлена изъ примѣровъ того, какъ машины „дѣйствуютъ силами превышающими силы человѣка и совершаютъ работы слишкомъ нѣжныя для человѣческихъ рукъ“. Но намъ не нужно ходить такъ далеко за примѣрами работъ, которыхъ человѣкъ рѣшительно не могъ бы сдѣлать однимъ своимъ трудомъ. Безъ водоподъемныхъ машинъ, движимыхъ паромъ или другими средствами, часто было бы рѣшительно нельзя вылить воду, собирающуюся въ рудникахъ, и рудники надобно было бы бросать на небольшой глубинѣ; безъ кораблей и лодокъ нельзя было бы переѣзжать черезъ море; безъ инструментовъ хотя какого-нибудь рода нельзя ни срубать деревьевъ, ни выламывать камней; безъ плуга, или по крайней мѣрѣ заступа, нельзя взрыть землю для посѣва. Но очень простые и грубые инструменты достаточны для исполненія (труднаго или легкаго исполненія, мы не говоримъ) почти всѣхъ работъ, какія до сихъ поръ дѣлались людьми, и дальнѣйшія изобрѣтенія служили главнымъ образомъ уже къ тому, чтобы эти работы могли исполняться въ лучшемъ видѣ и съ гораздо меньшимъ количествомъ труда, а трудъ, сберегаемый черезъ это, могъ обращаться на другія занятія.

Употребленіе машинъ далеко не единственный способъ, которымъ обнаруживаются результаты знанія въ содѣйствіи производству. Въ земледѣліи и садоводствѣ механика только теперь начинаетъ показывать, что можетъ сдѣлать нѣчто важное сверхъ изобрѣтенія и постепеннаго совершенствованія плуга и другихъ малочисленныхъ простыхъ орудій. Важнѣйшія земледѣльческія изобрѣтенія состояли донынѣ въ прямомъ приложеніи болѣе умныхъ процессовъ къ самой землѣ и къ растеніямъ, воспитываемымъ на ней. Таковы, напримѣръ, плодопеременная система, избавляющая отъ необходимости оставлять землю безъ воздѣлыванія на одинъ годъ изъ двухъ или трехъ годовъ; усовершенствованныя удобренія для возстановленія ея плодородности, истощенной жатвою;

обращеніе болотъ и мокрыхъ мѣстъ въ удобную землю; оказавшіеся наилучшими по опыту способы подчистки, воспитанія и прививки растеній и деревьевъ; болѣе рѣдкое сажанье корней или сѣмянъ дорогихъ растеній и полнѣйшее разрыхленіе почвы для нихъ и т. д. Въ фабричномъ и торговомъ дѣлѣ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ улучшеній состоятъ въ сокращеніи времени, въ томъ, чтобы выручка быстрѣе слѣдовала за трудомъ и затратою. Выгода другихъ улучшеній состоитъ въ экономіи матеріаловъ.

5. Но вліяніе расширенія знаній общества на увеличеніе его богатства не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ, потому что для самыхъ малообразованныхъ людей оно стало знакомо по такимъ очевиднымъ примѣрамъ, какъ желѣзныя дороги и пароходы. Не такъ хорошо понимается и не такъ ясно чувствуется всѣми экономическая важность общаго разлитія образованности между народомъ. Число лицъ приготовленныхъ къ управленію промышленными предпріятіями или хотя бы къ исполненію работы, которую нельзя обратить въ дѣло почти одной памяти и рутины, всегда гораздо меньше запроса на нихъ; это видно изъ громадной разницы между платою, даваемою такимъ людямъ, и платою за обыкновенный трудъ. Недостатокъ практическаго соображенія, дѣлающій большинство людей рабочаго класса такими слабыми въ разсчетахъ (дѣлающій, напримѣръ, это большинство столь непредусмотрительнымъ, небрежнымъ и безпорядочнымъ въ домашнемъ хозяйствѣ), отнимаетъ у нихъ способность ко всякому умственному труду, кромѣ самаго ничтожнаго, и отъ этого ихъ работа далеко не такъ производительна, какъ была бы при такой же энергіи труда у людей умственно развитыхъ. Даже съ этой узкой точки зрѣнія народное воспитаніе такъ важно, что очень слѣдовало бы политическимъ людямъ заботиться о немъ. Особенно должно сказать это объ Англіи: знающіе наблюдатели, много обращавшіеся съ работниками разныхъ націй, свидѣтельствуютъ, что въ простолюдинахъ другихъ странъ часто находятъ они большую сообразительность и безъ всякаго образованія, но что если англійскій работникъ бываетъ сколько нибудь выше дровосѣка и водовоза, онъ обязанъ своею сообразительностью воспитанію, которое у него почти всегда только само-воспитаніе. Цюрихскій инженеръ Эшеръ (имѣющій хлопчато-бумажную фабрику, на которой работаетъ около 2,000 людей разныхъ націй) въ своемъ отвѣтѣ на вопросы комитета, занимавшагося изслѣдованіемъ о воспитаніи бѣдныхъ дѣтей (этотъ отвѣтъ приложенъ къ Report of the Poor Law Commissioners, 1840 года), характеризуетъ англійскаго работника сравнительно съ континентальными работниками такими словами, которыя, сколько я знаю, будутъ подтверждены всѣми опытными въ этомъ дѣлѣ людьми.

„Живость соображенія итальянцевъ выказывается быстрымъ пониманіемъ всякой новой поручаемой имъ работы, способностью живо понимать смыслъ порученія, приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ; этими качествами они превосходятъ всякихъ другихъ работниковъ. Французскіе работники имѣютъ тѣ же природныя черты, только въ нѣсколько меньшей степени. Англійскіе, швейцарскіе, нѣмецкіе и голландскіе работники, по нашему замѣчанію, имѣютъ гораздо меньшую природную сообразительность. Собственно какъ *рабочіе* люди, англичане безспорно выше всѣхъ, потому что, по нашему замѣчанію, они всѣ воспитаны для своего спеціальнаго дѣла, къ которому они приготовлены лучше работниковъ другихъ націй и на которомъ сосредоточились всѣ ихъ мысли. Но для управленія дѣлами или для разнородныхъ порученій, для того, чтобы быть помощниками управляющаго, по моему мнѣнію, рѣшительно способнѣе другихъ саксонцы и швейцарцы, въ особенности саксонцы, потому что они люди получившіе очень хорошее

общее воспитаніе, которое расширяетъ ихъ способности за узкія границы одного частнаго занятія и дѣлаетъ ихъ пригодными исполнять послѣ недолгаго подготовленія всякое занятіе, какое будетъ имъ поручено. Если у меня англійскій работникъ занятъ установкою паровыхъ машинъ, онъ знаетъ это дѣло и уже ничего другаго не понимаетъ; къ другому положенію или къ другимъ отраслямъ механики, хотя бы самымъ близкимъ съ его дѣломъ, онъ плохо умѣетъ приспособляться; не умѣетъ найдтись въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, дать дѣльный совѣтъ или написать ясный отчетъ, понятное письмо даже по своему дѣлу съ тѣхъ сторонъ, которыми оно касается другихъ частей механики".

О связи умственнаго развитія съ нравственной надежностью въ рабочемъ классѣ Эшеръ говоритъ: „Работники, которые лучше воспитаны, отличаются, по нашему замѣчанію, лучшими нравственными привычками. Во-первыхъ, они безусловно трезвы; они скромны въ своихъ удовольствіяхъ и самыя удовольствія ихъ разумнѣе, изящнѣе. Они любятъ хорошее общество, въ которое входятъ съ уваженіемъ къ нему и которое потому лучше расположено допускать ихъ; они занимаются музыкою, читаютъ, любятъ театръ, дѣлаютъ прогулки по окрестностямъ въ родѣ пикниковъ; они экономны и ихъ бережливость обращена не на однѣ ихъ деньги, а также и на деньги хозяина: потому они честны и надежны". На вопросъ объ англійскихъ работникахъ онъ отвѣчаетъ: „Въ томъ дѣлѣ, на которое они спеціально воспитаны, они очень искусны, но въ поведеніи они очень безпорядочны, развратны, буйны; они менѣе похожи на порядочныхъ людей и менѣе достойны довѣрія, чѣмъ работники всѣхъ другихъ націй, какіе бывали у насъ (этими словами я высказываю мнѣніе всѣхъ континентальныхъ фабрикантовъ, съ которыми я говорилъ, и въ особенности англійскихъ фабрикантовъ, которые жалуются громче всѣхъ). Эти черты испорченности не существуютъ въ англійскихъ работникахъ, получившихъ воспитаніе; но въ тѣхъ, которые не получили воспитанія, испорченность пропорціональна необразованности. Если ослабляется надъ невоспитанными англійскими работниками тотъ гнетъ желѣзной дисциплины, въ которой держатъ ихъ англійскіе хозяева, если начинаешь обращаться съ ними вѣжливо и любезно, какъ того требуютъ болѣе образованные континентальные работники, съ которыми такъ и обращаются ихъ хозяева, то они,—т. е. англійскіе работники,—совершенно забываются: они перестаютъ сознавать свое положеніе и черезъ нѣсколько времени становится рѣшительно невозможно имѣть съ ними дѣло" *). Это замѣчаніе подтверждается опытомъ въ самой Англіи. Какъ только идея равенства входитъ въ мысль простаго англійскаго рабочаго человѣка, голова у него закруживается. Переставая быть раболѣпнымъ, онъ становится наглымъ [35]).

*) Всѣ эти показанія развитаго и опытнаго фабриканта заслуживаютъ большаго вниманія, какъ и многіе другіе отвѣты на подобные вопросы, данные другими свидѣтелями и напечатанные вмѣстѣ съ отвѣтомъ Эшера.—*Прим. авт.*

35) Вотъ факты, которые человѣку, поверхностно разсуждающему по рутиннымъ убѣжденіямъ, покажутся свидѣтельствующими о коренной разницѣ въ природномъ характерѣ разныхъ націй, но при внимательнѣйшемъ разборѣ оказываются свидѣтельствующими напротивъ, что въ извѣстномъ народѣ извѣстныя качества развиваются собственно только отъ обстоятельствъ его жизни, и разница между людьми разныхъ націй почти исключительно, если не совершенно исключительно зависитъ отъ различія формъ, которыя получила жизнь по историческимъ обстоятельствамъ. Возьмемъ для разбора два крайніе примѣра различныхъ качествъ, представляемые Эшеромъ: съ одной стороны, итальянца, который живо понимаетъ все, быстро приспособляется ко всему, но не имѣетъ спеціальной подготовки ни къ чему, а съ другой стороны, англичанина, который лучше всѣхъ другихъ работниковъ исполняетъ свою очень узкую спеціальность, но за предѣлами этой спеціальности не понимаетъ и не

Нравственныя качества работниковъ также важны для успѣшности и достоинства ихъ труда, какъ и умственныя качества. Не говоримъ уже о вліяніи невоздержанности на ихъ физическія и умственныя способности, о вліяніи легкомыслія и непостоянства на энергію и постоянство работы, — эти отношенія такъ понятны, что не нужно много говорить о нихъ; но надобно обратить вниманіе на то, въ какой сильной степени производительность труда зависитъ отъ довѣрія, заслуживаемаго работниками. Весь трудъ, расходуемый теперь на надзоръ за ними во время работы и по ея окончаніи на повѣрку исполнили ли они должное количество работы, долженъ считаться трудомъ, отвращеннымъ отъ дѣйствительнаго занятія производствомъ на вспомогательное отправленіе, вытекающее не изъ необходимости вещей, а изъ нечестности людей. Да и величайшія внѣшнія предосторожности имѣютъ очень малый успѣхъ, если малѣйшее ослабленіе надзора бываетъ,—какъ теперь почти неизмѣнно бываетъ для наемныхъ работниковъ,—жадно схватываемымъ случаемъ уклоняться отъ исполненія договора. Выгода человѣчества, состоящая въ томъ, чтобы люди могли довѣрять другъ другу, проникаетъ всѣ жилы и нервы человѣческой жизни; экономическая польза довѣрія быть можетъ самая маловажная изъ разныхъ сторонъ его пользы, но и она неисчислимо велика. Подумаемъ только объ одной самой явной части растраты богатства, наносимой обществу человѣческою нечестностью: во всѣхъ богатыхъ обществахъ есть хищническое населеніе, живущее грабежемъ или обманомъ; число его не можетъ быть положительно узнано, но и по самому низкому счету оно очень велико въ такихъ странахъ, какъ Англія. Содержаніе этихъ людей — прямое обремененіе національной промышленности. Полиція и весь орга-

---

умѣетъ дѣлать ничего. Надобно ли приписывать такую чрезвычайную разницу самой природѣ этихъ двухъ людей? Самъ Эшеръ упоминаетъ обстоятельство совершенно постороннее врожденнымъ качествамъ и достаточное для объясненія всей разницы. Англійскій работникъ получилъ спеціальное воспитаніе, исключительно подготовившее его къ отличному исполненію его спеціальнаго занятія. Какая же тутъ природа, въ чемъ же тутъ органическая особенность, если онъ исполняетъ свое спеціальное дѣло лучше итальянца? Воспитайте такимъ же образомъ итальянца и онъ будетъ исполнять это дѣло также лучше другихъ итальянцевъ, не подготовленныхъ къ тому спеціально. Но это спеціальное воспитаніе, полученное англичаниномъ, имѣло характеръ самой узкой ограниченности, рутинности, машинальности; оно убило въ немъ самостоятельность соображенія, оно отучило его отъ вниманія ко всему остальному, кромѣ его узкой спеціальности; натурально онъ оказывается лишеннымъ сообразительности во всѣхъ занятіяхъ, кромѣ своего спеціальнаго дѣла. Итальянецъ, напротивъ того, ничему не научился искусственнымъ воспитаніемъ, за то и не былъ умственно подавленъ машинальной дрессировкой. Съ самаго дѣтства онъ былъ предоставленъ на произволъ судьбы, на собственную сообразительность въ своей работѣ. Разница между нимъ и англичаниномъ не разница народностей, а просто разница степеней экономическаго развитія въ двухъ странахъ: въ одной странѣ еще не водворилось дробное раздѣленіе труда, дѣлящее работниковъ какъ будто на касты по мелкимъ спеціальностямъ работъ; въ другой странѣ это раздѣленіе труда уже введено. Франція занимаетъ въ этомъ отношеніи средину между Англіей и Италіей; французскій работникъ сообразно тому занялъ средину между итальянскимъ и англійскимъ. Въ Германіи по историческимъ обстоятельствамъ издавна развилось надъ народною жизнью господство формалистики, потому нѣмецкій работникъ, умственная живость котораго убивается формалистикою, приближается къ англійскому своею тупостью въ сравненіи съ итальянцемъ; но онъ не имѣетъ такого высокаго достоинства въ спеціальной работѣ, потому что раздѣленіе труда еще не охватило массу въ Германіи такъ сильно, какъ въ Англіи; за то общее образованіе простонародья въ Германіи лучше, чѣмъ въ Англіи, оттого нѣмецкій работникъ кажется умнѣе англійскаго.

Нельзя оставить безъ замѣчанія и словъ Милля, что голова кружится у англійскихъ работниковъ, когда они начинаютъ мечтать о равенствѣ и что они становятся наглыми, когда перестаютъ быть раболѣпными. Такъ говорили еще римскіе патриціи о плебеяхъ, а прежде того греческіе эвпатриды о демотахъ, а послѣ того англійскіе лендлорды о самихъ англійскихъ фабрикантахъ.

низмъ наказывающей власти уголовнаго и отчасти гражданскаго правосудія—второе обремененіе, становящееся необходимымъ отъ перваго. Сословіе юристовъ, получающее чрезмѣрную плату, создается и поддерживается преимущественно нечестностью людей (изъ другаго источника происходитъ плата только за тотъ юридическій трудъ, который создается недостатками въ законахъ, написанныхъ самими же юристами). Всѣ эти издержки уменьшаются пропорціонально возвышенію честности въ обществѣ. Но если уровень честности возвышается, то еще гораздо важнѣе этого положительнаго сбереженія бываетъ громадное увеличеніе продуктовъ всякаго труда, сбереженіе времени и расхода,—выгоды проистекающія оттого, что работники честно исполняютъ дѣло, за которое берутся; столь же безмѣрна въ этомъ случаѣ выгода отъ возвышенія бодрости, чувства силы и довѣрія, съ которыми обдумываются и ведутся всякія работы людьми въ сознаніи, что всѣ другіе люди, содѣйствіе которыхъ имъ понадобится, будутъ вѣрно исполнять по договору свою часть дѣла. Возможность союзнаго дѣйствованія пропорціональна степени довѣрія, какое могутъ питать другъ къ другу люди. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, съ превосходными условіями для промышленности, чрезвычайно серьезнымъ препятствіемъ веденію дѣлъ въ обширномъ размѣрѣ служитъ малочисленность лицъ, имѣющихъ такую репутацію, чтобы имъ было можно ввѣрить полученіе и расходованіе большихъ суммъ. На товары нѣкоторыхъ націй купцы смотрятъ недовѣрчиво, будучи не увѣрены въ томъ, что качество товара окажется соотвѣтственно качеству образца. Такіе близорукіе подлоги далеко не безпримѣрны въ англійской вывозной торговлѣ. Каждому случалось слышать о „чортовомъ порошкѣ“ (devil's dust) и у Беббеджа приводится между прочимъ примѣръ того, что однажды цѣлая отрасль вывозной торговли надолго прекратилась отъ поддѣлокъ и подлоговъ, бывшихъ въ ней. Наоборотъ, у Беббеджа приводятся не менѣе замѣчательные примѣры большой выгоды, проистекающей отъ испытанной честности въ торговыхъ дѣлахъ. „Въ одномъ изъ нашихъ (англійскихъ) главныхъ городовъ, говоритъ онъ, ежедневно производится торговыми людьми въ очень обширномъ размѣрѣ продажа и покупка товаровъ безъ всякихъ письменныхъ документовъ между продающими и покупающими“. Производители и торговцы этого города должны въ теченіе года получить, сбереженіемъ времени, хлопотъ и издержекъ, огромный выигрышъ отъ своей честности. „Вліяніе прочной репутаціи, внушающей довѣріе, замѣчательнымъ образомъ выказывалось во время послѣдней войны (при Наполеонѣ I), когда англійскія фабричныя произведенія были запрещены на континентѣ. Одна изъ нашихъ громаднѣйшихъ фирмъ давно имѣла обширныя дѣла съ торговымъ домомъ въ центрѣ Германіи. Когда нарушители Берлинскаго и Миланскаго декретовъ (установлявшихъ континентальную систему) были подвергнуты тяжелымъ наказаніямъ, англійскій фабрикантъ продолжалъ, не смотря на эти декреты, получать заказы, съ назначеніемъ куда отправлять товары и съ опредѣленіемъ времени и способа уплаты; заказы эти писались знакомою ему рукою, но подписью на нихъ служило только одно имя безъ фамиліи, а иногда не было и такой подписи. Эти заказы фабрикантъ исполнялъ и ни разу не было никакой неисправности въ уплатахъ по нимъ“ *).

*) Приведемъ изъ Беббеджа нѣсколько примѣровъ, еще не самыхъ важныхъ, для объясненія того, какой убытокъ наносится обществу взаимнымъ недовѣріемъ людей.

„Покупщикъ платитъ за товаръ стоимость его производства съ прибавленіемъ стоимости повѣрки того факта, что товаръ имѣетъ объявляемую доброту. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ доброта товара видна на простой взглядъ; въ этихъ случаяхъ не бываетъ большой разницы въ цѣнѣ товара въ разныхъ лавкахъ. Напримѣръ, доброта рафинированнаго сахара узнается, можно сказать, по одному взгляду на него. Потому цѣна сахара такъ одинакова и барышъ на немъ такъ малъ, что въ овощныхъ лавкахъ торгуютъ имъ почти противъ воли. Напротивъ, о добротѣ чая чрезвычайно

6. Изъ второстепенныхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ производительность элементовъ производства, важнѣйшая — безопасность. Подъ безопасностью я понимаю полноту огражденія, какое даетъ общество своимъ членамъ. Гдѣ лицо, извѣстное за человѣка, имѣющаго что нибудь порядочное и цѣнное, должно ожидать, что это имущество будетъ у него взято, тамъ, конечно, едва ли кто захочетъ производить больше, чѣмъ необходимо ему на простое поддержаніе жизни. Признано всѣми, что въ этомъ обстоятельствѣ заключается объясненіе бѣдности многихъ плодоносныхъ азіатскихъ странъ, которыя нѣкогда были богаты и густо населены. Много есть среднихъ состояній между этимъ положеніемъ и тою степенью безопасности, которою пользуются страны Европы, имѣющія наилучшее управленіе. Дурная система поземельныхъ налоговъ, произвольные поборы, собиравшіеся подъ видомъ налоговъ, — вотъ были причины, по которымъ до революціи во многихъ французскихъ провинціяхъ выгода каждаго земледѣльца

трудно судить и онъ можетъ быть подмѣшанъ такъ, что обманываетъ даже опытный глазъ; потому одинъ сортъ чая продается по очень разнымъ цѣнамъ и торговецъ, имѣющій въ своей лавкѣ чай и сахаръ, продаетъ чай гораздо усерднѣе, чѣмъ сахаръ. Трудность и дороговизна повѣрки въ нѣкоторыхъ товарахъ такъ велика, что ею оправдывается отступленіе отъ несомнѣнныхъ принциповъ. Напримѣръ, правительство вообще можетъ всякій товаръ покупать дешевле того, во сколько обошлась бы ему самому выдѣлка этого товара. Но, несмотря на то, правительство нашло болѣе выгоднымъ построить для себя огромныя мукомольныя мельницы (напримѣръ, Детфордскую) и само молоть хлѣбъ, покупая его въ зернѣ, лишь бы не повѣрять доброту каждаго мѣшка покупаемой муки и не употреблять людей на придумываніе средствъ открывать новые способы подмѣси, безпрестанно изобрѣтаемые". Такое недовѣріе можетъ отнимать огромный вывозъ муки у цѣлой націи (напримѣръ, у Соединенныхъ Штатовъ).

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (продолжаетъ Бебберджъ) поддѣлка, дающая старымъ сѣменамъ клевера свѣжій видъ посредствомъ процесса, называющагося лѣченьемъ (doctoring), такъ распространилась, что возбудила вниманіе палаты общинъ. Показанія, собранныя коммиссіею палаты общинъ, обнаружили, что старыя сѣмена бѣлаго клевера „лѣчатся" легкимъ смачиваньемъ и просушкою въ сѣрныхъ парахъ, а старыя сѣмена краснаго клевера подновляются въ цвѣтѣ встряхиваніемъ въ мѣшкѣ съ примѣсью индиго; но что когда этотъ способъ открылся, „лѣкаря" стали употреблять сандальный препаратъ съ примѣсью купороса, а иногда мѣдной яри, — этимъ поправлялся видъ старыхъ сѣмянъ и съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшалась или совершенно истреблялась въ нихъ растительная сила, уже ослабленная старостью. Если даже предположить, что хорошія сѣмена не портились отъ этого, все-таки обманомъ было то, что отъ поддѣлки свѣжаго вида рыночная цѣна ихъ, какъ доказано свидѣтелями, поднималась 20-ю или 25-ю шиллингами на центнеръ. Но самая вредная вещь въ поддѣлкѣ была та, что старыя негодныя сѣмена дѣлались отъ нея по виду равными самымъ лучшимъ. Одинъ изъ свидѣтелей испытывалъ „лѣченныя" сѣмена и нашелъ, что изъ сотни зеренъ развѣ одно всходитъ, да и отъ него ростокъ скоро вянетъ, между тѣмъ какъ изъ хорошихъ сѣмянъ обыкновенно всходитъ отъ 80 до 90 зеренъ на 100. „Лѣченныя" сѣмена продавались провинціальнымъ мелочнымъ торговцамъ, которые, конечно, старались подешевле сбыть ихъ фермерамъ, — ни мелочные торговцы, ни фермеры не умѣли отличить поддѣльнаго сѣмени отъ настоящаго. Поэтому многіе производители уменьшили свой посѣвъ клевера, а другіе были принуждены платить слишкомъ дорогую цѣну за сѣмена его людямъ, умѣвшимъ отличать поддѣльное сѣмя и пользовавшимся извѣстностью, что не торгуютъ имъ".

Бебберджъ говоритъ также, что ирландскій ленъ недавно продавался или продается и теперь однимъ или двумя пенсами за фунтъ дешевле англійскаго и иностраннаго, хотя по природной добротѣ не уступаетъ никакому льну въ свѣтѣ; и что эта низкая цѣна частью происходила отъ небрежности въ его обработкѣ, но частью и отъ причины указанной мистеромъ Корри, который много лѣтъ былъ секретаремъ ирландской льняной коммиссіи: „Производители льна, почти всѣ люди бѣдные, (говоритъ Корри) думаютъ, что очень выгодно для нихъ обманывать покупщиковъ. Ленъ продается на вѣсъ и они разными способами дѣлаютъ его тяжеле; а всѣ эти средства портятъ ленъ; особенно вредно ему подмачиванье, отъ котораго онъ потомъ перегораетъ. Въ середину связки льна (а связки по величинѣ не одинаковы) часто всыпаютъ камешковъ и разнаго сора, чтобы связка стала тяжеле. Въ такомъ видѣ его продаютъ и вывозятъ въ Англію".

Коммиссія, назначенная палатою общинъ, нашла, что производство ноттингемскаго кружева сильно упало отъ выдѣлки дурныхъ сортовъ, обманчивыхъ на видъ; свидѣтели показывали передъ коммиссіею, что выдѣлывается сортъ кружева, называющійся однорядным (single-press), который на видъ хорошъ, но располагается отъ перваго мытья; что изъ тысячи человѣкъ не найдется одного, который умѣлъ бы отличить кружево сдѣланное въ однорядку отъ хорошаго кружева; что даже сами работники и фабриканты отличаютъ его только съ микроскопомъ; что также необходимъ микроскопъ для отличенія поддѣлки другаго сорта, такъ называемаго цѣпочнаго кружева (warp-lace)".—*Прим. авт.*

требовала казаться бѣднымъ и потому плохо воздѣлывать землю. Греція и греческія колоніи въ древнемъ мірѣ, Фландрія и Италія въ Средніе вѣка далеко не пользовались тѣмъ, что называется безопасностью по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ: состояніе общества въ нихъ было непрочно и бурно; личность и собственность подвергались тысячамъ опасностей. Но эти земли были свободными странами и вообще не терпѣли произвольнаго стѣсненія. Личная энергія, возбуждавшаяся ихъ учрежденіями, дѣлала ихъ гражданъ способными успѣшно противиться всякимъ другимъ врагамъ; потому ихъ трудъ былъ чрезвычайно производителенъ и ихъ богатства постоянно возрастали, пока они оставались свободными. Римскій деспотизмъ, положивъ конецъ войнамъ и внутреннимъ столкновеніямъ во всей имперіи, избавилъ своихъ подданныхъ отъ значительной части прежней небезопасности; но онъ поставилъ ихъ подъ сокрушающее иго своей хищности и они стали слабѣть и блѣднѣть до того, что сдѣлались наконецъ добычею дикихъ, но свободныхъ завоевателей. Они не хотѣли ни сражаться, ни трудиться, потому что не предоставлялось имъ пользоваться тѣмъ, для чего они прежде трудились и за что сражались.

Кромѣ несовершенства оградъ, которыми общество сознательно окружаетъ, то что признаетъ собственностью, дурныя учрежденія мѣшаютъ и другими способами выгоднѣйшему употребленію производительныхъ средствъ страны. Въ слѣдующихъ отдѣлахъ нашего трактата представятся случаи замѣтить многія изъ этихъ неудовлетворительныхъ учрежденій. Здѣсь довольно будетъ замѣтить, что успѣшность промышленности бываетъ пропорціональна тому размѣру, въ какомъ плоды работы достаются человѣку, занимающемуся этою работою, и что благопріятность всѣхъ общественныхъ установленій для полезной дѣятельности измѣряется сообразно степени, въ какой ведутъ они къ тому, чтобы вознагражденіе каждому за трудъ было по возможности пропорціонально производимой имъ пользѣ. Всѣ законы или обычаи, дающіе выгоду какому-нибудь сословію или разряду людей въ невыгоду другимъ, связывающіе дѣятельность какой-нибудь части общества въ стремленіи ея къ своему благу или препятствующіе естественнымъ плодамъ этой дѣятельности поступать въ пользу людей занятыхъ ею,—всѣ такіе законы и обычаи служатъ нарушеніями основныхъ принциповъ общественнаго экономическаго разсчета и ведутъ къ тому, что при нихъ совокупность производительныхъ силъ общества имѣетъ меньшую производительность, чѣмъ какую имѣла-бы безъ нихъ.

ГЛАВА VIII.

Сотрудничество или сочетаніе труда.

1. Перечисляя обстоятельства, увеличивающія производительность труда, мы не коснулись одного изъ нихъ, которое требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія по своей важности и по многимъ спорнымъ вопросамъ, изъ него возникающимъ. Это—сотрудничество или сочетаніе многихъ человѣческихъ силъ въ трудѣ. Достаточное вниманіе политико-экономовъ было до недавняго времени обращено только на одну часть этого великаго пособія производству, на такъ-называемое раздѣленіе труда; она дѣйствительно заслуживаетъ величайшаго вниманія, но изъ-за нея забывали о другихъ случаяхъ и проявленіяхъ этого многообъемлющаго закона. Уэкфильдъ, сколько я знаю, первый замѣтилъ, что одна часть предмета ошибочно принималась тутъ за цѣлый предметъ, что изъ этого возникали вредныя послѣдствія и что подъ принципомъ раздѣленія труда

лежитъ другой, обнимающій его собою, болѣе основной принципъ. Онъ показываетъ (въ примѣчаніи къ своему изданію Адама Смита, томъ I, стр. 26), что сотрудничество бываетъ „двухъ разныхъ родовъ: во-первыхъ, такое, по которому разныя лица помогаютъ другъ другу, въ одной работѣ; во-вторыхъ, такое, по которому разныя лица помогаютъ другъ другу, занимаясь разными трудами. Первое можетъ быть названо простымъ сотрудничествомъ, второе—сложнымъ.

„Выгода простаго сотрудничества (говоритъ Уэкфильдъ) указывается поговоркой: „двѣ собаки вмѣстѣ поймаютъ больше зайцевъ, чѣмъ четыре собаки порознь". При многихъ случаяхъ простаго сотрудничества людей, каждому очевидно, что двое людей, работая вмѣстѣ, сдѣлаютъ больше четырехъ людей или четырежды четырехъ людей, работающихъ каждый особо отъ другихъ. Подниманіе большихъ тяжестей, подпиливаніе деревьевъ на корню, пилка лѣса уборка большаго количества сѣна или хлѣба въ короткое время хорошей погоды, осушеніе большаго пространства земли въ недолгій періодъ, въ какой можно успѣшно вести это дѣло, передвиганіе оснастки на кораблѣ, движеніе большихъ лодокъ веслами, нѣкоторыя рудокопныя операціи, установка лѣсовъ для постройки зданій, битье камня для поправки шоссе въ такомъ количествѣ, чтобы все шоссе постоянно было исправно,—во всѣхъ этихъ и въ тысячахъ другихъ простыхъ операцій рѣшительно необходимо работать многимъ людямъ въ одномъ мѣстѣ, въ одно время, однимъ и тѣмъ же способомъ. Дикари Новой Голландіи никогда не помогаютъ другъ другу даже въ самыхъ простѣйшихъ операціяхъ; и ихъ положеніе едва-ли выше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже ниже состоянія дикихъ животныхъ, которыхъ удается имъ ловить. Вообразимъ себѣ, что англійскіе работники вдругъ перестали помогать другъ другу, въ простыхъ занятіяхъ, и мы тотчасъ же поймемъ чрезвычайную выгодность простаго сотрудничества. Въ безчисленномъ множествѣ занятій продуктъ труда до извѣстной степени пропорціоналенъ размѣру этого взаимнаго пособія между работниками. Это первый шагъ въ улучшеніи общественнаго положенія". Второй родъ сотрудничества тотъ, когда „извѣстное число людей соединяютъ свой трудъ, чтобы произвести больше пищи, нежели нужно имъ самимъ, а другіе люди соединяютъ свой трудъ, чтобы произвести больше одежды, нежели нужно имъ самимъ, и на этотъ излишекъ одежды покупаютъ у первыхъ работниковъ излишекъ пищи; а если тѣ и другіе вмѣстѣ произвели больше пищи и одежды, нежели нужно имъ всѣмъ вмѣстѣ, они всѣ вмѣстѣ получаютъ посредствомъ обмѣна нужный капиталъ на занятіе еще другихъ работниковъ еще другими дѣлами". Черезъ это къ простому сотрудничеству прибавляется новое сотрудничество, которое Уэкфильдъ называетъ сложнымъ. Простое сотрудничество—сочетаніе нѣсколькихъ работниковъ на помощь другъ другу въ одинаковомъ дѣлѣ; сложное сотрудничество—сочетаніе нѣсколькихъ работниковъ на помощь другъ другу раздѣленіемъ операцій между ними.

„Различіе между простымъ и сложнымъ сотрудничествомъ очень важно, говоритъ Уэкфильдъ. Въ простомъ, человѣкъ всегда сознаетъ, что сотрудничаетъ съ другими, взаимное содѣйствіе тутъ очевидно самому невѣжественному и тупому взгляду. Въ сложномъ сотрудничествѣ только очень немногіе изъ множества занятыхъ имъ людей хотя нѣсколько сознаютъ, что содѣйствуютъ другъ другу. Причину этого различія не трудно понять. Когда нѣсколько человѣкъ поднимаютъ одну тяжесть или тащатъ одинъ канатъ въ одно время и въ одномъ мѣстѣ, тутъ невозможно сомнѣваться, что они сотрудничаютъ другъ съ другомъ: этотъ фактъ вносится въ мысль простымъ чувствомъ зрѣнія. Но когда разные люди или разныя собранія людей работаютъ въ разное время, въ разныхъ

мѣстахъ, надъ разными дѣлами, ихъ сотрудничество не такъ прямо замѣчается, какъ простое сотрудничество, хотя они столь же положительнымъ образомъ содѣйствуютъ другъ другу: чтобы замѣтить этотъ фактъ, нужна сложная умственная операція".

При нынѣшнемъ состояніи общества разведеніе овецъ и уходъ за ними—дѣло однихъ людей, мытье шерсти для ея приготовленія къ пряжѣ—дѣло другихъ людей, пряденіе—дѣло третьихъ, тканье сукна изъ пряжи—дѣло четвертыхъ, крашеніе сукна—дѣло пятыхъ, обращеніе сукна въ одежду—дѣло шестыхъ; кромѣ всѣхъ этихъ людей нужны въ разныхъ фазисахъ этого дѣла разные люди для переноски и перевозки, факторы, оптовые и розничные торговцы. Всѣ эти люди, не зная другъ о другѣ, безъ предварительнаго соглашенія сотрудничаютъ другъ другу въ производствѣ окончательнаго продукта, которымъ бываетъ уже только одежда. Но это еще далеко не всѣ люди, сотрудничествующіе въ этомъ дѣлѣ: каждому изъ нихъ нужна пища и нужны многіе другіе предметы потребленія, и еслибы онъ не былъ увѣренъ, что другіе люди произведутъ для него эти предметы, онъ не могъ бы посвятить все свое время на одну часть въ этомъ ряду операцій, производящемъ только одну вещь—суконное платье. Каждый, кто участвовалъ въ производствѣ пищи или постройкѣ домовъ для этой цѣпи производителей, сочеталъ, хотя и безсознательно, свой трудъ съ ихъ трудомъ. Черезъ это фактически существующее, хотя и невыраженное соглашеніе, „разрядъ работниковъ, производящій больше пищи, чѣмъ нужно ему самому, можетъ обмѣниваться съ другимъ разрядомъ, производящимъ больше одежды, нежели нужно ему самому; и если бы эти два разряда людей были раздѣлены одинъ отъ другаго пространствомъ или несогласіемъ на обмѣнъ, если-бы оба они не соединялись въ сущности въ одинъ разрядъ для общей цѣли—для производства пищи и одежды въ количествѣ достаточномъ для всѣхъ ихъ вмѣстѣ, то они не могли-бы раздѣлить на двѣ особенныя части всю операцію производства достаточнаго для нихъ количества пищи и одежды".

2. Раздѣленіе занятій имѣетъ на производство вліяніе болѣе глубокое, нежели можетъ думать читатель по обыкновенному способу изложенія этого предмета. Количество каждаго продукта очень сильно увеличивается не тогда только, когда производство каждой особенной вещи становится единственнымъ или главнымъ занятіемъ разныхъ людей, и мало сказать, что тутъ количество продукта только возрастаетъ. Нѣтъ, безъ раздѣленія занятій ровно почти никакой вещи нельзя было бы и произвести.

Предположимъ извѣстное число людей или рядъ семействъ, которые всѣ занимаются совершенно однимъ и тѣмъ же; пусть каждое семейство живетъ на своемъ собственномъ участкѣ, на которомъ производитъ своимъ трудомъ пищу, нужную для своего собственнаго продовольствія; пусть по недостатку покупщиковъ на излишніе продукты при такомъ состояніи, когда всѣ производятъ одинаковые продукты, каждая семья должна въ своемъ собственномъ кругу производить всѣ другіе предметы, ею потребляемые. При такихъ условіяхъ, если земля довольно плодородна и если населеніе не размножается постоянно до крайнихъ предѣловъ продовольствія, конечно, будутъ нѣкоторыя домашнія издѣлія въ родѣ мануфактурныхъ. Одежда для семьи будетъ, вѣроятно, ткаться въ семьѣ изъ пряжи, выдѣланной тоже въ самой семьѣ, вѣроятно, трудомъ женщинъ (первый шагъ въ раздѣленіи занятій); какое-нибудь жилье будетъ построено и содержимо въ исправности соединеннымъ трудомъ семьи. Но кромѣ простой пищи (и притомъ не совсѣмъ вѣрной по перемѣнчивости урожаевъ), грубой одежды и довольно плохаго жилья, семья едва-ли будетъ производить что-нибудь. Вообще нужны будутъ ей величайшія усилія, чтобы произвести хотя эти предметы. Даже въ добываніи пищи отъ

нивы сила семьи сдерживается въ узкихъ границахъ качествомъ орудій, которыя, по необходимости, будутъ самаго плохаго рода. Произвести для себя какіе-нибудь предметы удобства или роскоши семья не можетъ: на это недостаетъ у ней времени и вообще для этого нужно было-бы слишкомъ часто ей ходить въ разныя мѣста за матеріалами. Потому будетъ существовать очень немного разныхъ родовъ производства, да и существующіе роды производства (производство предметовъ необходимости) будутъ чрезвычайно неуспѣшны, не по одному плохому качеству орудій, но и потому, что когда земля и домашнія издѣлія, ею поддерживаемыя, удовлетворяютъ въ нѣкоторомъ изобиліи первымъ нуждамъ одной семьи, то мало будетъ побужденій получать отъ земли и отъ труда большее количество продуктовъ, пока число семей остается прежнее.

Но предположимъ случай,—онъ будетъ равняться перевороту въ бытѣ этого маленькаго поселенія,—предположимъ, что прибыло въ эту страну и поселилось среди ея жителей нѣкоторое число ремесленниковъ, снабженныхъ инструментами и запасомъ пищи для себя на цѣлый годъ. Эти новые поселенцы займутся тѣмъ, что станутъ производить предметы надобности или наряда, соотвѣтствующіе вкусу неразвитаго народа; пока израсходуютъ они свою пищу, они произведутъ довольно много этихъ предметовъ и будутъ готовы обмѣнять ихъ на новую пищу. Экономическое положеніе земледѣльческаго населенія отъ этого чрезвычайно перемѣнится. Земледѣльцы имѣютъ теперь возможность пріобрѣтать предметы удобства и роскоши. Вещи, которыхъ никакъ не могли бы они получить, если-бы снабжались только исключительно своимъ трудомъ, становятся имъ доступными, если только успѣютъ они произвести лишнее количество пищи и предметовъ необходимости. Этимъ они побуждаются увеличить производительность своихъ промысловъ. Въ числѣ лучшихъ прежняго вещей, которыя теперь стали доступны имъ, вѣроятно, находятся рабочія орудія лучше прежнихъ. Кромѣ того, они имѣютъ причину работать неотступнѣе, придумывать и принимать средства, чтобы ихъ трудъ былъ успѣшнѣе. Этими способами они вообще успѣютъ заставить свою землю производить больше прежняго, такъ что кромѣ пищи для самихъ себя у нихъ будетъ излишекъ, остающійся для новыхъ пришельцевъ, и на него они будутъ покупать продукты этихъ ремесленниковъ. Новые поселенцы составятъ то, что называется „рынкомъ“ для излишка земледѣльческихъ продуктовъ, и черезъ ихъ прибытіе поселеніе обогатилось не одними только мануфактурными товарами ихъ издѣлія, но кромѣ того еще пищей, которая не была-бы произведена, если-бъ не было ихъ тутъ для ея потребленія.

Это понятіе не противорѣчитъ изложенному нами (на стр. 107—115) принципу, что рынокъ для товаровъ не составляетъ занятія для труда. Трудъ земледѣльцевъ былъ уже снабженъ занятіемъ: возможностью содержать себя они не обязаны запросу со стороны новыхъ пришельцевъ. Вліяніе этого запроса на нихъ то, что онъ вызываетъ ихъ трудъ къ большей бодрости и успѣшности, возбуждаетъ ихъ новыми причинами къ новымъ усиліямъ. Новые пришельцы также не запросу земледѣльцевъ обязаны своимъ содержаніемъ и занятіемъ; имѣя въ запасѣ на годъ продовольствія, они могли-бы занять участки подлѣ прежнихъ жителей и, подобно имъ, производить скудное количество пищи и предметовъ необходимости. Но мы видимъ, какую чрезвычайную важность для производительности труда производителей имѣетъ существованіе другихъ производителей, занятыхъ подлѣ нихъ другимъ промысломъ. Возможность обмѣнивать продукты одного рода труда на продукты другаго—такое условіе, безъ котораго почти всегда трудъ существовалъ-бы въ меньшемъ количествѣ. Когда открывается для какого-нибудь продукта новый рынокъ и когда потому производится большее количество этого товара,

увеличеніе въ его производствѣ не всегда получается черезъ уменьшеніе другихъ продуктовъ: часто оно создается вновь, бываетъ результатомъ труда, который иначе остался-бы бездѣйственнымъ, или бываетъ результатомъ пособія, оказываемаго труду улучшеніями въ производствѣ и разными способами сотрудничества, къ которымъ люди не прибѣгли-бы, если-бы не представлялось для нихъ побужденія увеличить количество продукта.

3. Изъ этихъ соображеній видно, что общество едва ли будетъ имѣть производительное земледѣліе безъ большаго городскаго населенія или безъ единственной порядочной замѣны за него, безъ большаго вывоза земледѣльческихъ продуктовъ за границу для иноземнаго населенія. Я употребляю выраженіе „городское населеніе“ для краткости, желая просто обозначить этимъ не-земледѣльческое населеніе, которое вообще бываетъ собрано въ городахъ или большихъ селахъ, для сочетанія труда. Уэкфильдъ вывелъ изъ этого въ примѣненіи къ теоріи колонизаціи мысль, которая возбудила большое вниманіе и безъ сомнѣнія обратитъ его на себя впослѣдствіи еще въ гораздо бо́льшей степени. Это одно изъ тѣхъ великихъ практическихъ открытій, истина которыхъ такъ очевидна, что когда они разъ сдѣланы, трудно бываетъ понять, какая заслуга въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ. Уэкфильдъ первый указалъ, что неудовлетворителенъ былъ обыкновенный тогдашній способъ устраивать новыя поселенія: селить множество семей каждую на своемъ участкѣ, чтобы всѣ онѣ занимались однимъ и тѣмъ же: что этотъ способъ можетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, обезпечить поселенцамъ изобиліе грубыхъ вещей первой необходимости, но всегда будетъ неблагопріятенъ большому производству или быстрому возрастанію колоніи. Система самого Уэкфильда состоитъ въ томъ, чтобы съ самаго начала давалось колоніи городское населеніе въ извѣстной пропорціи къ земледѣльческому и чтобы земледѣльцы не были разбросаны слишкомъ широко, чтобы отдаленность не отнимала у нихъ выгоду имѣть въ этомъ городскомъ населеніи рынокъ для своихъ продуктовъ. Принципъ, на которомъ основанъ этотъ планъ, вовсе не вытекаетъ изъ какой нибудь теоріи о большей производительности воздѣлыванія земли большими участками посредствомъ наемнаго труда. Предположимъ, что земля даетъ наибольшее количество продуктовъ при раздѣленности на мелкіе участки и при воздѣлываніи землепашцами-собственниками: городское населеніе также будетъ необходимо для возбужденія этихъ собственниковъ къ большему производству: и если они такъ отдалены отъ ближайшаго центра городскаго населенія, что не могутъ имѣть его рынкомъ для излишка своихъ продуктовъ, для удовлетворенія другимъ своимъ потребностямъ черезъ обмѣнъ, то, вообще говоря, не будетъ произведенъ ни этотъ излишекъ, ни предметы, которые бы шли въ обмѣнъ за него.

Малочисленность городскаго населенія служитъ главною причиною малой производительности земледѣлія въ такихъ странахъ, какъ Индія. Индійское земледѣліе ведется все по системѣ малыхъ участковъ, но въ немъ есть большое сочетаніе труда. Сельскія учрежденія и обычаи, составляющіе существенную основу индійскаго общества, производятъ соединенную дѣятельность для тѣхъ случаевъ, когда она нужна; а гдѣ они не удовлетворяютъ этой надобности, правительство (если ведется не совсѣмъ дурно) заступаетъ ихъ мѣсто и на свои доходы исполняетъ сложный трудъ постройки резервуаровъ, плотинъ и другихъ сооруженій для орошенія полей. Но земледѣльческія орудія и методы такъ плохи, что продуктовъ получается чрезвычайно мало, несмотря на большое естественное плодородіе почвы и высокую благопріятность климата для растительности. Не отступая отъ системы воздѣлыванія мелкими участками, Индія могла бы производить

пищу въ изобиліи для гораздо большаго числа жителей, чѣмъ какое имѣетъ теперь: но нѣтъ въ ней къ этому возбужденія, даваемаго большимъ городскимъ населеніемъ, связаннымъ съ земледѣльческими округами посредствомъ легкихъ и дешевыхъ способовъ сообщенія. А городское населеніе не увеличивается оттого, что земледѣльцы, по своей нетребовательности, по малочисленности своихъ нуждъ (и до недавняго времени по чрезвычайной небезопасности имущества, подвергавшагося военному и правительственному хищничеству), не стремятся стать потребителями городскихъ продуктовъ. При такихъ обстоятельствахъ, лучшій шансъ скораго развитія производительныхъ средствъ Индіи состоитъ въ томъ, чтобы быстро увеличивался вывозъ ея земледѣльческихъ продуктовъ (хлопчатой бумаги, индиго, сахару, кофе ит. д.) на европейскіе рынки. Производители этихъ товаровъ служатъ потребителями пищи, производимой другими индійскими земледѣльцами; при порядочной администраціи, открывающійся черезъ это сбытъ для излишка пищи постепенно расширитъ въ земледѣльцахъ потребности и желанія, для удовлетворенія которымъ будутъ привозиться вещи изъ Европы или разовьется въ самой Индіи фабричное населеніе.

4. Раздѣленіе занятій—такая форма сочетанія труда, безъ которой невозможны даже первые начатки промышленной цивилизаціи. Но когда это раздѣленіе совершенно установилось, когда стало общимъ обычаемъ, что каждый производитель снабжаетъ многихъ другихъ людей однимъ товаромъ, и снабжается отъ нихъ почти всѣми остальными вещами, которыя самъ потребляетъ, то причины, столь же основательныя, хотя не столь рано чувствуемыя, требуютъ дальнѣйшаго развитія того же принципа. Найдено, что производительная сила труда увеличивается по мѣрѣ того, какъ его раздѣленіе проводится все дальше и дальше, каждый процессъ производства все больше и больше раздробляется на особыя части, такъ что на каждаго работника приходится все меньшее число простыхъ операцій. Такимъ образомъ современемъ возникаютъ тѣ замѣчательные случаи такъ называемаго раздѣленія труда, которые знакомы каждому, читавшему политико-экономическія книги. Примѣръ булавочной фабрикаціи, представленный Адамомъ Смитомъ, такъ удаченъ, что я рѣшаюсь выписать здѣсь еще разъ этотъ отрывокъ, хотя онъ извѣстенъ всѣмъ. „Процессъ выдѣлки булавки раздѣляется на 18 особыхъ операцій. Одинъ человѣкъ тянетъ проволоку, другой прямитъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ отрѣзки, пятый сплющиваетъ ихъ для насаживанія головки: для выдѣлки головки нужны еще двѣ или три особыя операціи; насаживать головки также особое дѣло, бѣлить булавки тоже особое дѣло; даже вкалывать ихъ въ бумагу особое дѣло... Я видѣлъ маленькую фабрику, на которой работало только десять человѣкъ, такъ что изъ нихъ инымъ приходилось дѣлать двѣ или три разныя операціи. Но хотя они были очень бѣдны и потому инструменты, нужные для дѣла, были у нихъ довольно плохи, они все-таки, когда работали прилежно, могли сдѣлать всѣ вмѣстѣ около 12 фунтовъ булавокъ въ день. Въ фунтѣ считается больше 4,000 булавокъ средней величины. Итакъ, эти 10 человѣкъ могли сдѣлать больше 48,000 булавокъ въ день,—то есть можно считать, что каждый изъ нихъ, исполняя десятую часть изъ 48,000 булавокъ дѣлалъ по 4,800 булавокъ въ день. А если-бы они работали врозь другъ отъ друга, и если бы каждый изъ нихъ не былъ бы обученъ своему особенному дѣлу, то навѣрное всякій изъ нихъ не сдѣлалъ-бы и 20 булавокъ въ день, можетъ быть не сдѣлалъ-бы ни одной“.

Съ представляетъ еще сильнѣйшій примѣръ результатовъ раздѣленія труда,—онъ взятъ изъ фабрикаціи игорныхъ картъ,—изъ промышленности, какъ видимъ, очень не

важной.—„Люди, занимающіеся этимъ дѣломъ, говорятъ, что каждая карта, то есть кусочекъ картона величиною въ ладонь, проходитъ до поступленія своего въ продажу не менѣе 70 операцій *), изъ которыхъ каждая можетъ быть занятіемъ для особенныхъ работниковъ. И если не въ каждой карточной фабрикѣ находится 70 разрядовъ рабочихъ, это значитъ только, что раздѣленіе труда не доведено на нихъ до настоящаго предѣла, и что одинъ работникъ занятъ двумя, тремя или четырьмя разными операціями. Вліяніе этого распредѣленія занятій громадно. Я видѣлъ карточную фабрику, на которой 30 работниковъ производили въ день по 15,500 картъ, то есть больше, чѣмъ по 500 картъ на каждаго работника; а можно думать, что если-бы каждый изъ этихъ работниковъ былъ принужденъ самъ одинъ совершать всѣ операціи, то хотя-бы онъ былъ искусенъ въ мастерствѣ, онъ едва ли сдѣлалъ-бы въ день двѣ карты, и 30 работниковъ, вмѣсто 15,500 картъ, сдѣлали-бы развѣ 60 картъ въ день“.

По замѣчанію Бебббеджа („Economy of Machinery and Manufacture“, 3-е изданіе, стр. 201), „Свидѣтели объясняли коммиссіи палаты общинъ, что производство карманныхъ часовъ имѣетъ 102 отдѣльныя части, что мальчикъ можетъ идти въ ученики по каждой изъ нихъ, что онъ выучится только этой одной части, которой ограничивается его мастеръ, и кончивъ свое ученичество, не умѣетъ, безъ новаго обученія, заниматься никакою другою частью. Часовой складывальщикъ (watch-finisher), который занимается составленіемъ часовъ изъ разрозненныхъ частей, одинъ изъ этихъ 102 человѣкъ умѣетъ дѣлать что нибудь въ карманныхъ часахъ, кромѣ своего особеннаго дѣла“.

5. Нѣкоторыя изъ причинъ, дающихъ большую успѣшность труду при раздѣленіи занятій, такъ знакомы каждому, что не требуютъ особеннаго разъясненія; но не безполезенъ будетъ опытъ перечислить всѣ ихъ. Адамъ Смитъ всѣ ихъ сводитъ въ три элемента: „Во-первыхъ, увеличеніе ловкости въ каждомъ спеціальномъ работникѣ; во-вторыхъ, сбереженіе времени, которое вообще теряется при переходѣ отъ одного рода работы къ другому; наконецъ, изобрѣтеніе множества машинъ, облегчающихъ и сокращающихъ трудъ, такъ что съ ними одинъ человѣкъ исполняетъ работу нѣсколькихъ людей“.

Изъ этихъ выгодъ самая явная и всеобщая—увеличеніе ловкости работника. Тутъ говорится не то, что чѣмъ чаще исполняется дѣло, тѣмъ лучше оно будетъ исполняться,—это зависитъ отъ понятливости работника и оттого, прилежно ли работаетъ его умъ вмѣстѣ съ руками; но во всякомъ случаѣ, оно будетъ исполняться легче. Сами

*) „Бумагу, изъ которой дѣлаются карты и краски, которыми онѣ иллюминуются, приготовляютъ не тѣ работники, которые находятся на карточной фабрикѣ. Но обративъ вниманіе только на выдѣлку картъ изъ этихъ матеріаловъ, мы найдемъ, что колода картъ—результатъ множества операцій, изъ которыхъ каждою занимаются особенные работники и работницы, постоянно занимающіеся одною этою операціею. Одни люди, постоянно одни и тѣ же, счищаютъ съ бумаги сориики и узелки, отъ которыхъ толщина карты была бы не вездѣ ровна; другіе склеиваютъ три листка бумаги, изъ которыхъ составляется карта, и кладутъ ихъ подъ прессъ; третьи красятъ ту сторону карты, которая будетъ краномъ; четвертые оттискиваютъ черную краску на лицевой сторонѣ карты; пятые оттискиваютъ на ней другія краски; шестые сушатъ на жаровнѣ оттиснутыя карты; седьмые лощатъ ихъ съ обѣихъ сторонъ. Рѣзать карты въ ровную величину особое занятіе, подбирать изъ нихъ колоды—тоже; оттискивать обертку для нихъ—также особое дѣло, завертывать ихъ въ нее—тоже. Мы не считаемъ того, что опять особенные люди заняты ихъ продажею, покупкою матеріаловъ, расплатою съ работниками, веденіемъ письменной части“. (Say, Cours d'Economie politique pratique).

Замѣчательнымъ доказательствомъ экономіи труда, производимой этимъ дробнымъ дѣленіемъ занятій, служитъ то, что продается по ничтожной цѣнѣ вещь, составляющая результатъ такого множества ручныхъ операцій.—*Прим. авт.*

органы пріобрѣтаютъ больше крѣпости; мускулы отъ частаго упражненія становятся сильнѣе, гибче, умственныя силы болѣе успѣшны въ своемъ трудѣ и менѣе чувствительны къ утомленію. Что можетъ быть исполнено легче, то имѣетъ шансъ быть исполнено лучше, и навѣрное будетъ исполнено скорѣе. То, что сначала дѣлалось медленно, потомъ дѣлается быстро; то, что сначала дѣлалось аккуратно только при медленности, потомъ дѣлается такъ же аккуратно съ быстротою. Это равно примѣняется и къ умственнымъ и къ физическимъ операціямъ. Даже ребенокъ, когда много упражняется въ сложеніи, слагаетъ цѣлую колонну числъ съ такою быстротою, какъ будто прямо, не вычисляя, видитъ ихъ сумму. Говорить на своемъ языкѣ, бѣгло читать, играть музыкальныя пьесы à livre ouvert—вотъ всѣмъ извѣстные и очень замѣчательные примѣры быстроты и легкости, пріобрѣтаемой отъ повторенія дѣла; изъ физическихъ дѣйствій такими примѣрами могутъ служить танцы, гимнастическія упражненія, легкая и блестящая игра на фортепьяно или скрипкѣ. Въ простыхъ ручныхъ операціяхъ этотъ результатъ достигается еще скорѣе. „Быстрота, съ какою производятся операціи въ нѣкоторыхъ ручныхъ издѣліяхъ, говоритъ Адамъ Смитъ, превосходитъ все, чего могли бы ожидать отъ человѣческой руки люди, не видавшіе ихъ“ *). Разумѣется, эта ловкость пріобрѣтается тѣмъ скорѣе, чѣмъ дробнѣе раздѣленіе труда, и работникъ никогда не достигнетъ ея, если ему нужно совершать такое множество разныхъ операцій, что становится невозможнымъ достаточно частое повтореніе каждой изъ нихъ. Выгода здѣсь не та одна, что въ результатѣ достигается большая успѣшность труда,—кромѣ этого, уменьшается потеря времени и трата матеріала на обученіе дѣлу. „Нѣкоторое количество матеріала, говоритъ Беббеджъ (стр. 171), неизбѣжно будетъ невыгодно потреблено или испорчено каждымъ, кто учится работѣ, и если онъ учится каждому процессу, поочередно совершающемуся въ дѣлѣ, онъ каждый разъ будетъ тратить нѣсколько матеріала или отчасти изготовленнаго товара. Но если каждый учащійся дѣлаетъ эту растрату, постепенно учась каждому процессу, то количество потери будетъ гораздо меньше, когда каждый ограничится однимъ процессомъ“. И вообще, каждый гораздо скорѣе научится исполнять одинъ свой процессъ, если учась ему не будетъ развлекаться необходимостью учиться другимъ процессамъ.

О второй изъ выгодъ, происходящихъ отъ раздѣленія труда, я думаю, что Адамъ Смитъ и другіе придаютъ ей больше значенія, чѣмъ она заслуживаетъ. Чтобы справедливо разобрать мнѣніе Смита, я приведу его собственныя слова: „Выгоды, пріобрѣтаемыя сбереженіемъ времени, обыкновенно пропадающаго при переходѣ отъ дѣла одного рода къ другому, гораздо больше, чѣмъ можно полагать съ перваго взгляда. Невозможно въ одну минуту перейти отъ одного дѣла къ другому, исполняемому на другомъ мѣстѣ и совершенно другими инструментами. Деревенскій ткачъ, воздѣлывающій маленькую ферму, долженъ терять много времени, переходя отъ станка на поле и съ поля къ станку. Когда два дѣла могутъ быть ведены въ одной мастерской, потеря времени, конечно, го-

*) „Въ астрономическихъ наблюденіяхъ, чувства астронома дѣлаются отъ привычки такъ остры, что онъ можетъ измѣрять промежутки времени до десятой части секунды, и устанавливать свои инструменты по дѣленіямъ, которыхъ 5,000 помѣщается на одномъ дюймѣ. Тоже самое и въ самыхъ невысокихъ ручныхъ производствахъ. Ребенокъ, насаживающій головку на булавку, нѣсколько часовъ сряду повторяетъ по нѣсколько сотъ разъ въ каждую минуту эту операцію, требующую сложнаго ряда мускульныхъ движеній. Недавно въ одной изъ манчестерскихъ газетъ мы прочли, что особенный родъ пряжи, который называется gimp, сначала дѣлавшійся за три шиллинга фунтъ, теперь дѣлается за одинъ пенсъ, и эта дешевизна произошла не отъ введенія новыхъ машинъ, какъ обыкновенно, а только отъ увеличенія ловкости работниковъ“. Edinburgh Review, январь 1849, стр. 81.—*Прим. авт.*

раздо меньше. Но и тутъ она очень велика. Человѣкъ вообще нѣсколько полѣнится, обращаясь отъ одного дѣла къ другому. При самомъ началѣ новаго дѣла, онъ рѣдко бываетъ горячъ и усерденъ къ работѣ; какъ говорится, душа у него еще не разгорѣлась на работу, и нѣсколько времени онъ больше бездѣльничаетъ, чѣмъ работаетъ какъ должно. Привычка терять время, работать вяло и небрежно, натурально или лучше сказать неизбѣжно пріобрѣтаемая каждымъ деревенскимъ рабочимъ, принужденнымъ почти каждые получаса перемѣнять работу и инструменты, и почти каждый день браться за двадцать разныхъ занятій, почти всегда дѣлаетъ его лѣнивымъ, вялымъ, неспособнымъ къ энергической работѣ даже въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ". Нельзя не сказать, что это описаніе неуспѣшности деревенскаго труда чрезвычайно преувеличено: онъ успѣшенъ, когда имѣетъ достаточныя побужденія быть усерднымъ. Мало такихъ работниковъ, которые чаще садовника мѣняли бы работу и инструменты, — но развѣ садовники вообще неспособны къ усердному труду? Многіе изъ ремесленниковъ должны дѣлать очень большое число разныхъ операцій разными инструментами; они не исполняютъ этихъ операцій съ тою быстротою, какъ фабричный работникъ свою единственную операцію; но они во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ быстроты рукъ, болѣе искусны въ работѣ, чѣмъ фабричные работники, и работаютъ гораздо энергичнѣе ихъ.

Беббеджъ, слѣдуя Адаму Смиту, говоритъ: „Когда человѣческая рука или голова нѣсколько времени занималась одною работою, она не можетъ вдругъ заняться другою съ полною успѣшностью. Мускулы работавшихъ членовъ пріобрѣли во время прежней работы нѣкоторую гибкость, а бездѣйствовавшіе неподвижность отъ отдыха; потому при каждой перемѣнѣ дѣло идетъ сначала медленно и неровно. Долгая привычка производитъ въ упражнявшихся мускулахъ способность переносить гораздо больше утомленія, чѣмъ сколько могли-бы они перенести безъ этой привычки. Подобный результатъ долженъ происходить и при перемѣнѣ умственной работы: сначала вниманіе, обращаемое на новый предметъ, не такъ полно, какъ послѣ нѣкотораго времени занятія имъ. Употребленіе разныхъ инструментовъ при разныхъ операціяхъ одного дѣла—другая причина потери времени при переходѣ отъ одной операціи къ другой. Если эти инструменты просты и перемѣны не часты, потеря не велика; но во многихъ производствахъ инструменты очень нѣжны, требуютъ аккуратнаго приспособленія, установки каждый разъ, какъ употребляются въ дѣло, и во многихъ случаяхъ, время, нужное для установки инструмента, значительно по сравненію съ временемъ работы имъ. Таковы: подвижная подпорка (sliding rest), дѣлительная и пробивная машина (the dividing und the drilling engine). Отъ этого, если фабрика достаточно велика, оказывается выгоднымъ держать каждую машину постоянно за однимъ дѣломъ; напримѣръ, винтовая машина, имѣющая спиральное движеніе по всему ложу подвижной подпорки, постоянно употребляется только на дѣланіе цилиндровъ; другая, съ уравнительнымъ движеніемъ, только на шлифовку поверхностей ребрами, а третья только на рѣзаніе колесъ".

Я вовсе не говорю, чтобы эти соображенія были ничтожны, но думаю, что напрасно забывать о соображеніяхъ противоположнаго характера. Если извѣстный мускульный или умственный трудъ различенъ отъ другаго, онъ по этому самому уже служитъ до нѣкоторой степени отдыхомъ отъ него; и если во второмъ дѣлѣ не съ разу получается полная энергія, то и перваго нельзя было бы продолжать больше извѣстнаго времени безъ нѣкотораго ослабленія энергіи. Житейскій опытъ каждому показываетъ, что перемѣна занятія часто доставляетъ отдыхъ, когда безъ перемѣны необходимо было-бы для отдыха совершенное бездѣйствіе; что человѣкъ, поочередно мѣняя дѣло, можетъ

работать безъ утомленія нѣсколькими часами дольше, чѣмъ когда-бы оставался при одномъ дѣлѣ. Надъ разными дѣлами работаютъ разные мускулы или разныя умственныя способности, изъ которыхъ одни отдыхаютъ и освѣжаются, пока работаютъ другіе. Физическій трудъ самъ по себѣ уже отдыхъ отъ умственнаго, и наоборотъ. Разнообразіе само по себѣ уже имѣетъ освѣжающее дѣйствіе на качество, которое мы, за недостаткомъ болѣе точнаго термина, назовемъ бодростью духа, —качество столь важное для успѣшности всякаго труда, не исключительно машинальнаго, не лишенное важности и для чисто машинальнаго труда. Эти соображенія имѣютъ неодинаковую важность по примѣненію къ людямъ разныхъ характеровъ; нѣкоторые люди способнѣе другихъ къ упорному труду за однимъ дѣломъ безъ перемѣны и менѣе способны къ перемѣнѣ дѣла; имъ, по разговорному выраженію, нужно больше времени на то, чтобы расходилась у нихъ рука; начальная вялость въ работѣ у нихъ продолжительнѣе, больше нужно имъ времени, чтобы вполнѣ одушевились на дѣло ихъ способности, а когда они одушевятся, они ужь не скоро бросаютъ дѣло, работаютъ безостановочно, даже до вреда здоровью. Тутъ нужно брать въ соображеніе темпераментъ. Есть люди, которые, кажется уже отъ отъ самой природы, таковы, что способности у нихъ разъигрываются медленно, работаютъ слабо, пока не разгорячатся долгою работою. У другихъ, наоборотъ, способности разъигрываются быстро, но не могутъ безъ изнуренія дѣйствовать долго. Впрочемъ и тутъ, какъ почти вездѣ, привычка гораздо важнѣе врожденныхъ различій, хотя есть и врожденныя различія. Привычка быстро переходить отъ одного занятія къ другому, подобно всякой привычкѣ, можетъ быть пріобрѣтаема раннимъ упражненіемъ; а когда она пріобрѣтена, то уже вовсе нѣтъ при переходахъ отъ одного занятія къ другому того бездѣльничанья, о которомъ говоритъ Адамъ Смитъ, нѣтъ ослабленія энергіи и усердія,—напротивъ, работникъ берется за каждую новую часть работы со свѣжестью и бодростью, которыхъ не сохранилъ бы (кромѣ развѣ случаевъ необычайно разгорѣвшагося жара къ работѣ), оставаясь при одной части дѣла дольше, чѣмъ привыкъ. Женщины (по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ своемъ общественномъ положеніи) вообще гораздо живѣе мужчинъ переходятъ отъ мысли къ мысли, отъ дѣла къ дѣлу; и вопросъ этотъ служитъ однимъ изъ множества примѣровъ того, какъ мало принимались до сихъ поръ въ разсчетъ опытъ и понятія женщинъ при составленіи мнѣній. Мало найдется женщинъ, которыя не отвергли бы мысль, что работа становится энергична отъ продолжительности и что успѣшность работы на время ослабляется перемѣною дѣла. Но и въ этомъ случаѣ разница кажется мнѣ происходящею гораздо больше отъ привычки, чѣмъ отъ натуры. Изъ десяти мужчинъ девятеро занимаются каждый однимъ спеціальнымъ дѣломъ, а изъ десяти женщинъ девять занимаются каждая множествомъ разныхъ дѣлъ, изъ которыхъ всякое требуетъ очень мало времени. Женщины постоянной надобностью пріучились живо переходить отъ одного матеріальнаго занятія, а еще больше отъ одного умственнаго занятія къ другому, потому перемѣна почти никогда не соединена у нихъ съ затрудненіемъ или потерею времени; а занятіе мужчины состоитъ обыкновенно въ долгой и постоянной работѣ надъ одною вещью или надъ очень небольшимъ числомъ вещей. Но иногда бываетъ наоборотъ; тогда и характеры становятся противоположны общему правилу. Женщины оказываются не менѣе мужчинъ способны къ однообразію фабричной работы,—иначе не брали бы на фабрики такое множество женщинъ; а мужчина, привыкшій заниматься множествомъ разныхъ дѣлъ, вовсе не становится вялымъ и лѣнивымъ существомъ, о какомъ говоритъ Адамъ Смитъ, напротивъ, бываетъ замѣчательно живъ и дѣятеленъ. Но правда, что перемѣна занятій

можетъ бывать чрезмѣрно частою даже для самаго живаго человѣка. Безпрерывная перемѣнчивость еще утомительнѣе постояннаго однообразія.

Третья выгода, приписываемая Адамомъ Смитомъ раздѣленію труда, дѣйствительно существуетъ въ нѣкоторой степени. Изобрѣтенія, сберегающія трудъ въ извѣстной операціи, могутъ скорѣе быть придуманы человѣкомъ, у котораго мысли сильно обращены на это дѣло и постоянно имъ заняты. Не такъ скоро сдѣлаетъ усовершенствованіе въ какомъ нибудь дѣлѣ человѣкъ, вниманіе котораго сильно развлечено другими дѣлами. Но и тутъ общее развитіе сообразительности и привычка къ умственной дѣятельности гораздо важнѣе исключительности занятія; и если исключительность доводится до степени неблагопріятной умственному развитію, тутъ будетъ больше проигрыша, чѣмъ выигрыша, для придумыванія улучшеній. Можно прибавить, что отъ какой бы причины не дѣлались изобрѣтенія, но когда сдѣлано изобрѣтеніе, то увеличеніемъ успѣшности труда мы обязаны самому изобрѣтенію, а не раздѣленію труда.

Величайшая (послѣ ловкости работника) выгода, получаемая нынѣшнею фабричною промышленностью отъ дробнаго раздѣленія труда, не упомянута у Адама Смита, но замѣчена Бебеджемъ; она состоитъ въ томъ, что трудъ распредѣляется экономичнѣе черезъ классификацію работниковъ по ихъ способностямъ. Разныя части въ одномъ ряду операцій требуютъ не одинаковой степени ловкости и физической силы; люди, у которыхъ достаетъ ловкости на самыя затруднительныя, или достаетъ силы на самыя тяжелыя части труда, становятся гораздо полезнѣе, когда занимаются однѣми этими частями, и когда тѣ части, къ которымъ пригоденъ каждый, оставляются людямъ неспособнымъ къ другимъ частямъ. Производство успѣшнѣе всего тогда, когда употребляется на него именно такое, а не большее количество ловкости и силы, какое нужно на каждую часть процесса. Производство булавокъ, конечно, требуетъ въ разныхъ своихъ частяхъ очень разныхъ степеней ловкости, такъ что плата разнымъ работникамъ и работницамъ этого производства отъ $4^1/_2$ пенсовъ (12 копѣекъ) въ день доходитъ до 6 шиллинговъ (2-хъ рублей); и если бы работникъ, получающій по 6 шиллинговъ, долженъ былъ производить весь процессъ, онъ часть своего времени работалъ бы съ потерею равняющеюся въ день разницѣ между 6 шиллингами и $4^1/_2$ пенсами. Не считая потери въ количествѣ производимаго продукта и, полагая даже, что этотъ работникъ сдѣлалъ бы фунтъ булавокъ въ то время, въ какое десять работниковъ, соединяя свой трудъ, дѣлаютъ десять фунтовъ, Бебеджъ вычисляетъ, что выдѣлка булавокъ безъ раздѣленія труда стоила бы въ $3^3/_4$ раза большихъ издержекъ, чѣмъ теперь, съ раздѣленіемъ труда. Въ выдѣлкѣ иголокъ, прибавляетъ онъ, разница была бы еще больше, потому что въ этомъ производствѣ норма вознагражденія за разныя части выдѣлки идетъ отъ 6 пенсовъ (16-ти коп.) до 20 шиллинговъ (6 руб. 50 коп.) въ день.

Къ выгодѣ, состоящей въ полученіи наибольшаго количества полезности изъ даннаго количества ловкости, можно прибавить другую подобную ей выгоду, состоящую въ томъ, что извлекается наибольшая полезность изъ инструментовъ. Если бы, говоритъ Ре въ своей замѣчательной книгѣ (Statement of some New Principles on the subject of Political Economy, by John Rae, стр. 164), у одного человѣка были всѣ инструменты, нужные для нѣсколькихъ разныхъ занятій, то по крайней мѣрѣ три четверти изъ нихъ постоянно лежали бы безъ употребленія и безъ пользы. Изъ этого ясно, что если бы существовало общество, въ которомъ каждый человѣкъ имѣлъ бы всѣ эти инструменты и поочередно занимался бы всѣми этими работами, то членамъ общества выгодно было бы, если только можно, раздѣлить между собою эти инструменты

и каждому ограничиться однимъ особымъ занятіемъ. Выгоды отъ такой перемѣны велики для всего общества, стало быть и для каждаго отдѣльнаго человѣка. Во-первыхъ, разныя орудія, будучи въ постоянномъ употребленіи, даютъ лучшую выручку за расходъ, сдѣланный на ихъ пріобрѣтеніе. Во-вторыхъ, по этому самому владѣльцы могутъ имѣть ихъ въ лучшемъ качествѣ и въ большей полнотѣ. Результатъ обоихъ этихъ обстоятельствъ тотъ, что дѣлается большой запасъ на будущія потребности всего общества.

6. Степень раздѣленія труда, какъ замѣчали всѣ писавшіе о ней, опредѣляется размѣромъ рынка. Если при раздѣленіи булавочнаго производства на десять разныхъ занятій можно дѣлать въ день 48,000 булавокъ, это раздѣленіе будетъ выгодно только въ томъ случаѣ, когда число покупателей таково, что они каждый день требуютъ около 48,000 булавокъ. Если запросъ есть только на 24,000, раздѣленіе труда съ выгодою можетъ быть доведено только до той степени, на которой ежедневно будетъ производить эту меньшую цифру. Вотъ теперь мы видимъ еще новый путь, которымъ увеличеніе запроса на товаръ ведетъ къ увеличенію успѣшности труда, занятаго производствомъ товара. Размѣръ рынка можетъ быть тѣсенъ отъ разныхъ причинъ: отъ слишкомъ малаго числа населенія; отъ чрезмѣрной раздробленности и отдаленности населенія, такъ что доступъ къ нему труденъ; отъ недостатка сухопутныхъ и водяныхъ путей сообщенія; наконецъ отъ бѣдности населенія, т. е. отъ того, что совокупный трудъ населенія слишкомъ неуспѣшенъ, такъ что не допускаетъ большаго потребленія. Потому вялость, искусство и недостатокъ сочетанія въ трудѣ у людей, которые были бы покупщиками товара, ограничиваютъ практически достижимую степень сочетанія труда у производителей товара. Въ раннемъ фазисѣ цивилизаціи, когда запросъ данной мѣстности былъ по необходимости малъ, промышленность процвѣтала только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, владѣя моремъ или судоходною рѣкою, могли имѣть рынкомъ для своихъ продуктовъ цѣлый міръ или всѣ страны, лежащія по морю или по судоходной рѣкѣ. Возрастаніе общаго богатства на земномъ шарѣ ведетъ къ увеличенію производительности труда у каждой отдѣльной націи, когда сопровождается свободою торговыхъ сношеній, улучшеніями водяныхъ средствъ сообщенія и сухопутныхъ дорогъ черезъ проведеніе шоссе, каналовъ и желѣзныхъ дорогъ: черезъ это каждая мѣстность получаетъ возможность снабжать своими спеціальными продуктами рынокъ, до того увеличивающійся, что обыкновеннымъ результатомъ для производства бываетъ большое расширеніе раздѣленія труда.

Степень раздѣленія труда во многихъ случаяхъ зависитъ также отъ характера самаго труда. Напримѣръ, земледѣліе неспособно къ такому большому раздѣленію занятій, какъ многія отрасли фабричнаго дѣла, потому что разныя операціи земледѣлія не могутъ быть ведены одновременно. Нельзя одному человѣку всегда пахать, другому сѣять, третьему жать. Работникъ, исполняющій только одну какую нибудь земледѣльческую операцію, оставался бы празднымъ одиннадцать мѣсяцевъ въ годъ. Одинъ человѣкъ можетъ постепенно исполнять всѣ эти операціи и все-таки почти во всякомъ климатѣ будетъ у него оставаться много незанятаго времени. Чтобы произвести значительное усовершенствованіе въ земледѣліи, часто бываетъ нужно, чтобы трудились вмѣстѣ много работниковъ. Но кромѣ немногихъ людей, занятыхъ общимъ надзоромъ за дѣломъ, всѣ остальные работники дѣлаютъ тутъ одно и то же. Каналъ или насыпь для желѣзной дороги нельзя сдѣлать безъ сочетанія множества работниковъ, но, кромѣ инженера съ нѣсколькими бухгалтерами и письмоводителями, всѣ они землекопы.

ЗАМѢЧАНІЕ НА ГЛАВУ ВОСЬМУЮ.

Все, что говоритъ Милль о сочетаніи труда, совершенно справедливо; но каждый изъ читателей видитъ, что онъ забылъ разсмотрѣть ту сторону послѣдствій этого закона, которая относится прямымъ образомъ не къ производству, а къ производящему работнику, очень сильно отражаясь, впрочемъ, и на самомъ производствѣ, по его зависимости отъ качествъ работника. Мы начнемъ анализъ этой стороны дѣла съ физіологическихъ данныхъ.

Человѣческій организмъ представляетъ собою очень многосложную систему разныхъ частей, физическое благосостояніе которыхъ связано общею зависимостью ихъ отъ центральныхъ органовъ дыханія и питанія. Желудокъ и легкія, съ принадлежащими къ нимъ по физіологическимъ функціямъ частями, не принимаютъ непосредственной доли во внѣшнемъ трудѣ, но зато вырабатываютъ элементы, которыми поддерживается сила всѣхъ частей организма, работающихъ въ матеріальномъ производствѣ. Сила желудка находится въ прямой пропорціи къ общему развитію организма; она возвышается съ его укрѣпленіемъ, падаетъ при его ослабленіи. Если общее состояніе организма неудовлетворительно, желудокъ теряетъ силу вырабатывать количество крови, требуемое надобностями организма. Тоже надобно сказать и о легкихъ: при ослабленіи организма они теряютъ силу вдыхать и соединять съ кровью такое количество воздуха, какое нужно для надлежащаго окисленія крови.

Далѣе, физіологія показываетъ, что для поддержанія каждой части организма въ здоровомъ состояніи нужна извѣстная энергія и продолжительность работы для мускуловъ этой части. При излишествѣ работы мускулы слабѣютъ; точно также слабѣютъ и при недостаткѣ ея. За ихъ разслабленіемъ непремѣнно слѣдуетъ нездоровье той части организма, которой принадлежатъ они.

Потому, для поддержанія организма въ удовлетворительномъ состояніи, нужно извѣстное количество работы для мускуловъ всѣхъ частей организма. Характеръ работъ, оказывающихся здоровыми, состоитъ въ томъ, что онѣ даютъ хорошее занятіе мускуламъ всѣхъ частей организма. Таковы почти всѣ работы на низкихъ степеняхъ экономическаго быта: раздѣленіе труда еще очень мало, потому каждый работникъ исполняетъ цѣлый рядъ операцій, которыя поочередно требуютъ усилія мускуловъ всѣхъ частей организма, заставляютъ работника часто измѣнять характеръ труда и положеніе тѣла. Возьмемъ въ примѣръ каждаго изъ тѣхъ пильщиковъ лѣса, кото-

рые странствуютъ по нашимъ провинціальнымъ захолустьямъ, незнающимъ лѣсопильныхъ мельницъ. Этотъ пильщикъ самъ возится надъ точеніемъ своей пилы. Онъ же ставитъ и козлы для накладки брусьевъ. Онъ же взваливаетъ и брусья на нихъ,—потомъ возится надъ складываніемъ досокъ для просушки:—сколькихъ разныхъ положеній тѣла, сколькихъ разнообразныхъ усилій разныхъ мускуловъ требуютъ эти части его дѣла! Посмотримъ и на главную часть его занятія, собственно на пиленіе бруса. Тутъ онъ тянетъ пилу руками, и при каждомъ взмахѣ ея качается всѣмъ корпусомъ, такъ что сильно работаетъ весь спинной хребетъ; эти качанія такъ сильны и требуютъ такихъ значительныхъ перемѣнъ въ силѣ, съ какою онъ опирается на ноги, что очень значительно работаютъ и всѣ мускулы ногъ; пильщикъ то всею силою поджимаетъ колѣни, то всею силою выпрямляетъ ихъ; такимъ образомъ рѣшительно весь его организмъ участвуетъ въ работѣ и весь пользуется нормальнымъ ея послѣдствіемъ—укрѣпленіемъ силъ. При общемъ развитіи силъ организма усиливается и желудокъ, усиливаются и легкія: если другія части организма требуютъ большаго количества крови, то и эти центральныя части получаютъ способность выдѣлывать больше ея, удовлетворительною переработкою большаго количества пищи. (Разумѣется, мы говоримъ только о тѣхъ случаяхъ, когда работа ведется способомъ, удовлетворительнымъ въ гигіеническомъ отношеніи).

Но читатель замѣтитъ, что такія работы, занимающія весь организмъ, принадлежатъ преимущественно низшимъ степенямъ производительныхъ процессовъ. Чѣмъ болѣе совершенствуется производство, тѣмъ одностороннѣе становится требуемый отъ работника трудъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя тоже самое пильное дѣло. Когда пила вмѣсто человѣческихъ рукъ начинаетъ двигаться водою или паромъ и брусья подъ нее подкладываются также особеннымъ механизмомъ, а не человѣческими плечами, вмѣсто пильщиковъ, работающихъ всѣмъ организмомъ, нужны становятся работники, которые только наблюдаютъ за дѣйствіемъ механизма, и развѣ по временамъ поправляютъ его легкими движеніями рукъ, не требующими уже содѣйствія ни спины, ни ногъ. Такимъ образомъ дѣло этихъ работниковъ состоитъ уже въ полномъ бездѣйствіи почти всего организма кромѣ рукъ, мускуламъ которыхъ тоже приходится мало работы. Физіологическія послѣдствія такого положенія очевидны: организмъ не достигаетъ той крѣпости, какая давалась ему менѣе усовершенствованною формою того же производства. Но тутъ по крайней мѣрѣ еще нѣтъ надобности постоянно держать организмъ въ положеніи неудобномъ для питанія органовъ. Въ большей части случаевъ усовершенствованные процессы производства соединены и съ этимъ вторымъ условіемъ, столь же невыгоднымъ для организма. Почти на всѣхъ фабрикахъ почти всѣ работники остаются цѣлый день въ какомъ нибудь одномъ и томъ же сидячемъ, сгорбленномъ, искривленномъ положеніи, работая лишь какими нибудь двумя-тремя мускулами, между тѣмъ какъ остальное тѣло нѣмѣетъ отъ неподвижности и питаніе въ немъ запираетъ отъ неудобнаго положенія. При высокомъ раздѣленіи труда организмъ большей половины работниковъ впадаетъ въ летаргію, отъ которой ослабляются и центральныя части его: желудокъ становится плохъ, легкія

остаются неразвиты, неизбѣжное послѣдствіе того— общая слабость питанія, худосочіе, расположеніе къ груднымъ болѣзнямъ.

Зато другая, по своей численности нѣсколько меньшая, часть работниковъ при высокомъ раздѣленіи труда получаетъ занятія, требующія очень сильной дѣятельности мускуловъ, но лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ организма или уже въ количествѣ превышающемъ нормальную силу организма. Одни должны, находясь въ сидячемъ положеніи, вертѣть колеса; другіе вертятъ ихъ въ болѣе здоровомъ положеніи, стоя на ногахъ, зато вертятъ вдвое большее количество часовъ, чѣмъ сколько могъ бы безъ вреда для себя проводить организмъ въ этомъ состояніи. Тутъ происходитъ нарушеніе здоровой пропорціи между питаніемъ и развитіемъ разныхъ частей организма, или также общее его разслабленіе.

Словомъ сказать, высокое раздѣленіе труда при нынѣшнемъ порядкѣ производства, по которому каждый работникъ вѣчно остается при одной и той же частицѣ дѣла, ведетъ къ порчѣ организма въ огромномъ большинствѣ работниковъ, находящихся при процессахъ усовершенствованнаго производства.

Таково чисто физіологическое послѣдствіе раздѣленія труда при нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ. Точно таково же его вліяніе на экономическій бытъ работниковъ.

Во второй книгѣ Милля мы найдемъ подробныя доказательства тому, что величина рабочей платы зависитъ отъ степени умственнаго развитія работника и отъ величины затратъ, какія были нужны работнику для пріобрѣтенія той суммы техническихъ совершенствъ, какими онъ владѣетъ. Чѣмъ выше проводится раздѣленіе труда, тѣмъ проще дѣлается операція, исполняемая каждымъ отдѣльнымъ работникомъ, тѣмъ меньше требуетъ она въ немъ умственныхъ силъ, тѣмъ меньше нужно времени, чтобы достичь совершенства въ ея исполненіи; исключеніемъ служатъ только очень малочисленныя обязанности общаго надзора или соединенія разныхъ отдѣльныхъ частей продукта въ одно цѣлое. За исключеніемъ этихъ немногихъ работниковъ, вся остальная масса, по самой сущности дѣла, должна подвергаться сокращенію рабочей платы соразмѣрно совершенствованію производительныхъ операцій. При машинѣ почти всѣ работники исполняютъ чисто механическій трудъ; человѣческое занятіе, требующее ума и техническаго знанія, имѣетъ одинъ управляющій всѣмъ механизмомъ; потому совершенствованіе производительныхъ процессовъ при нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ необходимо ведетъ къ упадку рабочаго класса въ экономическомъ отношеніи.

Напрасно защитники настоящаго приводятъ въ опроверженіе этого вывода множество цифръ, доказывающихъ, по ихъ увѣренію, что рабочая плата не понизилась или даже возвысилась въ Англіи, Франціи и другихъ передовыхъ странахъ въ послѣднее десятилѣтіе. Во-первыхъ, цифры, ими представляемыя, почти всѣ слишкомъ недостовѣрны. (Мы еще будемъ имѣть случаи подробнѣе говорить объ этомъ). Во-вторыхъ, если бы онѣ и были совершенно вѣрны, онѣ еще ничего не доказывали бы. Кромѣ раздѣленія труда и другихъ фактовъ, вредно дѣйствующихъ на рабочую плату при

нынѣшнемъ порядкѣ, развиваются въ тѣхъ же обществахъ другіе факты, имѣющіе противоположное вліяніе. Главный изъ нихъ—развитіе наукъ. Онъ служитъ общимъ источникомъ всѣхъ другихъ: благодаря ему, совершенствуется техника, уничтожаются варварскія учрежденія и дикіе обычаи, распространяется участіе въ гражданскихъ правахъ на массу населенія. Всѣ эти измѣненія имѣютъ тенденцію улучшать положеніе общества, въ томъ числѣ и работниковъ. Если бы рабочая плата и возвысилась въ послѣднія десятилѣтія въ Англіи или Франціи, это значило бы только, что размѣръ полезныхъ перемѣнъ былъ въ этотъ періодъ такъ значителенъ, что перевѣсилъ своимъ вліяніемъ дѣйствіе, оказываемое на нее раздѣленіемъ труда. Очень можетъ быть, что люди въ Петербургѣ живутъ теперь удобнѣе, чѣмъ жили въ Москвѣ при Василіи Темномъ; слѣдуетъ ли изъ этого, что, переселяясь въ Петербургъ, они переселялись въ климатъ болѣе удобный? Нѣтъ, видно только, что развитіемъ цивилизаціи доставлены теперь въ худшемъ климатѣ такія удобства, какихъ не было и въ хорошемъ при полномъ невѣжествѣ; а все-таки петербургскій климатъ дуренъ: опровергнуть этого нельзя ни описаніемъ великолѣпныхъ домовъ, ни похвалами газовому освѣщенію,—все это не относится къ дѣлу, норма тутъ совершенно другая, она дается метеорологическими наблюденіями надъ самимъ климатомъ, а не чѣмъ нибудь другимъ, постороннимъ климату. Такъ и по вопросу о дѣйствіи раздѣленія труда на рабочую плату основаніемъ должны быть наблюденія надъ самимъ принципомъ раздѣленія труда, а не надъ какими нибудь чуждыми ему обстоятельствами и не надъ такими фактами, которые произведены дѣйствіемъ другихъ силъ. Упрощается ли каждая отдѣльная операція отъ раздѣленія труда? Меньше ли бываетъ нужно подготовляться къ ней, меньше ли нужно сообразительности и знанія, чтобы исполнять ее?—Да, упрощается; да, меньше. Меньше ли бываетъ плата за работу, для которой нужно меньше ума, знанія, технической подготовки?—Да, меньше. Вотъ попробуйте доказать, что эти выводы несправедливы, тогда вы докажете, что раздѣленіе труда не имѣетъ неизбѣжной тенденціи къ пониженію рабочей платы; а пока вы не опровергли этихъ выводовъ не помогутъ вамъ никакія сравненія нынѣшней рабочей платы съ прежней.

Такимъ образомъ вредное дѣйствіе раздѣленія труда на экономическій бытъ и на самый организмъ рабочаго сословія при нынѣшнемъ порядкѣ дѣлъ не подлежитъ сомнѣнію. Это фактъ, равняющійся своею достовѣрностью математическимъ теоремамъ, потому что онъ состоитъ только въ приложеніи къ данному вопросу простыхъ истинъ: нездоровое для человѣка вредитъ здоровью, за меньшее количество платится меньшая сумма. Но съ тѣмъ вмѣстѣ остается столь же несомнѣннымъ, что для человѣческаго благосостоянія нужно усиленіе производства, а возрастаніе производства требуетъ раздѣленія труда. Что жъ мы имѣемъ теперь? Мы имѣемъ двѣ формулы, соединеніе которыхъ даетъ тотъ выводъ: элементъ, развитіе котораго необходимо для благосостоянія, гибеленъ для массы людей своимъ развитіемъ.

Мы увидимъ, что къ подобному выводу сводятся почти всѣ вопросы политической экономіи. Долго недоумѣвали мыслители, какъ разрѣшить эту

антиномію. Сначала имъ показалось, что она неразрѣшима и знаменитѣйшій приговоръ въ этомъ смыслѣ былъ произнесенъ Мальтусомъ: страданія—неизбѣжная участь массы. Но теперь вся штука разъяснилась иначе. Посмотримъ, напримѣръ, въ чемъ заключается для физіологической стороны человѣка рѣшеніе частной антиноміи, занимающей теперь насъ. (О томъ, какъ она разрѣшается съ экономической стороны, что нужно для предотвращенія вредной тенденціи раздѣленія труда понижать рабочую плату, мы поговоримъ, когда будемъ разсматривать вопросы о рабочей платѣ, во 2 и въ 4 книгахъ).

Раздѣленіе труда необходимо. Такъ, но слѣдуетъ ли изъ этого необходимость отдѣльному работнику заниматься цѣлый день, цѣлую жизнь именно только трудомъ надъ извѣстною дробною операціею? Этого принципъ раздѣленія труда вовсе еще не предполагаетъ. Напротивъ, чѣмъ выше проводится раздѣленіе труда, тѣмъ легче становится одному человѣку поочередно заниматься множествомъ разныхъ дробныхъ операцій. Не легко одному человѣку быть и хорошимъ портнымъ, и хорошимъ сапожникомъ, потому что въ этихъ производствахъ еще очень слабо раздѣленіе труда и рядъ операцій, налагаемый необходимостью дѣла на одного работника, очень многосложенъ, такъ что порядкомъ пріучиться къ нему—вещь очень долгая и трудная. Но обратимся къ примѣру, который даетъ намъ Адамъ Смитъ—къ булавочному производству. Одинъ работникъ тянетъ проволоку, другой прямитъ ее, третій рѣжетъ. Развѣ вы не видите, что операція каждаго изъ нихъ можетъ быть въ совершенствѣ усвоена въ очень короткое время? Нельзя поручиться, чтобы самый способный человѣкъ въ полгода выучился сапожному ремеслу; но тянуть проволоку каждый выучится въ пять минутъ,—вѣдь вся мудрость только въ томъ, чтобы держаться обѣими руками за клещи и тянуть ихъ къ себѣ. Или мудренѣе того рѣзать проволоку? Вѣдь ножницы сдѣланы такъ, что куски нужной длины отмѣриваются сами собой, надобно только одною рукою держать проволоку, а другой рукой поднимать и опускать ходящую половину ножницъ. Это такія операціи, о которыхъ нельзя и говорить, чтобы онѣ исполнялись хорошо или худо, искусно или неискусно: нѣтъ человѣка, который бы, — не говоримъ: не былъ бы въ состояніи исполнить ихъ въ совершенствѣ, — нѣтъ, этого мало, надобно сказать: который былъ бы въ состояніи исполнить ихъ не въ совершенствѣ. Понятіе искусства пейдетъ къ нимъ, какъ нейдетъ къ умѣнью носить ложку въ ротъ, или пить, или дышать. Даже понятіе обученія почти совершенно нейдетъ къ такимъ вещамъ: учиться тутъ нечему—слишкомъ просто. Или возьмемъ примѣръ выдѣлки игорныхъ картъ представляемый Сэ. Если бы производство это не было доведено до высокаго раздѣленія труда, нужно было бы очень долгое ученіе, чтобы человѣкъ съумѣлъ порядочно выдѣлать бумагу и нарисовать на ней бубноваго валета. Но теперь совсѣмъ не то: машина складываетъ листы и клеитъ ихъ; вотъ одинъ человѣкъ беретъ листы и относитъ на сушильню, другой приноситъ высохшіе листы въ мастерскую, третій беретъ принесенные листы и поочередно кладетъ ихъ на столъ, четвертый водитъ по столу машину, которая сама рѣжетъ листъ на ровные четырехугольники, пятый собираетъ

эти четырехугольники и т. д., и т. д. Опять дѣло каждаго упрощено до послѣдней крайности, такъ что человѣкъ въ первый разъ пришедшій на карточную фабрику, черезъ четверть часа съумѣетъ отлично исполнить какую вамъ угодно изъ всѣхъ операцій, производимыхъ на ней.

Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Опять не слѣдуетъ ничего такого, о чемъ даже стоило бы и разсуждать умнымъ людямъ, потому что выводъ ясенъ безъ всякихъ разсужденій по чрезвычайной своей простотѣ: при высокомъ раздѣленіи труда нѣтъ работнику никакого затрудненія поочередно переходить отъ одной операціи къ другой, мѣняя ихъ такъ, чтобы организмъ его поочередно работалъ всѣми частями, поочередно находился въ разныхъ положеніяхъ, чтобы разнообразіемъ сохранилось его здоровье. Если каждый день по двѣнадцати часовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ будетъ человѣкъ все рѣзать проволоку, онъ непремѣнно испортитъ здоровье; но пусть въ эту недѣлю рѣзавъ проволоку, онъ въ слѣдующую недѣлю тянетъ ее, а на третью недѣлю пусть носитъ листы картона на сушильню карточной фабрики и т. д. и т. д.; черезъ два, черезъ три мѣсяца не вредно будетъ ему возвратиться къ рѣзанію проволоки и опять идти тѣмъ же кругомъ перемѣнныхъ работъ, а, пожалуй, и какимъ нибудь другимъ кругомъ какихъ нибудь другихъ работъ, потому что подобныхъ работъ цѣлыя сотни можетъ поочередно исправлять одинъ и тотъ же человѣкъ безъ всякой растраты времени и матеріала на свое обученіе имъ.

Этому разнообразію ни мало не мѣшаетъ самый принципъ раздѣленія труда; напротивъ, онъ ведетъ къ нему. Онъ долженъ выводить человѣка изъ монотонности одного занятія въ живую смѣну разнообразныхъ занятій, чего и требуетъ гигіена.

Но совершенно иная вещь вопросъ о томъ, не противно ли такому требованію гигіены экономическое устройство нынѣшнихъ фабрикъ? Просимъ читателя замѣтить, что мы говоримъ не о матеріальномъ устройствѣ, не о технической сторонѣ производства, а именно только объ экономическихъ отношеніяхъ, по которымъ оно ведется. Очень можетъ быть, что фабрикантъ не въ силахъ допустить такого непостоянства занятій у своихъ работниковъ; очень можетъ быть, что ему необходимо, чтобы каждый работникъ постоянно занимался одною извѣстною операціею, что только при этомъ условіи возможно фабриканту сохранять правильность въ своихъ оборотахъ и порядокъ на своей фабрикѣ. Это дѣло, котораго здѣсь мы еще не должны касаться: пока мы еще говоримъ только о законахъ производства, а не о томъ, какъ устроены нынѣшнія фабрики; мы еще не знаемъ даже, что такое фабрикантъ. Пока мы знаемъ только, что принципъ раздѣленія труда самъ по себѣ очень согласенъ съ физіологическими потребностями человѣческаго организма и можемъ только заключать изъ этого, что если бы нашлась въ дѣйствительности какая нибудь форма производства, противная гигіеническимъ условіямъ, то вредъ человѣческому здоровью наносился бы собственно этою формою, а не принципомъ раздѣленія труда, только неудачнымъ, одностороннимъ его примѣненіемъ, а не сущностью его.

Несообразность гигіеническихъ требованій съ условіями, нужными для

веденія производства по извѣстной формѣ экономическаго устройства — первая причина тому, что раздѣленіе труда, само по себѣ легко становящееся источникомъ здоровья, оказывается вреднымъ для него въ извѣстныхъ обществахъ. Можно указать еще другое обстоятельство, оказывающееся также вреднымъ для здоровья. Когда платье для всѣхъ членовъ семейства шили женщины того же самаго семейства,—жены для мужей, дочери для отцовъ, и каждая для себя, работа эта не вредила здоровью, потому что каждая, занимаясь шитьемъ, занималась кромѣ того множествомъ другихъ дѣлъ, представлявшихъ нужное для здоровья разнообразіе. Но вотъ введено въ общество нѣкоторое раздѣленіе труда, образовались особенныя профессіи портныхъ и швей,—людей, которые одно только и дѣлаютъ, все шьютъ и шьютъ. Это профессіи нездоровыя. Но зато вспомнимъ, на высокую ли степень возведено въ нихъ раздѣленіе занятій? Въ нихъ почти нѣтъ машинъ, нѣтъ почти никакихъ даже простыхъ орудій, кромѣ иглы и наперстка. Всѣ работники дѣлаютъ одно и тоже, кромѣ одного закройщика. Это простое сотрудничество, а не раздѣленіе занятій. Тутъ нѣтъ никакихъ усовершенствованныхъ процессовъ,—въ мастерской моднаго магазина платье изготовляется тою же самою техникою, какъ изготовлялось чуть ли еще не въ гомеровскія времена. Но введите тутъ машины, усовершенствуйте процессы производства, и вы увидите, что съ раздѣленіемъ занятій, съ распаденіемъ одного неразрывнаго ряда операцій, составляющаго нынѣ все шитье, на множество отдѣльныхъ операцій, явится и разнообразіе занятій. Изъ этого мы видимъ, что если какое нибудь производство само по себѣ нездорово, то причиной тутъ бываетъ не раздѣленіе занятій, а именно недостаточное приложеніе этого принципа къ производству и что для поправленія дѣла нужно усилить въ немъ раздѣленіе занятій.

Впрочемъ и тутъ корень нездоровыхъ отношеній лежитъ все въ той же причинѣ, на которую указали мы прежде. Если, напримѣръ, портное ремесло нездорово и не допускаетъ большаго раздѣленія занятій, отъ котораго могло бы сдѣлаться здоровымъ, то развѣ невозможно было бы портному отдыхать отъ своего занятія, поправлять его односторонность другими занятіями, не требующими никакого особеннаго обученія? Почему онъ не могъ бы, занимаясь шитьемъ платья два дня въ недѣлю, въ остальные дни копать землю, молотить хлѣбъ, рубить дрова и такъ далѣе? Это невозможно для него не по сущности дѣла, а также по несоотвѣтствію извѣстныхъ экономическихъ формъ съ условіями гигіены. Такимъ образомъ все сводится къ одной коренной причинѣ.

Ею же надобно главнымъ образомъ объяснять и очень малое раздѣленіе занятій въ земледѣльческомъ трудѣ, которое напрасно объясняетъ Милль только изъ поочередности разныхъ операцій земледѣльческаго процесса. Кромѣ нѣсколькихъ недѣль въ году, у земледѣльческаго работника всегда нашлось бы время заняться еще чѣмъ нибудь другимъ. Зато въ немногія недѣли, когда землепашецъ вполнѣ занятъ своимъ трудомъ, хозяйству было бы выгодно имѣть вдвое больше рабочихъ рукъ, чѣмъ оно имѣетъ. Поэтому поселянинъ, занимающійся собственно земледѣліемъ, могъ бы удѣлять много времени на фабричныя занятія, а фабричные работники сильно

помогать земледѣлію въ недолгіе періоды пашни и уборки хлѣба. Надобно ли говорить, что такой періодическій приливъ и отливъ рабочихъ силъ, то отъ земледѣлія къ другимъ занятіямъ, то отъ другихъ занятій къ земледѣлію, оченъ выгоденъ для увеличенія производства? Но онъ существуетъ теперь, при нынѣшнихъ экономическихъ формахъ, только въ мѣстностяхъ, гдѣ еще почти нѣтъ и первыхъ зачатковъ промышленныхъ усовершенствованій: въ Россіи, у южныхъ славянъ, въ отсталыхъ провинціяхъ Франціи, въ отсталыхъ частяхъ Германіи. Гдѣ промышленная дѣятельность сильно развита, тамъ установились твердыя профессіи, не допускающія переходовъ одного и того же работника отъ фабричной промышленности къ земледѣлію и наоборотъ. При нынѣшнихъ экономическихъ формахъ фабрикантъ непремѣнно долженъ вести свои обороты круглый годъ въ одномъ размѣрѣ: лѣтомъ онъ долженъ имѣть столько же работниковъ какъ зимою, иначе онъ будетъ подорванъ фабрикантами, ведущими ровный оборотъ работы во весь годъ. Другая, еще важнѣйшая причина слабаго раздѣленія занятій въ земледѣліи заключается въ самой многосложности земледѣльческаго процесса. О ней мы скажемъ, когда будемъ разсматривать Мальтусову теорему и въ примѣчаніяхъ на слѣдующую главу [36]).

---

[36]) Причины, дающія производству при сильномъ раздѣленіи занятій неизмѣримое преимущество надъ производствомъ безъ высокаго раздѣленія занятій, нимало не мѣшаютъ одному и тому же работнику поочередно переходить отъ одной изъ упрощенныхъ операцій усовершенствованнаго производства къ другой,—это, по нашему мнѣнію, ясно и безъ подробнаго объясненія о томъ, что ни одна изъ выгодъ высокаго раздѣленія занятій не утрачивается, ни одна изъ невыгодъ нераздѣльности занятій не возвращается поочереднымъ переходомъ одного работника по разнымъ упрощеннымъ операціямъ одного или даже нѣсколькихъ производствъ. Однако-же, на всякій случай сдѣлаемъ здѣсь пересмотръ § 5-го, содержащаго исчисленіе всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ выгодамъ раздѣленія занятій.

„Увеличеніе ловкости въ работникѣ, быстроты въ его работѣ“. Такъ, но у человѣка всегда есть сила въ нѣсколькихъ даже чрезвычайно многосложныхъ операціяхъ достигнуть высочайшаго совершенства, высочайшей ловкости и быстроты, къ какимъ способенъ его организмъ. Ньютонъ бѣгло говорилъ по-латинѣ, Листъ хорошо танцовалъ; можетъ-ли человѣкъ въ здравомъ умѣ сказать: „если-бы Ньютонъ не тратилъ часть своего времени на изученіе латинскаго языка, онъ достигъ-бы большихъ успѣховъ въ математикѣ“,—слава Богу, и такъ онъ, кажется, достигъ въ ней порядочнаго успѣха,—„если-бы Листъ не тратилъ время на танцы, онъ лучше игралъ бы на фортепьяно“,—кажется, онъ и такъ игралъ не дурно. Если-бы Листъ не занимался ничѣмъ, кромѣ фортепьяно, Ньютонъ ничѣмъ, кромѣ математики, у нихъ, по всей вѣроятности, просто даромъ пропала бы и та часть времени, и та часть способностей, которая нашла себѣ употребленіе въ изученіи танцевъ и латинскаго языка. Мы взяли въ примѣръ математику и игру на фортепьяно, латинскій языкъ и танцы—такія занятія, что на достиженіе совершенства въ каждомъ изъ нихъ мало всей человѣческой жизни (вѣдь если бы Тальйони сохраняла молодость, стройность и гибкость до 100 лѣтъ, она съ каждымъ годомъ все выучивалась бы танцовать лучше прежняго),—и видимъ, однако-же, что даже въ такихъ занятіяхъ человѣкъ достигаетъ всей высоты, къ какой способенъ, хотя занимается не однимъ только изъ нихъ, а нѣсколькими. Послѣ этого не будетъ ли совершенной пошлостью сказать, что будетъ мѣшать достиженію ловкости въ занятіяхъ, совершенство въ которыхъ достигается очень быстро, если работникъ станетъ заниматься не однимъ изъ нихъ а нѣсколькими? Неужели выучиться бѣгло писать по-латинѣ и сдѣлаться хорошимъ математикомъ одному человѣку легче, чѣмъ, напримѣръ, выучиться рѣзать проволоку для булавокъ и носить карточный картонъ на сушильню? Дѣло въ томъ, что о чемъ бы мы ни разсуждали, не мѣшаетъ имѣть хоть каплю здраваго смысла. Слишкомъ многіе экономисты Смитовской школы, къ сожалѣнію, не находятъ въ этомъ нужды, утрируя мысли Смита. Здравый смыслъ говоритъ, что всему есть своя граница: было бы невыгодно человѣку слишкомъ разбрасываться на слишкомъ много занятій (Меццофанти, ставившій амбицію въ томъ, чтобы выучиться писать на шестидесяти языкахъ, на всѣхъ шестидесяти писалъ очень плохо: но нѣсколькими

Мы видѣли, что самъ принципъ раздѣленія занятій носитъ въ себѣ тенденцію къ сочетанію разнообразныхъ занятій въ дѣятельности одного работника: онъ ведетъ къ этому, упрощая операціи до того, что исчезаютъ всѣ невыгоды и растраты, которыми задерживается сочетаніе разныхъ занятій въ кругѣ работъ одного лица при недостаточномъ развитіи раздѣленія занятій. Сбереженіе и укрѣпленіе здоровья въ работникѣ, производимое разнообразіемъ занятій, составляетъ громадный выигрышъ для производства. Столь же важна другая выгода такой формы дѣятельности работника. При разнообразіи занятій, онъ будетъ имѣть болѣе широкую сообразительность, умственныя силы его будутъ развиваться отъ работы, а не тупѣть, какъ тупѣютъ при ограниченіи всей дѣятельности его одною упрощенною до машинальности операціею. Подумаемъ только, можетъ ли быть какое нибудь сравненіе, по изобилію матеріаловъ для умственнаго развитія, по богатству промышленной опытности, по догадливости между работникомъ, который бывалъ и на полевой работѣ, и на ткацкихъ фабрикахъ, и на постройкахъ, и въ ремеслахъ, и между такимъ работникомъ, который всю жизнь просидѣлъ у одного колеса одной машины на одной фабрикѣ? Тутъ разница такая же, какъ между человѣкомъ, изъѣздившимъ вдоль и поперекъ Россію и другимъ, который носа не высовывалъ за шлаг-

---

языками владѣть очень хорошо можетъ выучиться каждый, кто захочетъ); но точно такъ же вредно для успѣха самаго дѣла, если человѣкъ уже слишкомъ съузитъ кругъ своихъ занятій (человѣкъ, вовсе не знающій иностранныхъ языковъ, не можетъ хорошенько понимать грамматическихъ правилъ и своего роднаго языка и почти никогда не умѣетъ порядочно писать на немъ). Слушая утрировку, до какой возводятъ требованія спеціализма въ работникѣ тупые повторятели Смита, невольно вспоминаешь афоризмъ Пруткова: „Спеціалистъ подобенъ флюсу: полнота его односторонняя“. Разнообразіе занятій развиваетъ сообразительность, а при сообразительности всякое дѣло идетъ лучше, чѣмъ безъ нея.

„При обученіи тратится нѣкоторое количество матеріала и времени“. Мы уже говорили, что нужно пятнадцать минутъ времени на обученіе какой нибудь отдѣльной операціи въ производствахъ, достигшихъ высокаго раздѣленія занятій, а матеріала тратится тутъ на грошъ. Вѣдь надобно помнить, о чемъ идетъ дѣло. Не о томъ, чтобы портной былъ вмѣстѣ и сапожникомъ, а лишь о томъ, чтобы не всю свою жизнь проводилъ фабричный работникъ въ верченіи одного колеса. Если отъ разнообразія занятій продлится хотя на одинъ день жизнь работника или хотя однимъ днемъ болѣзни будетъ меньше въ его жизни, экономическій выигрышъ будетъ несравненно значительнѣе всей растраты времени и матеріала на его обученіе нѣсколькимъ операціямъ, достаточно разнообразнымъ для отвращенія вредныхъ послѣдствій, какими нынѣ отражается раздѣленіе занятій на организмѣ работника.

„Обученіе пойдетъ скорѣе, если ученикъ не развлекается отъ обученія одному дѣлу обученіемъ другому“. Такъ, только опять съ прежнимъ прибавленіемъ: всему есть граница. Развлеченіе вниманія вредно, но еще вреднѣе, когда вниманіе тупѣетъ отъ монотонности. Если бы насъ, образованныхъ людей, не учили одновременно нѣсколькимъ разнымъ наукамъ и искусствамъ, а учили-бы, чтобы не развлекать вниманіе, въ нынѣшнемъ году одной только математикѣ и больше ничему, въ слѣдующемъ году одной только грамматикѣ и больше ничему, конечно, мы еще хуже нынѣшняго знали бы то, чему насъ хоть какъ нибудь выучили: а если бы кого нибудь изъ насъ вздумали все учебное время продовольствовать одною грамматикою, изгнавъ изъ нашего курса всѣ другія науки, этотъ несчастный ученикъ, вѣроятно, не сдѣлался бы ничѣмъ, кромѣ какъ олухомъ.

„При переходѣ отъ занятія къ занятію теряется время“. Надлежащія границы этому соображенію удовлетворительно опредѣлены у Милля: не мѣшаетъ, впрочемъ, точнѣе опредѣлить, о чемъ идетъ рѣчь. Если человѣкъ, двѣ минуты проработавъ долотомъ, долженъ слѣдующія двѣ минуты работать топоромъ, потомъ вслѣдъ затѣмъ переходить на двѣ минуты къ работѣ рубанкомъ,—разумѣется, времени у него пропадетъ бездна. Вотъ именно въ томъ и состоитъ одна изъ важныхъ выгодъ раздѣленія занятій, что оно устраняетъ эту ежеминутную суетню надъ новыми при-

баумъ своего уѣзднаго города. А мы отчасти уже видѣли, еще яснѣе увидимъ впослѣдствіи, что рѣшительно ни одинъ изъ элементовъ успѣшности производства не имѣетъ такого громаднаго значенія, какъ степень умственнаго развитія въ работникѣ. Климатъ, почва, запасы капитала, самая крѣпость физическихъ силъ—все это ничтожно по сравненію съ развитіемъ мысли. Изъ этого развитія все возникаетъ, все достигаетъ только той величины, какая сообразна съ нимъ, все поддерживается только имъ. Потому важнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію производства надобно считать тѣ формы, которыя неблагопріятны умственному развитію работника. Впослѣдствіи мы займемся разборомъ того, какія формы экономическаго устройства благопріятны, какія неблагопріятны, развитію этого важнѣйшаго элемента успѣшности труда. Теперь мы обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство.

Степень, до которой можетъ быть доводимо раздѣленіе занятій въ данное время, въ данномъ мѣстѣ, опредѣляется размѣромъ рынка для сбыта производимыхъ товаровъ. Это совершенная правда; но должно прибавить, что размѣръ рынка, потребный для извѣстной высоты въ раздѣленіи занятій, бываетъ различенъ при разныхъ формахъ производства. Для ясности мы предположимъ такой случай. Пусть для наибольшаго раздѣленія заня-

---

емами и орудіями. Но вѣдь для здоровья нужно вовсе не то. Долѣе нѣсколькихъ часовъ человѣкъ не можетъ работать безъ отдыха довольно продолжительнаго: вѣроятно, не противно экономіи труда, если работникъ два или три раза въ день подкрѣпляетъ свои силы ѣдой. Какая же будетъ трата времени, какое охлажденіе въ энергіи труда, если онъ, занявшись до завтрака однимъ дѣломъ, займется послѣ завтрака до обѣда другимъ, а послѣ обѣда третьимъ? Перемѣнять въ день два-три занятія,—это, напротивъ, будетъ выгодно для успѣшности каждаго изъ нихъ, а больше того перемѣнъ и не требуется.

„Сосредоточившись на одномъ занятіи, человѣкъ скорѣе придумываетъ усовершенствованія въ немъ“. Милль не дурно ставитъ границы и этому, но слѣдуетъ прибавить: а выгодно ли для придумыванія усовершенствованій, когда рутинность монотонной машинальности доводитъ работника до отупѣнія? Притомъ же, если есть шансъ для изобрѣтеній въ постоянствѣ занятія, то еще гораздо большій шансъ дается свѣжестью, самостоятельностью мыслей при занятіи дѣломъ, еще не вошедшимъ въ рутину. Большая часть изобрѣтеній были сдѣланы не спеціалистами. Самъ основатель политической экономіи, Адамъ Смитъ, по обязанности занимался нравственной философіей, а не чѣмъ нибудь вродѣ политической экономіи, когда открылъ принципы экономической науки.

„При раздѣленіи занятій выгоднѣе распредѣляются работы по степени силъ каждаго работника“. Совершенная правда, но требованіе, которое мы выставляемъ, ни мало не касается этой выгоды. Пусть человѣкъ, крѣпкій физическими силами, переходитъ по разнымъ занятіямъ, которыхъ не можетъ исполнять ребенокъ, такъ и слѣдуетъ.

„При раздѣленіи занятій извлекается наибольшая выгода изъ орудій: они не лежатъ праздно“. Опять совершенная правда, которая опять ни мало не нарушается нашимъ требованіемъ. До обѣда Петръ тянетъ на булавочной фабрикѣ клещами проволоку, а Иванъ рѣжетъ ее ножницами; послѣ обѣда за ножницы берется Петръ, а за клещи Иванъ,—клещи и ножницы все равно цѣлый день въ дѣлѣ.

Всѣ эти соображенія такъ ясны сами собой, что рѣшительно не стоило-бы тратить на нихъ бумагу; но что вы прикажете дѣлать съ отупѣвшими (отъ монотонной рутинности слишкомъ узкаго круга занятій) педантами, какими украшается нынѣ Смитовская школа? Бѣдный Адамъ Смитъ, за что онъ, человѣкъ умный, подвергся несчастію носить имя учителя въ устахъ нынѣшнихъ французскихъ экономистовъ? Они говорятъ такія вещи, что понадобится намъ въ какой нибудь изъ слѣдующихъ частей труда объяснять, что пища производится для ѣды, а ложка служитъ орудіемъ при процессѣ ѣды. Попробуйте оставить безъ доказательствъ такія новыя истины, и сотни голосовъ закричатъ: „какіе неосновательные парадоксы! какое незнаніе первыхъ основаній нашей науки!“

тій, то есть для успѣшнѣйшаго производства, нуженъ ткацкой фабрикѣ размѣръ, при которомъ требуется 100 работниковъ. Положимъ, что въ данномъ обществѣ, въ данное время, развилась такая форма производства, при которой ткачъ шелковой матеріи не можетъ уже заниматься ничѣмъ кромѣ этой отрасли дѣла, ткачъ бумажныхъ матерій также. Ясно, что нужны будутъ двѣ особыя фабрики, одна для бумажныхъ, другая для шелковыхъ матерій, и нуженъ такой размѣръ рынка, который потреблялъ бы полное годичное производство товаровъ той и другой фабрики. Но пусть размѣръ рынка будетъ вдвое меньше,—тогда при формѣ производства, недопускающей разнообразія занятій, невозможно существовать двумъ этимъ фабрикамъ, имѣя по 100 работниковъ; каждая изъ нихъ не можетъ имѣть болѣе пятидесяти работниковъ, то есть принуждена будетъ остановиться на гораздо менѣе высокой степени раздѣленія занятій, иначе сказать, должна вести свое производство гораздо менѣе усовершенствованнымъ и успѣшнымъ процессомъ. Но предположимъ, что была бы принята въ этомъ обществѣ другая форма производства, допускающая поочередный переходъ одного работника по разнымъ занятіямъ; тогда было бы очень удобно быть одной фабрикѣ, которая половину года ткала бы при трудѣ 100 работниковъ бумажныя матеріи, а другую половину года въ такомъ же размѣрѣ шелковыя матеріи. Правда, обращеніе фабрики отъ выдѣлки бумажныхъ тканей на выдѣлку шелковыхъ и наоборотъ, каждый разъ требовало бы нѣкотораго расхода; но этотъ расходъ совершенно ничтоженъ, по сравненію съ выгодой, получаемой отъ большаго развитія труда. Зданіе фабрики не требуетъ для такого перехода никакихъ передѣлокъ, паровыя машины также не требуютъ, большая часть ткацкихъ механизмовъ и другихъ рабочихъ орудій также одинаково годится для обоихъ производствъ; орудія, которыхъ нуженъ будетъ двойной комплектъ, имѣютъ цѣнность совершенно незначительную съ этими огромными цѣнностями, расходъ на подстановку одного комплекта этихъ орудій на мѣсто другаго при перемѣнѣ производства также будетъ совершенно ничтоженъ по сравненію съ огромными расходами на полугодичное содержаніе фабрики. Эти ничтожныя прибавки, рѣшительно незамѣтныя въ общей суммѣ расходовъ, даютъ возможность сдѣлать то колоссальное сбереженіе въ основномъ капиталѣ, какое происходитъ отъ замѣненія двухъ фабрикъ одною, и доставить производству тѣ громадныя выгоды, какія получаются отъ вдвое большаго раздѣленія занятій, то есть отъ усовершенствованія процессовъ производства вдвое больше прежняго.

Эта гипотеза показываетъ намъ еще новую сторону выгодности формъ благопріятныхъ и невыгодности формъ неблагопріятныхъ сочетанію разнообразныхъ занятій въ дѣятельности одного работника. Мало того, что разнообразіе занятій замѣняетъ хилаго работника здоровымъ, тупого сообразительнымъ: оно даетъ также возможность при каждомъ данномъ размѣрѣ рынка доводить раздѣленіе занятій, то есть совершенствованіе производительныхъ процессовъ, до степени гораздо высшей, чѣмъ какая возможна безъ поочереднаго занятія одного и того же работника разными операціями.

ГЛАВА IX.

Производство въ большомъ и производство въ маломъ размѣрѣ.

1. Изъ важности сочетанія труда явно слѣдуетъ выводъ, что есть много случаевъ, въ которыхъ производство совершается гораздо успѣшнѣе, когда ведется въ большомъ размѣрѣ. Если достиженіе наибольшей успѣшности труда зависитъ отъ сочетанія многихъ работниковъ, хотя бы только по способу простаго сотрудничества, то размѣръ предпріятія долженъ быть таковъ, чтобы соединилось въ немъ много работниковъ, а размѣръ капитала таковъ, чтобы онъ могъ содержать много работниковъ. Еще нужнѣе это, когда характеромъ занятія допускается, а размѣромъ возможнаго сбыта вызывается значительное раздѣленіе труда. Чѣмъ обширнѣе предпріятіе, тѣмъ дальше можетъ быть проведено раздѣленіе труда. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ развитія большихъ фабрикъ. Если дальнѣйшее расширеніе операцій даже и не поведетъ къ большему раздѣленію работъ, то будетъ большая экономія отъ расширенія операцій до такого размѣра, чтобы вполнѣ занятъ былъ своимъ особеннымъ дѣломъ каждый человѣкъ, которому выгодно будетъ назначить это дѣло. Бебббеджъ прекрасно разъясняетъ это (стр 214 и слѣд.):

„Если машины работаютъ безъ перерыва круглыя сутки“ (а такой способъ работы ихъ единственный экономичный способъ, какъ само собою видно), „необходимо кому нибудь заниматься тѣмъ, чтобы впускать работниковъ, приходящихъ на смѣну другихъ. А отдыхъ этого привратника или другаго прислужника одинаково нарушается, одного ли человѣка или двадцать человѣкъ впускаетъ онъ. Также необходимо бываетъ по временамъ поправлять дѣйствіе машины или чинить ее; а это гораздо лучше будетъ исполняться работникомъ, привыкшимъ дѣлать машины, чѣмъ работникомъ, употребляющимъ машину. Далѣе: прочность машины и исправность ея въ работѣ очень много зависитъ отъ того, чтобы поправлять каждое ослабленіе, каждый недостатокъ въ ея частяхъ, при первомъ же его появленіи; потому безотлагательное наблюденіе машиниста, находящагося при самой фабрикѣ, значительно уменьшитъ трату, происходящую отъ порчи машинъ. Но если фабрика имѣетъ всего одинъ станокъ, содержать машиниста было-бы слишкомъ дорого. Изъ этого происходитъ другая причина, ведущая къ расширенію объема фабрики: фабрика должна состоять изъ такого числа машинъ, которое занимало-бы все время работника, смотрящаго за ихъ исправностью; а если число машинъ будетъ больше этого, тотъ же разсчетъ показываетъ надобность удвоить или утроить ихъ число, чтобы онѣ вполнѣ занимали время двухъ или трехъ машинистовъ.

„Когда часть труда работника состоитъ въ простомъ напряженіи физической силы, напримѣръ, въ ткальѣ и многихъ другихъ фабрикаціяхъ, то фабрикантъ скоро

замѣтитъ, что если эта часть труда будетъ исполняться паровой машиной, одинъ человѣкъ на его, напримѣръ, ткацкой фабрикѣ, будетъ управлять вдругъ двумя или больше станками. А мы уже предположили, что при фабрикѣ есть машинистъ или нѣсколько машинистовъ; потому число станковъ легко сдѣлать такое, чтобы время этихъ машинистовъ было вполнѣ занято присмотромъ за ними и за паровою машиною.

„По дальнѣйшему приложенію тѣхъ же разсчетовъ, фабрика постепенно такъ расширяется, что расходъ на ея освѣщеніе по ночамъ доходитъ до значительной суммы. А при ней уже есть люди, не спящіе всю ночь и могущіе постоянно присматривать за освѣщеніемъ; есть также машинисты, могущіе устраивать и чинить всякіе механизмы; потому прибавленіе аппарата на выдѣлку газа для освѣщенія фабрики ведетъ къ новому ея расширенію, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшаетъ стоимость производства, сокращая расходы на освѣщеніе и рискъ несчастныхъ случаевъ отъ огня.

„Гораздо раньше, чѣмъ фабрика достигнетъ такого размѣра, будетъ уже найдено необходимымъ учредить счетное отдѣленіе, съ особыми людьми, выдающими жалованье рабочимъ и смотрящими, чтобы они являлись на работу въ положенное время. Это отдѣленіе должно быть въ связи съ агентами, закупающими матеріалы, и съ агентами, продающими изготовленный продуктъ“. Для этихъ агентовъ и бухгалтеровъ немногимъ больше времени и труда понадобится на то, чтобы выдавать жалованье большому числу рабочихъ и вести счеты по большимъ сдѣлкамъ, чѣмъ выдавать жалованье небольшому числу рабочихъ и вести счеты по мелкимъ оборотамъ. Если оборотъ удвоивается, то вѣроятно будетъ надобность лишь нѣсколько увеличить, но не удвоить число агентовъ по покупкѣ и продажѣ, бухгалтеровъ и кассировъ. Каждое расширеніе дѣла даетъ возможность вести его съ пропорціонально меньшимъ количествомъ труда.

Издержки дѣла далеко не возрастаютъ пропорціонально размѣру дѣла — это общее правило. Возьмемъ въ примѣръ рядъ операцій, которыя мы привыкли видѣть исполняемыми однимъ большимъ заведеніемъ, почтовымъ вѣдомствомъ. Предположимъ, что, напримѣръ, хотя одна только лондонская городская почта не централизована въ одномъ заведеніи, а раздѣлена между пятью или шестью соперничествующими компаніями. Каждая изъ нихъ была-бы принуждена имѣть заведеніе почти столь же обширное, какъ то, которое достаточно теперь для цѣлаго дѣла. Каждая должна была-бы устроить пріемъ и раздачу писемъ во всѣхъ частяхъ города, посылать почтальоновъ въ каждую улицу, почти въ каждый домъ, по стольку-же разъ въ день, какъ нынѣ посылаетъ почтамтъ,—иначе дѣло велось-бы хуже, чѣмъ теперь. Каждая компанія должна была бы въ каждомъ кварталѣ имѣть контору со всѣми вспомогательными учрежденіями для сбора писемъ изъ разныхъ конторъ и распредѣленія ихъ по кварталамъ на раздачу. Я уже не говорю о томъ, что понадобилось-бы гораздо большее число высшихъ служащихъ для надзора за подчиненными, что потребовалось-бы больше расходовъ на жалованье этимъ довѣреннымъ лицамъ, и по ихъ многочисленности, вѣроятно, даже пришлось бы часто быть менѣе разборчивымъ при назначеніи на эти мѣста, брать на нихъ людей, неспособныхъ исполнять свою обязанность.

При свободной конкурренціи есть безошибочный признакъ, по которому бываетъ видно, въ каждомъ данномъ случаѣ, перевѣшивается или нѣтъ выгодами, происходящими отъ веденія дѣла въ большомъ размѣрѣ, выгода большей заботливости и большей внимательности къ маленькимъ прибылямъ и потерямъ, обыкновенно встрѣчаемая въ заведеніяхъ небольшаго размѣра. Когда въ одной и той-же отрасли производства есть

и большія и малыя заведенія, тѣ изъ нихъ, которыя при существующихъ обстоятельствахъ ведутъ дѣло выгоднѣе, будутъ имѣть возможность подорвать другія большею дешевизною. Возможность постоянно продавать по болѣе дешевой цѣнѣ, вообще говоря, дается только большею успѣшностью труда. А большая успѣшность труда, происходя отъ большаго раздѣленія занятій или отъ ихъ классификаціи, ведущей къ лучшей экономіи искусства, всегда ведетъ не только къ полученію равнаго продукта отъ меньшаго количества труда, но и къ полученію большаго продукта отъ равнаго количества труда: она увеличиваетъ не только прибыль, но и валовой продуктъ промысла. Если прибавка въ количествѣ какого нибудь товара не нужна и потому часть работниковъ лишается своего занятія, то капиталъ, содержавшій и занимавшій ихъ, также освобождается, и общая сумма продуктовъ страны увеличивается чрезъ какое нибудь новое приложеніе ихъ труда.

Другая причина появленія большихъ фабрикъ—введеніе процессовъ, требующихъ дорогихъ механизмовъ. Дорогой механизмъ предполагаетъ большой капиталъ, и устраивается не иначе, какъ только съ намѣреніемъ производить и продавать все то количество товара, какое можетъ вырабатываться полною силою механизма. По этимъ двумъ обстоятельствамъ, гдѣ употребляется дорогой механизмъ, тамъ неизбѣжна система производства въ большомъ размѣрѣ. Но возможность продавать дешевле тутъ не служитъ такимъ безошибочнымъ признакомъ полезнаго вліянія на общее производство страны, какъ служитъ въ первомъ случаѣ. Возможность пониженія цѣны зависитъ не отъ абсолютнаго увеличенія продукта, а отъ того, что увеличилась его пропорція сравнительно съ издержками; въ одной изъ предъидущихъ главъ (глава VI) мы показали, что это можетъ быть совмѣстно даже съ уменьшеніемъ годичнаго валоваго продукта. Черезъ принятіе машины, оборотный капиталъ, который постояннно потреблялся и воспроизводился, обращается въ оборотный капиталъ, требующій лишь небольшаго ежегоднаго расхода для своего поддержанія, и гораздо меньшій продуктъ будетъ достаточенъ для покрытія этого расхода и возвращенія остальнаго оборотнаго капитала производителю. Потому машина очень можетъ быть выгодна фабриканту и давать ему возможность подорвать дешевизною своихъ соперниковъ, хотя-бы ея дѣйствіемъ производство страны не увеличивалось, а уменьшалось. Правда, товаръ будетъ продаваться дешевле, и этого одного товара будетъ, вѣроятно, продаваться не меньше, а больше прежняго, потому что потеря общества упала на работниковъ, а они въ большей части фабрикацій или не главные потребители, или вовсе не потребители. Но если эта отдѣльная отрасль промышленности можетъ расшириться, ея расширеніе произойдетъ черезъ пополненіе ея уменьшившагося оборотнаго капитала изъ общаго оборотнаго капитала страны; и если работники въ этой отрасли промышленности избѣжали потери занятія, то избѣжали лишь тѣмъ, что потеря разложилась на массу остальнаго рабочаго сословія. Если нѣкоторые изъ рабочаго сословія доведены этимъ до состоянія непроизводительныхъ работниковъ, содержимыхъ добровольною или обязательною благотворительностью, общій продуктъ страны подвергнется постоянному уменьшенію, пропорціонально ихъ числу, до той поры, пока постоянный прогрессъ накопленія покроетъ эту убыль. Но если положеніе рабочаго класса дастъ ему возможность выдержать временное пониженіе рабочей платы и оставшіеся лишними работники найдутъ себѣ мѣсто въ другихъ отрасляхъ производства, то ихъ трудъ останется производительнымъ, а убыль въ общемъ продуктѣ страны вознаградится, хотя не вознаградится убытокъ работниковъ. Я повторилъ здѣсь эти понятія, уже изложенныя мною прежде, чтобъ сильнѣе помнилась мысль, что если извѣ-

стный способъ производства даетъ возможность дешевле продавать извѣстный товаръ, изъ этого еще не слѣдуетъ непремѣнно, что онъ увеличиваетъ производительность всей суммы труда въ обществѣ. Второе послѣдствіе бываетъ обыкновенно соединено съ первымъ, но не соединено съ нимъ непремѣнно всегда. Однако-жъ, есть причины думать, что эти исключительные случаи болѣе представляются теоретически возможными, чѣмъ бываютъ частыми въ дѣйствительности; причины эти я отчасти уже изложилъ, и не буду повторять ихъ здѣсь; не буду и заранѣе указывать другихъ, которыя будутъ полнѣе изложены впослѣдствіи.

Въ сбереженіи труда, происходящемъ отъ замѣны производства въ маломъ размѣрѣ производствомъ въ большомъ размѣрѣ, значительную часть составляетъ сбереженіе труда самихъ капиталистовъ. Если сто производителей съ небольшими капиталами отдѣльно ведутъ одинаковое дѣло, наблюденіе за каждымъ предпріятіемъ, вѣроятно, займетъ все вниманіе лица, ведущаго это предпріятіе, или по крайней мѣрѣ займетъ его на столько, что не оставитъ ему времени или свободы въ мысляхъ, чтобы заняться еще чѣмъ нибудь другимъ. А между тѣмъ одинъ фабрикантъ, владѣющій капиталомъ, равнымъ суммѣ всѣхъ ихъ капиталовъ, можетъ, при содѣйствіи десяти или двѣнадцати помощниковъ, вести обороты на всю сумму ихъ оборотовъ и имѣть еще свободное время для другихъ дѣлъ. Правда, малый капиталистъ съ управленіемъ дѣлами обыкновенно соединяетъ извѣстную долю исполнительнаго труда, которую большой капиталистъ предоставляетъ своимъ подчиненнымъ. Мелкій фермеръ самъ пашетъ, мелкій торговецъ самъ бываетъ спдѣльцемъ въ своей лавкѣ, мелкій хозяинъ ткацкой мастерской самъ работаетъ за станкомъ. Но именно это соединеніе занятій очень часто бываетъ неэкономично. Хозяинъ предпріятія или тратитъ на рутинную подробность качества, пригодныя для общаго управленія, или, если способенъ только на эту подробность, дурно ведетъ общее управленіе. Впрочемъ я долженъ замѣтить, что не придаю этому сбереженію труда той важности, какая часто ему приписывается. На надзоръ за многими мелкими предпріятіями тратится гораздо больше труда, чѣмъ на надзоръ за однимъ большимъ предпріятіемъ, это безспорно. Но мелкіе производители обыкновенно имѣютъ полное вознагражденіе за этотъ трудъ въ сознаніи того, что они сами себѣ господа, а не служители какого нибудь хозяина. Можно сказать, что если они цѣнятъ эту независимость, они будутъ согласны платиться за нее и продавать товаръ по уменьшенной цѣнѣ, производимой соперничествомъ большаго торговца или фабриканта. Но имъ нельзя постоянно дѣлать этого и имѣть прибыль, достаточную для жизни. Потому они постепенно исчезаютъ изъ общества. Потребивъ свой маленькій капиталъ на продленіе безуспѣшной борьбы, они или ниспадаютъ въ положеніе наемныхъ работниковъ, или становятся нуждающимися въ постороннемъ пособіи.

2) Производство въ большомъ размѣрѣ сильно развивается введеніемъ въ практику способа составлять большой капиталъ изъ соединенія многихъ мелкихъ взносовъ, иначе сказать, образованіемъ акціонерныхъ компаній. Выгоды акціонернаго принципа многочисленны и важны.

Во-первыхъ, многія предпріятія требуютъ капитала въ размѣрѣ, превышающемъ средства богатѣйшаго отдѣльнаго лица или сотоварищества на паяхъ. Никакой отдѣльный капиталистъ не могъ бы сдѣлать желѣзной дороги отъ Лондона до Ливерпуля; едва ли даже могъ бы онъ исполнять перевозку по ней, когда она уже сдѣлана. Правительство могло бы сдѣлать ее и возить по ней; и въ странахъ, гдѣ сочетаніе силъ еще находится на низшихъ степеняхъ развитія, отъ одного правительства можно ждать

работъ, требующихъ большаго соединенія средствъ, потому что оно можетъ получать эти средства принудительнымъ путемъ, черезъ налоги, и уже привыкло къ веденію большихъ операцій. Но по причинамъ, которыя довольно хорошо извѣстны и о которыхъ мы впослѣдствіи будемъ говорить подробно, правительственное веденіе промышленныхъ операцій вообще бываетъ однимъ изъ самыхъ невыгодныхъ путей, если только возможенъ какой нибудь другой путь.

Далѣе, есть такія предпріятія, о которыхъ нельзя сказать, чтобы отдѣльное лицо совершенно не могло вести ихъ, но которыхъ не можетъ оно вести въ томъ размѣрѣ и съ тѣмъ постоянствомъ, какія все больше и больше требуются надобностями развивающагося общества. Отдѣльныя лица очень могутъ отправлять корабли изъ Англіи въ какую бы то ни было часть свѣта, перевозить туда пассажировъ и письма; это производилось за долго до всякой мысли о составленіи акціонерныхъ компаній для такого дѣла. Но при увеличеніи населенія, дѣловыхъ сношеній и средствъ уплаты, публика не хочетъ довольствоваться случайными возможностями сообщеній, а хочетъ быть увѣрена, что регулярно будутъ отправляться корабли, — въ иныя мѣста каждый день или даже два раза каждый день, въ другія еженедѣльно, въ третьи правильно плавать большіе пароходы очень дорогой постройки два раза въ мѣсяцъ по опредѣленнымъ днямъ; очевидно, что для доставленія ей этой увѣренности въ точномъ содержаніи такого круга дорогихъ операцій нуженъ гораздо многочисленнѣйшій составъ надежныхъ подчиненныхъ, чѣмъ какимъ можетъ располагать отдѣльный капиталистъ. Есть еще другіе случаи, въ которыхъ дѣло могло бы очень хорошо быть ведено вовсе небольшими или не очень большими капиталами, но въ которыхъ составленіе большаго капитала необходимо или полезно для обезпеченія публики въ исполненіи денежныхъ обязательствъ. Особенно нужно это, когда сущность дѣла требуетъ, чтобы находилось очень много людей, желающихъ ввѣрять свои деньги извѣстному предпріятію, какъ, напримѣръ, въ банковыхъ и страховыхъ предпріятіяхъ,—для тѣхъ и другихъ чрезвычайно удобенъ принципъ акціонерныхъ компаній. Примѣромъ безразсудства правителей служитъ то, что до недавняго времени въ Англіи было запрещено приложеніе принципа акціонерныхъ компаній, какъ общаго основанія, къ этимъ обоимъ разрядамъ предпріятій: составленіе акціонерныхъ компаній для банковыхъ операцій было запрещено вовсе, а составлять страховыя общества было запрещено по морскому застрахованію. Цѣлью этого было доставить выгодную монополію нѣкоторымъ учрежденіямъ, получившимъ исключительное право существованія, — Англійскому Банку, Лондонскому Страховому Обществу и Королевскому Биржевому (Royal Exchange) Страховому Обществу.

Вотъ нѣкоторыя изъ преимуществъ акціонерныхъ компаній надъ предпріятіями отдѣльныхъ людей. Но взглянувъ на другую сторону вопроса, мы найдемъ, что эти предпріятія также имѣютъ очень большія преимущества надъ акціонерными компаніями. Главное изъ нихъ то, что въ частныхъ предпріятіяхъ распорядители гораздо больше заинтересованы въ успѣхѣ дѣла.

Управленіе въ акціонерныхъ ассоціаціяхъ почти все ведется черезъ наемныхъ служащихъ. Даже совѣтъ или комитетъ директоровъ, который считается главнымъ распорядителемъ дѣла и который дѣйствительно назначаетъ и смѣняетъ распорядителей, заинтересованъ денежною выгодою въ хорошемъ веденіи дѣла только пропорціонально числу акцій, лично принадлежащихъ директорамъ, а эти акціи всегда составляютъ лишь очень небольшую долю капитала компаніи и обыкновенно лишь небольшую долю имущества самихъ директоровъ. Время, посвящаемое ими на управленіе компаніею, удѣляется

отъ множества другихъ занятій, столь же важныхъ или болѣе важныхъ для ихъ личной выгоды, и акціонерное предпріятіе составляетъ главное занятіе лишь для людей, нанятыхъ вести его. Но опытъ и поговорки, выражающія результатъ народнаго опыта, свидѣтельствуютъ, что наемные служащіе ведутъ дѣло гораздо хуже людей, лично заинтересованныхъ въ дѣлѣ, и что за наемными служащими необходимо наблюдать „хозяйскому глазу“.

Для успѣшнаго веденія промышленнаго предпріятія нужны два совершенно разныя качества: вѣрность и усердіе. Вѣрность наемныхъ распорядителей акціонерная компанія можетъ обезпечить себѣ. Если трудъ ихъ можетъ быть подведенъ подъ опредѣленныя правила, нарушеніе этихъ правилъ будетъ такою вещью, въ которой для совѣсти нелегко будетъ обманывать себя, и отвѣтственность за которую можетъ состоять въ потерѣ должности. Но успѣшное веденіе большаго предпріятія требуетъ кромѣ того сотни другихъ вещей, которыхъ нельзя опредѣлить впередъ, обратить въ точныя и положительныя обязательства. Первое и главнѣйшее условіе здѣсь то, чтобы мысль распорядителя была постоянно занята дѣломъ, постоянно работала надъ соображеніями, какъ-бы получить больше выгодъ или сберечь расходы. Такой сильной заинтересованности въ дѣлѣ рѣдко можно ожидать въ людяхъ, которые ведутъ дѣло, какъ наемные служащіе, не въ свою, а въ чужую выгоду. Опытъ человѣческихъ дѣлъ не дозволяетъ сомнѣваться въ такомъ выводѣ. Всѣ, употреблявшіе наемный трудъ, достаточно испытали, что наемные служащіе стараются дать какъ можно меньше труда за получаемую плату, лишь-бы не доводить хозяина до отказа въ работѣ. Всѣ замѣчаютъ, что интересы хозяина пренебрегаются домашними служителями, если не охраняются какимъ нибудь положительнымъ правиломъ и если продолжительная служба на одномъ мѣстѣ и взаимныя услуги не произвели въ служителѣ личной привязанности или чувства общности его интересовъ съ хозяйскими.

Другая невыгода акціонерныхъ компаній, до нѣкоторой степени принадлежащая всѣмъ предпріятіямъ обширнаго размѣра,—пренебреженіе къ маленькимъ выгодамъ и сбереженіямъ. При распоряженіи большимъ капиталомъ и большими оборотами, легко является привычка считать мелкія суммы почти за ничто, особенно когда у распорядителей нѣтъ большаго личнаго интереса въ дѣлѣ: эти суммы не считаются стоющими хлопотъ, которыхъ потребовала бы заботливость о нихъ, и репутація щедрости, благородства дешево покупается небрежностью къ этимъ мелкимъ разсчетамъ. Но мелкія выгоды и мелкія издержки, безпрестанно повторяясь, возвышаются до большихъ выгодъ и потерь. Большой капиталистъ часто имѣетъ столько сообразительности, что практически замѣчаетъ это и устраиваетъ свои дѣла по такой системѣ, которая предотвращаетъ обычныя въ большихъ предпріятіяхъ растраты, если онъ довольно внимательно смотритъ за ея исполненіемъ. Но распорядители акціонернаго предпріятія рѣдко посвящаютъ себя дѣлу съ такою внимательностью, чтобы наблюдать за соблюденіемъ истинно-экономной системы во всѣхъ подробностяхъ, если даже и введена она.

По этимъ соображеніямъ, Адамъ Смитъ пришелъ къ тому, что поставилъ общимъ принципомъ, будто бы акціонерныя компаніи никакъ не могутъ держаться безъ исключительныхъ привиллегій ни въ какихъ предпріятіяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть въ значительной степени подводимы подъ опредѣленныя правила, какъ, напримѣръ, банки, страхованіе и нѣкоторыя другія. Но это одно изъ тѣхъ преувеличеній истиннаго принципа, которыя часто встрѣчаются у Адама Смита. Въ его время, за исключеніемъ тѣхъ отраслей дѣлъ, о которыхъ онъ упоминалъ, встрѣчалось мало акціонерныхъ компаній, безъ монополіи пользовавшихся постояннымъ успѣхомъ. Но послѣ него явилось

много такихъ компаній, а впослѣдствіи безъ сомнѣнія будетъ ихъ еще больше, благодаря непрерывному развитію наклонности къ торговому товариществу и умѣнія устраивать его. Адамъ Смитъ слишкомъ исключительно обратилъ вниманіе на большую степень энергіи и неусыпной внимательности, вносимой распорядителемъ въ такое дѣло, гдѣ весь капиталъ и вся выгода принадлежатъ распорядителю, и опустилъ изъ виду разныя обстоятельства, имѣющія противоположное вліяніе,—обстоятельства, которыми значительно вознаграждается даже это важное преимущество.

Изъ обстоятельствъ, клонящихся въ выгоду акціонерныхъ компаній, къ числу важнѣйшихъ принадлежитъ бо̀льшая умственная и практическая способность ихъ распорядителей. Личный интересъ, конечно, служитъ нѣкоторымъ ручательствомъ за усердіе; но само усердіе приноситъ мало пользы, если принадлежитъ человѣку безъ хорошихъ умственныхъ способностей,—а это по необходимости должно такъ быть въ бо̀льшей части предпріятій, управляемыхъ лицами, наиболѣе заинтересованными въ нихъ. Когда предпріятіе обширно и можетъ давать вознагражденіе, достаточное для привлеченія къ нему кандидатовъ, возвышающихся надъ общимъ уровнемъ, то для общаго управленія и для всѣхъ второстепенныхъ обязанностей спеціальнаго рода можно бываетъ выбирать людей съ такими знаніями и умственнымъ развитіемъ, что эти преимущества съ излишкомъ будутъ вознаграждать меньшую степень ихъ заинтересованности въ результатѣ предпріятія. Благодаря своей бо̀льшей проницательности, они, посвящая дѣлу даже только часть своихъ мыслей, могутъ замѣчать выгоды, которыя не будутъ никакъ замѣчены людьми посредственныхъ способностей даже при полномъ напряженіи вниманія; а превосходство знаній, обычная вѣрность взгляда и сужденія предохраняютъ ихъ отъ ошибокъ, боязнь которыхъ удержала бы другихъ рисковать своими интересами черезъ отступленіе отъ обыкновенной рутины.

Далѣе, надобно замѣтить, что при акціонерныхъ предпріятіяхъ нѣтъ необходимости выдавать служащимъ въ главныхъ или подчиненныхъ должностяхъ все вознагражденіе въ видѣ опредѣленнаго жалованья. Есть способы болѣе или менѣе тѣсно сочетать выгоду служащихъ съ денежнымъ успѣхомъ предпріятія. Между веденіемъ дѣла вполнѣ на свой счетъ и трудомъ за неизмѣнную поденную, понедѣльную или годичную плату есть длинный рядъ среднихъ положеній. Даже въ обыкновенной черной работѣ есть поштучная плата, вознагражденіе по количеству исполненной работы; бо̀льшая успѣшность такой работы очень извѣстна, такъ что разсчетливые хозяева всегда употребляютъ ее, если только возможно дѣлить работу на опредѣленныя части безъ необходимости въ слишкомъ хлопотливомъ надзорѣ для предотвращенія небрежной выдѣлки. По отношенію къ распорядителямъ акціонерныхъ предпріятій, и къ надсмотрщикамъ во многихъ частныхъ предпріятіяхъ, довольно сильно распространенъ обычай связывать ихъ денежный интересъ съ интересомъ хозяевъ, давая имъ часть вознагражденія въ формѣ процентовъ съ прибыли. Личный интересъ въ дѣлѣ, возбуждаемый черезъ это въ наемныхъ служащихъ, далеко не такъ силенъ, какъ интересъ лица, которому принадлежитъ капиталъ; но все-таки онъ такъ силенъ, что служитъ очень значительнымъ побужденіемъ къ усердію и заботливости; и въ соединеніи съ умственнымъ превосходствомъ онъ часто даетъ наемному управленію успѣшность гораздо высшую той, какую можетъ придать своимъ дѣламъ большинство хозяевъ личнымъ управленіемъ. Обширнѣйшее развитіе, къ какому способенъ этотъ принципъ вознагражденія, имѣетъ большую важность и въ экономическомъ и въ соціальномъ отношеніи; мы подробнѣе займемся имъ въ одной изъ дальнѣйшихъ частей нашего изслѣдованія.

Я уже замѣчалъ, говоря вообще о предпріятіяхъ обширнаго размѣра по сравненію съ малыми предпріятіями, что при свободѣ соперничества результаты его показываютъ, какой родъ предпріятій выгоднѣе въ данномъ случаѣ; тоже самое надобно сказать объ акціонерныхъ предпріятіяхъ по сравненію съ индивидуальными: тѣ изъ нихъ, которыя ведутъ дѣло успѣшнѣе и экономнѣе, всегда, наконецъ, успѣютъ подорвать дешевизною предпріятія другаго рода.

3. Возможность замѣны производства въ маломъ размѣрѣ производствомъ въ большомъ размѣрѣ разумѣется прежде всего зависитъ отъ величины рынка. Производство большаго размѣра можетъ быть выгоднымъ лишь тогда, когда есть надобность въ большомъ количествѣ продукта,—а для этого условіемъ служатъ или многолюдство и процвѣтаніе самой страны, или большой сбытъ за границу. Во-вторыхъ, этой замѣнѣ, какъ и всякой другой перемѣнѣ въ системѣ производства, очень благопріятствуетъ развитіе капитала. Количество капитала, ищущаго себѣ помѣщенія, бываетъ велико преимущественно тогда, когда капиталъ страны ежегодно получаетъ большое приращеніе; а новое предпріятіе гораздо скорѣе и легче основывается на новый капиталъ, чѣмъ на капиталъ, вынимаемый изъ прежняго употребленія. Также очень облегчается эта перемѣна существованіемъ большихъ капиталовъ въ немногихъ рукахъ. Правда, что такая же сумма капитала можетъ составиться соединеніемъ множества небольшихъ суммъ. Но это не во всѣхъ отрасляхъ промышленности одинаково удобно, а кромѣ того предполагаетъ гораздо высшую степень распространенности коммерческаго довѣрія и предпріимчивости въ обществѣ, и рѣшительно принадлежитъ болѣе развитому періоду промышленнаго прогресса.

Въ странахъ, имѣющихъ обширнѣйшіе рынки, обширнѣйшую распространенность коммерческаго довѣрія и предпріимчивости, наибольшее годичное возрастаніе капитала и наибольшее количество значительныхъ капиталовъ у частныхъ лицъ, находится стремленіе все больше и больше, въ одной отрасли промышленности за другою, замѣнять мелкія промышленныя заведенія обширными. Въ Англіи, въ которой полнѣе всего находятся эти экономическія черты, постоянно растутъ большія фабрики, а гдѣ находится достаточное число покупателей, также растутъ обширныя лавки и магазины для веденія розничной торговли въ большомъ размѣрѣ. Они почти всегда находятъ возможность подрывать дешевизною мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ; эта возможность происходитъ, во-первыхъ, разумѣется, отъ раздѣленія труда и экономіи, возникающей отъ употребленія людей съ спеціальными способностями только на тѣ занятія, которыя нуждаются въ особенныхъ способностяхъ; во-вторыхъ, она безъ сомнѣнія происходитъ и отъ сбереженія труда, какое соединено съ большимъ размѣромъ оборотовъ: въ самомъ дѣлѣ, исполненіе, напримѣръ, большой закупки требуетъ почти не большей траты времени, не слишкомъ большаго умственнаго труда, чѣмъ произведеніе мелкой закупки, и гораздо меньшей траты времени и труда, чѣмъ исполненіе множества мелкихъ закупокъ.

Собственно по отношенію къ производству и успѣшности труда эта перемѣна вполнѣ полезна. Иногда она сопровождается потерями, скорѣе соціальнаго, нежели экономическаго характера, о которыхъ мы уже упоминали. Но каковы-бы ни были, по нашему мнѣнію, невыгоды, соединенныя съ замѣною производства въ маломъ размѣрѣ производствомъ въ большомъ размѣрѣ, онѣ не сопровождаютъ перехода отъ производства въ большомъ размѣрѣ къ производству еще въ большемъ. Если въ извѣстной отрасли промышленности веденіе дѣлъ малыми независимыми хозяевами или вовсе не

было никогда возможно, или уже уничтожилось и вполнѣ водворена система сосредоточенія множества работниковъ подъ управленіемъ одного хозяина, то дальнѣйшее расширеніе въ размѣрѣ производства обыкновенно бываетъ выгодою, несоединенною ни съ какими потерями. Напримѣръ, очевидно, какая значительная экономія труда произошла-бы, если-бы газомъ или водою снабжался Лондонъ отъ одной компаніи, вмѣсто нѣсколькихъ компаній, существующихъ теперь. Если существуютъ даже только двѣ компаніи, онѣ требуютъ двойнаго комплекта всѣхъ заведеній, между тѣмъ какъ одна изъ двухъ, съ небольшимъ увеличеніемъ объема, вѣроятно могла-бы не хуже двухъ исполнять все дѣло; онѣ требуютъ двойнаго комплекта машинъ и сооруженій, между тѣмъ какъ все нужное количество газа или воды могло бы доставляться однимъ комплектомъ; онѣ требуютъ даже двойнаго ряда трубъ, если компаніи не предотвратили этой лишней издержки согласившись раздѣлить между собою городъ. Если-бъ существовала только одна компанія, она могла-бы продавать воду или газъ дешевле, продолжая получать нынѣшній процентъ прибыли. Но стала-ли-бъ она продавать свой товаръ дешевле? Если-бы даже и не стала, нація въ цѣломъ своемъ составѣ всетаки выиграла-бы, потому что акціонеры члены націи, а если-бы потребители платили нынѣшнюю цѣну, акціонеры получали-бы прибыль бо̀льшую нынѣшней. Притомъ, ошибочно было-бы предполагать, что цѣны постоянно держатся дешевыми отъ соперничества этихъ компаній. Гдѣ число соперниковъ такъ мало, они всегда кончаютъ тѣмъ, что соглашаются не соперничествовать между собою. Они могутъ пойти путемъ удешевленія, чтобы разорить новаго кандидата, но лишь только утвердится онъ, они входятъ въ соглашеніе съ нимъ. Потому, если дѣло существенной важности для общества можетъ быть выгодно ведено лишь въ такомъ обширномъ размѣрѣ, что свобода соперничества становится почти призракомъ, то неразсчетливою растратою общественныхъ средствъ будетъ содержать нѣсколько дорогихъ заведеній для того, чтобы они оказывали обществу одну и ту же услугу. Гораздо лучше будетъ прямо считать это дѣло общественнымъ; и если оно не таково, чтобы само правительство могло съ выгодою взяться за него, то надобно отдать все его одному акціонерному обществу или товариществу на паяхъ, какое будетъ исполнять его на условіяхъ, выгоднѣйшихъ для публики. Напримѣръ, никто не можетъ желать, чтобы произведена была громадная трата капитала и земли на постройку второй желѣзной дороги для соединенія мѣстъ, уже связанныхъ существующею желѣзною дорогою, и чтобы увеличивались безпокойства, дѣлаемыя желѣзною дорогою сосѣднимъ жителямъ; потому что обѣ онѣ исполняли-бы свое дѣло не лучше того, какъ оно можетъ исполняться одною, и въ скоромъ времени обѣ компаніи, вѣроятно, слились-бы въ одну. Слѣдуетъ дозволить только одну такую дорогу; но государство никакъ не должно выпускать изъ своихъ рукъ контроля надъ нею (исключеніемъ можетъ служить развѣ то, когда она строится съ условіемъ перейти черезъ нѣсколько времени въ государственную собственность, какъ во Франціи); и право собственности на желѣзныя дороги, данное отъ парламента англійскимъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, подобно всѣмъ тѣмъ правамъ собственности, которыя противны общественной пользѣ, имѣетъ только ту нравственную силу, что служитъ правомъ на вознагражденіе.

4. Вопросъ о системахъ производства въ большомъ и маломъ размѣрахъ по примѣненію къ земледѣлію,—о преимуществѣ большихъ или малыхъ фермъ, большихъ или малыхъ хозяйствъ (grande culture и petite culture),—долженъ рѣшаться по основаніямъ, во многомъ различнымъ отъ тѣхъ, по какимъ рѣшается общій вопросъ о производствѣ въ большомъ или маломъ размѣрѣ. Въ своемъ соціальномъ отношеніи, какъ одинъ изъ

элементовъ распредѣленія богатства, этотъ вопросъ займетъ насъ впослѣдствіи; но даже со стороны производства превосходство большихъ хозяйствъ въ земледѣліи не такъ несомнѣнно, какъ въ фабричномъ дѣлѣ.

Я уже замѣчалъ, что земледѣльческія операціи мало способны пользоваться выгодами раздѣленія труда. На самой обширной фермѣ, раздѣленіе занятій все-таки не велико. Правда, вообще особенные люди ходятъ за скотомъ, другіе ѣздятъ на рынокъ, третьи пашутъ землю; но подраздѣленіе не идетъ многимъ дальше этой начальной, простой классификаціи. Сочетаніе труда, допускаемое земледѣліемъ, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что Уэкфильдъ называетъ простымъ сотрудничествомъ: нѣсколько человѣкъ содѣйствуютъ другъ другу въ одномъ дѣлѣ, одновременно, въ одномъ мѣстѣ. Но признаюсь, мнѣ кажется, что этотъ проницательный писатель приписываетъ такому сотрудничеству въ собственно такъ называемомъ земледѣліи больше важности, чѣмъ оно имѣетъ. Ни одна изъ обыкновенныхъ операцій фермы не требуетъ его въ очень большой степени. Нѣтъ особенной выгоды сводить множество людей вмѣстѣ, чтобы они пахали, перекапывали или засѣвали одно поле; нѣтъ особенной пользы въ этомъ даже при сѣнокосѣ или жнитвѣ, если погода не заставляетъ особенно спѣшить. Одно семейство вообще можетъ производить все сочетаніе труда, необходимое въ этихъ дѣлахъ. А въ другихъ дѣлахъ, гдѣ дѣйствительно нужно соединеніе силъ многихъ людей, рѣдко бываетъ затрудненіе получать его, даже въ мѣстностяхъ съ малыми средствами.

Трата производительной силы отъ раздробленія земли часто доходитъ до очень вредной степени; но это относится преимущественно къ дробленію столь мелкому, что землепашцы не имѣютъ уже такого количества земли, чтобы она занимала все ихъ время. Относительно такого мелкаго дробленія примѣняются къ земледѣлію тѣ принципы, по которымъ отдается преимущество большимъ фабрикамъ. Чтобы производство шло самымъ успѣшнымъ образомъ, надобно вообще желать (впрочемъ и это правило должно имѣть свои ограниченія), чтобы ни одно семейство не имѣло земли, если не можетъ имѣть ея столько, сколько могло-бы обрабатывать и сколько было-бы достаточно для полнаго занятія его скоту и орудіямъ. Но такой размѣръ участка вовсе еще не размѣръ большой фермы, а такой фермы, которая считается въ Англіи очень малою. Большой фермеръ имѣетъ нѣкоторую выгоду въ издержкахъ на постройки. Помѣстить большое количество скота въ одной постройкѣ стоитъ дешевле, чѣмъ дать ему такое-же хорошее помѣщеніе въ нѣсколькихъ постройкахъ. Есть также нѣкоторая выгода и въ орудіяхъ. Мелкому фермеру не такъ легко имѣть дорогія орудія, какъ большому. Но главныя земледѣльческія орудія, даже самаго лучшаго устройства, не дороги. Мелкому фермеру не разсчетъ имѣть свою молотильную машину для своего небольшаго количества хлѣба; но нѣтъ препятствія каждому околодку завести сообща такую машину; нѣтъ препятствія и какому-нибудь отдѣльному лицу имѣть такую машину и давать ее въ наймы другимъ *). Большой фермеръ можетъ имѣть нѣкоторое сбереженіе въ издержкахъ

*) Соображенія, представленныя въ текстѣ, могутъ впослѣдствіи быть нѣсколько измѣнены такими изобрѣтеніями, какъ паровой плугъ и жатвенная машина. Но если отъ этихъ усовершенствованныхъ орудій измѣнится сравнительная выгодность большихъ и малыхъ фермъ, причина тому будетъ не въ успѣшности труда, а въ дороговизнѣ этихъ машинъ. Я не вижу основаній думать, что дороговизна ихъ будетъ такъ велика, чтобы онѣ остались недоступны мелкимъ фермамъ или товариществамъ мелкихъ фермеровъ. *Примѣч. авт.*

Конечно, можно надѣяться только того, что онѣ будутъ доступны товариществамъ мелкихъ фермеровъ, потому что паровой плугъ или жатвенная машина для полнаго своего занятія требуютъ такого пространства земель, воздѣлываніе котораго далеко превышаетъ силы одного семейства. *Прим. переводч.*

перевоза. Перевезти на рынокъ небольшое количество продукта стоитъ почти такого-же труда, какъ перевезти гораздо бо́льшее количество. Перевозка на ферму малаго количества удобренія или предметовъ ежедневнаго употребленія стоитъ почти тоже, что перевозка гораздо бо́льшаго количества. Притомъ и покупать вещи большими количествами бываетъ дешевле, чѣмъ малыми. Всѣ эти выгоды надобно считать довольно важными, но едва ли слѣдуетъ считать ихъ уже чрезвычайно важными. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ поколѣній Англія мало испытывала системы мелкихъ фермъ; но Ирландія имѣетъ много мелкихъ фермъ не съ однимъ очень дурнымъ хозяйствомъ, а также и съ очень хорошимъ хозяйствомъ; сужденія лучшихъ знатоковъ дѣла въ Ирландіи могутъ служить опроверженіемъ мнѣнію, господствующему объ этомъ вопросѣ въ Англіи. Напримѣръ, мистеръ Блекеръ, одинъ изъ самыхъ опытныхъ агрономовъ сѣверной Ирландіи, пользовавшійся хорошимъ успѣхомъ при введеніи у себя земледѣльческихъ улучшеній, знающій въ особенности тѣ части острова, гдѣ земледѣліе особенно хорошо, а земли наиболѣе раздѣлены, былъ того мнѣнія, что фермеры, берущіе отъ 5 до 8 или 10 экровъ, могутъ жить съ комфортомъ и платить ренту никакъ не меньше, чѣмъ платили бы большіе фермеры. „Я твердо убѣжденъ, говоритъ онъ (въ своемъ Prise Essay on the Management of Landed Property in Ireland, by William Blacker, стр. 23) что мелкій фермеръ, самъ пашущій и копающій свое поле, можетъ вытѣснить большаго фермера, иначе говоря, можетъ платить высшую ренту, чѣмъ большой, если будетъ держаться хорошаго сѣвооборота и кормить свой скотъ въ стойлѣ; въ этомъ утверждаютъ меня мнѣнія многихъ практическихъ людей, вникавшихъ въ дѣло... Англійскій фермеръ, снимающій 700 или 800 экровъ, бываетъ человѣкъ, приближающійся къ тому, что называется джентльменъ-фермеръ. Онъ хочетъ имѣть верховую лошадь, экипажъ, можетъ быть управляющаго для надзора за работниками, и, разумѣется, самъ онъ не можетъ усмотрѣть за работами, происходящими на фермѣ въ 800 экровъ“. Сдѣлавъ еще нѣсколько замѣчаній, Блекеръ продолжаетъ: „Кромѣ всѣхъ этихъ лишнихъ расходовъ, мало знакомыхъ мелкому фермеру, большую издержку составляетъ перевозка удобренія отъ скотнаго двора на такое большое разстояніе и точно также перевозка хлѣба съ полей въ амбары. Одна лошадь потребитъ продуктъ бо́льшаго количества земли, чѣмъ сколько нужно на прокормленіе мелкаго фермера съ женою и двумя дѣтьми. Но важнѣе всего остальнаго то, что большой фермеръ говоритъ своимъ работникамъ: *ступайте* на работу, а если мелкій фермеръ нанимаетъ работниковъ, то говоритъ имъ: *пойдемте* на работу; я надѣюсь, что проницательный читатель поймётъ эту разницу“.

Одно изъ самыхъ любимыхъ возраженій противъ мелкихъ фермъ то, что онѣ не содержатъ и не могутъ содержать, пропорціонально своему размѣру, такого количества скота, какъ большія фермы, и отъ этого не достаетъ на нихъ удобренія, такъ что земля, раздѣленная на мелкіе участки, непремѣнно должна истощиться. Но оказывается, что раздробленіе земли производитъ такой результатъ лишь тогда, когда отдаетъ землю въ руки хлѣбопашцевъ слишкомъ бѣдныхъ, не имѣющихъ средства держать столько скота, сколько нужно по размѣру ихъ фермъ. Малая ферма и ферма съ недостаточнымъ количествомъ скота вовсе не синонимы. Чтобы сравненіе было справедливо, мы должны предположить количество капитала, находящееся у большихъ фермеровъ, раздробленнымъ между малыми фермами. Если существуетъ такая соразмѣрность, или хотя близкая къ ней пропорція, и если скотъ кормится въ стойлахъ (а нынѣ начинаютъ считать выгоднымъ кормить скотъ въ стойлахъ и на большихъ фермахъ), то опытъ вовсе не под-

утверждаетъ мнѣнія, будто-бы мелкія фермы неблагопріятны размноженію скота,—нѣтъ, онъ неоспоримо показываетъ совершенно противное. Изобиліе скота и удобренія на мелкихъ фламандскихъ фермахъ составляетъ самую поразительную черту фламандскаго земледѣлія, которому дивятся всѣ знатоки дѣла и въ Англіи и на континентѣ *).

---

*) Прекрасный трактатъ о фламандскомъ сельскомъ хозяйствѣ, составленный по лучшимъ наблюденіямъ и лучшимъ источникамъ и изданный „Обществомъ распространенія полезныхъ знаній“, говоритъ: „Люди, незнакомые съ способомъ приготовленія корма скоту на фламандскихъ фермахъ, въ которыхъ вся земля обращена подъ пашню, удивятся количеству скота на нихъ. По одной головѣ крупнаго скота на каждые три акра земли—вотъ обыкновенная пропорція, а въ очень мелкихъ хозяйствахъ, гдѣ производится много работы заступомъ, пропорція еще больше. Сравненіе отчетовъ изъ разныхъ мѣстностей и фермъ о среднемъ количествѣ молока, получаемаго отъ коровы, кормящейся въ стойлѣ, показываетъ, что она даетъ молока гораздо больше нашихъ (англійскихъ) лучшихъ коровъ, и также, что изъ даннаго количества молока отъ нея получается больше масла. Удивительно покажется, что человѣкъ имѣющій только 10 или 12 акровъ земли легкаго сорта можетъ содержать четыре коровы или пять коровъ: но это фактъ извѣстный въ Весскомъ округѣ“ (стр. 59, 60).

Вопросъ этотъ очень основательно разсматривается въ книгѣ Пасси Des Systèmes de culture et de leur influence sur l'Economie Sociale, одномъ изъ самыхъ безпристрастныхъ французскихъ изслѣдованій о сравнительной выгодности большаго и малаго земледѣльческаго хозяйства. „Англія безспорно содержитъ наибольшее количество скота на данномъ пространствѣ (говоритъ Пасси). Только Голландія и нѣкоторыя части Ломбардіи могли бы оспаривать у нея первенство въ этомъ. Но должно ли это считаться результатомъ размѣра хозяйства, не содѣйствуютъ ли тому климатическія обстоятельства и особенности мѣстнаго положенія? Мы думаемъ, что безспорно содѣйствуютъ. Дѣйствительно, что бы ни говорили, но гдѣ большія и малыя хозяйства встрѣчаются въ одной мѣстности, малыя хозяйства хотя и не могутъ содержать столько овецъ, какъ большія, но по количеству производимаго скотомъ удобренія, имѣютъ всего скота въ общей сложности больше, чѣмъ большія хозяйства. Вотъ, напримѣръ, выводы изъ свѣдѣній, доставляемыхъ Бельгіею:

„Антверпенская провинція и Восточная Фландрія, гдѣ господствуетъ мелкое хозяйство, имѣютъ среднимъ числомъ по 74 головы рогатаго скота и по 14 овецъ и барановъ на 100 гектаровъ воздѣлываемой земли. Намюрская и Геннегауская провинціи, гдѣ встрѣчаются большія фермы, имѣютъ на 100 гектаровъ воздѣлываемой земли только по 30 головъ рогатаго скота и по 45 барановъ и овецъ. Считая, по обыкновенному правилу, 10 барановъ равняющимися 1 головѣ рогатаго скота, мы находимъ въ первыхъ двухъ провинціяхъ 76 головъ рогатаго скота для поддержанія плодородности земли, а въ двухъ послѣднихъ меньше 35 головъ,—разница громадная. (Цифры взяты нами изъ статистическихъ документовъ, издаваемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ). Надобно также замѣтить, что въ той части Бельгіи, гдѣ земля раздѣлена на очень мелкія фермы, число скота немногимъ меньше, чѣмъ въ Англіи. Считая пропорцію скота на одну воздѣлываемую землю, Англія имѣетъ на 100 гектаровъ 65 головъ рогатаго скота и около 200 барановъ; все это количество равняется 91 головѣ рогатаго скота, то есть только 15 головами больше, чѣмъ въ Антверпенской и Восточно-Фландрской провинціяхъ. Надобно прибавить, что въ Бельгіи почти ничего не теряется изъ удобренія, даваемаго скотомъ, который почти весь годъ кормится въ стойлѣ, между тѣмъ какъ въ Англіи количество удобренія, приносящаго полную пользу, значительно уменьшается отъ того, что скотъ пасутъ въ полѣ“.

„Въ Сѣверномъ департаментѣ наибольшее количество скота также содержатъ округи, въ которыхъ фермы меньшаго размѣра. Округи Лиллькій и Гасбрукскій, кромѣ большаго числа лошадей, имѣютъ другихъ животныхъ число равное: въ Лиллькомъ 52 головамъ, а въ Гасбрукскомъ 46 головамъ рогатаго скота; а въ округахъ, гдѣ хозяйства имѣютъ большій размѣръ, содержится скота меньше: въ Дюнкирхенскомъ количество равное 44 головамъ, а въ Авенскомъ 40 головамъ рогатаго скота (цифры взяты изъ Statistique de France, publiée par le ministre de commerce. Agriculture, томъ I).

„Подобныя изслѣдованія о другихъ частяхъ Франціи представили бы такіе же результаты Если въ подгородныхъ мѣстахъ мелкія хозяйства не держатъ скота, удобреніе котораго легко замѣняется въ нихъ покупкою городскаго удобренія, то вообще при воздѣлываніи, требующемъ отъ земли наибольшаго продукта, необходимо съ наибольшею дѣятельностью поддерживать ея плодородіе. Правда, мелкимъ фермамъ нельзя имѣть многочисленныхъ стадъ овецъ, и это ихъ невыгода; но наоборотъ, онѣ больше большихъ фермъ содержатъ рогатаго скота. Это необходимость, которой не могутъ онѣ избѣжать въ странахъ, гдѣ нужды потребленія даютъ имъ цвѣтущее существованіе. Онѣ погибли бы, если бы не удовлетворяли этимъ потребностямъ.

„Но вотъ объ этомъ еще подробности, за вѣрность которыхъ по нашему мнѣнію совершенно ручается достоинство труда, изъ котораго мы беремъ ихъ. Передаваемыя нами свѣдѣнія находятся въ статистикѣ Вансатской общины, изданной докторомъ Жюссро, меромъ этой общины; они тѣмъ драгоцѣннѣе, что раскрываютъ, какой характеръ имѣли въ этой мѣстности измѣненія, произведенныя мелкимъ хозяйствомъ въ количествѣ и породахъ скота, удобреніемъ котораго поддерживается и увеличивается плодородіе земли. Въ Вансатской общинѣ, имѣющей 1,612 гектаровъ, раздѣленныхъ на 4,600 участковъ (parcelles) и принадлежащихъ 591 владѣльцамъ, количество воздѣлываемой земли 1,466 гектаровъ. Въ 1790 году, двѣ трети этого пространства были заняты 17 фермами,

Если есть невыгода въ маломъ хозяйствѣ или хозяйствѣ поселянина по сравненію съ хозяйствомъ капиталиста, она должна главнымъ образомъ состоять въ меньшей степени знанія и искусства. Но нельзя поставить общимъ фактомъ, что малыя хозяйства ниже большихъ и въ этомъ отношеніи. Страны малыхъ фермъ и хозяевъ-поселянъ, Фландрія и Италія, имѣли хорошее земледѣліе нѣсколькими поколѣніями раньше, чѣмъ Англія, и вообще говоря, ихъ земледѣліе до сихъ поръ остается, вѣроятно, лучшимъ въ цѣломъ мірѣ. Поселяне-хозяева часто владѣютъ высокою степенью эмпирическаго искусства, бывающаго результатомъ ежедневнаго и внимательнаго наблюденія. Напримѣръ, въ странахъ, производящихъ лучшія вина, поселяне, по преданію, владѣютъ необыкновеннымъ знаніемъ виноградничества. Разумѣется, у нихъ нѣтъ науки, или по крайней мѣрѣ теоріи; есть у нихъ также нѣкоторый недостатокъ стремленія къ тѣмъ усовершенствованіямъ, которыя состоятъ въ принятіи новыхъ процессовъ производства. Недостаетъ у нихъ и средствъ дѣлать опыты, которые обыкновенно могутъ съ выгодою производиться лишь богатыми собственниками или капиталистами. Вообще нельзя ожидать отъ малыхъ собственниковъ тѣхъ систематическихъ улучшеній, которыя должны производиться вдругъ на большомъ пространствѣ земли (каковы большія работы дренажа или орошенія), или по другимъ причинамъ дѣйствительно требуютъ сочетанія труда множества работниковъ; впрочемъ, бываютъ примѣры соединенія малыхъ фермеровъ или собственниковъ и для производства такихъ дѣлъ; а при большемъ умственномъ ихъ развитіи, подобные случаи сдѣлаются болѣе частыми.

Но гдѣ характеръ собственности или найма земли соотвѣтствуетъ надлежащимъ условіямъ, тамъ всѣ эти невыгоды вознаграждаются въ мелкихъ хозяйствахъ усердіемъ труда, совершенно безпримѣрнымъ при другихъ системахъ хозяйства. Это фактъ, о которомъ единогласно свидѣтельствуютъ компетентные судьи. О характерѣ мелкихъ хозяйствъ не слѣдуетъ судить по тѣмъ случаямъ, когда мелкій хозяинъ просто арендаторъ земли, и арендуетъ ее даже не по контракту на опредѣленныхъ условіяхъ, а за такую номинальную ренту (какъ донынѣ въ Ирландіи), которая превышаетъ всякую возможность уплаты, то есть въ сущности за неопредѣленную ренту, постоянно восходящую до крайней суммы, какая только можетъ быть уплачена. Чтобы понять характеръ мелкаго хозяйства, надобно изучать его тамъ, гдѣ хлѣбопашецъ собственникъ или по крайней мѣрѣ половникъ, постоянно сидящій на одной землѣ, гдѣ онъ увеличиваетъ продуктъ и цѣнность земли вполнѣ или по крайней мѣрѣ отчасти въ выгоду себѣ и своему потомству. Въ одной изъ слѣдующихъ частей трактата мы должны будемъ подробнѣе разобрать важный вопросъ о способахъ владѣнія и пользованія землею, и я отлагаю до того времени приведеніе свидѣтельствъ объ удивительномъ трудолюбіи по-

---

остальная треть другими 20 фермами. Послѣ того, хозяйства раздробились и теперь дошли до крайней мелкости. Какое же вліяніе имѣла эта перемѣна на количество скота? Она значительно увеличила его. Въ 1790 году, община имѣла около 300 головъ рогатаго скота и отъ 1,800 до 2,000 овецъ. Теперь она имѣетъ 676 головъ рогатаго скота и только 533 овцы. Итакъ, въ замѣнъ 1,300 овецъ она пріобрѣла 376 головъ рогатаго скота; считая получаемое отъ нихъ удобреніе, мы увидимъ, что оно съ 490 возрасло до 729, то есть больше, чѣмъ на 48 процентовъ. Притомъ надобно замѣтить, что скотъ нынѣ, будучи крупнѣе и получая лучшій кормъ, даетъ гораздо лучшее удобреніе.

„Вотъ что говорятъ намъ факты. Итакъ неправда, будто бы мелкія хозяйства не содержатъ столько скота, какъ крупныя; напротивъ, при одинаковыхъ мѣстныхъ условіяхъ, мелкія хозяйства имѣютъ больше скота, какъ и слѣдовало предполагать, потому что они требуютъ отъ земли больше продукта, слѣдовательно должны также больше заботиться и объ ея плодородіи. Переберемъ всѣ другіе упреки мелкому хозяйству, пересмотримъ ихъ на основаніи внимательной оцѣнки фактовъ, и мы не замедлимъ увидѣть, что всѣ они точно также неосновательны, что они порождены только сравненіемъ состоянія такихъ странъ, въ которыхъ причины земледѣльческаго благосостоянія дѣйствуютъ не съ одинаковою энергіею“ (стр. 116—120).—*Прим. авт.*

селянъ-собственниковъ. Здѣсь довольно будетъ указать на огромность валоваго продукта, вообще получаемаго англійскими работниками съ ихъ маленькихъ участковъ, хотя они даже не имѣютъ постояннаго пользованія этими участками: они получаютъ съ нихъ несравненно большій продуктъ, чѣмъ получаетъ или можетъ найти выгоднымъ получать съ той же земли большой фермеръ.

Въ этомъ я нахожу истинную причину того, что для простаго помѣщенія капитала съ цѣлью полученія коммерческой выгоды, большія хозяйства вообще выгоднѣе. Земля снимается большимъ фермеромъ за менѣе высокую ренту. Онъ расходуетъ на нее меньше труда. И если онъ получаетъ больше прибыли по пропорціи къ расходамъ, это происходитъ не отъ экономіи, производимой сочетаніемъ труда, а просто оттого, что онъ расходуетъ меньше. Онъ не имѣетъ выгоды платить другимъ за весь тотъ трудъ, которому съ радостью подвергается поселянинъ или фабричный работникъ, имѣющій участокъ земли, когда всѣ труды плода пожинаетъ самъ. Но этотъ трудъ производителенъ; имъ увеличивается валовой продуктъ. При одинаковомъ искусствѣ и знаніи большой фермеръ не получаетъ съ земли столько продукта, какъ мелкій собственникъ или мелкій фермеръ, если у мелкаго фермера есть достаточныя побужденія работать усердно. Но если большой фермеръ получаетъ меньшую пропорцію продукта, онъ расходуетъ еще меньшую пропорцію продукта, и платя за весь трудъ, употребляемый имъ, онъ не находитъ выгоднымъ употреблять бо̀льшее количество его.

При одинаковости условій, валовой продуктъ земли бываетъ больше въ малыхъ хозяйствахъ; эта система даетъ странѣ возможность содержать бо̀льшее количество населенія. Но англійскіе писатели вообще полагаютъ, что такъ-называемый чистый доходъ, излишекъ, остающійся за продовольствованіемъ земледѣльцевъ, при системѣ малыхъ хозяйствъ бываетъ меньше, что поэтому будетъ меньше и количество того населенія, которое, получая свое продовольствіе изъ этого излишка, можетъ заниматься другими дѣлами: фабричною промышленностью, торговлею, мореплаваніемъ, защитою страны, развитіемъ знаній, другими свободными профессіями и административными обязанностями; что поэтому, оставляя въ сторонѣ всѣ вопросы о положеніи самихъ земледѣльцевъ, надобно сказать, что страна съ малыми хозяйствами ниже страны съ большими хозяйствами по важнѣйшимъ элементамъ національнаго могущества и по многимъ элементамъ національнаго благосостоянія. Но это слишкомъ легко принималось за дѣло доказанное. Конечно, пропорція не-земледѣльческаго населенія къ земледѣльческому при маломъ хозяйствѣ будетъ меньше, чѣмъ при большомъ. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что и по абсолютной числительности не-земледѣльческое населеніе будетъ меньше. Если сумма земледѣльческаго и не-земледѣльческаго населенія больше, то не-земледѣльческая часть его можетъ быть сама по себѣ многочисленнѣе, хотя и составляетъ меньшую пропорцію въ общей суммѣ. Если валовой продуктъ больше, то и чистый продуктъ можетъ быть больше, хотя бы и составлялъ меньшую пропорцію въ валовомъ продуктѣ. Но даже Уэкфильдъ иногда, повидимому, смѣшиваетъ эти разныя понятія. Считаютъ, что во Франціи земледѣльческое населеніе составляетъ двѣ трети всего населенія. Въ Англіи оно составляетъ, по самому большому счету, одну треть. Изъ этого Уэкфильдъ дѣлаетъ такой выводъ: „во Франціи только три человѣка содержатся трудомъ двухъ земледѣльцевъ, а въ Англіи трудъ двухъ земледѣльцевъ содержитъ шесть человѣкъ, потому англійское земледѣліе вдвое производительнѣе французскаго“, благодаря бо̀льшей успѣшности, доставляемой хозяйству обширныхъ фермъ сочетаніемъ труда. Но, во-первыхъ, самые факты тутъ преувеличены. Трудъ двухъ земледѣльцевъ въ Англіи

не вполнѣ содержитъ шесть человѣкъ, потому что значительное количество продовольствія ввозится изъ-за границы и изъ Ирландіи. А во Франціи трудъ двухъ земледѣльцевъ производитъ больше, чѣмъ пищу для трехъ человѣкъ: онъ также производитъ для нихъ, и кромѣ того для иностранцевъ, ленъ, пеньку, значительную долю потребляемаго ими шелка, масла, табака, а въ послѣднее время и сахара, который въ Англіи весь получается изъ-за границы. Почти весь строевой лѣсъ, потребляемый во Франціи, производится дома, а почти весь, потребляемый въ Англіи, привозится изъ-за границы. Главная масса топлива во Франціи добывается и привозится на рынокъ людьми, которыхъ причисляютъ къ земледѣльцамъ, а въ Англіи людьми, которыхъ не причисляютъ къ нимъ. Я не ввожу въ соображеніе кожъ и шерсти, потому что эти продукты одинаково производятся въ обѣихъ странахъ, также не считаю виноградного вина и водки, потребляемыхъ въ самой Франціи, потому что Англія имѣетъ соотвѣтствующіе продукты въ водкѣ и пивѣ; но она не имѣетъ большаго вывоза этихъ продуктовъ, напротивъ, даже ввозитъ довольно много водокъ, между тѣмъ какъ Франція снабжаетъ виноградными винами и водками цѣлый свѣтъ. Не говорю о фруктахъ, яйцахъ и другихъ мелкихъ статьяхъ вывоза земледѣльческихъ продуктовъ. Но, не придавая чрезмѣрной важности всѣмъ этимъ вычетамъ, возьмемъ цифры, какъ ихъ выставляютъ намъ. Предположимъ, что въ Англіи два человѣка дѣйствительно производятъ пищу на шесть человѣкъ, а во Франціи нуженъ для этого трудъ четырехъ человѣкъ. Слѣдуетъ ли изъ того, что Англія имѣетъ большее количество излишка на содержаніе не—земледѣльческаго населенія? Нѣтъ, слѣдуетъ только то, что она можетъ употреблять на это двѣ трети, а не одну треть своего продукта. Положимъ, что при маломъ хозяйствѣ во Франціи продуктъ вдвое больше; тогда одна треть его будетъ равняться двумъ третямъ продукта большаго хозяйства. Если бы, благодаря большему количеству труда, употребляемому во французской системѣ, производилась пища для 12 человѣкъ на такомъ пространствѣ, какое при англійской системѣ производитъ пищу для 6 человѣкъ, въ такомъ случаѣ, при сохраненіи условій, на которыхъ построена гипотеза, могло бы въ обѣихъ странахъ существовать одинаковое количество рукъ, свободныхъ для занятія другими дѣлами, хотя бы въ одной 8 человѣкъ производили пищу для 12 человѣкъ, а въ другой пищу для 6 человѣкъ только 2 человѣка. Я говорю вовсе не то, что это дѣйствительно такъ. Я знаю, что средній валовой продуктъ экра во Франціи гораздо меньше, чѣмъ въ Англіи; что пропорціонально пространству и плодородію земли, Англія имѣетъ гораздо больше, чѣмъ Франція, свободнаго для другихъ занятій населенія. Но эта разница въ числѣ такого населенія никакъ не можетъ измѣряться слишкомъ простою нормою Уэкфильда. Иначе пришлось бы сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ по послѣднему цензу изъ пяти семействъ четыре оказываются занимающимися земледѣліемъ, земледѣльческій трудъ еще гораздо менѣе успѣшенъ, чѣмъ во Франціи.

Сравнивая всю Францію, какъ одно цѣлое, со всею Англіею, какъ однимъ цѣлымъ, надобно согласиться, что французское земледѣліе въ самомъ дѣлѣ, хотя не въ такой огромной пропорціи, какъ говорятъ, менѣе производительно, чѣмъ англійское; но эту разницу надобно приписывать не столько дѣйствію какой нибудь спеціальной причины, сколько тому, что во Франціи общій уровень промышленнаго искусства и энергіи ниже, чѣмъ въ Англіи; а если разница отчасти происходитъ и отъ раздробленности земли, этимъ еще не доказывается невыгодность мелкихъ хозяйствъ, а доказывается только то (что и на самомъ дѣлѣ безспорно), что земледѣльческія хозяйства во Фран-

ціи очень часто бываютъ уже *слишкомъ* мелки, и что еще хуже, раздроблены на неимовѣрное множество клочковъ (parcelles), очень неудобно разбросанныхъ и разсѣянныхъ.

Нельзя считать рѣшеннымъ вопроса о томъ, какое хозяйство, большое или малое, выгоднѣе по отношенію къ чистому продукту,—особенно если мелкій хозяинъ собственникъ воздѣлываемаго участка. Это вопросъ, который нынѣ различно рѣшается знатоками дѣла. Въ Англіи господствующее мнѣніе въ пользу большихъ фермъ; на континентѣ, сильнѣйшіе авторитеты думаютъ иначе. Гейдельбергскій профессоръ Рау, авторъ одного изъ самыхъ обширныхъ и основательныхъ трактатовъ о политической экономіи, человѣкъ, владѣющій, по своему предмету, тѣмъ обширнымъ знаніемъ фактовъ и сочиненій, которымъ вообще отличаются его соотечественники, считаетъ положительно доказаннымъ, что хозяйства малаго или средняго размѣра даютъ большее количество не только валоваго, но и чистаго продукта; впрочемъ, надобно желать, прибавляетъ онъ (стр. 352 и 335 французскаго перевода, изданнаго Кемметеромъ), чтобы существовало и нѣсколько большихъ землевладѣльцевъ, которые бы служили образцами въ принятіи новыхъ усовершенствованій. Изъ всѣхъ писателей, извѣстныхъ мнѣ, самое безпристрастное и основательное, какъ мнѣ кажется, сужденіе высказываетъ Пасси, говорящій, что большія хозяйства выгоднѣе для производства хлѣба и сѣна, но малыя рѣшительно выгоднѣе для производства продуктовъ, требующихъ особенно большаго труда и вниманія; такими производствами онъ называетъ винодѣліе и воздѣлываніе оливковаго дерева, гдѣ каждое отдѣльное растеніе требуетъ много труда и заботы, также воздѣлываніе корнеплодныхъ и стручковыхъ растеній, и, наконецъ, растеній, дающихъ матеріалы для фабричной промышленности. По мнѣнію всѣхъ авторитетовъ, многочисленность мелкихъ фермъ очень благопріятна изобилію множества мелкихъ земледѣльческихъ продуктовъ *).

Ясно, что каждый земледѣлецъ, получающій отъ земли больше продовольствія, чѣмъ сколько нужно на потребленіе его самого съ семействомъ, увеличиваетъ массу средствъ для содержанія не-земледѣльческой части населенія. Если этотъ излишекъ у него достаточенъ даже лишь на то одно, чтобы покупать одежду, работники, дѣлающіе эту одежду, уже составляютъ часть не-земледѣльческаго населенія, содержимую продовольствіемъ, которое онъ производитъ. Потому каждая земледѣльческая семья, производящая для себя предметы первой необходимости, уже даетъ прибавокъ къ чистому продукту земледѣлія; этотъ чистый продуктъ увеличивается каждымъ поселяниномъ, который своею земледѣльческою работою увеличиваетъ валовой продуктъ земли количествомъ продовольствія большимъ того, сколько потребляетъ самъ. Даже въ самыхъ раздробленныхъ изъ тѣхъ европейскихъ округовъ, воздѣлыватели которыхъ сами собственники своихъ участковъ, размноженіе земледѣльческаго населенія едва ли подходитъ или стремится подойти хотя бы къ очень далекой отъ этого предѣла многочисленности. Во Франціи, гдѣ раздробленіе земли, по общему признанію, слишкомъ велико, все таки оно еще очень далеко отъ предѣла, за которымъ начала бы уменьшаться сила мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ поддерживать не-земледѣльческое населеніе. Это доказывается положительными фактами, напримѣръ, сильнымъ возрастаніемъ городовъ.

*) „Въ Сѣверномъ департаментѣ, говоритъ Пасси, ферма, имѣющая 20 гектаровъ, иногда продаетъ въ годъ на 1,000 франковъ телятъ, молока, яицъ и птицы; за вычетомъ издержекъ, это составляетъ прибавку отъ 15 до 20 франковъ чистаго дохода на гектаръ". Systèmes de culture, стр. 114.—*Прим. авт.*

Городское населеніе Франціи въ послѣднее время возрастало въ пропорціи гораздо высшей, чѣмъ общее число французскаго населенія *). Нѣтъ основаній думать, что положеніе городскихъ работниковъ быстро ухудшается; потому этотъ фактъ показываетъ, что производительность французскаго земледѣлія возрастаетъ даже по отношенію чистаго продукта къ валовому продукту,—даже по этой пропорціи, которую ошибочно было бы принимать нормою для рѣшенія. А между тѣмъ, есть факты, несомнѣнно показывающіе, что потребленіе земледѣльческихъ продуктовъ самими земледѣльцами значительно увеличилось въ округахъ, имѣющихъ усовершенствованное земледѣліе, и въ нѣкоторыхъ изъ округовъ, до послѣдняго времени не знавшихъ усовершенствованной обработки.

Въ этой главѣ мы разсматривали вопросъ о хозяйствахъ большаго и малаго размѣра, исключительно только какъ вопросъ о производствѣ и успѣшности труда. Впослѣдствіи, мы разсмотримъ его со стороны распредѣленія продукта, со стороны матеріальнаго и общественнаго благосостоянія самихъ земледѣльцевъ. Въ этихъ отношеніяхъ онъ заслуживаетъ и требуетъ еще подробнѣйшаго разбора.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ДЕВЯТОЙ ГЛАВѢ.

Милль справедливо говоритъ, что въ настоящую минуту вопросъ о производствѣ въ большомъ и маломъ размѣрахъ рѣшается для сельскаго хозяйства еще не совершенно по одинаковымъ соображеніямъ съ тѣми, какія встрѣчаются при его разсмотрѣніи въ мануфактурномъ производствѣ. Разница, какъ онъ самъ указываетъ, происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что въ земледѣліи теперь еще очень мало введено раздѣленіе занятій, очень мала пропорція дѣла, для котораго придуманы большія, дорогія машины,—словомъ сказать, земледѣльческій процессъ еще очень мало усовершенствованъ, или выражаясь экономическимъ языкомъ, къ нему еще въ слишкомъ слабой степени прилагается капиталъ.

Въ настоящую минуту,—въ 1860 году,—это еще такъ; но нельзя не видѣть, что уже и наше поколѣніе доживетъ до иного порядка дѣлъ, что уже начинается и теперь перемѣна въ немъ, что эта перемѣна будетъ быстро развиваться и не далеко время, когда земледѣліе отъ нынѣшняго процесса производства перейдетъ къ усовершенствованному. Пересмотримъ признаки, указывающіе на близость такой перемѣны.

Обратимъ прежде всего вниманіе на тотъ общій фактъ, подъ которымъ разумѣются въ экономическомъ языкѣ всѣ усовершенствованія производства, на такъ называемое приложеніе капитала къ производству. Симптомомъ этого факта служитъ, при нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ, замѣненіе патріархальнаго порядка, держащагося на рутинѣ, спекуляціею и введеніемъ живой конкурренціи, обращеніе капиталистовъ на извѣстную отрасль промышленности. Капиталъ, по справедливому замѣчанію Милля, устремляется большою массою на новую отрасль занятій тогда, когда уже

*) Въ періодъ между цензами 1851 и 1856 годовъ, увеличеніе числа жителей въ одномъ Парижѣ было больше, чѣмъ увеличеніе всего числа жителей во Франціи. Почти во всѣхъ другихъ городахъ число жителей также возросло въ эти годы. — *Прим. авт.*

тѣсно стало ему въ прежнихъ занятіяхъ. Мы видимъ, что торговля и вся мануфактурная промышленность въ передовыхъ странахъ уже переполнена капиталомъ и онъ рвется обнять новыя отрасли дѣятельности. На нѣсколько лѣтъ достало для новаго занятія ему постройки желѣзныхъ дорогъ. Теперь передовыя страны Европы уже покончили сооруженія нужнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ предпріятій этого рода. Постройка желѣзныхъ дорогъ продолжается тамъ въ очень большомъ размѣрѣ и, конечно, будетъ продолжаться въ такомъ-же или еще большемъ размѣрѣ много лѣтъ; но уже нельзя не видѣть, что на это дѣло обращается только небольшая часть ежегодныхъ приращеній капитала, находящагося въ рукахъ спекуляціи. Не только въ Англіи, даже во Франціи и въ Германіи теперь уже не то, что было двадцать лѣтъ тому назадъ: новыхъ громадныхъ обществъ для постройки новыхъ громадныхъ линій желѣзныхъ дорогъ уже не составляется; расширеніе существующихъ сѣтей производится главнымъ образомъ прежними обществами, употребляющими на это дѣло часть своей прибыли; въ Англіи ежегодный чистый доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ простирается милліоновъ до шестидесяти р. сер., или больше, во Франціи и Германіи вмѣстѣ также до этой суммы; съ каждымъ годомъ онъ возрастаетъ; этихъ ста двадцати милліоновъ рублей серебромъ уже достаточно на то, чтобы ежегодно строить по нѣсколько сотъ верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Желѣзныя дороги расширяются уже почти исключительно собственною силою, новаго капитала изъ другихъ источниковъ не нужно для нихъ много; гдѣ же искать занятія этому вновь образуемому капиталу, которому тѣсно въ торговлѣ и въ фабричномъ дѣлѣ? Ему остается одно производительное помѣщеніе—въ сельскомъ хозяйствѣ. Дѣйствительно, въ послѣдніе годы, стали въ передовыхъ странахъ западной Европы обращаться къ сельско-хозяйственному производству коммерческіе люди.

До сихъ поръ мало было придумано для земледѣльческаго производства большихъ машинъ; теперь, какъ всѣмъ извѣстно, стоитъ на очереди вопросъ о паровомъ плугѣ. Удачны или неудачны нынѣшнія попытки разрѣшить его—это все равно. Знатоки дѣла увѣряютъ, что уже есть паровые плуги, работающіе гораздо выгоднѣе простыхъ плуговъ, которыми пахали на лошадяхъ или волахъ. Но еслибъ это увѣреніе и было преждевременно, то все-таки оно не болѣе какъ преждевременно: не нынѣ-завтра явятся паровые плуги удовлетворительной конструкціи. Примѣненіе паровыхъ машинъ къ земледѣлію распространяется въ передовыхъ странахъ Европы съ каждымъ годомъ и скоро должно перейти на главнѣйшія операціи земледѣлія, на паханіе и на уборку хлѣба. Вмѣстѣ съ этимъ приложеніемъ большихъ машинъ къ прямому земледѣльческому труду, начинается производство приготовительныхъ работъ въ большомъ размѣрѣ. Довольно указать на дренажъ.

До сихъ поръ, несмотря на всѣ толки объ усовершенствованіяхъ сельскаго хозяйства въ послѣднія десятилѣтія, оно все еще оставалось на той ступени, которое достигало въ Средніе вѣка и раньше того у римлянъ, и еще раньше того въ Месопотаміи и въ Египтѣ. Фламандское и Ломбардское земледѣліе, которому Милль отдаетъ преимущество передъ англій-

скимъ, достигло нынѣшняго своего вида еще въ Средніе вѣка. У Колумеллы находятъ правила для веденія хозяйства по самымъ высокимъ изъ нынѣшнихъ способовъ. Дѣло, за которое только еще принимается Англія,—колоссальныя работы для орошенія и осушенія полей, уже производились въ Вавилонѣ и въ египетскихъ Θивахъ. Но общее положеніе техническихъ знаній, въ особенности механики и химіи, теперь уже не таково, какъ было въ прежніе вѣка, или даже хотя лѣтъ сорокъ тому назадъ: въ началѣ нынѣшняго столѣтія эти науки дѣйствительно еще не могли оказать земледѣльческому процессу никакой другой помощи кромѣ той, какую получали отъ подобныхъ знаній средневѣковые ломбардцы, римляне, египтяне. Теперь надъ постройкою желѣзныхъ дорогъ инженеры выучились дѣлать сооруженія, какихъ не было ни у римлянъ, ни у восточныхъ народовъ, водопроводы которыхъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, еще были для насъ образцами громадности и искусства. Съ той поры, какъ Либихъ занялся приложеніемъ химіи къ земледѣлію, открылись для подготовки почвы средства, о которыхъ не знали Средніе вѣка, не знали Римъ и Египетъ, о которыхъ даже не мечтало предшествующее намъ поколѣніе. Кажется, всѣхъ этихъ фактовъ довольно, чтобы убѣдить насъ въ приближеніи коренной реформы земледѣльческаго производства, реформы въ родѣ той, какая произведена въ мануфактурномъ дѣлѣ открытіями конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій.

Земледѣльческій процессъ отличается отъ фабричнаго гораздо большей сложностью элементовъ, участвующихъ въ немъ. Тутъ входятъ климатическія и геологическія условія, которыхъ не знаетъ фабрика. На фабрикѣ матеріалъ однороденъ; въ земледѣліи онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ различныхъ частей: кромѣ посѣва, соотвѣтствующаго тому, что собственно называется на фабрикѣ матеріаломъ, земля, служащая какъ будто ретортою, сама входитъ въ химическія соединенія съ матеріаломъ, между тѣмъ какъ на фабрикѣ реторта не смѣшивается съ нимъ. Этимъ объясняется, почему наука стала управляться съ земледѣльческими вопросами гораздо позднѣе, чѣмъ съ фабричными. Для рѣшенія задачъ болѣе сложныхъ, ей было нужно пріобрѣсти гораздо больше знаній. Теперь она уже владѣетъ значительной частью нужныхъ по земледѣльческимъ вопросамъ свѣдѣній и быстро пріобрѣтаетъ тѣ, которыхъ еще недостаетъ ей.

Изъ этого надобно заключать, что скоро исчезнутъ причины различія между земледѣліемъ и фабричной промышленностью по отношенію къ выгодности производства въ большомъ размѣрѣ.

Впрочемъ эти соображенія надобно считать все еще не больше, какъ только догадками, гипотезами,—конечно, имѣющими очень сильную степень вѣроятности;—степень ихъ вѣроятности почти равняется несомнѣнности, однако-же это еще не фактъ; это еще только выводы изъ признаковъ, указывающихъ на близкое осуществленіе извѣстныхъ фактовъ. Но чего еще нѣтъ, о томъ нельзя слишкомъ много заботиться, когда есть уже осуществившіеся факты, требующіе всей силы нашего вниманія. Мысли о будущемъ, хотя-бы довольно близкомъ, имѣютъ лишь малую степень практической важности по сравненію съ обстоятельствами, вліянію которыхъ чело-

вѣкъ уже подвергается въ настоящемъ. Предоставляя слѣдующимъ десятилѣтіямъ внимательнѣйшій разборъ вопроса о совершенномъ сходствѣ или о существованіи нѣкоторой внутренней разницы между земледѣльческими и фабричными способами производства, мы обратимся къ общему разбору экономическихъ свойствъ производства въ большомъ и маломъ размѣрахъ, независимо отъ частнаго вопроса о реформѣ земледѣльческаго процесса. Мы будемъ принимать этотъ процессъ въ его нынѣшнемъ видѣ. Посмотримъ на выгодность или невыгодность земледѣльческаго производства въ большомъ размѣрѣ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

Всѣ преимущества сельскаго хозяйства въ маломъ размѣрѣ сводятся къ одному: работы исполняются людьми, имѣющими прямой интересъ въ ихъ успѣшности. Почти все дѣло совершается семействомъ, которому будетъ принадлежать продуктъ. Лишь незначительная часть работъ, да и то лишь иногда, случайнымъ образомъ, исполняется наемными работниками, не имѣющими личнаго интереса въ успѣшности производства; да и то они работаютъ рядомъ съ хозяиномъ, такъ что совѣстно имъ отстать отъ него, да и нельзя отстать: его глазъ слѣдитъ за ними ежеминутно. Потому, каковы-бы ни были средства, представляемыя малымъ хозяйствомъ, оно пользуется ими очень хорошо.

Всѣ преимущества большаго хозяйства также сводятся къ одному: оно имѣетъ очень хорошія средства къ успѣшному веденію дѣла, имѣетъ лучшія орудія, имѣетъ экономное распредѣленіе земли. Въ маломъ хозяйствѣ значительная пропорція земли пропадаетъ, нельзя такъ удобно расположить разныхъ полей и угодій, нельзя имѣть такихъ хорошихъ орудій.

Въ чемъ же дѣло, какъ теперь оказывается? При одной системѣ есть охота хорошо исполнять дѣло, но нѣтъ средствъ; при другой системѣ есть всѣ средства успѣшно вести дѣло, но у исполнителей его, у наемныхъ работниковъ, нѣтъ охоты порядочно исполнять его.

Что-жъ это такое? и какъ тутъ разсудить?

Это вотъ что такое: есть юноша, имѣющій всѣ средства къ образованію, но онъ не хочетъ учиться; есть другой юноша, имѣющій охоту учиться, но лишенный средствъ къ образованію. Что тутъ дѣлать? Неужели вести споръ о томъ, который изъ нихъ достигнетъ лучшаго успѣха въ наукахъ: юноша съ желаніемъ безъ средствъ, или юноша съ средствами безъ желанія? По всей вѣроятности, вмѣсто этого (впрочемъ, очень интереснаго) спора слѣдовало бы заняться тѣмъ, чтобы подумать: нельзя ли въ юношѣ, имѣющемъ средства, возбудить охоту, а юношѣ, имѣющему охоту, доставить средства.

Это тоже вотъ что: хорошій поваръ готовитъ обѣдъ изъ дрянныхъ припасовъ; отвратительный поваръ готовитъ обѣдъ изъ хорошихъ припасовъ; чей обѣдъ будетъ вкуснѣе? Надобно полагать, что оба обѣда будутъ очень плохи и что надобно не спорить о ихъ преимуществахъ, а выучить одного повара порядочно готовить, другому доставить хорошіе припасы.

Для хорошаго хозяйства необходимъ большой размѣръ полей.

Для хорошаго хозяйства необходимо, чтобы работники были хозяева, а не наемники.

Пока эти условія не совмѣстились въ хозяйствѣ, оно будетъ плохо.

До такого заключенія Милль не доходитъ. А вѣдь, кажется, выводъ не очень головоломный.

Да, не головоломный въ теоріи; но какъ же устроить, чтобы поля большаго размѣра обработывались хозяевами?

Какъ устроить это, мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, потому что это уже касается формъ производства, рѣчь о которыхъ идетъ во второй книгѣ Милля, а не основныхъ законовъ его, которые одни занимаютъ насъ здѣсь. Здѣсь намъ довольно того, чтобы найти законъ; какъ онъ осуществляется, это зависитъ отъ способовъ экономическаго устройства.

Должно замѣтить, что законъ, формула котораго выражена теперь нами по вопросу о земледѣльческомъ производствѣ, прилагается и къ фабричному и ко всякому другому производству. Повсюду успѣхъ производства является произведеніемъ двухъ факторовъ: одинъ изъ факторовъ—степень совершенства производительныхъ операцій, другой факторъ—качество труда, или, что то же, качества работника, исполняющаго эти операціи. Само собою разумѣется, что если одинъ факторъ очень великъ, то произведеніе будетъ довольно значительно и при малой величинѣ другаго фактора. Но выгоднѣйшая величина въ произведеніи получается тогда, когда оба фактора соразмѣрны между собою [37]).

---

[37]) Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ подумать, какова формула зависимости производства отъ двухъ факторовъ: отъ качества производительнаго процесса и отъ качества работника.

Данное общество въ данную минуту располагаетъ даннымъ количествомъ силъ, могущихъ быть обращенными на производство. Пусть въ данную минуту оно имѣетъ величину равную 20 единицамъ.

Эти силы общество можетъ употреблять на производство двумя способами. Во-первыхъ, для производства нужны орудія. Назовемъ ихъ А. Во-вторыхъ, нуженъ работникъ. Назовемъ его В. Степень достоинства того и другаго одинаково будемъ обозначать коэффиціентами. Напримѣръ, 6 А будетъ обозначать производительныя орудія, которыя вдвое лучше другихъ орудій, обозначаемыхъ посредствомъ 3 А; 8 В будетъ обозначать работника, который исполняетъ работу вдвое лучше другаго работника, обозначаемаго посредствомъ 4 В.

Продуктъ явнымъ образомъ происходитъ изъ сочетанія А и В. Но какою формулою опредѣляется это сочетаніе: сложеніемъ, умноженіемъ, или какимъ-нибудь инымъ отношеніемъ, неподходящимъ ни подъ ту, ни подъ другую рубрику? Открыть это очень легко.

Возьмемъ орудія извѣстнаго достоинства, положимъ 6 А; возьмемъ работника извѣстнаго достоинства, положимъ 8 В. Назовемъ извѣстное количество продукта извѣстныхъ качествъ, производимаго дневнымъ трудомъ этого работника посредствомъ этихъ орудій, буквою Х.

Положимъ теперь, что работникъ остается прежній, но орудія даны ему производящія вдвое меньше. Онъ произведетъ очевиднымъ образомъ только половину прежняго продукта, то есть $^1/_2$ Х.

Или положимъ, что орудія остались прежнія, но возьмемъ работника вдвое худшаго; продуктъ опять будетъ вдвое меньше, то есть $^1/_2$ Х.

Каждый видитъ, къ какой формулѣ принадлежатъ отношенія, дающія такіе результаты: искомая величина уменьшается на половину, когда, при неизмѣнности одного изъ двухъ числъ ее производящихъ, уменьшается на половину другое число. Каждый видитъ, что это не сложеніе, не возвышеніе въ степень, не что нибудь иное, а просто умноженіе. Каждый видитъ, какими математическими знаками надобно выразить разобранныя нами отношенія.

$$6\ А \times 8\ В = \quad Х$$
$$3\ А \times 8\ В = {}^1/_2\ Х$$
$$6\ А \times 4\ В = {}^1/_2\ Х$$

Никакая другая формула, кромѣ формулы умноженія, не соотвѣтствуетъ этимъ отношеніямъ, а формула умноженія совершенно соотвѣтствуетъ имъ.

При грубыхъ процессахъ производства, какими ограничивалась техника варварскихъ обществъ, рабскій трудъ не представлялъ несообразности съ орудіями, къ которымъ прилагался: то и другое было одинаково дурно.

Когда техника нѣсколько развилась, когда явились довольно многосложныя и деликатныя орудія, грубый трудъ раба оказался непригоднымъ: машина не терпитъ подлѣ себя невольничества; она не выдерживаетъ тяжелыхъ рукъ его безпечности. Не выдерживаютъ невольничества и всѣ тѣ мастерства, въ которыхъ введены сколько нибудь усовершенствованные инструменты. Для нихъ необходимъ вольный человѣкъ.

Но когда производство совершенствуется до того, что требуетъ веденія въ широкомъ размѣрѣ, для него становится недостаточнымъ одно то условіе, чтобы работникъ былъ свободенъ. Въ небольшой мастерской, въ маленькомъ хозяйствѣ хозяинъ можетъ наблюсти за исполненіемъ дѣла; тутъ нѣтъ большой разницы между работою хозяина и наемника, потому

Теперь мы можемъ замѣнить X, знакъ неизвѣстнаго, какимъ нибудь знакомъ, выражающимъ по математическому обычаю величину извѣстную. Назовемъ эту величину буквою C; и положимъ

$$A \times B = C$$

Тогда, принимая для A и для B разные коэффиціенты, мы постоянно будемъ получать для C коэффиціенты, образуемые перемноженіемъ коэффиціентовъ A и B. Напримѣръ

$$2\,A \times 2\,B = 4\,C$$
$$3\,A \times 3\,B = 9\,C$$

Успѣшность производства измѣряется величиною коэффиціента C. Теперь спрашивается, въ какой пропорціи выгоднѣе всего распредѣлить сумму общественныхъ силъ, 20, между факторами A и B? Будемъ брать поочередно:

$$1\,A \times 19\,B = 19\,C$$
$$2\,A \times 18\,B = 36\,C$$
$$\cdots\cdots\cdots$$
$$8\,A \times 12\,B = 96\,C$$
$$9\,A \times 11\,B = 99\,C$$
$$10\,A \times 10\,B = 100\,C$$
$$11\,A \times 9\,B = 99\,C$$
$$12\,A \times 8\,B = 96\,C$$
$$\cdots\cdots\cdots$$
$$19\,A \times 1\,B = 19\,C$$

Соображая эти уравненія, мы видимъ, что чѣмъ ближе сходятся коэффиціенты A и B, тѣмъ выше коэффиціентъ C, чѣмъ дальше расходятся они, тѣмъ онъ меньше.

Это значитъ: наибольшій продуктъ получается тогда, когда достоинство труда равно степени совершенства производительныхъ процессовъ. При данномъ размѣрѣ общественныхъ средствъ надобно распредѣлять ихъ между заботами объ улучшеніи производительныхъ процессовъ и объ улучшеніи качествъ труда въ такой пропорціи, чтобы совершенствованіе работника не отставало отъ совершенствованія производительныхъ процессовъ. Всякое другое распредѣленіе невыгодно для производства. Если, напримѣръ, слишкомъ высоко разовьется качество труда при неразвитости производительныхъ операцій, мы будемъ имѣть

$$1\,A \times 19\,B = 19\,C,$$

то есть, мы будемъ имѣть малый продуктъ, то есть общество не будетъ имѣть благосостоянія. Это случай, соотвѣтствующій нынѣшнему малому хозяйству, гдѣ трудъ хорошъ, но средства для труда плохи.

Если, наоборотъ, мы очень высоко разовьемъ производительные процессы, но не позаботимся о развитіи качествъ труда, мы будемъ имѣть

$$19\,A \times 1\,B = 19\,C,$$

то есть опять то же самое: очень малый продуктъ и недостатокъ общественнаго благосостоянія. Это случай, соотвѣтствующій нынѣшнему большому хозяйству, гдѣ трудъ располагаетъ хорошими средствами, но самъ плохъ.

что наемникъ работаетъ на глазахъ у хозяина, который можетъ услѣдить за всякой мелочью. Но чѣмъ обширнѣе становится размѣръ хозяйства, тѣмъ меньше возможности одному хозяину усмотрѣть за постоянно возрастающимъ числомъ работниковъ, за подробностями дѣла, принимающаго громадную величину. Тутъ наемный трудъ даромъ тратитъ половину времени, даромъ пропадаетъ половина силы, даваемой машинами. Вмѣсто наемнаго труда, выгодою дѣла требуется тутъ уже другая форма труда, болѣе заботливая, болѣе добросовѣстная къ дѣлу. Тутъ нужно, чтобы каждый работникъ имѣлъ побужденіе къ добросовѣстному труду не въ постороннемъ надзорѣ, который уже не можетъ услѣдить за нимъ, а въ собственномъ своемъ разсчетѣ; тутъ уже нужно, чтобы вознагражденіе за трудъ заключалось въ самомъ продуктѣ труда, а не въ какой нибудь платѣ, потому что никакая плата не будетъ тутъ достаточно вознаграждать за добросовѣстный трудъ, а различать добросовѣстный трудъ отъ недобросовѣстнаго становится все менѣе и менѣе возможнымъ кому бы то ни было, кромѣ самого трудящагося.

Мы видимъ, что перемѣны въ качествахъ труда вызываются перемѣнами въ характерѣ производительныхъ процессовъ. Съ одной стороны это значитъ, что если измѣнился характеръ производительныхъ процессовъ, то непремѣнно измѣнится и характеръ труда, и что, слѣдовательно, опасаться за будущую судьбу труда не слѣдуетъ: неизбѣжность ея улучшенія заключается уже въ самомъ развитіи производительныхъ процессовъ. Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать и того, что результаты извѣстнаго факта требуютъ извѣстнаго времени для полнаго своего обнаруженія, что фактъ, требующій новой обстановки, не вдругъ можетъ создать ее, и неизбѣжно продолжаетъ нѣсколько времени существовать прежняя обстановка, соотвѣтствовавшая прежнимъ фактамъ, но для него уже неудобная. Потому очень натурально, что характеръ труда въ передовыхъ странахъ Европы до сихъ поръ еще остается прежній, какой былъ удобенъ при веденіи производства въ маломъ размѣрѣ; производство въ большомъ размѣрѣ само стало усиливаться еще очень недавно: назадъ тому 80 лѣтъ его экономическая роль была совершенно ничтожна, даже въ самой Англіи, не говоря уже о другихъ странахъ. Всего лѣтъ сорокъ или много пятьдесятъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ начало оно быстро возвышаться и только вотъ въ послѣдніе годы стало достигать оно рѣшительнаго перевѣса надъ производствомъ въ маломъ размѣрѣ. Если невольничество продержалось силою рутины нѣсколько столѣтій, послѣ того какъ перестало быть удобною формою производства, то и форма наемнаго труда въ передовыхъ странахъ Европы, можетъ быть, продержится еще довольно долго,— быть можетъ нѣсколько десятилѣтій, а быть можетъ даже и нѣсколько поколѣній. Въ вопросахъ о будущемъ можно опредѣлительно видѣть только цѣль, къ которой идетъ дѣло по необходимости своего развитія, но нельзя съ математической точностью отгадывать, сколько времени потребуется на достиженіе этой цѣли: историческое движеніе совершается подъ вліяніемъ такого множества разнородныхъ влеченій, что видно только бываетъ, по какому направленію идетъ оно, но скорость его подвержена постояннымъ

колебаніямъ, какъ возрастаніе температуры отъ зимы къ лѣту: вообще она возрастаетъ, но нельзя предугадать, какова именно будетъ температура слѣдующаго дня. Такъ и въ исторіи: нельзя опредѣлить, благопріятны ли или неблагопріятны будутъ ближайшіе годы экономическому прогрессу. Если благопріятны, въ нѣсколько лѣтъ произойдетъ развитіе, на которое при неблагопріятныхъ временахъ понадобится нѣсколько десятковъ лѣтъ, а, пожалуй, и нѣсколько столѣтій. Но эта хронологическая разница имѣетъ только практическій интересъ для живущаго поколѣнія: доведется ли ему пользоваться лучшими условіями производства или нѣтъ, для него это, конечно, очень важно. А въ отвлеченной формулѣ нѣтъ этой неизвѣстности, потому что нѣтъ въ ней и хронологическихъ указаній; она только говоритъ факту: ты минуешь, и мѣсто твое займетъ другой фактъ; она говоритъ только: изъ настоящаго положенія вещей произойдутъ такія-то и такія-то перемѣны въ такихъ-то и такихъ-то фактахъ. Но когда произойдутъ, этого она не говоритъ. Быть можетъ завтра, быть можетъ очень не скоро. Такъ физіологія говоритъ каждому изъ насъ: „ты умрешь“, но когда кто изъ насъ умретъ—этого она не говоритъ; это уже дѣло обстоятельствъ, еще ускользающихъ отъ точнаго опредѣленія.

ГЛАВА X.

Законъ возрастанія труда [38]).

1. Теперь мы поочередно пересмотрѣли всѣ силы или элементы производства и тѣ условія, которыми увеличивается успѣшность дѣйствія этихъ разнообразныхъ элементовъ. Чтобы кончить обзоръ вопросовъ, относящихся исключительно къ производству, намъ остается изложить еще одинъ, имѣющій первостепенную важность.

Производство—вещь не неподвижная, а возрастающая. Продуктъ промышленности всегда стремился возрастать, когда не былъ удерживаемъ въ застоѣ дурными учрежденіями или низкимъ состояніемъ практическихъ искусствъ. Побужденіемъ къ его увеличенію было не только желаніе производителей увеличить свои средства къ потребленію, но и увеличивающееся число потребителей. Нѣтъ въ политической экономіи вопроса важнѣе той задачи, чтобы узнать законъ, по которому идетъ это возрастаніе производства, условія, отъ которыхъ оно зависитъ, разсмотрѣть, имѣетъ ли оно практически какія нибудь границы и чѣмъ именно полагаются ему границы. Съ тѣмъ вмѣстѣ, нѣтъ въ политической экономіи предмета, о которомъ большинство публики имѣло бы столь неудовлетворительныя понятія, и ошибочныя мнѣнія о которомъ могли бы производить и дѣйствительно производили бы больше вреда.

Мы видѣли, что производство имѣетъ три основные элемента: трудъ, капиталъ и предметы природы; подъ словомъ капиталъ понимаются всѣ внѣшніе матеріальные предметы и силы, произведенныя трудомъ; подъ словомъ предметы природы — вещи, которыя произведены не трудомъ человѣка. Но изъ предметовъ природы не нужно при-

---

[38]) Эта глава вмѣстѣ съ тремя слѣдующими посвящена одному вопросу. Справедливость требуетъ, чтобы мы выслушали полное его изложеніе прежде, чѣмъ станемъ дѣлать свои замѣчанія; потому отлагаемъ ихъ до конца 13-й главы.

нимать въ разсчетъ тѣхъ, которые, существуя въ неограниченномъ количествѣ, не допуская возможности быть обращенными въ собственность, и никогда не портясь въ своихъ качествахъ, всегда готовы оказывать свое содѣйствіе производству, каковъ бы ни былъ его размѣръ, — таковы, напримѣръ, воздухъ и солнечный свѣтъ. Теперь мы хотимъ разсматривать то, что препятствуетъ, а не то, что помогаетъ производству; потому намъ надобно обратить вниманіе только на тѣ предметы природы, которые могутъ оказываться недостаточными или по количеству или по производительной силѣ. Всѣ они могутъ быть обозначены терминомъ земля. Земля въ тѣснѣйшемъ значеніи слова, какъ источникъ земледѣльческаго продукта, главнѣйшій изъ нихъ. А если мы расширимъ значеніе этого термина на рудники и рыбныя ловли, — на то, что находится въ самой землѣ, или въ водахъ покрывающихъ часть ея, и на то, что человѣкъ произращаетъ или кормитъ на землѣ, то слово это будетъ обнимать всѣ предметы, которыми теперь нужно заняться намъ.

Послѣ этихъ объясненій мы можемъ, не дѣлая насилія языку, сказать, что элементы, нужные для производства: земля, капиталъ и трудъ. Итакъ, возрастаніе производства зависитъ отъ качествъ этихъ элементовъ. Оно бываетъ результатомъ возрастанія или самыхъ этихъ элементовъ, или ихъ производительности. Законъ возрастанія производства долженъ быть слѣдствіемъ законовъ этихъ элементовъ; границами возрастанія производства должны быть границы, такъ или иначе, поставляемыя ему этими законами. Мы теперь поочередно разсмотримъ всѣ три элемента производства съ этой точки зрѣнія, иначе сказать, изложимъ законъ возрастанія производства въ его зависимости, во-первыхъ, отъ труда, во-вторыхъ, отъ капитала, и, наконецъ, отъ земли.

2. Возрастаніе труда есть возрастаніе числа людей, возрастаніе населенія. Пренія, возбужденныя книгою Мальтуса, познакомили всѣхъ съ истиннымъ понятіемъ объ этомъ предметѣ (хотя не всѣ, знающіе эту истину, соглашаются съ нею); потому здѣсь, вѣроятно, будетъ достаточнымъ довольно краткое изложеніе этихъ понятій, которыя требовали бы гораздо обширнѣйшаго развитія, если бы не были такъ извѣстны.

Врожденная сила размноженія можетъ считаться безконечною въ каждомъ родѣ органическихъ существъ. Нѣтъ ни одной породы растеній или животныхъ, которая въ теченіе немногихъ лѣтъ не покрыла бы всѣхъ странъ земного шара, имѣющихъ климатъ, совмѣстный съ ея существованіемъ, если бы земля была исключительно предоставлена ей и предметамъ, которыми она питается. Степень возможной быстроты размноженія у различныхъ классовъ существъ различна; но во всѣхъ она достаточна для того, чтобы очень быстро наполнить землю. Есть въ растительномъ царствѣ много такихъ породъ, въ которыхъ одно растеніе въ годъ производитъ сѣмена тысячи растеній; если только два изъ нихъ достигнутъ зрѣлости, то въ 14 лѣтъ они по этой пропорціи размножатся слишкомъ до 16,000. Между животными очень обыкновенна такая степень плодородія, что число существъ извѣстной породы можетъ учетверяться съ каждымъ годомъ; если число только учетверяется въ теченіе полустолѣтія, то въ два столѣтія 10,000 размножатся до двухъ милліоновъ пяти сотъ тысячъ слишкомъ. Способность размноженія необходимо всегда дѣйствуетъ по геометрической прогрессіи; различна бываетъ только цифра знаменателя этой прогрессіи.

Человѣческій родъ не составляетъ исключенія относительно этого свойства органическихъ существъ. Сила его размноженія безпредѣльна, и дѣйствительное размноженіе его было бы чрезвычайно быстро, если бы эта сила дѣйствовала съ полнымъ могуществомъ. Съ полнымъ могуществомъ она не дѣйствовала никогда, но все-таки, при нан-

болѣе благопріятныхъ изъ извѣстныхъ намъ обстоятельствъ (эти обстоятельства—плодородная страна, колонизуемая изъ промышленнаго и цивилизованнаго общества), населеніе, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, независимо отъ прилива новыхъ переселенцевъ, продолжало удваиваться въ періоды, имѣющіе немногимъ болѣе, какъ по двадцати лѣтъ. Но способность размноженія въ человѣческомъ родѣ превосходитъ даже и эту величину; мы ясно увидимъ это, вспомнивъ, какъ велико бываетъ обыкновенное число дѣтей въ семьѣ при хорошемъ климатѣ и обычаѣ рано вступать въ бракъ, и какъ мала пропорція дѣтей умирающихъ до достиженія зрѣлости, при нынѣшнемъ состояніи гигіеническихъ знаній, если климатъ здоровъ, а семья достаточно снабжена средствами жизни. Мы очень низко оцѣнимъ способность размноженія, если примемъ, что при хорошемъ гигіеническомъ положеніи народа, каждое поколѣніе можетъ быть вдвое многочисленнѣе предшествующаго поколѣнія.

Лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ, могла еще быть нужда подробно доказывать эти истины; но очевидность ихъ такъ велика и безспорна, что онѣ распространились, несмотря на всевозможные споры противъ нихъ, и теперь могутъ считаться аксіомами. Впрочемъ, чрезвычайное нежеланіе принимать ихъ и теперь по временамъ порождаетъ эфемерныя теоріи о томъ, что законъ размноженія при различныхъ обстоятельствахъ бываетъ различенъ, и что заботливостью самой природы человѣческое плодородіе приспособляется къ потребностямъ общества. Но всѣ эти теоріи быстро предаются забвенію *). Препятствіе ясному пониманію предмета возникаетъ не изъ этихъ теорій,

*) Одна изъ этихъ теорій, именно теорія Дубльде, быть можетъ, заслуживаетъ хотя краткаго упоминовенія, потому что въ послѣднее время пріобрѣла нѣсколькихъ послѣдователей и потому, что находитъ себѣ видимую опору въ общихъ аналогіяхъ органической жизни. Теорія эта утверждаетъ, что плодородіе человѣка и всѣхъ другихъ живыхъ существъ бываетъ обратно пропорціонально количеству пищи: что животное, получающее пищи менѣе нормальнаго количества, размножается быстро; но всѣ сословія, имѣющія житейскій комфортъ, такъ неплодородны, что рѣдко могутъ поддерживать свою числительность, безъ прилива новыхъ людей изъ болѣе бѣдныхъ сословій. Безспорно, положительный излишекъ питанія, и у животныхъ и у фруктовыхъ деревьевъ, неблагопріятенъ воспроизведенію; и очень можетъ быть (хотя еще вовсе не доказано), что физіологическія условія плодородія имѣютъ высочайшую силу тогда, когда количество пищи нѣсколько недостаточно. Но если и принять это за фактъ, надобно только попросить просмотрѣть „Списокъ англійскихъ перовъ“ того, кто вздумалъ бы выводить изъ такого факта заключенія, несогласныя съ принципомъ Мальтуса: пусть онъ посмотритъ, какія громадныя семейства почти во всѣхъ фамиліяхъ этого сословія; или пусть онъ вспомнитъ о томъ, какъ велики семейства англійскаго духовенства и вообще среднихъ сословій въ Англіи. Если есть предѣлъ размноженію людей въ богатыхъ сословіяхъ Великобританіи, предѣломъ этимъ навѣрное не служитъ малочисленность дѣтей —*Прим. авт.*

Не имѣя спеціальныхъ знаній по физіологіи, мы не можемъ судить о томъ, основательна или не основательна теорія Дубльде. Но что касается возраженія, приводимаго противъ нея Миллемъ, то мы можемъ видѣть, что оно нейдетъ къ дѣлу. Сущность мысли Дубльде состоитъ въ томъ, что плодородіе ослабѣваетъ въ племени, получающемъ обильную пищу. Само собою разумѣется, что предполагаемая перемѣна должна состоять въ глубокомъ физіологическомъ измѣненіи относительной энергіи разныхъ органическихъ процессовъ, отъ котораго напослѣдокъ, по предположенію Дубльде, уменьшается или отдѣленіе сѣмени, или его плодотворность въ мужскомъ организмѣ, или плодотворящая воспріемлемость женскаго организма. Такъ это, или нѣтъ, мы не можемъ рѣшать; но если бы и такъ, подобныя перемѣны требуютъ смѣны нѣсколькихъ поколѣній для своего полнаго развитія, — это извѣстно. Напримѣръ, аристократическія черты лица, уменьшеніе размѣра рукъ, ногъ, утоненіе костей и всѣ подобныя принадлежности благороднаго племени замѣтно проявляются уже на правнукахъ или праправнукахъ людей, возвысившихся въ знатность или большое богатство изъ простонародья, а дѣти и даже внуки возвысившихся людей еще сохраняютъ въ своемъ организмѣ преобладаніе простонародной комплекціи. Для такой еще болѣе глубокой перемѣны, какъ измѣненіе въ характерѣ половыхъ частей, нужно еще больше времени, еще большее число поколѣній. Между фамиліями англійскихъ перовъ очень мало находится такихъ, которые имѣли бы знатность, простирающуюся на семь или восемь поколѣній назадъ отъ нынѣшняго; огромное большинство ихъ вошли въ аристократію очень недавно, среднимъ числомъ лѣтъ 150, много 200. Потому, если въ нихъ сохраняется плодородіе, это еще ничего не доказываетъ

а изъ слишкомъ сбивчиваго понятія о причинахъ, почти всегда и почти повсюду удерживавшихъ дѣйствительное размноженіе людей столь далеко отъ прогрессіи, къ какой оно способно.

3. А между тѣмъ причины обнаруживаются очень явно. Что мѣшаетъ племени зайцевъ или кроликовъ переполнить собою землю? Не недостатокъ плодородія, а причины совершенно иного рода: множество враговъ и недостатокъ продовольствія. У нихъ мало ѣды, и сами они становятся ѣдою для другихъ. Люди вообще не подвержены второму бѣдствію, но замѣною его служатъ болѣзни и война. Если бы размноженіе людей, подобно размноженію другихъ животныхъ, производилось лишь слѣпымъ инстинктомъ, границы ему полагались бы точно того же рода, какъ у животныхъ: количество рождающихся имѣло бы всю многочисленность, допускаемую физическимъ устройствомъ породы, и населеніе сдерживалось бы въ границахъ смертью. Но поступки людей болѣе или менѣе подчиняются вліянію соображеній о послѣдствіяхъ и побужденіямъ высшимъ чисто-животныхъ инстинктовъ. Потому люди не плодятся, какъ свиньи, нѣтъ, — они способны больше и меньше удерживаться благоразуміемъ или общественными привязанностями отъ того, чтобы давать жизнь существамъ, рождающимся лишь на нужду и преждевременную смерть. Соразмѣрно тому, какъ люди возвышаются надъ скотскимъ состояніемъ, возрастаніе населенія сдерживается больше боязнью недостатка, чѣмъ фактическимъ недостаткомъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ опасности голода, многіе точно также удерживаются опасеніемъ потери того, что считается условіями приличнаго ихъ общественному положенію образа жизни. До сихъ поръ ни то, ни другое изъ этихъ побужденій не оказывалось имѣющимъ надъ большинствомъ людей столько силы, чтобы уравновѣшивать стремленіе къ размноженію. Огромное большинство людей средняго и бѣднаго сословія вступали въ браки въ самой ранней порѣ, если только были свободны отъ внѣшняго контроля, и почти во всѣхъ странахъ рождали такое число дѣтей, при какомъ только могли поддержать себя въ положеніи, въ которомъ родились или къ которому привыкли. Въ среднемъ классѣ есть много отдѣльныхъ случаевъ, когда дѣйствуетъ еще другая причина воздержанія: желаніе не просто поддержать себя въ прежнемъ положеніи, но и улучшить свое положеніе. Въ рабочемъ сословіи такое желаніе встрѣчается рѣдко, или рѣдко производитъ такое дѣйствіе. Если рабочій человѣкъ можетъ вырастить дѣтей, какъ выростили его самого, то этимъ обыкновенно и удовлетворяется онъ; удовлетворяются этимъ даже благоразумные люди рабочаго класса. Слишкомъ часто рабочіе люди не думаютъ и объ этомъ, а надѣются на счастье или на поддержку, даваемую оффиціальною или частною благотворительностью.

противъ теоріи Дубльде,—это можетъ по ней объясняться просто какъ остатокъ простонароднаго плодородія недавнихъ предковъ, жившихъ не богато. Точно тоже надобно сказать о многолюдствѣ семействъ англійскаго духовенства и средняго сословія,—эти многочисленныя семейства все потомки людей, недавно вышедшихъ изъ простонародья. Напротивъ, если внимательно всматриваться въ генеалогическія таблицы знатныхъ фамилій, онѣ скорѣе представляются свидѣтельствующими за теорію Дубльде, чѣмъ противъ нея. Общая черта этихъ генеалогій во всѣхъ странахъ одна и та же: фамилія, выходящая въ знать, въ теченіе нѣсколькихъ (обыкновенно пяти или шести) поколѣній быстро размножается, потомъ два-три поколѣнія держится въ одинаковомъ числѣ, а послѣ того число членовъ ея начинаетъ уменьшаться почти столь же быстро, какъ сначала возрастало, и черезъ 12—15 поколѣній очень часто родъ прекращается, или если продолжается, то обыкновенно черезъ какую нибудь вѣтвь, которая впадала въ незначительность, и возобновила свое плодородіе бѣдностью. Эта общая черта генеалогій открыта, конечно, не нами: она давно замѣчаема была всѣми учеными, которые занимались генеалогическими таблицами. Очень странно, какъ не вспомнилъ о ней Милль.

При очень неразвитомъ состояніи общества, какъ, напримѣръ, въ Европѣ въ Средніе вѣка и теперь во многихъ частяхъ Азіи, размноженіе народа удерживается голодною смертью. Смертность эта происходитъ не въ обыкновенные годы, а во время неурожаевъ, которые при такомъ состояніи общества бываютъ гораздо чаще и сильнѣе, чѣмъ неурожаи, знакомые нынѣшней Европѣ. Въ этихъ странахъ фактическій недостатокъ пищи или слѣдующія за нимъ болѣзни уносятъ множество народа, который въ слѣдующіе урожайные годы опять размножается, чтобы снова подвергнуться истребленію отъ голода. При состояніи общества, болѣе развитомъ, даже въ бѣднѣйшемъ классѣ мало людей, которые пользовались бы лишь однимъ предметами первой необходимости и имѣли ихъ лишь въ количествѣ, едва достаточномъ для поддержанія жизни. Размноженіе людей сдерживается тутъ не чрезмѣрною смертностью, а ограниченіемъ числа рождающихся. Это ограниченіе производится разными способами. Въ нѣкоторыхъ странахъ оно результатъ благоразумнаго, сознательнаго самовоздержанія. Рабочій народъ привыкъ въ нихъ воздерживаться. Работникъ понимаетъ, что чрезмѣрная многочисленность семьи лишитъ его хорошаго положенія или не допуститъ передать такое положеніе дѣтямъ, и не хочетъ подвергаться этому. Страны, въ которыхъ, сколько извѣстно, долѣе, чѣмъ въ другихъ, существуетъ высокая степень добровольнаго воздержанія— Норвегія и нѣкоторыя части Швейцаріи. О нихъ мы имѣемъ свѣдѣнія, отличающіяся положительною достовѣрностью. Много фактовъ было собрано еще Мальтусомъ, а послѣ него къ нимъ прибавлено много другихъ. Въ обѣихъ странахъ населеніе возрастаетъ очень медленно и его размноженіе задерживается не многочисленностью умирающихъ, а малочисленностью рождающихся. Пропорція тѣхъ и другихъ къ числу населенія замѣчательно мала; средняя продолжительность жизни—самая высокая въ Европѣ. Пропорція дѣтей къ числу населенія меньше, пропорція людей въ цвѣтѣ силъ больше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, извѣстной намъ. Малочисленность рожденій прямо ведетъ къ продленію жизни, поддерживая народъ въ хорошемъ положеніи. Въ избѣжаніи причинъ болѣзней люди тамъ, конечно, руководятся такимъ же благоразуміемъ, какъ въ воздержаніи отъ главной причины бѣдности. Достойно замѣчанія то, что обѣ эти страны, столь выгодно отличающіяся отъ другихъ—страны мелкихъ поземельныхъ собственниковъ.

Въ другихъ странахъ государство налагаетъ на народъ нужныя правила благоразумія и предусмотрительности, которыми, быть можетъ, не сталъ бы онъ руководиться самъ: вступать въ бракъ не дозволяется до той поры, пока вступающіе въ него могутъ доказать, что имѣютъ обезпеченное положеніе. Мы читаемъ, что при этихъ законахъ, о которыхъ подробнѣе буду говорить я впослѣдствіи, положеніе народа хорошо и что число незаконнорожденныхъ не такъ велико, какъ было бы можно ожидать. Въ иныхъ странахъ причина воздержанія находится, повидимому, не столько въ личномъ благоразуміи отдѣльныхъ людей, сколько въ общемъ и, быть можетъ, даже случайномъ обычаѣ. Въ прошломъ столѣтіи размноженіе населенія въ сельскихъ округахъ Англіи успѣшно задерживалось трудностью найти коттеджъ. Былъ обычай, что холостые работники жили у хозяевъ, на ихъ содержаніи, а женатые работники въ особыхъ коттеджахъ. Правило англійскихъ законовъ о бѣдныхъ, обязывавшее приходъ содержать живущихъ въ немъ бѣдняковъ, оставшихся безъ работы, дѣлало землевладѣльцевъ нерасположенными помогать заключенію браковъ. Въ концѣ прошлаго вѣка надобность въ людяхъ для войны и для фабрикъ заставила считать патріотическимъ дѣломъ помогать увеличенію населенія. Въ тоже время стала расти у фермеровъ наклонность вести такой образъ жизни,

какой ведутъ богатые люди; долговременная высокость цѣнъ хлѣба поддержнвала ихъ въ этомъ, и они стали расположены держать себя подальше отъ низшихъ. Къ этому прибавились денежныя побужденія, возникавшія изъ злоупотребленій правилами законовъ о бѣдныхъ, и фермеры постепенно вытѣснили своихъ работниковъ изъ своихъ домовъ въ особые коттеджи, постройкѣ которыхъ лендлорды теперь уже не противились. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ сильною задержкою размноженію населенія былъ старинный обычай, что дѣвушка не должна выходить замужъ, пока не напряла и не соткала себѣ много приданаго. Нынѣ въ Англіи вліяніе благоразумія на задерживаніе размноженія видно въ томъ, что во время годовъ, дурныхъ для фабричной промышленности, число браковъ уменьшается.

Но каковы бы ни были причины, по которымъ размноженіе людей въ извѣстной странѣ удерживается на медленной пропорціи, эта пропорція быстро ускоряется при всякомъ ослабленіи причинъ, ее замедлявшихъ. Улучшеніе въ состояніи рабочихъ классовъ почти всегда имѣетъ послѣдствіемъ лишь то, что открываетъ временный просторъ размноженію населенія, которое быстро доходитъ опять до предѣла возможности продовольствія. Всякою выгодною перемѣною въ своихъ обстоятельствахъ рабочіе люди обыкновенно пользуются лишь для того, чтобы размноженіемъ лишить слѣдующее поколѣніе этой выгоды. Если общее улучшеніе ихъ умственнаго и нравственнаго развитія или по крайней мѣрѣ возвышеніе нормальной мѣры житейскаго ихъ комфорта не научаетъ ихъ извлечь иной, лучшей выгоды изъ благопріятныхъ обстоятельствъ, никакой прочной пользы нельзя принесть имъ, и самые многообѣщающіе планы кончаются лишь увеличеніемъ числа, а не увеличеніемъ благосостоянія народа. Подъ ихъ нормальною мѣрою благосостоянія понимаю я такое положеніе, до котораго они будутъ, но ниже котораго не захотятъ они размножаться (если есть такое положеніе). Каждый шагъ ихъ впередъ въ воспитаніи, цивилизаціи, улучшеніи общественныхъ отношеній возвышаетъ эту мѣру, и нѣтъ сомнѣнія, что она постепенно, хотя медленно, возвышается въ передовыхъ странахъ западной Европы. Продовольствіе и занятіе для труда никогда не возрастали въ Англіи быстрѣе, чѣмъ въ послѣднія 30 лѣтъ; но съ 1821 года каждый новый ценсъ показываетъ меньшее возрастаніе населенія, чѣмъ въ предыдущій періодъ; масса продуктовъ земледѣлія и промышленности въ Англіи возрастаетъ въ прогрессивной пропорціи, а пропорція рождающихся къ существующему населенію съ каждымъ пятилѣтіемъ становится меньше прежняго.

Впрочемъ, мы отложимъ до другаго мѣста разборъ вопроса о населеніи по связи его съ положеніемъ рабочихъ сословій; здѣсь намъ должно было разсматривать населеніе только какъ одинъ изъ элементовъ производства; съ этой точки зрѣнія мы должны были указать безконечную силу возрастанія, составляющую естественное свойство населенія и причины, по которымъ почти всегда осуществляется лишь очень незначительная часть этой безграничной способности. Сдѣлавъ это краткое указаніе, мы должны перейти къ другимъ элементамъ.

ГЛАВА XI.

Законъ возрастанія капитала.

1. Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что изъ трехъ элементовъ, нужныхъ для производства (трудъ, капиталъ и земля), первый, трудъ, не поставляетъ препятствій возрастанію производства. Со стороны труда нѣтъ никакихъ задержекъ производству

возрастать до безпредѣльной величины съ неослабною быстротою. Населеніе имѣетъ способность увеличиваться по однообразной геометрической прогрессіи. Если бы единственнымъ условіемъ производства былъ трудъ, оно могло бы и, натурально, стало бы увеличиваться въ той же прогрессіи, и не было бы этому никакихъ границъ до того предѣла, когда число людей не могло бы уже возрастать по фактическому недостатку мѣста.

Но производство имѣетъ еще другія условія; изъ нихъ сначала мы разсмотримъ капиталъ. Въ извѣстной странѣ, или на всемъ земномъ шарѣ, не можетъ существовать больше людей, чѣмъ въ состояніи продовольствоваться продуктомъ прежняго труда до полученія новаго продукта. Въ извѣстной странѣ, или на всемъ земномъ шарѣ, не можетъ быть производительныхъ работниковъ больше, чѣмъ сколько въ состояніи продовольствоваться тою частью продукта прошлаго труда, которая сбережена своимъ владѣтелемъ для воспроизведенія, а не растрачена на его удовольствія, и которая называется капиталомъ. Итакъ, прежде всего слѣдуетъ намъ теперь разобрать условія возрастанія капитала, причины, которыми опредѣляется быстрота его возрастанія и неизбѣжныя границы этого возрастанія.

Весь капиталъ—продуктъ сбереженія, то есть отсрочки немедленнаго потребленія для будущей пользы; потому возрастаніе капитала должно зависѣть отъ двухъ вещей: отъ массы вещей, изъ которой можетъ быть дѣлаемо сбереженіе, и отъ силы расположенія, влекущаго дѣлать сбереженіе.

Масса, изъ которой можетъ быть дѣлаемо сбереженіе, есть излишекъ продукта труда, остающійся за удовлетвореніемъ первыхъ жизненныхъ надобностей всѣхъ людей, занимавшихся производствомъ (считая тутъ людей, трудившихся надъ возобновленіемъ израсходованныхъ матеріаловъ и надъ ремонтомъ основнаго капитала). Количество большее, чѣмъ этотъ излишекъ не можетъ быть сбережено никакимъ образомъ. Но этотъ излишекъ всегда можетъ быть сбереженъ весь, хотя никогда весь не сберегается. Онъ служитъ фондомъ, изъ котораго берутся продукты на удовольствія, не принадлежащія къ первымъ потребностямъ жизни производителей; изъ котораго продовольствуются всѣ, не участвующіе лично въ производствѣ; изъ котораго, наконецъ, дѣлается приращѐніе капитала. Онъ составляетъ дѣйствительный чистый продуктъ страны. Выраженіе „чистый продуктъ“ часто берется въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, обозначая только прибыль капиталиста и ренту землевладѣльца,—это происходитъ отъ мнѣнія, будто бы чистымъ продуктомъ капитала можно считать только то, что составляетъ выручку, получаемую владѣльцемъ капитала за покрытіемъ его издержекъ. Но это понятіе слишкомъ узкое. Капиталъ хозяина составляетъ доходъ работниковъ, и если этотъ доходъ превышаетъ первыя потребности жизни, онъ даетъ работникамъ излишекъ, который они могутъ израсходовать на удовольствія или сберечь. Этотъ излишекъ долженъ включаться въ чистый продуктъ промышленности со всѣхъ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ намъ будетъ случай говорить о чистомъ продуктѣ. Только тогда, когда онъ включается въ чистый продуктъ, чистый продуктъ страны служитъ мѣриломъ ея фактической силы, мѣриломъ того, сколько можетъ она сберегать на общеполезныя дѣла или на удовлетвореніе надобностямъ частныхъ людей, мѣриломъ той части продукта, которой можетъ свободно располагать страна, которую можетъ она обращать на достиженіе какихъ-нибудь цѣлей или на удовлетвореніе какимъ-нибудь желаніямъ правительства или частныхъ людей, которую можетъ она или растрачивать на свои удовольствія или сберегать для пользы въ будущемъ.

Величина этого фонда, этого чистаго продукта, этого избытка производства надъ

первыми матеріальными надобностями производителей служитъ однимъ изъ элементовъ, опредѣляющихъ величину сбереженія. Чѣмъ больше остается продукта за продовольствіемъ работниковъ, тѣмъ больше *можетъ* быть сбережено. Тѣмъ же самымъ отчасти опредѣляется и количество, какое *будетъ* сбережено. Часть побужденія сберегать состоитъ въ разсчетѣ извлекать доходъ изъ сбереженнаго; въ томъ фактѣ, что капиталъ, употребляемый на производство, имѣетъ способность не только сохраняться, но давать приращеніе. Чѣмъ большая прибыль можетъ быть получена отъ капитала, тѣмъ сильнѣе побужденіе накоплять его. Правда, побужденіе сберегать производится не всѣмъ чистымъ продуктомъ, производимымъ землею, капиталомъ и трудомъ страны, а только частью, которая образуетъ вознагражденіе капиталиста и называется прибылью его. Но очень понятно, даже и безъ объясненій, какія будутъ нами впослѣдствіи представлены, что если общая производительность труда и капитала велика, то и выручки капиталиста, по всей вѣроятности, будутъ велики, и что между этими двумя вещами, величиною общаго чистаго продукта и величиною прибыли, должна существовать пропорціональность, хотя и не всегда равномѣрная.

2. Но наклонность къ сбереженію не вполнѣ зависитъ только отъ внѣшняго побужденія къ нему, только отъ величины прибыли, доставляемой сбереженіемъ. При одинаковости денежнаго побужденія, эта наклонность въ разныхъ лицахъ и въ разныхъ обществахъ очень различна. Сила дѣятельнаго стремленія накоплять богатства измѣняется не только по различіямъ личныхъ характеровъ, но и по разности общаго положенія страны и ея цивилизаціи. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ нравственныхъ качествахъ, человѣческій родъ представляетъ большія различія, по разницѣ обстоятельствъ и по степени прогресса.

Хорошо бываетъ, когда, говоря о предметахъ, полное изслѣдованіе которыхъ превышаетъ размѣры, даваемые для разбора ихъ объемомъ трактата, имѣешь возможность ссылаться на другія книги, въ которыхъ предметъ, требующій разъясненія, изложенъ съ большею полнотою. По вопросу о населеніи, эту полезную услугу оказываетъ знаменитая книга Мальтуса; по предмету, занимающему насъ теперь, я могу съ такою же увѣренностью сослаться на другую книгу, менѣе извѣстную: New Principles of Political Economy, мистера Ре *). Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ книгъ, ни одна не разъясняетъ такъ хорошо историческими фактами и логическими доводами причины, дѣйствіемъ которыхъ опредѣляется накопленіе капитала.

Всякое накопленіе состоитъ въ пожертвованіи настоящимъ благомъ для будущаго. Но выгодность такого пожертвованія очень различна, а въ охотѣ къ нему бываетъ еще больше разницы при различныхъ обстоятельствахъ.

---

*) Это сочиненіе служитъ однимъ изъ очень нерѣдкихъ примѣровъ того, что успѣхъ книги гораздо больше зависитъ отъ случая, чѣмъ отъ ея достоинства. Если бы трактатъ Ре явился во время, благопріятное успѣху, онъ былъ бы найденъ вполнѣ заслуживающимъ большаго успѣха. Авторъ (шотландецъ, поселившійся въ Соединенныхъ Штатахъ) соединяетъ съ обширными знаніями оригинальность мыслей, замѣчательную способность дѣлать общіе философскіе выводы, способъ изложенія и разъясненія, придающій идеямъ всю ту цѣну, какую онѣ имѣютъ и даже нѣсколько большую цѣну, чѣмъ какую онѣ имѣютъ (это иногда увлекало, какъ мнѣ кажется, и мысль самого автора). Главный недостатокъ книги—антагонизмъ, въ который ставитъ себя авторъ къ Адаму Смиту, въ духѣ любви къ спору, часто встрѣчающейся въ людяхъ, имѣющихъ новыя мысли о старыхъ предметахъ. Я называю это недостаткомъ (хотя считаю многія изъ возраженій Ре справедливыми, и нѣкоторыя очень проницательными), потому что на самомъ дѣлѣ различіе въ мысляхъ Адама Смита и Ре гораздо меньше, чѣмъ можно бы предполагать по рѣзкимъ замѣчаніямъ самого Ре. Ошибки, открываемыя имъ у его великаго предшественника, ограничиваются преимущественно тѣмъ, что Адамъ Смитъ, по человѣческой слабости, высказывалъ свои посылки слишкомъ безусловно, такъ что иногда говоритъ въ нихъ гораздо больше, чѣмъ нужно ему для доказательства выводовъ.—*Прим. авт.*

При взвѣшиваніи будущихъ выгодъ по сравненію съ настоящими, главное дѣло — невѣрность всего будущаго; степень этой невѣрности бываетъ очень различна. Потому „всѣ обстоятельства, увеличивающія вѣроятность того, что нашими запасами въ будущемъ дѣйствительно воспользуемся мы сами или воспользуются люди, нами избранные“, справедливо и основательно „усиливаютъ практическое стремленіе къ накопленію. Такимъ образомъ, здоровый климатъ, здоровое занятіе, увеличивая вѣроятность продолжительной жизни, ведетъ къ увеличенію этой стоимости. Люди, посвятившіе себя здоровымъ занятіямъ и живущіе въ здоровыхъ странахъ, гораздо болѣе способны къ бережливости, чѣмъ люди, находящіеся въ нездоровыхъ или опасныхъ занятіяхъ, живущіе въ климатахъ, вредныхъ для человѣка. Матросы и солдаты расточительны. Въ Вестъ-Индіи, въ Новомъ-Орлеанѣ, Остъ-Индіи господствуетъ расточительный образъ жизни. Но тѣ же люди, переселившись въ здоровыя страны Европы, начинаютъ жить экономно, если не попадутъ въ водоворотъ безумнаго свѣтскаго мотовства. Война и повальныя болѣзни всегда приводятъ за собою, въ числѣ другихъ золъ, мотовство и роскошь.—Точно также благопріятствуетъ усиленію бережливости все то, что упрочиваетъ безопасность общественныхъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи сильное вліяніе принадлежитъ общему господству законности и порядка, вѣроятности продолжительнаго мира и спокойствія“ (Ре, стр. 123).— Чѣмъ полнѣе безопасность, тѣмъ больше силы будетъ въ дѣятельномъ стремленіи къ накопленію. Гдѣ собственность небезопасна, или гдѣ часты разорительныя катастрофы, тамъ немногіе будутъ сберегать, да и тѣ, которые станутъ сберегать, будутъ находить побужденіе къ этому не иначе, какъ только при высокомъ процентѣ прибыли на капиталъ: только высокость процента можетъ заставлять ихъ предпочитать сомнительное будущее соблазну настоящаго наслажденія.

Вотъ соображенія, по которымъ разсудокъ рѣшаетъ, удобно ли бываетъ заботиться о будущихъ выгодахъ на счетъ настоящаго. Но расположеніе дѣлать это пожертвованіе зависитъ не отъ одной выгодности разсчета. Наклонность къ сбереженію часто бываетъ гораздо слабѣе, нежели какъ требовалъ бы разсудокъ; въ другія времена она превосходитъ мѣру разсудительности.

Недостатокъ силы въ стремленіи къ сбереженію можетъ происходить отъ непредусмотрительности о самомъ себѣ или отъ беззаботности о другихъ людяхъ. Непредусмотрительность можетъ зависѣть отъ умственныхъ и отъ нравственныхъ причинъ. Отдѣльные люди и общества на очень низкой степени умственнаго развитія всегда непредусмотрительны. Судя по всему, извѣстная степень умственнаго развитія необходима для того, чтобы отдаленныя соображенія и въ особенности соображенія о будущемъ имѣли какую нибудь силу надъ воображеніемъ и волею.—Что недостаткомъ заботливости о другихъ уменьшается склонность къ сбереженію, въ этомъ согласится каждый, подумавъ, какъ много дѣлается нынѣ сбереженій, имѣющихъ своею цѣлью не столько наши собственныя выгоды, сколько выгоды другихъ: воспитаніе дѣтей, устройство ихъ карьеры, будущіе интересы другихъ родныхъ, желаніе помочь деньгами или временемъ осуществленію вещей, полезныхъ для общества или частныхъ лицъ. Если бы люди постоянно имѣли то расположеніе мыслей, къ которому нѣсколько приближались они въ періодъ паденія римской имперіи,— если бы они вовсе не заботились ни о своимъ дѣтяхъ, ни о друзьяхъ, ни объ обществѣ, ни о чемъ, что будетъ послѣ нихъ, то они рѣдко отказывали бы себѣ въ какомъ нибудь наслажденіи для сбереженія, превышающаго мѣру необходимости ихъ будущихъ лѣтъ, а этотъ запасъ они обращали бы въ пожизненные доходы или въ какую нибудь иную форму, по которой ихъ имущество кончалось бы вмѣстѣ съ ихъ жизнью.

3. По этимъ умственнымъ и нравственнымъ причинамъ, между разными отдѣлами человѣческаго племени существуетъ большая разница въ силѣ дѣятельнаго стремленія къ сбереженію,—и разница эта больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Общее низкое положеніе цивилизаціи часто бываетъ слѣдствіемъ не столько другихъ причинъ, обращающихъ на себя больше вниманія, сколько недостатка именно этой склонности. Напримѣръ, въ положеніи охотническаго племени, „человѣкъ, можно сказать, по необходимости непредусмотрителенъ и беззаботенъ о будущемъ, потому что въ этомъ состояніи будущее не представляетъ ничего такого, что можно бы навѣрное предусмотрѣть, что зависѣло бы отъ человѣка... Кромѣ недостатка побужденій обезпечивать нужды будущаго средствами настоящаго, у человѣка тутъ недостаетъ въ соображеніи и въ дѣятельности привычки постоянно связывать въ умѣ отдаленное будущее съ настоящимъ и представлять рядъ событій, которыми соединяются они. Потому, если даже являются у него побужденія, могущія произвести эту мысленную связь, ему нужно еще пріучить себя думать и дѣйствовать такъ, чтобы эта связь получила прочность въ его мысляхъ“.

Вотъ примѣръ тому: „По берегамъ рѣки св. Лаврентія стоитъ нѣсколько маленькихъ индійскихъ деревень. Онѣ вообще окружены большими пространствами земли, на которыхъ лѣсъ истребленъ, повидимому, уже давно; кромѣ того, къ нимъ принадлежатъ обширные лѣса. Расчищенная земля почти вовсе, можно сказать, не воздѣлывается, и въ лѣсахъ не проложено путей къ полямъ. А между тѣмъ земля плодородна; да еслибъ и не была плодородна, удобреніе кучами лежитъ подлѣ ихъ домовъ. Если бы каждое семейство огородило полъ-экра земли, вспахало его, засадило картофелемъ или засѣяло маисомъ, этотъ участокъ далъ бы семейству продовольствіе на цѣлые полгода. Но они отъ времени до времени подвергаются крайней нуждѣ; она, вмѣстѣ съ пьянствомъ, которому они предаются, когда могутъ, быстро уменьшаетъ ихъ число. Эта странная для насъ апатія главнымъ образомъ происходитъ не отъ нелюбви къ труду: напротивъ, они работаютъ очень усердно, если вознагражденіе слѣдуетъ за трудомъ немедленно. Кромѣ своихъ спеціальныхъ занятій охотою и рыболовствомъ, они много работаютъ на большихъ лодкахъ, ходящихъ по рѣкѣ св. Лаврентія: нанимаются гребцами на нихъ, или водятъ ихъ на шестахъ; они всегда доставляютъ большую часть прибавочныхъ работниковъ, нужныхъ для проведенія плотовъ по быстрымъ мѣстамъ. Не производится ихъ апатія и отвращеніемъ къ земледѣльческому труду. Правда, есть у нихъ предубѣжденіе противъ него; но предубѣжденія всегда уступаютъ нуждѣ, трудно рождаться только принципамъ образа дѣйствій. Когда вознагражденіе за земледѣльческій трудъ быстро и велико, они становятся и земледѣльцами. На озерѣ св. Франциска, близъ индійской деревни Сенъ-Реджиса, есть маленькіе острова, удобные для посѣва маиса, растенія, дающаго урожай самъ-100 и доставляющаго, даже въ недозрѣломъ видѣ, пріятное и питательное блюдо. Они каждый годъ засѣваютъ клочки лучшей земли на этихъ островахъ, чтобы ѣсть полу-созрѣлый маисъ. По своему положенію, эти посѣвы недоступны скоту, потому ненужно огораживать ихъ; если бы нужна была эта прибавка къ труду, я думаю, они пренебрегли бы островами, какъ пренебрегаютъ мѣстами подлѣ своихъ деревень. Мѣста эти прежде были, повидимому, подъ посѣвомъ. Но теперь скотъ сосѣднихъ колонистовъ сталъ бы уничтожать неогороженные посѣвы, и надобность въ этомъ прибавочномъ трудѣ заставила ихъ отказаться отъ воздѣлыванія. Она требовала отъ нихъ работы, вознагражденіе за которую приходитъ съ медленностью, непропорціональною силѣ дѣятельнаго стремленія къ накопленію въ этомъ маленькомъ обществѣ.

„Замѣчательно то, что работы, за которыя они принимаются, они исполняютъ

очень заботливо. Они прекрасно полятъ и копаютъ свои небольшіе посѣвы. Они увидѣли изъ опыта, что самая небольшая небрежность въ этомъ отношеніи сильно уменьшаетъ урожай, и поступаютъ сообразно съ этимъ наблюденіемъ. Явнымъ образомъ, только отдаленность вознагражденія за трудъ, а не тягость самаго труда мѣшаетъ имъ расширить свои пашни. Я слышалъ, что нѣкоторыя изъ племенъ, живущихъ далѣе въ глубину страны, употребляютъ на земледѣліе даже гораздо больше труда, чѣмъ бѣлые. Они засѣваютъ все одни и тѣже участки, не удобряя ихъ: потому земля не родила бы ничего, если бы самымъ заботливымъ образомъ не растирали ее въ порошокъ и заступомъ и руками. Бѣлый человѣкъ на ихъ мѣстѣ расчистилъ бы новый участокъ, который, вѣроятно, едва вознаградилъ бы его работу на первый годъ; но онъ дождался бы себѣ вознагражденія въ слѣдующіе годы. Индійцу слѣдующіе годы кажутся такъ далеки, что не производятъ на него сильнаго впечатлѣнія,—а для вознагражденія, получаемаго черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ работаетъ усерднѣе бѣлаго человѣка“ (Ре, стр. 136).

Этотъ разсказъ подтверждается опытомъ іезуитовъ въ ихъ интересныхъ усиліяхъ цивилизовать парагвайскихъ индійцевъ. Они возбудили къ себѣ въ этихъ дикаряхъ чрезвычайное довѣріе, пріобрѣли на нихъ такое вліяніе, что измѣнили весь образъ ихъ жизни. Индійцы во всемъ слушались ихъ, безусловно повиновались имъ. Іезуиты водворили миръ между ними. Они научили ихъ всѣмъ операціямъ европейскаго земледѣлія и многимъ изъ труднѣйшихъ искусствъ. Повсюду виднѣлись у нихъ, говоритъ Шарльруа, „мастерскія ювелировъ, живописцевъ, скульпторовъ, часовщиковъ, столяровъ, плотниковъ, красильщиковъ и проч.“. Эти работы производились не въ личную пользу ремесленниковъ: продуктъ ихъ былъ въ полномъ распоряженіи миссіонеровъ, управлявшихъ народомъ деспотически, по его доброму согласію на то. Итакъ, препятствія, возникавшія изъ отвращенія отъ труда, было совершенно побѣждены. Существеннымъ затрудненіемъ была непредусмотрительность индійцевъ, ихъ неспособность думать о будущемъ, и возникавшая изъ того необходимость самаго неослабнаго и мелочнаго надзора за ними со стороны ихъ учителей. „Напримѣръ, если миссіонеры оставляли на ихъ собственную заботу воловъ, которыми они пахали, индійцы въ своей несообразительной беззаботности могли оставлять ихъ на ночь не выпряженными изъ плуга. Бывали примѣры и хуже того: индійцы рѣзали воловъ себѣ на ужинъ, и слыша упрекъ за это, думали, что достаточно оправдываются, говоря: намъ хотѣлось ѣсть... Отцы миссіонеры, по словамъ Уллоа, должны ходить по ихъ домамъ, осматривая, что имъ нужно: безъ того, индійцы ни о чемъ не позаботились бы. Миссіонерамъ надобно находиться и при рѣзаніи скота, смотрѣть, чтобы мясо дѣлилось поровну и чтобы часть его не бросалась“.— „Но при всей заботливости этого надзора, говоритъ Шарльруа, при всѣхъ своихъ предосторожностяхъ для предотвращенія недостатка въ первыхъ потребностяхъ жизни, миссіонеры бываютъ иногда въ большомъ затрудненіи. Индійцы часто не оставляютъ себѣ нужнаго запаса пищи, даже на посѣвъ. А если бы не смотрѣть за ними, они вообще оставили бы себя безъ всякихъ средствъ къ поддержанію жизни“ (стр. 140).

Китайцы заслуживаютъ вниманія, какъ представители того состоянія силы дѣятельнаго стремленія къ накопленію, которое занимаетъ средину между описаннымъ теперь положеніемъ дѣлъ и европейскими обычаями. Судя по многимъ особенностямъ ихъ личныхъ привычекъ и общественнаго положенія, можно предположить, что они владѣютъ благоразуміемъ и умѣніемъ обдумывать свой образъ дѣйствій больше другихъ азіатцевъ и меньше европейцевъ. Вотъ свидѣтельство, доказывающее, что это такъ.

„Прочность работъ—одно изъ главныхъ качествъ, обозначающихъ высокую степень дѣятельнаго стремленія къ накопленію. По свидѣтельству путешественниковъ, прочности въ китайскихъ работахъ гораздо меньше, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ имъ европейскихъ. Говорятъ, что за исключеніемъ жилищъ высшаго сословія, дома у китайцевъ строятся вообще изъ сыраго кирпича, глины, изъ плетня, набитаго землею, а потолки изъ тростника, привязаннаго къ перекладинамъ. Трудно представить себѣ постройки, менѣе фундаментальныя и прочныя. Перегородки въ домахъ дѣлаются изъ бумаги, которую надобно перемѣнять каждый годъ. Тоже надобно сказать о ихъ мебели, посудѣ и другихъ орудіяхъ: они почти всѣ дѣлаются изъ одного дерева, металловъ очень мало входитъ въ ихъ составъ; потому они скоро портятся и совершенно ломаются. Если бъ у нихъ было больше силы въ дѣятельномъ стремленіи къ накопленію, они дѣлали бы свои орудія изъ матеріаловъ, выдѣлка которыхъ требуетъ большаго расхода но которые зато гораздо прочнѣе. По этому же самому, у нихъ остается невоздѣлано много такой земли, которая въ другихъ странахъ обрабатывалась бы. Всѣ путешественники говорятъ, что въ Китаѣ лежатъ заброшены большія пространства земли, въ особенности болотистой. Обратить болото въ пашню—дѣло, вообще требующее нѣсколькихъ лѣтъ. Мѣсто предварительно нужно осушить канавами, потомъ надолго оставить сушиться солнцемъ, и надобно долго хлопотать надъ нимъ, пока оно станетъ давать жатву. Жатва на немъ бываетъ обыкновенно очень изобильна, но бываетъ надобно долго ждать этого вознагражденія. Воздѣлываніе такой земли требуетъ больше силы дѣятельнаго стремленія къ накопленію, чѣмъ имѣютъ китайцы.

„Продуктъ жатвы всегда бываетъ запасомъ на будущее, средствомъ удовлетворенія будущихъ нуждъ, и поступать съ нимъ должно по общимъ правиламъ, которыхъ требуетъ употребленіе запасовъ. Главная жатва въ Китаѣ—рисъ; она бываетъ два раза въ годъ, въ іюнѣ и октябрѣ. Потому запасъ должно дѣлать на восемь мѣсяцевъ отъ октября до іюня, и предусмотрительность китайцевъ должна цѣниться по умѣнью ихъ ограничивать себя въ началѣ этого времени, чтобы не нуждаться въ концѣ его. По всему видно, что ограничивать себя они умѣютъ очень плохо. Патеръ Перенненъ (долго жившій въ знакомствѣ съ китайцами всѣхъ сословій и притомъ одинъ изъ самыхъ умныхъ людей между іезуитами, бывшими въ Китаѣ), утверждаетъ, что у нихъ въ этомъ отношеніи очень недостаетъ предусмотрительности и умѣренности, и что недостатокъ ея причина частыхъ голодныхъ годовъ, бывающихъ въ Китаѣ“.

На китайцахъ еще виднѣе, чѣмъ на полу-обратившихся къ земледѣлію индійцахъ, что возрастанію производства мѣшаетъ у нихъ недостатокъ не трудолюбія, а предусмотрительности. „Въ тѣхъ вещахъ, гдѣ вознагражденіе слѣдуетъ за трудомъ скоро, гдѣ работы таковы, что скоро даютъ результатъ, для котораго производятся, большіе успѣхи, сдѣланные китайцами въ искусствахъ, сообразныхъ съ природою ихъ страны и ихъ нуждами“, даютъ энергію и успѣшность ихъ промышленности. „Благодаря теплому климату, естественному плодородію почвы, пріобрѣтенному жителями знанію того, какіе земледѣльческіе продукты даютъ выгоднѣйшій урожай, китайцы почти изъ всякаго клочка земли умѣютъ очень быстро извлекать продуктъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, съ избыткомъ вознаграждается трудъ ея обработки. Они собираютъ въ годъ обыкновенно двѣ, иногда три жатвы. Обыкновенный посѣвъ у нихъ рисъ — хлѣбъ очень плодородный, и при ихъ искусствѣ онъ, разумѣется, даетъ очень обильные сборы, почти на всякой мѣстности, которую можно обратить подъ пашню безъ долгаго труда. Потому, нѣтъ въ Китаѣ куска земли, которая не была бы подъ посѣвомъ, если только можно засѣ-

ять ее безъ долгихъ подготовленій. Китайцы взбираются на холмы, даже на горы и обращаютъ ихъ въ террассы; вода главное условіе плодородія въ ихъ землѣ, проводится на каждый кусокъ нивы канавами или поднимается очень удобными и простыми машинами, которыя съ незапамятныхъ временъ употребляются этимъ страннымъ народомъ. Дѣло это очень облегчается для нихъ тѣмъ, что почва даже по горамъ очень глубока и покрыта толстымъ слоемъ растительныхъ остатковъ. Но еще замѣчательнѣе охота, съ какою они обращаютъ въ пригодныя для нихъ вещи неудобные для обработки матеріалы, если трудъ скоро можетъ принести результатъ, для котораго совершается. Свидѣтельствомъ тому служатъ часто встрѣчающіяся на ихъ озерахъ и рѣкахъ постройки, подобныя плавучимъ садамъ перувіанцевъ,—плоты, покрытые растительною землею и служащіе нивами. Трудъ очень скоро тутъ извлекаетъ выручку изъ матеріаловъ, надъ которыми работаетъ. Нельзя представить ничего роскошнѣе растительности на этой богатой почвѣ, когда быстрому дѣйствію благопріятнаго солнца помогаетъ обиліе влаги. Но мы уже говорили, что не такъ бываетъ, когда вознагражденіе за трудъ далеко хотя и обильно. Европейскіе путешественники изумляются, видя эти маленькія плавучія фермы подлѣ болотъ, которыя для превращенія въ нивы нужно было бы лишь осушить; имъ странно кажется, что китайцы употребляютъ свой трудъ не на материкъ, гдѣ его результаты были бы долговѣчны, а на сооруженія, портящіяся и пропадающія въ нѣсколько лѣтъ. Но китайцы думаютъ о будущихъ годахъ меньше, чѣмъ о настоящемъ лѣтѣ. Для настоящаго у нихъ много, для будущаго мало силы дѣятельнаго стремленія къ накопленію. Соображенія европейца простираются на отдаленное будущее, и онъ дивится на китайцевъ, которые своей непредусмотрительностью и недостаткомъ заботы объ отдаленныхъ годахъ осуждены на вѣчную тяжелую работу и на бѣдность, кажущуюся ему невыносимой. Горизонтъ китайцевъ не имѣетъ такой обширности. Они довольствуются тѣмъ, чтобы жить со дня на день, и привыкли даже тяжелую жизнь считать счастьемъ“ (Ре, стр. 151—155).

Когда страна довела свое производство до размѣра, въ какомъ, при существующемъ состояніи знаній, оно даетъ сумму выручки, соразмѣрную средней силѣ дѣятельнаго стремленія къ накопленію въ этой странѣ, она достигла того, что называется неподвижнымъ состояніемъ,—достигла такого состоянія, при которомъ уже не будетъ дѣлаться прибавленій къ капиталу, если не произойдетъ или улучшенія въ производительныхъ искусствахъ, или увеличенія въ силѣ стремленія къ накопленію. При неподвижномъ состояніи, хотя сумма капитала и не увеличивается въ обществѣ, но изъ отдѣльныхъ людей одни становятся богаче, другіе бѣднѣе. Люди, въ которыхъ степень запасливости ниже общаго уровня, бѣднѣютъ, ихъ капиталъ погибаетъ, и оставляетъ мѣсто для сбереженій, дѣлаемыхъ людьми, въ которыхъ дѣятельное стремленіе къ накопленію выше общаго уровня, и которые, натурально, становятся покупщиками земель, фабрикъ и другихъ орудій производства, принадлежавшихъ менѣе запасливымъ ихъ соотечественникамъ.

Отъ какихъ причинъ происходитъ то, что выручка за капиталъ въ однѣхъ странахъ бываетъ больше, чѣмъ въ другихъ, и почему при извѣстныхъ обстоятельствахъ прибавочному капиталу становится невозможнымъ найти себѣ помѣщеніе иначе, какъ съ пониженіемъ выручки, это разъяснится въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ. Если справедливо мнѣніе, что Китай достигъ неподвижнаго состоянія, значитъ, накопленіе капитала уже прекратилось въ немъ на степени очень высокой выручки,—какъ высока она, показывается тѣмъ, что въ Китаѣ величина процентовъ по закону 12, а въ дѣй-

ствительности, какъ говорятъ, отъ 18 до 36. Потому надобно полагать, что количество капитала, большее существующаго нынѣ въ этой странѣ, не можетъ найти себѣ занятія съ такою высокою пропорціею прибыли, а прибыль менѣе высокая не представляетъ китайцу такой привлекательности; чтобы онъ отказывался для нея отъ настоящаго наслажденія. Какая противоположность съ Голландіею, гдѣ въ цвѣтущій періодъ правительство занимало деньги по 2 процента, а частные люди съ хорошимъ обезпеченіемъ, по три процента! Китай не такая страна, какъ Бурма или государства индійскихъ раджей, гдѣ громадность процента служитъ необходимымъ вознагражденіемъ за рискъ, которому подвергаетъ кредитора недобросовѣстность или бѣдность государства и почти всѣхъ частныхъ должниковъ. Потому, если дѣйствительно справедливо, что возрастаніе капитала остановилось въ Китаѣ при такой огромности вознагражденія, это значитъ, что у китайцевъ дѣятельное стремленіе къ накопленію, иначе говоря, умѣнье цѣнить будущее по сравненію съ настоящимъ, гораздо слабѣе, чѣмъ почти у всѣхъ безъ исключенія европейскихъ народовъ.

4. До сихъ поръ мы говорили о странахъ, въ которыхъ средняя сила стремленія къ накопленію не достигаетъ размѣра, одобряемаго разумомъ и здравымъ разсчетомъ при существованіи порядочной безопасности. Теперь намъ надобно сказать о другихъ, въ которыхъ она рѣшительно превышаетъ эту мѣру. Въ тѣхъ странахъ Европы, которыя отличаются особеннымъ благосостояніемъ, можно найти множество людей расточительныхъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (и особенно въ Англіи) обыкновенная степень экономіи и предусмотрительности между людьми, живущими физическимъ трудомъ, не можетъ быть названа высокою; но есть въ этихъ странахъ многолюдная часть общества, въ которой духъ накопленія такъ силенъ, что признаки быстраго возрастанія богатствъ бросаются въ глаза каждому. Эту часть общества составляютъ сословія фабрикантовъ, торговцевъ и люди свободныхъ профессій,—сословія, которыя, вообще говоря, имѣютъ больше средствъ и больше побужденій къ сбереженію, чѣмъ другія сословія. Огромность капитала, ищущаго занятій въ этихъ странахъ, возбуждаетъ удивленіе, когда особенныя обстоятельства, привлекая значительную часть его на одинъ путь, напримѣръ, на построеніе желѣзныхъ дорогъ или на спекуляціи заграничными фондами, обнаруживаютъ великость всей его массы.

Въ Англіи много обстоятельствъ, придающихъ особенную силу этой наклонности къ накопленію. Англія давно избавлена отъ военныхъ опустошеній; въ ней раньше чѣмъ въ другихъ земляхъ собственность оградилась отъ военнаго насилія и произвольнаго грабежа; отъ этого возникла давняя, наслѣдственная увѣренность въ безопасности имущества, на время передаваемаго владѣльцемъ въ чужія руки; въ другихъ странахъ эта увѣренность почти вездѣ не такъ стара и менѣе твердо упрочилась. Географическія причины, заставившія Великобританію искать могущества и значенія больше въ промышленности, чѣмъ въ природныхъ средствахъ, обратили къ фабрикамъ и торговлѣ большую пропорцію самыхъ предпріимчивыхъ и энергическихъ характеровъ, чѣмъ въ другихъ странахъ; они стали удовлетворять своимъ надобностямъ и честолюбію производствомъ и сбереженіемъ, а не присвоеніемъ произведеннаго и сбереженнаго другими. Много тутъ зависѣло и отъ хорошихъ политическихъ учрежденій Англіи: давая просторъ индивидуальной свободѣ дѣйствія, они ободрили людей къ дѣятельности и надеждѣ на самихъ себя, а свободою, какую предоставляютъ образованію товариществъ, они облегчаютъ возникновеніе большихъ промышленныхъ предпріятій. Съ другой стороны, тѣ же самыя учрежденія даютъ самое прямое и сильное возбужденіе стремленію обогащаться.

Ранній упадокъ феодализма устранилъ или очень ослабилъ ненавистное различіе между сословіями, коренное занятіе которыхъ —промышленность, и сословіями, привыкшими презирать ихъ. Возникла политическая система, дѣлающая богатство истиннымъ источникомъ политическаго вліянія, и богатство, независимо отъ своей внутренней цѣны, получило еще другую, фиктивную. Оно стало синонимомъ власти, а власть, приписываемая предмету общественнымъ мнѣніемъ, даетъ ему и дѣйствительную власть; потому богатство стало главнымъ источникомъ личнаго высокаго положенія, мѣриломъ и свидѣтельствомъ успѣха въ жизни. Подняться изъ одного общественнаго круга въ другой, высшій кругъ—вотъ главная цѣль людей средняго сословія въ Англіи; а средствомъ къ тому служитъ богатство. Но быть богатымъ, не работая, до сихъ поръ постоянно считается положеніемъ болѣе почетнымъ, чѣмъ пріобрѣтать богатство трудомъ; потому цѣлью честолюбія становится то, чтобы довести свои сбереженія до размѣра не только дающаго большой доходъ при промышленномъ употребленіи, но и по прекращеніи промышленныхъ занятій доставляющаго изобильный доходъ владѣльцу, живущему реализированнымъ имуществомъ. Дѣйствіе этихъ причинъ очень усиливается въ Англіи тою чрезвычайною неспособностью народа къ личному наслажденію, которая составляетъ отличительную черту странъ, испытавшихъ вліяніе пуританства. Но облегчаясь слабостью влеченія къ удовольствіямъ, накопленіе затрудняется въ Англіи сильною любовью къ расходамъ. Связь между личною важностью человѣка и видомъ богатства такъ тѣсна, что пошлое желаніе блистать большими расходами имѣетъ силу страсти въ многочисленныхъ членахъ извѣстныхъ сословій такой націи, которая, вѣроятно, меньше всѣхъ націй цѣлаго свѣта получаетъ удовольствія отъ расточительности. Отъ этого обстоятельства, дѣятельное стремленіе къ накопленію никогда не достигало въ Англіи такой высокой энергіи, какъ въ Голландіи, гдѣ нѣтъ праздныхъ богатыхъ сословій, подающихъ примѣры безразсуднаго мотовства, и промышленный классъ, владѣвшій тою существенною силою, съ которою всегда соединено вліяніе на общество, имѣлъ свободу установить свою собственную норму образа жизни и приличій, а потому привычки общества остались экономны и нетщеславны.

Итакъ, въ Англіи и въ Голландіи стремленіе къ накопленію давно уже имѣетъ такую силу, что для своего дѣйствія не нуждается въ обильныхъ выручкахъ, которыя нужны ему въ Азіи. Теперь другія европейскія страны, быстро слѣдующія примѣру Англіи въ этомъ отношеніи, почти всѣ дошли также до подобнаго развитія. Стремленіе къ накопленію возбуждается къ дѣйствію въ этихъ странахъ столь низкимъ процентомъ прибыли, что накопленіе не замедляется съ теченіемъ времени, а, напротивъ, идетъ, судя по всему, быстрѣе, чѣмъ когда нибудь, и второе условіе для возрастанія производства, возрастаніе капитала, не показываетъ никакого признака, что можетъ стать недостаточнымъ. На сколько зависитъ производство отъ этого элемента, возможности возрастанія производства нельзя назначить никакого предѣла.

Прогрессъ накопленія, конечно, значительно задержался бы, если бы выручка съ капитала спустилась еще ниже, чѣмъ теперь. Но какимъ образомъ возрастаніе капитала можетъ вести къ такому послѣдствію? При этомъ вопросѣ мысль обращается къ послѣднему изъ трехъ условій производства. Граница производству не полагается существованіемъ необходимаго предѣла для первыхъ двухъ элементовъ, для труда и капитала; потому, она должна заключаться въ качествахъ единственнаго изъ этихъ элементовъ, по самой сущности своей ограниченнаго въ своемъ количествѣ. Граница производству должна полагаться качествами земли.

ГЛАВА XII.

Законъ возрастанія продукта отъ земли.

1. Отъ другихъ элементовъ производства, отъ труда и капитала, земля отличается тѣмъ, что не можетъ возрастать безгранично. Ея пространство ограниченно, а пространство производительнѣйшихъ сортовъ ея еще больше ограниченно. Очевидно также, что не неограниченно и количество продукта, которое можно получить на данномъ пространствѣ земли. Эта ограниченность количества земли и ограниченность ея производительности составляютъ истинныя границы возрастанію производства.

Конечно, всегда люди ясно понимали, что эти двѣ границы послѣдній предѣлъ возрастанію производства. Но никогда не бывало ни одного примѣра, чтобы производство достигало этого окончательнаго предѣла: нѣтъ страны, въ которой вся земля, способная производить пищу, воздѣлана въ такомъ совершенствѣ, что нельзя было бы (даже и безъ новыхъ успѣховъ въ земледѣльческомъ знаніи) получить съ нея больше продукта, чѣмъ теперь; а значительная часть земной поверхности остается еще совершенно невоздѣлана. Потому обыкновенно думаютъ (и очень натурально предполагать это съ перваго взгляда), что для настоящаго времени всякое ограниченіе производства или населенія съ этой стороны находится на неизмѣримомъ разстояніи отъ насъ, и что должны протечь вѣка, пока возникнетъ практическая необходимость принимать въ серьезное соображеніе законъ этого ограниченія.

Я полагаю, что это ошибка, и притомъ самая серьезная изъ всѣхъ ошибокъ, какія только встрѣчаются въ области политической экономіи. Вопросъ этотъ самый важный, самый основной изъ всѣхъ ея вопросовъ; въ немъ заключается рѣшеніе всѣхъ вопросовъ о причинахъ бѣдности въ богатомъ и промышленномъ обществѣ и безъ яснаго пониманія этого предмета безполезно идти далѣе въ нашемъ изслѣдованіи.

2. Границу, полагаемую производству качествами почвы, не надобно воображать подобною стѣнѣ, которая стоитъ неподвижно на извѣстномъ мѣстѣ и не задерживаетъ движенія, пока совершенно не останавливаетъ его. Скорѣе можно сравнить эту границу съ очень эластичною и растяжимою повязкою, которая, какъ-бы сильно ни была растянута, все-таки можетъ быть растянута еще шире, но которая стѣсняетъ задолго прежде, чѣмъ растянется до послѣдняго предѣла, и стѣсненіе отъ которой тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе къ этому предѣлу раздвигается она.

Лишь только достигаетъ земледѣліе извѣстной, не очень высокой степени развитія, лишь только люди начинаютъ заниматься воздѣлываніемъ земли съ нѣкоторою энергіею, лишь только явились у нихъ сколько нибудь порядочныя земледѣльческія орудія, земледѣльческое производство подчиняется дѣйствію закона, что при данномъ положеніи земледѣльческаго искусства и знанія увеличеніе труда не даетъ пропорціональнаго увеличенія въ продуктѣ, удвоеніе труда не удваиваетъ продукта, или, выражая то-же самое иными словами, каждое возрастаніе продукта получается болѣе, чѣмъ пропорціональнымъ возрастаніямъ въ приложеніи труда къ землѣ.

Этотъ общій законъ земледѣльческой промышленности—самая важная теорема политической экономіи. Если-бы законъ этотъ былъ не таковъ, почти всѣ феномены производства и распредѣленія богатства были бы не таковы, какъ теперь. Самыя коренныя изъ заблужденій, еще господствующихъ по нашему предмету, проистекаютъ изъ того, когда люди не замѣчаютъ, что этотъ законъ дѣйствуетъ подъ наружными причинами, на которыхъ останавливаютъ они

вниманіе, что второстепенныя вліянія принимаются за коренныя причины явленій, форма и способъ которыхъ можетъ быть и видоизмѣняется отъ нихъ, но сущность которыхъ опредѣляется однимъ этимъ закономъ.

Когда, для увеличенія продукта, человѣкъ обращается къ худшей землѣ, то очевидно, что продуктъ не увеличится въ одной пропорціи съ трудомъ. Самое выраженіе „худшая земля“ показываетъ, что это земля, которая при равномъ трудѣ даетъ меньшее количество продукта. Земля можетъ быть хуже другой земли или по плодородію, или по положенію. Одна требуетъ большей пропорціи труда на произращеніе продукта, другая на перевозъ его къ рынку. Если земля А при данномъ расходѣ на рабочую плату, удобреніе и т. д. производитъ 1,000 квартеровъ пшеницы, и если, для полученія другой тысячи квартеровъ, мы должны обратиться къ землѣ В, которая или менѣе плодородна, или болѣе отдалена отъ рынка, то 2,000 квартеровъ будутъ стоить больше, чѣмъ двойной пропорціи труда, расходовавшагося на первую тысячу, и земледѣльческій продуктъ возрастетъ въ пропорціи меньшей, чѣмъ возросъ трудъ, употребляемый на производство.

Вмѣсто того, чтобы воздѣлывать землю В, было бы можно заставить высшею обработкою землю А производить вдвое. Можно было бы пахать или боронить ее два раза, вмѣсто одного; или копать ее заступомъ, вмѣсто того чтобы пахать послѣ распашки; или пройти по ней каткомъ, вмѣсто бороны, чтобы лучше обратить въ порошокъ; или чаще и лучше полоть; можно было бы употребить инструменты лучшей отдѣлки или лучшаго устройства; употреблять больше удобренія или удобреніе болѣе дорогихъ сортовъ; старательнѣе смѣшивать удобреніе съ землею,—все это нѣкоторые изъ числа способовъ получать съ данной земли продуктъ большій прежняго, и если надобно получить его, то обыкновенно употребляются тѣ или другіе изъ этихъ способовъ. Но такая прибавка получается посредствомъ увеличенія издержекъ въ пропорціи, превышающей увеличеніе продукта; это видно изъ того, что воздѣлываются тогда же земли худшаго качества. Земли худшія или болѣе отдаленныя отъ рынка натурально даютъ меньшій продуктъ, и увеличившійся запросъ удовлетворяется продуктомъ ихъ не иначе, какъ съ увеличеніемъ издержекъ, стало быть, и цѣны. Если бы прибавка въ запросѣ могла по прежнему удовлетворяться продуктомъ лучшихъ земель черезъ приложеніе къ нимъ большаго труда и капитала по стоимости, не превышающей пропорцію той, за какую получалось первоначально требовавшееся отъ этихъ земель количество продукта, собственники или фермеры этихъ земель могли бы подорвать дешевизною всѣхъ другихъ производителей и захватить весь рынокъ. Тогда земли менѣе плодородныя или болѣе отдаленныя могли бы воздѣлываться лишь собственниками, и только для прокормленія или для поддержанія независимости самихъ собственниковъ, но никакъ никому не могло бы быть выгоднымъ брать ихъ въ наймы для прибыли. А съ нихъ можно получать прибыль, достаточную для привлеченія капитала къ такому употребленію,—это показываетъ, что воздѣлываніе лучшихъ земель достигло такой степени, за которую дальнѣйшее приложеніе къ нимъ труда и капитала никакъ уже не дастъ большей выручки, чѣмъ какая можетъ быть, при равномъ расходѣ, получена съ земель, менѣе плодородныхъ или находящихся въ менѣе выгодномъ мѣстоположеніи.

Заботливое воздѣлываніе земли въ англійскихъ или шотландскихъ округахъ, имѣющихъ усовершенствованное земледѣліе, служитъ симптомомъ или слѣдствіемъ болѣе тяжелыхъ условій, которыхъ стала требовать земля для увеличенія продукта. Эта усовер-

шенствованная обработка требуетъ гораздо большей пропорціи расходовъ, чѣмъ хозяйство по болѣе поверхностной системѣ; для того, чтобы она стала прибыльною, нужны болѣе высокія цѣны; и такая обработка не была бы принята, если бы доступна была земля столь же плодородная и еще не занятая. Если требуемое обществомъ прибавочное количество продукта можно получать съ новой земли столь же хорошаго качества, какъ прежняя, то не будетъ никакой попытки извлекать изъ земли количество продукта, сколько нибудь приближающееся къ тому, что она даетъ при способахъ обработки, считающихся въ Европѣ наилучшими. Обработка земли доводится до такой степени, чтобы получалась выручка въ наибольшей пропорціи къ употребленному труду, но выше этого обработка не ведется, и количество труда, превышающее эту степень, употребляется на другія дѣла. „Нескоро примиряется англійскій глазъ съ жидкостью жатвы и нестарательнымъ, по нашему мнѣнію, хозяйствомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ путешественникъ, недавно посѣщавшій эту страну. Мы забываемъ, что гдѣ земли такъ много, а трудъ такъ дорогъ, какъ здѣсь, тамъ надобно слѣдовать совершенно не тому разсчету, какой господствуетъ въ нашихъ многолюдныхъ странахъ, и что результатомъ будетъ, разумѣется, недостатокъ полной отдѣлки во всемъ, что требуетъ труда“ (Letters from America, by John Robert Godley, томъ I, стр. 52. Смотр. также Lyell's Travels in America, томъ II, стр. 83). Изъ двухъ причинъ, которыя приводитъ Годли, настоящее объясненіе дѣлу дается, по моему мнѣнію, изобиліемъ земли, а не дороговизною труда; потому что, какъ бы дорогъ ни былъ трудъ, но если не достаетъ пищи, онъ всегда будетъ употребленъ на ея производство предпочтительно передъ всякимъ другимъ производствомъ. Дѣло въ томъ, что этотъ трудъ успѣшнѣе достигаетъ своего результата, когда прилагается къ новой землѣ, чѣмъ когда бы употреблялся на болѣе высокую обработку уже воздѣлываемой земли. Прилагать къ американскимъ землямъ высокое европейское воздѣлываніе станетъ выгодно лишь тогда, когда не останется тамъ новыхъ земель, кромѣ такихъ, которыя по своей отдаленности или плохому качеству станутъ требовать значительнаго повышенія цѣнъ, для приданія выгодности своему воздѣлыванію. До той поры исключеніемъ могутъ служить развѣ лишь подгородныя земли, на которыхъ сбереженіе въ издержкахъ перевозки можетъ вознаграждать за значительно меньшую выручку въ самомъ количествѣ продукта ихъ. Какъ американская обработка относится къ англійской, точно также обыкновенная англійская обработка относится къ фландманской, тосканской и Terra di Lavoro, гдѣ приложеніемъ гораздо большаго количества труда получается значительно большій валовой продуктъ, но получается въ такой пропорціи къ труду, которая человѣку, воздѣлывающему землю только для коммерческой прибыли, была бы выгодна лишь при гораздо высшихъ цѣнахъ на земледѣльческіе продукты.

Принципъ, изложенный нами теперь, долженъ быть понимаемъ, конечно, съ нѣкоторыми объясненіями и ограниченіями. Даже и тогда, когда земля уже такъ высоко воздѣлана, что увеличеніе труда на нее или увеличеніе обыкновеннаго ежегоднаго подготовленія ея не дало бы выручки, пропорціональной расходу, можетъ быть, что приложеніе гораздо большаго прибавочнаго труда и капитала на улучшеніе самой почвы дренированіемъ или долговѣчнымъ удобреніемъ будетъ вознаграждено продуктомъ также щедро, какъ самыя первыя части труда и капитала. Иногда можетъ быть, что пропорція вознагражденія за эти прибавочныя части будетъ даже больше. Этого не могло бы случаться, если бы капиталъ всегда искалъ и находилъ наивыгоднѣйшее употребленіе. Но если наивыгоднѣйшее употребленіе таково, что вознагражденія за него на-

добно ждать дольше, чѣмъ за менѣе выгодное, то предпочтеніе ему будетъ дано лишь на очень высокой степени промышленнаго развитія. Да и на этой высокой степени существуютъ иногда по владѣнію землею и по найму ея такіе законы и обычаи, которые не даютъ свободному капиталу страны простора обращаться на земледѣльческія усовершенствованія. Потому, добавочный продуктъ, требуемый увеличившимся населеніемъ, получается иногда высшею обработкою по возростающей стоимости, между тѣмъ какъ извѣстны и доступны способы получать его безъ возрастанія стоимости. Если бы нашелся капиталъ на то, чтобы въ слѣдующемъ году сдѣлать надъ землею Великобританіи и Ирландіи всѣ извѣстныя и признанныя нужными улучшенія, которыя выгодны при существующихъ цѣнахъ, то есть должны увеличить продуктъ пропорціонально или больше, чѣмъ пропорціонально расходу,—если бы произошло это, результатомъ былъ бы тотъ фактъ (особенно вѣрный, если включать въ это предположеніе Ирландію), что земля низшаго качества надолго стала бы не нужна для земледѣлія: вѣроятно, прекратилась бы обработка значительной части тѣхъ менѣе производительныхъ земель, находящихся нынѣ въ обработкѣ, которыя не пользуются особенно выгоднымъ положеніемъ; или, быть можетъ, сокращеніе воздѣлыванія состояло бы преимущественно въ томъ, что ежегодное подготовленіе земли и обработка ея стали бы менѣе высоки (потому что улучшенія, нами предполагаемыя, состоятъ не столько въ улучшеніи хорошей земли, сколько въ обращеніи дурной земли въ хорошую); такимъ образомъ, наше земледѣліе возвратилось бы къ характеру, похожему на американскую обработку, а совершенно брошены были бы только тѣ изъ плохихъ земель, которыя оказались бы неспособными къ улучшенію. Тогда пропорція общаго продукта всей воздѣлываемой земли къ израсходованному на него труду стала бы выше прежней, и общій законъ уменьшенія выручки отъ земли былъ бы на время отстраненъ, соразмѣрно этой перемѣнѣ. Но никто не можетъ предположить, чтобы даже въ этомъ случаѣ весь продуктъ, нужный для страны, возможно было получить только съ самыхъ лучшихъ земель и съ тѣхъ, которыя сравниваются съ самыми лучшими, благодаря выгодѣ своего положенія. Конечно, значительная часть продукта продолжала бы производиться въ менѣе выгодныхъ условіяхъ и съ пропорціею выручки меньшею, чѣмъ какая получается съ наилучшихъ или находящихся въ наивыгоднѣйшемъ положеніи земель. А по мѣрѣ того, какъ дальнѣйшее возрастаніе населенія требовало бы новаго увеличенія производства, общій законъ возвращалъ бы свою силу и дальнѣйшее увеличеніе продукта стало бы получаться съ расходованіемъ труда и капитала въ пропорціи, большей прежняго.

3. Продуктъ земли, при одинаковости обстоятельствъ, возрастаетъ въ пропорціи меньшей, чѣмъ возрастаетъ употребляемый на него трудъ,—это, какъ мы сказали, всеобщій законъ земледѣльческой промышленности, допускающій лишь случайныя и временныя исключенія. Но были писатели, отвергавшіе этотъ принципъ и самоувѣренно ссылавшіеся на опытъ въ подтвержденіе того, будто бы выручка съ земли получается на высокой степени воздѣлыванія не въ меньшей, а въ большей пропорціи, чѣмъ на менѣе высокой степени, будто бы, когда на воздѣлываніе употребляется много капитала, выручка бываетъ больше, чѣмъ когда его употребляется мало. Эти писатели утверждаютъ, что даже самая худшая земля, воздѣлываемая нынѣ, производитъ не только на каждый экръ, но и на данное количество приложеннаго къ ней труда столько пищи, сколько получали наши предки съ плодороднѣйшихъ земель Англіи.

Очень можетъ быть, что это правда; и если это не вполнѣ правда, то въ значительной степени дѣйствительно правда. Безспорно то, что нынѣ производствомъ пищи

на все населеніе занята меньшая пропорція населенія, чѣмъ въ прежнія времена нашей исторіи. Но этимъ вовсе не доказывается, чтобы не существовалъ законъ, о которомъ мы говорили, а доказывается только то, что существуетъ какая нибудь сила, противоположная ему и могущая на время превозмогать его. Дѣйствительно, есть такая сила, находящаяся въ постоянномъ противодѣйствіи закону уменьшенія выручки отъ земли, и мы теперь должны перейти къ разсмотрѣнію этой силы. Она не иное что, какъ прогрессъ цивилизаціи. Я употребляю это общее и нѣсколько неопредѣленное выраженіе, потому что факты, участвующіе тутъ, такъ разнообразны, что едва ли могъ бы обнять всѣ ихъ какой нибудь терминъ менѣе обширнаго значенія.

Изъ этихъ фактовъ прежде всего представляется мысли прогрессъ земледѣльческаго знанія, искусства и земледѣльческихъ изобрѣтеній. Улучшенные земледѣльческіе процессы бываютъ двухъ родовъ: одни даютъ землѣ способность производить абсолютно большее количество продукта, безъ соразмѣрнаго увеличенія труда; другіе не имѣютъ силы увеличивать продуктъ, но за то уменьшаютъ количество труда и издержекъ, которыми онъ пріобрѣтается. Къ первымъ надобно причислить уничтоженіе пароваго поля введеніемъ плодоперемѣнной системы и введеніе новыхъ растеній, выгоднымъ образомъ входящихъ въ сѣвооборотъ. Перемѣну, совершенную въ британскомъ земледѣліи въ концѣ прошлаго вѣка введеніемъ сѣвооборота съ рѣпою, представляютъ истинною революціею. Дѣйствіе этихъ усовершенствованій состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что они даютъ землѣ способность ежегодно производить жатву, вмѣсто того, чтобы оставаться праздною изъ каждыхъ двухъ или трехъ лѣтъ одинъ годъ, и, во-вторыхъ, въ томъ, что прямо увеличивается ея производительность: чрезвычайное увеличеніе въ числѣ скота, производимое увеличеніемъ количества корма, дастъ болѣе обильное удобреніе для хлѣбныхъ полей. За этимъ слѣдуетъ введеніе новыхъ растеній, дающихъ большее количество пищи (напримѣръ, картофель), или болѣе производительныхъ породъ прежнихъ растеній (напримѣръ, шведская рѣпа). Къ тому же разряду усовершенствованій надобно причислить расширеніе знаній о качествахъ разныхъ удобреній и о лучшихъ способахъ употреблять ихъ; введеніе новыхъ и сильнѣйшихъ удобреній (напримѣръ, гуано) и обращеніе такихъ, которыя прежде бросались, на удобреніе земли; изобрѣтенія, подобныя распахиванію подпочвы или дренажу, отъ которыхъ такъ сильно увеличивается продуктъ нѣкоторыхъ сортовъ земли; умноженіе числа животныхъ, потребляющихъ и обращающихъ въ человѣческую пищу вещества, которыя безъ нихъ пропадали бы, и т. д. Къ усовершенствованіямъ втораго рода, которыми уменьшается количество труда, но не увеличивается производительность земли, принадлежатъ: улучшенія въ устройствѣ орудій; введеніе новыхъ орудій, сокращающихъ ручную работу (напримѣръ, вѣяльной и молотильной машинъ); болѣе искусное и экономное приложеніе мускульнаго труда (напримѣръ, столь медленно распространявшееся въ Англіи введеніе шотландскаго способа пахать парою лошадей, запряженныхъ рядомъ, при одномъ человѣкѣ, вмѣсто паханія тремя или четырьмя лошадьми цугомъ, при двухъ людяхъ). Эти усовершенствованія не увеличиваютъ производительности земли; но они такъ же, какъ и усовершенствованія перваго рода, противодѣйствуютъ стремленію стоимости производства земледѣльческихъ продуктовъ возвышаться вмѣстѣ съ возрастаніемъ населенія и запроса.

Улучшеніе средствъ сообщенія по своему дѣйствію подобно земледѣльческимъ усовершенствованіямъ втораго рода. Хорошія дороги равносильны хорошимъ орудіямъ. Въ извлеченіи-ли продукта изъ земли, или въ перевозкѣ его къ мѣстамъ потребленія

происходитъ сбереженіе труда, это все равно. Не говоримъ уже о томъ, что самый трудъ воздѣлыванія уменьшается отъ всякаго уменьшенія въ стоимости привоза удобренія изъ отдаленныхъ мѣстъ, всякимъ облегченіемъ многочисленныхъ операцій перевозки съ мѣста на мѣсто, происходящихъ въ предѣлахъ самой фермы. Желѣзныя дороги и каналы въ сущности составляютъ умейьшеніе стоимости производства всѣхъ предметовъ, отправляемыхъ по нимъ на рынокъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова—ими уменьшается стоимость производства всѣхъ тѣхъ предметовъ, производству которыхъ онѣ помогаютъ перевозкою матеріаловъ и орудій для ихъ выдѣлки. При нихъ можетъ быть воздѣлываема земля, которая иначе не вознаградила бы воздѣлывателей безъ повышенія цѣны. Такое же дѣйствіе по отношенію къ пищѣ или матеріаламъ, привозимымъ изъ-за моря, оказываютъ усовершенствованія въ мореходствѣ.

Изъ этихъ соображеній видимъ, что много есть чисто-механическихъ усовершенствованій, не имѣющихъ, повидимому, никакой особенной связи съ земледѣліемъ, но все-таки дающихъ возможность получать данное количество пищи съ меньшимъ расходованіемъ труда. Какое-нибудь большое усовершенствованіе въ выплавкѣ чугуна должно вести къ удешевленію земледѣльческихъ орудій, къ уменьшенію стоимости желѣзныхъ дорогъ, вагоновъ и телѣгъ, судовъ, быть можетъ, и домовъ, и многихъ другихъ вещей, на которыя чугунъ и желѣзо не употребляются теперь по своей дороговизнѣ; а всѣмъ этимъ уменьшилась бы стоимость производства пищи. Такое же послѣдствіе должны имѣть всякія усовершенствованія въ тѣхъ процессахъ, которымъ подвергается хлѣбъ по отдѣленіи отъ земли и которые можно назвать уже мануфактурными. Первое приложеніе силы вѣтра или воды къ молотьбѣ хлѣба вело къ такому его удешевленію, какое могло бы произойти развѣ лишь отъ самаго важнаго открытія въ земледѣліи; всякое большое усовершенствованіе въ мельничномъ устройствѣ должно имѣть, пропорціонально своей важности, подобное же вліяніе. О слѣдствіяхъ удешевленія перевозки мы уже говорили. Въ инженерномъ дѣлѣ также встрѣчаемъ изобрѣтенія, которыми облегчаются всякія большія операціи, совершаемыя людьми. Усовершенствованія въ нивеллировкѣ важны для дренажа, не говоря уже о постройкѣ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Голландскія низменности и нѣкоторыя части Англіи осушаются машинами, дѣйствующими вѣтромъ или паромъ. Гдѣ нужны сооруженія для орошенія полей, или насыпи и плотины, искусство въ механикѣ служитъ великимъ средствомъ къ удешевленію производства.

Всѣ мануфактурныя усовершенствованія, которыя не могутъ быть обращены на облегченіе самому производству пищи ни въ одномъ изъ его фазисовъ, и потому не содѣйствуютъ отстраненію или замедленію уменьшенія пропорціи выручки отъ земледѣльческаго труда, все-таки имѣютъ слѣдствіе, хотя иного рода, но точно такого же значенія. Они до нѣкоторой степени вознаграждаютъ за то, чего не предотвращаютъ.

Всѣ матеріалы мануфактурныхъ продуктовъ получаются изъ земли, а многія собственно отъ земледѣлія, которое въ особенности доставляетъ весь матеріалъ одежды; потому общій законъ уменьшенія выручки долженъ прилагаться не только къ земледѣльческой, но въ сущности и къ мануфактурной промышленности. По мѣрѣ того, какъ населеніе возрастаетъ и способность земли давать увеличенный продуктъ напрягается сильнѣе и сильнѣе, увеличеніе въ производствѣ всѣхъ матеріаловъ, какъ въ производствѣ пищи, должно получаться расходованіемъ труда все въ бо́льшей и бо́льшей пропорціи. Но стоимость матеріала составляетъ обыкновенно лишь очень малую долю по всей суммѣ стоимости мануфактурнаго продукта, и земледѣльческій трудъ въ производствѣ мануфактурныхъ товаровъ лишь незначительная доля всего труда, употребляемаго на

нихъ. А весь остальной трудъ имѣетъ постоянную и сильную тенденцію уменьшаться, пропорціонально возрастанію населенія. Мануфактурное производство гораздо больше земледѣлія способно къ приложенію механическихъ усовершенствованій и сберегающихъ трудъ изобрѣтеній. А мы уже видѣли, что раздѣленіе труда, искусное и экономное устройство его очень сильно зависитъ отъ величины рынка и отъ возможности производить продукты большими массами. Потому въ мануфактурной промышленности причины, ведущія къ увеличенію ея производительности, далеко перевѣшиваютъ единственную причину, ведущую къ ея уменьшенію, и возрастаніе производства, вызываемое прогрессомъ общества, происходитъ не съ возрастаніемъ, а съ постояннымъ уменьшеніемъ пропорціи стоимости. Этотъ фактъ обнаружился прогрессивнымъ паденіемъ цѣнъ и цѣнностей почти всѣхъ мануфактурныхъ товаровъ въ два послѣднія столѣтія; оно было ускорено механическими изобрѣтеніями послѣднихъ 60 или 70 лѣтъ, и способно продолжаться и расширяться выше всякаго предѣла, какой мы могли-бы опредѣлить ему.

Очень понятна теперь возможность такого случая, что успѣшность земледѣльческаго труда можетъ постепенно уменьшаться съ возрастаніемъ продукта, что поэтому цѣна пищи будетъ прогрессивно возрастать, и нужно будетъ надъ добываніемъ пищи для всего населенія трудиться все большей и большей пропорціи населенія, а между тѣмъ производительная сила труда во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности будетъ такъ быстро возрастать, что требуемое земледѣліемъ количество труда можетъ браться отъ мануфактурныхъ работъ и все-таки онѣ станутъ получать возрастающій продуктъ, такъ что всѣ потребности населенія, въ общей сложности, будутъ удовлетворяться лучше прежняго. Эта выгода можетъ даже распространяться и на бѣднѣйшій классъ. Возрастаніе дешевизны одежды и помѣщенія можетъ вознаграждать ихъ за увеличеніе стоимости пищи.

Мы видѣли, что нѣтъ такого усовершенствованія въ производительныхъ искусствахъ, которое такъ или иначе не имѣло бы вліянія, противоположнаго закону уменьшенія выручки отъ земледѣльческаго труда. Не одни только промышленныя усовершенствованія имѣютъ такое дѣйствіе. Улучшенія въ правительствѣ и почти во всѣхъ другихъ отрасляхъ нравственной и общественной жизни дѣйствуютъ точно такимъ же образомъ. Предположимъ страну въ такомъ состояніи, въ какомъ была Франція до революціи: подати лежатъ исключительно на промышленныхъ классахъ, имѣютъ такой характеръ, что служатъ какъ будто наказаніемъ, штрафомъ за производство; нѣтъ никакой возможности получить удовлетвореніе за имущественную или личную обиду, если ее нанесъ человѣкъ знатный или сильный. Ураганъ, унесшій такой порядокъ дѣлъ, если смотрѣть даже только на одну сторону перемѣны, на увеличеніе производительности труда, не былъ-ли равнозначителенъ множеству промышленныхъ изобрѣтеній? Отмѣненіе фискальнаго обремененія, какимъ были десятины, равнялось для земледѣлія тому, какъ бы трудъ, нужный для полученія продукта, вдругъ уменьшился на десятую часть. Отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ или какихъ-нибудь другихъ стѣсненій, мѣшающихъ товарамъ производиться въ дешевѣйшихъ мѣстахъ ихъ производства, равняется огромному усовершенствованію въ производствѣ. Если плодородная земля, бывшая подъ охотничьимъ паркомъ или отнимавшаяся у производства для какого-нибудь другаго развлеченія, отдается воздѣлыванію, общая производительность земледѣлія увеличивается. Извѣстно, каково было въ Англіи вліяніе дурныхъ законовъ о бѣдныхъ—они ослабляли земледѣльческій трудъ и отнимали у него производительность; таково же, но еще въ сильнѣйшей степени, было вліяніе дурной системы фермерства въ Ирландіи. Нѣтъ усовершенствова-

ній, которыя дѣйствовали бы на производительность труда прямѣе, чѣмъ улучшенія въ отдачѣ земли подъ наемъ и въ законахъ о поземельной собственности. Уничтоженіе субституцій, удешевленіе формъ продажи, и вообще всякія реформы, содѣйствующія естественному стремленію земли къ свободному переходу изъ рукъ, плохо пользующихся ею, въ руки, лучше умѣющія пользоваться, замѣна фермованія, безсрочно уничтожаемаго по волѣ собственника (tenancy at will), фермованіемъ на долгіе сроки; замѣна дурной по-избушечной системы (cottier system) какою-нибудь порядочною системою фермованія; а больше всего, пріобрѣтеніе постояннаго интереса въ землѣ людьми, ее воздѣлывающими,—всѣ такія реформы точно также служатъ усовершенствованіями производства и нѣкоторыя изъ нихъ столь же великими усовершенствованіями его, какъ изобрѣтеніе прядильной или паровой машинъ.

Тоже самое надобно сказать объ улучшеніяхъ въ воспитаніи. Умъ работника — важнѣйшій элементъ въ производительности труда. Въ нѣкоторыхъ изъ цивилизованнѣйшихъ странъ, развитіе ума работниковъ такъ низко, что снабженіе головою людей, имѣющихъ теперь только руки, едва ли не должно считаться источникомъ самаго изобильнѣйшаго возрастанія производства. Старательность, бережливость и вообще благонадежность работниковъ — качества столь же важныя, какъ ихъ умственное развитіе. Дружелюбныя отношенія, общность интересовъ и стремленій между работниками и хозяевами — вещи чрезвычайно важныя, — точнѣе сказать, были бы вещами чрезвычайно важными, потому что я не знаю страны, въ которой нынѣ существовало бы такое чувство дружелюбнаго союза. Не въ одномъ рабочемъ умственныя и нравственныя усовершенствованія имѣютъ выгодное дѣйствіе даже на промышленность. Увеличеніе умственной энергіи, болѣе основательное образованіе, большее развитіе добросовѣстности, заботы объ общихъ дѣлахъ и филантропіи въ богатыхъ и праздныхъ сословіяхъ, сдѣлали-бы ихъ способными придумывать и совершать чрезвычайно важныя усовершенствованія и въ экономическихъ силахъ страны, и въ ея учрежденіяхъ и обычаяхъ. Подумаемъ хотя только о самыхъ очевидныхъ феноменахъ. Отсталость французскаго земледѣлія именно въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ долженъ бы оказывать на него полезное вліяніе образованный классъ, должна быть отчасти приписана тому, что вниманіе богатыхъ землевладѣльцевъ исключительно занято городскими интересами и городскими удовольствіями. Всякое улучшеніе въ человѣческихъ дѣлахъ, кромѣ всѣхъ другихъ своихъ выгодъ, непремѣнно будетъ имѣть, прямымъ или косвеннымъ образомъ, полезное вліяніе на производительность промышленности. Горячность преданности промышленнымъ занятіямъ будетъ во многихъ случахъ умѣряться болѣе гуманнымъ и широкимъ умственнымъ образованіемъ; за то трудъ, употребляемый на эти занятія, почти всегда будетъ тогда успѣшнѣе нынѣшняго.

Прежде, чѣмъ займемся мы изложеніемъ главныхъ выводовъ, получаемыхъ отъ соображенія свойствъ двухъ противоположныхъ силъ, которыми опредѣляется производительность земледѣльческой промышленности, мы должны замѣтить, что слова наши о земледѣліи съ небольшими измѣненіями прилагаются и къ другимъ занятіямъ одинаковаго съ нимъ рода, прилагаются ко всѣмъ отраслямъ промышленности, добывающимъ изъ земли матеріалы. Напримѣръ, рудокопная промышленность даетъ увеличеніе продукта обыкновенно съ увеличеніемъ издержекъ въ пропорціи болѣе высокой; или и хуже того: даже обыкновенный годовой продуктъ добывается въ ней все съ большимъ и большимъ расходованіемъ труда и капитала. Рудникъ не воспроизводитъ каменнаго угля или руды, взятыхъ изъ него, потому каждый рудникъ наконецъ истощается, да и прежде своего

истощенія требуетъ разработки съ постоянно возрастающимъ расходомъ: шахты надобно углублять, галлереи вести все дальше, для очищенія ихъ отъ воды надобно употреблять все больше силы; продуктъ надобно поднимать съ большей глубины или переносить на большее разстояніе. Потому законъ уменьшенія выручки прилагается къ рудокопному дѣлу еще полнѣе, чѣмъ къ земледѣлію; но за то и противодѣйствующее вліяніе усовершенствованій производства прилагается къ нему еще въ большей степени. Рудокопныя операціи доступнѣе земледѣльческихъ механическимъ усовершенствованіямъ; первое приложеніе паровой машины въ большомъ размѣрѣ было сдѣлано къ рудникамъ; а въ химическихъ процессахъ, которыми добываются металлы, есть возможность безграничныхъ усовершенствованій. Нерѣдко встрѣчается и другой случай, представляющій уравновѣшеніе за то, что всѣ извѣстные рудники идутъ къ истощенію: часто открываются новые рудники, равняющіеся по богатству прежнимъ или превосходящіе ихъ.

Общій выводъ таковъ: всѣ предметы и силы природы, находящіеся въ ограниченномъ количествѣ, ограничены относительно крайняго предѣла своей производительной силы, и задолго до достиженія этого крайняго предѣла начинаютъ удовлетворять увеличенію запроса съ прогрессивнымъ обремененіемъ условій своей производительности. Но этотъ законъ можетъ ослабляться или временно отстраняться увеличеніемъ общей власти человѣка надъ природой, въ чемъ бы ни состояло это увеличеніе; а въ особенности онъ ослабляется всякимъ расширеніемъ человѣческаго знанія относительно силъ природы и свойствъ ея тѣлъ, потому что этимъ расширеніемъ знанія расширяется власть человѣка надъ ними.

ГЛАВА XIII.

Послѣдствія предъидущихъ законовъ.

1. Изъ предъидущихъ разъясненій видно, что возрастаніе производства имѣетъ два предѣла: недостаточность капитала или недостаточность земли. Расширеніе производства останавливается или оттого, что дѣятельное стремленіе къ накопленію бываетъ недостаточно для произведенія дальнѣйшаго возрастанія въ капиталѣ, или оттого, что при всемъ расположеніи людей, имѣющихъ излишекъ доходовъ, сберегать часть его, ограниченность земли, находящейся въ распоряженіи общества, не допускаетъ употребленія капитала въ дѣло съ такою выручкою, которая вознаграждала бы ихъ за отсрочку личнаго потребленія.

Страны, гдѣ принципъ накопленія слабъ, какъ у разныхъ азіатскихъ народовъ, гдѣ люди не хотятъ ни сберегать, ни работать для пріобрѣтенія средствъ къ сбереженію, если не возбуждаются къ тому чрезмѣрною высотою прибыли, не хотятъ даже и при такой прибыли, если надобно ждать ея довольно долгое время, — гдѣ продуктъ остается скуденъ и нужда велика, потому что нѣтъ въ нихъ ни капитала, готоваго являться на дѣло, ни предусмотрительности, которая открывала бы средства заставлять силы природы работать за человѣка,—такія страны нуждаются, съ экономической точки зрѣнія, въ увеличеніи промышленности и дѣятельнаго стремленія къ накопленію. Средства къ тому: во-первыхъ, улучшеніе администраціи, введеніе полнѣйшаго обезпеченія собственности, умѣренности въ налогахъ, освобожденіе отъ произвольныхъ поборовъ, производящихся подъ именемъ налоговъ; введеніе болѣе прочныхъ и выгодныхъ условій пользованія землею, такъ чтобы люди, ее воздѣлывающіе, сами получали, по возможности, всю выгоду отъ своего трудолюбія, искусства и бережливости. Во-вторыхъ:

улучшеніе просвѣщенія въ народѣ, ослабленіе обычаевъ или предразсудковъ, мѣшающихъ полному употребленію промышленныхъ силъ въ дѣло; увеличеніе умственной дѣятельности, чтобы въ людяхъ пробудились новыя стремленія. Въ третьихъ: введеніе заграничныхъ искусствъ, которыми выручка отъ обращенія новаго капитала въ дѣло возвышалась бы до степени, соотвѣтствующей слабому развитію стремленія къ накопленію; внесеніе иностраннаго капитала, при которомъ возрастаніе производства не станетъ уже исключительно зависѣть отъ бережливости и предусмотрительности туземцевъ, который будетъ служить для нихъ поощряющимъ примѣромъ, который, если не прямымъ, улучшеніемъ народнаго положенія, то влитіемъ въ народъ новыхъ идей и разрушеніемъ цѣпей привычки станетъ возбуждать въ жителяхъ новыя потребности, экономическое честолюбіе и заботливость о будущемъ. Эти соображенія больше или меньше прилагаются ко всѣмъ азіатскимъ народамъ и къ тѣмъ частямъ Европы, которыя отстали отъ другихъ въ цивилизаціи и промышленности.

Но есть другія страны, — и первая изъ нихъ Англія, — въ которыхъ ни промышленный духъ, ни дѣятельное стремленіе къ накопленію не нуждаются въ поощреніи: люди тамъ готовы много работать за небольшое вознагражденіе и много сберегать для небольшой прибыли; если рабочіе классы тамъ вообще далеко не имѣютъ такой бережливости, какая была бы полезна, то въ благосостоятельной части общества духъ накопленія нуждается скорѣе въ ослабленіи, чѣмъ въ увеличеніи. Въ этихъ странахъ никогда не было бы недостатка въ капиталѣ, если бы его возрастаніе не останавливалось или не задерживалось слишкомъ большимъ пониженіемъ выручки отъ него. По этой тенденціи выручки къ прогрессивному уменьшенію часто бываетъ то, что отъ возрастанія производства становится хуже положеніе производителей; а эта тенденція, которая напослѣдокъ можетъ вовсе прекратить всякое возрастаніе производства, составляетъ результатъ неизбѣжныхъ условій производства, получаемаго отъ земли,—условій, лежащихъ въ немъ самомъ.

Въ странахъ, возвысившихся надъ очень низкою ступенью въ развитіи земледѣлія, всякое увеличеніе запроса на пищу, производимое увеличеніемъ населенія, непремѣнно должно уменьшать долю пищи, какая по ровному раздѣлу пришлась бы на каждаго жителя (исключеніемъ бываютъ лишь тѣ случаи, когда вмѣстѣ съ возрастаніемъ запроса происходитъ улучшеніе въ производствѣ). Когда уже нѣтъ незанятыхъ пространствъ плодородной земли и когда нѣтъ улучшеній, ведущихъ къ удешевленію товаровъ, то увеличеніе производства получается не иначе, какъ чрезъ увеличеніе труда въ пропорціи большей, чѣмъ увеличивается продуктъ. Населеніе должно или больше работать, или меньше ѣсть, или, чтобы получать прежнюю пищу, должно жертвовать частью другихъ прежнихъ жизненныхъ удобствъ. Если эта необходимость отсрочивается, то отсрочка производится лишь тѣмъ, что усовершенствованія, дающія производству легчайшую возможность прогрессивно возрастать, — человѣческія изобрѣтенія, дающія большую успѣшность труду, выдерживаютъ борьбу съ природой успѣшно и вынуждаютъ у ея нехотящихъ служить силъ новыя средства по мѣрѣ того, какъ человѣческими надобностями поглощаются прежнія средства.

Изъ этого слѣдуетъ тотъ важный выводъ, что необходимость сдерживать возрастаніе населенія не принадлежитъ, какъ многіе полагаютъ, одному тому устройству, при которомъ собственность распредѣлена очень неравномѣрно. При каждомъ данномъ состояніи цивилизаціи, большее количество людей не можетъ въ общемъ своемъ составѣ быть снабжено продуктами такъ изобильно, какъ снабжается меньшее число. Скупость

природы, а не общественная несправедливость, служитъ причиною страданій, постигающихъ націю при излишествѣ населенія. Несправедливое распредѣленіе богатства даже и не увеличиваетъ этого бѣдствія, и развѣ лишь дѣлаетъ то, что оно чувствуется нѣсколько раньше. Напрасно говорить, что съ каждымъ желудкомъ, производимымъ на свѣтъ въ размножающемся населеніи, рождаются и руки. Новые желудки требуютъ столько-же пищи, какъ прежніе, а руки производятъ меньше. Если-бы всѣ орудія производства принадлежали, какъ совокупная собственность, цѣлому народу, а продуктъ раздѣлялся между людьми съ совершеннымъ равенствомъ, и если бы при такомъ устройствѣ общества промышленность была такъ же энергична и продуктъ такъ-же великъ, какъ теперь, то достало-бы продукта на чрезвычайно хорошее снабженіе всего существующаго населенія жизненными надобностями; но каково было-бы положеніе населенія, когда число людей удвоилось-бы съ небольшимъ въ двадцать лѣтъ, какъ непремѣнно и случилось-бы при существующихъ привычкахъ и при такомъ поощреніи къ размноженію? Если-бы производительныя искусства не усовершенствовались въ это время съ быстротою почти безпримѣрною, то, по непреоборимой необходимости, каждый человѣкъ въ этомъ обществѣ сталъ-бы бѣднѣе прежняго отъ того, что пришлось-бы обратиться къ воздѣлыванію земель худшаго качества и воздѣлывать земли высшаго качества способомъ болѣе труднымъ и менѣе вознаграждающимъ трудъ, чтобы доставить пищу населенію, столь сильно увеличившемуся. Если бы оно продолжало возрастать по той же пропорціи, скоро пришло бы время, когда никто не имѣлъ бы ничего, кромѣ предметовъ первой необходимости, а вслѣдъ затѣмъ скоро пришло бы время, когда никто не имѣлъ бы и этихъ предметовъ въ достаточномъ количествѣ, и дальнѣйшее возрастаніе населенія было бы остановлено смертью.

Увеличивается или уменьшается въ данное время продуктъ промышленности, по сравненію съ употребляемымъ на него трудомъ, и становится ли лучше или хуже общее положеніе народа, это зависитъ отъ того, какой элементъ развивается быстрѣе: народонаселеніе или усовершенствованіе. Когда населеніе достигло степени густоты, достаточной для доставленія главныхъ выгодъ сочетанія труда, то всякое дальнѣйшее возрастаніе населенія само по себѣ имѣетъ тенденцію понижать средній уровень народнаго благосостоянія; но прогрессъ усовершенствованій имѣетъ противоположное дѣйствіе и допускаетъ населеніе увеличиваться безъ пониженія или даже и съ повышеніемъ средняго уровня жизненныхъ удобствъ. Слово „усовершенствованіе“ надобно понимать здѣсь въ обширнѣйшемъ смыслѣ, обнимающемъ не одни новыя изобрѣтенія въ промышленности, но также улучшенія въ учрежденіяхъ, воспитаніи, образѣ мыслей и всѣхъ вообще человѣческихъ дѣлахъ, лишь бы они вели, — какъ ведутъ почти всѣ улучшенія,—къ появленію новыхъ возбужденій или новыхъ удобствъ для производства. Если производительныя силы страны возрастаютъ въ пропорціи столь же быстрой, какъ возрастаетъ потребность въ увеличеніи продукта по увеличенію числа людей, то нѣтъ нужды для увеличенія продукта обращаться къ воздѣлыванію земель менѣе плодородныхъ, чѣмъ худшія изъ земель уже воздѣлываемыхъ, и нѣтъ нужды къ прежнимъ землямъ прилагать новый трудъ, съ менѣе выгодною выручкою или, если эта нужда есть, то эта потеря силы вознаграждается увеличеніемъ успѣшности, съ какою трудъ, благодаря усовершенствованіямъ, употребляется на фабричныхъ работахъ. По той или другой изъ этихъ причинъ, возрастающее число людей снабжается въ прежнемъ размѣрѣ жизненными удобствами. Но если возрастаніе человѣческой власти надъ природою замедляется или пріостанавливается, а возрастаніе населенія не ослабѣваетъ; если, безъ увеличенія

власти надъ силами природы, требуется отъ нихъ увеличеніе продукта, оно не можетъ быть доставлено увеличившемуся населенію иначе, какъ съ тѣмъ, что отъ человѣка потребуется въ среднемъ уровнѣ большее количество труда или уменьшится средній уровень части достающейся каждому изъ всей массы продукта.

Въ дѣйствительности бывали такіе періоды, когда населеніе развивалось быстрѣе, чѣмъ усовершенствованія; бывали и такіе, когда усовершенствованія развивались быстрѣе населенія. Въ Англіи населеніе, въ теченіе долгаго періода передъ французскою революціею, возрастало медленно; но прогрессъ усовершенствованій, по крайней мѣрѣ въ земледѣліи, былъ, кажется, еще медленнѣе, потому что цѣна хлѣба постоянно возрастала (а не было никакихъ причинъ къ пониженію цѣнности благородныхъ металловъ) и Англія, прежде вывозившая хлѣбъ, стала ввозить его. Эти факты не даютъ однако же совершенной безспорности выводу, потому что въ первой половинѣ столѣтія было чрезвычайное число урожайныхъ годовъ, а во второй половинѣ не было такого большаго числа ихъ, и потому существовала къ возрастанію цѣны хлѣба во второй половинѣ столѣтія причина, посторонняя обыкновенному прогрессу общества. Неизвѣстно, имѣли-ли тогда фабричныя усовершенствованія или уменьшеніе издержекъ перевозки привозныхъ товаровъ такой размѣръ, чтобы вознаграждать за уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда. Но со времени великихъ механическихъ изобрѣтеній Уатта, Аркрайта и ихъ современниковъ выручка за трудъ, по всей вѣроятности, возрастала столь же быстро, какъ населеніе и даже опередила бы его возрастаніе, еслибъ самое увеличеніе выручки не вызвало увеличеннаго проявленія лежащей въ человѣческомъ родѣ силы размножаться. Въ теченіе послѣднихъ двадцати или тридцати лѣтъ расширеніе усовершенствованныхъ процессовъ въ земледѣліи шло такъ быстро, что земля даетъ теперь пропорціонально употребляемому труду даже больше продукта, чѣмъ прежде; средняя цѣна хлѣба рѣшительно понизилась; она понижалась даже и до отмѣненія хлѣбныхъ законовъ, которымъ на наше время такъ сильно облегчена тяжесть требованія увеличивать производство соразмѣрно увеличенію населенія. Но если усовершенствованія могутъ на извѣстное время идти наравнѣ съ дѣйствительнымъ увеличеніемъ населенія или даже превосходить его, то несомнѣнно, что ихъ развитіе никогда не можетъ равняться прогрессіи возрастанія, въ какой способны размножаться люди; и ничто не могло бы предотвратить всеобщаго ухудшенія въ состояніи человѣческаго рода, если бы возрастаніе населенія фактически не сдерживалось. Если бы оно сдерживалось еще больше при такомъ же прогрессѣ усовершенствованій, то для націи, или, говоря вообще, для всего человѣчества былъ бы дивидендъ больше нынѣшняго. Расширеніе власти надъ природой, даваемое усовершенствованіями, не тратилось бы все лишь на то, чтобъ содержать размножившееся населеніе. Валовой продуктъ былъ бы не такъ великъ, но пропорція продукта, приходящаяся на каждаго человѣка, была бы больше.

3. Когда размноженіе людей идетъ быстрѣе, чѣмъ развиваются усовершенствованія, и когда нація принуждена получать средства продовольствія въ отношеніяхъ все менѣе и менѣе выгодныхъ, по неспособности земли удовлетворять увеличенному запросу иначе, какъ на условіяхъ все болѣе обременительныхъ, — когда народъ находится въ этой непріятной необходимости, то находятся два средства, дающія надежду смягчить ее, хотя бы народъ и не измѣнялъ тѣхъ своихъ привычекъ, которыми опредѣляется пропроція его размноженія. Одно изъ этихъ средствъ—ввозъ пищи изъ-за границы; другое средство—переселеніе.

Допущеніе болѣе дешевой пищи изъ-за границы равнозначительно земледѣльческому изобрѣтенію, которымъ въ такой же пропорціи уменьшилась бы стоимость производства пищи въ самой странѣ. Оно въ такой же степени увеличиваетъ производительную силу труда. Прежде чѣмъ былъ допущенъ иностранный хлѣбъ, извѣстнымъ количествомъ труда, употребленнымъ на производство пищи, производилось извѣстное количество пищи; теперь тѣмъ же самымъ количествомъ труда, употребленнымъ на производство хлопчато-бумажныхъ тканей, или желѣзныхъ издѣлій, или другаго товара, даваемаго въ обмѣнъ за пищу, получается большее количество пищи. Въ томъ и другомъ случаѣ отдаляется на извѣстное разстояніе уменьшеніе производительной силы труда; но въ томъ и другомъ случаѣ немедленно возобновляется ходъ этого уменьшенія; отступившій приливъ тотчасъ же начинаетъ снова наступать. Но, быть можетъ, страна снабжается пищею со всего пространства, населеннаго людьми на земномъ шарѣ; въ этомъ случаѣ можетъ показаться, будто никакое возрастаніе числа людей въ небольшомъ уголкѣ земнаго шара не можетъ производить сильнаго давленія на столь обширное пространство; будто число жителей въ этой странѣ можетъ удвоиться и утроиться, а все-таки не будетъ замѣтно, чтобы условія производства сдѣлались отъ того тяжеле, не будетъ замѣтно повышеніе цѣны пищи по всему пространству земнаго шара. Но при такомъ разсужденіи опускаются изъ виду нѣкоторыя существенныя обстоятельства.

Во-первыхъ, заграничныя земли, изъ которыхъ можно ввозить хлѣбъ, не обнимаютъ всего земнаго шара: онѣ ограничиваются почти только тѣми частями его, которыя лежатъ на берегахъ моря или судоходныхъ рѣкъ. Берегъ моря почти во всѣхъ странахъ населяется раньше и гуще другихъ частей и рѣдко имѣетъ лишній хлѣбъ; потому главнымъ источникомъ подвоза служатъ полосы земли по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, напримѣръ, Нила, Вислы, Миссисипи, а такихъ пространствъ въ хлѣбородныхъ частяхъ земли не такъ много, чтобы могли они очень долгое время удовлетворять быстро растущему запросу, безъ обремененія производительныхъ силъ почвы. Получать прибавочный подвозъ хлѣба въ большомъ количествѣ изъ внутреннихъ частей — дѣло невозможное при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія. Съ проведеніемъ шоссе, потомъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, это затрудненіе уменьшится, такъ что перестанетъ быть непобѣдимымъ; но прогрессъ этотъ идетъ медленно, и кромѣ Америки во всѣхъ вывозящихъ хлѣбъ странахъ даже очень медленно; онъ не можетъ расти пропорціонально населенію, если возрастаніе населенія не сдерживается очень сильно.

Во-вторыхъ, если бы подвозъ хлѣба получался и со всего земнаго шара, а не съ небольшаго пространства вывозящихъ его земель, то все-таки было бы довольно ограниченно количество пищи, которую можно было бы получать безъ увеличенія въ пропорціи ея стоимости. Страны, вывозящія хлѣбъ, раздѣляются на два класса: въ однихъ дѣятельное стремленіе къ накопленію сильно, въ другихъ слабо. Въ Австраліи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ оно сильно; капиталъ тамъ ростетъ быстро и производство хлѣба могло бы такъ же увеличиваться очень быстро. Но въ такихъ странахъ и населеніе возрастаетъ съ чрезвычайною быстротою. Своимъ земледѣліемъ онѣ должны снабжать свое домашнее увеличивающееся населеніе, кромѣ населенія странъ, куда вывозятъ свой хлѣбъ. Потому, сущность дѣла скоро должна заставить ихъ обратиться къ воздѣлыванію земель, если не менѣе плодородныхъ, то болѣе отдаленныхъ и менѣе доступныхъ (а отдаленность равносильна неплодородности), обратиться къ способамъ воздѣлыванія менѣе производительнымъ, пропорціонально труду и расходу,— къ способамъ обработки, существующимъ въ старыхъ земляхъ.

Но мало странъ, которыя при дешевизнѣ пищи имѣли бы большое промышлен-

ное благосостояніе; это лишь тѣ земли, куда на богатую и невоздѣланную почву перенесена цивилизація въ полномъ своемъ развитіи; изъ странъ, населенныхъ давно, вывозить хлѣбъ могутъ лишь тѣ, гдѣ промышленность находится въ очень отсталомъ положеніи, гдѣ капиталъ и вслѣдъ за нимъ населеніе не возрасли до такой высоты, чтобы поднять цѣну хлѣба. Въ этихъ странахъ дѣятельное стремленіе къ накопленію слабо, производительныя искусства несовершенны, капиталъ скуденъ и возрастаетъ медленно, особенно если говорить только о домашнихъ источникахъ его возрастанія. Если-бы возросъ запросъ на хлѣбъ для привоза въ Англію, онѣ лишь очень медленно могли-бы развить свое производство для удовлетворенія ему; онѣ не могли-бы получить нужный на то капиталъ обращеніемъ его на земледѣліе отъ другихъ занятій, потому-что другихъ занятій тамъ нѣтъ. Онѣ не производятъ хлопчато-бумажныхъ тканей и желѣзныхъ издѣлій, которыя стала-бы привозить имъ Англія въ обмѣнъ за хлѣбъ: онѣ обходятся безъ этихъ товаровъ. Съ теченіемъ времени можно было-бы ожидать нѣкотораго успѣха отъ усиленной энергіи, которую пробудилъ-бы въ производителяхъ рынокъ открытый для ихъ продукта. Но такому увеличенію энергіи неблагопріятствуетъ экономическое устройство странъ, гдѣ земледѣльцы находятся въ состояніи личной зависимости. Если мы будемъ разсчитывать на увеличеніе затраты капитала, какъ на источникъ для увеличенія продукта, то средства къ этой затратѣ или должны быть привезены изъ другихъ земель, или получены медленнымъ процессомъ сбереженія, развивающагося подъ вліяніемъ новыхъ удобствъ и дѣятельнѣйшихъ сношеній,—но въ этомъ послѣднемъ случаѣ населеніе, вѣроятно, будетъ возрастать такъ же быстро, какъ капиталъ. Если Англіи нужно быстрое возрастаніе привоза хлѣба изъ этихъ странъ, англійскій капиталъ долженъ переселиться туда, чтобы производить его. Но перенесеніе капитала соединено съ большими затрудненіями, доходящими до положительной большой невыгоды. Ему мѣшаетъ разница языка, разница обычаевъ, мѣшаютъ тысячи неудобствъ, происходящихъ отъ разницы въ учрежденіяхъ и общественныхъ отношеніяхъ; а сверхъ того перенесеніе капитала неизбѣжно вызвало бы размноженіе населенія въ этихъ странахъ, такъ что почти все новое количество пищи, производимое новымъ капиталомъ, вѣроятно, стало бы потребляться на мѣстѣ, не выходя за границу. Потому надежда на увеличеніе вывоза изъ этихъ странъ, для снабженія другихъ странъ постоянно увеличивающимся долгое время количествомъ пищи, можетъ основываться только почти на томъ, чтобы вносились въ нихъ изъ-за-границы искусства и понятія для оживленія ихъ отсталой цивилизаціи. Но развитіе цивилизаціи въ странѣ—дѣло медленное; въ это время населеніе развивающейся страны и снабжаемыхъ ею странъ успѣетъ сильно возрасти; потому развитіе цивилизаціи въ отсталыхъ странахъ не можетъ остановить возвышенія цѣны на хлѣбъ отъ возрастанія запроса ни въ цѣлой Европѣ, ни въ отдѣльной странѣ.

Такимъ образомъ не къ однимъ тѣмъ странамъ, которыя продовольствуются собственнымъ хлѣбомъ, примѣняется законъ, что выручка за трудъ уменьшается, если населеніе возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ развиваются усовершенствованія: законъ этотъ въ сущности точно также примѣняется и къ странамъ, готовымъ получать хлѣбъ изъ всѣхъ доступныхъ мѣстъ, гдѣ онъ дешевле. Если какимъ бы то ни было образомъ произойдетъ внезапное и значительное пониженіе цѣны хлѣба, оно, подобно всякому другому внезапному улучшенію житейскихъ искусствъ, только отдаляетъ естественный ходъ дѣлъ на одну или на двѣ ступени дальше, не измѣняя общаго развитія ихъ. Впрочемъ, при допущеніи свободнаго ввоза хлѣба открывается возможность случая, который способенъ произвести временныя послѣдствія такого размѣра, о какомъ даже не мечтали ни злѣйшіе враги, ни пламеннѣйшіе приверженцы свободнаго ввоза хлѣба. Маисъ такой про-

дуктъ, который можно ввозить въ количествѣ достаточномъ для продовольствія цѣлой Англіи и который, пропорціонально своей питательности, можетъ получаться дешевле самаго картофеля. Если вмѣсто пшеницы главною пищею бѣдныхъ сословій станетъ маисъ, производительная сила труда для полученія пищи возрастетъ въ такой громадной пропорціи, а расходъ на содержаніе семейства такъ уменьшится, что хотя бы англійское населеніе стало возрастать даже по американской прогрессіи, быть можетъ, прошло бы нѣсколько поколѣній прежде, чѣмъ перевѣсилось бы размноженіемъ народа это огромное облегченіе въ его продовольствіи.

4. Кромѣ ввоза хлѣба, есть другое средство, къ которому можетъ прибѣгнуть нація, когда ея размноженіе становится несоразмѣрно—не съ ея капиталомъ, а съ производительною способностью ея земли: это средство—выселеніе, въ особенности подъ формою колонизаціи. Въ томъ размѣрѣ, въ какомъ можно пользоваться этимъ средствомъ, оно дѣйствительно помогаетъ, потому что состоитъ въ отыскиваніи за-границею незанятыхъ пространствъ плодородной земли, которыя, если бы существовали въ метрополіи, давали бы возможность удовлетворять запросу возрастающаго населенія безъ упадка въ производительности труда. Если колонизируемая страна близко, а народъ имѣетъ довольно расположенія къ странствованію, это средство помогаетъ вполнѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ возрастаніе населенія можетъ идти безъ задержки, безъ уменьшенія производительности труда, безъ возрастанія затруднительности добывать продовольствіе, благодаря именно тому, что изъ болѣе старыхъ частей Союза идутъ переселенцы въ новыя территоріи; этотъ фактъ имѣетъ всѣ черты колонизаціи. Если бы Австралія или внутреннія области Канады были также близко къ Великобританіи, какъ Уисконсинъ или Айоуа къ Нью-Йорку; если бы излишекъ населенія могъ перемѣщаться туда безъ переѣзда черезъ море и если бы жители Великобританіи имѣли такую же любовь къ переѣздамъ, такую же неохоту оставаться все на одномъ мѣстѣ, какъ ихъ соплеменники, жители Новой Англіи, то эти ненаселенныя страны оказывали бы Великобританіи такую же услугу, какъ новые Штаты Американскаго Союза оказываютъ старымъ. Но положеніе дѣлъ для Великобританіи не таково. Правда, переселеніе, если будетъ ведено хорошо, можетъ служить ей очень важнымъ средствомъ, чтобы внезапно облегчить однимъ усиліемъ давленіе, происходящее отъ излишка населенія. Правда также, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ и добровольное переселеніе можетъ удалять изъ страны, при какомъ нибудь особенномъ кризисѣ, еще большее число людей, чѣмъ предполагалось даже составителями плановъ національнаго веденія колонизаціи,—это произошло, напримѣръ, въ Ирландіи подъ тройнымъ вліяніемъ картофельнаго неурожая, закона о бѣдныхъ и общаго изгнанія фермеровъ по всей странѣ. Но все-таки, даже при наилучшемъ устройствѣ эмиграціи, нельзя было бы поддержать постояннаго хода ея въ достаточномъ размѣрѣ,—въ такомъ размѣрѣ, чтобы она, какъ въ Америкѣ, при быстрѣйшей пропорціи размноженія людей, уносила всю лишнюю часть годичной прибыли числа ихъ,—всю ту часть, которая превышаетъ прогрессъ, дѣлаемый въ теченіе этого краткаго періода житейскими искусствами и отъ которой становится тяжеле жизнь для каждаго изъ членовъ общества, находящихся въ положеніи близкомъ къ среднему уровню. А если нельзя вести колонизацію въ такомъ размѣрѣ, то она даже съ экономической точки зрѣнія не избавляетъ населенія отъ задержки въ размноженіи. Этимъ замѣчаніемъ о колонизаціи ограничимся мы здѣсь; практическую сторону вопроса о ней, важность ея для Англіи и принципы, по которымъ слѣдовало бы вести ее, мы подробно разберемъ въ одной изъ слѣдующихъ частей трактата.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПОСЛѢДНІЯ ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ КНИГИ МИЛЛЯ.

РАЗЪЯСНЕНІЕ СМЫСЛА МАЛЬТУСОВОЙ ТЕОРІИ.

I.

Величина элементовъ мальтусовой теоремы.

Населеніе имѣетъ способность размножаться съ быстротою, съ какою не можетъ возрастать земледѣльческій продуктъ, говоритъ мальтусова теорема. Это выводъ, являющійся изъ сравненія двухъ прогрессій,—прогрессіи, по которой могутъ размножаться люди, и прогрессіи, по которой можетъ возрастать земледѣльческій продуктъ. На какихъ же изслѣдованіяхъ основано построеніе той и другой прогрессіи?

Читатель знаетъ коренное мѣсто всей книги Мальтуса, — мѣсто, въ которомъ онъ строитъ необходимыя для вывода прогрессіи. Но мы попросимъ читателя еще разъ просмотрѣть эту цитату, потому что должны примѣнить къ ней замѣчанія, которыя покажутся ему слишкомъ рѣзкими, если онъ не будетъ въ состояніи тотчасъ же провѣрить ихъ справедливость сличеніемъ ихъ съ подлинными словами Мальтуса.

„Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ населеніе въ теченіе больше нежели полутораста лѣтъ удвоивалось быстрѣе, чѣмъ въ каждыя 25 лѣтъ. Итакъ, мы можемъ принимать за достовѣрное, что когда населеніе не задерживается никакими препятствіями, то оно удвоивается каждыя 25 лѣтъ и возрастаетъ по геометрической прогрессіи.

„Не такъ легко опредѣлить размѣръ возрастанія земледѣльческаго продукта. Но мы навѣрное знаемъ, по крайней мѣрѣ, что этотъ размѣръ совершенно не таковъ, какъ размѣръ, по которому растетъ населеніе. Человѣкъ живетъ въ ограниченномъ пространствѣ. Когда вся плодородная земля воздѣлана, возрастаніе продовольствія зависитъ отъ улучшенія уже воздѣлываемыхъ земель; это улучшеніе не можетъ имѣть постоянно возрастающаго успѣха; напротивъ, его успѣхи будутъ все менѣе и менѣе значительны. Судя по тому, что мы читаемъ о Китаѣ и Японіи, надобно думать, что всѣ усилія человѣческаго искусства не могутъ удвоить въ этихъ странахъ земледѣльческаго продукта даже въ самый продолжительный періодъ. Въ Европѣ можно ожидать нѣкоторыхъ улучшеній въ земледѣліи. Въ Англіи и въ Шотландіи много занимаются его усовершенствованіемъ, однако же и въ этихъ земляхъ много невоздѣланныхъ земель. Посмотримъ, до какой степени могъ бы увеличиться продуктъ нашего острова въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Мы, вѣроятно, превзойдемъ границы правдоподобія, если предположимъ, что при лучшемъ хозяйствѣ земледѣльческій продуктъ могъ бы удвоиться на нашемъ островѣ въ первыя 25 лѣтъ; такое предположеніе, вѣроятно, покажется превышающимъ мѣру, допускаемую разсудкомъ.

„Рѣшительно невозможно надѣяться, чтобы продуктъ шелъ по той же прогрессіи въ слѣдующія 25 лѣтъ и чтобы въ концѣ втораго періода нынѣшній продуктъ учетверился; это противно всѣмъ нашимъ понятіямъ о плодородіи земли. Для каждаго, сколько нибудь знакомаго съ предметомъ, очевидно, что ежегодное приращеніе средняго продукта идетъ правильно уменьшаясь. Теперь, чтобы сравнить возрастаніе населенія съ возрастаніемъ продовольствія, сдѣлаемъ предположеніе, которое при всей своей неточности навѣрное будетъ благопріятнѣе всѣхъ результатовъ опыта для земледѣльческаго продукта.

„Предположимъ, что ежегодное приращеніе продукта не будетъ уменьшаться, а постоянно будетъ одинаково, такъ что съ каждымъ двадцатипяти-лѣтнимъ періодомъ къ годичному продукту Великобританіи будетъ прибавляться количество, равное всему ея нынѣшнему продукту. Человѣкъ, имѣющій самыя преувеличенныя ожиданія, не скажетъ, что можно предположить большее возрастаніе. Итакъ, мы можемъ сказать, что средства продовольствія при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не могутъ возрастать быстрѣе, какъ по ариѳметической прогрессіи.

„Неизбѣжное послѣдствіе этихъ двухъ законовъ возрастанія очевидно. Человѣческій родъ будетъ возрастать въ порядкѣ чиселъ: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, а продовольствіе станетъ возрастать въ порядкѣ чиселъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9“.

Читатель видитъ, на чемъ оперлась мысль Мальтуса, когда онъ положилъ, что населеніе можетъ удвоиваться въ 25 лѣтъ: въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ оно очень долго удвоивалось по такимъ срокамъ. Просимъ посмотрѣть, вспомнилось ли ему тутъ, что за все это время увеличенію числа людей въ Соединенныхъ Штатахъ содѣйствовало переселеніе туда людей изъ Европы? Нѣтъ, онъ не вспомнилъ этого, когда составлялъ свою теорію. Потомъ, когда Годвинъ и другіе указали элементъ, упущенный имъ изъ виду, Мальтусъ и его послѣдователи стали доказывать, что введеніемъ этого фактора въ разсчетъ, результатъ мало измѣняется. Мало или много, не о томъ мы теперь говоримъ: мы только говоримъ, что одну изъ своихъ прогрессій Мальтусъ составилъ безъ всякаго вниманія къ обстоятельству, самымъ очевиднымъ образомъ напрашивавшемуся на участіе въ его соображеніяхъ. Изъ этого мы можемъ заключить, много ли критики, много ли осмотрительности было у него, когда онъ опредѣлялъ одно изъ основаній для своего вывода. Вѣренъ или невѣренъ самый выводъ, мы этого не говоримъ здѣсь; мы говоримъ только, что основаніе для вывода принято безъ всякой критики, что если мы хотимъ узнать по вопросу о способности людей размножаться что нибудь основательное, то Мальтусъ ничего такого не сообщаетъ намъ.

Посмотримъ, какія понятія имѣлъ Мальтусъ о способности земледѣлія къ увеличенію продукта, когда строилъ другую свою прогрессію, прогрессію увеличенія земледѣльческаго продукта.

Ему казалось, будто бы есть страны, въ которыхъ земледѣліе уже достигло совершенства, едва ли допускающаго возможность еще увеличить продуктъ. Такими странами казались ему Китай и Японія. Мы теперь знаемъ, что земледѣліе вообще находится тамъ въ положеніи низшемъ, чѣмъ въ западной Европѣ. Читатель вспомнитъ слова Милля о состояніи китайскаго земледѣлія (стр. 225—226). Въ Японіи оно не выше. Очевидно, что ошибочное понятіе о китайскомъ земледѣліи сильно направляло мысли

Мальтуса къ выводу о невозможности увеличивать земледѣльческій продуктъ соразмѣрно способности людей быстро размножаться.

Но еще интереснѣе его понятіе о предметѣ болѣе близкомъ къ нему,— объ англійскомъ земледѣліи: ему представлялось неимовѣрною крайностію предположеніе, что продуктъ англійскаго земледѣлія можетъ быть удвоенъ въ 25 лѣтъ. Это — наивность, вызывающая улыбку у людей, читавшихъ нынѣшнія агрономическія книги. Въ Великобританіи и Ирландіи находится до $61^1/_2$ милліоновъ экровъ (около 25 милліоновъ гектаровъ) земли, удобной для земледѣлія (Statistik von Kolb, 2-е изд. стр. 5). Мы приводили (прим. 5, стр. 13) слова Гаспарена, что при порядочномъ устройствѣ плодопеременной системы, произведеніями 100 гектаровъ земли продовольствуются 931 человѣкъ. Итакъ Великобританія съ Ирландіею при порядочномъ устройствѣ плодопеременнаго хозяйства могли бы продовольствовать болѣе 230 милліоновъ населенія. Въ 1860 году все количество населенія Великобританіи съ Ирландіею простирается приблизительно до 29 милліоновъ человѣкъ (Kolb, стр. 1). Изъ нихъ домашними земледѣльческими продуктами содержатся не болѣе 25 милліоновъ человѣкъ (средній ввозъ хлѣба въ Англію нынѣ слѣдуетъ считать отъ 8 до 10 милліоновъ квартеровъ,—Kolb, стр. 25,— количество, конечно, продовольствующее больше нежели 4 милліона человѣкъ). Такимъ образомъ, жители британскихъ острововъ могли бы увеличить свой нынѣшній земледѣльческій продуктъ въ 9 разъ, если бы ввели хорошее хозяйство. Достаточно ли 25 лѣтъ для введенія хорошаго плодопеременнаго хозяйства въ землѣ, которая имѣетъ уже вообще хозяйство гораздо лучшее, чѣмъ простое трехпольное, предоставляемъ разсудить каждому. Итакъ, изъ нынѣшнихъ агрономическихъ книгъ видно, что если бы Англія захотѣла и встрѣтила надобность увеличить свой земледѣльческій продуктъ въ теченіе 25 лѣтъ не въ 2 раза, а въ 5 или даже 9 разъ, это было бы вовсе не трудно при нынѣшнемъ состояніи сельско-хозяйственныхъ знаній. Не въ правѣ ли мы сказать, что слишкомъ наивны были мысли, подъ вліяніемъ которыхъ Мальтусъ воображалъ, что дѣлаетъ крайнюю уступку, предполагая возможность удвоенія земледѣльческаго продукта Англіи въ 25 лѣтъ?

Напрасно стали бы мы искать въ цѣлой книгѣ Мальтуса фактовъ, которые служили бы болѣе точными основаніями для выводовъ объ относительной быстротѣ, съ какою могутъ возрастать населеніе и земледѣльческій продуктъ. Конечно, и въ тѣ времена, когда составлялъ онъ свою теорію, могъ бы онъ найти для обѣихъ прогрессій данныя, если не совершенно удовлетворительной точности, то по крайней мѣрѣ болѣе достовѣрныя, чѣмъ тѣ произвольныя гипотезы, которыми ограничился онъ. Напримѣръ, порядочное плодопеременное хозяйство существовало уже и въ концѣ прошлаго вѣка; онъ могъ бы сообразить, какое увеличеніе продукта дается этою системою. Точно также существовали въ его время нѣкоторыя (правду сказать, очень немногія) статистическія свѣдѣнія о количествѣ рожденій въ странахъ, гдѣ народные обычаи и учрежденія доводили эту цифру до наибольшей величины, къ какой только способна человѣческая натура. Если бъ онъ сообразилъ эти данныя, онъ увидѣлъ бы, какой наименьшій

срокъ удвоенія допускается самымъ устройствомъ человѣческаго организма. Но мысли, которыми былъ занятъ онъ, не дали ему возможности замѣтить надобность для построенія своихъ прогрессій въ изысканіяхъ, болѣе точныхъ, чѣмъ тѣ, какими онъ удовлетворился. Мальтусъ началъ свои изслѣдованія съ намѣреніемъ защитить нынѣшній экономическій порядокъ отъ упрековъ, дѣлавшихся ему реформаторами. Онъ самъ говоритъ это. Основываясь на его собственныхъ словахъ, мы представляемъ ходъ дѣла въ такомъ видѣ:

Прямымъ образомъ защищать обычаи и учрежденія, являющіяся невыгодными для человѣческаго благосостоянія, казалось ему невозможнымъ. Какъ человѣкъ сильнаго логическаго ума, онъ понялъ, что противъ тогдашнихъ демократическихъ теорій, въ родѣ теоріи Годвина, не годятся прежніе аргументы консерваторовъ. Онъ сталъ искать новаго аргумента, болѣе прочнаго. Онъ самъ говоритъ и Годвинъ доказываетъ, какимъ путемъ нашелъ онъ этотъ аргументъ. Ему попались на глаза слова знаменитаго Франклина, что всѣ живые организмы—растенія, животныя,—имѣютъ способность размножаться по геометрической прогрессіи; что если бы всѣ сѣмена какого нибудь растенія давали всходъ; или всѣ дѣти какого нибудь животнаго избѣгали бы преждевременной смерти, это растеніе скоро покрыло бы всю землю и перестало бы размножаться лишь по недостатку мѣста; это животное перестало бы размножаться лишь по недостатку пищи. Франклинъ прибавлялъ также, что и люди имѣютъ способность размножаться по геометрической прогрессіи, лишь нашлось бы продовольствіе для нихъ. Вмѣстѣ съ этимъ Мальтусъ увидѣлъ въ таблицахъ доктора Прайса, составленныхъ для вычисленія сложныхъ процентовъ, что если данное число возрастаетъ по геометрической прогрессіи, то оно увеличивается съ быстротою, превосходящею всякое ожиданіе людей, не вникавшихъ въ формулу геометрической прогрессіи. Прайсъ говорилъ это въ доказательство удобоисполнимости своего знаменитаго проекта объ очень быстромъ погашеніи всего англійскаго государственнаго долга, обращеніемъ на то самой ничтожной суммы, лишь бы всѣ проценты этой суммы вмѣстѣ съ нею неуклонно шли на выкупъ облигацій. Онъ разсуждалъ такимъ образомъ: положимъ въ банкъ, дающій по 3%, напримѣръ, одинъ фунтъ стерлинговъ; по правилу сложныхъ процентовъ выходитъ, что одинъ фунтъ удвоится, обратится въ два фунта менѣе чѣмъ въ $23\frac{1}{2}$ года, если будутъ наростать проценты на проценты; но положимъ для круглаго счета, что онъ будетъ удвоиваться въ 25 лѣтъ, тогда мы будемъ имѣть, при постоянномъ удвоеніи капитала въ каждыя 25 лѣтъ, такой рядъ:

черезъ	25	50	75	100	125	150	175	200 лѣтъ
	1	2	4	8	16	32	64	128 фунтовъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что если мы отложимъ хотя 1,000,000 фунтовъ на выкупъ англійскаго государственнаго долга, говорилъ Прайсъ, то очень скоро весь долгъ будетъ выкупленъ возрастаніемъ этого капитала. Онъ представлялъ и таблицы, удостовѣрявшія въ томъ. Такимъ образомъ въ его разсужденіи о погашеніи государственнаго долга Мальтусъ имѣлъ передъ

глазами первую строку своей знаменитой формулы о размноженіи числа людей. Кромѣ того, была у него въ рукахъ книга Зюсмильха, прямо говорившая объ этомъ предметѣ. Зюсмильхъ, между прочимъ, просилъ Эйлера составить таблицы возрастанія числа людей при разныхъ пропорціяхъ рожденій и смертностей. Эйлеръ бралъ разныя цифры, и при однихъ періодъ удвоенія выходилъ очень длинный, при другихъ, разумѣется, очень короткій, — отъ 600 слишкомъ лѣтъ до 7 съ небольшимъ лѣтъ. Разумѣется, можно было бы вычислить періоды еще болѣе короткіе. Иное дѣло, если спросить, какой процентъ возрастанія допускается самымъ устройствомъ человѣческаго организма? Можно ли положить, чтобы въ дѣйствительности люди, при какихъ бы то ни было условіяхъ, могли размножаться по ежегодной прогрессіи прирашенія въ 10%, или въ 8%, или хотя въ 5%? Но Зюсмильхъ не спрашивалъ объ этомъ Эйлера; онъ только просилъ его составить таблицы удвоенія по сложнымъ процентамъ при разныхъ величинахъ процента, въ томъ родѣ, какъ могъ бы просить его разсчитать, сколько пищи въ день понадобится человѣку при различныхъ величинахъ его роста, отъ 1 фута до 20 саженъ. Эйлеръ сказалъ бы, сколько пищи понадобится человѣку, имѣющему ростъ въ 10 саженъ, имѣющему ростъ въ 11 саженъ и т. д. Словомъ сказать, Эйлеръ рѣшалъ тутъ задачу въ томъ родѣ, какія очень часто попадаются въ руководствахъ къ математикѣ, или къ физикѣ. Напримѣръ: во сколько времени достигнетъ до солнца ядро, летящее съ быстротою, какую имѣетъ въ первую секунду полета; или: что будетъ съ кускомъ желѣза, постепенно опускаемымъ въ колодезь, прорытый до центра земли? Математикъ очень правильно отвѣчаетъ, что ядро долетитъ до солнца во столько-то времени, кусокъ желѣза дойдетъ до степени краснаго каленія во столькихъ-то верстахъ ниже поверхности земли, до бѣлаго во столькихъ-то, наконецъ расплавится во столькихъ-то верстахъ. При этомъ математику нѣтъ никакого дѣла разбирать, существуетъ ли предполагаемый колодезь, существуетъ ли пушка, брошенное которою ядро могло бы полетѣть дальше немногихъ верстъ. Подразумѣвается само собою, что математика только группируетъ цифры, вовсе не ручаясь за ихъ дѣйствительность. Но вообразимъ себѣ, что прочиталъ рѣшеніе такихъ задачъ человѣкъ, забывшій или незнавшій, что надобно подразумѣвать это. Вообразимъ себѣ, что ему показалось, будто бы авторъ алгебраическаго руководства не просто сгруппировалъ цифры, а прямо говоритъ, будто всѣ эти выводы могутъ осуществляться на самомъ дѣлѣ. Какія поразительныя теоріи могутъ родиться въ головѣ такого человѣка! онъ предложитъ, напримѣръ, раскалять желѣзо для ковки не кузничными печами, а просто опусканіемъ на 20 верстъ подъ поверхность земли, или отбить ядромъ кусокъ отъ луны, чтобы этотъ кусокъ упалъ на землю, и тогда мы узнали бы, изъ чего состоитъ луна. Вотъ нѣчто въ этомъ самомъ родѣ случилось съ Мальтусомъ. Увидѣвъ цифры эйлеровыхъ таблицъ, онъ прямо такъ и подумалъ, что населеніе можетъ удвоиваться въ 25, въ 20, въ 15, въ 10 лѣтъ и даже еще быстрѣе, какъ написано въ таблицахъ Эйлера у Зюсмильха. Если бъ у него голова не была вся занята мыслью отыскать аргументъ противъ теоріи Годвина, онъ, конечно, не сдѣлалъ бы такой опрометчивой

ошибки; но въ таблицахъ Зюсмильха (Эйлера) онъ увидѣлъ нужный ему аргументъ, имя Эйлера ручалось за вѣрность вычисленій, — чего же больше?

Когда съ этой мыслью началъ онъ пересматривать статистическія данныя, то чего-чего тамъ не увидѣлъ! Въ одномъ округѣ населеніе удвоилось въ 15 лѣтъ, въ другомъ округѣ оно утроилось или учетверилось въ 20 лѣтъ, въ третьемъ мѣстѣ оно возросло въ семь разъ въ какія нибудь 30 лѣтъ, а тамъ какой-то путешественникъ говоритъ, что видѣлъ еще не старую женщину, — положимъ, хоть лѣтъ шестидесяти, — у которой было въ живыхъ десять человѣкъ женатыхъ сыновей, и у каждаго сына тоже человѣкъ по десяти дѣтей, такъ что отъ одной пары людей въ 60 лѣтъ произошло больше 100 человѣкъ, — словомъ сказать, какой бы краткій періодъ удвоенія ни бралъ Мальтусъ, все находились примѣры, показывавшіе, что это возможно. Трудно было и остановиться на какомъ нибудь срокѣ удвоенія, если бы не представлялся одинъ очень крупный фактъ, затмевавшій собою всѣ остальные: переписи числа жителей въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ показывали, что населеніе этой страны удвоивается въ теченіе 25 лѣтъ. Какъ человѣкъ очень умный, Мальтусъ понялъ, что этотъ фактъ, каждому извѣстный, можетъ служить основаніемъ выводовъ, гораздо удобнѣйшимъ для убѣжденія читателей, чѣмъ всякіе другіе мелочные, малоизвѣстные факты, показывавшіе на періодъ удвоенія еще болѣе краткій. Онъ хорошо понималъ, что впечатлѣніе зависитъ не отъ одного значенія вывода, а также и отъ приготовленности принять его; что противъ выводовъ изъ малоизвѣстныхъ фактовъ стали бы спорить, между тѣмъ какъ всѣ безъ разбора принимаютъ выводъ, дѣлаемый изъ факта, всѣмъ знакомаго. Потому онъ и основалъ свой выводъ на фактѣ, представлявшемся обще-извѣстными результатами сѣверо-американскихъ народныхъ переписей. Но, принявъ періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ, онъ самъ помнилъ и приводилъ въ своей книгѣ данныя, свидѣтельствовавшія, по его мнѣнію, о способности людей къ размноженію гораздо быстрѣйшему; потому постоянно говорилъ и самъ дѣйствительно думалъ, что, принявъ періодъ въ 25 лѣтъ, онъ сдѣлалъ уже чрезвычайно большую уступку людямъ, противъ которыхъ спорилъ, и что собственно слѣдовало ему принять періодъ, гораздо болѣе краткій, лѣтъ въ 15, или въ 12, или даже, пожалуй, еще меньше.

Опрометчивость, съ какою онъ говорилъ о способности людей размножаться, чрезвычайно быстро перешла изъ его книги въ головы почти всѣхъ экономистовъ. Ошибки людей сильнаго ума именно тѣмъ и бываютъ страшны, что овладѣваютъ мыслями множества другихъ людей. Съ какимъ легкомысліемъ говорятъ о возможныхъ періодахъ удвоенія самые, повидимому, основательные экономисты и статистики, мы покажемъ на одномъ только примѣрѣ, которымъ послужатъ намъ выводы очень почтеннаго французскаго ученаго Легуа, оказавшаго наукѣ важныя услуги многими драгоцѣнными изслѣдованіями. Вотъ буквальная выписка изъ статьи Легуа о движеніи населенія, помѣщенной въ Annuaire de l'economie politique за 1853 годъ (стр. 15 и 16).

Въ Соединенныхъ Штатахъ было произведено восемь *) ценсовъ съ 1790 года. Слѣдующая таблица показываетъ ихъ результаты:

Годы.	Населеніе въ милліонахъ **).	Приращеніе въ процентахъ.
1790	3,930	—
1800	5,306	35,01
1810	7,240	36,45
1820	9,638	33,12
1830	12,866	33,48
1840	17,069	32,67
1850	23,258	36,25

„Итакъ населеніе Сѣверо-Американскаго Союза увеличилось почти въ шесть разъ въ 60 лѣтъ.

„Въ Англіи было произведено шесть ценсовъ по десятилѣтнимъ срокамъ, съ 1801 года. Слѣдующая таблица показываетъ ихъ результаты.

Годы.	Населеніе. Милліоны ***).	Возрастаніе въ процентахъ.
1801	10,568	—
1811	12,047	14
1821	14,180	18
1831	16,365	15
1841	18,658	14
1851	20,936	12

„Изъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что англійское населеніе удвоилось въ теченіе полувѣка.

(Затѣмъ слѣдуетъ у Легуа по нѣскольку словъ о результатахъ народныхъ переписей въ Пруссіи, Австріи и Россіи; онъ продолжаетъ:)

„Слѣдующая таблица показываетъ пропорціи ежегоднаго возрастанія населенія перечисленныхъ нами государствъ:

Государства.	Годичное приращеніе.	Періодъ удвоенія.
Соединенные Штаты	8,21 —	8 лѣтъ 9 мѣс. 12 дней.
Англія	1,96 —	35 „ 8 „ 15 „

Просимъ читателя обратить вниманіе сначала на цифры, относящіяся къ Англіи; по ценсу 1801 года населеніе было 10,568,000 человѣкъ; по ценсу 1851 года 20,936,000 человѣкъ. Самъ Легуа справедливо говоритъ, что въ 50 лѣтъ англійское населеніе удвоилось. Хорошо; смотримъ у него же въ таблицѣ, каковъ періодъ удвоенія населенія въ Англіи. „35 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 15 дней“. Да какимъ-же это образомъ, когда нѣсколькими строками выше оказывалось 50 лѣтъ? Дѣло вышло очень просто. Легуа нашелъ, что въ 50 лѣтъ англійское населеніе возросло на 98%, раздѣлилъ эту цифру 98 на 50 и получилъ 1,96. Ему вообразилось, что 1,96 составляетъ годичный процентъ возрастанія. Онъ заглянулъ въ какія нибудь таблицы сложныхъ процентовъ, во сколько лѣтъ удвоивается число, возрастающее по 1,96 процентовъ въ годъ,—вотъ и вышло 35 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ, 15 дней, и онъ даже не замѣтилъ, что самъ противорѣчитъ себѣ Сначала онъ вычислилъ процентъ возрастанія, какъ будто оно шло по ариѳметической

*) То есть не восемь, а семь, какъ видно изъ самой таблицы, прямо слѣдующей за этими словами.

**) То есть не въ милліонахъ, а въ тысячахъ.

***) То есть опять-таки не милліоны, а тысячи.

прогрессіи, а потомъ взялъ этотъ процентъ для вывода геометрической прогрессіи. Прелестно!—Тутъ мы еще могли сообразить, какимъ образомъ произошла ошибка; но мы рѣшительно не въ силахъ объяснить, какимъ образомъ вышло у Легуа годичное приращеніе населенія въ Соединенныхъ Штатахъ 8,21% и періодъ удвоенія 8 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 12 дней,—этихъ цифръ уже невозможно получить никакими смѣшиваніями ариѳметической прогрессіи съ геометрической. Объ Англіи онъ высчиталъ вздоръ понятнымъ образомъ; но для Соединенныхъ Штатовъ выставилъ вздоръ уже совершенно непонятный. И какими судьбами Легуа забылъ, что нѣсколькими строками выше онъ самъ переписалъ цифры возрастаній сѣверо-американскаго населенія по десятилѣтіямъ, и что не было у него тамъ ни одной цифры выше 36½ процентовъ; какимъ-же образомъ годичное приращеніе могло быть болѣе 8%, когда десятилѣтнее приращеніе менѣе 37%? Подите, спрашивайте! Вотъ такимъ-то образомъ разсуждаютъ до сихъ поръ о періодахъ удвоенія числа людей.

Еще поразительнѣе легкомысліе, съ которымъ разсуждаютъ о трудности увеличивать земледѣльческій продуктъ. Загляните въ любую агрономическую книгу, вы найдете цифры, показывающія, что при введеніи порядочной плодопеременной системы, самыя населенныя части западной Европы легко будутъ давать по крайней мѣрѣ въ девять разъ большій земледѣльческій продуктъ, чѣмъ даютъ теперь. Загляните опять въ любую агрономическую книгу, вы увидите, что самыя высокія формы нынѣшней плодопеременной системы далеко не составляютъ границы, до которой можно возвысить производительность сельскаго хозяйства, даже при нынѣшнемъ состояніи естественныхъ наукъ, технологіи и механики. Нѣтъ нужды, экономисты продолжаютъ твердить вслѣдъ за Мальтусомъ: „если-бы люди размножались со всею быстротою, съ какою могутъ размножаться, то земледѣльческій продуктъ скоро оказался-бы недостаточнымъ, какъ-бы ни старались люди объ его увеличеніи.

Мы спрашиваемъ: на чемъ основано мнѣніе, что земледѣльческому продукту трудно возрастать со всею быстротою, съ какою могли бы размножаться люди, или даже возрастать еще гораздо быстрѣе? Развѣ опредѣлены порядочнымъ образомъ прогрессіи, служащія основаніемъ такого вывода? Нѣтъ, онѣ остаются до сихъ поръ не опредѣлены, и если мы хотимъ узнать объ этомъ что нибудь положительное, мы должны заняться изысканіями болѣе точными, чѣмъ какія представлены у Мальтуса и повторяющихъ его экономистовъ.

II.

Законъ возрастанія земледѣльческаго продукта.

Начнемъ съ прогрессіи, по которой идетъ въ теоремѣ Мальтуса возрастаніе земледѣльческаго продукта. Мы видѣли изъ Милля, въ чемъ тутъ состоитъ сущность дѣла.

Предположимъ, что извѣстный округъ занятъ извѣстнымъ земледѣльческимъ населеніемъ которому, очень просторно жить въ этомъ округѣ,—

напримѣръ, положимъ, что цѣлая квадратная миля (около 5 тысячъ десятинъ) имѣетъ всего сто человѣкъ населенія. Для продовольствія этой горсти людей достаточно будетъ обратить подъ пашню какихъ нибудь 200 десятинъ. Конечно, хлѣбопашцы выберутъ для этихъ необширныхъ нивъ своихъ самые лучшіе участки земли въ цѣломъ округѣ. Предположимъ теперь, что населеніе удвоилось, а система воздѣлыванія земли остается совершенно прежнею. Для удвоившагося населенія нуженъ будетъ вдвое большій размѣръ пахотныхъ полей; кромѣ прежнихъ 200 десятинъ, нужно будетъ распахивать еще другія 200 десятинъ. Но вѣдь самые лучшіе участки были уже выбраны подъ пашню прежде; земля новыхъ 200 десятинъ пашни уже не такъ плодородна, какъ земля прежнихъ, и на новыхъ 200 десятинахъ родится хлѣба меньше, чѣмъ на прежнихъ. Такъ и пойдетъ дѣло до самаго конца, пока вся удобная для хлѣбопашества земля будетъ занята нивами: съ каждою прибавкою населенія нужно будетъ обращать подъ пашню новыя десятины, и каждый разъ земля этихъ десятинъ будетъ хуже прежнихъ пахотныхъ земель. Изъ этого мы видимъ, что если способъ воздѣлыванія земли остается прежній, то съ приращеніемъ населенія производительность пахотныхъ земель будетъ становиться въ средней пропорціи все меньше и меньше, оттого, что нивы расширяются на земли все худшаго и худшаго качества.

Точно тоже будетъ, если увеличивающееся населеніе станетъ удовлетворять своимъ увеличивающимся надобностямъ въ хлѣбѣ не посредствомъ расширенія нивъ, а посредствомъ увеличиванія труда, обращаемаго на каждую десятину прежней пашни. Положимъ, напримѣръ, что когда на квадратной милѣ было 100 человѣкъ населенія и запахивалось 200 десятинъ, то хлѣбопашцы успѣвали пахать землю и боронить ее лишь довольно небрежно или поверхностно. Когда удвоится число населенія, то есть и число хлѣбопашцевъ, то они могутъ пахать и боронить прежнія 200 десятинъ вдвое лучше прежняго, то есть употреблять на нихъ вдвое больше труда. Но отъ этого удвоенія труда на десятинѣ десятина не дастъ вдвое больше хлѣба. Изъ чего-же видно, что не дастъ она? Вотъ изъ чего: если-бы отъ удвоенія труда на десятинѣ удваивался продуктъ ея, то не было бы разсчета вмѣстѣ съ этимъ увеличиваніемъ труда на прежнихъ земляхъ лучшаго качества обращать подъ распашку новыя земли худшаго качества. Между тѣмъ новыя земли распахиваются; это значитъ, что обращеніе прибавочнаго труда на прежнія земли не болѣе выгодно, чѣмъ обращеніе труда на новыя земли, худшія прежнихъ.

Въ какой прогрессіи идетъ это уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда при постепенномъ обращеніи подъ распашку новыхъ худшихъ земель или при увеличеніи труда на прежнихъ земляхъ? Дѣло очевидное, что все тутъ зависитъ отъ обстоятельствъ, совершенно различныхъ по разнымъ мѣстностямъ. На иной почвѣ первое удвоеніе труда можетъ дать почти полное удвоеніе продукта, на другой почвѣ гораздо меньшую прибавку продукта. Въ одной мѣстности вторыя 200 десятинъ могутъ давать только по 3 четверти, когда первыя даютъ по 5 четвертей, а на другой мѣстности вторыя 200 десятинъ очень мало уступаютъ въ досто-

инствѣ первымъ и дадутъ лишь немногимъ меньше 5 четвертей. Впрочемъ, изъ всего этого разнообразія условій можно было-бы вывести среднія цифры, которыя имѣли-бы хотя приблизительную достовѣрность. Но этого до сихъ поръ не сдѣлано. Странно сказать, но оно дѣйствительно такъ: вотъ уже сколько десятковъ лѣтъ твердятъ экономисты, вслѣдъ за Мальтусомъ, о прогрессивномъ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда, а между тѣмъ до сихъ поръ никто изъ нихъ не позаботился собрать какія нибудь статистическія данныя, относящіяся къ этой прогрессіи,—никто даже и не сообразилъ, что это было-бы нужно; что пока этого не будетъ сдѣлано, объ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда можно будетъ разсуждать лишь совершенно наобумъ, какъ разсуждалъ Мальтусъ, какъ разсуждаютъ до сихъ поръ.

Но когда мы слышимъ высказываемое наобумъ мнѣніе о какомъ нибудь совершенно неизслѣдованномъ вопросѣ, то очень часто мы имѣемъ возможность судить, не слишкомъ ли утрированы мысли человѣка, разсуждающаго о немъ. Мы уже приводили доказательство тому, что мысли Мальтуса о трудности увеличивать земледѣльческій продуктъ были утрированы. Онъ говорилъ о невозможности удвоить земледѣльческій продуктъ Англіи въ 25 лѣтъ,—мы видѣли, что это пустяки. Зная такое настроеніе его мыслей, мы имѣемъ полное право заключить, что прогрессія уменьшенія производительности земледѣльческаго труда, построенная Мальтусомъ, должна быть гораздо сильнѣе дѣйствительной.

Но мы, для предотвращенія споровъ, возьмемъ ту самую прогрессію, какую выставилъ онъ. Читателю извѣстны двѣ знаменитыя строки цифръ, которыми выразилъ Мальтусъ свое мнѣніе о невозможности увеличивать земледѣльческій продуктъ съ быстротою, въ какой способны размножаться люди.

Люди имѣютъ способность размножаться по геометрической прогрессіи, говоритъ онъ, а земледѣльческій продуктъ не можетъ возрастать быстрѣе какъ по ариѳметической; такимъ образомъ:

Размноженіе людей	1	2	4	8	16	32	64 . . .
Увеличеніе продукта	1	2	3	4	5	6	7 . . .

Попробуемъ разобрать эти цифры; посмотримъ, что изъ нихъ выйдетъ, если дѣлать изъ нихъ выводы не по безсчетной фантазіи, а по правиламъ ариѳметики.

Напрасно было бы возражать на опытъ повѣрки, за который мы беремся, что цифры эти никѣмъ и не принимаются за вѣрныя, потому спорить противъ нихъ нечего,—вѣдь мы и не споримъ противъ нихъ; мы говоримъ, напротивъ: пусть онѣ будутъ совершенно вѣрны, посмотримъ, то ли выходитъ изъ нихъ, что выводилъ Мальтусъ.

Говорятъ: „цифры эти выставлены Мальтусомъ только для примѣра; онъ не придавалъ имъ никакой важности“,—нѣтъ, придавалъ большую важность; онъ основывалъ именно на нихъ выводъ, что земледѣльческія усовершенствованія не въ силахъ уравновѣсить дефицита въ продуктѣ, являющагося отъ ослабленія производительности земледѣльческаго труда съ возрастаніемъ количества труда. Чтобы утверждать это, вѣдь нужно имѣть

понятіе о величинѣ дефицита. Эта величина дефицита представляется въ теоріи Мальтуса громадною, непобѣдимою. Хорошо: мы беремъ цифры, которыми выражается эта непобѣдимость, и смотримъ, къ чему ведутъ онѣ. Мы видѣли, что онѣ составлены подъ вліяніемъ утрированныхъ понятій о трудности увеличивать земледѣльческій продуктъ; сами послѣдователи Мальтуса сознаются въ ихъ преувеличенности; мы хотимъ разобрать, какой выводъ о непреоборимости дефицита слѣдуетъ даже изъ этихъ утрированныхъ цифръ; а если въ дѣйствительности прогрессія дефицита не такъ огромна, какъ принятая нами со словъ Мальтуса, кажущихся нынѣ преувеличенными самимъ его послѣдователямъ, то, значитъ, борьба съ дефицитомъ земледѣльческаго продукта въ дѣйствительности легче, нежели какъ окажется по принятому нами со словъ Мальтуса размѣру его.

Мы часто мучили читателя цифрами и выкладками, но до сихъ поръ намъ еще не представлялось надобности подвергать его этой мукѣ въ такомъ размѣрѣ, какъ надобно теперь. Избѣжать длинныхъ выкладокъ и ариѳметическихъ разсужденій—мы здѣсь не можемъ, потому что на нихъ основанъ выводъ, слишкомъ важный и слишкомъ противорѣчащій общепринятому мнѣнію. Но мы не можемъ ни ожидать, ни требовать, чтобы большинство читателей захотѣло идти съ нами по утомительному пути, пройти по которому необходимо намъ; на это достанетъ терпѣнія лишь у немногихъ, которые не побоятся труда провѣрить основанія дальнѣйшихъ нашихъ соображеній. Потому печатаемъ слѣдующій математическій анализъ Мальтусовой теоремы мелкимъ шрифтомъ, чтобъ могъ пропустить его каждый, кому нѣтъ охоты считать, считать и считать. Перевернувъ эти страницы мелкаго шрифта, читатель, скучающій ариѳметическими выкладками, найдетъ соображенія уже менѣе утомительныя.

Ясно, по какому отношенію возникаютъ члены второй строки изъ членовъ первой: возрастающія въ геометрической прогрессіи прибавки къ числу работниковъ даютъ каждая одинаковую прибавку къ продукту. Напримѣръ, 1 новый работникъ, прибавившійся во второмъ періодѣ, увеличиваетъ своею работою продуктъ на 1; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также только на 1; 4 новые работника четвертаго періода и 8 новыхъ работниковъ 5 періода, и т. д., увеличиваютъ продуктъ также на 1.

Очевидно, что производительность труда новыхъ работниковъ, прибавляющихся въ каждомъ новомъ періодѣ, уменьшается въ той же прогрессіи, въ какой возрастаетъ количество этихъ прибавляющихся работниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть работникъ перваго періода будетъ A, прибылой работникъ второго періода B, третьяго C, и т. д. По условію теоремы, силы этихъ работниковъ равны, $A = B = C = D = E$ и т. д.

Производительность земледѣльческаго труда назовемъ Q.

Продуктъ обозначится AQ; тогда мы имѣемъ слѣдующее алгебраическое выраженіе строкъ, которыя Мальтусъ написалъ въ популярной формѣ:

Населеніе A;	$A + B = 2A$;	$A + B + 2C = 4A$;	
Продуктъ AQ;	$AQ + BQ = 2A$;	$AQ + BQ + 2C^{1}/_{2}Q = 3AQ$;	
$A + B + 2C + 4D = 8A$;	$A + B + 2C + 4D + 8E = 16A$;	и т. д.	
$AQ + BQ + 2C^{1}/_{2}Q + 4D^{1}/_{4}Q = 4AQ$	$AQ + BQ + 2C^{1}/_{2}Q + 4D^{1}/_{4}Q + 8E^{1}/_{8}E = 5AQ$;	и т. д.	

Мы видимъ, что коэффиціенты Q уменьшаются въ той же геометрической прогрессіи, въ какой возрастаютъ коэффиціенты прибылыхъ работниковъ. Иначе говоря, Мальтусова теорема предполагаетъ, что процентъ размноженія работниковъ служитъ процентомъ уменьшенія производительной силы труда прибывающихъ работниковъ.

Читатель знаетъ, что геометрическая прогрессія есть прогрессія сложныхъ процентовъ. Попросимъ же его припомнить, что такое за вещь сложные проценты.

Какъ вы думаете, по скольку рублей въ годъ обязанъ платить должникъ кредитору, если занялъ 100 рублей по 5%? Вы говорите: онъ обязанъ платить ему по 5 р. въ годъ.

Нѣтъ, говорю я, онъ обязанъ платить гораздо больше. Я беру 25-лѣтній срокъ. На капиталъ 100 рублей, считая по 5% въ годъ, наростетъ въ 25 лѣтъ 238 р. 64 к. процентовъ; раздѣлимъ это число на 25, получимъ 9 р. 55 к. Итакъ, должникъ, взявшій 100 р. по 5%, обязанъ ежегодно платить не по 5 р., какъ вы говорили, а по 9 р. 55 к. процентовъ.

Или нѣтъ, этого еще слишкомъ мало; онъ обязанъ платить гораздо больше. Возьмемъ 50-лѣтній срокъ. На 100 р., по 5%, въ 50 лѣтъ наростаетъ 1046 р. 70 к. процентовъ. Дѣлимъ это число на 50, получаемъ 20 р. 93 к. Итакъ, должникъ, взявшій 100 р. по 5%, обязанъ платить по 20 р. 93 к. въ годъ.

Вы останавливаете меня, говорите, что я считаю вздорнымъ, фальшивымъ образомъ. Вы правы; я высчитываю сложные проценты по очень продолжительнымъ срокамъ платежа и обременяю должника нелѣпыми требованіями. Вы говорите: если должникъ не будетъ исправенъ, если не будетъ онъ платить процентовъ цѣлыя 25 лѣтъ или цѣлыя 50 лѣтъ, тогда, разумѣется, наростутъ на него страшныя суммы, которыхъ онъ, конечно, и не въ состояніи будетъ выплатить. Но если онъ исправенъ, то нельзя насчитывать на него платежей по какой-то неслыханно-фальшивой раскладкѣ сложныхъ процентовъ.

Очень хорошо; только это было нужно для насъ. Просимъ же читателя помнить, что гдѣ просрочка ведетъ къ появленію сложныхъ процентовъ, тамъ не все равно, разсчитывать ли уплаты по какимъ-нибудь многолѣтнимъ срокамъ или по годичнымъ. Возвращаемся теперь къ теоріи Мальтуса.

Мы видѣли, что прибавочный трудъ новыхъ земледѣльцевъ бываетъ менѣе производителенъ, чѣмъ прежній трудъ первоначальнаго числа земледѣльцевъ. Если, напримѣръ, 20 земледѣльцевъ, работая въ данномъ округѣ, производили 200 четвертей хлѣба или, среднимъ числомъ, каждый изъ нихъ производилъ по 10 четв., то, когда прибавится еще 20 земледѣльцевъ, эта прибавка труда произведетъ въ продуктѣ прибавку уже не на 200, а только на 100 четвертей, такъ что всѣ 40 земледѣльцевъ вмѣстѣ произведутъ уже только 300 четв. или, среднимъ числомъ, каждый земледѣлецъ произведетъ только уже по $7\frac{1}{2}$ четвертей. Если для достаточнаго снабженія пищею нужно по 10 четвертей въ годъ земледѣльцу съ его семействомъ, то вотъ уже явился недостатокъ продовольствія съ своими неизбѣжными послѣдствіями: болѣзнями, преступленіями и развратомъ.

Но мы прочли у Милля, очень вѣрно передающаго мысли Мальтуса, что это пониженіе средней пропорціи земледѣльческаго продукта или производительности земледѣльческаго труда относится только къ тѣмъ обстоятельствамъ, когда не происходитъ прямыхъ улучшеній въ земледѣльческихъ процессахъ, или такихъ улучшеній въ другихъ отрасляхъ дѣятельности, которыя отражались бы благопріятнымъ образомъ или на всякомъ трудѣ вообще, или на земледѣльческомъ трудѣ въ частности. Улучшенія земледѣльческихъ процессовъ и, косвеннымъ образомъ, всякія улучшенія въ общественномъ быту имѣютъ своимъ результатомъ нѣкоторое повышеніе производительности земледѣльческаго труда, въ нѣкоторой степени задерживающее упадокъ этой производительности отъ размноженія людей. Положимъ, напримѣръ, что существуетъ въ извѣстной странѣ трехпольное хозяйство съ извѣстными посѣвами, и что земля воздѣлывается плугами и боронами извѣстнаго устройства. Если все это останется въ прежнемъ видѣ, а число населенія и число хлѣбопашцевъ удвоится, то земледѣльческій продуктъ не будетъ достигать величины, вдвое большей прежняго. Но если трехпольное хозяйство замѣнилось лучшимъ сѣвооборотомъ, или при сохраненіи трехпольнаго хозяйства улучшилось качество посѣва, или введены лучшіе способы паханія, или улучшилось устройство орудій, то усиленіе производительности, приносимое этими улучшеніями, можетъ дать при удвоеніи числа работниковъ продуктъ не только вдвое большій, но и слишкомъ вдвое большій прежняго.

Вотъ весь вопросъ, именно, въ томъ и состоитъ, какой размѣръ улучшеній необходимъ для уравновѣшенія недочета въ продуктѣ, происходящаго отъ меньшей производительности труда прибылыхъ работниковъ по сравненію съ прежними. Обыкновенно предполагается, что если размноженіе людей будетъ происходить со всею возможною быстротою, то для этого уравновѣшенія потребуется размѣръ улучшеній слишкомъ громадный.

Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ вычислить этотъ размѣръ по 25-лѣтнимъ срокамъ, по которымъ считаетъ Мальтусъ.

Пусть количество населенія будетъ 1,000. Пусть на хорошее продовольствіе человѣка нужно, среднимъ числомъ, по 4 четверти пшеницы; всего 4000 четвертей. Пусть взрослые мужчины хлѣбопашцы составляютъ одну десятую часть населенія, то есть пусть будетъ 100 человѣкъ хлѣбопашцевъ; пусть каждый изъ нихъ производитъ, среднимъ числомъ, по 40 четвертей пшеницы; всего пшеницы будетъ произведено 4000 четвертей. Населеніе имѣетъ достаточное продовольствіе.

Чрезъ 25 лѣтъ число населенія и работниковъ удвоилось. Производительная сила новыхъ работниковъ уменьшилась въ той же пропорціи, въ какой увеличилось число работниковъ, то есть вдвое. Итакъ, если первые 100 работниковъ производятъ

по 40 четвертей, всего 4000 четвертей, то новые 100 работниковъ производятъ только по 20 четвертей, всего 2000 четвертей. Все количество хлѣба на 2000 человѣкъ населенія будетъ 6000 четвертей, то есть на каждаго жителя будетъ приходиться вмѣсто прежнихъ 4 четвертей уже только 3 четверти. Продовольствіе оказывается недостаточнымъ. Изъ того возникаютъ болѣзни, пороки и преступленія.

Для предотвращенія этого дефицита съ его гибельными послѣдствіями нужно было бы произвести въ теченіе 25-лѣтія земледѣльческія улучшенія. Какой же размѣръ ихъ нуженъ?

Ясно, что земледѣліе должно улучшиться настолько, чтобы продуктъ 6000 четвертей поднялся до 8000 четвертей. Если прежнюю высоту земледѣлія мы обозначимъ P, то требуемая высота будетъ

$$6{,}000 : 8{,}000 = P : X.$$

Изъ этого мы получаемъ $X = {}^1/_3\,P$.

Мы видимъ, что земледѣліе должно улучшиться въ теченіе 25 лѣтъ на цѣлую треть, настолько, что если бы оставалось только прежнее число 100 работниковъ, то каждый изъ этихъ работниковъ производилъ бы не 40, а $53{}^1/_3$ четверти.

Такой размѣръ улучшеній въ 25 лѣтъ дѣйствительно очень великъ, и очень можетъ быть, что онъ неудобоисполнимъ на практикѣ.

Особенно поразительна окажется громадность требуемаго размѣра улучшеній, если мы не остановимся на одномъ періодѣ, а возьмемъ цѣлый рядъ періодовъ. Въ каждомъ періодѣ повторится то же самое отношеніе, и мы получимъ слѣдующую строку требуемаго хода земледѣльческихъ улучшеній.

Періоды	1	2	3	4	5	и т. д.
Или, примѣрно, годы .	1860	1885	1910	1935	1960	„ „ „
Высота земледѣлія . . .	1,00	$({}^4/_3)^1 = 1{,}33$	$({}^4/_3)^2 = 1{,}77$	$({}^4/_3)^3 = 2{,}37$	$({}^4/_3)^4 = 3{,}16$	„ „ „

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если наша цивилизація вмѣстѣ съ нами не будетъ истреблена какою-нибудь геологическою катастрофою или нашествіемъ какихъ-нибудь дикихъ ордъ изъ глубины Азіи, то въ 1960 году земледѣліе будетъ находиться въ положеніи, лучшемъ нынѣшняго. Но дойдетъ ли оно къ тому времени до такого совершенства, чтобы одинаковое число работниковъ на одинаковомъ числѣ десятинъ могли производить хлѣба слишкомъ въ три раза больше нынѣшняго?

Судя по ходу исторіи, это невѣроятно. Конечно, въ Англіи ферма, имѣющая 200 экровъ, производитъ даже не въ три раза, а въ пять или шесть разъ больше хлѣба теперь, чѣмъ производила назадъ тому 100 лѣтъ; но вѣдь эти 200 экровъ воздѣлываются трудомъ гораздо большаго числа работниковъ, чѣмъ воздѣлывались тогда. Наша формула требуетъ не того. Она требуетъ вотъ чего: если 4 работника, воздѣлывая 200 экровъ, производили въ 1760 г. 100 квартеровъ пшеницы, то даетъ ли нынѣшняя земледѣльческая техника возможность, чтобы также 4 работника, воздѣлывая также 200 экровъ, произвели на нихъ 316 квартеровъ пшеницы? Только на такомъ условіи сохранится прежняя высота производительности труда каждаго работника при увеличеніи числа работниковъ на этихъ 200 экрахъ въ 8 разъ; только при такомъ условіи 32 работника произведутъ на 200 экрахъ 800 квартеровъ пшеницы, то есть по 25 квартеровъ на работника, какъ это нужно для сохраненія прежней достаточности продовольствія по увеличившемуся числу жителей.

Ни въ прошедшія 100 лѣтъ, ни въ какое бы то ни было изъ предшествовавшихъ столѣтій земледѣльческая техника не совершенствовалась съ такою быстротою; потому должно полагать, что едва ли и возможно будетъ ей совершенствоваться такъ и въ слѣдующія времена.

Вотъ основаніе, по которому Мальтусъ и его ученики не считаютъ удобоисполнимымъ, чтобы земледѣльческія усовершенствованія могли уравновѣшивать происходящій отъ размноженія людей дефицитъ въ производительности земледѣльческаго труда, если бы люди размножались съ полною быстротою; потому-то Мальтусова теорія и говоритъ, что если размноженіе не будетъ задерживаемо волею самого человѣка, напримѣръ, воздержностью отъ физической любви, оно непремѣнно будетъ задерживаться, какъ задерживалось до сихъ поръ почти всегда, почти повсюду,—болѣзнями, пороками и преступленіями, порождаемыми нищетою, которая происходитъ отъ дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ.

Довольно. Кажется, мы изложили ходъ вывода изъ Мальтусовыхъ прогрессій съ такою точностью, съ какой никогда не излагалъ его ни самъ Мальтусъ, никто изъ его послѣдователей. Теперь мы можемъ сказать въ глаза каждому изъ нихъ, что гораздо точнѣе и яснѣе, нежели онъ, знаемъ то, что знаетъ онъ.

Но, читатель, не знаемъ ли мы еще одной вещи, или незнакомой, или непонятной для Мальтуса и его учениковъ? Припомните, что мы знаемъ о разсчетѣ сложныхъ процентовъ. Вѣдь, кажется, мы разсудили, что выйдетъ чепуха, если мы станемъ считать 25-лѣтними сроками проценты, которые надобно считать годъ за годъ, не пропуская ни одного года.

Сообразимъ сущность дѣла. Развѣ вдругъ въ какомъ нибудь одномъ году удвоивается населеніе? Нѣтъ, оно по немножку растетъ каждый годъ. Что же,—зна-

читъ, не вдругъ потребуется и удвоеніе продукта? Кажется, такъ. Въ нынѣшнемъ году собирается хлѣбъ, воздѣланный числомъ работниковъ не удвоившимся, а лишь немного увеличившимся сравнительно съ прошлымъ годомъ; собирается на годичное продовольствіе числа жителей не удвоившагося, а лишь немного возросшаго сравнительно съ прошлымъ годомъ. Посмотримъ же, что выйдетъ, если мы не станемъ перепрыгивать съ 1-го года прямо на 26-й, чрезъ цѣлыя 25 лѣтъ, если мы не будемъ предъявлять земледѣлію требованій возросшихъ по сложнымъ процентамъ въ 25 лѣтъ, какъ дѣлалъ Мальтусъ, а поведемъ счетъ правильно, годъ за годъ. Вѣдь мы нашли прежде, что, при капиталѣ въ 100 рублей, требованіе уплаты процентовъ по 20 слишкомъ рублей и по 9 слишкомъ рублей въ годъ—было фальшивою штукою; что довольно было платить по 5 рублей. Не окажется ли тоже самое и съ требованіемъ невозможнаго размѣра земледѣльческихъ улучшеній, если мы станемъ считать какъ слѣдуетъ? Не окажется ли размѣръ улучшеній, нужныхъ для уравновѣшенія земледѣльческаго дефицита, гораздо меньше фальшиваго прежняго требованія, не окажется ли онъ совершенно удобоисполнимымъ, даже при полной быстротѣ размноженія людей?

Мальтусъ твердитъ о 25-лѣтнихъ періодахъ удвоенія. Мы сначала и подведемъ счетъ по проценту размноженія, соотвѣтствующему такимъ періодамъ. Нашедши формулу, мы легко вычислимъ размѣръ улучшеній для всякихъ другихъ періодовъ размноженія и болѣе краткихъ, чѣмъ 25 лѣтъ, и болѣе продолжительныхъ.

Положимъ, что число населенія 1 января 1 года, было 1,000 и что работники-хлѣбопашцы этого населенія произвели извѣстное количество хлѣба, достаточное для хорошаго продовольствія всѣхъ тысячи человѣкъ, то есть 1,000 годичныхъ порцій, которыя назовемъ хотя, напримѣръ, возами. Итакъ, на хорошее продовольствіе въ годъ надобно, по нашему условію, возъ хлѣба на каждаго человѣка. Положимъ, что число хлѣбопашцевъ-работниковъ въ этомъ населеніи было 100 человѣкъ. По условію видно, что для хорошаго продовольствія населенію нужна такая успѣшность хлѣбопашеннаго труда, чтобы каждый работникъ производилъ по 10 возовъ хлѣба.

Положимъ, что при такомъ изобиліи продовольствія населеніе возрастаетъ ежегодно на 3% (пропорція, нѣсколько выше той, какая даетъ удвоеніе населенія въ 25 лѣтъ и принимается Мальтусомъ). Тогда къ 1 января 2 года населеніе будетъ 1,030 человѣкъ, и если пропорція хлѣбопашцевъ-работниковъ остается прежняя, ихъ будетъ 103 человѣка. Если для 1,000 человѣкъ нужно было 1,000 возовъ хлѣба, для 1,030 человѣкъ будетъ нужно 1,030 возовъ.

Если бы успѣшность труда прибылыхъ работниковъ не была меньше, чѣмъ прежнихъ, трудъ прибылыхъ 3 работниковъ произвелъ бы 30 возовъ хлѣба, количество нужное для достаточнаго продовольствія 30 прибылыхъ человѣкъ населенія, и во 2-й годъ было бы для 1,030 человѣкъ 1,030 возовъ хлѣба. Но по мальтусовой теоремѣ, производительность труда прибылыхъ работниковъ будетъ меньше, чѣмъ производительность труда прежнихъ; Мальтусъ полагаетъ, что процентъ ослабленія производительности новаго труда равенъ проценту возрастанія его количества, или при неизмѣнности пропорціи между числомъ хлѣбопашцевъ и числомъ населенія, равенъ проценту возрастанія населенія. Итакъ, производительность новаго труда относится къ производительности прежняго, какъ 100 къ 103. По этой пропорціи, какое количество хлѣба произведетъ прибылой работникъ, если прежній производилъ 10 возовъ?

$$X: 10 = 100: 103$$

Изъ этого получаемъ $X = 9{,}7087$.....

Итакъ, 3 прибылые хлѣбопашца произведутъ только $3 \times 9{,}7037 = 29{,}1261$ возовъ, вмѣсто 30 возовъ, которые были бы нужны по прежнему размѣру, и на второй годъ для 1,030 человѣкъ будетъ вмѣсто 1,030 возовъ хлѣба только 1,029,1261 возовъ.

Чтобы вмѣсто 1,029,1261 возовъ жатва 2 года дала 1,030 возовъ, производительность труда прежнихъ работниковъ должна въ этомъ году подняться на столько выше прежней своей величины 10, на сколько требуемый сборъ, 1,030, выше сбора 1,029,1261, получаемаго безъ усовершенствованій.

$$X: 10 = 1{,}030: 1029{,}1261$$

Изъ этого мы получаемъ $X = 10{,}00849$....

Въ самомъ дѣлѣ, тогда мы будемъ имѣть:

100 прежнихъ работниковъ произведутъ по 10,00849 возовъ, 1000,849 возовъ.

3 новые работника, трудъ которыхъ менѣе производителенъ по прежней пропорціи 100: 103, произведутъ каждый по

$$10{,}00849 \times 100: 103 = 9{,}717 \text{ возовъ.}$$

а всѣ трое вмѣстѣ . . . . . $3 \times 9{,}717 = 29{,}151$ „

Сумма производства 2 года будетъ $1000{,}849 + 29{,}151 = 1{,}030$ „

Итакъ, великъ ли нуженъ размѣръ усовершенствованія или въ устройствѣ орудій, или въ способѣ пользованія ими, или въ качествѣ удобренія, или въ способѣ пользованія имъ, или въ качествѣ посѣва, великъ ли нуженъ размѣръ усовершенствованія, чтобы недочета не оказалось, чтобы пропорція продовольствія не уменьшалась при возрастаніи населенія?

При ежегодномъ возрастаніи населенія по 3%, то есть при возрастаніи быстрѣйшемъ, нежели принимаетъ Мальтусъ *), нуженъ годичный размѣръ усовершенство-

ванія = 0,000849, то есть менѣе, чѣмъ на одиннадцатую часть процента. Что жъ это такое, 849 десятитысячныхъ частей процента? Огромно ли это возрастаніе? Оно вотъ каково: въ пудѣ оно составляетъ нѣсколько больше $3^1/_4$ золотниковъ (3,2602 золотника); въ возу хлѣба, имѣющемъ 25 пудовъ, оно составляетъ $81^1/_2$ золотниковъ...

Чтожъ это за страшная прибавка? стоитъ ли пугаться ея? Неужели усовершенствованія въ земледѣліи не могутъ идти такъ быстро (быстро!), чтобы въ теченіе цѣлой четверти вѣка улучшить земледѣльческихъ способовъ на $2^1/_7$% **)? Увеличеніе на $2^1/_7$ процента въ цѣлыя 25 лѣтъ—да вѣдь это почти совершенная неподвижность!

Да, почти совершенная неподвижность. Безъ всякаго сомнѣнія, съ самаго конца среднихъ вѣковъ не было въ европейской исторіи ни одного такого двадцатипятилѣтія, въ которомъ земледѣліе не совершенствовалось бы по пропорціи, болѣе быстрой. Много въ этой исторіи было эпохъ почти совершеннаго застоя общественныхъ улучшеній, но самые безотрадные, самые гнусные изъ этихъ періодовъ все-таки двигали земледѣліе впередъ быстрѣе, чѣмъ требовалось бы для уравновѣшенія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ, для сохраненія земледѣльческому труду всей прежней производительности, при процентѣ размноженія людей, по которому число ихъ удвоивалось бы каждыя 25 лѣтъ.

Но если дѣйствительно такъ, если принимаемая Мальтусомъ быстрота безпрепятственнаго размноженія людей не была бы сама по себѣ достаточною причиною появленія дефицита въ продовольствіи, то есть появленія нищеты съ ея послѣдствіями, то чѣмъ же объяснить упорное существованіе нищеты, продолжающей пожирать людей, несмотря на земледѣльческія улучшенія? О, отвѣтъ на это— длинная исторія; нѣкоторыхъ эпизодовъ этой исторіи мы касались въ предыдущихъ нашихъ дополненіяхъ къ Миллю; о другихъ будетъ рѣчь впереди.

Чтобы еще яснѣе увидѣть громадную разницу между фальшиво-требуемымъ размѣромъ земледѣльческихъ усовершенствованій по неправильному счету, перескакивающему чрезъ долгіе періоды лѣтъ, и между дѣйствительно-нужнымъ размѣромъ улучшеній, оказывающимся по правильному счету, мы опять должны взять не одинъ періодъ, а рядъ періодовъ удвоенія.

		Годы.			
Высота земледѣлія, требуемая . .	1860	1885	1910	1935	1960
по фальшивому счету . .	1,00	1,3333	1,7777	2,3702	3,1602
по правильному счету . .	1,00	1,0214	1,0434	1,0657	1,0886

Мы видимъ, что для перваго двадцатипятилѣтія отъ фальшивости счета размѣръ требованія ставится выше надлежащаго въ 15 разъ, для втораго—въ 17 разъ, для третьяго—въ 20 разъ, для четвертаго—въ 24 раза.

Кто не согласится, что улучшеніе менѣе чѣмъ на 9 процентовъ, требуемое для цѣлаго столѣтія, довольно незначительно по сравненію съ дѣйствительными улучшеніями, которыя произошли въ земледѣліи каждой европейской страны съ 1760 г., до нашего времени, и что было бы совершенною нелѣпостью полагать, будто бы земледѣліе не улучшится въ гораздо большей степени, чѣмъ на 9 процентовъ, въ слѣдующее столѣтіе.

Мнѣніе о громадномъ размѣрѣ улучшеній, какой требовался бы для удержанія прежней производительности земледѣльческаго труда, при быстромъ размноженіи людей—грубѣйшая ошибка, которую можно объяснить только крайнею невнимательностью къ понятію о разницѣ между сложными процентами и простыми процентами. Мы видѣли, что требуемый размѣръ земледѣльческихъ улучшеній незначителенъ при процентѣ размноженія людей, по которому число ихъ болѣе, чѣмъ удвоивалось бы въ каждыя 25 лѣтъ. Дѣло, доказанное теперь, что при двадцатипятилѣтнемъ періодѣ удвоенія числа людей, земледѣльческому продукту очень легко возрастать столь же быстро, какъ размножаются люди.

Но Мальтусъ и его послѣдователи только съ особенной настойчивостію твердятъ о двадцатипяти-лѣтнемъ періодѣ удвоенія, а сами не знаютъ, какой періодъ принять, и безпрестанно увѣряютъ насъ, будто люди могли бы размножаться еще быстрѣе, выставляютъ періоды удвоенія, еще болѣе короткіе. Мы, напротивъ, надѣемся доказать, что двадцатипяти-лѣтній періодъ удвоенія возможенъ только при порабощеніи массы народа, при искусственномъ, принужденномъ настроеніи обычаевъ, при несчастномъ положеніи женщинъ, и что съ каждымъ шагомъ человѣка отъ рабства къ свободѣ, періодъ удвоенія, безъ всякаго стѣсненія органическихъ потребностей человѣка, долженъ становиться длиннѣе; поэтому намъ надобно найти общую формулу, по которой опредѣлялся бы потребный размѣръ улучшенія для всякихъ періодовъ удвоенія.

Быстроту, съ какою размножается населеніе, мы назовемъ процентомъ размноженія.

---

*) При ежегодномъ возрастаніи въ 3%, черезъ 25 лѣтъ 10,000 человѣкъ населенія возрастаютъ до 20,938 человѣкъ; для того, чтобы число населенія удвоивалось въ 25 лѣтъ, нужно принять ежегодную величину возрастанія только въ 2,81138 ...%.

**) 1,000,849.... въ 25-й степени даетъ 1,021,443....

При 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія процентъ размноженія = 2,81138... Если нація, размножающаяся по этому проценту, имѣла 1 января даннаго года 10,000,000 человѣкъ, то 1 янв. слѣдующаго года въ ней будетъ считаться 10,281,138 человѣкъ.

Первоначальное число жителей, съ котораго начинается счетъ размноженія, мы назовемъ A. Въ примѣрѣ, нами выбранномъ, A=10,000,000.

Число людей, которымъ увеличится это населеніе въ теченіе года, мы назовемъ N. Въ нашемъ примѣрѣ N=281,138 человѣкъ.

Производительность земледѣльческаго труда при первоначальномъ числѣ жителей, то есть при первоначальномъ числѣ хлѣбопашцевъ, мы назовемъ P. Если мы положимъ, что число хлѣбопашцевъ въ первый годъ равнялось одной десятой части населенія, то есть 1,000,000, а хлѣба было произведено въ этомъ году 40,000,000 четвертей, то P=40.

Процентъ размноженія равняется числу населенія 1 января втораго года, дѣленному на число населенія 1 января перваго года. Для насъ удобнѣе не обозначать его особенною буквою, а прямо употреблять сочетаніе знаковъ, ему соотвѣтствующее $\frac{A+N.}{A}$ Кажется, не нужно объяснять, что A + N означаетъ населеніе 1 января втораго года, то есть въ нашемъ примѣрѣ 10,281,138.

Читатель помнитъ, что по Мальтусовой теоремѣ производительность земледѣльческаго труда прибылыхъ работниковъ уменьшается по тому же проценту, по которому размножается населеніе. Такимъ образомъ, если производительность первоначальныхъ работниковъ, прибывающихъ въ первый годъ = P, то производительность труда прибылыхъ работниковъ = P: $\frac{A+N}{A}$ или = $\frac{AP}{A+N}$; въ нашемъ примѣрѣ это будетъ $\frac{40\times 10,000,000}{10,281,138.}$

Мы принимаемъ, что пропорція хлѣбопашцевъ въ числѣ населенія остается неизмѣнною, какъ и слѣдуетъ по условіямъ Мальтусовой гипотезы.

Приступая теперь къ самымъ выкладкамъ, мы впередъ просимъ читателя, болѣе насъ занимавшагося математикою, извинить неловкость нашихъ пріемовъ. Человѣкъ, знающій алгебру, конечно употребилъ бы пріемы болѣе изящные; но простота вопроса, за который мы беремся, такова, что даже и мы, знающіе только ариѳметику и употребленіе логариѳмическихъ таблицъ, могли дойти до надлежащихъ выводовъ.

Земледѣльческій продуктъ перваго года былъ AP.

На второй годъ, соотвѣтственно размножившемуся населенію = A + N, былъ бы нуженъ продуктъ AP + NP.

Но если не произведено никакихъ улучшеній, онъ будетъ равенъ только $AP+\frac{ANP}{A+N.}$

Вычитая этотъ получаемый безъ улучшеній продуктъ втораго года изъ продукта, который былъ бы нуженъ, мы опредѣлимъ величину дефицита, который долженъ быть покрытъ земледѣльческимъ усовершенствованіемъ:

$$(AP+NP)-\left(AP+\frac{ANP}{A+N}\right)=X.$$

Изъ этого мы получаемъ $X=\frac{N^2P}{A+N.}$

Такимъ образомъ, вліяніемъ улучшенія продуктъ втораго года долженъ увеличиться на количество $\frac{N^2P}{A+N.}$ Спрашивается теперь, какой размѣръ должно имѣть улучшеніе, чтобы дать такое увеличеніе въ продуктѣ?

Ясно, что этимъ улучшеніемъ должна нѣсколько возвыситься первоначальная производительность труда P первоначальныхъ работниковъ A, иначе говоря, въ уравненіи продукта втораго года, вмѣсто величины P, должна быть подставлена величина P′, нѣсколько большая, чѣмъ P.

Очевидно также, въ какой пропорціи должна возрасти она, чтобы продуктъ втораго года достигъ требуемой величины AP + NP. Ясно, что P′ должно быть настолько больше P, на сколько требуемый продуктъ AP + NP больше, получаемаго безъ улучшеній продукта $AP+\frac{ANP}{A+N.}$ Но мы уже знаемъ, что этотъ получаемый безъ улучшеній продуктъ меньше требуемаго продукта на величину $\frac{N^2P}{A+N.}$ Итакъ мы имѣемъ

$$(AP+NP):\left(AP+NP-\frac{N^2P}{A+N}\right)=P':P.$$

Изъ этого мы получаемъ $P' = \frac{(A+N)^2 P}{(A+N)^2 - N^2}$.

Или принимая $P = 1$.

$$P' = \frac{(A+N)^2}{(A+N)^2 - N^2}$$

То есть: требуемое возвышеніе земледѣлія посредствомъ усовершенствованій относится къ первоначальному состоянію земледѣлія, какъ число населенія втораго года, возведенное во вторую степень, относится къ тому же числу во второй степени, за вычетомъ числа прибылыхъ въ годъ людей во второй степени.

Число людей, прибывшихъ естественнымъ размноженіемъ въ теченіе перваго года, всегда бываетъ незначительно сравнительно съ цѣлымъ населеніемъ втораго года; въ квадратѣ оно станетъ еще гораздо меньше квадрата этого полнаго числа населенія; потому и возвышеніе производительности земледѣлія требуется незначительное. Мы увидимъ, напримѣръ, что процентъ размноженія 5 на 100 превышаетъ возможность размноженія по самому устройству человѣческаго организма. Но если взять даже этотъ невозможный процентъ (дающій періодъ удвоенія въ 12,2 лѣтъ), все-таки мы получимъ:

$$\frac{(105)^2}{(105^2) - 5^2} = \frac{11025}{11000} = 1{,}00227$$

По найденной нами формулѣ

$$P' = \frac{(A+N)^2}{(A+N)^2 - N^2}$$

легко вычислить требуемый размѣръ улучшеній для какихъ угодно процентовъ размноженія и періодовъ удвоенія. Но цифры годичныхъ улучшеній вообще выходятъ очень незначительныя,—можно сказать, незначительныя до неосязаемости. Потому, въ слѣдующей таблицѣ мы вычислимъ также вѣковое возвышеніе земледѣлія, проистекающее изъ годичныхъ улучшеній находимаго нами размѣра.

Число лѣтъ въ періодѣ удвоенія.	Процентъ размноженія.	Годичный размѣръ улучшенія.	Высота, до которой земледѣліе должно быть поднято въ теченіе вѣка, принимая первоначальную высоту = 1,00000.
12	5,94631	0,00314,9991	1,36958
15	4,72941	0,00203,9064	1,22126
20	3,52649	0,00116,0186	1,12194
25	2,81138	0,00074,7680	1,07760
30	2,33739	0,00052,1706	1,05343
35	2,00016	0,00038,4443	1,03877
40	1,74797	0,00029,5239	1,02996
50	1,39595	0,00018,9554	1,01913
75	0,92848	0,00008,4714	1,00893
100	0,69555	0,00004,7668	1,00478

Если мы не ошибаемся, мы разсматриваемъ мальтусову теорію съ точки зрѣнія, которая должна казаться новою для читателя; и чтобы онъ не затруднился слѣдовать за ходомъ нашихъ мыслей, намъ необходимо по нѣскольку разъ возвращаться къ объясненію нашихъ терминовъ и выводовъ. Теперь, напримѣръ, мы говоримъ о томъ элементѣ вопроса, который названъ у насъ размѣромъ земледѣльческихъ улучшеній, требующимся для уравновѣшенія убыли въ продуктѣ, происходящей отъ уменьшенія производительности труда прибылыхъ земледѣльцевъ, сравнительно съ производительностью труда прежнихъ. Мы искали, въ какой пропорціи должна подниматься этими улучшеніями „первоначальная производительность труда“ или производительность труда первоначальныхъ работниковъ. Подъ первоначальною производительностію мы понимаемъ количество продукта, какое было производимо трудомъ одного хлѣбопашца въ началѣ періода, съ котораго мы ведемъ счетъ вліянію размноженія людей на земледѣльческій продуктъ. Процентъ, на какой должна возрасти эта производительность,

показываетъ количество, до котораго доходилъ бы продуктъ одного земледѣльца, если бы число земледѣльцевъ не увеличивалось; напримѣръ, мы нашли, что при періодахъ удвоенія людей по 12-ти лѣтнимъ срокамъ производительность должна подняться въ теченіе вѣка почти на 37%. Эти слова имѣютъ такой смыслъ:

При быстротѣ размноженія людей, принятой нами, въ земледѣльческой техникѣ, или въ удобреніи почвы, или въ способахъ огражденія посѣва отъ дурной погоды, или вообще въ какомъ бы то ни было изъ элементовъ, имѣющихъ вліяніе на количество жатвы, должны произойти въ теченіе цѣлаго вѣка такія улучшенія, чтобы одинъ земледѣлецъ, воздѣлывая данное число десятинъ, въ концѣ столѣтія могъ собрать хлѣба съ этихъ десятинъ на 37% больше, чѣмъ собиралъ съ нихъ въ началѣ столѣтія. Напримѣръ: если въ 1860 г. земледѣлецъ, обработывающій четыре десятины, собираетъ съ нихъ 10 четвертей хлѣба, то въ теченіе слѣдующаго вѣка надобно произвести улучшенія, которыя давали бы возможность въ 1960 г. также одному земледѣльцу собрать съ этихъ 4 десятинъ около $13\frac{3}{4}$ четвертей хлѣба. При такой пропорціи улучшеній люди до 1960 г. не будутъ чувствовать недостатка въ продовольствіи, размножаясь съ быстротою, удвоивающею число ихъ въ каждыя 12 лѣтъ. Конечно, при такой быстротѣ размноженія, постепенно будетъ являться на 4 десятинахъ, вмѣсто одного хлѣбопашца, 2 работника, потомъ 3, 4, и т. д., 10, 11, 12 работниковъ и т. д.; прибавка каждаго новаго работника на этихъ 4 десятинахъ будетъ увеличивать продуктъ ихъ въ пропорціи нѣсколько меньшей того, на сколько увеличилось количество труда отъ прибавки этого работника къ прежнимъ. Но все-таки при такомъ ходѣ земледѣльческихъ улучшеній, который равняется 37% за цѣлое столѣтіе, постоянно будетъ собираться съ этихъ 4 десятинъ количество продукта, дающее въ общей сложности попрежнему 10 четвертей на каждаго изъ обработывающихъ эти 4 десятины землепашцевъ.

Мы нашли, что даже при 12-лѣтнихъ періодахъ удвоенія людей достаточенъ для отвращенія недочета въ земледѣльческомъ продуктѣ ходъ земледѣльческихъ улучшеній, не столь быстрый, какъ былъ дѣйствительный ходъ ихъ въ послѣднія три или четыре столѣтія. А при періодахъ удвоенія болѣе продолжительныхъ достаточенъ ходъ улучшеній еще гораздо менѣе быстрый.

III.

О размноженіи людей.

Мы нашли, что при періодѣ удвоенія не только въ 25, но даже и въ 12 лѣтъ, для уравновѣшенія недочета въ земледѣльческомъ продуктѣ требуется вовсе не громадный размѣръ земледѣльческихъ усовершенствованій. Если бы дѣло шло только о томъ, чтобы опровергнуть выводы Мальтуса, можно было бы намъ остановиться на этомъ. Мы уже имѣемъ полное право сказать: принимайте какую хотите быстроту размноженія, земледѣльческій продуктъ успѣетъ возрастать съ такою же быстротою, если только захотятъ позаботиться о томъ сами люди. Но цѣль наша не огра-

ничивается выставленіемъ неудовлетворительности мальтусовой теоріи,— мы желали бы не только показать, что Мальтусъ не дошелъ до истины, мы желали бы сами дойти до ней; притомъ желали бы мы дойти не до одной отвлеченной истины, а также и до того, чтобы хотя приблизительнымъ образомъ опредѣлить, какъ велики и какого именно рода нужны были бы усилія людей въ передовыхъ странахъ, чтобы пріобрѣсти благосостояніе, достижимость котораго показываетъ формула отвлеченной истины. Для этого намъ нужно доискаться болѣе точныхъ понятій о силѣ размноженія, не стѣсняемаго никакими внѣшними препятствіями, потому что размѣромъ этой силы опредѣляется величина земледѣльческихъ усовершенствованій, нужныхъ для уравновѣшенія продукта съ населеніемъ.

25-лѣтній періодъ удвоенія взятъ Мальтусомъ изъ народныхъ переписей въ Соединенныхъ Штатахъ. Подобныя переписи новыхъ колоній показываютъ удвоеніе жителей по періодамъ еще болѣе краткимъ. Но въ новыхъ колоніяхъ число жителей возрастаетъ гораздо больше отъ прилива переселенцевъ, чѣмъ отъ естественнаго размноженія; да и въ Соединенныхъ Штатахъ переселеніе постоянно имѣло очень значительную долю въ увеличеніи числа народа. Мальтусъ при составленіи своей теоріи совершенно забылъ объ этомъ обстоятельствѣ и приписалъ все увеличеніе жителей въ Соединенныхъ Штатахъ одному естественному размноженію. Такая крайность вызвала другую крайность. Подвергнувъ очень подробному разбору цифры сѣверо-американскаго населенія, взятыя Мальтусомъ безъ всякаго разбора за слѣдствіе одного естественнаго размноженія, Годвинъ вывелъ изъ нихъ заключеніе, что рѣшительно вся прибыль населенія въ Соединенныхъ Штатахъ происходила отъ прибыли новыхъ людей изъ другихъ странъ, и что если слѣдуетъ дѣлать какой нибудь выводъ о способности людей къ размноженію на основаніи сѣверо-американскихъ переписей, то слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что способность эта чрезвычайно слаба, почти совершенно незамѣтна. Но послѣдователи Мальтуса доказываютъ, что если Мальтусъ сдѣлалъ ошибку, совершенно забывъ о вліяніи переселенія, то все-таки это вліяніе было не велико по сравненію съ вліяніемъ естественнаго размноженія, и что за вычетомъ всѣхъ жителей, прибавившихся отъ переселенія, остается такое увеличеніе числа жителей въ Соединенныхъ Штатахъ естественнымъ размноженіемъ, которое даетъ величину періода удвоенія въ 29 лѣтъ. Эту цифру доказываютъ они также очень длинными разсчетами.

Съ изумленіемъ спрашиваешь себя, какимъ же образомъ могли приходить къ столь различнымъ численнымъ выводамъ люди, основывавшіе выводъ на однихъ и тѣхъ же переписяхъ? Но дѣло объясняется очень просто, если заглянуть въ самые отчеты сѣверо-американскаго правительства о результатахъ переписей. Эти отчеты свидѣтельствуютъ, что до 1820 года не велось списковъ переселенцамъ, прибывавшимъ въ Соединенные Штаты,— стало быть, объ участіи переселенцевъ въ увеличеніи числа жителей до 1820 г. ничего достовѣрнаго и сказать нельзя; тутъ все зависитъ отъ вашего желанія построить такія или другія соображенія. Если вы хотите увеличить процентъ естественнаго размноженія, стройте такія соображенія, чтобы уменьшалось число переселенцевъ; если вы хотите уменьшить про-

центъ размноженія, поступайте наоборотъ; чего захотите вы, то и выйдетъ у васъ. Но съ 1820 г. ведутся списки переселенцамъ: стало быть, есть уже положительное основаніе для оцѣнки участія переселенцевъ въ увеличеніи числа жителей за слѣдующіе годы? Оно отчасти такъ, но все-таки получить выводъ, сколько нибудь достовѣрный, дѣло очень трудное. Начать съ того, что списки переселенцевъ очень не полны. Они ведутся только по восточной границѣ, только въ пристаняхъ атлантическаго прибрежья: конечно, главное переселеніе идетъ черезъ эту линію: но также есть переселеніе съ юга чрезъ мехиканскую границу, есть переселеніе и съ сѣвера черезъ канадскую границу. Ни тамъ, ни здѣсь переселенцевъ до сихъ поръ никто не считалъ. Во-вторыхъ, и на западной границѣ списки переселенцевъ ведутся неполно, по словамъ самаго правительства Соединенныхъ Штатовъ. Извольте же теперь высчитать число переселенцевъ хотя съ 1820 г., когда изъ трехъ границъ только на одной ведутся списки, да и то неполные. Остается очень большой просторъ произволу въ опредѣленіи числа переселившихся. Не думайте, что затрудненіе ограничивается этимъ. Есть другое обстоятельство, еще болѣе запутывающее вопросъ.

Большая или меньшая способность извѣстной группы людей къ размноженію зависитъ оттого, какую пропорцію въ этой группѣ составляютъ женщины, способныя по своимъ лѣтамъ становиться матерями. Если мы возьмемъ 1,000 человѣкъ населенія, въ которомъ находится 250 женщинъ 15—40 лѣтъ, эта группа, конечно, имѣетъ способность размножаться гораздо быстрѣе такого населенія, въ которомъ на 1,000 человѣкъ считается только 200 женщинъ 15—40 лѣтъ. Разумѣется, при неизвѣстности общаго числа переселенцевъ, еще менѣе можетъ быть извѣстна точная пропорція женщинъ отъ 15 до 40 лѣтъ между ними; но по нѣкоторымъ даннымъ, собраннымъ за одинъ годъ, оказывается, что на 10,000 переселенцевъ, прибывшихъ въ Соединенные Штаты черезъ море, приходилось 2782 женщины отъ 15 до 20 лѣтъ. Въ цѣломъ населеніи Соединенныхъ Штатовъ на 10,000 человѣкъ считалось въ 1850 г. только 1989 женщинъ такихъ лѣтъ; это значитъ, что 10 переселенцевъ равнялись по своей способности къ размноженію 14 человѣкамъ общаго населенія Соединенныхъ Штатовъ. Всегда ли бывала такая пропорція, неизвѣстно; а если не всегда она была такова, вычисленія объ участіи переселенцевъ въ размноженіи не имѣли бы вѣрнаго основанія, хотя бъ и было извѣстно точное число всѣхъ переселенцевъ, которое неизвѣстно. Но опять-таки недостаточно было бы знать только общее число женщинъ отъ 15 до 40 лѣтъ. Если считать средній періодъ рожденія дѣтей у женщины отъ 16 до 40 лѣтъ (какъ считаютъ сѣверо-американцы), то очевидно, что 100 женщинъ, имѣющихъ по 16 лѣтъ, будутъ содѣйствовать размноженію столько же, какъ 150 женщинъ, имѣющихъ по 24 года, или 200 женщинъ, имѣющихъ по 28 лѣтъ, или 400 женщинъ, имѣющихъ по 34 года, или 800 женщинъ, имѣющихъ по 37 лѣтъ, предполагая, что способность дѣлаться матерью остается въ женщинѣ до конца періода въ полной своей силѣ [39]). Теперь, что же мы читаемъ въ отче-

[39]) При этомъ предположеніи основаніе счета ясно: оно дается числомъ лѣтъ, остающихся до конца періода способности дѣлаться матерью. Женщинъ въ 16 лѣтъ

тахъ сѣверо-американскихъ цензовъ? Мы читаемъ, что между переселенцами число женщинъ отъ 35 до 40 лѣтъ составляетъ сравнительно съ женщинами отъ 20 до 25 лѣтъ гораздо меньшую пропорцію, чѣмъ какова пропорція между женщинами этихъ возрастовъ въ общемъ населеніи Соединенныхъ Штатовъ. Или, вообще говоря, молодыхъ женщинъ сравнительно съ женщинами среднихъ лѣтъ между переселенцами гораздо больше въ 1,000 женщинъ отъ 15 до 40 лѣтъ, нежели въ 1,000 женщинъ 15—40 лѣтъ общаго населенія Соединенныхъ Штатовъ. Это значитъ, что мы приняли слишкомъ малую пропорцію перевѣса, когда положили, что 10 переселенцевъ по своей способности къ размноженію равняются 14 человѣкамъ общаго населенія. Мы тутъ полагали, что группа 1,000 женщинъ 15—40 лѣтъ между переселенцами не превышаетъ своею способностью къ размноженію такого же числа женщинъ въ общемъ населеніи, а на самомъ дѣлѣ она равняется этою способностью гораздо большему числу женщинъ общаго населенія. Какую именно пропорцію слѣдуетъ принять хотя по тѣмъ недостаточнымъ даннымъ, какія мы имѣемъ, этого никто не потрудился вычислить. Мало всего этого: на какомъ основаніи мы предположили, что способность къ размноженію прямо пропорціональна числу лѣтъ, остающемуся до конца періода дѣторожденія? Изъ 100 женщинъ, имѣющихъ по 25 лѣтъ, всегда и вездѣ находится въ состояніи беременности большее число, чѣмъ изъ 100 женщинъ, имѣющихъ по 35 лѣтъ. Стало быть, перевѣсъ молодыхъ женщинъ надъ женщинами среднихъ лѣтъ по способности къ размноженію долженъ быть значительнѣе, чѣмъ оказывалось бы по простой пропорціи числа лѣтъ, остающихся до конца періода дѣторожденія. Но кто опредѣлялъ эти отношенія? Статистика еще не думала о томъ.

Читатель видитъ, какія длинныя вычисленія понадобились бы, чтобы опредѣлить участіе переселенцевъ въ увеличеніи числа жителей Соединенныхъ Штатовъ. Мало того, чтобы сосчитать число переселенцевъ, —надобно было бы сосчитать, сколько было между ними женщинъ каждаго возраста, опредѣлить способность размноженія для каждаго возраста женщины—безъ этого нельзя сказать ничего вѣрнаго; а этого ничего не сдѣлано, да и самое число переселенцевъ неизвѣстно въ точности. Достовѣрно только одно, писатели, находившіе, что, за вычетомъ участія переселенцевъ, населеніе Соединенныхъ Штатовъ путемъ естественнаго размноженія прежнихъ жителей удвоивается въ 29 лѣтъ, дѣлаютъ выводъ слишкомъ опрометчиво, и періодъ удвоенія получается у нихъ короче дѣйствительнаго, потому что они оставляютъ безъ вниманія главныя пропорціи перевѣса переселенцевъ надъ остальнымъ населеніемъ по способности размноженія, не говоря уже о томъ, что и самое число переселенцевъ принимаютъ они меньше дѣйствительнаго въ періодѣ послѣ 1820 г., и совершенно произвольно до 1820 г.

Съ какимъ пренебреженіемъ самыхъ очевидныхъ правилъ счета поступаютъ обыкновенно эти писатели, можетъ показать одинъ примѣръ. Извѣстно, что населеніе Соединенныхъ Штатовъ состоитъ, кромѣ бѣлыхъ, изъ

остается до этого срока 24 года, а женщинѣ въ 37 лѣтъ только 3 года, то есть въ 8 разъ меньше; иначе сказать, 100 женщинъ по 16 лѣтъ будутъ имѣть въ 8 разъ больше дѣтей, чѣмъ сколько родится у 100 женщинъ по достиженіи 37 лѣтъ.

негровъ. Переселенцы, объ участіи которыхъ въ увеличеніи числа жителей говорили мы до сихъ поръ,—все люди бѣлой породы. Если мы хотимъ опредѣлять, какой процентъ естественнаго размноженія останется за вычетомъ участія этихъ переселенцевъ, конечно мы должны считать только бѣлое населеніе Соединенныхъ Штатовъ. Но объ этомъ подраздѣленіи почти никто не думаетъ: обыкновенно берутъ общую цифру населенія, бѣлаго и чернаго вмѣстѣ. Отъ этого вліяніе переселенцевъ оказывается меньше, чѣмъ оказалось бы при сравненіи цифры ихъ съ однимъ бѣлымъ населеніемъ. У негровъ были свои особенные переселенцы, привозившіеся изъ Африки и до сихъ поръ привозимые въ огромномъ числѣ.

Что же слѣдуетъ изъ всего этого длиннаго разсужденія? Слѣдуетъ то, что теперь мы не въ силахъ опредѣлить, хотя приблизительнымъ образомъ, какое участіе имѣли переселенцы въ увеличеніи числа жителей Соединенныхъ Штатовъ и какая часть увеличенія должна, за этимъ вычетомъ приписываться естественному размноженію прежняго населенія. По характеру опрометчивыхъ ошибокъ, дѣлаемыхъ обыкновенно въ этомъ вопросѣ, видно только одно: участіе переселенцевъ было значительнѣе, а доля естественнаго размноженія была меньше, чѣмъ обыкновенно принимаютъ. Періодъ удвоенія, представляемый Соединенными Штатами, долженъ быть больше не только 25 лѣтъ, принимавшихся Мальтусомъ (отъ этой цифры отступились уже и его послѣдователи),—но и 29 лѣтъ; а каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, опредѣлить этого нельзя по неудовлетворительности статистическихъ данныхъ.

Но, скажутъ намъ, каковъ бы ни былъ періодъ удвоенія въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ не долженъ считаться періодомъ быстрѣйшаго возможнаго удвоенія. Въ Соединенныхъ Штатахъ меньше, чѣмъ въ старыхъ странахъ, но все-таки много людей умираетъ преждевременно отъ бѣдности и ея результатовъ; меньше чѣмъ въ старыхъ странахъ, но все-таки много остается женщинъ, не рождающихъ дѣтей вслѣдствіе нужды съ ея послѣдствіями. При полномъ благосостояніи общества, при отсутствіи всякихъ задержекъ размноженія, число рождающихся было бы больше, число умирающихъ меньше, процентъ размноженія больше и періодъ удвоенія короче, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Это безъ всякаго сомнѣнія; и намъ хотѣлось бы найти именно то, каковъ былъ бы наибыстрѣйшій возможный, по самому устройству организма, процентъ размноженія и кратчайшій періодъ удвоенія.

Очень можетъ быть, что и по нынѣшнимъ статистическимъ даннымъ хорошіе математики съумѣли бы опредѣлить приблизительную величину этого періода съ несомнѣнною вѣрностью, если бы занялись этимъ предметомъ. Было бы слишкомъ длинно излагать здѣсь способы, которыми какъ намъ кажется, могли бы они разрѣшить эту задачу. Главное дѣло тутъ, какъ увидитъ читатель изъ слѣдующихъ разъясненій дѣла, состояло бы въ томъ, чтобы найти, какая наименьшая смертность, по самымъ органическимъ условіямъ, существовала бы въ обществѣ, избавленномъ отъ всякой нужды и всѣхъ ея послѣдствій. Мнѣ кажется, что опредѣлить это можно; но требуемыя для того вычисленія превышаютъ слишкомъ низкую границу

личныхъ моихъ математическихъ знаній. Опредѣлить процентъ быстрѣйшаго возможнаго размноженія и кратчайшій періодъ удвоенія съ такою несомнѣнностью, какъ было бы надобно, я не умѣю; но въ слѣдующихъ соображеніяхъ читатель найдетъ по крайней мѣрѣ показаніе предѣла, до котораго не можетъ дойти быстрота размноженія, найдетъ также цифры разныхъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ границъ быстрѣйшаго размноженія и получитъ возможность судить, какія изъ нихъ наиболѣе вѣроятны. Знать что возможно и что невозможно, сознательно судить о томъ, что изъ возможнаго наиболѣе вѣроятно—это все-таки лучше, чѣмъ толковать вздоръ совершенно наобумъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ.—Процентъ размноженія составляется разностью между числомъ рождающихся и числомъ умирающихъ. Посмотримъ же во первыхъ, до какой цифры не могло бы никакъ возвыситься по самому устройству человѣческаго организма число рождающихся. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ слѣдующихъ соображеніяхъ, мы будемъ говорить только о бѣломъ населеніи Европы и Сѣверной Америки, потому что статистическія свѣдѣнія объ остальныхъ странахъ еще слишкомъ не достовѣрны.

Періодъ плодородія у женщинъ кавказскаго племени въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ простирается приблизительно отъ 15 до 45 лѣтъ. Число женщинъ этихъ лѣтъ въ населеніи, возрастающемъ не очень быстро или вовсе не возрастающемъ, составляетъ одну пятую часть всего населенія. Періодъ беременности продолжается девять мѣсяцевъ; послѣ того кормленіе грудью занимаетъ около года, и здоровье младенцевъ требуетъ въ большей части случаевъ, по мнѣнію матерей, кормленія больше, чѣмъ въ теченіе года. Такимъ образомъ самое устройство организма полагаетъ между рожденіями дѣтей у женщины средній періодъ около 2 лѣтъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ супружескихъ четахъ, нимало не думающихъ о воздержности въ рожденіи дѣтей, одно рожденіе отъ другаго обыкновенно отдѣляется срокомъ года въ два и даже нѣсколько больше. Дѣти рождаются, одно за другимъ, быстрѣе только въ такихъ семействахъ, гдѣ мать или не кормитъ сама младенца, или вслѣдствіе бѣдности, принуждена кончать кормленіе раньше, чѣмъ хотѣла бы. Но мы говоримъ по самымъ условіямъ вопроса, о такомъ обществѣ, гдѣ вовсе не было бы бѣдности, то есть не представлялось бы женщинамъ необходимости заботиться о здоровьѣ своихъ младенцевъ меньше, чѣмъ онѣ хотѣли бы. Что же оказывается у насъ по такому предположенію, самому благопріятнѣйшему для наибольшаго числа рожденій? Число женщинъ, способныхъ рождать дѣтей, составляетъ 20 на 100 всего населенія; каждый младенецъ занимаетъ у матери 2 года; слѣдовательно, число рожденій, по физическимъ условіямъ организма, не можетъ быть больше 10 на 100 человѣкъ населенія. Но каждому извѣстно, что какъ бы ни былъ заботливъ уходъ за младенцами, все-таки значительное количество ихъ не можетъ быть спасено отъ смерти въ первые годы. Теперь въ обществахъ, гдѣ смертность между младенцами самая меньшая, въ первыя пять лѣтъ жизни умираетъ болѣе четвертой части рождающихся. Само собою разумѣется, что въ этой смертности много участвуетъ нужда съ своими послѣдствіями; но по самымъ условіямъ при-

роды невозможно, чтобы многіе изъ рождающихся не умирали въ тяжелый періодъ младенчества. Вспомнимъ, что при рожденіи организмъ младенца переходитъ изъ среды, имѣющей болѣе 30 градусовъ, въ среду воздуха, которая имѣетъ и, по условіямъ гигіены, должна имѣть вдвое меньшую температуру. Самый актъ рожденія бываетъ для младенца, уже по одному переходу въ новую, болѣе холодную температуру, такимъ же кризисомъ, какъ пересадка маленькаго растенія изъ парника въ огородъ. Способъ питанія также радикально измѣняется. Затѣмъ слѣдуютъ разные кризисы органическаго развитія, неизбѣжно сопровождаемые опасностію для жизни; довольно упомянуть объ одномъ прорѣзываніи зубовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, по устраненіи всякой нужды съ ея послѣдствіями, смертность между младенцами должна все-таки оставаться довольно значительная. Зажиточные классы въ Англіи славятся заботливостью и раціональностью въ физическомъ воспитаніи дѣтей. Изъ этихъ классовъ землевладѣльцы (gentry), проводящіе большую часть года въ своихъ прекрасныхъ домахъ, гдѣ медицинскія пособія также близки, какъ на континентѣ въ большихъ городахъ, ведутъ самый здоровый образъ жизни, пользуясь полнымъ благосостояніемъ. Мы должны принимать, что нужда съ своими послѣдствіями нимало не участвуетъ въ смертности между младенцами этого сословія. Процентъ смертности между ними слѣдуетъ считать наименьшимъ, какой только возможенъ по самому устройству человѣческаго организма. Изслѣдованія извѣстнаго англійскаго статистика Чедуика показываютъ, что изъ дѣтей англійскихъ землевладѣльцевъ въ первыя пять лѣтъ умираетъ 20%.

Мы видѣли, что число рождающихся могло бы достигать до 10 на 100 человѣкъ населенія лишь при томъ условіи, чтобы всѣ безъ исключенія женщины отъ 15 до 45 лѣтъ находились постоянно въ положеніяхъ беременности и кормленія грудью. Мы видимъ, что при совершенномъ отсутствіи нужды, при самомъ внимательномъ уходѣ за младенцами, изъ этихъ 10 рождающихся два умирало бы въ младенчествѣ. Итакъ остается на 100 человѣкъ населенія 8 рождающихся.

Но вѣдь не могутъ же люди оставаться безсмертными при какомъ угодно благосостояніи; нѣкоторое число рождающихся, переживающихъ младенчество, служило бы только для пополненія убыли, производимой неизбѣжною смертностію въ населеніи старше 5 лѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что процентъ размноженія долженъ быть меньше 8.

Вѣроятно каждый читатель видитъ теперь, что онъ долженъ быть гораздо меньше 8. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли предположить во всѣхъ женщинахъ органическую способность приходить въ положеніе беременности тотчасъ же по прекращеніи кормленія, и сохранять эту способность до 45 лѣтъ? Можно ли считать, что при какомъ бы то ни было устройствѣ общества, каждая женщина начнетъ рождать дѣтей съ 15 лѣтъ и въ силахъ будетъ родить 15 человѣкъ дѣтей? Это явная нелѣпость. Каково бы ни было общее благосостояніе, какова бы ни была акушерская и медицинская заботливость, все-таки рожденіе первыхъ дѣтей ослабитъ во многихъ женщинахъ способность дѣторожденія. Независимо отъ этого, во всѣхъ женщинахъ способность рождать дѣтей ослабѣваетъ съ годами. Дѣло явное

что не можетъ рождаться по 10 младенцевъ на 100 человѣкъ населенія и при такомъ составѣ общества, въ которомъ женщины отъ 15 до 45 лѣтъ составляютъ одну пятую часть всего населенія. Но онѣ могутъ составлять такую часть населенія лишь въ обществѣ, размножающемся по проценту, довольно малому. Если бы періоды удвоенія были очень кратки, пропорція взрослыхъ людей въ обществѣ уменьшилась бы отъ многочисленности подростающаго поколѣнія. Напримѣръ, при періодѣ удвоенія въ 15 лѣтъ, число лицъ, имѣющихъ болѣе 15 лѣтъ, никакъ не могло бы уже составлять половину населенія,—большую половину его непремѣнно составляли бы дѣти моложе 15 лѣтъ [40]). При совершенномъ отсутствіи нужды, средняя продолжительность жизни была бы конечно больше 45 лѣтъ; но, положивъ только 45 лѣтъ, мы увидимъ что изъ людей, имѣющихъ болѣе 15 лѣтъ, цѣлая половина имѣли бы болѣе 45 лѣтъ. Что же мы получаемъ?

Люди, имѣющіе болѣе 15 лѣтъ, составляютъ въ населеніи менѣе . . . . . 50 %

Изъ нихъ, женщинъ одна половина, то-есть, менѣе . . . . 25 %

Изъ этихъ женщинъ, болѣе 45 лѣтъ имѣетъ цѣлая половина, и остается женщинъ, имѣющихъ отъ 15 до 45 лѣтъ, менѣе . . . . . $12^1/_2$%

Такимъ образомъ полагая періодъ удвоенія въ 15 лѣтъ, мы видимъ, что женщины по лѣтамъ своимъ способныя становиться матерями, необходимо должны составлять въ населеніи такого общества менѣе $12^1/_2$%, то есть менѣе одной осьмой части населенія, и число рождающихся должно по органической необходимости составлять менѣе одной шестнадцатой части населенія, то есть менѣе 6,25%. Но положимъ 6,25% рождающихся младенцевъ. Изъ нихъ по органическимъ условіямъ, при полнѣйшемъ благосостояніи, умретъ во младенчествѣ одна пятая часть, то есть 1,25%; остается только 5% для размноженія людей и для пополненія убыли производимой смертностью между людьми старше 5 лѣтъ. Но для того, чтобы періодъ удвоенія имѣлъ 15 лѣтъ, нуженъ процентъ размноженія 4,73; итакъ, на покрытіе убыли въ населеніи отъ смертности между людьми старше 5 лѣтъ остается только 0,27%. Неужели возможно предполагать при какомъ угодно благосостояніи такую малую пропорцію смертей въ населеніи старше 5 лѣтъ? Это значило бы, что для людей пережившихъ первыя пять лѣтъ дѣтства, средняя продолжительность жизни составляетъ 135 лѣтъ, то есть лишь немногіе изъ нихъ умираютъ раньше 100 лѣтъ, и довольно многіе доживаютъ до 170 лѣтъ. Иными словами,—это значитъ, что предположить періодъ удвоенія въ 15 лѣтъ, значитъ предположить чистую нелѣпость. Устройство человѣческаго тѣла таково, что быстрота размноженія по 4,73% превышаетъ физическую возможность организма.

Если бы Мальтусъ и его послѣдователи умѣли сами производить разсчеты геометрическихъ прогрессій, а не выписывали бы изъ математиче-

---

[40]) По извѣстному свойству геометрической прогрессіи, имѣющей знаменателемъ 2, что послѣдній членъ ея больше суммы всѣхъ прочихъ членовъ. Этотъ послѣдній членъ—количество лицъ, еще не достигшихъ числа лѣтъ, соотвѣтствующаго цифрѣ лѣтъ періода удвоенія.

скихъ книгъ цифры, происхожденія и смысла которыхъ не понимаютъ сами, они не стали бы говорить о періодахъ удвоенія ни въ 10, ни 12, ни даже въ 15 лѣтъ. Эти періоды такая же нелѣпость, какъ предположеніе о возможности выростить дубовый лѣсъ въ одинъ годъ.

Повторимъ кратко результатъ, найденный нами. Если огромное большинство рождающихся младенцевъ въ самомъ младенчествѣ истребляется нуждою, не дающей размножаться населенію, то число дѣтей и старыхъ людей въ составѣ населенія образуетъ меньшую пропорцію, а пропорція людей отъ 15 до 45 лѣтъ будетъ сравнительно очень велика; пропорція женщинъ, способныхъ по своимъ лѣтамъ рождать дѣтей, имѣетъ при такихъ обстоятельствахъ наибольшую величину. Но и при такомъ составѣ общества, 10 рожденій на 100 человѣкъ населенія приходилось бы лишь въ томъ случаѣ, когда бы каждая женщина рѣшительно все время отъ 15 до 45 лѣтъ проводила въ смѣнахъ состояній беременности и кормленія грудью, не оставаясь праздною отъ этихъ двухъ состояній ни на одинъ мѣсяцъ въ теченіе всего 30-ти лѣтняго періода своей способности рождать дѣтей. 15-ти-лѣтняя дѣвушка—еще ребенокъ,—нужды нѣтъ, она должна немедленно выходить замужъ и тотчасъ же начинать рождать дѣтей. Женщина 43 лѣтъ, имѣвшая по этому правилу уже 14 человѣкъ дѣтей, совершенно изнурена,—нужды нѣтъ, она должна снова родить: если бы она утратила эту способность раньше 45 лѣтъ, оказался бы недочетъ рожденій. Такое предположеніе составляетъ очевидную нелѣпость, противорѣчащую всему гигіеническому и акушерскому опыту.—Но если общество благосостоятельно, если младенцы не гибнутъ отъ нужды, если населеніе размножается, то пропорція дѣтей и старыхъ людей въ его составѣ возрастаетъ, пропорція взрослой молодежи и людей средняго возраста уменьшается, и гораздо меньшая пропорція рожденій уже становится такою же физическою невозможностію, какою оказывается пропорція 10-ти рожденій на 100 человѣкъ населенія въ обществѣ неразмножающемся; напримѣръ, при 15-ти лѣтнемъ періодѣ удвоенія, 6,25% рожденій составляло бы по пропорціи женщинъ молодыхъ и среднихъ лѣтъ такую же физическую невозможность, какъ 10% въ неразмножающемся обществѣ. А для 15-тилѣтняго періода удвоенія нуженъ такой процентъ размноженія (4,73%), который требовалъ бы больше, чѣмъ 6,25% рожденій, хотя бы ни одинъ младенецъ не умиралъ ни отъ нужды, ни отъ небрежности. Изъ этого слѣдуетъ, что 15-тилѣтній періодъ удвоенія составляетъ нелѣпость, превышающую физическія силы человѣческаго организма.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, что по неумѣнью считать, по незнакомству съ свойствами геометрическихъ прогрессій, Мальтусъ и его послѣдователи предполагали возможность процентовъ размноженія и періодовъ удвоенія, не возможныхъ по устройству человѣческаго организма. Теперь мы займемся изслѣдованіемъ, какіе проценты размноженія и періоды удвоенія могутъ быть почтены наибыстрѣйшими, допускаемыми физическою организаціею человѣка. Но при этомъ не забудемъ найденнаго нами свойства измѣненій въ составѣ населенія: процентъ женщинъ, способныхъ по своимъ лѣтамъ рождать дѣтей, становится все меньше и меньше по мѣрѣ

того, какъ увеличивается процентъ размноженія, и процентъ рожденій, возможный въ обществѣ неразмножающемся, становится невозможнымъ въ обществѣ, быстро размножающемся.

Подумаемъ же сначала о томъ, какой процентъ рожденій возможенъ въ обществѣ неразмножающемся или размножающемся медленно. Но предварительно постараемся разъяснить себѣ самую сущность вопроса,—обыкновенно онъ излагается такъ сбивчиво, что нелишнимъ будетъ повнимательнѣе вникнуть въ его смыслъ.

О чемъ собственно идетъ дѣло? О такомъ ли числѣ рожденій, къ достиженію котораго можетъ быть принужденъ человѣческій организмъ внѣшнимъ насиліемъ, или о такомъ числѣ рожденій, которое было бы естественнымъ послѣдствіемъ отстраненія всякихъ задержекъ размноженія со стороны нужды? Извѣстно, что всякое живое существо, въ томъ числѣ и человѣкъ, можетъ быть принуждаемо насиліемъ къ дѣятельности, превышающей нормальную его силу. Такъ, напримѣръ, можно принудить человѣка работать по 18 часовъ въ сутки, но такая утировка не будетъ благопріятна успѣшности дѣла: изнуренный работникъ въ теченіе 18 часовъ наработаетъ меньше, чѣмъ сработалъ бы въ 10 часовъ, если бы не изнурены были его силы чрезмѣрностью работы, налагаемой на него чужою волею. Точно также организмъ женщины можетъ быть принуждаемъ къ рожденію количества дѣтей, превышающаго ея силы; но опять-таки это не будетъ благопріятно быстротѣ размноженія. Изнуренная мать будетъ рождать младенцевъ, лишенныхъ способности жить. Притомъ же подобное положеніе женщины возможно лишь при грубости нравовъ, то есть при невѣжествѣ, то есть при дурномъ положеніи общества, неблагопріятномъ размноженію. Мы, конечно, ищемъ не того, какое число дѣтей можетъ родиться въ условіяхъ, неблагопріятныхъ размноженію,—мы хотимъ знать, какой процентъ рожденій можетъ быть въ обществѣ при существованіи всѣхъ благопріятнѣйшихъ для размноженія условій.

Важнѣйшими препятствіями размноженію въ существующихъ нынѣ обществахъ должны считаться грубость нравовъ и нужда. Какимъ образомъ относятся оба эти элемента къ числу рожденій? Теорія Мальтуса говоритъ намъ, что они уменьшаютъ его. Дѣйствительно, фабричные работники западныхъ странъ удерживаются нуждою отъ вступленія въ бракъ; многіе люди средняго сословія также удерживаются ею отъ женитьбы или по заключеніи брака отъ рожденія столькихъ дѣтей, сколькихъ могли бы имѣть, если бъ не тяготились ихъ многочисленностью. Но такіе факты относятся къ значительной массѣ населенія лишь съ недавняго времени, да и то лишь въ немногихъ странахъ. Въ тѣхъ же странахъ въ прежнія времена было не такъ, а въ другихъ странахъ не такъ бываетъ до сихъ поръ относительно всей массы населенія. Нужда ни мало не удерживаетъ нашихъ поселянъ ни отъ вступленія въ бракъ, ни отъ рожденія дѣтей, она дѣйствуетъ между ними совершенно обратнымъ образомъ. Если семейство осталось безъ взрослаго мужчины, нужда заставляетъ подростающаго юношу жениться какъ можно раньше,—это представляется способомъ поправить хозяйственныя дѣла. Да и во всякомъ семействѣ мужикъ старается

какъ можно раньше женить сыновей, чтобы имѣть даровыхъ работницъ. Овдовѣвшій мужикъ женится опять-таки по тому, что безъ женитьбы его хозяйство разстроилось бы. Точно таково же положеніе дѣлъ во всей Австріи, въ большей части Пруссіи. Нужда, опасеніе нужды или разсчеты, свойственные нуждающемуся сословію—увеличиваютъ въ земледѣльческомъ населеніи этихъ странъ количество браковъ, принуждаютъ молодыхъ людей вступать въ бракъ раньше, чѣмъ они желали бы. Точно также дѣйствуетъ въ главной массѣ населенія восточной Европы и грубость нравовъ. Въ низшихъ слояхъ городскаго населенія она способствуетъ нынѣ безбрачію, но въ сельскомъ населеніи вовсе не имѣетъ этого дѣйствія, а ведетъ лишь къ тому, что жена продолжаетъ рождать дѣтей и тогда, когда по изнуренію силъ сама по себѣ удержалась бы отъ этого. Такое же дѣйствіе имѣютъ грубость нравовъ и нужда въ земледѣльческомъ населеніи самой Англіи. Изъ этого слѣдуетъ, что если въ нѣкоторыхъ слояхъ нѣкоторыхъ европейскихъ обществъ, обстоятельства, неблагопріятныя размноженію, уменьшаютъ число рожденій, то въ другихъ слояхъ тѣхъ же обществъ и во всей массѣ населенія другихъ обществъ эти обстоятельства, напротивъ, доводятъ число рожденій до величины, какой не могло бы оно достигать при большемъ благосостояніи и меньшей грубости нравовъ. Кто вникнетъ въ дѣло, тотъ убѣдится, что въ Россіи, Австріи, Италіи, въ восточной половинѣ Пруссіи, всей восточной Германіи, дѣйствительное число рожденій никакъ не меньше, а наоборотъ, значительно больше того процента, какой былъ бы при совершенномъ устраненіи всѣхъ задержекъ къ размноженію. Во Франціи и въ Англіи съ нѣкотораго времени не то; но и тамъ еще не очень давно было точно такъ же: бѣдность не уменьшала, а увеличивала число рожденій.

Какое же число рожденій находимъ въ странахъ, въ которыхъ бѣдность и грубость имѣютъ свойство увеличивать число рожденій, доводятъ цифру ихъ до процента, котораго не достигала бы она при благосостояніи съ полною свободою естественныхъ влеченій,—до процента, изнурительнаго для силъ женскаго организма,—словомъ сказать, до величины, превышающей норму, даваемую натурою человѣческаго организма?

Въ большей части случаевъ, цифра эта колеблется между 35 и 40 рожденій на 1,000 населенія. Она поднимается нѣсколько выше 40 въ отдѣльныхъ небольшихъ областяхъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ составъ населенія уклоняется отъ нормы,—напримѣръ, взрослые мужчины уходятъ на работу въ другія мѣста, и потому пропорція женщинъ дѣлается неестественно велика; поднимается выше 40 временнымъ образомъ и въ большихъ странахъ послѣ исключительныхъ обстоятельствъ, истребившихъ слишкомъ много мужчинъ и также неестественно возвысившихъ пропорцію женщинъ (напримѣръ, въ Пруссіи послѣ наполеоновскихъ войнъ). Но безъ ненатуральныхъ нарушеній въ нормальномъ составѣ населенія, число рожденій не поднимается выше 40 на 1,000 населенія. До 45 оно доходитъ рѣдко и при исключительныхъ обстоятельствахъ; выше 45 оказывается лишь изрѣдка въ тѣхъ странахъ, статистическіе отчеты которыхъ не слишкомъ достовѣрны; до 48 не достигаетъ ни одна цифра, сколько нибудь

заслуживающая вѣроятія; наконецъ, 50 рожденій на 1,000 населенія не показывается даже и въ отчетахъ, не имѣющихъ претензіи на точность [41]).

Не знаемъ, согласится ли съ нами читатель, но мы полагаемъ, что въ восточной Европѣ число дѣйствительныхъ рожденій до сихъ поръ остается выше нормальнаго или, вѣрнѣе сказать, выше того, какое было

---

[41]) Въ примѣръ, беремъ всѣ цифры выше 35 рожденій на 1,000 населенія изъ таблицы, составленной Гильяромъ (Elements de statistique humaine, стр. 282 и слѣд.); мы перелагаемъ дроби въ десятичныя, для удобнѣйшаго сравненія. Цифры ниже 35, относящіяся къ тѣмъ же странамъ или странамъ съ такими же обычаями, мы не выписываемъ.

Страны.	Годы, къ которымъ относятся цифры.	Число рожденій на 1,000 населенія.
Швеція	1757 — 60	36,30
Баварія	1831 — 35	35,27
„	1841 — 45	35,30
Пруссія	1816 — 20	40,32
„	1821 — 25	40,47
„	1826 — 30	37,59
„	1831 — 35	37,31
„	1835 — 40	39,07
„	1841 — 45	40,24
„	1846 — 50	38,83
Саксонія	1836 — 40	40,84
„	1841 — 45	40,98
„	1846 — 50	41,24
Виртембергъ	1832 — 37	44,92
„	1838 — 42	43,29
Сардинія	1835 — 40	36,35
Неаполь	1821 — 24	43,48
Португалія	1838 — 41	35,50
Нижняя Австрія	1831 — 35	38,05
„	1836 — 40	37,55
„	1841 — 45	40,68
Истрія	1831 — 35	38,46
„	1836 — 40	38,09
„	1841 — 45	37,37
Богемія	1831 — 35	40,24
„	1836 — 40	38,98
„	1841 — 45	40,27
Моравія	1831 — 35	39,81
„	1836 — 40	39,52
„	1841 — 45	40,80
Силезія	1831 — 35	40,24
„	1836 — 40	39,88
„	1841 — 45	40,32
Галиція	1831 — 35	43,10
„	1836 — 40	45,66
„	1841 — 45	46,34
Буковина	1831 — 35	44,44
„	1836 — 40	45,66
„	1841 — 45	47,17
Ломбардія	1831 — 35	41,41
„	1836 — 40	43,05
„	1841 — 45	42,83
„	1846 — 50	39,29
Венеція	1831 — 35	40,00
„	1836 — 40	40,52
„	1841 — 45	39,87
„	1846 — 50	37,29

Изъ этихъ цифръ многія требовали бы повѣрки; но она отняла бы слишкомъ много времени; а къ какимъ результатамъ повела бы повѣрка, читатель можетъ судить по одному примѣру, котораго не внесли мы въ таблицу. Въ Россіи за 1841—1848 годы Гильяръ показываетъ по Тенгоборскому число рожденій 50 на 1,000 населенія. Мы не имѣли подъ руками данныхъ для повѣрки цифръ за эти годы, но у насъ было сдѣлано вычисленіе за 1847—1856 годы. Оно даетъ только 41,02 рожденій

бы нормальнымъ при нынѣшнемъ состояніи нравственныхъ понятій. Мы полагаемъ, что едва ли можно ожидать даже 40 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія при устраненіи нужды, насильственно увеличивающей число ихъ. Во всякомъ случаѣ 45 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія,—такая цифра, до которой въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ не достигаетъ общество даже подъ вліяніемъ нужды, значительно увеличивающей ихъ по нашему мнѣнію; цифра эта возможна только при исключительныхъ случаяхъ нарушеній нормальной пропорціи между числомъ мужчинъ и женщинъ, и нѣтъ ни одного достовѣрнаго случая, когда число рожденій достигало бы до 50 на 1,000 человѣкъ населенія. Намъ кажется также, что при смягченіи нравовъ, при улучшеніи обращенія мужей и отцовъ съ зависимыми отъ нихъ женщинами, число рожденій должно значительно понизиться даже при нынѣшнихъ понятіяхъ о нравственности.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы вспомнимъ, какія нелѣпыя условія нужны для полученія цифры 100 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія, то мы увидимъ, что и 50 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія все еще цифра невѣроятная по своей огромности. Она требуетъ, чтобы каждая женщина рождала, среднимъ числомъ, по 7 человѣкъ дѣтей. Пусть сообразитъ каждый изъ насъ, достигается ли такая пропорція въ сословіяхъ, пользующихся полнымъ благосостояніемъ, держащихся обычая заключать браки очень рано и не знающихъ никакой воздержности въ размноженіи,—напримѣръ, въ купеческомъ сословіи. Считать, среднимъ числомъ, по 6 человѣкъ дѣтей на каждую женщину въ такихъ сословіяхъ,—это уже слишкомъ много, а это составитъ только 40 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія.

Наконецъ, просимъ читателя не забывать, что какую бы цифру рожденія ни приняли мы за нормальную при довольно медленномъ размноженіи, она должна уменьшаться при болѣе быстромъ размноженіи отъ увеличенія пропорціи дѣтей въ составѣ населенія, въ которомъ нынѣшняя пропорція взрослыхъ людей поддерживается лишь чрезмѣрною смертностью между младенцами.

Намъ кажется, что если читатель обсудитъ дѣло внимательно—онъ увидитъ основательность соображеній, заставляющихъ насъ принимать 40 рожденій на 1000 человѣкъ населенія за самую высшую цифру, какая только допускается устройствомъ человѣческаго организма безъ насильственнаго

на 1,000 населенія, да и эта цифра больше дѣйствительной, по неполнотѣ переписей населенія. Какимъ же способомъ за 1841—1848 годовъ Тенгоборскій получилъ неправдоподобную цифру 50 рожденій на 1,000 населенія, когда между 1841—1848 и 1847—1856 годами не было никакой замѣтной разницы ни въ обычаяхъ, ни въ обстоятельствахъ народной жизни? Просто, онъ не потрудился внимательно сосчитать, а написалъ цифру на-авось.

Есть у Гильяра еще одна цифра, заслуживающая оговорки: число рожденій на островѣ Мадерѣ за 1838—1841 годы показано у него 52,63 на 1,000 населенія. Это можетъ быть: въ жаркихъ климатахъ люди быстрѣе достигаютъ зрѣлости, потому процентъ рожденій можетъ быть значительнѣе, чѣмъ въ умѣренныхъ климатахъ. Можетъ быть, но только „можетъ быть“, потому что любопытно было бы узнать, до какой степени точны переписи населенія на островѣ Мадерѣ. Впрочемъ, если въ жаркомъ климатѣ процентъ рожденій и больше, за то несомнѣнно больше тамъ процентъ неизбѣжной, органической или естественной смертности. Потому, еще неизвѣстно, слѣдуетъ ли для жаркаго климата принять процентъ размноженія, хотя бы равный проценту размноженія въ умѣренномъ климатѣ.

изнуренія физическихъ силъ женщинъ въ населеніи неразмножающемся; въ населеніи, размножающемся быстро, цифра эта будетъ меньше.

Процентъ размноженія получается черезъ вычитаніе числа умирающихъ изъ числа рождающихся. Относительно смертности между дѣтьми до 5-лѣтняго возраста мы имѣемъ въ изслѣдованіяхъ Чедуика цифру, которую слѣдуетъ признать за наименьшую возможную по самому устройству организма; но напрасно стали бы мы искать въ какихъ нибудь статистическихъ изслѣдованіяхъ такой же нормальной или наименьшей цифры смертности для остальнаго населенія, за исключеніемъ дѣтей, имѣющихъ менѣе 5 лѣтъ. Человѣческая жизнь во всѣхъ сословіяхъ подвержена столькимъ непріятностямъ, лишеніямъ и бѣдствіямъ, что даже въ классахъ самыхъ счастливыхъ много людей умираютъ преждевременно. Чтобы достичь цифры сколько нибудь похожей на возможную наименьшую, надобно было-бы взять на отборъ только такихъ людей, жизнь которыхъ не была сокращена никакими обстоятельствами, похожими на нужду; сосчитавъ лѣта, въ которыхъ умерли 1000 или 10,000 такихъ людей, мы получили бы наибольшую среднюю продолжительность жизни и наименьшую смертность, возможную въ нынѣшнемъ обществѣ подъ условіемъ совершеннаго благосостоянія. Но этого до сихъ поръ никто не сдѣлалъ; не успѣли сдѣлать и мы. Потому вмѣсто положительныхъ цифръ мы принуждены здѣсь удовольствоваться только соображеніями.

Основаніемъ для этихъ соображеній послужатъ намъ таблицы смертности во Франціи; Францію предпочительно передъ другими странами мы выбираемъ потому, что изъ всѣхъ большихъ державъ она имѣетъ самую точную статистику по движенію населенія.

По вычисленіямъ Чедуика (Handbuch der vergleichenden Statistik von C. Fr. Kolb, стр. 401), изъ дѣтей англійскихъ землевладѣльцевъ въ первыя пять лѣтъ жизни умираютъ, какъ мы уже говорили, 20 на 100 родившихся. По таблицѣ Гейшлинга, исправленной Гильяромъ (Annuaire de l'Economie Politique pour 1854, стр. 462), изъ 1,000 дѣтей, рождающихся во Франціи, умираетъ въ первыя пять лѣтъ 274. Изъ этого мы выводимъ, что смерть 74 между ними надобно считать слѣдствіемъ нужды; а 200 человѣкъ умерли бы и тогда, когда бы все населеніе Франціи пользовалось такимъ же довольствомъ и вело бы такой же здоровый образъ жизни, какъ англійскіе землевладѣльцы.

Теперь намъ нужно разсудить, какую пропорцію умирающихъ между людьми старше 5 лѣтъ во Франціи слѣдуетъ считать умирающими отъ нужды и какое число, за исключеніемъ этихъ лишнихъ умершихъ, остается на долю самыхъ результатовъ органическаго устройства. Неудобство квартиры, сырость и холодъ, дурное питаніе и всѣ вредныя вліянія бѣдности, конечно, имѣютъ надъ слабымъ организмомъ младенца еще больше силы, чѣмъ надъ дѣтьми, прошедшими періодъ младенчества, и надъ взрослыми людьми. Если изъ 274 младенцевъ бѣдность убиваетъ 74 и въ смерти остальныхъ 200 виновата не бѣдность, а самая природа человѣка, то нельзя [illegible]ать, чтобы пропорція лишнихъ смертей, производимыхъ бѣдностью, была [illegible]той цифры между умершими старше пяти лѣтъ. Напротивъ, слѣ-

дуетъ полагать, что излишекъ смертей отъ бѣдности между младенцами гораздо значительнѣе, чѣмъ между людьми, прошедшими слабѣйшій возрастъ. Намъ кажется, что мы останемся ниже предѣловъ вѣроятности, если положимъ, что на одну лишнюю смерть выше пяти лѣтъ приходится двѣ лишнихъ смерти между младенцами, или, выражаясь иначе, что младенецъ вдвое болѣе взрослаго ребенка и совершеннолѣтняго человѣка слабъ передъ вліяніемъ дурной матеріальной обстановки. Впрочемъ, кому угодно думать иначе, кому кажется, что младенецъ можетъ переносить холодъ, сырость и т. д. не хуже взрослаго человѣка, тотъ найдетъ у насъ вычисленіе, сообразное такому взгляду, подлѣ вычисленія, принимаемаго нами за болѣе согласное съ разсудкомъ. Приступаемъ же къ этимъ вычисленіямъ.

Среднее населеніе Франціи за періодъ 1840—1849 годовъ было 34,964,500 человѣкъ. Среднее число рожденій за эти годы было 997,896. Среднее число смертей 842,919. Прежде всего отдѣлимъ между умершими младенцевъ до 5-ти лѣтняго возраста отъ остальныхъ умершихъ. Они составляли въ общей цифрѣ 34,0250% (Annuaire de l'Economie Politique pour 1854, стр. 456), то есть число этихъ младенцевъ было 247,735. Остальные 595,184 человѣкъ между умершими были старше 5-ти лѣтъ.

Полагая, что нужда дѣйствовала на младенцевъ не убійственнѣе, чѣмъ на взрослыхъ, мы найдемъ, по пропорціи 200 : 274, что изъ этихъ 595,184 смертей 434,441 составляютъ естественный результатъ, независимый отъ нужды, а 160,743 смерти надобно приписать бѣдности. 595,184 смертей выше 5 лѣтъ на 34,964,500 человѣкъ составляютъ 17,022 смертей на 1,000,000 жителей, или 1,7022%; 434,441 смерти на то же населеніе составляютъ 12,425 на 1,000,000, или 1,2425%.

Разница между 17,022 и 12,425 составляетъ 4,597. Если мы положимъ, что бѣдность отражается на смертности младенцевъ вдвое сильнѣй, чѣмъ на смертности взрослыхъ, то надобно между взрослыми только половину этой цифры, 4,597, считать цифрою смертей отъ нужды, а другую половину надобно приписывать также самому устройству человѣка.

Такимъ образомъ мы имѣемъ во Франціи 17,022 смертей между взрослыми на 1,000,000 населенія. Въ этой цифрѣ одна часть производится внутреннимъ закономъ, по которому каждый человѣкъ, какъ бы хороша ни была его житейская обстановка, все-таки долженъ раньше или позже умереть; эту часть мы должны назвать естественной наименьшей смертностью. Мы получимъ ее, когда изъ общей цифры вычтемъ число смертей, производимыхъ нуждою и всѣми вредными ея послѣдствіями.

Если мы положимъ, что нужда дѣйствуетъ на младенцевъ не сильнѣе, чѣмъ на взрослыхъ, то изъ 17,022 мы должны вычесть 4,597 смертей, какъ слѣдствіе нужды, и естественная смертность между людьми старше 5 лѣтъ остается у насъ только 12,425 на 1,000,000.

Если же нужда дѣйствуетъ на младенцевъ вдвое сильнѣе, чѣмъ на взрослыхъ, вычитать надобно только 2,298, и естественная смертность между людьми старше 5 лѣтъ остается 14,724.

Естественная смертность между младенцами въ первые пять лѣтъ составляетъ, по изслѣдованіямъ Чедвина, 20 умирающихъ на 100 человѣкъ родившихся.

Мы имѣемъ теперь приблизительныя опредѣленія двухъ факторовъ, отъ сочетанія которыхъ зависитъ пропорція размноженія.

Мы видѣли, что при нынѣшнемъ положеніи женщинъ число рожденій едва доходитъ до 40 на 1,000 человѣкъ населенія въ странахъ, гдѣ естественная норма, сообразная съ силами женскаго организма, превышается. Мы видѣли, что цифра 45 рожденій на 1,000 представляется лишь какъ рѣдкое исключеніе, и въ большей части случаевъ едва-ли можетъ считаться достовѣрною; а до цифры 50 на 1,000 не доходитъ ни одна нація, имѣющая вѣрныя народныя переписи. Надобно думать, что съ улучшеніемъ положенія женщины число рожденій станетъ ниже цифры 40 на 1,000, выше которой едва-ли можно съ достовѣрностью принимать пропорцію рожденій и при нынѣшней зависимости женщинъ.

Наименьшая смертность между новорожденными, при всевозможномъ благосостояніи въ нынѣшнемъ обществѣ, простирается до 20 на 100, а на-

именьшая смертность между людьми, имѣющими болѣе 5 лѣтъ, по всей вѣроятности, не меньше 1,47 (1,4724)%, и ни въ какомъ случаѣ не меньше 1,24 (1,2425) %.

Вотъ крайніе предѣлы наибольшаго числа рожденій и наименьшаго числа смертей въ обществѣ, въ которомъ бѣдность не была бы причиною ни одной смерти и не останавливала бы ни одного рожденія. Предѣлы эти съ обѣихъ сторонъ довольно широки. Предоставляемъ читателю самому судить, какая цифра наиболѣе вѣроятна на той и на другой сторонѣ. Вычислимъ теперь проценты размноженія и періоды удвоенія по цифрамъ, между которыми каждый можетъ выбирать ту, какая кажется ему вѣроятнѣе.

Процентъ рожденій.	Процентъ умирающихъ до 5 лѣтъ (20 изъ 100 рождающихся).	Процентъ умирающихъ старше 5 лѣтъ.	Остатокъ (перевѣсъ числа рожденій надъ числомъ смертей) или проц. размноженія. Наибольшій.	Остатокъ (перевѣсъ числа рожденій надъ числомъ смертей) или проц. размноженія. Вѣроятнѣйшій.	Число лѣтъ въ періодѣ удвоенія при соотвѣтствующемъ процентѣ. Наибольшемъ.	Число лѣтъ въ періодѣ удвоенія при соотвѣтствующемъ процентѣ. Вѣроятнѣйшемъ.
5,0 — 1,00			2,7575—2,5275		25,48 — 27,77	
4,5 — 0,90			2,3575—2,1275		29,75 — 32,93	
4,0 — 0,80			1,9575—1,7275		35,75 — 40,47	
3,5 — 0,70			1,5575—1,3275		44,85 — 52,56	

ОТЪ 1,2425 ДО 1,4725

Читатель видитъ, что для періода удвоенія около 25 лѣтъ нужно число рожденій, значительно превышающее даже исключительные случаи особенной многочисленности рожденій. Онъ видитъ, что при цифрѣ 40 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія,—той цифрѣ, которая даже въ обществахъ, гдѣ дѣйствительное число рожденій превышаетъ норму силъ женскаго организма, бываетъ обыкновенною лишь пока размноженіе задерживается нуждою, періодъ удвоенія оказывается отъ 35,7 до 40,5 лѣтъ и послѣдняя цифра основана на болѣе вѣроятной пропорціи нормальныхъ смертей. Онъ видитъ также, что продолжительность періода удвоенія растетъ по гораздо быстрѣйшей прогрессіи, чѣмъ уменьшается число рожденій. Такъ отъ уменьшенія рожденій съ 50 на 100 до 45—періодъ размноженія по вѣроятнѣйшему проценту нормальной смертности возрастаетъ на 5,2 лѣтъ; при уменьшеніи рожденій еще на одну половину процента, періодъ удвоенія возрастаетъ уже на 7,5 лѣтъ, а при уменьшеніи рожденій еще на одну половину процента—уже на 12,1 лѣтъ. Мы говорили, что каждое улучшеніе въ положеніи женщины должно имѣть своимъ результатомъ уменьшеніе числа рожденій. Цифра 35 на 100 такъ не далека отъ нынѣшней цифры обществъ, гдѣ бѣдность, при нынѣшнемъ положеніи женщины, ненормально возвышаетъ цифру рожденій, что эту цифру 35 надобно считать самымъ высокимъ предѣломъ числа рожденій при самомъ незначительномъ улучшеніи положенія женщины. До какой цифры спустилось бы число рожденій при хорошемъ положеніи женщины, конечно, мы не можемъ сказать теперь, потому что теперь не можетъ быть у насъ статистическихъ свѣдѣній объ этомъ. Достовѣрно только одно: число рожденій, при которомъ размноженіе населенія становится очень медленнымъ, не далеко отъ той цифры, до какой должно уменьшится число рожденій, если прекратится въ массѣ народа хотя то грубое насиліе, которое уже брошено образованнымъ сословіемъ.

Все, что говорено нами до сихъ поръ, относится къ обществамъ, имѣющимъ понятія и обычаи такіе, какъ теперь. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, какія перемѣны должны произойти отъ распространенія образованности между простолюдинами. Но каждому понятна тѣсная связь между обычаями массы и идеями, при какихъ остается даже образованная часть общества. Каково бы ни было развитіе отвлеченной науки, обычаи образованныхъ сословій не могутъ быть очень далеки отъ обычаевъ массы, а понятія человѣка не могутъ быть далеки отъ обычаевъ, которыхъ онъ держится. Конечно, самый ученый, или, что еще лучше, самый просвѣщенный мусульманинъ не чувствуетъ всей нелѣпости многоженства такъ живо, не имѣетъ о ней такихъ ясныхъ понятій, какъ мы, привыкшіе жить въ обществѣ, гдѣ господствуетъ единоженство. Едва ли кто нибудь скажетъ, что и наши нынѣшніе обычаи составляютъ верхъ совершенства. На этомъ мы остановимся, предоставляя отдаленному будущему рѣшить, сохранятся ли въ немъ, въ отдаленномъ будущемъ, тѣ изъ нашихъ обычаевъ и понятій, при которыхъ число рождающихся хотя сколько нибудь можетъ превышать, при полномъ матеріальномъ довольствѣ, число умирающихъ. Заботиться о томъ, что станетъ дѣлаться между людьми черезъ 500 лѣтъ, не наше дѣло; для насъ довольно, если мы убѣдимся, что ужасы, которыми грозятъ намъ, составляютъ и при нашихъ обычаяхъ, и при нашихъ господствующихъ понятіяхъ совершенно пустые фантомы не только относительно насъ, но и относительно нашихъ потомковъ на нѣсколько вѣковъ.

Мы нашли, что періодъ удвоенія, при нынѣшнихъ обычаяхъ странъ, гдѣ число рожденій даже превышаетъ естественную норму, имѣетъ едва-ли меньше, а по всей вѣроятности больше 35 лѣтъ. Мы видимъ, что періоды удвоенія въ 15 или 12 лѣтъ—чистая химера, происшедшая только отъ забвенія о дѣйствительно-возможномъ наибольшемъ числѣ рожденій, и что даже періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ, казавшійся Мальтусу самымъ продолжительнымъ изъ всѣхъ вѣроятныхъ, долженъ считаться, напротивъ того, неправдоподобно-краткимъ. Мы знаемъ теперь, что даже при нынѣшнемъ состояніи земледѣлія, самыя населенныя страны Европы могутъ своими продуктами содержать населеніе въ восемь разъ большее нынѣшняго. Такимъ образомъ даже въ нихъ нечего было бы опасаться за три періода удвоенія. Эти три періода никакъ не могли бы занять менѣе цѣлаго столѣтія, хотя бы не умеръ съ нынѣшняго дня ни одинъ человѣкъ отъ нужды, и рождалось полное число дѣтей, какое только можетъ быть рождаемо женщинами тѣхъ странъ.

Эта отсрочка всякой нужды въ продовольствіи, при быстрѣйшемъ возможномъ размноженіи населенія, дается уже нынѣшнимъ состояніемъ земледѣльческой техники или, лучше сказать, даже и не нынѣшнимъ, а такимъ, какое было назадъ тому лѣтъ двадцать, когда еще не начинались попытки приложенія машинныхъ способовъ производства къ земледѣлію. Гаспаренъ, цифры котораго служатъ основаніемъ нашему выводу о легкости увеличить земледѣльческій продуктъ наиболѣе населенныхъ странъ западной Европы въ восемь разъ, еще не принимаетъ въ соображеніе новѣйшихъ усовершенствованій. При нихъ, конечно, получается еще большій

продуктъ. Надобно притомъ замѣтить, что увеличеніе продукта въ восемь разъ, о которомъ говоритъ Гаспаренъ, получается черезъ увеличеніе труда и капитала не въ восемь разъ, а въ пропорціи гораздо меньшей. Нынѣшній продуктъ Франціи производится капиталомъ, который Гаспаренъ опредѣляетъ въ 12 милліардовъ франковъ; чтобы увеличить продуктъ въ восемь разъ, нужно по его счету еще 51 милліардъ франковъ, т. е. для прибавки 700% въ продуктѣ нужна прибавка въ капиталѣ и трудѣ только на 425%. Это значитъ, что когда населеніе Франціи возросло бы въ восемь разъ, то для полученія продовольствія въ нынѣшнемъ достоинствѣ ему пришлось бы употреблять только двѣ трети усилій, съ которыми добывается продовольствіе нынѣ, или при одинаковости труда французы имѣли бы тогда пищу въ полтора раза лучше нынѣшней.—Кажется, что этой вѣковой отсрочки бѣдствій отъ размноженія людей довольно для успокоенія нынѣшняго поколѣнія; кажется, ясно должно быть для насъ, что не излишеству населенія и не закону размноженія людей слѣдуетъ приписывать нынѣшнюю нужду, а надобно отыскивать другія причины ея; кажется, ясно, что не заботу объ уменьшеніи числа рожденій, а заботу объ исправленіи какихъ нибудь недостатковъ экономическаго быта—слѣдуетъ считать прямымъ лекарствомъ отъ нынѣшней нужды. Нужда отъ излишества населенія и при нынѣшнемъ состояніи земледѣлія могла бы настать не раньше трехъ періодовъ удвоенія, кратчайшій срокъ которыхъ 100 лѣтъ; а въ этотъ вѣкъ земледѣліе, вѣроятно, сдѣлало бы нѣкоторые техническіе успѣхи, которыми опять отдалилась бы эпоха недостаточности продовольствія для людей, размножающихся со всевозможною быстротою. Но если кому нибудь цѣлое столѣтіе кажется перспективою слишкомъ краткою, если кто имѣетъ такое чувствительное сердце и пугливое воображеніе, что захочетъ въ 1860 году мучиться страхомъ бѣдствій, которыя не могли бы никакъ начаться раньше 1960 года, тотъ можетъ найти себѣ нѣкоторое облегченіе въ мысляхъ о переселеніи.

Если періодъ удвоенія считать въ 20 или 15 лѣтъ, то надобно согласиться, что послѣдователи Мальтуса совершенно правы, когда говорятъ, что эмиграція не можетъ послужить прочнымъ противодѣйствіемъ бѣдствію отъ недостатка продовольствія. Дѣйствительно, при такомъ процентѣ размноженія, она не можетъ увеличить продолжительности каждаго періода удвоенія большимъ числомъ лѣтъ. Если, напримѣръ, періодъ удвоенія 20 лѣтъ, то процентъ размноженія 3,6; если при такомъ размноженіи будетъ эмигрировать ежегодно 1,5% населенія, то все-таки за этой убылью останется ежегодное приращеніе въ 2,1%; а при этомъ процентѣ населеніе страны все-таки удвоится въ 33 года; эмиграція, какъ видимъ, растянетъ періодъ удвоенія только на 13 лѣтъ. Но совершенно иное дѣло, если періоды удвоенія и безъ эмиграціи довольно длинны; тогда она можетъ удлинять ихъ очень большимъ числомъ лѣтъ. Мы видѣли, что вѣроятнѣйшій періодъ удвоенія имѣетъ, при нынѣшнемъ положеніи женщины, не менѣе 35 лѣтъ, а при нѣкоторомъ (незначительномъ) улучшеніи ея положенія—около 52 лѣтъ. Посмотримъ, на сколько удлинятся эти періоды отъ переселенія.

Переселеніе, размѣромъ въ 0,5%, при нынѣшнемъ состояніи путей сообщенія—должно назвать чрезвычайно легкимъ. Очень легко совершается переселеніе даже въ размѣрѣ 1%. Мы имѣемъ примѣры тому, что годичная эмиграція въ 1,25% населенія тѣхъ странъ, изъ которыхъ шло переселеніе, совершалась безъ экономическаго затрудненія [42]).

Процентъ размноженія.	Періодъ удвоенія безъ эмиграціи.	Эмиграція.	Процентъ, по которому размножается населеніе, остающееся въ странѣ.	Періодъ удвоенія населенія, остающагося въ странѣ.
1,9575	35,8	0,5	1,4575	49,90 лѣтъ.
1,3275	52,6	0,5	0,8275	91,68 „
1,9575	35,8	1,0	0,9575	72,74 „
1,3275	52,6	1,0	0,3275	212,00 „
1,9575	35,8	1,5	0,7075	98,32 „
1,3275	52,6	1,5	0,0775	894,80 „

Изъ этой таблицы читатель видитъ, что при эмиграціи въ 1% періодъ удвоенія отъ 36—52 лѣтъ удлиняется до 73 – 212 лѣтъ; при эмиграціи въ 1,25% онъ достигаетъ 98 лѣтъ, если положеніе женщины не улучшается, а при его улучшеніи періодъ удвоенія растягивается слишкомъ на 894 года.

Теперь, кажется, фактъ недостатка продовольствія отъ размноженія людей отстраненъ на разстояніе, достаточно далекое для человѣка съ самою пылкою охотою забывать о настоящемъ изъ-за опасностей будущаго. Если бы какой нибудь странѣ дѣйствительно стало угрожать излишество населенія, она можетъ при помощи эмиграціи устранить это стѣсненіе по крайней мѣрѣ на 294 года, если сама не пойдетъ впередъ по пути цивилизаціи, а если сдѣлаетъ въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ хотя малѣйшіе успѣхи въ цивилизаціи, сравнительно съ нынѣшнимъ своимъ бытомъ, то отстранитъ отъ себя опасность на 2,684 года, т. е., считая отъ нынѣшняго 1860 года, въ первый разъ почувствуетъ стѣсненіе отъ излишка населенія не раньше 4,544 года по Р. Х.

Читатель понимаетъ, какой смыслъ имѣютъ эти громадныя цифры періода удвоенія въ 894 году, періода отсрочки земледѣльческаго дефицита на 2,684 года,—цифры, явно смѣющіяся надъ нами и своею огромностью, превышающею всякій разсчетъ экономическихъ вѣроятностей, и своею нелѣпою претензіею на точность; эти цифры говорятъ намъ: не бойтесь; кто хочетъ запугать васъ, противъ того выставьте вы насъ, — опровергнуть насъ нельзя; но мы построены на нынѣшнихъ вашихъ обычаяхъ и понятіяхъ,—неужели вы думаете мѣрить далекое будущее вашими обычаями, понятіями, средствами производства? Неужели вы полагаете, что ваши праправнуки будутъ такими же, какъ вы? Не бойтесь, они будутъ умнѣе

[42]) Изъ Германіи вышло переселенцевъ:
въ 1852 году . . . . . 162,301 человѣкъ.
„ 1853 „ . . . . . 162,568 „
Въ 1854 году размѣръ переселенія былъ еще значительнѣе. Австрійскія и Прусскія области Германскаго Союза почти не участвовали въ этомъ движеніи. Населеніе всѣхъ остальныхъ государствъ Нѣмецкаго Союза составляло тогда 17½ милліоновъ. Многія изъ этихъ государствъ давали также ничтожную долю переселенцевъ, потому надобно считать, что нѣкоторыми государствами, принимавшими главное участіе въ этомъ движеніи, выселялось ежегодно болѣе чѣмъ 1,25%. Такъ, напримѣръ, изъ Бадена, имѣвшаго въ 1855 году 1,315,000 жителей, выселилось въ 1854 году 21,561 человѣкъ: это составляетъ 1,7%.

васъ. Думайте о томъ, какъ вамъ устроить вашу жизнь, а заботу о судьбѣ праправнуковъ оставьте праправнукамъ. Вы можете видѣть, что не только вы можете, что и ваши дѣти и внуки могутъ уже обезпечить себя отъ нищеты,—ну, пусть этого и будетъ довольно съ васъ: черезъ 200 лѣтъ люди будутъ смѣяться надъ вашими надеждами на будущее, какъ надеждами слишкомъ мелкими, надъ вашими опасеніями за будущее, какъ опасеніями, проистекавшими только изъ вашей дикости.

IV.

Дѣйствительный источникъ дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ и истинный смыслъ мальтусовой теоріи.

Соображенія, нами изложенныя, приводятъ къ такимъ результатамъ:

Убыль производительности земледѣльческаго труда при возрастаніи количества труда на данномъ пространствѣ земли, безъ улучшенія земледѣльческой техники и житейскихъ отношеній, опредѣлена Мальтусомъ подъ вліяніемъ понятій, явно преувеличенныхъ. Какова она на самомъ дѣлѣ, никто не потрудился опредѣлить, но въ каждой агрономической книгѣ находятся доказательства, что она гораздо меньше, чѣмъ полагалъ Мальтусъ.

По какому проценту способно размножаться населеніе при устраненіи всѣхъ задержекъ, этого опять никто не потрудился опредѣлить и всѣ продолжаютъ повторять мнѣніе Мальтуса, преувеличенность котораго опять-таки ясна для каждаго, кто захочетъ вникнуть въ дѣло. Отчасти по недостатку статистическихъ данныхъ, а еще больше по незнакомству съ высшими частями математики, мы не въ силахъ были опредѣлить наибольшій возможный процентъ возрастанія точнымъ образомъ и принуждены были ограничиваться отыскиваніемъ приблизительныхъ цифръ. Самая высокая изъ этихъ приблизительныхъ цифръ даетъ періодъ удвоенія продолжительнѣе того, какой казался Мальтусу самымъ длиннымъ: періоды удвоенія менѣе 25 лѣтъ оказываются совершенно неправдоподобными, а самый краткій изъ вѣроятныхъ предѣловъ періода удвоенія при нынѣшнихъ нравахъ — около 35 лѣтъ. Смягченіе нравовъ ведетъ къ удлиненію періода удвоенія и мы не имѣемъ предѣла, о которомъ можно было бы сказать, что при извѣстномъ смягченіи нравовъ онъ не окажется все еще слишкомъ коротокъ; напротивъ, есть основаніе думать, что при устраненіи нынѣшней грубости семейныхъ отношеній дѣйствіемъ распространяющагося просвѣщенія, размноженіе прекратится, и число населенія станетъ увеличиваться лишь вслѣдствіе общественной надобности въ томъ; а когда надобности въ томъ не будетъ, не будетъ и размноженія. Человѣческій организмъ устроенъ такъ, что можно сомнѣваться въ томъ, свойственно ли ему даже поддерживать существующее число населенія, если онъ не возбуждается тяготѣніемъ общественнаго мнѣнія, то есть разсчетомъ пользы. Очень вѣроятно, что если число рожденій не возвышается искусственно принужденіемъ со стороны общественнаго мнѣнія, а предоставляется дѣйствію естественныхъ чувствъ человѣка, то оно едва достаточно для покрытія убыли отъ смерт-

ности, производимой не нуждою и ея результатами, а самымъ устройствомъ организма.

Но какъ бы то ни было, ни въ какомъ случаѣ дефицитъ земледѣльческаго продукта не можетъ появляться отъ естественной невозможности предотвратить его. Если мы примемъ явно преувеличенную прогрессію ослабленія производительности земледѣльческаго труда, принимаемую Мальтусомъ, и если мы примемъ какой угодно краткій періодъ удвоенія, хотя бы явно невозможный по устройству организма, мы все-таки получимъ, что для предотвращенія дефицита нужно было бы усовершенствованіе земледѣльческой техники лишь въ такомъ размѣрѣ, который гораздо меньше дѣйствительнаго прогресса въ земледѣльческомъ искусствѣ. Размѣръ земледѣльческихъ улучшеній, требуемый для предотвращенія дефицита, даже при быстротѣ размноженія, далеко превышающей физическія силы организма, такъ малъ, что всегда во всѣхъ прогрессирующихъ странахъ дѣйствительное улучшеніе земледѣльческой техники шло гораздо быстрѣе.

Наконецъ, какъ бы ни думали мы о возможности или легкости дальнѣйшихъ земледѣльческихъ усовершенствованій, нынѣшнее положеніе земледѣльческой техники таково, что предотвращаетъ естественное появленіе дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ по крайней мѣрѣ на три періода удвоенія даже въ странахъ, имѣющихъ нынѣ самое густое населеніе. Нынѣшнее состояніе земледѣльческихъ знаній таково, что, и безъ всякаго прогресса въ немъ, даже сама Великобританія съ Ирландіею можетъ производить въ восемь разъ больше продовольствія, чѣмъ нынѣ. Для другихъ европейскихъ странъ еще значительнѣе пропорція возможности увеличить свой нынѣшній земледѣльческій продуктъ при нынѣшнемъ состояніи техники, безъ всякаго обремененія условій, на которыхъ получается нынѣшній продуктъ или, точнѣе сказать, съ облегченіемъ этихъ условій. Если нынѣ трудомъ одного работника получается въ Англіи или какой бы то ни было другой странѣ, съ извѣстнаго количества земли, 40 четвертей пшеницы, то при нынѣшнемъ состояніи земледѣльческой техники трудомъ 8 работниковъ, на томъ же пространствѣ земли, легко получить 320 четвертей, никакъ не меньше, а по всей вѣроятности даже больше.

Итакъ нынѣшнимъ состояніемъ земледѣльческихъ знаній самая густо населенная страна обезпечена отъ недостатка въ продовольствіи на три періода удвоенія. Какую продолжительность имѣетъ этотъ срокъ обезпеченія, даваемаго нынѣшнимъ состояніемъ знаній? Можно опровергнуть безспорными математическими доказательствами человѣка, который вздумалъ бы говорить, что три періода удвоенія займутъ время меньше 100 лѣтъ при всевозможной быстротѣ размноженія, какая только допускается самымъ устройствомъ организма, и надобно думать, что этотъ срокъ не меньше 120 лѣтъ. Но таковъ онъ—отъ 100 до 120 лѣтъ (или по всей вѣроятности нѣсколько больше),—только въ такомъ случаѣ, если нѣтъ никакой эмиграціи изъ страны, о размноженіи населенія въ которой мы говоримъ. Если же часть населенія эмигрируетъ въ страны, еще не населенныя или слишкомъ мало населенныя (а изъ всѣхъ густо населенныхъ странъ идетъ теперь такая эмиграція), то періодъ удвоенія значительно растягивается. При

эмиграціи слабой (примѣрно около $^1/_2\%$) онъ удлиняется до 50—75 лѣтъ, и три періода удвоенія займутъ отъ 150 до 250 лѣтъ слишкомъ. При эмиграціи довольно значительной (примѣрно около 1%) періодъ удвоенія потребуетъ отъ 75 до 200 лѣтъ, и три періода удвоенія займутъ отъ 250 до 600 лѣтъ. Наконецъ, при эмиграціи болѣе сильной, періодъ удвоенія будетъ возрастать до гораздо большаго числа лѣтъ, и, напримѣръ, при эмиграціи около $1^1/_4\%$ онъ никакъ не можетъ потребовать менѣе 100 лѣтъ, а по всей вѣроятности потребуетъ несравненно большаго числа лѣтъ, между тѣмъ эмиграція въ $1^1/_4\%$ не имѣетъ ничего труднаго даже при нынѣшнемъ состояніи средствъ сообщенія, хотя бы совершалась на самое далекое разстояніе, на цѣлую половину окружности земнаго шара.

Такимъ образомъ нынѣшнимъ состояніемъ земледѣльческой техники, при нынѣшнихъ средствахъ переселенія, самыя густонаселенныя страны обезпечены отъ недостатка продовольствія по крайней мѣрѣ больше, чѣмъ на 400 лѣтъ, а по всей вѣроятности, на періодъ, несравненно продолжительнѣйшій. Неужели правдоподобно было бы предположить, что въ теченіе столь долгаго времени, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, земледѣльческія знанія не сдѣлаютъ никакихъ успѣховъ? Это явная нелѣпость. Земледѣльческое искусство находится нынѣ еще въ младенчествующемъ положеніи; разработка естественныхъ наукъ, отъ которыхъ все тутъ зависитъ, еще только начинается. Надобно послушать химиковъ о томъ, какія надежды имѣютъ они на результаты дальнѣйшаго развитія своей науки, и мы увидимъ, что нынѣшніе способы добыванія пищи скоро будутъ казаться такими же грубыми, медленными, малопроизводительными, какъ представляются намъ теперь прежніе способы пряденія ручнымъ веретеномъ или перевозки посредствомъ вьючныхъ каравановъ. Наша цивилизація еще только начинается, и мы не въ силахъ представить себѣ, даже при самомъ пылкомъ воображеніи, до какой власти надъ природою доведетъ насъ она,— насъ, людей нынѣ живущихъ, а не потомковъ нашихъ,—черезъ какихъ нибудь 30 или 40 лѣтъ, а не черезъ 300 или 400 лѣтъ. Кажется, нечего безпокоиться намъ о томъ, будутъ ли потомки наши черезъ 400 лѣтъ имѣть земледѣльческую технику лучше нынѣшней. Вѣроятно, будутъ. А на 400 лѣтъ ограждаетъ человѣчество отъ недостатка продовольствія нынѣшняя техника.

Мы пришли къ результату, противоположному выводамъ, какіе дѣлаетъ изъ своей теоріи Мальтусъ. Пусть вспомнитъ читатель коренную мысль знаменитой мысли Мальтуса: есть люди, приписывающіе нищету и другія бѣдствія неудовлетворительности человѣческихъ отношеній, говоритъ онъ: «нѣтъ, зло, проистекающее изъ человѣческихъ отношеній, только поверхностное, второстепенное, ничтожное зло, устраненіемъ котораго нимало не облегчилась бы судьба людей, потому что коренной источникъ главной массы нынѣшнихъ бѣдствій лежитъ въ законѣ самой природы. Дѣйствіемъ закона природы должно неизбѣжно производиться столько нищеты съ ея послѣдствіями, чтобы истреблялись тѣ лишніе люди, которые не истребляются зломъ, происходящимъ отъ человѣческихъ отношеній; уменьшеніемъ этого зла, проистекающаго отъ человѣческихъ отношеній, только

увеличился бы размѣръ дѣйствія зла, производимаго закономъ самой природы. Правда, бѣдствуетъ и погибаетъ отъ самихъ людей много людей, но погибающіе не могутъ избѣжать погибели,—ихъ уничтожитъ природа, если не истребятъ человѣческія отношенія. Думаютъ, продолжалъ онъ, что дѣйствіе закона природы могло бы надолго быть отвращено или смягчено улучшеніемъ человѣческихъ отношеній;—нѣтъ, природа не дастъ отсрочки, сколь нибудь чувствительной; никакими усиліями нельзя остановить ея истребительнаго дѣйствія хотя на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Мы нашли, что все это совершенно не такъ. Въ рукахъ человѣка, при нынѣшнемъ положеніи знаній, находятся средства устранить гибельное дѣйствіе закона природы на нѣсколько столѣтій; а въ теченіе этихъ долгихъ столѣтій, знанія, конечно, разовьются, въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться; а каждое развитіе знаній снова и снова продолжаетъ срокъ возможности отстранять гибельное дѣйствіе закона природы. На необозримое пространство времени отстраняется право приписывать закону природы человѣческія бѣдствія. Все то будущее, о которомъ въ силахъ мы судить или хотя воображать, и далекое теченіе времени за самыми предѣлами этого горизонта—очищено наукою отъ необходимости или какой бы то ни было надобности быть бѣдственнымъ для человѣка.

Мальтусъ воображалъ, что источникъ зла въ физической любви; что она должна быть обуздываема. Но это значитъ опять-таки сваливать причину зла на природу, ставить разрѣшеніе задачи выше власти человѣка. Физическая любовь не есть нѣчто зависимое отъ человѣческихъ отношеній, она принадлежитъ не общественному быту, а органическому дѣйствію, существующему въ натурѣ отдѣльнаго человѣка, подобно явленіямъ питанія, кровообращенія, отдѣленія желчи, слюны и т. д. Говорить о воздержности въ физической любви—значитъ то же самое, что говорить о воздержности въ пищѣ. Конечно, съ развитіемъ благоразумія человѣкъ отвыкаетъ отъ обжорства; но все, чего можно ожидать или требовать въ этомъ отношеніи, состоитъ въ томъ, чтобы онъ не переходилъ границъ, требуемыхъ здоровьемъ организма. Ожидать, чтобы человѣкъ сталъ по благоразумію принимать меньше пищи, чѣмъ нужно его организму, значитъ ожидать невозможнаго; требовать этого значитъ быть жестокимъ безъ всякой вѣроятности достичь какого-нибудь результата своей жестокостью. Люди никогда не станутъ добровольно держать себя въ состояніи голода. Другое дѣло—держать ихъ насильно въ голодномъ состояніи: это возможно. Но политическая экономія доказываетъ, что насильственныя мѣры никогда не бываютъ полезны. Она вся построена на той мысли, что хорошихъ результатовъ достигаетъ человѣкъ только добровольною, самопроизвольною дѣятельностью. Ожидать отъ такой дѣятельности воздержанія въ пищѣ, превышающаго гигіеническую надобность, какъ мы сказали—совершенный вздоръ. А извѣстно, какой результатъ достигается, когда человѣкъ ограничиваетъ себя въ употребленіи пищи только до предѣловъ гигіенической надобности: результатомъ будетъ, что онъ, сохраняя хорошее здоровье и хорошій желудокъ, проживетъ гораздо больше и въ общемъ итогѣ съѣстъ гораздо больше пищи въ свою жизнь, чѣмъ когда бы обжорствовалъ, то есть часто

доводилъ свой желудокъ до разстройства, до безсилія принимать пищу, и сокращалъ свою жизнь. Точно то же и съ физическою любовью. О чемъ вы говорите?—О томъ ли, чтобы человѣкъ не предавался въ ней излишеству, вредному для организма, или о томъ, чтобы онъ доводилъ свою воздержность до высоты, превышающей гигіеническую норму? Если дѣло идетъ о воздержности отъ вреднаго здоровью излишества, ваше требованіе превосходно, и можно надѣяться, что люди лучше и лучше станутъ исполнять его по мѣрѣ развитія образованности. Но результатомъ будетъ здѣсь не уменьшеніе, а увеличеніе итога явленій, называемыхъ физическою любовью, какъ результатомъ воздержности отъ обжорства бываетъ не уменьшеніе, а увеличеніе итога дѣятельности желудка. Если, напримѣръ, вы говорите, что подростающему человѣку слѣдуетъ воздерживаться отъ преждевременной физической любви, это совершенно справедливо, и люди будутъ современемъ слѣдовать этому гигіеническому правилу, когда человѣческія отношенія улучшатся, воспитаніе не станетъ преждевременно раздражать воображеніе и рождать въ головѣ мысли о вещахъ, еще не требуемыхъ организмомъ мальчика или дѣвочки. Но человѣкъ, не ослабившій своихъ силъ преждевременной физической любовью, будетъ по достиженіи лѣтъ, нормально соотвѣтствующихъ началу ея, имѣть къ ней гораздо больше силъ и сохранять эти силы гораздо дольше, чѣмъ если бы ослабилъ себя, преждевременно предавшись ей, когда еще организмъ его недостаточно развился. Точно также вы говорите очень хорошо, если желаете, чтобы совершеннолѣтніе люди не предавались физической любви до излишества, истощающаго силы. Но тутъ опять-таки вы достигаете лишь того, что въ общей сложности человѣкъ будетъ больше и дольше пользоваться физическою любовью. Требованіе воздержности въ предѣлахъ гигіенической нормы,—требованіе, сообразное съ разсудкомъ и пользою человѣка, требованіе, осуществимое, но ведущее къ возрастанію роли, какую имѣетъ физическая любовь въ человѣческой жизни.

Совершенно иное дѣло, если требованіе воздержности состоитъ въ намѣреніи уменьшить эту роль, въ чемъ и состоитъ Мальтусова теорія воздержности. Для этого надобно не то, чтобы человѣкъ соблюдалъ гигіеническія правила, а чтобы онъ отказывалъ своему организму въ одной изъ природныхъ его функцій; чтобы люди захотѣли держать себя въ томъ родѣ, какъ держали бы себя—закрывая глаза, когда хочется не спать, а смотрѣть, затыкая уши, когда хочется слушать, голодая, когда здоровый желудокъ требуетъ пищи: это требованіе не осуществимое. Добровольно такъ держать себя станутъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, лишь чрезвычайно немногіе люди исключительнаго характера; они всегда есть и будутъ, какъ всегда есть и будутъ люди, не чувствующіе желанія подышать свѣжимъ воздухомъ, или отворачивающіеся отъ хорошей картины, отъ живописнаго пейзажа. Какое бы странное расположеніе характера ни придумали вы, всегда вы найдете нѣсколькихъ людей такого расположенія. Есть люди, предпочитающіе душную атмосферу чистому воздуху, предпочитающіе скучную книгу интересной, и т. д. Но по каждому такому отношенію число людей съ подобнымъ расположеніемъ характера или темпера-

мента такъ ничтожно, что ихъ образъ дѣйствій не имѣетъ и никогда не можетъ имѣть вліянія на общій ходъ народной жизни. Изъ тысячи человѣкъ одинъ подавитъ въ себѣ физическую любовь,—нѣтъ, не найдется и одного такого на цѣлую тысячу людей,—чтожъ изъ того? Какое замѣтное вліяніе на массу наслажденія физическою любовью въ обществѣ или на процентъ размноженія будетъ имѣть воздержность этого человѣка? Тѣ изъ мальтусіанцевъ, которые ожидаютъ хотя бы самыхъ ничтожнѣйшихъ результатовъ отъ теоріи добровольнаго воздержанія—люди слишкомъ наивные. Но такихъ людей мало между ними: почти всѣ они очень хорошо сознаютъ, что всѣ слова ихъ о добровольной воздержности—пустыя слова, что воздержностью отъ физической любви размноженіе можетъ быть останавливаемо или замедляемо лишь въ томъ случаѣ, когда воздержность налагается на людей внѣшнимъ принужденіемъ: постановленіями или обычаями, воспрещающими людямъ вступать въ бракъ, если не достигли они извѣстныхъ лѣтъ или извѣстнаго положенія въ обществѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣло относится главнымъ образомъ къ мужчинѣ, потому что онъ глава семейства, онъ обязанъ содержать семейство, наконецъ, онъ располагаетъ самымъ заключеніемъ брака, потому что онъ ищетъ себѣ невѣсту, когда хочетъ, а дѣвушка играетъ пассивную роль, ждетъ, пока явится женихъ. Разсмотримъ же результаты, которыхъ слѣдуетъ ожидать отъ стѣсненія мужчинъ законами или обычаями относительно женитьбы. Были и отчасти сохраняются до сихъ поръ такія формы быта, въ которыхъ личная мысль человѣка не развита, въ которыхъ онъ подчиняется существующимъ обычаямъ или постановленіямъ, не разсуждая о нихъ, и по слабости мышленія не представляетъ себѣ возможности поступать иначе. Таковъ до сихъ поръ бытъ массы земледѣльцевъ не у насъ однихъ, а также и во всей Европѣ, даже въ самой Англіи. Рутина—дурная или хорошая—владычествуетъ надъ ихъ жизнью. У насъ, напримѣръ, принято поселянами, что каждому парню слѣдуетъ жениться какъ можно раньше. У другихъ поселянъ, напримѣръ, въ сѣверной Италіи и южной Франціи, существуетъ правило, что не слѣдуетъ парню жениться, пока онъ не найдетъ себѣ особенной фермы, и значительная часть поселянъ женится поэтому въ лѣтахъ не очень молодыхъ. Который изъ этихъ двухъ обычаевъ хорошъ или оба они хороши по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не въ томъ дѣло; дѣло въ томъ, что оба они соблюдаются и поступки каждаго отдѣльнаго поселянина сообразуются съ господствующимъ въ его землѣ обычаемъ. Покорность обычаю устраняетъ развитіе явленій, несогласныхъ съ нимъ, и, напримѣръ, между поселянами южной Франціи нѣтъ разврата, хотя многіе изъ нихъ женятся поздно. Но цивилизація идетъ не къ тому, чтобы развивалась или хотя сохранялась безотвѣтная покорность обычаю. Въ городскомъ населеніи люди мыслятъ уже самостоятельно, и самостоятельность въ мысляхъ, ведущая къ самостоятельности въ поступкахъ, разливается изъ городовъ въ села. А между тѣмъ, пропорція городского населенія все растетъ. Значительная часть каждой европейской націи перешла, остальная не замедлитъ перейти въ состояніе, при которомъ люди могутъ соблюдать обычай по разсчету, но не хотятъ подчиняться его послѣдствіямъ, если

находятъ ихъ стѣснительными для себя. Слѣпое сердечное подчиненіе всѣхъ поступковъ обычаю можетъ при обычаѣ, запрещающемъ женитьбу до извѣстныхъ лѣтъ или до извѣстнаго устройства жизни, задерживать размноженіе съ сохраненіемъ народной нравственности. Прежде такъ и было. Теперь отчасти уже не то, а скоро будетъ совершенно не то: личность развивается. Извѣстно, какую жизнь ведутъ тѣ люди городского населенія, которые не могутъ вступать въ бракъ. Они предаются физической любви никакъ не меньше людей, живущихъ въ бракѣ, только правильныя отношенія замѣняются у нихъ другими. Связи внѣ брака производятъ меньше дѣтей, чѣмъ брачныя отношенія, только тогда, когда еще остаются въ мнѣніи общества дѣломъ постыднымъ, то-есть пока еще не распространились въ массѣ населенія. Если же они становятся общимъ правиломъ, то люди перестаютъ стыдиться ихъ; тогда и внѣбрачныя связи производятъ совершенно такое же число дѣтей, какъ брачное сожительство. Если бы для блага человѣчества нужно было заботиться объ уменьшеніи числа рожденій, достичь этого нельзя было бы ни фразами о воздержности отъ физической любви, которыя по натурѣ человѣка всегда будутъ оказываться безсильными, ни затрудненіями вступленія въ бракъ, которыя вели бы только къ связямъ внѣ брака, при своей распространенности дающимъ такое же число рожденій, какъ и бракъ.

Но мы видѣли, что ни теперь нѣтъ, ни въ теченіе многихъ, по крайней мѣрѣ, 10 слѣдующихъ поколѣній не будетъ никакой надобности заботиться объ уменьшеніи числа рожденій, потому что теперь никакая быстрота размноженія не служитъ и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ не будетъ служить причиною нищеты. Мы видѣли, что нищета происходитъ не отъ закона природы, а просто отъ человѣческихъ отношеній, и еслибъ не они, то нынѣшнее состояніе земледѣльческаго искусства на нѣсколько вѣковъ обезпечивало бы людей отъ недостатка въ продовольствіи при полной быстротѣ размноженія, къ какой только способенъ организмъ.

Чтобы понять, отчего на самомъ дѣлѣ происходитъ дефицитъ земледѣльческаго продукта съ нищетою и другими своими результатами, обратимъ вниманіе на два обстоятельства—на отношеніе основнаго капитала къ прибыли и на пропорцію земледѣльческаго населенія въ общемъ составѣ населенія.

Всѣ наши прежнія соображенія о величинѣ земледѣльческихъ улучшеній, требуемой для покрытія дефицита при размноженіи, основаны были на томъ, что пропорція населенія, занимающагося земледѣліемъ, остается неизмѣнною при возрастаніи населенія. Это условіе принимается и въ мальтусовой теоремѣ; иначе и не слѣдуетъ поступать въ наукѣ, основанной на гипотетическомъ методѣ: она всегда начинаетъ разъясненіе вопросовъ тѣмъ, что приводитъ ихъ въ наипростѣйшій видъ, условно отвлекая сущность дѣла отъ всѣхъ посторонннихъ обстоятельствъ, которыми измѣняется оно въ дѣйствительности. Но по разъясненіи сущности дѣла, наука обращается къ разсмотрѣнію формъ, которыми облекается оно въ дѣйствительности подъ вліяніемъ другихъ элементовъ общественной жизни.

По отношенію къ пропорціи между земледѣльцами и всею массою

населенія могутъ быть предположены еще два случая, кромѣ простѣйшаго, которымъ ограничивались мы до сихъ поръ. Что такое было бы при сохраненіи неизмѣнной пропорціи—выводы мы уже видѣли; но пропорція между числомъ земледѣльцевъ и числомъ населенія можетъ также уменьшаться или увеличиваться. Посмотримъ сначала, какъ видоизмѣнился бы требуемый размѣръ улучшеній, еслибы пропорція земледѣльцевъ въ составѣ населенія возрастала.

Предположимъ, что въ томъ году, съ котораго начинается нашъ счетъ, земледѣліемъ занималась ровно половина населенія, а другая половина занималась другими производительными работами, или непроизводительнымъ трудомъ. Положимъ теперь, что изъ прибавляющихся людей поступаютъ въ занятіе земледѣліемъ больше половины,—то-есть, если нѣкоторые сыновья земледѣльцевъ становятся ремесленниками, купцами и такъ далѣе, за то большее количество между сыновьями ремесленниковъ, купцовъ и т. д. становятся земледѣльцами. Положимъ, что этотъ перевѣсъ въ обращеніи людей къ земледѣльческимъ занятіямъ составляетъ одну десятую часть всего приращенія не-земледѣльческихъ сословій. Для простоты разсчета, положимъ, число земледѣльцевъ 10 милліоновъ, а всего населенія 20 милліоновъ. Будемъ считать результаты размноженія по 25-лѣтнему періоду удвоенія.

При этомъ періодѣ удвоенія, процентъ размноженія составляетъ, какъ мы знаемъ, 2,81138; значитъ, естественное приращеніе 10 милліоновъ земледѣльцевъ черезъ годъ будетъ 281,138 человѣкъ. Вмѣстѣ съ ними къ занятію земледѣліемъ изъ другихъ сословій перешла одна десятая часть такого же числа (281,138) прибавочныхъ людей, т. е. 28,114 человѣкъ. Всего прибавится къ прежнимъ земледѣльцамъ 309.252 человѣка. По мальтусовой теоремѣ производительность труда прибылыхъ земледѣльцевъ уменьшается по проценту увеличенія числа земледѣльцевъ. Теперь этотъ процентъ у насъ 3,09252. Посмотримъ же, каковъ будетъ продуктъ втораго года, предполагая, что въ первомъ году продуктъ былъ 1 на каждаго жителя или 2 на каждаго человѣка въ земледѣльческомъ населеніи.

Прежніе 10 милл. земледѣльцевъ попрежнему произвели 20 милл. единицъ продовольствія.

Продуктъ новыхъ 309,252 земледѣльцевъ опредѣлится по пропорціи:

$$X : 2 \times 309{,}252 = 10{,}000{,}000 : 10{,}309{,}252.$$

Изъ этого получается: $X = 599{,}950$.

Итого, земледѣльческій продуктъ втораго года 20.599,950 единицъ продовольствія, между тѣмъ, какъ населеніе возросло до 20,562,276. Такимъ образомъ, безъ всякихъ земледѣльческихъ усовершенствованій продуктъ возрастаетъ быстрѣе населенія,—паденіе производительности прибылыхъ земледѣльцевъ съ избыткомъ вознаграждается тѣмъ, что пропорція земледѣльцевъ въ населеніи возрастаетъ. Благодаря этому, продовольствіе жителей становится даже обильнѣе прежняго: въ первый годъ приходилось по 1,00000 продовольствія на жителя, во второй годъ уже по 1,00435.

Надобно, впрочемъ, сказать, что такое вліяніе возрастанія пропорціи земледѣльцевъ будетъ постепенно ослабѣвать и, наконецъ, явится надоб-

ность въ земледѣльческихъ усовершенствованіяхъ. Впрочемъ, никогда совершенно не исчезнетъ противодѣйствующее упадку производительности отъ размноженія вліяніе возрастающей пропорціи земледѣльцевъ, и потому требуемый процентъ улучшеній всегда будетъ нѣсколько меньше того, какой нуженъ при неизмѣнной пропорціи земледѣльцевъ. Насколько, именно, ниже будетъ онъ при данныхъ величинахъ цифръ на разныхъ разстояніяхъ времени отъ перваго года, мы не будемъ высчитывать, во-первыхъ, потому, что разсчеты были бы слишкомъ длинны, а, во-вторыхъ,—и это главное,—потому, что въ странахъ съ осѣдлымъ населеніемъ никогда не бывало въ дѣйствительности такого хода дѣлъ, чтобы съ размноженіемъ населенія пропорція земледѣльцевъ въ составѣ населенія увеличивалась.

Въ дѣйствительности ходъ дѣлъ всегда былъ противнаго характера. Число городскаго населенія всегда росло въ прогрессирующихъ странахъ быстрѣе, чѣмъ общее число населенія, да и въ самыхъ селахъ число людей, занимающихся не земледѣльческими работами или ни чѣмъ не занимающихся, росло быстрѣе, чѣмъ общее число сельскаго населенія. Пропорція земледѣльцевъ въ составѣ населенія повсюду уменьшалась съ размноженіемъ населенія и съ развитіемъ цивилизаціи. Посмотримъ хоть вокругъ себя. Въ селахъ все увеличивается пропорція людей, живущихъ какимъ-нибудь ремесломъ, торговлей и не пашущихъ землю. Въ мелкихъ городахъ, прежде занимавшихся исключительно хлѣбопашествомъ, все бо́льшая и бо́льшая пропорція жителей переходитъ къ другимъ дѣламъ. Вообще, городское населеніе растетъ быстрѣе общаго числа жителей имперіи. Такъ шло дѣло постоянно во всѣхъ странахъ, вступавшихъ на путь экономическаго прогресса; посмотримъ же, какое вліяніе имѣетъ эта перемѣна на величину улучшеній, требуемыхъ для уравновѣшенія земледѣльческаго продукта съ размножающимся населеніемъ. Конечно, у каждаго читателя уже готовъ отвѣтъ: при уменьшающейся пропорціи земледѣльцевъ въ составѣ населенія нуженъ размѣръ земледѣльческихъ улучшеній больше того, какой достаточенъ при неизмѣнной пропорціи. Такъ. Но отъ самаго ничтожнаго уменьшенія пропорціи земледѣльцевъ этотъ размѣръ улучшеній, нужныхъ на покрытіе земледѣльческаго дефицита, растетъ по прогрессіи, гораздо быстрѣйшей, чѣмъ, вѣроятно, предполагалъ бы читатель.

Предположимъ опять общество, имѣющее 20 милліоновъ населенія, въ томъ числѣ ровно половину,—10 милліоновъ земледѣльческаго населенія; положимъ опять 25-лѣтній періодъ удвоенія, и положимъ, что изъ прибылыхъ людей земледѣльческаго населенія бросаетъ хлѣбопашество и переходитъ къ другимъ занятіямъ одна десятая часть. Мы знаемъ, что прибылыхъ людей въ земледѣльческомъ населеніи явится ко второму году 281,138 человѣкъ; изъ нихъ одна десятая часть (28,114) переходитъ къ другимъ занятіямъ, а на земледѣліи остаются 253,024 человѣка. По Мальтусовой теоремѣ производительность труда прибылыхъ земледѣльцевъ уменьшается по проценту увеличенія общаго числа земледѣльцевъ. Каковъ же будетъ земледѣльческій продуктъ втораго года? Продуктъ прибылыхъ земледѣльцевъ (полагая первоначальную производительность, какъ въ прежнемъ примѣрѣ = 2) опредѣляется по пропорціи:

$$X : 2 \times 253{,}024 = 10{,}000{,}000 : 10{,}253{,}024,$$

откуда $X = 493{,}560$.

Итакъ, съ 20,000,000 единицъ продовольствія, произведенныхъ трудомъ прежняго числа хлѣбопашцевъ, весь продуктъ втораго года безъ земледѣльческихъ улучшеній будетъ только 20,493,560 единицъ продовольствія, а между тѣмъ нужно, какъ мы видѣли въ прежнемъ примѣрѣ, 20,562,276 единицъ продовольствія, потому что до такого числа людей возросло населеніе. Оказывается дефицитъ въ 68,716 единицъ продовольствія. Этотъ недочетъ долженъ быть покрытъ земледѣльческими улучшеніями. Какъ же великъ потребный для того размѣръ улучшеній, принимая первоначальную производительность = P? Эта производительность, какъ мы видѣли изъ прежнихъ разъясненій, должна быть поднята земледѣльческими улучшеніями на столько, на сколько требуемый продуктъ выше продукта, получаемаго безъ улучшеній.

$$X : P = 20{,}562{,}276 : 20{,}493{,}560.$$

Изъ этого получаемъ: $X = 1{,}003255$.

Посмотрите же, какъ разросся требуемый размѣръ улучшеній сравнительно съ тѣмъ, какой былъ достаточенъ для 25-лѣтняго періода удвоенія при неизмѣнности пропорціи земледѣльцевъ. Тогда было достаточно годичное улучшеніе въ 0,07477%, теперь нужно оно въ 0,3255%, то есть слишкомъ въ 4 раза больше. Тогда было достаточно усовершенствовать земледѣліе въ теченіе столѣтія на 7,76%, теперь нужно возвысить его въ тотъ же періодъ времени на 38,4%, то есть въ пять разъ больше.

А между тѣмъ какъ ничтожно принятое нами уменьшеніе пропорціи земледѣльцевъ! Вѣдь разница между 10,281,138 земледѣльцевъ, которые работали бы во второй годъ при неизмѣнности пропорціи, и 10,255,024 земледѣльцевъ, которые остались на работѣ, по принятому нами измѣненію пропорціи,—вѣдь эта разница составляетъ лишь немногимъ больше $^1/_4$% (0.276). Отъ уменьшенія земледѣльцевъ на одну четверть процента понадобился размѣръ улучшеній, слишкомъ въ четыре раза большій.

Что же будетъ, если пропорція земледѣльцевъ въ составѣ населенія уменьшается по прогрессіи, болѣе быстрой? Требуемый размѣръ улучшеній будетъ возрастать по прогрессіи, еще несравненно быстрѣйшей, и при небольшихъ цифрахъ уменьшенія пропорціи земледѣльцевъ онъ уже достигаетъ той невозможной величины, о которой говорилъ Мальтусъ. Вотъ для примѣра цифры. Если предположить, что одна четвертая часть людей, прибывающихъ къ земледѣльческому населенію, покидаетъ занятіе земледѣліемъ, то потребуется годичный размѣръ улучшенія въ 0,7313%, а вѣковой размѣръ улучшенія будетъ 107,22%; если же будетъ покидать земледѣльческія занятія половина людей, прибывающихъ къ земледѣльческому населенію, то потребуется годичный размѣръ улучшенія въ 1,4062%, а вѣковой размѣръ будетъ 303,86%. Трудно предположить возможность первой изъ этихъ прогрессій улучшенія, а вторая уже явно невозможна. Что же будетъ, если земледѣльческія занятія будутъ покидаемы еще большимъ числомъ людей? А въ дѣйствительной исторіи прогрессирующихъ странъ уменьшеніе пропорціи земледѣльцевъ обыкновенно бывало значительнѣе

того, какое производится переходомъ половины прибылыхъ людей земледѣльческаго населенія отъ земледѣлія къ другимъ занятіямъ. Укажемъ въ примѣръ хотя на Францію. Передъ революціей, лѣтъ 70 тому назадъ, въ ней считалось около 24 милл. жителей, а теперь около 36 милл., такъ что приращеніе составляетъ около 50%. Число людей, занимающихся земледѣльческими работами, составляетъ теперь около половины всего населенія. Какое число людей занималось земледѣліемъ около 1790 года, этого, разумѣется, неизвѣстно въ точности; но если бы только половина прибылыхъ съ того времени къ земледѣльческому населенію людей перешла къ другимъ занятіямъ, то оказывалось бы, что въ 1790 году занималось земледѣліемъ 60% тогдашняго населенія, и все количество людей, которымъ увеличилась пропорція не земледѣльческаго населенія, съ той поры составляетъ только 10% нынѣшняго населенія или около 3,600,000 человѣкъ. Кто не видитъ, что такое число слишкомъ мало? Населеніе одного Парижа увеличилось въ эти 70 лѣтъ почти на милліонъ не размноженіемъ прежнихъ жителей, а приливомъ людей изъ провинцій; населеніе всѣхъ другихъ городовъ также возрасло этимъ путемъ и въ большей части городовъ удвоилось; въ самыхъ селахъ по крайней мѣрѣ удвоилось число людей, занимающихся не земледѣліемъ, а заводскими, фабричными, ремесленными и другими дѣлами. Если же болѣе чѣмъ 3,600,000 изъ нынѣшнихъ 17 или 18 милл. неземледѣльческаго населенія перешли въ это населеніе изъ земледѣльческаго, то масса перешедшихъ составляетъ болѣе половины изъ прибыли земледѣльческаго населенія съ 1790 года.

Да, Мальтусъ былъ правъ, говоря, что съ размноженіемъ населенія является непобѣдимый никакими земледѣльческими улучшеніями дефицитъ земледѣльческаго продукта, дефицитъ, производящій нищету съ ея послѣдствіями. Мальтусъ ошибся только тѣмъ, что остановился на одновременности этихъ двухъ явленій, и голословно назвалъ одно изъ нихъ причиною другаго, между тѣмъ какъ связь между ними только связь одновременности, а не причинности, и происходятъ они не одно изъ другаго, а каждое имѣетъ свою особенную причину. Размноженіе производится успѣхами земледѣльческой техники, улучшеніемъ въ качествѣ труда, улучшеніемъ обычаевъ и законовъ, вообще успѣхами цивилизаціи. Дефицитъ производится тѣмъ, что, не смотря на успѣхи цивилизаціи, еще остается въ жизни общества слишкомъ много отношеній, искажающихъ характеръ цивилизаціи. Одно изъ этихъ искаженій мы разсмотрѣли теперь: оно состоитъ въ томъ, что городскія и вообще неземледѣльческія занятія и праздная жизнь развиваются на счетъ земледѣльческихъ занятій быстрѣе, чѣмъ допускалось бы успѣхами земледѣльческой техники, безъ вреда для націи. Всему въ общественной жизни существуетъ своя мѣра, нарушать которую нельзя безъ вреда для націи. Конечно, прекрасно заботиться объ изящной одеждѣ, украшеніи жилищъ и обо всемъ, составляющемъ прелесть изящной жизни. Но если нація будетъ отнимать на эти заботы отъ земледѣлія больше рукъ, чѣмъ дозволяется успѣхами земледѣльческаго искусства, нація будетъ терпѣть недостатокъ въ хлѣбѣ, хотя бы размножалась, хотя бы не размножалась, все равно. Просимъ читателя вспомнить нашъ этюдъ о

выгодномъ и убыточномъ производствѣ (стр. 59—70) и о распредѣленіи покупательной силы (стр. 143—146).

Несоразмѣрное нуждамъ націи и размѣру успѣховъ земледѣльческой техники отвлеченіе рукъ отъ земледѣлія къ другимъ занятіямъ или переходъ ихъ къ праздной жизни,—вотъ одна изъ причинъ дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ. Другую причину мы увидимъ, если вникнемъ въ характеръ факта, который называется земледѣльческимъ улучшеніемъ.

Каковъ общій экономическій характеръ всякаго улучшенія въ какомъ бы то ни было производствѣ? Производство можетъ улучшаться или отъ улучшенія въ качествахъ труда, то есть въ качествахъ работника, или отъ улучшенія въ орудіяхъ производства (улучшеніе матеріала бываетъ слѣдствіемъ улучшенія въ его производствѣ, то есть опять-таки въ работникѣ или въ орудіяхъ). Чтобы приготовить болѣе искуснаго работника, нужна затрата капитала на его подготовленіе къ дѣлу; чтобы вложить въ него болѣе усердія къ дѣлу, опять-таки нужна затрата капитала на усовершенствованіе житейской обстановки работника (читатель знаетъ, что никакое улучшеніе общественнаго быта не происходитъ безъ усилій, т. е. безъ затраты труда, а возможность затраты труда дается затратою капитала). О томъ, что улучшеніе орудій производства составляетъ затрату капитала, нечего и говорить. Всѣ эти затраты таковы, что даютъ выручку не въ одинъ оборотъ производственной операціи, а лишь въ цѣлый длинный рядъ операцій, т. е. всѣ они принадлежатъ къ разряду основнаго капитала. Такимъ образомъ всякое улучшеніе производства есть ни больше, ни меньше какъ увеличеніе основнаго капитала. Но всегда ли бываетъ выгодно увеличеніе основнаго капитала для владѣльца капитала, когда бываетъ выгодно для націи? Это еще вопросъ. Отвѣчать на него очень легко.

Предположимъ общество, имѣющее 10,000 населенія или 2,000 семействъ, съ 2,000 взрослыхъ мужчинъ, о которыхъ и будемъ исключительно говорить, для простоты гипотезы, принимая взрослаго мужчину представителемъ элементовъ производства, распредѣленія и потребленія за всю семью. Пусть, по своему быту, эти мужчины распредѣляются такимъ образомъ:

1,000 хлѣбопашцевъ;
500 человѣкъ, занимающихся другими отраслями выгоднаго труда;
400 работниковъ, занятыхъ убыточнымъ трудомъ;
100 землевладѣльцевъ и капиталистовъ, по найму которыхъ работаютъ остальные 1,900 членовъ общества;

Итого 2,000 человѣкъ.

Для простоты гипотезы оставимъ въ сторонѣ всѣ другія отрасли производства и всѣ другіе элементы рабочей платы, кромѣ земледѣлія и хлѣба.

Положимъ, что на продовольствіе нужно по 4 четверти хлѣба на человѣка и 1,000 земледѣльцевъ производятъ 40,000 четвертей, по 40 четвертей каждый.

Положимъ, что рента и прибыль капиталистовъ составляютъ одну четвертую часть продукта, то есть 10,000 четвертей. Остальныя 30,000 четвертей будутъ составлять рабочую плату, которая такимъ образомъ будетъ 30 четвертей на работника.

Таково было положеніе общества въ первый годъ. Положимъ теперь, что это общество размножается по 2%. Для простоты гипотезы надобно положить, что пропорція земледѣльцевъ и рабочая плата остаются неизмѣнны. Посмотримъ же теперь, что будетъ въ обществомъ во второй годъ.

При быстротѣ размноженія въ 2%, по мальтусовой теоремѣ оказывается нужнымъ для покрытія дефицита размѣръ улучшеній, въ 0,0385%, для легкости счета положимъ въ 0,04%. При такомъ размѣрѣ улучшенія 1,020 хлѣбопашцевъ втораго года произведутъ по прежнему 40 четвертей каждый, всего 40,800 четвертей, и въ населеніи, размножившемся до 10,200 человѣкъ, по прежнему придется на каждаго жителя 4 четверти, требующіяся для полнаго продовольствія человѣка. Если же улучшеніе не будетъ произведено, то въ продуктѣ втораго года окажется недочетъ въ 0,04% противъ требующагося продукта, то есть недочетъ въ 16,32 четверти, положимъ для легкости счета въ 16 четвертей. Считая по 4 четверти на человѣка, оказывается, что недостаетъ продовольствія для 4 человѣкъ, и возникаетъ такой размѣръ нищеты и разныхъ лишеній, что 4 человѣка погибнутъ.

Спрашивается теперь, будутъ ли произведены требуемыя улучшенія или не будутъ?

Дѣло зависитъ оттого, какое количество труда нужно для производства улучшеній, дающихъ въ продуктѣ увеличеніе на 16 четвертей.

Быть-можетъ для этого требуется защитить участокъ въ 4 десятины небольшою канавою отъ весенней воды, текущей на него съ сосѣдняго холма и смывающей посѣвъ; эту канаву могутъ вырыть въ теченіе года 2 работника. Въ такомъ случаѣ затрата капитала на производство улучшенія будетъ составлять 60 четвертей (наемъ 2 работниковъ съ платою по 30 четвертей). Обращеніе 60 четвертей хлѣба въ основной капиталъ дастъ 16 четвертей дохода,—это значитъ что затраченный капиталъ дастъ прибыль въ 27%. Нѣтъ ни одного разсудительнаго землевладѣльца или капиталиста въ Европѣ, который съ радостію не сдѣлалъ бы такого улучшенія. Если бы нужны были только такія улучшенія, не существовало бы нищеты въ Европѣ.

Но быть можетъ уже защищены такими канавами всѣ поля, нуждающіяся въ нихъ и требуемое улучшеніе состоитъ въ томъ, чтобы осушить болото, занимающее 4 десятины. Если онѣ будутъ осушены, каждая изъ нихъ дастъ 4 четверти, и 16 четвертей дефицита будутъ покрыты этимъ улучшеніемъ. Но осушеніе болота требуетъ годичнаго труда 10 человѣкъ, то есть (по 30 четвертей на наемъ работника) требуетъ затраты въ 300 четвертей. 16 четвертей прибыли на этотъ капиталъ составляетъ только съ небольшимъ 5%. Въ нѣкоторыхъ странахъ лишь немногіе землевладѣльцы пренебрегутъ такимъ доходомъ, а большая часть почтутъ улучшеніе выгоднымъ для себя. Въ такихъ странахъ большая часть дефицита

покроется улучшеніемъ, и нищеты будетъ не очень много. Въ другихъ странахъ такой процентъ прибыли для всѣхъ разсудительныхъ капиталистовъ покажется слишкомъ малъ, не будетъ сдѣлана никакая часть требуемаго улучшенія, и дѣйствіе дефицита обнаружится въ полной силѣ. Вотъ именно объ этомъ случаѣ говоритъ Милль въ главѣ о возрастаніи капитала, объясняя, что размѣръ производимыхъ улучшеній зависитъ отъ того, какая величина процента прибыли на капиталъ кажется капиталисту достаточно привлекательной.

Но существуетъ еще третій случай. Быть можетъ уже осушены болота, осушеніе которыхъ легко, и остаются невоздѣланными лишь какія нибудь трясины, опоясанныя холмами. Положимъ, что для осушенія 4 десятинъ трясины, которыя стали бы давать 16 четвертей, нужно прорыть довольно большой каналъ, устройство котораго потребовало бы годичнаго труда 200 человѣкъ, т. е. (по 30 четвертей на наемъ работника) потребовало бы затраты 6,000 четвертей. На этотъ капиталъ прибыль въ 16 четвертей составитъ только 0,27%, то есть немогимъ больше $^1/_4$%. Каково бы ни было расположеніе націи къ бережливости, до какой бы высокой степени ни доходило дѣятельное стремленіе къ накопленію, никогда не можетъ оно усилиться до того, чтобы прибыль въ $^1/_4$% стала казаться привлекательною для разсудительнаго человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, какое пожертвованіе должны были бы сдѣлать землевладѣльцы и капиталисты для полученія такой ничтожной прибыли? Припомнимъ распредѣленіе работниковъ между разными занятіями. Въ первый годъ у насъ было 1,000 хлѣбопашцевъ, 500 другихъ работниковъ, занятыхъ выгоднымъ трудомъ и 400 работниковъ, занятыхъ убыточнымъ трудомъ. При размноженіи въ 2% на второй годъ будетъ

1,020 хлѣбопашцевъ,
510 другихъ выгодныхъ работниковъ,
408 работниковъ, занятыхъ убыточнымъ трудомъ.

Итого . 1,936 работниковъ.

Изъ этихъ трехъ классовъ одинъ только классъ работниковъ занятыхъ убыточнымъ трудомъ служитъ источникомъ, изъ котораго безъ вреда для общества часть работниковъ можетъ обращаться на производство земледѣльческихъ улучшеній. Но именно этотъ классъ и занимается тѣми дѣлами, отъ которыхъ зависитъ высокій комфортъ и изящество жизни землевладѣльцевъ и капиталистовъ,—онъ состоитъ изъ домашней прислуги, изъ мастеровыхъ, дѣлающихъ предметы роскоши, изъ артистовъ и т. д. Для производства требуемаго улучшенія, изъ этихъ 408 работниковъ должны бы перейти къ труду, имѣющему своимъ результатомъ производство хлѣба, 200 человѣкъ, т. е. почти цѣлая половина. Это значитъ, что домашняя обстановка землевладѣльцевъ и капиталистовъ сдѣлалась бы вдвое менѣе блестящею, и они имѣли бы для своего потребленія вдвое меньше предметовъ роскоши, чѣмъ прежде. Кто имѣлъ лакея и кучера, сохранилъ бы только лакея, потому что кучеръ обратился бы на производство улучшенія: прежде этотъ человѣкъ имѣлъ свой экипажъ, теперь онъ былъ бы при-

нужденъ ходить пѣшкомъ или ѣздить въ омнибусѣ. Чѣмъ же вознаграждается такое пожертвованіе? Если улучшеніе не произведено, продуктъ втораго года будетъ составлять 40,784 четверти; изъ нихъ въ ренту и прибыль капиталистовъ пойдетъ одна четвертая часть, т. е. 10,196 четвертей. Если улучшеніе будетъ произведено, къ этимъ 10,196 четвертей прибавится еще 16 четвертей, составляющихъ доходъ на затраченный капиталъ. Такимъ образомъ отъ производства улучшеній доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ увеличится на 0,15%, но для этого цѣлый годъ они должны были бы жить вдвое скромнѣе прежняго. Такое скряжничество не въ натурѣ человѣка; никто изъ разсудительныхъ людей не рѣшится на него.

Но если производство требуемаго улучшенія въ этомъ послѣднемъ случаѣ несовмѣстно съ выгодами землевладѣльцевъ и капиталистовъ, то совершенно не таково оно по отношенію къ потребностямъ націи. Мы видѣли, что для націи вопросъ о производствѣ или непроизводствѣ улучшенія составляетъ вопросъ о сохраненіи благосостоянія или о появленіи нищеты, простирающейся до того, что входитъ въ націю голодная смерть. Для націи дилемма такова, что разсудительному обществу нельзя колебаться въ выборѣ: для него представляется выгоднымъ не пощадить никакихъ усилій, лишь бы избѣжать земледѣльческаго дефицита. Дѣло состоитъ только въ томъ, имѣетъ ли общество возможность исполнить нужное ему дѣло, произвести требуемое улучшеніе. Въ нашемъ примѣрѣ оно имѣетъ эту возможность. Въ немъ считается на второй годъ 408 такихъ работниковъ, трудъ которыхъ нимало не содѣйствуетъ благосостоянію общества; безъ вреда для себя оно можетъ обратить какую потребуется часть или всю массу ихъ на производство земледѣльческаго улучшенія. Поэтому для полученія требуемыхъ на пополненіе дефицита 16 четвертей хлѣба оно можетъ не съ потерей, а съ пользой для себя произвесть улучшеніе, требующее годичнаго труда 200 человѣкъ, то есть затраты 6.000 четвертей хлѣба; можетъ съ пользою для себя произвесть даже такое улучшеніе, которое потребуетъ годичнаго труда 408 работниковъ, то есть затраты 12,240 четвертей на прибавку въ продуктѣ, дающую всего лишь 16 четвертей, то есть, всего лишь 0,13% прибыли на капиталъ; для капиталиста затрата въ видахъ такой ничтожной прибыли просто нелѣпа; но общество руководилось бы тутъ вовсе не разсчетомъ процентовъ прибыли на капиталъ, а просто потребностью избѣжать страданій, которыя были бы порождены земледѣльческимъ дефицитомъ. Пока на это дѣло употребляются руки людей, которые другими своими занятіями не содѣйствовали бы благосостоянію общества, всякая прибыль отъ ихъ труда надъ земледѣльческимъ улучшеніемъ составитъ чистый выигрышъ для общества. Подобно капиталистамъ, общество начнетъ разсчитывать величину прибыли на затраченный капиталъ лишь тогда, когда обращаемыя на производство руки отрывались бы отъ другихъ, выгодныхъ обществу занятій. Выгодно ли будетъ обществу обратить на производство земледѣльческаго улучшенія часть другихъ работниковъ, занятыхъ другимъ выгоднымъ трудомъ,—это уже опредѣлится разсчетомъ прибыли, которая дается ихъ трудомъ въ этихъ двухъ разныхъ случаяхъ. Напримѣръ, если годичный трудъ ткача производитъ триста

аршинъ холста или коленкора на одежду 10 человѣкъ, то не выгодно было бы оторвать этого ткача отъ прежняго дѣла на работу надъ земледѣльческимъ улучшеніемъ, дающимъ лишь одну четвертую часть процента, какъ въ нашемъ предъидущемъ примѣрѣ, когда трудомъ 200 человѣкъ (затратою 6,000 четвертей) дается прибавка продукта лишь въ 16 четвертей. Въ этомъ случаѣ трудъ одного человѣка надъ земледѣльческимъ улучшеніемъ производитъ прибавку продукта лишь въ 0,08 четверти; а на продовольствіе человѣка въ годъ нужно, по нашей гипотезѣ, 4 четверти хлѣба, стало быть годичная работа одного человѣка надъ земледѣльческимъ улучшеніемъ послужитъ къ снабженію пищею лишь одного человѣка въ теченіе лишь одной недѣли; а если ткачъ покинетъ для этого прежнюю свою работу, то 10 человѣкъ на цѣлый годъ останутся безъ удовлетворительной одежды; такой промѣнъ не выгоденъ для общества: оно отъ него потеряѣло бы въ одеждѣ гораздо большую массу недостатка, чѣмъ на сколько облегчился бы недостатокъ продовольствія. Но безъ всякой потери для общества могутъ быть обращаемы на производство земледѣльческихъ улучшеній всѣ тѣ руки, которыя не заняты выгоднымъ для общества производствомъ: какова бы ни была прибавка отъ ихъ труда къ земледѣльческому продукту, она будетъ составлять чистый выигрышъ. А пока дѣло идетъ о снабженіи общества достаточнымъ продовольствіемъ, выгоднымъ для общества трудомъ бываетъ лишь производство предметовъ необходимости, и съ точки зрѣнія общественныхъ потребностей представляются праздными или работающими въ убытокъ обществу всѣ руки, занятыя производствомъ предметовъ не первой необходимости. О рукахъ, ничего не дѣлающихъ, мы уже не говоримъ.

Такимъ образомъ величина затраты основнаго капитала, которую общество можетъ дѣлать безъ всякаго убытка для себя на земледѣльческія улучшенія, опредѣляется пропорціею количества людей, не занятыхъ въ обществѣ производствомъ предметовъ первой необходимости, сравнительно съ количествомъ хлѣбопашцевъ.

Мы видѣли, напримѣръ, что при 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія требуемый годичный размѣръ земледѣльческихъ улучшеній составляетъ 0,074768% Это значитъ, что если въ обществѣ, размножающемся съ быстротою удвоивающею число людей въ 25 лѣтъ, нужно 10,000 четвертей хлѣба для удовлетворительнаго продовольствія размножающагося населенія въ извѣстномъ году, то безъ производства земледѣльческихъ улучшеній оказался бы недочетъ около $7^1/_2$ четвертей и надобно произвести въ теченіе года такія улучшенія, которыя дали бы въ продуктѣ увеличеніе въ $7^1/_2$ четвертей. Положимъ, что въ этомъ обществѣ хлѣбопашествомъ занимаются 200 человѣкъ работниковъ съ семействами. Каждый работникъ долженъ произвести по 50 четвертей. Эти 50 четвертей мы назовемъ единицею земледѣльческаго капитала. Положимъ теперь, что въ обществѣ на 100 человѣкъ хлѣбопашцевъ считается 10 человѣкъ, занятыхъ убыточными для общества производствами или незанятыхъ ничѣмъ. Всѣ эти люди, безъ малѣйшей потери для общества, могутъ заняться производствомъ земледѣльческихъ улучшеній, и прибыль отъ произведеннаго ими улучшенія составитъ чистый выигрышъ для общества. Въ нашемъ обществѣ находится 20 такихъ

людей, соотвѣтственно предположенному числу 200 хлѣбопашцевъ. Итакъ производствомъ улучшенія, дающаго $7^1/_2$ четвертей, общество можетъ занять 20 человѣкъ. Какой же доходъ будетъ произведенъ трудомъ каждаго изъ нихъ, сравнительно съ единицею земледѣльческаго капитала? Если трудъ 20 человѣкъ даетъ доходъ въ $7^1/_2$ четвертей, то очевидно, что трудъ каждаго изъ нихъ дастъ 0,375 четвертей, а единица земледѣльческаго капитала принята у насъ въ 50 четвертей. На этотъ капиталъ 0,375 четверти составляютъ 0,75%. Изъ этого видимъ, что если въ данномъ обществѣ при 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія число рукъ праздныхъ или занятыхъ производствомъ предметовъ не первой необходимости составляетъ одну десятую часть числа земледѣльцевъ, то общество съ выгодою для себя могло бы производить даже такія земледѣльческія улучшенія, которыя давали бы въ продуктѣ лишь $^3/_4$% на затраченный капиталъ. Точно такимъ же образомъ можетъ быть найденъ предѣлъ выгоднаго для общества дохода отъ земледѣльческихъ улучшеній при всякой другой пропорціи числа праздныхъ или занятыхъ убыточнымъ трудомъ людей, сравнительно съ числомъ земледѣльцевъ. Для соображенія представляемъ здѣсь въ таблицѣ цифры нѣкоторыхъ пропорцій.

На 100 земледѣльцевъ приходится въ обществѣ праздныхъ или занятыхъ убыточнымъ для общества трудомъ людей.	Величина выгоднаго для общества дохода отъ земледѣльческихъ улучшеній, считая затраченный на нихъ капиталъ = 100.
1	7,47680
2	3,73840
3	2,49227
4	1,86820
5	1,49536
6	1,24613
7	1.06811
8	0,93410
9	0,83076
10	0,74768
20	0,37384
30	0,24923
40	0,18682
50	0,14954
60	0,12461
70	0,10681
80	0,09341
90	0,08308
100	0,07477

Мы такъ привыкли оцѣнивать все денежнымъ счетомъ, что размѣръ и характеръ экономическихъ понятій становится иногда ясенъ для насъ лишь по выраженію результатовъ ихъ въ деньгахъ. Переведемъ же полученные нами выводы въ денежный счетъ.

Съ точки зрѣнія мальтусовой теоріи, плата работнику подраздѣляется

на двѣ части: одна идетъ на продовольствіе работника и его семейства пищею, другая на удовлетвореніе остальныхъ потребностей работника. Предположивъ, что расходы роботника на пищу составляютъ $^2/_3$ всѣхъ его расходовъ, а расходы на жилище, одежду и всѣ другія надобности только $^1/_3$ суммы расходовъ, мы, конечно, положимъ для этой второй части величину слишкомъ малую, слѣдовательно, для первой слишкомъ большую. Но положимъ, все-таки, что на пищу идетъ $^2/_3$ расходовъ работника, то есть $^2/_3$ рабочей платы.

Никто не говоритъ, что количеству одежды, жилищъ и другихъ надобностей, кромѣ пищи, трудно возрастать съ такою же быстротою, какъ размножается населеніе, и въ вопросѣ о трудности затраты капитала на увеличеніе производства понимается только одна часть капитала, пища. Потому для опредѣленія числа работниковъ, которыхъ можетъ обратить общество на производство земледѣльческаго улучшенія, надобно считать только количество нужной имъ пищи.

На семейство съ однимъ взрослымъ мужчиною въ лѣтахъ, способныхъ къ работѣ, обыкновенно полагаютъ 4 человѣка дѣтей, женщинъ и стариковъ. Положимъ, на продовольствіе одного человѣка въ общемъ счетѣ населенія по 4 четверти хлѣба. Если такъ, на продовольствіе работнику съ семействомъ нужно среднимъ числомъ 20 четвертей. На 100,000 четвертей будетъ содержаться 5,000 работниковъ.

Полагая цѣну четверти хлѣба въ 3 рубля, мы видимъ, что на продовольствіе себя и семейства работникъ долженъ израсходовать 60 руб. сер. Это, по принятой нами пропорціи, составляетъ $^2/_3$ всѣхъ его необходимыхъ расходовъ. Итакъ, средняя величина рабочей платы будетъ ($^2/_3 : 1 = 60 : X$; изъ этого $X = 90$ рублей).

Такимъ образомъ, затрата 100,000 четвертей для полученія 374 четвертей прибавки въ продуктѣ соотвѣтствуетъ расходу въ 450,000 р. на наемъ 5,000 работниковъ ($90 \times 5{,}000 = 450{,}000$).

Что жъ это такое, возможность затрачивать 450.000 р. для полученія дохода въ 374 четверти, при цѣнѣ хлѣба въ 3 р. четверть и при рабочей платѣ въ 90 р. за годъ? Какія жъ это земледѣльческія улучшенія возможны при такой величинѣ затраты капитала?

Вы скажете: „дренажъ, жидкое удобреніе, кормленіе скота въ стойлѣ“,— нѣтъ, вы берете слишкомъ, слишкомъ низко; эти улучшенія даютъ прибавку въ 374 четверти при затратѣ какихъ нибудь 20 или 15 тысячъ рублей. Вы скажете: „воздѣлываніе хлѣбныхъ нивъ въ такомъ совершенствѣ, какъ нынѣ воздѣлываются огороды“ — все еще слишкомъ низко; тутъ довольно затратить на десятину какихъ нибудь 200 рублей, и десятина дастъ навѣрное прибавку больше, чѣмъ въ 1 четверть, сравнительно съ плодопеременной системой, и на полученіе прибавки въ 374 четверти понадобится затратить всего какихъ нибудь 40 или 50 тысячъ рублей. Слишкомъ, слишкомъ низко; есть возможность производить улучшенія несравненно болѣе высокія. Положите, что десятина дастъ только 5 четвертей урожая; для полученія 374 четвертей довольно будетъ обратить 75 десятинъ неудобной земли въ удобную, то есть можно тратить на это по 6,000 рублей

на десятину. При такой затратѣ, можно покрыть нивами всю, какую хотите, безплодную степь, обратить всю Сахару въ цвѣтущую землю.

Но вѣдь мы производили разсчетъ по 25-лѣтнему періоду удвоенія, а сами же видѣли, что онъ неимовѣрно кратокъ, что быстрѣйшій возможный періодъ удвоенія надобно считать около 35 лѣтъ. При такомъ періодѣ, размѣръ возможной затраты капитала еще возрастаетъ въ огромной пропорціи. Вотъ для соображенія таблица низшихъ предѣловъ выгоднаго для общества дохода отъ земледѣльческихъ улучшеній при этомъ періодѣ, съ разсчетомъ того, по скольку можетъ общество расходовать на обращеніе десятины неудобной земли въ удобную (разсчетъ этотъ составленъ на томъ же основаніи, по какому выведена возможная затрата 6,000 р. на десятину при 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія и при возможности занять производствомъ улучшенія 20 работниковъ на 100 хлѣбопашцевъ).

Число людей праздныхъ или занятыхъ убыточнымъ для общества трудомъ на 100 хлѣбопашцевъ.	Процентъ наименьшаго выгоднаго для общества дохода отъ земледѣльческихъ улучшеній, считая затраченное на содержаніе работниковъ колич. хлѣба=10.000.000.	Сумма, которая съ выгодою для общества можетъ затрачиваться на обращеніе неудобной земли въ удобную, при цѣнѣ четверти хлѣба 3 р. сер.
1	3,84443%	588 рублей.
2	1,92221	1,176 „
3	1,28148	1,764 „
4	0,96111	2,351 „
5	0,76888	2,939 „
6	0,64074	3,527 „
7	0,54920	4,150 „
8	0,48056	4,703 „
9	0,42716	5,291 „
10	0,38444	5,879 „
20	0,19222	11,757 „
30	0,12815	17,636 „
40	0,09611	23,514 „
50	0,07689	29,393 „
60	0,06407	35,271 „
70	0,05492	41,150 „
80	0,04806	47,029 „
90	0,04272	52,907 „
100	0,03844	58,786 „

Читатель понимаетъ, что значатъ эти цифры наименьшаго дохода и наибольшей затраты капитала. Если общество можетъ, не отрывая отъ другихъ выгодныхъ производствъ, обратить на производство земледѣльческихъ улучшеній такое число работниковъ, которое равняется, напримѣръ, одной пятой части хлѣбопашцевъ (въ послѣдней таблицѣ 20 на 100), то при всевозможной быстротѣ размноженія это общество не должно терпѣть недостатка въ продовольствіи до той поры, пока будутъ произведены всѣ улучшенія, дающія въ продуктѣ прибавку въ $^1/_5$% (или, собственно говоря, нѣсколько меньше, только 0,192%), сравнительно съ количествомъ хлѣба,

потребленнаго работниками, производившими улучшенія, или, иначе говоря, пока не будутъ обращены въ пашню всѣ тѣ неудобныя земли, обращеніе которыхъ въ удобныя для хлѣбопашества земли требуетъ расхода меньше чѣмъ въ 12 тысячъ рублей на десятину (при цѣнѣ хлѣба въ 3 рубля за четверть; при цѣнѣ, болѣе высокой, пропорціонально поднялась бы и сумма наибольшей возможной затраты; наприм., при цѣнѣ хлѣба въ 6 р. за четверть—затрата въ денежномъ счетѣ обозначалась бы цифрой вдвое большею, около 24 тысячъ рублей). Само собою разумѣется, что соразмѣрной величины достигаетъ и наибольшая возможная затрата на увеличеніе продукта съ земель, уже воздѣлываемыхъ. Основаніемъ счета затраты на обращеніе неудобныхъ земель подъ пашню принята величина сбора въ 5 четвертей съ десятины такой земли; это значитъ, что для увеличенія сбора съ воздѣлываемыхъ земель на одну четверть съ десятины можно затрачивать болѣе 2300 рублей, или для увеличенія сбора на $^1/_{10}$ четверти затрачивать болѣе 230 рублей на десятину земель, уже воздѣланныхъ. А пока не произведены всѣ улучшенія, дающія такой малый процентъ дохода на затрачиваемый капиталъ, пока можно дѣлать улучшенія, дающія большій процентъ дохода въ земледѣльческомъ продуктѣ,—до той поры, несмотря на всевозможную быстроту размноженія, будетъ оставаться излишекъ противъ нормы потребленія предъидущаго года, то есть на каждаго жителя будетъ приходиться пищи больше прежняго, то есть благосостояніе общества по отношенію къ продовольствію будетъ все возвышаться съ каждымъ годомъ, даже при самомъ быстрѣйшемъ размноженіи, какое только допускается устройствомъ организма.

Если судить по понятіямъ настоящаго, то надобно сказать, что мы не въ силахъ даже вообразить, чтобы когда нибудь не оставалось въ какой бы то ни было странѣ возможности производить безконечную массу земледѣльческихъ улучшеній, дающихъ болѣе $^1/_5$% на часть капитала, потребленную работниками въ видѣ пищи. Вся страна должна обратиться,—не говоримъ въ огородъ или садъ,—нѣтъ, въ одну сплошную массу оранжерей прежде, чѣмъ дойдетъ до надобности въ земледѣльческихъ улучшеніяхъ, дающихъ менѣе такой ничтожной пропорціи дохода.

V.

Общее заключеніе.

Многое хотѣлось бы мнѣ сказать еще о вопросѣ, поднятомъ теоріею Мальтуса. Но и такъ уже слишкомъ много страницъ занято предъидущими разъясненіями; размѣръ книги не дозволяетъ увеличивать число ихъ. Это было бы еще ничего; но къ сожалѣнію есть и другая причина, по которой не могу я довести изслѣдованіе до предѣловъ, какіе бы слѣдовало дать имъ: я уже указалъ эту причину. Я не имѣю теперь тѣхъ знаній, какія были бы нужны для дальнѣйшей разработки вопроса. Предоставляю продолжать дѣло людямъ, образованію которыхъ счастіе благопріятствовало

больше, чѣмъ моему, и которымъ оно дало больше чѣмъ мнѣ досуга отъ черной работы. Мнѣ пора кончить.

Покидая изслѣдованіе, котораго не хотѣлось бы покидать, сдѣлаю очеркъ положенія, въ какомъ теперь остается дѣло.

Мальтусъ оказалъ наукѣ великую услугу, рѣзко выставивъ тотъ фактъ, что на одномъ и томъ же количествѣ земли, при одномъ и томъ же состояніи общественныхъ отношеній и земледѣльческой техники,—словомъ сказать, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, производительность труда одного хлѣбопашца бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше число хлѣбопашцевъ, и наоборотъ, чѣмъ больше общее число хлѣбопашцевъ, тѣмъ меньше производительность труда каждаго изъ нихъ.

Но принявшись за изслѣдованіе съ реакціонною цѣлію, Мальтусъ прекратилъ изслѣдованіе, лишь только показалось ему, что оно привело его къ спеціальной его цѣли, дало ему аргументъ противъ радикальныхъ теорій.

Поэтому вопросъ остался недостаточно изслѣдованнымъ, и выводы Мальтуса оказываются сдѣланными опрометчиво, не соотвѣтствующими истинѣ.

Съ какою быстротою стали бы размножаться люди, еслибы нищета не задерживала размноженія, истребляя людей голодомъ, дикими отношеніями, болѣзнями? 25-лѣтній періодъ удвоенія, казавшійся Мальтусу очень возможнымъ, оказывается невозможнымъ по самому устройству человѣческаго организма. Вѣроятно, что наикратчайшій возможный періодъ удвоенія почти на половину длиннѣе этого срока. Люди по самому устройству организма, при полнѣйшемъ благосостояніи, едва ли могли бы размножаться съ быстротою болѣе 2% въ годъ, по періодамъ удвоенія менѣе, чѣмъ въ 35 лѣтъ.

Процентъ рожденій, необходимый для такой быстроты размноженія, при совершенномъ отсутствіи всякой нужды и всякихъ ея послѣдствій,—этотъ процентъ размноженія возможенъ только при чрезвычайной грубости нравовъ, при глубокомъ невѣжествѣ массы, при обычаяхъ, рожденныхъ нищетою. Онъ изнурителенъ для организма женщины, не говоря уже о томъ, что достигается лишь при совершенномъ неуваженіи естественныхъ влеченій женщины.

По мѣрѣ улучшенія общественныхъ отношеній и домашняго быта, процентъ рожденій долженъ уменьшаться безъ малѣйшаго стѣсненія органическихъ влеченій человѣка. Вопросъ состоитъ только въ томъ, какъ высока степень просвѣщенія массы, приводящая къ такому проценту рожденій, который былъ бы едва достаточенъ для покрытія наименьшей смертности, неизбѣжной по устройству организма при полномъ благосостояніи. Судя по тому, какая огромная часть рожденій производится нынѣ только чрезмѣрною грубостію семейныхъ отношеній и моральныхъ понятій въ массѣ населенія самыхъ передовыхъ странъ, надобно полагать, что при улучшеніи быта массы, даже не очень значительномъ, размноженіе прекратилось бы. Но чтобы опредѣлительнѣе указать эту степень, нужны изслѣдованія, которыхъ мы не могли сдѣлать.

Впрочемъ, каковъ бы ни былъ размѣръ прогресса въ матеріальномъ и умственномъ бытѣ массы, требующійся для приведенія числа рожденій въ

соразмѣрность съ силами и естественными влеченіями женщины,—каковъ бы ни былъ размѣръ этого прогресса, сначала задерживающаго, а потомъ совершенно останавливающаго размноженіе, нынѣшнее положеніе земледѣльческой техники таково, что она въ силахъ на нѣсколько вѣковъ предотвратить при какой угодно быстротѣ размноженія дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ, если только захотятъ заботиться объ этомъ сами люди.

Прогрессію, по которой ослабѣваетъ при размноженіи хлѣбопашцевъ, безъ производства улучшеній, производительность земледѣльческаго труда, Мальтусъ не позаботился опредѣлить сколько нибудь порядочнымъ образомъ и говорилъ о ней точно такъ же опрометчиво, какъ о способности людей къ размноженію. Для основательнаго опредѣленія этой прогрессіи нужна очень многосложная разработка кадастровыхъ и вообще агрономическихъ данныхъ по каждой странѣ,—ничего подобнаго не сдѣлано ни Мальтусомъ, ни его послѣдователями. При такой неизвѣстности предмета до сихъ поръ, нельзя сказать ничего положительнаго о размѣрѣ улучшеній, какой требовался бы дѣйствительно для покрытія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ или для уравновѣшенія этого продукта съ потребностями размножающагося населенія. При нынѣшнемъ состояніи свѣдѣній видно только, что прогрессія уменьшенія производительности, представлявшаяся сбивчивому взгляду Мальтуса на этотъ предметъ, несравненно сильнѣе всѣхъ дѣйствительныхъ прогрессій (различныхъ для разныхъ странъ), а потому и размѣръ земледѣльческихъ улучшеній, требуемыхъ на покрытіе дефицита, въ дѣйствительности гораздо меньше того, какой представлялся Мальтусу. Для разныхъ странъ этотъ дѣйствительно требующійся размѣръ улучшеній, конечно, различенъ, по различію пропорцій между пространствами земель разной степени плодородія и разной затруднительности обращенія неудобныхъ земель въ удобныя. Но составленное наобумъ понятіе Мальтуса объ этомъ предметѣ предполагаетъ нужнымъ размѣръ улучшеній, какого, конечно, не нужно ни въ одной странѣ.

Однако же, взявъ даже тотъ размѣръ улучшеній, какой слѣдуетъ изъ преувеличенныхъ понятій Мальтуса, мы находимъ, что человѣку было бы вовсе не трудно производить улучшенія и въ этомъ размѣрѣ, далеко превышающемъ норму дѣйствительной надобности. Такъ, напримѣръ, мы нашли, что если общество имѣетъ $^1/_5$ часть людей, занятыхъ убыточными производствами или ничѣмъ не занятыхъ, то обращеніемъ этихъ людей къ производству земледѣльческихъ улучшеній оно отвратило бы отъ себя всякій недостатокъ продовольствія до той поры, пока вся страна не была бы воздѣлана съ такимъ совершенствомъ, примѣромъ которому теперь могъ бы служить развѣ только уходъ за цвѣтами, растущими въ оранжереяхъ,—люди, не встрѣчая недостатка въ продовольствіи, могли бы размножаться до такого числа, для продовольствія котораго потребовалось бы возведеніе земледѣлія выше степени совершенства, по громадной затратѣ основнаго капитала, соотвѣтствующаго оранжерейному дѣлу. А въ каждой цивилизованной странѣ число людей, занятыхъ убыточными производствами или ничѣмъ не занятыхъ, составляетъ, конечно, пропорцію больше чѣмъ въ $20^0/_0$ сравнительно съ числомъ хлѣбопашцевъ.

Поэтому, ни въ одной изъ цивилизованныхъ странъ земледѣльческій дефицитъ не происходитъ отъ законовъ внѣшней природы. Напротивъ, причины его находятся въ человѣческихъ отношеніяхъ. Мы коснулись двухъ изъ этихъ отношеній. Земледѣльческое улучшеніе, подобно всякому другому техническому улучшенію, состоитъ, главнымъ образомъ, въ увеличеніи основнаго капитала. Мы видѣли у Милля, что основной капиталъ не можетъ безъ вреда для націи возрастать и обыкновенно не возрастаетъ иначе какъ обращеніемъ въ капиталъ прибыли и ренты. Но прибыль и рента, когда отдѣляются фактически отъ рабочей платы, обращаются въ капиталъ не иначе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, если процентъ дохода представляетъ достаточную привлекательность для человѣка, желающаго жить не рабочею платою, а доходомъ съ капитала. Величина процента, дающая такую привлекательность обращенію прибыли и ренты въ капиталъ, различна въ разныхъ странахъ; но не бывало никогда примѣровъ, чтобы она спускалась ниже 2%—обыкновенно стоитъ она гораздо выше даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. Между тѣмъ, для націи была бы выгодна затрата капитала на земледѣльческія улучшенія для покрытія дефицита въ продуктѣ, хотя бы доходъ составлялъ несравненно меньшую, въ нѣсколько десятковъ разъ меньшую пропорцію къ затраченному капиталу. Такимъ образомъ, очень часто можетъ представляться для націи надобность въ земледѣльческихъ улучшеніяхъ, которыя давали бы на затраченный капиталъ гораздо меньше дохода, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы затрата стала привлекательна по величинѣ дохода отъ нея для людей, живущихъ рентою или прибылью, а не рабочею платою. Въ такихъ случаяхъ рента и прибыль не обращаются въ капиталъ, а потребляются непроизводительнымъ образомъ, и остаются не произведены тѣ земледѣльческія улучшенія, какія были бы нужны для предотвращенія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ.

Въ этомъ заключается одна изъ причинъ недостаточности земледѣльческаго продукта на прокормленіе размножающагося общества. Другою служитъ та повсемѣстная черта прогресса, при существующихъ экономическихъ отношеніяхъ, что пропорція земледѣльцевъ въ составѣ населенія уменьшается. Покупательная сила, распредѣляющая работниковъ по разнымъ занятіямъ, сама распредѣляется такъ, что при успѣхахъ цивилизаціи число работниковъ, занятыхъ убыточными для общества производствами, возрастаетъ быстрѣе числа работниковъ, занятыхъ выгодными для общества производствами и въ особенности быстрѣе, чѣмъ число хлѣбопашцевъ. Значительная часть людей, прибывающихъ естественнымъ размноженіемъ къ числу хлѣбопашцевъ, выходитъ изъ этого сословія, а изъ другихъ сословій почти никто не переходитъ къ нему. Между тѣмъ, размѣръ улучшеній, требуемыхъ на уравновѣшеніе этой убыли въ пропорціи хлѣбопашцевъ, возрастаетъ по прогрессіи, несравненно быстрѣйшей, чѣмъ идетъ цифра самой убыли, и даже при не очень значительной прогрессіи уменьшенія пропорціи хлѣбопашцевъ въ составѣ населенія, недочетъ въ продуктѣ требуетъ уже размѣра улучшеній, далеко превышающаго дѣйствительный ходъ ихъ.

Когда мы примемъ въ соображеніе силу этихъ двухъ обстоятельствъ,

мы увидимъ, что дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ дѣйствительно неизбѣженъ, какъ и говорилъ Мальтусъ; только не такъ, какъ говорилъ онъ, происходитъ этотъ дефицитъ,—не отъ законовъ природы происходитъ онъ въ цивилизованныхъ обществахъ, а просто отъ этихъ обстоятельствъ, и неотвратимъ при ихъ существованіи, хотя бы размножалось населеніе, хотя бы не размножалось. Могутъ ли быть устранены изъ общественной жизни дальнѣйшими успѣхами цивилизаціи сами эти обстоятельства, неотвратимо производящія дефицитъ, пока существуютъ,—это иной вопросъ, относящійся уже не къ теоріи производства, а къ теоріи распредѣленія. Но пока они существуютъ, остаются въ полной силѣ дѣйствія надъ обществомъ тѣ выводы мальтусовой теоріи, которые ни мало не оправдываются теоріею производства. Пока существуютъ эти обстоятельства, масса не можетъ выбиться изъ нищеты съ ея послѣдствіями, и лучше массѣ не размножаться, какъ и совѣтовалъ Мальтусъ. Жаль только, что совѣтъ Мальтуса неудобоисполнимъ по своему противорѣчію съ человѣческой природой. Человѣкъ не можетъ передѣлать своего организма; потому думать людямъ слѣдуетъ не о передѣлкѣ своего организма, по совѣту Мальтуса, а развѣ о томъ, не могутъ ли быть отношенія между людьми устроены такъ, чтобы соотвѣтствовать потребностямъ человѣческой натуры. Вотъ выводъ, которымъ напутствуетъ насъ теорія производства, когда мы обращаемся къ изученію теоріи распредѣленія.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

(по миллю).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ прошлаго года сталъ я печатать при „Современникѣ“ „Переводъ Основаній Политической Экономіи“ Милля, съ прибавленіемъ своихъ замѣчаній и дополненій. Въ теченіе года успѣлъ я напечатать такимъ образомъ изъ пяти книгъ переводимаго трактата только одну первую, въ которой излагается теорія производства. Я увидѣлъ, что ошибся, когда считалъ удобнымъ прилагать свой переводъ къ журналу. Одна первая книга уже составила около 27 печатныхъ листовъ, и оказывается, что весь трактатъ будетъ составлять листовъ 100, если не больше. Я полагалъ, что не расширю его до такого объема. По шрифту, выбранному для печатанія перевода, собственно переводъ долженъ занимать около 55 листовъ. Я думалъ, что примѣчаній и дополненій сдѣлаю не много, такъ что отъ нихъ объемъ переводимаго сочиненія увеличится листовъ на 7, много на 10, и всего выйдетъ листовъ 65. Въ такомъ размѣрѣ печатаніе перевода при „Современникѣ“ можно было кончить въ два года, то есть къ концу нынѣшняго. Читатель видѣлъ, что мнѣ не удалось удержаться въ границахъ, которыя, какъ теперь разсказываю, ставилъ я себѣ при началѣ печатанія. Я увидѣлъ, что при размѣрѣ, какой принимаетъ моя работа, нѣтъ возможности продолжать ея изданіе въ прежней формѣ: оно въ этомъ случаѣ растянулось бы по четыремъ годамъ журнала, а при такой растянутости, конечно, служило бы ему только обремененіемъ. Потому-то я только докончилъ печатаніе первой книги при „Современникѣ“ и остановился.

Но остановился я только въ печатаніи моей работы при „Современникѣ“, а не въ самой работѣ. Главную часть ея,—самый переводъ Милля,—я теперь уже кончилъ, а на то, чтобы прибавить примѣчанія—потребуется не очень много времени. Поэтому я разсчитываю, что издамъ остальныя 4 книги трактата Милля отдѣльными томами довольно скоро.

Я считаю обязанностью напечатать прежде въ „Современникѣ“, въ замѣнъ полнаго перевода, обзоръ остальныхъ книгъ трактата Милля, въ

размѣрѣ, удобномъ для журнала, такъ чтобы не имѣли надобности, для пополненія къ первой книгѣ, покупать отдѣльнаго изданія читатели, которые не захотѣли бы имѣть переводъ этого сочиненія безъ того обстоятельства, что первая книга была напечатана въ получаемомъ ими журналѣ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

(Милль, книга вторая).

А. Соперничество, какъ норма распредѣленія. — Б. Классы, между которыми дѣлится продуктъ.

(Гл. III—X).

Разумѣется, мы должны обозрѣвать содержаніе трактата Милля по порядку книгъ и главъ. Первая книга уже извѣстна въ полномъ составѣ читателю. Стало быть намъ приходится начинать со второй; а во второй первыя двѣ главы трактуютъ о системахъ экономическаго устройства, основанныхъ на принципѣ, различномъ отъ господствующаго принципа новой экономической исторіи, и потомъ объ этомъ принципѣ, о частной собственности, о степени ея экономической полезности въ нынѣшнемъ ея видѣ и о томъ, какія измѣненія нынѣшняго ея вида справедливы и полезны по мнѣнію Милля:—слѣдовательно (заключаете вы) статьи наши должны начаться обзоромъ этихъ главъ, — о коммунизмѣ и о частной собственности. Какъ бы не такъ!—„держи карманъ!“—Извините за простонародное выраженіе. — Неужели, читатель, вы до сихъ поръ такъ наивны, что думаете, будто мы (я говорю собственно про себя, про другихъ не знаю)—будто мы поступаемъ, какъ слѣдуетъ поступать? — Напримѣръ, будто мы пишемъ о томъ, о чемъ слѣдуетъ писать?—Никогда! Да, съ гордостью могу сказать я о себѣ, что никогда не отступалъ до сихъ поръ отъ правила: пиши не о томъ, о чемъ слѣдуетъ, да и о томъ, о чемъ почти что не стоитъ писать, пиши не такъ, какъ слѣдуетъ. Неужели захочу я теперь испортить репутацію, пріобрѣтенную годами неуклоннаго слѣдованія этому принципу? Неужели захочу я подвергнуться угрызеніямъ совѣсти? Никогда. Я ненарушимо держусь принципа и съ удовольствіемъ жертвую ему двумя первыми главами II книги Милля, обзоромъ которыхъ мнѣ слѣдовало бы начать.

Да и на что намъ онѣ? Что касается до меня, мнѣ въ коммунистическомъ обществѣ жить не придется, слѣдовательно, плевать я хотѣлъ на коммунизмъ (съ вашего позволенія). А вы, читатель, смѣю спросить, кто вы такой? До вашей нравственности, до вашего ума мнѣ нѣтъ никакого дѣла; я только спрашиваю: каковъ размѣръ вашего имущества? Если вы владѣете порядочной собственностью или хотя ждете порядочнаго наслѣдства, тогда вы, безъ всякаго Милля, знаете, какое это хорошее учрежденіе—собственность (конечно, если она не должна идти не нынѣ-завтра подъ аукціонный молотокъ), и знаете вы, что всѣ другія системы общественнаго

устройства, кромѣ системы частной собственности, фальшивы и гибельны. Если же у васъ недвижимаго имущества нѣтъ, движимаго маловато,— тогда—тогда простите меня за прямоту: я съ вами толковать не намѣренъ, потому что я не хочу знаться съ людьми не порядочными. Сталобыть, во всякомъ случаѣ, нечего мнѣ ни для себя, ни для читателя останавливаться на первыхъ двухъ главахъ II книги Милля.

Развѣ только для приличія, чтобы ужъ не совсѣмъ пренебречь этими двумя первыми главами, не стоющими никакого вниманія, выпишемъ первую страничку пропускаемаго нами отдѣла II книги, да и то больше не для самой этой странички, а такъ лишь для общаго предисловія къ слѣдующимъ выпискамъ.

Рутинные политико-экономы выставляютъ всѣ части экономическаго быта одинаково независящими въ своихъ основныхъ чертахъ отъ соображеній человѣка о лучшемъ устройствѣ человѣческаго быта. На самомъ же дѣлѣ принципы только одной части экономическаго быта, именно производства, налагаются на человѣка съ необходимостью физическихъ законовъ,—остальные элементы экономическаго быта устраиваются уже самимъ человѣкомъ и вполнѣ подлежатъ власти историческихъ обстоятельствъ;— разъясненіемъ этой важной разницы теоріи производства отъ теоріи распредѣленія обмѣна и начинаетъ Милль свою вторую книгу:

Принципы, изложенные въ первой части нашего трактата, сильно отличаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ принциповъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступаемъ. Законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ, о какихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего, зависящаго отъ воли, ничего такого, что было бы можно измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами внѣшней природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самаго человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размѣръ его производства все равно будетъ опредѣляться размѣромъ его предварительнаго сбереженія и, при данномъ размѣрѣ сбереженія, будетъ пропорціоналенъ энергіи человѣка, его искусству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но, удвоивъ количество труда, онъ не получитъ съ даннаго пространства земли удвоеннаго количества пищи, если не произойдетъ улучшенія въ земледѣльческомъ процессѣ. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но непроизводительный расходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ вести къ пропорціональному обѣднѣнію общества, и только производительнымъ расходованіемъ будетъ обогащаться общество. Каковы бы ни были мнѣнія или желанія по этимъ вещамъ, они не измѣняютъ характера самыхъ вещей. Мы не можемъ сказать впередъ, какихъ предѣловъ не перейдутъ измѣненія въ способахъ производства, какихъ предѣловъ не превзойдетъ возрастаніе производительности труда при будущемъ расширеніи нашихъ знаній о законахъ природы и при возникновеніи изъ этихъ новыхъ знаній новыхъ промышленныхъ процессовъ, о которыхъ мы теперь не имѣемъ и понятія. Но каковы бы ни были наши успѣхи въ стараніяхъ расширить предѣлы, полагаемые намъ свойствами вещей, мы знаемъ, что непремѣнно существуютъ эти предѣлы: мы не можемъ измѣнить коренныхъ качествъ ни матеріи, ни мысли, а можемъ только съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ употреблять эти качества на произведеніе феноменовъ, нужныхъ для насъ.

Не таковы принципы распредѣленія богатства. Это распредѣленіе — чисто дѣло человѣческаго учрежденія. Когда явились вещи, то люди, или какъ частные люди, или какъ общество, могутъ поступать съ ними, какъ захотятъ. Они могутъ отдать ихъ въ распоряженіе, кому имъ угодно и на какихъ имъ угодно условіяхъ. Далѣе: когда люди живутъ въ обществѣ, то всякое распоряженіе вещами можетъ происходить только по согласію общества, или, точнѣе говоря, по согласію тѣхъ, которые располагаютъ дѣятельною силою общества; это согласіе необходимо при всякомъ общественномъ устройствѣ, независимость отъ него бываетъ только въ одиночествѣ совершенной пустыни. Даже вещи, произведенныя однимъ своимъ личнымъ трудомъ, безъ всякой чужой помощи, человѣкъ не можетъ сохранять въ своемъ распоряженіи иначе, какъ по дозволенію отъ общества. Мало того, что общество можетъ ихъ взять у него,—ихъ могли бы взять и взяли бы у него отдѣльные люди, если бъ общество осталось къ этому равнодушно, если бъ оно не употребляло бы своего вмѣшательства въ цѣломъ своемъ составѣ, или не назначало и не содержало особенныхъ людей, чтобы не давать никому нарушать его владѣнія этими вещами. Такимъ образомъ распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, бываютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части общества: въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны, и могли бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если бы того захотѣли люди.

Дѣйствительно, у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи у одного народа мы видимъ формы экономическаго быта чрезвычайно разнообразныя. Не говоримъ уже о томъ, что въ противоположность нынѣшнему господству принципа частной собственности у цивилизованныхъ націй, были у тѣхъ же племенъ въ глубокую старину формы, представляющія видимое сходство съ коммунизмомъ,—формы, до сихъ поръ господствующія у разныхъ варварскихъ и полуварварскихъ племенъ; не говоримъ о томъ, что у самыхъ передовыхъ націй до сихъ поръ сохраняется кое-что изъ этихъ учрежденій дикой старины, напримѣръ, за береговою чертою море признается всѣми націями за общее достояніе человѣческаго рода; судоходныя рѣки у самыхъ передовыхъ націй еще остались общимъ достояніемъ націи; въ самой Англіи, не говоря уже о Франціи и Германіи, еще остаются городскіе выгоны, какъ общее достояніе цѣлаго города и т. д. Это послѣднее обстоятельство — чисто калмыцкая или чирокезская черта, а въ понятіи о морѣ англичане, французы и прочіе — чуть ли не перещеголяли самихъ троглодитовъ; не говоримъ и о томъ, что въ сферѣ громадныхъ предпріятій стала все сильнѣе и сильнѣе выступать тенденція, противоположная безграничному праву частной собственности (укажемъ развитіе этой тенденціи по двумъ направленіямъ, извѣстнымъ каждому: акціонерныя общества захватываютъ все больше и больше мѣста въ промышленной дѣятельности; когда частная собственность мѣшаетъ осуществленію громадныхъ предпріятій, замышляемыхъ акціонерными обществами, законъ устраняетъ ее съ ихъ пути посредствомъ экспропріаціи, которая все больше и больше входитъ въ законное правило и при столкновеніяхъ государственной дѣятельности съ частною собственностью,—столкновеніяхъ, прежде разрѣшавшихся экстренными противозаконными мѣрами администраціи, а теперь развязываемыхъ противъ частной собственности въ пользу государствен-

ныхъ надобностей правильными приговорами законныхъ судилищъ); — обо всемъ этомъ мы не станемъ говорить, потому что тутъ вездѣ—нѣчто похожее на коммунизмъ, на который мы ужъ наплевали, въ чемъ и объяснились выше. Нѣтъ, и въ дѣлахъ, совершающихся исключительно по принципу частной собственности, формы экономическаго устройства очень различны. Возьмемъ, напримѣръ, земледѣльческій продуктъ. Въ иномъ мѣстѣ, напримѣръ въ Бразиліи, весь онъ принадлежитъ одному классу, землевладѣльцамъ, воздѣлывающимъ свои поля посредствомъ рабовъ: земля и капиталъ—собственность плантатора; трудъ исполняется людьми, составляющими также его собственность, то есть въ экономическомъ отношеніи не людьми, а машинами или домашнимъ скотомъ. Въ другихъ мѣстахъ землевладѣлецъ также самъ бываетъ антрепренеромъ, ведущимъ дѣло на свой капиталъ, но уже посредствомъ свободныхъ работниковъ, такъ что тутъ два класса: землевладѣльцы-хозяева и наемные работники. Въ иныхъ мѣстахъ мы видимъ тоже два класса, но уже не такъ распредѣляются между ними три элемента производства; значитъ, и продуктъ: землю беретъ у владѣльца въ аренду человѣкъ, самъ ее воздѣлывающій собственнымъ трудомъ и капиталомъ; да и тутъ опять есть разныя формы распредѣленія между этими двумя лицами, землевладѣльцемъ и арендаторомъ-работникомъ: въ однихъ мѣстахъ арендная плата опредѣляется торговыми условіями, въ другихъ остается неизмѣнна, въ третьихъ обычное право арендатора на пользованіе землею, съ незапамятной старины находившееся въ его родѣ, укоренилось до того, что землевладѣлецъ уже утратилъ всякую власть вмѣшиваться въ хозяйство арендатора, такъ что тутъ какъ будто два собственника: одинъ по имени, а другой на дѣлѣ, — и на дѣлѣ выходитъ, что земля отчасти принадлежитъ арендатору-работнику и лишь отчасти лицу, называющемуся владѣльцемъ ея. Бываетъ и такое устройство, въ которомъ каждый изъ трехъ элементовъ производства имѣетъ своимъ представителемъ особенный классъ. Земля принадлежитъ землевладѣльцу, капиталъ фермеру, а самъ фермеръ уже не работникъ, и трудъ на фермѣ исполняется людьми другаго сословія, работниками. Наконецъ, есть еще особенное устройство, когда самъ землевладѣлецъ—съ тѣмъ вмѣстѣ и работникъ, иначе сказать, когда работникъ вмѣстѣ и собственникъ земли, и капиталъ принадлежитъ также ему самому.

Какая же тутъ неизмѣнность законовъ распредѣленія, когда распредѣленіе видоизмѣняется по множеству разныхъ общественныхъ отношеній, созданныхъ почти всегда историческими обстоятельствами, совершенно независимыми отъ экономическихъ принциповъ и по-большей части—прямо противорѣчащими имъ? Развѣ политико-экономическими принципами былъ устроенъ общественный бытъ при завоеваніи Римской имперіи варварами, или во времена феодализма или даже въ позднѣйшія, хотя бы въ наши времена? Развѣ онъ еще не подчиненъ господству вліяній, гораздо сильнѣйшихъ, чѣмъ здравый экономическій разсчетъ? Развѣ изъ здраваго экономическаго разсчета велись войны при Наполеонѣ I, — войны, развязкой которыхъ рѣшенъ былъ экономическій бытъ Европы? Развѣ по экономическому разсчету завладѣла и хочетъ продолжать владѣть Алжиріею Франція?

Развѣ по здравому экономическому разсчету устроились и сохраняются поземельныя отношенія въ Англіи?—Но вѣдь мы вовсе не то говоримъ (отвѣчаютъ рутинные политико-экономы), что всѣ установившіяся формы экономическихъ отношеній сообразны съ принципами науки, или что всѣ эти формы должны остаться неизмѣнны; напротивъ, мы порицаемъ многія изъ нихъ, порицаемъ даже всѣ, за исключеніемъ только одной, и доказываемъ, что всѣмъ имъ лучше было бы замѣниться этою одною, которая одна удовлетворительна. Мы говоримъ только, что неизмѣненъ общій принципъ, по которому распредѣляется продуктъ при всѣхъ этихъ формахъ, и что онъ вполнѣ удовлетворителенъ; принципъ этотъ—соперничество. Оно имѣетъ въ себѣ необходимость закона природы; устранить его невозможно; а если бъ и можно было устранить его, не слѣдовало бы устранять, потому что ничего лучшаго нельзя и придумать человѣку.—Посмотримъ, такъ ли это.

Принципъ соперничества. Степень всеобщности его дѣйствій; степень его сообразности съ наивыгоднѣйшими условіями производства и распредѣленія; зародышъ экономической истины, находящейся въ этомъ принципѣ, и высшій экономическій принципъ, поставляемый наукою на мѣсто соперничества.

Обыкновенные экономисты разсуждаютъ такъ, какъ будто бы всѣ промышленныя операціи совершаются подъ господствомъ соперничества, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда оно устранено монополіей, такъ что случаи, въ которыхъ оно не дѣйствуетъ, представляются исключеніями, а его господство—общимъ правиломъ. Эту ошибку очень удовлетворительно разоблачаетъ Милль въ IV главѣ, которую мы и приводимъ здѣсь всю цѣликомъ.

При системѣ частной собственности продуктъ дѣлится подъ вліяніемъ дѣйствія двухъ силъ: соперничества и обычая. Для насъ важно узнать величину вліянія той и другой силы и видоизмѣненія, которымъ дѣйствіе одной подвергается по вліянію другой.

Политико-экономы вообще, а въ особенности англійскіе, привыкли придавать почти исключительное значеніе соперничеству, почти не принимая въ соображеніе противоположныхъ ему дѣйствій обычая. Они часто выражаются такъ, какъ будто думаютъ что соперничество на самомъ дѣлѣ всегда совершаетъ тотъ результатъ, къ совершенію котораго стремится по теоріи. Это отчасти объясняется тѣмъ, что только черезъ принципъ соперничества получаетъ политическая экономія права на научный характеръ. На сколько опредѣляется соперничествомъ величина ренты, прибыли, рабочей платы, цѣны, эти величины могутъ быть подведены подъ законы. Если мы примемъ, что онѣ опредѣляются исключительно соперничествомъ, то можно вывести принципы, по которымъ онѣ видоизмѣняются, и эти принципы будутъ имѣть высокую всеобщность и научную точность. Политико-экономъ справедливо считаетъ это своимъ прямымъ дѣломъ, и политическая экономія, какъ абстрактная или гипотетическая наука, не обязана и не можетъ сдѣлать ничего, кромѣ этого. Но совершенно искаженнымъ понятіемъ о дѣйствительномъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ была бы мысль, что соперничество на самомъ дѣлѣ имѣетъ эту неограниченную силу. Я не говорю о естественныхъ и искусственныхъ монополіяхъ, не говорю о вмѣшательствахъ власти, измѣняющихъ свободный ходъ производства и обмѣна,—политико-экономы всегда принимали въ соображеніе эти вліянія, нарушающія дѣйствіе соперничества. Я говорю о такихъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствію соперничества нѣтъ

никакихъ стѣсненій или препятствій ни отъ сущности дѣла, ни отъ искусственныхъ затрудненій, но въ которыхъ результатъ все-таки опредѣляется не соперничествомъ, а привычкою или обычаемъ, и соперничество или совершенно не дѣйствуетъ, или производитъ дѣйствія совершенно не такія, какія обыкновенно считаются естественнымъ его результатомъ.

Соперничество лишь съ недавняго времени стало оказывать сколько нибудь значительное вліяніе на экономическія условія между людьми. Чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ время, тѣмъ исключительнѣе вліяніе неподвижныхъ обычаевъ на всѣ сдѣлки и обязательства. Причина тому очевидна. Обычай — сильнѣйшій защитникъ слабыхъ противъ сильныхъ; единственный защитникъ слабыхъ тамъ, гдѣ законы или правительство не въ силахъ защитить ихъ. Обычай—преграда, которую больше или меньше принуждено уважать тиранство даже при самомъ угнетенномъ состояніи людей. Свобода соперничества—пустой звукъ для трудящагося населенія въ бурномъ военномъ обществѣ; трудящіеся никакъ тутъ не могутъ спорить объ условіяхъ своего труда: тутъ всегда есть господинъ, кладущій на вѣсы свой мечъ, и условія опредѣляются такія, какія налагаетъ онъ. Но хотя дѣла и рѣшаются по праву сильнѣйшаго, сильнѣйшій не находитъ выгоды и вообще не имѣетъ охоты настаивать на исполненіи этихъ условій во всей ихъ суровости, а каждое смягченіе ихъ имѣетъ тенденцію становиться обычаемъ, всякій обычай становиться правомъ. Не какое нибудь соперничество, а права, возникшія такимъ образомъ, опредѣляютъ при грубомъ положеніи общества ту часть продукта, которая предоставляется человѣку, его производящему. Въ особенности опредѣлялись обычаемъ страны до новѣйшихъ фазисовъ общественнаго развитія всѣ отношенія между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ и всѣ платежи земледѣльца землевладѣльцу. Только въ послѣднее время условія пользованія землею стали, вообще говоря, дѣломъ соперничества; во всѣ прежнія времена было не такъ: человѣкъ воздѣлывающій землю, обыкновенно считался тогда имѣющимъ право сохранять за собою эту землю, пока исполняетъ обычныя условія, и такимъ образомъ, сдѣлался какъ бы имѣющимъ нѣкоторое право собственности на землю, совмѣстно съ настоящимъ собственникомъ. Даже и тамъ, гдѣ земледѣлецъ не пріобрѣлъ такой вѣчности пользованія, условія пользованія часто бывали постоянны и неизмѣнны.

Напримѣръ, въ Индіи и въ другихъ азіатскихъ обществахъ, имѣющихъ такое же устройство, райоты или поселяне-фермеры не считаются такими фермерами, которыхъ землевладѣлецъ можетъ прогнать когда хочетъ, или даже по истеченіи извѣстнаго срока. Правда, почти во всѣхъ деревняхъ есть нѣкоторые райоты, находящіеся въ этомъ непрочномъ положеніи; но они—люди, поселившіеся тутъ недавно, или потомки людей, поселившихся не очень давно, во время еще памятное; а тѣ, которые считаются потомками или представителями первоначальныхъ жителей, почитаются имѣющими право сохранять за собою свою землю, пока платятъ обычную ренту; это право признается и за многими переселенцами, если они давно уже наняли свою землю. Надобно сознаться, что почти вездѣ уже затемнилось понятіе о первоначальной или правильной величинѣ этой обычной ренты: узурпація, тиранія и иноземное завоеваніе значительно исказили факты, по которымъ опредѣлялась бы эта величина. Когда старинное чисто гиндусское владѣніе переходитъ подъ власть британскаго правительства или подъ управленіе его агентовъ и когда начинается пересмотръ системы доходовъ, то обыкновенно оказывается, что фискальное хищничество расширило требованія государства, главнаго землевладѣльца, такъ что стерлись на практикѣ всѣ границы этихъ требованій; но все-таки

оказывается, что считалось необходимымъ придумывать особенное имя и особенный предлогъ для каждаго лишняго требованія, такъ что, сверхъ собственно такъ называемой ренты, требовалось иногда еще 30 или 40 другихъ платежей. Къ этому окольному способу увеличивать платежи навѣрное не прибѣгли бы, если бы за землевладѣльцемъ было признанное право увеличивать ренту. Употребленіе этого средства — доказательство, что нѣкогда была обычная рента, которую нельзя было увеличивать, и что райотъ не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ имѣлъ нѣкогда право на землю, пока платилъ ренту, согласную съ обычаями *). Британское правительство въ Индіи всегда упрощаетъ систему повинностей поселянина, соединяя всѣ подати въ одну; черезъ это оно дѣлаетъ ренту, не только на фактѣ, но и по закону, вещью произвольной или, по крайней мѣрѣ, подлежащей особенному соглашенію; но оно строго уважаетъ право райота на землю, хотя до реформъ нынѣшняго времени почти не оставляло ему земли больше, чѣмъ нужно для самаго скуднаго пропитанія (да и нынѣшнія реформы, имѣющія другой характеръ, еще не совсѣмъ приведены въ исполненіе).

Въ новой Европѣ земледѣльцы постепенно вышли изъ состоянія личнаго рабства. Варвары, завоевавшіе Западную Имперію, нашли, что легчайшимъ способомъ хозяйства надъ завоеванными землями будетъ для нихъ—оставить эти земли въ рукахъ прежнихъ жителей; они избавили себя отъ непріятнаго труда надзирать за толпами рабовъ, дозволивъ рабамъ сохранить нѣкоторую свободу дѣйствій, подъ обязанностью снабжать господина провизіею и трудомъ. Обыкновеннымъ способомъ для этого было давать въ исключительное пользованіе раба количество земли, считавшееся достаточнымъ для его продовольствія, и заставлять его исполнять на другихъ земляхъ господина всѣ работы, какія будутъ нужны. Эти неопредѣленныя повинности постепенно преобразовались въ опредѣленную повинность—давать положенное количество провизіи или положенное количество труда. Со временемъ господа полюбили употреблять свой доходъ не на содержаніе свиты, а на покупку предметовъ роскоши, и платежи въ натурѣ были замѣнены денежными платежами. Каждая изъ этихъ уступокъ давалась первоначально по произволу господина, который могъ отмѣнить ее, но постепенно получала силу обычая, а наконецъ признавалась закономъ и пріобрѣтала судебное охраненіе. Такимъ образомъ рабы постепенно возвысились до положенія свободныхъ фермеровъ, имѣвшихъ землю въ вѣчномъ пользованіи на неизмѣнныхъ условіяхъ. Эти условія были иногда очень тяжелы и народъ очень бѣдствовалъ. Но его повинности опредѣлялись обычаемъ или закономъ страны, а не соперничествомъ.

Гдѣ земледѣльцы никогда собственно не были въ личномъ рабствѣ, тамъ потребности бѣднаго и малоразвитаго общества породили другую систему, введенную и въ остальныхъ странахъ по уничтоженіи личнаго рабства; въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы эта система оказалась настолько выгодною, что сохранилась до нынѣ, несмотря на высокое развитіе ихъ земледѣлія. Я говорю о системѣ половничества. При ней земля раздѣлена на мелкія фермы; каждая семья имѣетъ такую ферму; землевладѣлецъ вообще даетъ капиталъ, считающійся нужнымъ по мѣстному земледѣльческому порядку, и вмѣсто ренты и прибыли получаетъ положенную долю продукта. Эта доля, вообще уплачиваемая натурою, обыкновенно составляетъ половину продукта, какъ и

*) Древніе индійскіе законы называютъ надлежащей рентой шестую часть или четвертую часть продукта; но нѣтъ доказательствъ, чтобы правила, опредѣляемыя этими законами, когда нибудь дѣйствительно соблюдались. *Прим. авт.*

обозначаютъ слова: половникъ métayer, mezzaiuolo и mediclarius. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ на богатой вулканической почвѣ неаполитанскихъ провинцій, землевладѣлецъ беретъ двѣ трети, а поселянинъ, благодаря превосходному земледѣлію, все еще имѣетъ средства къ жизни. Но половину или двѣ трети беретъ землевладѣлецъ, во всякомъ случаѣ эта доля неизмѣнная, одинаковая для всѣхъ фермъ, не перемѣняющаяся при перемѣнѣ фермеровъ: обычай страны служитъ всеобщимъ правиломъ, никто не думаетъ возвышать или понижать ренту, или дѣлать съ фермеромъ какія нибудь другія условія, несходныя съ обычными. Соперничество совершенно не дѣйствуетъ на опредѣленіе величины ренты.

Раньше ренты подверглись вліянію соперничества цѣны тамъ, гдѣ нѣтъ монополій, и дѣйствіе соперничества на цѣны имѣетъ гораздо меньше исключеній, чѣмъ его дѣйствіе на ренты; но и тутъ, даже и при нынѣшней своей дѣятельности, торговое соперничество не имѣетъ такого безусловнаго вліянія, какъ предполагаютъ нѣкоторые писатели. Въ политико-экономическихъ книгахъ безпрестанно встрѣчается теорема, что не можетъ быть двухъ цѣнъ на одномъ рынкѣ. Дѣйствительно таковъ естественный результатъ соперничества, не встрѣчающаго себѣ препятствій. Но каждый знаетъ, что почти всегда на одномъ и томъ же рынкѣ существуютъ двѣ цѣны. Въ каждомъ большомъ городѣ, почти въ каждой отрасли торговли, есть дорогія лавки и дешевыя лавки; мало того, въ одной и той же лавкѣ часто продается одинъ товаръ различнымъ покупателямъ по разнымъ цѣнамъ и, вообще говоря, въ каждой лавкѣ норма цѣнъ приспособлена къ тому, какихъ покупателей она имѣетъ. Оптовая торговля по главнымъ товарамъ дѣйствительно находится подъ владычествомъ соперничества: тутъ и покупщики и продавцы—купцы или фабриканты, и въ своихъ покупкахъ руководятся не безразсчетностью или суетностью, а коммерческимъ разсчетомъ. Потому объ оптовыхъ рынкахъ можно вообще сказать, что на нихъ дѣйствительно не бываетъ двухъ цѣнъ одной вещи въ одно время: въ каждомъ мѣстѣ въ данное время, есть рыночная цѣна, которую можно обозначать въ прейсъ-курантѣ. Но въ розничной торговлѣ, гдѣ покупщикомъ бываетъ человѣкъ дѣйствительно потребляющій вещь, цѣна очень медленно и невполнѣ подчиняется дѣйствію соперничества; даже тамъ, гдѣ соперничество существуетъ, результатомъ его часто бываетъ не пониженіе цѣнъ, а только раздѣленіе прибыли отъ высокой цѣны между большимъ числомъ торговцевъ. Потому-то столь значительная часть цѣны, платимой покупателемъ, поглощается барышемъ розничныхъ торговцевъ, и тотъ, кто захочетъ узнать, какая доля изъ розничной цѣны доходитъ въ руки людей, производящихъ покупаемую имъ вещь, часто удивится ничтожности этой доли. Правда, если рынкомъ бываетъ большой городъ, въ которомъ занятіе розничною торговлею обѣщаетъ достаточную выгоду большимъ капиталистамъ, то вообще они найдутъ выгоднымъ для себя расширить свои обороты, подорвавъ другихъ торговцевъ пониженіемъ цѣны, не довольствуясь тѣмъ, чтобы дѣлиться съ ними полемъ оборотовъ. Такое вліяніе соперничества все сильнѣе и сильнѣе чувствуется въ главныхъ отрасляхъ розничной торговли въ большихъ городахъ. Быстрота и дешевизна перевозки, дѣлая покупщиковъ менѣе зависимыми отъ торговцевъ ближайшихъ окрестностей, ведутъ къ постепенному уподобленію всей страны большому городу. Но до сихъ поръ только въ большихъ торговыхъ центрахъ розничныя цѣны (вполнѣ или хотя въ значительной степени) опредѣляются соперничествомъ. Въ другихъ мѣстахъ оно или вовсе не дѣйствуетъ, или обнаруживаетъ свое дѣйствіе только временнымъ колебаніемъ цѣнъ; обыкновенной силой, ихъ опредѣляющей, остается обычай, но временамъ видоизмѣня-

емый существующими въ умахъ покупателей и продавцевъ понятіями о какой-то справедливости или сходности цѣны.

Во многихъ отрасляхъ торговли условія продажи опредѣляются формальнымъ соглашеніемъ между торговцами, общество которыхъ всегда имѣетъ средства сдѣлать затруднительнымъ или непріятнымъ положеніе каждаго изъ членовъ этой корпораціи, отступающаго отъ положенныхъ правилъ. Извѣстно, что до недавняго времени книжная торговля находилась въ такомъ положеніи, и что, несмотря на дѣятельное соревнованіе въ ней, соперничество не производило своего натуральнаго дѣйствія, не разрушало положенныхъ торговцами цѣнъ. Во всѣхъ свободныхъ профессіяхъ вознагражденіе опредѣляется обычаемъ. Плата получаемая медиками, адвокатами почти одинакова для всѣхъ медиковъ и для адвокатовъ; всѣ ходатаи по дѣламъ берутъ почти одинаковую плату. Причиною тому служитъ, конечно, не недостатокъ большаго соперничества въ этихъ профессіяхъ. Но соперничество тутъ дѣйствуетъ не тѣмъ, что понижаетъ плату, а тѣмъ, что уменьшаетъ шансы каждаго къ полученію платы.

Мы видимъ, что обычай выдерживаетъ борьбу съ соперничествомъ очень успѣшно даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ духъ соперничества чрезвычайно силенъ, по многочисленности соискателей и по общей энергіи стремленія всѣхъ ихъ къ выгодѣ; если такъ, то навѣрное можно ожидать, что обычай держится еще тверже тамъ, гдѣ люди довольствуются меньшими денежными выгодами, не столь дорожа ими по сравненію съ своимъ удобствомъ или удовольствіемъ. Я увѣренъ, что на континентѣ Европы мы часто найдемъ въ однихъ мѣстахъ гораздо высшія цѣны нѣкоторыхъ или всѣхъ товаровъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, находящихся по близости, и что не найдемъ для этой разницы никакихъ причинъ, кромѣ той, что всегда было такъ, что покупатели привыкли и не ищутъ другихъ цѣнъ. Предпріимчивый соискатель съ достаточнымъ капиталомъ могъ бы понизить цѣны и разбогатѣть, понижая ихъ; но такихъ предпріимчивыхъ соискателей нѣтъ. Капиталисты оставляютъ свой капиталъ по прежнему въ другихъ занятіяхъ и не ищутъ большей прибыли, чтобы не безпокоить себя.

Эти замѣчанія должны считаться общими оговорками ко всѣмъ выводамъ, которые будутъ изложены въ слѣдующихъ частяхъ нашего трактата, касающихся до дѣйствій соперничества: всѣ выводы о немъ подлежатъ этимъ оговоркамъ, хотя бы мы гдѣ нибудь и не упомянули о томъ прямо. Вообще мы должны будемъ разсуждать такъ, какъ будто бы соперничество дѣйствительно производитъ свои общеизвѣстные, естественные результаты всегда, когда не отстраняется какою нибудь положительною преградою. Но гдѣ соперничество не существуетъ, хотя могло бы существовать, или гдѣ его естественныя послѣдствія преодолѣваются какимъ нибудь другимъ явленіемъ, тамъ эти наши заключенія будутъ не вполнѣ приложимы, и для избѣжанія ошибки въ примѣненіи выводовъ политической экономіи къ дѣламъ дѣйствительной жизни мы должны соображать не только тотъ результатъ, какой произойдетъ при гипотезѣ полнаго дѣйствія соперничества,—мы должны также соображать, какъ видоизмѣнится этотъ результатъ, если соперничество не оказываетъ полнаго своего дѣйствія.

Такимъ образомъ, хорошъ-ли, дуренъ-ли принципъ соперничества, онъ не можетъ считаться всеобщимъ принципомъ экономической дѣятельности. Лишь съ недавняго времени, даже и въ передовыхъ странахъ, сталъ онъ господствовать хотя надъ нѣкоторыми сторонами экономической жизни; прежде и тутъ онъ былъ слабѣе обычая. Въ другихъ сторонахъ промышленной жизни обычай сохраняетъ перевѣсъ надъ соперничествомъ даже и въ

передовыхъ странахъ, даже и до сихъ поръ. Вообще можно провести между этими сферами такую границу: гдѣ покупателемъ является коммерческій человѣкъ, тамъ условія сдѣлки опредѣляются соперничествомъ; это—область покупокъ не на собственное потребленіе, а на перепродажу: это—область биржевыхъ дѣлъ и дѣлъ, имѣющихъ коренное сходство съ биржевыми операціями. Напротивъ того, гдѣ покупщикомъ бываетъ не коммерческій человѣкъ, а потребитель, тамъ условія сдѣлки вообще подчиняются обычаю; это—область покупокъ на личное потребленіе. Таково общее разграниченіе сферы соперничества отъ сферы обычая въ покупкѣ вещей, которыя покупаются сначала купцомъ у производителя, потомъ потребителемъ у купца, какъ предметы потребленія,—напримѣръ, пища, одежда, топливо и разныя принадлежности домашняго хозяйства, вообще такъ называемая движимая собственность. Недвижимая собственность, которая покупается не на потребленіе, а на полученіе отъ нея постояннаго дохода, имѣетъ нѣсколько иной характеръ. Пріобрѣтеніе дома или участка земли обыкновенно бываетъ дѣломъ, совершаемымъ не наскоро, не безъ справокъ, не дѣломъ обыденнымъ: тутъ покупщикъ, хотя бы и не былъ коммерческимъ человѣкомъ, старается дѣйствовать по коммерческимъ правиламъ: хлопотливо разыскиваетъ, выжидаетъ, подвергаетъ предметъ техническому осмотру и т. д. Слѣдовательно, тутъ, повидимому, всѣ сдѣлки должны бы совершаться по принципу соперничества. Дѣйствительно, покупщикъ и слѣдуетъ ему, насколько онъ допускается сущностью покупаемаго предмета. Но самая сущность покупаемаго предмета тутъ очень упорно отстраняетъ отъ себя точное дѣйствіе коммерческаго принципа соперничества. Одинаковыхъ тюковъ хлопчатой бумаги, одинаковыхъ кусковъ коленкора, одинаковыхъ четвертей хлѣба одного сорта существуетъ одновременно въ продажѣ безчисленное множество въ рукахъ разныхъ продавцовъ. Да и разные сорты каждаго изъ такихъ товаровъ сравниваются очень легко, потому что всякій сортъ безпрестанно проходитъ черезъ руки коммерческихъ людей, этихъ, такъ сказать, пробирныхъ мастеровъ по оцѣнкѣ всякихъ товаровъ. Недвижимая собственность вообще не идетъ черезъ коммерческія руки,—она переходитъ отъ владѣльца, имѣвшаго ее долговременнымъ своимъ владѣніемъ, прямо къ такому покупщику, который также намѣренъ постоянно держать ее въ своемъ владѣніи, а не то, что беретъ ее только на перепродажу. Если примѣнить къ этому дѣлу терминъ „потребленіе“ (въ косвенномъ смыслѣ пользованія доходомъ, и въ противоположность коммерческой покупкѣ, имѣющей своею цѣлью не пользованіе доходомъ, а выигрышъ отъ перепродажи, какъ можно болѣе быстрой), то надобно сказать, что недвижимая собственность знаетъ только потребителей, а купцовъ не знаетъ. Банкиръ, покупая домъ или помѣстье, является не биржевымъ человѣкомъ, а простымъ потребителемъ, все равно какъ когда заказываетъ обѣдъ. Такимъ образомъ недвижимая собственность вообще не подвергается такой правильной оцѣнкѣ, какъ движимая. Но еслибъ и подвергалась, успѣхъ оцѣнки не былъ бы такъ точенъ, потому что каждый предметъ недвижимой собственности имѣетъ въ себѣ индивидуальность, и нѣтъ громадной массы совершенно одинаковыхъ предметовъ, подъ цѣну которыхъ можно было бы под-

вести его. Коленкоръ на манчестерской биржѣ и на калькутской биржѣ—это одно и то же; стоимость провоза вычисляется до послѣдней копѣйки. Потому, при обыкновенномъ ходѣ биржевыхъ дѣлъ, калькутскіе обороты коленкоромъ опредѣляются манчестерскими, и наоборотъ. Но найдете-ли вы въ цѣломъ свѣтѣ хотя два дома, столь одинаковые, какъ двѣ штуки одинаковаго коленкора? Найдете-ли хотя два помѣстья, совершенно одинаковыя? Негоціантъ знаетъ, что за тысячу бочекъ сала или тюковъ хлопчатой бумаги онъ можетъ дать столько то тысячъ рублей со столькими то сотнями, десятками, единицами рублей, столькими то десятками и единицами копѣекъ,—да, копѣйка въ копѣйку: одною копѣйкою больше это ужъ будетъ дорого, неразсчетливо. Но сколько стоитъ этотъ домъ? Около 20,000 р.,—но можетъ быть и не больше 19 тысячъ, а можетъ быть и больше 21 тысячи,—тутъ на 10%, даже на 15, на 20%—неопредѣленность, неизвѣстность. Помѣстье—это своего рода такая же вещь относительно оцѣнки, какъ, напримѣръ, умъ человѣка или какая-нибудь картина. Разумѣется, дурака отъ умнаго отличить легко, а геніальнаго человѣка отъ человѣка съ обыкновеннымъ умомъ тоже легко отличить,—но извольте-ко опредѣлить степени ума точнымъ образомъ. Такъ легко видѣть, что Осиновка должна стоить дороже Ивановки, а Павлово гораздо дороже самой Осиновки; а на сколько именно? Разумѣется, тутъ, по необходимости, останавливаются на какой-нибудь цифрѣ, но за то ужъ и цифра такая,—по крайней мѣрѣ два нуля на концѣ. Развѣ продается когда-нибудь берковецъ сала на биржѣ ровно по 50 рублей? Развѣ стоитъ когда-нибудь какая-нибудь биржевая бумага ровно al pari, безъ всякой преміи и безъ всякаго упадка? Какъ же этотъ домъ можетъ продаваться ровно за 20 тысячъ рублей, а не за 21,378 рублей 19 коп.? Это значитъ—точной оцѣнки ему нѣтъ; это значитъ, въ его цѣнѣ существуетъ значительная степень неизвѣстности.

Такимъ образомъ изъ двухъ разрядовъ имущества принципъ соперничества обыкновенно стремится господствовать надъ продажею недвижимой собственности, но по неудобству точной оцѣнки предметовъ этого рода, онъ вовсе тутъ не достигаетъ опредѣлительности, въ которой и заключается его сила; дѣйствуя тутъ постоянно, онъ постоянно тутъ дѣйствуетъ слишкомъ шатко. Съ полной опредѣлительностью онъ дѣйствуетъ въ биржевыхъ и похожихъ на биржевыя продажахъ другаго рода имуществъ—въ продажахъ предметовъ движимой собственности; но опять слишкомъ слабъ оказывается въ продажахъ отъ купца потребителямъ, а чрезъ этотъ видъ продажъ проходятъ всѣ товары, подвергающіеся продажамъ перваго вида, и кромѣ того, безчисленное множество товаровъ, не подвергающихся продажамъ въ видѣ биржевыхъ.

Такое неполное дѣйствіе принадлежитъ принципу соперничества при самомъ высшемъ его развитіи въ самыхъ передовыхъ странахъ; въ другихъ земляхъ до сихъ поръ остается, а до недавняго времени во всѣхъ странахъ былъ кругъ его дѣйствій еще несравненно тѣснѣе. Спрашивается теперь: что же можетъ сказать намъ господствующая теорія политической экономіи о всемъ этомъ большинствѣ экономическихъ сдѣлокъ, условія которыхъ или вовсе не подчинены принципу соперничества или сильнѣе, чѣмъ ему, под-

чинены другимъ элементамъ экономической жизни?—Съ обыкновенною своею добросовѣстностью Милль, какъ мы видѣли, прямо говоритъ, что эту часть экономическихъ сдѣлокъ она не въ силахъ подвести ни подъ какія правила: „только принципъ соперничества даетъ политической экономіи возможность научнаго характера. Законы ренты, прибыли, рабочей платы, цѣнъ могутъ быть указываемы лишь на столько, на сколько опредѣляются соперничествомъ“.

Говорятъ: „тѣ экономическія сдѣлки, которыя еще не опредѣляются соперничествомъ, находятся въ неразвитомъ, неудовлетворительномъ положеніи“. Но мы видѣли, что значительнѣйшая половина экономическихъ сдѣлокъ, вѣроятно, никогда не могутъ и подчиняться принципу соперничества на столько, чтобы войти въ теорію, основанную исключительно на немъ; пусть эта часть экономической жизни называется недостигшею высочайшаго развитія; но что-жъ дѣлать, если она не можетъ достичь его? Значитъ, она никогда не подойдетъ подъ господствующую нынѣ теорію: значитъ, эта теорія, какъ бы хороша ни казалась сама себѣ, должна прямо сознаться, что она не—теорія экономической жизни, а лишь теорія нѣкоторыхъ частныхъ формъ этой жизни, что она не—наука, а лишь одинъ отдѣлъ науки; къ полной экономической теоріи она относится такъ же, какъ анатомія руки относится къ цѣлой наукѣ, называемой анатоміей, какъ монографія объ Англіи относится къ географіи.

Какъ сама господствующая теорія оказывается лишь одной частью цѣлой экономической теоріи, такъ и принципъ ея, соперничество, оказывается лишь частнымъ видоизмѣненіемъ болѣе общаго экономическаго принципа, видоизмѣненіемъ, заимствующимъ свою частную особенность отъ частной особенности тѣхъ сторонъ экономической жизни, къ которымъ примѣняется. Послѣ сдѣланныхъ нами замѣчаній, не трудно открыть, въ чемъ состоитъ особенность фактовъ, придающая частный характеръ общему экономическому принципу, который въ этой своей частной формѣ является соперничествомъ.

Мы видѣли, что соперничество является въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ покупатель—коммерческій человѣкъ, покупающій не на потребленіе, а на перепродажу. Этотъ элементъ сдѣлки,—ея назначеніе служить лишь средствомъ для новой продажи, и составляетъ характеристическую особенность оборотовъ, принадлежащихъ сферѣ соперничества. Но форма перепродажи, конечно, всякимъ будетъ признана лишь за частную форму полученія экономической выгоды, лишь за одинъ изъ множества способовъ, какими стремится человѣкъ выиграть что-нибудь въ экономическомъ отношеніи. Отбросимъ же эту частную черту, чтобы осталось у насъ болѣе общее понятіе,—и каждому очевидно, какое понятіе останется у насъ: останется „разсчетъ экономической выгоды“, короче можно сказать, просто разсчетъ выгоды (потому что экономическая наука и безъ всякихъ оговорокъ ясно указываетъ именно только на экономическую выгоду, когда говоритъ просто о выгодѣ), а еще короче можно сказать, просто „разсчетъ“ или „разсчетливость“ (потому что само собою разумѣется, какова цѣль разсчета—выгода).

Конечно, когда мы возведемъ въ общій принципъ науки, вмѣсто по-

нятія „соперничество“, такое общее понятіе, какъ „экономическая разсчетливость“, наука получаетъ въ основаніе себѣ идею, имѣющую гораздо менѣе опредѣлительныхъ признаковъ, уже безъ всякой переработки готовыхъ на примѣненіе къ тому или другому данному случаю. Но такова натура всей серіи основныхъ принциповъ во всѣхъ наукахъ: удѣльный вѣсъ золота или воды—понятіе съ большимъ числомъ признаковъ, чѣмъ законъ тяжести; а законъ тяжести на землѣ имѣетъ гораздо больше признаковъ, чѣмъ законъ всеобщаго тяготѣнія; законы пищеваренія въ человѣческомъ организмѣ опредѣляются большимъ числомъ признаковъ, чѣмъ общіе законы пищеваренія въ животныхъ организмахъ, а законъ питанія, обнимающій собою всѣ органическія существа, имѣетъ еще меньше признаковъ. Что жъ дѣлать,—таково ужъ свойство природы и таковъ законъ математики, что число признаковъ каждаго принципа или понятія обратно пропорціально его обширности. Мы вовсе не то говоримъ, что частные принципы частныхъ подраздѣленій научнаго предмета не имѣютъ важности или не хороши на своемъ мѣстѣ, напротивъ, они драгоцѣнны; напротивъ, прекрасно заботиться объ ихъ отыскиваніи; сдѣлайте одолженіе, разъясняйте не только то, какъ совершается пищевареніе у человѣка вообще, но и тѣ видоизмѣненія, какія оно имѣетъ у эскимоса, питающагося жиромъ, и у гиндуса, питающагося рисомъ; сдѣлайте одолженіе, изучайте еще глубже частные случаи,—подраздѣляйте гиндуса на раджу, земиндара, простолюдина, описывайте пищу каждаго, изучайте особенныя вліянія каждаго изъ этихъ сортовъ пищи. Все это прекрасно и очень полезно; но разсудите же, что выйдетъ чепуха, если вы станете воображать общимъ закономъ предмета частный законъ, проявляющійся лишь въ одномъ видоизмѣненіи предмета: вѣдь нельзя же, напримѣръ, повторить объ эскимосѣ всего, что говорится о гиндусѣ, или вообще повторить объ органическомъ существѣ всего того, что говорится о человѣкѣ. Вѣдь нелѣпо же, напримѣръ, было бы совѣтовать овцѣ питаться говядиной или утверждать, что на Ураиѣ подъ тропиками растутъ финиковыя пальмы. Есть еще другой источникъ непростительныхъ натяжекъ; воображать, что какая бы то ни была форма предмета—безусловная форма, что внѣ этой формы не могутъ проявляться силы, ее создающія при извѣстныхъ условіяхъ, и что какая бы то ни было изъ существующихъ формъ проявленія какой бы то ни было силы не замѣнится современемъ другою формою.

Объ эти ошибки дѣлаетъ господствующая экономическая теорія съ своимъ принципомъ соперничества. Форму, принимаемую силой экономическаго разсчета лишь въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, она хочетъ считать всеобщимъ закономъ цѣлой экономической дѣятельности и провозглашаетъ эту частную форму—самымъ высшимъ воплощеніемъ экономическаго разсчета, идеаломъ, совершеннѣе котораго люди не могутъ ничего ни создать, ни даже придумать. Первая ошибка, кажется, достаточно раскрыта теперь; чтобы замѣтить ее, достаточно было лишь обозрѣть главные разряды экономическихъ сдѣлокъ. Чтобы очевидно обнаружилась вторая ошибка, нужно имѣть лишь нѣкоторую, даже хоть и небольшую, привычку къ логическому мышленію.

Въ самомъ дѣлѣ, какое условіе ставитъ логика для признанія извѣстной формы явленія за форму не то, что совершенную, безупречную, а хотя бы за сколько нибудь удовлетворительную? Логика говоритъ, что для этого форма дѣла должна соотвѣтствовать самой натурѣ дѣла, то есть общей совокупности всѣхъ коренныхъ его качествъ, а не одному какому нибудь внѣшнему признаку или симптому дѣла. Напримѣръ, удовлетворительно ли гражданское устройство южныхъ штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ юридическое положеніе человѣка опредѣляется не характеромъ его, а цвѣтомъ кожи? Удовлетворительно ли такое леченіе, которое основывается не на распознаваніи сущности болѣзни, а на внѣшнихъ симптомахъ ея? Удовлетворительна ли зоологическая классификація не по устройству цѣлаго организма, а по какой нибудь принадлежности его, напримѣръ, по устройству зубовъ? Всѣ такіе случаи не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

Точно такъ же неудовлетворителенъ и тотъ экономическій разсчетъ, который основывается не на качествахъ самого предмета, не на соображеніи потраченныхъ на его производство элементовъ, не на стоимости предмета, а на его цѣнѣ. Разумѣется, цѣна предмета почти всегда находится въ нѣкоторой связи съ его стоимостью, но связь эта никогда не бываетъ безусловно точна, а большею частью бываетъ вовсе неточна и очень шатка. Въ нынѣшнемъ году при употребленіи даннаго количества труда и капитала на десятину,—назовемъ это количество 24,—родилось на десятинѣ 6 четвертей хлѣба; стоимость четверти будетъ 4 единицы труда и капитала, и цѣна четверти, положимъ, будетъ 4 рубля. Въ слѣдующемъ году при той же затратѣ силъ родилось только 4 четверти; стоимость четверти будетъ 6 единицъ, но цѣна ея, какъ извѣстно всякому, никакъ уже не будетъ 6 рублей, а непремѣнно будетъ гораздо больше. На третій годъ при той же затратѣ силъ родилось 8 четвертей; стоимость четверти будетъ 3 единицы, но цѣна ея никакъ не будетъ 3 рубля, а непремѣнно будетъ гораздо меньше. Спрашивается теперь: удобна ли для прочнаго хода земледѣльческаго хозяйства такая норма разсчета, которая не имѣетъ точной зависимости ни отъ количества употребляемыхъ на хозяйство силъ, ни отъ степени успѣшности результатовъ, достигаемыхъ хозяйствомъ? Политико-экономы очень подробно, горячо и превосходно доказываютъ, что экономическія дѣла никакъ не могутъ идти успѣшно въ обществѣ, въ которомъ денежная единица не имѣетъ совершенно точной опредѣленности, совершенно неизмѣннаго постоянства. Прекрасная и очень важная истина. Но мы спрашиваемъ теперь: не точно ли таково же и вліяніе недостатка неизмѣнной и точной пропорціи между степенью успѣшности дѣла и количествомъ выручки за него? Нынѣ человѣкъ продаетъ свой товаръ за 10 франковъ, и эти 10 франковъ составляютъ 50 граммовъ серебра; черезъ годъ продавая товаръ такъ же за 10 франковъ, онъ получаетъ въ этихъ 10 франкахъ только 45 граммовъ серебра, то есть получаетъ право пріобрѣсти на всемірномъ рынкѣ только $^{9}/_{10}$ частей той суммы цѣнностей, на какую получалъ право годъ тому назадъ. Такая шаткость никуда не годится; при ней невозможенъ никакой путный порядокъ въ экономической дѣятельности. Такъ; потому во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ принятъ

принципъ неизмѣнности денежной единицы. Но и при неизмѣнности ея, развѣ не скрывается точно такое же зло въ обстоятельствѣ, нами разсматриваемомъ? Пусть франкъ неизмѣненъ. Но развѣ человѣкъ не сбивается съ толку въ своей экономической дѣятельности, когда при затратѣ 200 франк. на воздѣлываніе гектара, онъ въ нынѣшнемъ году, при урожаѣ 12 гектолитровъ получаетъ по 20 франковъ за гектолитръ, то есть 240 франковъ выручки съ гектара. то есть 20% прибыли; въ слѣдующемъ году, при урожаѣ въ 10 гектолитровъ. получаетъ по 30 франковъ за гектолитръ то есть 300 франковъ выручки съ гектара, то есть 50% прибыли; а на третій годъ, при урожаѣ въ 13 гектолитровъ, получаетъ лишь по 15 франковъ за гектолитръ, то есть 195 франковъ выручки съ гектара, то есть подвергается убытку въ $2^1/_2$%? Вѣдь это—путаница точно такого же рода, какъ отъ колебанія денежной единицы. Или нѣтъ, путаница гораздо худшаго рода: тамъ колебаніе шло независимо отъ успѣшности дѣла, и какіе бы незаслуженные убытки или незаслуженныя прибыли ни получалъ человѣкъ отъ перемѣны денежной единицы, все-таки чѣмъ успѣшнѣе шло его дѣло, тѣмъ меньше былъ убытокъ или тѣмъ больше была его прибыль. А здѣсь шаткая связь выручки съ успѣшностью дѣла ведетъ къ прямой противоположности выгодъ отъ дѣла съ его успѣшностью: чѣмъ меньше собрано хлѣба земледѣльческими хозяевами, тѣмъ больше получаютъ они прибыли; чѣмъ больше собрано ими хлѣба, тѣмъ больше шансъ для нихъ потерпѣть убытокъ. Согласитесь, что такая норма разсчета—прямая премія за безуспѣшность труда, прямой штрафъ за успѣшность его, прямое возбужденіе къ неподвижности или ухудшенію общественнаго положенія, прямое отвлеченіе человѣка отъ охоты къ улучшеніямъ.

Мы вовсе не то хотимъ сказать, что общественное положеніе въ какой бы то ни было странѣ становится хуже или хотя остается неподвижно; нѣтъ, мы положимъ, что оно постепенно улучшается во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Но мы говоримъ, что если въ цивилизаціи, въ успѣхахъ знаній лежитъ неподѣдимая сила улучшать общественный бытъ, то находятся въ общественномъ бытѣ элементы, мѣшающіе этой силѣ прогресса, и что одинъ изъ такихъ элементовъ—недостаточность точной и неизмѣнной пропорціи между успѣшностью дѣла и степенью выгодъ отъ него для трудившагося надъ нимъ,—шаткость, происходящая изъ неудовлетворительности нормы разсчета, называемой соперничествомъ.

Человѣку, сколько нибудь сообразительному, смѣшно слышать толки рутинныхъ политико-экономовъ о необходимости и неизбѣжности соперничества. Мы знаемъ, что принципъ этотъ примѣняется лишь къ одному изъ обстоятельствъ экономической жизни,—къ феномену покупки и продажи; мы знаемъ, что всѣ тѣ труды и продукты, которые идутъ на собственное потребленіе производителя, не поступая въ продажу, остаются неподвластны соперничеству, и никакъ не могутъ стать подвластны ему [1]). Мы

[1]) Тутъ могутъ сдѣлать возраженіе, довольно тонкое. Извѣстно, что человѣкъ перестаетъ производить предметъ на личное свое потребленіе, когда разсчитаетъ, что выгоднѣе или, вообще, удобнѣе ему покупать этотъ предметъ. Такъ постепенно перестаютъ люди прясть и ткать холстъ и сукно для своего домашняго обихода, предпочитая покупать эти вещи. Слѣдовательно, принципъ соперничества захваты-

спрашиваемъ: неужели эти труды совершаются, эти труды производятся безъ всякаго разсчета экономической выгоды? Если, напримѣръ, женщина шьетъ или чинитъ бѣлье для своего семейства, а не на продажу, неужели не заботится она, чтобы работа ея шла успѣшно, чтобы матеріалы и орудія,—нитки, иголки, куски ситца или холста, — расходовались на работу какъ можно экономнѣе, словомъ сказать, чтобы стоимость продукта была наименьшая? Когда она готовитъ кушанье для своего семейства, развѣ не дѣйствуетъ она съ такою же разсчетливостію? Когда мужъ ея производитъ разныя починки по домашнему хозяйству, развѣ не поступаетъ онъ точно такъ же? Значитъ, экономическій разсчетъ существуетъ и безъ формы соперничества.

Да и какъ ему не существовать безъ нея? Развѣ можетъ человѣкъ, съ какою бы цѣлію ни работалъ, на себя или на другихъ, для продажи или не для продажи, не заботиться о томъ, чтобы употреблять для полученія извѣстнаго продукта какъ можно меньшее количество труда, или при употребленіи извѣстнаго количества труда получать какъ можно большее количество продукта или продуктъ какъ можно лучшаго качества? Не руководиться такимъ разсчетомъ—это не въ силахъ человѣка, какъ не въ силахъ его не заботиться о томъ, чтобы вообще было ему лучше и легче [2]).

ваетъ подъ свою власть производство на собственное потребленіе,—захватываетъ тѣмъ, что уничтожаетъ его, ставитъ вмѣсто него покупку на свое потребленіе въ обмѣнъ за товаръ, производимый на продажу. Такъ; но все-таки остается очень обширная область дѣлъ и продуктовъ, въ которую не проникаетъ это вліяніе. Какъ за обѣдомъ, изготовленіе котораго поручено особенному ремесленнику, повару, человѣкъ оставляетъ самому себѣ изготовленіе нѣкоторыхъ принадлежностей обѣда, напримѣръ самъ дѣлаетъ саладъ (поваръ, вѣроятно, сдѣлалъ бы это искуснѣе; но что вы прикажете дѣлать со мной, когда я не хочу поручать ему того!), такъ и въ важныхъ случаяхъ экономическаго производства есть вещи, которыя не поддаются вліянію соперничества, не покупаются, а производятся дома. Каждому пріятно имѣть овощи изъ своего огорода, хотя покупка ихъ и обошлась бы дешевле домашняго производства. Такихъ случаевъ очень много. Мы не станемъ перечислять ихъ, потому что усердно занимаются такими перечнями рутинные экономисты, когда спорятъ противъ фаланстеріанцевъ и всякихъ коммунистовъ, у которыхъ впрочемъ вовсе не о томъ и рѣчь идетъ, чтобы отнять у человѣка удовольствіе имѣть свой огородъ, свою комнату, свою мебель, и т. д.

[2]) Пожалуй, и тутъ можетъ представиться возраженіе, но только уже отъ совершеннаго непониманія предмета. Могутъ сказать: наемный работникъ, а еще гораздо замѣтнѣе—работникъ при обязательномъ трудѣ не заботится ни о хорошемъ качествѣ продукта, ни о томъ, чтобы наработать много продукта. Разумѣется, нѣтъ; онъ заботится исключительно объ уменьшеніи своего труда, о томъ, чтобы работать какъ можно меньше. Разумѣется, каждый заботится о томъ, въ чемъ заинтересованъ. Если человѣкъ исполняетъ работу въ свою пользу, главная мысль у него наработать побольше или получше; если же не въ свою пользу, то главная мысль у него получить плату за количество работы, какъ можно меньшее, и если вы вникните въ этотъ второй случай, онъ окажется по принципу одинаковъ съ первымъ, хотя и противоположенъ ему по результатамъ для хозяина. Наемный работникъ получаетъ извѣстныя деньги, то есть право на пріобрѣтеніе извѣстной суммы продуктовъ за свою работу; и когда онъ старается работать какъ-можно болѣе вяло, небрежно, онъ старается о томъ, чтобы эта сумма продуктовъ обошлась ему въ количество труда, какъ-можно меньшее. Точно такой же разсчетъ и у работника, исполняющаго обязательный трудъ. Негръ содержится своимъ владѣльцемъ для работы; и когда работаетъ лѣниво, онъ заботится собственно о томъ, чтобы назначенное ему содержаніе пріобрѣталось для него сколь возможно меньшимъ количествомъ труда. Цѣль у работника-хозяина и у наемнаго работника одна и таже,—чтобы наименьшимъ количествомъ труда достигать наибольшаго результата; только формы этого стремленія различны, смотря потому, какой изъ двухъ терминовъ пропорціи принимается за величину опредѣленную: если количество труда (какъ у работника-хозяина), то выгодность пропорціи состоитъ въ увеличеніи продукта; если же количество продукта, — выгодность пропорціи достигается уменьшеніемъ количества труда.

Но если принципъ сочетанія труда и возникающій изъ него обмѣнъ составляетъ степень экономическаго развитія, высшую, чѣмъ патріархальная система производства всѣхъ предметовъ потребленія въ самомъ семействѣ только для этого семейства, то и форма соперничества, которую принимаетъ экономическій разсчетъ на этой болѣе высокой ступени развитія, вѣроятно, должна заключать въ себѣ при всей своей неудовлетворительности какіе нибудь элементы превосходства надъ формою разсчета, существующаго въ патріархальномъ производствѣ. Конечно такъ, и открыть эти элементы не трудно. Какія данныя для своей разсчетливости имѣетъ производитель въ патріархальномъ бытѣ? Только свой личный или фамильный опытъ, съ прибавкою довольно скудныхъ свѣдѣній о производствѣ у нѣкоторыхъ сосѣдей. Когда является биржа или возникаютъ хотя зародыши ея, ярмарки и покупки товаровъ купцами для перепродажи, кругъ сравненія чрезвычайно расширяется. Являясь на базаръ, на ярмарку, на биржу, производитель видитъ свой товаръ сравниваемымъ съ подобными товарами всѣхъ производителей цѣлаго обширнаго округа или цѣлой страны, цѣлаго свѣта; формою сравненія успѣшности производства тутъ служитъ цѣна. Производитель возбуждается къ заботѣ объ усовершенствованіяхъ уже не одними своими личными наблюденіями и знакомствами, а всякимъ усовершенствованіемъ у кого бы-то ни-было, гдѣ бы-то ни-было достигнутымъ. Словомъ сказать, перевѣсъ соперничества надъ патріархальными средствами разсчета тотъ, что оно сближаетъ разсчеты гораздо большаго числа производителей.

Есть у него и другое преимущество. При патріархальномъ разсчетѣ остается на произволъ производителя принимать или не принимать даже тѣ усовершенствованія, съ которыми онъ знакомится изъ скудныхъ источниковъ свѣдѣній того быта. А въ человѣкѣ, кромѣ экономическаго разсчета, кромѣ стремленія къ выгодѣ, существуютъ наклонности, прямо противоположныя этому стремленію. Изъ нихъ главныя: наклонность пристращаться къ рутинѣ и обольщаться фальшивымъ самолюбіемъ.—„Э, проживемъ по прежнему. Отцы и дѣды не глупѣе насъ были“, и т. д.—„Славны бубны за горами.—Я самъ не глупѣе другихъ“, и т. д. Нѣтъ надобности говорить, какъ часто эти враждебныя прогрессу наклонности подчиняютъ себѣ человѣка до того, что не дозволяютъ ему учиться и измѣнять способъ своихъ дѣйствій сообразно его выгодѣ. При формѣ соперничества разсчетъ выгоды пріобрѣтаетъ силу физической необходимости; въ этой формѣ онъ довольно быстро одолѣваетъ и рутину и фальшивое самолюбіе.

Мы не распространяемся объ этихъ преимуществахъ, потому что они очень подробно и рѣзко выставляются на видъ въ каждомъ рутинномъ курсѣ политической экономіи. Но признавая громадный перевѣсъ формы соперничества надъ формами патріархальнаго разсчета, мы не можемъ скрыть, что она все еще далеко не представляетъ удобствъ, требуемыхъ теоріею науки. Просимъ читателя не приписывать намъ того направленія мыслей, которое ясно отвергается всѣмъ ходомъ нашего изложенія. Когда кто нибудь находитъ недостатки въ настоящемъ или новомъ, консерватив-

ная толпа возражателей кричитъ, что онъ хочетъ возвратить старину. Въ большей части случаевъ крикъ этотъ поднимается только отъ ослѣпленія. Но дѣйствительно случается довольно часто и то, что экономическіе реформаторы или употребляютъ неосторожныя выраженія, или даже и на самомъ дѣлѣ допускаютъ въ своихъ понятіяхъ примѣсь предубѣжденій о достоинствахъ старины. Напримѣръ, доказывая неудовлетворительность соперничества, выражаются или думаютъ такъ, какъ-будто лучше его были формы, имъ вытѣсняемыя. Мы не имѣемъ ничего подобнаго такому взгляду въ своихъ мысляхъ и стараемся (не знаемъ, успѣваемъ ли) выражаться такъ, чтобы не возбуждать ошибочныхъ мыслей въ этомъ отношеніи. Настоящее нимало не представляется для насъ удовлетворительнымъ; новое не представляется идеаломъ совершенства. Но кажется ясно бываетъ изъ нашихъ словъ, что мы судимъ тутъ по требованіямъ науки, по средствамъ, какими снабжаетъ она человѣка, а не по старинному еще менѣе удовлетворительному быту. Не о томъ рѣчь, лучше ли стараго новое, удовлетворительнѣе ли настоящее прошедшаго; рѣчь о томъ, не слѣдуетъ ли искать еще лучшаго и не имѣетъ ли человѣкъ уже и теперь средствъ ввести въ свой бытъ принципы, которые были бы на-столько же лучше нынѣшнихъ, на-сколько нынѣшніе лучше какихъ-нибудь чисто варварскихъ старинныхъ. Напримѣръ: если мы видимъ, что положеніе наемнаго работника неудовлетворительно, а работа его слишкомъ неуспѣшна, разумѣется тутъ нѣтъ у насъ ничего подобнаго пристрастію къ какой-бы то ни было формѣ невольничества,—наемный трудъ гораздо лучше невольническаго, тутъ и разсуждать нечего, это доказывается въ каждомъ курсѣ политической экономіи,—нѣтъ, у насъ въ виду другое положеніе, положеніе хозяина. Точно такъ же мы говоримъ и о принципѣ соперничества. Его недостатки—недостатки не по сравненію съ патріархальными формами разсчета, а съ тѣми формами, какихъ требуетъ разумъ.

Посмотримъ же, удовлетворительно ли дѣйствуютъ даже тѣ стороны соперничества, въ которыхъ состоитъ его преимущество надъ патріархальными формами разсчета.

Онъ облегчаетъ производителю узнавать усовершенствованія, сдѣланныя въ производствѣ другими и оцѣнивать ихъ. Но какимъ способомъ получаются эти свѣдѣнія?—прямымъ ли, самымъ ли простымъ и вѣрнымъ? Простота и вѣрность способа, конечно, требуются теоріей. Простѣйшій и вѣрнѣйшій способъ распространенія свѣдѣній объ извѣстномъ дѣлѣ—то, когда человѣкъ знакомится прямо съ самымъ дѣломъ, а не съ одними его результатами. Напримѣръ, что лучше и выгоднѣе: знать тотъ фактъ, что извѣстный производитель разбогатѣлъ, или сверхъ того знать также методъ производства, которымъ онъ разбогатѣлъ? Знать, что англійскіе стальные инструменты хороши, или знать методъ ихъ выдѣлки? Соперничество знакомитъ только съ результатомъ, а не съ методомъ, которымъ достигается результатъ. Это—своего рода Пинетти: извольте смотрѣть, вотъ какія удивительныя вещи умѣетъ дѣлать этотъ искусникъ; а какъ онъ ихъ дѣлаетъ, какіе пріемы употребляетъ и по какому методу развилъ въ себѣ способность къ такимъ пріемамъ, этого вы извольте доискиваться сами.

Да, соперничество держится метода секретности. То, что уже придумано однимъ, должны придумывать послѣ него еще сотни тысячъ лицъ. Экономно ли это? Способъ распространенія свѣдѣній по принципу соперничества неудовлетворителенъ. При неудовлетворительности способа, по которому распространяются свѣдѣнія, конечно, должны быть неудовлетворительны и средства къ практическому ихъ примѣненію. Лучше всего устроивается дѣло человѣкомъ, научившимся устроивать его. Моя польза въ томъ, чтобы становился моимъ руководителемъ тотъ, кто искуснѣе меня. При соперничествѣ практическое искусство—такой же секретъ, какъ и теоретическое знаніе. Кто выучился пользоваться изобрѣтеніемъ, выгода того требуетъ, чтобы другіе какъ можно дольше не пользовались имъ. Мы не говоримъ о вещахъ нечестныхъ (и очень убыточныхъ для общества), до которыхъ слишкомъ часто доводитъ такое отношеніе: фабрикантъ старается мѣшать другому въ заведеніи фабрики, ремесленникъ старается разстроить дѣла другаго ремесленника; тутъ бываютъ безчисленныя интриги, обманы и т. д. Обратимъ вниманіе лишь на тѣ черты дѣла, которыхъ необходимо держаться каждому производителю, какъ бы ни былъ онъ честенъ. Онъ сталъ бы дѣйствовать во вредъ себѣ, то есть измѣнилъ бы своей обязанностью къ своему семейству, еслибы помогалъ другимъ производителямъ принять усовершенствованный процессъ, слѣдовать которому научился. Онъ въ положеніи нашей знахарки, лекарство которой теряетъ силу, какъ только она научитъ кого-нибудь другаго его употребленію. Такимъ образомъ при соперничествѣ искусство должно осуществляться неискусными руками, знаніе должно распространяться незнаніемъ.

Каковы способы и средства, точно такова же и норма оцѣнки. Она ставится внѣ предмета, въ его случайной принадлежности,—въ продажѣ и въ цѣнѣ. Объ этомъ мы уже говорили, замѣтили, что связь между стоимостью предмета и его продажною цѣною слишкомъ не вѣрна, а для успѣшности производства необходимо, чтобы разсчетъ производился по стоимости предмета.

Такимъ образомъ принципъ соперничества дѣйствуетъ далеко неудовлетворительно въ облегченіи производителю знакомства съ усовершенствованіями и сужденія о нихъ; точно также дѣйствуетъ онъ и въ томъ отношеніи, чтобы ставить производителя въ необходимость руководиться въ производствѣ пріобрѣтеннымъ знакомствомъ съ улучшеніями. То правда, что руководиться этимъ знакомствомъ производитель будетъ принужденъ при соперничествѣ, но въ какомъ смыслѣ необходимо ему руководиться знакомствомъ съ улучшеніями, въ хорошемъ или дурномъ, въ выгодномъ или убыточномъ для общества смыслѣ, этого принципъ соперничества не рѣшаетъ или, лучше сказать, часто рѣшаетъ это въ убыточномъ смыслѣ. Онъ внушаетъ только ту заботу, чтобы производить успѣшнѣе другихъ, имѣть преимущество надъ другими; это преимущество достигается худою успѣшностью работы другихъ, точно такъ же, какъ и усиленіемъ успѣшности собственной работы. Если взять верхъ усовершенствованіемъ собственной работы не трудно, производитель будетъ заботиться объ этомъ; если-же это кажется ему трудно, онъ обращается къ легчайшему способу,—старается мѣшать другимъ.

Мы разсматривали неудовлетворительность принципа соперничества съ теоретической точки зрѣнія, излагали его недостатки въ отвлеченныхъ понятіяхъ. Какими результатами отражается теоретическая неудовлетворительность его на практикѣ, очень подробно изложено во многихъ книгахъ. Каждый читатель знакомъ съ этою практическою стороною: промышленная непріязнь между разными странами, разными провинціями одной страны, разными производителями одной провинціи; экономическая непріязнь между сословіями; слишкомъ рискованные обороты, кончающіеся промышленными кризисами,—обо всемъ этомъ говорили мыслители, послѣ которыхъ наши слова о томъ же были бы слишкомъ слабы. Мы хотѣли обратить вниманіе читателя на то, что всѣ эти вредныя явленія практической жизни коренятся въ самомъ принципѣ, въ самой логикѣ соперничества, никакъ не могутъ быть устранены отъ него, и обратимъ вниманіе лишь на одно изъ этихъ практическихъ отношеній по элементу, который съ особенною силою выставляется Миллемъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Курсъ Милля весь проникнутъ глубокимъ сознаніемъ важности Мальтусовой теоремы. Если размноженіе идетъ быстрѣе, чѣмъ слѣдовало бы по прогрессу промышленнаго развитія страны, масса населенія необходимо терпитъ нужду; положеніе массы можетъ улучшиться только тогда, если сократится размноженіе,—вотъ мысли, которыя постоянно твердитъ Милль. Мы старались доказать, что коренная причина нужды теперь не въ чрезмѣрности размноженія, а въ элементахъ, болѣе фундаментальныхъ; что при устраненіи этихъ элементовъ, зависящихъ отъ самого человѣка, размноженіе ни теперь, ни въ теченіе долгихъ вѣковъ еще не могло бы вредить благосостоянію массы. Но если эти элементы остаются, то Мальтусъ вполнѣ правъ. Когда человѣкъ нездоровъ, ему необходимо воздерживаться отъ пищи, которая была бы не вредна, а здорова ему здоровому. Такъ при нынѣшнихъ экономическихъ отношеніяхъ вредно обществу размноженіе. Посмотримъ же, какую связь съ размноженіемъ имѣетъ принципъ соперничества.

Соперничество имѣетъ въ виду цѣну. Цѣна продукта слагается изъ разныхъ элементовъ, изъ которыхъ большая часть въ послѣднемъ анализѣ оказывается только видоизмѣненіемъ рабочей платы. Слѣдовательно, при соперничествѣ всѣ наниматели труда влекутся понижать рабочую плату. Рабочая плата опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія. Чѣмъ больше людей, ищущихъ работы, тѣмъ ниже рабочая плата; слѣдовательно, прямая выгода каждаго нанимателя труда состоитъ въ томъ, чтобы людей, ищущихъ работы являлось какъ можно больше, то есть чтобы простонародье размножалось какъ можно быстрѣе. Смотрите же теперь, какое противорѣчіе: чтобы улучшилось положеніе работника, должно уменьшиться размноженіе; чѣмъ меньше будетъ масса простонародья, тѣмъ лучше будетъ каждому простолюдину; но чѣмъ больше будетъ размножаться простонародье, тѣмъ выгоднѣе нанимателю труда; слѣдовательно, на-сколько размноженіе убыточно цѣлому обществу и каждому простолюдину, на-столько же оно выгодно сословію господствующему надъ экономическими явленіями.

Почему Милль не выставляетъ этотъ результатъ соперничества такъ же настойчиво, какъ выставляетъ Мальтусову теорему? Просто потому, что онъ не надѣется на возможность формы экономическаго разсчета, которая замѣнила бы собою соперничество. Надобно дѣйствительно сказать, что практическое принятіе обществомъ такой формы экономическаго разсчета, которая была бы удовлетворительнѣе соперничества,—дѣло очень трудное при нашихъ привычкахъ, требующее очень большаго прогресса въ понятіяхъ и обычаяхъ. Это мы должны видѣть изъ характера тѣхъ самыхъ недостатковъ, которые нашли въ соперничествѣ.

Коренной недостатокъ соперничества тотъ, что нормою разсчета беретъ оно не сущность дѣла, а внѣшнюю принадлежность его (не стоимость, а цѣну). Слѣдовательно, чтобы принципъ соперничества замѣнился хорошею формою разсчета, нужна очень твердая привычка судить о вещахъ по ихъ натурѣ, а не по внѣшнимъ признакамъ или случайнымъ послѣдствіямъ. Чтобы сознательно и твердо держаться такого принципа, людямъ нужно пріобрѣсти гораздо большую твердость мыслей, чѣмъ къ какой способно теперь огромное большинство не однихъ простолюдиновъ, но и образованныхъ сословій. Если бы не существовало въ массѣ общества элементовъ, сильно ведущихъ къ такому укрѣпленію, надобно было бы сказать, что перспектива эта слишкомъ еще далека отъ нашего времени. Но существуютъ экономическіе элементы, сильно помогающіе прогрессу разсчетливости, требуемой теоріею. Общество раздѣляется въ экономическомъ отношеніи на двѣ части. Одну, конечно, всегда малочисленную по количеству, составляютъ люди, изъ которыхъ у каждаго доходъ получается въ послѣднемъ анализѣ не столько отъ его собственнаго труда, сколько отъ поступленія въ его пользу части труда нѣсколькихъ или многихъ другихъ людей. Человѣку въ такомъ положеніи невыгодна была бы оцѣнка вещей и заслугъ по ихъ сущности. Весь или почти весь доходъ его извлекается изъ преувеличенной оцѣнки его трудовъ или заслугъ по какому нибудь предубѣжденію, или по рутинѣ, или по какому нибудь фальшивому признаку. Не таковъ интересъ другой, несравненно многочисленнѣйшей части общества, составляемой людьми, изъ которыхъ каждый не только не получаетъ въ свою пользу часть труда или продукта другихъ, но и продуктомъ своего труда или заслугъ пользуется не вполнѣ, оставляя большую или меньшую долю его въ пользу кого-нибудь изъ первой части общества. Для человѣка, который долженъ разсчитывать лишь на свой трудъ, лишь на свои дѣйствительныя заслуги, оцѣнка вещей по ихъ существенному достоинству выгодна. Какъ только кто изъ такихъ людей пріобрѣтаетъ привычку мыслить, онъ влечется своими мыслями къ переоцѣнкѣ предметовъ по ихъ сущности, находя подъ возбужденіемъ личнаго интереса неосновательными тѣ оцѣнки, какія установились по интересу классовъ, живущихъ чужимъ трудомъ. Необходимость честной трудовой жизни дѣлаетъ человѣка расположеннымъ къ обольщенію. А масса націи въ каждой цивилизованной странѣ просвѣщается теперь, если и не съ восхитительною быстротою, то все-таки довольно замѣтно, и не очень далеко время, когда она пріобрѣтетъ способность судить о вещахъ своимъ умомъ по своимъ интересамъ.

Соразмѣрно успѣхамъ ея умственной жизни, будетъ входить въ экономическія дѣла и норма разсчета, сообразная съ выгодами человѣчества.

Другой недостатокъ соперничества—то, что оно, кромѣ хорошаго способа пріобрѣтать выгоду, оставляетъ человѣку и противоположный, дурной способъ: человѣкъ выигрываетъ при соперничествѣ не только отъ успѣшности своей работы, но и не отъ неуспѣшности работы другихъ. Очевидно, что этотъ второй вредъ происходитъ изъ перваго кореннаго недостатка, о которомъ мы сейчасъ говорили. Существенное достоинство предмета находится въ качествахъ самаго предмета, а не въ томъ, лучше или хуже его другіе предметы того же разряда. Говорятъ: „годность предмета узнается по сравненію“. Дѣйствительно; но по сравненію съ чѣмъ? Съ требованіями, какія надобно имѣть отъ этого предмета, съ потребностями человѣческой натуры, которыя должны быть удовлетворяемы этимъ предметомъ. Хорошая ли для торговыхъ дѣлъ рѣка—рѣка Темза? Очень хорошая, потому что самыя большія суда ходятъ по ней свободно, и настолько она широка, что просторно на ней всѣмъ судамъ, сколько бы ни пришло ихъ. Послѣ этого какая же надобность разсуждать, что Миссисипи гораздо шире Темзы, а какая нибудь рѣчка Безъимянка гораздо уже и мельче ея? Отъ этихъ сравненій Темза нисколько не оказывается болѣе удобною или менѣе удобною для торговли, чѣмъ безъ нихъ. Хорошая ли рѣка—рѣка Темза по снабженію людей водою для питья? Рѣшительно негодная рѣка, потому что вода въ ней грязная и вонючая. Что же можетъ она проиграть въ этомъ отношеніи чрезъ сравненіе съ Невой, въ которой вода для питья прекрасная? Вѣдь и безъ этого сравненія вода Темзы уже оказывалась совершенно непригодною для питья. Или что она выиграетъ отъ сравненія съ той же рѣчкой Безъимянкой, которая завалена навозомъ, такъ что вода въ ней не просто грязная и вонючая вода, а густѣйшій навозный настой? Развѣ меньше грязи и вони будетъ въ водѣ Темзы, если мы скажемъ, что существуютъ рѣчки еще болѣе вонючія? Норма сравненія для предмета—потребности того человѣческаго дѣла, на которыя долженъ служить предметъ. По степени своей пригодности къ дѣлу, предметы одного разряда распредѣляются на хорошіе и дурные, очень или просто хорошіе или дурные. Но самое отношеніе извѣстнаго предмета къ дѣлу, то есть и существенное достоинство этого предмета нимало не выигрываетъ и не проигрываетъ отъ того, много ли предметовъ находится въ классахъ высшихъ, чѣмъ онъ, и въ классахъ низшихъ, чѣмъ онъ. Вамъ угодно судить объ этомъ кускѣ сукна, продающагося по два рубля за аршинъ. На что вамъ нужно это сукно? На то, чтобъ имѣть платье теплѣе бумажнаго, или полотнянаго, или шелковаго? Если такъ, вы не найдете сукна, которое лучше этого куска удовлетворило бы вашей надобности: оно плотно, прочно, не тяжело, мягко. Всѣми этими качествами обладаетъ оно, если говорить практически, въ совершенствѣ. Сравнивайте его съ какимъ хотите сукномъ, эти его качества не увеличатся и не уменьшатся. Разсматривайте со всевозможною внимательностью самый этотъ кусокъ, чтобы убѣдиться въ его качествахъ, а сравнивать его ни съ сермягою, ни съ высшими сортами сукна нѣтъ вамъ никакой надобности.

Или, нѣтъ, есть надобность: надобно удостовѣриться, стоитъ ли онъ по 2 рубля аршинъ. Но эта надобность не принадлежитъ къ сущности дѣла; она происходитъ оттого, что вы не знаете ни стоимости этого сукна, ни того, правильно ли назначается купцомъ цѣна. Слѣдовательно, чтобы судить о продуктѣ по его собственнымъ качествамъ, а не по сравненію съ другими предметами того же рода, нужны два условія: надобно, чтобы производство предмета велось открыто, какъ ведутся счетныя книги акціонерныхъ обществъ; надобно также, чтобы предметы оцѣнивались столь же открыто по этой явной для всѣхъ стоимости. Вотъ условія, безъ которыхъ невозможно замѣненіе принципа соперничества формою экономическаго разсчета, болѣе удовлетворительною. —Чтобы производство велось открыто, для этого нужно, чтобы самъ потребитель былъ хозяиномъ производителемъ. Счеты по коммерческому дѣлу открыты лишь хозяевамъ дѣла. Чтобы оцѣнка продукта дѣлалась по его стоимости, для этого опять нужно, чтобы некому было выигрывать отъ оцѣнки предмета выше его стоимости, то есть опять нужно, чтобы потребитель самъ былъ и производителемъ. А при нынѣшнихъ формахъ производства, при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, это чистая невозможность. Подумайте только: вѣдь тутъ предполагается, что кто пашетъ землю, тотъ имѣетъ на своемъ столѣ хлѣбъ, лучше котораго нѣтъ ни у кого въ цѣлой націи; а кому угодно носить бархатное платье, тотъ самъ долженъ сидѣть за станкомъ, чтобы выткать бархатъ (мимоходомъ говоря, надобно думать, что при такомъ условіи мало нашлось бы охотниковъ до бархата).—Читателю извѣстны формы экономическаго устройства, посредствомъ которыхъ должны быть достигнуты эти условія. Тутъ главное дѣло въ томъ, чтобы работники пріобрѣли искусство сами управлять предпріятіями, въ которыхъ работаютъ: цѣль новыхъ формъ та, чтобы работники сдѣлались изъ наемныхъ людей хозяевами; а хозяинъ, разумѣется, долженъ самъ имѣть неослабный надзоръ за предпріятіемъ и за всѣми людьми, которые завѣдываютъ тою или другою стороною его. При нынѣшнемъ своемъ развитіи большинство простолюдиновъ, даже и въ передовыхъ странахъ, еще слишкомъ мало подготовлено къ этому. Но и здѣсь опять мы должны сказать, что время подготовки значительно сокращается очевидностью большой выгоды новыхъ формъ для простолюдиновъ.

Послѣ этихъ разъясненій уже самъ собою ясенъ становится характеръ той высшей формы экономическаго разсчета, которою должно замѣниться соперничество, когда заинтересованныя въ этой замѣнѣ сословія пріобрѣтутъ самостоятельность мысли и привычку къ веденію промышленныхъ предпріятій. Нормою разсчета по требованію теоріи должна быть самая сущность разсчитываемаго дѣла, то есть стоимость продукта. Производители, работая сами на себя, будутъ, конечно, соображать не случайную принадлежность продукта, цѣну, потому что главная масса ихъ продуктовъ вовсе и не пойдетъ на рынокъ, не будетъ выходить изъ ихъ рукъ, стало быть и не будетъ искать себѣ цѣны; работая на собственное потребленіе, они будутъ соображать коренные элементы дѣла: мы располагаемъ извѣстнымъ количествомъ рабочаго времени и рабочихъ силъ; въ какой пропорціи выгоднѣе всего для насъ распредѣлить эти силы, это время между разными

производствами на удовлетвореніе разныхъ своихъ надобностей? Основаніемъ разсчета тутъ будетъ служить классификація надобностей съ соображеніемъ того, какая доля труда можетъ быть обращена на удовлетвореніе извѣстной надобности безъ вреда для другихъ надобностей, не менѣе или болѣе настоятельныхъ. Чтобы яснѣе было это, разсмотримъ гипотетическій случай.

Предположимъ, что существуетъ акціонерное общество, состоящее изъ 2000 населенія, въ числѣ которыхъ находятся 500 взрослыхъ работниковъ. (Мы, для краткости, будемъ считать трудъ работника представителемъ труда и работницы и дѣтей или стариковъ, составляющихъ одну единицу домашняго быта съ этимъ работникомъ). Предположимъ, что, за исключеніемъ праздничныхъ дней и болѣзней, приходится 300 рабочихъ дней въ году на человѣка, и что рабочій день считается въ 10 часовъ.

Въ такомъ случаѣ общество имѣетъ въ теченіе года 1,500,000 рабочихъ часовъ. Вотъ фондъ, которымъ оно располагаетъ на удовлетвореніе своихъ надобностей. Теперь слѣдуетъ ему сообразить свои потребности.

Пища, едва достаточная на поддержаніе жизни (скудная по количеству, дурная по качеству), можетъ быть произведена количествомъ труда 100 часовъ на человѣка; для снабженія цѣлаго общества такою пищею потребуется 200,000 рабочихъ часовъ. Для снабженія человѣка изобильною и разнообразною пищею хорошаго качества нужно вдвое больше труда, 200 часовъ на человѣка или 400,000 на общество. Для доставленія роскошнаго стола съ разными прихотями нужно еще вдвое больше труда, 400 часовъ на человѣка, 800,000 часовъ на общество.

Постепенное обзаведеніе хорошими жилищами и ремонтъ ихъ, вмѣстѣ съ топливомъ, требуетъ 150 часовъ на человѣка или 300,000 на цѣлое общество. Очень дрянныя жилища, кое-какъ отапливаемыя, потребуютъ втрое меньше труда, 50 часовъ на человѣка, 100,000 на общество; а роскошныя жилища — втрое больше, 450 часовъ на человѣка, 900,000 на цѣлое общество.

Для снабженія человѣка порядочною одеждою въ нужномъ количествѣ надобно 100 часовъ на человѣка, 200,000 на цѣлое общество. Если людямъ ходить оборванными или полунагими, на это потребуется труда вчетверо менѣе, по 25 часовъ на человѣка, 50,000 на общество. Роскошные наряды будутъ стоить труда, въ четыре раза большаго, 400 часовъ на человѣка, 800,000 на цѣлое общество.

Соединяя въ одну статью всѣ мелкія надобности домашняго быта, мы положимъ, что на порядочное удовлетвореніе ихъ нужно 50 часовъ работы на человѣка, 100,000 на цѣлое общество; но кое-какъ перебиваться можно количествомъ работы, въ пять разъ меньшимъ: 10 часовъ на человѣка, 20,000 на общество; а роскошь въ этихъ мелкихъ потребностяхъ будетъ требовать труда въ пять разъ большаго, то есть 250 часовъ на человѣка, 500,000 на общество.

Но кромѣ домашнихъ надобностей каждой отдѣльной группы близкихъ между собою людей, есть надобности цѣлаго общества; напримѣръ, ему нужны общественныя заботы о воспитаніи, о путяхъ сообщенія, объ охра-

неніи продуктовъ и лицъ. Скудное удовлетвореніе этимъ надобностямъ обойдется въ 20 часовъ на человѣка, въ 40,000 на общество; хорошее удовлетвореніе потребуетъ труда, въ 5 разъ большаго, то есть 100 часовъ на человѣка, 200,000 на цѣлое общество. При роскошномъ удовлетвореніи понадобится, конечно, еще гораздо больше труда, но тутъ всякая излишняя трата противъ того, что нужно для хорошаго удовлетворенія—уже очевидно бываетъ не удовлетвореніемъ общественной надобности, а просто общественнымъ дурачествомъ; и вотъ открывается еще одинъ предметъ, стоющій расходовъ труда.

Общественныя дурачества. По предметамъ дѣйствительной общественной надобности сюда принадлежатъ, какъ мы сейчасъ сказали, расходы на приданіе дѣлу фальшиваго блеска, безполезнаго или даже вреднаго для дѣла. Но гораздо обширнѣйшій предметъ расхода составляютъ по разряду общественныхъ дурачествъ дѣла, не только при излишней роскоши исполненія, но и при всякомъ исполненіи, скудномъ, посредственномъ, роскошномъ, прямо вредныя благосостоянію общества: напримѣръ, расходы на пріобрѣтеніе перевѣса надъ другими обществами въ могуществѣ или политическомъ вліяніи, главнымъ образомъ войны съ разными своими принадлежностями. При хорошемъ общественномъ разсчетѣ такихъ дурачествъ вовсе не дѣлается. Самое скудное удовлетвореніе такимъ дурачествамъ обходится очень дорого, положимъ въ 200 часовъ на человѣка, 400,000 на цѣлое общество; а роскошное удовлетвореніе обходится несравненно дороже, напримѣръ, въ 500 часовъ на человѣка, 1,000,000 на цѣлое общество.

Вотъ теперь мы имѣемъ данныя для соображенія расходовъ, какихъ потребуетъ удовлетвореніе общественнымъ надобностямъ и прихотямъ въ разныхъ степеняхъ.

	Скудное удовлетвореніе.		Хорошее удовлетвореніе.		Роскошное удовлетвореніе.	
	На человѣка.	На общество.	На человѣка.	На общество.	На человѣка.	На общество.
Пища	100	200,000	200	400,000	400	800,000
Жилище	50	100,000	150	300,000	450	900,000
Одежда . .	25	50,000	100	200,000	400	800,000
Мелкія домашнія надобности .	10	20,000	50	100,000	250	500,000
Общественныя надобности .	20	40,000	100	200,000	100	200,000
Общественныя дурачества .	200	400,000	„	„	500	1,000,000
Итого . .	405	810,000	600	1,200,000	2,100	4,200,000

Общество имѣетъ на удовлетвореніе своимъ надобностямъ и желаніямъ 1,500,000 часовъ. Стало быть о роскошномъ удовлетвореніи потребностей въ полномъ ихъ размѣрѣ нечего ему и думать: разумѣется, при нынѣшнемъ состояніи понятій и привычекъ роскошь пріятнѣе простаго изобилія; но что же дѣлать, когда не достаетъ для нея средствъ? Вѣдь если бы общество изъ любви къ роскоши въ домашнемъ быту и удержалось отъ всякихъ общественныхъ дурачествъ, если бъ оно пожертвовало для той же цѣли и

всѣми общественными надобностями, все-таки на одну роскошь въ домашнемъ быту понадобилось бы 3,000,000 часовъ,—вдвое больше, чѣмъ имѣетъ общество. Но свои 1,500,000 часовъ оно можетъ распредѣлить по удовлетворенію разныхъ надобностей и желаній очень различными способами. Напримѣръ, оно можетъ расположить дѣло такимъ манеромъ:

Пусть одна десятая часть членовъ общества (200 человѣкъ) имѣетъ полную роскошь въ своемъ домашнемъ быту; для этого нужно по 1,500 часовъ на человѣка, слѣдовательно на 200 человѣкъ	300,000	часовъ.
Пусть вдвое большее число людей, то есть 400 человѣкъ или двѣ десятыхъ доли общества живутъ въ домашнемъ быту изобильно; для этого нужно по 500 часовъ на человѣка, то есть на 400 человѣкъ	200,000	„
Остальная масса общества, то есть семь десятыхъ частей его или 1,400 человѣкъ, пусть живетъ въ домашнемъ быту скудно; для этого нужно по 185 часовъ на человѣка, то есть на 1,400 человѣкъ.	259,000	„
Общественныя надобности пусть удовлетворяются скудно; на это нужно	40,000	„
Всего изъ 1,500,000 часовъ расходуется на эти предметы	799,000	„
Слѣдовательно остается на общественныя дурачества	701,000	„

Вотъ такимъ манеромъ обыкновенно и распредѣляется общественный трудъ, когда дѣло ведется безъ точнаго соображенія расходовъ со средствами, безъ вниманія къ степени настоятельности той или другой человѣческой надобности, по безразсчетнымъ прихотямъ, по всякимъ случайнымъ капризамъ. Общій видъ исторіи до сихъ поръ былъ въ этомъ родѣ, лишь съ очень немногими, да и то почти во всѣхъ случаяхъ кратковременными отступленіями отъ обычной безразсчетливости. Тутъ не надобно нисколько винить человѣческую натуру; да и размѣръ общественныхъ средствъ тутъ виноватъ лишь въ обществахъ совершенно дикихъ, еще не познакомившихся съ способами придавать труду успѣшность. Въ обществахъ не то, что цивилизованныхъ, а даже и во всѣхъ тѣхъ, которыя успѣли выйти хотя изъ грубѣйшаго дикарства, стали осѣдлыми, земледѣльческими,—не только въ нынѣшней Англіи или въ Германіи, а даже въ Англіи IX вѣка, въ въ Германіи X вѣка, въ нынѣшней Персіи, въ нынѣшней Малой Азіи трудъ по степени своей внутренней успѣшности уже могъ бы содержать общество въ благосостояніи. А человѣческая натура опять-таки невиновата, если дѣло выходитъ плохо, когда человѣкъ дѣйствуетъ безразсчетно, на удачу: тутъ виноватъ только недостатокъ разсчета. Какъ бы ни былъ уменъ, распорядителенъ, дѣятеленъ банкиръ, какъ бы ни былъ онъ скроменъ въ личныхъ своихъ расходахъ, остороженъ и добросовѣстенъ въ своихъ операціяхъ, его дѣла тотчасъ разстроются, онъ обанкротится самъ и разоритъ всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло, если ведетъ дѣла безъ бухгалтерскихъ книгъ, полагаясь на

одну свою память и сообразительность. А общественное хозяйство несравненно обширнѣе, многосложнѣе всякаго банкирскаго дѣла. Наугадъ, по памяти, по глазомѣру можно вести лишь свое частное хозяйство человѣку, у котораго оно очень не велико, да и у него, какъ бы благоразуменъ ни былъ онъ, часто будутъ оказываться въ хозяйствѣ прорѣхи, если не ведетъ онъ приходо-расходныхъ книгъ. А такихъ книгъ еще ни въ одномъ обществѣ не заведено. Сколько рабочихъ силъ находится, положимъ, во Франціи? Это никому неизвѣстно; говорится объ этомъ лишь наугадъ, въ такомъ родѣ: число взрослыхъ мужчинъ, способныхъ къ работѣ, вѣроятно около 9,000,000, а можетъ быть только 7,000,000; изъ нихъ производительнымъ трудомъ занимаются четыре пятыхъ части, а можетъ быть только три пятыхъ части; число взрослыхъ здоровыхъ женщинъ, помогающихъ труду, можетъ быть таково же, а можетъ быть и гораздо меньше, потому что слишкомъ многія женщины даже и въ рабочемъ классѣ отвлечены отъ дѣльной работы хлопотами, въ которыхъ трудъ тратится слишкомъ безуспѣшно; а можетъ быть число женщинъ, помогающихъ мужчинамъ въ дѣльной работѣ, и больше мужчинъ, занятыхъ ею, потому что женщина не берется въ солдаты, не берется въ бюрократическія должности; стало быть число женщинъ, работу которыхъ надобно считать производительной, можно считать отъ $3^1/_2$ милл. (половина изъ 7 милл.) до 8 милл. (восемь девятыхъ частей изъ 9 милл.); отношеніе успѣшности труда этихъ женщинъ къ труду мужчинъ можно считать только за одну половину единицы мужскаго труда, а можно считать и за три четверти. Посмотрите же, какая удовлетворительная точность получается изъ этихъ глазомѣрныхъ соображеній:

Производительныхъ работниковъ во Франціи	
отъ (7,000,000 × 0,6=)	4,200,000
до (9,000,000 × 08 =)	7,200,000
Трудъ женщинъ, участвующихъ въ производительномъ трудѣ, составляетъ такихъ же единицъ труда, отъ (3,500,000 × 0,5 =)	1,750,000
до (8,000,000 × 0,75=)	6,000,000
Итого, Франція имѣетъ единицъ производительнаго труда отъ	5,950,000
до	13,200,000

Какой прочный фундаментъ для хорошаго веденія дѣлъ! Какъ вы полагаете, можетъ ли хорошо вести свои дѣла негоціантъ, который, задавая себѣ вопросъ: „какъ великъ мой капиталъ?“ умѣетъ отвѣчать себѣ только: „не знаю, а вѣроятно не меньше 60 тысячъ, и не больше 130 тысячъ“; который, спросивъ себя: „сколько у меня работниковъ на фабрикѣ?“ умѣетъ отвѣчать себѣ только: „не знаю хорошенько, а должно быть не меньше 600, и не больше 1,300“,—какъ вы полагаете, могутъ ли хорошо идти экономическія дѣла этого негоціанта и отчего идутъ они плохо? Оттого ли, что работники у него—плохой народъ, или оттого, что капиталъ у него малъ? Нѣтъ, работники, можетъ быть, очень хороши и капиталъ достаточенъ; вся бѣда оттого, что онъ не соблюдаетъ перваго условія экономическихъ дѣлъ,—не ведетъ счетовъ.

Что мы говорили о разсчетѣ рабочихъ силъ, которыми располагаетъ общество, точно то же надобно сказать и о количествѣ труда, требующагося на хорошее удовлетвореніе той или другой потребности. Спросите кого хотите, никто не умѣетъ сказать вамъ, сколько рабочихъ дней нужно, чтобы производить обильное снабженіе всѣхъ серьезныхъ надобностей для извѣстнаго числа людей. Только по постройкѣ жилищъ дѣлаются смѣты подобнаго рода архитекторами, да и тутъ счетъ не доводится до конца: считается, сколько рабочихъ дней должны употребить на постройку дома каменьщики, столяры, кровельщики,—работники, прямо трудящіеся надъ этимъ домомъ; а какого количества работъ стоитъ ремонтъ орудій, ими употребляемыхъ, и производство матеріаловъ постройки, этого никто не считаетъ: кирпичъ, лѣсъ, желѣзо вносятся въ смѣту не количествомъ рабочихъ силъ, какихъ стоили, а своею рыночною цѣною; ремонтъ орудій не составляетъ особенной статьи, а безъ всякаго разсчета входитъ въ оцѣнку рабочей платы. Стало быть и по постройкѣ жилищъ не подведенъ разсчетъ способомъ, какого требуетъ наука. Но вѣдь постройка жилищъ—лишь одна часть расходовъ труда на этотъ предметъ: нуженъ ремонтъ построенныхъ жилищъ; по этой статьѣ расхода не составляются полнымъ образомъ смѣты даже и по такой неполной формѣ, какъ для постройки.

А по удовлетворенію другихъ надобностей домашняго быта ни о чемъ подобномъ еще и не думалъ никто ни изъ экономистовъ школы Адама Смита, ни изъ людей, имѣющихъ прямое вліяніе на общественныя дѣла. Составлялись бюджеты среднихъ расходовъ семейства въ томъ или другомъ общественномъ положеніи и смѣты доходовъ его, преимущественно въ простонародномъ бытѣ и въ бытѣ мелкихъ чиновниковъ; но бюджеты расходовъ составлялись по цѣнамъ вещей, а бюджеты доходовъ по вознагражденію въ денежномъ счетѣ; а это все совершенно не то, что нужно сдѣлать.

Не знаемъ, удалось ли намъ возбудить въ читателѣ отчетливое представленіе о положеніи дѣлъ, нами разсматриваемомъ. Если удалось, онъ, пожимая плечами, говоритъ: „чего путнаго можно ждать при такомъ отсутствіи разсчета? Количество средствъ, какими располагаетъ общество, совершенно неизвѣстно; количество средствъ, нужное для удовлетворенія той или другой человѣческой потребности въ томъ или другомъ размѣрѣ, также совершенно неизвѣстно. Какого тутъ можно ждать порядка, какой можно ждать разсудительности въ экономическихъ дѣлахъ общества?“

Рутинные политико-экономы нимало не конфузятся этимъ: по ихъ мнѣнію, и нѣтъ надобности ни въ въ какомъ счетѣ, ни въ какой сообразительности обществу: все разсчитывается и улаживается безъ помощи сознательнаго разсужденія со стороны общества, естественнымъ дѣйствіемъ механизма цѣнъ и индивидуальныхъ интересовъ. Объ этомъ вѣроятно придется намъ подробнѣе говорить, когда будемъ излагать содержаніе III-й книги Милля, объ обмѣнѣ. А теперь, не вдаваясь въ техническія подробности, которымъ будетъ мѣсто въ одной изъ слѣдующихъ статей, мы разсудимъ объ основномъ принципѣ такого мнѣнія.

Мало ли есть въ природѣ разныхъ естественныхъ силъ, дѣйствіемъ которыхъ движутся человѣческія дѣла и живетъ самъ человѣческій орга-

низмъ; мало ли есть и въ самомъ человѣческомъ организмѣ силъ и стремленій, дѣйствующихъ самобытно и безъ всякаго преднамѣреннаго разсчета человѣческой сообразительности. Что же, есть ли изъ этихъ безчисленныхъ силъ природы и человѣческаго организма хотя одна, которая сама собою, безъ управленія сознательнымъ человѣческимъ соображеніемъ, дѣйствовала бы такъ, какъ нужно для пользы человѣка? Вотъ идетъ дождь, падаетъ роса, сами собою; что же, всегда нива получаетъ отъ нихъ самихъ столько влаги, сколько нужно для успѣшнаго роста хлѣба? Нѣтъ, изъ 100 лѣтъ развѣ въ одно, время и количество дождя и время сухой погоды расположатся сами собою наивыгоднѣйшимъ образомъ для роста хлѣба; въ остальныя 99 лѣтъ дождя падаетъ или больше или меньше, чѣмъ нужно, или не тогда, когда нужно; быть можетъ въ половинѣ этихъ лѣтъ отступленія отъ нужной для человѣка нормы не чрезмѣрно велики и хлѣбу удается вырости порядочно, хотя выросъ бы онъ лучше, если бы въ этотъ разъ дождь упалъ нѣсколькими днями раньше, въ другой нѣсколькими днями позже, въ этотъ разъ былъ нѣсколько посильнѣе, въ другой разъ не былъ такъ силенъ. А сколько бываетъ лѣтъ очень тяжелаго неурожая то отъ чрезмѣрной засухи, то отъ чрезмѣрнаго количества дождей? Значитъ, сила дождя и ясной погоды дѣйствуетъ сама собою неудовлетворительно для человѣческихъ надобностей. Можете говорить, что человѣкъ еще не въ состояніи руководить дѣйствіями этихъ силъ; но не говорите же, что не нуждался бы онъ въ томъ, чтобы руководить ими; что онѣ уже и сами собою дѣйствуютъ, какъ нельзя лучше для него. Да и въ томъ, что еще не можетъ онъ теперь руководить ими, вы будете правы лишь отчасти: кое-что онъ уже можетъ сдѣлать, кое-что онъ уже и дѣлаетъ: онъ устраиваетъ искусственную поливку, онъ устраиваетъ дренажъ. Разумѣется, эти опыты пока еще слабы, ничтожны сравнительно съ общей массой нивъ. Но вѣдь силы человѣка ростутъ, скоро онъ будетъ въ состояніи дѣлать гораздо больше; да и теперь уже могъ бы дѣлать значительно больше, если бы употребилъ на то всѣ силы, какими можетъ располагать, если бы не тратилъ этихъ силъ на пустяки, если бы научился цѣнить дѣла по ихъ истинной важности, да не сбивался бы съ толку предразсудкомъ, что дескать и само собою все хорошо идетъ. Возьмите, какую хотите, другую естественную силу природы, вы увидите тоже самое: каждая дѣйствуетъ безъ всякаго постояннаго отношенія къ надобностямъ человѣка: иной разъ, какъ нужно для нихъ, въ другой разъ во вредъ имъ, какъ случится; только чрезвычайно рѣдко случается, чтобы когда нибудь какая нибудь сила дѣйствовала совершенно такъ, какъ нужно человѣку, а слишкомъ часто, что она дѣйствуетъ чрезвычайно вредно для него. И разсудите сами, можетъ ли быть иначе, когда она дѣйствуетъ сама собою, безъ управленія человѣкомъ? Развѣ она беретъ въ разсчетъ его нужды или желанія? Бросайте горошину на Соломоновъ кругъ, иной разъ упадетъ она и на ту цифру, какой вамъ хочется, нерѣдко упадетъ близко къ этой цифрѣ; ну, а большею частью, какъ она упадетъ? Вовсе не такъ, какъ вамъ хочется.

Или вы думаете, что силы самаго организма человѣка не нуждаются въ руководствѣ соображеніемъ? Вѣдь еслибы мы не разсуждали объ инте-

ресѣ своего здоровья или не разсчитывали непріятныхъ ощущеній отъ излишняго обремененія желудка, почти каждый изъ насъ былъ бы обжорою, почти каждый пьяницею, и безпрестанно каждый изъ насъ ѣлъ бы и пилъ бы ядовитыя вещества,—развѣ нѣтъ между ними очень пріятныхъ на вкусъ? Посмотрите на ребенка, на бушмена, у которыхъ нѣтъ соображенія въ этомъ дѣлѣ: они безпрестанно обжираются, и готовы ѣсть и ѣдятъ богъзнаетъ какую дрянь. Всякая другая потребность организма, всякое другое стремленіе человѣка точно также нуждается въ руководствѣ соображенія. Возьмите расположеніе къ физической любви или къ идеальной довѣрчивости, возьмите добродушіе, разговорчивость,—всякая изъ этихъ наклонностей дѣлаетъ человѣку неисчислимый вредъ, когда нисколько не руководится разсудкомъ. Да и какъ быть иначе? Вѣдь что такое называется соображеніемъ, разсудкомъ, разсчетливостью? Сложеніе всѣхъ данныхъ, всѣхъ фактовъ и обстоятельствъ, причинъ и вѣроятныхъ послѣдствій; вѣдь только эта сила соображенія—представительница цѣлаго человѣческаго организма со всѣми его потребностями, силами и зависимостями отъ внѣшней природы; вѣдь только черезъ посредство ея человѣкъ является полнымъ человѣкомъ. Всѣ другія силы—частныя силы, одностороннія, не обнимающія ни всего организма, ни всей его обстановки. Разумѣется, по одному данному почти всегда выйдетъ не то, что сообразно со всею совокупностью данныхъ.

Что же за исключеніе были бы изъ общихъ законовъ природы и человѣческаго организма экономическія наклонности и пружины дѣйствія, если бы каждая изъ нихъ сама собою постоянно дѣйствовала именно такъ, какъ полезно для цѣлаго человѣка, если бы дѣйствія каждой изъ нихъ въ отдѣльности не нуждались въ подведеніи къ общимъ выгодамъ цѣлаго организма? Это—слишкомъ неправдоподобное мнѣніе.

Мы видѣли одинъ изъ манеровъ, по которымъ распредѣляются общественныя силы, когда общество не соображаетъ ни своихъ средствъ, ни потребностей. Всѣ эти манеры, несмотря на необозримое свое разнообразіе, имѣютъ точно тотъ же существенный характеръ, какъ и приведенный нами для примѣра: непремѣнно оказывается недостатокъ средствъ въ однѣхъ частяхъ общества, мотовство въ другихъ. Иначе и быть не можетъ при такомъ порядкѣ дѣлъ: откуда же явилась бы соразмѣрность распредѣленія силъ съ потребностями, когда неизвѣстны ни размѣръ силъ, ни размѣръ потребностей? Но читатель видѣлъ, что съ тѣмъ же самымъ размѣромъ средствъ и потребностей общество пользовалось бы полнымъ изобиліемъ, если бы распредѣляло свои средства разсудительно: въ самомъ дѣлѣ, на изобильное удовлетвореніе всѣхъ общественныхъ и частныхъ потребностей нужно только 1,200,000 рабочихъ часовъ, а общество располагаетъ средствами, равными 1,500,000 рабочихъ часовъ, то есть, за полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ разсудительныхъ надобностей, у него остается еще 300,000 часовъ въ излишкѣ; оно можетъ теперь, удовлетворивъ своимъ настоятельнымъ надобностямъ, располагать этимъ излишкомъ средствъ уже какъ ему угодно,—вотъ доля, законно предоставляемая разсудкомъ игрѣ фантазіи, страстей, прихотей: за удовлетвореніемъ всѣхъ вашихъ нуждъ, у васъ

остается излишекъ; вы, не рискуя быть безразсуднымъ, можете потѣшать себя на этотъ излишекъ,—но не больше, какъ на него. Изъ 1,200,000 рабочихъ часовъ вы не можете ни одного терять на бездѣлье или на дурачества,—это воспрещаетъ разсудокъ; а остающіеся затѣмъ 300,000 часовъ употребляйте какъ хотите. Вы можете пожертвовать ими на уменьшеніе вашего труда: работайте, вмѣсто 10 часовъ въ день, только по 8; или, если роскошь манитъ васъ сильнѣе, чѣмъ отдыхъ, употребляйте два эти лишніе часа каждаго рабочаго дня на производство предметовъ роскоши.

Вотъ принципъ экономическаго разсчета, поставляемый теоріею. Но мы уже нѣсколько разъ говорили, что только съ измѣненіемъ формъ производства возможно осуществленіе условій, имъ требуемыхъ. Главное изъ этихъ условій—точный счетъ общественныхъ силъ и потребностей. При нынѣшнихъ формахъ производства никакъ нельзя составить сколько нибудь удовлетворительной оцѣнки ихъ. Правда, правительства передовыхъ странъ уже предпринимаютъ обширныя статистическія работы съ этою цѣлью. Такъ въ Соединенныхъ Штатахъ при каждой десятилѣтней переписи перечисляется не только населеніе по возрастамъ, но переписываются и оцѣниваются всѣ главныя статьи имущества и производства. Не говоримъ уже о томъ, что многія и важнѣйшія изъ этихъ статей оцѣниваются только по денежному счету, слишкомъ не точно выражающему дѣйствительныя качества предмета. Главная важность въ томъ, что научныя, теоретическія желанія оказываются недостаточными для приведенія въ извѣстность тѣхъ данныхъ, которыя стараются тутъ опредѣлить. Дѣло опредѣляется только самымъ дѣломъ. Что не нужно для дѣла, то никакъ не будетъ исполнено удовлетворительно. Возможно-ли, чтобы переписчики или оцѣнщики добивались точныхъ показаній, когда самимъ людямъ, къ которымъ обращаются они за свѣдѣніями, нѣтъ никакой практической надобности хлопотать надъ точною оцѣнкою своихъ средствъ? Да большая часть этихъ людей при нынѣшнемъ порядкѣ производства не могутъ и оцѣнить своихъ средствъ точнымъ образомъ, по нормѣ, требуемой наукою. Знаетъ-ли фабрикантъ, или даже можетъ-ли знать онъ, сколькими часами работы произведенъ продуктъ его фабрики? Онъ могъ бы знать только число рабочихъ дней, да и по нимъ онъ не хранитъ счетовъ: онъ хранитъ счеты только количеству денегъ, выданныхъ рабочимъ. А сколькимъ рабочимъ днямъ соотвѣтствовала эта сумма, онъ уже не помнитъ черезъ полгода, быть можетъ черезъ мѣсяцъ или даже черезъ недѣлю; а записки объ этомъ брошены по ненадобности ихъ для его разсчетовъ. Да еслибъ онъ и хранилъ эти счеты рабочихъ дней, дѣло не слишкомъ много подошло бы къ точности: сколько часовъ рабочаго дня употребилъ тотъ или другой работникъ нынѣ, вчера на дѣйствительную работу и сколько пропало у него въ бездѣльѣ, и сколько часовъ онъ занимался дѣломъ съ полнымъ усердіемъ и занимался-ли имъ съ полнымъ усердіемъ хотя одинъ часъ въ день,—этого не знаетъ хорошенько никто, кромѣ самого работника, и много много двухъ-трехъ его сосѣдовъ по мѣсту въ фабричной комнатѣ. Смѣшно требовать и глупо надѣяться, чтобы взрослые люди, вся дѣловая жизнь которыхъ руководится только разсчетомъ надобности и выгоды, стали терять время на вѣрный счетъ тому, чего считать

нѣтъ имъ надобности или чего не могутъ они усчитать. Точный счетъ рабочихъ силъ, точный счетъ количеству труда, нужному на полученіе извѣстнаго продукта, на удовлетвореніе извѣстной надобности, будетъ веденъ лишь тогда, когда на этомъ счетѣ будетъ основано производство, которое теперь основано не на немъ, а на слишкомъ невѣрной принадлежности его, цѣнѣ.

Мы изложили только одну сторону—дѣла—общій принципъ его. Каковъ долженъ быть или, по всей вѣроятности, будетъ способъ его осуществленія и въ какихъ формахъ оно осуществится? Способъ осуществленія въ каждомъ дѣлѣ много зависитъ отъ обстоятельствъ. Одна и та же цѣль достигается въ иныхъ случаяхъ свободнымъ дѣйствіемъ индивидуальныхъ лицъ, въ другихъ—силою распоряженій общественной власти. О томъ, который способъ лучше самъ по себѣ, не нужно было бы по настоящему и говорить намъ: какъ мы думаемъ объ этомъ предметѣ, должно быть понятно читателю, сколько нибудь желающему вникать въ нашъ образъ мыслей; да и самъ по себѣ вопросъ очень ясенъ. Но въ исторіи слишкомъ часто задача бываетъ не въ томъ, какой путь самый лучшій, а въ томъ, какой путь возможенъ при данныхъ обстоятельствахъ. Если я самъ въ силахъ отстранить человѣка, несправедливо мѣшающаго мнѣ идти своей дорогой, я самъ отстраняю его; но если я не въ силахъ отстоять своихъ правъ одинъ, я призову противъ неправильно мѣшающихъ мнѣ вмѣшательство общественной власти. Изъ этого еще не будетъ слѣдовать, что я люблю полицейскую расправу или судебныя тяжбы или уголовные процессы; но войдите же въ мое положеніе, что мнѣ дѣлать, кромѣ этого? Очень можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ народъ имѣетъ нравы въ родѣ англійскихъ и сѣверо-американскихъ, дѣло исполнится исключительно или преимущественно частнымъ образомъ. Мало-ли что дѣлается въ такихъ странахъ частными силами? Вотъ, напримѣръ, гдѣ на свѣтѣ слыхано, чтобы война велась не правительствомъ, а добровольнымъ соглашеніемъ частныхъ людей? а теперь ведется же она такъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ: собираются частные люди и рѣшаютъ, что быть войнѣ. Война объявляется. Собираются частные люди и рѣшаютъ, что столько то надобно выставить войска, и составляютъ изъ себя войско. Соображаютъ они, куда идти войску, и посылаютъ его туда. А правительство только принимаетъ и обнародуетъ факты, совершающіеся не по его иниціативѣ. Мало-ли что бываетъ въ иныхъ странахъ! Въ Индіи, напримѣръ, ростутъ пальмы, ходятъ по лѣсамъ слоны; слѣдуетъ-ли изъ этого, что во всѣхъ странахъ возможны такія явленія? Мало-ли что бываетъ при иномъ развитіи общественныхъ нравовъ? Въ свободныхъ штатахъ Сѣверной Америки, напримѣръ, дѣвушка можетъ ѣздить по какимъ угодно дорогамъ одна, и не только по дорогамъ ѣздить, по большимъ улицамъ въ большихъ городахъ можетъ ходить одна и не подвергнется оскорбленію; а еслибъ и нашелся наглецъ, который вздумалъ бы привязаться къ ней, не нуженъ былъ бы ей родственникъ или провожатый: каждый посторонній наказалъ бы негодяя. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что во всѣхъ странахъ можно теперь ждать того же? Со временемъ,—о, современемъ, конечно, вездѣ такъ будетъ, и даже лучше будетъ; ну, а теперь, что

прикажете дѣлать въ странахъ, гдѣ не такъ? Нечего дѣлать, приходится родственнику или знакомому сопровождать дѣвушку.—„По одежкѣ протягивай ножки“,—эта поговорка прилагается не къ однимъ экономическимъ дѣламъ, а ко всякимъ; впрочемъ мы здѣсь и говоримъ объ экономическихъ дѣлахъ, къ которымъ она прямо и относится.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ и о формахъ хозяйства производительнаго и потребительнаго, требуемыхъ удовлетворительною формою экономическаго разсчета. Если бы могъ стоять домъ безъ фундамента, если бы можно было имѣть теплоту въ комнатахъ безъ печей, разумѣется, не было бы никакой надобности ни въ фундаментѣ, ни въ печахъ; а если бы можно было быть сытымъ безъ пищи, не нужна была бы и пища. Если бы вѣрная оцѣнка продуктовъ и разныхъ видовъ труда по ихъ внутреннимъ качествамъ, если бы хорошее распредѣленіе продуктовъ, если бы успѣшнѣйшій ходъ производства или экономное потребленіе возможны были безъ извѣстныхъ формъ экономическаго быта, то, разумѣется, не нужны были бы эти формы. Но изъ перечисленныхъ нами условій національнаго благосостоянія ни одно невозможно безъ извѣстнаго экономическаго устройства. Напримѣръ, въ теоріи производства мы видѣли, что для его успѣшности нужны такія формы быта, при которыхъ каждый работникъ былъ бы хозяиномъ, а единица производительнаго хозяйства должна имѣть такой огромный размѣръ, что нужны для ней сотни работниковъ; слѣдовательно форма производительнаго устройства должна быть такова, чтобы въ каждомъ предпріятіи былъ не одинъ хозяинъ, а сотни хозяевъ и чтобы никто не касался дѣла кромѣ хозяина, иначе сказать, чтобы всякій касающійся былъ хозяиномъ его на столько, на сколько касается. Теперь точно такое же требованіе мы находимъ въ условіяхъ удовлетворительнаго экономическаго разсчета. Онъ возможенъ лишь тогда, когда каждому потребителю извѣстна точная стоимость потребляемаго продукта, количество рабочихъ силъ, употребленныхъ на производство; а это можетъ быть извѣстно лишь хозяину производства; слѣдовательно каждый потребитель продукта долженъ быть его хозяиномъ-производителемъ. А по принципу сочетанія труда не только всѣ продукты, нужные для отдѣльнаго человѣка, но и ни одинъ изъ этихъ продуктовъ въ отдѣльности не долженъ быть произведеніемъ работы одного человѣка, а долженъ проходить въ своемъ производствѣ черезъ десятки и сотни рукъ (чѣмъ больше дробятся производительныя операціи на свои простѣйшіе элементы, тѣмъ успѣшнѣе идетъ производство). Стало быть и тутъ, вмѣсто отдѣльнаго хозяина отдѣльнаго продукта, требуется соединеніе множества людей, занимающихся въ своей совокупности производствомъ разныхъ продуктовъ по разнымъ человѣческимъ потребностямъ, и притомъ такое сочетаніе, въ которомъ каждый участникъ по труду былъ бы соучастникомъ въ правѣ хозяйства.

Мы говоримъ только объ общемъ принципѣ формы хозяйства, требуемой теоріею. О подробностяхъ должны мы будемъ говорить при обзорѣ слѣдующихъ отдѣловъ трактатовъ Милля; и—почему знать?—быть можетъ и станемъ говорить о нихъ когда нибудь въ противность принятому нами правилу—не говорить о томъ, о чемъ должно: вѣдь человѣкъ не ангелъ

и погрѣшаетъ иногда противъ правилъ самыхъ хорошихъ и самыхъ любимыхъ.

В. Формы распредѣленія продукта при принципѣ частной собственности, по принципу соперничества или нормамъ экономическаго разсчета, еще менѣе удовлетворительнымъ.

Мы говорили о формѣ экономическаго разсчета, требуемой научною теоріею, и на этотъ разъ по своему правилу отказались отъ изложенія той формы распредѣленія, которая происходитъ изъ хорошаго разсчета и о которой по всѣмъ соображеніямъ здраваго смысла слѣдовало бы намъ теперь говорить. Мы впрочемъ и не жалѣемъ объ этомъ: къ чему наполнять страницы разсужденіями о томъ, чего еще нѣтъ? вѣдь несуществующее не существуетъ, стало быть ничтожно. Есть еще другое основаніе къ тому. Вы, напримѣръ, говорите мнѣ, что я не долженъ разстроивать своего здоровья обжорствомъ, не долженъ портить судьбу близкихъ мнѣ людей мотовствомъ; я—простите „нагую рѣзкость выраженья"—оборачиваюсь къ вамъ спиною: можете-ли вы поддержать силу вашихъ замѣчаній судебнымъ порядкомъ? можете-ли представить меня къ суду для наказанія за образъ жизни, который называете вы безразсуднымъ и вреднымъ для меня и для другихъ? Не можете?—Такъ что же мнѣ за охота слушать ваши рѣчи, которыя непріятны для меня и которыя я называю поэтому глупыми? Я уважаю только законъ, да и то лишь когда за закономъ стоитъ судебная власть съ своими наказаніями и не могу я отъ нихъ уйти. Пожалуй, я уважаю отчасти и обычай, потому что за обычаемъ стоитъ общественное мнѣніе съ своими наказаніями, и очень часто съ полицейскими наказаніями. Остальнаго ничего я знать не хочу. Такъ вотъ и теперь будемте говорить лишь о тѣхъ формахъ распредѣленія, которыя существовали или существуютъ по волѣ закона или обычая: эти формы уже доказали свою возможность: что дѣлалось или дѣлается въ дѣйствительности, то, конечно, возможно. А всякія другія формы я называю утопическими мечтаніями и не хочу знать ихъ.

Впрочемъ, при моемъ нынѣшнемъ расположеніи духа, понятіе утопіи становится у меня очень широко: мнѣ кажется, что всякое требованіе здраваго смысла—утопія. „Надобно заботиться о просвѣщеніи народа"—утопія!—Народъ такъ невѣжественъ, что не чувствуетъ надобности въ просвѣщеніи: зачѣмъ же навязывать ему ненужное? Народъ обремененъ матеріальною работою, ему некогда просвѣщаться.—„Надобно заботиться, чтобы не было людямъ причинъ становиться обманщиками, плутами, ворами"—утопія! Негодяю на роду написано быть негодяемъ, а честный человѣкъ устоитъ противъ всякихъ искушеній, даже сильнѣе разовьетъ себѣ честность борьбою противъ нихъ; да и нельзя устранить этихъ искушеній: когда, въ какомъ обществѣ не существовало ихъ? да и нельзя сдѣлать, чтобы въ обществѣ не было множества плутовъ и воровъ: когда же въ какомъ обществѣ не было ихъ? Слѣдовательно, все это вздоръ, подобно мечтаніямъ о какихъ то лучшихъ формахъ экономическаго распредѣленія. Займемся исключительно формами, доказавшими свою возможность на практикѣ.

Производство имѣетъ три элемента: землю, трудъ и капиталъ; смотря по тому, раздѣляется владѣніе этими элементами по разнымъ классамъ или соединяется въ одномъ классѣ, продуктъ распредѣляется между разными классами или весь остается въ рукахъ одного класса.

Самая невыгодная изъ формъ экономическаго устройства—рабство. Всѣ виды обязательнаго труда сходны въ этомъ отношеніи съ своимъ первообразомъ, рабствомъ. Каждый, сколько-нибудь знакомый съ политическою экономіею, очень хорошо знаетъ это и потому намъ нѣтъ надобности останавливаться на этомъ предметѣ.

При рабствѣ и разныхъ видахъ обязательнаго труда весь продуктъ принадлежитъ землевладѣльцу. Ему принадлежатъ всѣ три элемента производства: и земля, и капиталъ, и личность трудящихся. Рабы не получаютъ доли изъ продукта, а только содержатся своимъ владѣльцемъ, какъ содержится имъ домашній скотъ. Есть нѣсколько другихъ формъ, въ которыхъ продуктъ дѣлится между двумя классами, потому что одному изъ нихъ принадлежатъ два изъ трехъ элементовъ производства. Одна изъ этихъ формъ—половничество, до сихъ поръ остающееся очень распространеннымъ на континентѣ западной Европы, между прочимъ въ Италіи и многихъ провинціяхъ Франціи. Оно имѣетъ много видовъ. Въ однихъ, земледѣльческимъ капиталомъ долженъ запасаться самъ работникъ, въ другихъ—капиталъ дается ему отъ землевладѣльца, въ третьихъ—извѣстная часть капитала дается отъ землевладѣльца, а извѣстною частью долженъ запасаться самъ работникъ; въ однихъ видахъ половничества уплата отъ половника землевладѣльцу производится натурою, въ другихъ—деньгами; въ однихъ она составляетъ половину продукта (отчего и произошло названіе половничества), въ другихъ—только третью или четвертую часть продукта, а двѣ трети или три четверти остаются у половника. Но общій признакъ всѣхъ видовъ половничества—тотъ, что доля, отдаваемая половникомъ землевладѣльцу, опредѣляется не соперничествомъ, а обычаемъ. Уже изъ этого ясно, что половничество можетъ держаться лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ новая промышленная дѣятельность еще не обратилась на земледѣліе, гдѣ оно еще остается въ средневѣковомъ экономическомъ положеніи. Вообще говоря, половники пользуются нѣсколько лучшимъ, а часто и значительно лучшимъ благосостояніемъ, чѣмъ наемные земледѣльческіе работники; но объ этой формѣ устройства мы не будемъ распространяться, потому что она очевидно должна уничтожиться въ довольно скоромъ времени и тамъ, гдѣ еще удержалась до сихъ поръ, а не то, чтобы могла распространяться на такія мѣста, гдѣ не существуетъ.

Она замѣтно и уничтожается, замѣняясь или господскимъ хозяйствомъ съ наемными работниками, или фермованіемъ земли по принципу соперничества, или обращеніемъ платы владѣльцу изъ извѣстной доли продукта въ неизмѣнную сумму, которая уже составляетъ не то, что форму распредѣленія продукта, а родъ опредѣленнаго налога,—только налога, платимаго поселяниномъ не государству, а частному лицу; черезъ нѣсколько времени (иногда, конечно, очень нескоро) этотъ налогъ капитализуется и выкупается.

Итакъ, половничество—та форма распредѣленія продукта между двумя

классами, въ которой пропорція раздѣла опредѣляется обычаемъ, а не соперничествомъ. Когда же пропорція раздѣла земледѣльческаго продукта между двумя классами опредѣляется соперничествомъ, то происходятъ двѣ главныя формы раздѣла: во-первыхъ, хозяйство можетъ вести самъ землевладѣлецъ посредствомъ наемныхъ работниковъ; во-вторыхъ, хозяйство можетъ вести работникъ, арендующій землю по принципу соперничества. Первый случай надобно назвать господскимъ хозяйствомъ съ наемнымъ трудомъ; второй случай, очень хорошо знакомый англійскимъ политико-экономамъ, извѣстенъ у нихъ подъ именемъ коттерства.

О господскомъ хозяйствѣ съ вольнонаемнымъ трудомъ Милль говоритъ очень мало и лишь мимоходомъ, потому что въ Англіи оно совершенно неупотребительно. Большіе землевладѣльцы совершенно неспособны успѣшно вести хозяйство, по единодушному отзыву всѣхъ англійскихъ политико-экономовъ, очень хорошо знакомыхъ съ большимъ землевладѣніемъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Милль.

Большіе землевладѣльцы повсюду бываютъ праздными сословіемъ и если трудятся, то развѣ въ такихъ отрасляхъ дѣятельности, которыя доставляютъ больше удовольствія, чѣмъ сельское хозяйство, и вездѣ захвачены высшими сословіями. „Напрасно и неразсудительно было бы ожидать, говоритъ Джонсъ, чтобы порода знатныхъ собственниковъ, огражденныхъ привилегіями и титулами, привлекаемыхъ къ военной и политической каррьерѣ выгодами и привычками своего положенія, могла когда нибудь сдѣлаться сословіемъ хорошихъ сельскихъ хозяевъ“. Каждый можетъ самъ разсудить, каковы были бы результаты даже въ Англіи, если бы сельское хозяйство въ помѣстьяхъ велось самими землевладѣльцами. Мало было бы примѣровъ знанія и энергіи, довольно много было бы отдѣльныхъ примѣровъ посредственнаго успѣха, а общее положеніе земледѣлія было бы никуда негодно.

При обязательномъ трудѣ форма господскаго хозяйства владычествуетъ во многихъ странахъ оттого, что тутъ слишкомъ мало бываетъ капиталистовъ, желающихъ брать помѣстья въ аренду, а денежной платы несвободные работники часто не могутъ взносить въ количествѣ, какого желалъ бы владѣлецъ. Но съ вольно-наемнымъ трудомъ эта система хозяйства не можетъ долго удержаться. Если по уничтоженіи обязательнаго труда не производится выкупа земли законодательнымъ путемъ или не установляется, также законодательнымъ путемъ, неизмѣнная рента, а предоставляется дѣло вліянію соперничества, то происходитъ одно изъ двухъ: когда въ странѣ много капиталовъ и много капиталистовъ, находящихъ выгоду вести земледѣльческое хозяйство на свой капиталъ коммерческимъ способомъ, являются капиталисты-фермеры и продуктъ дѣлится между тремя классами: землевладѣльцами, капиталистами-фермерами и наемными работниками; а когда нѣтъ ни капитала, ни выгоды возникать классу капиталистовъ-фермеровъ и существуютъ лишь два класса, землевладѣльцы и вольные работники, происходитъ форма, называющаяся у англійскихъ писателей коттерствомъ. О законахъ, которымъ подчинено распредѣленіе продукта въ первомъ случаѣ, мы будемъ говорить въ особенной статьѣ подробно, потому что эта форма—распредѣленіе земледѣльческаго продукта между тремя классами,—принимается въ школѣ Адама Смита за нормальную, ближе

всѣхъ остальныхъ формъ экономическаго быта соотвѣтствующую требованіямъ науки. Съ свойствами втораго случая теперь же пусть познакомитъ насъ Милль, очень основательно разсматривающій его въ двухъ главахъ (IX и X гл. II-й кн.). IX-ю главу мы приведемъ здѣсь вполнѣ, X-ю почти вполнѣ, выпуская изъ нея лишь немногія, небольшія мѣста, не имѣющія для насъ интереса.

Общимъ названіемъ коттерства я обозначаю всѣ безъ исключенія системы, по которымъ работникъ снимаетъ землю безъ посредства капиталиста-фермера, а условія, на которыхъ беретъ онъ землю, и въ особенности, величина ренты, опредѣляются не обычаемъ, а соперничествомъ. Главный примѣръ этой системы въ Европѣ — Ирландія, изъ которой и заимствовано слово коттеръ *). Почти все земледѣльческое населеніе Ирландіи составляютъ коттеры; только въ Эльстерѣ фермеры, пользующіеся правомъ вознагражденія (tenant right), служатъ исключеніемъ. Правда, существуетъ въ Ирландіи многочисленный классъ такихъ работниковъ, которые не могутъ получить даже и малѣйшаго клочка земли въ постоянное пользованіе, потому что или собственники или фермеры, снявшіе землю, не хотятъ увеличивать раздробленіе участковъ. Но по недостатку капитала въ Ирландіи господствуетъ обычай вознаграждать работника не деньгами, а землею; даже люди, нанимающіеся на время въ работники у коттеровъ или у большихъ фермеровъ (гдѣ встрѣчаются въ Ирландіи большіе фермеры) обыкновенно получаютъ плату не деньгами, а дозволеніемъ на одно лѣто воздѣлывать себѣ кусокъ земли, который обыкновенно дается имъ отъ фермера уже удобренный и называется конэкръ. За этотъ кусокъ они обязываются уплатить ренту деньгами, часто по нѣскольку фунтовъ за экръ, но въ дѣйствительности денегъ не платится, а свой долгъ зарабатываютъ они днями по денежной оцѣнкѣ **). По системѣ коттерства продуктъ раздѣляется на двѣ части, ренту и вознагражденіе работника; очевидно, что величина одной части опредѣляется величиною другой. Работнику остается то, что не берется землевладѣльцемъ. Положеніе работника зависитъ отъ величины ренты. А рента, опредѣляясь соперничествомъ, зависитъ отъ отношенія между запросомъ на землю и предложеніемъ ея. Запросъ на землю зависитъ отъ числа соперничествующихъ съемщиковъ; а такими съемщиками являются всѣ поселяне. Такимъ образомъ система эта имѣетъ своимъ результатомъ то, что принципъ населенія дѣйствуетъ не на капиталъ, какъ въ Англіи, а, прямо на землю. При этомъ положеніи дѣлъ рента зависитъ отъ пропорціи между населеніемъ и землею. Но земля составляетъ опредѣленную величину, а населеніе имѣетъ безпредѣльную способность размножаться; потому, если размноженіе не задерживается чѣмъ нибудь, соперничество въ запросѣ на землю скоро поднимаетъ ренту до крайней высоты, при какой только можетъ оставаться въ живыхъ народъ. Такимъ образомъ результаты коттерства зависятъ отъ границы, на которой способность населенія размножаться удерживается или обычаемъ, или личнымъ благоразуміемъ, или истощеніемъ отъ голода и болѣзнями.

---

*) Словомъ „коттеръ“ обозначается фермеръ, снимающій у другаго мелкаго фермера избу съ однимъ акромъ или двумя акрами земли; но въ экономической литературѣ значеніе этого термина давно расширилось, такъ что онъ обозначаетъ и мелкихъ фермеровъ, снимающихъ землю прямо у землевладѣльцевъ, и вообще обозначаетъ всѣхъ поселянъ-фермеровъ, ренты которыхъ опредѣляются соперничествомъ. — *Прим. Милля.*

**) Конэкровая система вышла изъ употребленія въ Ирландіи послѣ голода 1846 и 1847 годовъ. Но она должна сохранить свое мѣсто въ нашемъ опытѣ характеристики коттерства, служа естественной принадлежностью и слѣдствіемъ коттерской системы. Потому мы оставили текстъ въ прежнемъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ до 1846 года. — *Прим. Милля.*

Нельзя безусловно сказать, что коттерство рѣшительно ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ благосостоянія рабочаго класса. Если бы возможно было предположить, что оно существуетъ у народа, у котораго высокій уровень благосостоянія вошелъ въ привычку, который такъ требователенъ на житейскія удобства, что не станетъ предлагать за землю ренты, не оставляющей ему хорошихъ средствъ къ жизни; который размножается съ медленностію, такъ что нѣтъ въ немъ незанятыхъ людей, поднимающихъ ренту своимъ соперничествомъ, когда увеличеніе земледѣльческаго продукта отъ усовершенствованія техники не даетъ народу возможности повысить ренту безъ вреда для себя, — если бы можно было представить такое положеніе дѣлъ, то при системѣ коттерства земледѣльцы могли бы имѣть не меньшее вознагражденіе, чѣмъ при какой нибудь другой системѣ, могли бы пользоваться значительнымъ благосостояніемъ. Но все-таки, при зависимости ренты отъ произвола, они не имѣли бы ни одной изъ тѣхъ особенныхъ выгодъ, которыя получаютъ по тосканской системѣ половники отъ прочнаго пользованія землею. Они не имѣли бы въ своемъ распоряженіи капитала, принадлежащаго землевладѣльцамъ, и недостатокъ капитала не вознаграждался бы у нихъ энергическими побужденіями къ усердному физическому и умственному труду, существующими въ поселянинѣ, при неизмѣнности ренты. Напротивъ, увеличеніе цѣнности земли отъ усердной работы поселянина вело бы только къ возвышенію ренты во вредъ ему или на слѣдующій годъ, или по истеченіи прежняго контракта. Правда, землевладѣльцы могли бы имѣть честность или разсчетливость, чтобы не пользоваться выгодою, какую давало бы имъ соперничество; но не у всѣхъ землевладѣльцевъ эта воздержность была бы одинакова. А вообще никакъ нельзя ожидать, чтобы какое нибудь сословіе людей стало поступать въ противность прямой своей денежной выгодѣ; и легчайшее сомнѣніе было бы тутъ почти столь же гибельно, какъ положительная увѣренность, потому что, если человѣкъ соображаетъ, дѣлать ли ему усиліе или пожертвованіе въ настоящемъ для будущаго, то рѣшеніе повернется противъ заботы о будущемъ при самомъ малѣйшемъ рискѣ, что плоды труда или пожертвованія будутъ отняты у него. Единственной оградой отъ этихъ сомнѣній было бы возникновеніе обычая, обезпечивающаго неотъемлемое пользованіе землею поселянину съ возвышеніемъ ренты лишь тогда, когда возвышеніе утверждалось бы общимъ мнѣніемъ всего населенія. Такой обычай—право фермера на вознагражденіе (tenant right), существующее въ Эльстерѣ. Значительность суммы, получаемой смѣняющимся фермеромъ отъ его преемника за уступку фермы *), ограничиваетъ кругъ соискателей людьми, могущими заплатить такую сумму; видно также изъ этого факта, что землевладѣлецъ не вполнѣ пользуется выгодами даже и отъ такого ограниченнаго соперничества, потому что рента, имъ получаемая, не составляетъ всей суммы, платимой новымъ фермеромъ. Новый фермеръ платитъ прежнему выкупъ, въ полной увѣренности, что рента не будетъ увеличена; это гарантируется ему обычаемъ, который не признанъ въ законѣ, но получаетъ свою обязательную силу отъ другой санкціи, очень хорошо извѣстной каждому въ Ирландіи **). Безъ той или другой изъ

*) Нерѣдко фермеръ, не имѣющій контракта, продаетъ просто только привилегію занимать эту ферму, нисколько имъ не улучшенную, за сумму отъ 10 до 16, даже до 20 и даже до 40 годичныхъ платежей ренты съ этой фермы (Digest of Evidence taken by Lord Devon's Commission, Introductory Chapter). Составитель этого отчета прибавляетъ: „тишина, которою пользуется Эльстеръ сравнительно съ другими ирландскими провинціями, можетъ быть приписана преимущественно этому факту“. — *Прим. Милля.*

**) „Въ огромномъ большинствѣ случаевъ выкупъ — не вознагражденіе прежняго фермера за издержки или за улучшенія, а просто застрахованіе жизни или покупка личной безопасности, (Digest, ut supra). — „Нынѣшній фермерстерскій выкупъ въ Эльстерѣ надобно считать зародышемъ

этихъ опоръ не можетъ въ странѣ, дѣлающей экономическіе успѣхи, возникнуть обычай, которымъ бы ограничивалась поземельная рента. Если богатство и населеніе будутъ въ неподвижномъ состояніи, то вообще будетъ въ немъ и рента; а нѣсколько времени просуществовавъ безъ перемѣнъ, она вѣроятно станетъ считаться не подлежащею перемѣнамъ. Но всякое увеличеніе богатства и населенія ведетъ къ возвышенію рентъ. При половничествѣ есть установившійся способъ для землевладѣльца непремѣнно получить часть увеличенія въ земледѣльческомъ продуктѣ. Но при коттерствѣ онъ можетъ получить эту часть только измѣненіемъ условій контракта, и въ прогрессирующемъ обществѣ это измѣненіе почти всегда будетъ выгодно ему. Потому его выгода рѣшительно противна возникновенію обычая, придающаго рентѣ неизмѣнную величину.

Гдѣ величина ренты не ограничена закономъ или обычаемъ, тамъ коттерство имѣетъ невыгоды самаго худшаго половническаго устройства, почти не имѣя ни одной изъ выгодъ, которыми онѣ вознаграждаются въ половничествѣ лучшаго устройства. При коттерствѣ почти нѣтъ возможности земледѣлію находиться не въ жалкомъ положеніи. Но положеніе земледѣльцевъ можетъ не быть несчастнымъ. И при этой системѣ соперничество въ запросѣ на землю можетъ быть сдерживаемо достаточными препятствіями размноженію людей; этимъ можетъ предотвращаться крайняя бѣдность; привычка къ благоразумію и къ высокому уровню благосостоянія, однажды установившись, можетъ сохраняться. Но и въ этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ побужденія къ благоразумію будутъ значительно слабѣе, чѣмъ у половниковъ, подобно тосканскимъ, защищенныхъ обычаемъ отъ опасности лишиться своихъ участковъ. Пользуясь такою защитою, семья половниковъ можетъ обѣднѣть лишь отъ собственнаго неблагоразумія въ размноженіи, а неблагоразуміе другихъ семей въ этомъ отношеніи не повредитъ ей. Напротивъ, какъ бы ни была благоразумна и воздержна семья коттеровъ, рента можетъ быть поднята во вредъ ей размноженіемъ другихъ семей. Отъ этого зла коттеры могутъ найти себѣ защиту лишь въ томъ, когда по всему сословію распространено спасительное чувство обязанностей или достоинства. Должно сказать, что это чувство можетъ доставлять имъ значительное огражденіе. Если обычный уровень потребностей въ цѣломъ сословіи будетъ высокъ, то молодой человѣкъ не захочетъ предлагать ренту, при которой сталъ бы въ положеніе, худшее своего предмѣстника; точно также можетъ установиться (и дѣйствительно установился въ нѣкоторыхъ странахъ) общій обычай не жениться иначе, какъ при существованіи незанятой фермы.

Но дѣло въ томъ, что никакъ не представится намъ случая разсматривать коттерства при положеніи вещей, когда въ привычкахъ рабочаго класса укоренилась высокая норма благосостоянія. Коттерство встрѣчается лишь тамъ, гдѣ обычныя потребности сельскихъ работниковъ чрезвычайно низки, гдѣ поселяне размножаются до самаго предѣла голодной смерти, гдѣ населеніе сдерживается лишь болѣзнями и недолговѣчностію, отъ недостатка въ необходимомъ для поддержки физическаго существованія. Къ несчастію, таково положеніе огромнаго большинства ирландскихъ поселянъ. Когда народъ упалъ до такого положенія, когда онъ находится въ немъ съ незапамятнаго времени, коттерство бываетъ почти непреоборимымъ препятствіемъ ему выдти изъ этого по-

состоянія арендаторовъ-собственниковъ" (copyhold), справедливо замѣчаетъ составитель отчета — „Если право выкупа нарушено и фермеръ прогнанъ безъ уплаты ему уступочной цѣны, то вообще слѣдуетъ убійство или поджогъ" (гл. 8). — „Безпорядки, господствующіе въ Типперари, и земледѣльческіе заговоры по всей Ирландіи слѣдуетъ считать систематизированной войною для полученія эльстерскаго права выкупа". — *Прим. Милля.*

ложенія. Когда привычки народа таковы, что размноженіе сдерживается лишь невозможностію физическаго пропитанія, и когда пропитаніе получается народомъ лишь отъ земледѣлія, то всѣ условія и договоры относительно величины ренты бываютъ чисто номинальными: соискательство на землю заставляетъ снимающихъ ее обѣщаться платить болѣе, чѣмъ возможно платить, и уплативъ все, что могутъ, они почти всегда будутъ оставаться въ долгу.

„Объ ирландскихъ поселянахъ, говоритъ Ривенсъ, секретарь комиссіи, изслѣдовавшей дѣйствія законовъ о бѣдныхъ въ Ирландіи (Irish Poor Law Enquiry Commission *), можно сказать, что въ каждой семьѣ, не имѣющей достаточно земли для своего прокормленія, одинъ или нѣсколько человѣкъ ходятъ по міру; изъ этого легко понять, что поселяне всячески стараются снимать мелкіе участки, и предлагаемая ими рента не основывается ни на достоинствѣ земли, ни на собственной ихъ возможности заплатить обѣщанныя деньги: они просто обѣщаютъ плату, какую угодно, лишь бы получить участокъ. Почти никогда не могутъ они уплатить обѣщанной ренты, и потому, какъ только вступили въ пользованіе землею, становятся должниками людямъ, у которыхъ сняли ее. Въ уплату ренты они отдаютъ весь продуктъ земли, за исключеніемъ картофеля, нужнаго на ихъ прокормленіе; но вся эта плата бываетъ обыкновенно меньше обѣщанной ренты, потому долгъ ихъ постоянно ростетъ. Иногда обѣщанная рента бываетъ больше всего самаго урожайнаго продукта, какой когда либо случался на участкѣ или какой можетъ дать участокъ въ наилучшее лѣто, при существующей системѣ обработки; поэтому еслибы поселянинъ исполнилъ условія договора съ землевладѣльцемъ, которыхъ почти никогда не можетъ исполнить, то онъ воздѣлывалъ бы землю задаромъ и еще давалъ бы землевладѣльцу премію за позволеніе воздѣлывать ее. Въ приморскихъ мѣстахъ рыбаки, а въ сѣверныхъ графствахъ поселяне, имѣющіе ткацкій станокъ, часто платятъ за землю больше, чѣмъ стоитъ по рыночной цѣнѣ весь продуктъ ея. Можно бы предположить, что они стали бы жить нѣсколько лучше вовсе безъ земли. Но рыбная ловля можетъ прекращаться на недѣлю или на двѣ; можетъ останавливаться недѣли на двѣ и запросъ на продукты ткацкаго станка; въ это время они умерли бы съ голода, еслибъ не имѣли земли, съ которой собираютъ пищу. Рѣдко платятъ коттеры всю обѣщанную ренту. Поселянинъ постоянно находится въ долгу у землевладѣльца; продажею его жалкаго имущества,—нищенской одежды его и его семьи, двухъ-трехъ стульевъ и нѣсколькихъ штукъ глиняной посуды,—продажею всего имущества, находящагося въ его жалкой избушкѣ, не покрылся бы постоянный и вообще возростающій долгъ. Почти всѣ поселяне бываютъ должны уплатою за цѣлый годъ, и извиненіемъ въ неисправности бываетъ у нихъ нищета. Если въ какой нибудь годъ продуктъ участка будетъ больше обыкновеннаго, или какъ нибудь получитъ поселянинъ какое нибудь имущество, его благосостояніе не увеличится, онъ не можетъ ѣсть лучше прежняго или больше прежняго, не можетъ прикупить себѣ мебели и посуды, одѣть жену и дѣтей получше. Все полученное имъ должно пойти къ тому, у кого снимаетъ онъ землю. Случайное увеличеніе дохода послужитъ только къ уменьшенію его долга, къ отсрочкѣ времени, когда его прогонятъ за неплатежъ долга. Но выше этого не должны простираться его ожиданія.

Изъ показаній, собранныхъ комиссіею, бывшею подъ предсѣдательствомъ лорда

*) Evils of the State of Ireland, their Causes and their Remedy, стр. 10. Эта брошюра содержитъ, между прочимъ, превосходный сводъ показаній изъ массы свидѣтельствъ, собранныхъ коммиссіею, предсѣдателемъ которой былъ архіепископъ Гуэтли. — *Прим. Милля.*

Девона, мы приведемъ фактъ, засвидѣтельствованный Герли, короннымъ секретаремъ (Clerk of the Crown) графства Керрійскаго; изъ этого показанія видно, до какой крайности доходитъ соперничество въ запросѣ на землю, и до какой чудовищной высоты иногда поднимаетъ оно номинальную ренту: „ я знаю случай, когда нанималась ферма, дающая въ годъ, какъ въ точности извѣстно мнѣ, 50 фунтовъ; соперничество подняло цѣну до того, что она была сдана за 450 фунтовъ.

При такомъ положеніи дѣлъ—какую пользу принесетъ земледѣльцу, снимающему землю, величайшее трудолюбіе, величайшее благоразуміе, какой убытокъ принесетъ ему безразсудство? Если землевладѣлецъ потребуетъ полной уплаты, у коттера не останется хлѣба на собственное пропитаніе. Если чрезмѣрнымъ усердіемъ онъ удвоитъ продуктъ своего участка, если по благоразумію не станетъ рождать дѣтей, онъ выиграетъ только то, что больше останется у него на уплату землевладѣльцу; а если у него будетъ хотя 20 человѣкъ дѣтей, все-таки землевладѣлецъ возьметъ у него лишь то, что останется за прокормленіемъ его семьи. Изъ всѣхъ людей, живущихъ на свѣтѣ, почти одинъ только ирландскій коттеръ въ такомъ положеніи, что какъ бы ни поступалъ онъ, онъ не можетъ ни улучшить, ни ухудшить своего положенія. Если онъ трудолюбивъ и благоразуменъ, отъ этого выиграетъ только его землевладѣлецъ; если онъ лѣнивъ или невоздержанъ, убытокъ отъ этого только землевладѣльцу. Никакое воображеніе не можетъ представить устройства, при которомъ было бы меньше побужденій къ труду или благоразумію. Тутъ уничтожены побужденія, управляющія свободными людьми, и не замѣнены побужденіями, управляющими рабомъ. Ирландецъ не имѣетъ ни надеждъ, ни опасеній, кромѣ опасенія быть прогнаннымъ съ участка; а противъ этой бѣды онъ ограждаетъ себя посредствомъ ultimo ratio, оборонительной междуусобной войны. „Рокизмъ“ и „Уайтбоизмъ“—вотъ судьба народа, который можетъ назвать своимъ лишь тотъ кусокъ плохой пищи, который съѣдаетъ нынѣ, и не хочетъ лишаться этого куска въ угоду другимъ.

И послѣ этого люди, претендующіе быть нашими наставниками, отсталость ирландской промышленности, недостатокъ въ ирландцахъ энергіи къ улучшенію своего быта—приписываютъ особенной лѣности и беззаботности, свойственной кельтскому племени,—не надобно ли назвать это горькою сатирою на манеру, по которой составляются мнѣнія о важнѣйшихъ вопросахъ человѣческой натуры и жизни? Приписывать разницу въ образѣ дѣйствій и въ характерѣ врожденному естественному различію, — это самый обыкновенный и пошлый способъ изъ всѣхъ пошлыхъ способовъ уклоняться отъ надобности принимать въ соображеніе дѣйствія общественныхъ и нравственныхъ вліяній на человѣка. Какое племя не стало бы лѣнивымъ и безпечнымъ при такомъ устройствѣ дѣлъ, что предусмотрительность и трудолюбіе не приноситъ никакой пользы? Если племя живетъ и работаетъ въ такой обстановкѣ, удивительно ли, что порожденная ею безпечность и апатія не отбрасываются въ одинъ мигъ, когда представляется случай трудиться съ дѣйствительною пользою для себя? Очень натурально, что народъ, любящій удовольствія и впечатлительный, каковъ ирландскій народъ, не такъ наклоненъ къ рутинному труду, какъ англичане, потому что жизнь имѣетъ для него много привлекательныхъ сторонъ независимо отъ труда; но ирландцы способны къ труду не менѣе своихъ кельтскихъ братьевъ французовъ, не меньше тосканцевъ или древнихъ грековъ. Люди впечатлительные способнѣе всѣхъ другихъ одушевляться усердіемъ въ работѣ, лишь бы находили достаточное побужденіе къ ней. Если люди не работаютъ, когда не имѣютъ побужденій къ труду, это еще вовсе не свидѣтельствуетъ, чтобы они

не были способны къ трудолюбію. Никто не работаетъ усерднѣе ирландца въ Англіи или въ Америкѣ, но не работаетъ ирландецъ усердно, когда онъ коттеръ.

Многолюдное населеніе, воздѣлывающее землю въ Индіи, находится въ положеніи, довольно сходномъ съ коттерствомъ и въ то же время на столько различномъ отъ него, что сравненіе этихъ двухъ системъ поучительно. Въ большей части Индіи теперь находится, и вѣроятно всегда находилось, только два сословія, участвующія въ раздѣлѣ продукта: землевладѣлецъ и поселянинъ; землевладѣльцемъ вообще бываетъ государь; исключеніемъ служатъ лишь тѣ случаи, когда государь особеннымъ документомъ уступилъ свои права другому лицу, становящемуся его представителемъ. Но размѣръ уплатъ, производимыхъ поселянами или, по индійскому названію, райотами, почти никогда, или вовсе никогда, не былъ опредѣляемъ соперничествомъ, какъ опредѣляется въ Ирландіи. Мѣстные обычаи были до безконечности разнообразны, и не было такого обычая, который на практикѣ могъ бы устоять противъ воли государя, но всегда было въ извѣстномъ округѣ какое нибудь общее правило; сборщикъ не торговался съ отдѣльнымъ поселяниномъ, а налагалъ на каждаго плату по той же нормѣ, какъ на другихъ. Такимъ образомъ сохранялось понятіе, что землепашецъ имѣетъ на землю право собственности или по крайней мѣрѣ вѣчнаго владѣнія, и возникло аномальное сочетаніе наслѣдственной принадлежности земли поселянамъ фермерамъ, съ произвольной властью землевладѣльца увеличивать ренту.

Когда туземные индійскіе правители въ большей части Индіи были замѣнены моголами, правительство стало дѣйствовать по другому принципу. Была произведена подробная перепись земли, и на основаніи этой переписи былъ распредѣленъ налогъ, назначавшій, сколько съ каждаго участка должно платиться правительству. Если бы эта норма осталась ненарушимою, райоты были бы въ довольно выгодномъ положеніи поселянъ-собственниковъ, платящихъ тяжелую ренту. На самомъ дѣлѣ было иное. По отсутствію всякаго серьезнаго огражденія отъ незаконныхъ вымогательствъ, эта перемѣна улучшила положеніе поселянъ почти только номинальнымъ образомъ; за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда мѣстный правитель былъ гуманенъ и энергиченъ, поборы не имѣли на практикѣ никакого предѣла, кромѣ невозможности райота заплатить больше.

Таково было положеніе дѣлъ, смѣнившееся въ Индіи властью англичанъ. Англійскіе правители рано почувствовали надобность положить конецъ этому произвольному характеру поземельнаго дохода и опредѣлить точный предѣлъ правительственнымъ требованіямъ. Они не захотѣли возвратиться къ нормѣ налога, опредѣленной моголами. Англійское правительство въ Индіи вообще мало смотрѣло на то, какъ представлялись туземныя учрежденія въ теоріи, а изслѣдовало только, какія права существовали и уважались на практикѣ, старалось оградить и расширить эти фактическія права туземцевъ. Принципъ этотъ былъ очень хорошъ, но долго англійскіе правители понимали факты очень фальшивымъ образомъ, грубо ошибались во взглядѣ на существующіе обычаи и права. Ошибки ихъ проистекали отъ неспособности людей обыкновеннаго ума представить себѣ общественный бытъ, радикально различный отъ быта, съ которымъ они практически свыклись. Англія привыкла къ большимъ помѣстьямъ и къ большимъ землевладѣльцамъ, и англійскіе правители считали дѣломъ несомнѣннымъ, что Индія тоже имѣетъ большихъ землевладѣльцевъ съ большими помѣстьями; они стали искать класса людей, которые могли бы соотвѣтствовать такому понятію, и на глаза имъ попался родъ сборщиковъ налога, называемыхъ земиндарами. „Земиндаръ, говоритъ авторъ на-

учной „Исторіи Индіи“ (Mill's History of British India, кн. VI, гл. 8), имѣлъ нѣкоторыя права, принадлежащія землевладѣльцу: онъ собиралъ ренту съ извѣстнаго округа, управлялъ его земледѣльцами, жилъ окруженный блескомъ и, по его смерти, наслѣдовалъ ему сынъ. Изъ этого, не задумываясь, заключили, что земиндары были собственники земли, составляли аристократію, владѣющую помѣстьями въ Индіи. Но земиндары, собирая ренту, не оставляли ее въ своихъ рукахъ, а за вычетомъ небольшаго процента, отдавали всю собранную сумму правительству, — этого англійскіе правители не сообразили. Не сообразили они и того, что если земиндары управляли райотами, имѣли надъ ними во многихъ отношеніяхъ деспотическую власть, то управляли имъ не какъ своими фермерами, не какъ людьми, снявшими ихъ землю по срочному или безсрочному контракту. Райотъ владѣлъ своею землею наслѣдственно; земиндаръ не имѣлъ права согнать его съ этой земли; земиндаръ обязанъ былъ давать отчетъ въ каждомъ фартингѣ, полученномъ отъ райота; и если онъ сверхъ небольшаго процента, который предоставлялся ему въ плату за трудъ собиранія, удерживалъ изъ собранной имъ суммы хотя одну ану, это было воровствомъ.

„Въ Индіи представлялся намъ случай, подобнаго которому никогда не встрѣчалось въ исторіи, продолжаетъ Милль [3]). Послѣ государя главнѣйшее право на землю принадлежало самимъ хлѣбопашцамъ. Земиндаровъ легко было бы вполнѣ вознаградить за ихъ права, т. е. за права сборщиковъ. Съ цѣлью улучшить земледѣліе было принято великодушное рѣшеніе пожертвовать правами собственности, какія имѣлъ государь. Англійскіе правители справедливо находили, что право собственности сильно возбуждаетъ людей къ усовершенствованію земледѣлія; это право можно было дать людямъ, на которыхъ оно подѣйствовало бы несравненно сильнѣе, чѣмъ на людей всякаго иного класса, дать его людямъ, которые во всѣхъ странахъ необходимо бываютъ главными дѣятелями въ земледѣльческихъ усовершенствованіяхъ,—дать это право тѣмъ самымъ людямъ, которые воздѣлываютъ землю. Такая мѣра была бы достойна считаться однимъ изъ величайшихъ благодѣяній, когда либо оказанныхъ какой нибудь странѣ, она вознаградила бы индійскій народъ за бѣдствія, которымъ такъ долго подвергался онъ отъ дурныхъ правительствъ. Но законодателями были англійскіе аристократы, и они поступили по аристократическимъ предразсудкамъ“ (Mill's History of British India, кн. VI, гл. 8).

Принятая ими мѣра оказалась совершенно неудачною по отношенію къ результатамъ, которыхъ ждали отъ нея благонамѣренные законодатели. Не привыкши соображать видоизмѣненія, какимъ подвергается дѣйствіе извѣстнаго учрежденія въ разныхъ мѣстахъ даже одного королевства, они воображали, что создали въ бенгальскихъ областяхъ англійскихъ землевладѣльцевъ, а на дѣлѣ оказалось, что они создали ирландскихъ землевладѣльцевъ. Новые поземельные аристократы обманули всю надежду, возлагавшуюся на нихъ. Нисколько не заботясь объ улучшеніи своихъ помѣстій, они позаботились быстро разорить самихъ себя. Правительство не приняло на себя труда дать землевладѣльцамъ возможность не бояться послѣдствій расточительности, какъ сдѣлало въ Ирландіи, и всю землю въ Бенгалѣ пришлось секвестровать и продать за долги или неплатежъ податей; въ одно поколѣніе исчезли почти всѣ прежніе земиндары. Теперь занимаютъ ихъ мѣсто другія фамиліи, большею частію потомки калькутскихъ банкировъ или туземныхъ чиновниковъ, и живутъ такими же безполез-

[3]) Джемсъ Милль, авторъ „Исторіи Британской Индіи“, цитуемой здѣсь авторомъ „Основаній Политической Экономіи“, отецъ его.

ными трутнями на землѣ, отданной имъ. Правительство пожертвовало своими денежными выгодами для созданія этого класса; пожертвованіе оказалось совершенно напраснымъ или прямо вреднымъ для страны.

Въ тѣхъ частяхъ Индіи, гдѣ британская власть установилась позднѣе, англичане не сдѣлали такой ошибки, не подарили безполезному сословію большихъ землевладѣльцевъ государственнаго дохода. Почти во всемъ мадрасскомъ президентствѣ и въ нѣкоторой части бомбейскаго президентства рента платится прямо правительству самими земледѣльцами. Въ сѣверозападныхъ провинціяхъ правительство заключаетъ условія со всею сельскою общиною, опредѣляя, сколько долженъ платить каждый земледѣлецъ, но соединяетъ ихъ общею отвѣтственностію другъ за друга въ недоимкахъ. При всемъ томъ, въ большей части Индіи земледѣльцы не получили вѣчнаго пользованія съ платежемъ неизмѣнной ренты. Правительство ведетъ свое хозяйство по принципу, по которому хорошій ирландскій землевладѣлецъ поступаетъ въ своемъ помѣстьѣ: оно не подвергаетъ землю соперничеству, не хочетъ брать съ хлѣбопашцевъ всего, сколько обѣщались бы они платить, а само опредѣляетъ, сколько они въ состояніи заплатить, и ограничивается этимъ въ своемъ требованіи. Во многихъ округахъ есть земледѣльцы, считающіеся фермерами другихъ земледѣльцевъ, которые называются наслѣдниками первоначальныхъ поселенцевъ или завоевателей деревни; правительство обращается съ своими требованіями только къ этимъ поселянамъ, число которыхъ бываетъ во многихъ мѣстахъ велико. Рента опредѣляется иногда только на одинъ годъ, иногда на три года, или на пять лѣтъ, но повсюду правительство стремится нынѣ ввести контракты съ долгими сроками, доходящими въ сѣверныхъ провинціяхъ Индіи до 30 лѣтъ. Этотъ порядокъ дѣлъ существуетъ еще не такъ много времени, чтобы опытъ могъ показать, въ какой степени слабѣе вѣчнаго пользованія дѣйствуютъ долговременные контракты относительно развитія въ земледѣльцахъ побужденій къ усовершенствованію. Но системы годичныхъ условій и контрактовъ на недолгій срокъ уже безвозвратно осуждены. Эти системы могутъ назваться успѣшными только по сравненію съ прежними безграничными поборами. Никто ихъ не одобряетъ, и съ самаго начала считались онѣ только переходными мѣрами, которыя предполагалось прекратить, когда полнѣйшее знакомство съ средствами страны доставитъ данныя для болѣе прочнаго устройства.

Когда составлялось мною и печаталось первое изданіе этой книги, настоятельнѣйшимъ изъ всѣхъ практическихъ вопросовъ для англійскаго правительства былъ вопросъ, что дѣлать съ коттерами. Большинство населенія, простиравшагося до 8 милліоновъ человѣкъ, долго страдало въ безнадежной апатіи и крайней нищетѣ подъ господствомъ коттерства, было доведено имъ до того, что кормилось самою плохою пищею и не имѣло ничего кромѣ этой пищи, было доведено до неспособности сдѣлать что-нибудь или захотѣть чего-нибудь для улучшенія своей участи; наконецъ неурожаемъ своей плохой пищи оно было повергнуто въ состояніе, при которомъ не оставалось ему ничего иного, какъ, или умереть съ голоду, или содержаться чужимъ пособіемъ, или перейти къ другому экономическому устройству, радикально различному отъ несчастнаго устройства, подъ которымъ жило оно до той поры. Такое положеніе дѣлъ привлекло къ себѣ вниманіе законодательной власти и націи; но трудно сказать, что законодательство и нація успѣли разрѣшить вопросъ. Бѣдствіе происходило отъ системы поземельныхъ отношеній, отнимавшихъ у народа всякія побужденія къ труду и бережливости, кромѣ побужденія, даваемаго страхомъ голодной смерти; а средство придуманное парламентомъ уничтожало и это побужденіе, давая народу законное право жить милостынею. Для от-

страненія причины зла не было сдѣлано ничего; ограничились пустыми жалобами, купивъ отсрочку рѣшенія 10 милліонами фунтовъ стерлинговъ изъ національной казны.

„Нѣтъ надобности (замѣчалъ я тогда) тратить доказательства на то, что коренная причина экономическихъ бѣдствій Ирландіи находится въ системѣ коттерства, что ожидать трудолюбія, полезной дѣятельности, какихъ нибудь другихъ задержекъ размноженію, кромѣ смерти, ожидать хотя какого нибудь уменьшенія бѣдности въ народѣ, когда землепашцы этого народа платятъ ренту, опредѣляемую соперничествомъ, — значитъ, ждать смоквъ отъ репейника и гроздовъ отъ терновника. Если наши государственные люди еще не созрѣли до пониманія этого факта, или, признавая его въ теоріи, они еще не такъ осязательно чувствуютъ его практическую силу, чтобы основать на немъ свой образъ дѣйствій, то существуетъ чисто матеріальный аргументъ, уклониться отъ котораго не найдутъ они возможности. Если единственное растеніе, которымъ до сихъ поръ питался народъ, будетъ давать плохіе урожаи и въ слѣдующіе годы, то нуженъ будетъ какой нибудь новый сильный толчокъ земледѣльческому искусству и трудолюбію, или ирландская земля не будетъ въ состояніи кормить нынѣшняго своего населенія. Весь продуктъ съ западной половины острова безъ всякаго вычета ренты, не можетъ теперь содержать изъ года въ годъ населеніе этой половины Ирландіи; оно по необходимости будетъ ежегодно содержаться на счетъ государственныхъ доходовъ, пока эмиграціею или голодною смертью уменьшится до числа, соотвѣтствующаго низкому состоянію ирландской промышленности; это неизбѣжно, если не найдены будутъ средства сдѣлать ирландскій трудъ болѣе производительнымъ“.

Послѣ того, какъ были написаны эти слова, непредвидѣнныя никѣмъ событія избавили англійскихъ правителей Ирландіи отъ затрудненій, которыя были бы справедливымъ наказаніемъ за ихъ невнимательность и непредусмотрительность. Ирландія подъ владычествомъ коттерства не могла прокармливать свое населеніе. Парламентъ прибѣгъ къ мѣрамъ, усиливавшимъ размноженіе населенія, и нимало не усилившимъ производство. Но неожиданнымъ путемъ явилась помощь, которой не дала ирландскому народу мудрость политическихъ людей. Народъ началъ эмигрировать безъ пособія правительства; первые переселенцы накопляли деньги на плату за переѣздъ слѣдующимъ переселенцамъ; это исполненіе уэкфильдовой системы въ гигантскомъ размѣрѣ уменьшило теперь число жителей Ирландіи до количества, которое можетъ находить себѣ занятіе и средства къ жизни при нынѣшней земледѣльческой системѣ. Ценсъ 1851 г. показалъ уменьшеніе населенія въ полтора милліона сравнительно съ ценсомъ 1841 года. Ирландцы нашли себѣ путь на тотъ цвѣтущій материкъ, на которомъ въ теченіе поколѣній можетъ безъ уменьшенія благосостоянія помѣщаться весь излишекъ людей съ цѣлаго свѣта; ирландскіе поселяне стали обращать свои взоры на земной рай за Океаномъ, какъ на вѣрное убѣжище и отъ угнетенія саксовъ и отъ тираніи природы; какъ бы ни уменьшалось впослѣдствіи занятіе для земледѣльческаго труда всеобщимъ распространеніемъ англійскаго способа хозяйства по Ирландіи, люди остающіеся безъ занятій станутъ переселяться въ Америку съ такою же быстротою, какъ переселился туда милліонъ ирландцевъ въ три года съ 1848 до 1850 г. И точно также переселеніе не потребуетъ расходовъ отъ государства; весь излишекъ изъ Ирландіи успѣетъ переселиться туда, хотя бы вся Ирландія была обращена въ пастбище, подобно графству Сотерлендскому. Люди, думающіе, что земля страны существуетъ для нѣсколькихъ тысячъ землевладѣльцевъ и что пока ренты платятся, общество и правительство могутъ оставаться довольны собой, — такіе люди могутъ видѣть въ этомъ переселеніи счастливое прекращеніе ирландскихъ затрудненій.

Но теперь не такое время, чтобы могли удержаться эти надменныя мнѣнія, и расположеніе умовъ не благопріятствуетъ имъ. Земля Ирландіи, земля всякой страны принадлежитъ народу этой страны. Отдѣльныя лица, называемыя землевладѣльцами, не имѣютъ по суду нравственности и справедливости права ни на что иное, кромѣ ренты или вознагражденія по продажной цѣнности ренты. Что же касается самой земли, главное дѣло тутъ въ томъ, какая форма собственности и воздѣлыванія можетъ доставить отъ земли больше пользы общей массѣ ея жителей. Для собственниковъ ренты можетъ быть очень выгодно, чтобы масса жителей, отчаявшись получить справедливость въ странѣ, гдѣ жили и страдали она и предки ея, пошла на другой материкъ искать того, что отнято у ней на роднѣ поземельною собственностію. Но законодателямъ государства слѣдуетъ инымп глазами смотрѣть на вынужденное переселеніе милліоновъ людей. Когда жители страны массою покидаютъ страну оттого, что правительство страны не хочетъ давать имъ мѣста для жизни въ ней, правительство осуждено. Парламентъ обязанъ преобразовать поземельное устройство Ирландіи. Нѣтъ необходимости лишать землевладѣльцевъ ни одного фартинга изъ денежной цѣнности ихъ законныхъ правъ; но справедливость требуетъ, чтобы люди, воздѣлывающіе землю, получили возможность стать въ Ирландіи тѣмъ, чѣмъ станутъ они переселившись въ Америку,—стать собственниками земли, ими воздѣлываемой.

Политическое благоразуміе требуетъ этого и не удовлетворяется ни чѣмъ меньшимъ. Люди, не знающіе ни Ирландіи, ни какой иностранной земли, берущіе единственною нормою общественнаго и экономическаго процвѣтанія—англійское устройство, предлагаютъ, какъ единственное лекарство для бѣдствій Ирландіи, обращеніе коттеровъ въ наемныхъ работниковъ. Но это проектъ объ улучшеніи ирландскаго земледѣлія, а не объ улучшеніи положенія ирландскаго народа. Состояніе поденщика не имѣетъ въ себѣ волшебной силы, чтобы влить предусмотрительность, бережливость и воздержность въ народъ, лишенный этихъ качествъ. Если бы ирландскіе поселяне могли быть мгновенно обращены въ наемныхъ работниковъ, при сохраненіи нынѣшнихъ привычекъ и нравственныхъ особенностей, мы только увидѣли бы 4 милліона или 5 милліоновъ людей, живущихъ въ состояніи наемныхъ работниковъ столь же бѣдственно, какъ жили они въ состояніи коттеровъ: они точно такъ же пассивно переносили бы всѣ лишенія, такъ же безразсудно размножались бы, и быть можетъ даже работали бы такъ же небрежно, потому что всѣхъ ихъ цѣлою массою нельзя было бы прогнать, а если бы можно было, это значило бы только отдать ихъ на прокормленіе деньгами налога для бѣдныхъ. Совершенно иное будетъ послѣдствіе, если сдѣлать ихъ поселянами собственниками. Народъ, не знающій разсчетливости и любви къ труду, признаваемый всѣми за одинъ изъ самыхъ отсталыхъ въ Европѣ народовъ по умѣнью трудиться съ успѣхомъ, нуждается, для своего возрожденія, въ самыхъ могущественнѣйшихъ возбужденіяхъ къ трудолюбію и разсчетливости, а право собственности на землю—сильнѣйшее изъ этихъ побужденій. Вѣчная принадлежность продукта земли хлѣбопашцу служитъ почти неизмѣнною гарантіею неутомимѣйшаго трудолюбія; она служитъ если и не вполнѣ несомнѣннымъ, то все-таки наилучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ предохранительныхъ средствъ отъ излишняго размноженія, и гдѣ она не приведетъ къ цѣли, тамъ едва ли привело бы къ цѣли какое угодно другое экономическое устройство; въ этомъ случаѣ зло было бы непобѣдимо одними экономическими средствами.

Потребности Ирландіи сходны съ потребностями Индіи. Въ Индіи мы дѣлали иногда большія ошибки, но все-таки никто даже и не предлагалъ, подъ предлогомъ

земледѣльческихъ усовершенствованій, прогнать райотовъ или поселянъ-фермеровъ съ ихъ участковъ; достичь усовершенствованій въ земледѣліи предполагается тамъ доставленіемъ болѣе прочнаго владѣнія райотамъ, и спорятъ лишь о томъ, нужно ли вѣчное владѣніе или достаточенъ будетъ долгій срокъ контрактовъ. Тотъ же самый вопросъ представляется въ Ирландіи. Нельзя не признать, что долговременные контракты при такихъ землевладѣльцахъ, какіе встрѣчаются иногда, произведутъ чудеса даже въ Ирландіи. Но для этого при долговременныхъ контрактахъ необходима низкая рента. Безъ нея не слѣдуетъ ожидать, чтобы коттерство устранилось одною долговременностію контрактовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ коттерство, контракты въ Ирландіи всегда были долговременные; обыкновенные сроки были 21 годъ или три жизни. Но рента опредѣлялась соперничествомъ, назначалась больше того, чѣмъ можно заплатить, потому поселянинъ не пріобрѣталъ и никакимъ трудолюбіемъ не могъ пріобрѣсти выгодъ отъ снятой земли, и контрактъ нимало не обезпечивалъ его въ дѣйствительности. Въ Индіи, гдѣ правительство не уступило безразсудно своихъ правъ собственности земиндарамъ, оно можетъ предотвращать это зло; будучи само землевладѣльцемъ, оно можетъ опредѣлять ренту по своему собственному разсчету. Но если земля принадлежитъ частнымъ лицамъ, рента опредѣляется соперничествомъ, а когда соискатели—поселяне, бьющіеся изъ-за куска хлѣба, то неизбѣжны номинальныя ренты, если само соперничество не остается чисто номинальнымъ по малочисленности населенія. Большинство землевладѣльцевъ будутъ жадны къ немедленному полученію большихъ доходовъ и власти; и пока находятся коттеры, предлагающіе имъ какую угодно ренту, напрасно будетъ ожидать, чтобы землевладѣльцы, съ пожертвованіемъ собственныхъ выгодъ, стали сдерживать это вредное соискательство.

Вѣчность владѣнія сильнѣе долговременнаго контракта возбуждаетъ къ усовершенствованію: самый долговременный контрактъ, прежде чѣмъ окончится, проходитъ черезъ всѣ постепенности кратковременныхъ контрактовъ до самаго уничтоженія контрактной гарантіи. Кромѣ того, есть другія причины, еще болѣе важныя, для предпочтенія вѣчности владѣнія. Даже въ дѣлахъ чистаго разсчета было бы грубою ошибкою забывать о вліяніи воображенія: въ понятіи „на вѣчное время“ есть сила, которой лишенъ самый продолжительный срокъ. Если даже срокъ этотъ обнимаетъ жизнь дѣтей и всѣхъ людей лично дорогихъ для человѣка, человѣкъ не станетъ съ полнымъ усердіемъ увеличивать цѣнность земли, съ каждымъ годомъ уменьшающейся въ своей цѣнности лично для него; противнаго можно ожидать отъ человѣка лишь тогда, когда онъ достигнетъ высокой степени умственнаго развитія, при которой господствующимъ соображеніемъ у него становится общественное благо, для чего также нужна вѣчность связи личной выгоды съ общею. Притомъ же во всѣхъ европейскихъ странахъ поземельная собственность вообще соединена съ вѣчнымъ владѣніемъ; при такомъ порядкѣ дѣлъ временное владѣніе, хотя бы на очень долгій срокъ, непремѣнно должно казаться чѣмъ-то менѣе важнымъ и почетнымъ, чѣмъ поземельная собственность, и слѣдовательно люди съ меньшимъ жаромъ будутъ стремиться къ нему, а получивъ его, чувствовать къ нему менѣе привязанности, чѣмъ къ собственности. Но въ странѣ, гдѣ господствуетъ коттерство, вопросъ о вѣчности владѣнія лишь второстепенный вопросъ по сравненію съ важнѣйшимъ дѣломъ—съ ограниченіемъ ренты. Безопасно можно предоставить соперничеству ту ренту, которую платитъ капиталистъ, снимающій землю для прибыли, а не для своего пропитанія; но не слѣдуетъ предоставлять соперничеству ренту, платимую работниками, если работники не достигли такой степени просвѣщенія и благосостоянія,

какой еще нигдѣ они не достигли и едва ли могутъ достичь, пока рента, ими платимая опредѣляется соперничествомъ. Рентамъ, платимымъ поселянами, никогда не слѣдуетъ быть произвольными, никогда, не слѣдуетъ зависѣть отъ землевладѣльца; эти ренты необходимо должны быть неизмѣнно опредѣлены обычаемъ или закономъ; и гдѣ не установился, какъ въ тосканскомъ половничествѣ, взаимно выгодный обычай, тамъ разсудокъ и опытъ требуютъ, чтобы рентамъ была назначена неизмѣнная величина государственной властью, т. е. чтобы рента обращена была въ неизмѣнную плату, а фермеръ въ поселянина-собственника.

Самый простой способъ произвести эту перемѣну въ такомъ размѣрѣ, чтобы совершенно уничтожилось коттерство,—прямой законодательный способъ: совершеніе дѣла парламентскимъ актомъ, который объявилъ бы всю ирландскую землю собственностью занимающихъ ее хлѣбопашцевъ, обязавъ ихъ платежемъ рентъ, какія теперь они дѣйствительно платятъ, то есть дѣйствительныхъ, а не номинальныхъ рентъ. Подъ именемъ „вѣчнаго пользованія“ (fixity of tenure), это было однимъ изъ требованій Союза Рипилёровъ въ успѣшнѣйшій періодъ ихъ агитаціи; гораздо лучше выразилъ это Коннеръ, самый первый, самый пылкій и неутомимый проповѣдникъ этого рѣшенія, словами: „оцѣнка на вѣчныя времена“ (a valuation and a perpetuity). Въ послѣднее время, подъ именемъ „Лиги Фермерскаго Выкупа“ (Tenant Right League), образовался Союзъ, имѣющій своею цѣлью между прочимъ и направленіе общественнаго мнѣнія къ этому рѣшенію. Такая мѣра не имѣла бы въ себѣ ничего несправедливаго, лишь бы землевладѣльцы были вознаграждены за нынѣшнюю цѣнность шансовъ возрастанія ренты, отказъ отъ которыхъ потребовался бы у нихъ. Потрясеніе существующихъ общественныхъ отношеній, конечно, было бы тутъ не сильнѣе того, какое произвели Штейнъ и Гадернбергъ, когда рядомъ эдиктовъ въ началѣ нынѣшняго вѣка совершили революцію въ поземельной собственности Прусскаго государства и увѣковѣчили свои имена въ числѣ величайшихъ благодѣтелей своей страны. Просвѣщенные иностранцы, писавшіе объ Ирландіи, фонъ Раумеръ и Гюставъ де Бомонъ, считали это средство столь прямо и вѣрно соотвѣтствующимъ болѣзни, что трудно имъ казалось понять, какъ до сихъ поръ не исполнено такое дѣло.

Эта мѣра не превышала бы предѣловъ справедливой законодательной власти и не была бы нарушеніемъ собственности, если бы землевладѣльцамъ было предоставлено право, при несогласіи на ограниченіе ренты, взять за свои земли полную цѣнность, капитализованную по обыкновенному проценту изъ нынѣшняго дохода; но я знаю, что есть противъ такой мѣры серьезныя возраженія. Во-первыхъ, такая мѣра—полная экспропріація высшихъ сословій Ирландіи; по принципамъ, нами изложеннымъ, такой переворотъ совершенно оправдывается, но только въ такомъ случаѣ, если онъ единственное средство къ достиженію великаго общественнаго блага. Во-вторыхъ, само по себѣ не очень выгодно для націи, если вовсе уже нѣтъ никакихъ поземельныхъ собственниковъ, кромѣ поселянъ. Важную часть хорошей земледѣльческой системы составляютъ большія фермы, воздѣлываемыя большимъ капиталомъ и принадлежащія лицамъ, получившимъ самое высокое воспитаніе, по своей образованности способныхъ оцѣнивать научныя открытія, имѣющимъ средства для рискованныхъ, продолжительныхъ и дорогихъ опытовъ. Даже и теперь есть въ Ирландіи много такихъ землевладѣльцевъ, и вредно для націи было бы прогонять ихъ изъ помѣстій. Кромѣ того между нынѣшними участками, конечно, находится много слишкомъ мелкихъ, на которыхъ нельзя было бы собственнику вести хозяйство выгоднымъ образомъ, а изъ людей, занимающихъ нынѣ

участки, не всѣ таковы, чтобы нашлись въ нихъ качества, нужныя для поселянъ собственниковъ, заводящихъ свое хозяйство. Для многихъ изъ нихъ было бы полезнѣе получить надежду на пріобрѣтеніе поземельной собственности трудолюбіемъ и бережливостію, чѣмъ прямо получить собственность.

Но если самый прямой и энергичный способъ создать поселянъ-собственниковъ имѣетъ свои неудобства, то онъ все-таки гораздо лучше, чѣмъ оставленіе дѣла въ нынѣшнемъ видѣ. Если правители Ирландіи не позаботятся заблаговременно достичь великой общественной цѣли средствами, менѣе разрушительными для нынѣшнихъ общественныхъ отношеній, то вѣроятно дѣло это будетъ вынуждено у нихъ необходимостію обстоятельствъ, при которыхъ уже не будетъ въ ихъ власти руководить условіями исполненія.

Когда общественное устройство страны требуетъ не исправленія подробностей, а радикальнаго измѣненія, то затрудненія, представляемыя имъ правительству, должны быть не сглаживаемы слегка, а прямо устранены людьми, способными возвыситься надъ собственною безпечностью и надъ своими и чужими предразсудками.

При многосложности сцѣпленія человѣческихъ дѣлъ, и полезныя, и вредныя дѣйствія причинъ всегда остаются на практикѣ недостигающими полнаго теоретическаго размѣра. Но исторія не лишена примѣровъ тому, что были перемѣны, подобныя измѣненію, очеркъ котораго я сдѣлалъ, и результаты этихъ перемѣнъ не лишены поучительности. Въ продолженіе французской исторіи три раза были поселяне покупщиками земли, и за этими періодами тотчасъ же наступали три главныя эпохи земледѣльческаго благосостоянія Франціи.

„Во времена очень тяжелыя, говоритъ Мишле (Le Peuple, часть 1, гл. 1), въ эпохи всеобщей бѣдности, когда и богачъ становится бываетъ принужденъ продавать, бѣднякъ видитъ себя въ состояніи покупать; не является никакихъ покупателей; приходитъ въ лохмотьяхъ поселянинъ съ своимъ луидоромъ и пріобрѣтаетъ клочекъ земли. За этими временами разоренія, когда поселянинъ могъ дешево пріобрѣтать землю, всегда слѣдовало внезапное возвышеніе изобилія, котораго не умѣли объяснить. Напримѣръ, около 1500 года, когда Франція, истощенная Людовикомъ XI, довершаетъ свое разореніе въ Италіи, дворянство, идущее въ походъ, принуждено продавать: земля, перейдя въ новыя руки, вдругъ расцвѣтаетъ; народъ работаетъ, строится. Это прекрасное время на языкѣ монархической исторіи называется временемъ *добраго* Людовика XII.

„Къ несчастію, оно непродолжительно. Едва земля приведена въ хорошее положеніе, на нее обрушивается фискъ; начинаются религіозныя волненія, истребляющія все, что есть на землѣ, начинаются ужасныя бѣдствія, страшные голодные годы, въ которые матери ѣдятъ своихъ дѣтей. Можно ли повѣрить, что страна оправится? Но едва окончилась война, на этомъ опустошенномъ полѣ, изъ этой дымящейся хижины является поселянинъ съ деньгами, которыя успѣлъ сберечь. Онъ покупаетъ; черезъ 10 лѣтъ лицо Франціи измѣнилось; черезъ 20 или 30 всѣ имѣнья удвоились, утроились въ цѣнности. Эта эпоха также называется именемъ короля, именемъ *добраго Генриха IV* и великаго Ришельё“.

О третьей эпохѣ не нужно и говорить,—это была эпоха революціи.

Кто хочетъ изучать картины, противоположныя этимъ, пусть сравнитъ эти историческіе періоды, ознаменованные раздробленіемъ большой и созданіемъ малой собственности, съ тяжелымъ страданіемъ націи, сопровождавшимъ изгнаніе мелкихъ йоме-

новъ для очищенія мѣста большимъ пастбищамъ, съ этимъ великимъ экономическимъ событіемъ англійской исторіи въ XVI вѣкѣ, и съ продолжительнымъ ухудшеніемъ въ положеніи рабочихъ классовъ послѣ этого событія.

Эти факты и мысли возбуждаютъ много соображеній, имѣющихъ прямой интересъ для насъ; но статья и безъ того вышла уже очень длинна, потому отложимъ наши замѣчанія до другаго удобнѣйшаго случая.

Затѣмъ, кромѣ формы, въ которой хозяйство ведется капиталистами-фермерами, остается еще только одна форма земледѣльческаго быта—хозяйства поселянъ-собственниковъ. По вопросу о распредѣленіи, эта форма имѣетъ внѣшнюю одинаковость съ формою невольническаго производства: какъ тамъ, такъ и здѣсь продуктъ вовсе не распредѣляется между разными классами, а весь остается въ однихъ рукахъ землевладѣльцевъ. Но этотъ землевладѣлецъ—работникъ, трудящійся самъ въ свою пользу, и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ,—въ политическомъ, нравственномъ, экономическомъ,—результаты этой формы прямо противоположны результатамъ невольническаго труда. При невольничествѣ работникъ, говоря вообще, не получаетъ ничего сверхъ необходимѣйшаго для поддержанія жизни; въ бытѣ поселянъ-собственниковъ работникъ пользуется всѣмъ благостояніемъ, какое только возможно для простолюдина по политическому и промышленному положенію страны. Высокъ-ли или довольно низокъ этотъ наибольшій размѣръ возможнаго благосостоянія—дѣло зависящее отъ степени населенности страны, климатическихъ условій и уровня цивилизаціи въ ней; но каковъ бы ни былъ этотъ наивысшій размѣръ, работникъ пользуется имъ. Каково бы ни было благосостояніе поселянина-собственника въ извѣстной мѣстности, половникъ въ той же мѣстности имѣлъ бы вдвое меньше благосостоянія, коттеръ (поселянинъ, нанимающій землю у владѣльца на условіяхъ соперничества) еще меньше, наемный работникъ также гораздо меньше, не говоря уже о человѣкѣ несвободномъ. Столь же рѣзокъ результатъ быта поселянъ-собственниковъ относительно успѣшности труда. Высока или низка наибольшая возможная успѣшность труда въ данной странѣ, дѣло опять зависящее отъ политическихъ и климатическихъ условій и отъ того, какой методъ производства употребляется. Но каковъ бы то ни былъ этотъ maximum, работа поселянина-собственника всегда достигаетъ его, между тѣмъ, какъ, при тѣхъ же условіяхъ, работа половника имѣла бы гораздо менѣе успѣшности, работа вольнаго наемщика—еще меньше, не говоря уже объ обязательномъ трудѣ. Англійскіе политико-экономы, вмѣстѣ со всею англійскою публикою, вообще почти не имѣютъ понятія о бытѣ поселянина-собственника, уцѣлѣвшемъ лишь въ немногихъ и маленькихъ темныхъ уголкахъ Англіи, куда еще не успѣла проникнуть новая коммерческая жизнь. Потому Милль, ставящій эту форму земледѣльческаго быта выше всѣхъ другихъ перечисляемыхъ имъ, описываетъ ея результаты очень подробно, и въ особенности выставляетъ изумительное усердіе поселянина-собственника въ работѣ,—усердіе, изумляющее людей, подобно англичанамъ, не привыкшихъ съ малолѣтства видѣть его. Онъ разсказываетъ своимъ читателямъ о трудолюбіи поселянъ-собственниковъ такимъ тономъ, какимъ сталъ бы разсказывать, напримѣръ, нашему простонародью русскій писатель о чу-

десахъ кристальнаго дворца или тропической природы: въ каждомъ словѣ такъ и слышится прибавка: „да поймите же это, вѣдь вы сроду объ этомъ понятія не имѣли; да повѣрьте же, что это возможно, что это такъ, что я не обманываю васъ сказками“. Намъ, русскимъ, это —не новость, не рѣдкость: мы знаемъ, какъ работаетъ поселянинъ на своей нивѣ. Потому изъ множества примѣровъ и свидѣтельствъ, собранныхъ у Милля, приведемъ лишь небольшіе отрывки для примѣра отношеній его и англійской публики къ этому вопросу. Вотъ начало отдѣла о поселянахъ-собственникахъ, показывающее, до какой степени чуждо обыкновенному англійскому воззрѣнію это понятіе.

Когда земля принадлежитъ поселянамъ-собственникамъ, то весь продуктъ, какъ при системѣ рабства, достается одному собственнику земли и нѣтъ раздѣла его на ренту, прибыль и рабочую плату. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ эти двѣ формы общественнаго устройства составляютъ крайнія противоположности: одна изъ нихъ — состояніе величайшаго угнетенія и униженія рабочихъ классовъ, а при другой они имѣютъ полнѣйшую независимость въ своей судьбѣ.

Но выгодность мелкой поземельной собственности составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ политической экономіи. На континентѣ благотворность существованія многочисленнаго сословія собственниковъ представляется для громаднаго большинства аксіомою, хотя и есть нѣкоторые люди, несогласные съ господствующимъ мнѣніемъ. Но англійскіе авторитеты или вовсе не знаютъ о мнѣніи континентальныхъ агрономовъ, или считаютъ достаточнымъ для его отстраненія говорить, что эти агрономы не имѣли случая видѣть, какъ полезна большая собственность въ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Выгода большой собственности, говорятъ англійскіе авторитеты, обнаруживается только тамъ, гдѣ и земледѣльческія хозяйства велики, а для большихъ фермъ нужно накопленіе капиталовъ значительнѣе того, какое обыкновенно встрѣчается на континентѣ, и потому большія континентальныя помѣстья, за исключеніемъ обращенныхъ подъ пастбища, почти всѣ отдаются на обработку мелкими участками. Въ этихъ словахъ есть часть правды, но тотъ же самый аргументъ можно обратить и противъ англійскихъ авторитетовъ: если континентъ мало знаетъ по опыту земледѣльческія хозяйства большаго размѣра съ большимъ капиталомъ, то англійскіе писатели вообще столь мало знакомы по практикѣ съ хозяйствомъ поселянъ-собственниковъ и почти всѣ имѣютъ самое ошибочное представленіе о ихъ положеніи и образѣ жизни. А между тѣмъ и въ Англіи старинныя преданія говорятъ въ пользу мнѣнія, господствующаго на континентѣ. Йомены, которыхъ называли славою Англіи, пока они существовали, о которыхъ такъ часто жалѣютъ теперь, когда они исчезли,—эти йомены были мелкіе собственники или мелкіе фермеры, и если большинство ихъ были фермеры, а не собственники, то тѣмъ замѣчательнѣе репутація энергической независимости характера, которой они пользовались. Есть въ Англіи уголокъ, къ несчастію слишкомъ маленькій уголокъ, въ которомъ еще много поселянъ-собственниковъ; я говорю о statesmen, „государственныхъ людяхъ“ Комберленда и Уэстморленда. Они собственники, хотя (впрочемъ, сколько я знаю, не всѣ, а только большая часть ихъ) платятъ нѣкоторыя обычныя повинности; эти повинности неизмѣнны, потому не мѣшаютъ имъ быть настоящими собственниками, какъ не мѣшаетъ тому поземельный налогъ. Только они въ цѣлой Англіи могли послужить оригиналомъ, съ котораго писаны „Картины сельской жизни“ Уордсворта.

„Но общая система англійскаго земледѣлія не такова, чтобы англичане по опыту знали характеръ и результаты хозяйства поселянъ-собственниковъ; а земледѣльческое устройство другихъ странъ вообще совершенно незнакомо англичанамъ, такъ что самое понятіе о поселянахъ-собственникахъ чуждо англійскому уму и не легко проникаетъ въ него. Самыя выраженія англійскаго языка мѣшаютъ этому: собственникъ земли обозначается обыкновенно словомъ landlord (землевладѣлецъ или помѣщикъ), — терминомъ, который всегда пробуждаетъ мысль объ арендаторахъ-фермерахъ, снимающихъ у него землю (tenants). Когда въ недавнее время проникла въ парламентскія и газетныя пренія мысль, что надобно сдѣлать ирландскихъ поселянъ собственниками для улучшенія состоянія Ирландіи, то нашлись писатели, претендовавшіе на знакомство съ дѣломъ, и, однако же, до такой степени не понимавшіе самаго слова proprietor (собственникъ), что воображали, будто бы поселяне-собственники, о которыхъ идетъ рѣчь, то самое, что ирландскіе коттеры, берущіе въ наймы землю мелкими участками. При такомъ плохомъ знакомствѣ съ предметомъ необходимо, прежде чѣмъ излагать его теорію, позаботиться о разъясненіи фактическаго положенія дѣла; по этой необходимости я изложу вопросъ подробнѣе, чѣмъ слѣдовало бы по общему размѣру частей моего трактата; я представлю нѣсколько свидѣтельствъ о состояніи земледѣлія, о благосостояніи и довольствѣ земледѣльцевъ въ тѣхъ государствахъ или провинціяхъ, гдѣ большая часть земель не имѣетъ никакихъ ни лендлордовъ, ни фермеровъ, кромѣ самихъ земледѣльцевъ, пашущихъ землю.

Мы привели этотъ отрывокъ, чтобы онъ свидѣтельствовалъ, какъ медленно проникаетъ въ науку вліяніе фактовъ, которые не находились прямо подъ глазами у людей, основавшихъ науку. Кажется, что можетъ быть сообразнѣе съ принципами теоріи Адама Смита, какъ не признаніе быта поселянъ-собственниковъ выгоднѣйшею формою экономическаго устройства. А вотъ, мы видимъ, что до сихъ поръ большинство англійскихъ политико-экономовъ даже не поняло, что такое значитъ выраженіе поселянинъ-собственникъ, и Милль явился почти что первымъ политико-экономомъ въ Англіи, рѣшительно признавшимъ превосходство этой формы надъ другими. Мы тутъ можемъ также подумать еще вотъ о чемъ: до какой степени нуждается въ передѣлкѣ теорія, составившаяся при незнаніи такого факта, какъ бытъ поселянина-собственника? Читатель знаетъ, что въ господствующей школѣ эта передѣлка не только не произведена, а даже и не считается нужною. Именно то, что мы допускаемъ къ должному участію въ установленіи политико-экономическихъ принциповъ понятіе о поселянинѣ собственникѣ, и служитъ одною изъ главныхъ причинъ разницы нашихъ мнѣній отъ господствующихъ.

Вотъ общая характеристика хозяйства поселянъ-собственниковъ, приводимая Миллемъ изъ Ленга.

„Если мы послушаемъ большаго фермера, ученаго агронома“ (англійскаго) „политико-экономa, то хорошее хозяйство должно погибнуть съ погибелью большихъ фермъ: имъ кажется нелѣпостью самая мысль о томъ, что хорошее хозяйство можетъ существовать безъ большихъ фермъ, воздѣлываемыхъ большимъ капиталомъ: дренажъ, удобреніе, разсчетливое распредѣленіе земли, расчистка ея, правильные сѣвообороты, хорошій скотъ, хорошія орудія—все это, по ихъ словамъ, исключительно принадлежитъ большимъ фермамъ, которыя воздѣлываются большимъ капиталомъ и наемнымъ трудомъ. На бумагѣ

доказывать это легко, но если мы обратимъ глаза съ ихъ книгъ на ихъ поля и хладнокровно сравнимъ хозяйство наилучшихъ округовъ, воздѣлываемыхъ большими фермами, съ хозяйствомъ наилучшихъ округовъ, воздѣлываемыхъ малыми фермами, то мы увидимъ, во Фландріи, восточной Фрисландіи, Гольштейнѣ и по всей полосѣ удобной земли на континентѣ отъ Зунда до Кале, что хлѣбопашество тутъ лучше, чѣмъ на противоположномъ берегу Англіи на такой же почвѣ и подъ тѣми же градусами отъ Фортскаго залива до Дувра. При одинаковости почвы и климата земля, очевидно, получаетъ высшую производительность тамъ, гдѣ внимательнымъ трудомъ воздѣлываются мелкіе участки, составляющіе собственность земледѣльцевъ, какъ это мы видимъ во Фландріи и гольштейнскомъ Дитмарсенѣ. Наши агрономы не смѣютъ утверждать, что наши большіе фермеры, даже въ графствахъ Бервикскомъ и Роксберкскомъ или въ Лотаямскомъ округѣ приближаются къ тому совершенству, какимъ отличается хозяйство мелкихъ фландрскихъ фермеровъ, что они такъ внимательно удобряютъ, дренируютъ и очищаютъ землю или получаютъ отъ нея столько продуктовъ, сколько собираютъ въ Фландріи съ небольшихъ участковъ, имѣющихъ отъ природы почву не очень плодородную. Даже въ тѣхъ приходахъ Шотландіи или Англіи, гдѣ существуетъ наилучшее хозяйство, на большихъ фермахъ бросается безъ пользы очень много земли по угламъ и краямъ полей и пропадаетъ подъ полевыми дорогами, которыя необходимо должны быть широки по дурному своему состоянію и дурны по своей широтѣ; пропадаетъ много земли въ невоздѣланныхъ клочкахъ подъ общественными выгонами, подъ безполезными закраинами, подъ дряннымъ кустарникомъ,— пропадаетъ столько земли, что если бы всѣ эти пропадающіе клочки соединить и воздѣлать, ихъ достало бы на содержаніе всѣхъ бѣдныхъ прихода. Но когда прилагается къ хозяйству большой капиталъ, то, разумѣется, онъ обращается лишь на лучшую почву. Онъ не можетъ прилагаться къ маленькимъ непроизводительнымъ клочкамъ, оплодотвореніе которыхъ требовало бы больше труда и времени, чѣмъ дается надобностью въ скорой выручкѣ капитала. Время и трудъ наемныхъ работниковъ не могутъ быть употреблены съ выгодою на воздѣлываніе такихъ участковъ; но если бы работникъ былъ собственникомъ, онъ нашелъ бы выгоду воздѣлывать ихъ. На первое время онъ довольствуется и тѣмъ, что можетъ кормиться отъ своей земли. Но трудомъ поколѣній сообщается этимъ клочкамъ плодородіе и цѣнность. Средства къ жизни улучшаются и достигаются очень высокіе способы обработки. Дренажъ, кормленіе скота въ стойлахъ цѣлое лѣто, жидкое удобреніе— это вещи общеупотребительныя въ маленькихъ хозяйствахъ Фландріи, Ломбардіи, Венеціи. У насъ, при системѣ большихъ фермъ, эти усовершенствованія только еще начинаются въ округахъ съ самымъ лучшимъ хозяйствомъ. Въ странахъ, гдѣ земля принадлежитъ мелкимъ собственникамъ поселянамъ, мы находимъ даже хозяйство, основанное на молочныхъ скопахъ, выдѣлку огромныхъ сыровъ сотрудничествомъ многихъ маленькихъ хозяевъ *); взаимное застрахованіе отъ

*) Достоинъ вниманія способъ, по которому швейцарскіе поселяне соединяютъ свои капиталы для выдѣлки сыра. „Каждый швейцарскій приходъ для выдѣлки сыра нанимаетъ особеннаго человѣка, обыкновенно уроженца Грюйерскаго округа (во фрейбургскомъ кантонѣ). На 40 коровъ считается нужнымъ имѣть одного сырника съ помощникомъ, или выжимальщикомъ, и пастуха. У каждаго хозяина коровъ есть книжка, въ которой каждый день отмѣчается, сколько молока дано каждой коровой. Сырникъ и его помощники доятъ коровъ, сливаютъ ихъ молоко вмѣстѣ, дѣлаютъ изъ него сыръ и въ концѣ лѣта каждый поселянинъ получаетъ количество сыра, соразмѣрное тому, сколько молока дали его коровы. При такомъ сотрудничествѣ поселянинъ вмѣсто маленькихъ, негодныхъ на продажу сыровъ, какіе могъ бы дѣлать изъ молока трехъ или четырехъ своихъ коровъ, получаетъ большіе, годные на продажу сыры лучшаго качества; они имѣютъ хорошее качество потому,

огня и града соединеніемъ силъ мелкихъ хозяевъ, производство самой мудреной и обширной изъ всѣхъ новыхъ земледѣльческихъ операцій,—производство свекловичнаго сахара; эти мелкіе хозяева снабжаютъ европейскій рынокъ льномъ и пенькою; въ этихъ странахъ, даже бѣднѣйшіе люди каждый день имѣютъ въ изобиліи овощи, плоды, птицу за своимъ столомъ, а у насъ даже средніе классы совершенно лишены такого разнообразія въ пищѣ; это разнообразіе и составляетъ существенную принадлежность мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Всѣ эти факты заставляютъ наблюдателя усомниться въ справедливости мнѣнія нашихъ агрономовъ, будто бы большія фермы, воздѣлываемыя наемнымъ трудомъ и большимъ капиталомъ, извлекаютъ изъ земли наибольшій продуктъ, снабжаютъ населеніе страны наибольшимъ количествомъ предметовъ необходимости и комфорта; и будто бы при иной системѣ это невозможно".

Предубѣжденіе, будто бы хозяйство фермеровъ-капиталистовъ лучше хозяйства поселянъ-собственниковъ, подкрѣпляется тѣмъ, что сравниваютъ результаты, получаемые при первой изъ этихъ формъ въ Англіи, съ результатами, какихъ вторая успѣваетъ достигать въ другихъ странахъ, гдѣ обстановка гораздо менѣе англійской благопріятна успѣхамъ сельскаго хозяйства. Тутъ забываютъ, что сравнивать достоинства двухъ принциповъ надобно при одинаковыхъ условіяхъ для дѣйствія обоихъ, и что успѣшность англійскаго сельскаго хозяйства происходитъ не отъ формы его, а отъ выгодности общей обстановки всякихъ промышленныхъ дѣлъ въ Англіи. Милль находитъ примѣръ быта поселянъ собственниковъ въ условіяхъ, въ какихъ дѣйствуютъ фермеры капиталисты, и обнаруживаетъ на этомъ примѣрѣ, что хозяйства поселянъ собственниковъ при одинаковости условій несравненно успѣшнѣе хозяйства фермеровъ-капиталистовъ.

Острова Британскаго канала служатъ такимъ рѣшительнымъ примѣромъ полезныхъ результатовъ, производимыхъ принадлежностью земли поселянамъ, что я не могу не прибавить къ сдѣланнымъ мною многочисленнымъ выпискамъ отрывка изъ описанія экономическаго устройства ихъ. Отрывокъ этотъ беру я изъ Уильяма Торнтона, писателя, соединяющаго личныя наблюденія съ внимательнымъ изученіемъ свѣдѣній, собранныхъ другими. Его „Plea for Peasant Proprietors" — книга, которую надобно назвать классической по вопросу о пользѣ принадлежности земли поселянамъ; такъ превосходно собраны и обработаны въ ней матеріалы. Вотъ что говоритъ объ устройствѣ Гернзи (стр. 99—104): „этотъ маленькій островъ посылаетъ на рынокъ гораздо большее количество продуктовъ, чѣмъ посылаютъ въ самой Англіи округи такой величины, — фактъ, уже самъ по себѣ доказывающій, что поселяне на Гернзи должны быть далеки отъ бѣдности, потому что, будучи полными собственниками всѣхъ своихъ продуктовъ, они, конечно, продаютъ только ту часть ихъ, которая остается не нужна имъ самимъ. Удовлетворительность ихъ положенія очевидна каждому наблюдателю. Изъ всѣхъ обществъ, какія случалось мнѣ видѣть, говоритъ Гилль, самое зажиточное нашелъ я на маленькомъ островѣ Гернзи;—куда бы ни пошелъ на этомъ островѣ путешественникъ, говоритъ сэръ Джорджъ Гедъ, вездѣ онъ увидитъ, что господствуетъ на немъ благосо-

что дѣлаются людьми, спеціально занимающимися этою работою. Сырникъ и его помощники получаютъ извѣстную плату съ каждой коровы деньгами или сыромъ, или нанимаютъ коровъ у хозяевъ и платятъ за нихъ деньгами или сыромъ". (Notes of a Traveller стр. 315). Подобная система существуетъ во Франціи въ департаментѣ Жюры. Въ этомъ интересномъ примѣрѣ сочетанія труда очень замѣчательную черту составляетъ довѣріе къ честности людей выдѣлывающихъ сыръ, — дѣло не могло-бы производиться, еслибъ такое довѣріе не существовало и не оправдывалось опытомъ.

стояніе. Англичанина, который идетъ или ѣдетъ въ поле изъ Порта св. Петра, прежде всего поражаетъ видъ домовъ, разсѣянныхъ по пейзажу, Многіе изъ этихъ домовъ такъ хороши, что въ Англіи могли бы принадлежать только людямъ средняго сословія; англичанинъ не можетъ сообразить, какіе же люди живутъ въ этихъ домахъ, которые не такъ велики, какъ дома англійскихъ фермеровъ, но почти всѣ слишкомъ хороши для работниковъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ рыбацкихъ шалашей, на цѣломъ островѣ буквально нѣтъ ни одного дома, который можно было бы сравнить съ обыкновеннымъ жилищемъ англійскаго земледѣльческаго работника. Посмотрите на дрянныя жилища англійскихъ земледѣльческихъ работниковъ, говоритъ Делиль Брокъ, бывшій бальи острова Гернзи, и сравните ихъ съ домами нашихъ поселянъ! Нищіе на Гернзи совершенно неизвѣстны; пролетаріевъ такъ же почти нѣтъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ пролетаріевъ между людьми, способными къ работѣ. Сберегательныя кассы также свидѣтельствуютъ о всеобщей зажиточности рабочихъ сословій на Гернзи. Въ 1841 году въ Англіи, при населеніи около 15 милліоновъ, имѣли деньги въ сберегательныхъ кассахъ менѣе 700,000 человѣкъ, т. е. 1 изъ 20 человѣкъ населенія и средняя величина вкладовъ была 30 фунтовъ. На Гернзи въ томъ же году изъ 26,000 человѣкъ имѣли вклады 1920 человѣкъ и средняя величина вкладовъ была 40 фунтовъ". Тоже самое мы читаемъ о Джерзи и Альдерни.

Торнтонъ подробно показываетъ успѣшность и производительность мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ на островахъ Британскаго канала и выводъ изъ этихъ подробностей выражаетъ слѣдующими словами: „Мы видимъ, что на двухъ главныхъ изъ этихъ острововъ земледѣльческое населеніе гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ Великобританіи,—на одномъ въ два раза, на другомъ въ три раза: въ Великобританіи приходится только одинъ земледѣлецъ на 22 экра воздѣланной земли, а на Джерзи одинъ на 11 экровъ, на Гернзи одинъ на 7 экровъ. А кромѣ земледѣльцевъ, земледѣліе этихъ острововъ содержитъ неземледѣльческое населеніе, которое также гораздо гуще, чѣмъ въ Великобританіи,—на Джерзи въ четыре раза, а на Гернзи въ пять разъ. Разница эта происходитъ не отъ того, чтобы почва или климатъ на островахъ Британскаго канала были лучше,—нѣтъ, почва на нихъ отъ природы менѣе плодородна, а климатъ такой же, какъ въ южныхъ графствахъ Англіи. Вся разница происходитъ отъ неутомимой заботливости земледѣльцевъ и изобильнаго удобренія" (Торнтонъ, стр. 38).

„Въ 1837 году, говоритъ онъ (стр. 9), средній урожай пшеницы на большихъ фермахъ Англіи былъ только 21 бушель съ экра, и въ самомъ плодородномъ изъ всѣхъ графствъ средній урожай не превышалъ 26 бушелей. Самый высокій средній урожай, о какомъ только слыхивали въ Англіи—30 бушелей. На Джерзи, гдѣ средняя величина земледѣльческихъ хозяйствъ только 16 экровъ, средній урожай пшеницы въ 1834 году былъ, по словамъ Инглиса, 36 бушелей, а по оффиціальнымъ таблицамъ за пятилѣтіе 1829—1833 годовъ мы знаемъ, что онъ былъ 40 бушелей. На Гернзи, гдѣ размѣръ хозяйствъ еще меньше, урожай въ 4 квартера съ экра считается, по словамъ Инглиза, хорошимъ, но очень обыкновеннымъ". — „30 шиллинговъ за экръ земли средняго достоинства считалось бы въ Англіи очень хорошей рентой, но на островахъ Британскаго канала только уже очень плохая земля не дастъ 4 фунта ренты за экръ" (Торнтонъ, стр. 32).

Вотъ наконецъ общій выводъ Милля о поселянахъ-собственникахъ:

Мнѣ кажется, что этимъ изслѣдованіемъ прямыхъ дѣйствій и косвенныхъ вліяній принадлежности земли поселянамъ я доказалъ, что нѣтъ необходимой связи между

этою формою поземельной собственности и несовершенствомъ производительныхъ искусствъ; что если она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и неблагопріятна успѣшнѣйшему пользованію силами земли, то не менѣе важны и другія отношенія, по которымъ она благопріятна ему; что изъ всѣхъ существующихъ системъ земледѣльческаго устройства она производитъ самое выгодное вліяніе на трудолюбіе, умственное развитіе, бережливость и благоразуміе народа, и самымъ сильнѣйшимъ образомъ удерживаетъ людей отъ непредусмотрительнаго размноженія; что поэтому нѣтъ изъ существующихъ устройствъ ни одного, столь благопріятнаго нравственному и физическому состоянію населенія. По сравненію съ англійскою системою обработки земли наемнымъ трудомъ она должна считаться чрезвычайно полезною для рабочаго класса. Сравнивать ее съ системою общей принадлежности земли товариществу работниковъ мы здѣсь не имѣемъ обязанности.

Милль упоминаетъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хозяйство поселянъ-собственниковъ представляется не самою выгодною формою земледѣльческаго устройства; тутъ разумѣются извѣстные элементы преимущества большаго хозяйства надъ малымъ: большее сочетаніе труда, употребленіе болѣе могущественныхъ способовъ производства и предполагаемый многими перевѣсъ большаго хозяйства въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ отрасляхъ сельской промышленности, наприм. въ овцеводствѣ. Мы на этотъ разъ можемъ ограничиться ссылкою на дополненіе наше къ той главѣ 1-й книги Милля, гдѣ разсматривается въ общемъ принципѣ вопросъ о большомъ и маломъ размѣрѣ производства (Перев. Милля Т. I, стр. 294—303). Довольно будетъ замѣтить, что нѣтъ раціональныхъ причинъ считать сельское хозяйство исключеніемъ изъ общихъ законовъ промышленной дѣятельности. Перевѣсъ выгодъ, даваемыхъ дѣлу усовершенствованными процессами, требующими обширныхъ размѣровъ производства, такъ великъ, что ни въ какой отрасли экономическаго быта мелкое хозяйство не можетъ выдерживать соперничества съ большимъ, какъ скоро прогрессъ технологіи и механики открываетъ возможность усовершенствованныхъ процессовъ въ этомъ дѣлѣ и начинаетъ прилагаться къ дѣлу капиталъ большими массами: никакое усердіе въ трудѣ не спасаетъ мелкаго хозяина, когда являются у большаго хозяина усовершенствованные процессы, недоступные мелкому. Если при нынѣшнемъ общественномъ устройствѣ поселяне-собственники еще сохранялись на континентѣ Западной Европы, это лишь потому, что земледѣліе въ ихъ мѣстахъ еще сохранило неразвитые процессы производства и въ большихъ хозяйствахъ. Когда оно станетъ (а оно уже начинаетъ становиться) не патріархальнымъ, а коммерческимъ дѣломъ, мелкія хозяйства должны погибнуть при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ. Чтобы сохранились они, и чтобы животворились усовершенствованные процессы усердною работою работниковъ-хозяевъ, для этого нужно другое устройство, то самое, выгодность и неизбѣжность котораго обнаруживается при внимательномъ разсмотрѣніи и каждаго частнаго вопроса и каждаго общаго принципа экономической науки.

Вотъ наша статья почти уже и кончена. Но читатели, конечно, замѣтили въ ней одинъ важный пробѣлъ: онъ слишкомъ рѣзко чувствуется въ обозрѣніи формъ сельскаго хозяйства, дѣлаемомъ писателемъ, защищающимъ наше обычное общинное землевладѣніе. Объ общинномъ землевладѣніи

Милль ни слова не говоритъ въ главахъ, содержаніе которыхъ мы пересматривали, а мы не дополнили этого пропуска, понятнаго въ англійской книгѣ, не натуральнаго у насъ. Что жъ дѣлать! будто ужъ всегда дѣйствуешь натурально: иной разъ поступаешь такъ, что самъ пожимаешь плечами. Отложимъ этотъ предметъ до другаго случая; оно тѣмъ извинительнѣе будетъ, что дѣло объ общинномъ землевладѣніи принадлежитъ не столько частному, занимавшему насъ теперь вопросу о классахъ, между которыми дѣлится продуктъ, сколько общему принципу всей теоріи распредѣленія. Когда намъ удастся говорить объ этомъ общемъ принципѣ, поговоримъ о многомъ, оставляемомъ въ сторонѣ теперь, между прочимъ и объ общинномъ землевладѣніи.

Въ сельскомъ хозяйствѣ владѣніе капиталомъ очень часто отдѣляется отъ владѣнія землею. Въ фабричномъ дѣлѣ и въ другихъ отрасляхъ промышленности это бываетъ слишкомъ рѣдко; а когда и бываетъ, доля землевладѣльца невелика сравнительно съ долею капиталиста. Во всѣхъ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ (кромѣ земледѣльческихъ) участокъ земли, на которомъ стоитъ промышленное заведеніе, и самое зданіе, въ которомъ оно помѣщается, составляетъ обыкновенно собственность того же лица, которое ведетъ предпріятіе на свой капиталъ: фабрика принадлежитъ фабриканту, заводъ—заводчику и т. д. Слѣдовательно, тутъ существуютъ лишь два класса: капиталисты землевладѣльцы и работники. Когда бываетъ иначе, когда, напримѣръ, фабрика или заводъ отдается въ аренду, большая часть суммы, платимой арендаторомъ-хозяиномъ предпріятія собственнику-хозяину арендуемой фабрики, платится не за землю, а за зданіе съ его обзаведеніемъ, то есть за капиталъ, принадлежащій къ разряду основнаго капитала. Доля, платимая собственно за землю, остается за этимъ вычетомъ уже невелика и не заслуживаетъ большаго вниманія. А выдѣлъ той части продукта, которая бываетъ велика, служитъ выдѣломъ отъ одного капиталиста другому. Дѣйствительно, тутъ два капиталиста: одному принадлежитъ оборотный капиталъ и нѣкоторая часть основнаго (напр., машины ставитъ, или по крайней мѣрѣ ремонтируетъ арендаторъ), а другому—часть основнаго капитала (зданіе и, быть можетъ, машины). Раздѣлъ остающейся на долю капитала части продукта между этими двумя капиталистами слѣдуетъ обыкновенной пропорціи раздѣла между двумя соучастниками по величинѣ вклада, даваемаго каждымъ изъ нихъ въ общую сумму. Такимъ образомъ, распредѣленіе продукта въ остальныхъ отрасляхъ производства гораздо проще, чѣмъ въ земледѣльческой и представляетъ гораздо меньше разнообразныхъ формъ. Поселянамъ-собственникамъ соотвѣтствуютъ тѣ мелкіе ремесленники и мастера, которые работаютъ въ своихъ мастерскихъ поодиночкѣ, при помощи лишь своей семьи, да развѣ двухъ-трехъ несовершеннолѣтнихъ учениковъ. Коттерамъ соотвѣтствуютъ тѣ работники мануфактуръ, которые занимаются работою у себя на дому, получая работу отъ большаго хозяина. Но масса работниковъ во всѣхъ заводскихъ, фабричныхъ и ремесленныхъ производствахъ быстро переходитъ въ состояніе наемныхъ работниковъ, а въ отрасляхъ промышленности, гдѣ наиболѣе усовершенствованы процессы производства, уже вся сполна перешла въ это положеніе.

Трехчленное распредѣленіе продукта.

(гл. XI—XVI).

Господствующая экономическая теорія возникла и развилась, какъ мы видѣли изъ предшествующаго очерка, въ такомъ обществѣ, которое не знало о существованіи поселянъ-собственниковъ. Французскіе и нѣмецкіе политико-экономы знали этотъ бытъ, и многіе изъ нихъ очень высоко цѣнили его. Но не было изъ нихъ ни одного человѣка, равнявшагося умомъ Адаму Смиту, Мальтусу и Рикардо; всѣ они оказывались безсильны проникнуть до самыхъ основаній теоріи, чтобы восполнить, на основаніи знакомаго имъ факта, пробѣлъ, вкравшійся въ нее у Адама Смита и не пополненный ни Мальтусомъ, ни Рикардо. Сочувствіе быту поселянъ-собственниковъ оставалось у нихъ какъ будто бы дѣломъ внѣшнимъ, не успѣвало войти въ самую теорію. Они были только популяризаторами (напримѣръ, Жанъ Батистъ Сэ) и учеными компиляторами (напримѣръ, Рау и Рошеръ), а творческаго духа не было въ нихъ: они умѣли только растолковывать чужія мысли или подбирать къ нимъ факты. Милль несравненно выше ихъ логическою силою, но и онъ не изъ тѣхъ людей, которые бываютъ въ состояніи переработать науку. Главная сила его въ томъ, что онъ — мыслитель совершенно честный и человѣкъ сочувствующій добру. Сойти съ точки зрѣнія, на какую онъ поставленъ своими учителями, Мальтусомъ и въ особенности Рикардо, онъ не можетъ. Онъ умѣетъ только цѣнить все хорошее, что успѣваетъ замѣтить съ этой точки зрѣнія. Онъ замѣтилъ, что есть мыслители, считающіе положеніе работниковъ-хозяевъ единственнымъ нормальнымъ. Какъ человѣкъ добросовѣстный, онъ вникъ въ этотъ взглядъ и нашелъ его справедливымъ. Поэтому онъ при всякомъ удобномъ случаѣ выражаетъ желаніе, чтобы работникъ возвысился до положенія хозяина. Но онъ не въ силахъ пересоздать по одобряемой имъ идеѣ теорію, созданную людьми, не имѣвшими этого принципа. Потому остается у него почти безплоденъ разборъ разныхъ формъ распредѣленія продукта. Мы видѣли, что въ этомъ разборѣ онъ съ благороднымъ восторгомъ учитъ англичанъ понимать все экономическое превосходство быта поселянъ-собственниковъ надъ другими формами общественнаго быта. Но за разборомъ разныхъ существующихъ формъ общественнаго устройства слѣдуетъ у него анализъ распредѣленія продукта по тремъ элементамъ производства, — анализъ въ духѣ Адама Смита и Рикардо, которые, не имѣя идеала, замѣченнаго Миллемъ, разсуждали въ томъ предположеніи, что это распредѣленіе продукта по тремъ разнымъ классамъ составляетъ совершеннѣйшую форму экономическаго устройства, — точка зрѣнія, не согласная съ мыслями самаго Милля о поселянахъ-собственникахъ.

Мы не къ тому ведемъ рѣчь, что не нуженъ въ наукѣ разборъ участія, какое принадлежитъ при производствѣ продукта каждому изъ трехъ элементовъ производства; и не къ тому мы ведемъ рѣчь, что не нужно было въ наукѣ раздробленіе продукта на три части (ренту, прибыль и рабочую плату), соотвѣтственно каждому изъ трехъ элементовъ производ-

ства (землѣ, капиталу и труду). Напротивъ, это очень нужно, совершенно необходимо для теоріи. Теорія непремѣнно должна стараться о разложеніи факта на самые коренные, простѣйшіе элементы. Геодезія непремѣнно раздробляетъ всякую мѣстность на простѣйшія составныя части, треугольники: пока многоугольникъ не разбитъ на треугольники, его нельзя вычислить. Такъ и политическая экономія непремѣнно должна разлагать продуктъ на доли, соотвѣтствующія разнымъ элементамъ производства, ренту, прибыль и рабочую плату. Мы увидимъ, что не безполезно для науки провести дробленіе еще дальше, различить въ каждой изъ этихъ трехъ долей еще новыя доли по разнымъ разрядамъ ренты, капитала и труда. Но этою частью дѣла, на которой останавливается господствующая теорія, еще не исчерпывается вся задача науки. Геометрія не ограничиваетъ своихъ соображеній геодезическимъ раздробленіемъ данной плоскости на треугольники: она разсуждаетъ также о томъ, какое сочетаніе треугольниковъ наиболѣе удовлетворительно для разныхъ надобностей человѣка; напримѣръ, она показываетъ, что если нужно имѣть какъ можно меньшую периферію при данной вмѣстимости, то надобно строить правильный многоугольникъ съ возможно большимъ числомъ сторонъ, такъ что десятиугольникъ тутъ будетъ удовлетворительнѣе треугольника, стоугольникъ еще удовлетворительнѣе, а идеальная фигура съ этой точки зрѣнія — кругъ; геометрія прибавляетъ, что съ математическою точностью этого идеала нельзя достигнуть въ практикѣ: совершенно правильнаго круга нѣтъ въ природѣ и не можетъ онъ быть начерченъ человѣкомъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ она говоритъ, что этою недостижимостью идеала не нужно огорчаться и не слѣдуетъ ставить ее возраженіемъ противъ надобности округлять данную площадь: если безусловно точнаго круга человѣкъ начертить не можетъ, то легко человѣку начертить фигуру, которая не будетъ имѣть никакой замѣтной разницы отъ круга, такъ что въ практикѣ она ничѣмъ не будетъ отличаться отъ математически совершеннаго круга; а пока замѣтно въ практикѣ различіе начерченной фигуры отъ круга, человѣкъ не долженъ успокоиваться, долженъ видоизмѣнять фигуру, пока приблизится она къ кругу до совершенной незамѣтности различія отъ него въ практическомъ отношеніи.

Точно такова же задача и требовательность экономической теоріи. Разложивъ продуктъ на доли, соотвѣтствующія разнымъ элементамъ производства, она должна искать, какое сочетаніе этихъ элементовъ и долей даетъ наивыгоднѣйшій практическій результатъ. Въ чемъ тутъ состоитъ задача, понятно каждому: надобно отыскать, при какомъ сочетаніи элементовъ производства данное количество производительныхъ силъ даетъ наибольшій продуктъ. Когда теорія покажетъ такую форму сочетанія, то само собою будетъ разумѣться, что безусловнаго совершенства въ осуществленіи формы этой достичь невозможно человѣку не только теперь, но и рѣшительно никогда: таково уже общее свойство всѣхъ требованій всякой науки; ни одно изъ нихъ не можетъ быть осуществлено въ безусловномъ совершенствѣ, потому что безусловнаго совершенства вообще никогда ни въ чемъ не бываетъ и не можетъ быть: нельзя начертить безусловно правиль-

наго круга; нельзя начертить ни безусловно правильнаго квадрата, ни безусловно правильнаго треугольника съ какими бы то ни было углами, ни вообще какой бы то ни было геометрической фигуры. Точно также невозможно безусловное совершенство ни въ какомъ другомъ дѣлѣ: невозможно получить безусловно чистую воду или умыться до безусловной чистоты лица или рукъ, или до безусловнаго совершенства овладѣть хотя бы своимъ роднымъ языкомъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? То ли, что заботы о полученіи чистой воды или заботы объ опрятности надобно назвать утопіею и бросить какъ химеру, и что не надобно мыть рукъ и изучать языки? Каждому понятно, что если бы человѣкъ высказалъ такое заключеніе. онъ высказалъ бы лишь свое тупоуміе (когда самъ вѣрилъ бы тому, что говоритъ) или свою недобросовѣстность (когда употребляетъ такой аргументъ лишь для полемическихъ цѣлей, самъ понимая, какую пошлость говоритъ, но разсчитывая на непривычку большинства къ научному мышленію). Каждому извѣстно, что во всѣхъ этихъ дѣлахъ легко достигается человѣкомъ та степень совершенства, какую по свойствамъ даннаго случая принимаетъ человѣкъ на практикѣ за абсолютное совершенство. На что вамъ вода? для питья? Во многихъ рѣкахъ и родникахъ она имѣетъ ту степень чистоты, что вы не можете замѣтить на вкусъ никакихъ нечистотъ: а всякая вода можетъ быть доведена фильтровкою до этой степени чистоты, не различаемой вами отъ абсолютной чистоты по критеріуму, даваемому вашими невооруженными чувствами. Но быть можетъ у васъ другая потребность, для химическихъ занятій вамъ нужна вода, несравненно болѣе чистая, безъ всякихъ примѣсей? Такой воды нѣтъ готовой въ природѣ: и фильтровка тутъ недостаточна; вы должны дистиллировать воду, и легко получите ее въ такой чистотѣ, что никакими реагентами не откроете въ ней уже никакой примѣси. Значитъ ли это, что вы получили воду абсолютно чистою? Вовсе нѣтъ: какъ бы хорошо ни была она дистиллирована, въ ней все-таки будетъ нѣкоторое количество газовъ и минеральныхъ частицъ. Но что же вамъ огорчаться этимъ, когда они незамѣтны и для вашихъ вооруженныхъ чувствъ, когда вода эта не различается замѣтнымъ образомъ отъ абсолютно чистой воды?—Для чего вы умываетесь? для опрятности? Этой степени совершенства каждый день достигаетъ каждый опрятный человѣкъ. Подъ микроскопомъ вы замѣтите нѣкоторый потъ, нѣкоторую пыль на его рукахъ. Но вѣдь вы не смотрите на нихъ въ микроскопъ, вы не замѣчаете этого? Слѣдовательно чистота его рукъ въ практикѣ равнозначительна абсолютной чистотѣ. Но, быть можетъ вамъ представилась особенная надобность, требующая гораздо высшей степени чистоты,—быть можетъ вы хотите наблюдать въ микроскопъ ходъ физіологическихъ процессовъ въ сосудахъ кожи? И до такой степени можно очистить руку, нужно только употребить техническія средства для достиженія технической цѣли: взять для мытья рукъ препараты, болѣе тонкіе, чѣмъ мыло.—То же самое и съ искусствомъ говорить на какомъ нибудь языкѣ. Вы хотите говорить на родномъ языкѣ. Вы хотите говорить такъ, чтобы кругъ общества, въ которомъ вы живете, не замѣчалъ никакихъ недостатковъ въ вашихъ разговорахъ со стороны правильности языка? Этой степени совершенства

достигаетъ каждый: каждый говоритъ на своемъ языкѣ такъ, что рѣчь его кажется совершенно правильною кругу, въ которомъ онъ выучился говорить. Вамъ угодно достичь высшаго совершенства? Для этого уже нужны техническія средства: займитесь грамматикою, изучайте книги, писанныя хорошимъ языкомъ, слѣдите внимательно за оборотами вашей рѣчи, и — вы легко достигнете того, что люди, говорящіе самымъ правильнымъ языкомъ будутъ находить вашу рѣчь совершенно правильною.

Такъ во всякомъ дѣлѣ; такъ и въ дѣлѣ о сочетаніи элементовъ производства наивыгоднѣйшимъ образомъ. Абсолютное совершенство недостижимо, но достижима всякая степень совершенства, какая потребуется на практикѣ соотвѣтственно надобностямъ человѣка, такъ чтобы не чувствовалъ онъ практически разницы между идеальнымъ совершенствомъ и фактическимъ положеніемъ дѣла. Если это еще не достигнуто, если практически замѣтно несовершенство даннаго положенія, значитъ человѣкъ еще не позаботился сдѣлать всего, что нужно для усовершенствованія дѣла, значитъ ему нужно думать и работать надъ усовершенствованіемъ дѣла.

Само собою разумѣется, что на каждой данной степени этого прогресса усовершенствованій дѣло будетъ идти въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣшнѣе, чѣмъ въ другихъ, такъ что случаи втораго рода будутъ оказываться практически неудовлетворительными по сравненію съ случаями перваго рода, которые въ ту эпоху прогресса практически представляются сходными съ идеаломъ совершенства. Для уравненія менѣе удовлетворительныхъ случаевъ съ этими вполнѣ удовлетворительными, человѣкъ будетъ придумывать новыя улучшенія; отъ приложенія этихъ новыхъ улучшеній къ случаямъ, бывшимъ прежде наиболѣе успѣшными, сами эти случаи окажутся лучше прежняго и оттого поднимется норма, считающаяся практическимъ совершенствомъ. Сравнительно съ нею будутъ казаться несовершенными менѣе удовлетворительные случаи, хотя бы и доведены они были произведенными улучшеніями до высоты, прежде казавшейся практическимъ совершенствомъ. Разумѣется, отъ этого возникнетъ охота придумывать новыя улучшенія, и такимъ образомъ ходъ прогресса безконеченъ: вѣчно будутъ оказываться случаи менѣе другихъ удовлетворительные, и отъ придумыванія средствъ къ ихъ улучшенію будутъ улучшаться также удовлетворительнѣйшіе случаи, и отъ этого вѣчно будетъ оставаться разница успѣшнѣйшаго и менѣе успѣшнаго хода дѣлъ, — разница, требующая новыхъ улучшеній. Но если постоянно будетъ являться надобность въ новыхъ улучшеніяхъ, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы чувство неудовлетворенности менѣе успѣшными случаями оставалось безъ уменьшенія, иначе сказать, чтобы человѣкъ не чувствовалъ себя все довольнѣе и счастливѣе съ каждымъ усовершенствованіемъ. Разстояніе между безусловнымъ совершенствомъ и достигнутою степенью совершенства остается все меньше и меньше; а человѣческія потребности удовлетворяются все полнѣе и полнѣе съ каждымъ новымъ успѣхомъ. А чѣмъ меньше остается разница между безусловной и достигнутой полнотой удовлетворенія, тѣмъ менѣе болѣзненно становится чувство этой разницы, и очень скоро достигается въ серьезныхъ потребностяхъ такая степень удовлетворенія, что болѣзненность или

прискорбность разницы между абсолютною и достигнутою полнотою удовлетворенія совершенно исчезаетъ, и впечатлѣніе, ощущаемое человѣкомъ отъ этой разницы, принимаетъ другой характеръ, — характеръ свѣтлаго состоянія души, когда человѣкъ чувствуетъ: „мнѣ и теперь хорошо, а если я буду работать надъ улучшеніемъ, будетъ мнѣ еще лучше“. Серьезныя, реальныя потребности человѣка удовлетворяются до такой степени свѣтлаго наслажденія неслишкомъ высокою степенью совершенства. Напримѣръ, до безконечности можетъ простираться усовершенствованіе качества въ породахъ рогатаго скота, воспитываемыхъ для мяса; точно также до безконечности можетъ простираться усовершенствованіе кухоннаго искусства. Но очень легко получить такую говядину, изъ которой можно приготовить уже очень вкусное блюдо, и очень легко приготовить эту говядину такъ, чтобы блюдо было очень вкусно. Точно то же во всякомъ другомъ сортѣ порядочной пищи; точно то же и въ одеждѣ и въ помѣщеніи; точно то же и въ удовлетвореніи всѣхъ другихъ реальныхъ, серьезныхъ потребностей.—тѣхъ потребностей, которыя вытекаютъ изъ органическаго устройства, которыя признаются разсудкомъ за потребности основательныя, разумныя, неудовлетворенность которыхъ производитъ въ человѣкѣ физическое или нравственное страданіе серьезнаго рода, признаваемое за дѣйствительное страданіе добрыми и умными людьми. Другое дѣло—тѣ фальшивыя потребности при неудовлетворенности которыхъ въ извѣстномъ человѣкѣ разсудительные люди не сочувствуютъ его жалобѣ, а смѣются надъ нимъ или презираютъ его. Эти потребности никогда не могутъ быть удовлетворены на столько, чтобы допускали постоянное свѣтлое наслажденіе въ человѣкѣ, ими заразившемся: онѣ всегда приносятъ ему больше огорченій, чѣмъ удовольствія. Но не объ удовлетвореніи такихъ потребностей разсуждаетъ наука. Она разсуждаетъ объ искорененіи обстоятельствъ, подвергающихъ человѣка этимъ нравственнымъ болѣзнямъ.

Все это мы говоримъ къ тому, что формулу абсолютно выгоднѣйшаго сочетанія элементовъ производства наука можетъ давать лишь самымъ отвлеченнымъ образомъ, лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, не представляющихъ никакой опредѣленной картины нашему воображенію. Силы воображенія совершенно недостаточны для того, чтобы представились намъ въ отчетливой картинѣ подробности, которыми опредѣлялся бы реальный очеркъ не только этого математическаго совершенства, но хотя бы какой-нибудь степени совершенства, довольно близкаго къ нему сравнительно съ нынѣшнею дѣйствительностію. Фантазія—способность очень слабая, она не въ силахъ отдаляться отъ дѣйствительности. Она не въ силахъ создать для своихъ картинъ ни одного элемента, кромѣ даваемыхъ ей дѣйствительностью. Въ дѣйствительности по вопросу о пользованіи продуктомъ труда высшій элементъ, знакомый нашему воображенію, — положеніе поселянина-собственника. Всѣ теоріи коренныхъ улучшеній человѣческаго быта построены на этомъ понятіи. Со временемъ, конечно, будетъ представлять дѣйствительность данныя для идеаловъ, болѣе совершенныхъ: но теперь никто не въ силахъ отчетливымъ образомъ описать для другихъ или хотя бы представить самому себѣ иное общественное устройство, которое имѣло

бы своимъ основаніемъ идеалъ болѣе высокій. Да, изъ этого скромнаго основанія возникаютъ и только эту скромную цѣль дѣйствительно имѣютъ въ виду всѣ такъ называемыя утопіи: дайте намъ такой бытъ, въ которомъ каждый человѣкъ могъ бы занимать положеніе поселянина-собственника или другое положеніе, равнозначительное ему, въ которомъ каждый человѣкъ могъ бы работать дѣйствительно въ свою пользу. Судите же теперь сами, до какой степени слѣдуетъ называть утопіею такое скромное требованіе.

Конечно люди, у которыхъ доставало силы соображенія, чтобы отчетливо представить себѣ результаты удовлетворенія этому скромному требованію, предвидѣли, что съ его осуществленіемъ уровень благосостоянія чрезвычайно возвысится; конечно нѣкоторые изъ нихъ очень яркими красками описывали довольство, какого слѣдуетъ ожидать отъ предполагаемой ими реформы; конечно были и такіе, которые старались во всѣхъ подробностяхъ предугадать перемѣну чувствъ, какая произойдетъ отъ столь значительной перемѣны экономическаго положенія; конечно въ подобныхъ случаяхъ краски выходили иногда слишкомъ блистательны, подробности оказывались иногда соображенными не безошибочно. Но что жъ такое? Развѣ не случается того же самаго съ каждымъ, успѣвшимъ понять выгоду какого бы то ни было полезнаго дѣла? Развѣ каждый изобрѣтатель или нововводитель въ какомъ бы то ни было дѣлѣ отъ cache-nez до электрическихъ телеграфовъ, отъ хромолитографіи до воскресныхъ школъ не преувеличиваетъ нѣкоторыхъ сторонъ пользы, какую принесетъ его дѣло и не ошибается въ нѣкоторыхъ подробностяхъ при развитіи своей мысли? Что жъ изъ этого?

Конечно для осуществленія самаго простаго, скромнаго и практичнаго требованія нужна бываетъ иногда очень большая передѣлка обстановки. Но если эта передѣлка и представляется вамъ трудною, трудность находится не въ характерѣ самаго требованія, а въ обстановкѣ, какая была у извѣстнаго человѣка или у извѣстнаго общества. Напримѣръ, что можетъ быть проще и скромнѣе того требованія, чтобы люди не продавали плѣнныхъ въ рабство? Мы видимъ, что это требованіе безусловно принято всѣми сколько-нибудь цивилизованными народами, принято до того, что не натурально имъ кажется и подумать о его нарушеніи. Попробуйте же разсудить, какая передѣлка быта понадобится у племенъ западнаго берега Африки, чтобы осуществилось у нихъ это требованіе. Имъ нужно совершенно перевоспитаться, отбросить большую часть своихъ нынѣшнихъ понятій и обычаевъ, пріобрѣсти совершенно новыя для нихъ мысли и привычки. Очень можетъ быть, что для нихъ ваше скромное требованіе представится утопіей. Смутитъ ли васъ такое возраженіе? Развѣ не готовъ у васъ неопровержимый отвѣтъ на него? Вы навѣрное скажете: „чѣмъ труднѣе западно-африканскимъ племенамъ осуществить это требованіе при своемъ нынѣшнемъ бытѣ, тѣмъ значитъ хуже ихъ нынѣшній бытъ и тѣмъ сильнѣе выказывается надобность передѣлки его“.— Къ этому вы, конечно, прибавите, что передѣлка эта — необходимость, налагаемая на нихъ исторіею, и что отъ этой необходимости не уйти имъ ни въ какомъ случаѣ,

какъ бы ни были кому нибудь изъ нихъ милы нынѣшніе ихъ порядки. Да, есть возраженія, которыя служатъ только сильнѣйшимъ подтвержденіемъ пользы и неизбѣжности дѣла, противъ котораго выставляются. Если, напримѣръ, вы полагаете, что человѣку не слѣдуетъ быть пьяницей, и если какой нибудь человѣкъ станетъ спорить противъ васъ, у васъ только появляется мнѣніе, что именно къ нему-то и примѣняется сильнѣйшимъ образомъ ваша мысль: по всей вѣроятности, онъ—или несчастный пьяница, или стоитъ въ какомъ нибудь вредномъ для общества положеніи, въ которомъ получаетъ пользу отъ существованія пьяницъ. Чѣмъ упрямѣе споритъ онъ съ вами, тѣмъ больше утверждаетесь вы въ мысли, что надобно ему измѣнить обстановку, вліяніе которой мѣшаетъ ему принять мысль, что пьяница вреденъ себѣ и другимъ.

Но мы выходимъ отъ предположенія, что возможно сочетаніе элементовъ производства болѣе выгодное, чѣмъ принимаемая господствующею теоріею форма, при которой существуютъ три разные класса, дѣлящіе между собою продуктъ по тремъ элементамъ производства, такъ-что одинъ классъ получаетъ ренту, другой—прибыль, третій—рабочую плату. Мы видѣли, что даже изъ послѣдователей господствующей теоріи предпочитаютъ этому устройству другой порядокъ дѣлъ всѣ тѣ, которые знакомы съ бытомъ поселянина-собственника и одарены самостоятельнымъ разсудкомъ на столько, чтобы не оставаться попугаями, повторяющими слова первыхъ основателей политической экономіи, не знавшихъ этого быта. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы видѣли, что даже у Милля, самаго сильнаго изъ нихъ по уму, сочувствіе къ быту поселянина-собственника остается почти безплоднымъ, или по крайней мѣрѣ не имѣющимъ вліянія на общій характеръ теоріи. Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что симпатія къ положенію поселянина-собственника происходитъ лишь отъ филантропіи, безсильной передъ необходимостью вещей? Не надобно ли думать, что каковы бы то ни были результаты трехчленнаго дѣленія продукта по тремъ классамъ, это дѣленіе неизбѣжно требуется промышленнымъ прогрессомъ, и всякая другая форма, хотя бы и казалась благотворнѣе для массы, должна неминуемо уступать мѣсто трехчленному дѣленію? Отвѣтъ на это легко найти въ самой господствующей теоріи. Мы видѣли, что трехчленное дѣленіе сама господствующая теорія находитъ только въ земледѣліи. Мы спрашиваемъ теперь: почему же нѣтъ подобнаго трехчленнаго дѣленія въ заводской и фабричной промышленности? Вѣдь и въ ней есть элементы, на которыхъ могъ бы построиться подобный порядокъ. Зданіе фабрики съ находящеюся подъ ней землею и съ долговѣчными машинами могло бы принадлежать собственнику, отдѣльному отъ капиталиста, снимающаго въ аренду веденіе фабрикаціи на свой оборотный капиталъ. Но вѣдь не существуетъ же такого раздѣла: выгоднѣе для производства оказывается, чтобы капиталистъ, ведущій фабрикацію, былъ и собственникомъ фабрики. А между тѣмъ фабричная промышленность стоитъ гораздо выше земледѣлія по техническому совершенству своихъ процессовъ, и ея обороты гораздо ближе соотвѣтствуютъ условіямъ экономической теоріи, чѣмъ земледѣльческіе обороты. Изъ этого мы можемъ заключить, что есть такія формы двухчленнаго дѣленія про-

дукта, которыя должны и по господствующей теоріи считаться выше трехчленнаго дѣленія, примѣняющагося въ значительномъ размѣрѣ лишь къ самой отсталой по техническому совершенству отрасли производства. Если же при извѣстномъ способѣ сочетанія двухъ элементовъ въ рукахъ одного класса производство становится совершеннѣе, чѣмъ при трехчленномъ дѣленіи, то естественно является предрасположеніе думать, что для дальнѣйшаго усовершенствованія производства нужно сочетаніе всѣхъ трехъ элементовъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Каковы должны быть условія такой формы производства и на какомъ разсчетѣ должно основываться проистекающее изъ нея распредѣленіе продукта, это мы разсмотримъ когда нибудь въ другой разъ, а теперь займемся обозрѣніемъ свойствъ трехчленнаго дѣленія, рекомендуемаго господствующею теоріею. Этотъ обзоръ доставитъ намъ матеріалы для окончательнаго признанія, неудовлетворительности такого дѣленія и покажетъ, какія перемѣны существующаго устройства нужны для соотвѣтствія съ принципами самой господствующей теоріи,—принципами, которымъ противорѣчитъ трехчленное дѣленіе, являющееся въ ней чрезвычайною несообразностью, какими впрочемъ вообще она изобилуетъ.

Форма трехчленнаго распредѣленія предполагаетъ, какъ извѣстно читателю, что изъ трехъ элементовъ производства каждый особо принадлежитъ отдѣльному классу, и доля изъ продукта, достающаяся этому классу, опредѣляется соперничествомъ. Классъ, которому принадлежитъ трудъ, является при этой формѣ быта сословіемъ наемныхъ работниковъ, получающихъ рабочую плату; капиталъ принадлежитъ классу промышленныхъ антрепренеровъ, получающихъ прибыль, а земля—классу владѣльцевъ недвижимой собственности, не принимающему никакого личнаго участія въ веденіи предпріятія, но получающему отъ предпринимателя ренту за дозволеніе пользоваться недвижимою собственностью (землею), какъ орудіемъ и помѣщеніемъ для промышленнаго предпріятія. Свой анализъ трехъ долей распредѣленія Милль начинаетъ съ рабочей платы.

Рабочая плата.

Въ разныхъ занятіяхъ рабочая плата имѣетъ неодинаковую величину; причины, отъ которыхъ зависитъ эта разница, излагаются господствующею теоріею очень удовлетворительно, такъ-что намъ довольно будетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ въ концѣ отдѣла, а главное вниманіе надобно обратить на вопросъ о величинѣ рабочей платы вообще или платы за массу обыкновеннаго чернаго труда, не требующаго ни особенной подготовки, ни чрезвычайныхъ физическихъ или нравственныхъ силъ. Чѣмъ опредѣляется величина этой обыкновенной рабочей платы при трехчленномъ дѣленіи продукта? Милль говоритъ:

Рабочая плата, подобно другимъ экономическимъ элементамъ, опредѣляется или соперничествомъ, или обычаемъ. Въ нашей землѣ (Англіи) мало найдется такихъ родовъ труда, вознагражденіе за которые не было бы ниже нынѣшняго, если бы хозяинъ вполнѣ пользовался выгодою соперничества. Но все-таки соперничество при нынѣшнемъ состояніи общества должно считаться главнымъ регуляторомъ рабочей платы, а

обычай или личный характеръ только видоизмѣняющимъ обстоятельствомъ и притомъ слабымъ сравнительно съ соперничествомъ.

Итакъ рабочая плата главнымъ образомъ зависитъ отъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ труда или, какъ часто говорятъ, между населеніемъ и капиталомъ. Подъ населеніемъ разумѣется тутъ лишь числительность рабочаго класса или, точнѣе говоря, людей работающихъ по найму; а подъ капиталомъ только оборотный капиталъ, и даже не весь оборотный капиталъ, а лишь та часть его, которая расходуется на прямую покупку труда. Но къ ней тутъ прибавляются всѣ суммы, которыя, не составляя части капитала, платятся въ обмѣнъ за трудъ, какъ, напримѣръ, плата солдатамъ, домашней прислугѣ и всѣмъ другимъ непроизводительнымъ работникамъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ общеупотребительнаго слова, которымъ можно было бы обозначить то, что мы обозначимъ выраженіемъ „фондъ рабочей платы“ извѣстной страны. Плата за производительный трудъ составляетъ почти всю массу этого фонда, потому обыкновенно оставляютъ безъ вниманія меньшую по величинѣ и по важности часть его, говоря, что рабочая плата опредѣляется величиною населенія и капитала. Для простоты мы будемъ употреблять это выраженіе, но не должны забывать, что въ буквальномъ смыслѣ оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣлу.

Понимая такимъ образомъ термины „населеніе и капиталъ“, надобно сказать, что рабочая плата, опредѣляющаяся относительною величиною капитала и населенія, зависитъ при господствѣ соперничества исключительно отъ этого отношенія. Рабочая плата (то есть, разумѣется, общая величина ея) можетъ подниматься только отъ увеличенія суммы фондовъ, употребляемыхъ на наемъ работниковъ, или отъ уменьшенія въ числѣ соискателей, нанимающихся работать; падать она можетъ только или отъ уменьшенія фондовъ, опредѣленныхъ на плату за трудъ, или отъ увеличенія въ числѣ работниковъ, получающихъ плату.

Есть факты, на первый взглядъ кажущіеся несогласными съ этой теоріей; но они только подтверждаютъ ее при точнѣйшемъ разборѣ. Напримѣръ говорятъ, что въ одной и той же странѣ, при данномъ числѣ рабочаго населенія, рабочая плата возвышается въ эпохи успѣшнаго хода промышленныхъ и коммерческихъ дѣлъ, понижается въ періоды застоя,—слѣдовательно величина рабочей платы зависитъ не отъ пропорціи между капиталомъ и населеніемъ, а отъ успѣшности или неуспѣшности коммерческихъ дѣлъ. Дѣлать такое возраженіе, значитъ не понимать факта, на который ссылаешься. Во время застоя часть капитала, шедшаго прежде на рабочую плату, удерживается безъ употребленія на нее, въ ожиданіи выгоднѣйшихъ обстоятельствъ; въ періоды оживленнаго хода коммерческихъ дѣлъ обращается въ капиталъ, идущій на рабочую плату, часть средствъ, оставляемыхъ въ другія времена безъ употребленія или потребляемыхъ непроизводительно. Слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ величина рабочей платы измѣняется отъ измѣненія въ количествѣ капитала, служащаго фондомъ рабочей платы.

Это разъясненіе совершенно вѣрно; но не возбуждаетъ ли оно мысли о томъ, что необходимо для высоты рабочей платы, то есть для благосостоянія массы такое устройство, при которомъ какъ можно большая часть средствъ страны обращалась бы въ фондъ рабочей платы, и какъ можно меньшая часть этихъ средствъ оставлялась бы безъ занятія или потребля-

лась бы непроизводительно? До какой степени можно было бы ожидать прочной пользы изъ этого источника, мы разсмотримъ ниже по поводу замѣчаній Милля о разныхъ планахъ для возвышенія рабочей платы.

Другимъ возраженіемъ противъ зависимости рабочей платы отъ пропорціи между населеніемъ и капиталомъ служитъ мнѣніе, что величина рабочей платы измѣняется соотвѣтственно цѣнѣ хлѣба.

Часто утверждаютъ (говоритъ Милль), что рабочая плата (т. е., разумѣется, денежная величина рабочей платы) измѣняется съ цѣною пищи: поднимается при ея возвышеніи, опускается при ея паденіи. Я нахожу, что это мнѣніе справедливо не вполнѣ, а только отчасти, и справедливая сторона его нимало не противорѣчитъ зависимости рабочей платы отъ пропорціи между капиталомъ и трудомъ, потому что когда цѣна хлѣба дѣйствуетъ на величину рабочей платы, то дѣйствуетъ на нее чрезъ посредство этого закона. Разница въ цѣнѣ пищи по разнымъ временамъ года не имѣетъ вліянія на рабочую плату (если это вліяніе не устанавливается искусственно, закономъ или благотворительностью), или скорѣе имѣетъ нѣкоторую тенденцію дѣйствовать на рабочую плату способомъ, противнымъ обыкновенному мнѣнію: когда запасъ пищи скуденъ, работники вообще должны работать больше, и такимъ образомъ они понижаютъ рабочую плату во вредъ себѣ. Но если дороговизна или дешевизна пищи бываетъ продолжительна и можетъ быть предусмотрѣна заранѣе, то она можетъ имѣть вліяніе на рабочую плату. Во-первыхъ, если работники получаютъ не больше того, сколько нужно имъ на поддержаніе своей способности къ труду и на прокормленіе обыкновеннаго числа дѣтей (а рабочая плата часто не превышаетъ этого уровня), то, когда пища надолго вздорожаетъ безъ возвышенія рабочей платы, преждевременно станетъ умирать больше дѣтей, чѣмъ прежде; отъ этого рабочая плата напослѣдокъ возвысится, но только потому, что число людей станетъ меньше, чѣмъ было бы при дешевизнѣ пищи. Во-вторыхъ, если рабочая плата даже и имѣетъ такую высоту, что цѣна пищи могла бы повыситься безъ отнятія возможности пропитанія у работниковъ и ихъ семействъ, то работники, быть можетъ, не захотятъ переносить скудость, которую могъ бы выносить человѣческій организмъ. Быть можетъ, нѣкоторый комфортъ сталъ для нихъ по привычкѣ необходимостью, и скорѣе, чѣмъ отказаться отъ него, они станутъ еще болѣе прежняго воздерживать свою способность къ размноженію, такъ что рабочая плата повысится не отъ увеличенія числа умирающихъ, а отъ уменьшенія числа рождающихся. Мы видимъ что въ обоихъ этихъ случаяхъ рабочая плата приходитъ въ соотвѣтствіе съ цѣною хлѣба, но приходитъ только черезъ періодъ времени, почти равняющійся жизни поколѣнія. Рикардо полагаетъ, что подъ эти два случая подводятся всѣ возможные случаи. Онъ принимаетъ, что вездѣ существуетъ наименьшая величина рабочей платы, равняющаяся или самой низкой платѣ, при какой можетъ не вымирать населеніе отъ голода, или самой низкой, при какой соглашается народъ не уменьшаться въ числѣ. Онъ принимаетъ, что общій уровень рабочей платы всегда клонится къ этой наименьшей величинѣ; что оставаться ниже этой величины онъ можетъ только на то время, какое нужно для осуществленія результата, производимаго ослабленіемъ размноженія людей, и выше этого уровня рабочая плата никакъ не можетъ удержаться долго. Такая теорія имѣетъ въ себѣ на столько истины, что можетъ быть принимаема въ соображеніяхъ отвлеченной науки; а выводъ, дѣлаемый Рикардо изъ этой теоріи, тотъ выводъ, что рабочая плата въ разсчетѣ продолжительныхъ періодовъ возвышается и понижается сообразно долговременнымъ измѣненіямъ цѣны пищи,—

это заключеніе, подобно почти всѣмъ заключеніямъ Рикардо, справедливо гипотетически, то есть въ томъ случаѣ, когда существуютъ посылки, изъ которыхъ дѣлается выводъ. Но въ приложеніи въ практикѣ не слѣдуетъ забывать, что можетъ измѣняться самая норма наименьшей величины рабочей платы, въ особенности, если эта норма опредѣлена не физическими, а нравственными потребностями. Если рабочая плата была такъ высока, что могла быть доступна уменьшенію, и если препятствіемъ для уменьшенія была привычка работниковъ къ высокой нормѣ благосостоянія, то возвышеніе цѣны пищи, и всякая другая невыгодная для работниковъ перемѣна обстоятельствъ можетъ произвести двоякій результатъ: она можетъ уравновѣситься повышеніемъ рабочей платы черезъ постепенное дѣйствіе разсчетливой воздержности работниковъ отъ размноженія, или можетъ понизить благосостояніе работниковъ, если ихъ прежнія привычки относительно размноженія окажутся сильнѣе ихъ прежнихъ привычекъ относительно благосостоянія. Въ этомъ случаѣ вредъ, понесенный ими, останется вѣчнымъ; новое положеніе, худшее прежняго, станетъ новою наименьшею величиною рабочей платы, и эта величина будетъ имѣть тенденцію держаться неизмѣнно, какъ прежде имѣла прежняя, не столь скудная наименьшая величина. Къ несчастію, надобно полагать, что этотъ послѣдній результатъ повышенія цѣны пищи бываетъ почти всегдашнимъ, или по крайней мѣрѣ обыкновеннымъ результатомъ, такъ что въ практикѣ не имѣютъ никакой силы всѣ теоріи, говорящія, будто бы бѣдствія, которымъ подвергается рабочій классъ, нецѣляются сами собою. Есть большое число фактовъ, доказывающихъ, что не разъ въ нашей исторіи положеніе земледѣльческихъ работниковъ въ Англіи подвергалось большому постоянному ухудшенію отъ причинъ, результатомъ которыхъ было уменьшеніе запроса на хлѣбъ. Бѣдность, въ которую на много лѣтъ были повергнуты работники, отучила ихъ отъ прежней нормы, и слѣдующее поколѣніе, никогда не знавшее прежняго благосостоянія, стало въ свою очередь размножаться, не дѣлая никакихъ попытокъ возвратить его.

Когда цѣна предметовъ, необходимыхъ работникамъ, понижается земледѣльческими усовершенствованіями, отмѣною хлѣбныхъ законовъ и другими тому подобными причинами; когда работники за прежнюю рабочую плату могутъ получать больше условій благосостоянія, чѣмъ прежде, то происходитъ обратное явленіе. Рабочая плата упадетъ не тотчасъ; она можетъ даже возвыситься; но напослѣдокъ она упадетъ до того, что положеніе работниковъ станетъ не лучше прежняго, если въ продолженіе благопріятнаго времени не возвысится прочнымъ образомъ норма благосостоянія, считаемаго работниками за необходимость для себя. Къ несчастію, никакъ нельзя разсчитывать на это благотворное послѣдствіе. Норма благосостоянія, пользоваться которымъ считаютъ работники дѣломъ болѣе необходимымъ, чѣмъ жениться и имѣть семейство,—эта норма падаетъ легко, но возвышается вовсе не такъ легко. Если работники станутъ только пользоваться большимъ благосостояніемъ, пока оно продолжается, а не привыкнутъ считать его необходимостью, они размножатся до прежней нормы образа жизни. Если прежде они не могли по бѣдности хорошо выкармливать дѣтей, теперь они будутъ выкармливать дѣтей больше прежняго, и когда дѣти выростутъ, то своимъ соперничествомъ понизятъ рабочую плату, понизятъ ее, вѣроятно, на всю ту пропорцію, въ какой удешевилась пища. Если не этимъ, то другими такими же способами, напримѣръ, увеличеніемъ числа бракосочетаній, болѣе раннимъ вступленіемъ въ бракъ или увеличеніемъ числа рождающихся отъ каждаго брака, будетъ произведенъ такой же результатъ. Всѣ факты свидѣтельствуютъ, что за періодами дешевизны пищи и живаго за-

проса на трудъ непремѣнно слѣдуетъ значительное увеличеніе въ количествѣ браковъ. Потому я не могу приписывать отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ ту важность для благосостоянія работниковъ, какая часто ей приписывается; не могу также придавать важности ни одному плану небольшихъ улучшеній въ положеніи работниковъ, ни одному изъ этихъ плановъ, попеременно бывающихъ въ модѣ. Небольшая перемѣна въ положеніи работниковъ не сдѣлаетъ прочнаго измѣненія въ ихъ привычкахъ и требованіяхъ, и скоро они опустятся до своего прежняго положенія. Для произведенія прочнаго улучшенія, временная причина, дѣйствующая на нихъ, должна быть такъ сильна, чтобы значительно измѣнить ихъ положеніе, такъ сильна, чтобы измѣнить его на многіе годы, не смотря на то, что отъ нея же увеличится размноженіе работниковъ въ теченіе всей жизни цѣлаго поколѣнія. Если улучшеніе имѣетъ такую большую силу, если явится поколѣніе, съ дѣтства привыкшее къ улучшенному положенію, то привычки этого новаго поколѣнія относительно размноженія сформируются по высшей нормѣ наименьшей рабочей платы, и положеніе работниковъ улучшится прочнымъ образомъ. Самый замѣчательный примѣръ такого случая представляетъ Франція послѣ революціи. Большинство населенія внезапно перешло отъ нищеты къ независимости и лучшему житейскому положенію; немедленнымъ слѣдствіемъ этого было безпримѣрно быстрое размноженіе населенія, несмотря на истребительныя тогдашнія войны: благодаря улучшенію обстоятельствъ выросло много дѣтей, которыя безъ того умерли бы, да и самое число рожденій увеличилось. Но все-таки новое поколѣніе выросло въ привычкахъ совершенно непохожихъ на прежнія, и хотя никогда не было во Франціи такого благосостоянія, какъ теперь, ежегодное число рождающихся въ ней почти не возростаетъ, а населеніе возростаетъ чрезвычайно медленно.

Итакъ рабочая плата опредѣляется пропорціею между числомъ рабочаго населенія и капиталомъ или другими суммами, назначенными для покупки труда (для краткости будемъ просто говорить: капиталъ). Если въ данное время или въ данномъ мѣстѣ рабочая плата выше, чѣмъ въ другое время или въ другомъ мѣстѣ, и классъ наемныхъ работниковъ пользуется лучшею пищею и большимъ благосостояніемъ, причина этому только то, что капиталъ находится въ большей пропорціи къ населенію. Для рабочаго класса важна не абсолютная величина накопленія или производства, даже не абсолютная величина суммъ, назначенныхъ къ распредѣленію между работниками, а пропорція между этими суммами и числомъ людей, по которому онѣ раздѣляются. Положеніе рабочаго класса можетъ улучшиться не иначе, какъ измѣненіемъ этой пропорціи въ его выгоду, и всякій планъ улучшенія, не основывающійся на этомъ, составляетъ обольщеніе, не могущее дать никакой прочной пользы.

Этотъ взглядъ имѣетъ въ себѣ очень суровую сторону, и рѣдкій изъ континентальныхъ политико-экономовъ имѣетъ мужество держаться его неизмѣнно, какъ держится Милль. Но что жъ дѣлать, когда это такъ? Мы старались доказать, при разборѣ мальтусовой теоремы, что въ каждой странѣ, какъ бы густо ни была она теперь населена, размноженіе могло бы продолжаться въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній со всевозможною быстротою, не понижая уровня благосостоянія, еслибъ онъ зависѣлъ только отъ законовъ природы и естественныхъ средствъ страны. Но когда прибыль и рента отдѣляются отъ рабочей платы, являются, какъ мы показывали въ томъ же этюдѣ, искусственныя задержки надлежащему возростанію продукта, такъ что съ увеличеніемъ числа работниковъ непремѣнно

должна уменьшаться доля, достающаяся каждому работнику: и къ трехчленному дѣленію продукта прилагается въ полной своей силѣ мальтусовъ законъ. Эта система имѣетъ тенденцію отвлекать отъ выгодныхъ для общества производствъ къ убыточнымъ какъ можно большее число рукъ, стремясь оставлять на выгодныя производства какъ можно меньше рукъ (Перев. Милля. Т. I, стр. 59—70 и стр. 142—146 *). Исключеніемъ бываютъ лишь тѣ рѣдкіе случаи, когда, по недостаточности числа работниковъ, сословіе работниковъ пріобрѣтаетъ вліяніе на пропорцію, по какой распредѣляются его труды между выгодными и убыточными занятіями. Это бываетъ лишь въ странахъ, только-что начинающихъ населяться; въ нихъ работникъ, имѣя возможность располагать своею судьбою, вводитъ въ общественную промышленность такой порядокъ, что прежде всего озабочивается она производствомъ предметовъ необходимости, требуемыхъ простолюдинами. Вотъ собственно по этому обстоятельству, по сильному вліянію простонародныхъ надобностей на ходъ общественной промышленности, производство предметовъ необходимости ростетъ въ новыхъ странахъ быстро, и населеніе можетъ въ нихъ размножаться безъ вреда благосостоянію массы. Во всѣхъ другихъ случаяхъ общественная промышленность при трехчленномъ дѣленіи продукта слишкомъ сильно направляется вліяніемъ прибыли и ренты къ производствамъ, убыточнымъ для общества, и части продукта, нужныя для простолюдиновъ, ростутъ слишкомъ медленно. Почему такъ бываетъ, мы отчасти показывали въ этюдѣ о мальтусовой теоремѣ, а полнѣе покажемъ на слѣдующихъ страницахъ этой статьи. При такомъ порядкѣ дѣлъ населеніе дѣйствительно не можетъ быстро возростать безъ вреда благосостоянію массы, и тутъ слова Милля совершенно справедливы. Если размноженіе не сдерживается какими-нибудь средствами, рабочая плата быстро падаетъ до minimum, и дальнѣйшее ея пониженіе задерживается только физическою невозможностью поддерживать жизнь при меньшей величинѣ ея. Постоянно возникающій излишекъ населенія постоянно уносится послѣдствіями матеріальной нужды,—порокомъ и болѣзнью. Поэтому при трехчленной системѣ распредѣленія необходимо прибѣгать искусственныя средства, чтобы отвратить излишекъ размноженія и избавить общество отъ его убійственныхъ послѣдствій. Милль переходитъ къ перечисленію этихъ средствъ.

Если гдѣ нибудь рабочій классъ, не имѣвшій, кромѣ рабочей платы, ни собственности, ни надежды пріобрѣсти ее, удерживался отъ слишкомъ быстраго размноженія, то, по моему мнѣнію, всегда бывала тутъ особенная причина — или фактическое законодательное препятствіе, или какой-нибудь обычай, отъ котораго непреднамѣренно и незамѣтно давалось направленіе образу дѣйствій работниковъ или возбуждался въ нихъ прямой разсчетъ не жениться. Публика мало знаетъ о томъ, что въ очень многихъ европейскихъ странахъ законъ ставитъ прямыя препятствія заключенію непредусмотрительныхъ браковъ. Синьіоръ говоритъ, что въ странахъ, гдѣ законъ признаетъ за бѣдными право на вспоможеніе, „повсюду запрещено вступленіе въ бракъ лицамъ, получающимъ пособіе, и очень рѣдко дозволяется вступать въ бракъ лицамъ, у которыхъ не предполагается средствъ къ независимому существованію“. Такъ въ Норвегіи нельзя

*) Страницы настоящаго тома.

женится, не представивъ священнику удостовѣренія о прочныхъ средствахъ къ существованію, ручающихся за возможность содержать семейство.

Подобныя законодательныя мѣры, запрещающія бракъ, существуютъ во многихъ нѣмецкихъ государствахъ. Особенно поразительно ихъ существованіе въ Швейцаріи, странѣ, гдѣ законодательная власть принадлежитъ самимъ простолюдинамъ.

„Швейцарскій народъ, говоритъ Кэ, очень хорошо знаетъ по опыту, какъ полезно, чтобы молодые люди не спѣшили бракомъ; государственные совѣты 4 или 5 самыхъ демократическихъ кантоновъ постановили законы, по которымъ подвергаются тяжелому штрафу молодые люди, которые женились, не доказавъ начальнику округа, что имѣютъ средства содержать семейство (не забудемъ, что эти совѣты избираются всѣми совершеннолѣтними людьми кантона). Такіе законы давно существуютъ въ Люцернѣ, Аргау, Унтервальденѣ, и, если не ошибаюсь, Санктъ-Галленѣ, Швицѣ и Ури“.

При недостаткѣ подобныхъ законовъ точно такое же вліяніе имѣютъ иногда народные обычаи, — напримѣръ обычай, по которому родители отдаютъ дочь за человѣка лишь тогда, когда онъ обзавелся самостоятельнымъ хозяйствомъ; или обычай, по которому наемные работники и работницы живутъ въ одной квартирѣ съ семействомъ хозяина, такъ что останутся безъ мѣста, если вступятъ въ бракъ: хозяинъ, конечно, не найдетъ удобнымъ, чтобы его семейство стѣснялось присутствіемъ другаго семейства въ томъ же помѣщеніи.

Люди, у которыхъ нѣтъ понятія объ устройствѣ лучшемъ, чѣмъ разсматриваемое нами теперь трехчленное устройство, могутъ очень подробно и глубокомысленно разсматривать сравнительныя выгоды и невыгоды этихъ двухъ системъ задержки размноженію. Мы не обязаны разсуждать о подробностяхъ дѣла, когда самый принципъ его кажется намъ неудовлетворителенъ. Довольно будетъ сказать, что законодательное препятствіе вступленію совершеннолѣтнихъ людей въ бракъ ведетъ только къ замѣнѣ правильныхъ брачныхъ отношеній другими, совершенно такими же по сущности, но отвергаемыми обществомъ за неправильность формы, потому располагающими мужчину къ эгоизму, а женщину обрекающими на безчисленныя лишенія и оскорбленія. Что же касается до обычая, — онъ сила, принадлежащая патріархальному быту и исчезающая съ развитіемъ самостоятельной личности. Потому нигдѣ въ большихъ городахъ онъ не держится, падаетъ и въ деревняхъ съ распространеніемъ новыхъ формъ жизни; въ Англіи, напримѣръ, онъ уже совершенно упалъ даже между земледѣльческими работниками, не говоря уже о другихъ классахъ простолюдиновъ. По этой неудовлетворительности законодательныхъ мѣръ и обычая, вопросъ о размноженіи населенія представляется по господствующей теоріи очень затруднительнымъ. Мы замѣчали, что изъ континентальныхъ политико-экономовъ почти ни у кого не достаетъ характера, чтобы понимать всю суровость представляющейся имъ задачи. Еще менѣе понимается она большинствомъ публики, и Милль говоритъ:

Къ несчастію, люди, разсуждая о подобныхъ предметахъ, руководятся обыкновенно не здравымъ смысломъ, а сантиментальностью; ростетъ сочувствіе къ несчастіямъ бѣдняковъ и готовность признавать ихъ права на помощь со стороны другихъ людей; но

съ тѣмъ вмѣстѣ почти никто не хочетъ прямо взглянуть на истинную причину ихъ тяжелаго положенія, никто не хочетъ сообразить условій, необходимыхъ по законамъ природы для улучшенія ихъ матеріальнаго быта. Никогда и нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не было столько какъ теперь въ Англіи разсужденій о положеній работника, сожалѣній о его бѣдственности, выходокъ противъ людей, кажущихся равнодушными къ нему, разныхъ проэктовъ для его улучшенія; но разсуждающіе какъ будто согласились между собою совершенно не думать о принципѣ, опредѣляющемъ рабочую плату, или мимоходомъ отдѣлываться отъ него какою нибудь фразою, въ родѣ выраженія „безжалостный мальтусіанизмъ“; какъ будто бы не въ тысячу разъ безжалостнѣе бываетъ говорить людямъ, что они могутъ рождать безчисленное множество существъ, навѣрное обреченныхъ нищетѣ.

Пока люди оставались въ полуварварскомъ положеніи, имѣли безпечность дикарей съ неразвитыми потребностями, вѣроятно, было бы вредно сдерживать размноженіе. На этой степени развитія, матеріальная нужда, быть можетъ, служила человѣку необходимымъ возбужденіемъ къ трудолюбію и умственной дѣятельности для совершенія величайшаго изъ всѣхъ историческихъ переворотовъ въ человѣческомъ бытѣ, — переворота, по которому промышленная жизнь восторжествовала надъ охотническою и пастушескою и надъ воинственнымъ или хищническимъ бытомъ. Въ тѣ времена имѣла свою пользу крайняя бѣдность, какъ имѣло свою пользу даже рабство; быть можетъ, и теперь остаются на землѣ такія страны, въ которыхъ она еще не потеряла своей пользы, хотя легко потеряла бы ее при помощи болѣе образованныхъ обществъ. Но въ Европѣ, если когда нибудь существовало, то давно уже прошло время, когда матеріальная нищета могла сколько-нибудь содѣйствовать, чтобы люди трудолюбивѣе работали или цивилизовались. Напротивъ, каждый видитъ, что еслибы положеніе земледѣльческихъ работниковъ улучшилось, они стали бы болѣе усердными работниками и болѣе хорошими гражданами. Теперь я спрашиваю: правда ли, что они стали бы получать болѣе высокую плату, еслибы число ихъ было меньше? Въ этомъ состоитъ вопросъ, и напрасно отвлекать вниманіе отъ него нападеніями на какую нибудь второстепенную мысль Мальтуса или какого-нибудь другаго писателя, и увѣреніями, что опровергнуть эту мысль, значитъ опровергнуть принципъ населенія.

Дѣйствительно, нѣтъ ничего смѣшнѣе опроверженій мальтусовой теоремы у большей части континентальныхъ послѣдователей Адама Смита и у многихъ англійскихъ публицистовъ той же школы. Они обыкновенно основываются на совершенномъ непониманіи смысла мальтусовой теоремы. Вмѣсто того, чтобы дополнить пробѣлы, оставшіеся послѣ изслѣдованій Мальтуса, эти возражатели обыкновенно отвергаютъ и ту часть истины, которая уже обнаружена Мальтусомъ. На этомъ незнаніи основаны разные планы облегчить участь массы наемныхъ работниковъ возвышеніемъ рабочей платы.

Самымъ простымъ средствомъ къ тому представляется—законодательнымъ путемъ опредѣлить minimum рабочей платы, установить для нея таксу, обезпечивающую порядочныя средства къ жизни работниковъ. Противъ этого мнѣнія Милль говоритъ:

Опредѣлить наименьшую величину рабочей платы будетъ безполезно, если не принять мѣръ, чтобы находилась работа, или по крайней мѣрѣ рабочая плата для каждаго требующаго. Это составляетъ необходимую часть плана и принимается многими людьми, несогласными на юридическое или нравственное опредѣленіе наименьшей величины рабочей платы. Въ обществѣ распространено мнѣніе, что на богатыхъ людяхъ

или на государствѣ лежитъ обязанность доставлять занятіе всѣмъ бѣднымъ. Если нравственное вліяніе общественнаго мнѣнія не заставляетъ богатыхъ ограничивать своэ потребленіе на столько, чтобы дать всѣмъ бѣднымъ работу за „удовлетворительную плату“, то вмѣняется въ обязанность государству установлять для этой цѣли налоги по округамъ или по всему государству. Этимъ способомъ предполагаютъ измѣнить пропорцію между трудомъ и фондомъ рабочей платы въ выгоду работниковъ, не черезъ задержку размноженія, а черезъ увеличеніе капитала.

Если бы это требованіе отъ общества могло быть ограничено нынѣшнимъ поколѣніемъ; если бы нужно было только обязательное накопленіе, достаточное на снабженіе существующаго числа людей постоянною работою за хорошую плату, то никто не былъ бы такимъ ревностнымъ поборникомъ этого предложенія, какъ я. Общество состоитъ главнымъ образомъ изъ людей, живущихъ физическимъ трудомъ; и если общество, т. е., если работники ограждаютъ своею физическою силою безопасность людей, пользующихся излишествомъ, то они имѣютъ право ограждать ихъ только подъ условіемъ облагать этотъ излишекъ налогами для общественной пользы, и огражденіе всегда давалось только подъ этимъ условіемъ; а изъ предметовъ общественной пользы самый первый— продовольствованіе народа. Никто не отвѣчаетъ за то, что онъ родился; потому нѣтъ такой денежной жертвы, которую люди, имѣющіе излишекъ, не были бы обязаны сдѣлать для доставленія довольства каждому изъ людей, уже родившихся на свѣтъ.

Но совершенно иное дѣло, когда требуютъ, чтобы люди, которые произвели и накопили капиталъ, воздерживались отъ потребленія, пока снабдятъ пищею и одеждою не только всѣхъ, существующихъ нынѣ людей, а также и всѣхъ, которымъ эти люди или ихъ потомки, заблагоразсудятъ дать жизнь. Принятіе и исполненіе такого обязательства, уничтожило бы всѣ положительныя и предупредительныя задержки размноженію; населеніе стало бы безпрепятственно размножаться со всею возможною быстротою; а естественное возрастаніе капитала было бы никакъ не быстрѣе прежняго; потому для покрытія возрастающаго дефицита, налогъ сталъ бы возрастать въ той же гигантской пропорціи, какъ населеніе. Конечно, общество стало бы пытаться требовать труда взамѣнъ вспоможенію. Но опытъ показалъ, какой работы слѣдуетъ ожидать отъ людей, содержимыхъ общественною благотворительностью. Когда не плата дается за работу, а работа пріискивается для платы, неуспѣшность работы — дѣло извѣстное. Заставить дѣйствительно трудиться работниковъ, которымъ нельзя отказать въ работѣ— этого можно достичь только бичемъ. Конечно, есть способъ устранить это возраженіе. Фондъ, собираемый налогомъ, можно вообще раздѣлять по всему рабочему рынку, не давая ни одному незанятому работнику права требовать вспоможенія въ какомъ-нибудь особенномъ мѣстѣ, у особеннаго чиновника, — кажется, такъ и предполагали сдѣлать французскіе приверженцы „права на работу“ (droit au travail). Тогда осталась бы возможность отказывать въ работѣ отдѣльнымъ работникамъ; правительство только стало бы создавать добавочную работу, въ случаѣ недостатка работы, предоставляя себѣ выборъ работниковъ, какъ имѣютъ его другіе хозяева. Но какъ бы успѣшно ни работало возрастающее населеніе, оно не могло бы увеличивать продукта пропорціонально своему размноженію, — мы говорили объ этомъ много разъ; излишекъ, остающійся за прокормленіемъ всѣхъ членовъ общества, составлялъ бы все меньшую и меньшую пропорцію сравнительно съ цѣлымъ продуктомъ и населеніемъ; при размноженіи народа по постоянной прогрессіи и возрастаніи продукта по уменьшающейся прогрессіи, былъ бы современемъ поглощенъ весь излишекъ, налогъ на содержаніе бѣдныхъ поглотилъ бы

весь доходъ страны; лица, платящія налогъ, и содержимыя на него слились бы въ одну массу. Тогда уже нельзя было бы отстрочить дѣйствія задержки размноженію; смерть или благоразуміе должны были бы вдругъ начать задерживать его, а между тѣмъ, въ предъидущій періодъ погибло бы все, чѣмъ человѣческій родъ возвышается надъ обществомъ муравьевъ или бобровъ.

Эти результаты были столько разъ и такъ ясно высказываемы знаменитыми писателями въ общеизвѣстныхъ и общедоступныхъ книгахъ, что незнаніе ихъ непростительно образованнымъ людямъ. Еще безчестнѣе человѣку, берущему на себя претензію учить общество, игнорировать эти доводы, проходить ихъ молчаніемъ и разсуждать или декламировать о налогѣ въ пользу бѣдныхъ такъ, какъ будто эти доводы не то что могутъ быть опровергнуты, но какъ будто они вовсе не существуютъ.

Каждый имѣетъ право жить. Это мы предполагаемъ безспорно. Но никто не имѣетъ права давать жизнь существамъ, которыхъ обязаны будутъ содержать другіе люди. Кто хочетъ настаивать на первомъ изъ этихъ правъ, долженъ отказаться отъ всякой претензіи на второе. Если человѣкъ не можетъ содержать даже самого себя, безъ помощи другихъ, эти другіе имѣютъ право сказать, что не берутъ на себя обязанности содержать всѣхъ дѣтей, произвести которыхъ на свѣтъ имѣетъ онъ физическую способность. А между тѣмъ, есть множество писателей и ораторовъ, и въ томъ числѣ людей съ самыми хвастливыми претензіями на возвышенность чувствъ, — множество писателей и ораторовъ, которые имѣютъ на жизнь такой животный взглядъ, что называютъ жестокосердіемъ мѣшать нищимъ рождать наслѣдственныхъ нищихъ въ самомъ уоркгаузѣ. Потомство нѣкогда съ изумленіемъ станетъ спрашивать, что это былъ за народъ, въ которомъ такіе проповѣдники могли находить прозелитовъ?

Государство могло бы гарантировать работу съ хорошею платою всѣмъ уже родившимся на свѣтъ. Но если оно сдѣлаетъ это, оно для самоохраненія и по требованію всѣхъ цѣлей, для которыхъ существуетъ правительство, должно принять мѣры, чтобы не родился ни одинъ человѣкъ безъ его согласія. При отстраненіи обыкновенныхъ естественныхъ побужденій къ самообладанію, на мѣсто ихъ надобно поставить другія побужденія. Необходимы будутъ ограниченія права вступать въ бракъ, не менѣе строгія, чѣмъ существующія въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ, или строгія наказанія людямъ, которые рождаютъ дѣтей, не будучи въ состояніи содержать ихъ. Общество можетъ кормить нуждающихся, если беретъ подъ свой контроль ихъ размноженіе, или, будучи лишено всякаго нравственнаго чувства къ несчастнымъ дѣтямъ, можетъ оставить размноженіе на произволъ нуждающихся, оставляя ихъ самихъ безъ помощи. Но оно не можетъ безнаказанно принять на себя прокормленіе нуждающихся, оставляя имъ свободу размножаться.

Щедро давать вспоможеніе народу подъ именемъ благотворительности или работы— значитъ расточать средства благотворительности, не достигая цѣли, если народъ вмѣстѣ съ этимъ не окружается вліяніями, сообщающими силу побужденіямъ къ воздержности. Оставьте народъ въ такомъ положеніи, чтобы его благосостояніе явнымъ образомъ зависѣло отъ числа людей, — въ этомъ случаѣ принесетъ наибольшую прочную пользу, всякое пожертвованіе, дѣлаемое съ цѣлью улучшить матеріальное благосостояніе нынѣшняго поколѣнія, и возвысить чрезъ это привычки подростающаго поколѣнія. Но если вы устраните зависимость рабочей платы отъ числа людей, если закономъ или общественнымъ мнѣніемъ обезпечите людямъ извѣстную плату, то какое бы ни дали вы благосостояніе людямъ, они и ихъ дѣти не поймутъ, что собственная воздержность должна

служить истиннымъ средствомъ поддержать это благосостояніе; они только будутъ съ ожесточеніемъ требовать, чтобы вы продолжали обезпечивать судьбу ихъ и всего потомства, какое могутъ они имѣть.

Въ примѣненіи къ системѣ трехчленнаго распредѣленія продукта, это возраженіе совершенно достаточно. Если изъ писателей, предлагавшихъ когда нибудь установить „право на работу“ или возложить на общество обязанность снабжать работою каждаго желающаго и способнаго работать, кто нибудь останавливался мыслью на системѣ трехчленнаго дѣленія продукта, какъ на окончательной формѣ экономическаго устройства, тотъ дѣйствительно говорилъ несообразность, когда вмѣстѣ съ этою обязанностью давать работу, не возлагалъ на общество и обязанность сдерживать размноженіе какими нибудь принудительными средствами. Мы видимъ на фактѣ, что во всѣхъ старыхъ странахъ населеніе уже размножилось до крайняго предѣла, допускаемаго системою трехчленнаго дѣленія продукта, и степень благосостоянія массы при этой системѣ дѣйствительно зависитъ отъ медленности размноженія. Другое дѣло было бы при системѣ, допускающей націю вполнѣ пользоваться естественными средствами страны: въ разборѣ мальтусовой теоремы мы видѣли, что при нынѣшнемъ состояніи техническихъ знаній, страны, имѣющія нынѣ самое густое населеніе, могли бы производить продовольствіе для населенія въ 8 разъ большаго, чѣмъ нынѣшнее, и производить этотъ продуктъ пропорціею труда не большею, а меньшею нынѣшней, то есть не съ обремененіемъ, а съ облегченіемъ быта массы. А при наибольшей физіологически возможной быстротѣ размноженія три періода удвоенія *) не могли бы занять собою меньше цѣлаго столѣтія времени **); а въ это время техническія знанія, конечно, успѣютъ двинуться впередъ, и развитіемъ ихъ срокъ снова удлиняется. Такимъ образомъ, мы тутъ имѣемъ очень продолжительную перспективу отсутствія надобности сдерживать размноженіе, и можемъ предоставить эту заботу нашимъ отдаленнымъ потомкамъ, нравы которыхъ, вѣроятно, не будутъ сходны съ нашими, такъ что еще неизвѣстно, о чемъ придется заботиться этимъ отдаленнымъ потомкамъ: о томъ ли, чтобы населеніе въ ихъ время не размножалось, или о томъ, чтобы оно хотя не уменьшалось. Мы держимся такого взгляда. Но, вѣдь, онъ основанъ на предположеніи устройства, допускающаго націю извлекать полную выгоду изъ естественныхъ средствъ страны. При системѣ трехчленнаго дѣленія, отвлекающей трудъ отъ выгодныхъ занятій къ убыточнымъ, — это невозможно. При ней нѣтъ вѣковой отсрочки времени, когда страна будетъ чувствовать излишекъ населенія, при ней каждая страна уже имѣетъ излишекъ населенія, какъ скоро перестала быть пустыней. При ней, дѣйствительно, существуетъ для каждой европейской націи дилемма: или общество не можетъ обезпечивать работу каждому желающему работать, или принуждено принимать мѣры противъ размноженія.

Но это — все-таки дилемма, то есть возможность выбора между двумя

*) Нужные для того, чтобы населеніе увеличилось въ 8 разъ.

**) Безъ эмиграціи; а съ эмиграціею срокъ этотъ удлиняется на нѣсколько вѣковъ.

рѣшеніями, а не неизбѣжность только одного единственнаго рѣшенія, какъ утверждаютъ послѣдователи рутинныхъ понятій, увѣряющіе, что „право на трудъ“—утопія. Еслибъ мы были приверженцами стѣсненія, мы безъ всякаго неудовольствія провозглашали бы „право на работу“ идеально хорошимъ рѣшеніемъ соціальнаго вопроса. Если бы мы признавали окончательною формою экономическаго быта систему трехчленнаго дѣленія продукта, мы сказали бы: „право на работу соединено съ условіями, непріятными для нашихъ понятій о свободѣ личности, но все-таки оно — лучшее изъ всѣхъ возможныхъ рѣшеній соціальнаго вопроса“,—какъ и говоритъ Милль на страницахъ, отрывки изъ которыхъ мы приведемъ ниже. Но, не будучи ни приверженцами стѣсненій, ни приверженцами теоріи, не умѣющей выбиться изъ системы трехчленнаго дѣленія, мы думаемъ, что соціальный вопросъ находитъ себѣ рѣшеніе, несравненно лучшее, чѣмъ простое „право на работу“, провозглашенное людьми, которые не имѣли рѣшимости идти до конца, но не имѣли бездушнаго тупоумія говорить, что общество ничего не можетъ сдѣлать въ пользу массы.

Простое „право на работу“, не сопровождаемое мѣрами къ возвышенію общества изъ системы трехчленнаго дѣленія къ болѣе выгодному устройству,—дурно тѣмъ, что требуетъ подвергать нѣкоторую часть работниковъ нѣкоторому стѣсненію. Оно неудовлетворительно и тѣмъ, что обезпечиваетъ степень благосостоянія гораздо низшую, чѣмъ какая возможна при лучшемъ рѣшеніи вопроса. Но должно сказать, что извѣстную степень благосостоянія оно дѣйствительно обезпечиваетъ работникамъ. Совершенно иное значеніе имѣютъ другіе планы облегченія участи работниковъ,—планы, основанные не на половинчатомъ признаніи вѣрнаго принципа, который гораздо лучше уже признавать вполнѣ, а на незнаніи законовъ, управляющихъ рабочею платою при системѣ трехчленнаго дѣленія.

Общій характеръ этихъ плановъ тотъ, чтобы общество, оставляя работника добывать наймомъ работу, давало ему въ той или другой формѣ прибавку къ платѣ, какую получаетъ онъ за свой трудъ подъ вліяніемъ соперничества. Изъ разныхъ формъ, какія придумывались въ этомъ родѣ, для насъ интересна система, которая въ Англіи извѣстна подъ именемъ участковой системы, Allotment System, и которую на этотъ разъ мы оставимъ подъ англійскимъ названіемъ, не пріискивая соотвѣтствующаго русскаго имени. Она состоитъ въ томъ, чтобы давать работнику небольшой участокъ земли, недостаточный для полнаго его обезпеченія, такъ чтобы онъ имѣлъ нужду наниматься въ работу. Вотъ что говоритъ объ этомъ Милль:

Поправлять недостаточность рабочей платы средствами, дающими чистую прибавку къ валовому продукту страны, конечно, не то, что покрывать этотъ недостатокъ суммами, собираемыми посредствомъ налоговъ. Помогать работнику черезъ посредство его собственнаго труда, конечно, не то, что давать ему пособіе способомъ, развивающимъ въ немъ беззаботность и праздность. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ участковая система имѣетъ безспорное преимущество надъ системою прибавочнаго пособія отъ прихода. Но я не вижу причинъ думать, чтобы двѣ эти системы существенно разнились по своему вліянію на рабочую плату и на размноженіе. Всѣ пособія, пополняющія рабочую плату, даютъ работнику возможность брать меньше вознагражденія и потому въ окончатель-

номъ результатѣ понижаютъ цѣну труда на всю ту сумму, какую получаетъ работникъ изъ этихъ источниковъ. Иначе можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если измѣняются понятія и потребности рабочаго класса, если удовлетвореніе своимъ инстинктамъ начинаетъ считать онъ дѣломъ, менѣе важнымъ для себя, чѣмъ увеличеніе житейскаго благосостоянія своего и своихъ близкихъ. Мнѣ кажется, нельзя ожидать, чтобы такую перемѣну въ характерѣ работниковъ, могла произвести участковая система. „Владѣніе землею дѣлаетъ работника предусмотрительнымъ“, говорятъ намъ на это нѣкоторые писатели. Правда, есть много свидѣтельствъ о томъ, что полученіе участковъ имѣло полезное вліяніе на характеръ и состояніе работниковъ. Я не оспариваю достовѣрности этихъ свидѣтельствъ. Таковъ и долженъ быть результатъ, пока лишь немногіе работники имѣютъ участки, пока это люди привилегированнаго класса, стоящіе выше общаго уровня и не желающіе упасть до него. Притомъ же, это всегда бывали съ самаго начала люди отборные, взятые изъ самыхъ лучшихъ людей между работниками. (Это преимущество соединено однако же съ тою невыгодою, что тутъ облегчается женитьба и рожденіе дѣтей именно для тѣхъ, которые были бы всего готовѣе удерживаться отъ размноженія благоразуміемъ). Но по своему вліянію на состояніе всего рабочаго класса, эта система кажется мнѣ или пустою или вредною. Если участки даются лишь немногимъ работникамъ, они естественно даются тѣмъ, которые лучше другихъ жили бы и безъ участковъ, и цѣлому сословію нѣтъ никакой пользы. А если бы система обобщилась, и каждый или почти каждый работникъ имѣлъ участокъ, результатъ, по моему мнѣнію, былъ бы тотъ же самый, какъ если бы каждый или почти каждый работникъ получалъ пособіе въ пополненіе рабочей платы. Если бы въ концѣ прошлаго вѣка, вмѣсто системы пособій была принята по всей Англіи участковая система, то несомнѣнно, что она точно также уничтожила бы прежнія задержки размноженію, что населеніе стало бы размножаться точно съ такою быстротою, и черезъ 20 лѣтъ рабочая плата вмѣстѣ съ участкомъ точно такъ же не превышала бы прежней платы безъ всякаго участка, какъ рабочая плата съ прибавочнымъ пособіемъ не превышала прежней платы безъ пособія. На сторонѣ участковой системы, было бы одно то преимущество, что по ней самъ народъ вырабатывалъ бы пособіе себѣ.

Я готовъ совершенно согласиться въ томъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ рабочая плата не понижается, а возвышается, если масса работниковъ имѣетъ землю даже и не въ собственности, а въ наймѣ за умѣренную ренту. Но обстоятельства эти состоятъ въ томъ, когда земля дѣлаетъ работниковъ независимыми отъ наемной работы въ полученіи средствъ пропитанія. Положеніе народа, живущаго рабочею платою и получающаго отъ земли только прибавочный доходъ, совершенно не таково, какъ положеніе народа, который можетъ въ случаѣ необходимости жить однимъ продуктомъ своей земли и нанимается въ работу лишь для увеличенія своего благосостоянія. Рабочая плата едва ли можетъ не быть высокой тамъ, гдѣ никто не принужденъ крайностью продавать свой трудъ. „Люди, имѣющіе собственность, на которой могутъ работать, не станутъ продавать свой трудъ за такую плату, которая не дастъ имъ пищи лучше картофеля и маиса, хотя бы по бережливости они питались преимущественно картофелемъ и маисомъ. Путешествуя по континенту, мы часто удивляемся тому, какъ высока тамъ рабочая плата, сравнительно съ изобиліемъ и дешевизною пищи. Это оттого, что на континентѣ много мѣстностей, въ которыхъ масса народа владѣетъ землею; тамъ нѣтъ необходимости или расположенія работать по найму, потому наемный трудъ рѣдокъ и сравнительно съ цѣною продовольствія дорогъ“ (Notes of a Traveller, стр. 256).

Есть на континентѣ такія мѣста, гдѣ даже между горожанами, почти ни у одного средства къ жизни не ограничены исключительно тою профессіею, которой онъ занимается въ особенности; только этимъ объясняется высота платы, какой требуютъ они за свой трудъ, и равнодушіе ихъ къ тому, имѣютъ ли они работу по найму. Но совершенно не таковъ былъ бы результатъ, если бы земля и другіе источники ихъ пропитанія, давали бы имъ лишь часть пропитанія, не уменьшая для нихъ необходимости продавать свой трудъ за плату на переполненномъ рынкѣ. Тогда ихъ земля лишь давала бы имъ возможность брать меньшую плату и болѣе нынѣшняго размножаться, отдаляя предѣлъ наименьшей рабочей платы, ниже котораго они не могли бы или не захотѣли бы спуститься.

Показавъ ничтожность этой палліативной мѣры, Милль переходитъ къ средству, которое считаетъ наилучшимъ. Прочнымъ образомъ судьба работниковъ можетъ улучшиться только при измѣненіи нравовъ ихъ, говоритъ онъ:

Ни одно изъ тѣхъ средствъ, которыя не дѣйствуютъ на понятія и привычки народа и не дѣйствуютъ черезъ посредство ихъ, не имѣетъ ни малѣйшей вѣроятности успѣха повысить рабочую плату. Когда понятія и привычки остаются безъ перемѣны, даже тѣ способы временно улучшить положеніе бѣднѣйшихъ людей, которые были бы успѣшны, только ослабили бы узы, которыми прежде сдерживалось размноженіе; потому они имѣли бы прочное дѣйствіе лишь въ томъ случаѣ, если бы возбуждающимъ тяготѣніемъ налога капиталъ былъ принужденъ возрастать столь же быстро, какъ населеніе. Но этотъ процессъ не могъ бы длиться много времени, а его остановка оставила бы страну съ увеличеннымъ числомъ бѣднѣйшаго класса и съ уменьшенною пропорціею всѣхъ сословій, кромѣ бѣднѣйшаго;—если бы онъ продолжался до крайности, не осталось бы никого, кромѣ бѣднѣйшихъ людей.

Совершенная правда. Но нравы и привычки людей какого бы то ни было названія,—работниковъ ли, купцовъ ли, китайцевъ ли, англичанъ ли, все равно,—не могутъ же улучшиться иначе, какъ отъ перемѣны обстоятельствъ, которая порождала бы такое улучшеніе. Вѣдь безъ причины ничего не бываетъ. Если человѣкъ держитъ себя неблагоразумно или дурно, на это есть причины; отстраните ихъ, онъ измѣнится къ лучшему; а безъ того ждать, чтобы онъ измѣнился, значитъ убаюкивать себя наивною иллюзіею, совершенно непристойною для положительной науки. Милль разсуждаетъ объ этомъ очень странно,—на половину говоритъ очень справедливыя вещи, а на половину поддается рутиннымъ иллюзіямъ. Если бы, говоритъ онъ, не было возможности устроиться дѣлу такъ, чтобы наемные работники получали хорошую плату, политическая экономія была бы очень печальною наукою.

Но такое воззрѣніе на человѣческія дѣла неосновательно. Подобно почти всѣмъ другимъ бѣдствіямъ, бѣдность существуетъ потому, что люди безъ должной разсудительности слѣдуютъ своимъ животнымъ инстинктамъ. Но общество именно потому и возможно, что человѣкъ можетъ не оставаться животнымъ. Цивилизація во всѣхъ своихъ сторонахъ—борьба противъ животныхъ инстинктовъ. Она доказала, что человѣкъ можетъ пріобрѣтать достаточную власть даже надъ такими инстинктами, которые принадлежатъ къ числу сильнѣйшихъ. Своимъ искусственнымъ вліяніемъ она такъ преобразовала значительныя массы человѣческаго рода, что едва остается въ нихъ слѣдъ или воспоминаніе многихъ изъ самыхъ естественнѣйшихъ наклонностей.

Тутъ Милль указываетъ предразсудки, поддерживающіе вредную безпечность въ людяхъ. Такъ, предразсудки вредны, но объяснять серьезныя вещи одними ими очень недостаточно. Противъ очевидной выгоды предразсудокъ не можетъ долго держаться; если онъ держится, значитъ онъ поддерживается какими нибудь эгоистическими разсчетами. Размноженіе вредно для массы при нынѣшнемъ устройствѣ; но не приноситъ ли оно выгоды кому нибудь? Низкость рабочей платы, происходящая отъ излишества въ населеніи, непріятна для работниковъ; но нѣтъ ли въ обществѣ такихъ членовъ, которымъ она пріятна? На это отвѣчаетъ самъ Милль:

Можно усомниться въ томъ, существовало ли когда нибудь въ какомъ нибудь классѣ общества, кромѣ бѣднѣйшаго сословія, искреннее и серьезное желаніе, чтобы рабочая была плата высока. Другіе классы всегда очень сильно желали, чтобы налогъ въ пользу бѣдныхъ былъ невеликъ. Но затѣмъ они очень усердно желали, чтобы рабочіе классы были бѣдны. Изъ тѣхъ людей, которые сами не работники, почти каждый нанимаетъ работниковъ и не станетъ горевать, что они продаютъ свой трудъ дешево.

Этого довольно. При трехчленной системѣ, общество дѣлится на два сословія, интересы которыхъ оказываются прямо противоположными по вопросу о рабочей платѣ. Классъ, которому выгодна низкость ея, управляетъ ходомъ экономическихъ дѣлъ; теперь явна причина, по которой и рабочая плата низка, и размноженіе чрезмѣрно; причина эта—трехчленное дѣленіе продукта, раздѣльность рабочей платы отъ прибыли, то, что одинъ человѣкъ нанимается, а другой нанимаетъ въ работу. Но Милль, забывая обстоятельство, которое самъ выставилъ на видъ, ждетъ, что какими-то судьбами можетъ распространиться въ сословіи наемныхъ работниковъ рѣшимость не размножаться, что эта рѣшимость будетъ создана силою убѣжденія въ томъ, что человѣкъ, производящій на свѣтъ дѣтей, судьбу которыхъ не въ состояніи обезпечить, поступаетъ дурно. Хорошо; но развѣ нѣтъ множества вещей, которыя считаются за дурныя каждымъ ихъ совершающимъ и отъ которыхъ однакоже не удерживается почти никто изъ людей, находящихся въ извѣстномъ положеніи. Напримѣръ, въ какомъ классѣ общества не убѣждены рѣшительно всѣ, что пьянство—дѣло убыточное и дурное? Но развѣ мѣшаетъ такое общее убѣжденіе владычеству пьянства въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ обстоятельства благопріятны развитію этого порока? Дѣло въ томъ, что мысль сама по себѣ слишкомъ слаба передъ тяготѣніемъ дѣйствительности, убѣжденіе въ огромномъ большинствѣ людей оказывается безсильно передъ житейскими надобностями. Потому всѣ внушенія о воздержности останутся напрасны относительно огромнаго большинства людей. Нужны средства болѣе дѣйствительныя, чтобы люди въ жизни стали соблюдать правило, рекомендуемое для нихъ теоріею о вредѣ излишняго размноженія. Милль самъ чувствуетъ это, и пріискиваетъ доводы, которыми оправдывалась бы его надежда на благотворное вліяніе мысли о вредѣ излишняго размноженія, въ случаѣ принятія этой мысли большинствомъ. Онъ говоритъ:

Не надобно забывать, что если распространится мнѣніе, о которомъ мы говоримъ, то оно будетъ имѣть сильныхъ помощницъ въ огромномъ большинствѣ женщинъ. Многочисленность дѣтей никогда не бываетъ слѣдствіемъ желанія жены, на которой, кромѣ

физическихъ страданій, лежатъ всѣ невыносимыя домашнія хлопоты, происходящія отъ слишкомъ большаго числа дѣтей, и которая не меньше, если не больше, мужа терпитъ отъ бѣдности. Избавиться отъ этого положенія показалось бы счастіемъ для множества женщинъ, которыя теперь никакъ не отваживаются предъявить этого требованія, но предъявили бы его, если бы нашли опору въ нравственныхъ мнѣніяхъ общества.

Если бы утвердилось въ рабочемъ классѣ мнѣніе, что для благосостоянія работниковъ нужно извѣстное ограниченіе числа ихъ дѣтей, то работники солиднаго и почтеннаго характера будутъ поступать сообразно этому требованію, а нарушать его станутъ лишь тѣ, которые вообще не уважаютъ общественныхъ обязанностей. Тогда очевиднымъ образомъ можно будетъ оправдать обращеніе въ законную обязанность нравственной обязанности, не производить на свѣтъ дѣтей, которыя были бы обремененіемъ для общества. Мы имѣемъ много такихъ случаевъ, когда, благодаря общественному мнѣнію, подъ конецъ возлагаются закономъ на упорное меньшинство такія обязанности, которыя для общей пользы должны соблюдаться всѣми, и которыя огромное большинство добровольно приняло на себя по убѣжденію въ ихъ пользѣ. Но законодательныхъ постановленій не понадобится, если женщинамъ даны будутъ равныя съ мужчинами гражданскія права, которыя несомнѣннѣйшимъ образомъ и должны быть даны имъ. Пусть обычай перестанетъ дѣлать для женщинъ единственнымъ средствомъ для жизни и единственнымъ источникомъ вліянія одну физическую функцію, и женщины получатъ тогда въ вопросахъ объ этой функціи равный съ мужчинами голосъ, котораго никогда не имѣли. Изъ всѣхъ полезныхъ реформъ, какія можемъ мы теперь предусматривать въ будущемъ, эту реформу надобно считать самою обильнѣйшею всевозможными полезными послѣдствіями для людей въ нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ.

Теперь намъ надобно разсмотрѣть, существуетъ ли надежда, чтобы распространились между рабочими классами убѣжденія и правила, основанныя на законѣ зависимости рабочей платы отъ количества населенія, и какими средствами могутъ быть распространены эти убѣжденія и правила. Конечно, многіе прямо готовы сказать, не разбирая дѣла, что надѣяться на это—нелѣпо; и прежде, чѣмъ излагать основанія надежды, я замѣчу, что если нельзя удовлетворительно отвѣчать на предложенные мною вопросы, то безвозвратно осуждено господствующее въ Англіи экономическое устройство, по которому весь рабочій классъ общества живетъ платою за свою работу, исполняемую по найму,—это устройство, которое многіе писатели считаютъ nec plus ultra цивилизаціи. Мы теперь разсматриваемъ, слѣдуетъ ли считать неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого устройства чрезмѣрное размноженіе и низкое положеніе рабочаго класса. Если размноженіе не можетъ сдерживаться въ разумныхъ границахъ при системѣ наемнаго труда, то система эта гибельна, и главною цѣлью экономической политики должно быть то, чтобы какими бы то ни было преобразованіями собственности и перемѣнами способовъ производства подвергнуть работниковъ вліянію сильнѣйшихъ и простѣйшихъ побужденій, сохранять въ размноженіи разсудительность, которая не дается системою наемнаго труда.

Первая половина этого соображенія совершенно справедлива: когда голосъ женщинъ будетъ участвовать въ составленіи общественнаго мнѣнія, національныхъ правовъ и учрежденій наравнѣ съ голосомъ мужчинъ, вопросъ о размноженіи, конечно, станетъ въ удовлетворительное положеніе. Но само признаніе правъ женщины обусловливается высокимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ массы, то есть высокимъ благосостояніемъ

массы, потому что безъ благосостоянія ни умъ, ни нравственность не могутъ развиваться. Слѣдовательно, ходъ благотворной перемѣны не можетъ совершиться иначе, какъ въ порядкѣ противоположномъ тому, какой, повидимому, предполагается здѣсь Миллемъ. Благосостояніе массы должно возвыситься прежде чѣмъ будутъ признаны права женщины; когда права женщины будутъ признаны, ея интересы оградятъ общество отъ чрезмѣрнаго размноженія; натуральное приведеніе животной способности размноженія въ границы, требуемыя общественнымъ благосостояніемъ, является уже какъ послѣдній результатъ общественнаго благосостоянія, которое должно искать другихъ источниковъ для своего возникновенія.

Милль какъ будто думаетъ иначе. Онъ спрашиваетъ, совмѣстна ли съ бытомъ класса наемныхъ работниковъ воздержность въ размноженіи, отъ которой должна произойти, по его мнѣнію, высокость рабочей платы и благосостоятельность работниковъ. Онъ даже отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Наемные работники могутъ понять, что величина рабочей платы обусловливается пропорціею между капиталомъ и населеніемъ, и понявъ это, они могутъ воздержаться отъ размноженія. Подобнымъ образомъ рѣшаютъ вопросъ и всѣ рутинные политико-экономы. Но вслѣдъ затѣмъ, Милль какъ будто понимаетъ, что такой отвѣтъ слишкомъ наивенъ. Онъ сознается, что огромное большинство наемныхъ работниковъ до сихъ поръ остается неспособно понять и сохранить принципъ воздержности, и приписываетъ это двумъ обстоятельствамъ: невѣжеству и нищетѣ. Чтобы достичь цѣли, нужно, по его мнѣнію, отстранить эти препятствія.

Такимъ образомъ для измѣненія привычекъ работниковъ нужно дѣйствовать вмѣстѣ и на ихъ умъ и на ихъ матеріальное положеніе. Первая необходимость заключается въ общенародномъ серьезномъ воспитаніи дѣтей работниковъ: вмѣстѣ съ тѣмъ необходима система мѣръ для истребленія крайней бѣдности на цѣлое поколѣніе.

Рутинные политико-экономы обыкновенно удовлетворяются рекомендаціею перваго средства: „просвѣщайте народъ, больше ничего не нужно“, говорятъ они. Милль справедливо находитъ, что заботиться объ одномъ этомъ значитъ напрасно тратить слова.

Воспитаніе, направленное къ развитію здраваго смысла въ народѣ и къ доставленію ему тѣхъ знаній, которыя нужны людямъ, чтобы судить о своихъ поступкахъ,— такое воспитаніе навѣрное возбудитъ общественное мнѣніе къ порицанію невоздержности и непредусмотрительности всякаго рода, хотя бы и не внушало прямо такихъ мнѣній; непредусмотрительность, переполняющая трудовой рынокъ, подверглась бы тогда строгому осужденію, какъ вредная общему благу. Мнѣ кажется, что если образуется такое мнѣніе, то несомнѣнно оно уже будетъ достаточнымъ, чтобы сдерживать размноженіе въ надлежащихъ границахъ; но самое образованіе такого мнѣнія не слѣдуетъ предоставлять только воспитанію. Воспитаніе несовмѣстно съ крайнею бѣдностію. Невозможно серьезнымъ образомъ учить нуждающееся населеніе. Трудно сдѣлать, чтобы стали чувствовать цѣну благосостоянія люди, никогда имъ не пользовавшіеся, понимать бѣдственность необезпеченной жизни люди, ставшіе безпечными отъ привычки жить со дня на день. Отдѣльные люди часто выбиваются изъ бѣдности въ благосостояніе; но отъ цѣлаго народа можно ждать лишь того, чтобы онъ умѣлъ сохранить благосостояніе. Улучшить привычки и возвысить потребности массы чернорабочихъ поденщиковъ будетъ дѣломъ

труднымъ и медленнымъ, если не придумать средствъ къ тому, чтобы возвысить весь классъ ихъ до порядочнаго благосостоянія и удержать въ немъ до той поры, пока выростетъ новое поколѣніе.

Разумѣется, это правда: но какими же средствами можно дать массѣ наемныхъ работниковъ благосостояніе, безъ котораго не можетъ она просвѣтиться? Милль рекомендуетъ два средства: быстрое веденіе колонизаціи въ обширномъ размѣрѣ правительственными средствами, такъ чтобы вдругъ удалить изъ страны значительную часть рабочаго населенія, и раздачу невоздѣланныхъ общинныхъ земель наемнымъ работникамъ, съ выдачею имъ (изъ общественныхъ суммъ) пособія на обзаведеніе хозяйствомъ. При этомъ онъ справедливо замѣчаетъ:

Но ни то, ни другое средство, ни оба они вмѣстѣ не принесутъ большаго облегченія рабочему классу, если не будутъ исполняться въ такомъ размѣрѣ, чтобы вся масса земледѣльческихъ наемныхъ работниковъ, остающаяся на родинѣ, получила не только занятіе, но и большую прибавку къ нынѣшней рабочей платѣ,—такую прибавку, чтобы стала она жить и воспитала дѣтей въ благосостояніи и независимости, которыя до сихъ поръ оставались чужды ей. Когда наша цѣль — прочное улучшеніе народнаго быта, то мелкія мѣры не производятъ даже и мелкихъ результатовъ, а вовсе не производятъ никакого результата. Если благосостояніе не будетъ сдѣлано столь же привычнымъ цѣлому поколѣнію, какъ привычна теперь нужда, то не будетъ сдѣлано нами ровно ничего; слабыми полумѣрами только расточаются средства, которыя гораздо лучше беречь до той поры, пока прогрессъ общественнаго мнѣнія и воспитанія создастъ государственныхъ людей, которые не будутъ холодными къ плану реформы лишь за то, что онъ обѣщаетъ быть очень полезнымъ.

Конечно такъ; есть вещи, которыя остаются безъ всякаго вліянія, когда производятся въ слишкомъ маломъ размѣрѣ. Но мы думаемъ, что и сами по себѣ подлежатъ этому отзыву предлагаемыя Миллемъ средства, въ какомъ бы размѣрѣ ни были примѣнены: они слишкомъ слабы. Въ каждой густо населенной странѣ составляютъ незначительное пространство тѣ земли, которыя соединяли бы въ себѣ три условія, опредѣляемыя Миллемъ: не были бы населены, не были бы уже обращены въ частную собственность и были бы хорошаго качества. Пусть земель вездѣ много, даже въ самой Англіи, но онѣ почти всѣ или слишкомъ дурны, или уже обращены въ частную собственность.—Что же касается до колонизаціи, она можетъ лишь удерживать существующій уровень быта, но не можетъ значительно возвышать его: человѣкъ разстается съ родиною лишь тогда, когда гонитъ его мысль: „мнѣ приходится на родинѣ слишкомъ плохо“, то есть когда ему приходится на родинѣ хуже, чѣмъ какъ онъ привыкъ. Если же не становится ему на родинѣ хуже прежняго, онъ не покинетъ ее добровольно. (Милль, конечно, говоритъ о добровольномъ переселеніи; о принудительномъ не слѣдуетъ и думать). Милль предлагаетъ палліативныя мѣры, ничему въ сущности не помогающія.

Вспомнимъ, что мы слышали отъ него самого; низкость рабочей платы выгодна для нанимателей труда; желать, чтобы рабочая плата возвысилась, они не могутъ, потому что это было бы противно ихъ выгодѣ. Послѣ этого, какую пользу можетъ принести чья бы то ни было забота объ умень-

шеніи излишка наемныхъ работниковъ раздачею земли въ собственность нѣкоторымъ изъ нихъ или выселеніемъ какой бы то ни было части ихъ,— какую пользу могутъ принесть эти мѣры, пока веденіе промышленныхъ дѣлъ остается въ рукахъ предпринимателей, которымъ выгодна низкость рабочей платы, то есть выгодно, чтобы число людей, желающихъ наниматься въ работу, было чрезмѣрно велико? Положимъ, что трудъ вздорожалъ въ Англіи отъ эмиграціи или раздачи общинныхъ земель,—положимъ, что случилось такъ, хотя случиться этого не можетъ по недостаточности подобныхъ средствъ для такого результата. Англійскіе наемные работники стали дороги. Наниматели труда ищутъ дешевыхъ работниковъ и вызываютъ въ Англію нѣмцевъ, бельгійцевъ. Это—фактъ извѣстный и неизбѣжный при трехчленномъ дѣленіи продукта. Каждый разъ, какъ работники въ извѣстной отрасли промышленности потребуютъ возвышенія платы, наниматели труда въ Англіи отвѣчаютъ имъ: „мы выпишемъ себѣ дешевыхъ работниковъ изъ-за границы“; и дѣйствительно, выписываютъ каждый разъ, когда англійскіе работники медлятъ отказаться отъ требованій.

Повторимъ же коротко нашъ выводъ изъ анализа, сдѣланнаго не нами, а самимъ Миллемъ.

При данномъ состояніи націи величина рабочей платы опредѣляется пропорціею между суммою капитала, идущаго на рабочую плату, и числомъ людей, нанимающихся въ работу. Чѣмъ больше число этихъ людей, тѣмъ ниже уровень рабочей платы. Чѣмъ ниже уровень рабочей платы, тѣмъ больше выгоды нанимателямъ труда. Это говоритъ самъ Милль. Изъ этого слѣдуетъ, что размноженіе можетъ войти въ надлежащія границы, а рабочая плата можетъ имѣть удовлетворительную высоту лишь тогда, когда ходъ промышленныхъ дѣлъ будетъ основываться не на наемной работѣ; иначе сказать, величина рабочей платы можетъ быть удовлетворительна лишь тогда, когда въ дѣйствительности не будетъ наемнаго труда, то есть не будетъ и рабочей платы,—когда въ дѣйствительности этотъ элементъ будетъ сочетаться въ однѣхъ рукахъ съ прибылью, когда отдѣльные классы наемныхъ работниковъ и нанимателей труда исчезнутъ, замѣнившись однимъ классомъ людей, которые будутъ работниками и хозяевами вмѣстѣ.

До сихъ поръ мы вслѣдъ за Миллемъ говорили о законахъ платы за обыкновенный черный трудъ, не представляющій никакихъ спеціальныхъ особенностей,—тотъ трудъ, которымъ въ каждой странѣ занята главная масса наемныхъ работниковъ. Но извѣстно, что есть много занятій, отправляемыхъ по найму съ платою, отличающеюся отъ платы за обыкновенный трудъ. Причины этихъ отступленій отъ общаго уровня излагаются въ господствующей теоріи очень удовлетворительно. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Если занятіе особенно пріятно, самая пріятность его служитъ частью вознагражденія, и соразмѣрно тому уменьшается рабочая плата. Наоборотъ, она возвышается соразмѣрно непріятности занятія. Вѣрное занятіе находитъ для себя работниковъ за меньшую плату, чѣмъ рискованное.

Если подготовленіе къ занятію требуетъ долгаго времени и значительныхъ затратъ на обученіе, рабочая плата возвышается настолько, чтобы вознаграждался капиталъ, затраченный для подготовленія работника къ дѣлу. По правилу, ясно обнаруживающемуся изъ этихъ частныхъ случаевъ, можно легко составить очень длинный перечень безчисленнаго множества обстоятельствъ, имѣющихъ свойство поднимать плату въ отдѣльныхъ занятіяхъ выше общаго уровня или спускать ее ниже его. Вообще, всякая особенная пріятность, легкость или доступность занятія имѣетъ тенденцію понижать плату за него, а всякое противоположное обстоятельство—возвышать ее. Намъ довольно и этихъ немногихъ словъ, чтобы замѣтить фактъ, довольно важный для теоріи: въ платѣ, получаемой работникомъ, есть много элементовъ, кромѣ того элемента, который надобно назвать рабочею платою въ точномъ смыслѣ слова.

Во-первыхъ, въ плату наемному работнику входитъ обыкновенно страховая премія въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ. Въ платѣ матросу есть доля, служащая вознагражденіемъ за небезопасность его ремесла. Въ платѣ носильщику, дожидающемуся нанимателя на углу улицы или на рынкѣ, есть доля вознагражденія за то, что онъ рискуетъ иной день остаться безъ работы.

Во-вторыхъ, всегда есть въ рабочей платѣ элементъ вознагражденія за затрату капитала на подготовленіе работника къ дѣлу. Плотникъ получаетъ больше землекопа, между прочимъ, потому, что дольше землекопа долженъ учиться своему дѣлу. Громадныхъ размѣровъ достигаетъ эта доля въ платѣ за трудъ высокаго спеціальнаго характера,—въ платѣ медику или адвокату, технологу или инженеру. Но и воспитаніе человѣка, занимающагося самымъ простымъ чернымъ трудомъ, составляетъ значительную затрату капитала. Взрослый работникъ получаетъ извѣстную долю платы собственно потому только, что взрослые работники вообще должны затрачивать часть своей платы на воспитаніе дѣтей. Тутъ какъ будто бы круговая порука поколѣній: каждое поколѣніе въ рабочіе годы вознаграждается за затрату капитала предыдущимъ поколѣніемъ на его воспитаніе.

Можно было бы отмѣтить еще нѣсколько элементовъ, входящихъ въ рабочую плату, но для нашей цѣли достаточно выставить эти два. Мы хотимъ сказать, что если полагать совершенство экономическаго устройства въ существованіи отдѣльнаго класса людей для каждаго элемента, участвующаго въ производствѣ, то не слѣдуетъ останавливаться на трехчленномъ дѣленіи продукта, а надобно принять дѣленіе, гораздо многосложнѣйшее: каждый изъ трехъ главныхъ элементовъ производства распадается опять на нѣсколько элементовъ. Страховая премія и вознагражденіе за капиталъ—элементы, ставимые господствующею теоріею подъ разрядъ прибыли. Мы теперь видимъ, что они входятъ и въ рабочую плату. Не слѣдуетъ ли желать, чтобы они отдѣлились отъ нея, чтобы наемный работникъ получалъ именно только рабочую плату въ строгомъ смыслѣ слова? Можно придумать устройство, при которомъ такъ и будетъ. Воспитаніемъ дѣтей и приготовленіемъ молодыхъ людей для спеціальныхъ профессій можетъ заняться особенный классъ предпринимателей, которые и будутъ потомъ выручать затраченный на то капиталъ, отдавая приготовленныхъ ими работниковъ

въ наемъ на такомъ условіи, чтобы работникъ отдавалъ имъ извѣстную долю изъ получаемой платы. Не правда ли, такой порядокъ будетъ гораздо ближе соотвѣтствовать принципу раздѣленія занятій, если принципъ этотъ понимать въ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его рутинные экономисты, т. е. что для каждаго занятія должно быть отдѣльное сословіе людей, уже ничѣмъ, кромѣ того, не занимающихся? А то, посудите сами: наемный работникъ, кромѣ того, что работаетъ, воспитываетъ дѣтей,—на что это похоже? Вѣдь одно занятіе должно мѣшать другому, не правда ли?

Что касается до страховой преміи, она уже выдѣляется и изъ рабочей платы и изъ прибыли тѣми страховыми обществами, которыя составляются не чрезъ взаимное ручательство самихъ застраховывающихся лицъ, а чрезъ образованіе особенныхъ страховыхъ компаній, извлекающихъ для себя особенный доходъ отъ своего занятія. До сихъ поръ эти компаніи не подумали застраховать работу для того работника, который согласится выдѣлять имъ часть своей платы. А вѣдь это очень возможно. Правда, работникъ, кромѣ извѣстной доли своей платы, терялъ бы тогда и самостоятельность; но чтожъ такое? Зато не оставался бы онъ безъ работы.

Если разсуждать по понятіямъ рутинныхъ экономистовъ, надобно придти къ такимъ выводамъ. Дѣйствительно, чтобы отдѣльный элементъ производства былъ въ чистой своей отдѣльности принадлежностью особеннаго класса людей, изъ нынѣшней рабочей платы должны выдѣлиться страховая премія и затрата капитала. Иначе наемный работникъ все еще остается не собственно только наемнымъ работникомъ, а какою-то смѣсью работника съ страхователемъ и предпринимателемъ. Полное раздѣленіе занятій еще не достигнуто. Оно, конечно, если осуществить его, то наемный работникъ переходитъ въ состояніе человѣка, закабаленнаго капиталисту, его воспитавшему, и капиталисту, его застраховавшему. Но этимъ не слѣдуетъ смущаться: такъ и нужно для удовлетворенія рутинному взгляду на принципъ раздѣленія занятій. Рутинные политико-экономы не смущаются такими пустяками, какъ переходъ работника изъ положенія, болѣе самостоятельнаго, въ менѣе самостоятельное. Но вотъ бѣда: послѣдовательнымъ проведеніемъ ихъ взгляда на принципъ раздѣленія занятій уничтожается и классъ наемныхъ работниковъ. Человѣкъ, закабаленный другому чѣмъ бы то ни было, принимаетъ экономическій характеръ невольника. Значитъ, остаются только разные разряды капиталистовъ, которые отдаютъ своихъ кабальныхъ людей, своихъ невольниковъ въ работу другимъ капиталистамъ; значитъ, и рабочая плата, очищаясь отъ примѣси другихъ элементовъ, сама исчезаетъ: вмѣсто нея остаются расходы хозяина на воспитаніе и содержаніе невольниковъ. Это ужъ не годится и по господствующей теоріи.

Конечно, до этого еще не дошло, да и не дойдетъ, потому что начинается поворотъ къ другому устройству, противоположному той формѣ, которая превозносится господствующею теоріею. Не успѣвъ дойти до полнаго развитія, она будетъ вытѣснена изъ науки и жизни принципомъ совершенно иного характера. Но если бы она не встрѣтила этого противника, она сама себя уничтожила бы своимъ развитіемъ. Она привела бы къ возстановленію невольничества подъ новымъ какимъ-нибудь именемъ.

Вотъ еще какую особенность формы трехчленнаго распредѣленія замѣчаетъ Милль: она въ сущности равносильна тому восточному устройству, которое такъ поносятъ политико-экономы, когда читаютъ о немъ—у Геродота. Извѣстно, что въ Египтѣ существовали касты. Извѣстно также каждому политико-эконому, что онъ по своему званію долженъ находить существованіе кастъ вещью самою нелѣпою, самою несообразною съ принципами своей теоріи. Посмотрите же, какое признаніе дѣлаетъ честный Милль:

Раздѣленіе между разными разрядами работниковъ до сихъ поръ остается такъ твердо и линія разграниченія между ними такъ рѣзка, что результатъ почти равняется наслѣдственному раздѣленію на касты: каждое занятіе пополняется главнымъ образомъ дѣтьми людей, уже занимавшихся имъ или профессіями, равными ему въ общественномъ мнѣніи, или дѣтьми людей, которыя, родившись на низшей степени, успѣли подняться своею энергіею. Свободныя профессіи пополняются почти исключительно сыновьями людей тѣхъ же профессій или праздпаго класса; высшіе разряды механическихъ занятій пополняются сыновьями людей, занимавшихся ими, или торговцевъ, стоящихъ на одной съ ними степени; точно такъ же и въ низшихъ разрядахъ техническаго труда; а чернорабочіе, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, остаются наслѣдственно въ своемъ прежнемъ состояніи. Поэтому величина платы въ каждомъ изъ такихъ разрядовъ до сихъ поръ опредѣляется не столько степенью размноженія общаго населенія страны, сколько размноженіемъ людей этого самаго разряда.

Онъ говоритъ это, какъ видитъ читатель по послѣднимъ словамъ отрывка, все для разъясненія зависимости рабочей платы отъ размноженія. А мы возьмемъ засвидѣтельствованный имъ фактъ и разсудимъ, случайная ли принадлежность или одно изъ коренныхъ свойствъ превозносимаго господствующею теоріею порядка этотъ фактъ. Впрочемъ, можно и не разсуждать объ этомъ долго: дѣло ясно само собою.

Есть извѣстное число положеній, болѣе выгодныхъ, чѣмъ другія. Кѣмъ будутъ вообще заняты эти положенія? Захотятъ ли лица, занимающія ихъ теперь, позаботиться, чтобы передать ихъ своимъ дѣтямъ? Этого слѣдуетъ ждать, судя по законамъ человѣческой природы. Успѣютъ ли отцы въ этомъ стремленіи? Они по самому преимуществу своихъ положеній имѣютъ средства приготовить своихъ дѣтей къ этимъ положеніямъ; у другихъ отцовъ этихъ средствъ нѣтъ. Результатъ не подлежитъ сомнѣнію.

Замѣтимъ еще одно обстоятельство, также указываемое Миллемъ. Если въ семействѣ находятся не одинъ человѣкъ, а два человѣка, способные работать, то выгодно ли для общества, чтобы работалъ только одинъ изъ нихъ, а другой содержался на его счетъ въ бездѣйствіи или въ занятіи пустомъ, пригодномъ лишь для занятія пустого времени какими-нибудь ненужными хлопотами, чтобы человѣкъ отъ праздности убивалъ время на вздоръ? Для общества это не выгодно, но для самой семьи тутъ нѣтъ невыгоды при трехчленномъ дѣленіи продукта. Послушайте, что говоритъ Милль. Онъ замѣчаетъ, что если наемный работникъ, кромѣ главнаго своего занятія работой по найму, получаетъ нѣкоторый доходъ отъ какой-нибудь домашней работы, то рабочая плата за его главное занятіе уменьшается соразмѣрно этому побочному доходу. Вѣдь онъ можетъ жить на

уменьшенную плату, благодаря своему побочному доходу; слѣдовательно, можетъ довольствоваться уменьшенною платою; а если можетъ, то чего-жъ ему еще? Соперничество принудитъ его довольствоваться ею. Замѣтивъ это, Милль продолжаетъ:

По той же самой причинѣ оказывается, что при равенствѣ другихъ условій вообще бываетъ хуже плата въ занятіяхъ, въ которыхъ жена и дѣти помогаютъ труду работника. Въ этихъ занятіяхъ доходъ, требуемый привычками сословія,—доходъ, до котораго почти непремѣнно понижается плата отъ размноженія,—составляется заработками всего семейства, между тѣмъ, какъ въ другихъ занятіяхъ тотъ же доходъ долженъ получаться трудомъ одного мужчины. Вѣроятно даже, что всѣ заработки всей семьи будутъ составлять сумму меньше заработка одного мужчины въ другихъ занятіяхъ, потому что благоразумная воздержность въ заключеніи брака чрезвычайно слаба, когда единственнымъ прямымъ слѣдствіемъ брака кажется улучшеніе быта,—соединивъ свои заработки, мужчина и женщина могутъ завести хозяйство лучше послѣ свадьбы, чѣмъ имѣли до свадьбы. Такъ и бываетъ у ткачей при ручныхъ станкахъ. Почти во всѣхъ отрасляхъ ткачества женщина можетъ получать и получаетъ столько же, какъ мужчина, а дѣти работаютъ съ очень раннихъ лѣтъ. Но нѣтъ почти ни одного занятія, въ которомъ цѣлое семейство получало бы дохода такъ мало и гдѣ люди женились бы такъ рано, какъ въ сословіи ткачей. Замѣчательно то, что есть извѣстныя отрасли ткацкой работы, въ которыхъ плата гораздо выше обыкновенной ткацкой платы, и что эти отрасли—именно тѣ, въ которыхъ не работаютъ ни женщины, ни дѣти. Факты эти засвидѣтельствованы комиссіею, изслѣдовавшею положеніе ткачей (Hand-loom Weavers Commission), отчетъ которой изданъ въ 1841 году. Но нельзя выводить изъ этого аргументовъ объ исключеніи женщинъ отъ свободнаго соперничества на трудовомъ рынкѣ. Если трудъ мужчины и женщины даетъ имъ даже и не больше платы, чѣмъ получилъ бы одинъ мужчина, то очень важна выгода для женщины, что существованіе ея не зависитъ отъ господина. Но дѣти по необходимости должны быть въ зависимомъ положеніи, потому пониженіе платы отъ ихъ соперничества на трудовомъ рынкѣ служитъ важнымъ обстоятельствомъ въ вопросѣ объ ограниченіи труда ихъ для того, чтобы могли они лучше воспитываться.

Очень милая вещь—этотъ принципъ трехчленнаго дѣленія. Чѣмъ больше вы всматриваетесь въ него, тѣмъ яснѣе обнаруживается прелестная соотвѣтственность его съ коренными идеями экономической науки. Если мужъ работаетъ одинъ, онъ получаетъ извѣстную плату. Если жена, вмѣсто пустой траты времени на вздорныя дрязги, станетъ работать дѣльнымъ образомъ подобно мужу, она вмѣстѣ съ мужемъ будетъ получать плату не больше той, какая прежде давалась одному мужу. Если дѣти станутъ помогать родителямъ, положеніе родителей и дѣтей нимало не улучшается. Какое прекрасное поощреніе людямъ къ тому, чтобы занимался дѣльною работою каждый, кто въ силахъ заниматься ею,—какое хорошее возбужденіе къ трудолюбію и какая справедливая сообразность вознагражденія съ количествомъ труда.

Порядочную кипу рекомендацій въ пользу трехчленной системы распредѣленія доставилъ намъ анализъ одного изъ элементовъ этой системы. Посмотримъ, что найдется въ анализѣ двухъ остальныхъ.

Прибыль.

При трехчленномъ дѣленіи продукта, затраты на производство дѣлаетъ капиталистъ; за вычетомъ этихъ расходовъ остается ему изъ продукта доля, называющаяся прибылью. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ. Часть ея служитъ капиталисту вознагражденіемъ за то, что онъ обратилъ на производство свой капиталъ; эта часть называется въ строгомъ смыслѣ слова процентами на капиталъ. Изъ остающагося, за вычетомъ этихъ процентовъ, излишка прибыли часть служитъ вознагражденіемъ за рискъ предпріятія. Другая часть излишка служитъ вознагражденіемъ за трудъ управленія дѣломъ. Каждый изъ этихъ трехъ элементовъ прибыли очень часто отдѣляется отъ другихъ. Капиталистъ имѣетъ иногда наемнаго распорядителя, при которомъ самъ уже вовсе не вмѣшивается въ дѣло; этотъ распорядитель получаетъ вознагражденіе за веденіе дѣла, а капиталисту остаются только проценты съ капитала и страховая премія. Но часто предприниматель занимаетъ на веденіе дѣла капиталъ у другого капиталиста, которому и выдѣляетъ проценты, а самъ получаетъ только страховую премію и вознагражденіе за управленіе дѣломъ,—если же имѣетъ при этомъ наемнаго распорядителя, то одну только страховую премію. Чтобы велись промышленныя дѣла при системѣ трехчленнаго дѣленія продукта, прибыль должна имѣть величину, достаточную на образованіе всѣхъ этихъ трехъ элементовъ прибыли въ размѣрѣ, какой нуженъ по состоянію даннаго общества въ данное время. Но при разномъ состояніи общества величина каждаго изъ трехъ элементовъ прибыли бываетъ очень различна. Чѣмъ больше спокойствія и благоустройства въ обществѣ, тѣмъ ниже бываетъ страховая премія и величина процентовъ. Чѣмъ болѣе распространены въ обществѣ знанія и нравственныя качества, нужныя для управленія коммерческимъ дѣломъ, тѣмъ ниже бываетъ величина вознагражденія за управленіе имъ.

Какъ видоизмѣняется средній уровень элементовъ прибыли, смотря по разницамъ въ положеніи націй, точно такъ же бываютъ отступленія отъ этого средняго уровня въ разныхъ занятіяхъ, смотря по различію въ характерѣ занятій. Въ занятіи болѣе рискованномъ страховая премія стоитъ выше средняго уровня; въ занятіи особенно пріятномъ вознагражденіе распорядителю бываетъ ниже средняго уровня; словомъ сказать, тутъ примѣняются всѣ тѣ соображенія, по которымъ устанавливается и различіе между рабочею платою въ разныхъ занятіяхъ. За вычетомъ этихъ неравенствъ, соотвѣтствующихъ особенностямъ каждаго дѣла, величина прибыли во всѣхъ занятіяхъ имѣетъ тенденцію уравниваться. Часть прибыли, составляющая проценты на капиталъ, подчиняется этой тенденціи такъ легко, что величина процентовъ при одинаковомъ достоинствѣ обезпеченія дѣйствительно бываетъ одинакова во всѣхъ занятіяхъ. Заимодавцу все равно, на какое дѣло будетъ употребленъ его капиталъ; потому, когда являются занимать капиталъ два лица изъ разныхъ занятій, представляя кредитору одинаковое обезпеченіе, онъ всегда предпочтетъ того, кто даетъ большій

процентъ; взаимнымъ соперничествомъ эти лица принуждаются возвышать проценты до такой величины, что весь готовый идти въ ссуды капиталъ раздѣляется между ними на одинаковыхъ условіяхъ пропорціонально ихъ надобности и пропорціонально величинѣ представляемаго ими обезпеченія. А по соперничеству между лицами, дающими капиталъ въ ссуду, величина процентовъ останавливается на такомъ уровнѣ, при которомъ предприниматели находятъ выгоднымъ взять въ ссуду весь предлагаемый въ ссуду капиталъ. Если капиталистъ ведетъ дѣло и на свой, а не на занятой капиталъ, онъ руководится точно такимъ же разсчетомъ: и когда капиталъ при затратѣ на одно занятіе сталъ бы давать ему меньше процентовъ, чѣмъ въ другомъ занятіи, онъ старается перенести его въ другое занятіе.

Но кромѣ процентовъ на капиталъ, въ прибыль входятъ страховая премія и вознагражденіе за искусство управленія дѣломъ. Эти элементы не такъ легко подчиняются дѣйствію уравнивающей тенденціи. Въ одномъ и томъ же занятіи распорядитель болѣе искусный лучше избѣжитъ потерь и лишнихъ растратъ, то есть получитъ больше прибыли, чѣмъ распорядитель менѣе искусный. Много тутъ зависитъ и отъ случая; потому величина валовой прибыли различна у разныхъ предпринимателей въ одномъ занятіи. Но все-таки средняя вѣроятность полученія прибыли для одинаковыхъ предпринимателей должна быть одинакова въ разныхъ занятіяхъ: если въ одномъ занятіи шансъ этотъ будетъ лучше, чѣмъ въ другомъ, капиталъ будетъ переливаться изъ занятія, обѣщающаго меньшую прибыль, къ занятію, обѣщающему большую прибыль, пока средняя величина ожидаемой выгоды въ обоихъ занятіяхъ уравняется (конечно, за вычетомъ разностей, происходящихъ отъ особеннаго характера разныхъ занятій, о чемъ говорили мы выше).

Вотъ понятіе о томъ, что называется среднею или обыкновенною величиною прибыли или среднимъ уровнемъ прибыли. Но мы видѣли, что этотъ средній уровень самъ то понижается, то возвышается. Отъ чего же зависитъ его величина? Трудами англійскихъ экономистовъ, въ особенности Рикардо, вопросъ этотъ превосходно разъясненъ, и у Милля, достойнаго ученика Рикардо, онъ изложенъ какъ нельзя лучше. Приводимъ слова Милля:

Человѣку, незнакомому съ наукой, представляется будто бы прибыль коммерческаго дѣла зависитъ отъ цѣнъ. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль повидимому тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему, и можно подумать, будто прибыль—результатъ покупки и продажи. Незнакомые съ наукою люди полагаютъ, будто производитель получаетъ прибыль только отъ того, что есть покупщики, на товаръ; будто бы запросъ, покупщики — рынокъ товара, вотъ причина выгодъ, получаемыхъ капиталистами, которые продажею своихъ товаровъ возобновляютъ свой капиталъ и увеличиваютъ его массу.

Но думать такъ, значитъ смотрѣть только на внѣшнюю поверхность экономическаго механизма общества. На самомъ дѣлѣ мы находимъ, что самыя деньги переходящія отъ одного лица къ другому, никогда не бываютъ сущностью дѣла въ экономическихъ феноменахъ. Если мы всмотримся поближе въ операціи производителя, мы за-

мѣтимъ, что деньги, получаемыя имъ за товаръ, вовсе не служатъ причиною того, что онъ имѣетъ прибыль, а служатъ только способомъ, которымъ выплачивается ему его прибыль.

Причина прибыли то, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, пока ростетъ пища (и пока они заняты устройствомъ орудій и исполненіемъ всѣхъ другихъ нужныхъ приготовленій). Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи получить продуктъ, то кромѣ возвращенія своей затраты онъ получитъ нѣсколько лишняго. Иными словами теорема эта выразится такъ: капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія живутъ больше того времени, какое было нужно для производства ихъ; такъ что если капиталистъ снабжаетъ партію работниковъ этими вещами, съ условіемъ получать все, что они производятъ, то они за воспроизведеніемъ потребляемыхъ ими предметовъ необходимости и орудій будутъ имѣть въ остаткѣ часть своего времени для работы въ выгоду капиталиста. Прибыль возникаетъ, какъ мы видимъ, не отъ посторонняго обстоятельства, не отъ обмѣна, а отъ производительной силы труда и общая прибыль страны всегда бываетъ соразмѣрна производительной силѣ труда, все равно хотя бы и не происходило никакого обмѣна. Если бы не было раздѣленія занятій, то не было бы ни покупки, ни продажи, но прибыль все-таки была бы. Если работники страны всѣ вмѣстѣ производятъ на 20% больше своей рабочей платы, то прибыль будетъ 20%, каковы бы ни были цѣны. Случайная величина цѣны можетъ на время давать одному разряду производителей больше 20% выгоды, а другому меньше, когда одинъ товаръ ставится выше своей натуральной цѣнности относительно другихъ товаровъ, а другой ниже, и это будетъ продолжаться, пока цѣны снова уравняются; но въ общей сложности производители будутъ непремѣнно получать ровно по 20%.

Для развитія этихъ кратко выраженныхъ мыслей я подробнѣе покажу теперь способъ, которымъ опредѣляется величина прибыли.

Я предположу исключительное господство того порядка вещей, который съ немногими исключеніями преобладаетъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ работники и капиталисты составляютъ разныя сословія,—предположу, что капиталистъ затрачиваетъ впередъ всѣ расходы, въ томъ числѣ и все вознагражденіе работника.

При этомъ предположеніи всѣ затраты на производство дѣлаются капиталистомъ и весь продуктъ получается имъ. Прибыль его (продолжаетъ Милль) составляется излишкомъ продукта надъ затратами; а процентъ прибыли будетъ та пропорція, какую составляетъ этотъ излишекъ сравнительно съ суммою затраты. Но изъ чего состоятъ затраты капиталиста?

Значительную часть расхода каждаго капиталиста составляетъ прямая выдача рабочей платы. Кромѣ этого, расходъ его составляютъ матеріалы и орудія, считая въ числѣ орудій строенія. Но матеріалы и орудія производятся трудомъ, а нашъ предполагаемый капиталистъ долженъ представлять собою не отдѣльное предпріятіе, а типъ производительной промышленности всей страны, потому мы можемъ предположить, что онъ самъ дѣлаетъ свои орудія и добываетъ свои матеріалы. Онъ дѣлаетъ и добываетъ ихъ посредствомъ предварительныхъ затратъ, которыя опять состоятъ единственно изъ рабочей платы. Если же предположимъ, что онъ не самъ производитъ, а покупаетъ орудія и матеріалы, сущность дѣла не измѣняется: онъ

въ этомъ случаѣ уплачиваетъ предшествующему производителю рабочую плату, которую израсходовалъ этотъ предшествующій производитель. Правда онъ выплачиваетъ ему ее съ прибылью; а если бы самъ произвелъ эти вещи, то самъ получилъ бы прибыль на эту часть своего расхода, какъ получаетъ ее на всѣ другія части. Но остается тотъ фактъ, что во всемъ процессѣ производства, начинающемся матеріалами и орудіями и кончающемся готовымъ продуктомъ, всѣ затраты состояли исключительно изъ рабочей платы; разница только въ томъ, что нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ процессѣ капиталистовъ получили уплату своей части прибыли до окончанія операціи,— такъ было удобнѣе для нихъ и остальныхъ капиталистовъ. Вся та часть окончательнаго продукта, которая не составляетъ прибыли, служитъ возвращеніемъ капиталисту затратъ сдѣланныхъ на рабочую плату.

Такимъ образомъ оказывается, что выигрышъ капиталистовъ зависитъ исключительно отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ величины продукта, иначе сказать, отъ производительной силы труда, и во-вторыхъ, отъ того, какую часть этого продукта получаютъ сами работники, отъ пропорціи между вознагражденіемъ работниковъ и всею суммою, ими производимою. Эти два элемента служатъ даннымп, которыми опредѣляется вся сумма, раздѣляющаяся въ видѣ прибыли между всѣми капиталистами страны. Но *величина* прибыли, процентное отношеніе ея къ капиталу, опредѣляется только вторымъ изъ этихъ элементовъ,—тѣмъ, какую долю получаетъ работникъ, а не суммою, раздѣляемою между работникомъ и капиталистомъ. Если продуктъ труда удвоится, и работники будутъ получать такую же пропорцію изъ него какъ прежде, то есть, если ихъ вознагражденіе такъ же удвоится, то капиталисты, правда, получатъ вдвое больше прежняго, но такъ какъ они затратили вдвое больше прежняго, величина ихъ прибыли не увеличится, а останется прежняя.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу Рикардо и другихъ политико-экономовъ, доказавшихъ, что величина прибыли зависитъ отъ рабочей платы, возвышается по мѣрѣ паденія рабочей платы и падаетъ по мѣрѣ ея возвышенія. Но, принимая эту теорію, я нахожу нужнымъ сдѣлать перемѣну въ ея терминологіи, — перемѣну, рѣшительно необходимую. Вмѣсто того, чтобы говорить: прибыль опредѣляется рабочею платою, мы скажемъ: она опредѣляется *стоимостью труда*, о которой и думалъ на самомъ дѣлѣ Рикардо, дѣлая свой выводъ.

Рабочая плата и стоимость труда,—сумма, получаемая за трудъ работникомъ, и сумма, которой стоитъ трудъ капиталисту,—это два понятія, совершенно различныя, и помнить различіе между ними чрезвычайно важно. А чтобы не смѣшивать ихъ, необходимо не обозначать ихъ однимъ терминомъ, какъ обозначаютъ почти всѣ политико-экономы. Въ парламентскихъ преніяхъ и въ литературѣ на рабочую плату гораздо чаще смотрятъ съ точки зрѣнія платящихъ, нежели съ точки зрѣнія получающихъ ее; потому безпрестанно говорятъ о высотѣ или низости рабочей платы, когда думаютъ только о высотѣ или низости стоимости труда. Большею частью сущность дѣла бываетъ на оборотъ: часто стоимость труда бываетъ самая высокая, когда рабочая плата бываетъ самая низкая. Это происходитъ отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, дешевый трудъ можетъ быть неуспѣшенъ. Изъ всѣхъ европейскихъ странъ самая низкая рабочая плата въ Ирландіи (по крайней мѣрѣ такова она была тамъ прежде). Вознагражденіе земледѣльческаго работника на западѣ Ирландіи не превышаетъ половину самой низкой платы, какую получаетъ англійскій работникъ,—платы дорсетширтскому работнику. Но если по меньшему своему искусству

и усердію ирландецъ въ два рабочіе дня исполняетъ работы не больше, чѣмъ англійскій работникъ въ одинъ день, то трудъ ирландца стоитъ не дешевле, чѣмъ трудъ англичанина, хотя самъ ирландецъ получаетъ гораздо меньше. Прибыль капиталиста, зависитъ отъ того, сколько стоитъ трудъ, а не отъ того, сколько получаетъ работникъ. Что разница въ успѣшности ирландскаго и англійскаго труда дѣйствительно такъ велика, доказывается многочисленными свидѣтельствами, а главное тѣмъ фактомъ, что не смотря на низость рабочей платы, прибыль на капиталъ никогда не бывала въ Ирландіи выше, чѣмъ въ Англіи.

Разница въ стоимости предметовъ, потребляемыхъ работникомъ, — вотъ вторая причина, по которой рабочая плата не можетъ служить мѣрою стоимости труда. Если эти предметы дешевы, рабочая плата можетъ быть высока въ томъ смыслѣ, какой важенъ для работника, между тѣмъ какъ стоимость труда низка. Если они дороги, то работникъ можетъ имѣть слишкомъ мало, хотя его трудъ стоитъ капиталисту много; таково бываетъ положеніе земли, въ которой населеніе слишкомъ велико сравнительно съ количествомъ земли: пища тогда дорога и скудость дѣйствительнаго вознагражденія работнику не мѣшаетъ труду стоить много для покупателя; при низкой рабочей платѣ тутъ низка и прибыль. Примѣромъ противнаго служатъ Сѣверо-Американскіе Штаты. Работникъ тамъ пользуется такимъ изобиліемъ житейскихъ удобствъ, какъ нигдѣ въ мірѣ, кромѣ нѣкоторыхъ новыхъ колоній; но благодаря дешевой цѣнѣ этихъ удобствъ (и большой успѣшности труда), стоимость труда капиталисту значительно ниже, чѣмъ въ Европѣ. Это мы видимъ изъ того, что величина прибыли тамъ выше, какъ доказывается величиною процентовъ: въ Нью-Йоркѣ платится 6%, когда въ Лондонѣ платится 3% или 3¼%.

И такъ, говоря математическимъ языкомъ, стоимость труда есть функція трехъ измѣняемыхъ: успѣшности труда, рабочей платы (то есть, существеннаго, а не денежнаго вознагражденія работнику) и стоимости, по которой могутъ быть производимы или покупаемы вещи, составляющія это существенное вознагражденіе. Ясно, что стоимость труда для капиталиста зависитъ отъ каждаго изъ этихъ трехъ обстоятельствъ, и что только эти обстоятельства имѣютъ на нее вліяніе. Слѣдовательно ими опредѣляется и величина прибыли, и величина эта можетъ измѣняться только отъ ихъ вліянія. Если трудъ вообще станетъ болѣе успѣшенъ, а вознагражденіе за него не возвысится; если вознагражденіе за трудъ упадетъ, а стоимость предметовъ, составляющихъ это вознагражденіе не увеличится, и самъ трудъ не станетъ менѣе успѣшенъ; или если предметы, составляющіе вознагражденіе работнику, станутъ дешевле, а работникъ будетъ получать ихъ не больше прежняго, — то въ каждомъ изъ этихъ трехъ случаевъ прибыль возвысится. Если же, напротивъ, трудъ станетъ менѣе успѣшенъ (что можетъ произойти отъ уменьшенія физической силы въ народѣ или отъ ухудшенія въ его воспитаніи); или если работникъ станетъ получать больше вознагражденія безъ уменьшенія стоимости составляющихъ вознагражденіе вещей; или если онъ будетъ получать и не больше прежняго, но стоимость получаемыхъ имъ вещей будетъ больше, — то во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль подвергнется уменьшенію. Кромѣ этихъ случаевъ, нѣтъ другихъ комбинацій обстоятельствъ, отъ которыхъ могла бы падать или возвышаться общая величина прибыли въ странѣ во всѣхъ отрасляхъ промышленности".

Та сторона дѣла, которая изложена здѣсь, изложена совершенно удовлетворительно. Но не всѣ стороны дѣла изложены здѣсь. Пользуемся случаемъ, чтобы напомнить читателю о коренныхъ чертахъ разницы нашего

взгляда на экономическія дѣла отъ взгляда, выдаваемаго за абсолютно вѣрный рутинными политико-экономами. Первая черта разницы—та, что за основаніе своихъ понятій мы беремъ экономическую теорію въ томъ видѣ, какой получила она отъ своихъ великихъ основателей Смита, Мальтуса и Рикардо, а не въ той жалкой передѣлкѣ, какой подвергается эта теорія у континентальныхъ болтуновъ или компиляторовъ, недобросовѣстно или безсмысленно искажающихъ ея суровый, но благородный характеръ, набивающихъ въ нее безъ разбора всякую дрянь. Вотъ, напримѣръ, Рикардо доказалъ, что прибыль есть остатокъ продукта за вычетомъ стоимости труда, или, при гипотезѣ наемнаго труда, остатокъ продукта за вычетомъ рабочей платы. У континентальныхъ политико-экономовъ эта суровая истина замазывается разными вздорами схоластическаго или риторическаго характера. Мы несогласны на эту пошлую передѣлку и вслѣдъ за Рикардо говоримъ, что при данномъ положеніи производства величина прибыли обратно пропорціональна величинѣ рабочей платы. Дѣлайте изъ этого выводъ какой хотите, но мы не намѣрены утаивать истину.

Вотъ первая причина разницы нашего взгляда отъ господствующей теоріи. Мы не допускаемъ искаженій, внесенныхъ въ науку риторами и компиляторами. Но принимая за истину главные результаты изслѣдованій великихъ англійскихъ основателей науки, мы не думаемъ, что ихъ трудами исчерпана вся истина. Вообще говоря, у нихъ очень удовлетворительно объяснены тѣ стороны дѣла, которыя изслѣдованы ими внимательно; но они были все-таки не боги, а люди, и замѣтивъ многое, многое оставили безъ вниманія. Ихъ труды нуждаются въ пополненіяхъ. Эти пополненія сдѣланы мыслителями, которыхъ мы признаемъ своими прямыми учителями.

Вотъ, напримѣръ, хотя бы въ вопросѣ о прибыли. Ни Рикардо, ни кто другой изъ политико-экономовъ смитовской школы не обратили надлежащаго вниманія на результаты, происходящіе отъ свойства прибыли и въ особенности отъ свойства процентовъ расти по геометрической прогрессіи. Отчасти надобно объяснять такую забывчивость видимымъ разнорѣчіемъ дѣйствительныхъ фактовъ съ математическимъ закономъ. Но все-таки очень странна эта забывчивость, потому что законъ возрастанія процентовъ и вообще прибыли представляетъ точную параллель мальтусовой теоремѣ. Каждому извѣстно, съ какою огромною силою ростетъ капиталъ, когда проценты прилагаются къ первоначальной суммѣ и снова даютъ на себя проценты. Каждому извѣстенъ разсчетъ, по которому для курьеза доказывается, что если бы Адамъ положилъ въ банкъ одну копѣйку, то нынѣ каждому изъ насъ пришлось бы получить изъ банка массу золота, гораздо большую, чѣмъ какая могла бы помѣститься въ шарообразномъ мѣшкѣ, діаметромъ своимъ равняющемся всему поперечнику солнечной системы, до орбиты Нептуна. Мы не будемъ забавлять читателя подобными курьезными разсчетами, и ограничимъ свои соображенія небольшимъ періодомъ времени, обозрѣваемымъ очень легко, напримѣръ, однимъ столѣтіемъ. Вотъ таблица, показывающая, до сколькихъ рублей возростастъ въ 25, 50, 75 и 100 лѣтъ капиталъ, первоначально равнявшійся 100 рублямъ, при разныхъ величинахъ процентовъ отъ 3 до 10.

До какого числа рублей возростаетъ первоначальная сумма 100 рублей

при величинѣ процента.	въ 25 л.	въ 50 л.	въ 75 л.	въ 100 л.
3	209	438	918	1,921
4	266	711	1,894	5,050
5	339	1,147	3,883	13,150
6	429	1,842	7,906	33,930
7	543	2,946	15,988	86,772
8	685	4,690	32,121	219,970
9	864	7,436	64,119	552,900
10	1,083	11,739	127,190	1,378,050

Читатель знаетъ, что въ самой Англіи, гдѣ величина процентовъ самая наименьшая, она постоянно держится выше 3% по ссудамъ, дающимъ наименьшій процентъ (по фондамъ государственнаго долга), а по коммерческимъ векселямъ наилучшаго качества (по векселямъ, дисконтируемымъ въ англійскомъ банкѣ) вообще платится гораздо больше, обыкновенно отъ 4 до 5%, а очень часто до 6% и даже 7%. Но эти ссуды составляютъ лишь незначительную часть коммерческихъ ссудъ въ Англіи: по главной массѣ ссудъ подъ самое вѣрное обезпеченіе платится процентъ выше требуемаго англійскимъ банкомъ. Въ континентальныхъ странахъ и въ Сѣверной Америкѣ проценты выше, чѣмъ въ Англіи. Коммерческій человѣкъ во Франціи, Германіи полагаетъ, что заключилъ заемъ очень выгодный, если долженъ платить только 6%; обыкновенно платитъ онъ больше. Изъ таблицы мы видимъ, что при 3% капиталъ въ теченіе одного вѣка возростаетъ слишкомъ въ 19 разъ; при 6%—слишкомъ въ 339 разъ; при 8%—почти въ 2,200 разъ, наконецъ при 10%—слишкомъ въ 13,500 разъ. Величина 10% по хорошимъ ссудамъ—вовсе не рѣдкость, не только у насъ, но и въ континентальной западной Европѣ. Она не слишкомъ рѣдко является даже въ Англіи.

Но собственно такъ называемые проценты, платимые по ссудамъ составляютъ лишь часть коммерческой прибыли, которая вообще несравненно больше. Въ Англіи, напримѣръ, принимается, по словамъ Милля, за правило, что въ розничной торговлѣ надбавка цѣнъ должна составлять 50% противъ оптовой цѣны товара. Конечно изъ этихъ 50% должны быть покрыты расходы по содержанію лавки и потери отъ пропажи долговъ на нѣкоторыхъ покупщикахъ. Но если неискусному розничному торговцу остается не очень много чистой прибыли за этими вычетами, у торговца искуснаго чистая прибыль остается велика,—30%, быть можетъ 40%, быть можетъ и больше на его оборотный капиталъ, потому что капиталъ у него успѣваетъ въ годъ сдѣлать нѣсколько оборотовъ. Посмотримъ же, какъ будетъ рости капиталъ при разныхъ величинахъ прибыли отъ 10% до 40%. Считать тутъ по четвертямъ столѣтія и продолжать счетъ до цѣлаго столѣтія значило бы приходить къ цифрамъ, которыя не помѣстились бы въ строку таблицы. Напримѣръ, при 40% прибыли, изъ 100 рублей дѣлается черезъ 100 лѣтъ болѣе 41,000,950,000,000,000 рублей,—для ясности попробуемъ произнести эту цифру: сорокъ одна тысяча биліоновъ, девять сотъ пятьдесятъ тысячъ милліоновъ рублей,—сумма, в

сравненіи съ которой совершенно ничтожна вся сумма богатствъ, находящихся на всемъ земномъ шарѣ; если положить населеніе земнаго шара въ 1,000 милліоновъ человѣкъ и раздѣлить между ними эту цифру, на каждаго человѣка придется по 41,000,950 рублей,—на каждаго человѣка такая сумма богатства, какою едва ли владѣетъ вся фамилія Ротшильдовъ. Чтобы соображеніе наше могло справиться съ цифрами, какія будутъ получаться у насъ, мы должны ограничить разсчетъ временемъ, соотвѣтствующимъ дѣятельности одного поколѣнія, тридцатью годами; сдѣлаемъ счетъ по десятилѣтіямъ:

До какого числа рублей возростаетъ первоначальная сумма 100 рублей

при величинѣ прибыли.	въ 10 л.	въ 20 л.	въ 30 л.
10%	259	673	1,741
15%	404	1,637	6,621
20%	619	3,834	23,738
25%	931	8,674	80,780
30%	1,379	19,004	262,000
35%	2,011	40,427	812,850
40%	2,892	83,663	2,420,240

Возможно ли коммерческому человѣку получать по 40% чистой прибыли? Да, это очень возможно; иначе не было бы примѣровъ тому, что начавъ свои торговые обороты лѣтъ въ 20 съ какою-нибудь сотнею рублей, человѣкъ становится въ 50 лѣтъ милліонеромъ. Такихъ примѣровъ мало; отчего мало, мы увидимъ ниже; но сама по себѣ чистая прибыль въ 40% вовсе не рѣдкость: мы безпрестанно видимъ примѣры тому, что въ какія-нибудь 5 лѣтъ начинающій мелкій торговецъ увеличиваетъ свой капиталъ въ 5 разъ,—это значитъ, что каждый годъ капиталъ увеличивался на 40% прибавкою изъ чистой его прибыли. Но не будемъ останавливаться на этихъ 40%, не будемъ останавливаться ни на 35%, ни на 30%, ни на 25%, ни даже на 20%,—остановимся только на 15% чистой прибыли. Это процентъ уже очень умѣренный, слишкомъ умѣренный: очень плохъ или очень несчастливъ тотъ мелкій торговецъ, который не наживаетъ въ годъ 150 рублей прибыли на 1000 рублей своего капитала. Всѣ товарищи должны жалѣть или осмѣивать его. При этомъ процентѣ, который ниже обыкновеннаго, капиталъ въ теченіе одного поколѣнія возростаетъ въ 66 разъ.

Спрашиваемъ теперь, бывало ли когда нибудь и возможно ли было когда нибудь, чтобы сумма богатствъ, принадлежащихъ націи, возросла въ теченіе какихъ нибудь 30 лѣтъ—не говоримъ въ 66 разъ, а хотя въ 30 разъ, хотя въ 20 разъ? Соединенные Штаты представляютъ поразительнѣйшій примѣръ самаго быстраго возростанія суммы богатствъ общества, имѣющаго такую числительность, чтобы можно было назвать его отдѣльнымъ цѣлымъ въ экономическомъ отношеніи. Съ 1800 до 1860 г. населеніе Соединенныхъ Штатовъ возросло въ шесть разъ; если бы богатство страны возростало хотя въ 20 разъ въ каждое 30-лѣтіе, въ 60 лѣтъ оно возросло бы въ 400 разъ ($20^2=400$); раздѣливъ это увеличеніе на цифру, въ какой увеличилось населеніе, мы получили бы, что каждый житель Соединенныхъ Штатовъ въ 1860 г. былъ среднимъ числомъ слишкомъ въ 60 разъ богаче,

чѣмъ былъ его дѣдъ въ 1800 г. Это—явная нелѣпость. Едва ли можно предположить, чтобы сталъ онъ богаче хотя въ 4 раза,—вѣроятно и того нѣтъ,- едва ли общій уровень благосостоянія поднялся въ эти 60 лѣтъ хотя въ 2 раза. Но положимъ, что онъ поднялся въ 6 разъ; а населеніе возросло, какъ мы знаемъ, также въ 6 разъ, значитъ сумма богатствъ въ 60 лѣтъ возросла въ 36 разъ, значитъ въ каждыя 30 лѣтъ возростала въ 6 разъ ($6^2=36$).

Что же мы имѣемъ теперь?—По слишкомъ высокой оцѣнкѣ сумма богатствъ націи въ случаѣ самаго быстраго увеличенія возростала въ 6 разъ въ 30 лѣтъ. А прибыль по слишкомъ низкой оцѣнкѣ возростала въ эти 30 лѣтъ въ 20 разъ.—Что изъ этого слѣдуетъ?

Мы знаемъ, что величина прибыли есть остатокъ продукта, за вычетомъ рабочей платы (рента тутъ въ счетъ нейдетъ, потому что она сама—только излишекъ прибыли, остающійся въ нѣкоторыхъ случаяхъ по нѣкоторымъ отраслямъ производства, какъ мы увидимъ ниже; когда дѣло идетъ о прибыли, въ разсчетъ входитъ только рабочая плата). Мы видимъ, что одна изъ двухъ долей продукта ростетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ вся сумма продукта. Это значитъ, что другая доля продукта уменьшается. Чтобы яснѣе было это, представимъ таблицу процентнаго содержанія рабочей платы и прибыли въ продуктѣ Соединенныхъ Штатовъ по гипотезѣ возростанія, нами принятой,

Мы положили, что сумма продукта ростетъ въ 6 разъ въ 30 лѣтъ; это значитъ, что годичный процентъ возростанія продукта 6,15. Мы положили, что прибыль ростетъ только въ 20 разъ въ 30 лѣтъ; это значитъ, что ежегодный процентъ ея возростанія 10,5,—цифра, очевидно слишкомъ малая, потому что недалекъ отъ такой величины въ Соединенныхъ Штатахъ процентъ по ссудамъ, составляющій лишь часть всей чистой прибыли.

Попробуемъ же сосчитать, какъ будутъ рости по десятилѣтіямъ при этой гипотезѣ сумма продукта и сумма прибыли, какую часть изъ суммы продукта будетъ составлять сумма прибыли, и какая доля продукта будетъ оставаться на рабочую плату. Положимъ, что первоначально продуктъ былъ=10,000, и прибыль составляла въ немъ десятую долю=1,000. Мы будемъ имѣть:

Годы.	Сумма продукта.	Сумма прибыли.	Сколько изъ суммы продукта остается на рабочую плату.	Какую долю изъ суммы продукта составляетъ сумма прибыли.	Какая доля изъ суммы продукта остается на рабочую плату.
1-й	10,000	1,000	9,000	10%	90%
11-й	18,171	2,714	15,457	15%	85%
21-й	33,019	7,681	25,338	22%	78%
31-й	60,000	20,000	40,000	33%	67%
41-й	109,030	54,288	54,942	48%	52%
51-й	198,120	147,360	50,760	74%	36%
61-й	360,000	400,000	40,000	111%	11%

Вникнемъ въ смыслъ этой таблицы. Мы предположили общество, въ которомъ продуктъ ростетъ быстрѣе, чѣмъ населеніе. Слѣдуетъ ожидать, что благосостояніе всѣхъ классовъ общества будетъ увеличиваться. По крайней мѣрѣ нѣтъ къ тому естественныхъ препятствій.

Но мы знаемъ какъ фактъ, что при трехчленномъ дѣленіи продукта одна изъ долей этого продукта, прибыль, ростетъ быстрѣе суммы продукта. Чтобы видѣть результатъ этого факта, мы приняли въ первый годъ періода сумму прибыли, незначительную сравнительно съ продуктомъ. По этой своей первоначальной незначительности она въ первыя десятилѣтія еще не можетъ поглощать всю прибавку продукта: она захватываетъ себѣ все большую и большую долю въ немъ, и доля рабочей платы уменьшается, но безотносительная сумма фонда рабочей платы еще ростетъ. Черезъ нѣсколько времени прибыль разрослась на-столько, что захватываетъ уже всю годичную прибавку продукта, а потомъ больше годичной прибавки. Начинаетъ уменьшаться уже и безотносительная величина фонда рабочей платы. Съ каждымъ годомъ этотъ процессъ идетъ быстрѣе, потому что прибыль разростается очень быстро, и скоро она поглощаетъ весь продуктъ, готова была бы поглотить даже больше, чѣмъ весь продуктъ, оставляя на долю рабочей платы нуль, а потомъ отрицательную величину.

Очевидно, что этотъ окончательный результатъ представляетъ собою практическую невозможность. Онъ выражаетъ теоретическую тенденцію прибыли уничтожить рабочую плату и поглотить все, что могло остаться въ рукахъ наемнаго работника отъ платы, получавшейся въ прежніе годы.

Мы не приняли тутъ въ разсчетъ, размножается или не размножается классъ наемныхъ работниковъ. Если онъ и не размножается, все-таки очевидно, что рабочая плата начнетъ чрезъ нѣсколько времени падать. Очевидно также, что если населеніе и размножается, то при первоначальной незначительности суммы, какую беретъ прибыль изъ продукта, рабочая плата будетъ возростать при нашей гипотезѣ, потому что сумма продукта ростетъ быстрѣе, чѣмъ размножается населеніе. Вотъ таблица, сопоставляющая оба эти случая. Лѣвая половина таблицы показываетъ величину рабочей платы при населеніи неразмножающемся. Въ правой половинѣ таблицы мы приняли, что населеніе въ теченіе 60 лѣтъ увеличилось въ 6 разъ,—цифра, близкая къ тому, что было въ Соединенныхъ Штатахъ. Годичный процентъ размноженія въ этомъ случаѣ 3,03.

Годы.	Фондъ рабочей платы.	Насел. неразмножающееся. Число работниковъ.	Величина рабочей платы.	Насел. размножающееся. Число работниковъ.	Величина рабочей платы.
1-й	9000	1,000	9,00	1,000	9,00
11-й	15457	1,000	15,46	1,351	11,47
21-й	25338	1,000	35,39	1,817	13,94
31-й	40000	1,000	40,00	2,449	16,33
41-й	54942	1,000	54,94	3,302	16,66
51-й	50760	1,000	50,76	4,451	11,40
61-й	40000	Невозможное состояніе общества.			

Въ томъ и другомъ случаѣ, мы видимъ одинаковый ходъ дѣла. Пока прибыль не успѣла разростись, рабочая плата возвышается; черезъ нѣсколько времени прибыль разростается до того, что уменьшаетъ своими захватами величину фонда рабочей платы, и рабочая плата начинаетъ падать; ея паденіе идетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ шло ея возвышеніе; дѣйствительно, понижается она отъ прибыли, захваты которой ростутъ по прогрессіи, гораздо быстрѣйшей, чѣмъ по какой возростаетъ продуктъ,

часть прибавки къ которому шла прежде на увеличеніе фонда рабочей платы. Этотъ ходъ дѣла одинаковъ и при неразмножающемся и при размножающемся населеніи. Разница лишь въ томъ, что при населеніи неразмножающемся рабочая плата сначала возвышалась бы значительнѣе, чѣмъ при размножающемся.

Теперь мы видимъ, что при трехчленномъ дѣленіи продукта пониженіе рабочей платы происходитъ не собственно отъ размноженія людей, какъ показалось Мальтусу. Причины этого феномена при существующемъ устройствѣ совершенно иныя. Онѣ заключаются въ самомъ этомъ устройствѣ. Двѣ изъ нихъ мы уже видѣли при анализѣ Мальтусовой теоремы: нынѣ общественный бытъ таковъ, что прибавка къ населенію поглощается городами; число людей, занимающихся неземледѣльческими отраслями промышленности или ничѣмъ не занимающихся, ростетъ слишкомъ быстро сравнительно съ числомъ земледѣльцевъ, которое или почти вовсе не ростетъ или даже уменьшается. Другая причина, какъ мы говорили въ анализѣ Мальтусовой теоремы, заключается въ томъ, что слишкомъ многія изъ земледѣльческихъ улучшеній, нужныхъ для благосостоянія націи, не представляютъ достаточной выгоды капиталисту. Этими двумя причинами объясняется недостаточность земледѣльческаго продукта, то есть и недостаточность рабочей платы, въ которой главную статью составляетъ продовольствіе. Теперь мы видимъ третью причину низкости рабочей платы: прибыль имѣетъ постоянную тенденцію развиваться до того, чтобы захватывать какъ можно большую долю изъ фонда рабочей платы; она стремится поглотить весь этотъ фондъ и останавливается въ такомъ стремленіи лишь матеріальною невозможностью для работника существовать иначе, какъ при извѣстной величинѣ рабочей платы.

Но всѣ наши таблицы кончались цифрами физически невозможными: по таблицамъ возростанія процентовъ оказывалось, что капиталъ, даваемый въ ссуду, очень скоро долженъ далеко превзойти всю сумму богатствъ, существующихъ или могущихъ когда-либо существовать на земномъ шарѣ; по таблицамъ возростанія чистой прибыли оказывалось, что каждый торговецъ, начавши торговать рублей на 200 или на 300, долженъ сдѣлаться лѣтъ черезъ 25 или 30 милліонеромъ, если не особенно несчастливъ; по другимъ таблицамъ возростанія чистой прибыли оказывалось, что она должна поглощать всю рабочую плату. Отчего же не доходитъ дѣло до подобныхъ результатовъ при столь сильномъ стремленіи прибыли доходить до нихъ? Что мѣшаетъ ей развиваться, какъ бы слѣдовало по ея натурѣ?

Причины, задерживающія ея развитіе, извѣстны каждому, кто сколько-нибудь вникалъ въ ходъ житейскихъ дѣлъ. Онѣ лежатъ въ натурѣ человѣка.

По натурѣ прибыли, коммерческое дѣло быстро расширяется, если хозяинъ его не подвергается особеннымъ несчастіямъ и оставляетъ хотя часть чистой прибыли идти на расширеніе дѣла: тутъ дѣйствуетъ сила сложныхъ процентовъ, сила, очень быстро увеличивающая капиталъ въ 5, въ 10, во 100, въ 1000 разъ. Но при этой тенденціи прибыли къ быстрому расширенію дѣла, какимъ образомъ измѣняется отношеніе къ дѣлу человѣка, бывающаго хозяиномъ дѣла? Извѣстно, какъ оно измѣняется.

Чѣмъ обширнѣе становится дѣло, тѣмъ больше выходятъ его подробности изъ подъ прямаго контроля хозяина. Все большая и большая часть надзора за веденіемъ дѣла переходитъ въ руки наемныхъ распорядителей. Кто же не знаетъ, какъ ведется дѣло наемнымъ распорядителемъ? Почти всегда небрежно и едва ли не въ большинствѣ случаевъ недобросовѣстно. Наемные распорядители стараются прибирать себѣ хозяйскія деньги. Извѣстно, какая трата порождается плутовствомъ. Чтобы украсть рубль, почти всегда бываетъ нужно дать погибнуть многимъ рублямъ, иногда многимъ десяткамъ рублей. Такимъ образомъ, если наемные распорядители успѣваютъ присвоить себѣ десятую часть прибыли, это значитъ, что кромѣ десятой части, попадающей въ ихъ руки, еще цѣлая половина прибыли теряется, не доходя ни до чьихъ рукъ. А та потеря, которая происходитъ не отъ плутовства, а только отъ небрежности наемныхъ распорядителей, остается уже вся чистою потерею.

Большому дѣлу нужны наемные распорядители: они небрежны. Но и въ самомъ хозяинѣ большею частію развивается небрежность соразмѣрно увеличенію его капитала. По нашей поговоркѣ „копѣйка рубль бережетъ“; но скучно слѣдить за копѣйками тому, у кого прежніе рубли разрослись въ тысячи.

Надзоръ хозяйскаго глаза все меньше и меньше можетъ проникать все дѣло, да и самъ становится все плоше по мѣрѣ увеличенія дѣла. Отъ этого процентъ прибыли уменьшается съ увеличеніемъ имущества, на которое идетъ прибыль. Это—фактъ до такой степени всеобщій, что въ Англіи уже никто не станетъ спорить, если вы скажете: процентъ прибыли, получаемой коммерческимъ человѣкомъ съ его капитала, обратно пропорціоналенъ размѣру его капитала. Кто торгуетъ на милліонъ фунтовъ, получаетъ съ каждой тысячи фунтовъ меньше прибыли, чѣмъ тотъ, кто торгуетъ на десять тысячъ фунтовъ; а кто торгуетъ на одну тысячу, получаетъ съ нея большій процентъ прибыли, чѣмъ торгующій на 10 тысячъ съ каждой своей тысячи. Чѣмъ больше становится дѣло, тѣмъ меньше становится процентъ прибыли отъ усиливающагося участія небрежности и недобросовѣстности въ распоряженіяхъ. Но это еще не все. Пока благосостояніе человѣка ростетъ до степени, сообразной съ его разумными нуждами, человѣкъ становится все разсудительнѣе и разсудительнѣе. Но есть размѣръ средствъ, превышающій силу обыкновеннаго человѣческаго благоразумія. Каждый знаетъ, вѣрна ли поговорка „съ жиру бѣсится“. Если у человѣка гораздо больше дохода, чѣмъ ему дѣйствительно нужно, онъ начинаетъ дѣлать пустые глупые расходы, пріобрѣтаетъ привычку къ дурачествамъ, которыя скоро переходятъ въ мотовство. Очень нерѣдки примѣры людей, глупѣющихъ по мѣрѣ своего обогащенія. Еще чаще видимъ, что разбогатѣвшій человѣкъ проматываетъ деньги, которыя достались ему такъ тяжело, и которыя онъ такъ благоразумно берегъ, пока не почувствовалъ себя очень богатымъ. Но если часто встрѣчаются и примѣры противоположнаго, если остаются до конца бережливы и благоразумны люди, разбогатѣвшіе собственными усиліями, то рѣдко уже бываютъ таковы ихъ дѣти: то, что накоплено отцомъ, проматывается сыномъ,— это обыкновенная исторія.

Не къ выгоднымъ мыслямъ о системѣ трехчленнаго дѣленія приводитъ насъ анализъ характера прибыли въ ея отдѣльности отъ рабочей платы. Посмотримъ, къ чему приведетъ насъ анализъ ренты въ ея отдѣльности отъ прибыли и рабочей платы.

Рента.

Землевладѣлецъ получаетъ изъ продукта долю, называемую рентой, не за то, что участвуетъ чѣмъ нибудь въ производствѣ, а за то, что дозволяетъ другимъ пользоваться землею, ему принадлежащею. Плодородіе разныхъ участковъ земли различно. Есть такіе участки, которые сверхъ рабочей платы и прибыли обыкновеннаго размѣра даютъ излишекъ; есть такіе, которые не даютъ этого излишка, но даютъ прибыль обыкновенной величины,— земли этого сорта могутъ воздѣлываться капиталистами для прибыли только въ томъ случаѣ, когда за выдачею рабочей платы, весь продуктъ остается у капиталистовъ. Землю худшаго сорта, которая не даетъ прибыли обыкновеннаго размѣра, уже не можетъ воздѣлывать капиталистъ для прибыли, а можетъ воздѣлывать только работникъ для своего прокормленія. Но при системѣ трехчленнаго дѣленія промышленныя дѣла ведутся капиталистами для прибыли, потому земля этого послѣдняго сорта не воздѣлывается, и воздѣлываніе не спускается ниже того сорта земли, который, за вычетомъ рабочей платы, оставляетъ капиталисту обыкновенную прибыль безъ всякаго излишка. За право воздѣлывать этотъ сортъ земли капиталистъ не можетъ платить владѣльцу ничего: если бъ землевладѣлецъ сталъ требовать платы, у капиталиста не осталось бы обыкновенной прибыли и онъ бросилъ бы воздѣлываніе. Землевладѣлецъ уступаетъ ему пользованіе землею этого сорта за-даромъ. (Разумѣется, надобно понимать это относительно тѣхъ участковъ послѣдняго сорта, которые лежатъ небольшими клочками среди лучшей земли. Они воздѣлываются, благодаря своему мѣстоположенію, но ничего не прибавляютъ къ платѣ, получаемой землевладѣльцемъ за лучшую землю). Этотъ самый низшій изъ воздѣлываемыхъ сортовъ земли служитъ нормою, по которой опредѣляется величина ренты, даваемой каждымъ изъ высшихъ сортовъ земли.

Если же (говоритъ Милль) изъ воздѣлываемыхъ земель наименьшій доходъ употребленному на нее труду и капиталу дастъ та часть, которая даетъ только обыкновенную прибыль на капиталъ, не оставляя ничего для ренты, этимъ дается норма для опредѣленія ренты, даваемой всякимъ другимъ сортомъ земли. Каждый сортъ земли даетъ ровно столько больше обыкновенной прибыли на затраченную сумму, сколько больше самаго худшаго изъ воздѣлываемыхъ сортовъ дастъ онъ. Этотъ излишекъ— сумма, которую фермеръ можетъ платить въ ренту землевладѣльцу; а если бы онъ не уплачивалъ этого излишка, онъ получалъ бы прибыль больше обыкновенной, и соперничество другихъ капиталистовъ, — соперничество, уравнивающее прибыль на разныя затраты капитала,—дало бы землевладѣльцу возможность взять этотъ излишекъ. Такимъ образомъ рента, даваемая извѣстнымъ сортомъ излишекъ продукта надъ тою суммою, какая получилась бы на такой же капиталъ, употребленный для обработки худшаго изъ воздѣлываемыхъ сортовъ земли. Земля, отдаваемая капиталисту-фермеру, никакъ не мо-

жетъ давать постояннымъ образомъ ренту больше этой, а если даетъ меньше, то лишь оттого, что земледѣлецъ уступаетъ фермеру часть суммы, которую, если захочетъ, можетъ получить.

Вотъ теорія ренты, прочно введенная въ науку трудами Рикардо. Противъ нея было много возраженій, но они возникали только изъ непониманія дѣла. Только одно изъ нихъ, придуманное Кери, должно быть упомянуто здѣсь, потому что успѣло спутать мысли довольно многихъ и у насъ, благодаря знаменитому Бастіа, заимствовавшему его у Кери и рекомендовавшему континентальной публикѣ какъ свое собственное изобрѣтеніе. (Впрочемъ, можетъ статься, и подлинно Бастіа не заимствовалъ, а самъ изобрѣлъ его: вѣдь случалось же иногда, что дѣлалось двумя мыслителями, однимъ независимо отъ другаго, какое-нибудь великое открытіе,— вѣдь изобрѣли же и Ньютонъ и Лейбницъ, каждый самъ по себѣ, дифференціальное исчисленіе; такъ почему же двѣ головы противоположнаго сорта не могутъ изобрѣсти одинаковаго вздора, независимо одна отъ другой?)—Намъ отъ себя не нужно ничего говорить въ опроверженіе этой нелѣпости, потому что достаточно обнаружена ея несообразность Миллемъ. Вотъ въ чемъ эта исторія.

Къ рентѣ обыкновенно причисляются нѣкоторые платежи, составляющіе собственно не ренту, а прибыль на капиталъ. Напримѣръ, часть суммы, платимой землевладѣльцу, арендаторъ фермы даетъ за пользованіе жилищемъ и другими постройками, — эта часть платежа не рента въ строгомъ смыслѣ слова, а прибыль на затраченный въ постройкахъ капиталъ, съ процентами погашенія этого капитала, разрушаемаго временемъ. Но если затраченъ капиталъ на улучшеніе самой земли, та часть платы, которая дѣлается за этотъ капиталъ, скорѣе можетъ назваться по мнѣнію Милля рентою, чѣмъ вознагражденіемъ за капиталъ. Если такъ, часть ренты съ нѣкоторыхъ земель—вознагражденіе за капиталъ, а другая часть ренты съ тѣхъ же земель и вся рента съ другихъ—вознагражденіе за силы природы. Замѣтивъ это, Милль продолжаетъ:

Американскій политико-экономъ Кери уничтожаетъ различіе между этими двумя источниками ренты, совершенно отрицая одинъ изъ нихъ: онъ считаетъ всякую ренту результатомъ затраченнаго капитала. Въ доказательство тому онъ утверждаетъ, что вся денежная цѣнность всей земли какого угодно государства, напр., Англіи или Соединенныхъ Штатовъ, далеко меньше суммы, какая была израсходована или какую надобно было бы израсходовать теперь, чтобы довести эту страну до нынѣшняго положенія изъ состоянія первобытнаго лѣса. За эту рѣзкую мысль схватились Бастіа и другіе писатели, какъ за средство защитить поземельную собственность аргументомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ всѣ другіе аргументы. Очевиднѣйшій смыслъ теоремы Кери равнозначителенъ тому, что если бы вдругъ прибавилась къ землямъ Англіи невоздѣланая территорія, равная этимъ землямъ по естественному плодородію, то не стоило бы жителямъ Англіи приниматься за ея воздѣлываніе, потому что прибыль отъ этой операціи не равнялась бы обыкновеннымъ процентамъ на израсходованный для того капиталъ. Если можно думать, что требуется отвѣтъ на такое мнѣніе, то довольно будетъ замѣтить, что въ Англіи постоянно обращается подъ обработку земля не равнаго, а гораздо низшаго качества, чѣмъ земли уже воздѣланныя, и что расходы на это вполнѣ выплачиваются рентою съ такой земли въ небольшое число лѣтъ.

Но мысль Кери не совершенно такая, какой могла бы показаться по этимъ его словамъ, безъ другихъ его объясненій. Онъ утверждаетъ не то, что земли какой угодно страны по среднему выводу не стоятъ суммъ, употребленныхъ на ихъ улучшеніе и что улучшеніе земли въ общей сложности было ошибочнымъ разсчетомъ для хозяевъ. Въ свою оцѣнку капитала, положеннаго въ землю, онъ включаетъ всѣ расходы на сооруженіе дорогъ и каналовъ, т. е. не на увеличеніе цѣнности земель, уже воздѣлываемыхъ, а на открытіе доступа къ другимъ землямъ, соперничествующимъ съ прежними. Но и съ этою поправкою его теорія почти столь же неосновательна, если придавать ей тотъ смыслъ въ которомъ она только и можетъ служить опорою его выводовъ. Положимъ, какъ мы полагаемъ, что прибавилась къ нынѣшней Англіи вторая Англія, по природѣ столь же плодородная: можетъ ли кто нибудь усомниться, что люди, которымъ была бы отдана новая земля, нашли бы въ денежномъ отношеніи выгоднымъ дѣломъ устроивать дороги, нужныя для доставленія продукта на рынокъ, по мѣрѣ того какъ воздѣлывалась бы земля? Кери вѣроятно отвѣчалъ бы, что устройствомъ этихъ дорогъ они могли бы возвысить свои ренты, но навѣрное понизили бы ренты старой англійской территоріи. Отвѣтъ совершенно вѣренъ и показываетъ обманчивость критеріума, принятаго Кери. Можетъ быть, что вся земля на свѣтѣ не имѣетъ продажной цѣны, равной суммѣ издержекъ, сдѣланныхъ на ея приведеніе въ нынѣшній видъ, съ прибавленіемъ издержекъ на устройство всѣхъ существующихъ путей сообщенія. Усовершенствованіе путей сообщенія имѣетъ тенденцію понижать существующія ренты, уменьшая монополію земли сосѣдней съ мѣстами, гдѣ собраны большія массы потребителей. Дороги и каналы строятся не затѣмъ, чтобы поднимать цѣнность земли, уже снабжающей рынки, а затѣмъ (между прочимъ), чтобы удешевлять предложеніе товара допущеніемъ на рынокъ продукта другихъ земель, болѣе отдаленныхъ; и чѣмъ успѣшнѣе достигается эта цѣль, тѣмъ сильнѣе понижается рента. Если бы вообразить, что желѣзныя дороги и каналы Соединенныхъ Штатовъ не просто удешевляютъ перевозку, а исполняютъ свое дѣло такъ успѣшно, что совершенно уничтожаютъ расходы перевозки и даютъ возможность продукту Мичигана достигать нью-йоркскаго рынка такъ же быстро и дешево, какъ достигаетъ продуктъ Лонгъ-Айленда, то уничтожилась бы вся цѣнность всей земли Соединенныхъ Штатовъ (кромѣ земли, по своему положенію удобной для построекъ) или, точнѣе сказать, наилучшая земля продавалась бы лишь за сумму, какой равняется расходъ на расчистку ея и плату по $1^1/_4$ доллеру за экръ, взимаемую правительствомъ при отводѣ новой земли, потому что съ такими расходами можно получать въ безграничномъ изобиліи землю въ Мичиганѣ, равняющуюся достоинствомъ наилучшей землѣ Соединенныхъ Штатовъ. Но странно то, что Кери почелъ этотъ фактъ противорѣчащимъ теоріи ренты Рикардо. Если согласиться со всѣмъ, что онъ говоритъ, все-таки останется справедливымъ, что пока есть земля, не дающая ренты, то земля, дающая ренту, даетъ ее вслѣдствіе какого нибудь преимущества своего по плодородію или близости къ рынкамъ надъ землею, не дающею ренты; и мѣра этого преимущества служитъ также мѣрою ренты. А причина, почему эта земля даетъ ренту, —то обстоятельство, что она обладаетъ естественною монополіею оттого, что количество земли, пользующейся равными съ нею выгодами, недостаточно для снабженія рынка. Эти мысли составляютъ теорію ренты, изложенную Рикардо, и если онѣ справедливы, я не вижу, какую важность имѣетъ то обстоятельство, больше, или меньше рента, даваемая нынѣ землею, чѣмъ проценты капитала, израсходованнаго на возвышеніе ея цѣнности, вмѣстѣ съ процентами капитала, израсходованнаго на пониженіе ея цѣнности. —Въ

своемъ послѣдующемъ сочиненіи „The Past, the Present, and the Future“ Кери приводитъ другое основаніе опровергать теорію ренты Рикардо: онъ ссылается на историческій фактъ, что земли, воздѣланныя раньше всѣхъ другихъ, были не самыя плодородныя, а безплодныя: „мы находимъ, что переселенцы всегда занимали землю въ верховьяхъ долинъ, гдѣ слой растительной почвы тонокъ, землю, легко расчищаемую и не требующую осушенія, вознаграждающую трудъ малымъ урожаемъ; потомъ всегда спускались они все ниже и ниже, очищая и осушая плодородныя низменности по мѣрѣ того, какъ росло населеніе и богатство. Когда населеніе малочисленно и земли много, воздѣлываніе начинается и всегда должно начинаться съ почвъ небогатыхъ. Съ возрастаніемъ населенія и богатства всегда расширяется воздѣлываніе на другія почвы, болѣе плодородныя, такъ что вознагражденіе за употребленный на нихъ трудъ постоянно ростетъ“.

Правда, что рѣдко воздѣлываніе начинается съ земель, расчистка и осушеніе которыхъ требуютъ наибольшаго труда: вѣроятно справедливо то, что въ новыхъ странахъ воздѣлываніе обыкновенно начинается на холмахъ и спускается съ нихъ въ долины; потому часто можетъ случаться (хотя, разумѣется, непремѣннаго правила тутъ нѣтъ), что плодороднѣйшія земли остаются невоздѣланными дольше другихъ земель, природная производительность которыхъ меньше, даже и по пропорціи труда и расхода требуемаго ихъ воздѣлываніемъ. Но Кери едва ли можетъ сказать, что въ какой бы то ни было старой странѣ невоздѣланныя земли—вообще земли такого сорта, который былъ бы наивыгоднѣйшимъ для воздѣлыванія. Впрочемъ сдѣлаемъ даже и эту уступку; предположимъ вмѣстѣ съ Кери, что расширеніе нивъ идетъ къ лучшимъ землямъ, отъ безплодныхъ къ плодоноснымъ, а не къ худшимъ, не отъ плодоносныхъ къ безплоднымъ, и что, напримѣръ, невоздѣланная земля Англіи, Шотландіи и Ирландіи составляетъ именно ту часть этихъ странъ, которая назначена со временемъ давать наибольшее вознагражденіе земледѣльческому труду. Читатель согласится, что это уступка довольно большая; но даже и она не послужитъ возраженіемъ противъ закона ренты, изложеннаго нами въ этой главѣ. Если болота и скалы въ родѣ Дартмура и Шепъ-Фельза—плодороднѣйшія земли въ Англіи, то когда они обратятся подъ воздѣлываніе, они будутъ давать наибольшую ренту, а земли, которыя тогда вовсе не станутъ давать ренты, будутъ вѣроятно нынѣшнія плодороднѣйшія земли, въ родѣ Эссекской равнины и Carse of Gowrie. Въ какомъ бы порядкѣ ни обращались земли подъ воздѣлываніе, но цѣну земледѣльческаго продукта непремѣнно будутъ опредѣлять тѣ земли, воздѣлываніе которыхъ даетъ наименьшую выручку по пропорціи употребляемаго на нихъ труда; а всѣ другія земли будутъ платить ренту, прямо равняющуюся излишку ихъ продукта надъ этимъ minimum.

Рента представляетъ собою сбереженіе расхода на землѣ лучшаго качества сравнительно съ худшею землею, которая не платитъ ренты. Изъ этого видно, что отъ платежа ренты только уравниваются расходы капиталистовъ, воздѣлывающихъ земли разнаго качества, но нисколько не возвышается размѣръ расхода, нужнаго для воздѣлыванія земли худшаго сорта. А при соперничествѣ, цѣна продукта должна быть одинакова, хотя бы часть продукта получалась съ однимъ расходомъ, другая часть—съ другимъ. Изъ этого заключаютъ, что рента вообще не увеличиваетъ собою расходовъ производства. Если смотрѣть на дѣло только со стороны продажныхъ цѣнъ при трехчленномъ дѣленіи продукта, оно дѣйствительно кажется такъ. Если бы капиталистъ не платилъ ренту, то кажется, что онъ про-

давалъ бы хлѣбъ все-таки за ту же цѣну, за какую продаетъ его при платежѣ ренты. Но совершенно иное открывается, когда мы, не останавливаясь на цѣнѣ, феноменѣ внѣшнемъ и случайномъ, разберемъ сущность дѣла.

Предположимъ, что общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи 1000 рабочихъ дней, которые могло бы употребить на земледѣліе. Предположимъ, что этому обществу нужно 40 четвертей хлѣба. Предположимъ, что земля, находящаяся подъ руками этого общества, раздѣляется на три сорта. На землѣ лучшаго сорта 1 четверть хлѣба получается трудомъ 15 дней. Земля этого сорта имѣетъ такое пространство, что съ нея можно получить 20 четвертей. На землѣ втораго сорта 1 четверть хлѣба получатся трудомъ 30 дней, а на землѣ третьяго сорта трудомъ 40 дней: земля каждаго изъ этихъ двухъ сортовъ имѣетъ такое пространство, что можно съ каждаго сорта получить по 10 четвертей. Предположимъ, что это общество составляетъ одно хозяйство,—гипотеза, не превышающая размѣра нынѣшнихъ хозяйствъ: 40 четвертей хлѣба соотвѣтствуютъ потребленію семьи, имѣющей около 15 человѣкъ въ своемъ составѣ. Посмотримъ, что будетъ съ потребностью семейства въ земледѣльческомъ продуктѣ при гипотезѣ платежа и при гипотезѣ неплатежа ренты въ чужія руки.

Если семейство не платитъ ренты въ чужія руки, оно, конечно, позаботится употребить на земледѣльческій продуктъ всѣ силы, какими можетъ располагать для этого дѣла. Земледѣльческая часть его хозяйства будетъ имѣть такой видъ:

Какой сортъ земли воздѣлывается.	Сколько дней труда употребляется на каждую четверть.	Количество полученнаго продукта.	Количество дней, употребляемыхъ на полученіе продукта.
1-й . . .	15	20	300
2-й . . .	30	10	300
3-й .	40	10	400
Итого	—	40	1,000

Семейство получаетъ земледѣльческій продуктъ въ полномъ количествѣ, какое нужно ему, благодаря тому, что употребляетъ на земледѣліе всѣ тѣ рабочіе дни, какіе можетъ употреблять на него безъ вреда для другихъ своихъ потребностей.

Предположимъ теперь, что рента платится въ чужія руки. Въ сущности, всѣ платежи производятся трудомъ, — деньги только служатъ векселями на полученіе труда, а требованіе уплаты продуктомъ вмѣсто уплаты трудомъ имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что сокращаетъ для получающаго уплату періодъ между полученіемъ уплаты и обращеніемъ ея на потребленіе. Примемъ же для простоты, что форма платежа соотвѣтствуетъ его сущности, что рента и по формѣ уплачивается рабочими днями, какъ всегда уплачивается ими въ существѣ дѣла. Тогда мы будемъ имѣть:

Если бы семейство воздѣлывало только земли перваго сорта, никакого платежа ренты не было бы. Но съ этой земли получается только 20 четвертей, а нужно 40 четвертей. Изъ 1000 рабочихъ дней употреблено только 300; остается въ распоряженіи семейства еще 700 дней. Конечно, оно обратитъ ихъ на увеличеніе земледѣльческаго продукта, станетъ воздѣлывать

землю втораго сорта.—Земля втораго сорта дастъ 10 четвертей съ употребленіемъ на то 300 рабочихъ дней. Она еще не платитъ ренты, но земля перваго сорта уже платитъ ренту, по 15 рабочихъ дней съ каждой четверти даваемаго ею хлѣба. Подведемъ теперь разсчетъ.

Сорты земли.	Сколько дней употребляется на четверть.	Количество получаемаго продукта.	Количество дней, употребленныхъ на полученіе продукта.	Количество дней употребленныхъ на уплату ренты.	Всего израсходовано дней.
1-й . .	15	20	300	300	600
2-й .	30	10	300	—	300
Итого . . .	30	30	600	300	900

Но продукта все еще недостаточно, а рабочихъ дней израсходовано только 900 и остается въ распоряженіи семейства еще 100 дней. Конечно, они будутъ употреблены на пополненіе продукта. Такъ ли вы полагаете? Если такъ, воздѣлываніе расширится на земли третьяго сорта. Посмотримъ, что тогда будетъ. На землѣ 3-го сорта 1 четверть требуетъ 40 дней труда; значитъ 1 четверть хлѣба съ земли 2-го сорта будетъ платить 10, а 1 четверть хлѣба съ земли 1-го сорта—25 рабочихъ дней въ ренту. Положимъ, что будетъ сначала употреблено на землю 3-го сорта количество рабочихъ дней, нужное на полученіе только 1 четверти хлѣба. Мы будемъ имѣть:

Сорты земли.	Число дней на четверть.	Полученный продуктъ.	Число дней употребленныхъ на полученіе продукта.	Число дней уплаченныхъ въ ренту.	Всего израсходовано дней.
1-й . .	15	20	300	500	800
2-й . .	30	10	300	100	400
3-й .	40	1	40	—	40
Итого . .	—	31	640	600	1,240

Мы видѣли, что семейство безъ вреда для другихъ своихъ потребностей могло употреблять на земледѣліе только 1,000 дней; но вѣдь было же у него кромѣ этихъ 1,000 дней извѣстное количество дней, употреблявшихся на другія потребности,—вотъ теперь ему и представляется выборъ поступить какъ угодно: или не воздѣлывать землю третьяго сорта, и остаться съ недостаточнымъ количествомъ земледѣльческаго продукта, или переносить на увеличеніе этого продукта рабочіе дни отъ другихъ потребностей, которые останутся уже не вполнѣ удовлетворены. На практикѣ вопросъ рѣшается тѣмъ, имѣетъ ли семейство достаточное число дней, чтобы перенесеніемъ ихъ на земледѣліе могъ пополниться земледѣльческій продуктъ до нужнаго количества 40 четвертей. Положимъ, что весь фондъ рабочихъ дней въ другихъ занятіяхъ составлялъ 800 дней. Если перенести на земледѣліе всѣ дни, нужные для пополненія земледѣльческаго продукта, счетъ будетъ таковъ:

Сорты земли.	Число дней на четверть.	Полученный продуктъ.	Число дней употребленныхъ на полученіе продукта.	Число дней уплаченныхъ въ ренту.	Всего израсходовано дней.
1-й . .	15	20	300	500	800
2-й . .	30	10	300	100	400
3-й .	40	10	400	—	400
Итого . .	—	40	1,000	600	1,600

При этомъ счетѣ потребность въ земледѣльческомъ продуктѣ была бы удовлетворена хорошо; но на всѣ другія потребности, вмѣсто нужныхъ 800 дней, оставалось бы только 200. Лишенія по этимъ другимъ потребностямъ были бы слишкомъ уже тяжелы, и потому принимается средній путь: часть рабочихъ дней переносится отъ другихъ занятій на земледѣліе, но въ такомъ размѣрѣ, что земледѣльческій продуктъ получается не въ полномъ количествѣ, за то другія потребности удовлетворяются не на одну четвертую часть, какъ было бы при полученіи полнаго земледѣльческаго продукта, а на цѣлую половину или на пять осьмыхъ,—положимъ на половину; тогда положеніе семейства будетъ:

Изъ 800 дней отъ всѣхъ другихъ потребностей перенесено на земледѣліе 400 дней; земледѣліе имѣетъ 1,400 дней; земледѣльческій продуктъ получается въ такомъ количествѣ:

Сорты земли.	Число дней на четверть.	Полученный продуктъ.	Число дней употребленныхъ на полученіе продукта.	Число дней уплаченныхъ въ ренту.	Всего израсходовано дней.
1-й	15	20	300	500	800
2-й	30	10	300	100	400
3-й	40	5	200	—	200
Итого	—	35	800	600	1,400

Вмѣсто нужныхъ 40 лотовъ хлѣба съѣсть только 35 лотовъ,—эта значитъ остаться лишь немножко голоднымъ; а по нуждѣ можно назвать себя и сытымъ послѣ такой ѣды. Употреблять на одежду, жилище и т. д. только половину труда, какой былъ бы нуженъ,—это значитъ имѣть одежду плохую, жилище дрянное, но все-таки еще не оставаться безъ одежды и жилища. Чего же больше?—Жить можно.

Вотъ вліяніе ренты, когда она отдѣляется отъ рабочей платы. Если угодно, вы можете доказывать, что рента не входитъ въ издержки производства, что она не составляетъ лишняго расхода, а выражаетъ собою только экономію труда въ лучшихъ условіяхъ сравнительно съ трудомъ въ менѣе хорошихъ условіяхъ. Положимъ, что все это такъ; но какъ бы тамъ ни было, рента составляетъ долю продукта; если она отдѣляется отъ рабочей платы, это значитъ что у человѣка, занимающагося производствомъ, остается ровно настолько меньше продукта, насколько выдѣляется изъ продукта рентой. Такова сущность дѣла. Какимъ способомъ она проявляется при нынѣшнемъ устройствѣ, когда распредѣленіе совершается посредствомъ обмѣна, это мы увидимъ, когда будемъ разсматривать вопросъ о цѣнахъ.

Извѣстно, что рента, подобно прибыли, имѣетъ тенденцію захватывать все большую и большую долю изъ продукта. Никто изъ серьезныхъ политико-экономовъ не сомнѣвается въ этомъ. Изъ маленькихъ таблицъ, приведенныхъ нами, уже можно замѣтить, что величина ренты имѣетъ свойство возростать гораздо быстрѣе, чѣмъ ростетъ сумма продукта. Но чтобы этотъ ходъ дѣла былъ еще виднѣе, приведемъ таблицу, составленную для разъясненія именно этой стороны дѣла.

Положимъ, что земля извѣстной страны раздѣляется по своему плодородію на 10 сортовъ, изъ которыхъ лучшій дастъ при извѣстномъ количествѣ труда 10 четвертей, второй—9, третій 8 и т. д., а самый низшій только 1 четверть пшеницы съ десятины. Положимъ для простоты, что пространство всѣхъ сортовъ земли одинаково, напримѣръ, каждаго сорта находится по 100 десятинъ. Посмотримъ теперь, какъ будетъ возростать доля ренты по мѣрѣ распространенія хлѣбопашества на низшіе сорты земли.

Пока воздѣлывается только земля перваго сорта, ренты, нѣтъ. Продуктъ $(100\times10)=1000$ четвертей.

Когда воздѣлываніе спускается на второй сортъ, продуктъ увеличивается на 900 четвертей (100×9); земля перваго сорта даетъ ренту по 1 четверти съ десятины; всего получается 1,900 четв. продукта; изъ нихъ 100 четв. идутъ въ ренту.

Продолживъ этотъ счетъ до послѣдняго сорта земли, мы будемъ имѣть слѣдующую таблицу:

Сортъ земли, до котораго расширилось воздѣлываніе.	Сумма продукта съ этого и высшихъ сортовъ земли.	Изъ этого продукта идутъ въ ренту.	Остается на рабочую плату и прибыль.	Какую долю въ суммѣ продукта составляетъ рента.	Какая доля изъ продукта остается на рабочую плату и прибыль.
1-й (10 четв.)	1,000	—	1,000	—	100%
2-й (9 „)	1,900	100	1,800	5%	95%
3-й (8 „)	2,700	300	2,400	11%	89%
4-й (7 „)	3,400	600	2,800	18%	82%
5-й (6 „)	4,000	1,000	3,000	25%	75%
6-й (5 „)	4,500	1,500	3,000	33%	67%
7-й (4 „)	4,900	2,100	2,800	43%	57%
8-й (3 „)	5,200	2,800	2,400	54%	46%
9-й (2 „)	5,400	3,600	1.800	67%	33%
10-й (1 „)	5,500	4,500	1,000	82%	18%

Мы тутъ видимъ, что рента играетъ относительно прибыли и рабочей платы точно такую же роль, какую прибыль играетъ относительно рабочей платы. Она развивается по быстрѣйшей прогрессіи, чѣмъ сумма продукта. Но начинается она маленькою величиною, такъ что на первыхъ порахъ прибавка къ продукту еще не вся поглощается ея развитіемъ: уменьшается только процентное содержаніе части, остающейся на прибыль и рабочую плату, но еще ростетъ абсолютная величина этой части; потомъ рента становится уже такъ велика, что вся прибавка къ продукту поглощается ею; дальше, вся эта прибавка оказывается недостаточна, рента захватываетъ все больше и больше изъ части продукта, оставшейся прежде на прибыль и рабочую плату, такъ что и абсолютная величина этой части начинаетъ уменьшаться, все быстрѣе и быстрѣе.

Но въ дѣйствительности рента рѣдко достигаетъ такой силы, чтобы уменьшать абсолютную величину части, остающейся на рабочую плату и прибыль; обыкновенно, возростаніе ренты держится на такомъ предѣлѣ, что уменьшается только пропорція, составляемая въ возростающемъ продуктѣ прибылью и рабочею платою, но абсолютная величина фонда прибыли и рабочей платы остается безъ уменьшенія или даже нѣсколько воз-

ростаетъ, только возростаетъ во всякомъ случаѣ гораздо медленнѣе, чѣмъ сумма продукта.—Чѣмъ производится эта задержка поглощающему возростанію ренты? При трехчленномъ дѣленіи она производится дѣйствіемъ двухъ силъ, совершенно противоположныхъ по вліянію на общественное благосостояніе, но совершенно одинаково дѣйствующихъ на ренту.

Первая изъ этихъ силъ—сила совершенно посторонняя трехчленному дѣленію продукта, сила цивилизаціи, прогресса, усовершенствованій. Общая формула всякаго прогресса состоитъ въ томъ, что онъ уменьшаетъ силу неравенствъ. Въ примѣненіи къ земледѣльческому производству каждое усовершенствованіе, возвышая успѣхъ дѣла въ лучшихъ обстоятельствахъ, обыкновенно еще значительнѣе возвышаетъ его въ обстоятельствахъ менѣе хорошихъ, а во всякомъ случаѣ устраняетъ надобность вести дѣло въ обстоятельствахъ, бывшихъ прежде самыми худшими. Напр., если отъ замѣны сохи хорошимъ плугомъ на землѣ перваго сорта будетъ родиться 12 четвертей вмѣсто прежнихъ 10, то на землѣ пятаго сорта будетъ въ большей части случаевъ родиться вмѣсто прежнихъ 6 четвертей не 8, а 9; а во всякомъ случаѣ отъ значительнаго увеличенія продукта съ этихъ первыхъ пяти сортовъ земли отстранится надобность воздѣлывать землю шестаго сорта, которая воздѣлывалась прежде, давая только 5 четвертей. Такимъ образомъ низшая норма успѣшности дѣла, норма, опредѣляющая ренту, значительно облегчается. Напримѣръ: предполагая даже, что продуктъ земли пятаго сорта возвысился отъ усовершенствованія не больше, чѣмъ продуктъ земли перваго сорта, и предполагая, что обществу нуженъ продуктъ въ 4.500 четвертей, мы будемъ имѣть слѣдующія очень различныя положенія дѣлъ до усовершенствованія и послѣ усовершенствованія (полагаемъ, что всѣ сорты земли равны по пространству, какъ полагали выше).

До усовершенствованія:

Сорты земли.	Продуктъ съ десятины.	Сумма продукта.	Рента съ десятины.	Сумма ренты.	Доля, остающаяся на прибыль и рабочую плату.
1-й	10	1000	5	500	500
2-й	9	900	4	400	500
3-й	8	800	3	300	500
4-й	7	700	2	200	500
5-й	6	600	1	100	500
6-й	5	500	—	—	500
Итого . .	—	4,500	—	1,500	3,000

По усовершенствованіи:

Сорты земли.	Продуктъ съ десятины.	Сумма продукта.	Рента съ десятины.	Сумма ренты.	Доля, остающаяся на рабочую плату и прибыль
1-й	12	1200	4	400	800
2-й	11	1100	3	300	800
3-й	10	1000	2	400	800
4-й	9	900	1	100	800
5-й	8	800	—	—	800
Итого . .	—	5,000	—	1,000	4,000

Такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ продуктъ увеличился отъ усовершенствованія на 500 четв., рента уменьшилась на 500 четвертей; до усо-

вершенствованія она захватывала третью часть продукта, послѣ усовершенствованія беретъ только пятую часть его; уменьшилась на третью часть прежняго количества и абсолютная величина ренты: за то увеличилась на третью часть прежняго количества абсолютная величина доли, остающейся на прибыль и рабочую плату.

Другая сила, задерживающая возростаніе работы при трехчленномъ дѣленіи, находится въ самой чрезмѣрности стремленія ренты возростать: рента идетъ къ поглощенію прибыли и рабочей платы, то есть къ низверженію трехчленнаго дѣленія продукта, къ замѣнѣ его формою устройства, еще менѣе удовлетворительною,—формою, при которой и предприниматель и работникъ потеряли бы самостоятельность, сдѣлались бы принадлежностью землевладѣльца, частью его собственности. Прибыль идетъ при этой системѣ къ подчиненію работника капиталисту, а рента идетъ къ подчиненію работника и капиталиста вмѣстѣ землевладѣльцу. Само собою разумѣется, что такая ретроградная тенденція отражается на производствѣ уменьшеніемъ его успѣшности, то есть, рента при трехчленномъ дѣленіи идетъ не только къ уменьшенію доли продукта, остающейся на рабочую плату и прибыль, но и къ уменьшенію самой суммы продукта, то есть ведетъ къ уменьшенію населенія; а при уменьшеніи населенія конечно прекращается надобность воздѣлывать послѣдній изъ воздѣлывающихся прежде сортовъ земли, и отъ этого рента подрываетъ сама себя.—Эта тенденція ренты уменьшать сумму продукта конечно борется съ силою прогресса, стремящеюся увеличить его, и въ новыя времена сила прогресса стала уже на столько велика, что одерживаетъ постоянный перевѣсъ, и дѣйствіе ренты въ новой исторіи является не уменьшающимъ продуктъ, а только уменьшающимъ его увеличеніе.

По характеру книги Милля и нашъ очеркъ, держащійся этой книги, имѣетъ характеръ чисто теоретическій, отвлеченный; мы только анализируемъ принципы, предоставляя самому читателю соображать факты, соотвѣтствующіе принципамъ въ дѣйствительности: мы почти не приводимъ ни статистическихъ, ни историческихъ фактовъ, потому что довольно обильные матеріалы для этого существуютъ въ памяти каждаго читателя, а мы стараемся, подобно Миллю, объ уменьшеніи числа страницъ, которое все-таки выходитъ очень велико. Лишь въ нѣкоторыхъ крайнихъ случаяхъ надобности мы отступаемъ отъ своего правила и къ теоретическимъ соображеніямъ присоединяемъ краткое указаніе на факты. Такъ, напримѣръ, здѣсь мы должны сослаться на исторію и статистику, чтобы засвидѣтельствовать, съ какою точностью подтверждается всею суммою фактовъ теоретическій анализъ, представленный нами.

Мы видѣли, что рента въ чрезмѣрности своего стремленія расширяться идетъ къ уменьшенію суммы продукта, отвергая успѣшнѣйшія формы производства для осуществленія своей тенденціи поглотить прибыль и рабочую плату. Вся Англія служитъ подтвержденіемъ тому. Лендлорды враждебны срочнымъ контрактамъ, которые были бы выгоднѣе контрактовъ безсрочныхъ, оставляющихъ лендлорду власть удалить фермера когда хочетъ,

Рента стремится подчинить себѣ прибыль и рабочую плату,—въ переводѣ на дѣйствительные факты это значитъ, что лендлордъ враждебенъ самостоятельности фермера и работника; и мы видимъ въ Англіи, что лендлордъ старается держать ихъ въ этой зависимости отъ себя даже съ убыткомъ для всѣхъ, въ томъ числѣ и для самого себя.

Мы видѣли, что прибыль стремится поглотить рабочую плату; это значитъ, что капиталисту нужно держать работника въ такой же зависимости отъ себя, въ какой лендлорду нужно держать и капиталиста и работника. Исторія всѣхъ цивилизованныхъ странъ—одно непрерывное свидѣтельство постоянства этой тенденціи.

Мы видѣли, что интересы ренты противоположны интересамъ прибыли и рабочей платы вмѣстѣ. Противъ сословія, которому выдѣляется рента, средній классъ и простой народъ всегда были союзниками.

Мы видѣли, что интересъ прибыли противоположенъ интересу рабочей платы. Какъ только одерживаютъ въ своемъ союзѣ верхъ надъ получающимъ ренту классомъ сословіе капиталистовъ и сословіе работниковъ, исторія страны получаетъ главнымъ своимъ содержаніемъ борьбу средняго сословія съ народомъ.

Надобно ли намъ заканчивать статью краткимъ перечнемъ результатовъ, полученныхъ изъ анализа системы трехчленнаго дѣленія? Быть можетъ это нужно, потому что статья длинна и слѣдуетъ напомнить выводы, разсѣянные по ней. Но вѣдь конецъ одного дѣла служитъ началомъ другаго; почему же перечень, которому слѣдовало бы служить заключеніемъ этой статьи, не послужитъ началомъ для другой?—пусть послужитъ когда нибудь. Намъ кажется, что на этотъ разъ и безъ всякаго заключенія довольно ясно останется въ читателѣ то общее впечатлѣніе, что система трехчленнаго дѣленія не соотвѣтствуетъ требованіямъ экономической теоріи.

Теорія говоритъ, что успѣшность труда зависитъ отъ качествъ труда, т. е. отъ качествъ работника. Теорія принимаетъ за аксіому, что хорошія качества въ чемъ бы то ни было обусловливаются у человѣка благосостояніемъ. Слѣдовательно успѣшность труда зависитъ отъ благосостоянія работника. При трехчленномъ дѣленіи рабочая плата не можетъ быть удовлетворительна, работникъ не можетъ быть хорошъ. Прибыль стремится при этомъ дѣленіи оставить ему какъ можно меньшую долю продукта.

Теорія говоритъ, что прибыль должна служить возбужденіемъ къ дѣятельности и бережливости. При трехчленномъ дѣленіи прибыль постоянно развивается до степени излишества, повергающей человѣка въ праздность и мотовство. О рентѣ мы ничего не говоримъ.

Трехчленное дѣленіе продукта несообразно съ требованіями экономической теоріи не какими нибудь случайными принадлежностями своими, а самою сущностью своею. Противорѣчіе съ наукою и съ условіями человѣческаго благосостоянія лежитъ не въ подробностяхъ, которыя могли бы измѣниться съ сохраненіемъ принципа, а въ самомъ принципѣ трехчленной системы распредѣленія.

О Б М Ѣ Н Ъ.

(Милль, книга третья).

Цѣнность и стоимость производства.

(гл. I—VI).

Въ теоріи распредѣленія встрѣчали мы такіе отдѣлы, которые достаточно разработаны основателями господствующей теоріи и у Милля изложены совершенно удовлетворительно. Еще больше мы найдемъ подобныхъ отдѣловъ въ теоріи обмѣна. Съ опасностью наскучить читателю слишкомъ частымъ повтореніемъ одной и той же мысли, мы скажемъ и здѣсь, что совершенно ошибаются люди, полагающіе, будто бы разница ученія, раздѣляемаго нами, отъ господствующей теоріи состоитъ въ опроверженіи теоремъ, найденныхъ Смитомъ и съ наибольшею точностью формулированныхъ Рикардо. Вовсе нѣтъ. Почти всѣ эти формулы совершенно справедливы, и мы даже защищаемъ ихъ противъ невѣрныхъ учениковъ господствующей теоріи, старающихся замаскировать ихъ силу разными пустыми возраженіями. Такъ напримѣръ, теорія ренты Рикардо имѣетъ въ насъ самыхъ усердныхъ защитниковъ. Но науку въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ ее Рикардо и въ какомъ съ небольшими улучшеніями излагаетъ Милль, мы считаемъ только началомъ экономической науки, — началомъ въ обоихъ смыслахъ этого слова: и въ томъ смыслѣ, что дальнѣйшее развитіе науки выводится изъ этого начала, и въ томъ, что въ слѣдующемъ развитіи глубже и полнѣе изслѣдуется значеніе формулъ Рикардо, дѣлаются изъ нихъ выводы, которыхъ еще не сдѣлано вначалѣ. Если хотите, вульгарное, но очень вѣрное сравненіе, тутъ—первая часть ариѳметики и вся ариѳметика. Первыя четыре дѣйствія надъ цѣлыми и отвлеченными числами служатъ основаніемъ для всего остальнаго. Если хотите, они и въ своей отдѣльности отъ всего остальнаго чрезвычайно важны и полезны. Но не слѣдуетъ приверженцу ихъ скрывать отъ себя, что безъ вытекающаго изъ нихъ ученія объ именованныхъ и дробныхъ числахъ, о тройномъ правилѣ и т. д. далеко не уйдешь въ разрѣшеніи житейскихъ задачъ, требующихъ рѣшенія отъ ариѳметики.

Въ теоріи обмѣна главное понятіе—цѣнность и притомъ мѣновая цѣнность. Были политико-экономы, ставившіе это понятіе основнымъ понятіемъ

всей науки, которая у нихъ имѣла почти исключительнымъ предметомъ своимъ теорію обмѣна: о производствѣ и распредѣленіи говорили они лишь для объясненія законовъ, по которымъ происходитъ обмѣнъ. Милль справедливо вооружается противъ такого взгляда, замѣтнаго у бо́льшей части нынѣшнихъ послѣдователей Адама Смита не только на континентѣ, но и въ самой Англіи. Уже тотъ самый фактъ, что изъ пяти книгъ своего трактата могъ Милль изложить цѣлыхъ двѣ книги, почти не касаясь цѣнности, достаточно свидѣтельствуетъ, по его словамъ, о чрезмѣрной узкости взгляда, имъ опровергаемаго.

Очевидно, что изъ двухъ великихъ отдѣловъ политической экономіи понятіе цѣнности относится лишь къ распредѣленію богатства, не относясь къ его производству; да и распредѣленія касается оно лишь въ той мѣрѣ, въ какой распредѣляющею силою является соперничество, а не обычай или обыкновеніе. Условія и законы производства остались бы точно тѣ же, какъ нынѣ, если бы устройство общества не зависѣло отъ обмѣна или не допускало его. Даже и при нынѣшнемъ устройствѣ промышленной жизни, когда занятія раздѣлены очень дробно и вознагражденіе всѣхъ участвующихъ въ производствѣ опредѣляется цѣною какого-нибудь одного товара, даже и тутъ обмѣнъ не служитъ основнымъ закономъ распредѣленія продукта,—все равно какъ дороги и фуры не служатъ существенными законами движенія, а составляютъ лишь часть механизма, посредствомъ котораго идетъ движеніе. Смѣшивать эти понятія значитъ, по моему мнѣнію, дѣлать не только логическую, но и практическую ошибку. Въ политической экономіи слишкомъ часто дѣлаютъ ту ошибку, что не различаютъ необходимость, возникающую изъ существа дѣла, отъ необходимости, создаваемой общественнымъ устройствомъ, и это, мнѣ кажется, всегда производитъ два противоположныя дурныя послѣдствія. Съ одной стороны политико-экономы ставятъ часто временныя истины своего предмета въ рядъ вѣчныхъ и всеобщихъ его законовъ; а съ другой стороны отъ того же самаго многіе принимаютъ вѣчные законы производства (какъ напримѣръ законы, на которыхъ основана необходимость сдерживать размноженіе людей) за временныя и случайныя послѣдствія нынѣшняго общественнаго устройства,—послѣдствія, которыми можно пренебрегать при составленіи новой системы общественнаго устройства.

Но при нынѣшней системѣ распредѣленія понятіе цѣнности очень важно. Если хотите, оно останется столь же важно и при болѣе удовлетворительной системѣ распредѣленія. Но важность будетъ придаваться тогда не тому видоизмѣненію этого понятія, которое выставляется теперь на первый планъ, а другому, о которомъ господствующая теорія говоритъ очень мало. Читателю извѣстно, что сама эта теорія различаетъ два вида цѣнности: внутреннюю и мѣновую. О внутренней цѣнности она забываетъ тотчасъ же, какъ только скажетъ мимоходомъ, что есть кромѣ мѣновой цѣнности внутренняя, и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на одной мѣновой. Мы считаемъ это недостаткомъ и, разсмотрѣвъ законы мѣновой цѣнности, изслѣдуемъ, насколько позволяютъ намъ предѣлы статьи, вопросъ о томъ, какое вліяніе на экономическую судьбу общества должна произвести та неизбѣжная перемѣна, когда при развитіи разсудительности люди станутъ прилежнѣе нынѣшняго всматриваться во внутреннюю цѣнность предметовъ. Итакъ—сначала о мѣновой цѣнности.

Есть пріемъ, посредствомъ котораго очень легко усвоить себѣ понятіе мѣновой цѣнности, несмотря на его высокую отвлеченность. Что такое цѣна вещи, это очень ясно для каждаго. Теперь: цѣна вещи именно и есть ея мѣновая цѣнность, выраженная въ денежномъ счетѣ. Замѣните именованныя числа рублей и копѣекъ отвлеченными числами, проще сказать отбросьте эти слова—рубль и копѣйка, оставьте только цифры, при которыхъ они стоятъ, и вы будете имѣть мѣновую цѣнность вещи. Положимъ, что въ извѣстное время въ извѣстномъ мѣстѣ четверть пшеницы стоитъ 5 рублей, за рабочій день плотнику платится одинъ рубль, за кубическую сажень березовыхъ дровъ 15 рублей. Это цѣны. Отбросьте теперь слово рубль, и у васъ останутся мѣновыя цѣнности, состоящія въ цифрахъ 5, 1, 15. Имѣя только эти цифры, вы уже будете разсматривать не то, сколько денегъ нужно на покупку извѣстной вещи, а то, въ какой пропорціи одна вещь обмѣнивается на другую. Понятіе о деньгахъ отвлекаетъ ваше вниманіе отъ того факта, что четверть пшеницы (5) обмѣнивается на 5 рабочихъ дней плотника (1) или на одну третью часть кубической сажени березовыхъ дровъ (15). А вотъ въ этомъ самомъ отношеніи, въ этой пропорціи и заключается сущность дѣла. Мѣновая цѣнность вещи есть покупательная сила вещи, степень власти къ пріобрѣтенію другихъ вещей въ замѣнъ за эту вещь. При нынѣшнемъ устройствѣ общества мѣновая цѣнность вообще совпадаетъ съ цѣною, потому очень долго эти два понятія смѣшивались не только практикою, а даже и теоріею. Но наука должна стремиться къ разложенію всякаго сложнаго понятія на основныя. Мы видимъ, что понятіе цѣны составляется изъ двухъ понятій: мѣновая цѣнность и деньги. Потому наука должна отдѣльно изслѣдовать каждое изъ этихъ двухъ понятій. Приступая къ анализу понятія мѣновой цѣнности. Милль дѣлаетъ предварительное замѣчаніе, небезполезное для нашей спеціальной цѣли,—для показанія недостаточности господствующей теоріи и того порядка, къ которому одному приложима она. Вотъ что говоритъ Милль:

5. Прежде, чѣмъ начать изслѣдованіе законовъ цѣнности и цѣны, надобно сдѣлать еще одно замѣчаніе. Я долженъ разъ навсегда предупредить, что случаи, разсматриваемые мною,—тѣ случаи, въ которыхъ цѣнности и цѣны опредѣляются однимъ соперничествомъ. Лишь насколько цѣнности и цѣны опредѣляются имъ, настолько и можно подвести ихъ подъ опредѣленные законы; надобно полагать, что покупщики столько же заботятся о дешевой покупкѣ, сколько продавцы о дорогой продажѣ. Такимъ образомъ цѣнности и цѣны, къ которымъ примѣняются наши выводы,—цѣнности и цѣны коммерческія; напримѣръ, тѣ цѣны, какія выставляются въ прейсъ-курантахъ, цѣны оптовыхъ рынковъ, на которыхъ и покупка и продажа — коммерческое дѣло, въ которыхъ покупщики озабочиваются узнать и вообще говоря, знаютъ наименьшую цѣну, по какой можно получить товаръ извѣстнаго качества и на которыхъ потому имѣетъ дѣйствительную силу аксіома, что не можетъ существовать на одномъ рынкѣ двухъ цѣнъ одному товару одного качества. Далеко не такъ безусловно будутъ примѣняться наши выводы къ цѣнамъ розничной торговли, къ цѣнамъ, платимымъ въ лавкахъ за товаръ, покупаемый для личнаго потребленія. Тутъ часто бываютъ одному товару не только двѣ цѣны, а много разныхъ цѣнъ въ разныхъ лавкахъ и даже въ одной лавкѣ, потому что привычка и случай въ этомъ дѣлѣ имѣютъ не меньше уча-

стія, чѣмъ общія причины. Покупку для личнаго употребленія даже и торговые люди дѣлаютъ не всегда по коммерческому принципу: чувства, руководящія дѣломъ полученія и дѣломъ расходованія своего дохода, часто у нихъ бываютъ чрезвычайно различны. По лѣности или безпечности, или по амбиціи, запрещающей торговаться при покупкѣ вещи, изъ четырехъ человѣкъ, могущихъ заплатить цѣну выше настоящей, трое платятъ гораздо дороже, чѣмъ было бы можно; а бѣдные платятъ дороже надлежащаго по незнанію и несообразительности, по недостатку времени на розыски и справки, а не рѣдко и по явному или покрытому принужденію. Отъ этихъ причинъ розничныя цѣны не слѣдуютъ вліянію опредѣляющихъ оптовыя цѣны причинъ съ такою правильностію, какой иные могли бы ожидать. Вліяніе этихъ причинъ напослѣдокъ обнаруживается на розничныхъ рынкахъ и служитъ истиннымъ источникомъ тѣхъ перемѣнъ въ различныхъ цѣнахъ, которыя имѣютъ общій и прочный характеръ, но соотвѣтственность эта не регулярна и не точна. Сапоги одного сорта продаются въ разныхъ лавкахъ по очень различнымъ цѣнамъ, и отъ пониженія цѣны кожи можетъ не понизиться цѣна, какая берется съ зажиточныхъ людей за сапоги, но все-таки цѣна сапогъ иногда уменьшается, и когда она уменьшается, причиною тому всегда бываетъ какое-нибудь общее обстоятельство, —въ родѣ пониженія цѣны кожи; а когда кожа дешевѣетъ, то, если цѣна сапогъ и не измѣняется въ лавкахъ, гдѣ покупщики богатые люди,—мастеровой и чернорабочій вообще начинаютъ покупать сапоги дешевле, и чувствительно уменьшаются подрядныя цѣны, по которымъ ставятся сапоги для полка солдатъ или уоркгауза. При всѣхъ соображеніяхъ о цѣнахъ, надобно подразумѣвать оговорку: „въ томъ предположеніи, что всѣ участники дѣла заботятся о своей выгодѣ“; забвеніе этихъ ограниченій часто вело къ тому, что отвлеченные принципы политической экономіи прилагались къ фактамъ неправильно, а еще чаще къ тому, что колебалось убѣжденіе въ этихъ принципахъ, изъ-за того, что они прилагались къ фактамъ, неподходящимъ подъ нихъ и не могущимъ быть въ гармоніи съ ними.

Быть можетъ, читателю казалось, что мы говорили что нибудь новое—и почему знать?—что нибудь недостовѣрное, когда мы въ прошлой статьѣ говорили о неудовлетворительности той формы экономическаго разсчета, которая называется соперничествомъ. Теперь онъ видитъ, что мы взяли эту мысль изъ самой господствующей теоріи. Вотъ напримѣръ, Милль говоритъ, что по разсчету соперничества покупаетъ только торговецъ для перепродажи, а покупка для личнаго потребленія не находитъ себѣ достаточной гарантіи въ этой формѣ. Только это и говорили мы въ сущности, когда показывали неудовлетворительность соперничества. Чѣмъ же наши понятія отличаются отъ понятій самого Милля? Если хотите, ровно ничѣмъ не отличаются. Но мысль, общую намъ и ему, мы выставили на первый планъ, между тѣмъ какъ у него она спряталась въ какомъ-то уголкѣ, гдѣ и не замѣтитъ ее невнимательный читатель. Мы обратили вниманіе на то, о чемъ онъ упоминаетъ лишь мимоходомъ. Отъ этого произошла и другая разница: если эта форма неудовлетворительна, то надобно искать другой, удовлетворительной, и стали искать ее. Согласитесь, что этотъ выводъ необходимо слѣдуетъ изъ факта, замѣчаемаго и господствующею теоріею. Но она не замѣчаетъ, что этотъ фактъ важенъ, и потому не заботится подумать о томъ, какой выводъ изъ него слѣдуетъ. По нынѣшнему порядку гораздо болѣе половины обмѣновъ (покупка на личное потребленіе) произ-

водится въ такихъ условіяхъ, при которыхъ покупающая сторона не умѣетъ охранить своего интереса; изъ остальныхъ покупокъ (покупка отъ производителя торговцемъ на перепродажу), въ большей части не умѣетъ охранить своего интереса продающая сторона. Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что для экономическаго порядка нужна другая форма обмѣна, которая ограждала бы интересы потребителя и производителя, страдающіе при нынѣшнемъ порядкѣ? Важнѣйшая часть обмѣновъ производится при нынѣшнемъ порядкѣ подъ вліяніемъ незнанія, небрежности, лѣности. Сообразно ли это съ условіями экономическаго благосостоянія страны или хотя бы съ условіями правильной торговли?

Но это мы замѣчаемъ здѣсь лишь мимоходомъ для новаго подтвержденія идей, изложенныхъ въ предыдущей статьѣ; а здѣсь мы должны поспѣшить къ анализу мѣновой цѣнности. Чтобы предметъ имѣлъ мѣновую цѣнность, нужно, во-первыхъ, быть ему годнымъ на извѣстное употребленіе,— по мнѣнію покупателя. Никто ничего не дастъ за то, что ему ни для чего непригодно. На языкѣ политической экономіи это выражается такъ: мѣновую цѣнность имѣютъ лишь тѣ предметы, которые имѣютъ внутреннюю цѣнность. Но никто ничего не дастъ за предметъ самый необходимый или полезный, если онъ пріобрѣтается безъ всякаго затрудненія, одною силою желанія имѣть его. Итакъ затруднительность пріобрѣтенія служитъ вторымъ элементомъ, необходимымъ для составленія мѣновой цѣнности.

Эта затруднительность пріобрѣтенія бываетъ различнаго рода. Есть вещи, количество которыхъ нельзя увеличить. Таковы, напримѣръ, древнія статуи. Но большинство обмѣниваемыхъ вещей таково, что затруднительность пріобрѣсти ихъ заключается только въ количествѣ труда и издержекъ, требуемомъ для ихъ производства. Однѣ изъ нихъ могутъ быть производимы въ какомъ угодно количествѣ, безъ возвышенія пропорціи труда, требуемаго производствомъ. Таковы мануфактурные товары. Количество другихъ товаровъ можетъ быть увеличиваемо такъ же неопредѣленно, но не иначе, какъ съ постояннымъ возвышеніемъ пропорціи труда по мѣрѣ увеличенія ихъ количества. Таковы земледѣльческіе продукты, характеръ которыхъ съ этой стороны выставленъ въ особенности мальтусовою теоремою и теоріею ренты Рикардо.

Если количество извѣстнаго предмета можетъ быть увеличиваемо по произволу, мѣновая цѣнность его опредѣляется уравненіемъ снабженія [4]) и запроса, то есть мѣновая цѣнность этихъ вещей имѣетъ такую величину, при которой снабженіе и запросъ равны другъ другу. Отъ увеличенія цѣнности запросъ уменьшается, а снабженіе возрастаетъ; отъ уменьшенія цѣнности бываетъ противное. Потому, если при извѣстной высотѣ цѣнности, запросъ будетъ больше снабженія, цѣнность предмета станетъ возвышаться, пока снабженіе увеличится, а запросъ уменьшится настолько, что оба эти элемента сравняются. Если же, наоборотъ, снабженіе будетъ больше запроса, тотъ же результатъ будетъ произведенъ пониженіемъ цѣнности.

[4]) Я замѣняю терминомъ „снабженіе“ слово „предложеніе“, явившееся у насъ какъ переводъ слова l'offre, которымъ французы неудачно перевели англійскій терминъ supply.

Таковъ основной законъ мѣновой цѣнности. Прямымъ образомъ и съ физическою необходимостью дѣйствуетъ онъ лишь въ немногихъ товарахъ, количество которыхъ вовсе не можетъ увеличиваться. Но искусственнымъ образомъ можетъ быть подводимъ подъ его прямое дѣйствіе всякій предметъ при монополіи, если монополистъ имѣетъ возможность производить или продавать не все то количество товара, какое могъ бы производить или продавать, а лишь то количество, при которомъ товаръ даетъ ему наибольшую сумму чистой прибыли, за вычетомъ издержекъ производства. А всѣ остальные товары подводятся подъ силу уравненія запроса и снабженія косвеннымъ путемъ, посредствомъ элемента, называемаго стоимостью производства. Этотъ элементъ имѣетъ примѣненіе не къ одной только системѣ быта, основанной на соперничествѣ, въ которой одной существуетъ мѣновая цѣнность, отдѣльная отъ внутренней цѣнности, — онъ входитъ основнымъ элементомъ во всякую систему экономическаго устройства: онъ не есть результатъ частнаго историческаго факта, какъ мѣновая цѣнность, а вытекаетъ изъ неизмѣнной натуры вещей; потому онъ долженъ обратить на себя все наше вниманіе. Выставить его съ полною силою тѣмъ полезнѣе, что въ обыкновенныхъ курсахъ политической экономіи слишкомъ заслоняется онъ производною формою мѣновой цѣнности, какъ вообще коренные законы природы заслоняются въ ней частными случаями дѣйствія этихъ законовъ при формѣ, которую она воображаетъ или единственно возможною, или наилучшею. Потому, чрезвычайно сокращая тѣ отдѣлы III-й книги Милля, которые говорятъ о предметахъ, достаточно развиваемыхъ и рутинными курсами, мы приведемъ здѣсь вполнѣ двѣ главы, въ которыхъ говоритъ нашъ авторъ о стоимости производства.

Можетъ ли или не можетъ безгранично увеличиваться количество товара, производимаго трудомъ и расходомъ, все равно есть minimum цѣнности, необходимо нужной для его безостановочнаго производства. Въ каждое данное время цѣнность его — результатъ запроса и снабженія, и всегда бываетъ такова, какая нужна на то, чтобы существующее снабженіе находило себѣ сбытъ. Но производство товара не будетъ продолжаться, если эта цѣнность недостаточна на вознагражденіе стоимости производства съ прибавленіемъ прибыли по обыкновенному разсчету. Капиталисты не захотятъ постоянно производить убытокъ; не станутъ производить и съ прибылью, меньшею той, какая нужна имъ на то, чтобы жить ею. Люди, капиталъ которыхъ положенъ въ дѣло и не можетъ легко быть вынутъ изъ него, довольно долго будутъ продолжать производство и безъ прибыли, продолжаютъ его иногда и съ убыткомъ себѣ, въ ожиданіи лучшаго времени. Но не станутъ они продолжать такого производства вѣчно и не имѣя признаковъ, что время для нихъ улучшится. Новый капиталъ не будетъ затраченъ въ дѣло, если оно не обѣщаетъ прибыли, и притомъ прибыли равной той, какую обѣщаютъ въ этомъ мѣстѣ и въ это время другія занятія, по своему свойству имѣющія одинаковую степень привлекательности. Когда очевидно нельзя ожидать такой прибыли, то капиталъ или вынимается изъ дѣла, или по крайней мѣрѣ не замѣщается новымъ, по мѣрѣ того, какъ потребляется. Потому стоимость производства, съ прибавленіемъ обыкновенной прибыли, можно назвать необходимою цѣною, или цѣнностью всѣхъ предметовъ, производимыхъ трудомъ и капиталомъ. Ни у кого нѣтъ охоты производить съ перспективою убытка. Кто производитъ въ убытокъ, производитъ лишь по ошибкѣ въ разсчетѣ, которую поправляетъ при первой возможности.

Если товаръ, производимый трудомъ и капиталомъ, можетъ быть производимъ ими въ безграничномъ количествѣ, эта необходимая цѣнность, этотъ minimum, которымъ могутъ удовольствоваться производители, будетъ также и maximum'омъ, котораго они могутъ ожидать, когда соперничество свободно и дѣятельно. Если цѣнность товара такова, что стоимость производства оплачивается ею не съ обыкновеннымъ, а съ болѣе высокимъ процентомъ прибыли, то капиталъ устремляется участвовать въ этой лишней выгодѣ и, увеличивъ снабженіе товаромъ, уменьшаетъ его цѣнность. Это не простое предположеніе или догадка, а фактъ, извѣстный каждому, знающему коммерческія операціи. Если представляется новый родъ дѣла, обѣщающій чрезвычайную прибыль, или если существующая отрасль промышленности или торговли считается дающею прибыль больше обыкновенной, то навѣрное въ скоромъ времени производство или ввозъ товара увеличится до того, что не только исчезнетъ излишекъ прибыли, но и упадетъ она ниже нормы, а цѣнность упадетъ настолько же ниже необходимой величины, насколько прежде была выше ея, пока наконецъ излишекъ снабженія устранится временнымъ прекращеніемъ или уменьшеніемъ дальнѣйшаго производства. Эти колебанія въ размѣрѣ производства, какъ мы уже говорили, могутъ и не влечь за собою ни для кого надобности перемѣнять занятія. Тѣ, у которыхъ дѣло идетъ живо, увеличиваютъ свое производство, сильнѣе пользуясь кредитомъ; а тѣ, которые не получаютъ обыкновенной прибыли, уменьшаютъ свои обороты и, по фабричному выраженію, работаютъ неполные часы. Этимъ способомъ непремѣнно и быстро уравнивается, если и не дѣйствительная прибыль, то вѣроятность прибыли въ разныхъ занятіяхъ.

Слѣдовательно общее правило таково, что предметы имѣютъ тенденцію обмѣниваться другъ на друга по такимъ цѣнностямъ, которыя оплачиваютъ каждому производителю стоимость производства съ обычною прибылью; иными словами—которыя даютъ всѣмъ производителямъ одинаковый процентъ прибыли на ихъ расходъ. Но чтобы на равный расходъ, то есть на равную стоимость производства, была равная прибыль, предметы должны въ среднемъ выводѣ обмѣниваться другъ на друга пропорціонально стоимости своего производства; предметы, стоимость производства которыхъ одинакова, должны имѣть одинаковую цѣнность, потому что лишь въ этомъ случаѣ будетъ равная выручка съ равнаго расхода. Если фермеръ капиталомъ, равнымъ 1,000 квартеровъ хлѣба, можетъ производить 1,200 квартеровъ, дающихъ ему прибыль въ 20%, то всякій предметъ, производимый въ то же время капиталомъ въ 1,000 квартеровъ, долженъ стоить 1,200 квартеровъ, то есть обмѣниваться на 1,200 квартеровъ; иначе производитель получилъ бы не 20% прибыли, а больше или меньше.

Адамъ Смитъ и Рикардо называютъ пропорціональную стоимость производства предмета его натуральною цѣнностью (или натуральною цѣной). Подъ этимъ они разумѣютъ цифру, около которой колеблется и къ которой постоянно стремится возвратиться цѣнность; центральную цѣнность, къ которой, по выраженію Адама Смита, постоянно тяготѣетъ рыночная цѣнность предмета и всякое отклоненіе отъ которой бываетъ лишь временною неправильностью, самымъ своимъ возникновеніемъ вызывающею дѣйствіе силъ, стремящихся исправить ее. Если взять число лѣтъ, достаточное для того, чтобы колебанія въ одну сторону по этой центральной линіи могли вознаграждаться колебаніями въ другую сторону отъ нея, то средняя рыночная цѣна совпадаетъ съ натуральною цѣнностью; но очень рѣдко она совершенно совпадаетъ съ нею въ какую-нибудь данную минуту. Море всегда стремится къ уровню, но никогда не бываетъ съ точностью въ уровнѣ; поверхность его постоянно колеблется волнами и часто возму-

щается бурями. Довольно того, что нѣтъ по крайней мѣрѣ на открытомъ морѣ ни одной точки, которая постоянно была бы выше другой. Каждый пунктъ моря поочередно поднимается и падаетъ, но океанъ сохраняетъ свой уровень.

Тайное вліяніе, заставляющее цѣнности вещей въ среднемъ выводѣ быть сообразными со стоимостью производства,—это тайное вліяніе состоитъ въ томъ, что иначе измѣнился бы размѣръ снабженія товаромъ. Снабженіе возросло бы, если бы предметъ продолжалъ продаваться выше, чѣмъ соразмѣрно со стоимостью его производства; оно уменьшилось бы, еслибы цѣнность предмета упала ниже этой соразмѣрности. Но изъ этого мы не должны заключать, что снабженію на практикѣ необходимо уменьшаться или возрастать. Предположимъ, что стоимость производства предмета удешевилась отъ какого-нибудь механическаго изобрѣтенія, или увеличилась отъ налога. Цѣнность предмета, если не тотчасъ, то скоро, упадетъ въ первомъ случаѣ и возвысится во второмъ; это будетъ потому, что безъ того снабженіе въ первомъ случаѣ возрастало бы, пока не упадетъ цѣна, а во второмъ уменьшалось бы, пока она не поднимется. Поэтому и по ошибочному представленію, будто бы цѣнность опредѣляется *пропорціею* между запросомъ и снабженіемъ, многіе предполагаютъ, что эта пропорція должна измѣняться, лишь-только измѣнится цѣнность товара: что цѣнность не упадетъ отъ уменьшенія въ стоимости производства, если снабженіе не возрастетъ постояннымъ образомъ; и наоборотъ—что цѣнность не поднимется, если снабженіе не уменьшится также постояннымъ образомъ. Но это не такъ; нѣтъ надобности размѣру снабженія дѣйствительно измѣняться; а если онъ измѣняется постояннымъ образомъ, то его измѣненіе бываетъ не причиною, а слѣдствіемъ измѣненія цѣнности. Если бы снабженіе *не могло* возрастать, то уменьшеніе стоимости производства дѣйствительно не понизило бы цѣнности; но вовсе нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы снабженіе *дѣйствительно* возросло. Часто достаточно бываетъ и одной возможности: негоціанты понимаютъ, чего имъ слѣдуетъ ждать, и взаимное соперничество заставляетъ ихъ предупреждать этотъ результатъ пониженіемъ цѣны. Возрастетъ ли постояннымъ образомъ снабженіе товаромъ по удешевленіи его производства, это зависитъ отъ совершенно иного вопроса, именно отъ того, понадобится ли товара больше прежняго при уменьшеніи его цѣнности. Почти всегда надобится его больше прежняго; но этого можетъ и не быть. „Товаръ, немедленно идущій на личное потребленіе, человѣкъ покупаетъ охотнѣе и въ большемъ количествѣ, когда онъ дешевѣетъ“, говоритъ де Квинси (Logic of Political Economy, стр. 230—231). Если вдвое подешевѣютъ шелковые носовые платки, ихъ станутъ покупать быть можетъ втрое больше. Но паровыхъ машинъ человѣкъ не купитъ больше прежняго отого, что онѣ подешевѣли. Размѣръ его запроса на паровыя машины почти всегда впередъ опредѣленъ обстоятельствами его положенія. Если онъ и стѣсняется размѣромъ расходовъ, то не расходомъ на покупку машины, а расходомъ, какого требуетъ ея работа. Есть также много товаровъ, размѣръ сбыта которыхъ безусловно и исключительно опредѣленъ существующею *системою*, въ которой эти товары служатъ подчиненными частями или членами. Можемъ ли мы искусственною дешевизною сдѣлать, что часовыхъ циферблатовъ будетъ продаваться больше, чѣмъ часовыхъ механизмовъ или пружинъ? Можетъ ли продажа винныхъ бочекъ увеличиться безъ увеличенія продажи вина? Можетъ ли увеличиться сбытъ инструментовъ корабельнаго плотничества, пока не увеличится постройка судовъ?.. Предложите городу, имѣющему 3,000 жителей, нѣсколько катафалковъ,—никакая дешевизна не склонитъ этотъ городъ купить больше одного. Предложите нѣсколько яхтъ,—главная издержка тутъ—на жалованье и со-

держаніе экипажа, на починку яхтъ; уменьшеніе въ цѣнѣ самой яхты не соблазнитъ купить ее никого, кто уже не былъ расположенъ къ такой покупкѣ по своимъ привычкамъ и наклонностямъ. То же надобно сказать объ особенномъ платьѣ, какое носятъ епископы, адвокаты, оксфордскіе студенты. Но никто не сомнѣвается, что при уменьшеніи стоимости производства этихъ вещей, цѣна и цѣнность ихъ понизилась бы. Причиною пониженія опасеніе, что явятся новые соперники и снабженіе увеличится. Но сильный рискъ, которому подвергался бы новый соискатель въ товарѣ, сбытъ котораго не можетъ значительно увеличиться, дозволилъ бы прежнимъ торговцамъ удерживать прежнюю цѣну гораздо дольше, чѣмъ можетъ она держаться въ товарѣ, представляющемъ болѣе поощреній къ соперничеству.

Предположимъ наоборотъ, что стоимость производства увеличилась, напримѣръ, отъ наложенія пошлины на товаръ. Цѣнность поднимется, и, вѣроятно, тотчасъ же. Уменьшится ли снаженіе? Лишь въ томъ случаѣ, если возвышеніе цѣнности уменьшитъ запросъ. Уменьшился ли запросъ, это не замедлитъ обнаружиться; и если онъ уменьшился, то поднявшаяся цѣнность нѣсколько понизится по излишку снабженія, пока не уменьшится производство; тогда она вновь поднимется. Есть много товаровъ, въ которыхъ нужно очень значительное возвышеніе цѣны на то, чтобы запросъ чувствительно уменьшился. Въ особенности таковы предметы необходимости, напримѣръ обыкновенная пища народа, какою служитъ въ Англіи пшеничный хлѣбъ. При цѣнѣ довольно дорогой его потребляется, вѣроятно, столько же, сколько и при цѣнѣ значительно меньшей. Но особенно въ такихъ предметахъ большинство и смѣшиваетъ дороговизну съ недостаточностью запаса. Хлѣбъ можетъ быть дорогъ отъ недостаточности запаса, напримѣръ послѣ неурожая. Но дороговизна, происходящая, напримѣръ, отъ налоговъ или отъ хлѣбныхъ законовъ, не имѣетъ ничего общаго съ недостаточностью снабженія: отъ такихъ причинъ количество хлѣба въ странѣ не уменьшается сильнымъ образомъ; отъ нихъ скорѣе уменьшается количество другихъ предметовъ, чѣмъ хлѣба, потому что люди, платящіе дороже за хлѣбъ, меньше могутъ издержать на другіе предметы, и производство ихъ сокращается соразмѣрно уменьшенію запроса.

Такимъ образомъ цѣнность предметовъ, количество которыхъ можетъ увеличиваться по произволу, опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія лишь иногда, да и то лишь на срокъ, нужный для ихъ производства; а общій ходъ дѣла иной: не цѣнность этихъ предметовъ опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія, а напротивъ—само это уравненіе опредѣляется цѣнностью,—таковъ точный законъ. Есть запросъ на извѣстное количество товара по его естественной цѣнѣ, и снабженіе постоянно стремится сообразоваться съ этою цѣною. Если когда оно отступаетъ отъ нея, причина тому — или ошибка въ разсчетѣ, или какая-нибудь перемѣна въ элементахъ задачи: въ естественной цѣнности, то есть стоимости производства,—или въ запросѣ, отъ перемѣны во вкусѣ общества или въ числѣ или богатствѣ потребителей. Эти причины колебанія являются очень часто, и какъ явится одна изъ нихъ,—рыночная цѣнность предмета уклоняется отъ его естественной цѣнности. Естественный законъ запроса и снабженія, уравненіе между ними, и тутъ не перестаетъ дѣйствовать: если цѣнность, отступающая отъ естественной цѣнности, необходима для уравненія запроса съ снабженіемъ, рыночная цѣнность отклонится отъ естественной; но отклонится лишь на время, потому что само снабженіе имѣетъ постоянную тенденцію соразмѣряться съ запросомъ, какой по опыту оказывается существующимъ при продажѣ товара по естественной цѣнности. Если снабженіе превышаетъ эту норму или становится ниже ея, это лишь временное поло-

женіе, и при немъ получается прибыль, которая или выше или ниже обыкновенной, а при свободномъ, сильномъ соперничествѣ это не можетъ оставаться долго.

Вотъ краткій перечень нашихъ выводовъ: уравненіе запроса и снабженія управляетъ цѣнностью всѣхъ тѣхъ предметовъ, количество которыхъ не можетъ увеличиваться по произволу; но даже и для нихъ, если они производятся промышленностью, существуетъ minimum цѣнности, опредѣляемый стоимостью производства. А во всѣхъ тѣхъ предметахъ, количество которыхъ можетъ безгранично увеличиваться, уравненія запроса и снабженія опредѣляются лишь колебаніемъ цѣнности въ теченіе періода, который не можетъ быть продолжительнѣе времени, нужнаго для перемѣны въ размѣрѣ снабженія. Управляя этими колебаніями цѣнности, само уравненіе запроса и снабженія подчиняется болѣе коренной силѣ, дѣйствіемъ которой цѣнность тяготѣетъ къ стоимости производства и которая установила и навсегда держала бы цѣнность на этой величинѣ, если бы не возникали постоянно новыя колеблющія вліянія, отклоняющія цѣнность отъ этой точки. Запросъ и снабженіе постоянно стремятся къ равновѣсію, но положеніе „устойчиваго равновѣсія“ (по нашему метафорическому языку)—то, когда предметы обмѣниваются другъ на друга соразмѣрно стоимости своего производства, или, по прежнему нашему термину, когда предметы имѣютъ свою естественную цѣнность.

1. Составные элементы стоимости производства были показаны въ первой части нашего изслѣдованія (томъ 1, стр. 100). Мы нашли, что главный изъ нихъ — трудъ, передъ которымъ ничтожны всѣ остальные. Предметъ обходится производителю или ряду производителей во столько, сколько стоитъ израсходованный на него трудъ. Если мы разсматриваемъ, какъ производителя, капиталиста, дѣлающаго затраты, — слово „трудъ“ можно замѣнить словомъ „рабочая плата“: предметъ обходится производителю во столько, сколько рабочей платы пошло на него. На первый взглядъ, правда, кажется, что это лишь часть расхода, потому что капиталистъ не только платилъ рабочимъ, а также и снабжалъ ихъ орудіями, матеріалами и быть можетъ строеніями. Но эти орудія, матеріалы и строенія произведены трудомъ и капиталомъ, и цѣнность ихъ, подобно цѣнности предметовъ, производству которыхъ они служатъ, опредѣляется стоимостью производства, которая опять приводится къ стоимости труда. Стоимость производства сукна состоитъ не изъ одной рабочей платы ткачамъ, которые одни получаютъ плату прямо отъ суконнаго фабриканта. Она состоитъ также и изъ рабочей платы прядильщикамъ и чесальщикамъ, къ которымъ можно прибавить и пастуховъ,—всѣмъ имъ суконный фабрикантъ заплатилъ, когда купилъ пряжу. Она состоитъ также изъ платы работникамъ, строившимъ фабрику и дѣлавшимъ кирпичи на постройку,—суконный фабрикантъ заплатилъ имъ деньгами, отданными подрядчику за постройку фабрики. Отчасти состоитъ она изъ платы работникамъ, дѣлавшимъ машины, выдѣлавшимъ желѣзо изъ руды и выкопавшимъ руду. Къ нимъ надобно прибавить работниковъ, перевозившихъ всѣ нужныя для производства вещи на то мѣсто, гдѣ теперь ткутъ сукно, и перевозящихъ самое сукно на мѣсто продажи.

Такимъ образомъ цѣнность товаровъ главнымъ образомъ опредѣляется количествомъ труда, требующагося на ихъ производство, включая въ понятіе производства и доставку на рынокъ. (Исключительно ли этимъ главнымъ элементомъ опредѣляется цѣнность, мы увидимъ ниже). „Разсматривая мѣновую цѣнность, напримѣръ, чулковъ, мы найдемъ, говоритъ Рикардо (Principles of Political Economy and Taxation, гл. I, отд. 3), что ихъ цѣнность сравнительно съ цѣнностью другихъ предметовъ опредѣляется количествомъ всего того труда, какое нужно, чтобы произвесть чулки и доставить ихъ

на рынокъ. Во-первыхъ, входитъ въ эту сумму трудъ, нужный на обработку земли, произращающей хлопокъ; во-вторыхъ, трудъ перевозки хлопка въ страну, гдѣ будутъ сработаны чулки; въ этотъ трудъ входитъ часть труда, употребленнаго на постройку корабля, перевозящаго хлопокъ, и эта часть оплачивается фрахтомъ хлопка; въ-третьихъ, трудъ прядильщика и ткача; въ четвертыхъ, часть труда механика, кузнеца, каменьщика и плотника, построившихъ зданія и машины, помощію которыхъ идетъ обработка матеріала; въ-пятыхъ, трудъ розничнаго торговца и многихъ другихъ лицъ, перечислять которыя нѣтъ надобности. Суммою всѣхъ этихъ разныхъ родовъ труда опредѣляется количество другихъ предметовъ, за какое обмѣниваются эти чулки. А точно такой же счетъ разныхъ количествъ труда, употребленнаго на эти другіе предметы, точно также опредѣляетъ, какое количество ихъ дается за чулки.

Чтобы убѣдиться, что таково дѣйствительное основаніе мѣновой цѣнности, предположимъ, что сдѣлано какое нибудь улучшеніе, сокращающее трудъ въ какомъ нибудь изъ разныхъ процессовъ, черезъ которые долженъ пройдти хлопокъ, чтобы явиться на рынокъ готовыми чулками для обмѣна на другіе предметы, и посмотримъ, что изъ этого произойдетъ. Если нужно стало меньше людей на воздѣлываніе хлопка, или меньше матросовъ на привозящемъ къ намъ хлопокъ кораблѣ, или меньше рабочихъ на постройку этого корабля; если меньше рукъ было занято постройкой зданія и машинъ, или посредствомъ этихъ машинъ и зданія можно стало сдѣлать больше работы,—то цѣнность чулокъ непремѣнно упадетъ и станетъ получаться другихъ предметовъ меньше за нихъ. Чулки упадутъ, потому что меньше труда стало нужно на ихъ производство, и потому они станутъ обмѣниваться на меньшее количество тѣхъ предметовъ, въ которыхъ не произошло такого уменьшенія труда.

„Сбереженіе въ трудѣ непремѣнно уменьшаетъ относительную цѣнность товара, все равно въ чемъ бы ни сдѣлано было сбереженіе: въ трудѣ ли, потребномъ на выдѣлку самого товара, или въ трудѣ, потребномъ на образованіе капитала, помощію котораго производится товаръ. Если меньше будетъ занято дѣломъ людей, непосредственно нужныхъ для выдѣлки чулокъ, — бѣлильщиковъ, прядильщиковъ и ткачей, — или меньше станетъ занято дѣломъ людей, косвенно участвующихъ въ немъ, —матросовъ, извощиковъ, механиковъ,—въ томъ и другомъ случаѣ цѣна чулковъ упадетъ. Въ первомъ случаѣ на чулкахъ отзовется весь размѣръ сбереженія въ трудѣ, потому что весь трудъ этого сорта былъ занятъ одними чулками; во второмъ случаѣ отзовется на на чулкахъ лишь часть сбереженія, а другая часть его разложится по всѣмъ другимъ товарамъ, производству которыхъ способствуютъ строенія, машины и транспортировка.“

2. Читатель замѣтитъ, что Рикардо выражается такъ, какъ будто *количество* труда, котораго стоитъ производство предмета и доставка его на рынокъ,—единственная вещь, опредѣляющая цѣнность товара. Но стоимость производства для капиталиста—не трудъ, а рабочая плата, и количество труда остается одинаково при высокой и при низкой рабочей платѣ; потому казалось бы, что цѣнность продукта опредѣляется не исключительно количествомъ труда, а количествомъ труда вмѣстѣ съ размѣромъ вознагражденія за него, и что цѣнности опредѣляются отчасти размѣромъ рабочей платы. Чтобы рѣшить это, надобно сообразить, что цѣнность—явленіе относительное, что словомъ „цѣнность“ товара обозначается не какое нибудь внутреннее и существенное качество самого предмета, а количество другихъ предметовъ, какое можно получить въ обмѣнъ за него. Когда говорится „цѣнность предмета“, всегда должно подразумѣваться „относительно другаго предмета“ или „относительно предметовъ

вообще". А взаимное отношеніе предметовъ не измѣняется отъ причины, дѣйствующей одинаково на оба предмета. Общее возвышеніе или упадокъ рабочей платы — фактъ, одинаково дѣйствующій на всѣ товары и потому не дающій основанія для измѣненія пропорціи, въ какой обмѣнивались они другъ на друга. Предположить, что отъ высокой рабочей платы возвышаются цѣны, значитъ предположить, что возможно такое явленіе, какъ общее возвышеніе цѣнностей; а оно—логическая несообразность: возвышеніе цѣнности нѣкоторыхъ предметовъ равнозначительно упадку цѣнности другихъ. Недоразумѣніе это возникаетъ оттого, что смотрятъ только на цѣны, а не на цѣнности. Общее возвышеніе цѣнностей невозможно, но общее возвышеніе цѣнъ—дѣло возможное. Какъ только поймемъ мы ясно, что такое цѣнность, мы увидимъ, что высота или низкость рабочей платы не можетъ имѣть никакого отношенія къ цѣнностямъ. Но что отъ высоты рабочей платы возвышаются цѣны, это мнѣніе очень распространенное. Всю ошибочность его мы поймемъ вполнѣ лишь тогда, когда займемся теоріею денегъ; теперь довольно будетъ сказать, что еслибъ оно было справедливо, то дѣйствительное возвышеніе рабочей платы было бы невозможностью: если бы рабочая плата не могла возвышаться безъ пропорціональнаго возвышенія цѣны всѣхъ предметовъ, то и возвышеніе рабочей платы не могло бы имѣть никакого существеннаго смысла... Это reductio ad absurdum достаточно показываетъ изумительную нелѣпость мнѣній, которыя еще могутъ становиться и становятся и долго остаются политико-экономическими аксіомами въ умахъ большинства. Надобно также вспомнить, что если произошло общее повышеніе цѣнъ, то оно не можетъ давать никакой пользы ни производителю, ни торговцу по ихъ дѣламъ: если увеличивается у нихъ денежная выручка, то и всѣ ихъ расходы увеличиваются въ той же степени. Капиталисты никакимъ способомъ не могутъ вознаградить себя за возвышеніе стоимости труда: никакая перемѣна цѣнностей или цѣнъ не вознаградитъ ихъ, не отвратитъ пониженія прибыли отъ возвышенія стоимости труда. Если работники дѣйствительно стали получать больше прежняго, то есть стали получать продуктъ большаго количества труда, то на прибыль, конечно, останется процентъ меньше прежняго. Этотъ законъ распредѣленья, основывающійся на ариѳметическомъ законѣ, не отвращается никакимъ способомъ. Механизмъ обмѣна и цѣны можетъ прикрывать его отъ насъ, но рѣшительно безсиленъ измѣнить его.

3. *Общая* высокость или низкость рабочей платы не имѣетъ вліянія на цѣнность; но если въ одномъ занятіи рабочая плата выше, чѣмъ въ другомъ, или если она надолго повышается или падаетъ въ одномъ занятіи, оставаясь безъ перемѣны въ другихъ, эти неравенства дѣйствительно оказываютъ вліяніе на цѣнности. Причины разницы рабочей платы въ разныхъ занятіяхъ мы уже разсматривали въ одной изъ предыдущихъ главъ. Если въ извѣстномъ занятіи постоянно существуетъ рабочая плата выше средней величины, соразмѣрно тому и цѣнность предмета, производимаго этимъ занятіемъ, будетъ выше уровня, опредѣляемаго простымъ количествомъ труда. Напримѣръ, предметы, производимые техническимъ трудомъ, обмѣниваются за продуктъ гораздо большаго количества чернорабочаго труда, и только потому, что плата за техническій трудъ выше. Если бы образованіе распространилось настолько, что отъ увеличенія числа работниковъ, способныхъ къ техническимъ занятіямъ, уменьшилась бы разница между платою имъ и чернорабочимъ, то всѣ предметы, производимые высшими сортами труда, упали бы въ цѣнности сравнительно съ предметами, производимыми черною работою, и о продуктахъ черной работы можно бы сказать тогда, что цѣнность ихъ поднялась. Мы уже говорили, что по трудности перехода отъ извѣстнаго

рода занятій къ занятіямъ гораздо высшаго рода, въ каждомъ разрядѣ работниковъ, отдѣленномъ отъ другихъ очень рѣзкою чертою, плата гораздо больше, чѣмъ иной предположилъ бы, зависѣла до сихъ поръ отъ степени размноженія самого этого класса отдѣльно отъ другихъ классовъ; мы говорили также, что неравенство въ вознагражденіи за трудъ гораздо значительнѣе того, какое существовало бы, если бы соперничество общей массы работниковъ практически касалось каждаго отдѣльнаго занятія. Изъ этого слѣдуетъ, что рабочая плата въ разныхъ занятіяхъ поднимается и падаетъ не одновременно, а бываетъ иногда не надолго, а иногда даже и надолго, почти независимо въ одномъ занятіи отъ другаго. Всѣ такія неравенства, очевидно, измѣняютъ *относительную* стоимость производства разныхъ товаровъ и потому вполнѣ отражаются на ихъ естественной или средней цѣнности.

Изъ этого мы видимъ, что когда нѣкоторые изъ первоклассныхъ политико-экономовъ говорили, будто бы рабочая плата не входитъ въ разсчетъ цѣнности,—то они придавали своей теоремѣ слишкомъ широкій размѣръ, несогласный съ истиною и съ сущностью ихъ собственнаго понятія о дѣлѣ... Рабочая плата входитъ въ разсчетъ цѣнности. Относительнымъ *размѣромъ рабочей платы* за трудъ производства разныхъ товаровъ опредѣляется ихъ цѣнность точно такъ же, какъ относительнымъ количествомъ труда. То правда, что абсолютная величина рабочей платы не имѣетъ вліянія на цѣнность; но не имѣетъ его и абсолютное количество труда. Если бы оно одновременно и ровно измѣнилось во всѣхъ занятіяхъ, то цѣнности не измѣнились бы. Если, напримѣръ, общая успѣшность всякаго труда возрасла, такъ что всѣ безъ исключенія предметы производятся въ прежнемъ количествѣ меньшимъ количествомъ труда, то въ цѣнностяхъ предметовъ не обнаружился бы никакой слѣдъ этого общаго уменьшенія стоимости производства. Въ цѣнностяхъ можетъ произойти лишь та перемѣна, которая представляетъ неравенство вліянія, произведеннаго улучшеніемъ на разные предметы; она состоитъ въ томъ, что подешевѣютъ предметы, въ которыхъ размѣръ сбереженія труда былъ наибольшій, а цѣнность предметовъ, въ которыхъ сбереженіе труда было не такъ велико, поднимется. Итакъ, строго говоря, размѣръ рабочей платы имѣетъ точно такое же вліяніе на цѣнность, какъ и количество труда. И ни Рикардо, никто другой не отрицалъ этого факта. Но если мы станемъ разсматривать причины *измѣненій* въ цѣнности, то важнѣе всѣхъ будетъ количество труда: когда измѣняется оно, то обыкновенно измѣняется въ данное время лишь въ одномъ или въ немногихъ товарахъ; а измѣненія въ рабочей платѣ (кромѣ мимолетныхъ колебаній) относятся обыкновенно ко всѣмъ предметамъ и не имѣютъ значительнаго вліянія на цѣнность.

4. Мы говорили объ одномъ элементѣ стоимости производства,—о трудѣ или рабочей платѣ. Но въ первой книгѣ, разбирая элементы производства, мы нашли, что кромѣ труда есть еще другой необходимый элементъ его—капиталъ. Онъ—результатъ воздержанія, и продуктъ или цѣнность продукта, кромѣ вознагражденія за весь требуемый трудъ, заключаетъ въ себѣ вознагражденіе за воздержность всѣхъ лицъ, затраты которыхъ служили вознагражденіемъ для разныхъ разрядовъ работниковъ. Вознагражденіемъ за воздержаніе служитъ прибыль. А прибыль, какъ мы видѣли, состоитъ не изъ одного излишка, остающагося капиталисту за покрытіемъ его расхода,—она почти всегда составляетъ немаловажную часть и самого расхода. У хозяина льняной прядильни часть издержекъ состоитъ въ покупкѣ льна и машинъ, въ цѣнѣ которыхъ онъ, кромѣ платы за трудъ, возрастившій ленъ и сдѣлавшій машину, уплачиваетъ прибыль хозяину, воздѣлывавшему ленъ, хозяину, который обмялъ ленъ, хозяину рудника, желѣзному заводчику и

фабриканту машинъ. Вся сумма этихъ прибылей, вмѣстѣ съ прибылью самого прядильнаго фабриканта, также впередъ уплачивается хозяиномъ ткацкой фабрики въ цѣнѣ, какую онъ заплатилъ за свой матеріалъ—льняную пряжу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ еще уплачиваетъ прибыль другому ряду машинныхъ фабрикантовъ и хозяевамъ рудниковъ и желѣзнымъ заводчикамъ, снабдившимъ ихъ желѣзнымъ матеріаломъ. Всѣ эти затраты составляютъ часть стоимости производства полотна. Такимъ образомъ прибыль, подобно рабочей платѣ, входитъ въ стоимость производства, опредѣляющую цѣнность продукта.

Но, будучи явленіемъ чисто относительнымъ, цѣнность не можетъ зависѣть отъ абсолютной величины прибыли, какъ не зависитъ и объ абсолютной величины рабочей платы; она зависитъ только отъ относительнаго неравенства разныхъ прибылей. Общее возвышеніе прибыли, подобно общему возвышенію рабочей платы, не можетъ возвышать цѣнностей, потому что общее возвышеніе цѣнностей—нелѣпость и логическая несообразность. Часть прибыли, входящая въ стоимость производства всѣхъ предметовъ, не имѣетъ вліянія на цѣнность никакого предмета. Только тотъ излишекъ прибыли, который входитъ въ стоимость производства лишь нѣкоторыхъ предметовъ, оказываетъ вліяніе на цѣнность ихъ.

Напримѣръ, мы видѣли, что по нѣкоторымъ причинамъ необходимъ долженъ быть въ нѣкоторыхъ занятіяхъ постоянный процентъ прибыли выше, чѣмъ въ остальныхъ, чтобы служить вознагражденіемъ за рискъ, хлопотливость и непріятность. Его можетъ доставить только продажа товара по цѣнности выше той, какая приходилась бы по количеству труда, нужнаго на производство. Если бы порохъ обмѣнивался на другіе предметы не выше пропорціи труда, употребленнаго на весь процессъ его производства, то никто не захотѣлъ бы устроивать пороховой заводъ. Мясники несомнѣнно получаютъ больше хлѣбниковъ, и, вѣроятно, подвержены не большему риску, чѣмъ хлѣбники, потому что, сколько извѣстно, банкротятся не чаще ихъ. Прибыль болѣе высокая, чѣмъ у хлѣбниковъ, получается ими, конечно, только оттого, что соперничества для нихъ меньше, по непріятности и нѣкоторой непопулярности ихъ промысла. А если они получаютъ болѣе высокую прибыль, это значитъ, что товаръ ихъ продается по цѣнности болѣе высокой, чѣмъ какая приходилась бы соразмѣрно труду и расходу ихъ. Всѣ необходимыя и постоянныя неравенства прибыли выражаются въ относительныхъ цѣнностяхъ товаровъ.

5. Но если и нѣтъ разницы между двумя занятіями въ *процентѣ* прибыли, прибыль можетъ составлять въ элементахъ производства одного товара болѣе значительную долю, чѣмъ въ элементахъ другаго. Одинъ товаръ можетъ требовать прибыли за болѣе долгій срокъ времени, чѣмъ другой. Въ примѣръ тому обыкновенно приводятъ вино. Положимъ, что извѣстное количество вина и извѣстное количество сукна произведены одинаковымъ количествомъ труда, по одинаковой рабочей платѣ. Сукно не улучшается, а вино улучшается отъ того, что становится старѣе. Положимъ, что для достиженія требуемаго достоинства нужно вину простоять пять лѣтъ. Производитель или торговецъ не станетъ беречь его пять лѣтъ, если по ихъ истеченіи не можетъ продать его настолько дороже сукна, насколько должна возрасти прибыль за пять лѣтъ по сложнымъ процентамъ. Первоначальный расходъ на производство сукна и вина былъ одинаковъ; стало быть, относительная естественная цѣнность этихъ двухъ товаровъ соразмѣряется тутъ не съ одною стоимостью ихъ производства, а еще съ инымъ элементомъ, прибавляющимся къ ней. Впрочемъ, чтобы подвести этотъ случай подъ общую

формулу, мы можемъ включить въ стоимость производства вина ту прибыль, отъ которой въ теченіе пяти лѣтъ отказывается винный торговецъ и смотрѣть на эту сумму, какъ на особенный видъ прибавочнаго расхода, который дѣлается имъ сверхъ другихъ затратъ и за который онъ долженъ быть вознагражденъ результатомъ.

О всѣхъ товарахъ, производимыхъ машинами, надобно сказать приблизительно то же, что мы говорили въ предыдущемъ примѣрѣ о винѣ. Прибыль составляетъ въ стоимости ихъ производства болѣе значительную долю, чѣмъ въ предметахъ, работаемыхъ исключительно непосредственнымъ трудомъ. Возьмемъ два товара, на производство которыхъ одинаково нуженъ годичный срокъ и капиталъ, выражаемый нами на этотъ случай въ деньгахъ, 1,000 фунтовъ. Товаръ А работается исключительно непосредственнымъ трудомъ, и всѣ 1,000 фунтовъ идутъ въ немъ прямо на рабочую плату. Товаръ В выдѣлывается посредствомъ труда, стоющаго 500 фунтовъ, и машины, стоющей 500 фунтовъ и изнашивающейся годичною работою. Оба товара будутъ имѣть совершенно одинаковую цѣнность,—если считать ее на деньги, полагая прибыль въ 20%, она будетъ 1,200 фунтовъ. Но изъ этихъ 1,200 фунтовъ въ товарѣ А только 200 фунтовъ или шестая часть цѣнности составляетъ прибыль; а въ товарѣ В, кромѣ этихъ 200 фунтовъ, есть еще прибыль машиннаго заводчика, вошедшая въ цѣну, какая заплачена за машину; если мы положимъ, что производство заняло также годъ, прибыль эта въ 500 фунтовъ (цѣна машины) составляетъ опять одну шестую часть. Такимъ образомъ, въ товарѣ А прибыль только $^1/_6$ всей выручки, а въ товарѣ В $^1/_6$ всей выручки съ прибавкою еще $^1/_6$ изъ значительной части остальной выручки.

Чѣмъ значительнѣе часть капитала, состоящая изъ машинъ, строеній, матеріала и другихъ предметовъ, которые должны быть заготовлены до начала непосредственнаго труда, тѣмъ значительнѣйшую часть будетъ составлять прибыль въ издержкахъ производства. Не столь очевидно съ перваго взгляда, но столь же вѣрно и то, что большая прочность части капитала, состоящей изъ машинъ и строеній, имѣетъ точно такое же значеніе, какъ большій размѣръ капитала. Мы предполагали ту крайность, что машина совершенно изнашивается отъ годичной работы; предположимъ теперь противоположную и еще сильнѣйшую крайность,—что машина вѣчна и не требуетъ ремонта. Въ этомъ предполагаемомъ случаѣ, который годится для разъясненія дѣла столько же, какъ если бъ и былъ возможнымъ на практикѣ, фабриканту никогда не понадобилось бы получать въ продуктѣ выручку за 500 фунтовъ, заплаченныхъ за машину, потому что у него вѣчно цѣла сама машина, стоющая 500 фунтовъ; но по прежнему онъ долженъ получать прибыль на нее. Потому товаръ В, которому въ прежнемъ примѣрѣ приходилось продаваться за 1,200 фунтовъ (чтобы 1,000 фунтовъ шло на возвращеніе капитала, а 200 фунтовъ въ прибыль), можетъ теперь продаваться за 700 фунтовъ,—(500 фунтовъ надобно на возвращеніе рабочей платы, а 200 въ прибыль на весь капиталъ). Такимъ образомъ, въ цѣнности В прибыль составляетъ 200 фунтовъ изъ 700 фунтовъ, то есть двѣ седьмыхъ части или $28^4/_7\%$, между тѣмъ какъ въ цѣнности товара А, какъ мы видѣли, прибыль составляетъ лишь одну шестую долю или $16^2/_3\%$. Разумѣется, этотъ случай чисто идеальный, потому что никакая машина, никакая другая часть основнаго капитала не остается цѣла вѣчно; но чѣмъ больше въ нихъ прочности, тѣмъ ближе подходятъ онѣ къ этому идеальному случаю, тѣмъ значительнѣе доля прибыли въ выручкѣ. Если, напримѣръ, машина, стоющая 500 фунтовъ, теряетъ отъ годичной работы пятую часть цѣнности, то для вознагражденія этой потери должно прибавиться къ выручкѣ 100 фунтовъ, и цѣна товара будетъ 800 фунтовъ. Тогда

прибыль будетъ составлять 200 фунтовъ въ 800 фунтахъ, или четвертую долю, что все еще гораздо болѣе шестой доли, какую составляютъ въ товарѣ А 200 фунтовъ въ 1,200 фунтахъ.

Изъ неравенства доли, которую въ разныхъ занятіяхъ составляетъ прибыль въ затратахъ капиталиста, а потому и въ необходимой для него выручкѣ, происходятъ относительно цѣнности два послѣдствія. Первое изъ нихъ то, что предметы обмѣниваются не по простой соразмѣрности количествъ требующагося на нихъ производство труда и даже не по той соразмѣрности, какая оказалась бы по разсчету неравенствъ постояннаго вознагражденія за разные разряды труда. Мы уже объяснили это примѣромъ вина; приведемъ еще примѣръ—цѣнность товаровъ, производимыхъ машинами. Возьмемъ по-прежнему товаръ А, производимый расходомъ 1,000 фунтовъ на непосредственный трудъ. Но вмѣсто товара В, производимаго непосредственнымъ трудомъ въ 500 фунт. и машиною въ 500 фунт., возьмемъ товаръ С, производимый непосредственнымъ трудомъ въ 500 фунт., при помощи машины, произведенной также непосредственнымъ трудомъ въ 500 фунт.; положимъ, что нуженъ годъ на то, чтобы сдѣлать эту машину, и что она изнашивается годичной работой, а прибыль по прежнему положимъ 20%. Товары А и С произведены одинаковыми количествами труда, получавшаго одинаковую плату: расходъ прямаго труда на товаръ А—1,000 фунтовъ; на С только 500 ф., но эта цифра доводится до 1,000 ф. трудомъ, израсходованнымъ на постройку машины. Еслибы трудъ (или вознагражденіе за трудъ) былъ единственнымъ элементомъ стоимости производства, оба эти продукта обмѣнивались бы другъ на друга. Но такъ ли будетъ теперь? Разумѣется, нѣтъ. Машина сдѣлана въ теченіе года расходомъ въ 500 ф., а прибыль составляетъ 20%; потому естественная цѣна машины 600 фунт.; такимъ образомъ выходитъ, что фабрикантъ С сдѣлалъ сверхъ остальныхъ своихъ расходовъ еще прибавочную затрату въ 100 ф., которые должны выручаться ему съ прибылью въ 20%. Такимъ образомъ товаръ С не можетъ имѣть постоянную цѣну меньше 1,320 ф., между тѣмъ, какъ товаръ А продается за 1,200 ф.

Второе послѣдствіе—то, что отъ общаго пониженія или возвышенія прибыли цѣнности измѣняются неизбѣжно. Измѣненіе состоитъ не въ томъ, чтобы являлось въ нихъ общее возвышеніе или пониженіе (это, какъ мы уже часто говорили, логическая несообразность и невозможность), а въ томъ, что измѣняется доля цѣнности разныхъ предметовъ, имѣя въ себѣ долю прибыли за неодинаковые сроки времени, измѣняются не въ одинаковой пропорціи. Если два предмета, произведенные равнымъ количествомъ труда, имѣютъ неодинаковую цѣнность оттого, что одинъ долженъ давать прибыль за большее число лѣтъ или мѣсяцевъ, чѣмъ другой, то эта разница цѣнностей увеличится при возвышеніи прибыли и уменьшится при ея пониженіи. Вино, которое должно давать прибыль за 5 лѣтъ больше, чѣмъ сукно, гораздо значительнѣе будетъ превосходить своею цѣнностью сукно при прибыли 40%, чѣмъ при прибыли въ 20%. Товары А и С, произведенные одинаковыми количествами труда, продавались: одинъ за 1,200, другой за 1,320 фунтовъ,—разница составляла 10%; а если прибыль уменьшится на половину, они будутъ продаваться: одинъ за 1,600, другой за 1,155 фунтовъ, и разница будетъ только 5%.

Изъ этого слѣдуетъ, что даже и общее возвышеніе рабочей платы нѣсколько измѣняетъ цѣнности, если соединено съ дѣйствительнымъ увеличеніемъ стоимости труда. Оно измѣняетъ ихъ не такъ, какъ предполагаютъ обыкновенно,—оно не возвышаетъ всѣ цѣнности. Но отъ увеличенія стоимости труда понижается прибыль; потому пони-

жается естественная цѣнность предметовъ, въ цѣнности которыхъ прибыль составляетъ долю больше средней, и возвышаетъ цѣнность предметовъ, въ которыхъ прибыль составляетъ долю меньше средней. При пониженіи прибыли падаетъ относительная цѣнность всѣхъ товаровъ, въ производствѣ которыхъ значительно участвуютъ машины (особенно, когда машины эти очень прочны) или, что тоже самое, сравнительно съ ними поднимается цѣнность другихъ предметовъ. Теорему эту выражаютъ иногда такъ: отъ возвышенія рабочей платы поднимается цѣнность предметовъ, производимыхъ трудомъ, относительно предметовъ, производимыхъ машинами. Такой способъ выраженія простъ, но неправиленъ: предметы, производимые машинами, производятся трудомъ, точно такъ же, какъ и другіе предметы, именно тѣмъ трудомъ, которымъ производятся сами машины; разница лишь въ томъ, что въ производствѣ предметовъ, дѣлаемыхъ помощію машинъ, прибыль составляетъ нѣсколько большую долю, хотя и тутъ главная статья расхода все-таки трудъ. Потому лучше представлять этотъ фактъ, какъ послѣдствіе упадка прибыли, чѣмъ какъ результатъ возвышенія рабочей платы, тѣмъ болѣе, что послѣдній способъ выраженія очень двусмысленъ: онъ возбуждаетъ вовсе нейдущую сюда мысль о возвышеніи реальнаго вознагражденія работника, вмѣсто идущей къ дѣлу мысли о возвышеніи стоимости труда хозяину.

6. Кромѣ естественныхъ и необходимыхъ элементовъ стоимости производства,— кромѣ труда и прибыли,—есть въ ней другіе элементы, искусственные и случайные, напр. налогъ. Налогъ на бумагу и на солодъ составляетъ часть стоимости производства этихъ товаровъ, наравнѣ съ рабочею платою. Расходы, налагаемые закономъ, подобно расходамъ, налагаемымъ сущностью дѣла, должны быть съ обыкновенною прибылью вознаграждаемы цѣнностью продукта, или производство предметовъ прекратится. Но вліяніе налога на цѣнность подлежитъ тѣмъ же самымъ условіямъ, какъ вліяніе рабочей платы и прибыли. Вліяніе на цѣнность имѣетъ не общая высота или низкость налога, а разница между его величинами. Если бы всѣ продукты были обложены пошлиною, берущею равный процентъ изъ всѣхъ прибылей, отношеніе между цѣнностями нимало не измѣнилось бы. Если подвергаются налогу лишь нѣкоторые товары, цѣнность ихъ поднимается; если остаются свободны отъ налога лишь нѣкоторые предметы, цѣнность ихъ падаетъ. Если обложить налогомъ половину товара, а другую не облагать, первая половина поднимется, а вторая упадетъ по взаимной оцѣнкѣ. Эти перемѣны цѣнностей необходимы для уравненія вѣроятности прибыли во всѣхъ занятіяхъ, безъ чего обложенныя налогомъ занятія были бы, если не тотчасъ, то черезъ нѣсколько времени, покинуты. Но общій налогъ, равно лежащій на всемъ и не измѣняющій взаимнаго отношенія продуктовъ, не можетъ имѣть никакого вліянія на цѣнности.

До сихъ поръ мы предполагали, что всѣ силы и принадлежности, входящія въ стоимость производства товаровъ, сами въ своей цѣнности опредѣляются стоимостью производства. Но иныя изъ нихъ принадлежатъ къ разряду предметовъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо по произволу, и которые потому пріобрѣтаютъ цѣнность недостачи, если запросъ превышаетъ извѣстный размѣръ. Для многихъ орнаментальныхъ вещей, изготовляемыхъ въ Италіи, матеріалами служатъ вещества, называющіяся rosso, giallo и verde antico, о которыхъ,—не знаю, справедливо или нѣтъ,— утверждаютъ, будто бы онѣ могутъ добываться лишь изъ разрушенія древнихъ колоннъ и другихъ орнаментовъ, потому будто бы, что каменоломни, изъ которыхъ первоначально получены эти камни, уже истощены или затеряны. Если существуетъ большой запросъ на матеріалъ такого рода, онъ будетъ имѣть цѣнность недостачи; она войдетъ

въ стоимость производства, стало быть и въ цѣнность изготовленнаго товара. Повидимому близко время, когда цѣнность дорогихъ мѣховъ подвергнется вліянію недостачи матеріала. До сихъ поръ уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей, доставляющихъ эти мѣха, въ пустыняхъ Сибири и на берегахъ Эскимоскаго моря, дѣйствовало на цѣнность ихъ лишь тѣмъ, что для полученія извѣстнаго количества этого товара становилось все больше и больше труда,—а употребляя больше труда, чѣмъ употребляется, конечно, еще можно было бы въ теченіе нѣкотораго времени добывать этихъ мѣховъ больше, чѣмъ теперь.

Но главнымъ образомъ увеличивается стоимость производства цѣнностью недостачи въ предметахъ, производимыхъ самою природою. Если силы ея, дѣйствующія въ производствѣ, не обращены въ частную собственность и могутъ быть въ рукахъ каждаго желающаго, онѣ не входятъ въ стоимость производства, а входитъ въ нее лишь трудъ, какой понадобится на приспособленіе къ дѣлу. Если же онѣ и обращены въ частную собственность, то получаютъ цѣнность, какъ мы видѣли, не отъ самаго этого факта, а лишь отъ недостачи ихъ, то есть отъ ограниченности снабженія ими. Но то достовѣрно, что онѣ часто имѣютъ цѣнность недостачи. Предположимъ водопадъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нужно больше мельницъ, чѣмъ сколько могутъ снабдиться водою: пользованіе этимъ водопадомъ будетъ имѣть цѣнность недостачи, а высота этой цѣнности будетъ такая, чтобы или запросъ понизился до существующаго снабженія или, чтобы оплачивалось созданіе искусственной силы,—паровой или какой нибудь другой,—равняющейся своимъ дѣйствіемъ силѣ воды.

Сила природы остается вѣчнымъ имуществомъ и служитъ человѣку лишь продуктами, производимыми постояннымъ ея занятіемъ; потому обыкновенный способъ получать выгоду отъ такой собственности—ежегодная уплата изъ продукта, получаемаго отъ нея лицомъ, пользующимся ею. Эта уплата всегда можетъ называться и обыкновенно называется рентою. Потому вопросъ о вліяніи, какое имѣетъ на цѣнности обращеніе силъ природы въ частную собственность, часто поставляется въ такой формѣ: входитъ ли рента въ стоимость производства?—Лучшіе политико-экономы отвѣчаютъ на него отрицательно. Такія безъ-оговорочныя теоремы очень соблазнительны даже для людей, замѣчающихъ ограниченія, съ которыми должны приниматься подобныя выраженія; дѣйствительно, они напечатлѣваютъ общій принципъ въ умѣ тверже, чѣмъ когда бы онъ и въ теоріи огороженъ былъ всѣми исключеніями, являющимися въ практикѣ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ они смущаютъ, ведутъ къ ошибкамъ и производятъ невыгодное для политической экономіи впечатлѣніе, будто бы она пренебрегаетъ очевидными фактами. Нельзя не согласиться, что иногда рента входитъ въ стоимость производства. Если я покупаю или беру въ аренду кусокъ земли и строю на немъ суконную фабрику, рента этой земли дѣйствительно составляетъ часть издержекъ моего производства, издержекъ, которыя долженъ уплатить продуктъ. А всѣ фабрики строятся на землѣ и почти всѣ строятся въ мѣстахъ, гдѣ земля особенно дорога, потому средняя величина ренты за землю должна вознаграждаться въ цѣнностяхъ всѣхъ предметовъ, производимыхъ на фабрикахъ. Но въ какомъ смыслѣ справедлива теорема, что рента не входитъ въ стоимость производства и не имѣетъ вліянія на цѣнность земледѣльческаго продукта, это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Изъ теоремы Мальтуса и теоріи ренты Рикардо мы знаемъ, что каждая прибавка къ земледѣльческому продукту получается по большей стоимости производства, чѣмъ прежнія части продукта, стало быть и естествен-

ная или необходимая мѣновая цѣнность этой прибавки выше. Но высшая цѣнность сообщается и всѣмъ другимъ частямъ продукта, потому что если необходимо одну четверть пшеницы продавать не ниже цѣнности 5, то нѣтъ препятствія брать также по 5 и за всякую другую четверть пшеницы того же сорта, хотя бы стоимость производства этой другой четверти была меньше. Такимъ образомъ прежнія части продукта, обходящіяся производителю дешевле послѣдней, продаваясь по одной цѣнности съ послѣднею, будутъ давать производителю лишнюю прибыль; эта лишняя прибыль передается подъ именемъ ренты землевладѣльцу силою соперничества между капиталистами, снимающими землю. Стало быть, рентою не возвышается цѣнность продукта, опредѣляемая стоимостью производства послѣдней его части, не платящей ренты.—То же самое, что съ земледѣльческимъ продуктомъ, бываетъ въ этомъ отношеніи и со всѣми товарами, количество которыхъ можетъ увеличиваться неопредѣленно, но съ возвышеніемъ стоимости производства при каждомъ увеличеніи ихъ количества. Къ этому разряду принадлежатъ всѣ такъ-называемые сырые или непереработанные продукты.

Мы сдѣлали огромную выписку изъ Милля и, кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ замѣчаній относительно второстепенныхъ подробностей, ровно ничего не можемъ сказать противъ изложеннаго имъ взгляда. Во всемъ, что мы слышали отъ него, надобно совершенно съ нимъ согласиться. Но все ли мы слышали отъ него, что надобно знать о предметѣ?

Если вы читаете его съ одною только мыслью — провѣрять, справедливо ли все, что онъ говоритъ, вы дойдете до конца его анализа, не замѣтивъ никакихъ ошибокъ въ немъ. Но если вы станете перечитывать тѣ же страницы съ другою, болѣе широкою мыслью,—посмотрѣть, не остается ли пробѣловъ въ этомъ анализѣ,—вы будете шокированы нѣкоторыми выраженіями, прямо выдающими неполноту анализа. Довольно будетъ напомнить одно изъ нихъ. Говоря о товарахъ, цѣнность которыхъ опредѣляется стоимостью производства, онъ замѣчаетъ, что если при производствѣ даннаго количества такого товара, эта естественная его цѣнность не соотвѣтствуетъ уравненію запроса и снабженія, дѣйствующему тутъ черезъ уравненіе прибыли этого производства съ другими производствами, то производство этого товара увеличивается или уменьшается соотвѣтственно уравненію прибыли. Совершенно такъ; но онъ прибавляетъ: „эти измѣненія въ количествѣ производимаго товара не требуютъ, чтобы кто нибудь измѣнялъ свое занятіе. Если дѣло идетъ очень хорошо, производство расширяется черезъ усиленное пользованіе кредитомъ, а если производство идетъ дурно, оно уменьшается черезъ уменьшеніе размѣра операцій и уменьшеніе рабочаго времени“. Кто же теперь эти люди, изъ которыхъ „никому“ нѣтъ необходимости измѣнять прежнее занятіе отъ перемѣны въ размѣрѣ производства? Существуетъ суконная фабрика, занимающая 500 работниковъ. Суконное дѣло идетъ очень прибыльно. Нѣтъ необходимости основываться новой фабрикѣ, нѣтъ надобности дѣлаться суконнымъ фабрикантомъ капиталисту, занимавшемуся другимъ дѣломъ. Хозяинъ прежней фабрики расширяетъ ея операціи; производитъ вдвое больше прежняго. Если дѣло

идетъ неприбыльно, ему нѣтъ необходимости бросать свое занятіе, — онъ только уменьшаетъ свои операціи, производитъ сукна вдвое меньше. Изъ капиталистовъ дѣйствительно „никому“ нѣтъ необходимости перемѣнять свое занятіе отъ этихъ перемѣнъ. Если мы имѣемъ въ виду только капиталистовъ, Милль говоритъ совершенную правду. Но то ли дѣло съ работниками? Если суконная фабрика вдвое увеличитъ свою фабрикацію, она займетъ 1,000 работниковъ, вмѣсто прежнихъ 500,—прибавочные 500 работниковъ перейдутъ на суконное производство отъ какого нибудь другаго занятія. Если она вдвое сократитъ производство, она займетъ только 250 работниковъ, вмѣсто прежнихъ 500,—остальные 250 должны бросить суконное производство, обратиться къ другому занятію. Стало быть, слова Милля къ работникамъ не прилагаются. Его „кто нибудь“—только капиталисты. А работники у него—„никто“. Объ нихъ онъ позабылъ. Угодно ли вамъ прямое свидѣтельство, что это такъ? Вотъ, напримѣръ, черезъ нѣсколько страницъ онъ говоритъ: главный элементъ стоимости производства—трудъ. „Если производителемъ мы станемъ считать капиталиста, дѣлающаго затраты, слово „трудъ“ можно замѣнить словомъ „рабочая плата“: стоимость продукта производителю—количество рабочей платы, израсходованное имъ на продуктъ“.—„Если,—если“, то „да“; а „если нѣтъ“, тогда что? Что тогда, это неизвѣстно. Милль забылъ, что его „если“ не имѣетъ безусловнаго значенія; ему не представляется надобности подумать о случаяхъ, къ которымъ не примѣнялось бы это „если“. Безъ капиталиста нѣтъ производства или по крайней мѣрѣ нѣтъ такого производства, о которомъ стоило бы думать теоріи.

Да, весь анализъ стоимости производства, прочтенный нами, замѣчаетъ только капиталиста, который для него все, между прочимъ и истинный производитель; работники являются только принадлежностью капиталиста; стоитъ ли смотрѣть на дѣло по отношенію къ нимъ! Разумѣется, не стоитъ, „если“ капиталистъ — „производитель“.

А если нѣтъ? Если нѣтъ, то анализъ стоимости производства неполонъ, неполонъ и анализъ мѣновой цѣнности. Мы видѣли, какъ подробно изслѣдуются у Милля законы этой мѣновой цѣнности: цѣлыя двѣ главы, приведенныя нами, посвящены мануфактурнымъ товарамъ; цѣлая глава, изъ которой мы представили лишь краткое извлеченіе, посвящена земледѣльческому продукту; нашлось мѣсто сказать даже о „древнихъ статуяхъ“: видно, что очень полно перечисленіе товаровъ, когда не забытъ даже такой маловажный въ экономическомъ отношеніи товаръ. Но какъ же это мы ничего не видѣли о самомъ главномъ товарѣ,—о трудѣ? Неужели о немъ нѣтъ ничего у Милля? Какъ не быть! есть, именно вотъ что. Въ концѣ анализа мѣновой цѣнности товаровъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо и которые прямо подлежатъ уравненію снабженія и запроса, Милль говоритъ: „наконецъ есть товары, количество которыхъ можетъ увеличиваться или уменьшаться до значительной и даже неопредѣленной степени, но цѣнность которыхъ всегда зависитъ исключительно отъ уравненія запроса и снабженія. Таковъ въ особенности товаръ, называемый трудомъ; о цѣнности его мы подробно говорили въ предъидущей

книгѣ". Только и всего; далѣе ни слова о немъ. Но вѣдь теорія ренты Рикардо была также подробно изложена въ предыдущей книгѣ, а между тѣмъ нашелъ же Милль нужнымъ посвятить вопросу о рентѣ еще новую главу въ анализѣ мѣновой цѣнности. Почему же не понадобилось этого сдѣлать относительно труда? Ясно почему: анализъ ведется съ точки зрѣнія капиталиста; для капиталиста трудъ только—элементъ стоимости производства; о стоимости производства сказано достаточно, слѣдовательно о трудѣ толковать нечего.

Но если мы вспомнимъ, что трудъ—единственный или важнѣйшій товаръ для огромнаго большинства людей, то, вѣроятно, нелишнимъ будетъ взглянуть на мѣновую его цѣнность повнимательнѣе.

Если не сдѣлать коренного вопроса объ этомъ странномъ товарѣ, то ничего особеннаго и нельзя будетъ сказать о его мѣновой цѣнности: товаръ—какъ товаръ: подчиненъ уравненію снабженія и запроса, только и всего. Милль правъ, что не распространяется объ этомъ. Но коренной-то вопросъ состоитъ въ томъ: слѣдуетъ ли труду быть товаромъ, слѣдуетъ ли ему имѣть мѣновую цѣнность?

Что такое—товаръ? Или продуктъ человѣка, или предметъ природы, обращенный въ частную собственность; въ томъ и другомъ случаѣ—нѣчто существующее отдѣльно отъ человѣка. А трудъ? что это такое? Тоже нѣчто существующее отдѣльно отъ человѣка? Нѣтъ, онъ больше ничего, какъ часть человѣческаго существа, никакимъ способомъ не могущая существовать отдѣльно отъ человѣка. Продаются перчатки для рукъ, но рука человѣка не продается; продается книга, но мозгъ писателя не бываетъ на рынкѣ. То есть мы выражаемся неправильно: если писатель обязался за деньги писать все, что ему прикажутъ, то мозгъ его продается. Но вѣдь не говорится же, что этотъ писатель продалъ свой мозгъ,—говорится просто, что онъ продалъ себя. Точно такъ же продаются и руки человѣка: бразильскій португалецъ, покупая негра, покупаетъ собственно только руки этого негра. Итакъ мозгъ и руки человѣка дѣйствительно продаются, только не иначе можно продать или купить ихъ, какъ вмѣстѣ съ самимъ человѣкомъ. Точно также и трудъ: продажа и покупка его—не иное что, какъ продажа и покупка человѣка. Если трудъ — товаръ, то это не можетъ быть иначе, какъ если самъ человѣкъ—товаръ. Слѣдуетъ ли человѣку быть товаромъ, объ этомъ можно думать различно: но политическая экономія утверждаетъ, что не слѣдуетъ. А если такъ, то продажа и покупка труда противорѣчатъ основному требованію господствующей теоріи, и о мѣновой цѣнности труда говоритъ она не тѣмъ тономъ, какимъ говоритъ о мѣновой цѣнности бразильскихъ негровъ лишь потому, что забыла подумать хорошенько объ отношеніи труда къ человѣческому организму, о томъ, что трудъ—не предметъ отдѣльный отъ человѣка, то есть не такой предметъ, который дозволительно покупать и продавать, не такой предметъ, которому слѣдуетъ имѣть мѣновую цѣнность.

Законами странъ, отвергнувшихъ невольничество, воспрещается человѣку продавать себя. Политическая экономія не находитъ, чтобы этимъ запрещеніемъ стѣснялась свобода человѣка. Напротивъ, она только огра-

ждаетъ свободу человѣка отъ гибельнаго дѣйствія его опрометчивости. Чѣмъ же отличается покупка труда отъ покупки человѣка, воспрещенной законами этихъ странъ? Только двумя обстоятельствами: во-первыхъ, продолжительностью времени, на которое совершается продажа, во-вторыхъ, степенью власти, какую даетъ надъ собою продающійся покупающему. Но очевидно, что то и другое различіе—различіе только количественное, а не качественное, только по степени, а не по основному характеру. И притомъ, прямо такъ-называемая покупка человѣка можетъ принимать формы, ничѣмъ не отличающіяся отъ такъ-называемой покупки труда и по этимъ обоимъ отношеніямъ.

Въ странахъ, гдѣ существуетъ невольничество, человѣкъ можетъ продавать себя и не на всю жизнь, а только на извѣстный срокъ, не въ вѣчную, а во временную кабалу. Если работникъ запродаетъ свой трудъ на мѣсяцъ или на недѣлю, то и въ кабалу можетъ онъ поступить только на мѣсяцъ или на недѣлю; договоръ перваго рода недозволителенъ въ образованныхъ государствахъ; зачѣмъ же называть дозволительнымъ договоръ втораго рода? „Но если договоръ о кабалѣ можетъ не отличаться отъ договора о продажѣ труда срокомъ, на который заключается, то очень значительное различіе между ними по размѣру власти, какую даетъ надъ собою продающій себя и продающій только свой трудъ“. Конечно, кромѣ права требовать отъ невольника исполненія работы, невольничество обыкновенно даетъ господину право судить самому, исполняетъ ли невольникъ свои обязанности, и взыскивать за ихъ неисполненіе. Но это бываетъ только въ грубѣйшей формѣ невольничества. Въ его смягченныхъ формахъ судебная и исполнительная власть господина постепенно уменьшается... Да и въ тѣхъ формахъ, гдѣ господинъ самъ бываетъ судьею и исполнителемъ, эта власть присвоивается ему только какъ второстепенная принадлежность главнаго права,—права требовать труда: присвоивается лишь для облегченія настоящихъ судей и администраторовъ. Если же они берутъ на себя изъ рукъ господина разборъ его требованій, они, конечно, облегчаютъ положеніе невольника, но съ тѣмъ вмѣстѣ облегчаютъ и господина, который все-таки остается господиномъ. Сущность невольничества не въ этой судебной и административной власти, а собственно въ правѣ на трудъ. Мы вовсе не то говоримъ, что продажа труда равняется грубѣйшей формѣ невольничества; напротивъ, мы хотимъ только сказать, что она представляетъ существенное сходство съ наиболѣе смягченными его формами, представляетъ собой какъ бы очищеніе невольничества отъ грубыхъ его неудобствъ для самого господина, съ сохраненіемъ основной черты его — власти частнаго человѣка надъ экономическими силами другаго человѣка.

Юристъ и администраторъ могутъ интересоваться разницею между покупкою труда и невольничествомъ: но политико-экономъ не долженъ.

Можно спорить о томъ, удобоисполнимо или неудобоисполнимо въ данномъ состояніи общества то или другое требованіе экономической или какой угодно другой науки. Есть политико-экономы, находящіе, что въ нѣкоторыхъ странахъ еще рано желать уничтоженія невольничества даже и въ грубѣйшемъ его видѣ. Подобнымъ образомъ, пожалуй, могутъ другіе

политико-экономы находить, что еще ни въ одной изъ передовыхъ странъ не пришла пора заботиться объ уничтоженіи послѣдней формы невольничества, называющейся покупкою труда. Это будетъ вопросъ практики, а съ практической стороны можетъ ловкій діалектикъ очень благовидно защищать интересы, противные общему благу.

Мало ли что бываетъ товаромъ на практикѣ, — бываетъ товаромъ и любовь, бываетъ товаромъ и трудъ. Но теорія должна признавать обѣ эти функціи человѣческаго организма предметами, составляющими неотчуждаемую собственность организма, такими принадлежностями его, власти надъ которыми самъ человѣкъ не долженъ отнимать у себя, въ родѣ того, какъ не можетъ отказываться отъ права имѣть свое мнѣніе или дѣйствовать по собственному убѣжденію. Умъ или совѣсть, чувства или честность, впечатлительность нервъ, дѣятельность мускуловъ—все это такія вещи, которыя принадлежатъ къ порядку явленій, несовмѣстному съ понятіемъ мѣновой цѣнности. Извѣстное состояніе или обнаруженіе этихъ качествъ или дѣятельностей организма можетъ приносить человѣку и цѣлому обществу экономическую пользу; но по своей натурѣ это—вещи непродажныя, если непродажная вещь самъ человѣкъ.

Конечно, не такъ легко дойти до понятія о непродажности труда какъ до понятія о непродажности нѣкоторыхъ другихъ функцій человѣческой жизни, какъ, напримѣръ, совѣсти или чувства. Но эта разница зависитъ лишь отъ особенностей быта, къ которому мы привыкли. Были другія состоянія общества, въ которыхъ дѣло это было ясно каждому. Свободный грекъ или римлянинъ считалъ наниматься въ работу вещью такою же унизительною для себя, какъ теперь считается у насъ поступать мужчинѣ на содержаніе какой нибудь капиталистки. Многіе ошибочно думаютъ, что въ классическомъ мірѣ считался унизительнымъ для свободнаго человѣка самый трудъ. Нѣтъ, считался унизительнымъ для него только наемный трудъ. Много разъ мы имѣли случай говорить, что трудность пріобрѣсти извѣстное убѣжденіе при данномъ состояніи общества нимало не свидѣтельствуетъ противъ этого убѣжденія, а свидѣтельствуетъ только о неудовлетворительности быта, въ которомъ трудно для человѣка признать извѣстную истину.

Если же трудъ по своей неотдѣлимости отъ самого человѣка не долженъ быть предметомъ покупки и продажи, то есть не долженъ имѣть мѣновой цѣнности, то окажется недостаточно принимаемое господствующею теоріею основаніе для опредѣленія стоимости производства другихъ товаровъ. Дѣйствительно, мы видѣли, что она слагается изъ мѣновой цѣнности труда, употребленнаго на предметъ, и прибыли на этотъ трудъ. Если одинъ изъ этихъ двухъ элементовъ, и притомъ важнѣйшій, не долженъ имѣть мѣновой цѣнности, то чѣмъ же опредѣлится стоимость производства? Очевидно, что она должна получить какую нибудь другую норму, и не трудно увидѣть, въ чемъ будетъ состоять эта новая норма.

Мы нашли, что понятіе труда не должно соединяться съ понятіемъ мѣновой цѣнности. Слѣдовательно отъ прежней нормы надобно отбросить понятіе мѣновой цѣнности, и что тогда остается у насъ? Остается только коренное понятіе о количествѣ труда.

Не знаемъ, удалось ли намъ изложить свой взглядъ такъ ясно, чтобы читатель нашелъ излишними дальнѣйшія наши поясненія.

Приписывать труду мѣновую цѣнность значитъ сравнивать его съ предметами, посторонними для человѣка. Положимъ, напримѣръ, что четверть пшеницы мы оцѣнимъ въ 5 рабочихъ дней, имѣющихъ по 12 часовъ. Это значитъ, что 60 часовъ человѣческаго труда мы ставимъ равными одной четверти пшеницы. Пусть читатель разсудитъ, годится ли ставить знакъ равенства между такими понятіями? Трудъ есть дѣятельность человѣческаго организма, не могущая быть подведена къ одному знаменателю ни съ чѣмъ инымъ, кромѣ дѣятельности того же организма. Мы всѣ говоримъ, что, напримѣръ, въ извѣстномъ человѣкѣ влеченіе къ вину сильнѣе заботы о здоровьи, въ другомъ человѣкѣ эти двѣ силы уравновѣшиваются, въ третьемъ забота о здоровьи сильнѣе. Что жъ, подобныя выраженія правильны: тутъ сравниваются предметы одной и той же сферы понятій или явленій. Точно такъ же можно сравнивать между собою всякія другія наклонности или влеченія, мотивы дѣйствій человѣка. Но вѣдь не сравниваемъ же мы пудъ съ саженью или свѣтъ съ звукомъ; не говоримъ же мы, что два дюйма равны или не равны одному золотнику, а звукъ фортепьянъ сильнѣе или слабѣе свѣта стеариновой свѣчи.

Точно такъ же можно сравнивать между собою продукты труда; но нельзя сравнивать ихъ съ трудомъ: это — предметы несоизмѣримые. Положимъ, что трудъ превращается въ продуктъ, но все-таки сравнивать ихъ другъ съ другомъ точно такъ же не слѣдуетъ, какъ не слѣдуетъ звукъ фортепьяна сравнивать съ деревомъ и желѣзомъ, изъ которыхъ возникаетъ этотъ звукъ. Конечно, чѣмъ больше труда, тѣмъ больше продукта; конечно, чѣмъ лучше трудъ, тѣмъ лучше и продуктъ. Но точно такъ же, чѣмъ толще струна, тѣмъ сильнѣе звукъ, чѣмъ лучше металлъ и дерево, тѣмъ лучше звукъ. Мало ли какой предметъ превращается въ какой другой предметъ или какое явленіе въ другое явленіе, но несмотря на происхожденіе одного изъ другаго, все-таки нельзя же ихъ сравнивать, если они совершенно разнородны.

Но если такъ, если трудъ и продуктъ—величины несоизмѣримыя, то какое же основаніе можетъ быть найдено для экономическаго разсчета?— Надобно только вникнуть въ способъ, которымъ создается самое понятіе мѣновой цѣнности продукта, чтобы замѣтить это основаніе.

Мы замѣтили, что предметы совершенно разнородные не могутъ быть сравниваемы между собою. Какимъ же образомъ подводятся подъ одну норму мѣновой цѣнности сукно и хлѣбъ, дрова и картина? Мы знаемъ, что пропорція цѣнности ихъ дается уравненіемъ снабженія и запроса, или прямо или косвенно, чрезъ стоимость производства. Теперь, что же такое запросъ, и что такое снабженіе? Запросъ—это извѣстная энергія человѣческихъ побужденій къ пріобрѣтенію предмета; снабженіе—это извѣстная энергія человѣческихъ побужденій къ производству предмета. Такимъ образомъ все сводится къ одному общему знаменателю,—къ энергіи человѣческихъ побужденій. Вотъ мы и нашли коренную норму всякаго экономическаго разсчета; она заключается въ человѣческихъ побужденіяхъ, наклонностяхъ и

потребностяхъ. Сообразно этому анализу, уравненіе запроса и снабженія обозначаетъ ни больше, ни меньше, какъ тотъ фактъ, что сила побужденій къ производству предмета бываетъ соразмѣрна силѣ побужденій къ пользованію предметомъ. Чѣмъ сильнѣе у человѣка надобность въ продуктѣ или влеченіе къ нему, тѣмъ сильнѣе человѣкъ и обращается къ производству его. Только и всего. А этотъ фактъ извѣстенъ каждому изъ ежедневнаго житейскаго опыта.

„Только-то!“—скажутъ въ первую минуту рутинные политико-экономы: „стоило же толковать такъ долго, чтобы придти къ такому выводу! Да вѣдь ваше открытіе написано бываетъ въ первыхъ строкахъ каждаго курса нашей школы. Мы сами съ того и начинаемъ, что основная пружина и коренная норма всѣхъ экономическихъ явленій заключается въ потребностяхъ человѣка. Нечего сказать, сдѣлали вы открытіе“. –Точно такъ: каждый курсъ политической экономіи начинается съ этой истины. Жаль только, что она въ рутинныхъ курсахъ не проникаетъ дальше перваго параграфа. Наше дѣло только въ томъ и состоитъ, что мы не забываемъ этого основнаго принципа, и стараемся возводить къ нему каждый вопросъ, между тѣмъ какъ рутинная школа совершенно забываетъ о немъ, замѣняя его по каждому частному вопросу какою нибудь рутинною иллюзіею.

„Но позвольте однако“, говорятъ черезъ нѣсколько времени рутинные политико-экономы: „мы обманулись на первый взглядъ, подумавъ, будто ничего важнаго не слѣдуетъ изъ вашихъ разсужденій о человѣческихъ потребностяхъ, по поводу вопроса о мѣновой цѣнности. Нѣтъ, слѣдуетъ изъ этого, что вы хотите отрицать мѣновую цѣнность. Какъ же это можно! Вѣдь отъ этого вся наука рушится“!—Отрицать мѣновую цѣнность не мы хотимъ, а хочетъ тотъ самый принципъ, который провозглашаютъ основнымъ началомъ политической экономіи сами послѣдователи рутинной школы. Наука отъ этого не разрушается, а только исправляются тѣ погрѣшности въ ней, которыя произошли отъ забвенія объ основной идеѣ при разборѣ частнаго вопроса. А „какъ это можно“, то есть какъ можно исправить эти погрѣшности,—мы сейчасъ увидимъ.

Черезъ подведеніе частнаго вопроса о мѣновой цѣнности подъ основную идею всей экономической науки, понятіе мѣновой цѣнности превращается въ понятіе внутренней цѣнности. Дѣйствительно, измѣреніе цѣнности потребностями человѣка даетъ норму уже вовсе не мѣновой, а внутренней цѣнности. Мы видимъ, что по сущности дѣла мѣновая цѣнность должна совпадать съ внутреннею, и отклоняется отъ нея только вслѣдствіе ошибочнаго признанія труда за товаръ, которымъ труду никакъ не слѣдуетъ быть. Поэтому возможность отличать мѣновую цѣнность отъ внутренней свидѣтельствуетъ только объ экономической неудовлетворительности быта, въ которомъ существуетъ разность между ними. Теорія должна смотрѣть на раздѣльность мѣновой цѣнности отъ внутренней точно такъ же, какъ смотритъ на невольничество, монополію, протекціонизмъ. Она можетъ и должна изучать эти явленія со всевозможною подробностью, но не должна забывать, что она тутъ описываетъ уклоненія отъ естественнаго порядка. Она можетъ находить, что устраненіе того или другаго этихъ феноменовъ

экономической жизни потребуетъ очень долгаго времени и очень значительныхъ усилій; не какъ бы далекъ ни представлялся ей срокъ излеченія той или другой экономической болѣзни, не должна же она не представлять, каково должно быть здоровое положеніе вещей.

Точно такъ и мы говоримъ объ отдѣленіи мѣновой цѣнности отъ внутренней, какъ о феноменѣ болѣзненномъ, отвергаемомъ теоріею. Легко ли и скоро ли вполнѣ избавится отъ него дѣйствительная жизнь,—это другой вопросъ. Но если кто нибудь говоритъ, что, напримѣръ, чесотка — такая болѣзнь, которая собственно не должна была бы существовать, которая неизбѣжно исчезнетъ при извѣстныхъ благопріятныхъ перемѣнахъ въ бытѣ сословій, нынѣ подвергающихся ей, слѣдуетъ ли порицать его за непрактичность? А впрочемъ, судите какъ хотите о практичности или непрактичности его мыслей, но что жъ ему дѣлать съ своими мыслями, когда онѣ кажутся ему справедливыми? Неужели скрывать ихъ изъ опасенія показаться утопистомъ?

Скоро ли могутъ произойти въ бытѣ и привычкахъ какой нибудь націи такія перемѣны, послѣ которыхъ трудъ перестанетъ быть товаромъ и мѣновая цѣнность совпадетъ съ внутреннею, — это вопросъ о будущемъ, исторію котораго съ обозначеніемъ годовъ мы не беремся разсказывать. Мы видимъ, что прогрессъ ведетъ къ уничтоженію невольничества: что въ передовыхъ странахъ онъ уже давно устранилъ грубѣйшія его формы и постепенно устраняетъ остатки его, продолжающіе существовать въ смягченныхъ формахъ. Самъ человѣкъ пересталъ быть товаромъ въ нѣкоторыхъ странахъ; понемногу перестаетъ быть имъ и въ другихъ: надобно думать, что со временемъ перестанетъ быть товаромъ и трудъ.

Надобно ли говорить о томъ, какое вліяніе на экономическую жизнь окажетъ сліяніе мѣновой цѣнности съ внутреннею, — сліяніе, которое возникнетъ изъ того, что трудъ перестанетъ быть товаромъ? Мы видѣли, какимъ запутаннымъ способомъ установляется мѣновая цѣнность при своей отдѣльности отъ внутренней. Дѣйствіе человѣческихъ потребностей организма тутъ затемняется и спутывается многосложностью формъ, чрезъ которыя идетъ къ своему результату, такъ что не только жизнь, но и сама теорія теряетъ изъ виду эту первоначальную силу, прячущуюся въ денежныхъ цѣнахъ съ ихъ колебаніями. Если же дѣло упрощается чрезъ его подведеніе подъ законъ внутренней цѣнности, то есть прямо подъ разсчетъ человѣческихъ потребностей, то гораздо легче становится различать въ экономической жизни нужное отъ ненужнаго, убыточное отъ выгоднаго, или, что то же самое—глупое отъ умнаго, безразсудное отъ разсудительнаго.

Беремъ въ примѣръ хотя бы городъ Парижъ. Въ немъ въ 1859 году было 1,500,129,—положимъ,1,500,000 жителей. Предположимъ, что у каждаго изъ нихъ есть желудокъ, требующій пищи (можетъ быть это предположеніе ошибочно, но мы и не выдаемъ его за фактъ, а приводимъ только какъ гипотезу). Предположимъ, что изъ этихъ 1, 500,000 человѣкъ у 1 милліона потребность желудка въ пищѣ удовлетворяется плохо. Прекрасно (то есть очень дурно), что же дѣлаютъ эти милліонъ человѣкъ? Они очень усердно работаютъ. Надъ чѣмъ же это они работаютъ?— Они дѣла-

ютъ фортепьяны, бронзовыя вещи, духи, помаду и т. д. и т. д. Умно или нѣтъ употребляютъ они свои силы? Начинаете вы разбирать дѣло по механизму мѣновой цѣнности въ ея отдѣльности отъ внутренней, — и начинаетъ мелькать передъ вашими глазами такой безконечный рядъ продажъ и покупокъ (изъ которыхъ каждая очень выгодна сама по себѣ), что вы считаете, пока достаетъ у васъ охоты, и все-таки до конца не досчитываетесь, и въ утомленіи восклицаете: „должно быть, что все это очень умно и выгодно!“ Не можете досчитаться ни до чего яснаго вы, человѣкъ начитанный, можетъ быть ученый,—гдѣ же тутъ досчитаться до настоящаго баланса этимъ бѣднякамъ-парижанамъ? Вообразите себѣ, вотъ этотъ парижанинъ работаетъ у знаменитаго Эрара; за свою работу получаетъ онъ деньги. Эраръ отправляетъ рояль въ Казань; изъ Казани за него отправляется сало въ Лондонъ; изъ Лондона стеариновыя свѣчи ѣдутъ въ Шеффильдъ, гдѣ покупаются за нихъ бритвы; бритвы эти идутъ въ Нью-Йоркъ; изъ Нью-Йорка идетъ за нихъ хлопчатая бумага въ Ливерпуль и т. д. и т. д., —и каждая сдѣлка выгодна. Восторгъ, восторгъ! Только позвольте васъ спросить, что же наконецъ, какимъ образомъ, выросла изъ работы эрарова работника та говядина или пшеница, которая нужна ему? и выросла ли она изъ его работы? Конечно, говорите вы; потому что онъ не остается безъ пищи. Слѣдовательно, такъ или иначе, его работа надъ роялемъ произрастила пшеницу. Можетъ быть по вашей догадкѣ такъ и выходитъ (вѣдь вы только догадываетесь, вы не прослѣдили до конца, вы не можете прослѣдить до конца рядъ обмѣновъ, начинающихся этимъ роялемъ, вы не знаете, какъ обратился этотъ рояль въ пшеницу, вамъ только угодно предполагать, что онъ обратился въ нее); а если вы, оставивъ восхищеніе рядомъ обмѣновъ, прослѣдить котораго вы не можете по его запутанности, который быть можетъ и обманываетъ васъ,—если вы потрудитесь обратиться отъ этого механизма обмѣновъ къ простой сущности дѣла, то найдете ли вы правдоподобнымъ, что изъ Эрарова рояля выростаетъ пшеница? Если этотъ рояль сжечь и обратить его пепелъ на удобреніе, то безъ сомнѣнія изъ него выростетъ пшеница: кромѣ этого способа я не вижу другихъ способовъ сдѣлать этотъ рояль полезнымъ для желудка.

„Софизмы наглаго невѣжества!“ воскликнетъ рутинный политико-экономъ: работникъ, сдѣлавшій фортепьяно, произвелъ своимъ трудомъ пшеницу, потому что не остается же онъ безъ пищи“.— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что вовсе не произвелъ: пшеница, которую онъ потребляетъ, просто взята у другаго для отдачи ему: количество хлѣба, произведенное однимъ, дѣлится на двухъ,—вотъ почему не достаетъ продовольствія ни тому, ни другому, вотъ почему плохъ столъ и у парижскаго работника, дѣлающаго рояль, и у норманскаго земледѣльца, который кормитъ этого работника.— „Нѣтъ, это не такъ“, продолжаетъ рутинный политико-экономъ: „у нѣкоторыхъ лицъ есть излишекъ хлѣба; эти лица покупаютъ рояли, то есть отдаютъ часть своего хлѣба работникамъ, дѣлающимъ рояли; кто покупаетъ рояль, тотъ не терпитъ нужды въ продовольствіи, онъ не отнимаетъ у себя нужнаго хлѣба; прокормленіе эрарова работника берется изъ

излишка хлѣба". – Пусть берется онъ изъ излишка другихъ: пусть покупщикъ рояля не терпитъ нужды въ продовольствіи; но эраровъ работникъ терпитъ ее; стало быть, если не для чьего нибудь другаго, то для его собственнаго продовольствія невыгодно то, что онъ получаетъ отъ другихъ, а не самъ производитъ его. Если извѣстное дѣло не даетъ хорошего прокормленія, то выгодное ли это дѣло? Бродя по безконечной цѣпи обмѣновъ, вы теряетесь въ многосложной путаницѣ ихъ; но приведите вопросъ къ простѣйшему виду, къ тому факту, что у эрарова работника плохое продовольствіе, и вы сознаетесь, что этому работнику слѣдовало бы заботиться о производствѣ хлѣба, въ которомъ нуждается, а не о производствѣ роялей, которые ему не нужны и которыми онъ не пользуется. Рутинные политико-экономы любятъ твердить афоризмы въ родѣ слѣдующихъ: laissez faire, laissez passer, „свобода дѣятельности",—chacun chez soi, chacun pour soi, „каждый заботься о самомъ себѣ" и т. д., въ этомъ родѣ: они воображаютъ, что этими афоризмами очень крѣпко защищается ихъ система. Напротивъ, стоитъ только покрѣпче взяться за любой изъ такихъ афоризмовъ, и окажется, что каждымъ изъ нихъ разбивается система, въ защиту которой онъ придуманъ. Объ афоризмѣ: laissez faire, laissez passer мы поговоримъ съ этой стороны когда нибудь въ другой разъ, а теперь возьмемся за афоризмъ: chacun chez soi, chacun pour soi. Точный смыслъ его въ устахъ рутинныхъ политико-экономовъ: „каждый пусть будетъ полнымъ хозяиномъ въ своихъ дѣлахъ, каждый пусть работаетъ на себя". Что жъ, по нашему мнѣнію, это превосходный постулятъ, мы принимаемъ его вполнѣ,—только принимаемъ уже на самомъ дѣлѣ, уже серьезно, чтобъ онъ былъ не пустымъ звукомъ, произносимымъ и забываемымъ по произволу, а прочнымъ критеріумомъ экономическихъ дѣлъ.—„Каждый пусть будетъ полнымъ хозяиномъ въ своихъ дѣлахъ", chacun chez soi,—ну вотъ этого мы именно и добиваемся: каждый пусть будетъ хозяиномъ; а наемный работникъ какой же хозяинъ?— Каждый пусть работаетъ на себя, chacun pour soi, —отлично, какъ разъ идетъ къ предмету нынѣшней нашей рѣчи. Да, пусть каждый работаетъ на себя. Стало быть, кому нуженъ рояль, тотъ пусть самъ и дѣлаетъ рояль. Разумѣется, люди сходнаго положенія, съ одинаковыми надобностями, могутъ обмѣниваться своими однородными продуктами: мнѣ нуженъ рояль, нужна коляска, нужны золотые часы; вамъ тоже нужны всѣ эти предметы: нашему съ вами пріятелю г. Пѣночкину также нужны всѣ эти вещи; что жъ, сообразно принципу раздѣленія труда, мы можемъ заняться каждый однимъ дѣломъ: я буду дѣлать рояли, вы коляски, г. Пѣночкинъ золотые часы, и каждый изъ насъ посредствомъ обмѣна будетъ снабжать своимъ продуктомъ двухъ остальныхъ. Наши продукты и потребности однородны. Но въ какой обмѣнъ мы, порядочные люди, изящныхъ потребностей, вступимъ съ Пантелеями, Сидорами, Прокофьями, Кондратьями? Какую компанію намъ могутъ составлять эти необтесанные мужики? Прилично ли красоваться золотымъ часамъ на зипунѣ Захара? Какую фигуру представила бы разъѣзжающая въ коляскѣ Матрена, законная супружница Макара? Не смѣшна ли была бы за роялемъ Дементьева дочь Ульяна? Не къ лицу имъ наши съ вами прекрасныя за-

нятія и милыя вещи. Да онѣ и не нужны имъ. Чѣмъ же мы будемъ съ ними обмѣниваться? Наши продукты ненужны имъ. Они—грубые обжоры, все думаютъ о ѣдѣ (и какое количество ржанаго хлѣба можетъ поглотить каждый изъ нихъ, если станетъ ѣсть до сыта,—это ужасно! Мы всѣ втроемъ: я, вы и г. Пѣночкинъ—не можемъ скушать столько, сколько съѣстъ одинъ Потапъ),—все только и думаютъ о ѣдѣ. Я, какъ порядочный человѣкъ, съ надлежащимъ презрѣніемъ къ нимъ восклицаю: „chacun pour soi!"—я, порядочный человѣкъ, буду дѣлать для себя и для васъ, порядочныхъ людей, рояли и не стану ничего брать у этихъ людей, не давая имъ ничего изъ своихъ прекрасныхъ продуктовъ. Пусть обходятся безъ меня, какъ знаютъ, а мнѣ, порядочному человѣку, стыдно и думать, что я могу нуждаться въ нихъ. Такъ ли?

Если мѣновая цѣнность должна совпадать съ внутреннею, а внутренняя цѣнность измѣряется потребностями человѣка, то не трудно дойти до слѣдующихъ выводовъ:

Соразмѣряться между собою прямымъ образомъ могутъ только потребности однородныя,—напримѣръ, разные виды потребностей, относящихся къ физическому благосостоянію организма. Потому должны имѣть мѣновую цѣнность относительно другъ-друга предметы первой необходимости. Но не должны быть сравниваемы прямо между собою потребности совершенно разнородныя. Напримѣръ, какъ вы станете опредѣлять отношеніе между потребностью ѣды и потребностью чтенія, или между потребностями въ обуви и музыкѣ? Потому и продукты, удовлетворяющіе разнороднымъ потребностямъ, прямо не должны имѣть мѣновой цѣнности относительно другъ-друга. Во сколько разъ меньше или больше, чѣмъ сапоги, нужна человѣку скрипка? Во сколько разъ меньше или больше, чѣмъ жилище, нужна ему бронза? Это вещи несоизмѣримыя прямымъ образомъ.

Итакъ, во-первыхъ, является у насъ по вопросу о цѣнности классификація потребностей; съ экономической точки зрѣнія, онѣ дѣлятся на потребности матеріальнаго благосостоянія, потребности умственной дѣятельности и эстетическаго наслажденія. Каждый изъ этихъ трехъ разрядовъ потребностей имѣетъ свои особенныя свойства, особеннымъ образомъ видоизмѣняющія норму для оцѣнки предметовъ, удовлетворяющихъ имъ.

Потребности эстетическаго наслажденія никакъ не могутъ уже и сами по себѣ идти въ сравненіе съ потребностями матеріальнаго благосостоянія. Наслаждаться чѣмъ нибудь изящнымъ удобно человѣку лишь тогда, когда его матеріальныя потребности удовлетворены. Выражаясь, быть-можетъ, слишкомъ сурово, но совершенно вѣрно, надобно сказать, что эстетическое наслажденіе годится собственно лишь на то время, котораго уже ни на что другое неспособенъ человѣкъ употребить или по отсутствію всякихъ надобностей, или по истощенію силъ предшествующимъ трудомъ: оно всегда бываетъ или отдыхомъ или праздностью. Но отдыхъ и праздность, конечно, не должны имѣть мѣновой цѣнности. Потому не слѣдуетъ имѣть ея и предметамъ эстетическаго наслажденія. Разумѣется, мы очень хорошо знаемъ, что они имѣютъ ее теперь: за входъ въ театръ собирается плата, картина или статуя продается. Но мы говоримъ, что этимъ оскорбляется

самая природа подобныхъ вещей. Красота и изящество не должны имѣть никакой цѣны,—если эта фраза покажется вамъ жестка для этихъ уважаемыхъ вами предметовъ, можете выразить тотъ же принципъ самымъ лестнымъ для нихъ образомъ: они безцѣнны или неоцѣненны. Ставьте ихъ несравненно ниже или несравненно выше предметовъ нужныхъ для физическаго благосостоянія, это какъ вы хотите; но сравненія между ними нѣтъ никакого. Точно то же вы должны будете сказать, если отъ потребностей, которымъ они удовлетворяютъ, вы обратитесь къ способу ихъ происхожденія. Одни изъ нихъ производятся самою природою, безъ человѣческаго усилія, какъ, напримѣръ, красота природы и человѣческая красота. Для произведенія другихъ нужна спеціальная, преднамѣренная дѣятельность человѣка: таковы танцы, драматическія представленія, картины; но дѣятельность, ихъ производящая, не можетъ быть названа трудомъ въ экономическомъ смыслѣ слова: она сама по себѣ уже составляетъ наслажденіе для занимающагося ею; она принадлежитъ къ тому разряду дѣятельностей, къ которому принадлежитъ приниманіе пищи или любовь. Вознагражденіе за такія дѣятельности не должно состоять въ чемъ нибудь внѣшнемъ, онѣ по своей сущности отвергаютъ всякую идею о вознагражденіи. Кто декламируетъ или играетъ на скрипкѣ, самъ наслаждается своею декламаціею или игрою,—которая по настоящему и хороша бываетъ, которая по настоящему и для другихъ можетъ служить источникомъ наслажденія лишь тогда, когда служитъ наслажденіемъ для декламирующаго или играющаго [5]). Потому дѣятельность, производящая предметы эстетическаго наслажденія, не должна имѣть никакого другаго вознагражденія, кромѣ удовольствія, чувствуемаго занимающимся ею человѣкомъ. О мѣновой цѣнности не должно быть тутъ никакого помина и съ этой стороны.

Точно также не должна имѣть мѣновой цѣнности и та умственная дѣятельность, которая имѣетъ своимъ результатомъ развитіе самого человѣка, ею занимающагося, а источникомъ своимъ имѣетъ потребность узнать истину. Сюда принадлежитъ, во-первыхъ, всякая ученая дѣятельность; во-вторыхъ, дѣятельность учащагося. Учащійся долженъ по настоящему учиться только изъ желанія выучиться, изъ потребности знанія. Точно также ученый долженъ заниматься наукою только изъ желанія овладѣть ею или двинуть ее впередъ. Самая успѣшность въ томъ и другомъ случаѣ бываетъ соразмѣрна преобладанію этой, такъ сказать, само-наслаждающейся любви къ дѣлу надъ всякими другими разсчетами.

Но есть умственная дѣятельность другаго рода, составляющая не самонаслажденіе, а жертву для занимающагося ею. Это дѣятельность педагогическая. Конечно, воспитатель или учитель бываетъ хорошъ лишь тогда, когда занимается своимъ дѣломъ усердно, добросовѣстно; а для этого нужна и нѣкоторая привязанность къ дѣлу. Но и по своему внутреннему характеру, и по своему отношенію къ другимъ чувствамъ этого человѣка, такая привязанность ничѣмъ не отличается отъ привязанности всякаго

[5]) Если вы замѣчаете, что актеръ играетъ не по влеченію натуры, а только по найму, его игра уже отвратительна для васъ.

порядочнаго работника, плотника или ткача къ ремеслу: вѣдь и каменьщикъ долженъ любить свое дѣло, заниматься имъ усердно и добросовѣстно. Эта привязанность—просто привязанность честнаго человѣка къ исполненію принятаго на себя долга. Она возникаетъ только изъ нежеланія быть обманщикомъ и сознанія о полезности даннаго дѣла. Это—далеко еще не такое чувство, какъ органическая потребность заниматься именно извѣстнымъ предметомъ,—потребность, которая создаетъ и живописца, и актера, и ученаго,—не такая потребность, которая принадлежитъ къ дѣятельностямъ, противоположнымъ понятію внѣшняго вознагражденія. Педагогъ—такой же чернорабочій, какъ землекопъ или портной. Его трудъ долженъ имѣть экономическую цѣнность.

Но лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ эта экономическая цѣнность педагогическаго труда можетъ прямо соразмѣряться съ цѣнностью труда, производящаго внѣшніе предметы. Это надобно сказать о ремесленномъ или вообще техническомъ обученіи. Обученіе плотничеству приноситъ лишь ту пользу, что дѣлаетъ человѣка способнымъ успѣшнѣе производить внѣшніе предметы, цѣнностью которыхъ можетъ опредѣлиться цѣнность обученія. Но совершенно иное дѣло—то воспитаніе или обученіе, которое развиваетъ умственныя или нравственныя достоинства человѣка, окончательный продуктъ котораго не предметъ, посторонній человѣку, а самъ человѣкъ. Этимъ дѣломъ удовлетворяются надобности совершенно инаго рода, чѣмъ надобность въ домахъ или стульяхъ, въ сапогахъ или рубашкахъ. Прямой соразмѣрности нельзя тутъ найдти, и педагогическій трудъ общаго нравственнаго или научнаго воспитанія не можетъ быть оцѣненъ сравнительно съ трудомъ, производящимъ внѣшніе предметы.

Что касается этого труда, разныя отрасли его имѣютъ общую норму, потому что предметы, имъ производимые, имѣя одно общее назначеніе, находятъ мѣру своей цѣнности въ томъ, насколько каждый изъ нихъ нуженъ для этого общаго результата. Въ предъидущихъ статьяхъ мы уже имѣли случай разсматривать классификацію этихъ предметовъ и потребностей. Мы говорили о предметахъ первой необходимости, предметахъ комфорта и предметахъ роскоши: мы говорили о потребностяхъ основательныхъ и неосновательныхъ при данномъ положеніи дѣлъ, о производствѣ выгодномъ и производствѣ убыточномъ.

Необходимость безконечно сильнѣе комфорта, а роскошь ничтожна предъ комфортомъ. Если у человѣка нѣтъ сапогъ, перчатки безполезны ему; если у человѣка нѣтъ перчатокъ, ему безполезны перстни,—наше выраженіе соотвѣтствуетъ господствующей терминологіи, основанной на понятіи обмѣна, а не на понятіи потребленія или пользованія; по ней слѣдуетъ сказать такъ: если человѣкъ, имѣющій перстни, не имѣетъ перчатокъ, разсудительность требуетъ, чтобы онъ продалъ перстень для покупки перчатокъ; если онъ, не имѣя сапогъ, имѣетъ перчатки, ему слѣдуетъ продать перчатки, чтобы купить сапоги. Но господствующая терминологія въ этомъ случаѣ не удовлетворяетъ двумъ кореннымъ пріемамъ метода политической экономіи. Первый изъ этихъ пріемовъ состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать не готовый, неподвижный фактъ, а силы, производящія

этотъ фактъ; разсматривать продукты не какъ произведенные, а какъ производимые (оно дѣйствительно такъ и слѣдуетъ, потому что масса существующихъ продуктовъ всегда незначительна передъ массою продуктовъ, требуемыхъ постояннымъ потребленіемъ общества: земледѣльческій продуктъ производится только на одинъ годъ, запасъ другихъ продуктовъ еще меньше въ обществѣ). Другой коренной пріемъ науки состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать каждое данное положеніе экономическихъ силъ или фактовъ какъ самостоятельное цѣлое, не спутывая его съ посторонними дѣлу феноменами. Сообразно этимъ пріемамъ, должны мы взять отдѣльнаго человѣка или цѣлое общество какъ самостоятельную единицу, производящую предметы своего потребленія. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ три предмета: сапоги (предметъ необходимости), перчатки (предметъ комфорта) и перстни (предметъ роскоши). Разсматривая вопросъ о нихъ по изложеннымъ нами пріемамъ, мы такъ и должны будемъ сказать, какъ выразились въ самомъ началѣ: пока нѣтъ сапоговъ, безполезны перчатки; пока нѣтъ перчатокъ, безполезны перстни, или: не имѣя сапогъ, нельзя заниматься производствомъ перчатокъ, не имѣя перчатокъ, нельзя заниматься производствомъ перстней. А что безполезно, то не имѣетъ цѣнности.

Такимъ образомъ мы видимъ слѣдующее отношеніе между предметами необходимости, комфорта и роскоши: пока нѣтъ достаточнаго количества предметовъ необходимости, не должны имѣть никакой цѣнности предметы комфорта; когда нѣтъ достаточнаго количества предметовъ комфорта, не должны имѣть никакой цѣнности предметы роскоши.

Теперь: по какой же нормѣ должно устанавливаться отношеніе между цѣнностью предметовъ необходимости и предметовъ комфорта или роскоши?—Увидѣть это очень просто.

Предположимъ, какъ уже нѣсколько разъ предполагали въ предъидущихъ статьяхъ, семейство, состоящее, напримѣръ, изъ 20 человѣкъ, сумма труда которыхъ равна труду 10 работниковъ. Полагая въ годъ по 300 рабочихъ дней, мы будемъ имѣть 3,000 рабочихъ дней. Предположимъ, что всѣ предметы необходимости подведены подъ слѣдующіе четыре разряда:

1) Пища, переведенная въ счетъ на пшеницу; пшеницы нужно семейству въ годъ 60 четвертей; это количество производится трудомъ 1,500 рабочихъ дней.

2) Одежда, переведенная въ счетъ на аршины сукна; его нужно въ годъ 100 аршинъ; они добываются трудомъ 500 дней.

3) Топливо, въ кубическихъ саженяхъ дровъ: нужно 10 саженей, добываемыхъ трудомъ 500 дней.

4) Жилище съ принадлежностями, переведенное на счетъ тысячъ кирпича; нужно въ годъ 5 тысячъ, добываемыхъ трудомъ 500 дней.

Всѣ 3,000 дней идутъ на эти предметы необходимости; предметовъ комфорта некогда производить: они не имѣютъ никакой цѣнности, потому что не существуютъ. Угодно ли вамъ знать цѣнность предметовъ необходимости? Вы видите сами, какъ она опредѣляется:

Четверть пшеницы стоитъ . $(1.500 : 60) = 25$ раб. дней.

Аршинъ сукна . . . . . (500:100) = 5 раб. дней.
Кубич. саж. дровъ . . . . (500: 10) = 50 „ „
Тысяча кирпича . . . . . (500: 5) = 100 „ „

Предположимъ теперь, что благодаря усовершенствованіямъ, предметы необходимости стали производиться количествомъ труда, меньшимъ прежняго на одну пятую долю. Изъ 3,000 рабочихъ дней, на эти предметы стало нужно только 2,400; остальные 600 дней могутъ (и почему же теперь не должны?) употребляться на предметы комфорта. Подведемъ ихъ для краткости подъ одинъ разрядъ хорошей мебели, переложенной въ счетъ диванов, положимъ, что диванъ производится 60 днями работы; счетъ цѣнностей будетъ:

Четвертъ пшеницы 20
Аршинъ сукна 4
Куб. саж. дровъ 40
Тысяча кирпича 80
Диванъ 60

Предположимъ новыя усовершенствованія, уменьшившія трудъ производства еще на четвертую долю этого количества; остается опять 600 свободныхъ рабочихъ дней. На что употребить ихъ? Достаточно ли было прежнее количество предметовъ комфорта? Положимъ, что нѣтъ, что вмѣсто 10 диванов нужно было для полнаго удобства 20 диванов. Тогда мы будемъ имѣть:

	Нужное количество.	Цѣнность	Итого.
Пшеница	60	15	900
Сукно	100	3	300
Дрова	10	30	300
Кирпичъ	5	60	300
Диваны	20	45	900
		Итого . .	2,700

Остается 300 свободныхъ дней. Ихъ можно употребить на предметы роскоши, которыя всѣ сведемъ къ счету на бархатъ. Аршинъ бархату производится въ 5 рабочихъ дней; его цѣнность 5.

„Послушайте, однако, вѣдь вы не говорите ровно ничего новаго“, замѣчаютъ рутинные политико-экономы: „по нашей теоріи цѣнность точно также опредѣляется стоимостью производства“.—Тѣмъ лучше, если такъ. Разница дѣйствительно заключается только въ одномъ обстоятельствѣ: какіе предметы служатъ регуляторами общаго количества цѣнности, принадлежащей всему производимому количеству предметовъ каждаго разряда. Разница только въ количествѣ, въ какомъ производятся предметы того или другаго разряда, какъ распредѣляются рабочія силы. У насъ послѣдній счетъ выходилъ, напримѣръ, такъ (А):

Пшеница . . . . . 900 = 60 четв. . . по 15
Сукно . . . . . 300 = 100 арш. . . „ 3
Дрова . . . . . 300 = 10 куб. саж. „ 30
Кирпичъ . . . . . 300 = 25 тыс. . . „ 12
Диваны . . . . . 900 = 20 штукъ . „ 45
Бархатъ . . . . . 300 = 60 арш. . . „ 5
3,000

А вмѣстѣ этого, при точно такомъ же состояніи производительныхъ искусствъ, иначе сказать, при той же стоимости производства, суммы цѣнностей могутъ являться совершенно иныя; напримѣръ (В):

Пшеница	720 =	48	четв. . .	по 15
Сукно	240 =	80	арш. . .	„ 3
Дрова	240 =	8	куб. саж.	„ 30
Кирпичъ	240 =	20	тыс. . .	„ 12
Диваны	900 =	20	штукъ .	„ 45
Бархатъ	760 =	125	арш. . .	„ 5
	3,000			

Общество В по своему экономическому быту очень различно отъ общества А, хотя и цѣнности товаровъ и стоимость ихъ производства въ обоихъ обществахъ одинаковы. Разница зависитъ не отъ количества населенія и не отъ состоянія техническихъ искусствъ,—эти элементы также одинаковы по нашему предположенію объ одинакомъ состояніи производительныхъ силъ,—нѣтъ, разница происходитъ отъ неодинаковаго распредѣленія производительныхъ силъ между разными занятіями.

Чѣмъ же опредѣляется то или другое распредѣленіе силъ между разными занятіями?—При системѣ производства, основанной прямо на потребностяхъ производителя, или при производствѣ для личнаго потребленія, этотъ элементъ, конечно, опредѣляется прямо потребностями производителя. При системѣ производства основанной, на обмѣнѣ, или при производствѣ на продажу, распредѣленіе производительныхъ силъ между разными занятіями—опредѣляется распредѣленіемъ покупательной силы въ обществѣ.—Слѣдующая статья наша будетъ разсматривать свойства покупательной силы при нынѣшнемъ устройствѣ общества. А теперь скажемъ нѣсколько словъ о свойствахъ той системы производства, которая основывалась бы прямо на потребностяхъ производителя.

Во-первыхъ, безспорное дѣло то, что при непосредственной связи между двумя элементами они опредѣляются другъ другомъ гораздо точнѣе, чѣмъ при отношеніи косвенномъ, при которомъ вліяніе одного элемента на другой оказывается только черезъ длинный рядъ посредствующихъ элементовъ. Напримѣръ, ваши мысли будутъ гораздо точнѣе извѣстны другому человѣку въ томъ случаѣ, когда вы прямо говорите съ нимъ самимъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда они доходятъ отъ васъ до него по слухамъ, то есть чрезъ множество посредниковъ. Точно такъ же вы гораздо точнѣе установите ваши часы по хронометру главнаго штаба, въ томъ случаѣ, если будете устанавливать ихъ прямо по нему, чѣмъ когда сдѣлаете это по часамъ какого нибудь встрѣчнаго человѣка, у котораго часы впрочемъ также находятся въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ хронометромъ, служащимъ для регулированія хода всѣхъ часовъ въ Петербургѣ. Точно такъ же характеръ и количество продукта будутъ гораздо точнѣе соотвѣтствовать потребностямъ потребителя въ томъ случаѣ, если производство опредѣляется прямо этими потребностями, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда это соотвѣтствіе устанавливается лишь длиннымъ косвеннымъ путемъ обмѣна.

Но производство опредѣляется прямо потребностями самого произво-

дителя лишь въ томъ случаѣ, когда потребителемъ бываетъ самъ производитель. При неразвитомъ состояніи производительныхъ искусствъ маленькое семейное хозяйство можетъ служить единицею производствъ. Но по мѣрѣ усовершенствованія техники, съ принципомъ раздѣленія труда исчезаетъ эта возможность для маленькой производительной единицы, каково семейство; производительная единица должна возрастать соотвѣтственно прогрессу раздѣленія труда.

Вѣроятно не мѣшаетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Мы говоримъ вовсе не противъ обмѣна продуктовъ между единицами производительнаго хозяйства. Какъ не быть и зачѣмъ не быть между ними обмѣну? Вѣдь происходитъ же обмѣнъ продуктовъ и между цѣлыми странами,—тѣмъ больше въ немъ надобности и удобства между отдѣльными провинціями, городами, селами. Но количество продуктовъ, посылаемое страной въ обмѣнъ за границу, или получаемое въ обмѣнъ изъ-за границы, составляетъ лишь меньшую половину и вообще лишь незначительную долю въ общей массѣ потребленія и производства страны. Главная масса ея продуктовъ производится для внутренняго потребленія. Только вотъ объ этомъ мы говоримъ и по отношенію къ производительнимъ единицамъ. Теорія требуетъ, чтобы въ каждой группѣ производителей главная масса продуктовъ производилась на внутреннее потребленіе самой этой группы; а если затѣмъ нѣкоторая часть продукта обмѣнивается, это ничему не мѣшаетъ,—напротивъ, можетъ быть очень полезно.

Въ заключеніе своего анализа теоріи цѣнности Милль представляетъ краткій перечень главныхъ результатовъ этого изслѣдованія:

I. Цѣнность есть явленіе относительное. Цѣнность предмета—это значитъ количество какого нибудь другаго предмета или количество предметовъ вообще, за какое онъ обмѣнивается. Потому цѣнности всѣхъ предметовъ не могутъ одновременно ни подниматься, ни падать. Общее возвышеніе или пониженіе цѣнностей—дѣло невозможное. Всякое возвышеніе извѣстной цѣнности связано съ упадкомъ другой цѣнности, и наоборотъ.

II. Временная или рыночная цѣнность предмета опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія, поднимаясь при возвышеніи запроса, падая при возвышеніи снабженія. Но запросъ измѣняется вмѣстѣ съ цѣнностью, вообще становясь при дешевизнѣ предмета больше, чѣмъ бываетъ при дороговизнѣ его; и цѣнность всегда приспособляется къ этому такъ, что запросъ бываетъ равенъ снабженію.

III. Кромѣ временной цѣнности предметы имѣютъ постоянную или, можно сказать, естественную цѣнность, къ которой постоянно стремится возвратиться рыночная цѣнность послѣ каждаго колебанія; и эти колебанія взаимно вознаграждаются, такъ что въ среднемъ выводѣ товары обмѣниваются приблизительно по своей естественной цѣнности.

IV. Естественная цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ—цѣнность недостачи; но огромное большинство предметовъ естественно обмѣнивается другъ на друга пропорціонально стоимости самого производства или по цѣнности, которую можно назвать цѣнностью стоимости.

V. Предметы, естественно и постоянно имѣющіе цѣнность недостачи,—тѣ предметы, снабженіе которыми или вовсе не можетъ быть увеличено, или не можетъ быть

увеличено до количества, достаточнаго на удовлетвореніе всего запроса, какой существовалъ бы на нихъ по цѣнности ихъ стоимости.

VI. Монопольная цѣнность значитъ цѣнность недостачи. Монополія можетъ придавать цѣнность предмету лишь ограниченіемъ его снабженія.

VII. Каждый товаръ, снабженіе которымъ можетъ неограниченно увеличиваться черезъ трудъ и капиталъ, обмѣнивается за другіе предметы пропорціонально стоимости производства и доставки на рынокъ той части требуемаго снабженія, которая обходится по наибольшей стоимости. Естественная цѣнность равнозначительна съ цѣнностью стоимости, а цѣнность стоимости предмета значитъ цѣнность стоимости той части предмета, стоимость которой наиболѣе велика.

VIII. Стоимость производства состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, между которыми одни постоянны и всеобщи, другіе случайны. Всеобщіе элементы стоимости производства—рабочая плата за трудъ и прибыль на капиталъ. Случайные элементы—налоги и всякая лишняя стоимость, производимая цѣнностью недостачи какихъ нибудь принадлежностей производства.

IX. Рента не составляетъ элемента въ стоимости производства товара, дающаго ее; исключеніемъ служатъ лишь случаи (не столько дѣйствительные, сколько возможные въ отвлеченной теоріи), когда рента бываетъ результатомъ и представительницею цѣнности недостачи. Но если земля, способная давать ренту въ земледѣліи, употребляется на другое назначеніе,—рента, которую давала бы она, составляетъ элементъ стоимости производства того товара, на производство котораго обращена земля.

X. Если оставить въ сторонѣ случайные элементы цѣнности, то предметы, количество которыхъ можетъ возрастать неопредѣленно, естественнымъ и постояннымъ образомъ обмѣниваются другъ на друга по пропорціи количества рабочей платы, какую надобно употребить на ихъ производство, и количеству прибыли, какая должна быть получена капиталистами, выдающими эту плату.

XI. Пропорція между количествами рабочей платы не зависитъ отъ безотносительной величины рабочей платы. Высокость рабочей платы не возвышаетъ цѣнностей, низкость ея не понижаетъ ихъ. Пропорція между количествами рабочей платы опредѣляется отчасти пропорціею между количествами требуемаго труда, и отчасти пропорціею величинъ вознагражденія за него.

XII. Точно такимъ же образомъ относительная доля прибыли опредѣляется не безусловною величиною прибыли; высокій или низкій процентъ прибыли ни возвышаетъ, ни понижаетъ цѣнностей. Относительная доля прибыли опредѣляется отчасти относительною продолжительностію времени, на какое занятъ капиталъ производствомъ, отчасти относительною величиною прибыли въ разныхъ занятіяхъ.

XIII. Если два предмета производятся одинаковымъ количествомъ труда, получающаго одинаковую плату, и если рабочая плата должна затрачиваться въ нихъ на одинаковое время, а сущность занятія не требуетъ постоянной разницы между ними въ процентѣ прибыли; то эти два предмета будутъ, въ среднемъ выводѣ, обмѣниваться ровно другъ за друга, все равно, высока или низка будетъ рабочая плата и прибыль, и велико или мало количество расходуемаго труда.

XIV. Если въ среднемъ числѣ одинъ предметъ имѣетъ цѣнность больше другаго, причиною тому должно служить то, что на его производство требуется или большее количество труда, или сортъ труда, постоянно получающій высшую пропорцію платы, или что на болѣе долгій срокъ надобно затрачивать капиталъ или часть капитала для со-

держанія этого труда, или наконецъ производство сопровождается обстоятельствами, требующими для своего уравновѣшенія постоянный, болѣе высокій процентъ прибыли.

XV. Изъ этихъ элементовъ самый важный—количество труда, нужнаго на производство; вліяніе другихъ элементовъ не такъ велико, хотя каждый изъ нихъ немаловаженъ.

XVI. Чѣмъ ниже прибыль, тѣмъ слабѣе становится вліяніе второстепенныхъ элементовъ стоимости производства и тѣмъ меньше отклоняются товары отъ цѣнности, пропорціональной количеству и качеству нужнаго на ихъ производство труда.

XVII. Но всякое пониженіе прибыли нѣсколько понижаетъ цѣнность стоимости предметовъ, въ выдѣлкѣ которыхъ много участвуютъ машины или участвуютъ прочныя машины, и возвышаетъ цѣнность предметовъ, производимыхъ ручнымъ трудомъ; а возвышеніе прибыли дѣйствуетъ наоборотъ.

Всѣ эти выводы совершенно вѣрны; но читатель видитъ, что намъ теперь можно дополнить ихъ еще нѣсколькими другими выводами, не менѣе важными.

XVIII. Всѣ предшествующіе выводы относятся исключительно къ мѣновой цѣнности. Она отдѣляется отъ внутренней, когда бываетъ товаромъ человѣческій трудъ. Но такое состояніе вещей невыгодно ни для самого работника, ни для общества при низкомъ качествѣ наемнаго труда, сравнительно съ трудомъ на самого себя.

XIX. Если же трудъ не считать продажнымъ товаромъ, то мѣновая цѣнность совпадаетъ съ внутреннею, и понятія запроса, снабженія, стоимости производства получаютъ точнѣйшій характеръ, возводясь прямо къ основнымъ элементамъ экономической дѣятельности, къ потребностямъ человѣка. Размѣръ снабженія тутъ опредѣляется количествомъ производительныхъ силъ; размѣръ запроса—интенсивностью надобности производителя въ продуктѣ; стоимость производства опредѣляется прямо количествомъ труда. Уравненіе запроса и снабженія получается черезъ разсчетъ о томъ, по какой пропорціи должны быть распредѣлены производительныя силы по разнымъ занятіямъ, для наилучшаго удовлетворенія надобностей человѣка.

A. Покупательная сила.

(Гл. VII—XIII).

Главная цѣль наша теперь—изслѣдованіе понятія покупательной силы, которая играетъ такую важную роль въ бытѣ, основанномъ не на прямомъ сочетаніи производства и потребленія, не на тожествѣ производителя и потребителя, а на обмѣнѣ, посредствующимъ терминомъ котораго служитъ покупательная сила.—Господствующая теорія очень ясно выставляетъ затруднительность прямого обмѣна продукта на продуктъ и необходимость такого общаго орудія обмѣна всякихъ продуктовъ, какимъ являются деньги. Она превосходно объясняетъ свойства, нужныя для хорошаго орудія обмѣновъ или для денегъ, и очень основательно доказываетъ, что лучше всѣхъ другихъ продуктовъ и предметовъ годятся для исполненія роли денегъ благородные металлы. Все, что она говоритъ объ этихъ сторонахъ вопроса, мы

предполагаемъ извѣстнымъ читателю или предоставляемъ ему узнать изъ обыкновенныхъ курсовъ политической экономіи, а сами обратимъ вниманіе на одинъ очень важный вопросъ, вникнуть въ который забываютъ авторы этихъ трактатовъ, забываетъ и самъ Милль: какое вліяніе на распредѣленіе и потребленіе продуктовъ, а черезъ то и на характеръ производства имѣетъ отдѣленіе покупательной силы отъ частныхъ продуктовъ, служащихъ для потребленія,—въ какомъ направленіи экономическій бытъ общества видоизмѣняется централизованіемъ, конденсаціею и увѣковѣченіемъ покупательной силы въ деньгахъ и денежныхъ знакахъ?

Представимъ себѣ отношеніе между человѣкомъ очень богатымъ и человѣкомъ очень зажиточнымъ, при такъ-называемомъ — въ противоположность „денежному“—„естественномъ“ хозяйствѣ, въ которомъ деньги не играютъ важной роли. Въ табунахъ киргиза Абдаллы 10,000 головъ: у киргиза Юсуфа весь табунъ состоитъ только изъ 100 головъ. Какую экономическую власть надъ Юсуфомъ можетъ имѣть Абдалла своимъ богатствомъ, если они кочуютъ въ такой части степи, куда еще не проникло денежное хозяйство? Предположивъ Юсуфа человѣкомъ обыкновеннаго характера, мы не можемъ не сказать, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго разсчета становиться въ экономическую зависимость отъ своего богатаго соплеменника. Что такое, особенно нужное для него, можетъ дать ему Абдалла? Лошадей и кумыса у Юсуфа довольно, онъ не нуждается въ этихъ предметахъ [6]). А кромѣ ихъ, ничего не можетъ предложить ему Абдалла [7]). Предположимъ теперь, что введено въ этомъ племени денежное хозяйство. Пусть лошадь круглымъ счетомъ стоитъ 10 р. Абдалла располагаетъ суммою имущества на 100 тысячъ, Юсуфъ имѣетъ его только на 1 тысячу рублей. Каждому изъ ежедневнаго опыта извѣстно, каково при денежномъ хозяйствѣ отношеніе небогатаго человѣка къ сосѣду, который въ 100 разъ богаче его. Это отношеніе зависимое. Изъ чего возникаетъ зависимость? Изъ того самого, что деньги служатъ всеобщею покупательною силою, даютъ возможность удовлетворенія не одной какой нибудь потребности, какъ даетъ продуктъ, прямо служащій для потребленія, а общую возмож-

[6]) Отъ обычной проницательности рутинныхъ политико-экономовъ надобно предусматривать здѣсь не меньше цѣлыхъ двухъ возраженій. Во-первыхъ, между полудикими племенами, каковы калмыки, господствуетъ насиліе. Абдалла можетъ, при помощи своей многочисленной дружины, безнаказанно ограбить и убить Юсуфа. Конечно; кромѣ того, калмыки многоженцы, не имѣютъ литературы, театра и т. д.— Помилосердуйте: вѣдь нельзя же спутывать всего въ одну безпорядочную груду. Мы говоримъ собственно объ экономическихъ отношеніяхъ, и только о нихъ. Иначе пришлось бы намъ разсуждать здѣсь о лѣченіи чахотки кумысомъ, какъ г. Буслаевъ разсуждаетъ о картинахъ Микель-Анджело при разборѣ какой нибудь пѣсни о Добрынѣ Никитичѣ.—Другое возраженіе такого же достоинства: при страсти Юсуфа къ отличнымъ скакунамъ, въ табунахъ Абдаллы найдется такая лошадь, что Юсуфъ готовъ будетъ сдѣлать за нее для Абдаллы все (въ доказательство, смотри разсказъ: „Бэла“, въ романѣ Лермонтова „Герой нашего времени“).—Разумѣется, мало ли что случается подъ вліяніемъ страстей. Но просимъ не забывать, что мы здѣсь излагаемъ не теорію страстей, а экономическіе законы, основанные на соображеніяхъ обыкновенной разсчетливости, въ которой Юсуфъ не найдетъ достаточной причины ставить себя въ зависимость отъ Абдаллы.

[7]) Тутъ можетъ быть сдѣлано третье возраженіе, ничѣмъ не хуже двухъ первыхъ: „какъ ничего? Кромѣ лошадей и кумыса, у Абдаллы есть кибитки, войлоки“ и т. д.—Разумѣется,—только все это есть и у Юсуфа, также въ достаточномъ количествѣ.

ность удовлетворенія всякимъ вообще наклонностямъ и желаніямъ. Человѣкъ можетъ чувствовать, что ему нѣтъ нужды въ томъ или въ другомъ предметѣ, что этотъ извѣстный предметъ былъ бы для него лишній, но онъ никакъ не можетъ чувствовать увѣренности, что ему никогда не понадобится ничего. А чтобы не желать денегъ, надобно имѣть такую увѣренность, и не только за настоящее или близкое будущее, а за всю свою будущность: мы не даромъ употребили слово „никогда“. Почти всѣ предметы, прямо служащіе для потребленія, очень недолговѣчны. Значительнымъ исключеніемъ изъ этого правила можно назвать только благородные металлы, матеріалъ, изъ котораго дѣлаются деньги, отъ которыхъ довольно мало и отличаются золотые или серебряные слитки, хотя бы и не имѣли штемпеля, дѣлающаго ихъ деньгами въ строгомъ смыслѣ слова. Остальные важные въ экономическомъ отношеніи предметы не имѣютъ свойства долго сохраняться сами собою,—это свойство принадлежитъ только деньгамъ. Есть многочисленный разрядъ продуктовъ, которые не могутъ быть долѣе нѣсколькихъ лѣтъ сбережены никакою заботливостью. Сюда принадлежитъ хлѣбъ, во всѣхъ земледѣльческихъ странахъ самый главный по своей цѣнности продуктъ. Эти продукты сохраняются только воспроизведеніемъ, то есть посредствомъ переработки продукта такою же массою труда, какая была нужна на первое производство. Другіе предметы долго остаются цѣлы,—напримѣръ, каменныя зданія,—но требуютъ ремонта, который за нѣсколько лѣтъ въ сложности составитъ сумму труда, равную той массѣ его, которая требовалась на первоначальное производство предмета. Безъ того, они быстро теряютъ годность и цѣнность. Такимъ образомъ, говоря вообще, деньги отличаются отъ другихъ продуктовъ тѣмъ, что продолжаютъ существовать сами собою, безъ надобности въ дальнѣйшемъ производительномъ трудѣ, даютъ полное увольненіе отъ него человѣку, ихъ имѣющему,—между тѣмъ какъ сохраненіе всѣхъ другихъ предметовъ требуетъ продолженія работы, которою они первоначально пріобрѣтены. Только въ деньгахъ пріобрѣтается человѣкомъ экономическій источникъ совершенно празднаго наслажденія [8]). Отчасти по недолговѣчности, отчасти по громоздкости продуктовъ, прямо служащихъ для потребленія, ихъ накопленіе въ рукахъ одного лица имѣетъ предѣлы гораздо болѣе тѣсные, чѣмъ накопленіе денегъ, которыя занимаютъ мало мѣста и составляютъ сокровище, можно сказать, нетлѣнное. Собрать въ свои анбары десять жатвъ хлѣба — дѣло едва ли возможное; но деньги за двадцать и тридцать жатвъ собираются въ сундукъ столь же удобно, какъ за одну жатву.

Такимъ образомъ, сравнительно съ системою быта, основанною прямо на потребляемыхъ продуктахъ, денежная система болѣе благопріятствуетъ сосредоточенію богатства въ рукахъ отдѣльнаго человѣка, способствуетъ

---

[8]) Не мѣшаетъ напомнить, что мы здѣсь имѣемъ въ виду только явленія, основанныя на экономическихъ законахъ, а не на другихъ вещахъ, подобныхъ завоеванію, праву собственности надъ человѣкомъ и т. п. Насиліемъ и обманомъ могутъ жить нѣкоторые люди безъ производительнаго труда во всѣхъ состояніяхъ общества: но степень законности и экономической полезности такихъ явленій очевидна безъ всякихъ разъясненій. Намъ надобно вникать только въ тѣ отношенія, вліяніе которыхъ на экономическую жизнь не для всѣхъ ясно.

росту неравенства имуществъ; даетъ богатому болѣе власти надъ другими людьми, въ которыхъ расположеніе къ независимости уменьшается при ней черезъ замѣненіе мыслей объ удовлетвореніи опредѣленныхъ потребностей неопредѣленною и потому неограниченною мыслью о средствахъ, удовлетворяющихъ всякимъ желаніямъ; наконецъ, въ бытѣ, основанномъ на деньгахъ, является экономическая возможность совершенно празднаго наслажденія.

„Вотъ, вы начинаете читать мораль о гибельномъ вліяніи золота на сердце человѣка и благосостояніе общества“, скажетъ политико-экономъ рутинной школы. Не совсѣмъ такъ. Возставая противъ вредныхъ вліяній золота, моралисты имѣютъ въ виду самое стремленіе человѣка къ увеличенію своего благосостоянія, вооружаются противъ корыстолюбивой разсчетливости, называемой у нихъ испорченностью сердца и т. д.,—словомъ сказать, они недовольны человѣческою природою и толкуютъ объ измѣненіи коренпаго ея стремленія. Мы говоримъ вовсе не о томъ; безкорыстія мы не думаемъ требовать отъ людей, измѣнять ихъ природы не желаемъ. Въ признаніи принципа личной пользы за основное побужденіе и за послѣднюю норму всей экономической дѣятельности человѣка мы не уступаемъ ни одному писателю школы Адама Смита, и идемъ гораздо дальше большинства рутинныхъ политико-экономовъ, которымъ предоставляемъ толковать вслѣдъ за моралистами о необходимости идеальныхъ стремленій.—Мы считаемъ важными и заботы о матеріальныхъ потребностяхъ, потому что пока онѣ не удовлетворены, нельзя съ успѣхомъ заботиться о чемъ либо другомъ; мы находимъ, что разсчетъ личной выгоды есть одинъ изъ главныхъ руководителей человѣка, и разсуждаемъ только о томъ, что наиболѣе сообразно съ личною выгодою человѣка, а желаемъ лишь того, чтобы люди стали разсчетливѣе. — Расходясь съ моралистами во взглядѣ на коренныя начала человѣческой жизни, мы совершенно иными глазами, чѣмъ они, смотримъ и на вопросъ о такъ-называемомъ господствѣ золота. Порядокъ дѣлъ, при которомъ надъ всѣмъ господствуютъ деньги, мы находимъ неудовлетворительнымъ не потому, что люди при немъ своекорыстны,—они всегда будутъ, да и должны больше всего думать о своей личной выгодѣ,—а просто потому, что при немъ слишкомъ плохо удовлетворяется потребность матеріальнаго благосостоянія у огромнаго большинства людей, что для этого огромнаго большинства онъ невыгоденъ. Но мы находимъ, что сущность дѣла тутъ вовсе не въ деньгахъ, а въ другомъ, несравненно болѣе важномъ фактѣ, изъ котораго возникаетъ и само преобладаніе денегъ,—въ томъ, что нынѣшній экономическій бытъ основанъ на обмѣнѣ, а не прямо на тожествѣ производства съ потребленіемъ. Обмѣнъ такъ и долженъ вестись, какъ ведется, посредствомъ денегъ или какой нибудь другой общей мѣры цѣнностей, равносильной деньгамъ. Иначе вестись ему слишкомъ неудобно, и само по себѣ употребленіе денегъ или равнозначительныхъ имъ общихъ законовъ цѣнностей — дѣло очень полезное. Возставать противъ нихъ значитъ то же самое, что вооружаться противъ косовыхъ платковъ,—которые сами по себѣ тоже вещь превосходная и необходимая въ порядочномъ обществѣ для дѣла, къ которому предназначена. Мы вовсе не же-

лаемъ возвратить людей къ тому состоянію, когда они „обходились безъ посредства носоваго платка“. Но совершенно иной вопросъ то, хорошая ли вещь насморкъ, при которомъ роль носоваго платка становится очень велика. Мы полагаемъ, что человѣку слѣдуетъ лѣчиться отъ насморка, и что когда насморкъ пройдетъ, носовой платокъ самъ собою потеряетъ ту излишнюю занимательность, въ которой виноватъ вовсе не онъ самъ.— Точно такъ же мы полагаемъ, что и важность денегъ въ экономической жизни уменьшится, когда главную массу своихъ продуктовъ будетъ потреблять самъ производитель и главную массу потребляемыхъ каждымъ человѣкомъ продуктовъ будетъ составлять продуктъ его собственнаго труда, а въ обмѣнъ будетъ идти лишь довольно незначительная часть всей производимой массы продуктовъ, — словомъ сказать, когда порядочно будетъ исполняться принципъ экономической теоріи: „работай каждый больше всего на себя и для себя самого“. Мы видѣли, что главныя черты такого порядка: каждому работнику выгоднѣе быть хозяиномъ, а хозяйственная единица должна имѣть очень значительный размѣръ. Мы видѣли, что по спеціальному вопросу занимающаго теперь насъ отдѣла науки, отдѣла о цѣнности, главными противорѣчіями этому требованію экономической науки являются въ нынѣшнемъ бытѣ отступленіе мѣновой цѣнности отъ внутренней, отъ которой не слѣдуетъ ей отступать, и воззрѣніе на трудъ, какъ на товаръ, подлежащій продажѣ и покупкѣ, между тѣмъ, какъ труду естественнѣе ни продаваться и покупаться, ни быть товаромъ. Вотъ этотъ нераціональный порядокъ и есть тотъ экономическій насморкъ, при которомъ до неудобной для человѣка значительности развилась роль нашего метафорическаго носоваго платка, денегъ.

Мы не будемъ вдаваться въ подробное изложеніе законовъ, которыми опредѣляется цѣнность звонкой монеты, потому что они удовлетворительно объясняются въ обыкновенныхъ курсахъ политической экономіи. Довольно будетъ для избѣжанія пробѣла, привести въ немногихъ словахъ основныя черты этого дѣла. Звонкая монета точно такой же товаръ, какъ и всѣ другіе товары, отъ кружева и брильянтовъ до хлѣба и дровъ; цѣнность ея, то есть пропорція, въ какой обмѣнивается она на другіе товары, иначе сказать, общій уровень цѣнъ всѣхъ другихъ товаровъ [9]), опредѣляется тѣми же самыми элементами, какъ и цѣнность всякаго другаго товара — уравненіемъ запроса и снабженія и стоимости производства. Выдѣлка этого товара изъ матеріала, служащаго для него (изъ благородныхъ металловъ), составляетъ трудъ совершенно ничтожный сравнительно съ массою труда, нужнаго на полученіе самаго матеріала. Потому стоимость звонкой монеты равна стоимости золота или серебра, изъ котораго она вычеканена [10]).

[9]) Читатель знаетъ, что цѣнность товара становится его цѣною, когда опредѣляется счетомъ на деньги. Такимъ образомъ цѣнность денегъ и цѣна товаровъ одно и тоже. Цѣны товаровъ повысились — это значитъ, что цѣнность денегъ упала; цѣны товаровъ понизились — это значитъ, что цѣнность денегъ увеличилась. Подъ цѣнностью мы понимаемъ всегда мѣновую цѣнность, если прямо не прибавляемъ слово „внутренняя“.

[10]) Говоря строго, цѣнность денегъ выше цѣнности слитковъ, но лишь на такую ничтожную долю, которая не имѣетъ почти никакой важности.

Стоимостью производства [11]) опредѣляется для монеты, какъ и для другихъ товаровъ, количество которыхъ можетъ увеличиваться при возвышеніи цѣнности, прочный или долговременный уровень цѣнности, а временныя колебанія этого уровня опредѣляются уравненіемъ запроса и снабженія. Но благородные металлы—такой долговѣчный продуктъ, что накопившееся отъ прежняго производства количество ихъ несравненно значительнѣе того количества, какое прибавляется ежегоднымъ производствомъ. Потому чувствительное уменьшеніе или увеличеніе въ существующемъ количествѣ отъ сокращенія или расширенія ихъ производства обнаруживается лишь очень медленно, и колебанія цѣнности звонкой монеты, опредѣляемыя уравненіемъ запроса и снабженія, бываютъ гораздо замѣтнѣе этого медленнаго измѣненія въ постоянномъ уровнѣ ихъ цѣнности. Иначе сказать, то повышеніе или пониженіе общаго уровня цѣнъ на товары, которое происходитъ отъ колебанія запроса и снабженія относительно звонкой монеты, бываетъ гораздо замѣтнѣе того, которое происходитъ или отъ постепеннаго истощенія прежнихъ рудниковъ, или открытія новыхъ, изобильнѣйшихъ рудниковъ. Теперь, въ чемъ же состоитъ уравненіе запроса и снабженія относительно звонкой монеты? Запросъ тутъ составляется всѣмъ количествомъ товаровъ, предлагаемыхъ въ обмѣнъ за монету, то есть, готовыхъ идти на продажу,—но чѣмъ опредѣляется размѣръ снабженія? Въ продуктахъ, прямо идущихъ на потребленіе, снабженіе извѣстнымъ товаромъ равняется количеству его, предлагаемому въ удовлетвореніе запроса на него. Но монета не идетъ въ потребленіе, пока остается монетою; она только служитъ орудіемъ покупки, и сдѣлавъ одну покупку, тотчасъ же можетъ для новаго своего хозяина сдѣлать новую покупку. Изъ этого видимъ, какъ опредѣляется размѣръ снабженія ею. Положимъ, что въ извѣстный періодъ времени, напримѣръ въ годъ, сумма покупокъ, совершаемыхъ на звонкую монету въ извѣстномъ обществѣ, простирается на 1,000 милліоновъ рублей. Если каждый рубль въ это время идетъ на покупку только одинъ разъ, для совершенія покупокъ должно существовать въ этомъ обществѣ количество звонкой монеты, равное 1,000 милліонамъ рублей. Но если каждый рубль идетъ въ годъ на покупку, среднимъ числомъ, по 5 разъ,—для совершенія всей суммы покупокъ нужно только 200 милліоновъ рублей. То, сколько разъ въ извѣстное время обращается рубль звонкой монеты на совершеніе покупки, называется степенью быстроты обращенія денегъ. Такимъ образомъ, относительно звонкой монеты размѣръ снабженія равняется существующему количеству ея, помноженному на быстроту ея обращенія, на покупки. Именно эту цифру и составляетъ по счету на звонкую монету сумма предметовъ, проданныхъ въ этотъ періодъ времени. Положимъ, напримѣръ, что количество продаваемыхъ предметовъ осталось то же самое, какое было при 200 милліонахъ рублей, обращавшихся съ успѣшностью 5 разъ въ годъ, но или быстрота обращенія увеличилась до 6 разъ, или количество звонкой монеты возросло до 240 милліоновъ. Въ томъ и въ другомъ слу-

[11]) Или, для странъ, въ которыхъ золото и серебро не домашній, а привозный товаръ, стоимостью полученія этихъ металловъ изъ-за границы.

чаѣ сумма выйдетъ уже не 1,000, а 1,200 милліоновъ рублей (200×6 или 240 × 5). Итакъ, по денежному счету сумма продажъ составляетъ уже 1,200 милліоновъ, то есть общій уровень цѣнъ поднимется на одну пятую часть. Четверть пшеницы, стоющая 5 руб., будетъ стоить 6 руб.; кусокъ сукна, стоющій 50 руб., будетъ стоить 60 руб., и т. д. Наоборотъ будетъ, цѣны упадутъ, когда уменьшится или количество звонкой монеты, или быстрота ея обращенія. Напримѣръ, если вмѣсто 5 разъ рубль поступаетъ на покупку только 4 раза, сумма продажъ въ денежномъ счетѣ составитъ только 800 милліоновъ (200×4) и соразмѣрно тому упадутъ цѣны предметовъ. Четверть пшеницы будетъ стоить только 4, кусокъ сукна только 40 рублей.

Такимъ образомъ, цѣнность звонкой монеты или, что то же самое, общій уровень цѣнъ измѣняется сообразно уравненію запроса и снабженія. Если количество продажъ (запросъ на деньги) ростетъ быстрѣе количества и быстроты обращенія денегъ, идущихъ на покупку (то есть, быстрѣе снабженія деньгами); цѣнность денегъ возвышается, иначе сказать, цѣны предметовъ падаютъ. То же бываетъ, если уменьшается снабженіе деньгами, то есть уменьшается быстрота обращенія при неизмѣнности количества ихъ, или уменьшается количество ихъ при неизмѣнности въ быстротѣ обращенія. Въ обратныхъ случаяхъ бываетъ обратный результатъ, то есть цѣнность денегъ падаетъ, иначе сказать, цѣны предметовъ растутъ.

Само собою разумѣется, что тутъ идетъ рѣчь только о тѣхъ деньгахъ, которыя идутъ или готовы идти на покупки. Тѣ деньги, которыя хозяинъ ихъ хранитъ безъ употребленія, не желая ничего покупать на нихъ, не дѣйствуютъ на цѣны товаровъ. Эта часть звонкой монеты находится, такъ-сказать, въ летаргическомъ состояніи.

Написавъ этотъ отдѣлъ объ элементахъ, опредѣляющихъ цѣнность денегъ, я думаю, не слѣдуетъ ли вычеркнуть его, чтобы не растягивать статьи изложеніемъ предмета, который долженъ я предполагать извѣстнымъ каждому читателю. Но опять я думаю и то: попробуй вычеркнуть, и какой нибудь рутинистъ, воображающій это дѣло о цѣнности монеты геркулесовыми столпами экономической мудрости, необыкновенно гордящійся тѣмъ, что дошелъ до нихъ, и по трудности, съ какою лично онъ понялъ эту вовсе не мудрую штуку, полагающій, что обыкновеннымъ смертнымъ во вѣки вѣковъ не уразумѣть такую глубокую тайну науки, — вотъ какой нибудь господинъ ученый подобнаго разряда и вздумаетъ, что она тебѣ неизвѣстна. Полноте, господа: да чего же тутъ не знать-то? Да и вообще, трудно ли узнать всю господствующую теорію во всѣхъ ея тонкостяхъ и подробностяхъ? Несравненно легче, чѣмъ выучиться вязать чулки. А если вамъ досталось это пониманіе дѣла очень тяжело, то вы ужъ по крайней мѣрѣ—не обнаруживали бы этого факта намеками, что дескать вы, профаны, не въ состояніи уразумѣть такой головоломной мудрости.

Мы до сихъ поръ говорили о такомъ состояніи общества, въ которомъ единственнымъ орудіемъ обмѣна служитъ звонкая монета. Она дѣйствительно навсегда остается кореннымъ денежнымъ знакомъ, по которому измѣряется цѣнность всѣхъ другихъ орудій обмѣна. Но какъ при извѣстномъ развитіи общества прямая мѣна продуктовъ на продукты замѣняется продажею и покупкою ихъ на деньги, такъ при дальнѣйшемъ экономическомъ развитіи является на помощь звонкой монетѣ другое орудіе обмѣна—кредитные знаки, которые находятся точно въ такомъ же отношеніи къ золотымъ и серебрянымъ деньгамъ, въ какомъ эти деньги находятся ко всѣмъ остальнымъ продуктамъ: звонкая монета—знакъ, представляющій собою цѣнность продуктовъ; кредитная бумага (банковый билетъ, коммерческій вексель)—знакъ, представляющій собою цѣнность звонкой монеты. Отношеніемъ кредитныхъ знаковъ къ звонкой монетѣ очень хорошо поясняется и отношеніе звонкой монеты къ другимъ продуктамъ, то есть самая сущность назначенія, исполняемаго ею. Золотая или серебряная монета—тоже ассигнація, отличающаяся отъ настоящихъ кредитныхъ билетовъ только тѣмъ, что ручательство за мѣновую цѣнность ея лежитъ въ мѣновой цѣнности самаго матеріала, изъ котораго она сдѣлана, то-есть отъ стоимости производства этого матеріала, между тѣмъ какъ въ кредитномъ билетѣ цѣнность самаго матеріала ничтожна, и ручательствомъ за мѣновую его цѣнность служитъ только обязательство выдающаго билетъ правительственнаго или частнаго банка обмѣнивать этотъ билетъ на количество золота и серебра, обозначаемое билетомъ.

Насколько бумажныя деньги имѣютъ цѣнность сравнительно съ звонкою монетою, настолько онѣ совершенно замѣняютъ ее въ дѣлѣ покупокъ. Но сами онѣ составляютъ лишь одну изъ многихъ формъ кредита, о которомъ вообще надобно сказать то же самое: насколько онъ существуетъ, онъ во всѣхъ своихъ формахъ можетъ служить покупательною силою, то есть замѣнять звонкую монету. Чѣмъ дѣятельнѣе развивается экономическая жизнь въ обществѣ, бытъ котораго основанъ на обмѣнѣ, тѣмъ значительнѣе становится въ немъ часть обмѣновъ, совершаемыхъ при посредствѣ кредита, и потому очень легко рождается иллюзія, ставящая кредитъ источникомъ экономическаго прогресса, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ—только одинъ изъ способовъ, которыми обнаруживается дѣйствіе силъ, производящихъ этотъ прогрессъ. Чтобы увидѣть сущность дѣла, мы начнемъ съ разъясненій, даваемыхъ обыкновенными курсами политической экономіи и представляемыхъ Миллемъ съ довольно значительными усовершенствованіями въ техническихъ подробностяхъ постановки относящихся сюда вопросовъ.

1. Нѣтъ въ политической экономіи вопроса, который представлялъ бы болѣе недоразумѣній и спутанности понятій, какъ вопросъ о функціяхъ кредита. Это происходитъ не отъ особенной трудности теоріи кредита, а отъ сложности нѣкоторыхъ коммерческихъ феноменовъ, возникающихъ изъ формъ, принимаемыхъ кредитомъ, — эти сложные феномены отвлекаютъ вниманіе отъ общихъ свойствъ кредита къ особенностямъ его частныхъ формъ.

Примѣромъ сбивчивости понятій о сущности кредита можетъ служить утрирован-

ный тонъ, которымъ такъ часто говорятъ о его національной важности. Кредитъ имѣетъ большую, но не волшебную силу, какую повидимому придаютъ ему нѣкоторые. Онъ не можетъ создать нѣчто изъ ничего. Очень часто разсуждаютъ о расширеніи кредита такъ, какъ будто оно равносильно созданію капитала, или какъ будто кредитъ и есть самъ капиталъ. Странна необходимость доказывать, что, будучи лишь разрѣшеніемъ одному лицу пользоваться капиталомъ другаго, кредитъ не увеличиваетъ, а лишь переноситъ средства производства. Насколько увеличиваются кредитомъ средства къ производству и къ занятію труда у лица, занявшаго ихъ, настолько же уменьшаются они у кредитора. Одной суммѣ нельзя быть капиталомъ и для собственника, и для лица, занявшаго ее: она не можетъ за одинъ разъ вдвойнѣ сполна служить рабочею платою, орудіями и матеріалами для двухъ группъ работниковъ. Правда, что капиталъ, занятый А у В и употребляемый въ дѣло А, еще составляетъ въ другихъ отношеніяхъ часть богатства В; В можетъ заключать обязательства, обезпечиваемыя этимъ капиталомъ, и подъ залогъ его можетъ, если понадобится, занять равнозначительную ему сумму; такимъ образомъ, на поверхностный взглядъ можетъ казаться, что и А и В одновременно пользуются этимъ капиталомъ. Но если хоть немного вникнемъ въ дѣло, мы увидимъ, что когда В отдалъ свой капиталъ А, употребленіе капитала остается уже у одного А, и В не получаетъ отъ этого капитала никакой иной услуги, кромѣ той, что право получить этотъ капиталъ назадъ служитъ ему для полученія въ пользованіе другаго капитала отъ третьяго лица С. Весь чужой капиталъ, которымъ дѣйствительно пользуется извѣстный человѣкъ, непремѣнно взятъ изъ чьего нибудь капитала.

2. Но если кредитъ всегда остается не больше, какъ только перенесеніемъ капитала изъ однѣхъ рукъ въ другія, то по естественному порядку онъ вообще бываетъ перенесеніемъ капитала въ руки, болѣе способныя успѣшно употреблять его на производство. Если бы не существовало кредита, или, по общей небезопасности или по недостатку довѣрія, кредитъ почти не существовалъ бы, то не получали бы выгоды отъ своего капитала многія лица, имѣющія болѣе или менѣе капиталъ, но, по своимъ занятіямъ или по недостатку нужнаго искусства и знанія, не могущія лично наблюдать за его употребленіемъ; собранные ими запасы лежали бы праздно или, быть можетъ, растрачивались и уничтожались бы въ неловкихъ опытахъ получить отъ нихъ прибыль. Весь этотъ капиталъ отдается теперь въ проценты и становится пригоденъ для производства. Часть капитала, находящаяся въ такомъ положеніи, составляетъ въ каждой промышленной странѣ значительную часть ея производительныхъ средствъ; и естественно влечется она къ тѣмъ производителямъ или торговцамъ, которые, живѣе всѣхъ ведя дѣло, имѣютъ возможность употреблять ее съ наибольшею выгодою; потому что они и сильнѣе другихъ желаютъ получить капиталъ, и лучше всѣхъ могутъ обезпечивать его; потому, хотя производительный фондъ страны и не увеличивается кредитомъ, но вызывается имъ къ полнѣйшему занятію производительной дѣятельностью. По мѣрѣ того, какъ расширяется довѣріе, на которомъ основанъ кредитъ, развивается возможность служить для производительнаго употребленія даже самымъ мелкимъ частямъ капитала, суммамъ, которыя каждый держитъ при себѣ на непредвидѣнный случай. Главными орудіями къ тому являются депозитные банки. Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ разсудительный человѣкъ долженъ держать у себя въ рукахъ безъ занятія сумму, достаточную на уплату по всякому требованію, какое только можетъ представиться ему. Но когда вошло въ обычай держать этотъ резервъ не въ своемъ сундукѣ, а у банкира, сосредоточилось въ рукахъ банкира множество мелкихъ суммъ, лежавшихъ прежде праздными;

а банкиръ, узнавъ по опыту, какая доля этихъ суммъ можетъ понадобиться въ данное время, и зная, что когда одинъ изъ вкладчиковъ потребуетъ больше, чѣмъ среднюю пропорцію, то другой потребуетъ меньше,—можетъ отдавать остатокъ, то есть гораздо больше половины этихъ суммъ, въ ссуду производителямъ и торговцамъ; а черезъ это увеличивается количество—не всего существующаго, это—правда, но количество занятаго капитала, и соотвѣтственно тому увеличивается сумма производства въ обществѣ.

При такой необходимости своей для обращенія всего капитала страны на производство, кредитъ служитъ также средствомъ къ тому, чтобы изъ промышленнаго таланта страны извлекалось больше пользы для производства. Изъ людей, не имѣющихъ или почти не имѣющихъ собственнаго капитала, но имѣющихъ дѣловыя способности, узнанныя и оцѣненныя владѣльцами капитала, многіе получаютъ въ кредитъ или деньги или, какъ чаще бываетъ, товары и такимъ образомъ промышленныя способности ихъ обращаются на увеличеніе общественнаго богатства; еще гораздо больше пользы будетъ получаться такимъ способомъ, когда при улучшеніи законовъ и воспитанія, честность въ обществѣ разовьется настолько, что личную репутацію человѣка можно будетъ принимать за достаточное обезпеченіе не только противъ безчестнаго завладѣнія, но и противъ безчестнаго рискованья чужимъ имуществомъ.

Вотъ съ самой общей точки зрѣнія роль кредита въ производительныхъ средствахъ человѣчества. Но эти соображенія примѣняются лишь къ кредиту, даваемому людямъ промышленнаго класса производителямъ и торговцамъ. Кредитъ, даваемый торговцами непроизводительнымъ потребителямъ, никогда не бываетъ прибавленіемъ, а всегда бываетъ убылью для источниковъ общественнаго богатства. Онъ передаетъ во временное пользованіе не капиталъ непроизводительнаго класса производительному, а капиталъ производительнаго класса непроизводительному. Если А торговецъ снабжаетъ В землевладѣльца или рентьера товарами съ отсрочкою уплаты на пять лѣтъ,—остается на пять лѣтъ непроизводительною часть капитала А, равная цѣнности этихъ товаровъ. При немедленной уплатѣ сумма эта въ теченіе пяти лѣтъ была бы нѣсколько разъ израсходована и выручена и нѣсколько разъ были бы произведены, потреблены и воспроизведены товары на эту сумму. Слѣдовательно, если В наконецъ и заплатитъ 100 фунтовъ, которые не платилъ 5 лѣтъ, то самая отсрочка платежа равнозначительна была въ эти пять лѣтъ для работающихъ сословій общества тому, какъ если бы они совершенно потеряли эту сумму, и не одинъ разъ, а нѣсколько. Самъ А лично вознаграждается тѣмъ, что полагаетъ за свои товары высшую цѣну, которую по истеченіи срока уплачиваетъ ему В; но нѣтъ никакого вознагражденія рабочему классу, который больше всѣхъ страдаетъ отъ каждаго безвозвратнаго или временнаго отклоненія капитала на непроизводительное употребленіе. Въ эти пять лѣтъ капиталъ страны уменьшился на 100 фунтовъ оттого, что В взялъ эту сумму изъ капитала А и растратилъ ее непроизводительно, прожившъ впередъ свои средства, и лишь черезъ пять лѣтъ отложитъ изъ своего дохода сумму на вознагражденіе А, и она обратится въ капиталъ.

3. Вотъ общая функція кредита въ производствѣ. Самъ по себѣ онъ не составляетъ производительной силы, хотя безъ него существующія производительныя силы не могли бы вполнѣ обратиться на занятіе. Но вліяніе кредита на цѣны—вопросъ болѣе запутанный; оно — главная причина почти всѣхъ тѣхъ коммерческихъ феноменовъ, объясненіе которыхъ трудно. Когда въ торговлѣ обыкновенно дается много кредита, общія цѣны товаровъ всегда опредѣляются гораздо больше состояніемъ кредита, чѣмъ количествомъ денегъ; потому что кредитъ, не будучи про-

изводительною силою, служитъ покупательною силою, и лицо, которое, имѣя кредитъ, пользуется имъ въ покупкѣ товаровъ, создаетъ столько же запроса на товары и столько же поднимаетъ ихъ цѣны, какъ еслибъ дѣлало такое же количество покупокъ на наличныя деньги.

Кредитъ, который мы теперь должны разсматривать, какъ отдѣльную покупательную силу, независимую отъ денегъ, разумѣется не есть кредитъ въ своей простѣйшей формѣ, но кредитъ въ формѣ денегъ, даваемыхъ однимъ лицомъ въ ссуду другому, и притомъ наличными деньгами: если лицо, получившее такую ссуду, расходуетъ ее на покупки, оно дѣлаетъ покупки на деньги, а не на кредитъ, и не проявляетъ покупательной силы сверхъ той, какая дается деньгами. Формы кредита, создающія покупательную силу,—тѣ формы, въ которыхъ не переходитъ изъ рукъ въ руки никакихъ денегъ при самой покупкѣ, а очень часто и вовсе никогда, а вся сдѣлка, вмѣстѣ съ массою другихъ сдѣлокъ, включается въ счетъ, и уплачивается лишь балансъ этого счета. Это происходитъ разными способами; мы поочередно разсмотримъ ихъ, начиная, по нашему обыкновенію, простѣйшими.

Во-первыхъ, предположимъ, что А и В—два торговца, имѣющіе между собою сдѣлки, въ которыхъ бываютъ оба и покупателями, и продавцами. А покупаетъ у В кредитъ. В покупаетъ у А также кредитъ. Въ концѣ года сумма, какую А долженъ В, сравнивается съ суммою, какую В долженъ А, и узнается, кто долженъ заплатить по балансу. Этотъ балансъ, который можетъ быть меньше, чѣмъ иная одна сдѣлка, а во всякомъ случаѣ меньше суммы всѣхъ сдѣлокъ,—только и уплачивается деньгами; а можетъ быть и онъ не уплачивается, а переносится въ текущій счетъ слѣдующаго года. Этимъ способомъ уплата 100 фунтовъ можетъ оказаться достаточною на очищеніе длиннаго ряда сдѣлокъ, изъ которыхъ иныя простирались на тысячи фунтовъ.

Но, во-вторыхъ, А можетъ уплачивать свои долги В безъ посредства денегъ, хотя бы В и не былъ ничего долженъ А. А можетъ удовлетворить В, переведя на него долгъ, который имѣетъ самъ на третьемъ лицѣ С. Это удобнымъ образомъ дѣлается посредствомъ документа, называемаго коммерческимъ векселемъ; такой вексель въ сущности составляетъ записку кредитора, посредствомъ которой онъ передастъ другому свое требованіе денегъ съ своего должника, и если эта записка акцептируется должникомъ, то есть свидѣтельствуется его подписью, она становится признаніемъ долга со стороны должника.

3. Коммерческіе векселя первоначально были введены для сбереженія расхода и риска, соединеннаго съ перевозкою золота и серебра. „Предположимъ, говоритъ Торнтонъ, что есть въ Лондонѣ десять фабрикантовъ, продающихъ свой товаръ десяти йоркскимъ купцамъ, пускающимъ его въ розничную торговлю; и предположимъ, что въ Йоркѣ есть десять фабрикантовъ другаго товара, продающихъ его десяти лондонскимъ купцамъ. Если такъ, не будетъ надобности для десяти лондонскихъ купцовъ ежегодно посылать гинеи въ Йоркъ на уплату йоркскимъ фабрикантамъ, а для десяти йоркскихъ купцовъ ежегодно посылать столько же гиней въ Лондонъ. Надобно только будетъ йоркскимъ фабрикантамъ принять въ конторахъ деньги отъ йоркскихъ купцовъ, давъ имъ взамѣнъ письма, удостовѣряющія въ полученіи такой уплаты и говорящія, чтобы деньги, приготовленныя ихъ должниками въ Лондонѣ, были уплачены лондонскимъ фабрикантамъ, чтобы въ Лондонѣ долгъ уплатился такимъ же способомъ, какъ въ Йоркѣ. Весь расходъ и рискъ денежныхъ пересылокъ будетъ сбереженъ черезъ это. Письма, по которымъ передаются долги, называются на нынѣшнемъ языкѣ коммерческими ве-

кселями. Это росписки, которыми долгъ одного лица обмѣнивается на долгъ другаго, и точно также полученіе долга въ одномъ мѣстѣ переводится въ другое мѣсто".

За этимъ слѣдуетъ у Милля изложеніе того, какимъ способомъ происходятъ и какое значеніе имѣютъ различныя формы кредита—коммерческій вексель, коммерческая записка объ уплатѣ, записка на банкира отъ лица, не ведущаго коммерческихъ оборотовъ, продажа въ кредитъ съ простою записью по книгѣ, наконецъ банковый билетъ. Намъ здѣсь нѣтъ надобности вдаваться въ эти подробности, принадлежащія скорѣе спеціальному трактату о коммерческихъ обычаяхъ, чѣмъ общей политико-экономической теоріи. Довольно сказать одно: по внимательномъ разборѣ разныхъ формъ кредита, Милль приходитъ къ заключенію, что по своему дѣйствію на цѣны, то есть по своей покупательной силѣ, всѣ частныя формы кредита существенно одинаковы: дѣйствуетъ на цѣны не собственно то, въ какой формѣ расширяется или сокращается кредитъ, а только обстоятельство, что онъ расширяется или сокращается. Этотъ выводъ значительно приближаетъ насъ къ истинному и простому взгляду на дѣло, обыкновенно затемняемое въ курсахъ политической экономіи смѣшиваніемъ мелочныхъ подробностей, относящихся только къ коммерческой практикѣ, а не къ научной теоріи. Если мы теперь, узнавъ маловажность этихъ мелочей для научной теоріи, постараемся совершенно отвлечь отъ нихъ наше вниманіе, чтобы сосредоточить его на сущности дѣла, мы увидимъ, что она очень проста.

Кредитъ—ни больше, ни меньше, какъ долгъ, ссуда. Получать кредитъ, значитъ—получать въ ссуду, дѣлать долгъ; давать кредитъ—давать въ долгъ, въ ссуду. Спрашиваемъ теперь: признакомъ какого положенія служитъ исканіе ссудъ, заключеніе долговъ?—Признакомъ затруднительнаго положенія, невозможности извернуться собственными средствами. Признакомъ чего служитъ согласіе давать въ ссуду, въ долгъ? — Признакомъ нежеланія или неспособности человѣка самому заниматься приложеніемъ своихъ средствъ къ производительному труду. Такъ ли? Да, это самое можно найти и въ приведенномъ нами отрывкѣ изъ Милля. Попробуемъ же не лукавить сами передъ собою въ отвѣтѣ на вопросъ: что изъ этого слѣдуетъ?—Изъ этого слѣдуетъ, что самымъ прикосновеніемъ своимъ къ извѣстному дѣлу кредитъ свидѣтельствуетъ о неудовлетворительномъ состояніи покупательной силы по этому дѣлу,—онъ открываетъ, что покупательной силы нѣтъ тамъ, гдѣ она нужна и полезна, и что находится она тамъ, гдѣ ненужна и неполезна [12]). Годится ли такое положеніе дѣлъ?

Не говорите о томъ, что кредитъ исправляетъ его,—мы это сами знаемъ и согласны со всѣми вашими похвалами кредиту; мы находимъ только, что не слѣдуетъ признавать удовлетворительнымъ такой бытъ, въ которомъ

---

[12]) Само собою разумѣется, что мы здѣсь говоримъ только о кредитѣ, дѣйствующемъ по направленію, одобряемому теоріею, переносящею покупательную силу отъ безплоднаго бездѣйствія или расточенія къ экономической дѣятельности, о ссудахъ отъ непроизводительнаго класса къ производительному. Кредитъ, дѣйствующій въ противоположномъ направленіи, въ видѣ ссудъ непроизводительному сословію, безусловно осуждаетъ и Милль, какъ мы видѣли; слѣдовательно, это дѣло не нуждается въ нашихъ разъясненіяхъ. Что осуждаетъ въ нынѣшнемъ бытѣ даже господствующая теорія, того мы навѣрное уже не станемъ хвалить.

кредитъ играетъ постоянную и важную роль.—Не говорите также, что въ старину, до развитія кредита, было еще хуже. Мало ли что было въ старину! Вообще, было въ старину гораздо хуже. Да не о томъ теперь рѣчь, а о томъ, каково нынѣ.

Какую же роль долженъ имѣть кредитъ въ общественной жизни при удовлетворительномъ устройствѣ экономическаго быта?—Чтобы отвѣчать на это, не мѣшаетъ подумать о томъ, въ чемъ собственно состоитъ экономическая дѣятельность общества. Въ обмѣнѣ ли состоитъ она? Нѣтъ, обмѣнъ ничего не производитъ; онъ—только одинъ изъ способовъ, которыми распредѣляется продуктъ,—способъ, получающій преобладаніе надъ другими способами распредѣленія при извѣстныхъ формахъ быта, но вовсе не единственный: гдѣ продуктъ потребляется тѣми же лицами, которыми производится, тамъ распредѣленіе продукта между ними совершается не косвеннымъ путемъ обмѣна, а прямымъ путемъ непосредственнаго разсчета, сколько слѣдуетъ получить кому изъ нихъ. Да и самое распредѣленіе—только посредствующее звено между производствомъ и потребленіемъ, имѣющими надъ нимъ рѣшительное преобладаніе въ экономической дѣятельности народа даже и при нынѣшнемъ устройствѣ быта, которое, будучи основано на обмѣнѣ, чрезвычайно сильно развиваетъ его до ненормальной чрезмѣрности. Выраженіе „торговый народъ“—чистая иллюзія. Торговля оглушаетъ насъ своею шумною хлопотливостью, но болѣе тихое дѣло производства занимаетъ собою массу каждой націи, а торговля все-таки остается занятіемъ лишь довольно незначительной части населенія. Въ самой Англіи торговцы малочисленны сравнительно съ земледѣльцами, ремесленниками, фабричными работниками, и даже въ этой странѣ, которую мы, по поверхностному впечатлѣнію, воображаемъ страною, живущею по преимуществу дѣломъ заграничной торговли, масса продуктовъ, отправляемыхъ въ другія земли и получаемыхъ изъ другихъ земель, едва составляетъ одну пятую часть всѣхъ производимыхъ и потребляемыхъ продуктовъ [13]). Теперь представимъ себѣ хозяйство, которое продаетъ лишь одну пятую часть своихъ продуктовъ и покупаетъ лишь пятую часть потребляемыхъ въ немъ предметовъ: должно ли нуждаться такое хозяйство въ ссудахъ? Оно имѣетъ средства производить немедленную уплату по всякой своей покупкѣ, потому что эти уплаты незначительны въ сравненіи съ его доходами. Такимъ образомъ, даже заграничная торговля должна была бы вестись, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, безъ помощи кредита. А если кредитъ по настоящему не нуженъ для обыкновеннаго хода даже заграничной торговли, въ которой онъ наиболѣе развитъ, тѣмъ легче должна была бы обходиться безъ него, въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, внутренняя торговля, которая пользуется его помощью гораздо менѣе, чѣмъ заграничная.

[13]) Цѣнность товаровъ, отпускаемыхъ изъ Англіи въ послѣдніе пять лѣтъ (годы самаго сильнаго развитія заграничной торговли), была среднимъ числомъ менѣе 140 милл. фунтовъ стерлинг. въ годъ. Цѣнность продуктовъ, производимыхъ самою Англіею, составляла за эти годы никакъ не меньше, а по всей вѣроятности больше 700 милл. фунтовъ. (Земледѣліе, занимающее менѣе одной третьей части всѣхъ работниковъ, производитъ болѣе, чѣмъ на 200 милл. фунт. Трудъ ремесленнаго или фабричнаго работника производитъ цѣнность болѣе значительную, чѣмъ трудъ земледѣльческаго).

Но мы говоримъ только про обыкновенныя обстоятельства. Самое хорошее хозяйство подвержено нечаяннымъ случайностямъ, иногда заставляющимъ его дѣлать займы. Такимъ несчастнымъ случайностямъ подвержена и экономическая жизнь націи. Впрочемъ, для цѣлой націи теперь остается уже только одинъ источникъ этихъ слишкомъ обширныхъ недостатковъ—неурожай. Въ неурожайный годъ можетъ понадобиться привозъ такой массы заграничнаго хлѣба, за которую трудно уплатить безъ нѣкоторой разсрочки. Вотъ единственный натуральный случай надобности въ кредитѣ для заграничной торговли. Для отдѣльныхъ мѣстностей страны существуютъ другіе случаи этой несчастной необходимости. Напримѣръ, трудно обойтись безъ займа прибрежью рѣки, сильно пострадавшему отъ наводненія, или городу, опустошенному пожаромъ. Отдѣльное хозяйство можетъ сильно страдать, сверхъ этихъ, и отъ нѣкоторыхъ другихъ случайностей,—напримѣръ, отъ случайнаго совпаденія слишкомъ многихъ случаевъ болѣзни и смерти въ его составѣ.—Вотъ случаи, въ которыхъ дѣйствительно нуженъ кредитъ отдѣльному хозяйству, округу или цѣлой націи. Это все только случаи чрезвычайныхъ несчастій, очень тяжело ложащихся на жизнь въ данную минуту, но заглаживаемыхъ общимъ ходомъ жизни. Кредитъ долженъ облегчать ихъ, разлагая тяжесть ихъ на болѣе долгій срокъ времени, чтобы она становилась менѣе чувствительна.

Словомъ сказать, кредитъ—лѣкарство. Отрицать пользу лѣкарствъ никакъ не слѣдуетъ. Но плохо состояніе того человѣка, жизнь котораго—непрерывный рядъ принимания микстуръ и пилюль. Экономическая наука—медицина экономическаго быта. Но кромѣ даванія лѣкарствъ, у медицины есть другая, еще болѣе важная обязанность: разъяснить человѣку условія, которыя слѣдуетъ ему соблюдать, чтобы не нуждаться въ лѣкарствахъ. Господствующая теорія ограничивается одною патологіею. Гигіеническая часть,—важнѣйшая часть науки,—пренебрежена въ ней. Она не говоритъ о томъ, что происходитъ въ худосочномъ организмѣ, развивающемся въ холодѣ и сырости, въ которыхъ нельзя человѣку быть здоровымъ, въ организмѣ, преданномъ хмѣлю дикихъ страстей, завѣщанныхъ варварскими нравами старины, въ организмѣ, продолжающемъ питаться вредною пищею, приготовляемою по предразсудкамъ первобытнаго невѣжества. Господствующая теорія или сама слишкомъ труситъ истины, или слишкомъ угодничаетъ передъ дикими капризами, грубыми привычками, нелѣпою апатіею невѣжественнаго быта, призывающаго ее на помощь себѣ. Это нехорошо. Истина должна быть выше всего для науки. Надобно прямо говорить: „ты пичкаешь себя микстурами кредита и другихъ фармацевтическихъ ингредіентовъ. Этого мало для тебя. Твоя обстановка негодится для здоровья, твой образъ жизни нелѣпъ. Измѣни обстановку, пріими другія правила для жизни“. — И смутимся ли мы, если на эту правду будутъ отвѣчать: „я не вижу этой надобности“.—„Нынѣшній образъ жизни мнѣ милъ“.—„У меня недостаетъ средствъ измѣнить обстановку“.—„Вы утописты и невѣжды“.—Смутимся ли мы этимъ? Развѣ смущался Стефенсонъ, когда ему говорили, что желѣзныя дороги ненужны, что пріятнѣе мальпостовъ и шоссе ничего быть не можетъ, что средства механики недостаточны для постройки желѣзныхъ дорогъ и

локомотивовъ, что онъ утопистъ и невѣжда. Противъ него говорили все, что говорятъ противъ насъ. А онъ настойчиво твердилъ и твердилъ свое, и добился до торжества своей правды. Наша правда гораздо по многосложнѣе и пообширнѣе Стефенсоновой,—натурально, и хлопотъ надъ распространеніемъ ея въ обществѣ должно быть для насъ гораздо побольше, чѣмъ было Стефенсону,—но что жъ такое?—Насколько больше намъ труда съ нашимъ дѣломъ, настолько же и выше оно по своей пользѣ для людей, настолько же больше и любви къ себѣ внушаетъ оно тѣмъ, кто разноситъ прекрасную истину его.

Но само собою разумѣется, что кредитъ постоянно долженъ играть значительную роль при хозяйствѣ, основанномъ на обмѣнѣ, и чѣмъ живѣе развивается экономическая дѣятельность при системѣ денежнаго хозяйства, тѣмъ большая пропорція должна исполняться посредствомъ кредита и кредитныхъ знаковъ. Звонкая монета—вещь все-таки довольно объемистая, тяжелая, неповоротливая. При быстромъ ходѣ огромныхъ коммерческихъ сдѣлокъ производить уплаты ею неудобно. Притомъ же, звонкая монета изнашивается отъ употребленія, а это убыточно по дороговизнѣ изнашивающагося матеріала ея. Потому въ странахъ, пользующихся твердымъ законнымъ порядкомъ,звонкая монета постоянно замѣняется въ ежедневномъ обращеніи кредитными знаками, и главная масса ея спокойно лежитъ резервнымъ фондомъ въ учрежденіяхъ, выпускающихъ банковые билеты, которые составляютъ самую удобную для денежнаго обращенія форму кредита. Этотъ резервный фондъ нуженъ собственно для обезпеченія размѣна банковыхъ билетовъ на звонкую монету, представителями которой они служатъ. Если кредитъ выпускающаго билеты учрежденія очень проченъ, резервный фондъ безопасно можетъ составлять только довольно небольшую долю всего количества билетовъ,—одну треть, или одну четверть, быть можетъ, даже и меньше. Изъ этого и разныхъ другихъ обстоятельствъ явилась мысль о возможности безопаснаго обращенія и такихъ банковыхъ билетовъ или бумажныхъ денегъ, которыя не имѣли бы за собою резервнаго фонда звонкой монеты или не давали бы владѣльцамъ своимъ права требовать размѣна ихъ на звонкую монету изъ кассы выпустившаго ихъ учрежденія. Эта иллюзія имѣетъ очень многихъ приверженцевъ; потому приведемъ изъ Милля разборъ ея.

1) Опытъ показалъ, что куски бумаги, не имѣющія никакой внутренней цѣнности, могутъ быть введены въ обращеніе съ цѣнностью звонкой монеты просто вслѣдствіе надписи на нихъ, что они равняются извѣстному числу франковъ, доллеровъ или фунтовъ; опытъ показалъ, что лицамъ, выпускающимъ ихъ, они приносятъ всю ту выгоду, какую могла бы принести звонкая монета, представительницами которой называются эти бумаги; правительства стали думать, что выгодно было бы имъ присвоить себѣ эту выгоду, не соблюдая условія, которому подчинены были частныя лица, выпускающія эту бумагу, которою замѣняются деньги,—не соблюдая обязанности давать по востребованію за этотъ знакъ обозначаемую имъ вещь. Правительства рѣшяли сдѣлать попытку, нельзя ли имъ освободиться отъ этой непріятной обязанности и дать выпущенному ими куску бумаги ходъ фунта просто тѣмъ, чтобы назвать его фунтомъ и принимать его въ уплату налоговъ. И вліяніе почти всѣхъ прочныхъ правительствъ

такъ сильно, что вообще они успѣли достичь этой цѣли; кажется, могъ бы я сказать, что всегда они успѣвали въ томъ на нѣкоторое время, и теряли эту силу лишь вслѣдствіе того, когда слишкомъ неумѣренно пользовались ею.

Въ предполагаемомъ нами случаѣ роль денегъ исправляется вещью, которая получаетъ силу исполнять ее единственно по соглашенію людей; но для доставленія такой силы предмету уже и достаточно такого соглашенія; потому что, если человѣкъ убѣжденъ, что извѣстная вещь будетъ принимаема другими точно такъ же, какъ имъ, этого уже и довольно, чтобы онъ принималъ какую-нибудь вещь, какъ деньги, и даже по какой угодно цѣнности. Вопросъ только въ томъ, чѣмъ опредѣляется цѣнность такого орудія обмѣна, потому что она не можетъ опредѣляться цѣнностью производства, какъ опредѣляется цѣнность золота и серебра или бумаги, размѣниваемой на нихъ по первому востребованію.

Но мы видѣли, что даже и цѣнность звонкой монеты непосредственно опредѣляется количествомъ этой монеты. Если бы количество ея зависѣло не отъ обыкновенныхъ коммерческихъ разсчетовъ прибыли и убытка, а могло бы опредѣляться по произволу правительства, цѣнность звонкой монеты опредѣлялась бы распоряженіемъ этого правительства, а не стоимостью производства. Количество бумажныхъ денегъ, не подлежащихъ размѣну на золото и серебро по желанію предъявителя, можетъ опредѣляться произвольно, въ особенности если выпускаются эти деньги верховнымъ государственнымъ правительствомъ. Потому цѣнность такихъ денегъ совершенно произвольна.

Предположимъ, что въ странѣ, въ которой обращалась только звонкая монета, вдругъ выпускаются бумажныя деньги на половину той суммы, какую составляла звонкая монета; выпускаются не банковымъ учрежденіемъ и не въ формѣ займа, а правительствомъ въ уплату жалованья и въ покупку товаровъ. Количество обращающихся денегъ вдругъ увеличилось на половину; потому поднимутся цѣны всѣхъ предметовъ, и между прочимъ цѣны всѣхъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ золота и серебра. Цѣнность унціи золота въ издѣльяхъ станетъ выше цѣнности унціи золотыхъ денегъ больше, чѣмъ на обыкновенную разницу, вознаграждающую за цѣнность выдѣлки; и будетъ прибыльно переплавлять монету для передѣлки въ золотыя вещи, пока сумма денегъ уменьшится этою переливкою золотыхъ денегъ настолько, сколько прибавилось къ ней выпускомъ бумаги. Тогда цѣны спустятся опять до первоначальной величины и все будетъ по прежнему, кромѣ той одной перемѣны, что бумажныя деньги замѣстили собою половину звонкой монеты, существовавшей прежде. Предположимъ теперь новый выпускъ бумаги; возобновится тотъ же рядъ послѣдствій; и отъ слѣдующихъ выпусковъ бумаги исчезнетъ наконецъ вся звонкая монета (то есть, если выпускается бумага—наименованія, равнаго самой мелкой монетѣ; а если не выпускается бумаги такого малаго наименованія, останется столько мелкой звонкой монеты, сколько надобно для мелкихъ платежей). Отъ прибавки въ количествѣ золота и серебра, готоваго идти на украшенія, цѣнность этого товара на нѣкоторое время нѣсколько понизится; и хотя бы выпущено было бумажныхъ денегъ на всю первоначальную сумму звонкой монеты, но вмѣстѣ съ бумагою удержится въ обращеніи столько звонкой монеты, сколько нужно, чтобы держать цѣнность денегъ наравнѣ съ уменьшенною цѣнностью металлическаго матеріала: эта часть звонкой монеты будетъ держаться въ обращеніи, пока цѣнность золота и серебра остается ниже прежняго; но цѣнность этихъ металловъ упала ниже стоимости производства, и снабженіе золотомъ и серебромъ изъ рудниковъ остановится или уменьшится; такимъ образомъ излишекъ ихъ уничтожится путемъ обыкновеннаго

уничтоженія, и послѣ того благородные металлы и деньги снова пріобрѣтутъ свою естественную цѣнность. Мы тутъ предполагаемъ, какъ предполагали постоянно до сихъ поръ, что страна имѣетъ собственные рудники и не имѣетъ никакихъ коммерческихъ сношеній съ другими странами; а въ странѣ, имѣющей заграничную торговлю, звонкая монета, сдѣлавшаяся излишнею отъ выпуска бумаги, уносится способомъ, гораздо болѣе быстрымъ *).

До сихъ поръ вліяніе бумажныхъ денегъ въ сущности одинаково, будутъ ли или не будутъ имѣть они размѣнъ на звонкую монету; разница между этими двумя положеніями бумажныхъ денегъ начинаетъ обнаруживаться, когда звонкая монета уже совершенно замѣщена бумажными деньгами и вытѣснена изъ обращенія. Предположимъ, что когда все золото и серебро уже вышло изъ обращенія, будучи замѣщено бумажными деньгами на такую же сумму, прибавился еще новый выпускъ бумажныхъ денегъ. Возобновляется прежній рядъ явленій: поднимаются цѣны, между прочимъ цѣны золотыхъ и серебряныхъ вещей, и попрежнему является выгода доставать звонкую монету для переплавки въ слитки. Звонкой монеты уже нѣтъ въ обращеніи: но если бумажныя деньги подлежатъ размѣну на нее, можно еще, въ обмѣнъ за билеты, получать ее отъ учрежденія, выпускающаго билеты. Потому, всѣ прибавившіеся билеты, которые вталкивались въ обращеніе по совершенномъ замѣщеніи золота и серебра бумагою, возвратятся къ выпустившему ихъ учрежденію для размѣна на звонкую монету; и если бумага размѣнивается на металлы, нельзя будетъ удержать въ обращеніи такого количества бумаги, при которой цѣнность ея упала бы ниже металла, представляемаго ею. Но не такъ бываетъ съ неразмѣнною бумагою. Возрастанію количества ея нѣтъ остановки, если она допущена закономъ. Она можетъ безгранично размножаться новыми выпусками, понижающими ея цѣнность и соразмѣрно тому поднимающими цѣны, иначе сказать, безгранично роняющими ее.

Всѣ перемѣны въ цѣнности орудія обмѣна вредны: онѣ нарушаютъ существующіе договоры и соображенія, и при опасеніи такихъ перемѣнъ становятся совершенно невѣрны денежныя обязательства на долгій срокъ. Лицо, покупающее себѣ или дающее другому пожизненный доходъ въ 100 фунтовъ, не знаетъ, чему будетъ равняться эта сумма черезъ нѣсколько лѣтъ,—200 фунтамъ или 50 фунтамъ на нынѣшнія деньги.

2. Чтобы цѣнность денегъ была безопасна отъ преднамѣренныхъ измѣненій и какъ можно меньше подвергалась случайнымъ колебаніямъ, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ сдѣланы нормою денежной цѣнности товары, менѣе всѣхъ извѣстныхъ товаровъ подверженные колебанію цѣнности, — благородные металлы, и не слѣдуетъ существовать бумажнымъ деньгамъ, цѣнность которыхъ не сообразовалась бы съ цѣнностью этихъ металловъ. Это основное правило никогда и никѣмъ не забывалось вполнѣ. Вообще лица или общества, выпускавшія бумажныя деньги, объявляли, что намѣрены когда нибудь въ будущемъ начать уплаты звонкою монетою за бумажныя деньги: а если и не говорили этого, то уже тѣмъ самымъ, что всегда давали своимъ бумажнымъ деньгамъ имена металлическихъ монетъ, они уже дѣлали подразумѣваемое обѣщаніе держать ихъ въ цѣнности, равной съ золотыми и серебрянымъ монетами. Держать въ такой цѣнности даже и неразмѣнныя бумажныя деньги—дѣло не невозможное. Правда, при неразмѣнности нѣтъ той самодѣйствующей остановки размноженію бумажныхъ денегъ, какая дается размѣномъ. Но все-таки есть ясный, несомнѣнный признакъ, по-

*) То есть уходитъ за границу.

которому видно бываетъ, упала ли цѣнность бумажныхъ денегъ, и насколько именно упала. Этотъ признакъ—цѣна золота и серебра. Когда уже не остается звонкой монеты въ обращеніи и нельзя доставать ее на переплавку въ слитки, цѣна золота и серебра поднимается и падаетъ, подобно цѣнѣ другихъ предметовъ. Если она выше цѣны, установленной для чеканки денегъ, если унція золота, изъ которой вычеканивалось бы 3 фунта, 17 шиллинговъ, $10^1/_2$ пенсовъ, продается за 4 или 5 фунтовъ бумажныхъ денегъ, это значитъ, что въ такой пропорціи цѣнность ихъ упала ниже цѣнности, какую имѣла бы звонкая монета. Потому бумажныя неразмѣнныя деньги не будутъ имѣть ни одного изъ неудобствъ, обыкновенно считаемыхъ принадлежащими самой натурѣ ихъ, если выпускъ такихъ денегъ подчиненъ строгимъ правиламъ, изъ которыхъ однимъ будетъ, что когда цѣна слитковъ поднимается выше монетной цѣны металла, количество выпущенныхъ бумажныхъ денегъ должно быть уменьшаемо до того, пока рыночная цѣна слитковъ и монетная цѣна опять сравняются.

Но при такой системѣ неразмѣнность бумажныхъ денегъ и не имѣла бы столько выгоды, чтобы принять ее. Неразмѣнныя бумажныя деньги, выпуски которыхъ опредѣляются цѣною слитковъ, совершенно сходились бы во всемъ съ бумажными деньгами, подлежащими размѣну, и выгода отъ неразмѣнности ихъ была бы та, что при ней не было бы надобности держать никакого резервнаго фонда изъ золота и серебра; этотъ разсчетъ не очень важенъ, особенно потому, что пока добросовѣстность правительства не заподозрѣна, ему не нужно держать такого большаго резервнаго фонда, какъ частнымъ банкирамъ по невозможности столь большихъ и внезапныхъ востребованій: серьезныхъ сомнѣній въ его состоятельности никогда быть не можетъ. Эта неважная выгода перевѣшивается, во-первыхъ, возможностью обманчивыхъ спекуляцій надъ цѣною слитковъ, съ цѣлью дѣйствовать на цѣну денегъ, въ родѣ того, какъ среднія цѣны хлѣба колеблются фиктивными его продажами, на которыя такъ много и справедливо жаловались въ Англіи при существованіи хлѣбныхъ законовъ. Но еще сильнѣе тотъ разсчетъ, что выгодно держаться простаго правила самому необразованному уму. Каждому понятно, что такое бумажныя деньги, размѣниваемыя на звонкую монету; каждый видитъ, что вещь, которую всегда тотчасъ же можно обмѣнивать на 5 фунтовъ, стоитъ 5 фунтовъ. Регулированіе бумажныхъ денегъ цѣною слитковъ—понятіе, болѣе сложное и лишенное выгодной связи съ обычными представленіями. Масса публики далеко не имѣла бы довѣрія къ неразмѣннымъ бумажнымъ деньгамъ, какъ при размѣнѣ бумажныхъ денегъ на звонкую монету; да и образованнѣйшій человѣкъ справедливо могъ бы сомнѣваться, будетъ ли неуклонно соблюдаемо правило объ ограниченіи количества денегъ. Основанія этого правила не вполнѣ понятны для публики; потому общественное мнѣніе, вѣроятно, не стало бы совершенно строго вынуждать къ его соблюденію, а въ затруднительныхъ обстоятельствахъ обратится противъ него; а для самого правительства остановить размѣнъ на звонкую монету представляется мѣрою, гораздо болѣе крутою и крайнею, чѣмъ представлялось бы отступленіе отъ правила, могущаго казаться нѣсколько искусственнымъ. Итакъ очень сильны причины предпочитать размѣнъ на звонкую монету неразмѣнности бумажныхъ денегъ, хотя бы она регулировалась наилучшимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ финансовыхъ случаяхъ соблазнъ къ выпуску лишняго количества бумажныхъ денегъ такъ силенъ, что нельзя допускать ничего, сколько бы то ни было ведущаго къ ослабленію преградъ, удерживающихъ отъ этого излишества.

3. Нѣтъ въ политической экономіи ни одного вывода, основаннаго на такихъ очевидныхъ причинахъ, какъ вредность бумажныхъ денегъ, не удерживаемыхъ въ одной

цѣнности съ звонкою монетою, или своею размѣнностью, или какимъ нибудь равносильнымъ ей принципомъ ограниченія; потому этотъ выводъ, хотя и не безъ долголѣтнихъ споровъ, довольно порядочно вколоченъ наконецъ въ общественное сознаніе; но до сихъ поръ еще многочисленны люди, отвергающіе его, и безпрестанно появляются прожектеры съ планами объ исцѣленіи всѣхъ экономическихъ бѣдствій общества посредствомъ неограниченнаго выпуска неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Правда и то, что есть въ этой мысли большая очаровательность. Возможность уплатить государственный долгъ, покрывать правительственные расходы безъ налоговъ и ни больше, ни меньше, какъ обогатить каждаго человѣка въ обществѣ,—это программа блестящая, если только способенъ человѣкъ думать, что можно исполнить ее печатаніемъ нѣсколькихъ словъ и цифръ на лоскутахъ бумаги. Развѣ отъ философскаго камня можно ждать такой же пользы!

Какъ ни много разъ были убиваемы эти проекты, они постоянно возрождаются; потому не лишнимъ дѣломъ будетъ разсмотрѣть два-три обольщенія, которыми обманываютъ самихъ себя изобрѣтатели ихъ. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обольщеній тутъ—мысль, будто бы излишка въ выпускѣ бумажныхъ денегъ не можетъ быть, пока каждая выпущенная бумажка *представляетъ* собою имущество или имѣетъ себѣ *основаніе* въ дѣйствительно существующемъ имуществѣ. Съ этими словами „представлять собою“ и „основываться“ рѣдко соединяется ясное или точно опредѣленное понятіе; а если бываетъ оно въ нихъ, то смыслъ ихъ бываетъ лишь тотъ, что лица, выпускающія бумагу, должны *имѣть* имущество, свое собственное или ввѣренное имъ, на полную цѣнность всѣхъ выпускаемыхъ бумажекъ; но къ чему это нужно, хорошенько разобрать нельзя; потому что не легко разгадать, какимъ манеромъ простое существованіе имущества можетъ служить поддержкою цѣнности бумажекъ, если этого имущества нельзя требовать въ обмѣнъ за нихъ. Предположу однакоже, что оно назначено служить для имѣющихъ бумажки гарантіею того, что они были бы наконецъ вознаграждены, въ случаѣ, если бы какое-нибудь несчастное событіе заставило бросить всю эту систему. По этой теоріи составлено много плановъ „перечеканить всю землю страны въ деньги“ и т. п.

Насколько эта мысль имѣетъ хоть какую-нибудь связь съ разсудкомъ, она возникаетъ изъ смѣшенія двухъ совершенно разныхъ дурныхъ сторонъ, какія бываютъ въ бумажныхъ деньгахъ. Первая сторона—несостоятельность лицъ, выпустившихъ бумажки; если бумажки основаны на ихъ кредитѣ, на обѣщаніи уплаты звонкою монетою по первому востребованію или въ извѣстный срокъ, эта несостоятельность конечно лишаетъ бумажки всей цѣнности, какую даетъ обѣщаніе размѣна. Бумажныя деньги могутъ подвергаться этой бѣдѣ, въ какомъ бы умѣренномъ количествѣ ни были выпущены; и противъ нея дѣйствительно успѣшною предосторожностью было бы условіе, что всякій выпускъ долженъ „основываться на собственности“. Напримѣръ, что билеты должны выпускаться лишь съ залогомъ подъ нихъ какого-нибудь цѣннаго предмета, прямо назначеннаго на ихъ выкупъ. Но теорія эта не принимаетъ въ разсчетъ другой бѣды, которой могутъ подвергаться билеты самой состоятельной фирмы, компаніи или правительства: они могутъ упасть въ цѣнѣ оттого, что выпущены въ чрезмѣрномъ количествѣ. Ассигнаты во время французской революціи были примѣромъ денегъ, основанныхъ на этихъ принципахъ. Они „представляли“ собою громадную массу чрезвычайно цѣннаго имущества, именно коронныя, церковныя, монастырскія земли и земли эмигрантовъ. Все это вмѣстѣ составляло, быть можетъ, около половины французской тер-

ріторіи. Ассигнаты были закладными записями на эту массу земли или квитанціями на полученіе земель. Революціонное правительство вздумало „перечеканить“ эти земли въ деньги; но, къ чести его, должно сказать, первоначально не думало о безмѣрномъ размноженіи этихъ билетовъ, къ которому было принуждено силою событій, при исчезновеніи всѣхъ другихъ финансовыхъ средствъ. Оно думало, что ассигнаты станутъ быстро возвращаться въ руки правительства въ обмѣнъ за землю, и что ему можно будетъ постоянно выпускать ихъ вновь, пока всѣ земли распродадутся, и постоянно будетъ въ обращеніи очень умѣренное количество ихъ. Оно обманулось въ этой надеждѣ: земля не продавалась такъ быстро, какъ оно ожидало; покупщики не были расположены обращать свои деньги въ имущества, которыя, вѣроятно, были бы взяты назадъ безъ вознагражденія, если революція была бы подавлена. Лоскуты бумаги, представлявшіе собою землю, чрезвычайно размножившись, точно такъ же не могли сохранить своей цѣнности, какъ не сохранила бы ее и самая земля, если бы вся вдругъ явилась на рынокъ; результатъ былъ тотъ, что наконецъ за чашку кофе требовалось платить ассигнатъ въ 500 франковъ.

Говорятъ, что примѣръ ассигнатовъ неубѣдителенъ, потому что ассигнатъ представлялъ собою только землю вообще, а не какое нибудь опредѣленное количество земли. Утверждаютъ, что вѣрнымъ средствомъ предотвратить упадокъ ихъ цѣны было бы сдѣлать оцѣнку всего конфискованнаго имущества, по цѣнности его, на звонкую монету и выпускать ассигнаты до этой суммы, но не выше ея, давая владѣльцамъ ассигнатовъ право брать какой угодно кусокъ земли по ея кадастровой оцѣнкѣ, въ обмѣнъ за такую же сумму ассигнатовъ. Не можетъ быть спора о томъ, что такой планъ лучше системы, которой тогда слѣдовали. Если бы приняли этотъ методъ, ассигнаты никакъ не могли бы упасть до нелѣпой цѣны, до какой упали: они сохранили бы всю свою покупательную силу относительно земли, какъ бы сильно ни упали относительно другихъ предметовъ; потому вѣроятно были бы они предъявляемы на обмѣнъ за землю прежде, чѣмъ потеряли бы много изъ своей рыночной цѣнности. Но должно не забывать, что если бы они не теряли цѣнности, это значило бы, что количество ихъ, продолжающее находиться въ обращеніи,— не больше того, какое находилось бы въ обращеніи и при размѣнѣ ихъ на звонкую монету. Итакъ, если въ революціонное время и были очень полезны эти деньги, размѣниваемыя на землю по первому востребованію, какъ способъ быстро продать большое количество земли съ наименьшею по возможности потерею, но трудно сказать, какую выгоду для страны, сравнительно съ бумажными деньгами, размѣниваемыми на звонкую монету, имѣла бы эта система, какъ постоянное учрежденіе; а каковы были бы ея невыгоды, вовсе нетрудно сказать: цѣнность земли гораздо измѣнчивѣе цѣнности золота и серебра; сверхъ того, для большинства владѣніе землею пріятно лишь при возможности обратить ее въ деньги, а безъ того было бы скорѣе обременительно, чѣмъ пріятно; изъ этого слѣдуетъ, что нуженъ гораздо большій упадокъ въ цѣнности денегъ, чтобы люди стали обмѣнивать ихъ на землю, чѣмъ какой достаточенъ для того, чтобы обмѣнивать ихъ на золото и серебро *).

*) Вотъ одинъ изъ тѣхъ плановъ относительно денежной системы, которые, странно сказать, оказываются имѣющими за себя писателей замѣчательнаго ума. Государство должно принимать въ залогъ всякую собственность безъ ограниченія суммы, напримѣръ, землю, скотъ и т. д., и выдавать собственникамъ неразмѣнныя бумажныя деньги, по сдѣланной оцѣнкѣ. Такія деньги не имѣли бы даже и тѣхъ достоинствъ, какъ воображаемые ассигнаты, о которыхъ говоритъ наша гипотеза: лица, которымъ заплатили бы этими билетами люди, получавшіе ихъ, не могли бы возвра-

4. Одно изъ самыхъ явныхъ заблужденій, которыми думали опровергнуть надобность въ размѣнѣ бумажныхъ денегъ на звонкую монету,—ошибка, проникающая всю книгу, недавно изданную Джономъ Грe (Lectures on the Nature and use of Money, by John Gray). Изъ всѣхъ плановъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, какія читалъ я, планъ Грe самый замысловатый, и менѣе всѣхъ другихъ имѣетъ въ себѣ недостатковъ. Авторъ очень сильно проникся нѣкоторыми изъ главныхъ мыслей политической экономіи, и въ томъ числѣ важною мыслью, что истиннымъ рынкомъ для товаровъ служатъ сами товары и что производство—существенная причина и мѣра запроса. Но, по его словамъ, эта теорема, примѣняющаяся къ системѣ мѣны, не прилагается къ денежной системѣ, управляемой золотомъ и серебромъ, потому что, если сумма товаровъ возрастаетъ быстрѣе суммы денегъ, цѣны должны падать и всѣ производители подвергаться потерямъ; а количество золота, серебра „рѣшительно не можетъ быть увеличиваемо по произволу такъ быстро, какъ увеличивается общая сумма всѣхъ другихъ предметовъ, имѣющихъ цѣнность“; такимъ образомъ, произвольно ставится предѣлъ суммѣ производства, какое можетъ быть ведено безъ потери для производителей; и на этомъ основаніи Грe обвиняетъ существующую систему въ томъ, что отъ нея продуктъ Англіи становится по крайней мѣрѣ на 100 милліоновъ фунтовъ въ годъ меньше, чѣмъ былъ бы при денежной системѣ, могущей расширяться совершенно пропорціонально возрастанію количества товаровъ.

Но, во-первыхъ, что мѣшаетъ количеству золота или какого другаго товара, „увеличиваться столь же быстро, какъ возрастаетъ общая сумма всѣхъ другихъ предметовъ, имѣющихъ цѣнность?“ Когда общая сумма всѣхъ производимыхъ на земномъ шарѣ товаровъ удвоилась, что же препятствуетъ также удвоиться годичному производству золота? А вѣдь только это и было бы нужно, а не то, чтобы (какъ можно подумать по способу выраженія Грe) оно удвоилось столько разъ, сколько есть другихъ имѣющихъ цѣнность предметовъ, сравниваемыхъ съ золотомъ. Пока не будетъ доказано, что производство благородныхъ металловъ не можетъ увеличиться отъ увеличенія употребляемаго на то труда и капитала, останется очевиднымъ дѣломъ, что возрастаніе цѣнности товара будетъ точно такъ же возбуждать къ расширенію рудокопныхъ операцій, какъ возбуждаетъ (по признанію самого Грe) къ расширенію операцій во всѣхъ другихъ отрасляхъ производства.

Но, во-вторыхъ, если бъ количество денегъ и вовсе не могло увеличиваться, и если бъ всякое увеличеніе въ суммѣ продукта страны необходимо сопровождалось пропорціональнымъ пониженіемъ общей высоты цѣнъ, то все-таки непонятно, какъ человѣкъ, вникавшій въ дѣло, можетъ не видѣть, что упадокъ цѣны, происходящій отъ этой причины, не обращается въ потерю производителя; они получаютъ меньше денегъ; но меньшая сумма имѣетъ теперь во всѣхъ и производительныхъ, и личныхъ расходахъ ровно такую же силу, какую имѣла прежде большая сумма. Единственная перемѣна была бы въ томъ, что увеличилась бы тяжесть неизмѣняющихся денежныхъ платежей; а при очень медленномъ ходѣ, какой имѣла бы эта перемѣна, лишь очень малая доля этого обремененія упала бы на производительные классы, на которыхъ мало бываетъ давнишнихъ долговъ и которые потерпѣли бы почти только отъ увеличенія тяжести своей доли въ платежѣ тѣхъ налоговъ, которыми уплачиваются проценты государственнаго долга.

щать ихъ правительству и требовать въ обмѣнъ за нихъ землю или скотъ, потому что эти вещи только заложены, а не отчуждены. Такіе ассигнаты не возвращались бы въ руки правительства, и упадокъ ихъ цѣны не имѣетъ границы.

5. Третье обольщеніе, на которомъ опираются приверженцы неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, —мысль, будто бы отъ увеличенія количества денегъ оживляется промышленность. Эту мысль зарекомендовалъ Юмъ въ своемъ „трактатѣ о деньгахъ“, и съ той поры она имѣла много преданныхъ приверженцевъ, напримѣръ писателей, называющихся Бирмингемскою школою (Birmingham Currency School), замѣчательнѣйшимъ представителемъ которой былъ нѣкогда Аттвудъ. Онъ утверждалъ, что возвышеніе цѣнъ, производимое увеличеніемъ количества бумажныхъ денегъ, возбуждаетъ каждаго производителя къ самой усиленной энергіи и вводитъ въ полное занятіе весь капиталъ и трудъ страны, что это всегда бывало во всѣ періоды возвышенія цѣнъ, когда возвышеніе происходило въ достаточно большомъ размѣрѣ. Но я полагаю, что побужденіемъ, поощрявшимъ, по словамъ Аттвуда, къ этому необыкновенному усердію всѣхъ людей, занятыхъ производствомъ, было ожиданіе получить въ обмѣнъ за продуктъ своего труда вообще большее количество всякихъ вообще товаровъ, получить больше реальнаго богатства, а не просто только получить больше лоскутовъ бумаги. А самая терминологія гипотезы показываетъ, что въ этомъ ожиданіи люди обманывались; потому что при гипотезѣ равнаго возвышенія всѣхъ цѣнъ, въ сущности никто не получалъ за свои товары больше прежняго. Писатели, соглашающіеся съ Аттвудомъ, могли бы склонить людей къ этой чрезвычайной дѣятельности лишь продолженіемъ того, что на самомъ дѣлѣ оказывалось бы обольщеніемъ, лишь такимъ устройствомъ дѣлъ, чтобы постоянно возрастали денежныя цѣны и каждому производителю постоянно казалось, будто бы онъ вотъ уже и получаетъ вознагражденіе больше прежняго, чего на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не получаетъ. Довольно будетъ, не приводя другихъ возраженій противъ этого плана, указать только на его совершенную неосуществимость. Онъ разсчитываетъ на то, что всѣ вѣчно будутъ держаться мнѣнія, будто бы отъ увеличенія въ числѣ лоскутовъ бумаги они богатѣютъ, и никогда не замѣтятъ, что на всю свою бумагу не могутъ они купить никакого предмета больше, чѣмъ покупали прежде. Такого заблужденія не бывало въ людяхъ ни въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ возвышенія цѣнъ, опыту которыхъ придаетъ такъ много важности Бирмингемская школа. Въ тѣ періоды, которые Аттвудъ ошибочно считалъ временами благоденствія и которыя были просто временами спекуляціи (какъ непремѣнно должны быть и всѣ періоды возвышенія цѣнъ при размѣнивающихся бумажныхъ деньгахъ),—въ эти періоды спекулянты думали, будто бы они обогащаются не потому, что высокія цѣны удержатся, а потому что онѣ не удержатся и что каждый, успѣвшій реализировать во время дороговизны, найдетъ себя послѣ упадка цѣнъ — имѣющимъ большее прежняго количество фунтовъ стерлинговъ, которые станутъ имѣть не меньше цѣнности, чѣмъ прежде. Если бы въ концѣ спекуляціи сдѣланъ былъ выпускъ бумажныхъ денегъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы удержались цѣны на крайней высотѣ, какой достигали, никто не былъ бы огорченъ такъ сильно, какъ спекулянты, потому что растаялъ бы въ ихъ рукахъ барышъ, который, какъ имъ казалось, пріобрѣли они своевременнымъ реализированіемъ (на счетъ своихъ сотоварищей, покупавшихъ, когда они продавали, и ставшихся въ необходимость продавать, по упадкѣ цѣнъ), и вмѣсто этого барыша не пріобрѣли бы они ничего, кромѣ того, что приходится имъ пересчитывать нѣсколько больше лоскутковъ бумаги, чѣмъ прежде.

У Юма эта теорія имѣла нѣсколько иной видъ, чѣмъ у Аттвуда. Онъ думалъ, что не всѣ товары поднимутся въ цѣнѣ одновременно и что потому нѣкоторые люди получатъ дѣйствительный выигрышъ, получивъ за свои проданные товары денегъ больше прежняго, между тѣмъ, какъ еще не всѣ тѣ предметы, которые желаютъ они купить,

поднялись въ цѣнѣ. И кажется, онъ думалъ такъ, что достанется этотъ выигрышъ непремѣнно тѣмъ, кто покончитъ дѣло раньше другихъ. Но очевидно, что на каждаго, получающаго такимъ образомъ больше обыкновеннаго, непремѣнно долженъ приходиться кто нибудь другой, получающій меньше обыкновеннаго. Если бы дѣла шли по гипотезѣ Юма, теряющимъ лицомъ былъ бы продавецъ товаровъ, поднимающихся въ цѣнѣ медленнѣе другихъ: онъ по этой гипотезѣ отдаетъ свои товары за прежнія цѣны покупщикамъ, уже воспользовавшимся новыми цѣнами; онъ получилъ за свой товаръ лишь прежнее количество денегъ, между тѣмъ какъ ужъ есть вещи, которыхъ нельзя купить въ прежнемъ количествѣ за эти деньги. Потому, если онъ знаетъ ходъ дѣла, онъ возвыситъ свою цѣну, и тогда покупщикъ не получитъ барыша, которымъ по гипотезѣ Юма, возбуждается его дѣятельность. Если же, напротивъ, продавецъ не знаетъ положенія дѣлъ и догадается о немъ лишь когда найдетъ при расходованіи своихъ денегъ, что недостаетъ ихъ на прежнія покупки,—если будетъ такъ, то онъ получаетъ за свой трудъ и капиталъ вознагражденіе меньше обыкновеннаго, и если дѣятельность другаго торговца поощряется, то надобно думать, что, по противоположности его обстоятельствъ, его дѣятельность ослабляется.

6. Общее и прочное возвышеніе цѣнъ или, иными словами, упадокъ цѣнности денегъ—не можетъ никому послужить въ выгоду иначе, какъ съ убыткомъ кому нибудь другому. Замѣненіе звонкой монеты бумажными деньгами — выигрышъ для націи: всякое увеличеніе количества бумажныхъ денегъ сверхъ этой границы—только особенный видъ налога.

Выпускъ билетовъ — явный выигрышъ для выпускающихъ лицъ, которыя пользуются билетами, какъ будто билеты эти—дѣйствительный капиталъ, пока не возвращаются къ нимъ на уплату сами билеты: и пока билеты не увеличиваютъ постояннаго количества денегъ, а лишь замѣняютъ равную ихъ суммѣ сумму золота или серебра, выигрышъ лица, выпускающаго билеты, не служитъ убыткомъ никому. Онъ получается чрезъ то, что общество избавляется отъ издержекъ на матеріалъ, который обходится обществу дороже. Но если уже не остается золота или серебра на замѣну билетами, если билетами увеличивается количество денегъ, а не просто замѣняется металлическая часть денегъ, то люди, въ рукахъ которыхъ находятся деньги, теряютъ черезъ упадокъ ихъ цѣнности ровно столько же, сколько выиграетъ выпускающій билеты. Въ сущности дѣла, съ нихъ берется налогъ въ его пользу. Могутъ возразить, что выигрываютъ также производители и торговцы, которые получаютъ ссуды, благодаря вновь выпущеннымъ билетамъ. Но ихъ выигрышъ — не прибавка къ выигрышу, получаемому выпускающимъ билеты лицомъ на счетъ всѣхъ, у кого въ рукахъ были деньги, а составляетъ лишь часть этого выигрыша. Лицо, выпускающее билеты, не оставляетъ у себя, а дѣлитъ съ своими кліентами налогъ, собираемый съ публики.

Все это совершенно справедливо, и мысль о возможности прочной системы бумажныхъ денегъ, не размѣниваемыхъ по первому востребованію на звонкую монету выпустившимъ ихъ учрежденіемъ,—о возможности обезпечивать прочную цѣнность бумажныхъ денегъ чѣмъ бы то ни было, кромѣ звонкой монеты,—эта мысль ни больше ни меньше, какъ чистѣйшіе пустяки.—Но планы выпуска бумажныхъ денегъ въ огромномъ количествѣ имѣютъ еще другое значеніе, кромѣ того, какое показываетъ въ нихъ Милль. Бываютъ и такіе выпуски чрезмѣрнаго количества бумажныхъ денегъ, которые имѣютъ цѣлью одно—покрытіе государственныхъ расходовъ

черезъ эту особенную форму безпроцентнаго займа. Но едва ли найдется хотя одинъ значительный теоретикъ или публицистъ, который защищалъ бы подобные обороты. Но есть многіе замѣчательные теоретики, требующіе такого же выпуска бумажныхъ денегъ совершенно съ иною цѣлью, съ цѣлью употребить эти деньги на совершеніе важныхъ реформъ въ экономическомъ бытѣ страны.

Постройка желѣзныхъ дорогъ, устройство дренажа или орошенія полей въ широкомъ размѣрѣ, забота о развитіи какой нибудь отрасли промышленности, и т. д. и т. д.,—словомъ сказать, всякое улучшеніе, совмѣстное съ коренными принципами нынѣшняго быта, легко можетъ быть произведено безъ всякихъ чрезвычайныхъ мѣръ, каковъ бы ни былъ размѣръ затраты, нужной на него. Обычный ходъ дѣлъ самъ собою доставляетъ по мѣрѣ надобности средства, нужныя для его развитія. Тутъ правительству надобно только захотѣть, надобно только понять пользу дѣла и выставить ее биржевому міру,—онъ или самъ исполнитъ всякое полезное для него дѣло, или обильно снабдитъ правительство деньгами на него.

Но есть улучшенія совершенно иного рода, которыхъ никогда не захотятъ совершить собственными средствами господствующія надъ экономическимъ бытомъ силы. Это—реформы, которыми измѣнялись бы принципы устройства, выгоднаго для нихъ. При малѣйшемъ подозрѣніи, что правительство намѣрено заняться такими реформами, коммерческій міръ тревожится, наступаетъ торговый кризисъ, и деньги исчезаютъ съ биржи. Такъ было во Франціи въ 1848 г.: тогда страхъ и озлобленіе коммерческаго міра были совершенно напрасны: во временномъ правительствѣ господствовали люди, рѣшительно не желавшіе никакихъ важныхъ перемѣнъ въ экономическомъ бытѣ. Но предположимъ, что оно дѣйствительно желало бы совершить какія нибудь перемѣны. На всякое дѣло нужны деньги: на такое большое дѣло, какъ измѣненіе экономическаго быта въ пользу работниковъ и въ невыгоду капиталистамъ, нужно очень много денегъ. Разумѣется, разъ начавшись, дѣло будетъ развиваться собственными средствами, —но чтобы завести его, чтобы дать ему возможность начаться, все-таки нужно очень много денегъ. Это одинъ изъ тѣхъ экстренныхъ случаевъ, которыми оправдывается заключеніе долговъ, требуется поставить на ноги милліоны людей, забитыхъ нуждою, избавить ихъ отъ бѣдственной судьбы. Чтобы прекратить постоянное несчастіе, тяготѣющее надъ массою населенія, на это и долженъ былъ бы поспѣшить кредитъ съ своимъ пособіемъ. Но кредитъ не можетъ пособить тутъ, потому что кредита нѣтъ. Откуда же взять деньги?

Сообразнѣе всего съ экономическою теоріею было бы прямое, откровенное рѣшеніе вопроса, которое рекомендуется теоріею и для всякихъ экстренныхъ государственныхъ расходовъ: взять нужныя для дѣла деньги посредствомъ налога. Такъ, если правительство чувствуетъ себя прочнымъ. Но вспомнимъ, что мы говоримъ о временахъ, подобныхъ 1848 г., и во Франціи, когда правительство едва-едва держалось противъ партій, желавшихъ возвращенія къ старому порядку. Въ этомъ шаткомъ положеніи

приходится лавировать, сообразоваться съ господствующими предубѣжденіями, принимать не тотъ способъ дѣйствія, который самъ по себѣ наилучшій, а тотъ, который произведетъ наименѣе тяжелое впечатлѣніе на общество, хотя въ сущности будетъ тяжело для него. Что дѣлать? Тутъ задача исполняется не такими людьми, которые спокойно могутъ разсчитывать на свою будущность, а такими, жизнь которыхъ виситъ на волоскѣ, и волосокъ этотъ оборвется, непремѣнно оборвется, не нынѣ—завтра оборвется, и погибнетъ съ ними ихъ дѣло, если волосокъ оборвется нынѣ,—во что бы то ни стало, надобно продержаться нынѣшній день, чтобы умѣть хотя что нибудь сдѣлать.—Да, представьте себѣ это положеніе, и вы поймете мысль о неограниченномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ для произведенія коренныхъ реформъ въ устройствѣ экономическаго быта.

Въ нынѣшнемъ году французское правительство должно сдѣлать экстренные расходы на сумму, быть можетъ, равняющуюся всему обыкновенному бюджету. Удвоить налоги? Этого будетъ мало. Удвоенный налогъ даетъ сумму дохода, далеко меньше чѣмъ двойную. Надобно утроить ихъ. Но утроить налоги—какъ тяжело покажется это каждому! А при заключеніи займа, равносильнаго утроенію налоговъ, публика не понимаетъ, что берется съ нея и расходуется точно такое количество продуктовъ, какъ и при установленіи налога,—она не понимаетъ этого, она ропщетъ гораздо меньше или вовсе не ропщетъ, даже остается довольна, даже радуется. Обыкновеннаго займа сдѣлать нельзя по исчезновенію кредита,—остается сдѣлать прикрытый заемъ въ формѣ выпуска бумажныхъ денегъ. Эта форма самая неудобная,—тутъ и спора нѣтъ,—но что жъ дѣлать, когда она одна возможна для совершенія дѣла, которое дороже всего? Нечего жалѣть ничего для улучшенія судьбы народа: salus populi lex suprema esto.

Разсуждая объ этомъ вопросѣ въ спокойныя времена, разсматривая его издали, конечно, разсуждаешь иначе. И мы теперь, когда пишемъ эту статью, разсуждаемъ иначе, и всегда будемъ разсуждать, когда будемъ писать подобныя статьи. Но, господа, мало ли какихъ вещей не оправдываетъ историческая необходимость? Всѣ тѣ эпизоды исторіи, которые называются славными, всѣ тѣ реформы, за которыя благодарятъ наши современники своихъ предковъ,—всѣ они имѣли въ себѣ много, много такого, что гораздо потяжеле слишкомъ большаго выпуска бумажныхъ денегъ. Сладка была бы обязанность вѣрныхъ служителей прогресса, если бы требовала только такихъ отступленій отъ безукоризненной чистой теоріи.

Всякій государственный заемъ есть прикрытый налогъ, и притомъ налогъ болѣе тяжелый, чѣмъ налоги называющіеся этимъ именемъ. Публицисты, предлагавшіе выпускъ бумажныхъ денегъ на совершеніе экономическихъ реформъ, предлагали только одну изъ самыхъ дурныхъ формъ займа,—и разумѣется, предлагали ее вовсе не потому, чтобы не знали, насколько она хуже другихъ формъ, а потому, что предусматривали обстоятельства, при которыхъ всѣ другія формы займа невозможны. Вотъ только и всего.

Бываютъ ли обстоятельства, извиняющія государственный заемъ? По чистой теоріи, такихъ обстоятельствъ не бываетъ. По ней, налогъ всегда

лучше и легче займа. Но если вы, принимая въ соображеніе господствующіе предразсудки, допускаете, что въ практикѣ невозможно иногда правительству не прибѣгать къ займу, то нечего и спорить намъ съ вами о той особенной формѣ займа, которая называется чрезмѣрнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ. Что она дурна, мы въ этомъ не споримъ съ вами. А дозволительна ли она при невозможности другихъ формъ, это зависитъ уже просто отъ вашего взгляда на дѣло, ради котораго дѣлается заемъ: пожертвованіе тутъ велико; но если дѣло стоитъ пожертвованій, люди, не отступавшіе передъ ними оправдываются исторіею.

В. Колебанія цѣнностей и норма цѣнностей.

(милль, кн. III, гл. XIV и XV.)

Мы видѣли, что кредитныя бумаги представляютъ собою только развитіе отношеній, изъ которыхъ возникаетъ звонкая монета. Онѣ только живѣе звонкой монеты исполняютъ ту же самую функцію, какъ она: и какъ она не производитъ никакой перемѣны въ направленіи экономической дѣятельности, только способствуетъ облегченію оборотовъ въ бытѣ, основанномъ на обмѣнѣ, точно такъ же и кредитныя бумаги только еще больше облегчаютъ и развиваютъ эти обороты, не внося въ ихъ сущность ровно ничего новаго. Но какъ при нѣкоторомъ развитіи быта, основаннаго на обмѣнѣ, необходима является звонкая монета, точно такъ же, при болѣе высокомъ его развитіи, необходимо являются кредитныя бумаги. А при высокомъ развитіи такого быта, пріобрѣтаютъ поразительную силу явленія, почти незамѣтныя при слабомъ его развитіи. По обыкновенной иллюзіи поверхностнаго взгляда, смѣшивающей внѣшнюю принадлежность дѣла съ самимъ дѣломъ, симптомъ или форму явленія съ причиною явленія, очень распространенъ предразсудокъ, приписывающій собственно кредитнымъ бумагамъ тѣ феномены, которые достигаютъ громаднаго размѣра только при высокомъ развитіи экономической дѣятельности. Изъ числа этихъ феноменовъ очень занимательны такъ-называемые коммерческіе кризисы. Вотъ краткое извлеченіе изъ отдѣла, посвященнаго Миллемъ разъясненію этихъ экономическихъ землетрясеній, ломающихъ фирмы, разрушающихъ фабрики, оставляющихъ безъ куска хлѣба тысячи бывшихъ богачей и милліоны работниковъ.

При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, человѣкъ пользуется только частью своей покупательной силы, оставляя другую часть ея въ запасѣ. Но если онъ воспользуется ею всею, запросъ на товары увеличится. Это расположеніе пользоваться всею своею покупательною силою является у торговца, когда онъ ждетъ возвышенія цѣны на товаръ по предусматриваемому недостатку снабженія или экстренному увеличенію потребленія: онъ думаетъ при этомъ воспользоваться будущимъ возвышеніемъ цѣны для перепродажи закупленнаго товара. Но отъ самаго увеличенія его закупокъ цѣна товара ростетъ. Увлеченные этимъ, всѣ спекулянты начинаютъ усиленно закупать товаръ, разсчитывая на дальнѣйшее возвышеніе цѣны. Та-

кимъ образомъ, цѣна поднимается до высоты, на которой не можетъ держаться. Замѣтивъ это, спекулянты спѣшатъ продавать закупленный товаръ, цѣна его быстро падаетъ; спекулянтами овладѣваетъ паническій страхъ, они стараются поскорѣе продавать товаръ во что бы то ни стало, пока цѣна не упала еще ниже, и отъ этого цѣна падаетъ чрезвычайно низко. Всѣ, кто не успѣлъ продать своихъ закупокъ очень рано, терпятъ очень большіе убытки и очень многіе разоряются;—то, что происходитъ съ однимъ извѣстнымъ товаромъ, можетъ произойти со всѣми вообще товарами, если спекулянты ожидаютъ общаго возвышенія цѣнъ отъ предполагаемаго какого нибудь особеннаго оживленія торговли. Когда это чрезмѣрное возвышеніе цѣнъ отъ закупокъ на спекуляцію для перепродажи простирается на всѣ товары, то натурально подвергнутся всѣ они и чрезмѣрному упадку цѣнъ. Это называется коммерческимъ кризисомъ.—Очевиднымъ образомъ, дѣло тутъ зависитъ не отъ того, какія формы кредита употребляются, и употребляются ли какія нибудь формы кредита, выпускаются ли или не выпускаются для увеличенія закупокъ новыя суммы кредитныхъ бумагъ,—дѣло зависитъ просто отъ расположенія торговцевъ и спекулянтовъ пользоваться всею своею покупательною силою для чрезвычайнаго увеличенія закупокъ. Если не будутъ выпускаться для этого новыя кредитныя бумаги, увеличеніе покупокъ можетъ точно такъ же произойти посредствомъ покупки подъ простую росписку или по простому внесенію ихъ въ коммерческіе счеты. Если бы необходимо было производить покупки не въ кредитъ, а съ немедленною уплатою звонкою монетою, точно то же могло бы происходить черезъ увеличеніе быстроты въ обращеніи звонкой монеты.—Связь коммерческихъ кризисовъ съ кредитными бумагами въ существѣ дѣла только та, что быстрый ходъ закупокъ въ огромномъ размѣрѣ возможенъ, конечно, только при высокомъ развитіи экономической жизни, основанной на обмѣнѣ, а при такомъ развитіи экономической жизни непремѣнно существуетъ и высокое развитіе кредита, а въ числѣ другихъ его формъ—и высокое развитіе такъ-называемыхъ кредитныхъ бумагъ.

Съ коммерческими кризисами связанъ вопросъ о такъ-называемомъ излишкѣ снабженія. Вотъ какъ разъясняется онъ у Милля.

1. Изложивъ въ предыдущихъ главахъ элементарную теорію денегъ, мы возвратимся къ тому вопросу общей теоріи цѣнности, котораго нельзя было удовлетворительно анализировать, не разъяснивъ сущности и роли денегъ, потому что ошибки, съ которыми намъ придется спорить, возникаютъ главнымъ образомъ изъ невѣрнаго представленія о роли денегъ.

Мы видѣли, что цѣнность каждаго предмета тяготѣетъ къ извѣстной средней точкѣ, которая названа естественною цѣнностью,—къ величинѣ, при которой предметы обмѣниваются между собою пропорціонально стоимости своего производства. Мы видѣли также, что дѣйствительная или рыночная цѣнность совпадаетъ или почти совпадаетъ съ естественною лишь по среднему выводу за нѣсколько лѣтъ, и постоянно поднимается выше или падаетъ ниже естественной цѣнности по перемѣнамъ въ запросѣ или случайнымъ колебаніямъ въ снабженіи; но что эти отклоненія выравниваются тенденціею снабженія приспособляться къ запросу, существующему на товаръ при его естественной

цѣнности. Такимъ образомъ, изъ уравновѣшенія противоположныхъ уклоненій происходитъ общее стремленіе къ одному центру. Дороговизна или недостача, а съ другой стороны излишекъ снабженія или завалъ рынка — явленія, случающіяся со всѣми товарами. При недостачѣ, пока тянется она, товаръ даетъ производителямъ или продавцамъ необыкновенно высокій процентъ прибыли. При завалѣ рынка, продавцы должны довольствоваться прибылью меньше обыкновенной, а въ крайнихъ случаяхъ — подвергаться даже убытку, потому что снабженіе имѣетъ величину больше той, на какую существуетъ запросъ, при цѣнности, дающей обыкновенную прибыль.

Изъ того, что феномену излишка снабженія и возникающей изъ него невыгодѣ или потерѣ для производителей можетъ подвергаться рѣшительно всякій товаръ, многіе писатели, въ томъ числѣ и нѣкоторые знаменитые политико-экономы, заключали, что можетъ подвергаться ему вся сумма товаровъ, что можетъ случаться чрезмѣрность въ общемъ производствѣ богатства, что по всей сложности всѣхъ товаровъ снабженіе можетъ быть больше запроса, имѣя своимъ послѣдствіемъ стѣсненіе для всѣхъ разрядовъ производителей. Противъ этого мнѣнія, главными проповѣдниками котораго были въ Англіи Мальтусъ и докторъ Чомерсъ, а на континентѣ Сисмонди, я уже спорилъ въ первой книгѣ; но въ томъ періодѣ нашего изслѣдованія нельзя было сдѣлать полнаго разбора этой ошибки, происходящей, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ отъ ошибочнаго пониманія феноменовъ цѣнности и цѣны.

Самыя понятія, связываемыя этою теоріею, кажутся мнѣ столь несообразными между собою, что я затрудняюсь найти для нея изложеніе, которое было бы и удовлетворительно для ея защитниковъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ ясно. Держащіеся ея писатели утверждаютъ, что можетъ случаться, и иногда случается, въ общей суммѣ продуктовъ излишекъ надъ запросомъ на продукты; что когда это случается, нельзя бываетъ найти покупщиковъ по цѣнамъ, оплачивающимъ съ прибылью стоимость производства; что изъ этого происходитъ тогда общая низкость цѣнъ или цѣнностей (они вообще смѣшиваютъ оба эти понятія), такъ что производители видятъ себя не богатѣющими, а бѣднѣющими соразмѣрно увеличенію своего производства; и потому докторъ Чомерсъ внушаетъ капиталистамъ, чтобы они подчиняли себя нравственному воздержанію въ исканіи выгоды; а Сисмонди проклинаетъ машины и другія изобрѣтенія, увеличивающія производительную силу. Оба они утверждаютъ, что накопленіе капитала можетъ идти быстрѣе, чѣмъ требуютъ не одни только нравственные, но также и матеріальные интересы производящихъ и накопляющихъ лицъ; и оба они рекомендуютъ богатымъ предотвращать это зло большимъ непроизводительнымъ потребленіемъ.

2. Трудно хорошенько понять, который изъ двухъ элементовъ запроса разумѣютъ эти писатели, когда говорятъ объ излишкѣ снабженія товарами надъ запросомъ, — разумѣютъ ли они желаніе имѣть товары, или средства покупать ихъ; то ли хотятъ сказать они, что при излишкѣ снабженія существуетъ для потребленія больше продуктовъ, чѣмъ сколько желаетъ потреблять общество, или только то, что ихъ больше, чѣмъ сколько могутъ купить желающіе. Не зная, какую изъ этихъ двухъ гипотезъ разумѣютъ Чомерсъ и Сисмонди, мы должны разсмотрѣть обѣ.

Сначала предположимъ, что количество произведенныхъ товаровъ не больше того, какое была бы рада потребить нація; возможно ли въ этомъ случаѣ, чтобы была недостача запроса на всѣ товары по недостатку средствъ уплаты? Люди, считающіе это возможнымъ, не сообразили, въ чемъ собственно состоятъ средства уплаты за товары. Они состоятъ просто въ товарѣ. Средства каждаго къ уплатѣ за товары другихъ людей

состоятъ въ тѣхъ товарахъ, которыми владѣетъ онъ самъ. Всѣ продавцы неизбѣжно и по самому смыслу слова — покупщики. Если бы могли мы вдругъ удвоить производительныя силы страны, мы удвоили бы снабженіе товарами на всѣхъ рынкахъ; но тѣмъ же самымъ удвоили бы мы покупательную силу. Каждый явился бы на рынокъ съ удвоеннымъ снабженіемъ, но и съ удвоеннымъ запросомъ; каждый могъ бы купить вдвое больше, потому что предлагалъ бы въ обмѣнъ вдвое больше прежняго. Конечно, по всей вѣроятности въ нѣкоторыхъ товарахъ былъ бы излишекъ. Общество рало было бы удвоить общую сумму своего потребленія, но нѣкоторыхъ товаровъ оно можетъ быть уже имѣло и прежде столько, что больше ему не нужно; и оно, вмѣсто того, чтобы удвоить потребленіе ихъ, захотѣло бы употреблять другихъ товаровъ больше, чѣмъ вдвое, или обратить свою увеличившуюся покупательную силу на новые предметы. Въ этомъ случаѣ приспособилось бы къ тому снабженіе, и цѣнности предметовъ продолжали бы быть сообразны съ стоимостью производства. А во всякомъ случаѣ, чистая нелѣпость—говорить, что цѣнность всѣхъ предметовъ упадетъ, и что поэтому всѣ производители будутъ получать вознагражденіе недостаточное. Если цѣнности остаются прежнія, то перемѣны цѣнъ не важны, потому что вознагражденіе производителей опредѣляется не тѣмъ, сколько денегъ, а тѣмъ, сколько потребляемыхъ вещей получаютъ они за свои товары. Притомъ же и деньги также—товаръ; если мы предположили, что количество всѣхъ товаровъ удвоилось, значитъ мы предположили, что удвоилось также и количество денегъ; а въ такомъ случаѣ не упадутъ и цѣны, какъ не падаютъ цѣнности.

3. Мы видимъ, что общій излишекъ снабженія всѣми товарами надъ запросомъ—невозможность, если запросъ состоитъ въ средствахъ уплаты. Но, быть можетъ, предположатъ недостачу не въ средствахъ покупать, а въ желаніи имѣть; предположатъ, что общій продуктъ промышленности больше того, сколько желаетъ потреблять общество или по крайней мѣрѣ та часть общества, которая имѣетъ средства покупать. Дѣло очевидное, что рынкомъ для продукта служитъ продуктъ и что страна имѣетъ довольно богатства на покупку всего находящагося въ ней богатства; но у кого есть средства, у тѣхъ можетъ не быть надобности, а у кого есть надобность, у тѣхъ можетъ не быть средствъ. Потому часть произведенныхъ товаровъ можетъ не найти себѣ рынка по недостатку средствъ у тѣхъ, которые желаютъ потреблять, и по недостатку желанія у тѣхъ, которые имѣютъ средства.

Вотъ самая благовидная форма, которую можно придать мнѣнію, нами оспариваемому; въ ней оно уже не представляется, какъ въ прежней формѣ, логическою несообразностью. Въ дѣйствительности легко можетъ быть извѣстнаго товара больше, чѣмъ желаютъ имѣть люди, могущіе покупать, а въ теоріи возможно предположить это относительно всѣхъ товаровъ. Ошибка происходитъ оттого, что не замѣчаютъ одного обстоятельства: лица, могущія покупать, предполагаются *имѣющими* все, какое хотятъ имѣть, количество всѣхъ потребляемыхъ товаровъ; это можно предположить; но тотъ фактъ, что они продолжаютъ производить свой товаръ, показываетъ, что они еще *не имѣютъ* такого количества товаровъ. Возьмемъ благопріятнѣйшую для опровергаемой нами теоріи гипотезу: предположимъ неразмножающееся общество, каждый членъ котораго имѣетъ столько предметовъ необходимости и всѣхъ извѣстныхъ предметовъ роскоши, сколько ему хочется имѣть. Нелѣпостью было бы думать, что лица, потребности которыхъ вполнѣ удовлетворены, станутъ трудиться и сберегать, чтобы получить вещи, которыхъ они не желаютъ. Предположимъ же, что прибылъ иностранецъ,

и что онъ производитъ прибавочное количество какого нибудь продукта, котораго уже и безъ того было довольно. „Вотъ тутъ и будетъ, скажутъ намъ, излишекъ производства“.—Правда, отвѣчаю я:—излишекъ производства этого отдѣльнаго товара; обществу ненужно было увеличивать количество этого товара, но нужно было увеличить количество какого нибудь другаго товара. Прежнимъ жителямъ не нужно было ничего, я согласенъ; но не было ли чего нужно самому иностранцу? Производя излишній товаръ, развѣ онъ работалъ безъ какого нибудь побужденія? Онъ только произвелъ не то, что было нужно. Быть можетъ, ему нужна была пища, а онъ производилъ часы, которыми всѣ были достаточно снабжены. Этотъ пріѣзжій принесъ въ страну съ собою запросъ на товары, равный всему, что могъ онъ произвести своимъ трудомъ, и ему слѣдовало сообразить, чтобы внесенное имъ снабженіе соотвѣтствовало этому запросу. Если онъ не могъ произвести чего нибудь способнаго возбудить новую потребность или новое желаніе въ обществѣ, чтобы для удовлетворенія этого желанія кто нибудь произвелъ больше пищи и далъ ему ее въ обмѣнъ продукта, у него была другая возможность: онъ могъ произвести пищу для себя, или распахавъ новую землю, если есть незанятая земля, или сдѣлавшись фермеромъ, или товарищемъ, или работникомъ какого нибудь прежняго хозяина, желающаго нѣсколько облегчиться отъ труда. Онъ произвелъ ненужную вещь, вмѣсто нужной вещи; да можетъ быть и самъ онъ—производитель не того рода, какой нуженъ; но излишка производства тутъ нѣтъ: производство не чрезмѣрно, а лишь дурно размѣщено. Мы уже видѣли, что каждый, кто приноситъ на рынокъ прибавку къ товарамъ, приноситъ прибавку къ покупательной силѣ; теперь мы видимъ, что онъ приноситъ также прибавку и къ желанію потреблять; потому что, не имѣя этого желанія, онъ не сталъ бы и утруждать себя производствомъ. Такимъ образомъ, когда есть прибавка къ снабженію, то не можетъ быть недостачи ни въ томъ, ни въ другомъ изъ двухъ элементовъ запроса,—хотя очень можетъ быть, что запросъ существуетъ на одинъ предметъ, а снабженіе состоитъ, по несчастію, изъ другаго.

Сбитый со всѣхъ пунктовъ, противникъ, можетъ быть, скажетъ, что есть люди, производящіе и накопляющіе просто лишь по привычкѣ, не потому, чтобы имѣли какую-нибудь цѣль въ увеличеніи своего богатства, чтобы желали въ чемъ нибудь увеличить свое потребленіе, а по силѣ косности, vis inertiae. Они продолжаютъ производить потому, что машина ужъ заведена; они сберегаютъ и снова пускаютъ въ дѣло свои сбереженія, потому что ни на что не хочется имъ тратить ихъ. Я согласенъ, что это возможно и что у нѣкоторыхъ немногихъ людей оно, вѣроятно, такъ и бываетъ; но эти случаи нимало не колеблютъ нашего вывода. Что дѣлаютъ эти люди съ своими сбереженіями? Они употребляютъ ихъ на производство, т. е. расходуютъ ихъ на занятіе труда. Иными словами, имѣя у себя покупательной силы больше, чѣмъ сколько умѣютъ употребить на себя, они передаютъ этотъ излишекъ въ общую пользу рабочаго класса. А развѣ рабочій классъ тоже не сумѣетъ употребить ее на себя? Развѣ предполагать намъ, что его потребности также уже совершенно удовлетворены и онъ продолжаетъ работать только по привычкѣ? Пока этого еще нѣтъ, пока рабочій классъ еще не достигъ этой черты насыщенія, не будетъ недостатка въ запросѣ на продуктъ капитала, съ какою быстротою ни накоплялся бы капиталъ: онъ до той поры всегда найдетъ себѣ занятіе въ производствѣ предметовъ необходимости или роскоши для рабочаго класса, если ужъ не на что идти ему, кромѣ этого. А когда и рабочій классъ тоже не будетъ имѣть желанія увеличивать потребленіе ни предметовъ необходимости, ни предметовъ роскоши, онъ воспользуется всякимъ дальнѣйшимъ возрастаніемъ рабочей платы для уменьшенія

своей работы; такъ что излишекъ производства, который лишь тутъ въ первый разъ становился бы возможенъ по теоріи, не могъ бы и тогда явиться фактически — по недостатку работниковъ. Слѣдовательно, въ какомъ бы видѣ ни представляли мы себѣ теорію общаго излишка въ производствѣ, хотя бы мы дошли до крайняго предѣла въ придумываніи благопріятнѣйшей для нея гипотезы, все-таки эта теорія оказывается нелѣпостью.

4. Чѣмъ же приведены были къ принятію такого нераціональнаго мнѣнія люди, столь много размышлявшіе объ экономическихъ феноменахъ и даже способствовавшіе своими оригинальными идеями пролитію новаго свѣта на нихъ? Мнѣ кажется, что они были введены въ эту ошибку ошибочнымъ пониманіемъ нѣкоторыхъ торговыхъ фактовъ. Имъ представлялось, будто возможность излишка въ общей суммѣ снабженія товара доказывается опытомъ. Они думали, что видятъ этотъ феноменъ въ извѣстныхъ состояніяхъ рынка, истинное объясненіе которыхъ совершенно иное.

Я уже описывалъ положеніе товарныхъ рынковъ, какимъ сопровождается такъ-называемый коммерческій кризисъ. Въ такія эпохи дѣйствительно бываетъ излишекъ всѣхъ товаровъ надъ денежнымъ запросомъ; иными словами, — бываетъ недостача снабженія деньгами. Отъ внезапнаго уничтоженія значительной массы кредита никому не хочется разставаться съ наличными деньгами, а много бываетъ людей, хлопотливо старающихся достать ихъ съ какимъ угодно пожертвованіемъ. Потому почти каждый становится продавцомъ, а покупщиковъ почти нѣтъ: такъ-что дѣйствительно можетъ являться (впрочемъ только на время кризиса) чрезвычайный общій упадокъ всѣхъ цѣнъ, рождающійся отъ завала рынковъ товарами или, что тоже, отъ дороговизны денегъ. Но совершенная ошибка — предполагать съ Сисмонди, что коммерческій кризисъ происходитъ отъ общаго излишка производства. Онъ происходитъ просто отъ излишка спекулятивныхъ покупокъ. Тутъ не постепенно приближаются низкія цѣны, а внезапно падаютъ цѣны, сумасбродно высокія; непосредственною причиною кризиса бываетъ сокращеніе кредита, и исцѣляется онъ не уменьшеніемъ снабженія, а возстановленіемъ довѣрія. Очевидно также, что это временное разстройство рынковъ бываетъ бѣдствіемъ лишь потому, что оно временное. Тутъ падаютъ лишь денежныя цѣны: и если бы онѣ не поднимались потомъ вновь, ни одинъ торговецъ не потерпѣлъ бы убытка, потому что и уменьшившаяся цѣна имѣла бы для него такую же стоимость, какъ прежде имѣла большая цѣна. Этотъ феноменъ рѣшительно непохожъ на картину, въ какой изображаются Чомерсомъ и Сисмонди бѣдствія излишка производства. Постоянное ухудшеніе состоянія производителей по недостатку рынковъ, воображаемое этими знаменитыми политико-экономами, — такая мысль, которая нимало не доказывается сущностью коммерческихъ кризисовъ.

Другимъ основаніемъ для мнѣнія объ общемъ излишкѣ богатства и объ излишествѣ накопленія служитъ по моему мнѣнію фактъ, болѣе постоянный, — естественное паденіе прибыли и процентовъ при увеличеніи населенія и производства. Причина этого упадка прибыли — увеличеніе издержекъ на содержаніе труда: а это увеличеніе происходитъ оттого, что населеніе и запросъ на пищу растутъ быстрѣе, чѣмъ идетъ земледѣльческое улучшеніе. Эта важная черта экономическаго процесса націй будетъ нами подробно разсмотрѣна и обсуждена ниже (кн. IV, гл. 4). Очевидно, что этотъ фактъ — совершенно иная вещь, чѣмъ недостатокъ рынка для товаровъ, хотя часто и смѣшивается съ нимъ въ жалобахъ производительныхъ и промышленныхъ классовъ. Истинное понятіе о нынѣшнемъ состояніи общественнаго быта таково, что можно было бы вести

промышленные обороты въ чрезвычайно громадномъ размѣрѣ, если довольствоваться малою прибылью; но даже люди, покоряющіеся современной необходимости, ропщутъ на эту необходимость и желаютъ, чтобы уменьшилось количество капитала, или, по ихъ выраженію, уменьшилось соперничество, чтобы возможно стало получать больше прибыли. Но низкость прибыли совершенно иная вещь, чѣмъ недостатокъ запроса: то производство и накопленіе, отъ котораго только уменьшается прибыль, не можетъ быть названо излишкомъ снабженія или производства. Истинный характеръ этого феномена, его послѣдствія и границы, превышать которыхъ онъ не можетъ, мы увидимъ, когда будемъ разсматривать вопросъ о пониженіи прибыли.

Кромѣ этихъ двухъ, я не знаю ни одного экономическаго факта, который могъ бы подавать собою поводъ къ мнѣнію, что существовалъ или существуетъ когда нибудь въ дѣйствительности общій излишекъ производства товаровъ. Я убѣжденъ, что въ коммерческихъ дѣлахъ нѣтъ ни одного случая, который для своего объясненія нуждался бы въ этой химерической гипотезѣ.

Дѣло это имѣетъ коренную важность; изъ различія во взглядахъ на него происходятъ коренныя разницы въ политико-экономическихъ системахъ, особенно съ практической стороны. При одномъ взглядѣ, намъ будетъ нужно думать лишь о томъ, какъ сочетать достаточное производство съ наилучшимъ возможнымъ распредѣленіемъ; при другомъ взглядѣ, надобно думать еще о третьемъ элементѣ, о томъ, какъ создать рынокъ для продукта, или какъ ограничить производство по размѣру рынка. Мало того, теорія, столь нелогическая, непремѣнно должна вносить спутанность въ самые основные принципы предмета и отнимать всякую возможность яснаго пониманія очень многихъ изъ числа сложныхъ экономическихъ явленій общественной жизни. Мнѣ кажется, что отъ этой ошибки три великихъ политико-экономa, о которыхъ я упоминалъ,— Мальтусъ, Чомерсъ и Сисмонди построили свои системы ошибочнымъ образомъ; каждый изъ нихъ превосходно понималъ и разъяснилъ нѣкоторыя изъ элементарныхъ теоремъ политической экономіи; но это основное недоразумѣніе, какъ туманъ, закрыло отъ нихъ многосложнѣйшіе отдѣлы науки, совершенно затемнивъ ихъ передъ ними. Еще болѣе сбиваются и смущаются этимъ спутаннымъ представленіемъ въ своихъ соображеніяхъ люди не столь великаго ума. Справедливость требуетъ сказать, что заслуга истиннаго разъясненія этого чрезвычайно важнаго дѣла болѣе всего принадлежитъ двумъ знаменитымъ людямъ: на континентѣ проницательному Жану Батисту Сэ, а въ Англіи — Джемсу Миллю, который убѣдительно изложилъ это дѣло въ своей „Элементарной политической экономіи“, а прежде того съ замѣчательной силою и ясностью представилъ правильный взглядъ на дѣло въ памфлетѣ, написанномъ по случаю тогдашнихъ споровъ, подъ названіемъ „Защита Торговли“ (Commerce Defended); съ этого сочиненія началась его извѣстность, и онъ тѣмъ болѣе дорожилъ имъ, что чрезъ него пріобрѣлъ дружбу Рикардо,—дружбу, которая была для него самою дорогою и самою тѣсною во всю его жизнь.

Все, что говоритъ Милль,—чистая правда. Но неужели такіе люди, какъ Сисмонди и Мальтусъ, не умѣли понимать того, что называется коммерческимъ кризисомъ? Они дошли до мысли, рѣшительно ошибочной, и когда, для отвращенія бѣдствій коммерческихъ кризисовъ, они упрашиваютъ богачей увеличивать непроизводительное потребленіе, они доходятъ до нелѣпости, изумляющей своей колоссальностью. Неужели они могли бы избавиться отъ своего страннаго заблужденія такимъ простымъ соображе-

ніемъ, какъ мысль о происхожденіи коммерческаго кризиса изъ чрезмѣрныхъ спекулятивныхъ закупокъ?—Но вѣдь это соображеніе навѣрное было имъ очень хорошо знакомо. Какъ же могли удержаться въ такихъ головахъ такія нелѣпости, какія опровергаются Миллемъ?—Дѣло въ томъ, что Милль останавливается только на одной коммерческой сторонѣ процесса, не считая нужнымъ упомянуть о его вліяніи на производство и потребленіе. Въ первой половинѣ дѣла, когда цѣны ростутъ, производители, надѣясь на чрезвычайно выгодный и легкій сбытъ, усиливаютъ свою дѣятельность точно такимъ же необычайнымъ образомъ, какъ усиливаются закупки. Въ два, въ три мѣсяца фабрики изготовляютъ столько товаровъ, сколько изготовляется при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ въ полгода. Но вѣдь сбытъ усиливается возрастаніемъ только спекулятивныхъ закупокъ, а не самого потребленія; оно, напротивъ, быть можетъ, даже уменьшается, по чрезмѣрной дороговизнѣ. Что же бываетъ съ производствомъ, когда цѣны начинаютъ падать?—Въ предшествующій періодъ заготовлено товаровъ въ три мѣсяца на полгода; ясно, что производство должно было бы остановиться на три мѣсяца, чтобы запасы уменьшены были до обыкновеннаго размѣра обыкновеннымъ потребленіемъ. Но потребленіе въ эпоху кризиса, несмотря на упадокъ цѣнъ, бываетъ меньше обыкновеннаго, потому что у всѣхъ разстроены денежныя дѣла. Отъ этого чрезмѣрные запасы еще дольше остаются непотребленными. А пока они не потреблены, не уменьшились до обыкновеннаго размѣра, новое производство не находитъ себѣ сбыта. —Такимъ образомъ, съ коммерческимъ кризисомъ всегда бываетъ соединенъ промышленный, во время котораго ослабѣваетъ производство, по излишеству сдѣланныхъ запасовъ и недостатку сбыта. Вотъ этою стороною дѣла и были смущены Мальтусъ, Чомерсъ, Сисмонди. – Милль совершенно правъ, доказывая противъ нихъ, что производство не можетъ превышать потребностей человѣка, что капиталъ (то есть, часть продуктовъ, употребляемая на новое производство) не можетъ возрастать слишкомъ быстро, что съ какою быстротою ни возрасталъ бы онъ, всегда можно было бы желать еще быстрѣйшаго возрастанія, потому что всегда нашлось бы ему нужное занятіе и т. д., —все это совершенная правда, и въ словахъ Мальтуса, Чомерса, Сисмонди находится противорѣчіе съ неопровержимыми принципами экономической теоріи. Но это противорѣчіе произошло только оттого, что Сисмонди и Мальтусъ остановились на половинѣ пути, не доискались до коренныхъ фактовъ, порождающихъ въ самой дѣйствительности противорѣчіе съ экономическою теоріею.

Теорія предполагаетъ, что производство ведется по разсчету сбыта на потребленіе; въ такомъ случаѣ, производство никогда не можетъ оказываться чрезмѣрнымъ. Но что, если въ дѣйствительности отъ сбыта на потребленіе отдѣляется сбытъ на спекуляцію, на перепродажу, и если производство регулируется этимъ послѣднимъ видомъ сбыта? Тогда, при всякомъ отклоненіи въ размѣрѣ сбыта на спекуляцію отъ сбыта на потребленіе, будетъ оказываться несоразмѣрность производства съ потребленіемъ, и мы видѣли, какъ это происходитъ въ дѣйствительности. Потребленіе по своей натурѣ наклонно имѣть величину постоянную,—оно расположено

имѣть довольно медленный и постепенный ходъ какъ въ случаяхъ возрастанія, такъ и въ случаяхъ уменьшенія. Къ такому ходу производство могло бы приспособляться очень удобно, такъ-что не оказывалось бы значительной разницы между количествомъ производимыхъ и количествомъ сбываемыхъ продуктовъ. Но спекуляція расположена, по своей натурѣ, стремиться къ чрезмѣрнымъ крайностямъ. Она получаетъ выгоду отъ разности между нынѣшнею и завтрашнею цѣною; чѣмъ больше эта разница, тѣмъ пригоднѣе она для спекуляціи. Потому спекуляція идетъ порывистыми движеніями, все рвется къ чрезмѣрному расширенію и потомъ падаетъ отъ недостатка силъ поддержать свой стремительный порывъ. Регулируясь ею, производство также увлекается работать не по разсчету потребленія, опережать размѣръ сбыта на дѣйствительное потребленіе. Отъ этого происходитъ періодическій излишекъ производства надъ потребленіемъ, ведущій къ остановкѣ въ производствѣ.

Значитъ ли это, что люди могутъ наработать больше продуктовъ, чѣмъ было бы въ самомъ дѣлѣ нужно для нихъ, чѣмъ могли они или желали бы потребить? Говоря вообще, о всей массѣ продуктовъ,—нѣтъ, вовсе не значитъ. Своими стремительными порывами въ періоды чрезмѣрныхъ спекулятивныхъ закупокъ, предшествующихъ кризису, производство достигаетъ излишка не сравнительно съ потребностями человѣка въ продуктахъ, а только сравнительно съ обыкновеннымъ умѣреннымъ своимъ ходомъ, по которому образуется обычный размѣръ потребленія. Если бы производство долго пошло въ этомъ усиленномъ размѣрѣ, потребленіе развилось бы соразмѣрно ему, и отъ этого люди только выиграли бы. Но вѣдь усиленіе производства произошло лишь отъ минутнаго порыва спекуляціи, которая тотчасъ же и падаетъ, не давъ потребленію приспособиться къ этому усиленному размѣру. Усиленный потокъ производства не успѣлъ еще дойти до области потребленія, какъ онъ уже сжимается, сохнетъ, по безсилію спекуляціи питать его долгое время.

Такимъ образомъ, производство, которое никогда не можетъ превышать размѣра человѣческихъ потребностей, можетъ по временамъ превышать обычный уровень потребленія, и неминуемымъ слѣдствіемъ такого чрезмѣрнаго усилія, вызываемаго не развитіемъ самого потребленія, а только спекуляціею, бываетъ временный упадокъ производства, остановка работъ. Корень этого бѣдствія заключается въ отдѣленіи покупательной силы отъ производства и потребленія, то есть ни меньше, ни больше, какъ то, что называется у насъ торговлею въ отдѣльности отъ занятій, чисто производительныхъ.

Коммерческій кризисъ представляетъ собою крайность, до которой дѣло доходитъ лишь по временамъ, въ сроки, обыкновенно отдѣляющіеся другъ отъ друга нѣсколькими годами. Но если экономическая жизнь общества основана на торговлѣ, то въ меньшемъ размѣрѣ непрерывно идетъ тотъ же самый процессъ поочередной смѣны чрезмѣрнаго возвышенія цѣнъ съ соотвѣтственнымъ усиленіемъ производства и чрезмѣрнаго упадка цѣнъ съ ослабленіемъ производства. Дѣйствительно, мы знаемъ, что кромѣ постепеннаго возрастанія или уменьшенія отъ перемѣнъ въ стоимости труда,

кромѣ этого медленнаго измѣненія натуральной или средней цѣнности товара, мѣновая цѣнность каждаго товара безпрерывно колеблется на рынкѣ, если экономическая жизнь страны идетъ довольно дѣятельно. Эти непрерывныя колебанія возбуждаютъ вопросъ: неужели же нѣтъ для цѣнностей никакой общей нормы, которая могла бы ихъ измѣрять довольно прочнымъ образомъ?—Взглядъ господствующей теоріи на этотъ вопросъ изложенъ у Милля довольно подробно:

Много спорили между собою политико-экономы о мѣрѣ цѣнности. Вопросу этому придавали больше важности, чѣмъ онъ стоитъ, и разсужденія о немъ послужили однимъ изъ главныхъ поводовъ къ упреку въ логомахіи, — упреку, который очень утрированно, но не совершенно безосновательно дѣлаютъ политико-экономамъ. Но все-таки необходимо коснуться этого предмета, хотя бы затѣмъ, чтобы показать, какъ мало можно сказать о немъ.

Мѣра цѣнности, по обыкновенному смыслу слова „мѣра“, должна означать какую нибудь вещь, по сравненію съ которой можно опредѣлять цѣнность всѣхъ остальныхъ вещей. А самая цѣнность—явленіе относительное, и для него необходимы двѣ вещи, независимо отъ третьей вещи, которою мы хотимъ измѣрять ихъ; сообразивъ это, мы должны сказать, что мѣра цѣнности—такая вещь, сравнивая съ которой двѣ другія вещи, мы можемъ находить цѣнность этихъ двухъ вещей по отношенію одной изъ нихъ къ другой.

Въ этомъ смыслѣ мѣрою цѣнности въ данное время, въ данномъ мѣстѣ можетъ служить всякій товаръ: зная пропорцію, по какой двѣ вещи обмѣниваются на какую нибудь третью вещь, мы всегда можемъ вывесть изъ этого, въ какой пропорціи обмѣниваются онѣ другъ на друга. Служить удобною мѣрою цѣнности — одна изъ функцій товара, который выбранъ орудіемъ обмѣна. На этотъ товаръ обыкновенно опредѣляются цѣнности всѣхъ другихъ предметовъ. Мы говоримъ, что одинъ предметъ стоитъ два фунта, а другой—три фунта; изъ этого уже и безъ особеннаго опредѣленія извѣстно, что первый предметъ стоитъ двухъ третей другаго предмета, или что они обмѣниваются между собою въ пропорціи 2 къ 3. Деньги вполнѣ служатъ мѣрою цѣнности.

Но политико-экономы желаютъ отыскать мѣру, которой опредѣлялась бы не цѣнность вещей, находящихся одновременно въ одномъ мѣстѣ, а цѣнность одной вещи въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ; найти предметъ, по сравненію съ которымъ было бы видно, больше или меньше цѣнности имѣетъ какая нибудь вещь нынѣ, чѣмъ 100 лѣтъ назадъ въ Англіи, или въ Англіи, чѣмъ въ Америкѣ или Китаѣ. И для этого деньги или всякій другой товаръ могутъ служить точно такъ же, какъ для опредѣленія цѣнностей предметовъ въ одномъ мѣстѣ въ данное время; для этого нужно лишь имѣть точно такія же данныя, нужно имѣть для сравненія съ мѣрою не одинъ товаръ, а два товара или нѣсколько товаровъ (потому что изъ одного товара безъ другаго не возникаетъ понятіе цѣнности). Если квартеръ пшеницы стоитъ нынѣ 40 шиллинговъ и баранъ тоже 40 шиллинговъ, а при Генрихѣ II квартеръ пшеницы стоилъ 20 шиллинговъ, баранъ 10 шиллинговъ, мы видимъ, что квартеръ пшеницы стоилъ тогда двухъ барановъ, а нынѣ стоитъ лишь одного барана и слѣдовательно баранъ, по оцѣнкѣ на пшеницу, стоитъ нынѣ вдвое больше, чѣмъ при Генрихѣ II; и такой выводъ совершенно независимъ отъ цѣнности денегъ въ эти два періода по отношенію къ этимъ двумъ товарамъ (относительно которыхъ цѣнность денегъ вѣроятно

понизилась), или по отношенію къ другимъ товарамъ (относительно которыхъ нѣтъ надобности и упоминать, повысилась ли или понизилась денежная ихъ цѣнность).

Но писатели, разсуждавшіе объ этомъ предметѣ, желали повидимому найти средство опредѣлять цѣнность товара простымъ сравненіемъ его съ мѣрою цѣнности, безъ сравненія его съ какимъ нибудь другимъ товаромъ. Они желали возможности опредѣлять по одному тому факту, что квартеръ пшеницы стоитъ 40 шиллинговъ, а прежде стоилъ 20, измѣнилась ли и насколько измѣнилась цѣнность пшеницы, — опредѣлять это, не выбирая для сравненія съ пшеницею никакого другаго предмета, какъ мы брали барана; они желали знать не то, какъ измѣнилась цѣнность пшеницы относительно барана, а то, какъ она измѣнилась относительно всѣхъ предметовъ вообще.

Первымъ препятствіемъ этому служитъ неизбѣжная неопредѣленность понятія всеобщей мѣновой цѣнности, цѣнности — не по сравненію съ извѣстнымъ товаромъ, а съ товарами вообще. Еслибъ мы и знали съ точностью, на какое количество всякой продажной вещи въ отдѣльности обмѣнивался въ извѣстное историческое время квартеръ пшеницы, еслибъ мы и узнали, что нынѣ покупается за него извѣстныхъ вещей больше прежняго, а другихъ меньше прежняго, все-таки часто не умѣли бы мы сказать, поднялась или упала цѣнность пшеницы относительно всѣхъ товаровъ вообще. Еще гораздо менѣе возможности рѣшить это, зная перемѣну цѣнности пшеницы лишь относительно мѣры цѣнности. Чтобы денежная цѣна вещи въ двухъ разныхъ періодахъ могла служить мѣрою общаго количества товаровъ, обмѣниваемаго за эту вещь, нужно было бы, чтобы извѣстная сумма денегъ соотвѣтствовала въ обоихъ періодахъ одинаковому количеству предметовъ вообще, то есть, чтобы деньги всегда имѣли одинаковую мѣновую цѣнность, одинаковую общую покупательную силу. А въ дѣйствительности ни деньги, никакой другой товаръ не имѣютъ такой неизмѣнности, и нельзя даже предположить такихъ обстоятельствъ, при которыхъ была бы такая неизмѣнность.

Мы видимъ изъ этого, что мѣра мѣновой цѣнности невозможна; и писатели, говорившіе о ней, сформировали себѣ подъ словами „мѣра цѣнности“ понятіе, которое вѣрнѣе будетъ назвать „мѣрою стоимости производства“. Они вообразили товаръ, неизмѣнно производимый всегда одинаковымъ количествомъ труда; къ этому условію необходимо прибавить другое, чтобы употребляемый на производство основной капиталъ оставался въ неизмѣнной пропорціи къ рабочей платѣ за непосредственный трудъ, и всегда имѣлъ одну и ту же прочность; словомъ сказать, чтобы одинаковая сумма капитала затрачивалась на одинаковое время, такъ чтобы оставался неизмѣннымъ не одинъ тотъ элементъ цѣнности, который состоитъ изъ рабочей платы, но и тотъ, который состоитъ изъ прибыли. Мы имѣли бы тогда товаръ, всегда производимый въ одномъ и томъ же сочетаніи всѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ постоянная цѣнность. Мѣновая цѣнность такого товара никакъ не была бы неизмѣнною. Не считая временныхъ колебаній отъ перемѣнъ въ снабженіи и запросѣ, мы видимъ, что постоянная мѣновая цѣнность его измѣнялась бы отъ каждой перемѣны въ условіяхъ производства тѣхъ вещей, на которыя онъ обмѣнивается. Но еслибы существовалъ такой товаръ, онъ давалъ бы намъ ту пользу, что при всѣхъ перемѣнахъ цѣнности другихъ вещей сравнительно съ нимъ, мы знали бы, что причина перемѣны не въ немъ, а въ другихъ вещахъ. Мѣрою цѣнности другихъ вещей онъ все-таки не годился бы служить, но годился бы служить мѣрою стоимости ихъ производства. Если постоянная покупательная сила извѣстной вещи по отношенію къ этому неизмѣнному товару увеличивается, это

значило бы, что стоимость ея производства увеличивается; а въ противномъ случаѣ стоимость ея производства уменьшается. Говоря о мѣрѣ цѣнности, политико-экономы вообще разумѣли эту мѣру стоимости.

Но если эту мѣру цѣнности очень возможно представить себѣ теоретически, то въ дѣйствительности не можетъ быть ея, точно такъ же, какъ и мѣры мѣновой цѣнности. Нѣтъ такого товара, стоимость производства котораго была бы неизмѣнна. У золота и у серебра она мѣняется меньше, чѣмъ у другихъ товаровъ, но и у нихъ она измѣняется отъ истощенія прежнихъ источниковъ снабженія, отъ открытія новыхъ и отъ улучшеній въ способѣ добыванія. Если мы станемъ опредѣлять перемѣны въ стоимости производства извѣстнаго товара по перемѣнамъ въ его денежной цѣнѣ, то выводъ нужно будетъ по возможности исправлять по соображеніямъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ стоимости производства самыхъ денегъ.

Адамъ Смитъ воображалъ, что есть два товара, особенно пригодные служить мѣрою цѣнности: хлѣбъ и трудъ. О хлѣбѣ онъ говорилъ, что цѣнность его сильно измѣняется съ года на годъ, но мало измѣняется изъ столѣтія въ столѣтіе. Теперь мы знаемъ, что это—ошибка: стоимость производства хлѣба имѣетъ тенденцію подниматься съ размноженіемъ населенія и падать отъ земледѣльческихъ улучшеній въ самой странѣ или въ заграничныхъ земляхъ, изъ которыхъ беретъ она часть своего снабженія. Предполагаемая неизмѣнность стоимости производства хлѣба требуетъ, чтобы сохранялось полное равновѣсіе между этими противоположными силами, равновѣсіе, которое бываетъ лишь случайно, если бываетъ когда нибудь. — О трудѣ, какъ мѣрѣ цѣнности, Адамъ Смитъ не вездѣ выражается одинаково. Иногда онъ говоритъ, что трудъ хорошая мѣра лишь для короткихъ періодовъ, что цѣнность труда (или рабочей платы) мало мѣняется съ году на годъ, много мѣняясь изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ другихъ мѣстахъ онъ выражается такъ, какъ будто трудъ, по самой сущности вопроса, удобнѣйшая мѣра цѣнности, потому что обыкновенная поденная мускульная работа одного мужчины можетъ считаться равной для него всегда одинаковому усилію или пожертвованію. Но эта мысль, правильная или неправильная сама по себѣ все равно, совершенно устраняетъ понятіе мѣновой цѣнности, замѣняя его совершенно инымъ понятіемъ, болѣе похожимъ на внутреннюю цѣнность. Если за день труда въ Америкѣ покупается вдвое больше обыкновенныхъ предметовъ потребленія, чѣмъ въ Англіи, то напрасною тонкостью будетъ доказываніе, что въ той и въ другой странѣ трудъ имѣетъ одинаковую цѣнность, и что различна въ нихъ цѣнность не труда, а другихъ предметовъ. Справедливо будетъ сказать, что въ этомъ случаѣ трудъ и на рынкѣ, и для самаго работника имѣетъ въ Америкѣ вдвое больше цѣнности, чѣмъ въ Англіи.

Если бы цѣлью нашею было найти приблизительную мѣру для оцѣнки внутренней цѣнности, то вѣроятно лучше всего было бы принять мѣрою суточное продовольствіе средняго человѣка, высчитанное на обыкновенную пищу, потребляемую классомъ чернорабочихъ. Если въ Америкѣ работникъ продовольствуется фунтомъ маисовой муки въ день, то цѣнность каждаго предмета опредѣлялась бы числомъ фунтовъ маисовой муки, за какое онъ обмѣнивается. Если извѣстная вещь сама или покупаемыми за нее вещами можетъ дать суточное продовольствіе работнику, а другая даетъ ему недѣльное продовольствіе, справедливо будетъ сказать, что вторая вещь для обыкновенныхъ человѣческихъ нуждъ имѣетъ цѣнность въ семь разъ больше первой вещи. Но черезъ это не измѣрялась бы важность, какую самъ владѣлецъ вещи придаетъ ей по своимъ мыслямъ,—важность, которая можетъ до неопредѣленной пропорціи быть больше (и не

можетъ быть меньше) той важности, какую имѣетъ количество пищи, покупаемое на эту вещь.

Понятіе мѣры цѣнности не должно смѣшивать съ понятіемъ регулирующаго принципа цѣнности или условій, опредѣляющихъ цѣнность. Когда Рикардо и другіе политико-экономы говорятъ, что цѣнность вещи опредѣляется количествомъ труда, они говорятъ не о томъ количествѣ труда, за какое обмѣнивается вещь, а о томъ количествѣ, какое нужно на ея производство. Они разумѣютъ то, что количествомъ труда, производящаго вещь, опредѣляется ея цѣнность, что въ немъ основаніе, почему цѣнность вещи бываетъ такая, а не иная. Но когда Адамъ Смитъ и Мальтусъ говорятъ, что трудъ—мѣра цѣнности, они разумѣютъ не тотъ трудъ, какимъ была или можетъ быть сдѣлана вещь, а то количество труда, какое обмѣнивается или покупается за эту вещь; иначе сказать, цѣнность вещи по оцѣнкѣ на трудъ. И говорятъ они не то, что этотъ трудъ *опредѣляетъ* общую мѣновую цѣнность вещи или сколько нибудь участвуетъ въ ея опредѣленіи,—нѣтъ, они говорятъ только, что по нему можно узнавать цѣнность вещи и степень разницы въ ней въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Смѣшивать эти два понятія значитъ то же самое, какъ забывать разницу между термометромъ и огнемъ.

Мы должны сказать, по обыкновенію, что Милль очень справедливо излагаетъ ту сторону дѣла, о которой говоритъ; и должны, также по обыкновенію, прибавить, что кромѣ стороны, имъ излагаемой, есть въ дѣлѣ другая сторона.—Вопросъ о мѣрилѣ цѣнности неваженъ, по мнѣнію Милля. Дѣйствительно неваженъ, если мы хотимъ добиваться лишь до сравниванія пропорцій, въ какихъ находились мѣновыя цѣнности разныхъ предметовъ въ разныя времена: тутъ мѣриломъ цѣнностей очень удобно могутъ служить деньги или какой угодно другой товаръ; но избранный мѣриломъ другихъ цѣнностей товаръ самъ измѣняется въ своей цѣнности, и невозможно пріискать товара, цѣнность котораго оставалась бы всегда неизмѣнна. Но въ словахъ о трудѣ, какъ вѣрномъ мѣрилѣ чего-то похожаго не на мѣновую, а на внутреннюю цѣнность или на стоимость производства, проглядываетъ истинный смыслъ вопроса, котораго не умѣли ясно представить себѣ Адамъ Смитъ и Мальтусъ и который понятъ былъ ихъ послѣдователями какъ вопросъ о мѣновой цѣнности.

При нынѣшнемъ бытѣ, благосостояніе человѣка всего больше зависитъ отъ распредѣленія, которое своею неравномѣрностью закрываетъ несоотвѣтственность между состояніемъ производства и степенью благоденствія. Въ странахъ, пользующихся высокими успѣхами техническихъ искусствъ, масса населенія живетъ немногимъ лучше, чѣмъ въ земляхъ, въ которыхъ производительные процессы совершаются самыми грубыми и неуспѣшными способами. Но все-таки, не смотря на заслоняющее вліяніе неравномѣрнаго распредѣленія, связь между размѣромъ производства и размѣромъ потребленія довольно замѣтна и въ дѣйствительности, а въ теоріи она очевидна.

Въ обществѣ, основанномъ на системѣ наемнаго труда, степень благосостоянія работника измѣряется величиною рабочей платы. Но рабочая плата составляетъ только часть продукта: она еще не опредѣляетъ собою степень производительности труда, а этотъ элементъ былъ бы очень ва-

женъ для соображеній о томъ, какой уровень благосостоянія возможенъ былъ бы въ данномъ обществѣ въ извѣстное время, при данной густотѣ населенія. Зная это, мы имѣли бы и для историческихъ и для общественныхъ выводовъ прочную норму. Напримѣръ, если бы мы знали, что дѣйствительная успѣшность земледѣльческаго труда въ нынѣшней Франціи равняется 5 единицамъ, а масса населенія пользуется земледѣльческимъ продуктомъ, составляющимъ 4 такихъ единицы,—мы должны были бы сказать, что устройство экономическаго быта во Франціи удовлетворительно со стороны распредѣленія,—маловажность разницы между 4 и 5 изобличила бы пустоту такъ-называемыхъ демагогическихъ теорій. Если бы мы узнали, что наибольшая возможная успѣшность земледѣльческаго труда при нынѣшнемъ состояніи техническихъ искусствъ не превышаетъ 6 единицъ, пустота этихъ демагогическихъ теорій обнаружилась бы и въ отношеніи вопросовъ о производствѣ: если при наилучшемъ возможномъ устройствѣ производилось бы только 6, а въ дѣйствительности производится 5,—что жъ, это ужъ очень и очень удовлетворительно. Наоборотъ, совсѣмъ иное оказалось бы дѣло, если бы мы узнали, что наибольшая возможная успѣшность земледѣльческаго труда равняется 15 единицамъ, дѣйствительная успѣшность только 5, а размѣръ пользованія земледѣльческимъ продуктомъ у массы населенія только 2.

Такимъ образомъ, неизмѣнная мѣра цѣнностей была бы очень важна для сужденій объ удовлетворительности производства и распредѣленія продукта въ извѣстной странѣ. Адамъ Смитъ отчасти предчувствовалъ важность ея въ этомъ отношеніи; но еще больше занимала его другая сторона вопроса—найти общую норму для сравненія разныхъ состояній быта и производства въ разныя времена. Имѣя такую норму, мы могли бы, напримѣръ, узнать, сколькимъ единицамъ ея равнялась успѣшность земледѣльческаго труда во Франціи при Карлѣ Великомъ, при Людовикѣ XII, при Людовикѣ XVI, и сравнивая эти данныя съ нынѣшнею величиною, имѣли бы точную оцѣнку исторической жизни французскаго народа въ отношеніи къ земледѣльческому продукту. Словомъ сказать, Адамъ Смитъ, заботясь найти общую норму цѣнностей, думалъ не о мѣновой цѣнности, а о чемъ-то прямо пригодномъ для оцѣнки національнаго благосостоянія и успѣховъ производства.

Но у него самого мысли эти были смутны: а по мѣрѣ того, какъ съ развитіемъ господствующей теоріи мѣновая цѣнность все больше и больше заслоняла собою всѣ другія понятія, утрачивалось у послѣдователей Смита и сознаніе надобности въ общей нормѣ цѣнностей.

Мы теперь отчетливо понимаемъ эту надобность, смутно представлявшуюся Адаму Смиту и забытую его послѣдователями. Основнымъ элементомъ для сравненія разныхъ экономическихъ состояній должна быть успѣшность труда. Какое количество труда взять тутъ за единицу, это въ сущности все равно, и каждый изъ главныхъ сроковъ счета времени имѣетъ свои особенныя удобства, такъ что трудно сказать, который изъ нихъ заслуживаетъ безусловнаго предпочтенія передъ другими. Часъ—единица слишкомъ мелкая, но она имѣетъ надъ другими единицами преимущество полной точности. Рабочій день не только въ разные историческіе періоды или

у разныхъ народовъ состоитъ не изъ одинаковаго числа часовъ, но и у одного народа даже въ одномъ и томъ же занятіи имѣетъ неодинаковую продолжительность. Напримѣръ, работы производящіяся на открытомъ воздухѣ пользуются среди лѣта болѣе продолжительнымъ рабочимъ днемъ, нежели въ раннюю весну или позднюю осень.—Самымъ раціональнымъ срокомъ единицы труда былъ бы годъ, по крайней мѣрѣ для нашего европейскаго климата, въ которомъ земледѣльческій продуктъ получается по годичнымъ періодамъ. Но годъ у разныхъ народовъ или у одного народа въ разныя времена состоитъ далеко не изъ одинаковаго количества рабочихъ дней. Напримѣръ, у протестантовъ гораздо меньше праздниковъ, чѣмъ у католиковъ или у насъ. Кромѣ того, и годъ и часъ уступаютъ дню въ томъ отношеніи, что производить счетъ по нимъ значило бы вводить единицу, довольно непривычную въ подобныхъ соображеніяхъ, между тѣмъ какъ счетъ по днямъ каждому привыченъ. Впрочемъ, вообще мы полагаемъ, что нововведеній не слѣдуетъ бояться, когда они нужны для удобства самого дѣла. Если же единицею выбрать, какъ и слѣдовало бы, не часъ и не день, а годъ, то по неравенству рабочаго годичнаго времени въ разныхъ странахъ и въ разныя времена, прежде всего надобно установить понятіе о нормальномъ рабочемъ годѣ, положивъ для него извѣстное число рабочихъ дней и часовъ, и потомъ, по приблизительному счету часовъ, сравнивать съ нимъ обычный рабочій годъ той страны и того народа, о которыхъ идетъ рѣчь.—Положимъ, напримѣръ, что норму 10 часовъ работы въ день мы нашли не чрезмѣрно обременительною и не слишкомъ лѣнивою въ обыкновенныхъ занятіяхъ, а число 300 рабочихъ дней въ году нашли дающимъ не слишкомъ мало и не слишкомъ много времени для праздниковъ или отдыховъ, которые необходимы человѣку, чтобы могъ онъ легко и усердно работать въ остальные дни. Если такъ, рабочій годъ будетъ имѣть нормальнымъ образомъ 3,000 рабочихъ часовъ. Положимъ теперь, что у земледѣльцевъ южной Франціи сохраняется чрезмѣрное число праздниковъ, такъ что они занимаютъ цѣлую треть года, оставляя только 240 дней рабочаго времени. Но положимъ, что въ эти дни люди работаютъ до-упаду, желая вознаградить теряемое на излишніе праздники время,—напримѣръ, работаютъ по 12 часовъ въ день. Если такъ, рабочій годъ южно-французскаго поселянина имѣетъ только 2.880 ($=240\times12$) рабочихъ часовъ, и равняется только 96% нормальнаго рабочаго года. Иначе сказать, мы должны будемъ помнить, что народными нравами уменьшается въ южной Франціи на одну двадцать-пятую часть успѣшность земледѣльческаго труда.—То же самое будетъ, если неудобный климатъ отнимаетъ извѣстное количество рабочихъ дней,—напримѣръ, у насъ въ Россіи набирается въ осеннюю и въ весеннюю пору довольно много такихъ дней, когда почти ничего нельзя дѣлать поселянину, не имѣющему ремесла для работы въ избѣ при ростепеляхъ и ненастьѣ.

Читатель видитъ и сходство и разницу между этимъ взглядомъ на количество труда, какъ норму цѣнностей, и тѣмъ понятіемъ, которое извѣстно въ господствующей теоріи подъ именемъ стоимости производства. Близость этихъ идей такъ велика, что поражаетъ съ перваго взгляда: и

тамъ и здѣсь считается количество труда, употребленнаго на производство предмета. Но въ стоимости производства считается, кромѣ труда, прибыль, да и самый трудъ принимается только какъ стоимость рабочей платы. Точка зрѣнія, изъ которой возникаетъ идея стоимости производства,—точка зрѣнія производителя, и собственно только производителя, покупающаго трудъ у наемныхъ работниковъ. Цѣль разсчета тутъ—опредѣлить продажную цѣнность предмета. Норма, о которой мы говоримъ, принадлежитъ совершенно иной точкѣ зрѣнія, и цѣль у ней совершенно иная. Мы хотимъ знать, какое количество труда нужно потребителю для того, чтобы произвести своимъ трудомъ продуктъ своего потребленія. Тутъ нѣтъ отдѣленія прибыли отъ рабочей платы, нѣтъ и понятія объ отдѣльной отъ самого продукта рабочей платѣ. Тутъ вознагражденіемъ за трудъ принимается весь продуктъ; но и самое понятіе вознагражденія тутъ не съ полною точностью соотвѣтствуетъ сущности взгляда: собственно говоря, тутъ продуктъ разсматривается не какъ вознагражденіе за трудъ, а какъ результатъ труда. Вознагражденіемъ предполагается какое-то постороннее лицо, усвояющее себѣ продуктъ и выдѣляющее изъ него производителю извѣстную часть. Въ излагаемомъ нами взглядѣ нѣтъ посторонняго пѣновщика, усвояющаго себѣ продуктъ и отдѣляющаго работнику долю изъ продукта. Мѣновая цѣнность продукта оставляется безъ всякаго вниманія: продуктъ прямо подводится подъ потребности человѣка, разсматривается только его годность для ихъ удовлетворенія—внутренняя цѣнность его: пріобрѣтеніе мѣновой цѣнности продуктомъ предполагается дѣломъ случайнымъ, исключительнымъ, потому что масса продуктовъ и не идетъ въ продажу или въ обмѣнъ, а прямо служитъ на потребленіе производителя: если же часть продуктовъ и идетъ въ обмѣнъ на продукты другихъ производителей, мѣновая цѣнность не является различною отъ внутренней,— внутренняя цѣнность прямо превращается въ мѣновую безъ всякаго увеличенія или уменьшенія.—Натуральная вещь, что этотъ взглядъ, предполагающій прямую связь между производствомъ и потребленіемъ, безъ посредства обмѣна, предполагающій соединеніе прибыли съ рабочею платою въ рукахъ трудящагося, предполагающій тожество потребителя и производителя, отрицающій систему наемнаго труда,—натуральная вещь, говоримъ мы, что этотъ взглядъ не былъ ясно понятъ ни Адамомъ Смитомъ, ни его послѣдователями, не умѣвшими представить себѣ систему быта, которая была бы выше трехчленнаго дѣленія продукта между тремя различными сословіями.—А между тѣмъ, даже и при нынѣшнемъ бытѣ, нельзя не видѣть преобладанія условій, соотвѣтствующихъ этому взгляду, если обратиться мыслями отъ частнаго хозяйства отдѣльныхъ лицъ къ національному хозяйству. Для цѣлой націи, потребители и производители—одно и то же: потребленіе прямо опредѣляется производствомъ; рабочая плата, прибыль и рента сливаются въ одно цѣлое, въ продуктъ національнаго труда. Только односторонняя и узкая привычка забывать о національной или общечеловѣческой точкѣ зрѣнія, по увлеченію ходомъ дѣлъ въ частномъ хозяйствѣ, могла заставить господствующую теорію ограничиваться тѣмъ поверхностнымъ понятіемъ о стоимости труда и производства для нанимателя-капиталиста, какое мы

находимъ въ ней. При малѣйшемъ вниманіи къ національному хозяйству, какъ одному экономическому цѣлому, этотъ поверхностный взглядъ на дѣло замѣнился бы изложенною нами идеею общей нормы цѣнностей. Нація, какъ мы не разъ говорили, обмѣниваетъ лишь небольшую долю своего продукта на заграничные продукты и получаетъ изъ-за границы лишь небольшую долю своего потребленія. Обмѣнъ тутъ играетъ роль не очень значительную, и масса производства сливается съ массою потребленія. Національный продуктъ производится національнымъ трудомъ. Кажется, очень не трудно дойти съ этой точки зрѣнія до идеи, что количество труда служитъ общею нормою цѣнности.

„Но если трудъ—общее мѣрило цѣнностей, то какимъ же образомъ доказывали вы въ одной изъ предыдущихъ статей, что трудъ не долженъ имѣть мѣновой цѣнности?“—Очень легко убѣдиться, что эти два понятія о трудѣ, какъ дѣятельности, которая служитъ мѣриломъ цѣнностей и однако не должна сама быть цѣнностью,—что эти два понятія не противорѣчатъ другъ другу, а, наоборотъ, необходимо вытекаютъ одно изъ другаго. Мѣриломъ предмета или понятія, конечно, не можетъ служить самъ предметъ или само понятіе,—для этого нужны другой предметъ, другое понятіе, находящіяся въ тѣсной связи съ измѣряемыми, какъ ихъ источники, причины или результаты, но совершенно различные отъ нихъ. Напримѣръ, нормою осадки рѣчныхъ судовъ служитъ не глубина какого нибудь рѣчнаго судна, а глубина рѣки; глубина рѣки и плавающее по рѣкѣ судно—двѣ вещи, совершенно различныя. Нормою одежды служитъ никакъ не самая одежда, а очертаніе человѣческой фигуры и климатъ. Нормою закона служитъ общественное благо; нормою пищи — желудокъ и языкъ человѣка; нормою помады или духовъ—обоняніе человѣка. Словомъ сказать, норма вещи всегда нѣчто совершенно иное, нежели сама вещь. Такимъ образомъ, если цѣнность должна имѣть свою норму (какъ имѣетъ свою норму все въ человѣческой жизни), то сама эта норма не можетъ быть цѣнностью. Господствующая теорія только потому и не могла понять норму цѣнности, что причислила трудъ къ цѣнностямъ.—Припомнимъ афоризмъ, который сама господствующая теорія ставитъ верховнымъ принципомъ ученія о цѣнности и обмѣнѣ: „продукты обмѣниваются на продукты“. Трудъ не есть продуктъ. Онъ еще только производительная сила, онъ только источникъ продукта. Онъ отличается отъ продукта, какъ мускулъ отъ поднимаемой мускуломъ тяжести, какъ человѣкъ отъ сукна или хлѣба.

С. Торговля.

(милль, кн. III, гл. XVII—XXII и XXV).

Отдѣляя покупательную силу отъ продуктовъ, создавая для нея спеціальную представительницу—звонкую монету, замѣняя звонкую монету орудіемъ еще болѣе подвижнымъ, кредитными бумагами, люди имѣютъ въ виду облегченіе торговыхъ оборотовъ. При системѣ быта, въ которой хозяйственная единица не имѣетъ значительнаго размѣра, требуемаго тео-

ріею, и не можетъ, по недостаточному своему объему, совмѣстить занятіе множествомъ нужныхъ человѣку производствъ съ высокимъ раздѣленіемъ труда въ каждомъ производствѣ,—при такой системѣ быта всякое возвышеніе экономической дѣятельности становится увеличеніемъ обмѣновъ между хозяйственными единицами, такъ что наконецъ, при высокомъ развитіи такого быта, торговые обороты владычествуютъ, повидимому, надъ всею экономическою дѣятельностью.

Сущность всѣхъ торговыхъ оборотовъ съ особенною ясностью выступаетъ на видъ въ заграничной торговлѣ, которая составляетъ какъ будто бы отдѣльное цѣлое въ общей суммѣ торговыхъ оборотовъ страны и которую каждый привыкъ разсматривать какъ нѣчто цѣлое, между тѣмъ какъ истинный смыслъ оборотовъ внутренней торговли нѣсколько затемняется отсутствіемъ такой привычки обозрѣвать всю совокупность ихъ однимъ взглядомъ. Вопросы, относящіеся къ внѣшней торговлѣ, изложены у Милля съ чрезвычайною ясностью, такъ что намъ здѣсь остается только пользоваться съ признательностью его изложеніемъ.

Очевидно, что если уровень успѣшности производства во всѣхъ занятіяхъ одинаковъ у двухъ странъ, то не можетъ начаться торговля между ними. Если въ Англіи кусокъ сукна производится 15 днями труда, кусокъ полотна 10 днями, въ Германіи также,—ни для Англіи, ни для Германіи нѣтъ выгоды обмѣниваться сукномъ и полотномъ,—стоимость провоза и другіе торговые расходы были бы тутъ лишь чистою потерею. Точно тоже было бы, если бы уровень общей успѣшности былъ и неодинаковъ, но пропорція этой неодинаковости была одна и та же во всѣхъ занятіяхъ. Если въ Англіи успѣшность труда во всѣхъ занятіяхъ вдвое больше, чѣмъ въ Германіи,—если, напримѣръ, сукно производится въ Англіи 15 днями, въ Германіи 30 днями труда, полотно въ Англіи 10, въ Германіи 20 днями труда, обмѣна продуктовъ также не будетъ. Англія, пославъ сукно въ Германію, получила бы за него полтора куска полотна (больше этого Германія не дастъ, потому что сама имѣетъ сукно за такое количество полотна); но полтора куска полотна въ самой Англіи равны одному куску сукна; слѣдовательно, Англія не получитъ никакой выгоды отъ обмѣна; также не получитъ никакой выгоды и Германія. Провозъ и другіе торговые расходы тутъ были бы чистымъ убыткомъ. Но предположимъ, что пропорція успѣшности труда въ разныхъ производствахъ неодинакова. Пусть, напримѣръ, въ производствѣ сукна англійскій трудъ вдвое успѣшнѣе германскаго, а въ производствѣ полотна только въ полтора раза успѣшнѣе его. Тогда, если въ Германіи кусокъ сукна производится 20 днями, а кусокъ полотна 15 днями труда, въ Англіи кусокъ сукна производится 10 днями и кусокъ полотна также 10 днями труда. Если англійское сукно будетъ обмѣниваться на нѣмецкое полотно, произойдетъ въ этомъ случаѣ уменьшеніе расходовъ труда на производство обоихъ товаровъ для обѣихъ странъ. Положимъ, что Англія употребляетъ 1,000 кусковъ сукна,—по 10 дней труда, это составитъ 10,000 дней труда; столько же труда нужно ей, чтобы произвести 1,000 кусковъ полотна. Итого, Англіи нужно было до начала торговли 20,000 дней труда, чтобы снабдить себя сукномъ и полот-

помъ. А Германіи нужно было, по 20 дней на кусокъ сукна, 20,000 дней на производство 1,000 кусковъ сукна и (по 15 дней на кусокъ) 15,000 дней на производство 1,000 кусковъ полотна. Итого, въ обѣихъ странахъ производилось 2,000 кусковъ сукна трудомъ 30,000 дней и 2,000 кусковъ полотна трудомъ 25,000 дней; всего на оба продукта обѣ страны должны были употреблять 55,000 дней.—Положимъ теперь, что начался обмѣнъ. Англія производитъ для Германіи сукно (сукно, потому что въ этомъ производствѣ трудъ ея имѣетъ выгоднѣйшую пропорцію сравнительно съ германскимъ), получая за то отъ Германіи полотно (въ которомъ пропорція труда наименѣе невыгодна для Германіи по сравненію съ Англіею). Въ Англіи на производство 2,000 кусковъ сукна нужно (по 10 дней на кусокъ) только 20,000 рабочихъ дней; въ Германіи на производство 2,000 кусковъ полотна (по 15 дней на кусокъ) только 30,000 рабочихъ дней. Итого, обѣ страны употребляютъ на снабженіе себя обоими товарами только 50,000 дней, вмѣсто прежней суммы 55,000, такъ что черезъ торговлю выигрывается 5,000 рабочихъ дней, которые могутъ быть употреблены или на увеличеніе снабженія сукномъ и полотномъ, или на снабженіе торгующихъ странъ другими продуктами, которыхъ не могли онѣ по недостатку времени производить до начала торговли [14]).

Но эти 5,000 дней —сумма выигрыша, получаемаго отъ торговли обѣими странами: какъ раздѣлится онъ между ними? Это зависитъ отъ сравнительной силы запроса каждой страны на товаръ, ей предлагаемый другою страною. Въ Германіи 15 кусковъ сукна обмѣнивались на 20 кусковъ полотна,—слѣдовательно, ей выгодно будетъ получать отъ Англіи и 16 кусковъ сукна за это количество полотна. Если такъ, Англія будетъ получать за 16 кусковъ сукна 20 кусковъ полотна, а прежде получала только 16; стало быть, при каждомъ обмѣнѣ 16 кусковъ сукна на 20 кусковъ полотна, Германія выигрываетъ 1 кусокъ сукна, Англія 4 куска полотна. —Но пропорція можетъ установиться и совершенно иная. Англія за 10 кусковъ сукна имѣла только 10 кусковъ полотна; слѣдовательно, ей уже выгодно будетъ получать и по 11 кусковъ полотна. Если такъ, Германія будетъ имѣть за 11 кусковъ полотна 10 кусковъ сукна, а прежде имѣла ихъ не меньше, какъ за 15 кусковъ полотна: стало быть, при каждомъ обмѣнѣ 10 кусковъ сукна на 11 кусковъ полотна, Англія будетъ выигрывать 1 кусокъ полотна, а Германія 4 куска сукна.—По первой пропорціи цѣнностей, бо́льшая часть выигрыша достанется Англіи, по второй пропорціи —Германіи. Но мы знаемъ, по какому закону устанавливаются мѣновыя цѣнности,—онѣ опредѣляются уравненіемъ запроса и снабженія. Если для Англіи легко увеличить снабженіе сукномъ по запросу изъ Германіи, а запросъ Германіи на англійское сукно слабъ, между тѣмъ какъ англійскій запросъ на германское полотно силенъ, то установится между англійскимъ

[14]) Разумѣется, изъ этого выигрыша 5,000 дней, надобно исключить расходы на провозъ и другія дѣла по торговлѣ,—положимъ на это 1.000 дней, остается чистаго выигрыша 4,000 дней. Для краткости изложенія, мы оставили безъ вниманія эти расходы, которыми легко дополнитъ наши соображенія каждый читатель.

сукномъ и нѣмецкимъ полотномъ пропорція цѣнностей, соотвѣтствующая второму нашему случаю, и бо̀льшая часть выигрыша будетъ оставаться у Германіи. Въ противномъ случаѣ, когда англійскій запросъ на германское полотно слабъ, а германскій запросъ на англійское сукно силенъ, будетъ наоборотъ, и бо̀льшая часть выигрыша достанется Англіи.—Само собою разумѣется, что уравненіе запроса и снабженія устанавливается въ заграничной торговлѣ страны не отдѣльно по ея торговлѣ съ каждою изъ другихъ странъ, а по всей суммѣ ея торговли со всѣми заграничными странами. Способъ, которымъ устанавливается оно, ясенъ для насъ при знакомствѣ съ общимъ принципомъ мѣновыхъ цѣнностей. Если заграничный запросъ на наши товары слишкомъ слабъ, сравнительно съ нашимъ запросомъ на заграничные товары, такъ что цѣнность ввоза превышаетъ цѣнность отпуска, нашъ запросъ уменьшается возвышеніемъ цѣнностей заграничныхъ товаровъ, и ввозъ ихъ уменьшается; или запросъ заграничныхъ странъ на наши товары усиливается пониженіемъ цѣнностей нашихъ товаровъ, и нашъ вывозъ отъ этого увеличивается.

Но общею мѣрою мѣновыхъ цѣнностей принята звонкая монета, и очень легко понять, какъ дѣйствуетъ на нее происходящее посредствомъ нея уравненіе запроса и снабженія въ заграничной торговлѣ. Если цѣнность ввоза больше цѣнности вывоза, недочетъ уплаты продуктами нашего производства за ввозимые товары покрывается звонкою монетою,—она идетъ отъ насъ заграницу; отъ этого за границею цѣнность монеты падаетъ, то есть цѣны заграничныхъ товаровъ возвышаются, а у насъ цѣнность монеты возвышается, то есть цѣны отпускаемыхъ нами товаровъ падаютъ; отъ дороговизны заграничныхъ товаровъ привозъ ихъ уменьшается, а отъ дешевизны нашихъ товаровъ вывозъ ихъ увеличивается, и это измѣненіе цѣнностей черезъ передвиженіе звонкой монеты совершается до той поры, пока установится уравненіе запроса и снабженія, то есть пока останется у насъ лишь такое количество звонкой монеты, при которомъ цѣны нашихъ товаровъ установились бы такія, какія удовлетворяютъ необходимому равенству ввоза и вывоза.—Когда вывозъ больше ввоза, происходитъ наоборотъ,—звонкая монета идетъ въ нашу страну, дешевѣетъ у насъ, и цѣны нашихъ товаровъ возвышаются до того, чтобы заграничный запросъ на нихъ уменьшился до равенства съ цѣнностью ввозимыхъ нами заграничныхъ товаровъ.—Слѣдовательно, звонкая монета (или, все равно, матеріалъ ея, золото и серебро въ слиткахъ) переливается изъ страны въ страну такъ, что общій уровень цѣнъ въ каждой странѣ устанавливается сообразно уравненію запроса и снабженія по заграничной торговлѣ. —Когда звонкая монета отчасти замѣняется кредитными знаками, съ ними происходитъ тоже самое, что происходило бы съ нею. Если, напримѣръ, нашъ ввозъ больше отпуска, въ уплату за излишекъ ввоза должна была бы идти заграницу и дешевѣть тамъ звонкая монета; но когда она замѣняется векселями, идутъ въ излишествѣ заграницу наши векселя и дешевѣютъ отъ этого излишества на заграничныхъ биржахъ; а цѣна такого удобоподвижнаго товара, какъ векселя, не можетъ значительно разниться на разныхъ биржахъ; потому наши векселя дешевѣютъ и на нашихъ биржахъ,—

иначе сказать, цѣна векселей, даваемыхъ намъ отъ заграничныхъ негоціантовъ, возвышается надъ цѣною векселей, даваемыхъ нашими негоціантами заграничнымъ ихъ корреспондентамъ.

Попробуемъ теперь перевести эти техническія выраженія на обыкновенный разговорный языкъ. Мы видѣли, что вексельный курсъ и цѣнность звонкой монеты въ странѣ, имѣющей заграничную торговлю, установляются соотвѣтственно уравненію запроса и снабженія. На простомъ языкѣ это будетъ значить вотъ что. Положимъ, что кусокъ сукна производится въ Англіи трудомъ 15 дней, въ Германіи трудомъ 30 дней. Но кусокъ сукна—все тотъ же кусокъ сукна, какимъ бы количествомъ труда ни производился, — все равно, онъ долженъ обмѣниваться на одинаковое количество другихъ товаровъ. А представительница мѣновой цѣнности всѣхъ вообще товаровъ — звонкая монета. Потому кусокъ сукна, сработанный въ Германіи 30 днями труда и сработанный въ Англіи 15 днями труда, долженъ имѣть одинаковую цѣну [15]). Положимъ, что эта цѣна—6 р. сер. Она получается въ Англіи за 15, а въ Германіи за 30 дней труда. Стало быть, средняя цѣнность звонкой монеты въ Англіи вдвое дешевле, чѣмъ въ Германіи,— 20 коп. серебр. для нѣмца значитъ не меньше, чѣмъ 40 коп. для англичанина. Конечно, если такъ, то англичанинъ вдвое богаче нѣмца. Но отчего это произошло? Вовсе не отъ заграничной торговли, не отъ перехода звонкой монеты изъ Германіи въ Англію, не отъ состоянія вексельнаго курса,—нѣтъ, просто отъ того, что успѣшность труда въ Англіи вдвое больше, чѣмъ въ Германіи: англичанинъ успѣваетъ сработать два куска сукна въ то время, какъ нѣмецъ успѣваетъ сработать только одинъ кусокъ,—какъ же англичанину не быть вдвое богаче нѣмца [16])? Положимъ теперь, что нѣмецъ будетъ жаловаться на свою бѣдность, — чѣмъ можно пособить ему? Только заботами о томъ, чтобы его трудъ сталъ успѣшнѣе, то есть чтобы онъ занялся работами, наиболѣе удобными для него по характеру его страны, чтобы онъ припялъ въ своемъ производствѣ улучшенные процессы, чтобы законы и обычаи его страны стали благопріятнѣе для успѣшности труда. Когда онъ подобно англичанину станетъ производить въ 15 дней вещь, которую производитъ теперь въ 30, онъ будетъ также богатъ. Иначе никакъ не достигнуть ему этого.

Мы видимъ, что вопросъ о распредѣленіи звонкой монеты по различнымъ странамъ, при свободной торговлѣ, сводится къ вопросу объ успѣшности труда въ нихъ. Чѣмъ успѣшнѣе трудъ страны, тѣмъ больше можетъ она получить всякихъ товаровъ, въ томъ числѣ золота и серебра. А при всеобщемъ значеніи золота и серебра, каждое лицо и каждая группа лицъ желаетъ имѣть какъ можно больше этихъ товаровъ. Стало быть, чѣмъ успѣшнѣе трудъ страны, тѣмъ больше въ ней золота и серебра, то есть и звонкой монеты; значитъ, тѣмъ выше и уровень цѣнъ въ ней сравнительно

---

15) Разумѣется, за исключеніемъ разницы, зависящей отъ расхода на перевозку и соединенныя съ нею издержки. Но, повторяемъ, ввести этотъ элементъ можетъ каждый читатель самъ.

16) Разумѣется, сукно тутъ принимается только какъ примѣръ общаго хода дѣлъ во всѣхъ производствахъ.

съ другими странами [17]). Возьмемъ теперь двѣ страны, которыя торгуютъ между собою, и въ одной изъ которыхъ успѣшность труда вдвое больше, чѣмъ въ другой. Пусть, напримѣръ, въ Англіи успѣшность труда вдвое выше, чѣмъ въ Германіи. При заграничной торговлѣ между ними мы будемъ имѣть три разряда товаровъ съ тремя разными уровнями цѣнъ. Во-первыхъ, англійскіе товары, не идущіе въ заграничную торговлю, сохранятъ англійскій уровень цѣнъ, вдвое высшій германскаго. Во-вторыхъ, германскіе товары, не идущіе въ заграничную торговлю, сохранятъ германскій уровень цѣнъ, вдвое низшій англійскаго. Въ-третьихъ, товары, которыми ведется торговля между этими двумя странами, будутъ имѣть какой нибудь уровень цѣнъ, одинаковый для обѣихъ странъ [18]). Назовемъ представителемъ двухъ первыхъ разрядовъ — трудъ. Трудъ въ Англіи будетъ имѣть цѣну, вдвое высшую, чѣмъ въ Германіи. Если, напримѣръ, въ Англіи день труда стоитъ 50 к., въ Германіи онъ стоитъ только 25 коп. [19]). Пусть будутъ представителями товаровъ заграничной торговли сукно, производимое Англіею, и полотно, производимое Германіею для обѣихъ странъ. Пусть кусокъ сукна продается по 50 рублей, кусокъ полотна по 8 рублей въ той и другой странѣ. Посылая въ Германію 20 кусковъ сукна (на 1,000 р.), Англія получаетъ за него изъ Германіи также на 1,000 р. полотна, то есть 125 кусковъ полотна. По цѣнѣ труда, Англія за 2,000 единицъ цѣны своихъ товаровъ получила отъ Германіи 4,000 единицъ цѣны германскихъ товаровъ. Ясно, что для Англіи нѣмецкое полотно обходится вдвое дешевле, чѣмъ англійское сукно для Германіи. На темномъ, инстинктивномъ чувствѣ этого факта основано заблужденіе протекціонистовъ, говорящихъ, что въ этомъ случаѣ только Англія выигрываетъ, а Германія проигрываетъ отъ заграничной торговли. Нѣтъ, выигрываетъ и Германія. Вѣдь свое полотно она обмѣниваетъ на англійское сукно только

---

[17]) Если въ производствѣ извѣстнаго товара происходитъ улучшеніе, цѣнность его понижается; но вѣдь пониженіе цѣнности извѣстнаго товара равнозначительно возвышенію цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ сравнительно съ нимъ. Такимъ образомъ, общій уровень цѣнъ отъ этого не понижается; напротивъ, онъ возвышается, потому что въ общей сложности всего производства страны успѣшность труда увеличилась.

[18]) За исключеніемъ разницы, происходящей отъ стоимости провоза и другихъ торговыхъ издержекъ. Мы, по прежнему, оставляемъ безъ вниманія этотъ элементъ, имѣющій своимъ результатомъ только уменьшеніе размѣра, то есть и степени вліянія заграничной торговли, а не какую нибудь перемѣну въ характерѣ ея вліянія.

[19]) Мы говорили, что труду не слѣдуетъ быть товаромъ; но вѣдь въ нынѣшнемъ бытѣ онъ товаръ, и составляетъ самую обширную статью въ общей суммѣ всѣхъ товаровъ страны. Общее количество рабочей платы въ странѣ продается за количество денегъ, гораздо бо́льшее, чѣмъ общее количество хлѣба, который превышаетъ своею торговою важностью каждый изъ остальныхъ товаровъ. Это ясно изъ того, что почти вся масса хлѣба потребляется простонародьемъ (количество, потребляемое высшимъ и среднимъ классомъ, невелико по ихъ сравнительной малочисленности). А кромѣ хлѣба, простой народъ долженъ покупать многіе другіе товары на свою рабочую плату.— Мы приняли, что трудъ имѣетъ въ каждой странѣ свою особую цѣну, независимую отъ заграничной торговли, какъ будто вовсе не идетъ въ эту торговлю. На самомъ дѣлѣ, ведется нѣкоторая заграничная торговля и этимъ товаромъ. Нѣмецкіе работники переселяются въ Англію, то есть привозятъ свой единственный товаръ, трудъ, на продажу въ Англію. Но число ихъ, то есть и количество привозимаго ими товара, такъ незначительно передъ массою ихъ и ихъ товара въ той и другой странѣ, что цѣна труда въ Германіи не возвышается, а въ Англіи не понижается чувствительнымъ образомъ.

потому, что не могла бы заниматься производствомъ сукна такъ успѣшно, какъ производствомъ полотна. Если производство 125 кусковъ полотна обходится ей въ 4,000 единицъ ея внутренняго уровня цѣнъ, то производство 20 кусковъ сукна обошлось бы ей дороже, въ 5,000 такихъ единицъ; а теперь она получаетъ эти 20 кусковъ изъ Англіи за 4,000 такихъ единицъ, то есть выигрываетъ 1,000 единицъ. А то, что единицы въ ней меньше, чѣмъ въ Англіи, зависитъ уже не отъ заграничной торговли, а отъ малой успѣшности труда, и заграничная торговля не развиваетъ, а исправляетъ этотъ недостатокъ. Исправляетъ она его двумя способами: во-первыхъ, она обращаетъ германскій трудъ отъ занятій, въ которыхъ былъ онъ менѣе успѣшенъ, къ занятіямъ болѣе успѣшнымъ, то есть въ общей сложности увеличиваетъ его успѣшность. Еще важнѣе для Германіи то обстоятельство, что черезъ заграничную торговлю осязательно обнаруживается малая успѣшность ея труда и указывается надобность заботиться объ улучшеніи производительныхъ процессовъ для увеличенія его успѣшности. Протекціоннымъ тарифомъ лишь замаскировалось бы это зло малой успѣшности германскаго труда. Такимъ образомъ, Германія получаетъ отъ свободы заграничной торговли еще гораздо больше выгоды, чѣмъ Англія: въ Англіи свободная торговля только обращаетъ трудъ къ занятіямъ болѣе успѣшнымъ, а въ Германіи, сверхъ того, она улучшаетъ производительные процессы.

Самый усердный приверженецъ свободной торговли останется доволенъ нашимъ взглядомъ на этотъ предметъ. Если же мы безусловно признаемъ пользу заграничной торговли, о которой съ большими оговорками разсуждаютъ очень многіе послѣдователи господствующей теоріи, то, конечно, уже не меньше кого бы то ни было изъ учениковъ Адама Смита мы цѣнимъ выгоды, приносимыя въ нынѣшнемъ бытѣ внутреннею торговлею, противъ которой не имѣютъ никакихъ возраженій и самые заклятые протекціонисты. Въ бытѣ, основанномъ на раздѣленіи рабочей платы отъ прибыли, на раздѣленіи ренты отъ рабочей платы и прибыли, почти всякій продуктъ идетъ въ обмѣнъ, почти все производимое продается, почти все потребляемое покупается. Потому развитіе торговли тутъ служитъ мѣриломъ развитія экономической дѣятельности. При такомъ бытѣ, справедливо говорятъ, что торговля смягчаетъ нравы, соединяетъ народы, уничтожаетъ національные предразсудки, уменьшаетъ возможность войнъ и т. д., и т. д.,—словомъ, служитъ могущественнѣйшею изъ цивилизующихъ силъ. Тутъ подъ торговлею понимается экономическая дѣятельность, которая вся переходитъ въ торговлю при нынѣшнемъ устройствѣ быта.

Но совершенно иное дѣло будетъ, если мы обратимъ вниманіе на коренныя черты того быта, при которомъ получаетъ такое безграничное значеніе торговля, при которомъ она обнимаетъ собою всю экономическую дѣятельность. Мы видѣли, что этотъ бытъ несообразенъ съ принципами экономической теоріи. А въ неудовлетворительномъ механизмѣ производитъ неудовлетворительный результатъ своимъ дѣйствіемъ каждая пружина, какъ бы хороша ни была сама по себѣ. Всякому извѣстно, что въ нынѣш-

немъ своемъ видѣ торговля имѣетъ очень много дурнаго. Она—дѣло очень рискованное: убытки въ ней очень часты, банкротства очень не рѣдки. Соотвѣтственно значительности риска, въ торговую прибыль должна входить очень значительная страховая премія, и прибыль эта имѣетъ очень большую величину. Потому, пока торговецъ не подвергается несчастнымъ случаямъ, онъ получаетъ очень много выигрыша на свой капиталъ. Отъ этого происходятъ два послѣдствія. Вообще говоря, отдѣльный человѣкъ гораздо быстрѣе можетъ разбогатѣть торговлею, чѣмъ производствомъ, и дойти черезъ нее до гораздо большаго богатства. Второстепенный банкиръ или оптовый негоціантъ богаче хозяина самой огромной фабрики. Эта перспектива быстраго и громаднаго обогащенія отвлекаетъ самыхъ дѣятельныхъ и даровитыхъ людей отъ производства, въ которомъ всего полезнѣе были бы для общества ихъ способности, къ торговлѣ, въ которой силы ихъ обращены не на увеличеніе продукта, а только на разныя перестановки уже готоваго продукта. Общество много теряетъ отъ этой потери лучшихъ силъ для производства. Но и вообще оно теряетъ слишкомъ много всякихъ силъ при нынѣшнемъ ходѣ торговыхъ дѣлъ. Посмотрите на гостиный дворъ въ большомъ городѣ: длиннымъ рядомъ тянутся десятки совершенно одинаковыхъ лавокъ, напримѣръ, съ шелковыми матеріями. Зачѣмъ нужно обществу такое множество ихъ въ одномъ мѣстѣ? Чтобы шло между ними соперничество къ выгодѣ покупателей, довольно было бы двухъ, трехъ лавокъ вмѣсто пятидесяти или шестидесяти. Три большія лавки, занимая какихъ нибудь 300 квадратныхъ саженъ помѣщенія, имѣя всего какихъ нибудь 60 человѣкъ сидѣльцевъ, удовлетворяли бы спросу покупателей такъ же легко, какъ теперь удовлетворяютъ 50 не очень большихъ лавокъ, которыя занимаютъ 1,000 квадратныхъ саженъ помѣщенія и имѣютъ 200 человѣкъ сидѣльцевъ. Работа на возведеніе и ремонтъ 700 лишнихъ квадратныхъ саженъ торговаго помѣщенія и трудъ лишнихъ 140 сидѣльцевъ—чистая потеря для общества. Та же самая пропорція потери во всѣхъ отрасляхъ торговли, во всѣхъ городахъ и селахъ. Тѣмъ, на что была бы достаточна работа одной тысячи торговцевъ, заняты три, четыре тысячи ихъ. Почему ихъ столько? Не потому, что столько ихъ нужно для общественнаго удобства, а потому, что столько ихъ можетъ прожить въ убытокъ обществу торговою прибылью, которая сама поглощаетъ слишкомъ большую долю продукта между прочимъ отъ этой чрезмѣрной многочисленности своего штата.

Мы говорили только о потеряхъ, заключающихся въ самомъ правильномъ, честномъ, благоразумномъ ходѣ торговли при нынѣшнемъ порядкѣ, не касаясь гибельныхъ крайностей, въ которыя постоянно вовлекается она. Выше была рѣчь о коммерческихъ кризисахъ и о безразсудной спекуляціи. Спекуляція постоянно влечется въ безразсудство. А спекуляція—душа нынѣшней торговли. Возставать противъ спекуляціи или стараться обуздать ее при нынѣшнемъ порядкѣ—пустая трата словъ, напрасная игра въ безплодныя стѣснительныя мѣры. Наука требуетъ, чтобы, вмѣсто ребяческой борьбы съ неизбѣжнымъ результатомъ извѣстнаго устройства, мы занялись разборомъ и исправленіемъ самого устройства, производящаго такой результатъ.

Нынѣшняя торговля—частная форма, принимаемая принципомъ обмѣна

въ такомъ обществѣ, гдѣ покупательная сила отдѣляется отъ производительной силы, прибыль отъ рабочей платы, трудъ имѣетъ характеръ товара и продуктъ имѣетъ своимъ хозяиномъ не самого работника, а лицо, нанимающее работниковъ. Но когда трудъ — товаръ, а работникъ не хозяинъ продукта, роль обмѣна въ обществѣ расширяется гораздо далѣе границъ, допускаемыхъ принципами экономической теоріи.

Мы видѣли, каково нормальное условіе возникновенія обмѣна. Оно открыто намъ господствующею теоріею въ изслѣдованіи заграничной торговли. Въ заграничной торговлѣ, одна изъ обмѣнивающихся сторонъ производитъ для себя и для другой стороны продуктъ, въ которомъ трудъ ея болѣе успѣшенъ, получая отъ другой стороны товаръ, въ производствѣ котораго менѣе успѣшенъ трудъ первой стороны и болѣе успѣшенъ трудъ второй стороны, также производящей его для себя и для первой стороны. Въ этомъ сосредоточеніи силъ каждаго народа, города или лица на успѣшнѣйшемъ производствѣ заключается выгода всякаго обмѣна товаровъ, между различными ли народами, или городами, или лицами. Подъ этотъ принципъ совершенно подходятъ тѣ случаи, когда портной или столяръ обмѣниваютъ свой продуктъ на продуктъ сапожника или кузнеца, — подходятъ всѣ тѣ случаи, когда люди, занимающіеся производствомъ одного продукта, обмѣниваютъ свой продуктъ на продуктъ людей, занимающихся другимъ производствомъ. Но подходитъ ли подъ принципъ выгодности обмѣна тотъ случай, когда обмѣнъ происходитъ не изъ разности продуктовъ, а только изъ продажи труда? У фермера трудится надъ производствомъ хлѣба наемный работникъ, получающій рабочую плату,—вотъ первый обмѣнъ: трудъ обмѣнивается на рабочую плату. Работнику нужно ѣсть, — онъ покупаетъ на свою плату хлѣбъ, — вотъ второй обмѣнъ. Спрашиваемъ: къ чему привели эти два обмѣна? Только къ тому, чтобы продуктъ возвратился въ руки человѣка, занимавшагося производствомъ этого самаго продукта. Спрашиваемъ: выгоденъ ли для общества этотъ лишній оборотъ? Вѣдь это все равно, какъ если бы въ заграничной торговлѣ Англія сначала продавала свое сукно въ Германію, потомъ покупала его изъ Германіи. Вѣдь это верхъ экономической несообразности. Всѣ торговые расходы тутъ совершенно лишніе расходы,—вѣдь это все равно, какъ если бы весь хлѣбъ изъ провинцій свозить въ Петербургъ, чтобы изъ Петербурга опять развозить его по Симбирской, Самарской и т. д. губерніямъ, изъ которыхъ онъ привезенъ въ Петербургъ.—Мы видѣли, что продажа труда противорѣчитъ принципу распредѣленія продуктовъ, противорѣчитъ условіямъ успѣшнаго производства продуктовъ; теперь мы видимъ, что она противорѣчитъ и принципу обмѣна. Торговля трудомъ совершенно лишняя торговля. — Теорія производства и распредѣленія, какъ мы видѣли, предполагаетъ работника хозяиномъ продукта. Если работникъ хозяинъ, онъ продаетъ изъ своего продукта только то, что у него остается за собственнымъ потребленіемъ, а покупаетъ на свое потребленіе только тѣ продукты, производствомъ которыхъ не занимается [20]). Мы видѣли, что при высокомъ развитіи экономической дѣятель-

[20]) Совершенно такъ, какъ видимъ въ заграничной торговлѣ, которая одна раціонально разбирается господствующей теоріею, потому, что одна имѣетъ хотя

ности, теорія предполагаетъ хозяйственную единицу, имѣющую значительный размѣръ и совмѣщающую въ себѣ множество разнородныхъ производствъ, такъ что доля покупаемыхъ ею продуктовъ была бы тутъ невелика, сравнительно съ массою тѣхъ потребляемыхъ ею продуктовъ, которые произвела она сама для себя, а количество продаваемыхъ ею продуктовъ также невелико сравнительно со всею массою ея производства. Совершенно иное дѣло, когда работникъ не хозяинъ продукта, а только наемникъ. Тутъ онъ покупаетъ всѣ предметы своего потребленія, а хозяинъ продаетъ весь продуктъ, какой получаетъ. По принципу обмѣна, только одна пятая или одна десятая часть продуктовъ должна была бы проходить отъ производства къ потребленію черезъ ступень продажи. Теперь проходитъ вся масса.—Это противорѣчитъ экономическому принципу обмѣна, какъ мы говорили. Точно также противорѣчитъ ему, по прежнимъ нашимъ словамъ, и то, что поступаетъ въ продажу трудъ, — отъ этого количество продажъ и покупокъ еще увеличивается вдвое противъ надобности самого дѣла. Это все равно, какъ если хлѣбъ продается не одинъ разъ, когда собранъ и обмолоченъ самимъ фермеромъ, а еще прежде того продается имъ на корнѣ какому-нибудь другому капиталисту, который, собравъ и обмоливъ жатву, продаетъ ее во второй разъ. Каждому извѣстно, выгодно ли для сельскаго хозяина продавать свой хлѣбъ на-корню, когда онъ продаетъ, такъ сказать, еще не хлѣбъ, а только возможность полученія хлѣба. Точно также убыточенъ для работника порядокъ, по которому онъ продаетъ не готовый продуктъ своего труда, а только возможность полученія этого продукта, заключающуюся въ трудѣ. Такимъ образомъ, продажа труда вдвойнѣ невыгодна. Во-первыхъ, она убыточна для массы населенія, продающей свой трудъ съ огромнымъ дисконтомъ, неизбѣжнымъ при каждой продажѣ, которая совершается преждевременно: вѣдь продажа труда—ни больше, ни меньше, какъ преждевременная продажа продукта. Во-вторыхъ, продажа труда убыточна для всего общества, торговые расходы котораго чрезмѣрно увеличиваются отъ чрезмѣрнаго увеличенія торговыхъ сдѣлокъ этою преждевременною продажею, совершенно противорѣчащею экономическому принципу обмѣна.

Читатель, безпристрастно понимающій наши слова, самъ видитъ нелѣпость рутинныхъ возраженій противъ раздѣляемаго нами взгляда,—возраженій, говорящихъ, что эта теорія враждебна самому принципу обмѣна, неблагопріятна принципу раздѣленія труда и т. д. Вѣдь у насъ рѣчь вовсе не о томъ, чтобы не продавать товаровъ,—напротивъ, пусть они продаются всегда, когда нужно. Мы говоримъ только вотъ о чемъ: если по сущности дѣла, по экономическому принципу обмѣна и по принципу раздѣленія труда нужно продать товара на 100 рублей, то и надобно продать его на 100 рублей, чтобы купить на эту сумму другаго товара, котораго у насъ нѣтъ у самихъ; а не слѣдуетъ намъ продавать нашего товара на 500 рублей, чтобы потомъ его же обратно купить на 400 рублей, — эта

нѣсколько раціональный видъ при нынѣшнемъ бытѣ (въ странахъ, принявшихъ принципъ свободной торговли).

продажа на лишніе 400 рублей лишняя продажа. Повторяемъ наше сравненіе внутренней торговли съ заграничною. Изъ Англіи выходитъ за границу только то сукно, котораго не потребляетъ она сама. Изъ рукъ работника должна выходить на продажу только та часть продукта, которой не потребляетъ самъ работникъ. Только и всего, — кажется, тутъ нѣтъ ровно ничего, противнаго принципамъ господствующей теоріи, и не мы виноваты, если она не умѣетъ подводить частные вопросы подъ принципы, ею самою провозглашаемые.

Отъ продажи труда возникаетъ громадное количество излишнихъ продажъ и покупокъ, въ десять или двадцать разъ превышающее ту сумму продажъ и покупокъ, какая оправдывается принципомъ обмѣна. Этого одного было бы достаточно, чтобы торговля была дѣломъ запутаннымъ. Но еще больше запутанности вносится въ нее нынѣшнимъ порядкомъ производства, основаннымъ не на разсчетѣ потребленія, а на шансахъ сбыта въ руки торговцевъ, скупающихъ продуктъ для перепродажи. Въ статьѣ о соперничествѣ и объ экономическомъ разсчетѣ мы говорили, что нынѣшній производитель трудится въ потемкахъ, наудачу, не зная ни того, сколько товара нужно потребителямъ, ни того, сколько товара работается другими производителями. При такомъ невѣрномъ, загадочномъ размѣрѣ нужнаго производства и дѣйствительнаго потребленія, сбытъ продукта становится дѣломъ многосложнымъ, затруднительнымъ, рискованнымъ, и очень натураленъ тотъ фактъ, что посредники между производителями и потребителями являются самостоятельными хозяевами, ведущими посредничество на свой рискъ. Но извѣстно, что черезъ эту самостоятельность посредниковъ теряется независимость производителей: оптовый торговецъ становится господиномъ фермера или ремесленника, сбывающаго ему товаръ, биржа владычествуетъ надъ фабрикою.—Мы видѣли, что экономическая теорія не одобряетъ порядка, при которомъ производство идетъ на удачу, по невѣрнымъ шансамъ сбыта на перепродажу, а не на потребленіе. Экономическій разсчетъ требуетъ, чтобы все было ясно для производителя и для потребителя. Производитель долженъ знать, сколько его товара нужно потребителю; потребитель долженъ знать, во сколько обходится товаръ производителю. Безъ этой обоюдной извѣстности нѣтъ въ экономической жизни ничего вѣрнаго и солиднаго, производство идетъ слишкомъ шатко, потребленіе колеблется между безразсчетною расточительностью (когда товара заготовлено слишкомъ много и цѣна его падаетъ) и между недостаточностью снабженія. А при обоюдной извѣстности дѣлъ потребителя производителю и дѣлъ производителя потребителю, сбытъ товара вѣренъ, и производитель не допуститъ посредника между нимъ и потребителемъ занять самостоятельное положеніе, господствующее надъ нимъ, производителемъ. Гдѣ нѣтъ риска, тамъ нѣтъ охоты передавать дѣло въ чужія руки. Посредникъ (если остается нуженъ посредникъ) становится не больше, какъ коммиссіонеромъ, повѣреннымъ. Это ясно само собою. Что за охота фабриканту продавать свой товаръ не прямо потребителю, а купцу, если фабрикантъ знаетъ, сколько товара будетъ продано потребителямъ въ такомъ-то городѣ, и если потребитель, зная стоимость товара, не дастъ за него ни

копѣйки больше, чѣмъ слѣдуетъ, то есть, если продажа на потребленіе идетъ безъ лавочническихъ уловокъ? Фабрикантъ просто откроетъ отъ своей фабрики контору для розничной продажи.

Мы видимъ, что, при сообразнѣйшемъ съ экономическими принципами устройствѣ быта, количество товаровъ, поступающихъ въ обмѣнъ, будетъ составлять въ общей суммѣ производимыхъ и потребляемыхъ продуктовъ пропорцію гораздо меньшую, чѣмъ нынѣ, и роль обмѣна въ общественной жизни уменьшится, а способъ, которымъ онъ станетъ происходить, будетъ совершенно различенъ отъ запутаннаго механизма нынѣшней торговли, если даже и сохранитъ имя торговли. Покупка на спекуляцію не будетъ имѣть мѣста. Запасы товаровъ, накопляемые теперь спекуляціею, будутъ накопляться разсчетливостью самихъ потребителей, въ томъ родѣ, какъ теперь дѣлаются запасы каждымъ предусмотрительнымъ хозяиномъ, имѣющимъ возможность жить не со дня на день. Теперь эти средства бываютъ далеко не въ каждомъ хозяйствѣ; потому что масса населенія живетъ преждевременною продажею своихъ продуктовъ въ ихъ зародышѣ, продажею труда; но если устранится нужда продавать трудъ, это уже само по себѣ значитъ, что исчезнетъ стѣснительность обстоятельствъ, мѣшающая нынѣ развитію хозяйственной предусмотрительности въ массѣ населенія.

Г. Общій очеркъ распредѣленія.

Книгу объ обмѣнѣ Милль заключаетъ краткимъ обозрѣніемъ результатовъ, доставляемыхъ анализомъ теоріи обмѣна для теоріи распредѣленія. Само собою разумѣется, что и выводы эти у него сдѣланы только въ примѣненіи къ быту, основанному на трехчленномъ дѣленіи продукта, какъ вообще не идетъ онъ въ своемъ изслѣдованіи дальше частнаго видоизмѣненія экономическихъ принциповъ, свойственнаго этой формѣ устройства. Въ примѣненіи къ ней, его заключенія совершенно справедливы. Но мы должны будемъ дополнить ихъ нѣкоторыми замѣчаніями сообразно характеру нашихъ очерковъ, постоянно старающихся показывать, въ какомъ отношеніи находятся нынѣшнія формы экономическихъ явленій къ общимъ принципамъ науки.

Мы (говоритъ Милль) изложили механизмъ, посредствомъ котораго продуктъ страны раздѣляется между разными классами общества: механизмъ этотъ ни больше, ни меньше, какъ механизмъ обмѣна, факторами дѣйствій котораго служатъ законы цѣнности и цѣны. Воспользуемся же пріобрѣтеннымъ знаніемъ, чтобы оглянуться и обозрѣть всю теорію распредѣленія. Раздѣлъ продукта между классами работниковъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ являлся подчиненнымъ силѣ извѣстныхъ общихъ законовъ, когда мы разсматривали его безъ всякаго отношенія къ обмѣну. Теперь намъ слѣдуетъ сообразить, продолжаютъ ли дѣйствовать тѣ же самые законы, когда распредѣленіе совершается посредствомъ многосложнаго механизма обмѣна и денегъ,—или основные принципы видоизмѣняются вліяніемъ особенныхъ свойствъ этого механизма.

Мы видѣли, что кореннымъ образомъ продуктъ человѣческой энергіи и умѣренности раздѣляется на три доли: рабочую плату, прибыль и ренту; и что эти части выдѣляются получающимъ ихъ лицамъ въ видѣ денегъ, процессомъ обмѣна; точнѣе

сказать: капиталистъ, у котораго по обыкновенному общественному устройству остается продуктъ, выплачиваетъ деньгами двумъ другимъ участникамъ рыночную цѣнность ихъ труда и земли. Разсматривая условія, которыми опредѣляется денежная цѣнность труда и пользованія землею, мы найдемъ, что эти цѣнности опредѣляются тѣми же самыми законами, какими опредѣлялась бы рабочая плата и рента въ обществѣ, въ которомъ не было бы ни денегъ, ни обмѣна товаровъ.

Во-первыхъ, очевидно, что законъ рабочей платы остается одинаковъ при существованіи или несуществованіи денегъ. Рабочая плата опредѣляется пропорціею населенія къ капиталу; опредѣлялась бы ею во всякомъ случаѣ, хотя бы весь капиталъ на земномъ шарѣ былъ собственностью одной ассоціаціи, или хотя бы каждый изъ капиталистовъ, между которыми онъ раздѣленъ, содержалъ заведеніе для производства всѣхъ товаровъ, потребляемыхъ обществомъ, и обмѣна товаровъ не существовало бы. А пропорція между населеніемъ и капиталомъ повсюду (кромѣ новыхъ колоній) зависитъ отъ силы задержекъ, которыми останавливается слишкомъ быстрое размноженіе людей; потому для простоты можно сказать, что рабочая плата опредѣляется силою задержекъ размноженія; что если задержкою ему не служитъ смерть отъ голода или изнуренія, то рабочая плата опредѣляется благоразуміемъ рабочаго класса; и что она бываетъ въ извѣстной странѣ очень низка, если работники ея соглашаются на упадокъ своего положенія, не соглашаясь сдерживать своего размноженія.

Но подъ рабочею платою понимается здѣсь реальный размѣръ благосостоянія работниковъ, количество получаемыхъ ими вещей: рабочая плата въ томъ смыслѣ, въ какомъ размѣръ ея важенъ для получающаго; а въ томъ смыслѣ, въ какомъ размѣръ ея важенъ для платящаго, она опредѣляется не исключительно одними этими простыми принципами. Рабочая плата въ первомъ смыслѣ, плата, величиною которой опредѣляется благосостояніе работника, будетъ у насъ называться реальная рабочая плата или рабочая плата натурою. Рабочую плату во второмъ смыслѣ можно въ настоящемъ случаѣ называть намъ денежною рабочею платою; при этомъ будемъ мы принимать (какъ имѣемъ право принимать здѣсь), что деньги въ данное время остаются неизмѣнны, и что не происходитъ измѣненій въ условіяхъ, подъ которыми добывается или получается самое орудіе обмѣна. Если стоимость самихъ денегъ не подвергается измѣненію, то денежная цѣна труда служитъ точною мѣрою стоимости труда и удобно можетъ служить символомъ для ея обозначенія.

Денежная рабочая плата—сложный результатъ двухъ элементовъ: первый изъ нихъ—реальная рабочая плата или плата натурою, иначе сказать, количество обыкновенныхъ предметовъ потребленія, получаемое работникомъ; второй элементъ—денежныя цѣны этихъ предметовъ. Во всѣхъ старыхъ странахъ,—во всѣхъ странахъ, гдѣ размноженіе населенія болѣе или менѣе задерживается трудностью добывать пропитаніе,—обыкновенная денежная цѣна труда—ровно та, при какой работники въ общей сложности только-что могутъ покупать товары, безъ которыхъ не могли бы или не захотѣли бы поддерживать свое размноженіе по привычному проценту. При данной нормѣ ихъ благосостоянія (а подъ нормою благосостоянія рабочаго класса разумѣется та степень благосостоянія, отказаться отъ которой имъ труднѣе, чѣмъ удержаться отъ размноженія) размѣръ денежной рабочей платы опредѣляется денежною цѣною, слѣдовательно, стоимостью производства товаровъ, обыкновенно потребляемыхъ работниками; иначе, если рабочая плата не доставляетъ имъ даннаго количества этихъ товаровъ, ихъ размноженіе ослабѣетъ и рабочая плата поднимется. Пища и другіе земледѣльче-

скіе продукты составляютъ такую преобладающую статью въ этой суммѣ, что мало вліянія остается другимъ предметамъ.

Вотъ здѣсь мы можемъ призвать на помощь себѣ принципы, изложенные въ этой третьей части нашего трактата. Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы анализировали стоимость производства пищи и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Она опредѣляется производительностью наименѣе плодородной земли или дающей наименьшую выручку части употребленнаго капитала, изъ той земли или того капитала, какіе нужны обществу для земледѣльческихъ надобностей. Стоимостью производства пищи, воздѣланной въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, опредѣляется, какъ мы видѣли, мѣновая цѣнность и денежная цѣна всей произведенной пищи. Потому, при данномъ состояніи привычекъ работника, денежная плата ему опредѣляется производительностью наименѣе плодородной земли или наименѣе производительной части земледѣльческаго капитала,—тою степенью, до какой спустилось хлѣбопашество въ своемъ понижающемся ходѣ, въ своемъ захватываніи плохихъ земель и въ своемъ обременяющемся тяготѣніи надъ силами болѣе плодородныхъ земель. А мы знаемъ, что сила, влекущая хлѣбопашество въ этомъ понижающемся ходѣ,—размноженіе, противодѣйствующей силой которому служитъ улучшеніе владѣльческой науки и практики, задерживающее этотъ спускъ тѣмъ, что даетъ извѣстной почвѣ силу съ прежнимъ количествомъ труда доставлять выручку, большую прежней. Стоимость той части продукта, воздѣлываніе которой самое дорогое, служитъ выраженіемъ того, въ какомъ положеніи находится въ данное время борьба, постоянно происходящая между силою размноженія и силою земледѣльческаго искусства.

Докторъ Чомерсъ очень вѣрно замѣчаетъ, что многія важнѣйшія истины политической экономіи раскрываются на послѣднемъ предѣлѣ воздѣлыванія, на той границѣ, которой достигло хлѣбопашество въ своей борьбѣ съ самодѣйствующими силами природы. Степень производительности этого предѣла служитъ показателемъ того положенія, въ какомъ находится въ данное время распредѣленіе продукта между дѣлящими его тремя классами—земледѣльцами, капиталистами и землевладѣльцами.

Когда запросъ возрастающаго населенія на увеличеніе количества хлѣба не можетъ быть удовлетворенъ безъ расширенія хлѣбопашества на менѣе плодородныя земли, или безъ прибавки менѣе производительныхъ затратъ на землю, уже воздѣлываемую, необходимымъ условіемъ этого увеличенія земледѣльческаго продукта служитъ, чтобы предварительно поднялась цѣнность и цѣна этого продукта. Но какъ скоро цѣна поднялась настолько, чтобы приходилась обыкновенная прибыль на прибавочную затрату капитала, цѣна и цѣнность уже не станутъ подниматься выше, чтобы отъ новой земли или отъ новаго расхода на старую землю получалась сверхъ прибыли еще рента. Послѣдняя потребованная въ дѣло часть земли или капитала, занимающая, по выраженію Чомерса, границу хлѣбопашества, не даетъ и не дастъ ренты. Если же она не дастъ ренты, то рента, доставляемая всѣми другими частями земли или земледѣльческаго капитала, будетъ въ точности равняться излишку производимаго ими продукта надъ продуктомъ этой послѣдней части. Средняя цѣна хлѣба всегда будетъ такова, чтобы худшая земля и наименѣе производительная часть капитала, употребленнаго на лучшую землю, ровно давали выручку расхода съ обыкновенною прибылью. Если эта часть земли и капитала даетъ такую выручку, то всѣ другія части земли или капитала будутъ давать излишекъ прибыли, равный выручкѣ съ получаемаго отъ большей ихъ производительности излишка продукта; и дѣйствіемъ соперничества этотъ излишекъ

прибыли перейдетъ къ землевладѣльцамъ. Итакъ, существованіемъ обмѣна и денегъ нимало не измѣняется законъ ренты: онъ остается тотъ самый, какой нашли мы первоначально. Рента—излишекъ выручки на земледѣльческій капиталъ, употребляемый съ особенною выгодою; она въ точности равноцѣнна сбереженію въ стоимости производства, получаемому производителями отъ этихъ выгодъ, и происходитъ оттого, что цѣнность и цѣна продукта устанавливаются стоимостью производства тѣхъ производителей, которые не имѣютъ никакихъ особенныхъ выгодъ; выручкою съ той части земледѣльческаго капитала, которая находится въ наименѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Если же рабочая плата и рента, будучи выплачиваемы деньгами, подчиняются тѣмъ же принципамъ, какими опредѣлялись бы, будучи выдѣляемы продуктомъ въ натурѣ, то ясно, что таково же и положеніе прибыли; потому что прибыль составляетъ излишекъ, остающійся за покрытіемъ рабочей платы и уплатою ренты.

Въ послѣдней главѣ 2 книги мы нашли, что затраты капиталиста, анализируемыя до послѣднихъ элементовъ, оказываются состоящими изъ покупки или содержанія труда и изъ прибылей предшествующихъ капиталистовъ, и что поэтому въ послѣднемъ выводѣ прибыль опредѣляется стоимостью труда, падая при ея возвышеніи и возвышаясь при ея пониженіи. Попробуемъ теперь подробнѣе обозначить ходъ дѣйствій этого закона.

Стоимость труда, вѣрно выражаемая (при предположеніи непзмѣнности денегъ) денежною платою работнику, можетъ увеличиваться двумя способами. Или работникъ можетъ получать большее благосостояніе, то есть можетъ возрастать плата натурою,—реальная рабочая плата; или размноженіе можетъ спускать хлѣбопашество на низшія земли и къ болѣе дорогимъ процессамъ, возвышая такимъ образомъ стоимость производства, цѣнность и цѣну главныхъ предметовъ работническаго потребленія. При той и при другой гипотезѣ величина прибыли падаетъ.

Если работникъ получаетъ товаровъ больше прежняго лишь потому, что они удешевлялись; если при увеличеніи получаемаго имъ количества не увеличилась сумма стоимости этого количества товаровъ, то увеличится реальная, но не увеличится денежная рабочая плата, и величинѣ прибыли не отчего будетъ измѣняться. Но если онъ получаетъ товаровъ больше прежняго, а стоимость производства этихъ товаровъ не уменьшилась, онъ получаетъ большую сумму стоимости, и денежная плата ему увеличивается. Расходъ отъ этого увеличенія денежной рабочей платы весь падаетъ на капиталиста. Нѣтъ возможности вообразить, какъ бы капиталисту уйти отъ этого. Могутъ сказать, да и говорили прежде,—что онъ избавится отъ убытка, поднявъ цѣну продукта. Но это мнѣніе мы уже опровергли вполнѣ и даже не разъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мысль, будто бы отъ возвышенія рабочей платы происходитъ равномѣрное возвышеніе цѣнъ, противорѣчитъ сама себѣ: при возвышеніи цѣнъ не было бы возвышенія рабочей платы; работникъ не получалъ бы никакого товара больше прежняго, какъ бы ни возвышалась денежная плата ему; возвышеніе реальной рабочей платы было бы невозможностью. Это противорѣчитъ и теоріи и факту; потому очевидно, что возвышеніе рабочей платы не возвышаетъ цѣнъ. Общее возвышеніе рабочей платы падаетъ на прибыль; другой альтернативы тутъ нѣтъ.

Разсмотрѣвъ случай, когда денежная рабочая плата и стоимость труда возвышаются оттого, что увеличивается получаемая работникомъ плата натурою, предположимъ теперь, что денежная рабочая плата и стоимость труда увеличиваются отъ увеличенія стоимости производства предметовъ, потребляемыхъ работникомъ, то есть отъ

размноженія, не сопровождаемаго равносильнымъ увеличеніемъ земледѣльческаго искусства. Прибавка къ снабженію, требуемая размножившимся населеніемъ, получится лишь при такомъ возвышеніи цѣны хлѣба, которымъ вознаграждается фермеръ за увеличеніе стоимости производства. Но фермеръ въ этомъ случаѣ подвергается двойному убытку. Онъ долженъ вести хлѣбопашество при условіяхъ производительности, менѣе прежняго благопріятныхъ. Этотъ убытокъ относится лишь къ нему, какъ къ фермеру, и не раздѣляется съ нимъ другими хозяевами,—слѣдовательно, по общимъ принципамъ цѣнности фермеръ будетъ вознагражденъ за него возвышеніемъ цѣны своего товара; да онъ и не представитъ на рынокъ требуемой прибавки къ продукту, пока не возвысится цѣна. Но это самое возвышеніе цѣны вовлекаетъ его въ другую необходимость, за которую онъ не вознаграждается. Онъ долженъ давать своимъ работникамъ денежную плату больше прежней. Эту необходимость раздѣляютъ съ нимъ всѣ другіе капиталисты, потому она не даетъ основанія къ возвышенію цѣны. Цѣна будетъ подниматься до той степени, чтобы онъ сталъ относительно прибыли въ положеніе, равное съ другими капиталистами, чтобы онъ былъ вознагражденъ за ту прибавку къ употребляемому имъ труду, какая нужна для производства даннаго количества хлѣба; но увеличеніе платы за трудъ—обремененіе, общее всѣмъ капиталистамъ, и никто изъ нихъ не можетъ быть вознагражденъ за него. Оно все будетъ выплачиваться изъ прибыли.

Итакъ мы видимъ, что когда увеличеніе рабочей платы бываетъ общимъ для всѣхъ производительныхъ работниковъ и дѣйствительно выражаетъ собою увеличеніе стоимости труда, то оно всегда и необходимо бываетъ на счетъ прибыли. Сдѣлавъ гипотезу съ обратными условіями, мы точно также найдемъ, что когда уменьшеніе рабочей платы представляетъ собою реальное уменьшеніе стоимости производства, оно равнозначительно возвышенію прибыли. Но являющаяся тутъ противоположность денежныхъ выгодъ между классомъ капиталистовъ и классомъ работниковъ остается въ значительной мѣрѣ лишь видимой противоположностью. Размѣръ реальной рабочей платы—вещь совершенно иная, чѣмъ размѣръ стоимости труда, и вообще реальная рабочая плата бываетъ особенно высока въ тѣхъ странахъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и когда, по легкости условій, на которыхъ земля еще даетъ весь требуемый отъ нея продуктъ, цѣнность и цѣна пищи низка, а потому, несмотря на значительность вознагражденія за трудъ, стоимость труда для хозяина очень дешева, и потому прибыль высока; примѣръ тому нынѣ—Соединенные Штаты. Итакъ, мы получаемъ полное подтвержденіе первоначальной нашей теоремы, что величина прибыли опредѣляется стоимостью труда или, выражая еще точнѣе ту же мысль, величина прибыли и стоимость труда измѣняются обратно пропорціонально другъ другу и составляютъ совокупный результатъ дѣйствія однѣхъ и тѣхъ же силъ или причинъ.

Но не надобно ли нѣсколько видоизмѣнить эту теорему, не измѣняется ли она принятіемъ въ разсчетъ той (хотя сравнительно и незначительной) части издержекъ капиталиста, которая состоитъ не изъ рабочей платы, выданной имъ самимъ или предшествовавшими капиталистами, вознаграждаемыми отъ него, а изъ прибыли этихъ предшествующихъ капиталистовъ? Предположимъ, напримѣръ, что въ выдѣлкѣ кожъ сдѣлано изобрѣтеніе, при которомъ стало не нужно оставлять кожу въ дубильномъ чану такъ долго, какъ нынѣ. Сапожники, шорники и другіе мастеровые, употребляющіе кожу, сберегутъ часть той доли стоимости своего матеріала, которая составляется прибылью дубильщика за то время, на какое затрачивается имъ капиталъ; не слѣдуетъ ли сказать, что это сбереженіе можетъ служить для нихъ источникомъ увеличе-

нія прибыли, хотя рабочая плата и стоимость труда нисколько не измѣнились? Нѣтъ, въ этомъ случаѣ всю выгоду получитъ только потребитель, потому что цѣны сапогъ, шорнаго товара и всѣхъ другихъ предметовъ, дѣлаемыхъ изъ кожи, упадутъ настолько, чтобы прибыль производителей спустилась до общаго уровня. Чтобы отстранить возраженіе, предположимъ, что произошло подобное сбереженіе издержекъ вдругъ во всѣхъ отрасляхъ производства. Въ этомъ случаѣ цѣнности и цѣны не измѣнятся; потому прибыль вѣроятно возвысится: но внимательнѣе всмотрѣвшись въ дѣло, мы найдемъ, что причиною возвышенія прибыли тутъ служитъ пониженіе стоимости труда. Прибыль возвысится тутъ, какъ и во всякихъ другихъ случаяхъ возвышенія общей производительности труда, если работникъ будетъ получать лишь прежнюю реальную плату; но сохраненіе прежней реальной платы равнозначительно тутъ уменьшенію стоимости труда, потому что по нашему предположенію уменьшилась стоимость производства всѣхъ предметовъ. Если же, напротивъ, реальная рабочая плата возрастаетъ соразмѣрно улучшенію производства и стоимость труда для хозяина останется прежняя, то затраты капиталиста будутъ составлять прежнюю пропорцію къ его выручкѣ, и величина прибыли останется прежняя.

Дѣйствительно, употребленіе денегъ ни мало не измѣняетъ характера законовъ, по которымъ продуктъ дѣлится на рабочую плату, прибыль и ренту. Денежное хозяйство просто составляетъ принадлежность всякой сколько нибудь высокой степени развитія быта, въ которомъ прибыль и рента отдѣляются отъ рабочей платы.

Рабочая плата въ этомъ бытѣ дѣйствительно опредѣляется уравненіемъ между развитіемъ техническихъ искусствъ и размноженіемъ.

Но при нынѣшнемъ состояніи техническихъ искусствъ обезпечена на нѣсколько поколѣній возможность высокой рабочей платы при самомъ быстромъ размноженіи населенія. Почему же рабочая плата низка?

Рента находится въ обратномъ отношеніи къ успѣхамъ земледѣльческаго искусства. Потому, когда она отдѣляется отъ рабочей платы, она является силою, противодѣйствующею прогрессу земледѣльческой техники, а по связи этой техники съ другими производительными искусствами и съ чистою наукою становится во враждебное отношеніе ко всякому прогрессу. Вотъ коренная причина недостаточности земледѣльческаго продукта. А при недостаткѣ въ этомъ главномъ отдѣлѣ потребленія разстроивается весь ходъ производства.

Прибыль, когда отдѣляется отъ рабочей платы, имѣетъ интересъ какъ можно больше понижать ее, потому что увеличеніе реальной рабочей платы служитъ уменьшеніемъ прибыли, а уменьшеніе реальной рабочей платы— увеличеніемъ прибыли. Такимъ образомъ, благосостояніе работниковъ представляется капиталисту вычетомъ изъ его богатства. А успѣшность производства соразмѣрна умственному и нравственному развитію работниковъ, которое само соразмѣрно ихъ благосостоянію. Такимъ образомъ, отдѣленіе прибыли отъ рабочей платы дѣйствуетъ подобно отдѣленію ренты и рабочей платы: оно замедляетъ успѣхи производства и ослабляетъ успѣшность труда.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ПРОГРЕССЪ.

(Милль, книга четвертая).

А. Вліяніе экономическаго прогресса на рабочую плату, прибыль, ренту, цѣнности и цѣны.—Неподвижное состояніе.

(Глава I—VI).

Въ первыхъ трехъ книгахъ своего трактата Милль разсматривалъ законы и взаимныя отношенія экономическихъ фактовъ. Въ четвертой книгѣ онъ изслѣдуетъ прогрессивное движеніе экономической жизни. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ постепенно ростетъ и размѣръ производства и число населенія. Надобно разсмотрѣть характеръ этого прогрессивнаго движенія, его элементы и его вліяніе на рабочую плату, прибыль, ренту, цѣнности и цѣны.

Въ какомъ періодѣ прогресса находятся теперь передовыя страны?—Очень распространено мнѣніе, что онѣ чуть ли не дошли до высшей точки его, или по крайней мѣрѣ близки къ ней. У насъ очень многіе сбиты съ толку восхищеніемъ передъ нынѣшнимъ состояніемъ западной Европы; въ ней самой многіе довольны имъ, и думаютъ, что дальше идти не надобно. У другихъ нашихъ соотечественниковъ есть мысли о чемъ-то лучшемъ нынѣшняго западно-европейскаго быта, но тутъ же примѣшивается у нихъ мнѣніе о безсиліи западныхъ народовъ осуществить въ своей жизни это лучшее. Неосторожные партизаны такого взгляда на Западную Европу прославились фразою о ея гніеніи. Болѣе осмотрительные люди избѣгаютъ этого выраженія, боясь насмѣшекъ, но говорятъ вещи, ничѣмъ въ сущности не отличающіяся отъ него. Въ своей книгѣ „О свободѣ“ самъ Милль написалъ нѣсколько очень странныхъ тирадъ о томъ, что Западная Европа близка къ китайскому застою, и по обыкновенному несчастью умныхъ людей, вставляющихъ какой нибудь вздоръ въ дѣльныя книги, успѣлъ очаровать этимъ вздоромъ толпу до того, что она изъ за его тирадъ о китаизмѣ, будто бы угрожающемъ западному человѣчеству, забыла всѣ превосходныя мысли, изложенныя въ той же книгѣ и совершенно разрушающія такое удивительное опасеніе. Но вѣдь это у него только увлеченіе чувствомъ, заставившимъ его забыть о хладнокровномъ анализѣ фактовъ,—анализѣ, показывающемъ совершенно противное. Въ трактатѣ о политической эко-

номіи, гдѣ онъ пишетъ не какъ публицистъ, подчиняющійся субъективному впечатлѣнію, а какъ ученый, солидно изслѣдующій сущность дѣла, онъ очень справедливо находитъ, что нынѣшняя цивилизація Западной Европы еще только начинаетъ свою карьеру и что всѣ успѣхи, доселѣ пріобрѣтенные, ничтожны сравнительно съ тѣми, какіе не замедлятъ совершиться, и совершатся отчасти еще на нашихъ глазахъ.

Изъ принадлежностей, характеризующихъ это экономическое движеніе цивилизованныхъ обществъ (говоритъ онъ), прежде всего возбуждаетъ къ себѣ вниманіе, по своей тѣсной связи съ феноменами производства, постоянное и, насколько можетъ предусматривать человѣкъ, безграничное возростаніе власти человѣка надъ природой. Нѣтъ признаковъ, которые показывали бы, что наши знанія о свойствахъ и законахъ физическихъ предметовъ приближаются къ предѣламъ возможной полноты. они расширяются быстрѣе и многостороннѣе, чѣмъ когда либо прежде, а за границами нынѣшняго знанія открываются намъ неизслѣдованныя поля, взглядомъ на которыя оправдывается мнѣніе, что наше знакомство съ природою находится почти еще во младенчествѣ. Эти возростающія физическія знанія быстрѣе чѣмъ когда нибудь обращаются теперь практическимъ умомъ въ физическую силу. Чудеснѣйшее изъ новыхъ изобрѣтеній, не въ метафорическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ осуществляющее сказочныя дѣла волшебниковъ,—электро-магнитный телеграфъ,—явилось не больше какъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ открыта была научная теорія, осуществленіемъ и примѣромъ которой оно служитъ. Наконецъ, исполнительная часть этихъ великихъ научныхъ операцій никогда не отстаетъ отъ научной: теперь не трудно найти или образовать въ обществѣ достаточное число работниковъ, имѣющихъ ловкость, требуемую для исполненія самыхъ тонкихъ процессовъ примѣненія науки къ практическимъ цѣлямъ. Отъ этого соединенія условій невозможно не ожидать длиннаго ряда многочисленныхъ изобрѣтеній для сбереженія труда и увеличенія его продукта, и невозможно не ожидать, что эти изобрѣтенія будутъ все больше входить въ практику и приносить пользу.

Вторая неоспоримая черта прогресса—возростаніе безопасности для лица и имущества. Въ передовыхъ странахъ съ каждымъ поколѣніемъ улучшаются законы, уменьшается возможность безнаказанно оскорблять людей или отнимать у нихъ собственность. Войны становятся рѣже. Даже потери отъ естественныхъ бѣдствій сглаживаются расширеніемъ страхованія.—Мы замѣтимъ, что прогрессъ улучшеній въ политической и даже въ экономической жизни не такъ безостановоченъ, какъ принято говорить объ этомъ. Бываютъ иногда періоды довольно долгаго регресса и въ самыхъ передовыхъ странахъ. Напримѣръ, сама Англія въ очень многихъ отношеніяхъ была отодвинута назадъ реакціоннымъ фанатизмомъ, которому подверглась вслѣдствіе войнъ съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка.

Такихъ случаевъ много въ исторіи каждой страны; необходимо помнить это, чтобы наше убѣжденіе въ преобладаніи прогрессивнаго движенія не обратилось въ идолопоклонничество передъ всякими событіями безъ разбора. Но періоды реакціи служатъ только временными задержками неизбѣжнаго прогресса, который дѣйствительно преобладаетъ въ исторіи всѣхъ цивилизованныхъ странъ, какъ можно видѣть изъ сравненія всякой данной эпохи съ эпохами, настолько далекими отъ нея, чтобы продолжи-

тельностью срока сглаживались вліянія случайныхъ колебаній народной жизни. Если, напримѣръ, мы сличимъ состояніе какой-нибудь западно-европейской страны въ началѣ IX вѣка съ ея положеніемъ въ началѣ XI, или это послѣднее время съ началомъ XIII, мы увидимъ очень значительный размѣръ улучшеній. Съ конца XVII столѣтія ходъ прогресса становится еще быстрѣе, потому что цивилизація уже довольно укрѣпилась и успѣшнѣе прежняго стала бороться съ обстоятельствами, мѣшавшими ея ходу. Тридцатилѣтняя война задержала прогрессъ Германіи на цѣлое столѣтіе: реакція послѣ наполеоновскихъ войнъ не могла продержаться долѣе какихъ нибудь тридцати лѣтъ. За этими исключеніями реакціонныхъ задержекъ, становящихся все менѣе и менѣе продолжительными, ходъ событій дѣйствительно имѣетъ прогрессивное направленіе, которое надобно признать нормальнымъ.—Благодаря прогрессу улучшеній (продолжаетъ Милль), размѣръ производства въ цивилизованныхъ странахъ ростетъ, и дѣловыя способности людей усиливаются,—не столько оттого, чтобы отдѣльный человѣкъ становился сообразительнѣе и находчивѣе,—напротивъ, дикарь часто превосходитъ цивилизованнаго человѣка гибкостью дарованій,—сколько оттого, что люди привыкаютъ къ дружному дѣйствованію.

По мѣрѣ того, какъ они теряютъ качества дикаря, они становятся способны дисциплинироваться, держаться плановъ, предварительно принятыхъ, въ составленіи которыхъ сами не участвовали, подчинять свой личный капризъ принятому впередъ рѣшенію, исполнять поодиночкѣ части, назначенныя каждому въ комбинированномъ предпріятіи. Множество дѣлъ, невозможныхъ для дикарей или полуцивилизованныхъ людей, ежедневно совершаются цивилизованными націями, не потому чтобы въ исполнителяхъ было больше дарованій, а благодаря тому, что каждый можетъ съ увѣренностью ждать отъ другихъ исполненія разныхъ частей дѣла, за которыя берутся они. Словомъ сказать, характеристическую особенность цивилизованныхъ людей составляетъ способность къ сотрудничеству, которая подобно другимъ способностямъ совершенствуется практикой и пріобрѣтаетъ силу постоянно расширять кругъ своихъ приложеній.

Потому, достовѣрнѣйшею принадлежностью прогрессивнаго измѣненія, происходящаго въ обществѣ, служитъ постоянное возрастаніе принципа и практики сотрудничества. Товарищества людей, добровольно соединяющихъ свои небольшія доли нужныхъ средствъ, исполняютъ теперь въ промышленной и во многихъ другихъ сферахъ такія дѣла, на совершеніе которыхъ недостало бы богатства никакого отдѣльнаго лица или небольшаго числа людей, или за совершеніе которыхъ немногія лица, имѣвшія возможность исполнять ихъ, могли прежде брать самое чрезмѣрное вознагражденіе. Мы можемъ ждать, что, по мѣрѣ возрастанія богатства и развитія дѣловой способности, значительно расширится кругъ учрежденій, составляемыхъ совокупными средствами многочисленныхъ товариществъ по промышленнымъ и другимъ дѣламъ,—учрежденій, подобныхъ такъ-называемымъ акціонернымъ компаніямъ, или не имѣющимъ такого формальнаго существованія, но столь многочисленнымъ въ Англіи товариществамъ, собирающимъ суммы для общественныхъ или филантропическихъ цѣлей.

Въ этихъ словахъ мы имѣемъ свидѣтельство знаменитѣйшаго изъ нынѣшнихъ учениковъ Адама Смита о томъ направленіи, въ какомъ идетъ экономическій прогрессъ. Вторая половина статьи будетъ заключать въ себѣ подробное изложеніе взгляда, высказаннаго имъ тутъ мимоходомъ.—

Прогрессъ улучшеній открываетъ безпредѣльное поле расширенію производства и размноженію населенія. Въ какомъ отношеніи между собою находятся эти два послѣдствія прогресса?—Милль говоритъ:

Нѣтъ основаній опасаться, что размноженіе населенія будетъ превосходить мѣру возростанія производства; если же бытъ бѣднѣйшихъ классовъ народа сколько-нибудь улучшается, то размноженіе не будетъ и равняться возростанію производства. Но очень возможно то, что при большомъ прогрессѣ промышленнаго улучшенія, при всѣхъ признакахъ такъ-называемаго національнаго процвѣтанія, при значительномъ возростаніи общаго богатства страны и даже при улучшеніи нѣкоторыхъ сторонъ въ его распредѣленіи,—когда не только богатые становятся богаче, но и многіе изъ бѣдныхъ становятся богаты, когда средніе классы дѣлаются многочисленнѣе и сильнѣе и средства къ благосостоятельной жизни разливаются на большее и большее число людей,—огромный классъ, служащій фундаментомъ всего, будетъ только возростать числомъ, а благосостояніе и образованіе его не будетъ возростать.

Долженъ ли оставаться такой бытъ, при которомъ возможна подобная несообразность? Отвѣтъ на это отлагается у Милля до послѣдней главы четвертой книги, и прежде чѣмъ дать его, онъ занимается изслѣдованіемъ перемѣнъ, производимыхъ прогрессомъ промышленности въ состояніи цѣнностей, цѣнъ, рабочей платы, прибыли и ренты.

Средняя или нормальная цѣнность продуктовъ, не составляющихъ монополіи, опредѣляется стоимостью ихъ производства. Отъ увеличенія силы человѣка надъ природою ростетъ успѣшность его труда, то есть уменьшается стоимость производства. Но цѣнность—явленіе относительное, и если бы стоимость производства всѣхъ товаровъ уменьшалась въ одинаковой степени, цѣнности ихъ оставались бы неизмѣнны [21]). Обыкновенно бываетъ не такъ. Обыкновенно съ увеличеніемъ производства размножается населеніе. А изъ мальтусовой теоремы мы знаемъ, что само по себѣ размноженіе людей ведетъ къ уменьшенію успѣшности труда, обращеннаго на добываніе сырыхъ матеріаловъ и на земледѣліе. Прогрессъ въ этой отрасли промышленности долженъ бороться съ противодѣйствующею ему тенденціею размноженія, увеличивающею стоимость производства матеріаловъ и пищи, между тѣмъ какъ расширеніе ремесленнаго и фабричнаго производства не имѣетъ этой тенденціи, напротивъ, уже и само по себѣ почти всегда ведетъ къ уменьшенію стоимости производства, давая возможность увеличивать сочетаніе труда. Такимъ образомъ, при прогрессѣ производительныхъ усовершенствованій въ размножающемся обществѣ, цѣнность матеріаловъ и земледѣльческихъ продуктовъ обыкновенно возвышается сравнительно съ цѣнностью ремесленныхъ и фабричныхъ продуктовъ. А золото и серебро—матеріалъ, добываемый изъ земли. Потому, говоря вообще, экономическій прогрессъ ведетъ къ возвышенію цѣнности золота и серебра сравнительно съ фабричными товарами, то есть къ пониженію цѣнъ на эти товары.

[21]) Измѣнялись ли бы цѣны, это зависѣло бы оттого, въ какой степени уменьшается стоимость добыванія золота и серебра: если въ одинаковой пропорціи съ другими товарами, цѣны также оставались бы неизмѣнны; если въ меньшей, цѣны возвышались бы; если въ большей, цѣны понижались бы.

Таково дѣйствіе прогресса на цѣнности и цѣны. Посмотримъ теперь, какъ онъ дѣйствуетъ на рабочую плату, прибыль и ренту при трехчленномъ дѣленіи продукта. Онъ имѣетъ три главныя черты: возростаніе капитала, размноженіе населенія и улучшеніе производительныхъ процессовъ. Разсмотримъ сначала каждую изъ этихъ трехъ сторонъ прогресса отдѣльно, предполагая двѣ остальныя стороны неизмѣняющимися.

Сначала предположимъ, что возростаетъ населеніе при неподвижности капитала и производительныхъ искусствъ. Одно изъ послѣдствій этого измѣненія дѣлъ очевидно: рабочая плата будетъ падать; рабочіе классы будутъ впадать въ худшее положеніе. Положеніе капиталиста, напротивъ, станетъ улучшаться. При одинаковомъ капиталѣ онъ можетъ покупать больше труда и получать больше продукта. Процентъ его прибыли возростаетъ. Количество товаровъ, получаемое работникомъ, уменьшается, а въ ходѣ ихъ производства, по нашему предположенію, нѣтъ никакой перемѣны: потому уменьшеніе количества составляетъ уменьшеніе стоимости. Вознагражденіе работника не только становится меньше само по себѣ, но и становится продуктомъ меньшаго количества труда. Первое обстоятельство важно для самого работника, второе — для его хозяина.

Тутъ еще не является никакихъ причинъ, измѣняющихъ цѣнность разныхъ товаровъ, и потому еще не являлось причины для повышенія или для пониженія ренты. Но если мы взглянемъ на второй періодъ въ ряду дѣйствій этого факта, то увидимъ фактъ, измѣняющій ренту. Число работниковъ размножилось; пропорціонально тому понизилось ихъ положеніе: между увеличившимся числомъ раздѣляется продуктъ прежняго количества труда. Но сократить свои расходы они могутъ по другимъ надобностямъ, а не по продовольствію: каждый быть можетъ потребляетъ прежнее количество пищи прежней стоимости; а если они и уменьшатъ потребленіе пищи, то въ меньшей пропорціи, чѣмъ увеличилось ихъ число. Въ такомъ случаѣ, несмотря на уменьшеніе реальной рабочей платы, размножившееся населеніе потребуетъ большаго количества пищи. Но промышленное искусство и знанія остаются, по нашему предположенію, неподвижны; потому количество пищи можно увеличить только введеніемъ обработки худшей земли или способовъ воздѣлыванія, менѣе производительныхъ пропорціонально расходу на нихъ. Въ капиталѣ на это расширеніе земледѣлія не будетъ недостатка: правда, что по нашему предположенію нѣтъ увеличенія въ существующемъ капиталѣ; но достаточное количество его можетъ быть взято изъ промышленности, прежде удовлетворявшей другія менѣе настоятельныя нужды, въ которыхъ работники принуждены теперь отказывать себѣ. Потому будетъ произведено прибавочное количество пищи, но произведено по увеличившейся стоимости, и мѣновая цѣнность земледѣльческаго продукта должна подняться.

Изъ принциповъ, уже извѣстныхъ намъ, слѣдуетъ, что при такомъ положеніи дѣлъ рента поднимается. Каждая земля можетъ платить и при свободномъ соперничествѣ платитъ ренту, равную излишку ея продукта надъ выручкою на такой же капиталъ съ самой худшей земли или въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Потому, если земледѣліе принуждено спускаться на худшую землю или до болѣе тяжелыхъ процессовъ, рента возвышается. Возвышается она вдвойнѣ. Во-первыхъ, увеличивается рента въ натурѣ или по хлѣбному счету; во-вторыхъ, по увеличенію цѣнности земледѣльческаго продукта рента возвышается также по оцѣнкѣ на фабричные или иностранные товары (если цѣнность ихъ остается безъ перемѣнъ, это увеличеніе ренты выразится въ денежномъ ея счетѣ).

Если послѣ всего сказаннаго нужно еще обозрѣть ходъ этого процесса, порядокъ его таковъ: хлѣбъ поднимается въ цѣнѣ, чтобы оплачивался съ обыкновенною прибылью капиталъ, нужный на производство добавочнаго хлѣба съ худшей земли или черезъ болѣе дорогіе процессы. Относительно этого добавочнаго хлѣба возвышеніе цѣны только равномѣрно добавочнымъ издержкамъ. Но распространяясь на весь хлѣбъ, оно даетъ лишнюю прибыль на всемъ хлѣбѣ, кромѣ послѣдняго добавочнаго количества. Если фермеръ производилъ прежде 100 квартеровъ пшеницы по 40 шиллинговъ, а теперь требуется 120 квартеровъ, изъ которыхъ послѣдніе 20 нельзя произвести дешевле 45 шиллинговъ, то онъ получаетъ по 5 шиллинговъ прибавки на всѣхъ 120 квартерахъ, а не на однихъ послѣднихъ 20. Такимъ образомъ онъ имѣетъ, сверхъ обыкновенной прибыли, 500 шиллинговъ (25 фунтовъ), и при свободномъ соперничествѣ онъ не удержитъ въ своихъ рукахъ эту прибавку. Но отдать ее потребителю онъ не можетъ быть вынужденъ, потому что цѣна меньше 45 шиллинговъ была бы несовмѣстна съ производствомъ послѣднихъ 20 квартеровъ. Итакъ, цѣна останется на 45 шиллингахъ, и 25 фунтовъ будутъ переданы соперничествомъ не потребителю, а землевладѣльцу. Потому возвышеніе ренты служитъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ увеличенія въ запросѣ на земледѣльческій продуктъ, если съ этимъ увеличеніемъ запроса не бываетъ усовершенствованія въ производствѣ. Послѣ этого окончательнаго разъясненія, мы станемъ принимать нашу теорему за безспорную.

Введенный теперь новый элементъ,—увеличеніе запроса на пищу,—кромѣ того, что возвышаетъ ренту, производитъ перемѣну въ распредѣленіи продукта между капиталистами и работниками. Размноженіе населенія уменьшило плату за трудъ; и если стоимость труда уменьшилась настолько же, какъ его дѣйствительное вознагражденіе, то прибыль увеличится всею разницею между прежнею и нынѣшнею рабочею платою. Если же размноженіе населенія ведетъ къ увеличенію производства пищи, невозможному безъ увеличенія стоимости производства, то стоимость труда не уменьшится настолько, какъ дѣйствительное вознагражденіе за трудъ, и потому возвысится не всею разницею между прежнею и нынѣшнею рабочею платою прибыль. Очень можетъ быть, что прибыль и вовсе не увеличится. Быть можетъ работники имѣли прежде такія удобства жизни, что вся потеря ихъ можетъ покрыться уменьшеніемъ другихъ ихъ удобствъ, и необходимость или рѣшимость не дозволяетъ имъ потреблять пищи меньше или пищу хуже прежней. Производство пищи для прибылыхъ людей можетъ сопровождаться такимъ увеличеніемъ издержекъ, что рабочая плата, хотя и уменьшившись въ количествѣ, будетъ представлять собою такую же стоимость—быть продуктомъ такого же количества труда, какъ прежде, и капиталистъ тогда вовсе не получитъ выгоды. Тутъ потеря работника отчасти поглощается прибавочнымъ трудомъ, нужнымъ на производство послѣдней прибавки земледѣльческаго продукта, а остальная часть потери выигрывается землевладѣльцемъ, который одинъ всегда получаетъ выгоду отъ размноженія населенія.

Перемѣнимъ теперь гипотезу. Прежде мы предполагали неподвижность капитала при размноженіи населенія, а теперь предположимъ возростаніе капитала при неподвижности населенія; естественныя и техническія условія производства мы попрежнему предположимъ неизмѣняющимися. Дѣйствительная рабочая плата теперь будетъ не падать, а возвышаться; стоимость производства вещей, потребляемыхъ работникомъ, не уменьшается; потому возвышеніе рабочей платы равнозначительно соразмѣрному увеличенію стоимости труда и уменьшенію прибыли. Иными словами: работники не стали

многочисленнѣе прежняго, и производительная сила ихъ труда осталась прежняя; потому увеличенія въ продуктѣ нѣтъ; стало быть возвышеніе рабочей платы должно обращаться въ потерю капиталиста. Очень можетъ быть, что стоимость труда увеличилась больше, чѣмъ дѣйствительное вознагражденіе за него. Улучшеніе въ бытѣ работниковъ, можетъ быть, увеличило запросъ на пищу. Быть можетъ она была прежде такъ дурна, что работники не имѣли достаточнаго продовольствія и теперь стали потреблять больше прежняго; или быть можетъ прибавку своихъ средствъ они вздумали вполнѣ или отчасти употреблять на болѣе дорогую пищу, требующую больше труда и большаго пространства земли,—напримѣръ, стали ѣсть пшеницу, вмѣсто овса или картофеля. Расширеніе земледѣлія обыкновенно соединено съ возвышеніемъ стоимости производства или цѣны; такъ-что кромѣ увеличенія стоимости труда отъ увеличенія рабочей платы, стоимость труда увеличится, а прибыль понизится еще отъ увеличенія стоимости товаровъ, составляющихъ рабочую плату. Отъ тѣхъ же обстоятельствъ возвысится рента. За вычетомъ выигрыша работниковъ, остальная потеря капиталистовъ отчасти пойдетъ въ выгоду землевладѣльца, отчасти поглотится стоимостью производства пищи на худшей землѣ или менѣе производительными способами.

Познакомившись съ перемѣнами, происходящими въ этихъ двухъ простѣйшихъ случаяхъ, когда размножается населеніе безъ возростанія капитала и когда возростаетъ капиталъ безъ размноженія населенія, мы легко поймемъ перемѣны, происходящія въ сложномъ случаѣ, когда ростутъ вмѣстѣ и капиталъ и населеніе. Если одинъ изъ этихъ элементовъ ростетъ быстрѣе другаго, сложный случай обращается въ простой случай возростанія одного этого перевѣшивающаго элемента. Слѣдовательно, остается только разсмотрѣть перемѣны, происходящія тогда, когда оба элемента ростутъ одинаково быстро, то есть когда на работника приходится прежнее количество продуктовъ при размноженіи населенія.

Если при размноженіи населенія положеніе работника остается прежнее, запросъ на пищу ростетъ, а производительныя искусства по нашему предположенію не совершенствуются, слѣдовательно стоимость производства пищи ростетъ, ростетъ цѣна хлѣба, ростетъ и рента. Рабочая плата, сохраняя прежнюю реальную величину, ростетъ въ стоимости и въ денежной цѣнѣ, а прибыль уменьшается.

Мы разсмотрѣли дѣйствіе прогресса двухъ элементовъ, капитала и населенія. Теперь перейдемъ къ третьему, къ улучшенію производства совершенствованіемъ производительныхъ процессовъ (или полученіемъ продукта изъ мѣстъ, гдѣ онъ производится по меньшей стоимости). Для удобства, опять предположимъ сначала, что ростетъ одинъ этотъ элементъ, а два другіе остаются неизмѣнны.

Улучшеніе можетъ относиться къ нѣкоторымъ изъ предметовъ необходимости или комфорта, входящихъ въ обыкновенное потребленіе рабочаго класса; можетъ также примѣняться только къ предметамъ роскоши, потребляемымъ болѣе богатыми людьми. Но очень рѣдко великія промышленныя улучшенія принадлежатъ исключительно къ послѣднему разряду. Земледѣльческія улучшенія относятся прямо къ главнымъ предметамъ расходовъ работника, если не относятся спеціально къ какимъ нибудь рѣдкимъ и особеннымъ продуктамъ. Паровая машина и всѣ другія изобрѣтенія, дающія въ распоряженіе человѣка силу, примѣняясь ко всему, примѣняются конечно и къ предме-

тамъ, потребляемымъ работниками. Даже паровой станокъ и ткацкая машина, прилагающіеся къ самымъ нѣжнымъ матеріямъ, ровно столько же прилагаются къ грубымъ бумажнымъ и шерстянымъ тканямъ, носимымъ работниками. Всѣ улучшенія въ способахъ передвиженія удешевляютъ перевозку и предметовъ необходимости вмѣстѣ съ предметами роскоши. Почти каждая новая отрасль промышленности имѣетъ прямымъ или косвеннымъ слѣдствіемъ удешевленіе производства или перевозки тѣхъ или другихъ предметовъ, потребляемыхъ массою народа. Такимъ образомъ можно сказать, что улучшенія въ производствѣ вообще имѣютъ тенденцію удешевлять товары, на которые расходуется плата рабочаго класса.

Касаясь товаровъ, вообще не потребляемыхъ работниками, улучшеніе не производитъ никакой перемѣны въ распредѣленіи продукта. Правда, оно удешевляетъ товары, которыхъ касается; при уменьшеніи стоимости производства, они падаютъ въ цѣнности и цѣнѣ, и удобства жизни увеличиваются у нихъ потребителей, будутъ ли эти потребители землевладѣльцы, капиталисты или спеціальные работники, находящіеся въ привилегированномъ положеніи. Но процентъ прибыли не возвышается. Валовая прибыль по оцѣнкѣ на товары увеличивается; но также увеличилась и цѣнность капитала по оцѣнкѣ его на эти товары. Прибыль составляетъ такой же процентъ на капиталъ, какъ прежде. Капиталисты выигрываютъ не какъ капиталисты, а какъ потребители. Точно такимъ же выигрышемъ пользуются землевладѣльцы и привилегированные классы работниковъ, если они потребители того же товара.

Иной характеръ имѣютъ улучшенія, уменьшающія стоимость производства предметовъ необходимости или товаровъ, составляющихъ обычное потребленіе массы работниковъ. Вліяніе различныхъ силъ въ этомъ случаѣ довольно многосложно; потому надобно разобрать его подробнѣе.

Земледѣльческія усовершенствованія бываютъ двоякаго рода. Одни состоятъ въ простомъ сбереженіи количества труда, давая возможность производить извѣстное количество пищи съ меньшими расходами, но не производить его на меньшемъ пространствѣ земли. Другія даютъ возможность получать съ меньшимъ количествомъ труда, на данномъ пространствѣ земли, продуктъ не только не меньше, а даже больше прежняго, такъ-что если не требуется увеличенія продукта, то становится излишнею часть земли, воздѣлывавшейся прежде. Часть земли, бросаемая въ этомъ случаѣ, будетъ земля наименѣе производительная; потому рынокъ будетъ зависѣть отъ земли лучшаго сорта, чѣмъ какой воздѣлывался прежде.

Чтобы разъяснить вліяніе такого усовершенствованія, мы должны предположить, что оно происходитъ внезапно, такъ-что во время его исполненія не успѣетъ возрости ни капиталъ, ни населеніе. Первымъ результатомъ такого случая будетъ пониженіе цѣнности и цѣны земледѣльческаго продукта. Оно необходимо слѣдуетъ за обоими разрядами земледѣльческихъ улучшеній, но въ особенности за улучшеніями втораго разряда.

Улучшеніе перваго разряда, не увеличивающее продукта, не даетъ возможности бросить часть земли; предѣлъ воздѣлыванія (по выраженію Чомерса) не передвигается; цѣна опредѣляется тою же землею и тѣмъ же капиталомъ, какъ прежде. Но эта земля или этотъ капиталъ производитъ теперь пищу съ меньшею стоимостью; и пропорціально тому упадетъ цѣна пищи. Если сбережена десятая часть издержекъ производства, цѣна продукта падетъ на десятую часть.

Но предположимъ, что усовершенствованіе принадлежитъ ко второму разряду,

дающему землѣ не только возможность производить прежнее количество пищи съ уменьшеніемъ труда на десятую часть, но и производить съ прежнимъ трудомъ на десятую часть больше хлѣба, чѣмъ прежде. Тутъ результатъ улучшенія будетъ еще сильнѣе. Воздѣлываемое пространство можетъ быть теперь уменьшено и запросъ рынка удовлетворенъ меньшимъ количествомъ земли. Если бъ это меньшее пространство земли по среднему качеству и было не выше прежняго большаго пространства, цѣна все-таки упала бы на десятую часть, потому что прежній продуктъ получался бы теперь количествомъ труда, уменьшившимся на десятую часть; но покинутая часть земли —наименѣе плодородная часть, потому цѣна продукта будетъ установляться землею лучшаго качества, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ сверхъ, первоначальнаго уменьшенія издержекъ производства на десятую часть, будетъ еще дальнѣйшее уменьшеніе, пропорціональное отступленію „земледѣльческаго предѣла“ на землю, болѣе плодородную. Цѣна упадетъ вдвойнѣ.

Разсмотримъ теперь дѣйствіе такихъ внезапныхъ усовершенствованій на распредѣленіе продукта, и во-первыхъ, на ренту. Улучшеніе перваго разряда уменьшаетъ ренту; улучшеніе втораго разряда уменьшаетъ ее еще сильнѣе.

Предположимъ, что запросъ на пищу требуетъ воздѣлыванія трехъ сортовъ земли, дающихъ, на равномъ пространствѣ и при равныхъ расходахъ, по 100, 80 и 60 бушелей пшеницы. Средняя цѣна пшеницы будетъ достаточна для того, чтобы земля третьяго сорта могла воздѣлываться съ обыкновенною прибылью. Потому земля перваго сорта будетъ давать 40, а втораго—20 бушелей излишка прибыли, который составитъ ренту землевладѣльца. Предположимъ теперь сначала, что сдѣлано улучшеніе, которое, не открывая возможности получать хлѣба больше прежняго, даетъ возможность получать прежнее количество хлѣба съ уменьшеніемъ труда на четвертую долю. Цѣна хлѣба упадетъ въ такой же пропорціи, и 80 бушелей будутъ продаваться за цѣну, какой стоили прежде 60 бушелей. Но продуктъ земли, дающей 60 бушелей, остается нуженъ, а издержки уменьшились соразмѣрно цѣнѣ; земля эта еще можетъ воздѣлываться съ обыкновенною прибылью. Потому земля перваго и втораго норта будетъ давать по прежнему 40 и 20 бушелей излишка и хлѣбная рента останется прежняя. Но хлѣбъ упалъ въ цѣнѣ на 4-ю долю; потому прежняя хлѣбная рента потеряла четвертую долю прежней цѣнности по счету на деньги и всѣ другіе товары. Въ той части дохода, которую земледѣлецъ употреблялъ на фабричные и иностранные продукты, онъ потерялъ четвертую долю. Доходъ его, какъ землевладѣльца, сталъ равняться только тремъ четвертямъ прежней величины, и лишь только какъ потребитель хлѣба онъ остался въ прежнемъ положеніи.

Если же улучшеніе будетъ втораго разряда, рента упадетъ еще сильнѣе. Предположимъ, что требуемое рынкомъ количество продукта можетъ быть получаемо съ уменьшеніемъ на четвертую часть не только труда, но и пространства воздѣлываемой земли. Еслибы продолжать воздѣлываніе всего прежняго пространства, получилось бы продукта гораздо больше, чѣмъ надобно. Надобно бросить часть земли, дававшую прежде четвертую часть продукта; земля третьяго сорта давала ровно эту четвертую часть (60 бушелей изъ 240), потому прекратится воздѣлываніе земли третьяго сорта. 240 бушелей могутъ теперь получаться съ земли однихъ первыхъ двухъ сортовъ: земля перваго сорта дастъ на одну треть больше 100 бушелей, то есть $133^1/_3$ бушелей, а втораго сорта 80 бушелей съ прибавкою третьей части, то есть $106^2/_3$ бушелей; всего 240 бушелей. Теперь низшій сортъ земли уже не второй, а третій, и онъ

опредѣляетъ цѣну. Теперь довольно если не 60, а $106^2/_3$ бушелей оплачиваютъ капиталъ съ обыкновенною прибылью. Потому цѣна хлѣба упадетъ не съ 80 на 60, какъ въ прежнемъ случаѣ, а съ $106^2/_3$ на 60. Но еще и это не даетъ намъ полнаго понятія объ огромности паденія ренты. Весь продуктъ земли втораго сорта надобенъ теперь на покрытіе издержекъ производства. Это — самый худшій сортъ воздѣлываемой земли и потому онъ не даетъ ренты. А первый сортъ даетъ только разницу между $133^1/_3$ и $106^1/_3$ бушелей, то есть только $36^2/_3$ бушелей, вмѣсто прежнихъ 40. Въ одной хлѣбной рентѣ землевладѣльцы потеряли $33^1/_3$ изъ 60 бушелей, а цѣнность и цѣна оставшейся имъ доли упала по пропорціи съ $106^2/_3$ на 60.

Мы видимъ такимъ образомъ, что выгода землевладѣльца значительно противна быстрому и всеобщему введенію земледѣльческихъ улучшеній. Этотъ выводъ многіе называютъ парадоксомъ и обвиняютъ изъ-за него въ умственной испорченности или въ недостаткахъ еще худшихъ Рикардо, который первый высказалъ такое заключеніе. Въ чемъ тутъ парадоксальность,—я не могу понять, а умственную испорченность нахожу я не въ Рикардо, а въ людяхъ, нападающихъ на него. Выводъ Рикардо кажется нелѣпъ лишь тогда, когда излагается въ превратномъ видѣ. Еслибы Рикардо говорилъ, что землевладѣльцу убыточно улучшеніе его помѣстья, такой мысли нельзя было бы защищать; но говорится вовсе не то: землевладѣлецъ терпитъ убытокъ отъ улучшеній не его помѣстья, а другихъ помѣстій, хотя бы вмѣстѣ съ ними улучшалось и его помѣстье. Никто не сомнѣвается, что онъ очень много выигралъ бы отъ улучшенія, еслибы могъ удержать улучшеніе на одномъ своемъ помѣстьѣ и соединить выигрышъ отъ увеличенія продукта своей земли съ прежнею высокою цѣною. Но если улучшеніе происходитъ одновременно на всѣхъ земляхъ, то цѣна не останется на прежней высотѣ, и нѣтъ ничего страннаго утверждать, что землевладѣльцы въ этомъ случаѣ не выигрывали бы, а проигрывали бы. Всѣ согласны, что всякая перемѣна, навсегда понижающая цѣну продукта, уменьшаетъ ренту; и совершенно согласенъ съ господствующими понятіями выводъ, что если бы отъ увеличенія производительности земли понадобилось воздѣлывать меньшее пространство земли, чѣмъ прежде, то цѣнность земли упала бы, какъ падаетъ цѣнность всякаго другаго предмета, запросъ на который уменьшается.

Я совершенно готовъ согласиться, что въ дѣйствительности рента не понижалась отъ земледѣльческихъ усовершенствованій; но почему не было пониженія? Потому, что улучшеніе въ дѣйствительности никогда не бывало внезапно, а всегда происходило медленно, никогда много не опережало успѣховъ капитала и населенія, а часто далеко отставало отъ нихъ; а увеличеніе капитала и населенія, въ противоположность понижающимъ ренту улучшеніямъ, возвышаетъ ее, и, какъ мы сейчасъ увидимъ, увеличеніе капитала и населенія пользуется самыми земледѣльческими усовершенствованіями для сильнѣйшаго возвышенія ренты, благодаря тому, что расширяется предѣлъ воздѣлыванія. Но сначала мы должны разсмотрѣть, какое вліяніе на прибыль и рабочую плату произвело бы внезапное удешевленіе земледѣльческаго продукта.

Въ началѣ денежная рабочая плата, по всей вѣроятности, осталась бы прежняя и весь выигрышъ дешевизны пошелъ бы въ пользу работниковъ. Они могли бы увеличить свое потребленіе пищи или другихъ предметовъ и получали бы за прежнюю стоимость большее количество товаровъ. Пока это продолжится, прибыль останется безъ перемѣны. Но постоянный размѣръ вознагражденія работниковъ зависитъ въ сущности отъ того, что мы назвали обычною нормою ихъ потребленія, отъ размѣра требованій, безъ удовлетворенія которымъ не хотятъ они имѣть дѣтей. Если ихъ вкусы и потреб-

ности прочно измѣнятся отъ внезапнаго улучшенія въ ихъ положеніи, то выигрышъ сословія работниковъ будетъ проченъ. Но обстоятельство, дающее имъ возможность покупать большее количество удобствъ и удовольствій при прежней платѣ, также даетъ имъ возможность покупать прежнее количество удобствъ и удовольствій при пониженіи платы, и населеніе можетъ теперь размножиться безъ пониженія того быта, къ которому привыкли работники. До сихъ поръ работники только въ этомъ смыслѣ вообще и пользовались всякимъ увеличеніемъ своихъ средствъ къ жизни: они принимали его только для того, чтобы размѣнять на продовольствіе для большаго числа дѣтей. Потому надобно полагать, что улучшеніе въ производствѣ послужитъ возбужденіемъ къ размноженію, и что въ слѣдующемъ поколѣніи дѣйствительная рабочая плата будетъ не выше той, какая существовала до улучшенія: она понизится частью отъ пониженія денежной платы, частью отъ возвышенія цѣны пищи, стоимость которой снова возрастетъ отъ запроса, произведеннаго размноженіемъ населенія. Прибыль возвысится въ той пропорціи, въ какой упадетъ денежная рабочая плата, потому что капиталистъ прежнимъ расходомъ капитала будетъ покупать большее количество труда, имѣющаго прежнюю успѣшность. Такимъ образомъ мы видимъ, что когда стоимость предметовъ необходимости уменьшается отъ земледѣльческихъ улучшеній или отъ ввоза иностранныхъ продуктовъ, а привычки и потребности работниковъ не возвышаются, то денежная рабочая плата и рента понижается, а общій процентъ прибыли увеличивается.

О замѣнѣ дорогаго сорта пищи болѣе дешевымъ надобно сказать то же, что и объ улучшеніяхъ, удешевляющихъ производство пищи. Данное количество земли съ даннымъ количествомъ труда производитъ въ формѣ маиса или картофеля гораздо больше продовольствія, чѣмъ въ формѣ пшеницы. Если работники покинутъ пшеничный хлѣбъ и будутъ питаться только маисомъ и картофелемъ, вознаграждая себя за то не увеличеніемъ потребленія другихъ предметовъ, а болѣе раннимъ бракомъ и рожденіемъ большаго числа дѣтей, то стоимость труда значительно уменьшится, потому что пищу для цѣлаго населенія можно будетъ тогда производить на половинѣ или одной третьей части земли, засѣваемой нынѣ хлѣбомъ. Очевидно также, что земля, слишкомъ плохая для пшеницы, можетъ въ случаѣ необходимости давать количество картофеля, нужное на продовольствованіе незначительнаго труда, воздѣлывающаго этотъ картофель; производительная сила земли допускала населенію размножаться гораздо больше нынѣшняго; потому при картофельной или маисной системѣ воздѣлываніе можетъ напослѣдокъ спуститься и ниже, а рента подняться и выше степени, возможной при хлѣбной системѣ.

Если улучшеніе происходитъ не въ производствѣ пищи, а въ производствѣ фабричнаго товара, потребляемаго рабочимъ классомъ, оно будетъ имѣть такое же дѣйствіе на рабочую плату и прибыль; но оно подѣйствуетъ иначе на ренту. Если окончательнымъ слѣдствіемъ улучшенія будетъ размноженіе населенія, то рента не понизится, а повысится. Причинъ тому не нужно излагать по ихъ очевидности.

Мы разсматривали, какъ измѣняется распредѣленіе продукта на ренту, прибыль и рабочую плату, съ одной стороны, отъ обыкновеннаго возростанія населенія и капитала, а съ другой стороны отъ улучшеній въ производствѣ и особенно въ земледѣліи. Мы нашли, что отъ перемѣнъ перваго рода прибыль понижается, а рента и стоимость труда возвышается; что земледѣльческія усовершенствованія имѣютъ тенденцію понижать ренту, а всѣ улучшенія, которыми удешевляются предметы, потребляемые работниками, ведутъ къ уменьшенію стоимости труда и къ возвышенію прибыли. Узнавъ

такимъ образомъ тенденцію каждой причины, дѣйствующей въ отдѣльности, намъ легко опредѣлить тенденцію дѣйствительнаго хода вещей, въ которомъ одновременно идутъ оба эти движенія: капиталъ и населеніе возростаютъ довольно постоянно, происходятъ по временамъ земледѣльческія улучшенія, а знаніе и употребленіе улучшенныхъ способовъ постепенно распространяются въ обществѣ.

При данныхъ обычаяхъ и потребностяхъ рабочаго класса, служащихъ нормою реальной рабочей платы, рента, прибыль и денежная рабочая плата въ каждое данное время бываютъ произведеніемъ сложнаго дѣйствія этихъ противоположныхъ силъ. Если въ извѣстный періодъ земледѣльческія улучшенія развиваются быстрѣе населенія, то рента и денежная рабочая плата въ этомъ періодѣ будутъ имѣть тенденцію падать, а прибыль возвышаться. Если же населеніе размножается быстрѣе, чѣмъ идетъ земледѣльческое улучшеніе, то возможны два случая: или работники соглашаются на пониженіе въ количествѣ или въ качествѣ своей пищи, или, когда несогласны они на это, рента и денежная рабочая плата будутъ постепенно подниматься, а прибыль падать.

Земледѣльческое искусство и знаніе ростутъ медленно, а разливаются еще медленнѣе. Изобрѣтенія и открытія также случаются лишь по временамъ, а возростаніе населенія и капитала дѣйствуетъ постоянно. Потому рѣдко бываетъ, чтобы усовершенствованіе даже на короткое время могло такъ опередить ростъ населенія и капитала чтобы дѣйствительно понизить ренту или повысить процентъ прибыли. Во многихъ странахъ населеніе и капиталъ ростутъ не быстро; но земледѣльческое улучшеніе въ нихъ дѣйствуетъ еще слабѣе. Размноженіе почти вездѣ сяготѣетъ надъ земледѣльческимъ улучшеніемъ и сглаживаетъ его дѣйствія почти при самомъ ихъ появленіи.

Земледѣльческое улучшеніе рѣдко понижаетъ ренту потому, что рѣдко оно удешевляетъ пищу, а почти всегда только мѣшаетъ ей дорожать; рѣдко оно выводитъ изъ-подъ обработки землю или и никогда не успѣваетъ въ этомъ,—оно только даетъ возможность землѣ все низшихъ и низшихъ сортовъ воздѣлываться на удовлетвореніе ростущаго запроса.

Такимъ образомъ земледѣльческое улучшеніе можно считать не столько силою, противоборствующею вліянію размноженія, сколько силою, отчасти ослабляющею узы, связывающія размноженіе.

При совокупномъ вліяніи размноженія, роста капитала и земледѣльческихъ усовершенствованій, возростаніе производства дѣйствуетъ на распредѣленіе продукта далеко не такъ, какъ дѣйствовали различныя силы въ гипотетическихъ случаяхъ, изложенныхъ нами. Въ особенности рента подвергается тутъ измѣненію, существенно различному отъ перемѣнъ, изложенныхъ нами. Мы говорили, что великое земледѣльческое улучшеніе при внезапномъ и всеобщемъ введеніи своемъ непремѣнно понизило бы ренту, а въ дѣйствительномъ развитіи общества улучшенія даютъ рентѣ возможность постепенно подниматься до высоты, недостижимой безъ нихъ, доставляя средства воздѣлывать гораздо худшіе сорты земли. Но въ случаѣ, предполагаемомъ нами теперь и близко соотвѣтствующемъ дѣйствительному ходу дѣлъ, они немедленно имѣютъ это дѣйствіе, которое прежде являлось только отдаленнымъ результатомъ ихъ. Предположимъ, что воздѣлываніе достигло или почти достигло крайняго предѣла, допускаемаго положеніемъ техническихъ искусствъ, и потому рента почти достигла крайней высоты, до какой можетъ подняться возростаніемъ населенія и капитала при существующемъ размѣрѣ искусства и знанія. Если бы внезапно было введено большое земледѣльческое улучшеніе, оно могло бы оттѣснить ренту далеко назадъ, предоставляя ей возвратить

потерянное ею при дальнѣйшемъ возростаніи населенія и капитала, и потомъ подниматься еще выше прежняго. Но если такое улучшеніе происходитъ медленно, какъ и всегда бываетъ, оно не оттѣсняетъ назадъ ни ренту, ни воздѣлываніе; оно только даетъ возможность рентѣ подниматься, а земледѣлію расширяться гораздо дальше предѣла, на которомъ они остановились бы безъ него. Такое дѣйствіе оно произвело бы и безъ необходимости спускаться на худшій сортъ земли, уже однимъ тѣмъ, что при немъ земля, воздѣлывавшаяся прежде, начинаетъ давать больше продукта безъ пропорціональнаго увеличенія стоимости. Если бы отъ земледѣльческихъ улучшеній всѣ воздѣлываемыя земли стали, даже съ полнымъ удвоеніемъ труда и капитала, давать удвоенный продуктъ, то всѣ ренты удвоились бы (конечно, предполагая, что по возростанію населенія потребовалось бы это удвоеніе продукта).

Чтобы увидѣть доказательство тому, возвратимся къ прежнему нашему числовому примѣру. Три сорта земли, при одной затратѣ, даютъ съ одинаковаго пространства по 100, 80 и 60 бушелей. Если не больше, какъ съ удвоеніемъ расходовъ и потому безъ увеличенія стоимости производства, земля № 1-й станетъ давать 200, № 2-й—160, а № 3-й—120 бушелей, а если населеніе, удвоившись, потребуетъ всей этой прибавки продукта, то рента № 1-й будетъ не 40, а уже 80 бушелей, рента № 2-й— не 20, а уже 40 бушелей, а цѣна и цѣнность бушеля хлѣба останется прежняя; такимъ образомъ рента въ хлѣбѣ и денежная рента удвоятся. Нѣтъ надобности выставлять разницу между этимъ результатомъ, который, какъ мы прежде показали, происходитъ отъ улучшенія въ производствѣ, не сопровождаемаго увеличеніемъ запроса на пищу,—разница эта видна сама собою.

Такимъ образомъ земледѣльческое улучшеніе всегда въ окончательномъ результатѣ, а по обыкновенному ходу дѣлъ и немедленно, —бываетъ выгодно землевладѣльцу. Можно прибавить, что при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ оно и никому, кромѣ него, не приноситъ выгоды. Когда запросъ на продуктъ идетъ совершенно ровно съ возростаніемъ производительной силы, пища не дешевѣетъ; работники не получаютъ и временной выгоды; стоимость труда не уменьшается, а прибыль не возвышается. Сумма производства увеличилась; между работниками раздѣляется большее количество продукта, и сумма прибыли больше; но рабочая плата дѣлится между большимъ числомъ населенія, а прибыль получается съ большаго капитала, потому положеніе работника не лучше прежняго, а капиталистъ получаетъ съ извѣстнаго капитала доходъ не больше прежняго.

Результатъ этого длиннаго изслѣдованія можно выразить слѣдующими словами: экономическій прогрессъ общества, состоящаго изъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и работниковъ, ведетъ къ прогрессивному обогащенію сословія землевладѣльцевъ, между тѣмъ какъ стоимость продовольствія работниковъ имѣетъ вообще тенденцію возростать, а прибыль падать. Земледѣльческія усовершенствованія противодѣйствуютъ двумъ послѣднимъ результатамъ; но первый изъ нихъ, если и можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ на-время останавливаться, то въ окончательномъ выводѣ сильно увеличивается тѣми же самыми усовершенствованіями, и возростаніе населенія переноситъ на однихъ землевладѣльцевъ всѣ выгоды, происходящія отъ земледѣльческаго улучшенія.

Мы сдѣлаемъ два или три замѣчанія къ этому совершенно вѣрному очерку дѣла.

„Величина реальной рабочей платы опредѣляется привычками и требованіями рабочихъ классовъ“, говоритъ Милль.—Такъ. Чѣмъ же опредѣляется уровень требованій и привычекъ работника? Весь избытокъ этого уровня надъ мѣрою физической необходимости порождается только уваженіемъ работника къ самому себѣ, чувствомъ собственнаго достоинства въ немъ, какъ мы знаемъ изъ разбора законовъ рабочей платы у самого Милля. —Въ чемъ же состоитъ результатъ экономическаго прогресса относительно общественнаго положенія работниковъ при нынѣшнемъ устройствѣ, отдѣляющемъ ренту и прибыль отъ рабочей платы? Коренная черта экономическаго прогресса съ технической стороны—расширеніе производительной единицы по мѣрѣ успѣховъ сочетанія труда; всѣ отрасли производства постепенно принимаютъ фабричный размѣръ. Ремесленникъ, работающій при помощи своего семейства и двухъ-трехъ учениковъ, замѣняется фабрикантомъ; поселянинъ-собственникъ уступаетъ мѣсто фермеру-капиталисту. Отъ этого, соразмѣрно экономическому прогрессу, увеличивается пропорція наемныхъ работниковъ и уменьшается пропорція самостоятельныхъ хозяевъ въ рабочихъ классахъ. Теперь спрашиваемъ: существуетъ ли рѣзкое различіе по степени самоуваженія между человѣкомъ самостоятельнымъ и человѣкомъ зависимымъ, между хозяиномъ и наемникомъ? Да, это различіе очень рѣзко, сомнѣваться въ томъ не можетъ никто, наблюдавшій жизнь. Если человѣкъ получаетъ 1000 рублей дохода отъ собственнаго хозяйства, онъ чувствуетъ себя чѣмъ-то гораздо болѣе почтеннымъ и высокимъ, чѣмъ когда получаетъ такую же плату отъ какого нибудь хозяина. Тутъ разница между подчиненностью и неподчиненностью, между надобностью смотрѣть въ глаза другому и гордымъ сознаніемъ: „я самъ себѣ господинъ“. Стало быть, если мы возьмемъ работника-хозяина и другаго работника, получающаго такой же доходъ отъ рабочей платы, то въ работникѣ-хозяинѣ (при равенствѣ другихъ условій) непремѣнно будетъ больше самоуваженія. А если такъ, плата наемнаго работника не удержится на уровнѣ дохода, получаемаго работникомъ-хозяиномъ: она сравнительно съ нимъ упадетъ въ пропорціи, равной тому, насколько меньше находится самоуваженія въ наемномъ работникѣ. Такимъ образомъ, техническая сторона экономическаго прогресса имѣетъ прямую тенденцію понижать доходъ работниковъ, уменьшая въ нихъ чувство собственнаго достоинства и размѣръ требованій черезъ превращеніе работника-хозяина въ наемнаго работника. Но этою первою степенью не кончается дѣло. Всякій результатъ имѣетъ свойство становиться въ свою очередь дѣйствующею силою, каждое послѣдствіе бываетъ причиною новыхъ послѣдствій. Надобно только начать падать, отдѣльному ли человѣку, цѣлому ли сословію, въ нравственныхъ ли качествахъ, въ благосостояніи ли, все равно, —разъ начавшись, движеніе къ худшему развивается уже само собою, какъ, наоборотъ, само собою развивается и всякое движеніе къ лучшему, когда разъ начнется. Разъ научившись уменьшать свою требовательность, утрачивать часть своего самоуваженія, рабочій классъ пойдетъ путемъ уступокъ и пониженія до послѣдней крайности, и остановится не раньше, какъ дошедши до невыносимаго стѣсненія, если другія вліянія не удержатъ его

на этой скользкой дорогѣ. Разъ поставленный въ необходимость привыкать къ положенію худшему прежняго, при замѣнѣ своего независимаго хозяйскаго дохода рабочею платою, работникъ легко допускаетъ и дальнѣйшее уменьшеніе своего дохода посредствомъ постепеннаго пониженія рабочей платы.

Кто привыкъ анализировать принципы, найдетъ неизбѣжнымъ нашъ выводъ о тенденціи технической стороны экономическаго прогресса понижать благосостояніе рабочаго класса при нынѣшнемъ устройствѣ быта. Но само собою разумѣется, что неоспоримость этой тенденціи еще не равносильна историческому и статистическому выводу о дѣйствительномъ ухудшеніи быта рабочихъ классовъ,—напримѣръ, съ какого нибудь XV или XVII вѣка до настоящей минуты. Мало ли какія тенденціи какихъ сильныхъ обстоятельствъ перевѣшиваются могуществомъ противодѣйствующихъ обстоятельствъ? Напримѣръ, вѣдь имѣетъ же зимній холодъ въ нашемъ климатѣ тенденцію убивать человѣка. А вѣдь мы не замерзаемъ же зимою,—напротивъ, мы (порядочные люди) меньше терпимъ отъ холода въ декабрѣ, чѣмъ въ сентябрѣ. Точно также можетъ быть, что, несмотря на указываемую нами тенденцію, благосостояніе рабочаго класса въ цивилизованныхъ странахъ не понизилось, а возвысилось въ послѣднія столѣтія, благодаря силѣ обстоятельствъ, противодѣйствующихъ понижающей тенденціи. Вѣдь эти обстоятельства есть, и притомъ очень могущественныя. Коренной источникъ ихъ—развитіе знаній и улучшеніе понятій, цивилизація или общій духъ того самаго прогресса, который въ одномъ изъ своихъ частныхъ примѣненій къ быту, устроенному на несоотвѣтствующихъ ему основаніяхъ, обнаруживаетъ тенденцію, совершенно противоположную своему собственному существу. Благодаря прогрессу понятій и знаній, законы и учрежденія улучшаются. Вѣдь теперь законъ не дозволяетъ никому и съ нищимъ-бездѣльникомъ обращаться такъ, какъ обращался въ XVI вѣкѣ каждый привилегированный съ зажиточнымъ поселяниномъ-собственникомъ. Подозрительнаго бродягу допрашиваютъ во Франціи или въ Англіи не въ такихъ грубыхъ выраженіяхъ, какъ триста, двѣсти лѣтъ назадъ говорили тамъ съ почтеннымъ простолюдиномъ, которому еще оказывали честь этимъ разговоромъ. Мы не-Богъ-знаетъ какъ восхищаемся этимъ и тому подобными успѣхами гуманности, потому что они все еще слишкомъ малы и медленны. А все-таки, можно ли, не можно ли довольствоваться ими, они очевидны. Уваженіе къ человѣку просто какъ къ человѣку, независимо отъ его общественной роли, все-таки развивается законодательными реформами и смягченіемъ нравовъ отъ распространенія образованности. Мы говорили о манерѣ обращенія властей съ подвластными, привилегированныхъ сословій съ простолюдинами. Возьмемъ въ другой примѣръ другую сферу отношеній—семейный бытъ. Мужчины менѣе прежняго грубо обращаются съ женщинами, родители съ дѣтьми. А мужъ, который не бьетъ жену, уважаетъ и самого себя больше, чѣмъ тотъ, который бьетъ ее. Ребенокъ, который переноситъ меньше оскорбленій, выростаетъ человѣкомъ, болѣе сознающимъ свое достоинство.

Такимъ образомъ, если работникъ, теряя положеніе хозяина, теряетъ

часть уваженія къ себѣ, основаннаго на его общественной роли, и потому его доходъ подвергается вліянію понижающей тенденціи, то вообще говоря съ каждымъ поколѣніемъ развивается въ немъ уваженіе къ себѣ, какъ просто къ человѣку, и соразмѣрно тому обнаруживается тенденція прогресса возвышать его доходъ. Какая изъ этихъ двухъ противоположныхъ тенденцій имѣла больше силы въ данный періодъ въ извѣстной странѣ—вопросъ, требующій изысканій очень внимательныхъ. Исторія экономическаго быта разработана еще такъ плохо, что трудно сказать, какія заключенія болѣе соотвѣтствуютъ истинѣ: толки ли рутинныхъ экономистовъ о великолѣпномъ возвышеніи рабочей платы въ послѣднія столѣтія, или представляемыя учеными прогрессивной школы доказательства, что средній уровень ея теперь ниже, чѣмъ былъ за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ. Оставляя здѣсь безъ дальнѣйшаго изслѣдованія эту сомнительную сторону дѣла, мы скажемъ только, что самая сомнительность вопроса уже свидѣтельствуетъ о чрезмѣрной силѣ указываемой нами понижающей тенденціи прогресса при нынѣшнемъ устройствѣ быта. Какой огромный вычетъ изъ прибавки къ благосостоянію работниковъ производится этою тенденціею, если громадные успѣхи техническихъ искусствъ и не совершенно ничтожные успѣхи общаго просвѣщенія не могли пересиливать ее настолько, чтобы перевѣсъ добра надъ зломъ былъ очевиденъ! Съ практической точки зрѣнія этой уликой уже и рѣшается дѣло о нынѣшнихъ принципахъ экономическаго быта. Возможно ли безпристрастному человѣку защищать такой порядокъ вещей, при которомъ теряется осязательность пользы, приносимой людямъ прогрессомъ цивилизаціи?

Мы говорили, что трудно сказать, возвысился или понизился общій уровень матеріальнаго благостоянія рабочихъ классовъ отъ экономическаго прогресса при нынѣшнемъ бытѣ,—то есть полнѣе или скуднѣе прежняго удовлетворяется вся сумма потребностей, чувствуемыхъ работникомъ; но относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ элементовъ матеріальной надобности очевидно, что они и у работника удовлетворяются нынѣ гораздо лучше прежняго, благодаря экономическому прогрессу. Сюда принадлежатъ всѣ тѣ вещи, пользованіе которыми удобно дѣлается достояніемъ всего общества, хотя бы онѣ первоначально устраивались только для нѣкоторыхъ малочисленныхъ сословій или для административнаго употребленія,—вещи, не поглощаемыя или слишкомъ въ незначительной степени поглощаемыя личнымъ потребленіемъ сословій или учрежденій, интересами которыхъ создаются. Таковы, напримѣръ, пути сообщенія, почта, освѣщеніе улицъ, мѣста общественныхъ прогулокъ, театръ. Пути сообщенія устраиваются по стратегическимъ, по административнымъ и по торговымъ надобностямъ. Государство или коммерческій классъ сооружаютъ ихъ собственно для себя, для передвиженія войскъ, правительственныхъ агентовъ и посылокъ или для перевозки товаровъ. Но невозможно сдѣлать такое шоссе, которое за провозомъ этихъ товаровъ и проѣздомъ этихъ людей не оставалось бы, такъ сказать, въ совершенно праздномъ излишкѣ, — почему жъ не предоставить и простолюдину пользоваться этимъ излишкомъ, въ которомъ нѣтъ надобности уже никому другому? Сообразно ма-

лорусской поговоркѣ: „возьми себѣ, убогій, то, чего мнѣ ненужно“,—пусть идетъ или ѣдетъ по этому шоссе и простолюдинъ; точно такъ же и на желѣзныхъ дорогахъ: невыгодно дѣлать локомотивы слишкомъ малаго размѣра; а локомотивъ выгоднаго размѣра такъ тяжелъ и силенъ, что мало ему тащить за собою лишь то число вагоновъ, какое нужно для пассажировъ 1 и 2 класса; остается въ немъ лишняя сила,—почему жъ не прицѣпить къ нему и вагоны 3 класса для простолюдиновъ? Точно такъ же въ театрѣ, за помѣщеніемъ для высшаго и средняго сословій, остаются разные клочки мѣстъ, непригодныхъ ни для кого изъ этихъ сословій по своему неудобству. Отчего же не отдавать такія мѣста простолюдинамъ за доступную для нихъ цѣну?

Если мы всмотримся въ подобные случаи, когда крохи, лишнія или непригодныя для другихъ сословій, падаютъ (выражаясь фигурально) съ богатой трапезы матеріальнаго прогресса на полъ, гдѣ предоставляется подбирать ихъ бѣдному Лазарю, то нельзя намъ будетъ удержаться отъ сардоническаго смѣха, читая у рутинныхъ политико-экономовъ панегирическія декламаціи о томъ, какъ много дѣлаютъ для блага простолюдиновъ классы и учрежденія, распоряжающіеся дѣлами этого прогресса. Нѣтъ, для пользы простолюдина не дѣлается тутъ почти никогда ничего,—напротивъ, часто дѣлается ему всякое неудобство, когда есть въ томъ распорядителямъ какая нибудь выгода, хотя бы самая пустая. Извѣстно, напримѣръ, что компаніи желѣзныхъ дорогъ во Франціи нарочно дѣлаютъ помѣщеніе въ вагонахъ 3 класса какъ можно неудобнѣе, чтобы принуждать садиться во 2 классъ каждаго, имѣющаго малѣйшую возможность къ тому. Но зачѣмъ ходить такъ далеко? Эти строки я пишу на одномъ изъ пароходовъ, плавающихъ по Волгѣ, и стоитъ мнѣ оглянуться, чтобы увидѣть точно такой же примѣръ. Когда я посмотрѣлъ въ первый разъ, какъ жмутся, мокнутъ и дрогнутъ на открытой палубѣ въ наши холодныя ночи и подъ нашимъ частымъ ненастьемъ пассажиры 3-го класса, я подумалъ: неужели компаніи нашего рѣчнаго пароходства не догадываются, что въ два-три мѣсяца прибавкою какихъ нибудь 10 копѣекъ за 100 верстъ пути съ пассажира окупились бы ничтожныя издержки, которыхъ потребовало бы устройство прикрытія для этихъ пассажировъ?—Мнѣ представилось, сколько простудъ, лихорадокъ, ревматизмовъ было бы отвращено этою покрышкою, и я, какъ человѣкъ, подивился жестокосердію пароходныхъ обществъ. Но разсудивъ объ этомъ дѣлѣ, какъ политико-экономъ, я тотчасъ же понялъ нелѣпость своего удивленія. Вѣдь если будетъ сносно ѣздить въ 3-мъ классѣ, уменьшится число пассажировъ, ѣдущихъ въ первыхъ двухъ классахъ. Чтобы каждый, кто можетъ, садился во 2 классъ, и чтобы всякій, кто можетъ, переходилъ изъ 2-го класса въ 1-й для избѣжанія тѣсноты, надобно 3-му классу быть лишену всякихъ удобствъ. И вотъ, тысячи простолюдиновъ принуждены терпѣть холодъ и сырость, чтобы охота ѣхать въ 3-мъ классѣ была отнята у тѣхъ десятковъ изъ зажиточныхъ людей, которые иначе не захотѣли бы дѣлать лишній расходъ на билетъ 2 класса. Такъ вездѣ и во всемъ. Если вы не привыкли соображать принципы нынѣшняго быта, вы станете недоумѣвать, среди великолѣпной обстановки, созданной промыш-

леннымъ прогрессомъ, видя простолюдина, подвергающагося на каждомъ шагу лишеніямъ и неудобствамъ, не сообразнымъ съ условіями цивилизованной жизни. Начавъ думать, вы, пораженные всеобщностью этого явленія, готовы бываете приписывать его Богъ-знаетъ какимъ роковымъ причинамъ, въ родѣ знаменитаго Мальтусова закона. Но теперь, благодаря трудамъ мыслителей, проникнувшихъ въ законы человѣческой жизни глубже Адама Смита и его учениковъ, вы легко можете убѣдиться, что вся эта путаница происходитъ отъ причинъ, лежащихъ не въ коренныхъ условіяхъ нашей природы, а только въ историческихъ обстоятельствахъ. Тутъ все дѣло въ разсчетѣ выгодъ. Кто ведетъ экономическое дѣло, тотъ, конечно, думаетъ о своей выгодѣ. Вотъ только и всего.

Мы сказали, что при устройствѣ, отдѣляющемъ рабочую плату отъ прибыли и ренты, промышленный прогрессъ доставляетъ простолюдину пользованіе тѣми улучшеніями, отъ участія въ которыхъ нельзя исключить его по физической невозможности. Наоборотъ, есть другія стороны жизни, въ которыхъ при существующемъ бытѣ положеніе простолюдина становится хуже вслѣдствіе промышленнаго прогресса. Главнѣйшимъ образомъ сюда принадлежитъ продовольствіе, а въ большей или меньшей степени принадлежатъ и всѣ другія удобства, потребленіе которыхъ однимъ человѣкомъ не даетъ уже остатка для другаго человѣка,—всѣ тѣ удобства, которыя надобно назвать предметами исключительнаго личнаго потребленія. Мы видѣли, что при промышленномъ прогрессѣ мануфактурные продукты имѣютъ тенденцію понижаться въ цѣнности сравнительно съ земледѣльческимъ продуктомъ; иначе сказать: цѣнность земледѣльческаго продукта имѣетъ тенденцію возвышаться сравнительно съ одеждою и тому подобными предметами. Отъ дороговизны пищи развивается въ простолюдинѣ наклонность какъ можно болѣе урѣзывать свое продовольствіе, и со временемъ эта скупость къ самому себѣ относительно пищи доходитъ до чрезмѣрной степени. При извѣстномъ промышленномъ развитіи страны работники ея держатъ себя, можно сказать, въ проголодь.—Просимъ читателя обратить вниманіе на то, что это послѣдствіе развивается совершенно независимо отъ обстоятельствъ, на которыхъ основана Мальтусова теорія. Дѣло не въ томъ, возвышается или не возвышается абсолютная стоимость производства земледѣльческаго продукта. Пусть она не возвышается, пусть она даже понижается, это все равно: важность въ томъ, что стоимость производства мануфактурныхъ издѣлій понижается быстрѣе, чѣмъ стоимость производства пищи. При этомъ обстоятельствѣ цѣнность земледѣльческаго продукта все равно будетъ возвышаться, хотя бы стоимость производства его и понижалась въ своей абсолютной величинѣ. Не знаю, нужно ли пояснять примѣромъ такой простой выводъ, но пояснимъ его на всякій случай.

Представимъ себѣ такое положеніе общества, въ которомъ одна четверть пшеницы производится трудомъ 100 рабочихъ часовъ и одинъ кусокъ коленкора такимъ же количествомъ работы. Предположивъ, сообразно равенству этого главнаго элемента цѣнности, равенство другихъ элементовъ, входящихъ въ нее, мы видимъ, что четверть хлѣба продается тутъ за одну цѣну съ кускомъ коленкора. Предположимъ теперь, что вслѣдствіе эконо-

мическаго прогресса стоимость производства пшеницы уменьшилась на 20%, а стоимость производства коленкора на 40%, то есть четверть пшеницы производится трудомъ 80, а кусокъ коленкора трудомъ 60 рабочихъ часовъ. Ясно, что кусокъ коленкора будетъ стоить теперь не цѣлой четверти пшеницы, какъ прежде, а только $^3/_4$ ея.

Положимъ, что работникъ имѣетъ въ карманѣ два рубля. При прежнемъ положеніи онъ могъ купить на одинъ изъ этихъ рублей 20 фунтовъ хлѣба, если на другой рубль покупалось 20 аршинъ коленкора. Но когда, вслѣдствіе промышленнаго прогресса, цѣнность коленкора упала сравнительно съ цѣнностію хлѣба, онъ, покупая на рубль 20 арш. коленкора, не можетъ купить больше 15 фунтовъ хлѣба на такую же сумму. Очевидно, что распредѣленіе его денегъ между этими двумя статьями расхода до нѣкоторой степени измѣнится. У него будетъ менѣе расположенія покупать хлѣбъ и больше расположенія покупать коленкоръ [22]). Вотъ объясненіе тому общественному факту, что съ промышленнымъ развитіемъ развивается въ народѣ щегольство. Историки-моралисты умѣютъ только порицать этотъ фактъ, не умѣя ни отыскать экономической его причины, ни вывести изъ него какихъ-нибудь соображеній, кромѣ безплоднаго сѣтованія на человѣческую натуру. А дѣло заключается просто въ томъ, что мѣновая цѣнность товаровъ, служащихъ для щегольства, понижается промышленнымъ прогрессомъ, сравнительно съ мѣновою цѣнностью продуктовъ, служащихъ для продовольствія. И натурально, возростаетъ запросъ на тѣ вещи, которыя становятся дешевле. Если мы сообразимъ это, мы увидимъ, что правильное распредѣленіе расходовъ между разными статьями потребленія неиначе можетъ установиться, какъ черезъ замѣну мѣновой цѣнности внутреннею цѣнностью.

Мы видѣли, что вслѣдствіе промышленнаго прогресса является у работниковъ расположеніе уменьшать потребленіе пищи для увеличенія пропорціи расходовъ на мануфактурные товары. Не сообразивъ всѣхъ послѣдствій такой перемѣны, можно подумать, что при ней увеличится абсолютная цифра расходовъ, дѣлаемыхъ работниками на эти товары. Но если мы обратимъ вниманіе на психологическое и общественное состояніе человѣка, подвергающаго себя стѣсненію въ продовольствіи, мы убѣдимся, что не долго останется у него возможность дѣлать большій прежняго расходъ и на тѣ товары, для которыхъ сталъ онъ скупъ въ своемъ продовольствіи. Кто разъ отказался отъ изобилія въ пищѣ, скоро привыкнетъ подчиняться нуждѣ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Общій уровень его требованій понизится. Самъ себя онъ станетъ считать и общество будетъ считать его человѣкомъ, который долженъ урѣзывать всѣ свои расходы, которому нужно только какъ бы то ни было жить, а не то чтобы жить прилично. А мы знаемъ изъ Милля, что размѣръ рабочей платы опредѣляется степенью

[22]) Мы предположили, что денежная цѣна коленкора осталась прежняя. Но если она также понизилась подобно его цѣнности, это все равно. Читатель понимаетъ, что дѣло тутъ не въ абсолютной цифрѣ копѣекъ, которыхъ стоитъ аршинъ коленкора, а только въ пропорціи этой цифры съ цифрою цѣны фунта хлѣба, которая во всякомъ случаѣ будетъ на одну треть больше, чѣмъ цѣна аршина коленкора.

требовательности работниковъ. Съ пониженіемъ ея падаетъ и рабочая плата. Этотъ теоретическій выводъ совершенно соотвѣтствуетъ фактамъ. Въ самыхъ передовыхъ европейскихъ странахъ одежда работниковъ плоха. Почему это? Уже никакъ не вслѣдствіе Мальтусова закона, никакъ не вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія. Отъ чрезмѣрнаго размноженія можетъ уменьшиться производительность земледѣльческаго труда; но чтобы уменьшалась отъ него производительность мануфактурнаго труда,—не утверждалъ ни одинъ изъ самыхъ увлекавшихся послѣдователей Мальтуса; напротивъ, всѣ они согласны, что она постоянно увеличивается, несмотря ни на какое размноженіе. Отчего же одежда работниковъ, напримѣръ въ Англіи, неудовлетворительна? Вѣдь успѣшность труда, обращеннаго на производство одежды, увеличилась въ послѣднія сто лѣтъ въ нѣсколько разъ,—рутинные политико-экономы, распалившись восторгомъ, доказываютъ, что она возвысилась со времени Ватта и Аркрайта чуть ли не въ сотни, а по инымъ—чуть ли не въ тысячи разъ. Положимъ, что эти слишкомъ пылкіе панегирики вліянію улучшенныхъ способовъ — не больше какъ восторженный вздоръ: но все-таки не въ два и не въ три раза, а гораздо больше увеличилась успѣшность труда въ приготовленіи тканей, благодаря прядильнымъ и ткацкимъ машинамъ: а добываніе матеріаловъ для тканей въ какомъ угодно количествѣ не представляетъ затрудненій. Слѣдовало бы, кажется, что нѣтъ физическихъ препятствій работнику имѣть удовлетворительную одежду. Если онъ не имѣетъ ея теперь, это просто значитъ, что реальная плата ему уменьшилась настолько, что доля изъ нея, употребляемая имъ на одежду, уменьшилась. А онъ желалъ увеличить эту долю. Стало быть слишкомъ уже понизился общій уровень его матеріальныхъ требованій, если произошло уменьшеніе даже въ той части его расходовъ, для увеличенія которыхъ онъ сокращалъ другіе свои расходы [23]).

Мы видѣли, что возвышеніе мѣновой цѣнности земледѣльческаго продукта сравнительно съ мануфактурными товарами возбуждаетъ въ простолюдинѣ наклонность уменьшать свое потребленіе пищи, что отъ этого понижается уровень требованій работника и размѣръ реальной рабочей платы. Но отчего же происходитъ самое возвышеніе мѣновой цѣнности земледѣльческаго продукта, то есть, отчего стоимость производства, опредѣляющая мѣновую цѣнность, уменьшается въ земледѣльческомъ продуктѣ не такъ быстро, какъ въ мануфактурныхъ товарахъ? Въ приведенномъ нами отрывкѣ, Милль справедливо отвѣчаетъ: оттого, что „земледѣльческое искусство и знаніе ростутъ медленно, а распространяются еще медленнѣе“.— Жаль только, что этотъ очень справедливый отвѣтъ вовсе еще не отвѣтъ, а

[23]) Читатель помнитъ, что мы говоримъ здѣсь только объ одной сторонѣ промышленнаго прогресса,—только о томъ, какой результатъ производится распредѣленіемъ расходовъ по соображенію не внутренней, а мѣновой цѣнности, при пониженіи мѣновой цѣнности мануфактурныхъ товаровъ сравнительно съ земледѣльческимъ продуктомъ. Мы говоримъ только, что въ этой сторонѣ промышленнаго прогресса есть тенденція понижать рабочую плату. Но другою своею стороною тотъ же самый прогрессъ стремится возвышать ее, какъ мы уже говорили выше; мы говорили также, что оставляемъ здѣсь безъ разбора вопросъ, которая изъ этихъ двухъ противоположныхъ тенденцій прогресса брала перевѣсъ въ исторической дѣйствительности,— напримѣръ, возвысилась, или понизилась реальная рабочая плата въ западной Европѣ съ половины осьмнадцатаго вѣка.

только новый вопросъ. Мы спрашиваемъ: отчего же земледѣльческое искусство и знаніе ростутъ медленно, а распространяются еще медленнѣе?—На первую часть вопроса, отчего они *ростутъ медленно*,—отвѣтъ можно пріискать скоро: земледѣльческое производство составляетъ процессъ гораздо болѣе многосложный, чѣмъ какая нибудь фабрикація; натурально, что задача объ усовершенствованіи простѣйшаго дѣла требуетъ меньшихъ соображеній, чѣмъ усовершенствованіе дѣла болѣе запутаннаго. Но вѣдь и это все еще не отвѣтъ. Если одна задача труднѣе другой, то слѣдовало бы ожидать, что геніальнѣйшіе умы займутся первою, предоставивъ вторую умамъ второстепеннымъ. Мудреность дѣла еще не служитъ неизбѣжною причиною тому, чтобы оно исполнялось хуже дѣла, болѣе легкаго; оно можетъ исполняться даже лучше, лишь бы обращены были на него умственныя силы того достоинства, какое требуется его трудностію. Напримѣръ, игра на скрипкѣ многосложнѣе, чѣмъ игра на фортепьяно; но вѣдь не выходитъ же изъ этого, что люди играютъ на скрипкѣ хуже, чѣмъ на фортепьяно. Или, напримѣръ, постройка корабля дѣло несравненно многосложнѣйшее, чѣмъ постройка лодки; но вѣдь корабли строются не хуже лодокъ. Отсталость земледѣльческаго искусства отъ фабричнаго дѣла имѣетъ свои причины только въ томъ, что до недавняго времени никому изъ людей первокласснаго ума не было охоты подумать объ усовершенствованіи земледѣльческихъ процессовъ, да и теперь почти никто изъ нихъ еще не занимается этимъ. Всѣмъ готовы заниматься геніальные люди: живописью и математикой, исторіей и медициной, а земледѣліемъ теперь занимается только одинъ изъ нихъ—Либихъ, да и то занимается такъ себѣ, почти что только въ свободное время отъ другихъ трудовъ; а до Либиха не укажете вы ни одного великаго ученаго по теоріи земледѣлія. Даже изъ людей второстепенныхъ чуть ли не первый занялся этимъ дѣломъ Таэръ въ концѣ прошлаго вѣка. Вотъ это отчего,—скажите намъ? Отчего, напримѣръ, Локкъ, вздумавъ сдѣлать экскурсію за границы своего спеціальнаго предмета, своихъ отвлеченныхъ философскихъ изслѣдованій, чтобы помочь добрымъ совѣтомъ житейскому быту,—отчего онъ написалъ замѣтки о чеканкѣ монеты, а не о какомъ нибудь земледѣльческомъ предметѣ? Отчего, напримѣръ, Лейбницъ, хватавшійся кромѣ своей математики за все на свѣтѣ, — и за китайскій языкъ, и за генеалогическія таблицы, и за дипломатическіе вопросы, и Богъ-знаетъ за сколько другихъ предметовъ,—отчего онъ не подумалъ о земледѣліи? Отчего Кювье писалъ доклады по юридическимъ, или административнымъ вопросамъ, и не написалъ ни разу ни о какомъ земледѣльческомъ вопросѣ?– Отвѣтъ простой, и это будетъ уже коренной отвѣтъ: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ; кто чѣмъ не безпокоится, тотъ о томъ и не думаетъ. Тѣ классы, интересами которыхъ направлялась до сихъ поръ наука, не нуждаются въ хлѣбѣ. Любознательность, общая имъ съ остальными людьми, направляла человѣческую мысль къ отвлеченнымъ наукамъ; въ практическихъ знаніяхъ направляла она ее къ усовершенствованію всѣхъ дѣлъ, по которымъ не достаетъ чего нибудь нужнаго высшему или среднему классу. Мы выучились, какъ строить корабли, дома, ткать матерію; удивительныхъ успѣховъ достигли эти искусства, потому что безъ

очень высокаго развитія ихъ чувствуетъ неудобство въ жизни человѣкъ богатый или зажиточный. Но и при самомъ младенческомъ состояніи земледѣлія, дурна ли или недостаточна ли его пища? — слава Богу, онъ ѣстъ вкусно и сытно.—Разумѣется, каждый долженъ заниматься своимъ дѣломъ, думать о своихъ надобностяхъ. Усовершенствованіе земледѣлія нужно только простолюдину. Пока простолюдины не имѣли никакого значенія въ исторіи, они одни съ своимъ невѣжествомъ и хлопотали о земледѣльческихъ улучшеніяхъ. Появленіе Таэра, который первый раціонально занялся сельскимъ хозяйствомъ, не даромъ совпадаетъ съ концемъ прошлаго вѣка, когда простолюдины сдѣлали попытку заявить свои права въ исторіи. Либихъ, который первый изъ великихъ ученыхъ занялся земледѣліемъ, не случайно явился современникомъ такъ-называемыхъ утопистовъ.

Теперь едва ли нужно прискивать отвѣтъ и на вторую часть занявшаго насъ вопроса: „отчего земледѣльческое знаніе распространяется еще медленнѣе, чѣмъ ростетъ“.—Самъ по себѣ, безъ соображенія общественныхъ обстоятельствъ, этотъ фактъ долженъ показаться нелѣпъ до невѣроятности. Положимъ, что находятся въ сущности самаго дѣла какія-нибудь затрудненія къ быстрому возростанію земледѣльческаго знанія,—положимъ, напримѣръ, что очень трудно придумать какое-нибудь усовершенствованіе въ устройствѣ плуга; но если разъ оно придумано, то какъ же не распространяться быстро употребленію этого усовершенствованнаго плуга?—Мы ошиблись, сказавъ, что противорѣчащій этому фактъ представляется нелѣпостью. У рутинистовъ съ незапамятныхъ временъ запасено для него очень милое объясненіе: „простолюдинъ—врагъ нововведеній, онъ любитъ держаться старины“. Это одинъ изъ сотни тѣхъ глупѣйшихъ афоризмовъ, упорное существованіе которыхъ въ книгахъ и въ мысляхъ образованнаго общества принуждаетъ думать, что вотъ именно оно, образованное и прогрессивное общество, до безумія любитъ сохранять всякую нелѣпость, какая засядетъ въ него. Скажите, напримѣръ, давно ли появилась въ Россіи первая гармоника, и найдется ли теперь такое захолустье, въ которомъ она не побѣдила бы патріархальную балалайку? Мы помнимъ, какъ были всѣ убѣждены, что русскій мужикъ станетъ дичиться ѣзды по желѣзной дорогѣ и до сей поры можете вы встрѣчать просвѣщенныхъ людей, съ похвалою русскому мужику удивляющихся тому, что онъ сѣлъ въ вагонъ такъ же скоро, какъ и мы. Привязанность къ старымъ обычаямъ очень сильна во всѣхъ сословіяхъ, и въ каждой странѣ исторія каждаго изъ нихъ представляетъ множество примѣровъ упорной борьбы противъ нововведеній, такъ что едва ли можно приписать простолюдинамъ отличіе отъ другихъ классовъ въ этомъ отношеніи. Но старинные обычаи и производительные процессы—вещи совершенно различныя. Разсчетъ выгоды во всякой группѣ людей очень быстро одолѣваетъ предразсудки,—кромѣ одного только случая, когда старина держится вовсе не на предразсудкѣ, а просто на недостаткѣ средствъ замѣнить ее чѣмъ-нибудь лучшимъ. Простолюдинъ часто говоритъ, что лапти и онучи удобнѣе для ходьбы и лучше охраняютъ ногу отъ сырости и морозовъ, чѣмъ всякая другая обувь. Неужели вы будете такъ простодушны, что повѣрите серьезности этого мнѣнія? Да вѣдь

имъ просто прикрывается невозможность купить сапоги,—это ни больше, ни меньше, какъ знаменитое выраженіе басни о томъ, что виноградъ зеленъ. Несмотря на свое мнимое расположеніе въ пользу лаптей, мужикъ, какъ только можетъ, тотчасъ же замѣняетъ ихъ сапогами. Точно также готовъ онъ при первой возможности усвоить себѣ всякія другія улучшенія.

Земледѣльческія усовершенствованія распространяются медленно по той же самой причинѣ, по которой медленно и придумываются они. Они нужны собственно тому классу, который чувствуетъ недостатокъ въ продовольствіи; а недостатокъ въ продовольствіи чувствуетъ лишь тотъ человѣкъ, который очень бѣденъ. А у человѣка очень бѣднаго, разумѣется, нѣтъ средствъ ни къ чему, въ томъ числѣ и къ производству земледѣльческихъ улучшеній. Словомъ сказать, дѣло тутъ не въ сущности вещи и не въ психологическихъ особенностяхъ и даже не въ мальтусовомъ законѣ, а просто-на-просто въ распредѣленіи покупательной силы.

Въ приведенномъ нами отрывкѣ упоминалось о томъ, что слѣдствіемъ промышленнаго прогресса бываетъ пониженіе прибыли. Разбору причинъ и послѣдствій этой стороны дѣла Милль посвящаетъ цѣлыя двѣ главы, но мы коснемся его только мимоходомъ.

Въ обыкновенныхъ курсахъ политической экономіи выставляется за несомнѣнную истину, что сбереженіе было бы невозможно, если бы человѣкъ не разсчитывалъ получать проценты на сберегаемую сумму. Милль понимаетъ нелѣпость такихъ безусловныхъ фразъ и, признавая полезность процентовъ при извѣстныхъ состояніяхъ общества, не скрываетъ отъ своего читателя, что по сущности дѣла сбереженіе возможно и безъ существованія процентовъ.

„Если бъ капиталъ не давалъ и никакой прибыли, существовали бы достаточныя побужденія дѣлать нѣкоторое количество сбереженій. Былъ бы разсчетъ откладывать въ хорошее время запасъ на дурное, сберегать что-нибудь на болѣзнь и хилыя лѣта, на свободу и независимость въ старости, на помощь дѣтямъ въ началѣ ихъ карьеры. Но сбереженія, дѣлаемыя лишь для такихъ цѣлей, имѣютъ мало тенденціи увеличивать постоянно существующій капиталъ. Эти побужденія склоняютъ человѣка лишь сберегать въ одинъ періодъ жизни то, что думаетъ онъ потребить въ другомъ періодѣ, или что потребятъ его дѣти, пока не начнутъ вполнѣ обезпечивать сами себя. Тѣ сбереженія, которыми увеличивается національный капиталъ, обыкновенно происходятъ изъ желанія людей улучшать свое такъ-называемое положеніе въ жизни или приготовлять дѣтямъ и другимъ людямъ обезпеченіе, независимое отъ ихъ усилій. А сила этихъ наклонностей очень много зависитъ отъ того, въ какой степени желаемая цѣль достигается даннымъ количествомъ и временемъ пожертвованій,—а это зависитъ отъ величины прибыли. И въ каждой странѣ есть извѣстная величина прибыли, ниже которой люди вообще не находятъ достаточныхъ причинъ сберегать только для своего обогащенія или для предоставленія другимъ лучшаго состоянія. Такимъ образомъ сбереженіе, отъ котораго увеличивается общая сумма капитала, непремѣнно требуетъ извѣстной величины прибыли,—величины, которая человѣку среднихъ свойствъ казалась бы достаточнымъ вознагражденіемъ за воздержность и давала достаточную страховую

премію за рискъ. Всегда бываетъ нѣсколько человѣкъ, въ которыхъ дѣятельное стремленіе къ накопленію выше средняго уровня и для которыхъ величина, меньшая этого средняго процента прибыли, уже достаточно побуждала бы къ накопленію. Но они только уравновѣшиваютъ собою другихъ, у которыхъ любовь къ тратамъ и наслажденіямъ выше средняго уровня и которые, вмѣсто сбереженія, быть можетъ, даже расточаютъ полученное.

На вторую половину этого отрывка мы замѣтимъ, что она даетъ выводъ, несогласный съ фактомъ, выставленнымъ въ первой половинѣ. „Извѣстная величина прибыли служитъ непремѣннымъ условіемъ для всякаго накопленія, увеличивающаго капиталъ страны“,—говоритъ Милль: но прежде того самъ онъ сказалъ, что и безъ процентовъ люди накопляли бы запасъ для своего обезпеченія. Какимъ же образомъ этотъ запасъ не содѣйствовалъ бы увеличенію ихъ благосостоянія и какимъ образомъ стремленіе сдѣлать этотъ запасъ не возбуждало бы къ усиленному труду, то есть къ увеличенію производства, то есть и къ увеличенію капитала, размѣромъ котораго опредѣляется и самый размѣръ производства?

Но то справедливо, что при устройствѣ, отдѣляющемъ прибыль отъ рабочей платы, является особенный классъ людей, живущихъ процентами на свой капиталъ, и что этому классу нужна извѣстная величина процента для того, чтобы капиталъ не уходилъ изъ ихъ рукъ въ другія руки, а сохранялся у нихъ въ цѣлости и даже увеличивался, несмотря на расходы, которые дѣлаютъ они, сами ничего не производя. Эта необходимая для такого порядка дѣлъ величина прибыли бываетъ различна при разныхъ состояніяхъ общества; чѣмъ меньше развита въ людяхъ предусмотрительность и чѣмъ менѣе обезпечена собственность въ обществѣ, тѣмъ выше этотъ minimum прибыли; чѣмъ лучше экономическое и административное состояніе общества, тѣмъ ниже онъ.

Но какъ бы низокъ ни былъ minimum прибыли, безъ которой не сталъ бы увеличиваться капиталъ отдѣльнаго сословія, живущаго процентами, во всякомъ высоко развитомъ обществѣ прибыль очень скоро упала бы ниже этого minimum'а, если бы всѣ сбереженія, достающіяся въ руки капиталистовъ, сохранялись безъ непроизводительной растраты, или не переносились для коммерческихъ предпріятій въ другія, менѣе развитыя страны. Убѣдиться въ этомъ очень легко. Если бы при возрастаніи капитала населеніе не возростало, то стала бы возвышаться рабочая плата; слѣдовательно, прибыль стала бы составлять все меньшій и меньшій процентъ на затраченный капиталъ, потому что прибыль—остатокъ изъ продукта за вычетомъ рабочей платы. А если бы населеніе размножалось, было бы надобно увеличиваться количеству пищи, то есть надобно было бы земледѣлію спускаться на земли менѣе плодородныя, земледѣльческій трудъ становился бы менѣе успѣшнымъ и опять-таки стала бы уменьшаться доля, остающаяся у предпринимателя за вычетомъ расхода на содержаніе работника.

Эта тенденція прибыли къ пониженію задерживается или непроизводительною растратою капитала, или перенесеніемъ капитала въ другія страны, или улучшеніями производительныхъ процессовъ. Непроизводительною растратою капиталовъ (напр., отъ праздной роскошной жизни, или

отъ коммерческихъ кризисовъ) уменьшается размѣръ капитала, значитъ уменьшается и рабочая плата; а если рабочая плата уменьшается, то, конечно, увеличивается остатокъ продукта, составляющій прибыль. Перенесеніемъ капитала за границу точно также уменьшается сумма его, остающаяся въ странѣ. Наконецъ, улучшеніями производительныхъ процессовъ понижается стоимость производства; а ея пониженіе при нынѣшнемъ бытѣ обыкновенно влечетъ за собою пониженіе рабочей платы; если же рабочая плата уменьшается, то возростаетъ остатокъ продукта, получаемый капиталистомъ за вычетомъ рабочей платы.

Изъ этихъ соображеній Милль дѣлаетъ выводы, большею частію справедливые,—напримѣръ, онъ говоритъ, что эмиграція, во всякомъ случаѣ, улучшаетъ положеніе страны, имѣющей густое населеніе, хотя бы переселенцы брали съ собою очень много капитала. Въ такихъ странахъ прибыль на капиталъ бываетъ довольно близка къ minimum, и если часть капитала удаляется изъ страны, то отъ возвышенія прибыли усиливается накопленіе капитала, и между населеніемъ, уменьшившимся отъ эмиграціи, скоро будетъ распредѣляться прежняя сумма капитала, то есть благосостояніе работниковъ возростетъ. Точно также дѣйствуетъ въ богатой странѣ обращеніе вновь накопляемаго капитала на постройку желѣзныхъ дорогъ, машинъ и такъ далѣе. Замѣтивъ это, Милль справедливо говоритъ:

Такимъ образомъ слѣдуетъ заключить, что улучшенія въ производствѣ и переселеніе капитала на болѣе плодородную почву и неразработанные рудники ненаселенныхъ и слабо населенныхъ странъ не уменьшаютъ на родинѣ валоваго продукта и запроса на трудъ (какъ представляется поверхностному взгляду), а, напротивъ, должны считаться главнымъ средствомъ къ увеличенію домашняго продукта и запроса на трудъ, и даже необходимыми условіями для значительнаго или продолжительнаго ихъ возростанія. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ извѣстныхъ и довольно широкихъ предѣлахъ, чѣмъ больше расходуетъ капитала этими двумя путями страна подобная Англіи, тѣмъ больше капитала остается въ ней.

Но есть у Милля, въ числѣ справедливыхъ соображеній, одно мѣсто, требующее нѣкоторыхъ замѣчаній:

Теорія эта должна очень ослабить или, лучше сказать, совершенно уничтожить въ странахъ, гдѣ прибыль низка, прежнюю привычку политико-экономовъ приписывать безмѣрную важность вліянію событій или правительственныхъ мѣръ на увеличеніе или уменьшеніе капитала страны. Низкій процентъ прибыли служитъ, какъ мы видѣли, доказательствомъ, что энергія духа накопленія и быстрота возростанія капитала далеко превозмогаютъ два противоборствующіе имъ элемента, — силу улучшеній въ производствѣ и возростаніе подвоза дешевыхъ предметовъ необходимости изъ-за границы, и что если бы значительная часть ежегодной прибавки къ капиталу не уничтожалась періодически или не вывозилась на заграничное употребленіе, то страна быстро достигла бы той степени, на которой дальнѣйшее накопленіе прекратилось бы или по крайней мѣрѣ само собою ослабилось бы, чтобы не опережать хода изобрѣтеній въ искусствахъ, производящихъ предметы необходимости. При такомъ положеніи дѣлъ, внезапное увеличеніе капитала страны, не сопровождаемое увеличеніемъ производительной силы, сохранится не надолго: уменьшая прибыль и проценты, оно или уменьшитъ на соотвѣтствующую сумму сбереженіе, какое было бы сдѣлано въ слѣдующій годъ или въ два, или

заставитъ выслать такую же сумму за границу или растратить ее въ опрометчивыхъ спекуляціяхъ. Внезапный вычетъ изъ капитала также не произведетъ существеннаго обѣднѣнія страны, если не будетъ имѣть чрезмѣрной величины. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ въ странѣ будетъ существовать столько же капитала, какъ еслибъ не было взято изъ него ничего. Вычетъ, поднявъ прибыль и проценты, даетъ накопляющей силѣ новое возбужденіе, которое быстро пополнитъ опустѣвшее мѣсто. Единственнымъ результатомъ будетъ, вѣроятно, то, что на нѣсколько времени будетъ меньше капитала вывозиться или пропадать въ рискованныхъ спекуляціяхъ.

Такой взглядъ на вещи, во-первыхъ, значительно ослабляетъ, въ богатой и промышленной странѣ, силу экономическаго аргумента противъ расходованія общественныхъ денегъ на предметы, существенно полезные, хотя бы и непроизводительные въ промышленномъ смыслѣ. Если предлагается взять займомъ значительную сумму для какого нибудь великаго дѣла справедливости или филантропіи,—напримѣръ, для промышленнаго возрожденія Ирландіи, для обширнаго плана колонизаціи или для національнаго воспитанія, политическіе люди не должны возражать, что поглощеніе такой массы капитала изсушитъ постоянные источники богатства страны и уменьшитъ фондъ, изъ котораго содержится рабочее сословіе. При самой крайней величинѣ, расходъ, нужный для той или другой изъ подобныхъ цѣлей, по всей вѣроятности, не отниметъ занятія ни у одного работника и не уменьшитъ производство слѣдующаго года ни однимъ локтемъ миткаля, ни однимъ бушелемъ пшеницы. Въ бѣдныхъ странахъ капиталъ страны требуетъ заботливыхъ попеченій законодателя, обязаннаго прикасаться къ нему лишь съ величайшей осторожностью и всѣми силами покровительствовать тому, чтобъ онъ накоплялся въ самой странѣ и вносился въ нее изъ-за границы. Но въ богатыхъ, многолюдныхъ и высоко воздѣланныхъ странахъ недостатокъ не въ капиталѣ, а въ плодородной землѣ, и законодатель долженъ желать не увеличенія въ массѣ накопленій, а увеличенія выручки съ этихъ накопленій черезъ улучшенія въ земледѣліи или открытіе доступа къ продукту болѣе плодородной земли другихъ странъ,—этому, а не увеличенію накопленій, долженъ помогать законодатель въ такихъ странахъ. Въ нихъ правительство можетъ, не уменьшая національнаго богатства брать (лишь бы не слишкомъ большую) часть капитала страны и расходовать ее какъ доходъ: эта сумма будетъ взята изъ той части годичныхъ сбереженій, которая иначе пошла бы за границу, или изъ непроизводительныхъ расходовъ частныхъ лицъ въ слѣдующій годъ или два: каждый взятый такимъ образомъ милліонъ оставляетъ націи мѣсто сберечь другой милліонъ, не доходя до степени, съ которой капиталъ переливается за границу. Когда цѣль правительственнаго расхода заслуживаетъ того, чтобы пожертвовать для нея извѣстною суммою, идущею на мимолетныя удовольствія націи, то единственнымъ основательнымъ экономическимъ возраженіемъ противъ способа брать необходимую сумму прямо изъ капитала черезъ заемъ служитъ возникающее изъ этого неудобство брать потомъ суммы посредствомъ налоговъ на уплату процентовъ долга.

Вторая половина этого отрывка совершенно справедлива: но въ началѣ его Милль излагаетъ свои мысли такъ неопредѣлительно, что можетъ подать поводъ къ ошибкамъ. Можетъ показаться, какъ будто низкость прибыли воображаетъ онъ себѣ какимъ-то бѣдствіемъ, отъ котораго надобно обществу спасаться во что бы то ни стало; какъ будто бы даже непроизводительная растрата капитала облегчаетъ положеніе общества, какъ будто оно страждетъ отъ чрезмѣрности капитала. Разумѣется, Милль вовсе не

хотѣлъ сказать ничего подобнаго; онъ только выразился слишкомъ неопредѣленно. Если накопленіе богатствъ замедляется не отъ постороннихъ вредныхъ вліяній или обстоятельствъ, а только отъ ненадобности слишкомъ горячо заботиться объ увеличеніи богатствъ,—тутъ нѣтъ еще ничего тяжелаго; напротивъ, надобно полагать, что желаніе богатѣть ослабѣваетъ только въ людяхъ, совершенно довольныхъ своимъ положеніемъ, то есть пользующихся полнымъ благосостояніемъ. Развитію этого взгляда Милль посвящаетъ отдѣльную главу, большую часть которой мы приведемъ здѣсь.

Мы видѣли, что въ передовыхъ странахъ прибыль вообще довольно близка къ minimum; а по достиженіи этого minimum перестаетъ возростать капиталъ и начинается такъ-называемое „неподвижное состояніе“. Прежніе экономисты вообще смотрѣли на эту перспективу съ ужасомъ. Милль не раздѣляетъ такого чувства.

Я не могу смотрѣть на неподвижное состояніе капитала и богатства съ отвращеніемъ, какое обнаруживали къ нему политико-экономы старой школы. Я расположенъ думать, что въ сущности оно было бы значительно лучше нашего нынѣшняго положенія. Признаюсь, меня не очаровываетъ идеалъ жизни, представляемый писателями, думающими, что нормальное состояніе человѣка—борьба для своего повышенія; что толкаться, карабкаться, расталкивать толпу локтями, ступать другъ-другу на ноги,—что этотъ нынѣшній типъ общественной жизни—прекраснѣйшая для людей участь, а не непріятный симптомъ одного изъ фазисовъ общественнаго прогресса. Конечно, слѣдуетъ, чтобы дорога къ богатству была безъ всякихъ привилегій и пристрастій открыта для всѣхъ, пока богатство есть могущество и богатѣть какъ можно больше служитъ предметомъ всеобщаго чествованія. Но самое лучшее для человѣческой натуры состояніе то, въ которомъ никто не бѣденъ, никто не желаетъ стать богаче и не имѣетъ причинъ опасаться, что будетъ оттолкнутъ назадъ усиліями другихъ пробиться впередъ.

Конечно, пока лучшіе люди не успѣли еще воспитать для лучшей жизни другихъ, то лучше силамъ человѣка поддерживаться въ энергической дѣятельности борьбою за богатство (какъ прежде поддерживались онѣ военною борьбою), чѣмъ гнить въ бездѣйствіи. Пока люди грубы, имъ нужны грубыя возбужденія и пусть они имѣютъ ихъ. Но пока это измѣнится, люди, не считающіе нынѣшней очень низкой ступени человѣческаго развитія окончательнымъ его типомъ, могутъ быть извинены въ томъ, что они довольно холодны къ нынѣшнему экономическому прогрессу, съ которымъ поздравляютъ себя дюжинные публицисты,—къ простому возростанію производства и накопленія. Чтобы національная независимость была безопасна, необходимо для страны не отставать далеко отъ сосѣдей въ этихъ вещахъ. Но сами по себѣ онѣ маловажны, пока размноженіе или какое другое обстоятельство не допускаетъ массу народа получать долю въ ихъ выгодахъ. Я не знаю, чѣмъ тутъ восхищаться, что люди, которые уже богаче чѣмъ нужно для человѣка, удваиваютъ свои средства потреблять предметы, которые приносятъ мало или не приносятъ вовсе нисколько удовольствія, кромѣ того, что служатъ признаками богатства; или что множество отдѣльныхъ людей переходятъ каждый годъ изъ среднихъ сословій въ болѣе богатый классъ, или изъ класса занятыхъ дѣломъ богачей въ классъ праздныхъ. Только въ отсталыхъ странахъ возростаніе производства еще остается важнымъ дѣломъ; въ передовыхъ странахъ экономическая надобность состоитъ въ лучшемъ распредѣленіи, до котораго можетъ довести соединенное дѣйствіе благоразумія и бережливости въ отдѣльныхъ лицахъ и законодательной системы, благо-

пріятствующей равенству состояній, насколько оно совмѣстно съ справедливымъ требованіемъ каждаго, чтобы ему принадлежали плоды его собственнаго труда, велики ли, малы ли будутъ они. Можно предположить, напримѣръ, ограниченіе суммы, какую дозволяется человѣку пріобрѣтать черезъ дареніе или наслѣдство, количествомъ достаточнымъ для обезпеченія скромной независимости. Подъ этимъ двоякимъ вліяніемъ главными чертами общества явились бы слѣдующія: работники, получая хорошую плату, живутъ изобильно; громадныхъ состояній нѣтъ, кромѣ состояній, выработанныхъ и накопленныхъ въ теченіе жизни однимъ человѣкомъ; но гораздо больше, чѣмъ теперь, сословіе лицъ, избавленныхъ отъ грубѣйшихъ видовъ работы и также пользующихся достаточнымъ физическимъ и умственнымъ досугомъ отъ машинальныхъ мелочей, такъ что могутъ они свободно предаваться лучшимъ сторонамъ жизни и служить примѣромъ изящнаго для сословій, положеніе которыхъ менѣе благопріятно изящному развитію. Такое положеніе общества, несравненно лучшее нынѣшняго, совершенно совмѣстно съ неподвижнымъ состояніемъ и, какъ надобно думать, естественнѣе связано съ этимъ состояніемъ, чѣмъ со всякимъ другимъ.

Если техническія искусства будутъ по прежнему улучшаться, а капиталъ возростать, то, конечно, есть на свѣтѣ, и даже въ старыхъ странахъ, мѣсто для значительнаго размноженія. Но признаюсь, если оно и безвредно, я вижу мало причинъ желать его. Страны наиболѣе населенныя уже достигли той густоты населенія, какая нужна людямъ, чтобы въ полнѣйшей степени пользоваться всѣми выгодами и сотрудничества и общественныхъ сношеній. Населеніе можетъ имѣть слишкомъ мало простора, хотя бы каждый былъ обильно снабженъ пищею и одеждою. Не хорошо человѣку постоянно быть по необходимости среди людей. Міръ, изъ котораго изгнано уединеніе, слишкомъ бѣдный идеалъ. Безъ уединенія, безъ того, чтобы оставаться наединѣ съ самимъ собою,—невозможны ни глубокое размышленіе, ни глубина характера; уединеніе передъ лицомъ красоты и величія природы—колыбель мыслей и стремленій, которыя хороши не только для отдѣльнаго человѣка, но безъ которыхъ не хорошо было бы жить обществу. Мало и удовольствія смотрѣть на міръ, въ которомъ не оставлено ничего естественной дѣятельности природы; гдѣ обращенъ подъ пашню каждый футъ земли, на которой можетъ рости пища для людей, вспаханъ всякій кусокъ, на которомъ росли дикіе цвѣты или былъ натуральный лугъ, истреблены, какъ соперники человѣка въ пищѣ, всѣ четвероногія и птицы, не сдѣланныя домашними на его пользу, вырублены всѣ рощи и лишнія деревья, и едва ли осталось мѣсто, на которомъ могъ бы рости дикій кустъ или цвѣтокъ, не будучи вырванъ, какъ сорная трава, во имя улучшеннаго земледѣлія. Если для того, чтобъ содержаться на землѣ болѣе многочисленному, но не болѣе развитому и счастливому населенію, должна земля потерять ту великую часть своей привлекательности, которую даютъ ей вещи, осужденныя на истребленіе при безграничномъ возростаніи богатства и населенія, то я искренно надѣюсь для блага потомства, что оно захочетъ остановиться въ неподвижномъ состояніи гораздо раньше, чѣмъ принудитъ его необходимость.

Едва ли надобно замѣчать, что неподвижное состояніе капитала и населенія вовсе еще не заключаетъ въ себѣ неподвижности человѣческаго развитія. При немъ оставалось бы не меньше, чѣмъ прежде, цѣлей для всѣхъ направленій умственнаго образованія, нравственнаго и общественнаго прогресса; столько же мѣста усовершенствованію искусства жить и гораздо больше возможности совершенствоваться этому искусству, когда мысли перестанутъ быть поглощаемы искусствомъ пробиться впередъ другихъ.

Даже промышленныя искусства могутъ развиваться тогда такъ же дѣятельно и успѣшно, съ тою только разницею, что промышленныя усовершенствованія стали бы производить тогда законное свое дѣйствіе—сокращать трудъ вмѣсто того, что теперь не служитъ ни къ чему, кромѣ увеличенія богатства. До сихъ поръ еще сомнительно, облегчили ли хотя одному человѣку трудъ для насущнаго хлѣба всѣ наши механическія изобрѣтенія. Они дали возможность большему числу людей жить тою же тяжелою, осторожною жизнію и большему числу фабрикантовъ съ товарищами обогащаться. Они увеличили удобства жизни среднихъ сословій. Но они еще не начали производить въ человѣческой судьбѣ тѣ великія перемѣны, къ совершенію которыхъ назначены они своей сущностью и своею будущностью. Лишь тогда, когда будутъ справедливыя учрежденія и размноженіе людей будетъ обдуманно руководиться здравою предусмотрительностію, побѣды, одержанныя надъ силами природы умомъ и энергіею мыслителей и изобрѣтателей, станутъ общею собственностію человѣческаго рода и средствомъ къ улучшенію и возвышенію судьбы всѣхъ людей.

Совѣтуемъ поклонникамъ господствующей теоріи обратить особенное вниманіе на тѣ строки, которыя находятся почти въ самомъ концѣ приведеннаго нами отрывка. Милль прямо говоритъ, что сомнительно, принесли ли до сихъ поръ какое нибудь облегченіе людямъ всѣ механическія изобрѣтенія. Они увеличили удобства жизни для средняго класса, говоритъ онъ, и увеличили число богатыхъ капиталистовъ,—но еще не начали производить того улучшенія въ человѣческой судьбѣ, какое должны произвести по своей натурѣ.—За то, что мы говоримъ это, насъ упрекаютъ рутинисты въ незнакомствѣ съ ихъ теоріею. Но вотъ то же самое они могутъ слышать теперь отъ замѣчательнѣйшаго изъ нынѣшнихъ учениковъ Адама Смита. Не придется ли обвинять и Милля въ невѣжествѣ? Вѣдь мы въ сущности говоримъ только то же, что сейчасъ читатель слышалъ отъ него.—Но нѣтъ, дѣйствительно правы люди, находящіе разницу между его и нашими словами. То признаніе, которое онъ дѣлаетъ мимоходомъ, остается почти безъ всякаго вліянія на общій ходъ его мыслей. Мы, напротивъ того, постоянно держимъ въ памяти этотъ фактъ и выводимъ изъ него заключенія, чего онъ не заботится дѣлать.

И опять-таки нѣтъ: есть и у него кое-что сходное съ мыслями, къ какимъ приводитъ насъ этотъ фактъ. Мы сейчасъ увидимъ, что его понятіе о надлежащемъ порядкѣ экономическаго быта какъ будто бы одинаково съ нашимъ. Оно было бы и совершенно одинаково, если бы не разность въ мнѣніяхъ о томъ, въ чемъ заключаются препятствія, мѣшающія человѣческому благосостоянію, и въ чемъ нужны перемѣны для его достиженія. Такъ, напримѣръ, въ послѣднихъ строкахъ приведеннаго отрывка повторяется господствующая мысль Милля, что главнымъ препятствіемъ благосостоянію массы служитъ теперь чрезмѣрность размноженія; а главнѣйшимъ средствомъ улучшить бытъ массы считаетъ онъ бережливость и благоразуміе работниковъ; подъ благоразуміемъ тутъ разумѣется то, чтобы они не размножались. Но мы показывали, что сами принципы нынѣшняго быта мѣшаютъ благосостоянію массы, совершенно независимо отъ того, размножается она или не размножается. Если подъ благоразуміемъ работниковъ понимать не одну воздержность, о которой говоритъ Милль, а вообще ясное сознаніе о качествахъ существующаго экономическаго устройства и

о томъ, какъ оно должно быть измѣнено, то, конечно, все зависитъ отъ благоразумія самихъ работниковъ, потому что все въ обществѣ зависитъ отъ характера мыслей у населенія страны. Но придавать такой общій смыслъ выраженію, за которымъ укоренился совершенно иной, частный смыслъ,— значитъ дѣлать натяжку, ведущую къ ошибкамъ. Потому лучше будетъ сказать, что благосостояніе массы зависитъ отъ ея убѣжденій и не возвысится до тѣхъ поръ, пока не распространятся между людьми извѣстныя убѣжденія. Главныя черты образа мыслей, ведущаго къ улучшенію быта, мы уже знаемъ. Онѣ состоятъ въ томъ, что труду не слѣдуетъ быть товаромъ, что человѣкъ работаетъ съ полною успѣшностію лишь тогда, когда работаетъ на себя, а не на другаго, что чувство собственнаго достоинства развивается только положеніемъ самостоятельнаго хозяина, что поэтому искать надлежащаго благосостоянія будетъ работникъ только тогда, когда станетъ хозяиномъ; что съ тѣмъ вмѣстѣ принципъ сочетанія труда и характера улучшенныхъ производительныхъ процессовъ требуетъ производительной единицы очень значительнаго размѣра, а физіологическія и другія естественныя условія требуютъ сочетанія очень многихъ разнородныхъ производствъ въ этой единицѣ; и что поэтому отдѣльные хозяева-работники должны соединяться въ товарищества. Когда такъ-называемые утописты заговорили объ ассоціаціи, теоретики господствующей школы провозгласили эту новую идею злодѣйственною нелѣпостью, точно такъ же, какъ сначала провозглашается нелѣпостью вообще всякая новая мысль. Теперь уже не то. Въ каждомъ рутинномъ курсѣ политической экономіи дѣлается значительная уступка понятіямъ такъ-называемыхъ утопистовъ; самый отсталый политико-экономъ долженъ признаваться, что экономическая исторія движется къ развитію принципа товарищества и что оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже оказалось очень полезнымъ. Съ этимъ признаніемъ бываютъ соединены всевозможныя жолчныя выходки и оно бываетъ обстанавливаемо безчисленными оговорками. Но смущаться тутъ нечѣмъ: людямъ, не желающимъ дѣлать извѣстнаго признанія, естественно сердиться на необходимость, принуждающую къ нему; людямъ, не желающимъ дѣлать уступокъ, натурально придумывать крючкотворскія кляузы при невозможности избѣжать уступокъ. Милль и въ этомъ случаѣ очень выгодно отличается отъ другихъ теоретиковъ господствующей экономической школы. У него нѣтъ досады,—онъ дѣлаетъ признаніе съ готовностію, говоритъ о наступающемъ новомъ порядкѣ быта съ любовью. Онъ воспитался не въ той школѣ, которой принадлежитъ будущее, и когда онъ познакомился съ нею, поздно уже было ему перестроивать теорію, слишкомъ плотно вошедшую въ его мысли. Новымъ понятіямъ осталось слишкомъ мало мѣста въ его головѣ, потому что была она уже занята прежними понятіями. Но по своей честной и живой натурѣ онъ всегда былъ расположенъ сочувствовать улучшеніямъ, и если уже были израсходованы почти всѣ его личныя умственныя силы на прежнее дѣло, на усвоеніе и развитіе прежнихъ понятій, то съ радостію посвящаетъ онъ остатокъ своихъ усталыхъ силъ усвоенію новыхъ понятій; переучиваться было ему поздно, —но чему можетъ вновь научиться человѣкъ уже установившійся, тому постарался онъ научиться.

Б. Будущность экономическаго прогресса.

Понятіе о томъ, что прибыль имѣетъ тенденцію понижаться, привело Милля, какъ мы видѣли, къ размышленіямъ о характерѣ такого общественнаго состоянія, когда отъ пониженія прибыли ослабѣваетъ тотъ позывъ къ накопленію богатствъ, который дается разсчетомъ жить на проценты безъ личной работы и, съ тѣмъ вмѣстѣ, безъ уменьшенія сдѣланныхъ запасовъ. Въ мысляхъ о такомъ бытѣ больше всего заинтересовался онъ вопросомъ о положеніи массы; это привело его къ довольно подробному изложенію мыслей „о вѣроятной будущности рабочихъ классовъ“. Мы помѣщаемъ большую часть этой главы его трактата здѣсь, не дѣлая къ ней на этотъ разъ никакихъ замѣчаній.

Когда я говорю здѣсь или въ другихъ мѣстахъ книги „о рабочихъ классахъ“, или о работникахъ, какъ о „сословіи“, я употребляю эти выраженія въ соотвѣтственность обычаю и въ соотвѣтственность существующему, не вовсе необходимому или вѣчному состоянію общественныхъ отношеній. Я не признаю ни справедливости, ни благотворности за такими состояніями общества, въ которыхъ есть какой нибудь „классъ“ не рабочій, есть люди, изъятые отъ несенія своей доли необходимыхъ трудовъ человѣческой жизни, кромѣ людей, неспособныхъ работать или правильно заслужившихъ отдыхъ прежней работой. Но пока существуетъ великое общественное зло, нерабочій классъ, работники также составляютъ классъ и о нихъ можно,—впрочемъ только временно,—говорить какъ о сословіи.

Состояніе работниковъ съ нравственной и общественной стороны стало въ послѣднее время гораздо больше, чѣмъ прежде, занимать собою мыслителей и общественныхъ людей. И очень распространилось мнѣніе, что теперь ихъ состояніе не таково, какимъ слѣдуетъ ему быть. Обнародованы предположенія, возбуждены споры; эти предположенія и пренія обнаружили, что существуютъ двѣ противоположныя теоріи о томъ, какого общественнаго положенія слѣдуетъ желать для рабочихъ классовъ. Одну изъ нихъ можно назвать теоріею зависимости и покровительства, другую—теоріею самостоятельности.

По первой теоріи участь бѣдныхъ, во всемъ, что касается ихъ всѣхъ вмѣстѣ, должна быть опредѣляема *за нихъ*, а не *ими*. Не надобно требовать отъ нихъ или возбуждать ихъ, чтобы они думали о себѣ сами; не надобно ихъ мыслямъ или предусмотрительности давать важнаго голоса въ опредѣленіи судьбы ихъ. Теорія эта говоритъ, что высшіе классы обязаны думать за нихъ, принимать на себя отвѣтственность за ихъ судьбу, какъ командиръ и офицеры арміи берутъ на себя отвѣтственность за составляющихъ ее солдатъ. Теорія говоритъ, что высшіе классы должны приготовляться къ добросовѣстному исполненію этой обязанности и всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій внушать бѣднымъ увѣренность въ этомъ, чтобы, пассивно и активно повинуясь предписаннымъ для нихъ правиламъ, они во всемъ могли предаваться довѣрчивой беззаботности и покоиться подъ сѣнію своихъ покровителей. По этой теоріи (примѣняемой также къ отношенію между мужчинами и женщинами) отношеніе между богатыми и бѣдными только отчасти должно быть повелительное: оно должно быть также дружеское, нравственное и сантиментальное,—съ одной стороны любящее опекунство, съ другой почтительное и признательное послушаніе. Богатые должны быть „отцами“, in loco parentis бѣднымъ, руководя и удерживая ихъ какъ дѣтей. Самобытнаго дѣйствованія бѣднымъ не нужно. Все ихъ призваніе

въ томъ, чтобы исполнять свою насущную работу и быть нравственными и религіозными. Нравственность и религію должны доставлять имъ старшіе, обязанные наблюдать, чтобы они хорошо обучались этому, и дѣлать все необходимое для обезпеченія имъ, за ихъ трудъ и привязанность, надлежащаго пропитанія, одѣянія, жилища, духовнаго назиданія и невиннаго развлеченія.

Таковъ идеалъ будущности въ понятіяхъ людей, у которыхъ недовольство настоящимъ принимаетъ форму любви къ прошедшему и сожалѣнія, что оно миновалось. Подобно другимъ идеаламъ, онъ имѣетъ безсознательное вліяніе на мысли и чувства множества людей, никогда не руководящихся сознательно никакимъ идеаломъ. Сходенъ онъ съ другими идеалами и въ томъ, что никогда не осуществлялся въ исторіи. Онъ взываетъ къ нашимъ фантастическимъ симпатіямъ подъ видомъ возстановленія добрыхъ нашихъ прадѣдовскихъ временъ. Но нельзя указать никакого времени, когда высшіе классы нашей или какой другой страны исполняли роль, хотя отдаленнымъ образомъ сходную съ назначаемой для нихъ по этой теоріи. Это идеализація, основанная на образѣ дѣйствій и характерѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ людей. Всѣ привилегированные и могущественные классы, какъ классы, пользовались своимъ могуществомъ въ интересѣ своего эгоизма и удовольствіе своему тщеславію находили въ томъ, чтобы презирать людей, по ихъ мнѣнію униженныхъ необходимостію работать на нихъ, а не въ томъ, чтобы съ любовью пещись объ этихъ людяхъ. Я не говорю, что какъ всегда было, такъ всегда должно быть,—не говорю, что человѣческое развитіе не имѣетъ тенденціи улучшать сильный эгоизмъ, порождаемый могуществомъ; но если зло это и можетъ уменьшиться, то не можетъ оно быть искоренено, пока не отстранено самое могущество. То по крайней мѣрѣ кажется мнѣ безспорнымъ, что низшіе классы разовьются до невозможности быть управляемыми по этой теоріи опекунства гораздо раньше, чѣмъ высшіе классы достаточно улучшатся, чтобы управлять по ней.

Я очень хорошо понимаю всю обольстительность представляемаго этою теоріею общественнаго быта. Факты этой картины не имѣютъ прототипа въ прошедшемъ, но есть въ немъ примѣры чувствъ, о которыхъ она говоритъ, и въ чувствахъ заключается вся доля реальности этой теоріи. Очень непріятна для чувства мысль объ обществѣ, связью которому служатъ лишь отношенія и чувства, основанныя на однѣхъ денежныхъ выгодахъ, и есть нѣчто привлекательное для человѣческой природы въ устройствѣ общества, изобилующемъ сильными личными привязанностями и безкорыстнымъ самоотверженіемъ. Обильнѣйшимъ источникомъ такихъ чувствъ до сихъ поръ было отношеніе между покровителемъ и покровительствуемымъ,—въ этомъ надобно согласиться. Сильнѣе всего люди вообще привязываются къ вещамъ или лицамъ, ограждающимъ ихъ отъ какого нибудь страшащаго зла. Потому въ вѣкъ беззаконнаго насилія и небезопасности, общей жестокости и грубости обычаевъ, когда жизнь на каждомъ шагу окружена опасностями и страданіями для людей, не имѣющихъ ни личнаго могущественнаго положенія, ни права на покровительство отъ могущественнаго человѣка,—въ такомъ вѣкѣ благородное покровительствованіе и признательное принятіе его бываютъ сильнѣйшими узами между людьми; чувства, возникающія изъ этого отношенія,—самыми теплыми чувствами; весь энтузіазмъ и вся нѣжность людей съ пылкою душою сосредоточиваются на этомъ отношеніи; преданность съ одной стороны, рыцарскій духъ съ другой, бываютъ принципами, экзальтирующимися до страстности. Я не думаю уменьшать цѣну этихъ качествъ. Ошибка состоитъ въ томъ, что не понимаютъ, что эти добродѣтели и чувства, подобно племенному чувству и гостепріимству кочеваго араба, принадлежатъ въ сильнѣйшей степени грубому и неудовлетвори-

тельному состоянію общественнаго быта, и что чувства между покровителемъ и покровительствуемымъ,—будетъ ли то правитель и управляемый, или богатый и бѣдный, или мужчина и женщина,—не могутъ имѣть этого обольстительнаго и милаго характера тамъ, гдѣ уже нѣтъ серьезныхъ опасностей, противъ которыхъ была бы нужда въ покровительствѣ. Что такого есть въ нынѣшнемъ состояніи общества, чтобы натурально было людямъ обыкновенной силы и храбрости пылать жарчайшею благодарностію и преданностію въ замѣнъ за покровительство? Они находятъ покровительство въ законахъ, когда законы не измѣняютъ преступно своему долгу. Быть подъ властью какого нибудь лица,—это положеніе, прежде бывшее единственнымъ условіемъ безопасности,—теперь, говоря вообще, остается единственнымъ отношеніемъ, подвергающимъ тяжелой несправедливости. Такъ-называемые покровители—теперь единственныя лица, противъ которыхъ, въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, нужно покровительство. Обиды и тиранства, которыми наполненъ каждый списокъ полицейскихъ дѣлъ,—обиды мужей женамъ, родителей дѣтямъ. Что законъ не предупреждаетъ этихъ жестокостей, что онъ только теперь дѣлаетъ первую робкую попытку прекращать и наказывать ихъ, это не слѣдствіе необходимости, а глубокій стыдъ тѣмъ, которые составили и исполняютъ законъ. Никакой мужчина, никакая женщина, если они могутъ жить, – или могутъ чему нибудь выучиться, чтобы жить – независимымъ трудомъ, не нуждаются ни въ какомъ другомъ покровительствѣ, кромѣ того, которое могли бы и обязаны давать законы. При такихъ обстоятельствахъ продолжать считать за безспорное дѣло, что вѣчно должны существовать отношенія, основанныя на покровительствѣ,—это свидѣтельствуетъ о глубокомъ познаніи человѣческой натуры: какъ не видѣть, что принятіе роли покровителя и власти, принадлежащей покровителю, безъ всякой оправдывающей то надобности, должно порождать чувства, прямо противоположныя преданности?

О рабочихъ людяхъ,—по крайней мѣрѣ въ передовыхъ странахъ Европы, — можно сказать навѣрное, что патріархальной или отеческой системѣ опекунства надъ ними они вновь уже не подчинятся. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ, когда они выучились читать и получили доступъ къ газетамъ и политическимъ брошюрамъ; когда они допустили диссентерскихъ проповѣдниковъ явиться къ нимъ и призывать ихъ умъ и чувства, отвлекая ихъ отъ исповѣданія, котораго держатся и которое поддерживаютъ ихъ старшіе; когда ихъ собрали во множествѣ — вмѣстѣ работать подъ одною кровлею, когда желѣзныя дороги открыли имъ возможность переноситься съ мѣста на мѣсто и перемѣнять своихъ патроновъ и хозяевъ также легко, какъ перескидать платье; когда ихъ стали возбуждать искать избирательнаго права, чтобы имѣть участіе въ управленіи. Рабочіе классы взяли свои интересы въ свои руки и постоянно показываютъ, что считаютъ интересы своихъ хозяевъ противоположными своимъ, а не одинаковыми съ ними. Есть въ высшихъ сословіяхъ люди, надѣющіеся, что эти тенденціи могутъ быть измѣнены моральнымъ и религіознымъ воспитаніемъ; но они пропустили время дать работникамъ воспитаніе, которое можетъ соотвѣтствовать подобной цѣли. Принципы реформаціи проникли во всѣ слои общества съ умѣньемъ читать и писать, и бѣдные уже не захотятъ принимать мораль и религію по предписанію другихъ. Я говорю въ частности о Великобританіи, особенно о городскомъ населеніи и о сельскихъ округахъ Шотландіи и сѣверной Англіи, гдѣ земледѣліе ведется самымъ научнымъ образомъ, а рабочая плата высока. Въ южныхъ графствахъ, гдѣ земледѣльческое населеніе апатичнѣе и патріархальнѣе, сельское дворянство, быть можетъ, успѣло бы еще на нѣсколько времени поддержать въ бѣдныхъ слѣды старинной почтительности и по-

слушности, если бы стало подкупать бѣдныхъ высокою рабочею платою, не оставлять ихъ никогда безъ занятія, обезпечивать имъ средства къ жизни и не требовать отъ нихъ ничего непріятнаго имъ. Но эти условія никогда не бывали и не могутъ быть надолго соединены. Гарантировать средства къ жизни практически возможно лишь съ возложеніемъ обязанности работать и съ тѣмъ, чтобы сдерживать излишнее размноженіе, если не физическимъ, то по крайней мѣрѣ нравственнымъ стѣсненіемъ. Взявшись за это, диллетанты, желающіе возстановить старину, которой сами не понимаютъ, увидѣли бы на практикѣ, какъ безнадежно ихъ намѣреніе. Все зданіе патріархальнаго или владѣльческаго вліянія, проектируемое на фундаментѣ любезнаго обращенія съ бѣдными, разбилось бы о необходимость наложить на бѣдныхъ строгій законъ противъ размноженія и праздности.

Основа для благосостоянія рабочихъ людей должна отнынѣ быть совершенно иного рода. Бѣдные уже переросли возможность водить ихъ на помочахъ, и нельзя поступать съ ними, какъ съ дѣтьми. Забота о ихъ судьбѣ должна быть нынѣ предоставлена имъ самимъ. Нынѣшнимъ націямъ приходится понять, что благосостояніе народа должно основываться на справедливости и самоуправленіи, dikaiosynè и sôphrosynè каждаго гражданина. Теорія зависимости хочетъ обойтись безъ этихъ качествъ въ зависимыхъ сословіяхъ. Но теперь, когда и по общественному положенію они становятся все менѣе и менѣе зависимы, а мысли ихъ все менѣе и менѣе довольны и тою степенью зависимости, какая еще остается, имъ нужны качества, нужныя для качества независимыхъ людей. Если дается теперь совѣтъ рабочимъ классамъ, надобно подавать его имъ какъ равнымъ, чтобы они судили о немъ собственнымъ умомъ. Будущность зависитъ оттого, до какой степени они могутъ стать разумными людьми.

Судя по всему, надобно имѣть надежду на будущность. Правда, прогрессъ до сихъ поръ шелъ, да и теперь еще идетъ медленно. Но умы въ массѣ воспитываются по собственному влеченію, и это ихъ самовоспитаніе можно значительно ускорить и улучшить внѣшнимъ содѣйствіемъ. Образованіе, пріобрѣтаемое изъ газетъ и политическихъ брошюръ,—не превосходнѣйшій родъ образованія, но все-таки оно гораздо выше, чѣмъ отсутствіе всякаго образованія. Публичныя лекціи, вечера для публичныхъ преній, общія совѣщанія по вопросамъ общаго интереса, trades unions,—все это служитъ къ возбужденію общественнаго духа, распространяетъ въ массѣ множество понятій, пробуждаетъ мысль и привычку къ обдуманности въ даровитѣйшихъ работникахъ. Слишкомъ раннее полученіе политическихъ правъ наименѣе образованнымъ классомъ могло бы замедлить, а не ускорить его развитіе; но то едва ли подлежитъ сомнѣнію, что желаніе пріобрѣсти политическія права сильно поощряетъ этотъ классъ къ развитію. Еще не имѣя политическихъ правъ, рабочіе классы уже составляютъ теперь часть публики; они, или нѣкоторые люди изъ нихъ, участвуютъ во всякомъ обсужденіи предметовъ общественнаго интереса; каждый пишущій въ газетѣ можетъ имѣть ихъ читателями своихъ статей; пути къ образованію, которыми достигаютъ средніе классы нынѣшнихъ своихъ понятій, доступны и работникамъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ. Имѣя эти средства, работники безъ сомнѣнія будутъ просвѣщаться, если даже и не найдутъ содѣйствія своимъ усиліямъ. Но есть основаніе надѣяться, что важныя улучшенія въ качествѣ и размѣрѣ школьнаго воспитанія будутъ сдѣланы усиліями правительства или частныхъ лицъ, и что прогрессъ массы народа въ умственномъ образованіи и въ происходящихъ отъ него хорошихъ качествахъ пойдетъ гораздо быстрѣе и съ меньшими колебаніями, чѣмъ пошелъ бы безъ посторонняго содѣйствія.

Отъ развитія образованности въ массѣ съ увѣренностью можно ожидать многихъ результатовъ. Во-первыхъ, работники еще меньше нынѣшняго будутъ имѣть охоты, чтобы другіе люди руководили и управляли ими помощью одного авторитета и репутаціи своего старшинства. Если уже и теперь не имѣютъ они, то послѣ еще меньше будутъ имѣть почтительной робости или суевѣрной послушности, держащей ихъ въ умственномъ подданствѣ высшему классу. Теорія зависимости и покровительства будетъ становиться для нихъ все несноснѣе и они станутъ требовать, чтобы въ сущности самимъ имъ было оставлено опредѣлять свое положеніе и образъ своихъ дѣйствій. Очень возможно, что при этомъ во многихъ случаяхъ они будутъ требовать вмѣшательства законодательной власти въ ихъ дѣла и законодательнаго регулированія многихъ касающихся до нихъ предметовъ и часто будутъ при этомъ сами ошибаться относительно своей выгоды. Но все-таки они будутъ желать исполненія своей собственной воли, своихъ собственныхъ мыслей и предположеній. Нимало не будетъ противорѣчить этому, что они станутъ чувствовать уваженіе къ людямъ, превосходящимъ ихъ знаніями и умственнымъ развитіемъ, и станутъ во многомъ полагаться на мнѣнія лицъ, считающихся у нихъ хорошо знакомыми съ предметомъ,—это глубоко лежитъ въ человѣческой природѣ; но они сами станутъ судить о томъ, какія лица достойны или недостойны подобнаго довѣрія.

Непремѣннымъ послѣдствіемъ умственнаго развитія, просвѣщенія и любви къ независимости въ рабочихъ классахъ я считаю возростаніе здраваго смысла, обнаруживающагося въ предусмотрительныхъ привычкахъ; потому не сомнѣваюсь, что число населенія будетъ тогда составлять постепенно все меньшую и меньшую пропорцію сравнительно съ капиталомъ и количествомъ занятія. Ходъ этого благотвориаго результата будетъ значительно ускоряться другою перемѣною, прямо лежащею на пути лучшихъ тенденцій нашего времени,—открытіемъ одинаковой свободы въ промышленныхъ занятіяхъ для обоихъ половъ. По тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ прекратилась необходимость бѣдному быть въ зависимости отъ богатаго, прекратилась также необходимость женщинѣ быть въ зависимости отъ мужчины, и наименьшее, чего требуетъ справедливость, состоитъ въ томъ, чтобы законъ и обычай не ставили насильственно женщинъ (по достиженіи совершеннолѣтія) въ зависимость своими правилами, по которымъ женщина, не получившая средствъ къ жизни чрезъ наслѣдство, почти не имѣетъ теперь никакой возможности пріобрѣтать средства къ жизни иначе, какъ становясь женою и матерью. Пусть женщины, предпочитающія эту карьеру другимъ, принимаютъ ее; но теперь для огромнаго большинства женщинъ нѣтъ никакого выбора, никакой возможности другой карьеры, кромѣ того, какъ быть служанкою,—это явная и сильная общественная несправедливость. Конечно, недалеко уже время, когда будутъ признаны величайшимъ препятствіемъ нравственному, общественному и даже умственному улучшенію общества тѣ понятія и учрежденія, по которымъ случайное различіе пола служитъ основаніемъ неравенства юридическихъ правъ и вынужденнаго различія въ общественныхъ отношеніяхъ. Изъ числа вѣроятныхъ послѣдствій промышленной и общественной независимости женщинъ здѣсь я укажу только одно—сильное уменьшеніе чрезмѣрнаго размноженія. Цѣлую половину человѣческаго рода мы обрекли исключительно на это функцію, сдѣлали ее единственнымъ содержаніемъ цѣлой жизни одного пола и переплели ее почти со всякою дѣятельностью другаго пола,—вотъ причина тому, что животный инстинктъ размноженія развивается до чрезмѣрнаго перевѣса, какимъ до сихъ поръ пользовался въ человѣческой жизни.

Слишкомъ обширнымъ предметомъ для нашего трактата было бы изложеніе политическихъ результатовъ того, что ростетъ сила и важность рабочихъ классовъ. Но ограничиваясь экономическою стороною дѣла, я полагаю, что несмотря на перемѣну въ распредѣленіи продукта къ ихъ выгодѣ, какая будетъ произведена развитіемъ образованности въ рабочихъ классахъ и справедливыми законами,—я полагаю, что несмотря на эту перемѣну, они все-таки никакъ не удовольствуются навсегда тѣмъ своимъ положеніемъ, что работаютъ по найму,—не захотятъ они видѣть въ этомъ своего окончательнаго состоянія. Въ нынѣшнемъ періодѣ человѣческаго прогресса, нельзя ожидать, чтобы навсегда удержалось раздѣленіе человѣческаго рода на два наслѣдственные класса, хозяевъ и ихъ работниковъ. Это отношеніе почти столько же неудовлетворительно и для хозяина, дающаго плату, какъ и для работника, получающаго ее. Если богатые смотрятъ на бѣдныхъ, какъ будто на людей, отъ природы назначенныхъ быть ихъ слугами и подчиненными, то бѣдные въ свою очередь смотрятъ на богатыхъ, просто какъ на добычу, которую надобно обирать, какъ на предметъ рѣшительно безграничныхъ просьбъ и ожиданій, возростающихъ съ каждою уступкою. Совершенный недостатокъ уваженія къ справедливости въ этихъ взаимныхъ отношеніяхъ столько же замѣтенъ и въ работникахъ, сколько въ хозяевахъ. Напрасно ищемъ мы въ массѣ работниковъ той справедливой гордости, которая хочетъ давать за хорошую плату хорошую работу: почти всѣ они стараются лишь о томъ, чтобы получить какъ можно больше, а возвратить въ формѣ работы какъ можно меньше. Раньше или позже, классу хозяевъ покажется невыносимо жить въ тѣсномъ ежеминутномъ соприкосновеніи съ лицами, интересы и чувства которыхъ враждебны имъ. Капиталисты почти столько же, какъ работники, заинтересованы въ томъ, чтобы придать промышленнымъ операціямъ устройство, при которомъ люди, работающіе на нихъ, имѣли бы къ дѣлу такой же интересъ, какъ имѣютъ люди, работающіе сами на себя.

Мнѣніе о мелкой поземельной собственности и поселянахъ-собственникахъ, высказанное въ одной изъ предъидущихъ книгъ моего трактата, вѣроятно, заставляетъ читателя предполагать, что широкое распространеніе поземельной собственности представляется мнѣ средствомъ вывесть по крайней мѣрѣ земледѣльческихъ работниковъ изъподъ исключительной зависимости отъ наемной платы. Но мое мнѣніе не таково. Правда, я полагаю, что эта форма земледѣльческаго хозяйства опорочена самымъ неосновательнымъ образомъ, и что по всей суммѣ своего вліянія на человѣческое счастіе она далеко выше всѣхъ нынѣ существующихъ формъ наемнаго труда: размноженіе сдерживается въ ней благоразумiемъ прямѣе, и, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, успѣшнѣе; кромѣ того, по обезпеченности, по независимости, по употребленію въ дѣло всѣхъ высшихъ способностей, состояніе земледѣльца-собственника гораздо выше состоянія земледѣльческаго работника въ Англіи и другихъ старыхъ странахъ. Гдѣ система мелкой поземельной собственности уже существуетъ и дѣйствуетъ вообще удовлетворительно, тамъ, кажется мнѣ, жаль было бы при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго просвѣщенія видѣть, что она уничтожается для замѣны наемнымъ трудомъ по педантическому мнѣнію, будто бы улучшенное земледѣліе должно быть одинаково при всевозможномъ различіи обстоятельствъ. Гдѣ промышленное развитіе низко, какъ въ Ирландіи, тамъ я желаю введенія этой системы предпочтительно передъ исключительною системою наемнаго труда, потому что она могущественнѣе поднимаетъ населеніе изъ полудикой небрежности и безпечности къ упорному трудолюбію и благоразумной разсчетливости.

Но народъ, однажды принявшій систему производства въ большомъ размѣрѣ,

фабричнаго или земледѣльческаго производства, все равно, — едва ли отступитъ отъ нея; и если населеніе сдерживается въ должной пропорціи къ средствамъ продовольствія, то и не слѣдуетъ желать, чтобы онъ отступалъ отъ нея. Трудъ безспорно производительнѣе бываетъ при системѣ обширныхъ промышленныхъ предпріятій, и продукта получается отъ нихъ больше, если не по абсолютной суммѣ, то по пропорціи къ употребленному на нее труду; равное число лицъ можетъ содержаться тутъ въ равномъ благосостояніи съ меньшимъ трудомъ и большимъ досугомъ; а это будетъ давать полное превосходство обширнымъ предпріятіямъ, когда цивилизація улучшится настолько, что выгода цѣлаго дѣла станетъ выгодою каждаго участвующаго въ немъ. Съ нравственной стороны вопроса, которая еще важнѣе экономической, надобно цѣлью промышленнаго развитія ставить нѣчто лучшее, чѣмъ система, которая разбрасываетъ людей по землѣ отдѣльными семействами, находящимися каждое подъ управленіемъ патріархальнаго деспота, какъ теперь, и почти не имѣющими ни общности интересовъ, ни необходимаго умственнаго сношенія съ другими людьми. Владычество главы семейства надъ другими членами безгранично при этомъ состояніи, а мысли этого главы ведутся такимъ порядкомъ къ сосредоточенію всѣхъ выгодъ на семействѣ, которое онъ считаетъ своею принадлежностію, къ сосредоточенію всѣхъ страстей на страсти исключительнаго обладанія, всѣхъ заботъ на заботѣ объ охраненіи и пріобрѣтеніи. Можно съ удовольствіемъ смотрѣть на такое нравственное состояніе, какъ на шагъ изъ чисто животнаго состоянія къ человѣческому быту, на шагъ отъ безпечнаго повиновенія животнымъ инстинктамъ къ предусмотрительному благоразумію и самообладанію. Но если мы хотимъ, чтобы существовали общественные интересы, благородныя чувства, истинная справедливость и равенство, то школою, воспитывающею эти качества, служитъ не разъединеніе, а ассоціація интересовъ. Цѣлью улучшеній должно быть не одно то, чтобы поставить людей въ положеніе, дающее возможность обходиться другъ безъ друга, но и то, чтобы они могли трудиться другъ съ другомъ или другъ на друга въ отношеніяхъ независимыхъ. Людямъ, живущимъ своею работою, до сихъ поръ не было другаго выбора, какъ или работать каждому особо отъ другихъ, или работать на хозяина. Но цивилизующее и развивающее вліяніе товарищества, успѣшность и экономія производства въ большомъ размѣрѣ могутъ быть достигнуты безъ раздѣленія производителей на двѣ партіи съ враждебными интересами и чувствами, какъ теперь, когда многіе работаютъ простыми служителями подъ командою одного, дающаго средства къ работѣ, и не имѣютъ въ дѣлѣ никакой своей выгоды, кромѣ той, чтобы получать рабочую плату, работая какъ можно меньше. Изслѣдованія и пренія послѣднихъ 50 лѣтъ и событія послѣднихъ десяти лѣтъ достаточно разъяснили этотъ вопросъ. Если современное положеніе дѣлъ на континентѣ не успѣетъ подвинуть назадъ человѣческую мысль, то нельзя сомнѣваться, что положеніе наемныхъ работниковъ будетъ постепенно идти къ тому, что наконецъ останутся въ немъ лишь тѣ работники, которые по недостатку нравственныхъ качествъ неспособны къ положенію, болѣе независимому; а отношеніе между хозяевами и работниками постепенно замѣнится товариществомъ двухъ слѣдующихъ формъ: на время и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ассоціаціею работниковъ съ капиталистомъ, а въ другихъ случаяхъ, и напослѣдокъ во всѣхъ, товариществомъ между самими работниками.

Первая изъ этихъ формъ ассоціаціи существуетъ давно, но не какъ правило, а въ видѣ исключенія. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности уже встрѣчаются случаи, гдѣ каждый участвующій въ дѣлѣ или трудомъ или денежными средствами имѣетъ въ

выгодахъ дѣла долю, соразмѣрную съ цѣнностью его участія. Уже вошло во всеобщее обыкновеніе вознаграждать процентами изъ прибыли тѣхъ, которымъ хозяева должны особенно довѣрять; есть случаи, въ которыхъ тотъ же принципъ съ превосходнымъ успѣхомъ распространенъ и на классъ простыхъ чернорабочихъ.

На американскихъ корабляхъ, ведущихъ торговлю съ Китаемъ, давно принято, чтобы каждый матросъ имѣлъ свой процентъ изъ прибыли каждаго рейса; этому приписываютъ фактъ, что матросы тутъ вообще держатъ себя хорошо и чрезвычайно рѣдки столкновенія между ними и правительствомъ или народомъ Китайской имперіи. Подобнымъ примѣромъ въ Англіи служатъ корнуэлльскіе рудокопы, положеніе которыхъ менѣе знакомо публикѣ, чѣмъ слѣдовало бы. „Въ Корнуэллѣ рудники разработываются по строгой системѣ товарищества; партіи рудокоповъ заключаютъ съ повѣреннымъ владѣльца рудника условіе разработать извѣстную часть рудной жилы и приготовить руду на продажу, получая сами извѣстный процентъ изъ суммы, за которую будетъ продана руда. Контракты эти заключаются на извѣстные сроки, вообще на два мѣсяца, и разработку по ихъ условіямъ берутъ на себя артели добровольныхъ участковъ, привычныхъ къ работѣ. Система эта имѣетъ свои невыгоды по невѣрности и неправильности въ полученіи денегъ работниками, которымъ приходится иногда жить въ долгъ; но въ ней есть выгоды, съ избыткомъ перевѣшивающія это неудобство. Она развиваетъ ту образованность, независимость и нравственность, по которымъ матеріальное положеніе и характеръ корнуэллскаго рудокопа гораздо выше обыкновеннаго между работниками уровня. Докторъ Бергемъ говоритъ, что „корнуэллскіе рудокопы вообще не только люди образованные сравнительно съ другими работниками, но и безусловно — люди, хорошо образованные; въ характерѣ ихъ есть независимость, похожая на американскую, благодаря системѣ контрактовъ, оставляющей имъ полную свободу распоряжаться дѣломъ между собою, такъ что каждый изъ нихъ, какъ компаньонъ своей маленькой фирмы, чувствуетъ себя при встрѣчѣ съ хозяиномъ почти равнымъ ему. Зная образованность и независимость ихъ характера, мы не удивимся, услышавъ, что очень многіе рудокопы имѣютъ теперь свои участки, снятые по контрактамъ на три жизни или на 99 лѣтъ, и живутъ на этихъ участкахъ въ собственныхъ домахъ; что 281,541 фунтовъ находятся въ сберегательныхъ кассахъ Корнуэлля, и двѣ трети изъ этой суммы принадлежатъ рудокопамъ“ *).

Беббэджъ, также разсказывающій объ этой системѣ, говоритъ, что плата матросамъ на китоловныхъ судахъ опредѣляется на подобномъ основаніи, а „прибыль отъ ловли рыбы сѣтями на южномъ берегу Англіи дѣлится такимъ образомъ, что половина продукта принадлежитъ владѣльцу лодки и сѣтей; а другая половина, поровну, дѣлится между людьми, ловившими рыбу, обязанными также помогать въ починкѣ сѣтей, когда понадобится“. Беббэджу принадлежитъ та великая заслуга, что онъ указалъ возможность и выгодность распространить этотъ принципъ вообще на всю фабричную промышленность (Babbadge, Economy of Machinery and Manufactures, изд. 3, гл. 26).

Довольно большое вниманіе возбудилъ опытъ этого рода, начатый лѣтъ шестнадцать тому назадъ въ Парижѣ подрядчикомъ—маляромъ Леклеромъ (заведеніе котораго помѣщалось Rue Saint Georges № 11) и описанный имъ въ брошюрѣ, изданной въ 1842 г. Леклеръ говоритъ въ этой брошюрѣ, что у него работаютъ среднимъ числомъ

*) Отрывокъ этотъ взятъ изъ Prize Essays on the Causes and Remedies of National Distress, by Samuel Laing; слова Бергема, приводимыя Ленгомъ, взяты изъ приложенія къ Report of the Children's Employment Commission.

до двухъ сотъ человѣкъ, которымъ онъ платитъ обыкновенное опредѣленное жалованье. Себѣ онъ назначаетъ кромѣ процентовъ за свой капиталъ опредѣленную сумму за свою отвѣтственную работу по управленію дѣломъ. Въ концѣ года остальная прибыль дѣлится между всѣми, считая тутъ и его самого, пропорціонально платѣ, получаемой каждымъ *). Очень поучительны причины, заставившія Леклера принять эту систему. Находя своихъ работниковъ неудовлетворительными, онъ сначала попробовалъ дать имъ больше жалованья и такимъ образомъ успѣлъ получить превосходныхъ работниковъ, которые уже не промѣняли бы его ни на какого другаго хозяина. „Успѣвъ достичь такимъ способомъ нѣкоторой прочности въ дѣлахъ своего заведенія, Леклеръ ожидалъ, что теперь ему будетъ спокойнѣе (я пользуюсь тутъ извлеченіемъ изъ брошюры Леклера въ Chamber's Journal, for September 27, 1845), но онъ обманулся въ этомъ. Пока онъ могъ наблюдать самъ за всѣмъ отъ общаго веденія дѣлъ до мельчайшихъ подробностей, дѣло шло удовлетворительно; но когда по расширеніи своихъ оборотовъ онъ могъ только остаться центромъ, отъ котораго выходятъ распоряженія и которому приносятся отчеты, тотчасъ же подвергся онъ прежнимъ тревогамъ и неудовольствіямъ. Другимъ источникамъ промышленныхъ непріятностей онъ не придаетъ большой важности, но безпорядочное поведеніе работниковъ выставляетъ причиною ежеминутныхъ потерь. Хозяинъ имѣетъ работниковъ, равнодушіе которыхъ къ его интересамъ таково, что они не исполняютъ двухъ третей работы, которую могли бы сдѣлать; потому хозяева безпрестанно раздражаются: видя пренебреженіе къ своимъ интересамъ, они находятъ себя вправѣ полагать, что работники постоянно находятся въ заговорѣ разорить людей, дающихъ имъ хлѣбъ. Если бы работникъ былъ увѣренъ, что не останется безъ работы, его положеніе съ нѣкоторыхъ сторонъ было бы пріятнѣе, чѣмъ положеніе хозяина: онъ впередъ знаетъ, что получитъ извѣстную плату, и получитъ ее, хорошо ли, дурно ли работаетъ. Онъ не подвергается риску и возбуждается къ добросовѣстной работѣ лишь чувствомъ долга. А выручка хозяина, напротивъ, значительно подвергнута риску; онъ постоянно имѣетъ непріятности и безпокойства. Далеко не такъ было бы, если бы интересы хозяина и работниковъ были связаны между собою, соединены какими нибудь узами взаимнаго обезпеченія, какъ, напримѣръ, системою ежегоднаго раздѣла прибыли".

Леклеръ достигъ замѣчательнаго успѣха уже и въ первый годъ полнаго дѣйствія своей попытки. Изъ работниковъ, работавшихъ всѣ триста дней, ни одинъ не получилъ въ этотъ годъ меньше 1,500 франковъ, а нѣкоторые получили значительно больше. Высшая плата у него была 4 франка въ день или 1,200 фр. за 300 дней; потому остальные 300 фр. слѣдуетъ считать наименьшею суммою, какую поденщикъ, работавшій 300 дней, получилъ на свою долю изъ чистой прибыли. Леклеръ сильными выраженіями описываетъ улучшеніе, уже и тогда обнаружившееся въ привычкахъ и образѣ дѣйствій его работниковъ не только за работою и въ отношеніяхъ съ нимъ, но и во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ отношеніяхъ: въ работникахъ видно стало больше уваженія и къ другимъ и къ самимъ себѣ. Въ 1847 году эта система еще сохранялась, и мы узнаемъ изъ Шевалье, что усердіе работниковъ продолжало даже и въ де-

*) Но мы видимъ, что допущенные къ этому участію въ прибыли работники составляютъ только часть (нѣсколько менѣе половины) всего числа людей, работающихъ у Леклера. Это объясняется тою чертою его системы, что онъ платитъ всѣмъ своимъ работникамъ полное рыночное жалованье. Потому назначенная имъ доля прибыли служитъ вся уже прибавкою къ обыкновеннымъ доходамъ работниковъ малярнаго мастерства, и онъ очень хорошо поступаетъ, дѣлая ее средствомъ къ ихъ улучшенію, наградою за усердіе или вознагражденіемъ за особенную благонадежность.

нежномъ смыслѣ вполнѣ вознаграждать Леклера за пожертвованіе частью прибыли въ ихъ пользу *).

Но если человѣческій родъ будетъ продолжать развиваться, то надобно ожидать, что напослѣдокъ станетъ господствовать не та форма ассоціаціи, которая можетъ существовать между капиталистомъ, какъ главою дѣла, и работниками, не имѣющими голоса въ управленіи, а другая форма—ассоціація самихъ работниковъ на условіяхъ равенства, съ принадлежностью всему ихъ обществу капитала, на который ведутся ихъ операціи, и подъ управленіемъ распорядителей, избираемыхъ и смѣняемыхъ ими самими. Пока эта идея еще оставалась только теоріею въ сочиненіяхъ Овена или Луи-Блана, могла она казаться для обыкновеннаго разсужденія неосуществимой; могло казаться, что попытокъ къ ея осуществленію нельзя сдѣлать иначе, какъ конфискаціею существующаго капитала въ пользу работниковъ; и въ Англіи и на континентѣ есть и до сихъ поръ много людей, воображающихъ, а еще больше говорящихъ, что таковъ смыслъ и такова цѣль соціализма. Но въ массахъ есть способность къ энергіи и къ самоотреченію, выказывающаяся только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда призываютъ ее во имя какой нибудь великой идеи или возвышеннаго чувства. Такой призывъ былъ сдѣланъ во Франціи въ 1848 году. Ободренные имъ, многіе работники пришли къ рѣшимости работать другъ на друга, вмѣсто того, чтобъ работать на хозяина-негоціанта или на фабриканта,—пришли и къ рѣшимости освободиться, какихъ бы трудовъ и лишеній ни стоило то, отъ необходимости платить изъ продукта своего труда тяжелую дань за пользованіе капиталомъ, уничтожить эту подать не отнятіемъ у капиталистовъ того, что пріобрѣли они или ихъ предшественники посредствомъ труда и сохранили посредствомъ экономіи, а честнымъ пріобрѣтеніемъ капитала для себя. Еслибъ лишь немногіе работники взялись за это тяжелое дѣло или если бы взялись за него многіе, а успѣли въ немъ лишь немногіе, то можно было бы сказать, что ихъ успѣхъ не служитъ аргументомъ въ пользу ихъ системы, какъ нормальнаго способа промышленной организаціи; но кромѣ всѣхъ случаевъ неудачи, существуютъ или недавно существовали болѣе ста успѣшныхъ и въ томъ числѣ много чрезвычайно цвѣтущихъ ассоціацій работниковъ въ одномъ Парижѣ, кромѣ значительнаго числа въ департаментахъ. Поучительный очеркъ ихъ исторіи и принциповъ издалъ Фегре подъ заглавіемъ: L'Association Ouvriere Industrielle et Agricole. Въ Англіи газеты часто утверждаютъ, что парижскія ассоціаціи не удались (люди, пишущіе это, какъ будто по недоразумѣнію приняли предсказанія ихъ враговъ при ихъ возникновеніи за свидѣтельство о послѣдующемъ результатѣ опыта); потому я считаю нужнымъ показать выписками изъ Фегре, что эти отзывы не только лишены истины, а прямо противоположны ей.

*) „Я знаю отъ г. Леклера, что выгода отъ чрезвычайнаго усердія, какимъ одушевлены его работники со времени принятія системы соучастія въ прибыли, съ излишкомъ вознаграждаетъ пожертвованіе, состоящее въ суммѣ паевъ, которые онъ назначаетъ имъ" Lettres sur l'organisation du travail, par M. Chevalier (1848), письмо XIV. Одинъ путешественникъ, недавно бывшій на Филиппинскихъ островахъ, говоритъ о похожей на Леклерову системѣ у китайцевъ въ Манильѣ. „У китайцевъ хозяинъ лавки обыкновенно привлекаетъ къ своему дѣлу все усердіе служащихъ въ его лавкѣ его соотечественниковъ, давая каждому изъ нихъ долю изъ прибыли дѣла или дѣлая ихъ всѣхъ маленькими компаньонами въ своей торговлѣ, въ которой онъ, разумѣется, не забываетъ оставлять себѣ львиную часть, такъ-что, принося ему пользу хорошимъ исполненіемъ дѣла, они доставляютъ выгоду и себѣ. Этотъ принципъ развитъ до того, что даже кули, вмѣсто опредѣленнаго жалованья, получаютъ долю изъ прибыли дѣла, и кажется, что эта система соотвѣтствуетъ характеру ихъ: работая за опредѣленную плату, они очень лѣнивы: но если заинтересованы хотя ничтожнѣйшею долею изъ прибыли, то оказываются усерднѣйшими и полезнѣйшими работниками". Mac Micking, Recollections of Manilla and the Philippines during 1848, 1849 and 1850, стр. 24.

Почти у всѣхъ ассоціацій капиталъ первоначально ограничивался немногими инструментами, принадлежавшими основателямъ, и маленькими суммами, какія могли быть собраны ихъ сбереженіями или получены ими въ заемъ отъ другихъ работниковъ, такихъ же бѣдняковъ, какъ они. Нѣкоторымъ ассоціаціямъ сдѣланы были ссуды отъ республиканскаго правительства; но оказывается, что вовсе не принадлежали къ числу успѣшнѣйшихъ тѣ ассоціаціи, которыя получили такія ссуды, или по крайней мѣрѣ тѣ, которыя получили ихъ до упроченія своего успѣха. Поразительнѣйшіе примѣры процвѣтанія находятся между тѣми ассоціаціями, у которыхъ не было никакой опоры, кромѣ ихъ собственныхъ скудныхъ средствъ и мелкихъ ссудъ отъ другихъ работниковъ, и члены которыхъ сначала питались лишь хлѣбомъ съ водою, посвящая весь остатокъ заработываемыхъ денегъ на составленіе капитала. „Часто касса была совершенно пуста, говоритъ Фегре (стр. 112), и платы не было никакой. А продажа не шла, а денегъ за проданное надобно было еще ждать; векселя не принимались къ дисконту, а магазинъ матеріаловъ былъ пустъ; и надобно было терпѣть лишенія, обрѣзывать себя во всѣхъ издержкахъ, ограничиваться иногда хлѣбомъ съ водой... Такими-то мученіями и лишеніями, такимъ-то скорбнымъ путемъ люди, не имѣвшіе вначалѣ почти никакихъ средствъ, кромѣ твердой воли и своихъ рукъ, достигли того, что создали себѣ кругъ покупателей, пріобрѣли кредитъ, создали наконецъ общественный капиталъ и основали ассоціаціи, будущность которыхъ теперь кажется упроченною“.

Я вполнѣ приведу замѣчательную исторію одной изъ такихъ ассоціацій (Фегре, стр. 113—116).

„Необходимость большаго капитала для основанія фортепьянной фабрики была вполнѣ сознаваема классомъ фортепьянныхъ работниковъ, такъ-что въ 1848 г. нѣсколько сотъ ихъ, соединившись для образованія большой ассоціаціи, просили для нея у правительства пособія въ 300,000 фр., то есть десятой части всего фонда, назначеннаго конституивнымъ собраніемъ въ пособіе ассоціаціямъ. Я помню, что будучи членомъ коммиссіи, распредѣлявшей этотъ фондъ, я напрасно старался убѣдить двухъ выборныхъ, призванныхъ въ комиссію отъ ассоціаціи, что просьба ихъ чрезмѣрна. Всѣ мои слова остались безуспѣшны; напрасно я толковалъ съ ними часа два. Выборные отвѣчали мнѣ все одно и то же, — что ихъ промыселъ находится въ исключительномъ положеніи, что ассоціація не можетъ основаться съ надеждою на успѣхъ иначе, какъ въ большомъ размѣрѣ и съ большимъ капиталомъ, что 300,000 фр. — наименьшая сумма, ниже которой не могутъ они спуститься,—словомъ сказать, что не могутъ они уменьшить своего требованія ни на одинъ су. Комиссія отказала.

„Послѣ этого отказа планъ большой ассоціаціи былъ покинутъ. Но вотъ дальнѣйшая исторія. 14 человѣкъ работниковъ (и, — странное дѣло, въ числѣ ихъ одинъ изъ двухъ выборныхъ) рѣшились одни основать ассоціацію для дѣланія фортепьяно, — это было опрометчивостью, если не безумствомъ со стороны людей, не имѣвшихъ ни денегъ, ни кредита; но вѣра не разсуждаетъ, а дѣйствуетъ.

Итакъ, эти 14 человѣкъ принялись за дѣло, и вотъ разсказъ о ихъ первыхъ трудахъ.

„Нѣкоторые изъ членовъ ассоціаціи, работавшіе прежде на свой счетъ, внесли въ нее инструментовъ и матеріаловъ тысячи на двѣ франковъ. Кромѣ того, нуженъ былъ оборотный капиталъ. Товарищи, не безъ труда, внесли каждый по 10 фр. Нѣсколько работниковъ, не принадлежавшихъ къ ассоціаціи, выразили ей свое сочувствіе слабыми приношеніями. Словомъ сказать, 10 марта 1849 г. набралось 229 фр. 50 сантимовъ, и ассоціація была объявлена основанною.

„Этой суммы не было достаточно даже для найма квартиры и мелкихъ ежедневныхъ издержекъ по содержанію мастерской. На плату за работу ничего не оставалось, и около двухъ мѣсяцевъ члены ассоціаціи провели не получая ни сантима. Какъ они жили въ это критическое время? Какъ живутъ работники во время остановки работы,— раздѣляя обѣдъ какого нибудь товарища, продавая или закладывая вещь за вещью изъ своего имущества.

„Кончено было нѣсколько работъ. 4 мая получены были деньги за нихъ. Этотъ день для работниковъ былъ то же, что для войска первая побѣда въ походѣ. По уплатѣ всѣхъ долговъ, требовавшихъ немедленной уплаты, остался на члена ассоціаціи дивидендъ въ 6 фр. 61 сантимовъ. Они согласились взять по 5 фр. въ зачетъ рабочей платы, а остальное посвятить на братскій обѣдъ. Члены ассоціаціи, большая часть изъ которыхъ уже годъ не пили вина, собрались на обѣдъ съ женами и дѣтьми. Израсходовано было по 1 фр. 60 сант. на семейство. Въ мастерскихъ до сихъ поръ говорятъ объ этомъ днѣ съ чувствомъ, котораго трудно не раздѣлять.

„Еще мѣсяцъ пришлось довольствоваться платою по 5 фр. въ недѣлю. Въ іюнѣ, одинъ булочникъ, меломанъ или спекулянтъ, предложилъ купить фортепьяно съ уплатою хлѣбомъ. Фортепьяно продали за 480 фр. Это было великимъ счастіемъ для ассоціаціи: теперь она имѣла по крайней мѣрѣ необходимое. Хлѣбъ рѣшили не ставить въ зачетъ платы. Каждый бралъ его по своей надобности, или, лучше сказать, по надобности своей семьи,—женатые имѣли право брать хлѣбъ на домъ, женамъ и дѣтямъ.

„Между тѣмъ ассоціація, составленная изъ отличныхъ работниковъ, постепенно побѣждала препятствія и лишенія, затруднявшія начало дѣло. Кассовыя книги ея служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ успѣховъ, какіе пріобрѣтались ея работами во мнѣніи покупателей. Съ августа 1849 г. недѣльная плата поднимается до 10, потомъ 15, наконецъ 20 франковъ. Но эта послѣдняя сумма не представляетъ еще всей выгоды: каждый членъ оставлялъ въ общемъ фондѣ гораздо больше, чѣмъ получалъ.

„Дѣйствительно, положеніе каждаго члена ассоціаціи надобно опредѣлять не по суммѣ, еженедѣльно получаемой имъ, а по долѣ, какая принадлежитъ ему въ имуществѣ заведенія, уже ставшаго большимъ. Вотъ счетъ положенія ассоціаціи, взятый мною изъ инвентаря 30 декабря 1850 г.

„Въ это время членовъ ассоціаціи считается 32. Обширныя мастерскія или магазины, нанимаемыя за 2,000 франковъ, уже тѣсны для нихъ.

	фр.	сант.
Кромѣ инструментовъ, цѣнящихся въ	5,922	60
Они имѣютъ товаровъ, и особенно матеріаловъ, на	22,972	28
Въ кассѣ находится	1,021	10
Въ портфелѣ, цѣнностей на	3,540	—
По счету должниковъ *)	5,861	90
Итого, имущество ассоціаціи простирается до	39,317	88
Изъ этого итога, надобно вычесть только 4,737 фр. 86 сант. долговъ кредиторамъ и 1,650 фр. долговъ 24 участникамъ **), всего	6,387	86
Въ остаткѣ . .	32,390	2

*) Эти послѣднія двѣ статьи состоятъ изъ вѣрныхъ векселей, которые почти всѣ уплачены потомъ.

**) Эти участники—работники фортепьяннаго ремесла, дававшіе ссуды при началѣ ассоціаціи; часть долговъ имъ уплачена въ началѣ 1851. Счетъ кредиторовъ также очень уменьшился: 23 апрѣля онъ простирался только до 1,113 франковъ 59 сантимовъ.

„Таково дѣйствительное имущество ассоціаціи, состоящее изъ нераздѣльнаго капитала и резервнаго капитала ея членовъ. Ассоціація имѣла тогда въ постройкѣ 76 фортепьянъ и получала заказовъ больше, чѣмъ могла принять.

„Удивительныя качества, которыми восторжествовали ассоціаціи надъ первоначальными затрудненіями, все увеличивали потомъ успѣхъ ихъ. Дисциплинарныя правила въ ассоціаціяхъ не слабѣе, а напротивъ, строже, чѣмъ въ обыкновенныхъ мастерскихъ. Но этимъ правиламъ работники подчинились сами, для очевидной выгоды своей общины, а не для удобства хозяина, выгоды котораго считаютъ они противоположными своимъ; потому исполняются эти правила гораздо добросовѣстнѣе и добровольное повиновеніе пробуждаетъ въ работникахъ чувство личнаго достоинства. Съ удивительной быстротой работники ассоціацій поняли надобность исправить идеи, съ которыхъ они начали, когда эти идеи оказывались несогласны съ разсудкомъ и опытомъ. Сначала почти всѣ ассоціаціи не допускали поштучной работы и давали равную плату, какъ бы ни была исполнена работа. Почти всѣ они отмѣнили эту систему и назначивъ каждому minimum платы, достаточной для жизни, остальное вознагражденіе даютъ они по разсчету исполненной работы; и прибыль въ концѣ года почти всѣ они получили пропорціонально заработанному жалованью.

„Эти ассоціаціи прямо говорятъ, что существуютъ онѣ не для одной частной выгоды своихъ членовъ, а для доставленія торжества дѣлу сотрудничества. Потому съ каждымъ расширеніемъ своихъ оборотовъ они принимаютъ новыхъ членовъ, — берутъ ихъ не въ наемные работники себѣ, а прямо даютъ имъ полную выгоду товарищества, не требуя отъ нихъ никакого взноса, кромѣ ихъ труда: единственное условіе для новаго работника лишь то, что онъ извѣстное недолгое время будетъ получать меньшую противъ прежнихъ долю при годичномъ раздѣлѣ прибыли, въ нѣкоторое вознагражденіе за пожертвованія прежнихъ членовъ ассоціаціи. Когда членъ покидаетъ ассоціацію, — въ чемъ онъ всегда воленъ,—онъ не получаетъ ничего изъ капитала, остающагося нераздѣльною собственностію, которою пользуются члены ассоціаціи, пока остаются въ ней, но которая не въ произвольномъ ихъ распоряженіи: по правилу почти всѣхъ уставовъ, даже при разрушеніи ассоціаціи капиталъ не дѣлится, а долженъ быть употребленъ весь на какое нибудь благотворительное или общеполезное дѣло. Опредѣленная и вообще значительная доля годичной прибыли не дѣлится между членами, а прибавляется къ капиталу ассоціаціи или обращается на уплату прежнихъ займовъ ея; другая доля отлагается на содержаніе больныхъ и стариковъ, а третья—на составленіе фонда для основанія новыхъ ассоціацій или на пособіе нуждающимся ассоціаціямъ. Распорядители получаютъ, подобно другимъ членамъ, жалованье за время, занятое у нихъ должностію обыкновенно по разсчету самой высшей платы простымъ работникамъ; но принято за правило, что административная власть не даетъ никакого процента изъ прибыли.

Грустно думать, что эти общества, основанныя самоотверженіемъ парижскихъ работниковъ, упроченныя ихъ усердіемъ къ общей пользѣ и разсудительностію, подвергаются теперь опасности уничтоженія по вліянію политическихъ событій *). До 2 де-

*) Изъ послѣдующихъ извѣстій видно, однакоже, что въ 1854 году еще существовало 25 ассоціацій въ Парижѣ и нѣсколько другихъ въ провинціяхъ, и что многія изъ нихъ были въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Въ счетъ этотъ не включены товарищества для оптовой покупки товаровъ; правительство не преслѣдуетъ ихъ и они сильно размножились, особенно въ южной Франціи.

Прим. Милля.

кабря 1851 г. объ ассоціаціяхъ можно было говорить не съ одною надеждою, но и съ положительными доказательствами, что они могутъ успѣшно выдерживать соперничество капиталистовъ. „Ассоціаціи, основанныя два года тому назадъ, говорилъ Фегре (стр. 37 и 38), встрѣчали много затрудненій; большая часть изъ нихъ почти вовсе не имѣли капитала; имъ представлялись опасности, всегда грозящія нововводителямъ и начинающимъ людямъ. Однакоже во многихъ изъ отраслей промышленности, въ которыхъ основаны ассоціаціи, онѣ уже составляютъ для прежнихъ формъ страшное соперничество, даже вызывающее многочисленныя жалобы отъ буржуазіи,—не отъ однихъ трактирщиковъ, кондитеровъ и парикмахеровъ, не въ однихъ этихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ свойство дѣла дозволяетъ ассоціаціямъ разсчитывать на простонародныхъ покупателей, а также и въ другихъ промышленностяхъ, не представляющихъ имъ такой выгоды; напримѣръ, надобно только спросить мебельщиковъ, дѣлающихъ кресла, стулья, скамьи, и мы узнаемъ отъ нихъ, что въ этихъ отрасляхъ производства самыя обширныя заведенія принадлежатъ ассоціаціямъ“ *).

Существующія ассоціаціи могутъ быть уничтожены или принуждены эмигрировать, но опытъ, ими данный, не погибнетъ. Онѣ уже просуществовали столько времени, чтобы послужить образцомъ будущаго развитія; онѣ показали, какимъ способомъ будетъ произведена въ обществѣ перемѣна, которая соединитъ свободу и независимость отдѣльнаго работника съ нравственными, умственными и экономическими выгодами производства въ большомъ размѣрѣ и которая безъ насилія или конфискаціи, даже и безъ внезапнаго нарушенія существующихъ привычекъ и ожиданій, осуществитъ въ промышленномъ отношеніи лучшія стремленія. Ассоціаціи, подобныя описаннымъ у насъ, служатъ по самому процессу своего успѣха курсомъ воспитанія работника въ тѣхъ качествахъ дѣятельности и характера, которыми одними и заслуживается и пріобрѣтается успѣхъ. Размножаясь, промышленныя ассоціаціи пойдутъ къ тому, чтобы обнять собою все рабочее сословіе, кромѣ людей по своей неразсудительности или по недостатку нравственныхъ качествъ неспособныхъ научиться дѣйствовать по иной системѣ, кромѣ системы узкаго своекорыстія. При развитіи этой перемѣны капиталисты постепенно будутъ находить свою выгоду въ томъ, чтобы вмѣсто усилій поддержать старую систему съ одними работниками самаго худшаго качества, отдавать свой капиталъ въ ссуду ассоціаціямъ; проценты по такимъ ссудамъ будутъ уменьшаться. Такимъ или инымъ подобнымъ способомъ капиталъ можетъ честно и натурально стать напослѣдокъ общею собственностью всѣхъ участвующихъ въ производительномъ его употребленіи; такое пре-

*) Въ странѣ, гдѣ родилось это благотворное движеніе, оно подверглось тяжелому удару; но оно быстро развивается въ другихъ странахъ, которыя пріобрѣли нѣкоторую политическую свободу и еще сохраняютъ ее. Оно уже составляетъ важную черту въ общественномъ развитіи, столь быстро идущемъ теперь въ Пьемонтѣ. Въ Англіи оно также сдѣлало нѣкоторые успѣхи, благодаря дѣйствію, произведенному статьями и личными усиліями дружескаго общества, состоящаго главнымъ образомъ изъ священниковъ и адвокатовъ. Къ 15 февраля 1856 г., на основаніи Industrial and Provident Societies' Act'a, было въ Англіи учреждено 33 товариществъ, изъ которыхъ 17 было промышленныхъ ассоціацій, а другія 16 были обществами для оптовой покупки предметовъ потребленія; въ Шотландіи также эти ассоціаціи быстро умножались. Полагаютъ, что теперь всѣ такія общества учреждаются на основаніи другаго закона, Limited Liabilities Act, просто подъ именемъ акціонерныхъ обществъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ оказывается, что производительныя ассоціаціи нѣсколько уменьшились въ числѣ послѣ перваго періода этого движенія (кромѣ мукомольныхъ ассоціацій, болѣе подходящихъ подъ разрядъ товариществъ для оптовой закупки); да и нельзя имѣть имъ быстраго развитія при нынѣшнемъ нравственномъ состояніи массы населенія. Но тѣ ассоціаціи, которыя удержались, ведутъ свои дѣла въ прежнемъ размѣрѣ, а въ сѣверной Англіи есть примѣры блистательнаго и постоянно возростающаго успѣха ихъ; успѣхъ и число обществъ оптовой закупки возростаетъ, особенно въ сѣверной Англіи, и они служатъ лучшимъ подготовленіемъ къ болѣе широкому приложенію принципа.—*Прим. Милля.*

образованіе (при которомъ, конечно, оба пола должны имѣть равное участіе въ правахъ и въ управленіи ассоціаціею) было бы самымъ точнѣйшимъ осуществленіемъ общественной справедливости и самымъ благотворнымъ устройствомъ промышленныхъ на всю общую пользу, какое только можно намъ теперь предвидѣть.

Такимъ образомъ я согласенъ съ соціалистскими писателями въ понятіяхъ о формѣ, къ принятію которой идетъ развитіе промышленныхъ операцій, и совершенно раздѣляю ихъ мнѣніе, что уже созрѣло время для начинанія этой реформы и что ей надобно помогать и поощрять ее всѣми справедливыми и дѣйствительно успѣшными средствами.

На этихъ словахъ я кончаю выписку изъ Милля, оставляя до другаго раза слѣдующія затѣмъ его замѣчанія о соперничествѣ, которыя потребовали бы слишкомъ длинныхъ поясненій.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ВЛІЯНІЕ.

(Милль, книга пятая).

А. Сфера правительственнаго вліянія на экономическую жизнь.

(милль, книга v, глава i).

Правительство составляетъ одну изъ формъ общественной силы и дѣятельности. Съ той поры, какъ явилась въ экономической наукѣ школа, доказывающая недостаточность разрозненныхъ индивидуальныхъ интересовъ и усилій для водворенія благосостоянія въ обществѣ и доставленія обезпеченной жизни индивидуальному лицу, получили важность въ наукѣ споры о степени участія, какое должна имѣть общественная сила въ экономической дѣятельности. V книга Милля посвящена разсмотрѣнію этого вопроса только въ одной изъ частныхъ его формъ—въ той формѣ, когда общественная сила является съ характеромъ правительства, потому что онъ вообще не любитъ отдаляться мыслію отъ существующихъ отношеній. А въ нихъ значеніе правительства таково, что всякій фактъ экономической дѣятельности общества принимаетъ правительственную форму, если достигаетъ серьезнаго значенія. Есть государства, въ которыхъ индивидуальная дѣятельность менѣе подчинена правительственному вліянію, чѣмъ въ другихъ; но и въ самой Англіи эта зависимость очень велика. Напримѣръ, никакой контрактъ не имѣетъ силы безъ предъявленія правительству, которое разсматриваетъ его условія, и можетъ воспретить его, если онъ не соотвѣтствуетъ правительственнымъ требованіямъ. Если же люди соединяются для общественной дѣятельности, они становятся еще въ бо́льшую зависимость отъ правительства. Напримѣръ, теперь нѣкоторые толкуютъ въ Англіи о томъ, чтобы парламентъ измѣнилъ уставы такъ-называемыхъ trade's unions, работническихъ обществъ. По всей вѣроятности, парламентъ не захочетъ сдѣлать этого, но если захочетъ, то можетъ. Такимъ образомъ не только

надъ всѣми другими формами общественной дѣятельности, но даже и надъ индивидуальною жизнію господствуетъ теперь, даже и въ такихъ странахъ, какъ Англія, та форма общественной дѣятельности, которая извѣстна подъ именемъ правительственной.

Мы дѣлаемъ оговорку о возможности другихъ формъ общественной дѣятельности почти только для того, чтобы предупредить читателя насчетъ разницы между взглядомъ прогрессивной экономической школы и рутинными толкованіями этого взгляда. Когда прогрессисты, или такъ-называемые утописты, говорятъ о расширеніи круга общественной дѣятельности въ экономической жизни, не слѣдуетъ воображать, будто бы они рекомендуютъ расширеніе того, что нынѣ называется правительственной дѣятельностію. Правда, нѣкоторые изъ нихъ употребляютъ слово „правительство“, но они соединяютъ съ нимъ не тотъ смыслъ, какой имѣетъ оно въ обыкновенномъ языкѣ; они тутъ поступаютъ точно такъ же, какъ поступилъ нѣкогда Адамъ Смитъ, воспользовавшійся словами разговорнаго языка для обозначенія понятій, различныхъ отъ разговорнаго значенія этихъ словъ. Какъ у него и его послѣдователей „капиталъ“ обозначаетъ не монету, которая называется капиталомъ въ разговорномъ языкѣ, „сбереженіе“ обозначаетъ не сохраненіе вещи въ цѣлости, точно такъ и у прогрессистовъ, говорящихъ о правительствѣ, это разговорное слово избирается для обозначенія ихъ спеціальной идеи, различной отъ понятія, принадлежащаго ему въ обыкновенномъ языкѣ. По нашему мнѣнію, этотъ методъ обозначенія новыхъ понятій старыми словами, имѣющими привычный смыслъ, несоотвѣтствующій сущности новаго взгляда, ведетъ къ недоразумѣніямъ, и, какъ порицали мы Адама Смита съ его послѣдователями за выборъ словъ въ родѣ „капиталъ“ и „сбереженіе“, точно также мы порицаемъ и прогрессистовъ, употребляющихъ слово „правительство“ для обозначенія предполагаемыхъ ими формъ общественной дѣятельности, существенно различныхъ отъ правительственной формы. Какъ употребленіе слова „капиталъ“ сбиваетъ съ толку своимъ привычнымъ меркантильнымъ смысломъ, такъ слово „правительство“ вводитъ въ заблужденіе своимъ привычнымъ административнымъ оттѣнкомъ, такъ-что считаются многіе за регламентаторовъ мыслители, идеямъ которыхъ ничто такъ не противно, какъ регламентація.

Но этотъ взглядъ, существенно различный отъ понятій, соотвѣтствующихъ нынѣшнему быту, мы изложимъ когда нибудь въ другой разъ; а теперь будемъ разсматривать вещи по нынѣшнему ихъ виду въ томъ родѣ какъ разсматриваетъ Милль.

Онъ начинаетъ свою книгу о правительственномъ вліяніи на экономическую жизнь указаніемъ на фактъ очень замѣчательный: прежде спорили о формахъ правительственнаго устройства, теперь спорятъ и о томъ, какія отрасли жизни должны подвергаться правительственному вліянію.

Обозначеніе надлежащихъ границъ обязанностей и дѣятельности правительствъ — одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ политической науки и государственной критики въ нашу эпоху. Въ прежнія времена предметомъ спора было то, какое устройство должны имѣть правительства, по какимъ принципамъ и правиламъ должны они пользоваться своею властію; а теперь почти столько же разномыслія о томъ, на какія отрасли

человѣческихъ дѣлъ должна простираться эта власть. Важность этихъ преній скорѣе должна возрасти, чѣмъ уменьшиться. Нетерпѣливые реформисты, находящіе, что легче и быстрѣе можно овладѣть управленіемъ, чѣмъ умами и наклонностями публики, постоянно влекутся расширять сферу правительственнаго вліянія; а съ другой стороны, человѣческій родъ такъ пріученъ ко вмѣшательствамъ, имѣющимъ цѣлію не общее благо, или порожденнымъ ошибочными понятіями о требованіяхъ этого блага, и столько опрометчивыхъ проэктовъ дѣлается искренними друзьями улучшеній, съ мыслью достичь принудительнымъ регулированіемъ такихъ цѣлей, которыя съ дѣйствительнымъ успѣхомъ или съ пользою можетъ исполнить лишь общественное мнѣніе и преніе, что въ нѣкоторыхъ странахъ возникъ духъ сопротивленія самому принципу правительственнаго вмѣшательства и явилось расположеніе ограничивать сферу правительственной дѣятельности самыми тѣсными предѣлами.

Послѣ оговорки, нами сдѣланной, легко замѣчается ошибочность такой постановки вопроса, какая сдѣлана у Милля. Но какъ бы то ни было, это обыкновенная постановка вопроса, и мы, вслѣдъ за Миллемъ, будемъ разсматривать разныя его стороны при этой узкой постановкѣ.

Прежде всего спрашивается, какимъ общимъ принципомъ надобно опредѣлять сферу правительственнаго вліянія на экономическую сторону народной жизни. Рутинные политико-экономы въ своемъ усердіи опровергать такъ-называемыхъ утопистовъ, которымъ ошибочно приписываютъ наклонность къ административной регламентаціи, придумали теорію, ограничивающую кругъ правительственныхъ дѣйствій охраненіемъ общества и частныхъ лицъ отъ насилія и обмана. Милль прекрасно доказываетъ несостоятельность этого принципа, объясняя, что никто изъ приверженцевъ его не думаетъ оспоривать у правительства множества обязанностей и правъ, далеко переходящихъ границы его, такъ что онъ оказывается только плодомъ легкомысленной несообразительности.

Надобно перечислить (говоритъ Милль) обязанности или нераздѣльныя отъ самой идеи правительства или по общей привычкѣ и безъ всякаго противорѣчія исполняемыя всѣми правительствами; я отдѣлю ихъ отъ обязанностей, относительно которыхъ существуетъ теперь сомнѣніе, должны ли онѣ принадлежать правительствамъ. Первыя можно назвать необходимыми функціями правительства.

Приступая къ перечисленію необходимыхъ функцій правительства, мы находимъ, что онѣ гораздо многоразличнѣе, чѣмъ кажется огромному большинству людей, и что ихъ нельзя подвести подъ тѣ очень опредѣленныя границы, которыми часто думаютъ обнять всѣ ихъ въ поверхностной полемикѣ. Напримѣръ, мы слышимъ иногда, что правительства должны ограничиваться охраненіемъ противъ насилія и обмана; что за исключеніемъ этихъ двухъ дѣлъ, люди должны быть свободными дѣятелями, обязанными заботиться сами о себѣ, и что пока человѣкъ не дѣлаетъ насилія или обмана во вредъ личности или собственности другихъ, законы и правительства нимало не призваны заниматься имъ. Но почему люди должны быть охраняемы своимъ правительствомъ, то есть своею коллективною силою, противъ насилія и обмана, а не противъ другихъ золъ, если не по той причинѣ, что выгодность охраненія тутъ очевиднѣе? Если правительству не слѣдуетъ дѣлать для людей ничего, кромѣ того, чего люди никакъ не могутъ сдѣлать сами для себя, то можно сказать, что люди должны охранять себя сами своимъ искусствомъ и мужествомъ даже противъ насилія или выпрашивать и покупать

охраненіе отъ него, какъ они и дѣлаютъ тамъ, гдѣ правительство не можетъ охранить ихъ; а противъ обмана каждый имѣетъ охраненіе въ собственномъ умѣ. Но не касаясь принциповъ, достаточно здѣсь разсмотрѣть факты.

Подъ какой изъ этихъ двухъ разрядовъ,—отстраненіе насилія или отстраненіе обмана,—подведемъ мы, напримѣръ, дѣйствіе законовъ о наслѣдствѣ? Какому-нибудь закону о наслѣдствѣ необходимо существовать во всѣхъ обществахъ. Могутъ сказать, что въ этомъ дѣлѣ правительство даетъ только силу распоряженію, какое сдѣлалъ человѣкъ относительно своего имущества черезъ завѣщаніе. Но это чрезвычайно сомнительно, чтобы не сказать: совершенно ложно. Едва ли есть такая страна, по законамъ которой свобода завѣщанія была бы совершенно неограниченна. И притомъ, что же сказать объ очень обыкновенномъ случаѣ, когда не сдѣлано никакого завѣщанія? Развѣ законъ, то есть правительство, не рѣшаетъ тутъ по принципамъ общей полезности, кому достается наслѣдство? А если наслѣдникъ почему-нибудь не можетъ управлять самъ, развѣ правительство не назначаетъ извѣстныхъ лицъ, и часто своихъ чиновниковъ, управлять имуществомъ и употреблять его въ пользу наслѣдника? Есть много и другихъ случаевъ, въ которыхъ правительство беретъ на себя управленіе имуществомъ по предположенію, что того требуетъ общая польза или даже только польза отдѣльныхъ лицъ, которыхъ касается дѣло. Часто это дѣлается со спорнымъ имуществомъ и въ случаяхъ судебнаго признанія несостоятельности. Никто никогда не утверждалъ, что этими дѣйствіями правительство переходитъ границы своей сферы.

Не такое простое дѣло, какъ, можетъ быть, кажется, и обязанность закона опредѣлить самое понятіе имущества. Иному можетъ казаться, что закону надобно только провозгласить и охранять право каждаго на то, что произвелъ самъ онъ или пріобрѣлъ по добровольному согласію, правильно получилъ отъ людей, которыми произведена вещь. Но развѣ собственностью признается только то, что произведено кѣмъ-нибудь? Развѣ не признается собственностью самая земля съ ея лѣсами или водами и всѣми другими естественными богатствами надъ поверхностью и подъ поверхностью земли? Это наслѣдіе человѣческаго рода, и должны быть правила для общаго пользованія ими. Какія права и на какихъ условіяхъ предоставляются извѣстному человѣку надъ извѣстною частью этого общаго наслѣдія,—того нельзя оставить неразрѣшеннымъ. Нѣтъ ни одной функціи правительства, которая была бы такъ необходима и такъ нераздѣльна съ идеею цивилизованнаго общества, какъ опредѣленіе этихъ дѣлъ.

Идемъ далѣе. Признается безспорнымъ, что должно преслѣдовать насиліе и обманъ; но къ которой изъ этихъ рубрикъ мы отнесемъ принужденіе людей къ исполненію заключенныхъ ими договоровъ? Неисполненіе не всегда заключаетъ въ себѣ обманъ; лицо, заключившее договоръ, могло имѣть искреннее намѣреніе исполнить его; понятіе обмана едва ли простирается даже на случаи произвольнаго нарушенія договора, когда не было лжи; а навѣрное уже не прилагается оно къ случаямъ, когда неисполненіе произошло отъ небрежности. А развѣ правительство не обязано принуждать къ исполненію договоровъ? Тутъ приверженцы теоріи невмѣшательства сдѣлаютъ небольшую натяжку и скажутъ, что принуждать къ исполненію договоровъ не значитъ давать правила для дѣлъ частныхъ лицъ по соображенію правительства, а значитъ только давать силу собственному желанію, выраженному этими лицами. Допустимъ такое расширеніе ограничивающей теоріи,—но мы уже видимъ, что ее надобно расширить. Притомъ же, правительства не ограничиваютъ своего отношенія къ договорамъ простымъ вынужденіемъ исполнять ихъ. Они берутъ на себя опредѣлять, къ исполне-

нію какихъ договоровъ слѣдуетъ вынуждать людей. Мало того, что человѣкъ, не будучи обманутъ и добровольно, даетъ другому обѣщаніе. Есть такія обѣщанія, которыми не должны имѣть права связывать себя люди,—того требуетъ общее благо. Не говоря объ обязательствахъ сдѣлать что-нибудь противное закону, есть обязательства, вынуждать исполненіе которыхъ законъ отказывается, по причинамъ, касающимся пользы обязавшагося, или общаго государственнаго устройства. Договоръ, по которому человѣкъ продалъ бы себя другому въ невольники, былъ бы объявленъ недѣйствительнымъ въ судилищахъ Англіи и почти всѣхъ другихъ европейскихъ земель. Мало найдется такихъ земель, законы которыхъ вынуждали бы исполнять договоръ о дѣлѣ, считающемся въ нихъ проституціей, или о брачномъ обязательствѣ, условія котораго несогласны съ правилами, считающимися за нужныя по закону. Если же разъ признано, что есть обязательства, исполненія которыхъ законъ не долженъ вынуждать по причинѣ общей пользы,—тотъ же вопросъ необходимо открывается относительно всѣхъ обязательствъ. Напримѣръ, долженъ ли законъ вынуждать исполненіе договора о работѣ, когда плата слишкомъ низка или число рабочихъ часовъ слишкомъ тяжело; или договора, по которому лицо обязывается оставаться въ службѣ извѣстнаго человѣка на срокъ, превышающій очень ограниченное время; должно ли выполненіе брачнаго договора, заключеннаго на всю жизнь, быть вынуждаемо противъ обдуманнаго желанія обоихъ лицъ или одного изъ лицъ, заключившихъ его. Каждый вопросъ, могущій появиться относительно договоровъ и установляемыхъ ими между людьми отношеній, касается законодательной власти, которая не можетъ уклониться отъ разрѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ.

Далѣе: предупрежденіе и подавленіе насилія и обмана служитъ дѣломъ солдатъ, полиціи и уголовныхъ судей; но сверхъ того есть гражданскія судилища. Наказаніе дурныхъ поступковъ—одно дѣло правосудія, а рѣшеніе споровъ—другое. Безчисленные споры возникаютъ между людьми безъ всякой недобросовѣстности, по ошибочному мнѣнію о законныхъ правахъ или отъ несогласія относительно фактовъ, отъ доказательства которыхъ юридически зависятъ эти права. Развѣ общій интересъ не требуетъ, чтобы государство назначало людей для разъясненія такихъ сомнѣній и для окончанія такихъ споровъ? Нельзя сказать, что это безусловно необходимо. Спорящіе могли бы выбирать посредника, обязываясь подчиняться его рѣшенію; такъ они и дѣлаютъ тамъ, гдѣ нѣтъ судилищъ или гдѣ нѣтъ довѣрія къ судилищамъ, или ихъ медленность, убыточность и нераціональность требуемыхъ ими доказательствъ отвращаетъ людей отъ нихъ. Но все-таки всѣ согласны, что государство должно учреждать гражданскія судилища; и если ихъ недостатки часто заставляютъ людей замѣнять ихъ другими средствами, все-таки главную силу этимъ другимъ средствамъ даетъ возможность перенести дѣло въ законно-учрежденное судилище.

Мало того, что государство беретъ на себя рѣшеніе споровъ,—оно заранѣе принимаетъ предосторожности, чтобы не возникало споровъ. Почти во всѣхъ странахъ постановлены закономъ опредѣлительныя правила для многихъ вещей не потому, чтобы важно было опредѣлить эти вещи именно тѣмъ или другимъ способомъ, а для того, чтобы онѣ были какъ-нибудь опредѣлены и не могло быть недоумѣній о томъ. Законъ предписываетъ для многихъ родовъ договора форму выраженій, чтобы не возникло споровъ или недоразумѣній о ихъ смыслѣ; законъ напередъ заботится, чтобы при возникновеніи спора могло быть получено основаніе къ его рѣшенію,—для этого онъ требуетъ, чтобы документъ былъ засвидѣтельствованъ нѣсколькими лицами и подвергнутъ

извѣстнымъ формальностямъ. Законъ хранитъ подлинныя доказательства фактамъ, изъ которыхъ возникаютъ юридическія послѣдствія,—для этого онъ ведетъ реестръ такимъ фактамъ; напримѣръ, ведетъ списки рождающимся, умирающимъ и вступающимъ въ бракъ, завѣщаніямъ, контрактамъ и судебнымъ дѣйствіямъ. Никто никогда не говорилъ, что правительство переступаетъ надлежащія границы своихъ обязанностей, дѣлая такимъ образомъ.

Далѣе, какое широкое значеніе ни придавать теоріи, что отдѣльный человѣкъ—лучшій оберегатель своихъ интересовъ и что правительство не обязано передъ нимъ ничѣмъ, кромѣ охраненія его отъ вмѣшательства другихъ, эта теорія все-таки приложима только къ тѣмъ лицамъ, которыя способны дѣйствовать сами за себя. Но есть дѣти, есть помѣшанные, есть люди, ослабѣвшіе умомъ. Законъ, конечно, обязанъ заботиться объ интересахъ такихъ лицъ. Нѣтъ ему необходимости дѣлать это черезъ своихъ чиновниковъ. Часто онъ ввѣряетъ эту заботу какому-нибудь родственнику или другу. Но кончается ли тѣмъ его обязанность? Можетъ ли онъ поручить интересы извѣстнаго лица наблюденію другаго и быть избавленъ отъ контроля надъ повѣреннымъ, отъ подчиненія этого повѣреннаго отчету въ исполненіи возложенной обязанности?

Есть множество случаевъ, въ которыхъ правительства съ общаго одобренія принимаютъ на себя власть и исполняютъ обязанности, которымъ нельзя найти никакого основанія, кромѣ той простой причины, что при этомъ для всѣхъ бываетъ удобнѣе. Возьмемъ въ примѣръ обязанность (которая притомъ и монополія) чеканить монету. Она присвоена правительствомъ ни больше, ни меньше, какъ для того, чтобы избавить каждаго отъ хлопотъ, промедленій и издержекъ повѣрять вѣсъ и пробу монеты. Однакоже, никто изъ самыхъ горячихъ противниковъ государственнаго вмѣшательства не называлъ этого излишнимъ расширеніемъ правительственныхъ дѣйствій. Другой примѣръ—установленіе нормальныхъ вѣсовъ и мѣръ. Третій примѣръ—мощеніе, освѣщеніе и содержаніе въ чистотѣ улицъ и переулковъ или центральнымъ правительствомъ, или, какъ чаще бываетъ, и вообще бываетъ удобнѣе, городскимъ начальствомъ. Другими примѣрами служатъ: устройство или улучшеніе пристаней, постройка маяковъ, топографическія и гидрографическія работы для составленія вѣрныхъ картъ, устройство плотинъ для сдерживанья морскихъ и рѣчныхъ наводненій.

Число такихъ примѣровъ можно бы увеличить до безконечности, не приводя ни одного сомнительнаго случая. Но довольно и приведенныхъ, чтобы показать, что безспорныя обязанности правительства обнимаютъ такое обширное поле, котораго нельзя обвести межою никакого стѣсняющаго опредѣленія, и что едва ли можно найти для нихъ какое нибудь общее основаніе, кромѣ многообъемлющаго основанія: всеобщая выгода; наконецъ, что нельзя назначить границъ правительственному вмѣшательству никакимъ общимъ правиломъ, кромѣ простаго и неопредѣленнаго правила, что вмѣшательство это должно быть допускаемо лишь тогда, когда польза отъ него очевидна.

Само собою разумѣется, что съ выводомъ Милля совершенно согласны мы, постоянно старающіеся возводить каждый частный случай къ единственному верховному принципу всѣхъ общественныхъ наукъ—къ пользѣ человѣка. Экономическая наука въ своей спеціальности разсматриваетъ матеріальную пользу человѣка, насколько она зависитъ отъ внѣшнихъ предметовъ. Потому съ частной точки зрѣнія экономической науки, правительственное участіе требуется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно полезно для матеріальнаго благосостоянія людей.

Б. Налоги.

(Милль, кн. V, гл. II—VI).

Каковъ бы ни былъ кругъ дѣйствій правительства, ему нужны извѣстныя экономическія средства для ихъ исполненія. Средства эти получаетъ оно посредствомъ налоговъ.

Еще Адамъ Смитъ опредѣлилъ четыре условія, которымъ должны удовлетворять налоги, чтобы соотвѣтствовать требованіямъ экономической теоріи:

1. Каждый подданный долженъ платить на содержаніе правительства соразмѣрно своимъ средствамъ; въ этомъ состоитъ равномѣрность налоговъ.

2. Величина налога и всѣ относящіяся къ его уплатѣ обстоятельства должны быть съ точностью опредѣлены и извѣстны платящему.

3. Налогъ долженъ взиматься въ такое время и такимъ способомъ, когда и какъ удобнѣе всего уплачивать его.

4. Способъ взиманія налога долженъ быть такой, чтобы онъ бралъ у народа какъ можно меньше сверхъ той суммы, какую доставляетъ казнѣ; чтобы не поглощалась слишкомъ значительная часть собираемой суммы расходами на самое взиманіе ея; чтобы не мѣшалъ налогъ экономическимъ силамъ страны направляться къ выгоднѣйшимъ занятіямъ, не развивалъ контрабанды и другихъ способовъ обманывать государство.

Послѣднія три правила (замѣчаетъ Милль) достаточно ясны сами по себѣ, но вопросъ о равномѣрности налога подаетъ причину къ мнѣніямъ очень различнымъ.

Равномѣрность налога состоитъ въ томъ, чтобы на каждое лицо ложился онъ точно такою же тяжестью, какъ и на всякое другое лицо, соотвѣтственно средствамъ каждаго къ уплатѣ. Но достигается ли эта справедливая соразмѣрность тѣмъ, когда налогъ беретъ одинаковый процентъ изъ доходовъ каждаго, какъ бы велики или малы ни были они? Есть цѣлая школа, думающая иначе. Она говоритъ, что для человѣка, получающаго 100 рублей дохода, гораздо тяжеле уплачивать изъ нихъ 10 р., чѣмъ для человѣка, получающаго 10,000 рублей, уплачивать изъ нихъ 1,000 рублей; что поэтому равномѣрность соблюдется только тогда, когда отъ перваго мы будемъ требовать менѣе, чѣмъ 10 рублей, или отъ втораго болѣе, чѣмъ 1,000 р. Изъ этого выводится, что налогъ бываетъ равномѣренъ лишь тогда, когда бываетъ прогрессивнымъ.

Прогрессивнымъ налогомъ называется тотъ, который беретъ тѣмъ большій процентъ изъ дохода отдѣльнаго лица, чѣмъ значительнѣе доходъ. Напримѣръ, лица, имѣющія менѣе 1,000 р. дохода, платятъ 1%; лица, имѣющія отъ 1,000 р. до 2,000 р., платятъ 2%; имѣющія отъ 2,000 до 3,000 р., платятъ 3%, и такъ далѣе.

Милль возстаетъ противъ прогрессивнаго налога; но мы увидимъ, что онъ отвергаетъ его только изъ предпочтенія другихъ законодательныхъ мѣръ, прямѣе ведущихъ къ тому же результату, какого надѣются въ

извѣстной степени достигнуть прогрессивнымъ налогомъ приверженцы этой системы.

Адвокаты прогрессивнаго налога говорятъ, что несправедливо брать такую же часть изъ дохода, едва достаточнаго на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, какая берется изъ дохода, бо́льшая часть котораго идетъ на предметы роскоши. Милль вполнѣ принимаетъ это соображеніе. Онъ говоритъ: если берется 1,000 фунтовъ у человѣка, имѣющаго 10,000 фунтовъ дохода, онъ не лишается ничего нужнаго для удобства или довольства жизни; а если для удовлетворенія первыхъ необходимостей нужно 50 фунтовъ, то брать изъ нихъ 5 фунтовъ—значитъ отнимать у человѣка совершенно необходимое ему, значитъ требовать у него пожертвованія неизмѣримо бо́льшаго, чѣмъ какое требуется отъ человѣка, платящаго тысячу фунтовъ изъ десяти тысячъ фунтовъ. По мнѣнію Милля, слѣдуетъ совершенно освобождать отъ налога всякій доходъ, не превышающій сумму, необходимую для существованія. Это сумму для Англіи опредѣляетъ онъ примѣрно въ 50 фунтовъ, около 300 р. Доходы, превышающіе этотъ minimum, должны платить съ излишка, которымъ превышаютъ его. Напримѣръ, при налогѣ въ 10%, лицо, имѣющее 60 фунтовъ дохода, должно платить 1 фунтъ съ 10 фунтовъ, подвергающихся налогу, за исключеніемъ 50, освобождаемыхъ отъ него. Лицо, получающее 1,000 фунтовъ дохода, будетъ платить налогъ въ 95 фунтовъ съ 950 фунтовъ. Опредѣленіе этого minimum, освобождаемаго отъ налога, вполнѣ удовлетворяетъ, по мнѣнію Милля, требованіе справедливости. Онъ не допускаетъ, чтобы излишекъ въ 10 фунтовъ, остающійся въ доходѣ 60 фунтовъ, платилъ налогъ меньшаго процента, чѣмъ платитъ вторая тысяча фунтовъ дохода у человѣка, имѣющаго 2,000 дохода.

Мы увидимъ, что если принимать окончательный взглядъ Милля на эти вещи, то можно отказаться отъ спора съ нимъ за мнѣніе, которое мы сейчасъ изложили. Но само по себѣ оно неудовлетворительно. Онъ видитъ въ расходахъ только два разряда: расходы на предметы необходимости и расходы на предметы роскоши; потому и доходъ дѣлитъ онъ только на двѣ доли: часть, служащую для необходимости, и часть, служащую для роскоши. На самомъ же дѣлѣ, эти два крайнія звена соединяются множествомъ переходныхъ ступеней, составляемыхъ предметами удобства; да и сами предметы роскоши дѣлятся на множество разрядовъ по большему или меньшему преобладанію въ нихъ элемента роскоши надъ элементомъ простого удобства. Если первые 50 фунтовъ идутъ на хлѣбъ и говядину, то вторые 50 фунтовъ идутъ на пріобрѣтеніе хорошаго хлѣба вмѣсто дурнаго и на приправы, отъ которыхъ говядина дѣлается и здоровѣе и дѣйствительно вкуснѣе. Этихъ расходовъ никакъ нельзя сравнивать съ расходованіемъ второй тысячи фунтовъ на столовый сервизъ и тому подобныя вещи, ненужныя ни для здоровья, ни для вкуса, а требуемыя только тщеславіемъ. Точно также нельзя сравнивать вторую тысячу фунтовъ съ двадцатою тысячею, которая можетъ идти ужъ только на вещи совершенно пустыя,—на то, чтобы въ городѣ говорили о какомъ-нибудь пышномъ обѣдѣ, который былъ равно скученъ какъ для самого хозяина, такъ и для гостей. Намъ

кажется, что если признавать за первыми 50-ю фунтами право на совершенное освобожденіе отъ налога, то за вторыми 50 фунтами надобно, по той же причинѣ, признавать право платить меньшій процентъ налога, чѣмъ какой платится со второй сотни фунтовъ, а этой второй сотнѣ фунтовъ надобно присвоивать подобное же преимущество передъ третьею сотнею, и такъ далѣе.—Мы говоримъ это съ точки зрѣнія, совершенно чуждой вопросу о наилучшемъ распредѣленіи имуществъ, основываясь только на внутреннемъ различіи самихъ расходовъ, характеръ которыхъ считаетъ нужнымъ принимать въ соображеніе Милль.

Но, независимо отъ этого основанія, приводятся другія причины въ защиту прогрессивнаго налога. Говорятъ, что отъ одинаковаго процента вычета изъ дохода человѣкъ съ умѣреннымъ доходомъ болѣе понижается въ своемъ общественномъ положеніи, нежели человѣкъ съ большимъ доходомъ. Напримѣръ: если изъ 200 фунтовъ будетъ взято налогомъ 20 фунтовъ, то человѣкъ, можетъ быть, лишается возможности носить перчатки, и отъ этого потеряетъ часть примѣтъ, по которымъ считаются люди принадлежащими къ порядочному обществу. Если же изъ 10,000 фунтовъ берется налогомъ 1,000 фунтовъ, отъ этого не происходитъ никакой замѣтной перемѣны въ образѣ жизни человѣка, и нисколько не понижается его мѣсто въ свѣтскомъ обществѣ. Противъ этого аргумента Милль говоритъ, что правительство не обязано уважать вреднаго предразсудка, опредѣляющаго степень уваженія къ человѣку размѣромъ его доходовъ. Совершенная правда то, что предразсудокъ этотъ дуренъ и вреденъ. Но онъ очень силенъ: онъ лежитъ въ основаніи всей нынѣшней нашей жизни. Мы не имѣемъ ничего противъ желанія, чтобы правительство пренебрегло имъ. Но если исполнять это желаніе Милля, то придется передѣлывать всю нынѣшнюю жизнь. А пока она не передѣлана, нельзя не принимать въ соображеніе существующихъ въ ней фактовъ. По этимъ фактамъ мы дѣйствительно подвергаемъ человѣка гораздо большему пожертвованію, когда лишаемъ его внѣшняго признака принадлежности къ извѣстному кругу общества, чѣмъ тогда, когда мѣсто его въ обществѣ не измѣняется отъ нашего требованія съ него.

Вирочемъ, не въ этомъ желаніи щадить самолюбіе людей средняго класса заключается главная причина привязанности многихъ публицистовъ къ прогрессивному налогу. Она порождается желаніемъ измѣнить существующее распредѣленіе богатствъ. По мнѣнію своихъ защитниковъ, прогрессивный налогъ поведетъ къ этому двоякимъ образомъ. Когда изъ большаго количества будетъ вычитаться налогомъ большій процентъ, чѣмъ изъ меньшаго, то уменьшится разница между размѣромъ средствъ, остающихся у богатаго и бѣднаго. Сверхъ того, прогрессивный налогъ дастъ государству возможность отмѣнить тѣ налоги, которые берутъ одну и ту же сумму денегъ съ каждаго—и богатаго, и бѣднаго. Надобно замѣтить, что по плану приверженцевъ прогрессивнаго налога, онъ долженъ расти по прогрессіи довольно быстрой и имѣть очень значительную величину въ своихъ высшихъ степеняхъ, достигать, напримѣръ, до 50 или даже больше процентовъ въ богатѣйшемъ классѣ; при такой системѣ, его дѣйствіе въ обоихъ ука-

занныхъ нами смыслахъ было бы довольно чувствительно. Чтобы показать это нагляднѣе, сдѣлаемъ примѣрный планъ прогрессивнаго налога въ Великобританіи и Ирландіи, на основаніи цифръ, относящихся къ 1855—1857 финансовому году (Kolb, стр. 30).

Величина дохода, фунтовъ.	Число лицъ, имѣющихъ такой доходъ.	Средняя величина ихъ доходовъ, фунтовъ.	По этой средней величинѣ, сумма дохода всѣхъ этихъ лицъ будетъ, примѣрно, около	Съ этой суммы налогъ будетъ, примѣрно	Сумма налога при этихъ примѣрныхъ величинахъ.
100— 150	128,030	125	16,003,750	1%	160,037
150— 200	42,340	175	7,409,500	2	148,190
200— 300	34,869	250	8,717,250	3	261,517
300— 400	15,991	350	5,796,850	4	231,874
400— 500	7,943	450	3,574,250	5	188,717
500— 600	5,841	550	3,212,550	6	192,753
600— 700	3,314	650	2,154,100	7	150,780
700— 800	2,207	750	1,655,250	8	132,420
800— 900	1,861	850	1,581,850	9	142,367
900— 1,000	870	950	826,500	10	82,650
1,000— 2,000	5,741	1,500	8,611,500	15	1,291,725
2,000— 3,000	1,657	2,500	4,142,500	20	828,500
3,000— 4,000	816	3,500	2,859,000	25	714,750
4,000— 5,000	466	4,500	2,097,000	30	629,100
5,000—10,000	841	7,500	6,307,500	35	2,208,125
10,000—50,000	465	30,000	13,950,000	40	5,580,000
болѣе 50,000	47	100,000	4,700,000	50	2,350,000
Итого	253,299		93,599,450		15,293,505

Читатель конечно понимаетъ, что эта таблица представлена лишь для примѣра и безъ всякаго притязанія на точность. Кто нѣсколько знакомъ съ англійскимъ бюджетомъ, тотъ видитъ, что не только суммы доходовъ, выведенныя нами по приблизительному среднему числу, но и самыя цифры количества лицъ, имѣющихъ доходъ отъ такой-то до такой-то величины,—цифры, взятыя Кольбомъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ, далеко не точны. Напримѣръ, вся сумма доходовъ составляетъ у насъ менѣе 95 милл. фунтовъ, и не могла бы составить больше 120 милл., хотя бы мы вмѣсто средняго числа брали для своего вывода самую высшую цифру дохода по каждому разряду; а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1856—1857 финансовомъ году въ Великобританіи съ Ирландіею доходъ лицъ, получающихъ болѣе 100 фунтовъ въ годъ, составлялъ сумму, по крайней мѣрѣ 250 милліоновъ фунтовъ. Разъяснять здѣсь причины этой разности взятыхъ нами цифръ отъ дѣйствительныхъ было бы слишкомъ длинно, да и не совсѣмъ нужно, потому что наша таблица, какъ мы сказали, только примѣрная, и въ ней важны не абсолютныя величины цифръ, а пропорціи между ними. Посмотримъ же на эти пропорціи, чтобы сообразить силу прогрессивнаго налога.

Сумма доходовъ свыше 100 фунтовъ простирается почти до 95 милл.,

а сумма налога превышаетъ 15 милл. фунтовъ; при такомъ отношеніи государственныя надобности берутъ около 16% или около 1/6 дохода лицъ, имѣющихъ доходъ болѣе, чѣмъ въ 100 фунтовъ.

Если бы государственныя надобности такой величины покрывались пропорціональнымъ, а не прогрессивнымъ налогомъ, лица получающія отъ 100 до 300 фунтовъ дохода должны были бы уплатить цѣлую третью часть всей суммы налога, потому что сумма ихъ доходовъ составляетъ 32 милл., цѣлую треть всей суммы доходовъ, подлежащихъ налогу. Такимъ образомъ лица этихъ разрядовъ въ числѣ 170,000 человѣкъ должны были бы уплатить болѣе 5,000,000 фунтовъ налога; а при прогрессивномъ налогѣ они платятъ менѣе 600,000 фунтовъ, и выигрышъ ихъ, сравнительно съ пропорціональнымъ налогомъ, простирается почти до 4,500,000 фунтовъ, т. е. 1/7 всего ихъ дохода.

Съ другой стороны, лица, получающія болѣе 3,000 фунтовъ дохода, должны были бы, при пропорціональномъ налогѣ, уплатить также только одну треть общей суммы налога, потому что сумма ихъ доходовъ также составляетъ около одной трети (около 30,000,000) всей суммы доходовъ, подлежащихъ налогу. А при прогрессивномъ налогѣ они, вмѣсто 5,000,000, платятъ 11,500,000 фунтовъ налога; такимъ образомъ бремя, лежащее на людяхъ менѣе богатыхъ, облегчается суммою около 6,500,000 фунтовъ, т. е. болѣе чѣмъ 2/5 всей суммы налога переносится съ реальныхъ удобствъ жизни на расходы, которые служили бы для одного тщеславія.

Мы предполагали, что государственныя надобности берутъ около 1/6 части изъ всей суммы доходовъ, превышающихъ 100 фунтовъ. По приблизительному вычисленію, эти доходы, превышающіе 100 фунтовъ, составляютъ въ Великобританіи съ Ирландіею болѣе 300 милл. фунтовъ. Такимъ образомъ прогрессивный налогъ, растущій по нормѣ въ родѣ той, какая выставлена у насъ, давалъ бы государству около 50 милл. фунтовъ, а государственный бюджетъ Англіи не превышаетъ 60 милл. фунтовъ въ годы, когда нѣтъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ; при строгой экономіи онъ не превышалъ бы въ такіе годы 50 милл. Изъ этого видно, что при полномъ развитіи прогрессивнаго налога можно было бы отмѣнить въ Англіи рѣшительно всѣ другіе налоги, какъ и предполагаютъ приверженцы прогрессивнаго налога.

Словомъ сказать, мы не видимъ, чтобы прогрессивный налогъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ своихъ приверженцевъ, или чтобы онъ противорѣчилъ тѣмъ основаніямъ справедливости, силу которыхъ признаетъ Милль своимъ требованіемъ освобожденія отъ налога всѣхъ доходовъ ниже извѣстнаго minimum; мы замѣтили, что только по невнимательности онъ не увидѣлъ, что изъ этого требованія само собою вытекаетъ признаніе прогрессивнаго налога за единственно справедливый.

Но есть противъ прогрессивнаго налога еще одно возраженіе, основанное не на принципахъ общей справедливости, которымъ онъ не противорѣчитъ, а на соображеніяхъ экономической выгодности. Говорятъ, что подвергать человѣка высшему проценту налога по мѣрѣ обогащенія, значитъ отвращать людей отъ накопленія богатства, склонять ихъ къ расто-

чительности, ослаблять въ нихъ энергію труда. Милль повторяетъ это возраженіе рутинныхъ политико-экономовъ, но не слишкомъ настаиваетъ на немъ, какъ замѣтно изъ того, что приводитъ его лишь вскользь, какъ будто только для перехода къ другимъ мыслямъ (это увидитъ читатель изъ отрывка, который будетъ сообщенъ нами ниже). Намъ кажется, что это возраженіе предполагаетъ въ планѣ приверженцевъ прогрессивнаго налога такую черту, какой они не думаютъ въ него вводить.

Рутинные политико-экономы толкуютъ обыкновенно, что бо́льшая часть прибавки дохода при возростаніи богатства человѣка будетъ поглощаться возростаніемъ процента, требуемаго налогомъ. Это не вѣрно. Въ нашей примѣрной таблицѣ возростаніе налога идетъ быстрѣе, чѣмъ во многихъ планахъ, дѣйствительно предлагавшихся приверженцами этого налога. Посмотримъ однакоже, какая часть прибавки доходовъ поглощается возростаніемъ налога и по нашей таблицѣ. Съ особенною быстротою ростетъ въ ней налогъ въ разрядахъ дохода отъ 1,000 фунтовъ до 5,000 фунтовъ. Съ 1,000 фунтовъ дохода платится 10%, т. е. 100 фунтовъ налога. Съ дохода въ 2,000 фунтовъ платится 15%, т. е. 300 фунтовъ налога; валовой доходъ увеличился на 1,000 фунтовъ, налогъ на 200 фунтовъ: чистой прибавки къ доходу остается 800 фунтовъ; возрастаніе налога поглотило только $^1/_5$ часть всей валовой прибавки дохода. Съ дохода въ 3,000 фунтовъ платится 20%, т. е. 600 фунтовъ налога; его возростаніе поглотило 300 фунтовъ: чистой прибавки остается 700 фунтовъ. Читатель видитъ, что чистая выгода, остающаяся у обогащающагося, сохраняетъ огромный перевѣсъ подъ возростаніемъ налога. Но таблица наша составлена изъ градацій слишкомъ крупныхъ; въ ней слишкомъ мало посредствующихъ звеньевъ, которыя находятся въ дѣйствительныхъ планахъ прогрессивнаго налога: въ этихъ планахъ разныя величины доходовъ распредѣляются на множество классовъ, и возростаніе налога идетъ гораздо нечувствительнѣе. Надобно притомъ сказать, что во всякомъ случаѣ прогрессивный налогъ будетъ быстро возрастать только на высшихъ ступеняхъ градаціи, когда ростетъ доходъ, уже и до возростанія бывшій огромнымъ, такъ-что налогъ будетъ сколько нибудь мѣшать лишь охотѣ къ увеличенію огромныхъ богатствъ, нисколько не стѣсняя возростанія капитала средней и даже довольно большой величины; напротивъ, при немъ будетъ меньше помѣхи возростанію малыхъ и среднихъ состояній, чѣмъ при пропорціональномъ налогѣ, потому что съ этихъ состояній онъ будетъ брать гораздо меньшій процентъ, чѣмъ беретъ пропорціональный налогъ.

Такимъ образомъ, если смотрѣть съ чисто-экономической точки зрѣнія, прогрессивный налогъ представляется самымъ благопріятнымъ для возбужденія людей къ энергическому стремленію увеличивать свои доходы: рутинные политико-экономы думаютъ, что онъ сталъ бы мѣшать накопленію богатствъ только потому, что не потрудились вникнуть въ цифры, противъ которыхъ вопіютъ.

Но будучи единственнымъ соотвѣтственнымъ общему требованію справедливости, и будучи сообразнѣе всякаго другаго налога съ экономическою заботою объ усиленіи энергіи накопленія, прогрессивный налогъ имѣетъ

совершенно иной недостатокъ: онъ не радикальная, а только палліативная мѣра, и притомъ установить его въ значительномъ размѣрѣ было бы гораздо труднѣе, чѣмъ принять мѣры, прямѣе и полнѣе ведущія къ той же цѣли.

Мы приводили основанія, по которымъ нѣкоторые экономисты находятъ наилучшимъ порядкомъ такой бытъ, который существенно разнится отъ нынѣшняго; содѣйствовать введенію этого лучшаго быта можно, не нарушая замѣтнымъ образомъ никакихъ существующихъ интересовъ; а прогрессивный налогъ значительнаго размѣра былъ бы явно противуположенъ интересу богатыхъ сословій, которыя всѣми силами боролись бы противъ него, между тѣмъ какъ прочное и благоразумное правительство могло бы, нисколько не раздражая ихъ, вести дѣло коренной реформы быта. Надобно предпочитать реформы болѣе легкія и болѣе существенныя прогрессивному налогу, который, не уничтожая источниковъ нынѣшняго зла, только сталъ бы грубымъ образомъ обрѣзывать крайнія его проявленія.

Съ этой точки зрѣнія недоволенъ прогрессивнымъ налогомъ и Милль. Онъ предпочитаетъ ему мѣры болѣе рѣшительныя, противъ которыхъ мы впрочемъ имѣемъ то же самое возраженіе, какъ и противъ прогрессивнаго налога: онѣ слишкомъ трудны и не довольно рѣшительны. Въ началѣ трактата о распредѣленіи, во 2-й главѣ II-й книги, разсматривая общій вопросъ о собственности, Милль развиваетъ мысль, что наилучшимъ закономъ о наслѣдствѣ было бы правило, установляющее извѣстный maximum суммы, какую можетъ человѣкъ получать по наслѣдству, съ тѣмъ, чтобы остальное свое имущество умирающій могъ завѣщать другимъ лицамъ, каждому также не выше этого maximum, а въ случаѣ смерти безъ завѣщанія этотъ излишекъ обращался въ собственность государства. Предпочтеніе этой мѣры, точно также ведущей къ уменьшенію неравенства состояній, служитъ для Милля главною причиною нерасположенія къ прогрессивному налогу. Вотъ слова Милля, относящіяся къ этому предмету:

Я не меньше, чѣмъ кто нибудь, желаю, чтобы принимаемы были средства къ уменьшенію этихъ неравенствъ, но не желаю такихъ средствъ, которыми давалась бы моту льгота на счетъ бережливаго. Брать налогъ большаго процента съ большихъ доходовъ и меньшаго съ меньшихъ, значитъ брать налогъ съ трудолюбія и бережливости; значитъ налагать на человѣка штрафъ за то, что онъ работалъ усерднѣе и сберегалъ заботливѣе своего сосѣда. Общественное благо требуетъ подвергать ограниченію не то богатство, которое пріобрѣтается трудомъ, а то, которое достается человѣку задаромъ. Справедливое и мудрое законодательство не захочетъ возбуждать къ тому, чтобы плоды честнаго труда не сберегались, а расточались. Его безпристрастіе между соперниками будетъ состоять въ заботѣ о томъ, чтобы не имѣлъ одинъ выгодъ предъ другимъ при началѣ бѣга, а не въ томъ, чтобы вѣшать гирю на быстраго, чтобы меньше опережалъ онъ медленнаго. Правда, часто бываетъ, что иной терпитъ неудачу при большихъ усиліяхъ, чѣмъ при какихъ достигаетъ успѣха другой; и не потому, чтобы меньше было у него достоинствъ, а потому, что меньше было для него удачныхъ случаевъ; но если бы правительство и сдѣлало все, что можетъ сдѣлать заботами о воспитаніи и законами для смягченія этихъ неравенствъ случая, то неравенство состоянія, происходящее отъ разницы въ достоинствѣ самихъ людей, уже не было бы справедливою при-

чиною къ ропоту. Относительно большихъ состояній, пріобрѣтаемыхъ по наслѣдству или въ подарокъ, власть дѣлать завѣщанія—одна изъ привилегій собственности, которыя удобно могутъ быть для общей пользы ограничены правилами; и я уже указывалъ наилучшій способъ уменьшать накопленіе огромныхъ состояній въ рукахъ людей, не получившихъ эти богатства своимъ трудомъ; я говорилъ, что должна быть ограничена сумма, какую дозволяется человѣку пріобрѣтать по подарку, наслѣдству или завѣщанію. Кромѣ этого и кромѣ предложенія Бентама объ уничтоженіи наслѣдства по боковымъ линіямъ и о переходѣ имущества къ государству въ этомъ случаѣ,—кромѣ этихъ двухъ правилъ, я полагаю, что чрезвычайно удобнымъ предметомъ налога были бы наслѣдства по завѣщанію или безъ завѣщанія, все равно,—превышающія извѣстную сумму; и что пошлину съ нихъ надобно положить такую, которая бы лишь не порождала въ слишкомъ сильной степени уклоненій отъ нея дарственными записями при жизни или утайкою собственности. Принципъ такъ-называемой прогрессивности, то есть возвышеніе процента налога соразмѣрно увеличенію суммы, не признаваемый мною въ примѣненіи къ налогу вообще, будетъ и справедливъ и полезенъ въ примѣненіи къ пошлинамъ съ наслѣдства.

Мы совершенно согласны съ Миллемъ въ томъ, что гораздо лучше дѣйствовать на самый источникъ невыгодныхъ для общества явленій, чѣмъ только бороться съ ихъ результатами. Но вѣдь предлагаемыя Миллемъ мѣры относительно наслѣдства точно такъ же, какъ и прогрессивный налогъ, прилагаются къ невыгодному явленію въ слишкомъ поздней порѣ его развитія, къ факту уже выросшему, а не къ зародышу этого факта. Очевидно, что онѣ, подобно прогрессивному налогу, имѣютъ только характеръ палліативнаго средства, и рекомендовать ихъ принятіе надобно только въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ надежды на проведеніе мѣръ болѣе широкихъ. Только въ подобныхъ случаяхъ надобно рекомендовать и прогрессивный налогъ. Онъ годится, какъ переходная мѣра, прилагаемая къ такому быту, который не соотвѣтствуетъ условіямъ экономической выгоды и который нельзя же въ одинъ день замѣнить бытомъ, соотвѣтственнымъ требованію теоріи.

Къ этому неудовлетворительному быту прилагается и другая переходная мѣра, безусловно рекомендуемая Миллемъ. По теоріи, силы природы должны принадлежать обществу людей, а не отдѣльному человѣку. Господствующая теорія сама не одобрила бы попытокъ монополизировать, обратить въ частную собственность силу пара, или силу электричества, или дождь,—попытокъ, которыя очень легко представить себѣ въ теоріи и которыя оказались бы удобоисполнимы даже въ практикѣ, если бы явилась и укоренилась въ обществѣ мысль о ихъ законности [24]). По принципу со-

---

[24]) Напримѣръ, развѣ нельзя составить правилъ, при которыхъ сталъ бы частною собственностію дождь? Количество упавшаго дождя легко измѣряется очень простыми инструментами. Почему же нельзя съ лица, владѣющаго участкомъ или воздѣлывающаго участокъ, брать плату соразмѣрно количеству упавшаго дождя? Право на полученіе такой платы могло бы передаваться отъ одного лица другому наслѣдствомъ, продажею и всѣми другими способами, какими передается право на полученіе ренты. Капитализированная цѣнность ренты составляетъ то, что называется поземельною собственностію. Капитализированная цѣнность платы по упавшему дождю точно также составила бы право собственности надъ дождемъ. Еще удобнѣе обратить въ частную собственность силу пара или силу электричества; стоило бы только поставить въ зависимость отъ чьего нибудь согласія право устроивать и пріобрѣтать паровыя машины и электро-гальваническіе аппараты; лицо, дающее это разрѣшеніе, стало-бы собственникомъ этихъ силъ.

вершенно таковъ же случай права частной собственности надъ силами, лежащими въ землѣ, и Милль смотритъ на порядокъ, обратившій ренту въ частную собственность, какъ на порядокъ, не соотвѣтствующій принципамъ экономической науки. Но, думаетъ онъ, при бытѣ, установившемся въ западной Европѣ, нельзя ожидать скораго выхода всей ренты изъ частной собственности, и на первое время надобно въ этомъ дѣлѣ ограничиваться тѣмъ, чтобы не возрасталъ существующій размѣръ этого неосновательнаго отношенія. Поэтому, кромѣ общаго (прогрессивнаго ли, или только пропорціональнаго) налога со всѣхъ доходовъ, долженъ быть установленъ спеціальный налогъ на ренту, налогъ, который бралъ бы все постепенное увеличеніе ренты сверхъ ея существующаго размѣра. Вотъ страницы, на которыхъ Милль развиваетъ свою мысль.

Предположимъ, что есть извѣстнаго рода доходъ, имѣющій постоянную тенденцію увеличиваться безъ всякаго усилія или пожертвованія со стороны владѣльца: владѣльцы такихъ доходовъ будутъ составлять въ обществѣ классъ, прогрессивно обогащающійся естественнымъ ходомъ дѣлъ, безъ всякихъ усилій. Тутъ не будетъ нарушеніемъ принциповъ, на которыхъ основана частная собственность, если государство будетъ присвоивать себѣ эту прибавку къ богатству или часть ея, по мѣрѣ того, какъ она возникаетъ. Государство тутъ ничего ни у кого не беретъ; оно только употребляетъ въ пользу общества прибавку къ богатству, создаваемую обстоятельствами, вмѣсто того, чтобы давать оставлять эту прибавку въ незаслуженное увеличеніе богатствъ одного сословія.

Вотъ это самое и надобно сказать о рентѣ. Обыкновенный прогрессъ обогащающагося общества неизмѣнно имѣетъ тенденцію увеличивать доходы землевладѣльцевъ: давать имъ, независимо отъ всякаго ихъ труда или расхода, все больше богатства, — больше и по абсолютной массѣ, и по сравненію съ общею суммою общественнаго богатства. Они богатѣютъ, можно сказать, во снѣ, безъ всякаго труда, риска и сбереженія. Какое право имѣютъ они по общимъ принципамъ общественной справедливости на эту прибавку богатствъ? Въ чемъ была бы несправедливость передъ ними, если бы общество съ самаго начала оставило за собою право брать себѣ посредствомъ налога всю требуемую финансовыми надобностями сумму изъ натуральнаго возростанія ренты? Я согласенъ, что несправедливо было бы брать налогомъ всю эту прибавку съ каждаго помѣстья, въ которомъ рента возросла; потому что не было бы тутъ различенія между возростаніемъ ренты исключительно отъ общаго прогресса страны и возростаніемъ ея, произошедшимъ отъ искусства и расходовъ собственника. Единственный правильный способъ тутъ былъ бы—руководиться общею нормой. Первымъ шагомъ должна быть оцѣнка всѣхъ земель въ странѣ. Нынѣшняя цѣнность земли должна быть изъята отъ налога; но по прошествіи извѣстнаго срока, во время котораго общество возросло и населеніемъ, и капиталомъ, слѣдовало бы сдѣлать приблизительную оцѣнку натуральнаго возростанія ренты съ той поры, какъ произведенъ былъ первый кадастръ. Пособіемъ для этого измѣренія можетъ служить средняя цѣна продукта: если она поднялась, то навѣрное увеличилась и рента. По этимъ и по другимъ даннымъ можно приблизительно оцѣнить, сколько цѣнности пріобрѣла земля страны отъ естественныхъ причинъ; и, опредѣляя общій поземельный налогъ (размѣръ котораго слѣдуетъ постановить значительно ниже полученнаго вывода, потому что въ немъ есть рискъ ошибки), мы уже будемъ имѣть увѣренность, что нимало не коснулись тѣхъ увеличеній дохода, которыя произошли отъ затраты капитала или отъ работы собственника надъ землею.

Не могло бы быть и спора о справедливости брать въ налогъ увеличеніе ренты, если бы общество положительно оставило за собою это право; но не утратило ли оно его чрезъ то, что не пользовалось имъ? Въ Англіи, напримѣръ, вотъ уже лѣтъ 100 или больше, каждый, покупающій землю, платитъ не за одну цѣнность настоящаго дохода, но и за перспективу будущаго его увеличенія, будучи косвенно увѣряемъ законодательствомъ, что поземельный доходъ будетъ платить налогъ не больше, какъ соразмѣрный съ другими доходами. Въ этомъ возраженіи есть нѣкоторая доля основательности, и въ иныхъ странахъ доля эта меньше, въ другихъ больше, смотря по тому, до какой степени забылось въ обществѣ право, нѣкогда несомнѣнно принадлежавшее обществу. Въ большей части европейскихъ странъ никогда не было допускаемо до забвенія право брать посредствомъ налога такую часть ренты, какая понадобится государству. Въ нѣкоторыхъ частяхъ континента поземельный налогъ составляетъ значительную часть государственныхъ доходовъ, и постоянно признавалось за правительствомъ право увеличивать или уменьшать его и безъ увеличенія или уменьшенія другихъ налоговъ. Въ этихъ странахъ никто не можетъ утверждать, что, дѣлаясь собственникомъ земли, имѣлъ увѣренность, что поземельный налогъ не увеличится. Въ Англіи величина поземельнаго налога оставалась неизмѣнною почти съ начала прошлаго вѣка. Послѣдній, относившійся къ нему актъ законодательной власти, состоялъ въ томъ, что онъ былъ уменьшенъ; съ той поры рента въ Англіи колоссально возросла и отъ успѣховъ земледѣлія и, кромѣ того, отъ возростанія городовъ и увеличенія числа построекъ; но сила землевладѣльцевъ въ законодательной власти не дозволяла подвергнуть справедливому налогу ту громадную часть увеличенія ренты, которая возникла безъ участія собственниковъ, сама собою. Мнѣ кажется, что ожиданія, основанныя на этомъ, будутъ уже достаточно вознаграждены, если вся прибавка къ доходу, нароставшая въ теченіе этого долгаго періода, только силою естественнаго закона, безъ всякаго труда и пожертвованія, будетъ оставлена изъятою отъ всякаго особеннаго налога. Я не вижу никакихъ возраженій противъ того, чтобы объявить, что съ нынѣшняго дня или съ того дня, въ который законодательная власть разсудитъ воспользоваться своимъ правомъ, всякое дальнѣйшее увеличеніе ренты будетъ подлежать особенному налогу; тутъ не будетъ никакой несправедливости относительно землевладѣльцевъ, если сохранится нынѣшняя рыночная цѣна ихъ земли, потому что въ этой цѣнѣ уже включена нынѣшняя цѣнность всѣхъ ожиданій будущаго увеличенія дохода.

Пропорція, въ какой возвышается общій уровень цѣны земли, вѣроятно будетъ еще лучшею нормою такого налога, чѣмъ возвышеніе ренты или цѣны хлѣба. Легко будетъ соразмѣрять налогъ такъ, чтобы рыночная цѣнность земли не падала ниже первоначальной оцѣнки; а пока цѣна земли не падаетъ ниже этой оцѣнки, не будетъ сдѣлано налогомъ никакой несправедливости передъ собственниками, каковъ бы ни былъ размѣръ налога.

Но какъ бы ни думали мы о законности того, чтобы дать государству участіе во всякомъ будущемъ увеличеніи ренты отъ естественныхъ причинъ, все равно нынѣшній поземельный налогъ надобно считать не налогомъ, а платою аренды въ пользу публики; частью ренты, съ самаго начала оставленною государствомъ въ свою пользу, частью, которая никогда не принадлежала землевладѣльцамъ и не составляла части ихъ дохода, которую поэтому и не должны они считать налогомъ, взимаемымъ съ нихъ и дающимъ землевладѣльцу право на льготу отъ другихъ налоговъ. Это все равно, что десятина, которая не была налогомъ на землевладѣльцевъ; это — дѣло по-

хожее на то, что видимъ въ Бенгалѣ, гдѣ государство, имѣющее право на всю ренту, отдало десятую долю ренты частнымъ лицамъ, удержавъ за собою остальныя $^9/_{10}$. Эти $^9/_{10}$ не могутъ считаться неравнымъ и несправедливымъ налогомъ на людей, которымъ подарена десятая часть ренты. Если частное лицо получило въ собственность часть ренты, изъ этого не слѣдуетъ, что оно имѣетъ право на остальную часть ренты и что оно несправедливо лишается этой остальной части. Первоначально землевладѣльцы владѣли помѣстьями подъ условіемъ исправлять феодальныя повинности, за которыя нынѣшній поземельный налогъ служитъ чрезвычайно незначительною замѣною, и за освобожденіе отъ которыхъ можно было бы требовать отъ нихъ гораздо большей платы. Каждый, кто покупалъ землю при существованіи налога, покупалъ ее подверженною налогу. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать налогъ платежемъ, требуемымъ съ нынѣшняго поколѣнія землевладѣльцевъ.

Эти замѣчанія прилагаются лишь къ той части поземельнаго налога, которая служитъ особеннымъ налогомъ, а не къ той, которая служитъ только способомъ взиманія съ землевладѣльцевъ платежа, который былъ бы равномѣренъ взимаемому съ другихъ сословій. Во Франціи, напримѣръ, есть особенные налоги на другіе разряды собственности и дохода (налогъ на движимое имущество и патентный сборъ): если поземельный налогъ не больше, какъ равномѣренъ этимъ налогамъ, то нельзя сказать, что государство оставило за собою часть поземельной ренты. Но если доходъ отъ земли прямо подвергается вычету на общественныя надобности, превышающему размѣръ налоговъ, взимаемыхъ съ другихъ доходовъ, то излишекъ поземельнаго налога надъ другими уже не налогъ въ собственномъ смыслѣ, а доля поземельной собственности, оставленная за собою государствомъ. Въ Англіи нѣтъ особенныхъ налоговъ на другіе классы, соотвѣтствующихъ поземельному налогу или предназначенныхъ уравновѣшивать его. Потому весь поземельный налогъ въ Англіи не собственно налогъ, а доля изъ ренты, и равнозначителенъ тому, какъ бы государство удержало за собою не часть ренты, а часть земли. Онъ вовсе не лежитъ обремененіемъ на землевладѣльцѣ, какъ не лежитъ бременемъ на одномъ изъ совладѣльцевъ доля, принадлежащая другому. Землевладѣльцы не имѣютъ права на вознагражденіе за этотъ платежъ, и не слѣдуетъ давать имъ никакого вознагражденія за него льготою отъ другихъ налоговъ. Продолжать взиманіе этого налога въ существующемъ размѣрѣ вовсе не служитъ нарушеніемъ принципа равенства налоговъ.

Прямой налогъ, пропорціональный или прогрессивный, можетъ взиматься по двумъ разнымъ основаніямъ: или по величинѣ дохода, или по величинѣ имущества (налогъ съ дохода, или налогъ съ капитала). Милль отдаетъ безусловное предпочтеніе налогу съ дохода, потому что, если брать основаніемъ налога имущество (капиталъ), то несправедливымъ образомъ будетъ дана привилегія не платить налога тѣмъ лицамъ, которыя получаютъ доходъ не отъ внѣшней собственности, а отъ общественныхъ отношеній и личныхъ преимуществъ; напримѣръ, медикъ, адвокатъ, художникъ, актеръ будутъ совершенно освобождены отъ налога, хотя бы получали по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ отъ своей профессіи, и отъ этого чрезмѣрно обременится доля, требуемая налогомъ съ другаго источника доходовъ—съ внѣшней собственности. Милль не забываетъ сдѣлать оговорку, отстраняющую всякое серьезное возраженіе противъ предпочтенія налога съ дохода налогу съ капитала. Онъ говоритъ, что если по осо-

бенному желанію владѣльца собственность не приноситъ ему такого дохода, какой могла бы приносить при употребленіи на производительныя дѣла, эта собственность должна платить налогъ, соразмѣрный съ капитальною своею цѣнностію. Напримѣръ, если паркъ имѣетъ цѣнность въ 100,000, и если участокъ поля, находящагося подъ хлѣбопашествомъ, при такой же цѣнности платитъ 1,000 рублей налога, то надобно брать 1,000 и съ парка, хотя онъ не приноситъ своему владѣльцу никакого дохода, а, напротивъ, стоитъ ему большихъ расходовъ. Переходя къ подробностямъ вопроса о налогѣ съ доходовъ, Милль говоритъ:

Мы уже разсмотрѣли условія, необходимыя для того, чтобы онъ былъ согласенъ съ справедливостью. Предположимъ же теперь, что эти условія исполнены. Первое изъ нихъ: доходы ниже извѣстной суммы должны быть совершенно освобождены отъ налога. Этотъ minimum не долженъ превышать сумму, достаточную на предметы необходимости при существующей степени размноженія людей. По нынѣшнимъ правиламъ подоходнаго налога, отъ него освобождены всѣ доходы ниже 100 фунтовъ, а съ доходовъ отъ 100 до 150 фунтовъ берется налогъ въ уменьшенномъ размѣрѣ; такую широту льготы можно оправдывать лишь тѣмъ, что почти всѣ косвенные налоги тяготѣютъ надъ доходами отъ 50 до 150 фунтовъ обременительнѣе, чѣмъ надъ доходами другихъ размѣровъ. Второе условіе то, что изъ доходовъ выше minimum'а должна платить налогъ лишь та часть, которая въ нихъ превышаетъ minimum. Третье условіе то, чтобы освобождены были отъ налога всѣ сберегаемыя и употребляемыя на покупку фондовъ суммы; если же это оказывается неудобоисполнимымъ, то пожизненные доходы и доходы отъ коммерческихъ дѣлъ и профессій должны платить меньшій процентъ налога, чѣмъ наслѣдственные доходы, и размѣръ этого облегченія долженъ какъ можно ближе соотвѣтствовать тому, насколько больше надобности въ сбереженіи при доходахъ временныхъ; а для доходовъ перемѣнчивой величины должна дѣлаться льгота, сообразная ихъ невѣрности.

Подоходный налогъ, установленный по этимъ принципамъ, былъ бы со стороны справедливости наименѣе дурнымъ изъ всѣхъ налоговъ. При нынѣшнемъ низкомъ состояніи общественной нравственности есть въ немъ то неудобство, что невозможно узнать дѣйствительный доходъ лицъ, съ которыхъ берется налогъ. Говорятъ, что принуждать людей объявлять величину своихъ доходовъ, значитъ слишкомъ стѣснять ихъ; мнѣ кажется, что это возраженіе не имѣетъ большой важности. Въ Англіи есть привычка, ставшая почти обязательнымъ обычаемъ, жить или стараться жить такъ, чтобы казалось, будто у человѣка больше дохода, чѣмъ сколько онъ имѣетъ; но этотъ обычай вреденъ для общества; и для лицъ, поддающихся такой слабости, было бы гораздо полезнѣе, если бы размѣръ ихъ средствъ сталъ всѣмъ извѣстенъ съ точностью и былъ устраненъ соблазнъ тратить больше, чѣмъ дозволяютъ средства, и отказывать себѣ въ дѣйствительно нужномъ для фальшиваго внѣшняго блеска.

Надобно сказать еще, что не смотря на такъ-называемый инквизиторскій характеръ этого налога, агенты, имъ завѣдывающіе, не могутъ распредѣлять его съ дѣйствительнымъ знаніемъ денежныхъ обстоятельствъ каждаго, хотя бы имѣли всю ту инквизиторскую власть, какую только можетъ вынести народъ, самый расположенный подчиняться ей. Величину ренты, жалованья, пенсій и всѣхъ опредѣленныхъ доходовъ можно узнать съ точностью. Но не всегда съ точностью можетъ опредѣлить доходъ отъ профессіи, а тѣмъ болѣе выгоду отъ коммерческихъ дѣлъ, и самъ человѣкъ, получающій этотъ до-

ходъ, а еще меньше возможности сборщику налога оцѣнить такіе доходы, хотя съ приблизительною вѣрностію. Главнымъ основаніемъ тутъ должно быть и всегда принималось показаніе самого лица. Разсмотрѣніе счетовъ можетъ быть полезно только въ случаяхъ слишкомъ очевиднаго обмана; да и противъ него эта повѣрка очень недостаточна, потому что если человѣкъ хочетъ обмануть, онъ почти всегда можетъ составить фальшивые счеты такъ, что нельзя будетъ изобличить ихъ никакими средствами повѣрки, находящимися у сборщиковъ налога. Тутъ часто бываетъ достаточенъ легкій способъ—не вписывать въ счетную книгу полученія деньгъ, не прибѣгая и къ тому, чтобы вписывать въ нее фиктивные долги или расходы. Такимъ образомъ подоходный налогъ, на какихъ бы справедливыхъ принципахъ равенства ни былъ установленъ, имѣетъ на практикѣ самое дурное неравенство, тяжеле всего падая на людей, наиболѣе честныхъ. Человѣкъ безъ совѣсти успѣваетъ избавиться отъ значительной части платежа, какой бы слѣдовалъ съ него; даже люди, въ обыкновенныхъ своихъ дѣлахъ честные, подвергаются искушенію кривить душою, по крайней мѣрѣ въ томъ, что рѣшаютъ въ свою пользу всѣ тѣ вопросы, относительно которыхъ можетъ явиться хотя малѣйшее сомнѣніе; а люди, строго правдивые, часто принуждены бываютъ платить больше, чѣмъ хочетъ брать государство, потому что агентамъ, распредѣляющимъ налогъ, необходимо ввѣряется произвольная власть, какъ послѣднее охранительное средство противъ утайки со стороны платящихъ налогъ лицъ.

Итакъ подоходный налогъ представляетъ ту опасность, что нельзя придать ему на практикѣ ту справедливость, какую имѣетъ онъ въ своемъ принципѣ: что будучи повидимому справедливѣйшимъ изъ всѣхъ способовъ собирать доходъ, онъ въ дѣйствительности будетъ несправедливѣе многихъ другихъ налоговъ, на первый взглядъ кажущихся менѣе справедливыми.

Затруднительность установить подоходный налогъ справедливымъ образомъ—вызвала мысль о прямомъ налогѣ въ извѣстное число процентовъ не съ дохода, а съ расхода. Сумму расхода у каждаго лица предполагается тутъ опредѣлять по показанію самого лица, какъ опредѣляется теперь сумма дохода. Но лишь немногія статьи годичнаго расхода у большей части семействъ могутъ быть опредѣлены съ приблизительною вѣрностію по внѣшнимъ признакамъ. Единственною гарантіею и тутъ осталась бы правдивость каждаго, и нельзя предполагать, что показанія о расходахъ будутъ достовѣрнѣе показаній о доходахъ; это тѣмъ невѣроятнѣе, что почти у каждаго расходъ состоитъ изъ гораздо большаго числа статей, чѣмъ доходъ, потому въ перечисленіи расходовъ было бы больше простора для утайки, чѣмъ въ самомъ перечисленіи доходовъ.

Нынѣшніе налоги на расходъ и въ Англіи, и въ другихъ странахъ падаютъ лишь на нѣкоторыя отрасли расхода и отличаются отъ налоговъ на товары лишь тѣмъ, что уплачиваются прямо лицомъ, потребляющимъ товаръ, вмѣсто того, чтобы преждевременно взиматься съ производителя или продавца, вознаграждающаго себя повышеніемъ цѣны. Таковы налоги на лошадей и экипажи, на собакъ, на прислугу. Очевидно, они падаютъ на тѣ лица, съ которыхъ взимаются, на лица, употребляющія товаръ, обложенный налогомъ. Къ этому же разряду принадлежитъ болѣе важный налогъ,—налогъ на дома; о немъ надобно поговорить нѣсколько подробнѣе.

Часть этого налога, падающую на жильца, надобно назвать однимъ изъ лучшихъ и справедливѣйшихъ налоговъ, если она правильно соразмѣряется съ цѣнностью квартиры. Плата за квартиру служитъ вѣрнѣйшимъ мѣриломъ средствъ человѣка, и

вообще говоря, нѣтъ въ расходахъ ни одной статьи, которая составляла бы такую одинаковую долю въ расходахъ каждаго. Налогъ на дома подходитъ къ справедливому подоходному налогу такъ близко, что трудно придать подобную близость подоходному налогу въ прямой его формѣ; налогъ на дома имѣетъ то важное преимущество, что при немъ сами собою дѣлаются всѣ тѣ льготы, которыя такъ трудно дѣлать и такъ невозможно дѣлать съ точностью при распредѣленіи подоходнаго налога: дѣйствительно, если платою за квартиру измѣряется что нибудь, то измѣряется не сумма имущества лица, а сумма, какую считаетъ возможнымъ расходовать это лицо.

По нашему мнѣнію, взиманіе налога съ дохода подъ формою налога на квартиры гораздо хуже прямого способа опредѣлять налогъ оцѣнкою всей суммы дохода. Налогъ тутъ падаетъ только на одну отрасль расхода, и притомъ на такую отрасль, относительно которой надобно желать, чтобы у огромнаго большинства людей она увеличилась на счетъ нѣкоторыхъ другихъ статей ихъ расхода. Хорошее помѣщеніе имѣетъ такую важность въ нашихъ климатахъ, въ средней и сѣверной Европѣ, что едва ли не больше страдаютъ люди отъ дурнаго помѣщенія, чѣмъ отъ недостаточной пищи. Налогъ съ квартиръ не слишкомъ многимъ лучше налога съ оконъ, безусловно порицаемаго Миллемъ. Онъ также принуждаетъ массу лишиться чистаго воздуха, заставляя людей не очень богатыхъ слишкомъ тѣсниться. Конечно, Милль самъ очень хорошо понимаетъ это, но онъ принужденъ быть снисходителенъ къ налогу съ квартиръ потому, что видитъ слишкомъ важное неудобство въ прямомъ налогѣ съ дохода. Милль очень сильно поражается трудностью оцѣнить нѣкоторыя отрасли дохода и легкостью недобросовѣстной утайки въ нихъ.

Читатель замѣтитъ, что это возраженіе, довольно сильно примѣняющееся къ такой системѣ раскладки, при которой дѣйствуютъ только правительственные агенты, значительно ослабляется, если всѣ члены общества призываются къ участію въ этомъ дѣлѣ. Каждый знаетъ по опыту, какъ близко извѣстно количество доходовъ и имущество каждаго изъ насъ людямъ того круга, въ которомъ мы живемъ. Если этотъ кругъ будетъ имѣть прямой интересъ въ томъ, чтобы каждый платилъ не меньше того, сколько приходится ему по справедливости, утайка части имущества или дохода будетъ очень трудна. Слѣдовательно дѣло должно состоять не въ томъ, чтобы вознаграждать неравномѣрную раскладку прямого налога установленіемъ косвенныхъ налоговъ, еще болѣе неравномѣрныхъ, а въ томъ, чтобы устранить самый источникъ неравномѣрности прямого налога, заключающійся только въ нежеланіи общества наблюдать за равномѣрностью раскладки. Задача эта очень легко разрѣшается при тѣхъ формахъ экономическаго быта, которыхъ требуетъ наука. Мы видѣли, что при этихъ формахъ каждая группа производителей ведетъ свои хозяйственныя дѣла открытымъ образомъ и каждый членъ ея имѣетъ прямой интересъ не допускать никакихъ утаекъ въ дѣлахъ, въ которыхъ онъ участвуетъ. При нынѣшнихъ формахъ быта можетъ достигаться подобный результатъ, если каждый членъ небольшого общества,—прихода, квартала, села,—будетъ прямо видѣть, что на него упадетъ та часть уплаты, которую несправедливо отстранитъ отъ себя другой членъ того же кружка утайкою своего

имущества или дохода. Отчасти достигается это во Франціи тѣмъ, что раскладка прямого налога между членами каждой части населенія производится не агентами правительства, а самими жителями. Такъ, напримѣръ, центральная законодательная власть опредѣляетъ только сумму прямого налога, какую долженъ заплатить тотъ или другой департаментъ. Жители департамента черезъ своихъ выборныхъ распредѣляютъ этотъ общій взносъ цѣлаго департамента между округами; жители каждаго округа между его общинами и, наконецъ, уже жители общины между собою. Сколько мы знаемъ, эта система дѣйствуетъ удовлетворительно. Но если бы и оказалась при ней какая-нибудь неравномѣрность въ распредѣленіи налоговъ, это происходило бы только отъ непривычки французовъ принимать надлежащее участіе въ общественныхъ дѣлахъ,—непривычки, которая объясняется ихъ прежнею исторіею и постепенно уступаетъ мѣсто другому образу дѣйствій по мѣрѣ развитія и укорененія законовъ и учрежденій, соотвѣтствующихъ духу новаго времени. Конечно, не будетъ принимать дѣятельнаго участія и въ раскладкѣ налога такой гражданинъ, который не принимаетъ участія вообще во всякихъ общественныхъ дѣлахъ, касающихся его выгоды, который еще не привыкъ смотрѣть на себя, какъ на гражданина, и продолжаетъ во всемъ слѣдовать внѣшней иниціативѣ. Но въ такомъ случаѣ практическая неравномѣрность прямого налога нимало не составляетъ спеціальнаго недостатка этого налога, а влагается въ него общимъ характеромъ неудовлетворительныхъ національныхъ обычаевъ, и вопросъ будетъ относиться не къ налогу, а къ средствамъ, какими могутъ улучшаться общіе національные обычаи, равно касающіеся всякихъ дѣлъ: и налоговъ, и правосудія, и администраціи, и торговли и такъ далѣе.

Словомъ сказать, разсматриваемый нами частный вопросъ едва ли не приведетъ читателя къ мысли, появлявшейся въ нашихъ очеркахъ чуть ли не при каждомъ случаѣ, когда рѣчь шла объ удовлетвореніи какой бы то ни было, частной ли, или общественной надобности: вообще оказывается, что качества нынѣшняго экономическаго быта слишкомъ неудобны для удовлетворенія этой надобности способомъ, который одинъ только и хорошъ. Если же такъ, то слѣдуетъ ли ограничиваться придумываніемъ другого способа, менѣе хорошаго или прямо дурнаго, но болѣе удобнаго при существующей обстановкѣ? Не надобно ли столько же, или гораздо больше заботы обратить на разъясненіе надобности измѣнить самую экономическую обстановку, чтобы явилась возможность поступать такъ, какъ слѣдуетъ?

Главный недостатокъ обычаевъ во всѣхъ безъ исключенія странахъ состоитъ въ томъ, что люди слишкомъ мало занимаются общественными экономическими дѣлами, слишкомъ мало понимаютъ вредъ, приносимый ихъ частнымъ дѣламъ общею неудовлетворительною экономическою обстановкою. Каждый порядочный человѣкъ заботится о чистотѣ воздуха въ своей квартирѣ; но почти никто не обращаетъ надлежащаго вниманія на то, что не меньше, чѣмъ отъ порядка въ самыхъ комнатахъ, зависитъ она отъ чистоты цѣлаго дома, цѣлаго квартала и всего города. Пока не разовьется въ людяхъ убѣжденіе, котораго теперь недостаетъ, пока не созда-

дутся сообразные ему обычаи, мало будетъ на свѣтѣ хорошаго, и каждый политико-экономъ долженъ былъ бы находить особенно полезнымъ для общественнаго и индивидуальнаго благосостоянія тѣ способы удовлетворенія существующимъ надобностямъ, которыми развивается въ людяхъ желаніе серьезно заниматься общественными экономическими дѣлами. Съ этой стороны нынѣшняя затруднительность совершенно равномѣрной раскладки подоходнаго налога служитъ даже не возраженіемъ противъ него, а рекомендаціею ему, потому что эта затруднительность происходитъ только отъ безучастія частныхъ лицъ въ общественномъ дѣлѣ, и устранится, если способъ раскладки будетъ избранъ такой, чтобы каждый членъ извѣстной общественной группы имѣлъ интересъ не допускать въ своей группѣ тѣхъ утаекъ, которыми смущается Милль и которыя быстро исчезнутъ въ этомъ случаѣ.

До сихъ поръ мы говорили о прямыхъ налогахъ, т. е. такихъ, при которыхъ требуемая сумма берется непосредственно изъ рукъ человѣка, изъ доходовъ котораго въ дѣйствительности уплачивается. Косвенные налоги, при которыхъ налогъ берется не съ этого, а съ какого-нибудь посредствующаго лица, вознаграждающаго себя за уплату взиманіемъ извѣстной прибавки за свои услуги или товары съ лица, въ дѣйствительности платящаго налогъ, но не имѣющаго прямыхъ сношеній съ сборщикомъ налога,—эти косвенные налоги имѣютъ вообще много недостатковъ сравнительно съ прямыми. Въ большей части случаевъ сборъ косвеннаго налога обходится правительству гораздо дороже, чѣмъ сборъ прямого, потому что дѣло это гораздо хлопотливѣе. Если, напримѣръ, для полученія чистаго дохода въ милліонъ рублей отъ прямого налога государству бываетъ надобно собирать 1,100,000—потому что 100,000 поглощаются расходами самаго взиманія,—то при косвенномъ налогѣ, для полученія такого же чистаго остатка, нужно бываетъ собирать 1,200,000, или гораздо больше. Такимъ образомъ лишніе расходы сбора подвергаютъ при косвенныхъ налогахъ общество лишнему обремененію. Еще болѣе убытка, пропадающаго безъ всякой пользы правительству, терпитъ общество при почти всѣхъ косвенныхъ налогахъ отъ того, что они или стѣсняютъ производство мелочнымъ вмѣшательствомъ и неподвижной регламентаціею, или обращаютъ національный трудъ отъ производствъ болѣе выгодныхъ къ менѣе выгоднымъ. Эти недостатки косвенныхъ налоговъ удовлетворительно излагаются политико-экономами господствующей школы, потому намъ нѣтъ необходимости подробно излагать ихъ здѣсь.

Но независимо отъ неудовлетворительности косвенныхъ налоговъ, прямые налоги имѣютъ въ себѣ положительное достоинство, по которому прогрессивная часть приверженцевъ господствующей теоріи очень горячо защищаетъ ихъ. Милль удовлетворительно излагаетъ причину этого предпочтенія. Замѣтивъ, что въ Англіи (какъ и вездѣ) прямые налоги непопулярны, и что это происходитъ отчасти отъ нерасположенія англичанина (какъ и всякаго другого человѣка) имѣть сношенія съ сборщикомъ податей, съ которымъ онъ не имѣетъ прямого дѣла при косвенныхъ налогахъ, Милль продолжаетъ:

Есть и другая причина нелюбви англичанина къ прямымъ налогамъ. Быть мо-

жетъ онъ твердо знаетъ, что платитъ налогъ, лишь тогда, когда прямо платитъ его изъ своего кармана. Разумѣется, неоспоримая вещь, что пошлина въ 2 шиллинга съ фунта чая или 3 шиллинга съ бутылки французскаго вина возвышаетъ на всю свою сумму и даже больше, чѣмъ на всю свою сумму, цѣну каждаго фунта чаю и каждой бутылки вина, которые онъ потребляетъ; это фактъ, безъ этого налогъ и не бываетъ, и англичанинъ по временамъ очень хорошо знаетъ это; но это не производитъ почти никакого практическаго впечатлѣнія на его мысли, такъ что дѣло это служитъ примѣромъ разницы между сознаніемъ о фактѣ и живымъ чувствомъ факта. Непопулярность прямыхъ налоговъ и легкость, съ какою общество соглашается на то, чтобы обирали его въ цѣнѣ товаровъ, часто заставляетъ друзей прогресса разсуждать способомъ, прямо противоположнымъ приведенному нами. Они доказываютъ, что прямые налоги лучше косвенныхъ, именно по той самой причинѣ, отъ которой происходитъ ихъ непопулярность. При прямомъ налогѣ каждый знаетъ, сколько платитъ онъ на самомъ дѣлѣ; и если онъ подаетъ голосъ въ пользу войны или другой убыточной національной роскоши, онъ рѣшается на дѣло съ яснымъ понятіемъ о томъ, сколько оно стоитъ ему. Еслибы всѣ налоги были прямые, масса ихъ замѣчалась бы гораздо лучше нынѣшняго, и для экономіи въ общественныхъ расходахъ было бы обезпеченіе, котораго теперь нѣтъ.

По нашему мнѣнію, этотъ разсчетъ совершенно правиленъ, рѣшаетъ дѣло безотговорочнымъ образомъ. При прямыхъ налогахъ каждый англичанинъ прямо знаетъ, сколько онъ платитъ, знаетъ точнымъ образомъ, что деньги на государственные расходы не получаются задаромъ, а берутся съ него; потому такой англичанинъ болѣе расположенъ разсчитывать, дѣйствительно ли необходимъ расходъ, на который берутся деньги, и дѣйствительно ли соблюдается экономія въ ихъ расходованіи. Непосредственное чувство всегда гораздо осязательнѣе сложныхъ умозаключеній, и его вліяніе гораздо неотступнѣе. Но Милль пробуетъ находить оговорки, ослабляющія важность изложеннаго имъ довода. Онъ говоритъ, что люди въ наше время умнѣютъ и научаются вникать въ сущность вещей, такъ что съ этой стороны уменьшается разница впечатлѣнія, производимаго на нихъ прямымъ и косвеннымъ налогомъ. Такъ, люди умнѣютъ, но не очень быстро, къ несчастію; а во всякомъ случаѣ, еще очень далеко имъ до такой привычки понимать и помнить сущность дѣла, чтобы маловажна стала разница между прямымъ соприкосновеніемъ съ нею или отдаленіемъ ея отъ нашего вниманія скрывающими ее косвенными отношеніями. Впрочемъ дѣло не въ одномъ недостаткѣ экономическаго развитія: причина разницы лежитъ также и въ коренныхъ свойствахъ нашей природы: чувственное впечатлѣніе всегда должно дѣйствовать сильнѣе отвлеченнаго понятія, и какъ бы твердо ни зналъ я, что, покупая вещь, обложенную пошлиной, я плачу часть денегъ не за эту вещь, а за какой-нибудь государственный расходъ, я все-таки не буду чувствовать этого платежа въ казну такъ рѣзко, какъ при прямой уплатѣ сборщику налоговъ. Впрочемъ самъ Милль обнаруживаетъ незначительность своего перваго возраженія важностью, какую придаетъ второму возраженію: онъ говоритъ, что если бы вся сумма нынѣшняго англійскаго государственнаго дохода взималась прямыми налогами, люди не захотѣли бы жертвовать такою значительною частью своихъ средствъ:

Если бы нынѣшній англійскій бюджетъ, превышающій 60 милл. фунтовъ, весь доставлялся прямыми налогами, навѣрное возникло бы чрезвычайное недовольство тѣмъ, что приходится платить такъ много; а пока человѣческія мысли такъ мало руководятся разсудкомъ, какъ надобно заключать изъ подобной перемѣны ихъ отъ такой неважной причины, слишкомъ большое неудовольствіе на налоги могло бы имѣть и не хорошую сторону. Изъ 60 мил. англійскаго государственнаго дохода около 30 должны отдаваться по самымъ безспорнымъ обязательствамъ лицамъ, имущество которыхъ было занято и израсходовано государствомъ; а пока этотъ долгъ остается не уплаченъ, отъ слишкомъ усиленнаго недовольства огромностью налога являлась бы большая опасность нарушить данное обязательство, какъ по той же самой причинѣ нарушили его тѣ штаты сѣверной Америки, которые отреклись отъ своего государственнаго долга,—иные изъ нихъ отрекаются отъ него и до сихъ поръ. Та часть общественныхъ расходовъ, которая употребляется на содержаніе гражданскихъ и военныхъ учрежденій (то есть всѣ расходы кромѣ процентовъ государственнаго долга), дѣйствительно представляетъ большой просторъ для сокращеній. Но при такой значительной тратѣ доходовъ подъ пустыми предлогами, остаются неисполненными такъ много важнѣйшихъ правительственныхъ дѣлъ, что всѣ сбереженія отъ безполезныхъ расходовъ настоятельно нужны на полезные расходы. Воспитаніе,—лучшее и доступнѣйшее отправленіе правосудія,—эмиграція и колонизація,—всякія реформы, требующія вознагражденія частныхъ интересовъ, какъ освобожденіе невольниковъ,—или дѣло не менѣе важное, содержаніе достаточнаго числа способныхъ и образованныхъ людей на государственной службѣ, чтобы они вели законодательство и администрацію лучше нынѣшняго жалкаго порядка,—каждое изъ этихъ дѣлъ требуетъ значительныхъ расходовъ и многія изъ нихъ много разъ отлагались по нежеланію правительства просить у парламента увеличенія расходовъ, хотя расходы эти оплатились бы во сто разъ и чисто денежною выгодою отъ нихъ для всего общества. При увеличеніи общественнаго нерасположенія къ налогамъ отъ исключительнаго потребленія прямыхъ налоговъ, классы, получающіе себѣ выгоду отъ дурнаго расходованія государственныхъ денегъ, вѣроятно успѣли бы сохранить расходы для нихъ на счетъ расходовъ, полезныхъ только для публики.

Но сильнѣйшее возраженіе противъ взиманія всего государственнаго налога или большей половины его прямыми налогами—невозможность правильной раскладки ихъ безъ добросовѣстнаго содѣйствія платящихъ, на которое нельзя надѣяться при нынѣшнемъ низкомъ состояніи общественной нравственности; справедливость и разсчетъ одинаково не одобряютъ того, чтобы всѣ неравенства сосредоточивать на однихъ и тѣхъ же лицахъ, покрываніемъ всего или почти всего государственнаго расхода однимъ налогомъ.

Всмотримся точнѣе въ эти замѣчанія. Они касаются двухъ предметовъ. Первый предметъ—уплата процентовъ государственнаго долга. Они могутъ составить очень значительную статью расхода только въ такихъ государствахъ, которыя давно пользуются значительнымъ кредитомъ. А имъ пользуются только такія государства, въ которыхъ экономическая жизнь достигла довольно высокаго развитія. А въ такихъ государствахъ биржевое сословіе имѣетъ такую силу надъ обществомъ, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ всегда удержитъ его отъ нарушенія правилъ коммерческой честности. Что же касается слишкомъ сильныхъ внутреннихъ потрясеній, во время которыхъ бываютъ случаи государственнаго банкрот-

ства, эти переломы вызываются причинами болѣе значительными, чѣмъ разница прямого налога отъ косвеннаго, и она ничему тутъ ни повредить, ни пособить не можетъ. Но важно вліяніе, какое имѣла бы она на предотвращеніе подобныхъ взрывовъ, или, если взрывъ уже произошелъ, на его отклоненіе отъ насильственнаго уничтоженія государственныхъ долговъ. Какова бы ни была въ данное время величина государственнаго долга и какую бы часть расхода ни составляли его проценты, значеніе этихъ цифръ довольно быстро уменьшается въ странѣ, богатство которой ростетъ. Съ концомъ наполеоновскихъ войнъ населеніе Великобританіи удвоилось; цѣнность имущества, заключающагося въ ней, возросла по денежному счету въ три или четыре раза; сумма доходовъ, получаемыхъ населеніемъ страны, увеличилась на столько же. Изъ этого слѣдуетъ, что англійскій государственный долгъ и его проценты имѣютъ теперь для Англіи втрое меньшую реальную величину, чѣмъ какую имѣли при концѣ наполеоновскихъ войнъ, хотя денежная цифра ихъ остается почти прежняя. Значитъ, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ меньше становится опасность, что нація въ минуту общественнаго потрясенія захочетъ искать себѣ облегченія именно въ насильственномъ уничтоженіи государственнаго долга или платежа процентовъ на него, если только не будутъ возростать эти цифры отъ заключенія новыхъ долговъ. А чтобы не дѣлались лишніе новые долги, очень полезно было бы, когда бы англичане прямо чувствовали, какую тяжесть налагаетъ на нихъ каждый новый заемъ; а это гораздо виднѣе при прямыхъ налогахъ, чѣмъ при косвенныхъ.—Но заключеніе займовъ бываетъ лишь одною частною стороною финансоваго разстройства, которое, кромѣ долговъ, ведетъ и къ увеличенію налоговъ. Излишнее увеличеніе прямыхъ налоговъ замѣчается скорѣе и задерживается общественнымъ мнѣніемъ успѣшнѣе, чѣмъ такое же увеличеніе косвенныхъ. Слѣдовательно при прямыхъ налогахъ скорѣе удерживается и напрасная трата государственныхъ денегъ; значитъ, прямые налоги служатъ предохраненіемъ отъ финансоваго разстройства, которое служитъ причиною потрясеній.

Словомъ сказать, преобладаніе прямыхъ налоговъ не уменьшало бы, какъ думаетъ Милль, а, напротивъ, увеличивало бы прочность уплаты по денежнымъ обязательствамъ, лежащимъ на правительствѣ, оставляя менѣе простора ненужному возрастанію этихъ обязательствъ.

Точно также въ пользу прямыхъ налоговъ обращается и другое обстоятельство, выставляемое противъ нихъ Миллемъ. Дѣйствительно, есть очень много полезныхъ предметовъ, требующихъ значительнаго увеличенія государственнаго расхода на нихъ. Но это увеличеніе всегда можетъ совершаться въ желаемой степени безъ увеличенія общаго итога государственныхъ расходовъ, лишь бы только производимы были требуемыя государственною пользою сбереженія въ статьяхъ чрезмѣрнаго расхода,—статьяхъ, на которыя указываетъ самъ Милль. Этотъ чрезвычайно обильный источникъ сбереженія—военные расходы. Они почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ такъ велики, что всѣ остальные расходы, за исключеніемъ процентовъ государственнаго долга, едва равняются имъ. А между этими остальными расходами, конечно, есть очень многіе, которые также требу-

ютъ не увеличенія, а уменьшенія или по чрезмѣрности своей, или по совершенной безполезности. Изъ этого видимъ, что расходы на предметы дѣйствительно полезные могутъ быть увеличены въ нѣсколько разъ безъ увеличенія общей суммы расходовъ.

Всѣ выгоды, указываемыя въ косвенныхъ налогахъ, ничтожны предъ тѣмъ преимуществомъ прямого налога, что онъ никого не вводитъ въ заблужденіе, открыто обнаруживаетъ свою истинную величину, заставляетъ каждаго съ точностью знать степень своей легкости или обременительности.

Изъ косвенныхъ налоговъ теорія допускаетъ только налоги на предметы роскоши. По особенному характеру предметовъ, съ которыхъ взимаются, они имѣютъ такое внутреннее достоинство, которымъ далеко перевѣшивается неудобство косвенной формы взиманія. Если человѣкъ платитъ часть тѣхъ денегъ, которыя употребилъ на предметы необходимости или удобства, онъ подвергается извѣстному лишенію, и налогъ бываетъ съ его стороны болѣе или менѣе серьезнымъ пожертвованіемъ. Но ровно никакой невыгоды не терпитъ человѣкъ, если государство беретъ у него какую бы то ни было часть денегъ, предназначавшихся на предметы роскоши. Даже чувство тщеславія, служащее единственною причиною и цѣлью расходовъ на предметы роскоши, удовлетворяется совершенно въ одинаковой степени, хотя бы не брало правительство никакой части, или хотя бы брало большую половину изъ денегъ, имѣющихъ такое назначеніе. Потому, чѣмъ больше правительство возьметъ изъ нихъ, тѣмъ лучше, и такъ какъ при двойной формѣ взиманія, прямой и косвенной, можно взять больше, чѣмъ при одной прямой, то, слѣдовательно, кромѣ прямыхъ налоговъ на предметы роскоши, полезно существовать и косвеннымъ налогамъ на эти предметы. Вотъ изъ Милля отрывокъ, очень хорошо объясняющій сущность дѣла:

Налоги на предметы роскоши имѣютъ свойства, сильно говорящія въ ихъ пользу. Во-первыхъ, никакъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ они касаться лицъ, весь доходъ которыхъ употребляется на предметы необходимости, а ложатся на лица, расходующія на предметы роскоши то, что слѣдовало бы расходовать имъ на предметы необходимости. Во-вторыхъ, иногда они служатъ полезнымъ и единственно полезнымъ видомъ законовъ противъ роскоши. Я отвергаю всякій аскетизмъ и вовсе не желаю того, чтобы закономъ или общественнымъ мнѣніемъ отвлекались люди отъ удобствъ и удовольствій, къ которымъ влекутся неподдѣльною наклонностью къ извѣстному удобству или удовольствію (лишь бы оно было совмѣстно со средствами и обязанностями пользующагося имъ лица); но почти во всѣхъ странахъ значительная часть, а въ Англіи огромнѣйшая доля расхода, дѣлаемаго высшимъ и среднимъ классами, дѣлается не ради удовольствія, доставляемаго вещами, на которыя расходуются деньги, а въ угожденіе общему мнѣнію и той мысли, что оно ждетъ отъ человѣка въ извѣстномъ положеніи извѣстныхъ расходовъ, какъ принадлежности его положенія: а я непоколебимо думаю, что такой расходъ всего лучше подвергать налогу. Если налогъ отбиваетъ охоту отъ него, это полезно; а если и не отбиваетъ,—вреда нѣтъ, потому что никому не бываетъ убытка отъ тѣхъ налоговъ, которые взимаются съ предметовъ, бывающихъ цѣлью желанія и пріобрѣтенія по такимъ побужденіямъ. Когда вещь покупается не сама

за себя, а за свою дороговизну, то дешевизна напрасна. По справедливому замѣчанію Сисмонди, когда предметы тщеславія удешевляются, результатъ бываетъ не тотъ, что уменьшается расходъ на такіе предметы, а то, что удешевившійся предметъ покупщики замѣняютъ другимъ, болѣе дорогимъ предметомъ, или изысканнѣйшимъ сортомъ того же предмета; а прежній сортъ точно такъ же удовлетворялъ тщеславію, когда былъ дорогъ; стало быть налогъ на этотъ предметъ не ложится въ сущности ни на кого: онъ создаетъ государству доходъ безъ убытка кому бы то ни было. „Если предположить, что брильянты можно было бы получать изъ одной и отдаленной мѣстности, и жемчугъ такъ же изъ одной, и что по естественнымъ причинамъ добываніе рудокопнаго продукта въ первой странѣ и добываніе рыболовнаго продукта во второй стало вдвое труднѣе, результатъ былъ бы лишь тотъ, что черезъ нѣсколько времени для обозначенія извѣстной пышности и важности достаточна сдѣлалась бы половина того количества брильянтовъ и жемчуга, какое было нужно для этого прежде. На полученіе этой половины нужна стала бы такая же сумма другаго товара (то есть, въ послѣднемъ анализѣ, такая же сумма труда), какая прежде нужна была на вдвое большее количество. Если бы трудность произведена была законодательными правилами, половина прежняго количества точно такъ же удовлетворяла бы тщеславію“. Предположимъ, что найдено средство по произволу вызывать физіологическій процессъ, отъ котораго рождается жемчугъ, такъ что отъ этого добываніе каждой жемчужины стало бы стоить въ 500 разъ меньшаго труда. „Окончательный результатъ этой перемѣны зависѣлъ бы отъ того, свободна или несвободна ловля раковинъ. Если она совершенно свободна, то есть жемчугъ получается просто за стоимость труда ловли его, нитка жемчуга покупалась бы за нѣсколько пенсовъ; потому бѣднѣйшій классъ общества могъ бы наряжаться въ жемчугъ. Жемчугъ скоро сталъ бы чрезвычайно вульгаренъ, вышелъ бы изъ моды и наконецъ потерялъ бы всякую цѣнность. Но если предположить, что ловля раковинъ не свободна, а присвоена правительству, и что оно можетъ отвратить всякую контрабандную ловлю на томъ единственномъ мѣстѣ, гдѣ добывается жемчугъ, то по мѣрѣ развитія новооткрытаго способа правительство могло бы облагать жемчугъ пошлиною, соразмѣрною уменьшенію труда, нужнаго на его добываніе. Тогда жемчугъ продолжалъ бы цѣниться попрежнему. Собственная красота его осталась бы прежняя. Трудность его полученія была бы иного рода, чѣмъ прежде, но велика попрежнему, и оттого жемчугъ по прежнему служилъ бы для обозначенія пышности носящихъ его“. Чистый доходъ, доставляемый такимъ налогомъ, „не стоилъ бы обществу ничего. Если бы не было злоупотребленій въ его примѣненіи, онъ былъ бы весь чистою прибавкою къ общественнымъ средствамъ“. Rae, New Principles of Political Economy, стр. 369—371.

Всѣ другіе косвенные налоги далеко уступаютъ въ экономическомъ достоинствѣ прямымъ налогамъ, такъ что теорія собственно должна была бы предлагать совершенную замѣну ихъ прямыми. Но въ нынѣшней практикѣ непреоборимымъ затрудненіемъ къ тому представляется размѣръ бюджета. Въ Англіи, напримѣръ, количество доходовъ, подлежащихъ прямому налогу, простирается до 300 милліоновъ фунтовъ: а бюджетъ расходовъ превышаетъ 60 милліоновъ фунтовъ. Значитъ, если бы покрывать расходъ только прямыми налогами, пришлось бы прямо требовать около 20% пожертвованія въ казну отъ каждаго платящаго нынѣ налогъ съ дохода. Во Франціи пропорція пожертвованія была бы, вѣроятно, еще больше, потому что доходы, превышающіе minimum, который надобно освобождать отъ пря-

мого налога, составляютъ во Франціи бо́льшую пропорцію общей массы національныхъ доходовъ, чѣмъ въ Англіи. Очень сомнительно, чтобы столь значительную часть дохода можно было взять однимъ пріемомъ. Не говоримъ уже о чрезвычайномъ сопротивленіи, которое встрѣтила бы во всѣхъ богатыхъ людяхъ реформа, замѣняющая однимъ падающимъ большею частію на нихъ налогомъ огромное количество нынѣшнихъ налоговъ, при которыхъ $^3/_4$ государственнаго бюджета, или больше, взимаются съ людей недостаточныхъ и совершенно бѣдныхъ; безъ чрезвычайныхъ событій, дающихъ экстренную силу народнымъ мыслямъ, едва ли возможно побѣдить это сопротивленіе. Но положимъ, что оно побѣждено: предположимъ случай еще менѣе вѣроятный, что за подобнымъ потрясеніемъ не послѣдуетъ реакція, которая по обыкновенію уничтожитъ большую часть сдѣланнаго во время напряженія народной энергіи. Все-таки очень трудно предположить, что богатые классы, при нынѣшнемъ порядкѣ своей жизни, могли бы исправно уплачивать налогъ, равняющійся $^1/_5$ или $^1/_6$ части всего ихъ дохода. Извѣстно, что хозяйство богатыхъ людей рѣдко идетъ хорошимъ порядкомъ: обыкновенно оно обременено долгами; обыкновенно поглощаются требованіями кредиторовъ или „необходимымъ“ мотовствомъ деньги, попадающія въ руки богачу, такъ-что онъ почти всегда самъ сидитъ безъ денегъ. При подобномъ безпорядкѣ требованіе огромнаго налога тотчасъ повело бы къ неоплатнымъ недоимкамъ и продажамъ съ аукціона. Реформа въ системѣ налоговъ, вытекающая изъ принциповъ экономической науки, повела бы къ совершенному перевороту всѣхъ существующихъ отношеній и результатомъ ея были бы только безпрестанныя потрясенія.

Словомъ сказать, вопросъ о налогахъ послѣдовательнымъ образомъ разрѣшается въ тотъ выводъ, что удовлетворительное его рѣшеніе невозможно при существующемъ бытѣ. И мы имѣемъ передъ собою два заключенія: пока этотъ бытъ не будетъ существенно преобразованъ, поневолѣ приходится допускать множество налоговъ, рѣшительно отвергаемыхъ наукою; такъ дѣлаетъ и Милль. Кромѣ прямого налога съ дохода, кромѣ налога съ квартиръ, кромѣ спеціальнаго налога на ренту и кромѣ налога на предметы роскоши, онъ принимаетъ и таможенныя пошлины, и внутренніе акцизы съ предметовъ первой необходимости, и пошлины съ торговыхъ сдѣлокъ и т. д. Видя невозможность желать, чтобы система налоговъ была хороша, онъ желаетъ только, чтобы она не была чрезмѣрно дурна. Другое заключеніе—то самое, къ какому приводилъ насъ и всякій другой частный вопросъ: должны измѣниться самыя основанія экономическаго быта.

В. Національный долгъ.

(Милль, кн. V, гл. VII).

Почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ національный долгъ достигъ такой величины, что уже одна уплата процентовъ его составляетъ очень обременительную статью государственнаго расхода. Если, напримѣръ, взять бюджеты четырехъ великихъ державъ: Великобританіи, Франціи, Россіи и Австріи за 1859 годъ, то мы увидимъ, что вся сумма государствен-

наго дохода этихъ четырехъ правительствъ составляетъ около 1,300 милліоновъ рублей серебромъ, и на уплату процентовъ по ихъ долгамъ, простирающимся почти до 11,000 милліоновъ рубл. сер., идетъ около 450 милліоновъ рублей, т. е. нѣсколько болѣе цѣлой трети всего дохода. За исключеніемъ расходовъ на военныя силы, поглощающихъ столько же денегъ, ни одинъ изъ остальныхъ предметовъ государственнаго расхода не имѣетъ важной величины сравнительно съ этими двумя статьями, да и всѣ вмѣстѣ эти остальные расходы составляютъ только 400 милліоновъ рублей. Понятно послѣ этого, что публицисты, желающіе уменьшенія налоговъ, думаютъ больше всего объ уменьшеніи расходовъ на войско и на проценты государственнаго долга.—Соображенія о военныхъ реформахъ для уменьшенія расходовъ на армію и флотъ переходятъ за границы спеціальнаго экономическаго изслѣдованія, находясь въ зависимости отъ другихъ политическихъ наукъ и отъ теоріи военнаго дѣла. Но задача, представляемая государственнымъ долгомъ, принадлежитъ почти исключительно политической экономіи.

Прежде всего спрашивается: дозволяетъ ли здравая теорія государству, неимѣющему долга, входить въ долгъ, или имѣющему долгъ увеличивать его? Разумѣется, дѣло тутъ идетъ не о небольшихъ займахъ, являющихся только отсрочкою дѣйствительныхъ уплатъ на нѣсколько мѣсяцевъ, каковы внутренніе займы, дѣлаемые, напримѣръ, англійскимъ правительствомъ черезъ выпускъ такъ называемыхъ билетовъ государственнаго казначейства, которые выкупаются черезъ годъ, много черезъ два года, и никогда не составляютъ огромныхъ суммъ. Если въ извѣстномъ году явился непредвидѣнный излишекъ расхода, который въ слѣдующемъ году будетъ покрытъ излишкомъ обыкновеннаго дохода, не стоитъ учреждать для небольшихъ надобностей одного года особенный налогъ. Рѣчь идетъ о займѣ огромныхъ суммъ, уплаты которыхъ нельзя предвидѣть въ скоромъ времени,—о тѣхъ займахъ, которые до сихъ поръ обращались въ вѣчный долгъ.

Надобно начать съ того, что заключеніе государственнаго займа обыкновенно вовсе не уменьшаетъ суммы пожертвованій, дѣйствительно взимаемыхъ отъ націи въ годъ заключенія займа, вовсе не составляетъ для націи никакой отсрочки въ платежѣ суммы расхода, дѣлаемаго на заемъ. Чтобы оказалось это яснымъ и безспорнымъ, надобно только проникнуть сквозь формальность денежныхъ разсчетовъ до реальной сущности происходящаго тутъ дѣла. Положимъ, что въ 1815 году Англія для низверженія возвратившагося съ Эльбы Наполеона должна была выставить лишнихъ 100,000 войска и 100 военныхъ кораблей, и употребить извѣстное лишнее количество свинцу, пороха и т. д. Положимъ, что пріобрѣтеніе этихъ военныхъ матеріаловъ и содержаніе этихъ людей, превышавшихъ обыкновенную норму, стоило ей 50 милліоновъ фунтовъ сверхъ обыкновеннаго расхода, покрывавшагося обыкновеннымъ доходомъ. Въ чемъ дѣйствительно состоялъ этотъ лишній расходъ, формально или отвлеченно выражаемый денежнымъ счетомъ? Дѣйствительно онъ состоялъ вотъ въ чемъ. Взято 100,000 работниковъ отъ земледѣльческаго, ремесленнаго и фабрич-

наго производства на военную службу. По этому обстоятельству осталось не произведено въ 1815 г., сравнительно съ обыкновенными годами, нѣкоторое количество продуктовъ,—милліонъ квартеровъ пшеницы, 100,000 кусковъ сукна, и такъ далѣе, и такъ далѣе; этотъ недочетъ уменьшилъ для англійской націи норму продовольствія всѣми продуктами, въ которыхъ оказался. Но однимъ этимъ не ограничилось дѣло. 100,000 работниковъ, которые безъ войны увеличили бы своими продуктами сумму національнаго продовольствія, теперь должны были сами содержаться продуктами остальныхъ національныхъ работниковъ, изъ продукта которыхъ взято на содержаніе этихъ 100,000 человѣкъ извѣстное количество хлѣба, сукна и такъ далѣе. Кромѣ того, нужно было для ихъ военныхъ дѣйствій остальнымъ работникамъ произвести извѣстное лишнее количество кораблей, свинцу, пороха и такъ далѣе. На эти работы было отвлечено извѣстное количество остававшихся работниковъ, которые иначе производили бы продукты для продовольствія. Если мы хотимъ наглядно сообразить перемѣну, произошедшую отъ того въ балансѣ англійскаго хозяйства, мы не поскучаемъ просмотрѣть слѣдующую выкладку.

По нашему обыкновенію, переведемъ всѣ предметы продовольствія въ одинъ счетъ на пшеницу; точно также переведемъ всѣ виды поглощенныхъ войною военныхъ матеріаловъ въ одинъ счетъ, напримѣръ, на порохъ.

Положимъ, что каждый работникъ производитъ 10 квартеровъ пшеницы или 1 тонну пороха. Положимъ, что Англія въ данное время имѣла милліонъ людей способныхъ къ работѣ. Положимъ, что въ мирное время ей было нужно содержать 50,000 войска и потреблять сумму военныхъ припасовъ, равнявшуюся 50,000 тоннъ пороха. Балансъ англійскаго хозяйства въ мирный годъ будетъ у насъ таковъ:

50,000 солдатъ и 50,000 работниковъ, занятыхъ приготовленіемъ военныхъ матеріаловъ, не производятъ ничего для національнаго продовольствія; напротивъ, на ихъ собственное продовольствіе должно быть взято изъ продукта остальныхъ работниковъ по 10 квартеровъ пшеницы, т. е. . . . . 1,000,000 квартеровъ.

Остаются 900,000 производительныхъ работниковъ, продуктъ которыхъ, по 10 квартеровъ отъ труда каждаго, составляетъ . . . . . 9,000,000 „

Изъ этого продукта на содержаніе военныхъ силъ надобно взять, какъ мы видѣли, 1,000,000 квартеровъ, и на продовольствіе каждаго производительнаго работника остается по . . . . . 8,8888 „

Посмотримъ теперь балансъ военнаго года, предположивъ, что понадобилось удвоить количество солдатъ и утроить приготовленіе военныхъ матеріаловъ.

100,000 солдатъ и 150,000 работниковъ, занятыхъ приготовленіемъ военныхъ матеріаловъ, не производятъ ничего для національнаго продовольствія;

напротивъ, на ихъ собственное продовольствіе должно быть взято изъ продукта остальныхъ работниковъ по 10 квартеровъ пшеницы, то есть . . . . 2,500,000 квартеровъ.

Остаются 7,500,000 производительныхъ работниковъ, продуктъ которыхъ, по 10 квартеровъ отъ труда каждаго, составляетъ . . . . . 7,500,000 „

Изъ этого продукта на содержаніе военныхъ силъ надобно взять, какъ мы видѣли, 2,500,000 квартеровъ, и на продовольствіе производительныхъ работниковъ остается 5,000,000 квартеровъ, т. е. на каждаго производительнаго работника . . . . . 6,6666 „

Сличимъ теперь эти цифры. Въ мирный годъ отвлекалась отъ производства продовольствія одна десятая часть рабочихъ силъ націи; а въ военный годъ отвлекается цѣлая четвертая часть этихъ силъ. Отъ этого въ военный годъ производится только 7,500,000 квартеровъ пшеницы, между тѣмъ какъ въ мирный годъ производилось 9,000,000, и въ массѣ населенія на каждаго остается въ военный годъ только $6^2/_3$ квартеровъ, а въ мирный годъ оставалось $8^8/_9$ квартеровъ. Такимъ образомъ сумма лишняго пожертвованія, дѣлаемаго націею въ военный годъ, простирается до 1,500,000 квартеровъ пшеницы, и каждый изъ мирныхъ гражданъ въ эту сумму пожертвованія отдаетъ $2^2/_9$ квартера пшеницы изъ прежнихъ $8^8/_9$ квартеровъ, т. е. отдаетъ четвертую долю своего прежняго продовольствія.

Вотъ въ этихъ перемѣнахъ и недочетахъ и состоитъ реальное пожертвованіе; никакимъ образомъ нельзя отсрочить его съ военнаго года на слѣдующіе годы, потому что именно въ этотъ годъ происходитъ все отвлеченіе рабочихъ рукъ, все уменьшеніе суммы продовольствія, все непроизводительное потребленіе. А чрезъ какую форму будутъ произведены эти недочеты и взяты эти пожертвованія, для реальной сущности дѣла все равно. Чтобы яснѣе было для насъ это заключеніе, посмотримъ, какими формами произойдетъ обременительная перемѣна при налогѣ и при займѣ.

Мы знаемъ, что при денежномъ хозяйствѣ экономическія дѣйствія производятся черезъ посредство покупательной силы, сосредоточиваемой въ деньгахъ. Что нужно государству по реальной сущности дѣла? Ему нужно для наличныхъ военныхъ расходовъ количество продуктовъ и работъ, равняющееся 1,500,000 квартеровъ пшеницы, сверхъ обыкновенной его нужды, простиравшейся до 1,000,000 квартеровъ. Положимъ, что квартеръ пшеницы стоитъ 10 руб. сер. Итакъ, въ мирный годъ государству нужно 10,000,000 руб. доходу. Если экстренный военный расходъ покрывается установленіемъ налога, съ каждаго гражданина прямо берется нужное количество денегъ, такъ чтобы новый налогъ принесъ государству лишніе 15,000,000 руб. сер. на покупку 1,500,000 квартеровъ пшеницы.

Если же не устанавливается налогъ, а получаются эти 15,000,000 руб. посредствомъ займа, они все-таки употребляются точно также на отвлеченіе рабочихъ рукъ и покупку пшеницы.

Такимъ образомъ между дѣйствіемъ займа и дѣйствіемъ налога во время военнаго года нѣтъ никакой разницы. Разница относится только къ

слѣдующимъ мирнымъ годамъ. Если лишній расходъ былъ сдѣланъ посредствомъ налога, налогъ отмѣняется по окончаніи военнаго года и нація переходитъ къ мирному состоянію, не имѣя на себѣ остатковъ перенесеннаго пожертвованія. Если же расходъ былъ сдѣланъ посредствомъ займа, на націи остается долгъ и обязанность платить проценты. Этотъ остатокъ составляетъ совершенно лишнее обремененіе для слѣдующихъ лѣтъ.

Мы говорили о займахъ, производимыхъ на войну, потому что таковъ источникъ почти всей массы государственныхъ долговъ. Но если заемъ дѣлается и не для содержанія военныхъ силъ, а для какихъ нибудь другихъ дѣлъ, хотя бы самыхъ производительныхъ и полезныхъ, невыгода его передъ налогомъ остается все та же. Словомъ сказать, какого бы рода ни былъ экстренный расходъ, представляющійся нужнымъ государству, для націи всегда гораздо менѣе обремененія будетъ, если онъ будетъ произведенъ посредствомъ налога, а не займа.

Мы вовсе не о томъ говоримъ, что не можетъ представляться основательной надобности въ экстренныхъ расходахъ. Не упоминая уже о расходахъ на дѣла всегда полезныя по своей сущности, на какія нибудь реформы или улучшенія, нельзя забывать, что бываютъ иногда и войны, совершенно оправдываемыя экономическимъ разсчетомъ. Таковы войны на защиту или возвращеніе національной независимости. Мы только говоримъ что если дозволительно по разсудку и по экономическому разсчету произвести экстренный расходъ, то всегда лучше бываетъ собрать средства для него не займомъ, а налогомъ.

Разумѣется, бываютъ разные роды займа, какъ бываютъ разные роды налога, и нѣкоторые изъ нихъ болѣе обременительны для націи, чѣмъ другіе. Но мѣсто не дозволяетъ намъ здѣсь вдаваться въ эти подробности, которыя впрочемъ теряютъ значительную часть своей важности для теоретическаго изслѣдованія, если мы твердо убѣдимся въ общей невыгодности самаго принципа замѣнять налогъ займомъ. Теорія говоритъ, что займовъ не слѣдуетъ заключать; послѣ этого, какую степень серьезности могли бы имѣть разсужденія о томъ, въ какихъ обстоятельствахъ и въ какомъ размѣрѣ можно заключать займы?

Теорія можетъ говорить безъ нарушенія собственныхъ принциповъ только о долгахъ уже сдѣланныхъ, какъ о результатѣ ошибочнаго взгляда, какъ о слѣдствіи фактовъ, которыхъ не слѣдуетъ повторять, а которые надобно по возможности исправлять. Слѣдуетъ ли и можно ли государству заботиться объ освобожденіи себя отъ долга, если оно по несчастію уже обременено имъ? Къ сожалѣнію, и тутъ, какъ во многихъ другихъ предметахъ, самый тотъ фактъ, что люди разсуждаютъ о пользѣ или возможности отстранить зло, служитъ доказательствомъ трудности справиться съ этимъ зломъ. Есть государства, у которыхъ долгъ невеликъ, такъ что возможность заплатить его не подлежитъ сомнѣнію. Напримѣръ, по бюджету Швейцаріи за 1860 годъ государственный долгъ простирался 10,000,000 франковъ, между тѣмъ какъ доходы простирались до 16,000,000 франковъ, а расходы были нѣсколько меньше. Конечно Швейцарія легко могла уплатить свой долгъ. Но не у такихъ націй возникаютъ вопросы объ уплатѣ

его, потому что Швейцарія безъ всякихъ споровъ хочетъ уплатить и уплатитъ свой долгъ. Вопросы объ этомъ предметѣ очень занимаютъ публицистовъ только такихъ государствъ, какъ Англія, у которой государственный долгъ въ одиннадцать или двѣнадцать разъ превышаетъ собою сумму годичнаго дохода, на половину поглощаемаго одною уплатою процентовъ, или такихъ государствъ, какъ Франція, въ которой долгъ уже возросъ до величины, въ шесть разъ превышающей сумму дохода, и съ каждымъ годомъ быстро ростетъ, такъ что при продолженіи подобнаго порядка дѣлъ скоро превыситъ собою долгъ самой Англіи. Вотъ для такихъ государствъ интересно узнать, должны ли и могутъ ли избавиться они отъ этой обременяющей ихъ тяжести. Но тутъ съ перваго же взгляда видно, что избавиться имъ отъ нея очень тяжело.

Представимъ себѣ человѣка, который, получая 1,000 рублей дохода, имѣетъ на себѣ 12,000 долга,—таково положеніе Англіи. Представимъ себѣ человѣка, который, получая 1,000 рублей дохода, имѣетъ на себѣ 6,000 руб. долга и съ каждымъ новымъ годомъ увеличиваетъ его на нѣсколько сотъ рублей, — таково нынѣшнее положеніе Франціи. Ясно, что эти люди не могутъ уплатить своего долга иначе, какъ прибѣгнувъ къ геройскимъ средствамъ.

Такихъ средствъ существуетъ—три очень быстрыхъ и одно довольно медленное. Два изъ трехъ быстрыхъ средствъ имѣютъ своихъ многочисленныхъ приверженцевъ; къ сожалѣнію, малочисленны серьезные приверженцы медленнаго средства, потому что оно требуетъ труднаго самообладанія.

Первое быстрое средство—государственное банкротство. Разсуждать о его дозволительности или недозволительности мы не будемъ, потому что нѣтъ людей, формальнымъ образомъ защищающихъ его. За то очень часты въ западной Европѣ примѣры, что государствами управляли люди, не заботившіеся на практикѣ объ отстраненіи отношеній, изъ которыхъ оно необходимо вытекало. Если долги ростутъ среди обыкновенныхъ обстоятельствъ, или ходъ исторіи ведется такъ, что постоянно выказываются экстренныя обстоятельства, увеличивающія долгъ, правительство идетъ къ банкротству. Но это, какъ мы сказали, дѣло практики, а не теоріи; исторической практикѣ, а не экономической теоріи, принадлежитъ и отысканіе средствъ къ избѣжанію такой развязки.

Другое быстрое средство — установить нѣчто въ родѣ всеобщей контрибуціи для погашенія долга. Милль довольно подробно занимается проектами такой развязки дѣла, доказывая несправедливость одного и непрактичность другаго способа совершить ее. Первый способъ состоитъ въ томъ, чтобы раскладка долга была произведена исключительно по размѣру имущества или доходовъ съ имущества. Проценты англійскаго долга простираются приблизительно до 30,000,000 фунтовъ. Доходы съ имущества, принадлежащаго англійскимъ собственникамъ, простираются до 300,000,000 фунтовъ. Такимъ образомъ, еслибы парламентъ, поддерживаемый общественнымъ мнѣніемъ, пришелъ къ требуемому убѣжденію, онъ опредѣлилъ бы, что государство установляетъ единовременный налогъ на всѣ имущества, равняющійся $^1/_{10}$ всякой собственности. Доля эта была бы

передана государственнымъ кредиторамъ. Прежніе собственники ничего не потеряли бы отъ этого пожертвованія, когда, по уплатѣ государственнаго долга, были бы отмѣнены взимавшіеся съ нихъ налоги въ размѣрѣ, равномъ тому доходу, какой получали они съ части имущества, пошедшей на уплату долга. Напротивъ, они даже могли бы выиграть, потому что государство получило бы возможность отмѣнить налоговъ на сумму больше той, какая требовалась уплатою процентовъ: взиманіе денегъ, шедшихъ на уплату процентовъ, требовало значительнаго расхода, т. е. дополнительныхъ налоговъ, надобность въ которыхъ теперь также устранилась бы. Лицо, получающее нынѣ 10,000 фунтовъ доходу и платящее 1,000 фунтовъ налога на уплату процентовъ и 200 фунтовъ дополнительнаго налога на издержки по этому сбору, потеряло бы 1,000 фунтовъ дохода, за то было бы избавлено отъ налоговъ на 1,200 фунтовъ; значитъ, въ сущности выиграло бы 200 фунтовъ въ чистомъ ежегодномъ своемъ доходѣ. Но Милль думаетъ, что возложить уплату всего долга на имущество было бы несправедливо: часть уплаты слѣдовало бы, по его мнѣнію, возложить и на людей, неимѣющихъ собственности, живущихъ со дня на день платою за трудъ. Онъ говоритъ, что вѣдь и эти люди очень многимъ обязаны труду предшествующихъ поколѣній, слѣдовательно, получивъ отъ нихъ многое, не должны быть совершенно избавлены и отъ обязанности принять на себя часть долга, оставленнаго прошедшимъ. Для насъ такое заключеніе кажется не совсѣмъ логичнымъ. Милль говоритъ: наслѣдники прошедшаго не одни люди, получившіе матеріальное наслѣдство; они только получили еще особенное наслѣдство, кромѣ общаго всѣмъ членамъ націи умственнаго и нравственнаго наслѣдства. Такъ; но мы прибавляемъ: и долги, оставленные прошедшимъ, состоятъ не изъ одного матеріальнаго долга, по которому платятся денежные проценты. Если называть наслѣдствомъ техническое и теоретическое знаніе, хорошія учрежденія, хорошіе обычаи и такъ далѣе, то слѣдуетъ признать нематеріальнымъ долгомъ предразсудки, общественные недостатки и тому подобные отрицательные факты, переданные нынѣшнему поколѣнію предками. Тяжесть этого долга достаточно несутъ на себѣ и люди, не получавшіе матеріальнаго наслѣдства. Итакъ, кто получилъ только нематеріальное наслѣдство, долженъ считаться сонаслѣдникомъ и долга также только нематеріальнаго. А матеріальный долгъ связанъ исключительно съ матеріальнымъ наслѣдствомъ. Потому нѣтъ ничего несправедливаго въ мысли, чтобы онъ былъ выплаченъ только изъ матеріальнаго имущества.

Но Милль, какъ мы сказали, отвергаетъ такой взглядъ, и уплата долга единовременною раскладкою кажется ему справедливою лишь въ томъ случаѣ, если раскладка будетъ произведена и на людей, не владѣющихъ имуществомъ. А въ такомъ случаѣ, по справедливому его замѣчанію, планъ уплаты рушится. Люди, живущіе не доходомъ съ имущества, не имѣютъ средствъ уплатить той части капитала, потребовать которую пришлось бы съ нихъ. Они въ состояніи платить только проценты, потому что имѣютъ только доходъ, не имѣя капитала.

Мы сказали, что не находимъ надобности искать этого втораго не-

возможнаго способа уплаты, признавая справедливымъ первый способъ, не представляющій физической невозможности. Но мы не полагаемъ, чтобы когда нибудь осуществился и онъ. Его принятіе требуетъ такой твердой привычки къ точнымъ экономическимъ соображеніямъ и такой настойчивости въ общественномъ мнѣніи, что гораздо раньше, нежели достигнетъ общество подобной высоты экономическаго знанія и благоразумія, пересоздадутся всѣ черты нынѣшняго быта учрежденіями, для которыхъ достаточно и гораздо меньшее усиліе здраваго экономическаго смысла: а еще гораздо раньше того погасятся государственные долги постепеннымъ преобразованіемъ бюджета. Однако же прежде, чѣмъ будемъ мы говорить о постепенномъ погашеніи государственнаго долга, намъ надобно сказать о третьемъ способѣ быстрой уплаты его.

Этотъ способъ имѣетъ и въ теоріи, не только на практикѣ, столь же многочисленныхъ приверженцевъ, какъ банкротство имѣетъ ихъ только на практикѣ. Онъ состоитъ въ продажѣ государственнаго имущества. Рутинные политико-экономы очень любятъ рекомендовать такое средство; къ нимъ присоединяется на этотъ разъ и Милль. Мы не станемъ говорить о томъ, что есть страны, въ которыхъ у государства уже не осталось значительной собственности, все продано или отдано въ частныя руки, такъ что жалкіе остатки слишкомъ ничтожны сравнительно съ суммою государственнаго долга. Но если взять и такую страну, въ которой еще сохранилась у государства собственность, превышающая долгъ, все-таки нельзя согласиться на мѣру, о которой мы говоримъ. Мы не будемъ выставлять здѣсь соображеній, основанныхъ на преданности взгляду, несогласному съ господствующею теоріею. Приведемъ только два замѣчанія, вытекающихъ изъ нея самой. Во-первыхъ, быстрая продажа огромнаго количества государственной собственности уронила бы цѣну частной собственности, потрясла бы весь существующій хозяйственный бытъ, разорила бы одну половину и обѣднила бы другую половину всѣхъ прежнихъ владѣльцевъ недвижимой собственности; а при такомъ упадкѣ цѣнъ и сама государственная собственность шла бы въ продажу по цѣнѣ слишкомъ неразсчетливой для государства. Чтобы осязательнѣе былъ этотъ выводъ, представимъ себѣ совершеніе подобнаго факта въ маленькой сферѣ. Вообразимъ себѣ, что правительству принадлежитъ третья или четвертая часть всѣхъ домовъ какого нибудь города и что оно вздумало въ короткое время продать всѣ эти дома. Каково отзовется эта мѣра на всѣхъ частныхъ домовладѣльцахъ города? Тѣ изъ нихъ, дома которыхъ были въ залогѣ, совершенно разорятся: цѣна ихъ имущества окажется недостаточной на уплату долга. Всѣ другіе домовладѣльцы увидятъ свои дома потерявшими болѣе половины прежней цѣны. А правительство не получитъ за свои дома и третьей доли нормальной ихъ цѣны.

Другое замѣчаніе состоитъ въ томъ, что цѣна и рента земли быстро ростетъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, а съ особенною быстротою ростетъ въ странахъ малонаселенныхъ, въ которыхъ однѣхъ и сохраняются значительныя массы государственной собственности. Наоборотъ, величина процентовъ по денежнымъ долгамъ имѣетъ тенденцію падать. Такимъ об-

разомъ продажа государственной собственности на выкупъ государственнаго долга означала бы отказъ отъ постоянно возрастающей статьи дохода для уничтоженія постоянно уменьшающейся статьи расхода.

Такимъ образомъ, изъ трехъ быстрыхъ средствъ къ уничтоженію долга два должны быть отвергаемы теоріею, а третье требуетъ такой энергіи и распространенности здравыхъ понятій, что нельзя надѣяться на его успѣхъ въ близкомъ будущемъ, а съ теченіемъ времени надобность въ немъ будетъ устранена реформами болѣе существенными и, однако же, болѣе легкими. Остается разсмотрѣть медленный способъ, принять который вовсе не трудно, но трудно выдержать съ продолжительнымъ постоянствомъ, котораго онъ требуетъ. Этотъ способъ—знаменитая система погашенія государственныхъ долговъ постепеннымъ выкупомъ ихъ облигацій на излишекъ, остающійся отъ обыкновенныхъ доходовъ.

Въ государствахъ, подобныхъ французскому или австрійскому, не можетъ быть серьезной рѣчи объ употребленіи излишковъ дохода на выкупъ долга, потому что, вмѣсто излишковъ, обыкновенно тамъ бываетъ дефицитъ, требующій новыхъ займовъ. Но есть государства, пользующіяся болѣе хорошимъ финансовымъ управленіемъ. Въ нихъ постоянно образуется излишекъ доходовъ надъ расходами по общему экономическому закону, говорящему, что необходимыя издержки на управленіе дѣломъ возрастаютъ въ меньшей пропорціи, чѣмъ расширяется размѣръ дѣла, т. е. и доходъ отъ него. Благодаря экономическому прогрессу, возростанію населенія и богатства, общему Англіи съ другими передовыми странами, сумма, доставляемая каждымъ существующимъ налогомъ, увеличивается въ Англіи довольно быстро, а издержки по дѣламъ, которыми продолжаетъ правительство заниматься въ прежнемъ размѣрѣ, увеличиваются гораздо медленнѣе, благодаря отсутствію чрезмѣрной наклонности къ мотовству. Какое же употребленіе надобно давать излишку доходовъ, образующемуся при этомъ благоразумномъ управленіи? Употребленіе для него можно найти троякое: во-первыхъ, онъ можетъ быть обращенъ на улучшеніе такихъ отраслей жизни, которыми прежде не могло въ надлежащей мѣрѣ заниматься правительство по недостатку средствъ; во-вторыхъ, этотъ излишекъ даетъ возможность постепенно отмѣнять или уменьшать неудобнѣйшіе или обременительнѣйшіе изъ прежнихъ налоговъ; въ третьихъ, наконецъ, можно обратить его на выкупъ части государственнаго долга. Милль имѣетъ въ виду выборъ только между вторымъ и третьимъ назначеніями, забывая на этотъ разъ о первомъ. Но вопросъ о сравнительныхъ преимуществахъ втораго и третьяго назначенія онъ излагаетъ очень вѣрно.

Само по себѣ безспорно то, что полезно сохранять излишекъ доходовъ для постепеннаго выкупа государственнаго долга. Но, продолжаетъ онъ,—не во всякихъ обстоятельствахъ хорошо оставлять излишекъ дохода на уплату долга. Напримѣръ, для Англіи выгода отъ уплаты національнаго долга та, что она дала бы намъ возможность избавиться отъ худшей половины нашихъ нынѣшнихъ налоговъ. Но въ этой худшей половинѣ, конечно, есть части, которыя еще хуже другихъ, и избавиться отъ нихъ было бы, сравнительно говоря, полезнѣе, чѣмъ избавиться отъ остальныхъ. Если, отказавшись отъ излишка дохода, мы могли бы обойтись безъ какого нибудь налога, то

мы должны считать, что именно тотъ изъ нашихъ налоговъ, который хуже всѣхъ, сохраняется нами для того, чтобы наконецъ отмѣнить налоги, не столь дурные, какъ онъ. Въ странѣ, богатство которой увеличивается и возростаніе доходовъ даетъ возможность отъ времени до времени отбрасывать неудобнѣйшія части своей системы налоговъ, возростаніемъ дохода по моему лучше пользоваться для отмѣненія налоговъ, чѣмъ для ликвидаціи долга, пока остаются какіе нибудь очень дурные налоги. Потому я считаю при нынѣшнемъ положеніи Англіи хорошимъ правительственнымъ разсчетомъ, при появленіи излишка, кажущагося немимолетнымъ, отмѣнять налоги, лишь бы налоги эти выбирались вѣрно. Да и когда остаются уже только такіе налоги, которые годятся на сохраненіе въ постоянной бюджетной системѣ, хорошо продолжать тотъ же образъ дѣйствій опытами уменьшенія этихъ налоговъ, пока найдется предѣлъ, на которомъ данная сумма дохода можетъ получаться государствомъ съ наименьшимъ обремененіемъ для платящихъ.

Затѣмъ излишекъ доходовъ, могущій возникать изъ дальнѣйшаго увеличенія производительности этихъ налоговъ, не надобно уничтожать ихъ уменьшеніемъ, а слѣдуетъ, мнѣ кажется, обращать на выкупъ долга.

Сами англичане жалуются на отяготительность нѣкоторыхъ своихъ налоговъ. Но, по континентальному масштабу, система ихъ налоговъ уже не имѣетъ частей, слишкомъ противныхъ общественному благосостоянію. При размѣрѣ не слишкомъ тяжеломъ, налоги не слишкомъ дурные даютъ имъ около 70 милліоновъ фунтовъ дохода. Нынѣшній расходъ простирается до такой же суммы; но значительная часть его происходитъ отъ временныхъ обстоятельствъ, принуждающихъ Англію дѣлать гораздо больше, чѣмъ она хотѣла бы, расходовъ на армію и флотъ. Эта необходимость не можетъ быть продолжительна. Она развяжется или войною, за которою послѣдуетъ миръ, или мирнымъ устраненіемъ опасностей, возникающихъ для Англіи отъ системы, которой слѣдуетъ нынѣшнее французское правительство и которая уже оказывается слишкомъ тяжела для самой Франціи. А когда минуютъ опасенія войны съ Франціею, уменьшеніе арміи и флота до обыкновенныхъ размѣровъ оставитъ въ англійскомъ казначействѣ излишекъ по крайней мѣрѣ въ 10 милліоновъ фунтовъ при сохраненіи нынѣшнихъ налоговъ. Онъ постепенно сталъ бы увеличиваться по закону, о которомъ говорили мы выше. Но если предположить, что новое возростаніе было бы употребляемо на облегченіе прежнихъ налоговъ и на дѣла улучшеній, и что достанетъ у англійской націи терпѣнія сохранять хотя первоначальный излишекъ въ 10 милліоновъ фунтовъ на постепенное погашеніе государственнаго долга, каковъ былъ бы результатъ этой терпѣливости при извѣстномъ принципѣ погашенія, по которому сумма, шедшая на проценты выкупленной части долга, обращается на усиленіе выкупныхъ средствъ?

Все количество англійскаго долга составляетъ теперь около 800 милліоновъ фунтовъ. Процентовъ по немъ уплачивается около 28 милл. фунтовъ. Если, при такомъ отношеніи процентовъ къ капиталу, будетъ съ 1862 г. употребляемо на выкупъ капитала ежегодное погашеніе въ 10 милліоновъ, съ прибавкою къ нему процентовъ, сберегаемыхъ постепеннымъ выкупомъ, ходъ дѣла будетъ слѣдующій (въ тысячахъ фунтовъ):

Годы.	Уплачено долга.	Остается долга.	По остающемуся долгу остается процентовъ.	Тяжесть процентовъ уменьшилась на
1862	—	800,000	28,000	—
1872	117,310	682,690	23,894	4,106
1882	282,800	517,200	18,102	9,892
1892	516,230	283,770	9,932	18,068
1902	800,000	—	—	28,000

Изъ этой небольшой таблицы мы видимъ, что черезъ 20 лѣтъ англійскій бюджетъ навсегда освободился бы отъ расхода, почти равнаго пожертвованію, дѣлавшемуся на выкупъ долга; черезъ 30 лѣтъ это облегченіе стало бы вдвое больше дѣлавшагося пожертвованія, а въ 40 лѣтъ весь долгъ былъ бы уплаченъ и бюджетъ навсегда сократился бы почти вдвое.

Изъ этого мы видимъ, что англійскому народу очень стоило бы проникнуться не очень значительнымъ терпѣніемъ, какое было бы нужно для сохраненія нынѣшнихъ налоговъ, которыми, по устраненіи нынѣшнихъ причинъ экстреннаго военнаго расхода, давался бы излишекъ въ 10 милліоновъ фунтовъ на постепенное погашеніе государственнаго долга. Мы видимъ, что если бы Англія прониклась подобною энергіею терпѣнія по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, то давно бы уже уплатила она весь свой долгъ и давно уже могла бы облегчить тяжесть своихъ налоговъ на цѣлую половину обыкновеннаго размѣра, какой они имѣли до крымской войны [25]).

Мы видимъ, что есть государства, уже на столько улучшившія свою систему налоговъ, что могли бы заняться образованіемъ излишка доходовъ на погашеніе своего долга, если бы выборъ находился только между обращеніемъ этого излишка на погашеніе долга или на уменьшеніе существующихъ налоговъ. Если бы кругъ соображеній ограничивался только этими данными, какъ ограничивается онъ у Милля, мы должны были бы сказать, что, напримѣръ, для Англіи уже наступило время дѣятельно заняться выкупомъ своего долга. Но мы замѣтили, что существуетъ для излишка доходовъ при подобномъ положеніи дѣлъ еще иное употребленіе - служить къ улучшенію тѣхъ отраслей національной жизни, которыми не могло заняться правительство въ прежнее время по недостатку средствъ. Конечно, подобное назначеніе государственныхъ доходовъ отвергается тою школою политико-экономовъ, которая, по вопросу объ отношеніяхъ правительства къ обществу, исключительно предана заботѣ съуживать кругъ дѣйствій правительства. При такомъ воззрѣніи не можетъ быть и рѣчи о занятіи правительства новыми дѣлами, какими не занималось оно прежде. Но если мы будемъ разсматривать вопросъ о сферѣ правительственныхъ дѣйствій хладнокровно, не забывая изъ-за излишка правительственнаго вмѣшатель-

---

[25]) Къ 1 января 1817 г. государственный долгъ Англіи простирался до 840 милліоновъ фунтовъ, а процентовъ по немъ платилось около 32 милліоновъ фунтовъ. При переходѣ отъ военнаго положенія къ мирному было около того времени отмѣнено налоговъ на сумму около 40 милліоновъ фунтовъ. Если бы англичане удовольствовались нѣсколько меньшимъ облегченіемъ налоговъ, оставивъ излишекъ въ 10 милліоновъ фунтовъ на погашеніе долга, то, при существовавшемъ тогда отношеніи процентовъ къ капиталу, вся сумма англійскаго долга была бы уплачена въ 1855 г.

ства въ одни дѣла о пользѣ, какую могло бы получить общество отъ усиленія правительственной заботы въ другихъ вещахъ, мы найдемъ, что есть много дѣлъ, требующихъ увеличенія государственнаго расхода на нихъ. Чтобы не подавать здѣсь поводовъ къ спору, который удобнѣе будетъ отложить до другаго мѣста, мы выберемъ примѣры, противъ которыхъ нельзя найти никакихъ сомнѣній. Хорошее отправленіе правосудія стоитъ очень дорого, и нѣтъ ни одной страны, въ которой небогатые люди могли бы вполнѣ пользоваться всѣми его выгодами. Медицинскія пособія также еще очень мало доступны массѣ населенія въ самыхъ передовыхъ странахъ. Конечно, правительственная забота о доставленіи небогатымъ людямъ возможности пользоваться помощью хорошихъ адвокатовъ и медиковъ была бы дѣломъ невреднымъ. Можно найти десятки такихъ дѣлъ, въ которыхъ польза увеличенія правительственной заботы признается и самыми крайними противниками правительственнаго вмѣшательства въ общественную жизнь. Расходы на нихъ очень долго могутъ поглощать весь излишекъ дохода, и для самой Англіи значительно отдаляется этимъ срокъ, когда не останется правительству ничего лучшаго, кромѣ заботъ о погашеніи государственнаго долга.

Но сильнѣе всего мѣшаетъ рекомендовать сильныя мѣры къ его выкупу то обстоятельство, что расходованіе національныхъ средствъ на выкупъ долга въ теченіе извѣстнаго періода едва ли поведетъ, при нынѣшнемъ состояніи общественнаго мнѣнія, къ чему нибудь другому, кромѣ открытія болѣе широкаго поля для національной и преимущественно военной расточительности въ слѣдующій періодъ. Общество и въ передовыхъ странахъ еще такъ неразсчетливо, что удерживается отъ безразсудствъ не столько соображеніемъ о ихъ вредѣ, сколько физическою невозможностью продолжать ихъ. Возьмемъ въ примѣръ даже Англію, населеніе которой самое разсудительное изъ населеній всѣхъ великихъ державъ. Въ послѣднія десять лѣтъ много разъ общественное мнѣніе въ Англіи увлекалось раздраженіемъ противъ косвенныхъ угрозъ и мелкихъ оскорбленій, которымъ подвергалась Англія отъ французскаго правительства. Не будь у англичанъ государственнаго долга, не будь ихъ бюджетъ обремененъ процентами его, они стали бы тратить на свои вооруженія вдвое больше денегъ, и во-сто разъ скорѣе рѣшились бы на войну съ Франціею. Народы самые цивилизованные еще похожи на тѣхъ неразсчетливыхъ юношей, которые воздерживаются отъ большаго мотовства только невозможностью доставать больше денегъ. Есть такіе люди, что уплачивайте вы хоть каждый годъ надѣланные ими долги, они не замедлятъ каждый годъ снова увязть по уши въ долгахъ. Конечно положеніе такихъ людей очень стѣснено долгами, но прежде, чѣмъ помогать имъ въ этомъ отношеніи, надобно внушить имъ благоразумныя мысли, безъ которыхъ ничто имъ не пособитъ.

По вопросу о государственномъ долгѣ исторія заставляетъ насъ думать такимъ образомъ: тѣ западныя государства, которыя обременены значительными долгами, обязаны возникновеніемъ этихъ долговъ не какой нибудь дѣйствительной надобности и не какимъ нибудь несчастіямъ, постигавшимъ ихъ независимо отъ ихъ воли, а только своему расточитель-

ному тщеславію. Напримѣръ, англійскій долгъ возникъ отъ войнъ съ Людовикомъ XIV, въ которыхъ Англія могла бы не принимать никакого участія, если бы думала только о своей безопасности и выгодѣ. Увеличился онъ отъ участія Англіи въ семилѣтней войнѣ, до которой собственно не было англичанамъ никакого дѣла, и потомъ отъ войны съ сѣверо-американскими колоніями, которую англичане возбудили только своимъ тщеславіемъ. По окончаніи войны съ сѣверо-американскими колоніями англійскій долгъ простирался до 250 милліоновъ фунтовъ; изъ нихъ цѣлая половина была занята для сѣверо-американской войны, изъ прежней половины опять почти цѣлая половина была занята для семилѣтней войны, передъ которою Англія имѣла 75 милліоновъ долга. Какъ произошли эти 75 милліоновъ долга—можно увидѣть изъ одной цифры: война за наслѣдство испанскаго престола стоила англичанамъ 69 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Повторяемъ, что ни въ одной изъ этихъ войнъ не было прямой надобности участвовать англичанамъ. Послѣ того было занято еще 600 милліоновъ на войны съ Франціею при республикѣ и первой имперіи, а теперь всѣ говорятъ, что Англіи также не было надобности вести эти войны.—Въ періоды мира Англія иногда старалась уменьшать сдѣланный долгъ. Такъ въ промежутокъ между семилѣтнею и сѣверо-американскою войнами было ею уплачено около 10 милліоновъ долга; въ промежутокъ отъ сѣверо-американской войны до начала войнъ противъ французской революціи также было уплачено около 10 милліоновъ фунтовъ. Но результаты этихъ усилій совершенно исчезали отъ слѣдовавшихъ за ними безразсудныхъ войнъ. Исторія англійскаго долга можетъ служить образцомъ исторіи государственныхъ долговъ вообще. Пока народъ остается подверженъ такимъ безразсудствамъ, какими сочинила себѣ долгъ Англія, напрасно разсуждать о томъ, какъ этому народу избавиться отъ сдѣланнаго долга. Слѣдуетъ на первый разъ радоваться уже и тому, когда является надежда, что онъ устоитъ въ рѣшимости не дѣлать новыхъ безразсудствъ, отъ которыхъ вновь увеличился бы его долгъ. Англія теперь какъ будто подаетъ такую надежду. Впрочемъ, надобно сказать и то, что со времени первой имперіи еще не было всеобщихъ войнъ на континентѣ западной Европы, т. е. не было повода слишкомъ сильно искушаться благоразумію Англіи. Если она выдержитъ характеръ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, тогда можно будетъ сказать, что выкупъ прежняго долга не поведетъ ее къ заключенію новыхъ долговъ. А теперь это еще сомнительно. Но есть государства, какъ, напримѣръ, Франція, для которыхъ великимъ успѣхомъ было бы уже и то, когда бы можно было имѣть хотя сомнѣніе въ ихъ тенденціи увеличивать свой долгъ безъ всякой надобности.

Всякій замѣтитъ, что и о государственномъ долгѣ и о различныхъ другихъ вопросахъ по государственному бюджету мы говорили вовсе не такимъ тономъ, въ какомъ излагается нашъ взглядъ на большую часть вопросовъ экономической науки. Мы не приходили въ этихъ случаяхъ ни къ какому непреклонному рѣшенію, даже не предлагали мнѣній, рѣзко отличающихся отъ обыкновенной практики. Напротивъ, слова наши отзывались какъ будто бы консерватизмомъ: „конечно, тутъ есть своего рода

неудобства, но трудно устранить ихъ и нельзя предположить вѣрнаго способа къ ихъ отстраненію",—вотъ что говорили мы въ сущности о каждомъ такомъ предметѣ, котораго не порицаютъ рѣшительнымъ образомъ самые рутинные политико-экономы.

Этотъ видимый консерватизмъ объясняется очень просто. Мы должны были говорить о разрѣшеніи представляемыхъ нынѣшнимъ бытомъ затрудненій по принципамъ того же самаго быта. Мы должны были предполагать данное устройство, изъ котораго возникаетъ бюджетъ съ обыкновенными своими качествами, и при которомъ очень трудно народу воздерживаться отъ соблазновъ тщеславнаго мотовства, и должны были разсуждать, какъ отстранить тѣ или другіе результаты подобнаго порядка безъ измѣненія его основаній. Но разсуждая такимъ способомъ, невозможно, по нашему мнѣнію, найти вѣрнаго выхода изъ существующихъ затрудненій.

Г. Границы правительственнаго вмѣшательства въ экономическую дѣятельность народа.

(Книга V, глава XI).

Разсмотрѣвъ вопросъ о средствахъ, которыми правительство получаетъ доходы на покрытіе издержекъ по исполненію своихъ обязанностей, Милль разбираетъ важнѣйшія для экономическаго быта отрасли тѣхъ обязанностей или дѣйствій правительства, которыя называются у него необходимыми, т. е. тѣхъ, исполненіемъ которыхъ всегда во всѣхъ странахъ занималось каждое правительство, и которыя никогда не оспоривались у него никакою теоріею. Многіе изъ этихъ предметовъ имѣютъ очень сильное вліяніе на экономическій бытъ; напримѣръ, законы о наслѣдствѣ и вообще гражданскіе законы; законы о договорахъ и вообще коммерческіе законы. Милль разсматриваетъ ихъ довольно подробно. Но мы не будемъ представлять здѣсь извлеченія изъ этихъ его главъ, потому что разбираемые въ нихъ вопросы, при всей своей важности, относятся только къ подробностямъ экономическаго устройства, а наши очерки занимаются изложеніемъ только самыхъ общихъ принциповъ его. Мы перейдемъ прямо къ послѣднему отдѣлу V книги, опредѣляющему границы между правительственнымъ вмѣшательствомъ и совершенно независимою отъ него частною дѣятельностью. Споръ объ этомъ предметѣ занимаетъ самое видное мѣсто въ полемикѣ континентальныхъ послѣдователей экономической рутины противъ прогрессивной школы. Читателю извѣстно, что французскіе политико-экономы господствующей школы выставляютъ верховнымъ принципомъ науки знаменитое правило—laissez faire, обозначающее на ихъ языкѣ, что правительство не должно ни подъ какимъ видомъ вмѣшиваться ни въ какую частную экономическую дѣятельность. Отъ французовъ заимствовались этимъ понятіемъ послѣдователи смитовской теоріи въ другихъ странахъ.

Зародышъ наклонности къ безусловному отрицанію правительственнаго контроля надъ экономическими дѣлами лежалъ въ самомъ характерѣ ученія, изложеннаго Адамомъ Смитомъ: онъ обращалъ все свое вниманіе

на индивидуальную дѣятельность, заслонявшую отъ его взгляда другой неизбѣжный элементъ экономической жизни, коллективную дѣятельность, одною изъ формъ которой служитъ при нынѣшнемъ бытѣ правительственное вмѣшательство. Но въ системѣ Адама Смита непризнаваніе коллективной дѣятельности не составляло важной черты. На первый планъ оно выдвинулось во Франціи, подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ. Англійское правительство уже и во времена Адама Смита мало чѣмъ, кромѣ протекціонизма, грѣшило противъ свободы частной экономической дѣятельности. А на континентѣ, и между прочимъ во Франціи, оставалось гораздо больше случаевъ невыгоднаго правительственнаго вмѣшательства, которое регламентировало тамъ и внутреннюю промышленность. Видя вокругъ себя множество неудобствъ и стѣсненій отъ напраснаго регламентированья, французскіе политико-экономы проникались безусловною враждою къ правительственному вмѣшательству. А тутъ съ другой стороны явились соціальныя теоріи, не раздѣлявшія восхищеніе результатами исключительно индивидуальной дѣятельности. Изъ этихъ теорій, первая надѣлала большаго шума доктрина сенъ-симонистовъ, превозносившихъ пользу авторитета. Вообразивъ, что сенъ-симонистское поклоненіе авторитету сходно съ средневѣковымъ ученіемъ о патріархальномъ и опекунствующемъ правительствѣ, французскіе политико-экономы получили наклонность видѣть такое же пристрастіе къ опекунствующему управленію и въ послѣдующихъ теоріяхъ, имѣвшихъ родство съ сенъ-симонизмомъ. Они до сихъ поръ думаютъ, что соціалисты очень любятъ административную регламентацію; а соціалисты могутъ не нынѣ, завтра, захватить власть во Франціи, и въ 1848 году были близки къ тому (если не на самомъ дѣлѣ, то по мнѣнію толпы). Запуганные этимъ фантомомъ регламентаціи, политико-экономы господствующей школы окончательно вооружились противъ всякихъ мыслей, которыя казались имъ ведущими къ принятію такой вредной замашки.

Но въ Англіи нѣтъ практическаго опасенія, что на дняхъ можетъ произойти переворотъ, отдающій власть въ руки какихъ нибудь коммунистовъ; нѣтъ въ Англіи и раздраженія отъ наклонности существующаго правительства регламентировать экономическую жизнь; потому Милль очень хладнокровно разсуждаетъ о предметѣ, при одномъ имени котораго выходятъ изъ себя французскіе политико-экономы, и читатель увидитъ, что можетъ человѣкъ говорить объ этомъ дѣлѣ спокойно и безпристрастно, не будучи ни невѣждою въ политической экономіи, ни другомъ опекунствующей регламентаціи, ни врагомъ индивидуальной свободы.

Трактатъ свой о границахъ правительственнаго вмѣшательства Милль начинаетъ слѣдующими общими замѣчаніями:

Нѣтъ предмета, о которомъ велись бы въ нашемъ вѣкѣ такіе жаркіе споры, какъ объ этомъ; но они велись главнымъ образомъ только о нѣкоторыхъ частныхъ сторонахъ, лишь съ бѣглыми замѣтками объ общемъ принципѣ. Разумѣется, люди, разбиравшіе какой-нибудь частный случай правительственнаго вмѣшательства, напримѣръ, учрежденіе свѣтскихъ или духовныхъ школъ отъ правительства, регламентацію часовъ работы, содержаніе бѣдныхъ на счетъ общества и т. д., часто и подробно доказывали свой взглядъ общими соображеніями, обнимающими гораздо больше, чѣмъ одинъ этотъ

частный вопросъ, и обнаруживали довольно сильное предпочтеніе къ принципу вмѣшательства или къ принципу невмѣшательства; но рѣдко у нихъ высказывалось и, повидимому, рѣдко было рѣшено даже въ ихъ мысляхъ, до какой степени они хотятъ примѣнять къ практикѣ предпочитаемый принципъ. Защитники вмѣшательства довольствовались доказываніемъ, что правительство вообще имѣетъ право и обязанность вмѣшательства во всѣ дѣла, въ которыхъ его участіе будетъ полезно; а когда школа такъ называемаго принципа laissez-faire пыталась въ точности опредѣлить кругъ правительственнаго дѣйствія, она обыкновенно ограничивала его охраненіемъ личности и имущества отъ обмана и насилія,—опредѣленіе, котораго не станетъ ни сама она, никто другой держаться, если вникнетъ въ него, потому что подъ него, какъ мы показали, не подходятъ нѣкоторыя изъ неизбѣжнѣйшихъ обязанностей правительства, предоставляемыхъ ему всѣми единодушно.

Я не скажу, что совершенно восполню недостатокъ общей теоріи по предмету, не допускающему, какъ мнѣ кажется, всеобщаго рѣшенія; но я попытаюсь представить хотя нѣкоторые матеріалы для рѣшенія вопросовъ, возникающихъ при разсмотрѣніи выгодъ и невыгодъ или вреда отъ правительственнаго вмѣшательства съ самой общей точки зрѣнія.

Мы должны начать различеніемъ двухъ видовъ правительственнаго вмѣшательства, которые могутъ относиться и къ одному дѣлу, но очень различны по своей сущности и послѣдствіямъ, и для оправданія которыхъ нужны побужденія далеко не одинаковой силы. Правительство можетъ запрещать всѣмъ дѣлать то или другое, или дѣлать безъ его дозволенія; оно можетъ также предписывать людямъ дѣлать то или другое, или дѣлать или не дѣлать извѣстнымъ способомъ то, что оставляетъ на ихъ волю дѣлать или не дѣлать. Но иное дѣло, когда правительство, вмѣсто того, чтобы приказывать подъ страхомъ наказанія, обращается къ способу дѣйствій, который принимается правительствами такъ рѣдко и которымъ можно бы пользоваться съ такою выгодою,—когда оно даетъ совѣты и обнародуетъ свѣдѣнія, или когда, оставляя частнымъ лицамъ идти къ извѣстной общеполезной цѣли частными ихъ силами, не вступаясь въ ихъ дѣйствія, но не вѣряя дѣло исключительно ихъ заботѣ, оно рядомъ съ частными учрежденіями устраиваетъ собственное учрежденіе для той же цѣли. Такъ напримѣръ, содержать оффиціальную англиканскую церковь—одно дѣло; а отказывать въ терпимости другимъ исповѣданіямъ или людямъ, не держащимся никакого исповѣданія,—другое дѣло. Національный банкъ или правительственная фабрика можетъ существовать безъ всякой монополіи противъ частныхъ банковъ и фабрикъ. Почта можетъ существовать безъ штрафовъ противъ пересылки писемъ другими способами. Правительство можетъ содержать штатъ гражданскихъ инженеровъ, оставляя каждому свободу становиться частнымъ инженеромъ. Правительственные госпитали могутъ существовать безъ всякаго стѣсненія медицинской или хирургической практики.

Съ перваго же взгляда очевидно, что кругъ полезнаго дѣйствія для первой формы правительственнаго вмѣшательства гораздо ограниченнѣе, чѣмъ для послѣдней. Для своего оправданія она всегда требуетъ гораздо сильнѣйшей необходимости; а есть въ человѣческой жизни обширныя области, изъ которыхъ она бываетъ безусловно исключена. Какую бы теорію ни приняли мы относительно основаній общественнаго союза, и подъ какими бы политическими учрежденіями мы ни жили, всегда есть около каждаго частнаго человѣка кругъ, котораго не можетъ переступать никакое правительственное вмѣшательство; есть въ жизни каждаго взрослаго человѣка часть, въ которой должна

царствовать личность этого человѣка, безъ всякаго, чьего бы то ни было, частнаго или общественнаго контроля. Никто, хотя сколько нибудь признающій свободу или достоинство человѣка, не станетъ спорить, что есть или должно быть въ человѣческомъ существованіи пространство, огражденное отъ посторонняго вторженія и недоступное ему; вопросъ лишь о томъ, гдѣ поставить границу этого пространства, какъ велика въ человѣческой жизни область, которая должна находиться въ этой недоступной другимъ территоріи. Мнѣ кажется, что она должна обнимать всю ту часть внутренней и внѣшней жизни человѣка, которая касается только самого этого человѣка, не затрогивая интересы другихъ или затрогивая ихъ лишь черезъ нравственное вліяніе примѣра.

Даже въ тѣхъ частяхъ жизни, которыя касаются интересовъ другихъ, защитники юридическихъ запрещеній должны относительно каждаго случая представить особенные доводы, что запрещеніе тутъ полезно. Одна возможность вреда для другихъ отъ свободы человѣка въ извѣстномъ дѣлѣ еще не оправдываетъ вмѣшательства закона. Кромѣ безусловной необходимости, ничто не оправдываетъ запретительной регламентаціи, если она не одобряется и общимъ сознаніемъ, если обыкновенные честные люди не думаютъ или не могутъ быть склонены думать, что запрещаемое дѣло —такое дѣло, которое не хорошо для нихъ совершать. Если этого нѣтъ, нужна для запрещенія полнѣйшая необходимость, а одною полезностью оно еще не оправдывается.

Иное дѣло, то правительственное вмѣшательство, которое не стѣсняетъ личной свободы человѣка. Нѣтъ никакого нарушенія свободы, нѣтъ ни обременительнаго, ни унизительнаго стѣсненія, если правительство приготовляетъ средства къ достиженію извѣстной цѣли, оставляя частному лицу свободу пользоваться къ тому другими средствами, какія кажутся ему лучшими. Тогда тутъ нѣтъ одного изъ главныхъ неудобствъ правительственнаго вмѣшательства. Но все-таки почти во всѣхъ формахъ правительственнаго дѣйствія есть принудительная сторона — полученіе денежныхъ средствъ. Они доставляются налогомъ; или, если предпочитается форма отдачи на извѣстное дѣло части доходовъ съ общественнаго имущества, налогъ все-таки увеличивается настолько, насколько иначе замѣнялся бы продажею или доходомъ этого имущества *). А неудобство, необходимо принадлежащее принудительному взиманію денегъ, почти всегда значительно увеличивается убыточными предосторожностями и обременительными стѣсненіями, необходимыми, чтобы предотвратить уклоненія отъ платежа налога.

Другое возраженіе противъ правительственнаго вмѣшательства основывается на принципѣ раздѣленія труда. Всякая новая обязанность, принимаемая правительствомъ, составляетъ новое занятіе для учрежденія, уже и безъ того слишкомъ обремененнаго обязанностями. Естественный результатъ этого тотъ, что многое исполняется неудовлетворительно; многія вещи вовсе не исполняются, потому что правительство не можетъ вести ихъ безъ промедленій, гибельныхъ для дѣла; болѣе хлопотливыя и менѣе блестящія изъ принятыхъ обязанностей отлагаются или пренебрегаются; и пренебреженіе всегда извиняется готовымъ предлогомъ: мысли главныхъ администраторовъ всегда такъ наполнены оффиціальными подробностями дѣлъ, какъ бы поверхностно ни занимались

*) Единственными случаями, въ которыхъ правительственное дѣйствіе не имѣетъ ничего принудительнаго, – тѣ рѣдкіе случаи, въ которыхъ расходы на дѣло покрываются имъ самимъ, безъ всякой искусственной монополіи. Примѣръ тому мостъ, построенный государствомъ, если пошлина за проѣздъ и проходъ по мосту достаточна на покрытіе текущихъ издержекъ и процентовъ первоначальнаго расхода. Другой примѣръ — правительственныя желѣзныя дороги въ Бельгіи и Германіи. Почта была бы третьимъ примѣромъ, если бы по отмѣнѣ ея монополіи доходомъ съ нея продолжали покрываться ея расходы.

они ими, что не остается у нихъ ни времени, ни свободы мыслей для великихъ государственныхъ интересовъ и для приготовленія широкихъ мѣръ къ общественному улучшенію.

Эти неудобства дѣйствительны и серьезны; но происходятъ они не столько отъ обширности или разнообразія обязанностей, принимаемыхъ на себя правительствомъ, сколько отъ дурной организаціи правительства. Правительство не значитъ одинъ сановникъ или извѣстное число сановниковъ: количество соучастниковъ въ немъ можетъ увеличиваться по надобности, и между самими чиновниками раздѣленіе труда можетъ быть развиваемо почти безгранично до того, что легко будетъ справиться съ дѣлами въ такой странѣ, гдѣ обязанности какъ слѣдуетъ распредѣлены между центральными и мѣстными правительственными учрежденіями, и гдѣ центральное правительство раздѣлено на достаточное число отраслей. Когда парламентъ почелъ нужнымъ поручить англійскому правительству надзоръ за желѣзными дорогами и отчасти ревизовку ихъ дѣлъ, онъ не прибавилъ этого дѣла къ занятіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, а учредилъ особенную коммиссію желѣзныхъ дорогъ. Когда онъ рѣшилъ поручить центральной власти власть контроля надъ исполненіемъ закона о пособіи бѣднымъ, онъ учредилъ для этого также особенную коммиссію (Poor Law Commission). Мало странъ, въ которыхъ на правительственныхъ агентахъ лежало бы такъ много обязанностей, какъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Американскаго Союза, особенно въ штатахъ Новой Англіи; но раздѣленіе труда въ общественныхъ дѣлахъ тамъ чрезвычайно развито: почти всѣ эти агенты даже и не имѣютъ надъ собой общихъ начальниковъ, а исполняютъ свои обязанности независимо подъ двойнымъ контролемъ: выбора своими согражданами и отвѣтственности передъ гражданскимъ и уголовнымъ судомъ.

Конечно, необходимое условіе хорошаго управленія —чтобы главные правители, будутъ ли они постоянными или временными, все равно, имѣли господствующій, но только общій надзоръ за общимъ ходомъ всѣхъ интересовъ, въ большей или меньшей степени ввѣренныхъ отвѣтственности центральной власти. Но если внутренняя организація административнаго механизма устроена искусно, предоставляетъ подчиненнымъ и по-возможности мѣстнымъ подчиненнымъ не только исполненіе, но въ значительной степени и контроль подробностей; требуетъ у нихъ отчета собственно за результаты ихъ дѣйствій, а не за самыя дѣйствія, кромѣ того случая, когда сами дѣйствія подлежатъ суду; если приняты всѣ наилучшія мѣры для обезпеченія, чтобы назначались люди честные и способные; если открыта широкая дорога повышенію съ низшихъ ступеней административной лѣстницы на высшія; если съ каждою высшею ступенью предоставляется чиновнику все больше простора принимать новыя мѣры, не дожидаясь приказанія, такъ что мысли каждаго изъ главныхъ правителей могутъ быть сосредоточены на великихъ общественныхъ интересахъ страны по его части, — если устроено такъ, правительство навѣрное не будетъ чрезмѣрно обремененно количествомъ дѣлъ, какое бы количество дѣлъ ни оказалось полезно возлагать на него; но излишнее обремененіе останется серьезнымъ новымъ неудобствомъ въ-прибавокъ къ другимъ неудобствамъ.

Улучшеніемъ правительственной организаціи сильно уменьшается затруднительность, происходящая отъ простаго размноженія правительственныхъ обязанностей; но все-таки правда — то, что въ обществахъ, значительно развитыхъ, огромное большинство дѣлъ исполняется правительственнымъ участіемъ хуже того, чѣмъ исполнялось бы трудомъ или надзоромъ частныхъ лицъ, прямо заинтересованныхъ въ дѣлѣ, при оставленіи дѣла на ихъ волю. Основанія этой истины довольно точно выражаются обыкновенною

фразою, что каждый знаетъ свои дѣла и свои интересы лучше всѣхъ и заботится о себѣ больше всѣхъ. Напримѣръ, въ обыкновенныхъ промышленныхъ и торговыхъ операціяхъ правительственная дѣятельность почти никогда не можетъ выдержать соперничества съ частными промышленниками и купцами, гдѣ у частныхъ людей есть нужная степень промышленной предпріимчивости и запасъ всѣхъ необходимыхъ средствъ. Нѣтъ нужды, что правительству удобнѣе получать самыя полныя свѣдѣнія, что у него есть средства вознаграждать, то есть и пріобрѣтать самые лучшіе таланты, какіе можно найти,—всѣмъ этимъ не вознаграждается та великая невыгода, что оно меньше частнаго предпринимателя заинтересовано результатомъ дѣла.

Дѣловая жизнь—существенный элементъ практическаго воспитанія народа; безъ нея книжное и школьное образованіе, хотя оно чрезвычайно нужно, еще не даетъ людямъ нужныхъ для жизни качествъ и умѣнья приспособлять средства къ цѣли. Научное образованіе—лишь одно изъ двухъ условій умственнаго развитія; другое условіе—почти столь же необходимое — здоровая практика для силы дѣятельности, для труда, находчивости, разсудительности, самообладанія; а естественнымъ возбужденіемъ къ тому служатъ житейскія трудности. Этотъ взглядъ не надобно смѣшивать съ консервативнымъ оптимизмомъ, который бѣдствія жизни выставляетъ вещами хорошими, потому что ими развиваются качества, нужныя для борьбы съ ними. Качества, нужныя для борьбы съ тяжелыми обстоятельствами, получаютъ свою цѣнность лишь потому, что существуютъ эти обстоятельства. Съ практической стороны дѣло человѣка—по возможности освобождать жизнь отъ трудныхъ обстоятельствъ, а не то, чтобы сберегать запасъ ихъ, какъ охотники сберегаютъ дичь для упражненія въ охотѣ за нею. Но какія бы благопріятныя обстоятельства ни предположить, въ дѣятельныхъ способностяхъ и въ практической разсудительности по житейскимъ дѣламъ надобность можетъ только уменьшиться, а не устраниться; потому нужно, чтобы эти качества развивались не въ однихъ лишь немногихъ избранныхъ, а во всѣхъ людяхъ; а для ихъ развитія нужно такое разнообразіе и полнота практики, какихъ почти никто не можетъ встрѣтить въ тѣсномъ кругу своихъ чисто личныхъ интересовъ. У народа, привыкшаго ждать отъ правительства возбужденій во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, ожидающаго, что правительство станетъ дѣлать за него все, выходящее изъ круга привычки и рутины,—у такого народа способности развиваются лишь на половину; въ его воспитаніи недостаетъ одной изъ главнѣйшихъ сторонъ.

Къ немалому удивленію людей, вѣрящихъ полемическимъ фразамъ нашихъ обличителей о нашей зараженности регламентаціонными наклонностями, мы скажемъ, что вполнѣ принимаемъ общій выводъ Милля.

Но принявъ такой принципъ, мы возлагаемъ на себя обязанность внимательно разсматривать каждый представляющійся случай и отнимаемъ у себя право рѣшать дѣла голословными фразами какого бы то ни было рода, въ пользу ли вмѣшательства или противъ него. Возьмемъ не то что денежныя отношенія между людьми, посторонними другъ другу, а интимную часть отношеній между людьми самыми близкими,—напримѣръ, мужа и жены или родителей и дѣтей. Мы самымъ энергическимъ образомъ утверждаемъ, что эти отношенія должны быть до высочайшей степени неприкосновенны никакому постороннему вмѣшательству. Прекрасно; но положимъ, что вы, посторонній человѣкъ, входите въ комнату и видите мужчину, который таскаетъ за волосы женщину. По всей вѣроятности, вы не

сочтете преступленіемъ укротить этого мужчину. Если вы не частный человѣкъ, а оффиціальное лицо, отъ этого не уменьшается ваша обязанность прекратить побои. Кромѣ драки, существуетъ множество другихъ обстоятельствъ, въ которыхъ ваше вмѣшательство будетъ совершенно основательно. Потому во всѣхъ государствахъ признается за правительствомъ право вмѣшиваться даже въ семейную жизнь. Разумѣется, вмѣшательство должно тутъ ограничиваться случаями крайней необходимости.

Но будучи столь умѣренны въ принципѣ, мы зато хотимъ, чтобы смотрѣли на эти вещи серьезно. Если мужъ обращается съ женою жестоко, законъ даетъ женѣ право отдѣлиться отъ мужа; если ей нужна правительственная помощь, чтобы воспользоваться этимъ правомъ, оно посылаетъ оффиціальныхъ защитниковъ. Если дѣти слишкомъ сильно страдаютъ отъ родителей, правительство беретъ на себя заботу о воспитаніи дѣтей и управленіи ихъ имуществомъ. Видите ли, какъ серьезно вмѣшивается оно въ эту интимную сферу, когда нужно? Оно коренным образомъ измѣняетъ существовавшія отношенія, если требуетъ того польза людей.

Конечно, оно дѣлаетъ это только въ случаяхъ необходимости. Но вѣдь мы съ того и начали, что не нужно дѣлать вещей, безъ которыхъ можно обойтись. Только не надобно забывать одного важнаго обстоятельства: смотря по различію ролей, играемыхъ различными лицами въ извѣстномъ дѣлѣ, бываютъ различны и мнѣнія ихъ о надобности или ненадобности посторонняго вмѣшательства въ дѣло. Если, напримѣръ, пьяный мужъ бьетъ жену, то, по всей вѣроятности, ему кажется не нужнымъ чье бы то ни было вмѣшательство для защиты жены. Если отецъ проигрываетъ въ карты имущество дѣтей, то, вѣроятно, не считаетъ онъ нужнымъ, чтобы лишали его управленія этимъ имуществомъ. Останавливается ли законъ протестаціями этихъ людей?

Извѣстное экономическое отношеніе хорошо для однихъ, тяжело для другихъ. Если первые говорятъ, что правительству не нужно вмѣшиваться въ это дѣло, ихъ мнѣніе еще ничего не доказываетъ.

Если же коренной принципъ, выставляющій невмѣшательство общимъ правиломъ, еще недостаточенъ для рѣшенія частныхъ случаевъ дѣйствительной жизни, то еще меньше могутъ уничтожать надобность въ серьезномъ разсмотрѣніи каждаго даннаго случая частныя замѣчанія, которыя приводятся Миллемъ. Напримѣръ: деньги для правительственнаго вмѣшательства доставляются налогомъ: изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что необходима бережливость. Но что же изъ этого-то слѣдуетъ? Правительство не должно тратить денегъ на такія дѣла экономическаго вмѣшательства, которыя не стоятъ требуемаго ими расхода. Конечно такъ; но и вообще на всякія другія дѣла никто не долженъ тратить денегъ, если цѣль не стоитъ расходовъ. Изъ факта, что деньги получаются правительствомъ черезъ налогъ, выводится только общее правило о бережливости во всѣхъ дѣлахъ, а не какое-нибудь особенное заключеніе о правительственномъ вмѣшательствѣ въ экономическія дѣла.

Далѣе Милль говоритъ о надобности развивать самобытную и оригинальную жизнь въ отдѣльныхъ людяхъ. Это превосходно. Но самобытность

и оригинальность, подобно здоровью, образованію и всякимъ другимъ хорошимъ качествамъ, требуютъ извѣстныхъ средствъ; и если правительственное вмѣшательство направляется къ обезпеченію этихъ средствъ отдѣльному человѣку, оно содѣйствуетъ развитію самостоятельности въ немъ.

Экономическія дѣла въ рукахъ правительства (продолжаетъ Милль) вообще идутъ хуже, чѣмъ дѣла частныхъ лицъ. Онъ приписываетъ это дѣйствію принципа раздѣленія труда. Но насколько зависитъ отъ этого принципа указываемая имъ невыгода, она можетъ быть устранена, какъ замѣчаетъ и самъ онъ. Обыкновенно говорятъ также о недостаткѣ личной заинтересованности правительственныхъ агентовъ въ успѣхѣ дѣла. Но это обстоятельство подходитъ подъ общій вопросъ о сравнительныхъ невыгодахъ большого и малаго хозяйства: при нынѣшнемъ порядкѣ въ каждомъ большомъ предпріятіи частнаго человѣка управители и работники такъ же не заинтересованы успѣхомъ предпріятія, какъ и въ правительственномъ предпріятіи; между тѣмъ большое хозяйство все-таки имѣетъ огромное экономическое преимущество передъ малымъ предпріятіемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, если правительственныя предпріятія идутъ хуже частныхъ, причина разницы находится не въ сущности отношеній, а въ какихъ-нибудь случайныхъ недостаткахъ, которые могутъ быть устранены. Вопросъ о правительственномъ веденіи экономическихъ дѣлъ, сообразномъ съ принципами науки,—вопросъ новый, и немудрено, что еще не пріобрѣтено достаточно опытности для хорошаго практическаго его рѣшенія. Это тѣмъ натуральнѣе, что въ прежнія времена государственное хозяйство велось на основаніяхъ совершенно ошибочныхъ, отдѣлаться отъ которыхъ трудно. Правительственныя предпріятія вообще не выдерживаютъ соперничества съ частными при свободѣ соперничества еще вотъ отчего. Возьмемъ оружейное дѣло. Частныхъ оружейныхъ фабрикъ существуетъ множество. На однихъ дѣла идутъ хорошо; эти фабрики расширяются и захватываютъ рынокъ. Другія фабрики, на которыхъ дѣла идутъ плохо, подвергаются банкротству и уничтожаются; затраченный на нихъ капиталъ погибаетъ. Но если фабрикантъ А потерялъ 100 тысячъ рублей, фабрикантъ В, ведущій свои дѣла хорошо, нисколько не потерялъ отъ неудачи своего соперника. Напротивъ, правительственная фабрикація имѣетъ общій счетъ по оборотамъ всѣхъ своихъ распорядителей, и если у одного изъ нихъ дѣла идутъ такъ же успѣшно, какъ у фабриканта В, то изъ выгодъ, доставляемыхъ его операціями, должны покрываться убытки, нанесенные дѣлу другимъ распорядителемъ, подобнымъ фабриканту А. Поэтому, если результатъ правительственной фабрикаціи оказывается менѣе успѣшенъ, чѣмъ обороты частныхъ фабрикантовъ, пользующихся успѣхомъ, не слѣдуетъ еще заключать о меньшей успѣшности правительственной фабрикаціи: ее надобно сравнивать не съ дѣлами однихъ фабрикантовъ, пользующихся успѣхомъ, какъ сравниваютъ обыкновенно, а съ общею суммою дѣлъ всѣхъ частныхъ фабрикантовъ—и пользующихся успѣхомъ, и разоряющихся. Такого сравненія еще никто не дѣлалъ, и мы до сихъ поръ не имѣемъ данныхъ, чтобы основательно рѣшить вопросъ, въ какой фабрикаціи меньше

бываетъ напрасныхъ растратъ, въ частной (если брать всю сумму ея предпріятій) или въ правительственной (когда администрація устраивается съ надлежащею внимательностью).

„Классъ правительственныхъ агентовъ соединяетъ въ себѣ только часть знаній и способностей, существующихъ въ цѣломъ обществѣ“, говоритъ Милль. Конечно такъ; но вѣдь и дѣла, управляемыя этими агентами, составляютъ только часть дѣлъ, производящихся въ обществѣ. Для знаній и талантовъ, принадлежащихъ лицамъ, остающимся частными людьми, остаются частныя дѣла. Мы не видимъ, какимъ же образомъ тутъ для общества уменьшается польза, приносимая талантами и знаніями.—„Многоразличіе способовъ производства полезнѣе для экономическаго прогресса, чѣмъ однообразіе“. Конечно такъ; но вѣдь эта выгода отнимается только въ томъ случаѣ, когда правительство присвоиваетъ себѣ монополію; если же оно оставляетъ свободу соперничеству частныхъ предпринимателей, правительственная фабрика нимало не мѣшаетъ разнообразію способовъ производства.

„Для націи очень полезна привычка къ самобытной дѣятельности“, продолжаетъ Милль. Конечно такъ; но мы не видимъ, чѣмъ разнится это замѣчаніе отъ одного изъ тѣхъ, которыя нами уже разсмотрѣны. Правительственное содѣйствіе въ экономическихъ дѣлахъ можетъ быть направлено прямо къ тому, чтобы отдѣльные люди пріобрѣтали возможность самостоятельнаго дѣйствованія. Если когда-нибудь бывали противоположные результаты, это происходило только отъ ошибочнаго направленія, которое одинаково возможно во всякихъ сферахъ дѣятельности: ошибочные принципы и дурныя мѣры могутъ существовать и въ гражданской администраціи, и въ судопроизводствѣ, точно такъ же, какъ въ экономической жизни. Во всѣхъ этихъ случаяхъ надобно говорить только объ измѣненіи принциповъ дѣятельности, а не о ея прекращеніи.

Трудно было бы понять, какъ могли политико-экономы господствующей школы дойти до безусловнаго отрицанія пользы правительственныхъ заботъ объ экономической жизни общества, если бы не знали мы, какъ многочисленны и обременительны для общества были ошибки тѣхъ временъ, когда правительства не имѣли вѣрныхъ понятій о законахъ экономической жизни. Только чрезмѣрность вреда отъ этихъ заблужденій заставила думать, что для блага общества нужно совершенное прекращеніе правительственныхъ заботъ объ экономическихъ дѣлахъ. Милль приводитъ нѣсколько примѣровъ тому, какія вредныя заблужденія еще не очень давно господствовали во Франціи, въ которой и возникло отъ нихъ полное отрицаніе надобности какого бы то ни было правительственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь. Сказавъ, что невмѣшательство должно быть общимъ правиломъ, а вмѣшательство исключеніемъ, онъ продолжаетъ:

Будущіе вѣка, конечно, съ трудомъ станутъ вѣрить тому, до какой степени нарушается до сихъ поръ эта аксіома даже въ тѣхъ случаяхъ, къ которымъ примѣняется очевиднѣйшимъ образомъ. Нѣкоторое понятіе объ этомъ можно составить себѣ изъ слѣдующаго очерка стѣсненій, которымъ вмѣшивающійся и регламентирующій духъ законодательства подвергалъ фабричныя операціи при старомъ правительствѣ во Франціи.

„Общество имѣло безграничнѣйшую и произвольнѣйшую власть надъ фабриками: оно, не церемонясь, располагало способностями фабрикантовъ: рѣшало, кто можетъ работать, какую вещь можетъ онъ выдѣлывать, какіе матеріалы долженъ употреблять, какимъ способамъ слѣдовать въ работѣ, какія формы давать продуктамъ и проч. Мало было работать хорошо, работать лучше правилъ,—слѣдовало работать по правиламъ. Кто не знаетъ регламентъ 1670 г., предписывающій конфисковать и прибивать къ позорному столбу, съ именемъ фабриканта, матеріи, не сходныя съ правилами, а при вторичной уликѣ выставлять къ позорному столбу и самого фабриканта? Купцу слѣдовало сообразоваться не со вкусомъ потребителей, а съ волею закона. Легіоны инспекторовъ, комиссаровъ, контролеровъ, присяжныхъ, сторожей наблюдали за исполненіемъ закона. Ломали станки, жгли матеріи, не сходныя съ правилами; за улучшенія наказывали; изобрѣтателей подвергали штрафу. Выдѣлка предметовъ, назначенныхъ для внутренняго потребленія, была подчинена однимъ правиламъ, назначенныхъ для заграничной торговли—другимъ. Ремесленникъ не могъ выбирать мѣсто для своей мастерской, долженъ былъ работать лишь въ извѣстное время года, лишь для извѣстныхъ покупателей. Декретъ 30 марта 1700 г. ограничиваетъ 18-ю городами число мѣстъ, въ которыхъ можно ткать чулки; рѣшеніе 18 іюня 1723 г. повелѣваетъ руанскимъ фабрикантамъ останавливать фабричныя работы съ 1 іюля до 15 сентября, чтобы облегчить уборку хлѣба; Людовикъ XIV, начиная строить луврскую колоннаду, запретилъ, подъ страхомъ штрафа въ 10,000 ливровъ, частнымъ лицамъ нанимать работниковъ безъ его разрѣшенія, а работникамъ—работать на частныхъ людей подъ страхомъ тюремнаго заключенія на первый разъ и ссылки на галеры за второй". (Dunoyer. De la liberté du Travail, томъ 2, стр. 353—354).

Что подобныя регламентаціи не были мертвой буквой и что оффиціальное стѣснительное вмѣшательство продолжалось до французской революціи, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство жирондистскаго министра Ролана: „Я видѣлъ, что 80, 90, 100 кусковъ бумажной или шерстяной матеріи изрѣзываются или совершенно уничтожаются. Я видѣлъ такія сцены каждую недѣлю въ теченіе многихъ лѣтъ. Я видѣлъ, что конфискуютъ мануфактурныя издѣлія, налагаютъ тяжелые штрафы на фабрикантовъ, жгутъ матеріи на площадяхъ въ рыночные часы; прибиваютъ другія матеріи къ позорному столбу, написавъ на нихъ имя фабриканта, и грозятъ самому фабриканту позорнымъ столбомъ за вторичное преступленіе. Все это дѣлалось на моихъ глазахъ въ Руанѣ, сообразно указамъ или министерскимъ приказамъ. Какое преступленіе подвергалось такому жестокому наказанію? Какой-нибудь недостатокъ матеріала или выдѣлки матеріи или недостача нѣсколькихъ нитокъ въ ея основѣ.

„Часто я видѣлъ, какъ посѣщаютъ фабрикантовъ толпы сбирровъ, приводя все въ безпорядокъ на фабрикѣ, ужасая семейство фабриканта; какъ они срѣзываютъ матерію съ рамы, рвутъ основу со станка и уносятъ съ собою, какъ улику преступленія; послѣ того фабрикантовъ призываютъ къ суду; судятъ, осуждаютъ; имущество ихъ конфискуется; экземпляры приговора прибиваются по всѣмъ улицамъ; состояніе, репутація, кредитъ—все погибло, уничтожено. И за что же? За то, что они сдѣлали извѣстную шерстяную матерію изъ такой шерстяной пряжи, изъ какой дѣлается она въ Англіи (и эта англійская ткань даже продается во Франціи!); по французскимъ правиламъ эта матерія должна дѣлаться изъ пряжи другого сорта. Я видѣлъ, что точно также поступаютъ съ другими фабрикантами за то, что они дѣлали камлотъ такой ширины, какъ въ Англіи и въ Германіи,—той ширины, какая сильно требуется въ Испанію,

Португалію, другія страны и въ разныя провинціи самой Франціи, между тѣмъ какъ по французскимъ правиламъ установлена для камлота другая ширина".

Прошло время возможности попытокъ къ такому примѣненію принципа „патріархальнаго управленія" даже въ наименѣе просвѣщенной изъ европейскихъ націй. Къ подобнымъ случаямъ прилагаются всѣ общія возраженія противъ правительственнаго вмѣшательства, и нѣкоторыя изъ нихъ почти во всей своей крайней силѣ. Но теперь намъ должно перейти ко второй части нашей задачи, обратить вниманіе на тѣ случаи, къ которымъ нимало не примѣняются многія изъ этихъ общихъ возраженій, а другія,—отъ которыхъ никогда правительственное вмѣшательство не можетъ быть совершенно свободно,—пересиливаются противоположными соображеніями, болѣе важными.

Общее правило, какъ мы замѣчали, таково, что житейскія дѣла исполняются лучше, когда люди, прямо заинтересованные въ нихъ, предоставляются собственной волѣ, не стѣсняемой ни законодательными приказаніями, ни вмѣшательствомъ чиновниковъ. Лица, занимающіяся дѣломъ, или нѣкоторыя изъ нихъ, по всей вѣроятности, лучше правительства могутъ судить о средствахъ къ достиженію той спеціальной цѣли, къ которой стремятся. Если предположить случай, не очень вѣроятный, что само правительство владѣетъ полнѣйшимъ знаніемъ предмета, какое только пріобрѣтено въ извѣстную эпоху искуснѣйшими въ этомъ занятіи людьми,—даже и тутъ частные люди, будучи заинтересованы въ результатѣ гораздо сильнѣе и прямѣе, по всей вѣроятности, гораздо скорѣе усовершенствуютъ операціи дѣла, если онѣ будутъ предоставлены ихъ независимому разсужденію. Но если работникъ вообще лучше всѣхъ умѣетъ выбирать средства къ дѣлу, то можно ли признать такимъ же общимъ правиломъ, что потребитель или лицо, для котораго дѣлается дѣло,—самый знающій судья въ немъ? Всегда ли покупщикъ способенъ различать товаръ? А если нѣтъ, то не прилагается къ этому дѣлу доводъ, основанный на соперничествѣ рынка; и если товаръ таковъ, что отъ его качества много зависитъ общественное благосостояніе, то перевѣсъ выгодъ можетъ склониться на сторону нѣкотораго вмѣшательства оффиціальныхъ представителей общаго правительственнаго интереса. А мысль, что потребитель—хорошій судья товара, можно принять лишь съ многочисленными оговорками и исключеніями. Вообще (хотя и это не всегда) онъ лучшій судья матеріальныхъ предметовъ, производимыхъ для него. Они назначены на удовлетвореніе извѣстной матеріальной надобности или наклонности, относительно которой никто не можетъ спорить съ человѣкомъ, ее чувствующимъ; или, если они служатъ средствами или принадлежностями для какого-нибудь занятія, человѣкъ, живущій этимъ занятіемъ, справедливо можетъ считаться знатокомъ вещей, нужныхъ въ его обычномъ занятіи. Но есть другіе предметы, рыночный запросъ на которые еще не свидѣтельствуетъ о ихъ достоинствѣ,—предметы, польза которыхъ состоитъ не въ удовлетвореніи наклонностей, не въ служеніи ежедневнымъ житейскимъ надобностямъ, и недостатокъ которыхъ чувствуется тѣмъ меньше, чѣмъ больше бываетъ. Въ особенности надобно сказать это о предметахъ, главная польза которыхъ та, что они возвышаютъ достоинство человѣка. Необразованные люди не могутъ быть хорошими судьями образованія. Тотъ, кому наиболѣе нужно стать просвѣщеннѣе и лучше, обыкновенно меньше всѣхъ желаетъ этого; а еслибъ и желалъ, не способенъ найти себѣ дорогу собственнымъ разсужденіемъ. При системѣ невмѣшательства постоянно будетъ происходить, что отъ недостатка стремленія къ цѣли вовсе не будетъ заготовляться для нея средствъ, или что люди, желающіе развитія, имѣя неполныя и совершенно ошибочныя понятія о томъ, чего хотятъ, будутъ своимъ рыночнымъ запросомъ вызы-

вать снабженіе, которое совершенно не таково, какъ дѣйствительно нужно. А правительство благонамѣренное и достаточно цивилизованное справедливо можетъ думать, что имѣетъ или должно имѣть степень образованія, превышающую уровень образованности въ обществѣ, которымъ оно управляетъ, и что поэтому оно способно предлагать людямъ лучшее воспитаніе и образованіе, чѣмъ какого станетъ само собою искать большинство людей. Потому воспитаніе—одинъ изъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ можно принять принципъ, что правительство должно снабжать народъ средствами. Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, къ которымъ принципъ невмѣшательства не примѣняется безусловно всегда и вездѣ *).

Въ элементарномъ образованіи, отступленіе отъ обыкновеннаго правила можетъ, мнѣ кажется, быть еще значительнѣе. Есть извѣстные элементы и средства знанія, которые чрезвычайно полезно съ дѣтства пріобрѣтать каждому, родящемуся въ обществѣ. Если родители или замѣняющія ихъ лица имѣютъ средства дать ребенку это образованіе, но не даютъ, они совершаютъ двойное нарушеніе обязанности: къ самому ребенку и ко всему обществу, которое все сильно страдаетъ отъ невѣжества и неразвитости своихъ согражданъ; потому можно сказать, что правительство поступаетъ хорошо, налагая на родителей юридическую обязанность давать первоначальное воспитаніе дѣтямъ. Но обязывать къ этому нельзя иначе, какъ принявъ мѣры, обезпечивающія, что элементарное воспитаніе каждому будетъ доступно или даромъ, или съ ничтожными издержками.

Могутъ возразить, что воспитаніе дѣтей—одинъ изъ тѣхъ расходовъ, которые должны лежать на родителяхъ даже и въ рабочемъ сословіи; что полезно, чтобы родители чувствовали надобность исполнять свои обязанности собственными средствами; что давать воспитаніе на чужой счетъ—то же самое, какъ давать пособіе; что соразмѣрно величинѣ этого понижается норма необходимой рабочей платы и ослабляются побужденія къ энергіи и самообладанію. Аргументъ этотъ шелъ бы къ дѣлу развѣ лишь тогда, если бы рѣчь была о замѣнѣ государственными средствами того, что сдѣлали бы безъ нихъ для себя сами частныя лица, если бы всѣ родители въ рабочемъ классѣ призна-

*) Противъ этихъ мнѣній писатель, съ которымъ я во многомъ согласенъ, но враждебность котораго къ правительственному вмѣшательству кажется мнѣ слишкомъ неразборчивою и безусловною, Дюнойе, замѣчаетъ, что какъ бы хорошо ни было преподаваніе само по себѣ, но полезно обществу оно бываетъ лишь настолько, насколько общество желаетъ пользоваться имъ, и что денежный успѣхъ преподаванія служитъ лучшимъ признакомъ сообразности его съ общественной надобностью. Этотъ аргументъ, кажется мнѣ, точно такъ же слабъ относительно умственнаго образованія, какъ былъ бы относительно физическаго леченія. Никакое лекарство не принесетъ пользы больному, если нельзя уговорить его принять лекарство; но мы не обязаны заключать изъ этого, что самъ больной безъ чужого пособія выберетъ себѣ лекарство. Развѣ не можетъ бывать того, что рекомендація отъ уважаемыхъ имъ лицъ склонитъ его принимать лекарство лучшее, чѣмъ выбралъ бы самъ онъ? Въ дѣлѣ образованія вотъ объ этомъ именно и споръ. Разумѣется, если преподаваніе настолько выше народа, что нельзя его убѣдить пользоваться имъ, оно ему приноситъ такъ же мало пользы, какъ бы вовсе не существовало. Но между образованіемъ, какое выбралъ бы себѣ самъ человѣкъ, и образованіемъ, отъ котораго онъ откажется, когда оно ему будетъ предложено, существуетъ пространство, широкость котораго соразмѣрна уваженію человѣка къ рекомендателю. Кромѣ того, если люди плохіе судьи объ извѣстномъ предметѣ: нужно иногда бываетъ долго показывать имъ этотъ предметъ, долго обращать на него ихъ вниманіе, доказывать выгоды его долгимъ опытомъ, чтобы они научились цѣнить его, и они напослѣдокъ научатся: но, быть можетъ, не научились бы никогда, если бы предметъ не навязывался имъ практически, а только рекомендовался въ теоріи. А денежная спекуляція не можетъ ждать успѣха годы или, быть-можетъ, цѣлыя поколѣнія: она должна получить быстрый успѣхъ или исчезнетъ. Другое соображеніе, повидимому, забытое Дюнойе, то, что есть виды образованія, которые никогда не могутъ стать настолько популярны, чтобы съ прибылью оплачивались расходы на нихъ, а между тѣмъ имѣютъ неоцѣнимую пользу, давая самое высокое образованіе немногимъ и сохраняя непрерывный рядъ людей высшаго развитія, ведущихъ впередъ науку и подвигающихъ впередъ цивилизацію общества.

вали и исполняли обязанность образовывать дѣтей на свой счетъ. Но родители не исполняютъ этой обязанности и не включаютъ обученія дѣтей въ число необходимыхъ издержекъ, которыя должны покрываться рабочею платою; слѣдовательно, общая величина рабочей платы не такъ высока, чтобы доставало ея на этотъ расходъ, и надобно покрывать его изъ другого источника. Притомъ же дѣло это не принадлежитъ къ тѣмъ, въ которыхъ оказывать вспоможеніе значитъ увѣковѣчивать порядокъ вещей, требующій вспоможенія. Если обученіе дѣйствительно стоитъ своего имени, оно не ослабляетъ, а усиливаетъ и расширяетъ энергію дѣятельности; какимъ бы образомъ ни было оно пріобрѣтено, его вліяніе на человѣка благопріятно духу независимости; и если бы человѣкъ вовсе не получилъ его, когда не получилъ бы его задаромъ, то пособіе въ этой формѣ имѣетъ тенденцію, противоположную той, по которой оно вредно въ столь многихъ другихъ случаяхъ: это пособіе тому, чтобы обходиться безъ пособія.

Въ Англіи, да и почти во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ чернорабочіе не могутъ оплачивать всѣ расходы первоначальнаго воспитанія изъ своей платы, и не захотѣли бы дѣлать этого, если бы могли. Потому вопросъ тутъ не о преимуществахъ частной спекуляціи и правительственнаго вмѣшательства, а о преимуществахъ правительственнаго дѣйствія или частной благотворительности, правительственнаго вмѣшательства или вмѣшательства частныхъ ассоціацій, собирающихъ на то деньги по добровольной подпискѣ, какъ англійскія общества элементарнаго первоначальнаго обученія. Разумѣется, на деньги, получаемыя принудительнымъ налогомъ, не надобно дѣлать ничего такого, что достаточно уже хорошо дѣлается щедростью частныхъ людей. Насколько дѣлается это въ первоначальномъ воспитаніи тамъ или здѣсь—вопросъ объ отдѣльномъ фактѣ. Обученіе, даваемое въ Англіи по принципу добровольности, въ послѣднее время обсуждалось такъ много, что здѣсь не нужно разбирать его въ подробностяхъ, и я здѣсь просто выражу свое убѣжденіе, что даже въ количествѣ оно совершенно недостаточно и, вѣроятно, останется таково, а въ качествѣ оно бываетъ хорошо лишь по какому-нибудь рѣдкому особенному случаю; вообще же, хотя нѣсколько и улучшается (впрочемъ слабо), оно такъ плохо, что почти только называется обученіемъ. Потому я считаю обязанностью правительства восполнить этотъ недостатокъ назначеніемъ денежнаго пособія первоначальнымъ школамъ, чтобы онѣ стали доступны всѣмъ дѣтямъ бѣднаго сословія или безплатно, или съ платою, нечувствительною по своей незначительности.

Настойчиво должно желать одного: чтобы правительство не присвоивало себѣ монополіи обученія ни въ низшихъ, ни въ высшихъ школахъ; не употребляло ни власти, ни вліянія своего на то, чтобы люди учились въ его школахъ предпочтительно передъ другими, и чтобы никакихъ особенныхъ преимуществъ не давалось воспитанникамъ этихъ школъ. Правительственные преподаватели, по всей вѣроятности, будутъ выше средняго уровня частныхъ, но не будутъ же совмѣщать въ себѣ всего знанія и искусства, какое находится во всемъ сословіи преподавателей, и полезно оставлять какъ можно больше путей къ желаемой цѣли. Потому правительство можетъ и во многихъ случаяхъ должно учреждать первоначальныя и другія училища; но право частныхъ лицъ основывать соперничествующія училища не должно нимало зависѣть отъ правительства.

Въ обученіи правительственное вмѣшательство оправдывается тѣмъ, что дѣло это не принадлежитъ къ предметамъ, въ которыхъ интересомъ и соображеніемъ потребителя достаточно обезпечивается качество товара. Разсмотримъ теперь случаи другого

рода, въ которыхъ нѣтъ лица, находящагося въ положеніи потребителя, и надобно полагаться на интересъ и соображеніе самого занимающагося дѣломъ; таково, напримѣръ, веденіе дѣлъ, въ которыхъ заинтересованъ исключительно самъ ведущій ихъ, или вступленіе въ обязательства и договоры, которыми связывается самъ заключающій.

Основаніемъ принципа невмѣшательства для практики должно здѣсь быть то, что почти каждый понимаетъ свою выгоду и средства къ ея достиженію вѣрнѣе и проницательнѣе, чѣмъ можно предписать ему ее общимъ законодательнымъ постановленіемъ или указать ее въ данномъ случаѣ чрезъ государственнаго чиновника. Въ общемъ правилѣ это безспорно справедливо; но не трудно замѣтить очень обширныя и видныя исключенія изъ него. Ихъ можно раздѣлить на нѣсколько классовъ.

Во-первыхъ, человѣкъ, предполагаемый наилучшимъ судьею своихъ выгодъ, быть можетъ, не способенъ судить и дѣйствовать самобытно; быть можетъ, онъ помѣшанный, идіотъ, дитя; или хотя онъ не вовсе не способенъ къ этому; но онъ можетъ быть несовершеннолѣтенъ возрастомъ и разсудкомъ. Въ этомъ случаѣ принципъ невмѣшательства совершенно лишается своего основанія. Лицо, наиболѣе заинтересованное въ дѣлѣ, не лучшій судья и вовсе не компетентный судья о немъ. Повсюду признается, что о сумасшедшихъ должно заботиться государство. О дѣтяхъ и несовершеннолѣтнихъ обыкновенно говорятъ, что хотя они не могутъ сами заботиться о себѣ, но есть у нихъ родители или родственники, чтобъ заботиться о нихъ. Этотъ вопросъ переносится въ другую категорію; онъ идетъ уже не о томъ, должно ли правительство вмѣшиваться въ распоряженіе частнаго человѣка его собственными дѣйствіями и выгодами, а о томъ, должно ли оно предоставлять въ безусловную власть частнаго человѣка дѣйствія и интересы другого человѣка. Родительскою властью можно злоупотреблять точно такъ же, какъ и всякою другою, и фактически извѣстно, что ею постоянно злоупотребляютъ. Если законы не успѣваютъ удерживать родителей отъ жестокаго обращенія съ дѣтьми, и даже отъ убійства ихъ, то еще меньше можно предполагать, что интересы дѣтей никогда не будутъ принесены въ жертву эгоизму или предразсудку родителей болѣе обыденными и менѣе возмутительными способами. Если законъ можетъ, то онъ имѣетъ право и вообще имѣетъ обязанность принуждать родителей дѣлать для дѣтей все, что очевидно должны они дѣлать, и не дѣлать того, чего очевидно не должны они дѣлать для выгоды дѣтей. Возьмемъ примѣръ изъ сферы собственно экономической. Государству слѣдуетъ, насколько можетъ оно знать и исполнять, охранять дѣтей и несовершеннолѣтнихъ отъ чрезмѣрнаго обремененія работой. Имъ не должно быть позволяемо работать слишкомъ много часовъ или работать сверхъ силъ; потому что если дозволить это, они всегда могутъ быть вынуждаемы къ тому. Свобода договора въ примѣненіи къ дѣтямъ—значитъ просто свобода насилія противъ нихъ. Родители или родственники не должны также имѣть права, по безпечности, завистливости или скупости, лишать дѣтей образованія, какое только могутъ получить они по своимъ средствамъ.

Доводы о надобности правительственнаго вмѣшательства въ пользу дѣтей примѣняются съ такою же силою и къ низшимъ животнымъ, этимъ несчастнымъ рабамъ и жертвамъ грубѣйшей части человѣческаго рода. Лишь самое грубѣйшее непониманіе принциповъ свободы могло называть вмѣшательствомъ правительства въ дѣла ему не принадлежащія, вмѣшательствомъ въ домашнюю жизнь то, что стали подвергаться примѣрному наказанію жестокіе поступки съ этими беззащитными существами. Домашняя жизнь домашнихъ тирановъ это одна изъ тѣхъ вещей, въ которыя всего необходимѣе

вмѣшиваться закону; и жаль, что метафизическія тонкости о сущности и источникѣ правительственной власти заставляютъ иныхъ жаркихъ защитниковъ закона противъ жестокаго обращенія съ животными искать оправданія этому закону не во внутреннемъ характерѣ самаго дѣла, а въ его случайныхъ послѣдствіяхъ, въ томъ, что привычка къ жестокости можетъ быть вредною для человѣческихъ интересовъ. Чего человѣкъ, имѣющій нужную физическую силу, обязанъ не допускать дѣлать въ своемъ присутствіи, противъ чего онъ долженъ употребить свою силу, то обязано преслѣдовать такъ же сильно и все общество. Главный недостатокъ нынѣшнихъ англійскихъ законовъ объ этомъ дѣлѣ—ничтожность наказанія за эти поступки.

Многіе хотятъ причислять женщинъ къ тѣмъ членамъ общества, свобода которыхъ въ заключеніи договоровъ должна подлежать законодательному контролю для ихъ собственнаго огражденія, по причинѣ (какъ говорятъ) ихъ зависимаго положенія; недавно изданный законъ о работѣ на фабрикахъ (Factory Act) поставилъ работу женщинъ подъ особенныя ограниченія, наравнѣ съ работою несовершеннолѣтнихъ. Но ставить тутъ и въ другихъ случаяхъ женщинъ вмѣстѣ съ дѣтьми кажется мнѣ вещью фальшивой въ теоріи и вредной на практикѣ. Дѣти ниже извѣстныхъ лѣтъ вовсе не могутъ разсуждать и дѣйствовать самостоятельно; потомъ еще довольно долго они могутъ управлять собою лишь не вполнѣ; но женщины точно такъ же, какъ и мужчины, способны обсуждать свои дѣла и управлять ими, и единственное препятствіе къ этому—несправедливость нынѣшняго ихъ общественнаго положенія. Пока все, пріобрѣтаемое женою, законъ дѣлаетъ собственностью мужа, пока, принуждая ее жить съ нимъ, онъ заставляетъ ее подвергаться всякому нравственному и даже физическому тиранству, какое мужъ вздумаетъ совершать надъ нею,—не совсѣмъ напрасно считается каждое ея дѣйствіе совершающимся по принужденію. Но сильно ошибаются тѣ реформаторы и филантропы, которые въ нашу эпоху хотятъ подрѣзывать слѣдствія несправедливой власти, вмѣсто того, чтобы устранить самую несправедливость. Если женщины будутъ имѣть такую же, какъ мужчины, безусловную власть надъ своею личностью и надъ имуществомъ, какое наслѣдуютъ или пріобрѣтаютъ, то не будетъ никакого предлога ограничивать часы ихъ работы самихъ на себя, чтобы онѣ имѣли время работать на мужа по такъ-называемому у защитниковъ этого ограниченія *мужнину хозяйству*. Женщины, работающія на фабрикахъ,—единственныя женщины въ рабочихъ сословіяхъ, не находящіяся въ положеніи рабынь и вьючныхъ животныхъ; и это именно оттого, что не легко заставлять ихъ работать и зарабатывать деньги на фабрикахъ противъ ихъ воли. По моему мнѣнію, чтобы улучшить положеніе женщинъ, надобно не закрывать или не стѣснять доступъ имъ въ тѣ независимыя промышленныя занятія, которыя уже открыты для нихъ, а, напротивъ, давать имъ свободнѣйшій доступъ къ такимъ занятіямъ.

Второе исключеніе изъ правила, что каждый самъ бываетъ наилучшимъ судьею о своихъ выгодахъ,—тотъ случай, когда человѣкъ пытается безвозвратно рѣшить теперь, что будетъ наиболѣе полезно для него въ отдаленномъ будущемъ. Предположеніе о здравости личнаго соображенія справедливо лишь тамъ, гдѣ соображеніе основывается на дѣйствительномъ и въ особенности на настоящемъ личномъ опытѣ; а не тамъ, гдѣ оно дѣлается предварительно, раньше опыта, и не допускаетъ отказа даже и по осужденіи его опытомъ. Когда человѣкъ обязался договоромъ—не то, что исполнить одно извѣстное дѣло, а продолжать исполнять что-нибудь навѣкъ или на долгій періодъ, безъ возможности уничтожить это обязательство, то уже нѣтъ возможности считать вы-

годнымъ для него это положеніе только по тому признаку, что онъ остается въ немъ. — признаку, который безъ безвозвратнаго обязательства свидѣтельствовалъ бы объ этомъ; а тотъ аргументъ, что онъ вступилъ въ обязательство добровольно,—вступилъ, быть можетъ, въ ранней молодости и вовсе не зная того, къ чему обязывается,—этотъ аргументъ обыкновенно равняется нулю. Практическій принципъ невмѣшательства въ свободу договоровъ лишь съ большими ограниченіями можетъ прилагаться къ вѣчнымъ обязательствамъ, и законъ долженъ смотрѣть на такія обязательства чрезвычайно недовѣрчиво; онъ долженъ отказывать имъ въ своемъ утвержденіи, когда человѣкъ принимаетъ на себя такія обязанности, о которыхъ не можетъ судить основательнымъ образомъ; а если законъ утверждаетъ какіе-нибудь изъ этихъ договоровъ, онъ долженъ требовать всевозможныхъ обезпеченій въ томъ, что они заключаются по основательному соображенію о будущемъ; и въ вознагражденіе за то, что не дозволяется самимъ договаривающимся разорвать свое обязательство, онъ долженъ давать имъ освобожденіе отъ него, когда будетъ приведена достаточная причина къ тому передъ безпристрастною властью. Эти соображенія въ особенности примѣняются къ браку, важнѣйшему изъ всѣхъ вѣчныхъ обязательствъ.

Третье исключеніе изъ правила, что правительство не можетъ вести дѣла частнаго человѣка такъ хорошо, какъ онъ самъ, относится къ многочисленнымъ случаямъ, когда частный человѣкъ можетъ вести дѣло только чрезъ повѣреннаго, и когда такъ-называемое веденіе дѣла заинтересованными лицами въ сущности едва ли лучше веденія ихъ чиновникомъ правительства. Всѣ дѣла, которыя, будучи предоставлены частной дѣятельности, могутъ вестись лишь акціонерными компаніями, не хуже, а иногда и лучше того для существенныхъ своихъ результатовъ будутъ ведены правительствомъ. Правда, казенное управленіе вошло въ поговорку медленностью, безпечностью и неуспѣшностью; но точно также вошло въ поговорку и акціонерное управленіе. Правда, что директоры акціонернаго общества—всегда акціонеры; но члены правительства также всегда—участники въ платежѣ налоговъ; и у директоровъ точно такъ же, какъ и у агентовъ правительства, доля въ выгодахъ отъ хорошаго хозяйства не равняется выгодѣ, какую они могутъ имѣть отъ злоупотребленій, не говоря уже о томъ, что быть безпечными—спокойнѣе для нихъ. Могутъ возразить, что акціонеры въ цѣломъ своемъ составѣ имѣютъ нѣкоторый контроль надъ директорами и почти всегда имѣютъ полную власть отрѣшать ихъ отъ должности. Но въ практикѣ контроль надъ дѣйствіями директоровъ оказывается такъ затруднителенъ, что акціонеры почти никогда не пользуются этимъ правомъ, кромѣ случаевъ такой явной неловкости или такой безуспѣшности управленія, которая вообще повела бы за собою удаленіе отъ должности и распорядителей, назначенныхъ правительствомъ. Взамѣнъ гарантіи, представляемой собраніями акціонеровъ и личныхъ наблюденій и изысканій того или другого изъ акціонеровъ, можно выставить, что надобно ожидать большей публичности, болѣе дѣятельныхъ преній и замѣчаній о дѣлахъ, въ которыхъ участвуетъ общее правительство, чѣмъ о дѣлахъ частной компаніи. Потому недостатки казеннаго управленія не бываютъ необходимо много больше, а быть можетъ и вовсе не больше недостатковъ акціонернаго управленія.

Если надобно, вообще говоря, предоставлять добровольнымъ товариществамъ почти всѣ тѣ дѣла, которыя могутъ исполняться ими хотя посредственно, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы правительству слѣдовало оставлять безъ всякаго контроля веденіе дѣлъ этими товариществами. Во многихъ случаяхъ, чьимъ бы силамъ ни было

оставлено дѣло, лицо или товарищество, его исполняющее, будетъ по самому характеру дѣла въ сущности пользоваться монополіею, и никакъ нельзя уничтожить эту практическую монополію съ принадлежащею ей силою брать налогъ съ общества. Я уже не разъ указывалъ на газовыя и водопроводныя общества, между которыми на дѣлѣ нѣтъ соперничества, хотя предоставлена полная свобода соперничеству, и на практикѣ они оказываются еще безотвѣтственнѣе правительства, еще менѣе его доступны частнымъ жалобамъ. Тутъ существованіе нѣсколькихъ производителей, вмѣсто одного, не доставляетъ никакихъ выгодъ, а ведетъ лишь къ увеличенію расходовъ; и плата за предметъ, безъ котораго нельзя обойтись, становится тутъ такимъ же принудительнымъ налогомъ, какъ бы установлялась она закономъ. Въ этихъ дѣлахъ перевѣсъ выгодъ на той сторонѣ, чтобы они, подобно мощенію и чисткѣ улицъ, исполнялись правительствомъ; разумѣется, не центральнымъ государственнымъ правительствомъ, а городскимъ управленіемъ, а издержки покрывались бы, какъ оно и теперь въ сущности есть, мѣстнымъ налогомъ. Но во многихъ подобныхъ случаяхъ, когда лучше оставить дѣло частнымъ лицамъ, обществу нужна еще другая гарантія хорошаго исполненія дѣла, кромѣ выгоды распорядителей; и правительство должно или установить для этого дѣла надлежащія условія къ общей выгодѣ, или оставить за собою такую власть надъ нимъ, чтобы общество не лишалось, по крайней мѣрѣ, тѣхъ выгодъ, какія имѣетъ монополія. Это надобно сказать о каналахъ и желѣзныхъ дорогахъ. На практикѣ они всегда въ значительной степени бываютъ монополіями; и правительство, безусловно предоставляющее такую монополію частной компаніи, дѣлаетъ то же самое, какъ если бы дозволяло отдѣльному лицу или обществу брать въ свою пользу какой угодно налогъ со всего производимаго въ Англіи солода или со всей привозимой въ нее хлопчатой бумаги. Уступать дорогу или каналъ во временное пользованіе строителямъ можно по той же причинѣ, которою оправдывается выдача привилегій изобрѣтателямъ; но государство или должно постановлять, что по прошествіи срока дорога или каналъ переходятъ въ его собственность, или должно оставлять за собою свободное право опредѣлять maximum платы за проѣздъ и за провозъ, съ тѣмъ, чтобы отъ времени до времени измѣнять этотъ maximum.

На четвертое исключеніе я долженъ обратить особенное вниманіе читателя, потому что прежніе политико-экономы слишкомъ мало обращали вниманія на дѣла этого рода. Есть вещи, въ которыя вмѣшательство закона нужно не затѣмъ, чтобы устранять соображеніе частнаго лица о своихъ выгодахъ, а затѣмъ, чтобы могло исполняться это соображеніе, и нужно это потому, что воля частныхъ лицъ можетъ осуществляться тутъ лишь по соглашенію между ними, а самое соглашеніе будетъ имѣть силу лишь тогда, когда поддерживается и защищается закономъ. Возьму въ примѣръ уменьшеніе часовъ рабочаго дня,—только въ примѣръ, не споря о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ быть этому уменьшенію. Предположимъ,—вѣдь можно хотя сдѣлать это предположеніе, не рѣшая, вѣрно ли оно или невѣрно,—что общее уменьшеніе дня фабричной работы съ 12 часовъ на 10 было бы выгодно для работниковъ, что они за 10 часовъ работы стали бы получать такую же или почти такую же плату, какъ теперь за 12 часовъ. Если предположить это, и предположить, что всѣ работники убѣждены въ этомъ, то иной скажетъ, что уменьшеніе произойдетъ само собою и что не нужно будетъ узаконять его юридическимъ постановленіемъ. Я отвѣчаю: оно произойдетъ лишь тогда, если всѣ работники обяжутся другъ передъ другомъ держаться этого уменьшенія. Если работникъ отказывается работать больше 10 часовъ, между тѣмъ

какъ другіе работаютъ по 12, онъ или вовсе не будетъ нанятъ, или плата ему будетъ уменьшена на шестую долю. Потому, какъ бы твердо ни былъ онъ убѣжденъ, что 10-часовая работа выгоднѣе 12-часовой для его сословія, его интересу будетъ противно подавать этотъ примѣръ, если онъ не увѣренъ вполнѣ, что всѣ или почти всѣ послѣдуютъ за нимъ. Но предположимъ, что и все сословіе работниковъ вступило въ такое соглашеніе,—будетъ ли соглашеніе имѣть силу безъ законодательной санкціи? Лишь въ томъ случаѣ, если общественное мнѣніе охраняетъ его со строгостью, на практикѣ равняющеюся юридическому наказанію. Вѣдь какъ ни полезно соблюденіе этого правила для всего сословія, но прямая выгода каждаго отдѣльнаго работника—нарушать его; и чѣмъ многочисленнѣе лица, вступившія въ соглашеніе, тѣмъ больше будетъ число людей, могущихъ выиграть, отступивъ отъ него. Если даже почти всѣ держатся правила работать 10 часовъ, люди, которые захотятъ работать 12 часовъ, получатъ полную выгоду отъ уменьшеннаго времени работы и кромѣ того прибыль за его нарушеніе: за 10-часовую работу они получатъ прежнюю 12-часовую плату и сверхъ того еще плату за два часа. Согласенъ, что вреда отъ этого не будетъ, если огромное большинство станетъ держаться 10-часовой работы: почти вся выгода, какая могла быть отъ этого, останется за сословіемъ работниковъ, а люди, желающіе работать и вырабатывать больше, будутъ имѣть возможность къ тому. Разумѣется, такого порядка вещей и слѣдовало бы желать; и если предположить, что уменьшеніе часовъ съ сохраненіемъ прежней платы возможно безъ того, чтобъ товаръ не лишился нѣкоторыхъ своихъ рынковъ (этотъ вопросъ рѣшается, смотря по обстоятельствамъ каждаго даннаго случая, а не по общему принципу),—если предположить это, то конечно наилучшимъ способомъ осуществленія была бы тихая перемѣна въ общемъ фабричномъ обычаѣ, чтобы 10-часовая работа вошла въ общую практику по доброй волѣ каждаго; а кто хочетъ отступать отъ нея, тотъ имѣлъ бы полнѣйшую свободу работать больше. Но число людей, которые захотятъ по новой высшей платѣ работать 12 часовъ, будетъ такъ велико, что 10-часовая работа не удержится въ общемъ обычаѣ: что одинъ сталъ дѣлать по доброй волѣ, то другой скоро принужденъ будетъ дѣлать по необходимости, и люди, захотѣвшіе работать по 12 часовъ для полученія большей платы, будутъ, наконецъ, принуждены работать по 12 часовъ за прежнюю плату. Значитъ, если предположить, что каждому было бы выгодно работать лишь 10 часовъ, когда могъ бы онъ быть увѣренъ, что всѣ другіе станутъ работать не больше; все-таки единственнымъ средствомъ достичь этой цѣли могло бы оказаться для работниковъ то, чтобы обратить свое взаимное соглашеніе въ юридическое обязательство съ наказаніями по закону за нарушеніе правила. Я не то, что говорю въ пользу такого постановленія,—оно служитъ у меня лишь примѣромъ того, какъ извѣстному сословію можетъ нужна быть помощь закона для осуществленія общаго мнѣнія этихъ людей о ихъ выгодѣ,—нужна для того, чтобы каждому дать гарантію, что его соперники будутъ держаться того же правила, которое нельзя принять и ему безъ такой гарантіи. Другой примѣръ того же принципа—такъ-называемая уэкфильдова система колонизаціи.

Если безусловно понимать принципъ, что каждый самъ наилучшій судья своихъ выгодъ, это будетъ значить, что правительствамъ не слѣдуетъ исполнять ни одной изъ безспорныхъ ихъ обязанностей,—не слѣдуетъ имъ и вовсе существовать. Цѣлому обществу и каждому члену его очень выгодно то, чтобы люди не грабили и не воровали другъ у друга; но все-таки необходимы законы, наказывающіе грабежъ и воровство, потому что если и выгодно каждому, чтобы никто не грабилъ и не воровалъ,

то никому не выгодно удерживаться отъ грабежа и воровства, когда всѣмъ другимъ дозволено грабить и обворовывать его. Въ этомъ и есть главная причина существованія уголовныхъ законовъ. Самое единодушное мнѣніе, что извѣстный образъ дѣйствій выгоденъ для всѣхъ,—не всегда достаточно, чтобы разсчетъ каждаго соотвѣтствовалъ этому образу дѣйствій.

Пятое исключеніе. Аргументъ противъ правительственнаго вмѣшательства, основанный на принципѣ, что каждый самъ—наилучшій судья своихъ выгодъ, не можетъ примѣняться къ очень обширному разряду тѣхъ случаевъ, въ которыхъ присвоивается правительству контроль надъ дѣйствіями частнаго лица, совершаемыми имъ не въ свою пользу, а въ пользу другихъ. Сюда принадлежитъ, между прочимъ, важный вопросъ объ общественной благотворительности, возбуждавшій столько споровъ. Вообще слѣдуетъ каждому оставлять свободу дѣлать все, къ чему онъ предполагается имѣющимъ достаточно способностей; но когда никакъ нельзя предоставить человѣка самому себѣ, а нужна ему помощь другихъ, является вопросъ: лучше ли, чтобы онъ получалъ эту помощь исключительно отъ частныхъ лицъ, то есть помощь невѣрную и случайную, или получалъ ее по систематическому устройству, по распоряженію общества, черезъ его органъ—государственную власть.

Этотъ приводитъ насъ къ разбору законовъ о пособіи, вопросъ о которыхъ былъ бы очень неваженъ, если бы привычки всѣхъ сословій въ Англіи были умѣренны и благоразумны, а распредѣленіе собственности удовлетворительно; но онъ чрезвычайно важенъ при порядкѣ дѣлъ, столь противоположномъ этимъ обоимъ условіямъ, какъ порядокъ дѣлъ на Британскихъ островахъ.

Независимо отъ метафизическихъ взглядовъ на сущность нравственности и общественнаго союза, каждый согласится, что люди должны помогать другъ другу; что обязанность эта тѣмъ сильнѣе, чѣмъ настоятельнѣе нужда, и что никому помощь не нужна такъ настоятельно, какъ умирающему съ голода. Потому право на пособіе, происходящее отъ крайней бѣдности,—одно изъ сильнѣйшихъ правъ на свѣтѣ; слѣдовательно, при первомъ же взглядѣ на дѣло мы видимъ сильнѣйшее основаніе устроить для людей, столь сильно нуждающихся въ пособіи, самый вѣрный способъ доставки имъ пособія, какой только можетъ быть устроенъ общественными мѣрами.

Съ другой стороны, при каждомъ пособіи надобно брать во вниманіе два ряда послѣдствій: послѣдствія самого пособія и послѣдствія увѣренности въ томъ, что оно будетъ оказано. Послѣдствія перваго рода вообще полезны; но послѣдствія второго рода почти всегда вредны; часто вредны до того, что далеко перевѣшиваютъ всю пользу, и скорѣе всего это бываетъ именно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ надобность пособія—самая настоятельная. Одна изъ самыхъ вредныхъ надеждъ на постоянное пособіе—надежда на полученіе пищи, и, къ несчастію, нѣтъ истины, въ которой легче было бы убѣдиться. Потому рѣшеніе этой важной задачи требуетъ большой осмотрительности; а задача въ томъ, какъ оказывать наибольшее количество нужной помощи съ наименьшимъ возбужденіемъ вредной надежды на нее.

Но энергія человѣка и надежда его на самого себя могутъ и недостаткомъ пособія ослабляться точно такъ же, какъ излишествомъ. Безнадежность еще гибельнѣе для энергіи труда, чѣмъ разсчетъ прожить безъ труда. Когда положеніе человѣка такъ бѣдственно, что силы его парализуются отчаяніемъ, пособіе не усыпляетъ, а возбуждаетъ, укрѣпляетъ, а не разслабляетъ энергію; разумѣется, если оно не таково, чтобы устранять надобность собственныхъ усилій, если оно не замѣняетъ человѣку его лич-

наго труда, искусства и благоразумія, а ограничивается доставленіемъ ему лучшей надежды обезпечить себя этими законными средствами успѣха. Вотъ критеріумъ, по которому надобно судить о всѣхъ филантропическихъ и гуманныхъ проектахъ, все равно, на облегченіе ли судьбы отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ сословій предназначаются они, и добровольною ли, правительственною ли дѣятельностію должны исполняться.

Насколько можетъ тутъ быть общее правило, мнѣ кажется, что правило это— таково: если пособіе дается въ такой формѣ, что положеніе человѣка, получающаго пособіе, не хуже того, въ какомъ находится человѣкъ, пріобрѣтающій такое же обезпеченіе безъ пособія, то пособіе вредно, когда люди впередъ увѣрены, что получатъ его; но если оно, будучи доступно каждому, оставляетъ человѣку сильное побужденіе обойтись, если возможно, безъ пособія, то оно почти всегда полезно. Если положеніе человѣка, получающаго пособіе, ничѣмъ не хуже положенія работника, содержащагося своимъ трудомъ,—это система, истребляющая въ самомъ корнѣ всякое личное трудолюбіе и самоуправленіе; и если бы вполнѣ осуществлялся такой методъ, онъ требовалъ бы въ дополненіе къ себѣ организованной системы принужденія, чтобы управлять какъ скотомъ людьми, выведенными изъ-подъ вліянія побужденій, дѣйствующихъ на людей, и заставлять ихъ работать, какъ скотъ. Но если, обезпечивая людей отъ крайней нужды, можно сдѣлать, чтобы положеніе человѣка, содержимаго на общественный счетъ, было значительно хуже, чѣмъ положеніе человѣка, содержащагося своимъ трудомъ, законъ, устраняющій возможность умереть съ голода иначе какъ по собственной волѣ, будетъ имѣть только одни хорошія послѣдствія. Что въ Англіи можно осуществить это условіе, доказывается опытомъ долгихъ лѣтъ, предшествовавшихъ концу прошлаго вѣка, и въ новыя времена опытомъ многихъ округовъ, въ которыхъ было очень много нищеты и которые избавились отъ нея къ великой и вѣчной пользѣ всего рабочаго сословія, принявъ строгія правила въ оказываніи пособія. Если видоизмѣнять правила сообразно народному характеру, вѣроятно и во всякой странѣ можно обезпечить неимущихъ правительственнымъ пособіемъ, не нарушая условій, необходимыхъ для того, чтобы отъ пособія не было вреда.

При соблюденіи этихъ условій, я считаю очень полезнымъ, чтобы законъ обезпечивалъ средства существованія находящимся въ крайности здоровымъ людямъ, и чтобы эти средства не зависѣли отъ частной благотворительности. Во-первыхъ, благотворительность всегда даетъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало; расточаетъ свою щедрость въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ оставляетъ людей умирать съ голоду. Во-вторыхъ, государство обязано же по необходимости содержать бѣднаго преступника, пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ; значитъ, если оно не содержитъ невиннаго бѣдняка, оно назначаетъ награду за преступленіе. Наконецъ, если неимущіе предоставлены частной благотворительности, неизбѣжно нищенство въ обширномъ размѣрѣ. Забота различать разные разряды неимущихъ—вотъ дѣло, которое государство должно предоставить частной благотворительности. Она можетъ давать больше заслуживающему большаго пособія. Государство должно дѣйствовать по общимъ правиламъ. Оно не можетъ брать на себя разбора, какой нуждающійся заслуживаетъ, какой не заслуживаетъ участія. Оно не обязано давать ничего сверхъ необходимаго для жизни первому, и не можетъ давать второму меньше необходимаго. Говорятъ о несправедливости закона, который бѣдняку, невинно обнищавшему, даетъ не больше того, чѣмъ обнищавшему отъ безнравственности,—говорить это значитъ не понимать, что такое законъ и общественная власть. Чиновники, завѣдующіе общественнымъ пособіемъ, не инквизиторы. Имъ нельзя

вѣрять власти давать или не давать чужихъ денегъ по ихъ приговору о нравственности лица, просящаго денегъ. Предполагая, что они даже способны составлять себѣ разумное сужденіе о прошедшемъ поведеніи нуждающагося,—случай, почти невозможный,—все-таки нельзя предположить, что они примутъ на себя трудъ разузнать и разобрать это прошедшее,—значитъ, совершенно не знать человѣческой натуры. Частная благотворительность можетъ дѣлать этотъ разборъ и, давая свои деньги, человѣкъ имѣетъ право давать ихъ по собственному соображенію. Надобно понимать, что это—особенное дѣло, принадлежащее собственно частной благотворительности, и что оно полезно или вредно, смотря по тому, разсудительно или неразсудительно исполняется. Но распорядители общественныхъ денегъ не должны никому давать больше того minimum, какой обязаны давать и самому дурному человѣку. Иначе излишество очень скоро станетъ правиломъ, а отказъ болѣе или менѣе капризнымъ деспотическимъ исключеніемъ.

Подъ одинаковый съ общественной благотворительностью принципъ подходятъ случаи другого рода,—тѣ случаи, когда дѣло частнаго лица хотя и совершается имъ только въ свою пользу, влечетъ за собою слѣдствія, несравненно обширнѣйшія для всей націи или потомства, о которомъ только общество въ цѣломъ своемъ составѣ можетъ и обязано заботиться. Одно изъ такихъ дѣлъ—колонизація. Никто не станетъ спорить, что дѣло основанія колоній слѣдуетъ вести не въ исключительномъ интересѣ частныхъ выгодъ первыхъ поселенцевъ, а съ обдуманнымъ разсчетомъ для прочнаго блага націй, которыя впослѣдствіи возникнутъ изъ этихъ маленькихъ зародышей; а это можетъ обезпечиваться лишь тѣмъ, когда дѣло съ самаго начала ведется по правиламъ, составленнымъ предусмотрительностью и широкими понятіями просвѣщенныхъ законодателей; одно правительство имѣетъ силу составить эти правила и охранить ихъ отъ нарушенія.

Множество разныхъ другихъ случаевъ подходитъ подъ тотъ принципъ, по которому, какъ мы видѣли, не примѣняется къ дѣламъ колонизаціи и пособія нуждающимся главнѣйшее возраженіе противъ правительственнаго вмѣшательства; это случаи, въ которыхъ дѣло должно принести важную пользу обществу, но никто изъ частныхъ людей не имѣетъ особенной выгоды исполнять его, потому что само собою не даетъ оно частному лицу надлежащаго вознагражденія. Возьмемъ въ примѣръ путешествіе съ географическою или другою ученою цѣлью. Свѣдѣнія, которыя должно оно доставить, могутъ быть очень полезны для общества, но частный человѣкъ не извлечетъ изъ нихъ выгоды, которой вознаградились бы издержки на экспедицію, и нѣтъ возможности ему взимать съ пользующихся пріобрѣтенными свѣдѣніями эту уплату, нельзя брать пошлины съ нихъ въ свое вознагражденіе. Такія путешествія устроиваются или могли бы устроиваться по частной подпискѣ: но это рессурсъ рѣдкій и невѣрный. Часто случалось, что расходы эти брали на себя какія-нибудь общества, ученыя, торговыя или человѣколюбивыя. Но вообще эти предпріятія совершаются на счетъ правительства, которое притомъ можетъ и вѣрять ихъ лицамъ, наиболѣе способнымъ къ дѣлу по его мнѣнію. Точно также, правительству слѣдуетъ строить и содержать маяки, ставить вѣхи, и т. д. для безопасности плаванія: никто не можетъ собирать пошлину съ кораблей, получающихъ пользу отъ маяка, за то, что они имъ воспользовались: потому никто не сталъ бы по личному разсчету строить маяковъ.

Вообще можно сказать, что правительству слѣдуетъ брать на себя всѣ тѣ дѣла, исполненіе которыхъ не дастъ вознагражденія частному лицу или частной компаніи за расходъ на нихъ, но которыя нужны для общей пользы человѣчества или будущихъ поколѣній, или для настоящей выгоды частей общества, нуждающихся въ посторонней

помощи. Но прежде, чѣмъ брать на себя такое дѣло, правительство всегда должно разсмотрѣть, не существуетъ ли вѣроятность, что дѣло это можетъ исполниться по такъ-называемому добровольному принципу, и если можетъ, то слѣдуетъ ли ожидать, что правительственною дѣятельностью станетъ исполняться оно лучше или успѣшнѣе, чѣмъ ревностью и щедростью частныхъ людей.

Предшествующіе параграфы обнимаютъ собою, какъ мнѣ кажется, всѣ исключенія изъ той практической аксіомы, что общественныя дѣла лучше всего могутъ исполняться частною и добровольною дѣятельностью. Но необходимо прибавить, что въ дѣйствительности правительственное вмѣшательство не всегда можетъ останавливаться на границѣ дѣлъ, по самой своей сущности требующихъ его. Бываютъ такія времена и такія положенія націи, что почти всякому дѣлу, дѣйствительно важному для общей пользы, полезно и необходимо бываетъ исполняться правительствомъ, потому что частные люди хотя и могутъ, но не хотятъ исполнять это дѣло. Есть такія времена и мѣста, что не будетъ ни дорогъ, ни доковъ, ни каналовъ, ни пристаней, ни работъ для орошенія, ни больницъ, ни первоначальныхъ, ни высшихъ училищъ, ни типографій, если не устроитъ ихъ правительство: публика или такъ бѣдна, что не имѣетъ средствъ къ тому, или такъ неразвита умственно, что не можетъ оцѣнить ихъ пользы, или такъ непривычна къ общему дѣйствованію, что не умѣетъ распоряжаться этими дѣлами. Много есть такихъ земель, въ которыхъ сами жители не могутъ сдѣлать для себя ничего, требующаго большихъ средствъ и организованнаго дѣйствія, и всѣ такія дѣла остаются у нихъ не исполненными, если не исполняются государствомъ. Въ этихъ случаяхъ, искренность своихъ заботъ о благѣ подданныхъ, правительство вѣрнѣе всего докажетъ тѣмъ, что дѣла, возлагаемыя на него безпомощностью публики, станетъ совершать такимъ способомъ, чтобы эта безпомощность прекращалась отъ него, а не увеличивалась и не увѣковѣчивалась. Хорошее правительство будетъ содѣйствовать публикѣ такъ, чтобы ободрялись и развивались всѣ находящіеся въ ней зародыши частной самодѣятельности. Оно будетъ ревностно устранять препятствія къ добровольной дѣятельности, облегчать ее въ случаѣ нужды совѣтами и руководствомъ; свои денежныя средства оно будетъ, когда можно, употреблять не на устраненіе надобности въ частныхъ усиліяхъ, а на содѣйствіе имъ. Когда правительственное пособіе оказывается только по недостатку частной предпріимчивости, оно должно оказываться такъ, чтобы по возможности служить для народа курсомъ воспитанія въ искусствѣ достигать великихъ цѣлей индивидуальной энергіей и добровольнымъ соединеніемъ силъ.

Я не считалъ нужнымъ говорить здѣсь о той части правительственныхъ дѣйствій, необходимость которой признается всѣми,—о обязанности правительства запрещать и наказывать такія дѣйствія свободныхъ людей, которыя очевидно вредны для другихъ людей, будетъ ли этотъ вредъ происходить отъ насилія, обмана и небрежности, все равно. Прискорбно думать, какая огромная пропорція человѣческихъ усилій и способностей употребляется только на нейтрализованіе другихъ усилій и способностей даже и въ наилучшемъ изъ всѣхъ существующихъ положеній общества. Истинное назначеніе правительства—уменьшать эту пропорцію до наименьшаго возможнаго размѣра, принимая мѣры къ тому, чтобы энергія, растрачиваемая нынѣ людьми на нанесеніе вреда другъ другу или на защиту себя отъ этого вреда, обращалась къ надлежащей цѣли человѣческихъ способностей,—къ тому, чтобы принуждать силы природы все болѣе и болѣе служить матеріальному и нравственному благу.

Вотъ послѣднія слова, которыми заканчивается трактатъ Милля. Пора

и намъ кончить рядъ статей, получившихъ уже размѣръ, едва ли не слишкомъ обременительный для журнала. Не успѣла войти въ наши очерки та часть теоріи, которая, по нашему мнѣнію, наиболѣе важна въ наукѣ. Критикою господствующихъ понятій намъ удавалось приводить читателя къ общимъ принципамъ устройства, наиболѣе выгоднаго для людей. Но мы не успѣли изложить, въ какихъ главныхъ подробностяхъ должны нѣкогда осуществиться эти принципы и какими переходными ступенями могутъ уже теперь люди приближаться къ наилучшему устройству своихъ матеріальныхъ отношеній. Намъ пришлось въ этомъ отношеніи довольствоваться неопредѣленными очерками, представленными у Милля въ главѣ о вѣроятной будущности рабочихъ сословій. Мысли его вѣрны, но слишкомъ блѣдны. И мы очень жалѣемъ о томъ, что не успѣли дополнить ихъ очерками, болѣе точными. Но что же дѣлать!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

(Милль, книга вторая)

Собственность

(Гл. I—II).

Рутинные политико-экономы выставляютъ всѣ части экономическаго быта одинаково независящими въ своихъ чертахъ отъ соображеній человѣка о лучшемъ устройствѣ человѣческаго быта. На самомъ же дѣлѣ принципы только одной части экономическаго быта, именно производства, налагаются на человѣка съ необходимостью физическихъ законовъ; остальные же элементы экономическаго быта устраиваются уже самимъ человѣкомъ и вполнѣ подлежатъ его власти. Разъясненіемъ этой важной разницы теоріи производства отъ теоріи распредѣленія, обмѣна и начинаетъ Милль 2-ю книгу своего трактата.

„1. Принципы, изложенные въ первой части нашего трактата, сильно отличаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ принциповъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступаемъ. Законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ, о какихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего, зависящаго отъ воли, ничего такого, что было бы можно измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами внѣшней природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самого человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размѣръ его производства все равно будетъ опредѣляться размѣромъ его предварительнаго сбереженія и при данномъ размѣрѣ сбереженія будетъ пропорціоналенъ энергіи человѣка, его искусству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но, удвоивъ количество труда, онъ не получитъ съ даннаго пространства земли удвоеннаго количества пищи, если не произойдетъ улучшенія въ земледѣльческомъ процессѣ. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но непроизводительный расходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ вести къ пропорціональному обѣднѣнію общества, и только производительнымъ расходованіемъ будетъ обогащаться общество. Каковы бы ни были мнѣнія или желанія по этимъ вещамъ, они не измѣняютъ характера самыхъ вещей. Мы не можемъ сказать впередъ, какихъ предѣловъ не перейдутъ измѣненія въ способахъ производства, какихъ предѣловъ не превзойдетъ возрастаніе производительности

труда при будущемъ расширеніи нашихъ знаній о законахъ природы и при возникновеніи изъ этихъ новыхъ знаній новыхъ промышленныхъ процессовъ, о которыхъ мы теперь не имѣемъ и понятія. Но каковы бы ни были наши успѣхи въ стараніяхъ расширить предѣлы, полагаемые намъ свойствами вещей, мы знаемъ, что непремѣнно существуютъ эти предѣлы: мы не можемъ измѣнить коренныхъ качествъ ни матеріи, ни мысли, а можемъ только съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ употреблять эти качества на произведеніе феноменовъ, нужныхъ для насъ.

„Не таковы принципы распредѣленія богатства. Это распредѣленіе—чисто дѣло человѣческаго учрежденія. Когда явились вещи, то люди, или какъ частные люди, или какъ общество, могутъ поступать съ ними какъ захотятъ. Они могутъ отдать ихъ въ распоряженіе кому имъ угодно и на какихъ имъ угодно условіяхъ. Далѣе: когда люди живутъ въ обществѣ, то всякое распоряженіе вещами можетъ происходить только по согласію общества, или, точнѣе говоря, по согласію тѣхъ, которые располагаютъ дѣятельною силою общества; это согласіе необходимо при всякомъ общественномъ устройствѣ, независимость отъ него бываетъ только въ одиночествѣ совершенной пустыни. Даже вещи, произведенныя однимъ своимъ личнымъ трудомъ, безъ всякой чужой помощи, человѣкъ не можетъ сохранять въ своемъ распоряженіи иначе, какъ по дозволенію отъ общества. Мало того, что общество можетъ ихъ взять у него,—ихъ могли бы взять и взяли бы у него отдѣльные люди, еслибъ общество осталось къ этому равнодушно, еслибъ оно не употребляло своего вмѣшательства въ цѣломъ своемъ составѣ, или не назначало и не содержало особенныхъ людей, чтобы не давать никому нарушать его владѣнія этими вещами. Такимъ образомъ распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, бываютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если бы того захотѣли люди“.

Изъ различныхъ системъ распредѣленія продукта въ нынѣшнихъ цивилизованныхъ обществахъ владычествуетъ система частной собственности. Теперь, когда она уже господствуетъ, всѣ, кромѣ людей соціалистическаго или коммунистическаго направленія, утверждаютъ, что сохранить ее надо ради ея полезности. Но возникла она не изъ какихъ-либо соображеній о полезности ея для общества, а изъ факта завладѣнія предметомъ, факта, признаннаго потомъ судилищами за фактъ, нарушать который нѣтъ причины и который, слѣдовательно, нѣтъ надобности отвергать; а впослѣдствіи этотъ признанный фактъ вошелъ въ законъ. Но Милль уже утверждалъ выше, что система частной собственности не единственно возможная форма экономическаго быта. Исторія и даже современный бытъ представляютъ примѣры другихъ системъ. Общества, построенныя на этихъ другихъ принципахъ, имѣютъ размѣръ незначительный, но привлекаютъ къ себѣ вниманіе тѣхъ изслѣдователей въ тѣ эпохи, когда въ людяхъ сильнѣе обыкновеннаго проявляется стремленіе къ провѣркѣ основныхъ принциповъ общественной жизни. Являются и привлекаютъ къ себѣ вниманіе мыслители, которые, опираясь на эти примѣры, предлагаютъ обществамъ системы экономическаго быта, кажущіяся имъ лучше нынѣшней системы.

„Новѣйшіе европейскіе перевороты породили много мыслей такого рода, чрезвычайное вниманіе было обращено на разныя формы, принятыя этими идеями, и нельзя

думать, чтобы это вниманіе уменьшилось, напротивъ, надобно полагать, что оно станетъ все больше и больше возрастать.

„Противники принципа личной собственности могутъ быть раздѣлены на два разряда: планами однихъ предполагается совершенное равенство въ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ жизни и наслажденій; другіе допускаютъ неравенство, но основываютъ его на какомъ-нибудь истинномъ или мнимомъ принципѣ справедливости или общей пользы, говоря, что оно не должно зависѣть только отъ случая, какъ зависятъ столь многія изъ существующихъ общественныхъ неравенствъ. Во главѣ перваго класса мы должны поставить Овена и его послѣдователей, потому что Овенъ сталъ говорить объ этомъ раньше всѣхъ другихъ въ нынѣшнемъ поколѣніи. Позднѣе Овена пріобрѣли извѣстность, какъ приверженцы тѣхъ же мыслей, Луи-Бланъ и Кабэ (Луи-Бланъ, впрочемъ, предлагаетъ равенство распредѣленія только какъ переходъ къ принципу еще высшей справедливости, требующему, чтобы каждый работалъ по своимъ способностямъ, а получалъ по своимъ потребностямъ). Эта экономическая система называется коммунизмомъ, слово, придуманное не въ Англіи, а на континентѣ, и только недавно введенное въ Англію. Слово соціализмъ, явившееся у англійскихъ коммунистовъ для обозначенія ихъ системы, употребляется теперь на континентѣ въ смыслѣ болѣе обширномъ: подъ соціализмомъ понимаются и такія системы, которыя не требуютъ коммунизма, не требуютъ совершеннаго отмѣненія частной собственности, а требуютъ только, чтобы земля и орудія производства были собственностью не отдѣльныхъ лицъ, а товариществъ, или ассоціацій, или правительства. Изъ такихъ системъ особенно высокія научныя претензіи имѣютъ двѣ, названныя Сенъ-Симонизмомъ и Фурьеризмомъ, по именамъ людей, которымъ дѣйствительно принадлежитъ или приписывается ихъ составленіе. Сенъ-Симонизмъ исчезъ какъ самостоятельная система, но въ то недолгое время, когда онъ излагался публично, онъ просѣялъ сѣмена почти всѣхъ соціалистскихъ тенденцій, столь широко распространившихся теперь во Франціи. Фурьеризмъ имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей, дарованіями и усердіемъ которыхъ можетъ гордиться.

„3. Какъ бы ни думали мы о достоинствахъ или недостаткахъ этихъ разныхъ плановъ, но справедливость не дозволяетъ сказать, чтобы они были неосуществимы. Ни одинъ разсудительный человѣкъ не усомнится въ томъ, что сельская община, состоящая изъ нѣсколькихъ тысячъ жителей, воздѣлывающихъ по принципу общаго владѣнія такое пространство земли, какое кормитъ нынѣ это число жителей, и производящая по самымъ усовершенствованнымъ процессамъ нужныя для нихъ фабричныя издѣлія, можетъ производить количество продуктовъ, достаточное для доставленія комфорта этимъ людямъ; онъ не усомнится и въ томъ, что она можетъ найти средства получить, и, если потребуется, вынудить у каждаго изъ способныхъ къ работѣ своихъ членовъ количество труда, нужнаго для достиженія такого результата.

„Обыкновенное возраженіе противъ системы общинной собственности и равнаго распредѣленія продуктовъ состоитъ въ томъ, что каждый постоянно будетъ стараться избѣгать выполненія надлежащей части труда, приходящейся на его долю. Это возраженіе указываетъ на дѣйствительное затрудненіе, но люди, дѣлающіе такое возраженіе, забываютъ о томъ, въ какомъ огромномъ размѣрѣ существуетъ то же самое затрудненіе при системѣ, по которой ведутся теперь девять десятыхъ частей всего труда, совершаемаго въ обществѣ. Это возраженіе предполагаетъ, что добросовѣстный и успѣшный трудъ можетъ получаться лишь отъ людей, которые сами лично пользуются плодами своихъ усилій. Но какъ мала часть совершаемаго въ Англіи труда, производи-

маго лицами, работающими въ свою собственную пользу, какъ мала эта часть во всѣхъ родахъ труда, отъ наименѣе вознаграждаемыхъ до наиболѣе вознаграждаемыхъ. Отъ ирландскаго жнеца или чернорабочаго до верховнаго судьи и государственнаго министра почти весь трудъ, совершаемый въ обществѣ, вознаграждается поденною платою, или опредѣленнымъ жалованьемъ. Фабричный работникъ имѣетъ въ своемъ трудѣ меньше личнаго интереса, чѣмъ членъ коммунистической ассоціаціи, потому что трудится не въ пользу товарищества, къ которому принадлежитъ самъ, какъ трудится членъ коммунистической ассоціаціи. На это, конечно, скажутъ: правда, сами работники почти никогда не имѣли личнаго интереса въ своемъ трудѣ, но за ними наблюдаютъ, ихъ трудомъ управляютъ и умственную часть дѣла исполняютъ люди, имѣющіе въ немъ личный интересъ. Нѣтъ, и это прилагается далеко не ко всѣмъ случаямъ. Не одна черная работа, но и контроль и наблюденіе ввѣрены наемнымъ служащимъ во всѣхъ общественныхъ предпріятіяхъ и во многихъ изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ успѣшныхъ изъ частныхъ предпріятій. Польза „хозяйскаго глаза“, когда хозяинъ заботливъ и способенъ, засвидѣтельствована поговоркой; но должно вспомнить, что на соціалистской фермѣ или фабрикѣ каждый работникъ сталъ бы трудиться подъ хозяйскимъ глазомъ не одного хозяина, а всѣхъ членовъ общины. Противъ крайнихъ случаевъ закоренѣлаго упорства въ уклоненіи отъ надлежащей части труда, община имѣла бы тѣ же самыя средства, какія теперь имѣетъ общество для вынужденія людей соблюдать необходимыя условія общественныхъ отношеній. Теперь противъ этихъ случаевъ существуетъ одно средство—отпустить неисправнаго работника; но это средство безполезно, когда всякій другой работникъ трудится не лучше своего предшественника; удаленіемъ неисправныхъ работниковъ хозяинъ только получаетъ обычное количество труда, но этотъ обычный трудъ можетъ быть очень неуспѣшенъ. Работникъ, теряющій свое занятіе отъ лѣности или небрежности, не подвергается, даже въ самомъ дурномъ случаѣ, ничему, кромѣ развѣ надобности переносить дисциплину workhouse'а, и если желаніе избѣжать этого служитъ достаточнымъ побужденіемъ къ труду при нынѣшней системѣ, то было бы достаточно и при коммунистической системѣ. Я вполнѣ цѣню всю силу возбужденія, даваемаго труду тѣмъ, когда вся выгода, или значительная часть выгоды отъ особеннаго усердія, принадлежитъ работнику. Но при нынѣшней системѣ промышленности этого возбужденія нѣтъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Если коммунистическій трудъ и былъ бы менѣе энергиченъ, чѣмъ трудъ поселянина-собственника, или ремесленника, работающаго на свой собственный счетъ, то, вѣроятно, онъ былъ бы энергичнѣе, чѣмъ трудъ наемнаго работника, который вовсе не имѣетъ личнаго интереса въ дѣлѣ. При нынѣшнемъ положеніи общества самый яркій фактъ составляетъ небрежность невоспитанныхъ классовъ наемныхъ работниковъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей. А по коммунистическому плану предполагается, что непремѣнно всѣ должны получать воспитаніе; при этомъ же условіи члены ассоціаціи несомнѣнно будутъ исполнять свои обязанности столь же прилежно, какъ исполняются онѣ большинствомъ наемныхъ служащихъ средняго и высшаго сословій; а эти служащіе не имѣютъ такой репутаціи, будто бы они становятся недобросовѣстными отъ того, что, пока не удалены отъ службы, получаютъ одинаковое опредѣленное жалованье, какъ бы небрежно ни исполняли свою обязанность. Конечно, говоря вообще, вознагражденіе посредствомъ опредѣленнаго жалованья не развиваетъ ни въ какомъ классѣ служащихъ усердія до наивысшей возможной степени, и развѣ только это, а никакъ не больше, можно сказать противъ коммунистическаго труда. Но можно ли ска-

зать, что онъ непремѣнно будетъ подверженъ хотя этому недостатку? Это вовсе не такъ несомнѣнно, какъ полагаютъ люди, мало привыкшіе думать о положеніяхъ дѣлъ, различныхъ отъ привычнаго имъ порядка. Люди способны проникаться общественнымъ духомъ гораздо въ большей степени, чѣмъ привыкли предполагать въ нынѣшнее время. Исторія свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ, съ которымъ многочисленныя человѣческія общества могутъ привыкать къ тому, чтобы считать общественную выгоду своею собственною. Коммунистическая ассоціація была бы самою выгодною почвою для развитія этого чувства, потому что все честолюбіе, вся физическая и умственная дѣятельность, которыя теперь заняты заботами о частныхъ личныхъ выгодахъ, стали бы искать тогда занятія въ другой сферѣ и, естественно, нашли бы его въ заботахъ объ общей пользѣ ассоціаціи. При коммунизмѣ гражданинъ былъ бы связанъ съ общиною тою же самою причиною, которой такъ часто объясняли преданность католическаго священника или монаха интересамъ его сословія; онъ не имѣлъ бы интересовъ, различныхъ отъ общаго интереса. Независимо отъ сочувствія общей пользѣ, каждый членъ ассоціаціи подчинялся бы вліянію самаго всеобщаго и едва ли не самаго сильнаго изъ личныхъ побужденій, вліянію общественнаго мнѣнія. Никто не станетъ оспаривать, что это побужденіе съ очень большою силою удерживаетъ насъ отъ поступковъ, положительно порицаемыхъ обществомъ. Соревнованіе также возбуждаетъ къ самымъ энергическимъ усиліямъ для пріобрѣтенія похвалы и удивленія отъ другихъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ люди публично состязаются между собою, хотя бы даже предметъ состязанія былъ пустъ или безполезенъ для общества. Соціалисты вовсе не отвергаютъ соперничества, состоящаго въ состязаніи о томъ, кто больше сдѣлаетъ для общаго блага. Такимъ образомъ, много ли уменьшилась бы коммунизмомъ энергія труда, да и подверглась ли бы она какому-нибудь уменьшенію въ общей сложности,—этотъ вопросъ долженъ считаться еще нерѣшеннымъ въ настоящее время.

„Другое возраженіе противъ коммунизма сходно съ возраженіемъ, которое такъ часто дѣлается противъ законовъ о пособіи бѣднымъ. Говорятъ: если каждому члену общества будетъ обезпечено содержаніе для него и всѣхъ его дѣтей, сколько бы дѣтей ни было у него, подъ однимъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ не отказывался работать, то уничтожалась бы задержка, поставляемая размноженію людей собственнымъ ихъ благоразуміемъ, и населеніе стало бы возрастать въ такой пропорціи, которая привела бы общество чрезъ постепенные фазисы возрастающей нужды къ смертности отъ голода. Дѣйствительно, это опасеніе было бы основательно, если бы коммунизмъ для сдерживанія размноженія людей не представлялъ такихъ побужденій, которыя были бы равносильны устраненнымъ побужденіямъ. Но коммунизмъ именно и есть такой порядокъ дѣлъ, при которомъ надобно ожидать, что общественное мнѣніе самымъ энергическимъ образомъ будетъ возставать противъ этой эгоистической невоздержности. Размноженіе людей, отъ котораго уменьшался бы комфортъ, или увеличивался бы трудъ массы, производилъ бы тогда прямую и явную невыгоду для каждаго отдѣльнаго человѣка (чего не производитъ теперь); эту невыгоду нельзя было бы тогда приписывать ни скупости капиталистовъ, ни несправедливымъ привиллегіямъ богатыхъ. При такой перемѣнѣ обстоятельствъ, общественное мнѣніе непремѣнно стало бы порицать эту, какъ и всякую другую вредную невоздержность, убыточную для общины, и если бы порицанія было мало для того, чтобы устранить вредъ, общественное мнѣніе устранило бы эту невоздержность какими-нибудь наказаніями. Нельзя сказать, что въ коммунистической теоріи

прилагается возраженіе, основанное на опасности излишняго размноженія числа людей; напротивъ, она имѣетъ то преимущество, что съ особенною силою ведетъ къ предупрежденію этого зла.

„Основательнѣе то возраженіе, что трудно было бы справедливо распредѣлять общественный трудъ между членами ассоціаціи. Трудъ бываетъ очень различенъ, и по какой нормѣ стали бы мы соразмѣрять одинъ родъ труда съ другимъ. Кто будетъ судьею того, какое количество занятія пряденіемъ, или раздаваніемъ товаровъ изъ магазиновъ, или кладкою стѣнъ и чищеніемъ трубъ равняется извѣстному количеству занятія паханіемъ земли. Коммунистическіе писатели очень сильно чувствуютъ затруднительность распредѣлить поровну трудъ разныхъ качествъ, и потому большая часть ихъ считаютъ нужнымъ, чтобы каждый поочередно занимался каждымъ родомъ полезнаго труда; а это устройство, прекращая раздѣленіе занятій, уменьшило бы выгоду сотрудничества въ производствѣ въ такой степени, что сильно уменьшилась бы производительность труда. Притомъ и въ одинаковомъ дѣлѣ внѣшнее равенство труда было бы въ сущности такимъ неравенствомъ, что справедливость возмутилась бы противъ такого требованія. Не каждый равно способенъ ко всякому труду, и одинаковое количество труда не одинаковымъ бременемъ ложится на слабаго и сильнаго, на живаго и неповоротливаго, на тупаго и одареннаго бойкимъ умомъ.

„Но если эти затрудненія дѣйствительно есть, то все же нельзя сказать, чтобъ они были непреодолимы. Распредѣленіе работъ по силамъ и способностямъ людей, смягченіе общаго правила на тѣ случаи, въ которыхъ оно оказалось бы тяжело,—это не такія задачи, которыхъ не могъ бы разрѣшить человѣческій умъ, руководимый чувствомъ справедливости. Притомъ самое худшее, самое несправедливое распредѣленіе труда при системѣ, стремящейся къ равенству, было бы такъ далеко отъ неравенства и несправедливости, съ какою распредѣляется трудъ нынѣ (не говоря уже о томъ, какъ нынѣ распредѣляется вознагражденіе),—такъ далеко, что не стоило бы и говорить объ этой несправедливости по сравненію съ нынѣшней. Надобно также вспомнить, что коммунизмъ, какъ общественная система, существуетъ только въ идеѣ, что для насъ теперь гораздо виднѣе его затрудненія, чѣмъ его средства къ ихъ устраненію, и что человѣческій умъ только начинаетъ придумывать способы организовать его въ подробностяхъ такъ, чтобы побѣдить затрудненія и извлечь наибольшую выгоду изъ представляемыхъ имъ средствъ.

„Потому, если бы надобно было дѣлать выборъ между коммунизмомъ, со всѣмъ его рискомъ, и нынѣшнимъ состояніемъ общества со всѣми его страданіями и несправедливостями; если бы существованіе частной собственности имѣло необходимымъ своимъ послѣдствіемъ такое распредѣленіе продуктовъ труда, какое мы видимъ нынѣ,—распредѣленіе, почти всегда обратно пропорціональное труду, такъ что наибольшія доли достаются людямъ, вовсе не работавшимъ, потомъ самыя большія изъ остальныхъ людямъ, трудъ которыхъ почти только номинальный, и т. д. по уменьшающейся пропорціи, съ уменьшеніемъ вознагражденія по мѣрѣ того, какъ трудъ становится тяжеле и непріятнѣе, до того, что наконецъ утомительнѣйшій и изнурительнѣйшій физическій трудъ не имѣетъ вѣрной надежды и на пріобрѣтеніе первыхъ потребностей жизни,—если бы выборъ былъ только между такимъ положеніемъ дѣлъ и коммунизмомъ, то каковы бы ни были затрудненія коммунизма, велики или малы, все равно, они были бы лишь песчинкою на вѣсахъ этого сравненія. Но для того, чтобы сравненіе было умѣстно, мы должны сравнивать наилучшую форму коммунизма не съ такимъ, какъ те-

перь, положеніемъ дѣлъ при частной собственности, а съ такимъ положеніемъ, какое можно устроить при ней. Принципъ частной собственности еще ни въ одной странѣ не былъ испытанъ на дѣлѣ въ надлежащемъ видѣ; а въ Англіи онъ испытанъ едва ли не меньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Общественное устройство странъ новой Европы началось отъ распредѣленія собственности, бывшаго результатомъ не какого-нибудь справедливаго раздѣленія, не пріобрѣтенія посредствомъ труда, а результатомъ завоеванія и насилія; и несмотря на все, сдѣланное трудомъ въ теченіе многихъ вѣковъ для пересозданія того, что создано насиліемъ, нынѣшняя система сохраняетъ многочисленные и большіе слѣды своего происхожденія. Законы собственности до сихъ поръ еще не приведены въ сообразность съ принципами, на которыхъ основывается признаніе частной собственности законною. Законы эти обратили въ собственность такія вещи, которымъ никакъ не слѣдовало становиться собственностью, и обратили въ безусловную собственность такія вещи, которыя должны быть собственностью только подъ ограничительными условіями. Эти законы не были безпристрастны къ правамъ разныхъ людей, а обременили затрудненіями однихъ, давая выгоду другимъ; они преднамѣренно покровительствовали неравенству и мѣшали каждому начинать карьеру съ надлежащими средствами. Чтобы всѣ начинали карьеру съ совершенно одинаковыми средствами, это несовмѣстно съ закономъ частной собственности. Но если бы на смягченіе неравенства, возникающаго изъ естественнаго дѣйствія этого принципа, было обращено, не колебля самаго принципа, столько же всевозможныхъ заботъ, сколько было обращено на усиліе этого неравенства шансовъ: если бы законы стремились благопріятствовать разлитію, а не сосредоточенію богатства, помогать раздѣленію большихъ массъ его, а не старались предотвращать ихъ раздробленіе, то принципъ частной собственности оказался бы не имѣющимъ необходимыми своими послѣдствіями тѣхъ матеріальныхъ и общественныхъ бѣдствій, которыя во мнѣніи почти всѣхъ соціалистскихъ писателей не раздѣльны съ нимъ.

„Когда защищаютъ частную собственность, то почти всѣ писатели, ее защищающіе, понимаютъ подъ нею обезпеченіе принадлежности плодовъ труда и сбереженія тому, кто трудился и сберегъ. Когда частному человѣку обезпечивается владѣніе плодами труда и сбереженія другихъ, полученными отъ нихъ безъ всякой заслуги, безъ всякаго усилія съ его стороны, это уже не самая сущность принципа частной собственности, а только случайное послѣдствіе его, послѣдствіе, которое при извѣстной степени развитія не помогаетъ, а мѣшаетъ цѣлямъ, узаконяющимъ частную собственность. Чтобы судить объ окончательномъ предназначеніи принципа собственности, мы должны предположить устраненнымъ все, приводящее этотъ принципъ къ результатамъ противоположнымъ справедливому принципу пропорціональности между вознагражденіемъ и трудомъ, принципу, на которомъ основываютъ собственность всѣ выдерживающіе критику аргументы въ пользу собственности. Итакъ, мы должны предположить существованіе двухъ условій, безъ которыхъ и при коммунизмѣ и при всякихъ другихъ законахъ и учрежденіяхъ положеніе массы людей непремѣнно будетъ низко и бѣдственно. Первое изъ этихъ условій всеобщность воспитанія; второе—надлежащее ограниченіе числа населенія. Съ этими условіями не было бы бѣдности и при нынѣшнихъ общественныхъ учрежденіяхъ; и если предположить существованіе этихъ условій, то вопросъ о соціализмѣ не будетъ, какъ обыкновенно говорятъ соціалисты, вопросомъ о единственномъ спасеніи отъ бѣдствій, подавляющихъ теперь человѣчество, а только вопросомъ о томъ, какая система болѣе выгодна, и рѣшить это должно будущее. Мы слиш-

комъ мало знаемъ о томъ, что можетъ совершить индивидуальная дѣятельность въ лучшей своей формѣ и соціализмъ въ лучшей своей формѣ, потому мы не можемъ сказать, которая изъ двухъ системъ будетъ окончательной формой человѣческаго общества.

„Если отваживаться на догадку, то, вѣроятно, рѣшеніе будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ того, которая изъ двухъ системъ допускаетъ наиболѣе свободы и самобытной дѣятельности между людьми. По обезпеченіи средствъ продовольствія самая сильная изъ личныхъ потребностей человѣка—свобода. Физическія потребности по мѣрѣ развитія цивилизаціи становятся умѣреннѣе и легче сдерживаются разсудкомъ, а энергія этой потребности не уменьшается, а возростаетъ по мѣрѣ того, какъ развиваются умственныя и нравственныя способности. Идеаломъ общественнаго устройства и практической нравственности было бы обезпеченіе для всѣхъ людей полной независимости и свободы дѣйствій безъ всякаго ограниченія, кромѣ того, чтобы они не вредили другимъ. Люди лишались бы одного изъ возвышеннѣйшихъ качествъ человѣческой природы такимъ воспитаніемъ, которое научало бы, или такими общественными учрежденіями, которыя требовали бы, чтобы они отказывались отъ управленія своими дѣйствіями за какое бы то ни было удобство или изобиліе, или отказывались бы отъ свободы для равенства. Надобно разсмотрѣть, до какой степени совмѣстно съ коммунистическою организаціею общества сохраненіе свободы и самобытной дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что это возраженіе противъ соціалистскихъ плановъ чрезвычайно утрировано, подобно всѣмъ другимъ возраженіямъ противъ нихъ. Ассоціаціи нѣтъ надобности принуждать своихъ членовъ имѣть въ жизни больше общности между собою, чѣмъ теперь, нѣтъ надобности въ надзорѣ за тѣмъ, какъ кто изъ нихъ будетъ располагать своею личною долею продукта и часами отдыха, число которыхъ, вѣроятно, будетъ значительно, если ассоціація ограничится производствомъ вещей, дѣйствительно заслуживающихъ труда; ей нѣтъ надобности привязывать людей къ извѣстному занятію или къ извѣстному мѣсту. Узы коммунизма были бы свободою по сравненію съ нынѣшнимъ состояніемъ большинства людей. Почти все сословіе работниковъ въ Англіи и почти во всѣхъ другихъ странахъ имѣетъ такъ мало возможности избирать себѣ занятіе или мѣсто жительства, оно практически такъ зависитъ отъ установленныхъ правилъ и отъ чужой воли, что меньшею свободою могло бы пользоваться развѣ при совершенномъ рабствѣ. Я уже не говорю о совершенномъ семейномъ подчиненіи мужскому полу женскаго, которому Овенизмъ и почти всѣ другія формы соціализма (надобно сказать это въ великую честь имъ) даютъ права во всѣхъ отношеніяхъ равныя съ поломъ, до сихъ поръ господствовавшимъ. Но о достоинствахъ коммунизма надобно судить не по сравненію съ нынѣшнимъ дурнымъ состояніемъ общества; если коммунизмъ обѣщаетъ больше личной и умственной свободы, чѣмъ сколько имѣютъ теперь люди, которыхъ теперь по правдѣ нельзя назвать свободными, то этого еще недостаточно,—вопросъ въ томъ, останется ли при коммунизмѣ какос-нибудь прибѣжище для индивидуальности характера, не будетъ ли общественное мнѣніе тираническимъ игомъ, не сомнетъ ли всѣхъ въ безцвѣтную однообразность мыслей, чувствъ и дѣйствій —совершенная зависимость каждаго отъ всѣхъ и наблюденіе всѣхъ за каждымъ. Эта однообразность уже составляетъ одинъ изъ рѣзкихъ недостатковъ нынѣшняго общества, несмотря на то, что оно имѣетъ въ воспитаніи и образѣ жизни гораздо больше разностей, чѣмъ могло бы существовать при коммунистическомъ устройствѣ, а совершенной зависимости отдѣльнаго человѣка отъ массы нынѣ гораздо меньше, чѣмъ было бы тогда. Нельзя назвать здоровымъ такого обще-

ства, въ которомъ оригинальность служитъ предметомъ порицанія. Совмѣстна ли коммунистическая теорія съ разнообразнымъ развитіемъ человѣческихъ натуръ, съ многоразличными несходствами, съ разницами вкусовъ и талантовъ и разнообразіемъ умственныхъ взглядовъ, съ этими разностями, отъ которыхъ зависитъ значительная часть интереса человѣческой жизни, которыя даже служатъ источникомъ умственнаго и нравственнаго прогресса, возбуждая умы столкновеніями и представляя каждому множество такихъ мыслей, какихъ не составилъ бы самъ онъ?—вотъ вопросъ, еще требующій изслѣдованія.

4. „До сихъ поръ я ограничивался въ своихъ замѣчаніяхъ коммунистическою теоріею, составляющею крайній предѣлъ соціализма; теоріею, по которой не только орудія производства, земля и капиталъ составляютъ общую собственность ассоціаціи, но продуктъ раздѣляется между членами и трудъ назначается для нихъ съ соблюденіемъ всевозможнаго равенства. Тѣ справедливыя или несправедливыя возраженія, которыя дѣлаются противъ соціализма, всего сильнѣе прилагаются къ этой формѣ его. Другія системы соціализма различаются отъ коммунизма преимущественно тѣмъ, что не полагаются на одно чувство чести въ промышленности (point d'honneur, по выраженію Луи-Блана), а больше или меньше удерживаютъ побужденія къ труду, проистекающія изъ личной денежной выгоды. Системы, говорящія, что вознагражденіе должно быть соразмѣрно труду, уже различны отъ строгой теоріи коммунизма. Дѣлавшіеся во Франціи опыты практически осуществить соціализмъ ассоціаціями работниковъ, ведущихъ дѣло на свой собственный счетъ, почти всѣ начинали распредѣленіемъ вознагражденія поровну, не принимая въ разсчетъ количество труда, исполненнаго отдѣльнымъ членомъ; но почти во всѣхъ случаяхъ этотъ порядокъ скоро былъ покидаемъ и замѣнялся поштучною работою. Коммунистическій принципъ въ коренномъ своемъ видѣ требуетъ болѣе высокой нормы справедливости и примѣняется къ гораздо высшему нравственному состоянію людей. Соразмѣрность вознагражденія съ количествомъ работы въ сущности справедлива только тогда, когда разница въ количествѣ работы зависитъ отъ воли самого человѣка; а если она зависитъ отъ природнаго различія силы или способности, то эта норма вознагражденія сама по себѣ несправедлива: она даетъ уже имѣющему, назначаетъ большую часть тому, кто уже получилъ отъ природы больше другого. Но она очень полезна какъ сдѣлка съ эгоизмомъ характера, образующимся при нынѣшнемъ уровнѣ нравственности и развивающимся благодаря нынѣшнимъ общественнымъ учрежденіямъ; пока люди не будутъ возрождены новымъ воспитаніемъ, эта норма вознагражденія имѣетъ гораздо большую вѣроятность скораго успѣха, чѣмъ стремленіе руководиться идеаломъ болѣе высокимъ.

„Къ двумъ разработаннымъ системамъ не—коммунистическаго соціализма, извѣстнымъ подъ именемъ Сенъ-Симонизма и Фурьеризма, совершенно непримѣнимы возраженія, дѣлаемыя обыкновенно противъ коммунизма. Эти двѣ системы могутъ подлежать другимъ возраженіямъ, спеціально относящимся къ той или другой изъ нихъ, но справедливость требуетъ причислить ихъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ прошедшаго и нынѣшняго времени по великой умственной силѣ, которая видна въ нихъ, и по представляющемуся въ нихъ широкому философскому рѣшенію нѣкоторыхъ изъ основныхъ общественныхъ и нравственныхъ задачъ.

„Сенъ-Симонистская теорія не думаетъ о равенствѣ, а полагаетъ неравенство въ раздѣлѣ продукта; она хочетъ, чтобы люди занимались разными дѣлами, каждый, смотря по своему призванію или способности, а не всѣ одинаковыми; должность каж-

дому дается какъ чинъ въ полку, по назначенію управляющей власти, а вознагражденіе состоитъ въ жалованьѣ, какое власть эта находитъ соразмѣрнымъ съ важностью должности и заслугами лица, ее занимающаго. Управляющая корпорація можетъ быть устроена по разнымъ основаніямъ безъ нарушенія сущности системы. Она можетъ быть назначаема по выбору общества. Составители системы полагали, что правителями будутъ люди, отличающіеся дарованіями и добродѣтелью, по своему умственному превосходству получившіе на свою власть добровольное согласіе остальныхъ. Надобно думать, что эта система могла бы съ выгодою дѣйствовать при нѣкоторыхъ особенныхъ положеніяхъ общества. Исторія показываетъ примѣръ удачнаго опыта въ подобномъ родѣ; это—примѣръ Парагвайскихъ іезуитовъ, о которыхъ я уже упоминалъ. Цивилизованные и образованные люди, соединенные между собою системою общности имущества, привели подъ свое умственное владычество племя дикарей, принадлежавшихъ къ такой части человѣческаго рода, въ которой было столько отвращенія отъ послѣдовательности въ трудѣ для отдаленныхъ цѣлей, сколько не было еще ни въ одномъ изъ племенъ, достовѣрно извѣстныхъ намъ. Оно почтительно подчинилось безусловной власти этихъ людей, пріучившихъ его къ искусствамъ цивилизованной жизни и къ занятію на общественный счетъ трудами, которыми дикари ни за что не стали бы заниматься каждый самъ для себя. Эта общественная система существовала недолго, будучи преждевременно разрушена дипломатическими рѣшеніями и чужеземною силою. Возможность осуществить ее, вѣроятно, происходила отъ громадной разницы по умственному развитію и знаніямъ, между малочисленными правителями и всѣмъ подвластнымъ имъ обществомъ, такъ что не было и посредствующихъ переходовъ общественнаго или умственнаго развитія между этими двумя степенями. Надобно думать, что при другихъ обстоятельствахъ такое устройство совершенно не удалось бы. Оно предполагаетъ полный деспотизмъ со стороны правителей-товарищей, и черта эта мало измѣнилась бы тѣмъ, если бы лица, которымъ ввѣряется власть, стали по-временамъ смѣняться посредствомъ народныхъ выборовъ. Но предполагать, что одинъ или нѣсколько человѣкъ, такъ или иначе выбранныхъ, могутъ, посредствомъ той или другой организаціи второстепенныхъ властей, назначать каждому дѣло, соотвѣтствующее его способности, и распредѣлять вознагражденіе по заслугамъ каждаго, хорошо распредѣлять имущественную справедливость между членами общины,—предполагать, что всѣ члены будутъ довольны тѣмъ, какъ они употребляютъ свою власть, и будутъ покоряться ей совершенно добровольно, это такое предположеніе, противъ котораго едва ли надобно и спорить, потому что оно явная химера. Люди могутъ безъ ропота подчиняться опредѣленному правилу, напримѣръ, правилу равенства, или случаю, или внѣшней необходимости. Но чтобы нѣсколько людей взвѣшивали каждаго на своихъ вѣсахъ, чтобы давали одному больше, другому меньше лишь потому, что такъ вздумали и разсудили,—этого люди не потерпятъ, если не считаютъ этихъ людей существами высшими людей, не трепещутъ ихъ сверхъестественнаго могущества.

„Изъ всѣхъ формъ соціализма искуснѣйшимъ образомъ и съ наибольшею предусмотрительностью противъ всѣхъ возраженій построенъ такъ называемый Фурьеризмъ. Эта система не хочетъ уничтоженія ни частной собственности, ни даже наслѣдства; напротивъ, элементомъ въ распредѣленіи продукта она формально принимаетъ и капиталъ наравнѣ съ трудомъ. Она хочетъ, чтобы промышленныя операціи велись товариществами тысячи въ двѣ человѣкъ, вмѣстѣ трудящихся на округѣ, величиною около квадратной мили, подъ управленіемъ начальниковъ, выбранныхъ самими чле-

нами. При распредѣленіи сначала опредѣляется извѣстный minimum на продовольствіе каждаго члена общины, способенъ ли онъ къ труду или нѣтъ, все равно. Остатокъ продукта, по извѣстнымъ, впередъ опредѣленнымъ пропорціямъ, распредѣляется между тремя элементами: трудомъ, капиталомъ и талантомъ.

„Капиталъ общины можетъ различными суммами принадлежать разнымъ членамъ, которые въ такомъ случаѣ получаютъ пропорціональный дивидендъ, совершенно какъ въ акціонерной компаніи. Право каждаго на долю продукта, приходящуюся таланту, оцѣнивается степенью или мѣстомъ, какое каждый занимаетъ въ разныхъ группахъ работниковъ, къ которымъ принадлежитъ; всѣ эти степени даются по выбору товарищей. Получивъ вознагражденіе, никто не обязанъ расходовать его въ одномъ хозяйствѣ съ другими: у каждаго, желающаго жить своимъ особымъ хозяйствомъ, будетъ особое хозяйство, и общность жизни необходима только та, чтобы всѣ члены ассоціаціи жили въ одномъ большомъ зданіи, для сбереженія труда и издержекъ не только въ постройкѣ, но и во всѣхъ отрасляхъ домашняго быта, и для того, чтобы всѣ покупки и продажи общины производились однимъ агентомъ, съ цѣлью возможнаго уменьшенія той громадной доли продуктовъ, которая теперь поглощается прибылью коммерческихъ людей.

„Эта система, по крайней мѣрѣ въ теоріи, не уничтожаетъ ни одного изъ побужденій къ дѣятельности, существующихъ въ нынѣшнемъ состояніи общества, какъ уничтожаетъ ихъ коммунизмъ. Напротивъ, если организація будетъ дѣйствовать сообразно съ намѣреніями своихъ составителей, то она даже усилитъ эти побужденія: при ней каждый имѣлъ бы увѣренность лично воспользоваться плодами отъ увеличенія своего искусства и своей умственной или физической энергіи,—имѣлъ бы этой увѣренности гораздо больше, чѣмъ при нынѣшнемъ общественномъ устройствѣ можетъ имѣть кто нибудь кромѣ людей, находящихся въ слишкомъ выгодныхъ положеніяхъ или пользующихся чрезвычайною благосклонностью случая. Но кромѣ этихъ побужденій къ труду фурьеристы имѣютъ еще новое. Они полагаютъ, что разрѣшили великую и основную задачу сдѣлать трудъ привлекательнымъ; они представляютъ очень сильныя доказательства тому, что задача эта удобоисполнима; изъ этихъ доказательствъ особенно важно одно, общее у нихъ съ овенистами: они говорятъ, что едвали найдется между самыми тяжелыми изъ работъ, исполняемыхъ людьми по необходимости для пропитанія, трудъ столь тяжелый какъ тѣ труды, которымъ добровольно предаются для удовольствій людей, имѣющіе уже обезпеченныя средства жизни. Фактъ этотъ дѣйствительно очень знаменателенъ, и человѣкъ, изучающій общественную науку, найдетъ его очень поучительнымъ для себя. Но легко утрировать дѣлаемые изъ него выводы. Если занятія, очень неудобныя и утомительныя, исполняются многими по доброй волѣ какъ развлеченіе, то какъ же не видѣть, что эти занятія служатъ развлеченіями собственно потому, что люди предаются имъ по доброй волѣ и могутъ бросать ихъ какъ захотятъ. Свобода покинуть извѣстное положеніе часто составляетъ всю разницу между непріятностью и пріятностью этого положенія. Изъ людей, живущихъ въ одномъ городѣ, одной улицѣ, одномъ домѣ съ января до декабря, безъ всякаго желанія или мысли перемѣнить квартиру, многіе нашли бы жизнь на ней несноснымъ тюремнымъ заключеніемъ, если бы были прикованы къ этой квартирѣ приказаніемъ.

„По мнѣнію фурьеристовъ, едва ли найдется хотя одинъ родъ полезнаго труда такой, который непріятенъ по своей сущности, неизбѣжно непріятенъ. Если онъ почитается непріятнымъ, это происходитъ отъ того, что онъ или считается унизительнымъ, или

доведенъ до чрезмѣрности, или лишенъ привлекательности, даваемой симпатіей и соревнованіемъ. Они говорятъ, что никому не будетъ нужно подвергаться чрезмѣрной работѣ въ обществѣ, гдѣ не будетъ ни праздныхъ сословій, ни растраты труда на безполезныя вещи, на которыя тратится теперь такое громадное количество труда; въ обществѣ, которое вполнѣ воспользуется могуществомъ товарищества и для увеличенія успѣшности производства, и для экономіи въ расходахъ. Другія условія, нужныя для приданія труду привлекательности, найдутся, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что весь трудъ будетъ исполняться общественными группами, и каждому будетъ можно одновременно принадлежать къ какому угодно числу группъ по его собственному желанію, а степень его каждой группѣ будетъ опредѣляться степенью пользы, какую оказывается онъ способнымъ приносить въ нее по оцѣнкѣ своихъ товарищей. Основываясь на различіи вкусовъ и способностей, фурьеристы заключаютъ, что каждый членъ общины будетъ принадлежать къ нѣсколькимъ группамъ, занимающимся разными трудами, умственными или физическими, и каждый будетъ способенъ занимать высокое мѣсто въ какой нибудь изъ этихъ группъ, или даже въ нѣсколькихъ, такъ что практическимъ результатомъ этого будетъ равенство, или по крайней мѣрѣ состояніе гораздо болѣе близкое къ нему, нежели можетъ показаться на первый взглядъ, и пропстекать оно будетъ не изъ стѣсненія, а напротивъ отъ высочайшаго развитія разнообразныхъ способностей, находящихся въ каждомъ человѣкѣ.

„Даже изъ этого столь краткаго очерка читатель долженъ видѣть, что эта система не нарушаетъ ни одного изъ общихъ законовъ, управляющихъ человѣческими дѣйствіями даже при нынѣшнемъ неудовлетворительномъ положеніи нравственнаго и умственнаго воспитанія, и что было бы чрезвычайно опрометчиво сказать о ней, что она не можетъ имѣть успѣха или осуществить значительную часть надеждъ, основываемыхъ на ней ея приверженцами. Относительно фурьеризма, какъ и относительно всѣхъ другихъ видовъ соціализма, надобно желать, чтобы они получили возможность повѣрки на опытѣ, чего они справедливо требуютъ. Всѣ они могутъ быть испытаны въ размѣрѣ не очень большомъ, и безъ всякаго риска для кого бы то ни было, кромѣ участвующихъ въ опытѣ. Опытъ долженъ рѣшить, на сколько способна и скоро ли способна та или другая изъ возможныхъ системъ общности имущества замѣнить собою „организацію промышленности“, основанную на владѣніи землею и капиталомъ по принципу частной собственности; а пока мы, не думая ставить границъ дальнѣйшему развитію способностей человѣка, можемъ сказать, что политико-экономъ довольно долго еще долженъ будетъ главнымъ образомъ заниматься условіями существованія и прогресса, принадлежащими обществу, основанному на частной собственности и на личномъ соперничествѣ, и что главною цѣлью стремленій при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго развитія служитъ не низверженіе системы личной собственности, а ея улучшеніе и доставленіе полнаго участія въ ея выгодахъ каждому члену общества.

Мы не намѣрены здѣсь излагать ни такъ называемыхъ соціалистическихъ, ни такъ называемыхъ коммунистическихъ теорій. Мы ограничимся только нѣсколькими словами о тонѣ, которымъ говоритъ о нихъ Милль, и о послѣднихъ словахъ приведеннаго нами отрывка. Къ этому мы прибавимъ развѣ только одно, да и то не теоретическое, а чисто историческое пополненіе. Общепринятый тонъ политико-экономическихъ отзывовъ о коммунистахъ и соціалистахъ не одинъ разъ измѣнился съ той поры, какъ эти тенденціи заняли постоянное и видное мѣсто въ умственной жизни. До 1848

года масса умѣренныхъ прогрессистовъ, въ томъ числѣ и почти всѣ политико-экономы, говорили о коммунистахъ и соціалистахъ съ любезною снисходительностью, какъ о мечтателяхъ благонамѣренныхъ, хотя и заблуждающихся, но самыми своими заблужденіями отчасти содѣйствовавшихъ имъ, умѣреннымъ прогрессистамъ, въ разъясненіи истины. Надъ коммунистами и соціалистами отчасти подсмѣивались съ пріятными претензіями на остроуміе, безъ ожесточенія, больше для препровожденія времени, и говорилось это о нихъ лишь при случаѣ, не слишкомъ часто и не слишкомъ по многу. Они казались людьми не важными.

Въ 1848 году повсюду, гдѣ былъ переворотъ, бывали въ немъ болѣе или менѣе замѣтны, или у всей массы простонародья, или у довольно большой части ея, какія-то отчасти неясныя тенденціи, казавшіяся сходными съ коммунизмомъ, тенденціи, клонившіяся къ коренному ниспроверженію существующаго экономическаго порядка. Въ тоже время обнаруживалось, что бывшіе защитники коммунизма и соціализма въ литературѣ, думаютъ воспользоваться этими тенденціями, которыя были порицаемы даже и самыми ратикальными изъ демократовъ, не бывшихъ коммунистами или соціалистами. То есть раскрылось для всѣхъ, что между коммунистами или соціалистами и всѣми другими партіями есть большая разница, гораздо значительнѣе даже той, какая существуетъ между самыми далекими другъ отъ друга изъ остальныхъ партій. Приверженецъ абсолютизма и красный республиканецъ чувствовали, что у нихъ у обоихъ есть что-то общее, противъ чего идутъ соціалисты и коммунисты. А эти люди, оказавшіеся идущими противъ учрежденій, равно драгоцѣнныхъ и для реакціонера и для огромнаго большинства революціонеровъ, оказались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно близкими къ полученію власти надъ обществомъ. Напримѣръ, предводители баденскихъ инсургентовъ, Геккеръ и Струве, были соціалисты, а вѣдь они успѣли овладѣть Баденомъ и были побѣждены уже только двинутыми на нихъ прусскими войсками. Но главнымъ источникомъ страха была, разумѣется, Франція. Временное правительство нашло нужнымъ льстить коммунистамъ и соціалистамъ, чтобы выиграть время. Эти ловкіе маневры имѣли видъ такой искренности, что казалось, будто оно даетъ соціалистамъ и коммунистамъ участіе въ управленіи страною. На самомъ дѣлѣ ничего такого не было сдѣлано. Но имя Луи-Блана въ числѣ членовъ временнаго правительства и люксембургскія конференціи, которыми или обманули этого тщеславнаго труса (если онъ тщеславный трусъ), или обольстили этого самоотверженнаго гражданина (если онъ былъ самоотверженный гражданинъ, не хотѣвшій вести свою партію къ побѣдѣ путемъ междоусобной войны).— но національныя мастерскія, устроенныя врагами коммунизма, какъ лагерь противъ коммунистовъ, и однако же очень хитро выставлявшіяся за созданіе коммунистовъ,—этого уже было довольно, чтобы вся Европа кричала: „коммунисты овладѣваютъ правительствомъ во Франціи!“ А тутъ поднялось громадное Іюньское возстаніе, подавленное лишь послѣ такой упорной борьбы, которой никогда не бывало даже и въ парижскихъ междоусобицахъ. Подъ вліяніемъ этихъ событій всѣ стали трепетать при одной мысли о коммунистахъ и соціалистахъ, и ни на минуту никто не могъ избавиться

отъ мысли о нихъ. Въ эту эпоху не въ силахъ былъ написать человѣкъ ни одной страницы безъ того, чтобы не попали въ нее соціалисты или коммунисты съ приставкою надлежащихъ проклятій. Политическая экономія заразилась соціализмофобіей и коммунизмофобіей (разумѣется, въ тѣхъ странахъ, которыя подверглись перевороту, и въ странахъ, повторяющихъ съ голоса тѣхъ странъ. Англичане сохранили нѣкоторое хладнокровіе). Браньнастроеніе духа, одаренное очень большою живучестью. Трусость также. Разъ принявшись бранить и трусить соціалистовъ и коммунистовъ, континентальные политико-экономы еще не успѣли оправиться отъ своего истерическаго припадка. Но 10 или 12 лѣтъ—порядочный срокъ времени, и нельзя, чтобы не случилось въ такой срокъ ничего, могущаго подѣйствовать даже и на людей, упражняющихся въ истерикѣ. Оно и дѣйствительно возникло въ это время два явленія, отчасти подѣйствовавшихъ на континентальныхъ политико-экономовъ. Очень видное мѣсто въ литературѣ занялъ писатель очень крутаго нрава, Прудонъ. Кто онъ такой, соціалистъ или не соціалистъ, коммунистъ или не коммунистъ—этого никто изъ континентальныхъ политико-экономовъ не умѣетъ разобрать, да и самъ Прудонъ, быть можетъ, не зналъ опредѣленно. Но одно всѣмъ замѣтно: онъ ужасно бранится, и такъ бранится, что на кого ни набросится, безвозвратно выставитъ дуракомъ. Бранитъ онъ соціалистовъ и коммунистовъ—это хорошо; но попробуй кто нибудь сказать противъ нихъ, онъ такъ отдѣлаетъ этого господина, что тотъ жизни будетъ не радъ: „если, говоритъ, я ихъ называю глупцами, такъ другое дѣло—я понимаю ихъ: а вы, М. Г. не понимаете ихъ, вы сами гораздо глупѣе ихъ, да и въ политической экономіи аза въ глаза не знаете; какой вы политико-экономъ! вы просто ахинею городите“. Вотъ отъ страха-то передъ такимъ чудовищемъ иной разъ и боится политико-экономъ не сдѣлать милой улыбки передъ соціализмомъ или коммунизмомъ въ извиненіе за то, что тутъ же выбранитъ коммунистовъ. А тутъ есть еще другое обстоятельство, коммунизмъ популяренъ: кому не хочется уловить частичку популярности? Вотъ политико-экономъ, выбранивши коммунизмъ, и прибавляетъ для партера: „что это я, дескать, такъ только говорю противъ крайностей и утопій, а что касается до здоровой части новыхъ стремленій, такъ я до нельзя люблю ее“, и пойдетъ хвалить ассоціаціи, предрекать имъ великую будущность, заболтается до того, что самъ уже ничего не разбираетъ, что говоритъ. Такимъ образомъ нынѣшній обыкновенный тонъ отзывовъ о соціализмѣ и коммунизмѣ—смѣсь неистовствъ съ сладкими улыбочками, проклятій съ комплиментами.

Ничего такого нѣтъ у Милля. Онъ смотритъ на ужасающія другихъ теоріи очень спокойно и не видитъ въ нихъ ничего возмутительнаго. Пересматривая возраженія, какія дѣлаются противъ коммунизма, онъ не находитъ между ними ни одного основательнаго. Рѣшительный выводъ его о коммунизмѣ тотъ, что, если система собственности будетъ усовершенствована, она,—почему знать?—окажется можетъ быть и лучше коммунизма, но въ нынѣшнемъ своемъ видѣ далеко уступаетъ ему. Къ соціализму онъ обнаруживаетъ еще болѣе сочувствія и не видитъ уже въ немъ ровно ничего не только дурнаго, но и неудобнаго. Одно только сомнѣніе выста-

вляетъ онъ: нынѣшній уровень общественной нравственности очень низокъ; способны ли люди къ принятію какого нибудь хорошаго устройства при этомъ нынѣшнемъ своемъ состояніи? Разумѣется это сомнѣніе основательно, и надобно сказать, что оно примѣняется не къ одному вопросу о коммунизмѣ или соціализмѣ, а рѣшительно ко всякому вопросу о какомъ бы то ни было существенномъ улучшеніи. Напримѣръ, англичане владѣютъ Остъ-Индіею: можно ли у индѣйцевъ ввести цивилизованный порядокъ вещей, который бы былъ для нихъ несравненно выгоднѣе нынѣшняго? „При нынѣшнемъ состояніи общественной нравственности въ Остъ-Индіи, это очень сомнительно!“ Можно ли уничтожить вывозъ негровъ изъ Африки въ Америку, чтобы негритянскія племена не воевали между собою съ цѣлью захватывать плѣнныхъ и продавать ихъ на вывозъ? „При нынѣшнемъ состояніи негритянскихъ племенъ это очень сомнительно!“ Можно ли устроить, чтобы друзы и мароните не рѣзали другъ друга, если не будутъ удерживаться отъ рѣзни страшными строгостями Фуадъ-Паши? „При нынѣшнемъ состояніи нравовъ ихъ это очень сомнительно“. Но то дикія или полудикія страны, не угодно ли вамъ подумать о цивилизованныхъ. Можно ли ждать, чтобы іезуитская партія потеряла всякое вліяніе на значительную часть французовъ? Или, чтобы англійскіе простолюдины обращались съ своими женами хотя такъ, какъ французскіе? Или, чтобы нѣмцы бросили свою дрянную кухню, развивающую между ними золотушныя болѣзни? На всѣ эти вопросы отвѣтъ тотъ же самый.—„При нынѣшнемъ состояніи это очень сомнительно“. Да это-ли одно? Въ однѣхъ ли вещахъ важныхъ сомнительна возможность скорой, полной перемѣны къ лучшему? Возьмите какіе хотите пустяки, во всякихъ пустякахъ она сомнительна. Напримѣръ, можно ли быстро сдѣлать, чтобы петербургскія или московскія вывѣски не отличались безграмотностью? или, чтобы общія собранія акціонеровъ русскихъ акціонерныхъ компаній стали держать себя благоразумно? или, чтобы русскіе журналы приняли одинаковую орфографію, чтобы не писались одни и тѣже слова въ однихъ журналахъ большими, а въ другихъ маленькими буквами, чтобы во всѣхъ журналахъ писалось какъ нибудь по-одному: или „телѣга“ или „тѣлега“?“ или, чтобы англичане, вмѣсто нынѣшняго своего неудобнаго способа дѣлать чай, завели самовары, которые сами они находятъ очень удобной посудой? или, чтобы бросили они въ газетахъ некрасивый обычай печатать собственныя имена особеннымъ шрифтомъ, такъ напримѣръ, капителью? Или, чтобы нѣмцы бросили дикое правило писать каждое существительное имя съ большой буквы? или, чтобы французы стали, вмѣсто своихъ никуда негодныхъ каминовъ, заводить у себя порядочные въ родѣ англійскихъ, порядочныя печи въ родѣ нѣмецкихъ? Кажется всѣ эти желанія и удобоисполнимыя, а между тѣмъ о каждомъ изъ нихъ надобно рѣшительно сказать, что скоро исполненія его ожидать нельзя. „Разумѣется ничто на свѣтѣ вдругъ не дѣлается!“ И хорошо еще, если дѣло идетъ хотя медленно, но безъ остановокъ, безъ неудачъ, безъ поворотовъ къ старому. Только идутъ такъ лишь не важныя дѣла. Въ дѣлахъ важныхъ успѣхъ достигается послѣ длиннаго ряда неудачъ и за каждымъ движеніемъ впередъ слѣдуетъ реакція, тѣснящая дѣло назадъ съ такимъ упорствомъ, что преодо-

лѣвается только чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ, за которымъ, конечно, слѣдуетъ утомленіе съ новымъ преобладаніемъ реакціи. Есть люди, которые не ждутъ успѣха ни при какомъ отдѣльномъ фактѣ, а знаютъ только, что въ окончательномъ результатѣ будетъ успѣхъ.—знаютъ потому, что сомнѣваться въ немъ нельзя: неизбѣжность его доказываетъ себя математически. Распространяется ли грамотность въ Россіи? Сомнѣваться въ этомъ просто глупо. Но если хотите, можете ждать неудачи при основаніи каждой воскресной школы, можете, если хотите, ждать, что и все нынѣшнее движеніе въ пользу воскресныхъ школъ потерпитъ какъ нибудь неудачу— чтожъ изъ этого? Только то, что отъ неудачъ унывать нечего, ихъ надобно предвидѣть. Но если ждать неудачи, то какъ же браться за дѣло? вѣдь и охота къ нему пропадетъ. Полноте, будто это отъ нашихъ мыслей зависитъ: станемъ ли мы имѣть охоту? и будто, если скажетъ себѣ человѣкъ: „не стану я дѣлать этого“, такъ ужъ и точно не станетъ дѣлать? Полноте; посмотрите на свои ежедневные поступки: сколько разъ каждый изъ насъ давалъ себѣ зарокъ, напримѣръ, хоть бы не спорить о теоретическихъ вопросахъ? Развѣ удалось кому нибудь переубѣдить противника въ одинъ вечеръ? Развѣ, расходясь, не говорилъ онъ себѣ каждый разъ: „какъ однако же я глупъ, что спорилъ!“ или развѣ не давалъ себѣ каждый изъ насъ зарока не вѣрить никому на свѣтѣ, или не любить никого на свѣтѣ? И однако же: развѣ исполняются эти зароки? Да, исполняются до перваго случая, а какъ только случай представился, натура и беретъ верхъ—и опять споришь и опять привязываешься, пока не износишься весь. А покуда ты износишься, подростаютъ другіе на твое мѣсто терпѣть тѣ же неудачи, давать тѣ же зароки, и точно также пробиваться по той-же дорогѣ. Стало быть взглядъ, нами изложенный, ни мало не мѣшаетъ усердію практическихъ хлопотъ у людей, раздѣляющихъ его. А надобно замѣтить, что мы вовсе не полагаемъ, будто бы въ какую бы то ни было данную минуту большинство людей, убѣжденныхъ въ извѣстной истинѣ, могло бы не находить, что она вполнѣ готова осуществиться при первомъ нѣсколько удобномъ случаѣ, силою одной попытки.

Хладнокровно разсуждать о шансахъ любимаго дѣла, въ то самое время, когда стараешься объ исполненіи его,—это возможно только при сильной большой опытности, или при особенномъ темпераментѣ, въ которомъ холодность ума соединяется съ горячностью воли. Людей того и другого рода всегда бываетъ мало. Остальныхъ не разубѣдишь: имъ все будетъ казаться, что вотъ, вотъ представляется одинъ изъ тѣхъ, почти безпримѣрныхъ въ исторіи случаевъ, когда съ одного раза прочно пріобрѣталось многое. Стало быть взглядъ нашъ на шансы близкаго будущаго не охладитъ никого. Кто раздѣляетъ или будетъ раздѣлять его, тотъ ужъ не способенъ охладиться перспективою или полныхъ неудачъ, или удачъ слишкомъ неполныхъ, потому что онъ давно свыкся съ этой перспективой, и дѣятельность его происходитъ изъ необходимой потребности всей его натуры, а не изъ юношеской вѣры въ свое счастье, или въ свое время. А кого оживляетъ довѣрчивость къ своему счастью, или своему времени, кто охладился бы, утративъ ее, тотъ не приметъ нашего суроваго взгляда. Но

онъ позволитъ намъ не высказывать надеждъ, которыхъ мы не имѣемъ, и разсуждать о вещахъ не съ угожденіемъ ему, а сообразно своему взгляду. Мы совершенно согласны съ Миллемъ, что нельзя ждать скораго замѣненія нынѣшней коренной институціи экономическаго быта порядкомъ дѣлъ, основаннымъ на иномъ принципѣ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что „политико-экономъ долго долженъ будетъ заниматься условіями быта и прогресса“, принадлежащими нынѣшнему господствующему принципу? Оно такъ, только не въ томъ смыслѣ, какой даетъ ему Милль. Разумѣется всего больше человѣкъ долженъ заниматься настоящимъ своимъ положеніемъ и будущимъ очень близкимъ, но какъ онъ будетъ судить о немъ? На основаніи ли того, что принимаетъ онъ за истину, или онъ долженъ забывать эту норму, если она неосуществима завтра или послѣзавтра. У васъ есть сынъ, мальчикъ лѣтъ 9-ти или 10-ти, едва начинающій учиться. Скоро-ли онъ можетъ попасть въ университетъ? Но вѣдь вы думаете, что когда нибудь ему слѣдуетъ быть въ университетѣ; вы находите, что это будетъ всего лучше для него. Чтожъ теперь, развѣ вы не располагаете все его воспитаніе такъ, чтобы онъ сталъ способенъ поступить въ университетъ, и чтобы избѣжать лишнихъ задержекъ, когда онъ спрашиваетъ васъ, къ чему ему полезнѣе всего готовиться,—развѣ вы ему не разсказываете объ университетѣ? и если, сбиваемый съ толку глупостями, которыя слышитъ постоянно и отъ товарищей, и отъ людей, которыхъ считаетъ умнѣе себя,—онъ прибѣгаетъ къ вамъ съ вопросомъ: не лучше-ли быть гусарскимъ юнкеромъ, чѣмъ студентомъ?—развѣ вы отпускаете его съ подобнаго рода рѣшеніемъ: „мы, дескать, потолкуемъ съ тобой объ этомъ лѣтъ черезъ 7“. Благоразумно вы поступаете въ подобномъ случаѣ! или, быть можетъ, вы поступаете еще разсудительнѣе, поддакиваете мальчику, что точно ему студентомъ быть не дурно, но быть гусарскимъ юнкеромъ еще полезнѣе для него: „пусть, дескать, въ самомъ дѣлѣ попробуетъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ хорошо, а увидитъ, что не хорошо,—станетъ ходить въ университетъ“.

Кажется, что разсудительные люди такъ не поступаютъ: близка или далека цѣль, все равно, не должно ее выпускать изъ виду; нельзя, потому что какъ бы далека она ни была, ежеминутно и въ нынѣшній день представляются случаи, въ которыхъ надобно поступать однимъ способомъ, если вы имѣете эту цѣль, и другимъ, если вы не имѣете ея. Разумѣется не доѣдете въ одинъ день ни до Казани, ни до Берлина, но вѣдь на самомъ первомъ шагу путь развѣтвляется; въ Казань одна дорога, а въ Берлинъ совершенно другая. Такъ не будете ли вы разсуждать такъ: „станція Московской желѣзной дороги къ моей квартирѣ ближе, и извозчикъ ближе, да и торцовая мостовая по Невскому удобнѣе, такъ проѣдусь я сперва нѣсколько станцій по дорогѣ въ Москву, а тамъ гдѣ нибудь сворочу на берлинскую дорогу. А то можетъ быть и не сворочу—чтожъ, вѣдь и Казань хорошій городъ!“ Мы ничего не говоримъ—выбирайте себѣ цѣль, какую хотите, Казань ли, Берлинъ ли, только выбирайте же, и если вы находите, что въ Берлинѣ вамъ будетъ лучше, чѣмъ въ Казани, то такъ ужъ и направляйтесь. А съ Казанью чтожъ въ такомъ случаѣ? неужели забыть о

ней? Разумѣется прежде всего лучше бы было не заниматься ею слишкомъ много. Но, быть можетъ, есть у васъ пріятели и совѣтники, которые тянутъ васъ въ Казань. Если такъ, нечего дѣлать, вамъ приходится разсуждать о Казани очень много; но въ какомъ смыслѣ, позвольте васъ спросить, станете вы разсуждать о ней? Вы станете доказывать вашимъ пріятелямъ и совѣтникамъ, что ѣхать вамъ туда не слѣдуетъ, а слѣдуетъ вамъ ѣхать въ другую сторону. Или, быть можетъ, вы не знаете, куда вамъ слѣдуетъ ѣхать? Да какъ же, вы уже ѣдете? Вѣдь исторія не на диванѣ, на которомъ человѣкъ лежитъ, не двигаясь съ мѣста, вѣдь она мчитъ васъ куда-то, а вы еще не знаете куда? Такъ вы ужъ скорѣе разузнайте, куда это она васъ мчитъ? Туда ли, куда вамъ нужно? А если туда, куда нужно, то напрасно вы и толкуете о другихъ дорогахъ, а если не туда, куда вамъ нужно, то сворачивайте.

Милль разсуждаетъ не совсѣмъ такъ: судя по всему, нужно ѣхать въ Берлинъ, однакожъ махнемъ на него рукой и поѣдемъ въ Казань.

Заключеніе не совсѣмъ логическое. Мы уже видѣли, на какомъ соображеніи дѣлается оно: при нынѣшнемъ низкомъ состояніи умственнаго развитія и нравственныхъ понятій въ обществѣ рано еще думать объ осуществленіи идей, которыя хороши сами по себѣ. Мы видѣли, что если и правда, что рано ждать полнаго ихъ осуществленія, то это ни мало не избавляетъ отъ надобности подробно и полно изучать ихъ, потому что иначе мы будемъ сбиваться съ дороги. Но рано ждать въ нынѣшнее время полнаго осуществленія лишь тѣхъ системъ окончательнаго устройства экономическихъ отношеній, о которыхъ объ однихъ говорилъ Милль. А развѣ не случается, что мыслитель, развивающій свою идею съ одной заботой о справедливости и послѣдовательности системы въ своихъ чисто теоретическихъ трудахъ, умѣетъ ограничивать свои совѣты въ практическихъ дѣлахъ настоящаго лишь одною частью своей системы, удобоисполнимою и для настоящаго? Спросили бы вы, напримѣръ, Роберта Пиля, что ему кажется наилучшимъ по вопросу о заграничной торговлѣ? Навѣрно онъ отвѣчалъ бы: совершенное уничтоженіе и таможенныхъ пошлинъ и таможенъ. Да онъ и говорилъ это много разъ. Чтожъ, значитъ, онъ былъ фантазеръ, и отъ его мыслей можно отдѣлаться словами: „хорошо, но еще слишкомъ рано думать намъ объ этомъ“... Нѣтъ, вы знаете, что Робертъ Пиль, кромѣ разсужденія о безусловно и окончательно наилучшемъ, разсуждалъ и о томъ, въ какой мѣрѣ, какую часть этого наилучшаго можно исполнить и теперь; онъ вовсе не предлагалъ Парламенту—разъ, два, три, хлопъ! и отмѣнить всѣ пошлины и раззорить всѣ таможни. Извѣстно, что въ Парламентѣ онъ предлагалъ вещи совершенно практическія, исполненіе которыхъ оказалось легко и полезно. Вотъ тоже самое и по вопросу, занимающему насъ. Полнота, теоретическое изложеніе системы извѣстнаго быта, основаннаго на извѣстномъ принципѣ,—вещь необходимая: нужно же знать, что въ самомъ дѣлѣ хорошо и справедливо, а сверхъ того, у кого не уяснены принципы во всей логической полнотѣ и послѣдовательности, у того не только въ головѣ сумбуръ, но и въ дѣлахъ чепуха. Но, если были на свѣтѣ геніальные мыслители и нашли себѣ достойныхъ учениковъ и

пріобрѣли популярность, то надобно же положить, что или сами они, или нѣкоторые изъ ихъ учениковъ догадались же, кромѣ этихъ разсужденій объ отвлеченной теоріи, поговорить и о возможномъ въ современной дѣйствительности.

Оно такъ и было. Размѣры статьи не допускаютъ насъ говорить о всѣхъ такихъ предположеніяхъ, имѣющихъ въ виду границы возможнаго для нынѣшней эпохи, да оно, можетъ быть, и лучше было бы перечислить много такихъ программъ, потому что въ существенномъ всѣ онѣ сходны. Ограничимся же однимъ примѣромъ, который я приводилъ въ одной изъ прежнихъ своихъ статей *).

„Пользуясь способомъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, мы предлагаемъ *свой* планъ осуществленія теоріи трудящихся, прося читателей обратить вниманіе на то, стѣсняется ли свобода этимъ планомъ, который приспособленъ къ нравамъ странъ, потерявшихъ всякое сознаніе о прежнемъ общинномъ бытѣ и только теперь начинающимъ возвращаться къ давно забытой идеѣ товарищества трудящихся въ производствѣ. Надобно сказать также, что въ государствѣ, для котораго предназначался этотъ планъ, правительство ежегодно бросаетъ десятки милліоновъ на покровительство сахарнымъ заводчикамъ и оптовымъ торговцамъ. Кромѣ того, оно даетъ десятки милліоновъ взаймы компаніямъ желѣзныхъ дорогъ и тратитъ десятки милліоновъ на разныя великолѣпныя постройки.

Правительство назначаетъ такую сумму, какая сообразна съ его финансовою возможностью, для первоначальнаго пособія основанію промышленно-земледѣльческихъ товариществъ. За эту ссуду оно получаетъ обыкновенные проценты и ссуда погашается постепенными взносами въ казну изъ прибыли товариществъ.

Само собою разумѣется, что пособія отъ казны предполагаются только для ускоренія дѣла. Теперь есть много примѣровъ, что товарищества основывались безъ всякой посторонней помощи. Но если оптовые торговцы и компаніи желѣзныхъ дорогъ получаютъ пособія, то нельзя назвать излишней притязательностью предположеніе, что трудящійся классъ такъ же имѣетъ нѣкоторое право ожидать отъ государства такого содѣйствія, которое не будетъ стоить ни одной копѣйки казнѣ: получая проценты и постепенно возвращая выданный капиталъ, она тутъ не жертвовательница, а просто посредница между биржею и трудящимся классомъ.

Теперь идея товарищества дѣло еще новое, и для ея осуществленія нужна нѣкоторая теоретическая подготовленность. Потому на первый разъ веденіе дѣла поручается человѣку, котораго правительство признаетъ представляющимъ надлежащія гарантіи знанія и добросовѣстности.

Приглашаются желающіе участвовать въ составленіи товарищества. Число участниковъ въ каждомъ товариществѣ полагается отъ 1,500 до

*) См. *Современникъ*, 1860, № 1, „Трудъ и Капиталъ“ и томъ VI настоящаго изданія.

2,000 человѣкъ обоего пола: они принимаются въ товарищество съ согласія директора, который отдаетъ предпочтеніе семейнымъ людямъ надъ безсемейными. Такимъ образомъ, товарищество состоитъ изъ 400 и 500 семействъ, въ которыхъ будетъ до 500 или больше взрослыхъ работниковъ и столько же работницъ. Какъ поступили они въ товарищество по своему желанію, такъ и выходить изъ него каждый можетъ, когда ему вздумается.

Въ государствѣ, къ которому относится планъ, находится среди полей множество старинныхъ зданій, стоящихъ запущенными и продающихся за безцѣнокъ. Для товарищества всего выгоднѣе будетъ купить одно изъ такихъ зданій, поправка котораго не требовала бы особенныхъ расходовъ. Но если оно найдетъ выгоднѣйшимъ, то можно построить новыя зданія; словомъ сказать, дѣло это ведется совершенно по такому же разсчету, какъ постройка или покупка зданія для какого нибудь обыкновеннаго промышленнаго заведенія. Надобно только, чтобы при зданіи было такое количество полей и другихъ угодій, какое нужно для земледѣлія по разсчету рабочихъ силъ товарищества.

Разница отъ обыкновенныхъ фабрикъ и домовъ для помѣщенія работниковъ состоитъ въ томъ, что квартиры устраиваются съ тѣми удобствами, какія нужны по понятіямъ самихъ работниковъ, которые будутъ жить въ нихъ. Такъ напримѣръ, квартира для семейнаго человѣка должна имѣть число комнатъ, нужное для скромной, но приличной жизни. Число квартиръ устраивается приблизительно соразмѣрное съ числомъ желающихъ пользоваться такими квартирами. Но кому не угодно жить въ этомъ большомъ зданіи, тотъ можетъ нанимать себѣ квартиру, гдѣ найдетъ удобнымъ. Обязательнаго правила тутъ нѣтъ никакого.

При зданіи находятся принадлежности, которыя требуются нравами или пользою членовъ товарищества. По нравамъ того народа и его потребностямъ такими принадлежностями считаются: церковь, школа, зала для театра, концертовъ и вечеровъ, библіотека. Кромѣ того, разумѣется, должна быть больница.

По архитектурнымъ смѣтамъ, т. е. по цифрамъ, точность которыхъ каждый можетъ провѣрить, оказывается, что такое зданіе, со всѣми своими принадлежностями и удобствами, будетъ стоить такую сумму, что лица, поселившіяся въ немъ, получатъ квартиру и гораздо лучше, и гораздо дешевле помѣщеній, въ какихъ живутъ нынѣ. Цѣна за квартиры полагается такая, чтобы за вычетомъ ремонта капиталъ, затраченный на зданіе, давалъ процентъ обычный въ томъ государствѣ.

Товарищество будетъ заниматься и земледѣліемъ и промыслами или фабричными дѣлами, какія удобны въ той мѣстности. Инструменты, машины и матеріалы, нужные для этого, покупаются на счетъ товарищества.

Словомъ сказать, товарищество находится относительно своихъ членовъ въ такомъ же положеніи, какъ фабрикантъ и домохозяинъ относительно своихъ работниковъ и жильцовъ. Оно ведетъ съ ними совершенно такіе же счеты, какъ фабрикантъ съ работниками, домохозяинъ съ жильцами. Новаго и неудобоисполнимаго тутъ очень мало, какъ видимъ.

Теперь, когда зданіе готово и все нужное для работъ пріобрѣтено, начинается дѣло.

Однимъ изъ важныхъ экономическихъ разсчетовъ служитъ то, что земледѣліе требуетъ громаднаго количества рукъ въ недолгіе періоды посѣва и уборки, а въ остальное время представляетъ мало занятій. Товарищество должно пользоваться временемъ какъ можно разсчетливѣе, потому во время горячихъ земледѣльческихъ работъ всѣ члены его приглашаются заниматься земледѣліемъ, а другими промыслами и работами занимаются въ свободное отъ земледѣлія время. Впрочемъ, обязательности и тутъ нѣтъ никакой: кто чѣмъ хочетъ, тотъ тѣмъ и занимается. Въ каждомъ промыслѣ, для каждаго разряда работниковъ существуетъ та самая плата, какая обычна для него въ тѣхъ мѣстахъ. Какое же средство привлечь всѣ руки къ земледѣлію, когда оно требуетъ наибольшаго числа рукъ? Товарищество знаетъ, что количество работы составляетъ сущность дѣла, потому во время посѣва и уборки назначаетъ на земледѣльческую работу такую плату, чтобы огромное большинство членовъ его, занимающихся обыкновенно промыслами, увидѣло для себя выгоду обратиться на время къ земледѣлію. Какъ видимъ, товарищество держится въ этомъ случаѣ обыкновенныхъ въ нынѣшнее время средствъ: оно держится ихъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Работники, не занимавшіеся до той поры земледѣліемъ, на первый годъ, конечно, будутъ пахать или косить хуже записныхъ земледѣльцевъ; но подъ ихъ руководствомъ исполнятъ новое дѣло сноснымъ образомъ, а на слѣдующіе годы и вовсе привыкнутъ къ нему.

Мы говорили, что каждый занимается тою работою, какую зналъ или какую хочетъ выбрать. Разумѣется, однакожъ, что товарищество и въ этомъ случаѣ руководится разсчетомъ. Сапожники, портные, столяры, конечно, для него нужны, и оно найдетъ выгоднымъ имѣть такія мастерскія. Но еслибы иной членъ вздумалъ заняться производствомъ ювелирныхъ вещей, товарищество разсудитъ, нужна ли ему такая работа: если нужна, оно заведетъ ювелирную мастерскую, если нѣтъ, то скажетъ ювелиру, что когда онъ непремѣнно хочетъ заниматься только ювелирствомъ, а не другимъ чѣмъ нибудь, то пусть ищетъ себѣ работы гдѣ ему угодно, а оно, товарищество, не можетъ доставить ему мастерской такого рода. На первый разъ этотъ разборъ возможнаго и невозможнаго зависитъ отъ благоразумія директора, который набираетъ членовъ.

Но власть директора не ограничена только до того времени, пока записываются поступающіе члены; какъ только составъ товарищества опредѣлился, члены его по каждому промыслу выбираютъ изъ своего числа административный совѣтъ, согласіе котораго нужно во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и вопросахъ, относящихся къ этому промыслу; а всѣ члены товарищества выбираютъ общій административный совѣтъ, который постоянно контролируетъ директора и выбранныхъ имъ помощниковъ и безъ согласія котораго не дѣлается въ товариществѣ ничего важнаго.

Но вотъ прошелъ годъ: члены товарищества успѣли достаточно узнать другъ друга и пріобрѣсти опытность въ томъ, какъ ведутся дѣла.

Власть прежняго директора, назначеннаго правительствомъ, становится уже излишнею и совершенно прекращается. Со втораго года все управленіе дѣлами товарищества переходитъ къ самому товариществу; оно выбираетъ всѣхъ своихъ управителей, какъ акціонерная компанія выбираетъ директоровъ. Быть можетъ, опытъ и наклонности членовъ товарищества указали неудобства нѣкоторыхъ опредѣленій устава, которымъ управлялось товарищество въ первый годъ. Въ такомъ случаѣ что же мѣшаетъ товариществу измѣнить ихъ по своимъ надобностямъ и желаніямъ? Конечно, если первоначальный директоръ былъ человѣкъ разсудительный, если онъ принималъ людей въ члены товарищества съ осмотрительностью, то члены набрались такіе, которые понимаютъ, въ чемъ сущность дѣла, къ которому они присоединялись. Они, вѣроятно, понимаютъ, что товарищество существуетъ для возможно-большаго удобства и благосостоянія своихъ членовъ, что сущность его состоитъ въ устройствѣ, по которому каждый работникъ былъ бы свободнымъ человѣкомъ и трудился въ свою пользу, а не въ пользу какого нибудь хозяина. Вѣроятно, также, что эти люди будутъ люди, а не звѣри, то есть не станутъ забывать, что общество обязано по возможности заботиться о сиротахъ и другихъ безпомощныхъ своихъ членахъ; вѣроятно, они не захотятъ уничтожить ни школы, ни больницы, видя, что есть у товарищества достаточно средствъ для ихъ содержанія. А если такъ, то они останутся вѣрны духу и цѣли своего товарищества и тогда, когда отъ нихъ будетъ зависѣть измѣнять, какъ имъ самимъ угодно, уставъ его. А если такъ, то надобно полагать, что уставъ этотъ они не испортятъ, а развѣ усовершенствуютъ. Что именно сдѣлаютъ они для его усовершенствованія, это уже ихъ дѣло, а наше дѣло только разсказать, какой порядокъ заводится въ товариществѣ первоначальнымъ уставомъ, дѣйствовавшимъ въ первый годъ; одну часть его, относящуюся къ производству, мы изложили; теперь займемся другою, относящеюся къ распредѣленію и потребленію.

Можно, кажется, предположить, что работники, получая отъ товарищества обыкновенную плату обыкновеннымъ порядкомъ, будутъ работать не хуже обыкновеннаго. Мы предполагаемъ, что управленію товарищества едва ли понадобится прибѣгать къ исключенію какого нибудь члена товарищества за лѣность; а если понадобится—что дѣлать!—оно исключитъ его, какъ отпускаетъ фабрикантъ слишкомъ лѣниваго работника. Но лѣнивыхъ работниковъ будетъ въ товариществѣ меньше, нежели на частныхъ фабрикахъ: имѣя, какъ мы увидимъ, болѣе прямую выгоду отъ усердія въ работѣ, члены товарищества, вѣроятно, останутся вѣрны общему качеству человѣческой природы, по которому усердіе къ дѣлу измѣряется выгодностью его, и потому надобно полагать, что работа въ товариществѣ пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ на частныхъ фермахъ и фабрикахъ, гдѣ наемные рабочіе не участвуютъ въ прибыли отъ своего труда.

Если у фабриканта остается значительная прибыль, за вычетомъ заработной платы и другихъ издержекъ производства, то остается она и у товарищества. Одна часть этой прибыли пойдетъ на содержаніе церкви,

школы, больницы и другихъ общественныхъ учрежденій, находящихся при товариществѣ; другая на уплату процентовъ по ссудѣ изъ казны и на ея погашеніе; третья на запасный капиталъ, который будетъ служить, такъ сказать, застрахованіемъ товарищества отъ разныхъ случайностей. (Если товариществъ много, этотъ запасный капиталъ служитъ основаніемъ для ихъ взаимнаго застрахованія отъ разныхъ невзгодъ. Когда же возрастаніе его представитъ возможность, онъ также обращается на пособіе вновь основываемымъ товариществамъ). За покрытіемъ всѣхъ этихъ расходовъ должна остаться значительная сумма, которая пойдетъ въ дивидендъ всѣмъ членамъ товарищества, каждому по числу его рабочихъ дней.

Нашъ уставъ написанъ именно въ томъ предположеніи, что эта сумма, остающаяся для дивиденда, будетъ значительна. Почему мы такъ думаемъ? Просто потому, что хозяинъ частной фабрики также имѣетъ всѣ расходы, которые мы вычитали изъ прибыли товарищества: онъ также платитъ проценты по своимъ долгамъ и погашаетъ ихъ, также содержитъ, если только онъ человѣкъ честный, и церковь, и школу, и больницу (и надобно замѣтить, что чѣмъ больше онъ тратитъ на эти учрежденія, требуемыя понятіями или пользами его работниковъ, тѣмъ больше остается у него чистой прибыли); наконецъ, онъ также застраховываетъ свою фабрику,—издержка, соотвѣтствующая образованію запаснаго капитала въ товариществѣ,—и за всѣми этими расходами у него все еще остается значительная сумма, которая одна собственно и составляетъ его прибыль: онъ бросилъ бы свою фабрику, еслибы эта сумма, остающаяся у него въ рукахъ, не была значительна. Нѣтъ причины полагать, чтобы работа у товарищества шла менѣе успѣшно, нежели у него, а есть причина полагать, что она пойдетъ успѣшнѣе: потому то мы и говоримъ, что дивидендъ въ товариществѣ будетъ значителенъ.

Этотъ дивидендъ составляетъ одну сторону выгодности товарищества для его членовъ; онъ возникаетъ изъ производства. Другую сторону выгодности доставляетъ посредничество товарищества въ расходахъ его членовъ на потребленіе.

Мы уже говорили, что всѣ желающіе члены пользуются въ общественномъ зданіи квартирами, которыя лучше и дешевле обыкновенныхъ. Точно также они могутъ брать, если захотятъ, всякія нужныя имъ вещи изъ магазиновъ товарищества по оптовой цѣнѣ, которая гораздо дешевле обыкновенной, розничной. Кому, напримѣръ, кажется удобнымъ покупать сахаръ по 20 к. за фунтъ, а не по 30, какъ онъ продается въ маленькихъ лавкахъ, тотъ можетъ брать его изъ магазина товарищества, которое покупаетъ сахаръ прямо съ биржи, стало быть имѣетъ его 30-ю процентами дешевле, чѣмъ получается онъ изъ мелкихъ лавокъ. Но, разумѣется, кому угодно платить не 20, а 30 коп. за фунтъ, тотъ можетъ покупать его, гдѣ ему угодно. Для людей небогатыхъ главный расходъ составляетъ пища. Кому угодно самому готовить свой обѣдъ, можетъ готовить его, какъ хочетъ. Но кто захочетъ, тотъ можетъ брать кушанья

къ себѣ на квартиру изъ общей кухни, которая отпускаетъ ихъ дешевле, нежели обходятся они въ отдѣльномъ маленькомъ хозяйствѣ; а кому угодно, тотъ можетъ обѣдать за общимъ столомъ, который стоитъ еще дешевле, нежели покупка порцій изъ общей кухни на квартиру.

Намъ кажется, что во всемъ этомъ нѣтъ пока ровно ничего особенно ужаснаго или стѣснительнаго. Живи гдѣ хочешь, живи какъ хочешь, только предлагаются тебѣ средства жить удобно и дешево, и кромѣ обыкновенной платы получать дивидендъ. Если и это стѣснительно, никто не запрещаетъ отказываться отъ дивиденда".

Намъ вздумалось взять въ примѣръ тогда Луи-Блана. Не мѣшаетъ сдѣлать небольшую оговорку. Луи-Бланъ человѣкъ вовсе не изъ тѣхъ первоклассныхъ мыслителей, каковы были Сенъ-Симонъ, Фурье, Робертъ Овенъ. Онъ только человѣкъ очень даровитый, въ родѣ Милля: выше Милля онъ въ томъ отношеніи, что умѣлъ встать на почву новую и твердую: онъ учился на мѣдныя деньги, не имѣя даже куска хлѣба отъ черной работы, которая дала Прудону время долго учиться хотя на мѣдныя деньги. Стало быть, если хотите, можете ставить его, какъ теоретика, далеко ниже Прудона и Милля. Значитъ, мы обращаемъ на него здѣсь вниманіе не потому, что онъ самъ былъ выше другихъ,— куда, далеко нѣтъ. Но литературный талантъ у него очень большой и при томъ совершенно такого рода, который больше нравится французамъ: онъ пишетъ патетично (отъ этого чуть-ли не больше всего онъ и не пользуется популярностью у насъ, для которыхъ болѣе привыченъ теперь ироническій тонъ). Благодаря этому онъ оказался популярнѣйшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ людей новыхъ экономическихъ школъ въ 1848 году, и ему, и не другому кому привелось быть тогда представителемъ требованій парижскихъ рабочихъ во временномъ правительствѣ. Плохо-ли, хорошо-ли исполнялъ онъ эту обязанность, здѣсь для насъ все равно. Фактически вѣрно только одно: пока онъ сохранялъ только тѣнь участія въ правительствѣ, междоусобной войны не было. А, можетъ быть, онъ и былъ виноватъ этимъ, судите какъ хотите. Но только все-таки онъ былъ представителемъ требованій парижскихъ работниковъ, стало быть, на его голову и обрушалась вся ненависть къ этимъ требованіямъ, и въ тысячѣ книгъ подробно объяснено, что онъ злодѣй въ родѣ Ваньки Каина: хотѣлъ перерѣзать половину французовъ, заграбить имущество перерѣзанныхъ и т. д., и все это, видите-ли, по мелкому тщеславію и по злобной, трусливой завистливости. Оно, можетъ быть, и правда. Но дѣло не въ томъ, что онъ за человѣкъ самъ,—мы хотѣли только сказать, что по особенному историческому случаю его мысли пріобрѣли историческую важность, которой иначе бы и не имѣли, потому что оригинальнаго въ нихъ мало. Оно, впрочемъ, тѣмъ и удобнѣе для насъ взять его въ примѣръ, что оригинальнаго у него мало. Посмотримъ же, что такое онъ предлагалъ. У Милля мы прочли, что онъ коммунистъ, требующій совершеннаго равенства не имуществъ: какія ужъ имущества при коммунизмѣ, отрицающемъ всякую собственность,—а доходовъ или выдачи содержанія каждому члену націи. Ну, дѣйствительно, это вещь не слишкомъ-то удобоисполнимая не только при насъ, а при внукахъ нашихъ, да и при праправнукахъ. Да нѣтъ, приба-

вляетъ Милль, это еще не все, это только на первый разъ думаетъ онъ такъ сдѣлать, а собственно требуетъ онъ, чтобы всякій посвящалъ всѣ свои силы на работу въ пользу коммунистской кассы, а получалъ содержаніе, какое она положитъ ему по разсмотрѣніи его надобностей, т. е. это значитъ, что если она разсудитъ, что я могу существовать чернымъ хлѣбомъ и толокномъ, то буду я работать какъ волъ, и будутъ посторонніе мнѣ люди кушать воздѣланный мною бѣлый хлѣбъ и говядину изъ выкормленнаго мною скота, а мнѣ и понюхать никогда не дадутъ ни говядины, ни бѣлаго хлѣба; ну, это еще неудобоисполнимѣе въ нынѣшнее время; вѣдь нужно перевоспитать нѣсколько поколѣній, чтобы была соблюдаема людьми справедливость при распредѣленіи доходовъ безъ всякой другой нормы, кромѣ общественной добросовѣстности. Ну, видно и глупъ же этотъ Луи-Бланъ! Да и парижскіе работники, что за олухи, что носили на рукахъ такого фантазернаго идіота.

Можетъ быть, вы разсудите такъ, а можетъ быть, вамъ навернется на умъ другая загадка: если масса людей грамотныхъ, довольно много читавшихъ и очень опытныхъ въ житейскомъ дѣлѣ, — а вѣдь парижскіе работники таковы, — выводила впередъ своимъ представителемъ Луи-Блана, то вѣроятно его требованія не были до такой осязательности неудобоисполнимы для нынѣшняго времени. Обманетъ ли васъ эта догадка, вы рѣшите, прочитавъ слѣдующій отрывокъ изъ статьи, откуда берется онъ. Мы разсматривали одно изъ обыкновенныхъ возраженій противъ новыхъ экономическихъ теорій, — говорятъ, будто ими стѣсняется свобода человѣка. Замѣтьте кстати, что и у Милля, если нѣтъ этого пошлаго возраженія, то слегка высказывается мнѣніе, что при тѣхъ усовершенствованіяхъ въ принципѣ личной собственности, какія предполагаетъ въ будущемъ Милль, принципъ этотъ давалъ бы больше свободы, чѣмъ это возможно при другомъ принципѣ, о которомъ идетъ теперь рѣчь. Какъ тамъ было бы въ отдаленномъ будущемъ при усовершенствованіи, предлагаемомъ Миллемъ, объ этомъ мы поговоримъ ниже, могутъ ли довести до цѣли, выставляемой Миллемъ, реформы, имъ предлагаемыя. А теперь пока мы просимъ читателя не дѣлать сравненій, а просто безъ всякихъ сравненій сказать: находится ли хотя малѣйшее стѣсненіе для человѣка въ планѣ, только что нами вышеизложенномъ. Если въ немъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни стѣсненія, то можно, кажется, будетъ сказать впослѣдствіи, что противоположный принципъ уже ни при какихъ усовершенствованіяхъ не превзойдетъ его своею просторностью для свободы.

Мы просимъ читателей обратить вниманіе на то, стѣсняется ли свобода этимъ планомъ, который приспособленъ къ нравамъ странъ, давно потерявшимъ всякое сознаніе о прежнемъ общинномъ бытѣ и только теперь начинающимъ возвращаться къ давно забытой идеѣ товарищества трудящихся въ производствѣ. А между тѣмъ вотъ именно этотъ самый планъ имѣетъ свойство возбуждать въ экономистахъ отсталой школы неимовѣрное негодованіе своею ужасною притѣснительностью, своимъ противорѣчіемъ со всѣми правилами коммерческаго разсчета, своею противоестественностью и своимъ пренебреженіемъ къ личному интересу, безъ котораго нѣтъ

энергіи въ трудѣ. Хорошій отсталой экономистъ скорѣе согласится пойти въ негры и всѣхъ своихъ соотечественниковъ тоже отдать въ негры, нежели сказать, что въ планѣ этомъ нѣтъ ничего слишкомъ дурнаго или неудобоисполнимаго.

Почему же такая простая и легкая мысль до сихъ поръ не осуществилась и по всей вѣроятности долго не осуществится? Почему такая добрая мысль возбуждаетъ негодованіе въ тысячахъ людей добрыхъ и честныхъ? Это вопросы интересные. Но ими мы займемся когда нибудь въ другой разъ.

Послѣднія жесткія слова не относятся къ Миллю: онъ не проклинаетъ и не перевираетъ, а сочувствуетъ и защищаетъ.

Очень можетъ быть, что выписка, сдѣланная нами, не требуетъ поясненій, но на всякій случай сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе.

Въ планѣ, нами представленномъ, дѣло, ведущееся совершенно самостоятельно, въ 1-й годъ при самомъ слабомъ правительственномъ вмѣшательствѣ, ограничивающемся выборомъ директора, который и тутъ ничего не значитъ безъ административнаго совѣта, избираемаго самими участниками предпріятія, а со втораго года уже рѣшительно безъ всякой тѣни какого бы то ни было правительственнаго вмѣшательства, начинается однако же при пособіи ссуды, даваемой правительствомъ. Мы уже говорили въ приведенномъ отрывкѣ, что, кажется, тутъ нѣтъ ничего чрезмѣрно гибельнаго для свободы соучастниковъ, но толпа французскихъ экономистовъ вопіетъ: „ужасно, ужасно! общество ставится въ азіатскую зависимость отъ правительства! вводится демократическая централизація, предъ которой ничто нынѣшняя чрезмѣрная административная опека!“ Когда вы сами знаете произведенія писателя, обвиняемаго въ такомъ злостномъ намѣреніи, вы только пожимаете плечами, слыша этотъ вопль. Вѣдь онъ принадлежитъ къ партіи, которая хочетъ обратить націю въ собраніе самобытныхъ федерацій, такъ чтобы каждый округъ былъ федераціею независимыхъ городовъ и селъ, департаментъ федераціею округовъ, Франція — федераціею департаментовъ, откуда же могло возникнуть порицаніе за любовь къ опекунствующей централизаціи, порицаніе въ родѣ того, какъ если бы кто вздумалъ порицать кошекъ за любовь къ собакамъ.

Главное основаніе тутъ вотъ какое: Луи-Бланъ не теоретикъ, занятый отвлеченными соображеніями о своихъ симпатіяхъ или антипатіяхъ, а публицистъ или государственный человѣкъ, думающій исключительно о настоящемъ. Что же мы видимъ въ настоящемъ у французовъ? Видимъ административное устройство, прямо противоположное англійскому: въ Англіи правительство не можетъ помѣшать частному человѣку рѣшительно ни въ какомъ дѣлѣ, кромѣ фактическаго преступленія. Во Франціи рѣшительно нѣтъ возможности устоять коммерческому, промышленному, какому хотите предпріятію, если администрація захочетъ помѣшать ему. Формальности безконечны; по контролю за исполненіемъ каждой формальности полиція имѣетъ очень широкій произволъ, имѣетъ не только что теперь, при возстановленной имперіи; нѣтъ, точно столько же имѣла произвола и при Луи-Филиппѣ и при Бурбонахъ. Не только что какой нибудь опытъ новаго промышленнаго

порядка съ неизбѣжными при всякомъ опытѣ колебаніями, не только что какое нибудь дѣло, имѣющее противъ себя биржу и всѣхъ капиталистовъ, нѣтъ, самая солидная купеческая фирма обанкрутится черезъ полгода, если захочетъ того администрація. Крайній случай будетъ такой: управляющій дѣлами подозрѣвается въ неправильномъ веденіи книгъ; онъ берется подъ арестъ и на мѣсто его назначается администраціею новый управляющій дѣлами, который находитъ и докладываетъ префекту или министру, что дѣла фирмы слѣдуетъ ликвидировать, они и ликвидируются. Но до этой крайности едва ли понадобится дойти: есть сотни способовъ разстроить предпріятіе и безъ него.

Нравится или не нравится это, вамъ-ли, другому-ли кому, напримѣръ, хоть Луи-Блану, не о томъ рѣчь. Рѣчь о томъ, что французы съ незапамятныхъ временъ привыкли къ такому порядку вещей, они привыкли къ нему по крайней мѣрѣ со временъ Ришелье, если не раньше, и въ какіе нибудь 30 лѣтъ, прошедшихъ между первою и второю имперіей, разумѣется, не могли много отвыкнуть отъ него. Что укоренялось въ понятіяхъ въ теченіи многихъ поколѣній, то не изгладится изъ нравовъ иначе, какъ смѣною нѣсколькихъ поколѣній. Что же теперь дѣлать? Политическія формы могутъ смѣняться, — онѣ и смѣнялись во Франціи; однѣ изъ нихъ могутъ быть удобнѣе для развитія въ народѣ извѣстныхъ привычекъ, для изглаженія другихъ; однѣ изъ нихъ могутъ ближе соотвѣтствовать существующимъ привычкамъ, другія по своей тенденціи быть дальше отъ нихъ, но все таки масса дѣйствій администраціи при какихъ бы то ни было политическихъ формахъ будетъ въ духѣ народныхъ привычекъ. Попробуйте завести въ Азіи европейскія политическія формы какія хотите: очень долго при этихъ формахъ администрація будетъ дѣйствовать очень мало отлично отъ прежняго. Въ доказательство посмотримъ на англійское управленіе въ Остъ-Индіи,—чисто азіатское, или на французское въ Алжирѣ,— тотъ же самый Египетъ. Разумѣется администрація можетъ получить другія цѣли, напримѣръ, при Алексѣѣ Михайловичѣ она отстраняла отъ насъ европейскія формы, при Петрѣ Великомъ она вводила ихъ; въ Англіи при Стюартахъ старались распространять католичество, при гановерской династіи стѣснять его, во Франціи въ 1-ю республику уничтожать аристократію съ возможнымъ сохраненіемъ новаго порядка вещей. Все это такъ, цѣли могутъ быть очень различны, но характеръ дѣйствій измѣняется очень медленно: быстро измѣняться онъ не можетъ; народныя привычки не даютъ ни матеріаловъ, ни опоры. Сдѣлайте дровосѣка столяромъ, съ первой же минуты онъ начнетъ дѣлать свое дѣло, а скоро-ли онъ пріобрѣтетъ осторожные, осмотрительные пріемы столяра? нѣтъ, долго будетъ по прежнему махать съ плеча. Или посадите ювелира бить камни для шоссе: скоро-ли онъ пріобрѣтетъ размашистыя привычки къ полновѣснымъ ударамъ со всего плеча? На что же теперь долженъ разсчитывать во Франціи человѣкъ разсудительный, какихъ бы мнѣній самъ ни былъ? По французскимъ привычкамъ, какія хотите заводите формы, администрація останется такъ привязчива ко всему и сохранитъ такую власть надъ всякимъ частнымъ дѣломъ, что противъ нея никакого частнаго дѣла нельзя вести; и не вмѣшиваться въ

него, этого она уже не можетъ. Мало ли что будетъ лѣтъ черезъ 40, черезъ 50, а теперь, кого хотите опредѣляйте префектомъ-ли, мэромъ-ли, полицейскимъ-ли коммисаромъ, полевымъ-ли сторожемъ, каждый говоритъ одно: „я не могу не заботиться объ общественномъ благѣ, поэтому мнѣ до каждаго дѣла есть дѣло; я буду измѣнникъ родинѣ своей и обязанности, если останусь въ сторонѣ отъ чего нибудь; нѣтъ, если что хорошо, я долженъ помогать ему, если что дурно, я долженъ останавливать". А вздумай кто нибудь изъ этихъ администраторовъ оплошать, не вмѣшаться во что нибудь, весь городъ закричитъ: „плохо, сударь, не исполняете своей обязанности! посмотрите, вотъ въ томъ переулкѣ человѣкъ табаку понюхалъ, а вы не сдѣлали ему ни помощи, ни задержки!" ну, и заставятъ человѣка: возчувствуетъ совѣсть, вмѣшается, сдѣлаетъ помощь или задержку. Чтожъ вы прикажете дѣлать съ такимъ народцемъ? Не о томъ спрашивается, къ чему направлять его въ будущемъ, а какъ устроить съ нимъ какое-нибудь дѣло теперь? Администрація во Франціи не можетъ оставаться равнодушною ни къ чему; она каждому дѣлу непремѣнно хочетъ и принуждается общественнымъ мнѣніемъ или помогать, или мѣшать; этого свойства вы у ней никакими силами въ скоромъ времени отнять не можете, и никакими средствами не можете вы въ скоромъ времени сдѣлать, чтобы она не сохраняла чрезвычайнаго могущества надъ частными дѣлами, такъ что не можетъ идти никакое частное дѣло, которому она мѣшаетъ. А всему, чему она не помогаетъ, она мѣшаетъ.

Но что жъ, скажите на милость, почтетъ нужнымъ дѣлать какой-нибудь заклятый англоманъ, или американофилъ при такомъ положеніи, если онъ человѣкъ разсудительный, а не фантазеръ, воображающій, что вотъ завтра же французы обратятся въ англичанъ? Разумѣется, онъ разсудитъ: „если я хочу успѣха своему дѣлу, я долженъ имѣть на своей сторонѣ администрацію". Только? Только и есть. Думай Луи-Бланъ вести свое дѣло у Англичанъ, онъ и не подумалъ бы объ администраціи. Но что жъ ему было дѣлать, когда онъ хотѣлъ вести свое дѣло у Французовъ? Разумѣется ему приходилось видѣть, что нужно содѣйствіе администраціи. И если онъ высказывалъ это, видно только, что былъ не глупъ и не совершенно лишенъ здраваго смысла. Нужно же имѣть каплю здраваго смысла и не автору только и оратору, а также и людямъ, которые берутся судить о немъ.

„Но принципъ невмѣшательства, о которомъ такъ прекрасно говорятъ политико-экономы?" Да сообразите же вы, изъ какого народа были, въ какой странѣ жили, для кого писали Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Рикардо: вѣдь они были англичане, писали для англичанъ. Виноваты ли эти умные люди въ томъ, что не привелось ни одному изъ ихъ послѣдователей въ другихъ странахъ быть такимъ же умнымъ человѣкомъ, имѣть самостоятельное соображеніе, чтобы понимать, какіе результаты для практическихъ способовъ веденія дѣлъ происходятъ отъ разности, пожалуй, неудовлетворительности континентальныхъ привычекъ сравнительно съ англійскими? Англійскіе политико-экономы говорятъ, напримѣръ, что самая выгодная для простолюдина одежда—миткалевая и ситцевая. Ну, чѣмъ они будутъ виноваты, если

у насъ кто-нибудь, не разобравъ дѣла, начнетъ твердить, что наши мужики нерасчетливы тѣмъ, что вмѣсто миткаля и ситца носятъ обыкновенно холстъ? Чѣмъ англійскіе ученые виноваты, что этотъ господинъ повторяетъ ихъ слова, не разобравъ дѣла, не разобравъ того, что у насъ миткаль и ситецъ еще остаются дороже холста? Другое дѣло, если вы только говорите, что слѣдуетъ желать удешевленія хлопчато-бумажныхъ тканей у насъ: и что, когда онѣ подешевѣютъ также, какъ въ Англіи, нашему мужику откроется возможность покупать ихъ для будничной носки, подобно англійскому. Но вѣдь это когда еще будетъ, а пока еще совсѣмъ не то.

Словомъ сказать, теорія административнаго содѣйствія, плану ли, изложенному нами, другому ли какому общественному дѣлу, или частному предпріятію — не принадлежитъ къ самой сущности мысли говорящаго о томъ человѣка, а происходитъ лишь изъ соображеній мѣстныхъ обстоятельствъ и народныхъ привычекъ. Кажется вамъ, что въ данномъ мѣстѣ общественныя привычки и практическая возможность веденія дѣла сходны съ англійскими, ну что жъ, вы можете находить, что административное дѣйствіе не нужно для вашего дѣла, а если находите вы иное, тогда нечего дѣлать, должны вы чувствовать нужду въ томъ, что не было бы вамъ нужно въ другихъ обстоятельствахъ.

Но довольно объ этомъ. Высказавъ нерѣшительное сочувствіе къ новому принципу распредѣленія, Милль, какъ мы видѣли, обходитъ его отговоркою, что заниматься этимъ еще слишкомъ рано, и слѣдуетъ вникать въ прежній принципъ, нельзя ли устроить его такъ, чтобы онъ былъ лучше новаго, которому, по признанію Милля, далеко уступаетъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ. Пойдемъ и мы смотрѣть вслѣдъ за Миллемъ, и сначала посмотримъ глазами Милля.

Основаніе права собственности — право производителя на произведенное имъ. Тутъ прежде всего встрѣчается обиходное возраженіе: „работники на фабрикѣ произвели продуктъ; какъ же онъ принадлежитъ не имъ, а хозяину фабрики?“ Это недоумѣніе разрѣшается также обиходнымъ образомъ: трудъ работниковъ былъ лишь одинъ изъ элементовъ труда, участвовавшаго въ производствѣ, другой элементъ — капиталъ, т. е. предшествовавшій трудъ, реализированный въ продуктахъ, нужныхъ для производства (пищи и все содержаніе рабочихъ во время производства, зданіе фабрики, машины, орудія и матеріалъ), принадлежитъ хозяину фабрики, слѣдовательно продуктъ долженъ дѣлиться между этимъ прежнимъ трудомъ, дававшимъ возможность новому, т. е. между хозяиномъ фабрики, и между новымъ трудомъ, т. е. работниками; они получаютъ слѣдуемую имъ долю продукта въ видѣ рабочей платы. Другое обиходное возраженіе: „но этотъ прежній трудъ обыкновенно не былъ личнымъ трудомъ хозяина; капиталъ обыкновенно созданъ работою не самого капиталиста“. И это сомнѣніе уничтожается обиходнымъ замѣчаніемъ: „все равно этотъ капиталъ, т. е. продуктъ прежняго труда, перешелъ къ нынѣшнему владѣльцу законнымъ путемъ, обыкновенно по волѣ самихъ производителей“. 3-е возраженіе: „но лицо, наслѣдовавшее плоды труда другихъ, имѣетъ ни мало незаслуженное преимущество передъ тѣми трудящимися, которымъ ничего не оставлено

ихъ предшественниками". На это Милль отвѣчаетъ уже не совсѣмъ обиходнымъ образомъ: „я самъ утверждаю, что это незаслуженное преимущество должно быть уменьшаемо на столько, на сколько допускается справедливостью къ лицамъ, которыя сочли нужнымъ распорядиться плодами своихъ сбереженій въ пользу своихъ потомковъ".

Изъ права производителя на продуктъ вытекаетъ и право другаго лица на продуктъ, добровольно переданный ему производителемъ, потому что иначе опровергалось бы право производителя располагать продуктомъ.

Такимъ образомъ право собственности касается только вещей, произведенныхъ лицомъ или переданныхъ ему производителемъ, и по основному принципу право собственности не признается за тѣмъ лицомъ, которое пріобрѣло вещь другимъ путемъ, т. е. насиліемъ или обманомъ или по незнанію лица, имѣющаго дѣйствительное право на вещь, о своемъ правѣ. Но для общественной пользы принимается исключеніе изъ этого принципа: если извѣстное лицо владѣло собственностью долгое время безспорно, то уже самая давность владѣнія признается обезпечивающею собственность за этимъ лицомъ, хотя бы первоначально собственность и была неправильно пріобрѣтена этимъ лицомъ, или другимъ лицомъ, отъ котораго оно правильно получило ее. Конечно, этимъ нѣсколько нарушается справедливость, но дѣло въ томъ, что когда несправедливость просуществовала извѣстное время, то исправленіе этой несправедливости вообще было бы еще большею несправедливостью, потому что первоначальный фактъ уже заросъ, такъ сказать, послѣдующими фактами, которые всѣ пришлось бы уничтожить уничтоженіемъ первоначальнаго факта.

Въ заключеніе Милль перечисляетъ важнѣйшіе изъ тѣхъ предметовъ, присвоеніе которыхъ въ цивилизованныхъ обществахъ уже вообще признано дѣломъ неправильнымъ. Таковы: присвоеніе въ собственность человѣку другаго человѣка (разныя формы невольничества и крѣпостной зависимости), присвоеніе общественныхъ должностей въ собственность (напримѣръ, покупка офицерскихъ чиновъ, донынѣ существующая въ Англіи, покупка разныхъ гражданскихъ должностей, существовавшая въ старинной Франціи, и т. д.). Мы не имѣемъ надобности прибавлять здѣсь что нибудь относительно тѣхъ сторонъ дѣла, въ которыя вникаетъ Милль, 1) потому что эти стороны разсмотрѣны у него удовлетворительно, 2) что къ важнѣйшимъ изъ нихъ онъ еще возвратится въ слѣдующихъ частяхъ своего трактата и мы успѣемъ тогда прибавить къ его мыслямъ свои замѣчанія. Но здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на одну коренную черту, которая оставлена у Милля безъ изслѣдованія: какова общая тенденція естественныхъ силъ, призываемыхъ принципомъ частной собственности къ господству надъ распредѣленіемъ имуществъ и доходовъ?

Въ тѣ времена, когда создавалась господствующая экономическая теорія, вопросъ этотъ не былъ поставленъ съ достаточною ясностью, или заглушался реакціоннымъ воплемъ противъ разрушительныхъ стремленій революціонной Франціи. Поэтому ни у Адама Смита, ни у Мальтуса, ни у Рикардо мы не найдемъ серьезныхъ изслѣдованій. А когда вопросъ этотъ былъ поднятъ такъ, что уже нельзя было оставлять его безъ рѣшительнаго

отвѣта, господствующая теорія не имѣла дѣятелей, способныхъ порядкомъ разработывать вещи, не рѣшенныя Смитомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Въ Смитовской школѣ основались тогда, какъ и теперь существуютъ, только труженники, неспособные развивать науку, а лишь подыскивающіе факты къ даннымъ темамъ (въ родѣ Рау и Рошера), или фразеры (въ родѣ нынѣшнихъ французскихъ знаменитостей школы Сэ); труженники не могли заняться этимъ дѣломъ, такъ какъ это не было указано и растолковано имъ ихъ учителями, а фразеры не задумывались, безъ дальнихъ справокъ, отвѣчать на него голословными фразами, какія казались для нихъ удобными. Школа ихъ была оттѣснена ходомъ идей и событій въ консервативное и отчасти въ реакціонное положеніе, потому удобнѣйшимъ для нихъ оказалось толковать въ слѣдующемъ родѣ: „силы, призываемыя принципомъ собственности къ господству надъ распредѣленіемъ, имѣютъ въ себѣ свойство уравновѣшивать свои результаты такъ, что ими самими исправляется неблагопріятность распредѣленія, производимая ими. Напримѣръ, въ одномъ поколѣніи собственность слишкомъ сосредоточилась по наслѣдству отъ бездѣтныхъ родственниковъ, но у этого же лица или у его сына будетъ много дѣтей, и собственность дѣйствіемъ того же наслѣдства раздѣлится снова до умѣренной величины; точно также дѣйствуютъ и другія силы. Слѣдовательно уклоненія съ выгоднаго пути тутъ бываютъ кратковременныя, случайныя, неуспѣвающія далеко отойти отъ выгоднѣйшей для прогресса линіи, взаимно вознаграждающіяся, такъ что въ общей сложности результатъ дѣйствія этихъ силъ совпадаетъ съ условіями наивыгоднѣйшаго распредѣленія“. На чемъ основана такая теорія? Ни на чемъ кромѣ желанія построить ее именно въ такомъ видѣ. Подтверждается ли она фактами или противорѣчитъ имъ, это никто изъ болтуновъ, ее излагающихъ, не потрудился провѣрить. Въ этюдѣ о Мальтусовой теоремѣ я уже высказывалъ тѣ недостатки, которые лишаютъ меня возможности изслѣдовать неразработанные научные вопросы съ полнотою, которая была бы удовлетворительна хотя бы для меня одного. Я до сихъ поръ могъ лишь слегка касаться того, что требуетъ трудовъ болѣе продолжительныхъ и знаній болѣе обширныхъ. Эту неудовлетворительность самъ я указываю и въ слѣдующей небольшой работѣ, произведенной мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ для уясненія естественныхъ дѣйствій принципа частной собственности съ той стороны, которая безъ точныхъ изслѣдованій наименѣе можетъ быть отгадываема вѣрнымъ образомъ. Статья, отрывокъ изъ которой я привожу, принадлежала къ ряду полемическихъ статей, написанныхъ мною въ защиту обычнаго нашего общиннаго землевладѣнія. Называлась она: „О поземельной собственности“ и была напечатана въ октябрской книжкѣ *Современника*, 1857 г. Я въ ней говорилъ, между прочимъ, что при общинномъ землевладѣніи твердо держится въ цѣломъ земледѣльческомъ сословіи тотъ уровень благосостоянія, какой допускается степенью національнаго развитія, а при раздѣлѣ общинной земли на наслѣдственные участки на этомъ уровнѣ благосостоянія удерживается лишь небольшая часть земледѣльцевъ, а масса упадаетъ глубоко ниже его, между тѣмъ, какъ возвышаются надъ нимъ лишь немногіе. Эту вторую половину рѣшенія получилъ я разборомъ дѣйствія наслѣдствен-

ности при правилѣ равнаго раздѣла между сыновьями. Привожу теперь отрывокъ, на который ссылаюсь.

„Чтобы узнать направленіе, въ которомъ дѣйствуетъ поземельная наслѣдственность, возьмемъ для примѣра хотя нѣсколько генеалогическихъ таблицъ и посмотримъ, какъ развѣтвлялись роды втеченіе нѣсколькихъ поколѣній. Для этого мы беремъ 4-ю часть „Россійской родословной книги“, кн. П. Долгорукова.

Группы родственниковъ разнообразны и по числу лицъ и по близости родственныхъ отношеній въ каждой группѣ. Для удовлетворенія этимъ условіямъ, существующимъ въ дѣйствительности, мы возьмемъ нѣсколько родовъ, изъ каждаго рода возьмемъ какое-нибудь изъ среднихъ поколѣній, отъ VII до X. Такимъ образомъ, въ каждой группѣ будутъ разнообразныя степени родства.

Фамиліи мы беремъ наудачу, поколѣнія также.

Фамилій мы набираемъ столько, чтобы въ поколѣніяхъ, нами взятыхъ, насчиталось до 250 мужчинъ.

Вотъ фамиліи и поколѣнія, наудачу взятыя нами изъ „Родословной книги“ кн. Долгорукова.

Арсеньевы VIII; Бахметьевы IX; Вельяминовы-Зерновы X; Воейковы X; Жеребцовы IX; Игнатьевы IX; Квашнины VII; Колычевы VII; Орловы-Давыдовы VII; Шишковы X.

Всѣ вмѣстѣ, эти поколѣнія всѣхъ десяти родовъ имѣютъ 251 мужчину.

И такъ мы имѣемъ 251 лицо мужескаго пола. Эти лица соединены между собою родствомъ въ нѣсколько группъ, и въ каждой группѣ есть разнообразныя степени родства. Словомъ, генеалогическія отношенія въ нашемъ примѣрѣ совершенно соотвѣтствуютъ условіямъ дѣйствительности.

Будемъ же, анализируя родословныя этихъ лицъ, изучать дѣйствіе принципа наслѣдственной собственности. Для того, чтобы характеристическія особенности этого принципа выставлялись яснѣе, мы не забудемъ сравнивать ихъ съ результатами, къ какимъ приводитъ принципъ общиннаго поземельнаго владѣнія.

Посмотримъ сначала, какъ развѣтвились родственныя группы въ четвертомъ поколѣніи отъ того, съ котораго начался нашъ счетъ, иначе сказать, сколько въ каждой группѣ явилось правнуковъ.

	Прадѣды, число мужчинъ.	Правнуки, число мужчинъ.
№ 1 Арсеньевы	10	54
— 2 Бахметьевы	9	37
— 3 Вельяминовы-Зерновы . . .	28	30
— 4 Воейковы	62	98
— 5 Жеребцовы	11	40
— 6 Игнатьевы	16	33
— 7 Квашнины	23	21
— 8 Колычевы	47	18
— 9 Орловы-Давыдовы	25	24
— 10 Шишковы	20	33
Итого . . .	251	388

Итакъ, при смѣнѣ трехъ поколѣній, число лицъ увеличилось почти въ полтора раза.

При прадѣдахъ было въ селѣ общинное владѣніе, и на каждую душу мужескаго пола приходилось 12 десятинъ.

Если общинное владѣніе сохранилось при правнукахъ, каждая мужская душа имѣетъ около $7^3/_4$ десятинъ. Каково же будетъ благосостояніе правнуковъ сравнительно съ прадѣдами?

Въ теченіе вѣка земледѣліе сдѣлало нѣкоторые успѣхи; развилась торговля хлѣбомъ съ близь лежащими городами и съ оптовыми торговцами, отправляющими хлѣбъ въ столицы и за границу.

Вслѣдствіе улучшеній въ земледѣліи каждая десятина даетъ среднимъ числомъ на 50% болѣе сбора, нежели при прадѣдахъ *).

Благодаря увеличенію запроса (отъ возрастанія населенія и развитія торговли) и пониженію цѣны мануфактурныхъ издѣлій (отъ усовершенствованій въ технологіи и механикѣ) цѣнность хлѣба поднялась въ теченіе вѣка, сравнительно съ другими продуктами, тоже на 50% **).

Посмотримъ же теперь, каково при сохраненіи общиннаго владѣнія благосостояніе правнуковъ сравнительно съ благосостояніемъ прадѣдовъ.

Если десятина земли давала прадѣду житейскихъ удобствъ на 4, то правнуку она даетъ тѣхъ же удобствъ на 9 ***).

Но прадѣдъ получалъ доходъ съ 12 десятинъ, а правнукъ только съ 8 десятинъ. Итакъ:

---

*) Это число очень умѣренно; тутъ надобно принять въ разсчетъ: 1) разработку земель, прежде лежавшихъ пустыми—прадѣды распахивали изъ 3,012 десятинъ только 1,200, правнуки распахиваютъ, вслѣдствіе увеличенія числа рукъ, 1,800. Это одно уже увеличиваетъ средній доходъ съ десятины на 50%. 2) Расширеніе культуры растеній, дающихъ обильный сборъ, напримѣръ свекловицы и картофеля. Если на нихъ обращено 200 десятинъ у правнуковъ вмѣсто 100 десятинъ при прадѣдахъ, это одно увеличитъ средній сборъ съ десятины на 10%; 3) улучшенія въ обработкѣ земли и ея удобреніи, положимъ хотя на 10% въ теченіе вѣка,—это слишкомъ умѣренно. Итакъ мы имѣемъ $1{,}50 \times 1{,}1 \times 1{,}1 = 1815$; то есть при самыхъ ничтожныхъ улучшеніяхъ, сборъ хлѣба увеличился на $81^1/_2$%, а мы приняли только 50%.

**) Это также слишкомъ умѣренно. Читатель замѣтитъ, что мы беремъ не цѣну хлѣба, выраженную въ звонкой монетѣ—она можетъ возрастать или уменьшаться, смотря по обилію благородныхъ металловъ и замѣняющаго ихъ кредита, а также быстротѣ размѣнныхъ оборотовъ,—нѣтъ, мы беремъ относительную цѣнность хлѣба по сравненію съ другими продуктами. Напримѣръ, если при прадѣдахъ четверть ржи стоитъ 2 р., а пудъ сахару 10 р. и аршинъ ситцу 20 коп., а при правнукахъ четверть ржи стоитъ 2 р. 40 коп., но пудъ сахару стоитъ 6 р., а аршинъ ситцу только 12 коп., то за четверть ржи земледѣлецъ получаетъ:

При прадѣдахъ 8 фунтовъ сахару или 10 аршинъ ситца
— правнукахъ 16 — — — 20 — —

—полагая, что цѣна покупаемыхъ земледѣльцами продуктовъ понизилась такъ же, какъ цѣна сахару и ситцу, мы получимъ, что цѣнность хлѣба увеличилась по сравненію съ другими продуктами на 100%, хотя по отношенію къ звонкой монетѣ цѣна его увеличилась только на 20%.

Каждый скажетъ, что мы принимаемъ слишкомъ малый прогрессъ, если скажемъ, что въ теченіе вѣка мануфактурныя издѣлія и такъ далѣе, становятся только на $^1/_3$ обильнѣе, нежели были сто лѣтъ тому назадъ,—а этого уже достаточно, чтобы земледѣлецъ за свой хлѣбъ получалъ разныхъ издѣлій и удобствъ на 50% болѣе, нежели его прадѣдъ получалъ за сто лѣтъ до него.

***) Второе число выводится изъ перваго такимъ образомъ: $4 \times 1{,}5$ (вслѣдствіе увеличенія сбора) $\times 1{,}5$ (вслѣдствіе возвышенія цѣны)$=9$.

Это пропорція вообще самая умѣренная; если мы возьмемъ хотя цифры, указанныя въ примѣчаніяхъ, впрочемъ также слишкомъ низко оцѣнивающія вѣроятный прогрессъ торговли и промышленности въ теченіе вѣка, мы получимъ $4 \times 1{,}815 \times 2 = 14{,}46$.

Благосостояніе прадѣда $4 \times 12 = 48$

— — правнука $9 \times 7^3/_4 = 69^3/_4$.

Итакъ, въ теченіе вѣка, при сохраненіи общиннаго владѣнія, благосостояніе земледѣльцевъ увеличилось на 40%, хотя число населенія и возросло въ полтора раза.

Теперь посмотримъ, что будетъ съ этими правнуками при уничтоженіи общиннаго владѣнія землею.

У прадѣда Захара было два сына, Иванъ и Петръ; отъ Ивана произошло десять внуковъ, отъ Петра только одинъ; послѣднему достается въ десять разъ больше, нежели каждому изъ его троюродныхъ братьевъ; мало того: трое прадѣдовъ: Сидоръ, Карпъ и Ѳедоръ были родные братья; изъ нихъ только у одного Сидора остался правнукъ,—ясно, что этотъ правнукъ Сидора будетъ одинъ имѣть втрое болѣе, нежели всѣ вмѣстѣ потомки Захара, будетъ имѣть въ шесть разъ больше, нежели внукъ Петра, которому досталась половина Захарова имущества, и въ 30 разъ болѣе, нежели каждый изъ десяти внучатъ Ивана, между которыми раздѣлилась другая половина Захарова имущества.

Кто прослѣдитъ такимъ образомъ генеалогію, напримѣръ, группы № 8 (Колычевы, поколѣніе VII), тотъ увидитъ, что изъ 18 ихъ правнуковъ (X поколѣніе Колычевыхъ) двое будутъ имѣть каждый по 138 десятинъ, а 6 человѣкъ только по 6, и 3 человѣка даже только по 4 десятины, то есть по дѣйствію наслѣдства между людьми одной родственной группы, въ которой прадѣды имѣли одинаковое благосостояніе, явятся черезъ три поколѣнія такіе люди, которые будутъ имѣть въ двадцать и даже въ тридцать разъ менѣе своихъ родственниковъ. Тоже самое и во всѣхъ другихъ группахъ.

Спрашивается теперь: каковы будутъ чувства между этими людьми? Будутъ или нѣтъ бѣдняки завидовать своему недальнему родственнику, который имѣетъ больше ихъ въ 30 разъ, между тѣмъ какъ еще прадѣды ихъ жили одинаково, и въ семьяхъ сохранилась о томъ свѣжая память? Не замѣнится ли злобою съ одной стороны, презрѣніемъ и опасеніемъ съ другой, чувство благорасположенія, которому такъ легко было существовать между одинаково благосостоятельными прадѣдами?

Но все это только отдѣльные примѣры; посмотримъ, каковъ общій ходъ дѣлъ, какъ распредѣлились всѣ жители нашего села дѣйствіемъ наслѣдства черезъ три поколѣнія послѣ того, какъ уничтожилось общинное владѣніе.

Мы представляемъ общую таблицу; кто захочетъ провѣрить выводы, нами составленные, можетъ сдѣлать это по „Родословной книгѣ“ князя Долгорукова. Вотъ распредѣленіе земли по праву поземельнаго наслѣдства въ четвертомъ поколѣніи *) отъ людей, при которыхъ уничтожается общинное владѣніе.

*) Арсеньевы поколѣніе XI; Бахметьевы—XII; Вельяминовы-Зерновы—XIII; Воейковы—XIII; Жеребцовы—XII; Игнатьевы—XII; Квашнины—X; Колычевы — X; Орловы-Денисовы— X; Шишковы—XIII.

Распредѣленіе земли по праву наслѣдства между 388 правнуками людей, въ числѣ 251 человѣка владѣвшихъ общинною землею въ количествѣ 3,012 десятинъ и при уничтоженіи общиннаго владѣнія получившихъ каждый по 12 десятинъ въ наслѣдственную собственность.

Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ.	Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ.
2	138	3	6,666
1	108	2	6,375
2	63	3	6,20
1	60	24	6
2	54	6	5,40
1	40	9	5
4	36	6	4,5
3	30,66	22	4
5	30	4	3,75
2	27	3	3,60
4	25,50	6	3,33
2	24	4	3,15
2	21	26	3
2	20,50	6	2,7
2	20	6	2,66
3	18	5	2,40
3	17	34	2
3	16	3	1,66
8	15	36	1,50
4	13,50	7	1,428
3	12,75	8	1,33
2	12,60	5	1,20
12	12	5	1,08
4	10,80	18	1
6	10,5	6	0,9
7	10	6	0,833
6	9	2	0,75
1	8	10	0,666
6	7	6	0,444
		4	0,375

Прежде всего въ этой таблицѣ поражаетъ громадное различіе состояній, произведенное вліяніемъ наслѣдства: между правнуками людей, имѣвшими каждый по 12 десятинъ, явились люди, получившіе по наслѣдству болѣе ста десятинъ; за то другимъ досталось только по одной десятинѣ и менѣе десятины; есть даже такіе, которымъ досталось только по $^4/_9$ или даже только по $^3/_8$ десятины. Два крайніе предѣла наслѣдственныхъ имуществъ относятся между собою какъ 368 къ 1. Такъ громадна неравномѣрность, произведенная наслѣдствомъ только въ теченіе трехъ поколѣній. Съ каждымъ поколѣніемъ она увеличивалась по нашимъ генеалогическимъ таблицамъ, и если взять вмѣсто 4-го поколѣнія пятое, она будетъ еще огромнѣе, въ 6-мъ поколѣніи еще громаднѣе и т. д.

Но сравнивать крайніе предѣлы, значитъ только говорить о счастіи и несчастіи немногихъ отдѣльныхъ личностей. Чтобы понять дѣйствіе общаго принципа на массу населенія, надобно подвести отдѣльные случаи подъ общіе разряды.

Разряды составятся у насъ слѣдующимъ образомъ. Средній доходъ

съ десятины при правнукахъ мы будемъ считать въ 27 рублей *). Нормальную цифру для безбѣдной жизни земледѣльца мы примемъ въ 100 руб. сер. дохода. Имѣющій въ шесть разъ болѣе будетъ въ роскоши. Имѣющій отъ 300 до 600 руб. будетъ жить въ изобиліи. Имѣющій 140—300 будетъ зажиточнымъ человѣкомъ. Имѣющій 85—140 руб. живетъ безбѣдно. Имѣющій 66—85 руб. нуждается. Имѣющій 33—66 руб. часто голодаетъ. Имѣющій менѣе 33 руб. не имѣетъ въ своемъ имуществѣ средствъ къ поддержанію жизни.

По этимъ группамъ правнуки, вслѣдствіе неравномѣрности своихъ наслѣдствъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Число людей, имѣющихъ каждый по	десятинъ		или рублей дохода.	
А. Роскошь	29	24	— 138	648	—3,726
Б. Изобиліе	44	12	— 21	324	—567
В. Зажиточность .	68	5,4	— 10,8	$145^{4}/_{5}$	—$291^{3}/_{5}$
Г. Безбѣдность . . .	54	3,15	— 5	$85^{1}/_{20}$	—135
Д. Нужда	38	2,66	— 3	72	—81
Е. Крайняя нужда .	98	1,2	— 2,4	$32^{2}/_{5}$	—$64^{4}/_{5}$
Ж. Нищета	57	0,375	— 1,08	$10^{1}/_{6}$	—$29^{3}/_{20}$

Итакъ: изъ 388 человѣкъ, только 141 (А, Б, В) имѣютъ средства къ жизни болѣе, нежели безбѣдныя; еще 54 не терпятъ нужды. За то 193 человѣка—то есть, ровно половина населенія, нуждается; изъ нихъ 155 человѣкъ близко знакомы съ голодомъ и холодомъ.

А что будетъ, если общинное владѣніе останется неприкосновенно? Изъ 3,012 десятинъ, принадлежащихъ селу, каждому изъ 388 мужчинъ будетъ принадлежать участокъ нѣсколько болѣе, нежели въ $7^{3}/_{4}$ (7,76) десятинъ; съ этого участка получается 209 руб. 50 коп. дохода.

Итакъ: при сохраненіи общиннаго владѣнія все населеніе будетъ жить очень зажиточно; каждый изъ 388 правнуковъ будетъ пользоваться такимъ довольствомъ, которое при уничтоженіи общиннаго владѣнія достается на долю только 97 изъ правнуковъ.

Потому, предоставленіе земли въ наслѣдственную собственность было выгодно только одной четвертой части правнуковъ: остальныя три четвертыхъ остались обдѣлены случайностями наслѣдованія; изъ того числа 212, то есть бо́льшая половина населенія, обдѣлены этими случайностями такъ, что не получили по праву наслѣдства и половины того, что досталось бы имъ по праву общиннаго владѣнія; изъ того числа 167 человѣкъ, т. е. почти половина населенія, обдѣлены такъ, что не имѣютъ и третьей части того, что имѣли бы при общинномъ владѣніи.

Таково положеніе правнуковъ по теоріи. На практикѣ оно измѣняется тѣмъ, что люди, слишкомъ обдѣленные случайностями наслѣдства, должны жить не обработкою своихъ мелкихъ клочковъ, дающихъ слишкомъ мало дохода, а заработною платою. Большею частью, они продадутъ свои участки. Если же не продадутъ, поступятъ неразсчетливо: ничтож-

*) Цифра дохода въ 27 рублей составляется у насъ слѣдующимъ образомъ: Прадѣдовъ мы принимаемъ нашими современниками, доходъ ихъ съ десятины полагаемъ въ 12 руб. сер. Удобства, доставляемыя правнуку сборомъ хлѣба съ десятины, относятся къ этому числу какъ 9 къ 4,—это отношеніе даетъ для десятины, при правнукѣ, 27 рублей.

ный клочокъ земли будетъ только мѣшать имъ наниматься въ работники на круглый годъ, и, отрываясь отъ батрачества для ничтожной работы на немъ, они не выигрываютъ, а теряютъ".

Мнѣ оставалось еще разъ провѣрить приблизительную точность выводовъ, происшедшихъ изъ генеалогическаго разбора 1-го собранія семейныхъ группъ, по которому слѣдилъ я за дѣйствіемъ силы наслѣдства въ статьѣ, отрывокъ изъ которой просмотрѣнъ читателемъ. Съ годъ тому назадъ, выбравъ недѣлю свободнаго времени, я взялся опять за родословную книгу, и набралъ тамъ новую коллекцію семейныхъ группъ до такого количества, чтобы число праправнуковъ составилось ровно тысяча. Вотъ списокъ этой коллекціи семейныхъ группъ на случай, если бы кто захотѣлъ провѣрить мой трудъ. Скажу впрочемъ прямо, что едва ли кто изъ людей, твердящихъ о своей основательности, вопіющихъ противъ поверхностности и т. д., захотѣлъ бы принять этотъ мой вызовъ: болтать вздоръ по французскимъ книжкамъ, безъ толку перевирающимъ теорію англійскихъ мыслителей, городить чепуху и воображать ее глубокомысліемъ—это гораздо легче, чѣмъ дѣлать или провѣрять серьезныя работы, или даже понимать надобность ихъ. Но пусть же и не оспариваютъ выводовъ, если не сумѣютъ провѣрить ихъ.

Ф А М И Л І И:	Поколѣніе, принятое за основу первоначальнаго надѣла:	Число мужчинъ въ немъ:	Считая по 12 десятинъ на душу, всей земли будетъ въ надѣлѣ группы:	Число мужчинъ въ поколѣніи праправнуковъ:
1. Хованскіе	XVI	6	72	24
2. Ададуровы	XX	22	264	22
3. Ковровы	XVI	4	48	20
4. Долгоруковы	XXVI	27	324	40
5. Шереметевы	I	1	12	23
6. Татищевы	XIX	3	36	15
7. Монастыревы	XVI	1	12	23
8. Вяземскіе	XXX	25	300	33
9. Шаховскіе	XXIII	35	420	47
10. Глѣбовы	II	2	24	35
11. Шаховскіе	XIX	6	72	26
12. Замыцкіе	IX	1	12	23
13. Львовы	XXIII	10	120	24
14. Козловскіе	XIX	6	72	22
15. Ухтомскіе	XXI	6	72	31
16. Колтовскіе	VI	1	12	24
17. Колычовы	III	1	12	23
18. Гагарины	V	28	336	34
19. Волконскіе	VIII	21	252	40
20. Волконскіе	XII	31	372	39
21. Кутузовы	IV	1	12	19
22. Новосильцовы	II	1	12	22
23. Голицыны	XV	26	312	71
24. Мещерскіе	XIII	35	420	51
25. Воейковы	VII	1	12	62
26. Толстые	XVI	14	168	56
27. Бутурлины	X	4	48	29
28. Бутурлины	XV	26	312	14
29. Мусины-Пушкины	XIV	10	120	36
30. Голенищевы-Кутузовы	IX	8	96	24
31. Мещерскіе	IX	3	36	46
ИТОГО	—	366	4392	1000

Я разбираю дѣйствія наслѣдства въ этихъ группахъ по тѣмъ же самымъ основаніямъ, которыя были приняты для прежняго разбора. Я предположилъ, что люди поколѣнія, съ котораго начинается генеалогическій разборъ (прадѣды), пользовались землею по нашему общинному принципу, и что при немъ онъ замѣненъ принципомъ личной собственности съ наслѣдственностью участковъ. При этомъ каждое существовавшее тогда лицо мужескаго пола получало тогда 12 десятинъ земли. Посмотримъ теперь, какъ должны будутъ раздробиться и соединиться эти участки въ поколѣніи правнуковъ (чрезъ 3 поколѣнія), принимая, что происходитъ равный раздѣлъ отцовской земли между сыновьями, и что по боковымъ линіямъ (при бездѣтности прежняго собственника) наслѣдство переходитъ на основаніи того же правила, братья получаютъ поровну послѣ бездѣтнаго брата. Вотъ таблица распредѣленія земли между правнуками по этому принципу.

ВЕЛИЧИНА УЧАСТКА.	Число участковъ.	Итого земли въ этихъ участкахъ.	Всего земли въ этихъ участкахъ вмѣстѣ съ предъидущими.	Количество лицъ, которымъ принадлежитъ вся эта сумма земли.
204	1	204	204	1
90	1	90	294	2
72	1	72	366	3
(61 1/3), 61_{3333}	1	61_{3333}	427_{33}	4
54	2	108	535_{33}	6
51	1	51	586_{33}	7
48	4	192	778_{33}	11
45	1	45	823_{33}	12
36	1	31	859_{33}	13
33	2	66	925_{33}	15
30	2	60	985_{33}	17
28_5	1	28_5	1013_{83}	18
(28 4/9), 28_{4444}	1	28_{1444}	1142_{28}	19
27	4	108	1150_{28}	23
24	14	336	1486_{28}	37
22	1	22	1508_{28}	38
21	1	21	1529_{28}	39
20	1	20	1549_{28}	40
19	1	19	1568_{28}	41
18	12	53	1784_{28}	216
16	2	32	1816_{28}	55
15	4	60	1878_{28}	59
(14 2/3), 14_{6666}	3	44	1920_{28}	62
14	6	864	2006_{68}	68
14	3	72	2048_{68}	71
15_5	2	27	2075_{68}	73
12_{75}	1	12_{75}	2088_{43}	74
12	13	156	2244_{43}	87
11_{25}	2	22_5	2266_{93}	89
11	2	22	2288_{93}	91
(10 2/3), 10_{6666}	3	32	2320_{93}	94
10	3	30	2350_{93}	97
9_{75}	4	39	2389_{93}	101
9_5	2	19	2408_{93}	103
(9 13/27), 9_{481481}	4	37_{925925}	2446_{85}	107
9	16	144	2590_{85}	123
8	13	104	2694_{85}	136
7_5	18	135	2829_{85}	154
7_2	3	216	2851_{45}	157
(7 1/8), 7_{125}	4	285	2879_{95}	161
7	4	28	2907_{95}	165

ВЕЛИЧИНА УЧАСТКА.	Число участковъ.	Итого земли въ этихъ участкахъ.	Всего земли въ этихъ участкахъ вмѣстѣ съ предъидущими.	Количество лицъ, которымъ принадлежитъ вся эта сумма земли.
(6 8/9), 68888	1	68888	291484	166
675	3	2025	293590	169
(6 2/3), 6666	2	13333	294842	171
(6 3/8), 6375	4	255	297392	175
(6 1/3), 6333	7	44333	301825	182
6	29	174	319225	211
55	4	22	321425	215
(5 1/3), 533	17	90666	330492	232
5	19	95	339992	251
(4 2/3), 4666	8	37333	343725	259
45	8	36	347325	267
(4 1/6), 4666	3	125	348575	270
4	13	52	359775	283
375	6	225	356025	289
36	2	72	356745	291
35	2	7	356745	293
(3 4/9), 3441	4	13777	358823	297
(3 3/8), 3375	4	135	360173	301
(3 1/3), 3333	2	6666	360820	303
32	4	128	362120	307
(3 3/16), 31875	4	223125	364351	314
(3 13/81), 3160493	6	18962962	366240	320
3	45	135	379748	365
(2 2/3), 2666	10	42666	384015	381
(2 7/12), 25833	4	10333	385048	385
25	15	375	388798	400
24	8	192	390718	408
(2 1/3), 2333	6	14	392118	414
(2 1/27), 2296296	1	2296296	392348	415
225	7	1575	393923	422
2125	8	17	395623	430
2	33	66	40 548	466
1875	8	15	404348	476
18	5	9	405248	479
(1 13/18), 17222	6	10333	406281	485
(2 1/12), 208333	3	625	396248	433
(1 11/15), 10875	2	3375	406618	487
(1 2/3), 1666	3	5	407118	490
(1 5/9), 1555	3	4666	407565	493
15	41	61	413735	534
125	7	875	414610	541
12	8	96	415570	549
(1 4/27), 1148148	8	9185185	416487	557
1125	6	675	417162	563
(1 1/16), 10625	3	31875	417461	566
1	34	34	420861	600
(8/9), 0888	10	8888	421770	610
(6/7), 0857142	7	6	422370	617
015	10	55	423220	627
035	9	72	423949	636
(62/69), 0765432	3	2296296	424469	643
(51/64), 0796875	4	31875	424259	640
075	41	3075	427564	664
(31/45), 06888	10	3888	428253	694
0675	5	4375	428590	699
(2/3), 0666	21	16	429990	720
(51/80), 06375	2	1275	430110	722
0625	4	25	430368	726
06	18	105	431448	744
0592592	3	1777	431626	747
05	41	205	433675	788

ВЕЛИЧИНА УЧАСТКА.	Число участковъ.	Итого земли въ этихъ участкахъ.	Всего земли въ этихъ участкахъ вмѣстѣ съ предъидущими.	Количество лицъ, которымъ принадлежитъ вся эта сумма земли.
(3/7), 0428571	7	3	433976	795
(17/40), 0425	6	255	434231	801
04	14	56	434791	815
0375	12	45	435241	827
(4/11), 03636	11	4	435641	833
(51/144), 0354166	9	31875	435960	847
(1/3), 0333	6	2	436160	858
(51/100), 031875	8	255	436465	861
03	12	36	436775	873
(2/7), 0285741	14	4	437175	887
(4/15), 0266	9	24	437415	896
024	10	24	438050	928
025	16	4	437815	912
(2/9), 022	9	2	438255	931
02	3	06	438315	934
(3/16), 01875	4	075	438390	938
015	23	345	438735	961
0125	18	225	43896	979
012	15	18	43914	994
01	6	06	4392	1000

Такимъ образомъ при прадѣдахъ получался съ десятины доходъ $4 \times 3 = 12$ р.; при правнукахъ получается $11 \times 4 = 44$ р.

Положимъ, что при полученіи дохода на каждое лицо мужескаго пола—

по 1000 руб. люди живутъ въ богатствѣ;
„ 175 „ „ „ „ изобиліи;
„ 150 „ „ „ зажиточно;
„ 125 „ „ „ въ благосостояніи;
„ 100 „ „ „ безъ нужды;
„ 75 „ „ „ въ нуждѣ;
„ 50 „ „ „ „ большой нуждѣ;
„ 25 „ „ „ „ нищетѣ.

Посмотримъ сначала, каково было состояніе прадѣдовъ при общинномъ принципѣ.

Каждый имѣлъ по 12 десятинъ земли, доходъ съ десятины былъ 12 р. Слѣдовательно, каждый имѣлъ 144 р. Всѣ жили въ благосостояніи, были очень близки къ зажиточности.

Посмотримъ, каково было бы состояніе правнуковъ при сохраненіи общиннаго принципа. Общество, считающее въ себѣ 1000 человѣкъ, имѣетъ 4,392 десятины земли. Каждый имѣетъ по 4,392 десятины земли. Съ десятины доходъ 44 р. Каждый получаетъ $44 \times 4{,}392 = 183$ р. 25 к. дохода. Слѣдовательно каждый пользуется уже не только полною зажиточностью, нѣтъ, полнымъ изобиліемъ, и уже открывается возможность каждому немножко пороскошничать, иной хлѣбопашецъ можетъ дарить женѣ или дочери золотыя серьги, другой можетъ иногда угостить пріятеля порядочнымъ лафитомъ.

Сличимъ теперь распредѣленіе поземельнаго имущества по принципу нашего обычнаго общиннаго владѣнія и наслѣдственной собственности.

Когда населеніе отъ 366 лицъ (прадѣды) размножилось до 1,000 лицъ,

т. е., почти втрое, это значитъ, что и количество земледѣльческаго продукта почти утроилось. Положимъ, что при прадѣдахъ получился по раскладкѣ продукта на все количество земли, въ кругломъ счетѣ, съ каждой десятины, продуктъ равный 4 четвертямъ ржи. При правнукахъ получается $4 \times 1{,}000 : 366 = 10{,}92899$, положимъ для круглаго счета, продуктъ равный 11 четвертямъ ржи. Увеличеніе это произошло отъ приложенія къ землѣ большаго количества рукъ, отъ усовершенствованія земледѣльческой техники и т. д. (Небольшую прибавку для круглаго счета противъ точной пропорціи, 11 четвертей вмѣсто 10,92899 четвертей, мы имѣли право сдѣлать по увѣренію рутинныхъ экономистовъ, что средняя цифра продукта по счету всего населенія возрастаетъ съ успѣхами цивилизаціи; конечно, слѣдовало принять эту прибавку по ихъ увѣреніямъ не въ ничтожномъ количествѣ 0,07101 четвертей, а гораздо больше, положить продуктъ съ десятины не въ 10, а въ 15 или 20 четвертей; но ограничимся самою незамѣтною прибавкою для удобства счета). Съ увеличеніемъ населенія и успѣхами цивилизаціи, успѣшность производства всѣхъ другихъ товаровъ, кромѣ земледѣльческихъ, растетъ быстрѣе, чѣмъ успѣшность земледѣльческихъ товаровъ. Это значитъ, что мануфактурные и всякіе другіе товары падаютъ въ цѣнѣ сравнительно съ земледѣльческими; иначе сказать, цѣна земледѣльческихъ товаровъ растетъ. Положимъ, что при прадѣдахъ цѣна четверти была 3 рубля, при правнукахъ она будетъ 4 рубля или больше, положимъ, 4 рубля *).

Посмотримъ, наконецъ, каково состояніе правнуковъ при принципѣ наслѣдственности.

Для изобилія нуженъ доходъ въ 175 р., а десятина даетъ 44 р. дохода; значитъ для изобилія нужно имѣть $3^{43}/_{44} = 3{,}97728$ десятины. Такимъ количествомъ земли владѣютъ только 283 человѣка изъ 1000, ровно 2 человѣка изъ 7 человѣкъ.

Для зажиточности нужно 150 руб. дохода, т. е. $3^{9}/_{22} = 3{,}40909$ дес. Такимъ количествомъ земли владѣетъ только 297 человѣкъ изъ 1000, т. е. изъ 10 человѣкъ 3 человѣка.

Для благосостоянія нужно 125 р. дохода, т. е. $2^{37}/_{44} = 2{,}88054$ дес. Такимъ количествомъ земли владѣетъ 365 человѣкъ изъ 1000, т. е. 4 человѣка изъ 11.

Чтобы жить безъ нужды, надобно 100 р. дохода, т. е. $2^{3}/_{11} = 2{,}27273$ дес. Такимъ количествомъ земли владѣютъ 415 человѣкъ изъ 1,000, т. е. 7 человѣкъ изъ 17.

Кто получаетъ менѣе 75 р. дохода, т. е. имѣетъ меньше $1^{31}/_{44} = 1{,}70454$ дес., тотъ уже терпитъ нужду. Такихъ людей 515 человѣкъ изъ 1,000, слѣдовательно болѣе половины изъ всего общества.

Кто получаетъ менѣе 50 р. дохода, т. е. имѣетъ менѣе $1^{3}/_{22} = 1{,}13636$ дес., тотъ уже терпитъ большую нужду. Такихъ людей 443, т. е. изъ 9 человѣкъ въ обществѣ 4 человѣка терпятъ сильную нужду.

*) А если цѣна земледѣльческихъ продуктовъ остается прежняя, цѣны другихъ товаровъ упали, — шелковое платье, стоившее при прадѣдахъ 12 руб., при правнукахъ стало стоить только 9 руб. Все это то же самое: при прадѣдахъ оно получалось за 4 четверти, а при правнукахъ получается за 3 четверти ржи.

Кто получаетъ менѣе 25 р. дохода, т. е. имѣетъ менѣе $^{25}/_{44} = 0{,}56818$ дес., тотъ человѣкъ живетъ въ нищетѣ. Такихъ людей 254 человѣка изъ 1,000, т. е. болѣе $^1/_4$ части цѣлаго общества.

Мы видѣли, что при сохраненіи общиннаго землевладѣнія, общій уровень поземельнаго владѣнія при правнукахъ былъ бы 4,392 десятины, каждый пользовался бы доходомъ въ 183 р. 25 к. и жилъ бы въ изобиліи, имѣлъ бы уже возможность позволять себѣ небольшую роскошь. Теперь такую величину дохода и изобилія имѣютъ только 267 человѣкъ изъ 1,000. Такимъ образомъ, для того чтобы $^1/_4$ часть общества больше или меньше возвысилась надъ уровнемъ скромнаго изобилія, $^3/_4$ части общества должны больше или меньше потерять; слишкомъ половина общества должна ниспасть съ уровня изобилія въ нужду, почти $^1/_2$ общества въ сильную нужду, $^1/_4$ часть въ нищету.

Очень возможно, что читателю чрезвычайно уже наскучили цифры. Я самъ знаю, что пристрастіе къ нимъ доходитъ у меня до излишества, но это излишество въ полезную сторону. Вѣдь еще Мальтусъ сказалъ, что для распрямленія искривленной палки надобно перегнуть ее въ другую сторону. Политико-экономы грѣшатъ вообще тѣмъ, что слишкомъ много болтаютъ безъ справокъ съ ариѳметикою. Надобно же кому-нибудь исправлять общій недостатокъ усердіемъ къ работѣ, пренебрегаемой большинствомъ. Притомъ же цифры удобны для читателя тѣмъ, что прямо рѣжутъ глаза, прямо провозглашаютъ: „на этихъ страницахъ скука“. значитъ вы прямо имѣете возможность перевертывать эти страницы и возратиться къ нимъ лишь тогда, если захотите, прочитавъ слѣдующія страницы, справиться: на какомъ же это основаніи разсуждаетъ человѣкъ не совсѣмъ такъ, какъ наши политико-экономы. Тогда вы просмотрите пропущенныя страницы и увидите, на чемъ основаны выводы; оговорка, разумѣется, дѣлается всегда къ тому, чтобы продолжать упорство прежней навязчивости, Возвратимся же къ нашимъ цифрамъ.

Мы говорили о распредѣленіи благосостоянія въ обществѣ, посмотримъ теперь на то, какъ распредѣлилась земля по принципу наслѣдственности. Всей земли, какъ мы знаемъ, 4,392 десятины. Число лицъ въ обществѣ 1,000. При сохраненіи общиннаго принципа каждый имѣлъ бы 4,392 десятины. Посмотримъ, сколько лицъ и въ какой пропорціи имѣютъ больше и сколько меньше этой нормы при наслѣдственности.

Величина участка сравнительно съ нормою общиннаго владѣнія,	т. е. владѣніе имѣетъ величину отъ — до.	Число лицъ, владѣющихъ такими участками (имущества).	Количество земли, находящееся у нихъ въ рукахъ.	Какую долю всего количества земли составляетъ эта земля.
болѣе 10	отъ 204 до 45 дес.	12	823,33	18,75%
отъ 10 до 4	„ 36 „ 18 „	41	960,95	21,88%
„ 4 „ 2	„ 16 „ 9 „	80	806,57	28,36%
„ 2 „ 1	„ 8 „ 4,50 „	144	882,40	20,09%
„ 1 „ 0,5	„ 4,16 „ 2,25 „	145	465,98	10,62%
„ 0,5 „ 0,25	„ 2,12 „ 1,12 „	141	232,39	5,29%
„ 0·25 „ 0,1	„ 1,06 „ 0,5 „	225	165,14	3,76%
„ менѣе 0,1	„ 0,42 „ 0,10 „	212	55,24	1,25%

Сводя эти группы въ среднія цифры, мы видимъ, что по принципу наслѣдственности 12 лицъ получили въ 15 разъ больше, 41 лицо въ 5 разъ, 80 лицъ въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ имѣли бы при сохраненіи принципа общиннаго владѣнія. Съ другой стороны, 141 лицо получило въ $2^2/_3$ раза меньше, 225 лицъ въ 6 разъ и 212 въ 17 разъ меньше. Считая по колоннѣ, въ которой показано число лицъ и участковъ, составимъ 10 группъ, каждая по 100 лицъ, и увидимъ, что изъ всего количества земли

1-мъ 100 лицамъ	принадлежитъ	2380,18	десятинъ	или	54,19%
лицамъ 2-й группы	„	746,07	„	„	16,99%
„ 3-й „	„	492,11	„	„	10,75%
„ 4-й „	„	489,63	„	„	6,59%
„ 5-й „	„	188,37	„	„	4,52%
„ 6-й „	„	122,46	„	„	2,79%
„ 7-й „	„	77,76	„	„	1,77%
„ 8-й „	„	55,32	„	„	1,26%
„ 9-й „	„	33,25	„	„	0,76%
„ 10-й „	„	16,85	„	„	0,38%

Кромѣ счета по десяткамъ, употребительны еще счеты по третямъ и четвертямъ, мы сдѣлаемъ и ихъ.

Лица.	Количество земли, имъ принадлежащее.	Доля, какую составляетъ эта земля въ полной суммѣ.	Итого съ предшествующими долями.
250	3394,92	77,3 %	—
250	691,44	15,39%	92,69%
250	230,99	5,60%	98,3 %
250	74,65	1,7 %	100 %
333	3701,48	83,89%	—
333	503,10	12,82%	96,71%
334	126,36	3,29%	100 %

Или, можетъ быть, васъ интересуетъ первая группа десятичнаго разсчета? Быть можетъ, вы хотѣли бы пристальнѣе всмотрѣться въ ея составъ?—Извольте, и это можно сдѣлать.

Число лицъ.	Количество земли, имъ принадлежащей.	Доля, какую составляетъ эта земля въ полной суммѣ.
Первыя 10 лицъ.	740,33	16,85
„ 25 „	1198,28	27,28
„ 50 „	1730,28	39,4

Вотъ теперь и считайте, какъ хотите: хотите по десятинамъ, счетъ готовъ, хотите по пятерному дѣленію—можете; $^1/_5$ населенія досталось болѣе $^2/_3$ имущества, зато другимъ $^2/_5$ частямъ только $^7/_{24}$ часть. Или хотите считать по третямъ? можете: $^1/_3$ населенія досталось болѣе $^5/_6$ частей имущества, за то другой $^1/_3$ части менѣе $^1/_{30}$ части его. Или хотите считать 1-ю изъ десятичныхъ группъ? и это можно; 50 лицамъ, т. е. $^1/_{20}$ части населенія, досталось почти $^2/_5$ части имущества; въ томъ числѣ 25 лицамъ, т. е. $^1/_{40}$ населенія—болѣе $^1/_4$ части имущества; въ томъ числѣ 10 лицамъ, т. е. $^1/_{100}$ части населенія, болѣе $^1/_6$ части имущества.

Вотъ, значитъ, мы и соблюли правило старой политико-экономической школы, предоставили вамъ полную свободу. Считайте, какъ хотите, мы на все согласны, лишь бы не стѣснять вашего произвола. А то, можетъ быть, вамъ хочется считать не по колонкѣ лицъ, а по колонкѣ земли? Пожалуй, и это можно; и опять на всѣ лады: по десятичному ли счету, какъ хотите.

Можетъ быть, вы хотите теперь начинать съ прежняго конца, третей, и кончить прежнимъ началомъ, десятками? Извольте, можно и это: 4,392, дѣленное на 3 = 1,464; вотъ вамъ третной счетъ.

Доли земли.	Самая близкая къ точной цифрѣ группа имуществъ.	Какому числу лицъ принадлежитъ эта земля.	Сумма этого числа съ предшествующими
33 1/3 %	1462,28	36	—
33 1/3 %	1466,46	132	168
33 1/3 %	1463,28	832	1000

Вотъ будетъ счетъ по четвертямъ (4,392 : 4 = 1098).

25 %	1096,28	21	—
25 %	1000,15	62	83
25 %	1097,84	147	230
25 %	1097,83	770	1000

Хорошо, главнымъ образомъ, то, что дана вамъ, читатель, нами полная свобода по требованію рутинныхъ экономистовъ: какъ хотите, такъ и считайте, все оказывается одинаково хорошо. А вотъ будетъ счетъ по десяткамъ.

Доли земли.	Самая близкая къ точной цифрѣ группа имуществъ.	Какому числу лицъ принадлежитъ эта земля.	Сумма этого числа съ предшествующими.
10 %	427,33	4	—
10 %	463	10	14
10 %	424,95	10	30
10 %	430	21	51
10 %	448,15	33	84
10 %	442,36	45	129
10 %	433,45	62	191
10 %	441,15	83	274
10 %	438,23	154	428
10 %	440,02	572	1000

Вотъ теперь и землю считайте по какому душѣ вашей угодно манеру. Считайте по третямъ: 1/3 часть соединилась въ рукахъ 1/28 части общества; 2/3 въ рукахъ 1/8 части общества; хорошо, но не дурно и по четвертямъ: 1/4 соединена въ рукахъ 1/50 части общества; 1/2 въ рукахъ 1/12 количества общества; 3/4 въ рукахъ менѣе чѣмъ 1/4 части общества. Отлично. Но и по десяткамъ не хуже; цѣлая 1/10 часть соединилась въ рукахъ 4 человѣкъ, т. е. 1/250 части общества; 2/10 части всей земли въ рукахъ 30 человѣкъ, т. е. 1/70 части общества и т. д.; наконецъ 4/5 всей земли соединились въ рукахъ 274 человѣкъ, т. е. немногимъ болѣе, чѣмъ 1/4 часть всего общества; за то 572 человѣка, т. е. гораздо больше, чѣмъ половина членовъ всего общества, владѣетъ лишь 1/10 частью земли. Хорошо.

Ну, слава Богу, цифры на нынѣшній разъ кончились. Теперь выводы.

Двѣ работы, веденныя въ разное время, одинаково показываютъ, что принципъ наслѣдственности дѣйствуетъ чрезвычайно сильно по двумъ противоположнымъ направленіямъ: одною стороною, захватывающею около 7 доли, быть можетъ, около $^1/_5$, быть можетъ, около $^1/_{10}$ части всего количества земли: наши вычисленія не имѣютъ никакого широкаго размѣра, чтобы могли твердо остановиться на какой нибудь одной цифрѣ между этими предѣлами, но цифра около $^1/_7$ доли кажется вѣроятнѣйшею; и такъ одною своею стороною, захватывающею около $^1/_7$ части всего количества земли, принципъ наслѣдственности чрезвычайно сильно дробитъ эту незначительную долю земли, такъ что быстро превращаетъ ее въ ничтожные клочки, ничего нестоющіе и почти ни на что негодные. Другою своею стороною, захватывающею отъ $^4/_5$ до $^9/_{10}$ частей и, вѣроятно, всѣхъ около $^6/_7$ частей всего количества земли, онъ чрезвычайно сильно сосредоточиваетъ эту землю въ очень незначительное число рукъ.

Такимъ образомъ онъ дѣйствуетъ въ обѣ стороны, какъ разрушающая сила,—мы сказали бы, какъ революціонная сила, но революція производится людьми съ какимъ-нибудь разсчетомъ, стремится къ какой-нибудь цѣли, а эта сила дѣйствуетъ безъ всякой цѣли, слѣпо, просто будто какая-то вулканическая сила, будто сила наводненій или урагана, только наводненій и урагановъ, постоянно свирѣпствующихъ надъ обществомъ неотступно каждый день и каждый часъ. Разрушеніе производитъ онъ, какъ мы уже говорили въ приведенномъ отрывкѣ изъ прежней статьи, тѣмъ, что въ малочисленномъ кругу лицъ, на которыхъ валитъ землю громадными грудами, онъ низвергаетъ благосостояніе семействъ баловствомъ, отученіемъ отъ труда и разсчетливости, развитіемъ расточительности. Отецъ наслѣдовалъ и ждалъ наслѣдствъ, дѣти его, воспитанныя расточителемъ, проматываютъ наслѣдованное богатство, получаютъ новыя богатства (наслѣдства), также проматываютъ ихъ, и оставляютъ своихъ дѣтей нищими, авантюристами. Этой судьбѣ подвергается общество одною стороною дѣйствій принципа наслѣдственности. Другая сторона его, дробя незначительную долю земли между безконечнымъ множествомъ лицъ, заставляетъ ихъ продавать, или какъ нибудь переуступать землю, переводитъ ихъ въ разростающійся классъ людей, лишенныхъ недвижимаго имущества, не имѣющихъ никакого обезпеченія въ жизни.

Говорятъ, что экспропріація дѣло суровое, тяжелое. Еще бы нѣтъ, — разумѣется, но вы видите, какою силою постоянно совершается экспропріація въ огромныхъ размѣрахъ, — экспропріація, отъ которой не уходитъ ни одно семейство, которой почти каждая фамилія подвергается періодически черезъ 2—3 поколѣнія. Сила эта—принципъ наслѣдственности. Если бы рутинные политико-экономы были достойными преемниками великихъ мыслителей, которыхъ называютъ своими учителями (хороши ученики у такихъ учителей, — точно также у Гоголя, по увѣренію г. Сенъ-Жульена, ученикомъ оказался г. Григорій Данилевскій, а, по словамъ извѣстнаго французскаго экономиста, Воловскаго,—знаменитый бывшій редакторъ *Весельчака*, г. Львовъ),—если бы эти жалкіе эпигоны разрабатывали науку, какъ разрабатывали ее Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо, они давно бы разо-

брали, какою силою вносится въ общество всепоглощающая экспропріація. Тогда не пришлось бы намъ утомлять читателя длинными страницами цифръ, не пришлось бы показывать ему для провѣрки клочки черной работы, скудные клочки, недостаточность которыхъ мы слишкомъ хорошо чувствуемъ, но которыхъ еще нечѣмъ замѣнить болѣе полнымъ. Мы тогда представили бы одни только выводы, которые читались бы легко, и только прибавили бы: „это доказано трудами такихъ-то и такихъ-то достойныхъ преемниковъ Адама Смита, Мальтуса и Рикардо“. Но куда же имъ, этимъ мнимымъ ученикамъ людей, не бывшихъ похожими на нихъ! Для нихъ довольно говорить вздоръ, перевирая старую теорію, которой они или не понимаютъ, или обыкновенно даже не знаютъ.

Мы уже говорили въ отрывкѣ, что другія силы, вызываемыя принципомъ частной собственности по соучастію съ принципомъ наслѣдственности во владычествѣ надъ обществомъ, дѣйствуютъ вообще одинаково съ принципомъ наслѣдственности и усиливаютъ его тенденцію. Направленіе этихъ силъ — даренія, отдачи въ приданое и продажи — обнаруживаются само собою довольно ясно для каждаго.

Что же сказать вамъ въ заключеніе? Да развѣ необходимо дѣлать заключенія? Вѣдь, по словамъ Сэ, наука не дѣлаетъ никакихъ заключеній, даже не даетъ никакихъ совѣтовъ, а только описываетъ факты, вѣроятно, въ родѣ того, какъ дѣлали наши почтенные лѣтописцы, т. е. безъ всякаго смысла: „сразились суздальцы и ноугородцы и бѣгоша, Богу тако изволившу“, кто побѣжалъ, суздальцы или новогородцы? извольте отгадывать, а за кѣмъ было сраженіе, объ этомъ уже и не спрашивайте; „Богу тако изволившу“,—значитъ, толковать нечего. Такъ покамѣстъ заставимъ и мы себя хотъ разъ быть вѣрными учениками Сэ: не сдѣлаемъ никакого заключенія да и баста.

А сдѣлаемъ, пожалуй, два замѣчанія. Если въ извѣстномъ обществѣ сохраняется еще обычное учрежденіе, смягчающее своимъ существованіемъ суровое дѣйствіе силы наслѣдственности и другихъ силъ, дѣйствующихъ за одно съ нею, то люди, имѣющіе въ головѣ своей смыслъ, а недовольствующіеся попугайскимъ повтореніемъ чужихъ непонятныхъ мыслей, должны заботиться о сохраненіи этого обычнаго учрежденія и его развитіи: должны думать не объ его искорененіи за дѣйствительные или мнимые недостатки той формы, въ какой оно дошло до насъ, а развѣ о томъ, дѣйствительно ли существуютъ выставляемые въ ней недостатки, или только выставляются людьми, не понимающими дѣла: а если дѣйствительно существуютъ, то принадлежатъ ли они сущности дѣла, или только одной формѣ его, и трудно ли ихъ исправить. Все, дошедшее до насъ не только изъ временъ патріархальности, какъ это учрежденіе, а даже изъ временъ сравнительно новыхъ, грубо, дико по нынѣшнимъ потребностямъ. Возьмите, что хотите въ той формѣ, какая придана вещи даже и не до Рюрика, а всего хотя за 100 лѣтъ,—все дико и неуклюже: карета ли временъ Людовика XV, нѣмецкій ли уголовный кодексъ половины прошлаго вѣка, англійскій ли обѣдъ при Георгѣ III, итальянскіе ли трактиры, описанные Фонъ-Визинымъ, или бѣлье у тогдашнихъ великосвѣтскихъ французовъ, по его же описанію, все никуда

не годится въ той формѣ: карета—тяжела, въ кодексѣ—пытки и четвертованіе, за обѣдомъ—гнуснѣйшее пьянство, въ трактирахъ—вонь, бѣлье—грязное и изъ грубой холстины. Но что же изъ этого слѣдуетъ? развѣ карета плохой экипажъ? развѣ кто ѣстъ—не можетъ не быть пьянымъ? развѣ нѣмецкое право, по своимъ принципамъ, не гораздо выше римскаго? развѣ въ Италіи не можетъ существовать порядочныхъ гостинницъ? развѣ французскіе свѣтскіе люди не могутъ заботиться о хорошемъ и чистомъ бѣльѣ? Слѣдуетъ только то, что даже за 100 лѣтъ въ передовыхъ странахъ Европы образованнѣйшіе и богатѣйшіе классы или не были такъ требовательны, какъ мы, или не имѣли такихъ средствъ, какъ мы,—чтобы устроить свой бытъ. А тутъ берутъ форму учрежденія, какая существуетъ въ губерніяхъ, гдѣ у телѣгъ нѣтъ шинъ на колесахъ, гдѣ рано еще быть какому-нибудь хозяйству, кромѣ трехпольнаго, гдѣ народъ еще полудикій, да и кричатъ, что эта форма не соотвѣтствуетъ желаніямъ Рикардо, да хорошо бы еще, если бы Рикардо (тотъ человѣкъ умный, понялъ бы, чего желать при такихъ обстоятельствахъ, и отчего происходитъ при нихъ народная бѣдность),—нѣтъ, фантазіямъ какихъ-нибудь французскихъ шарлатановъ, которые порютъ дичь.

Разумѣется, форма, въ какой существуетъ общинный принципъ въ губерніяхъ, еще не нуждающихся въ удобреніи, не согласна съ высокими ступенями прогресса. Пустые щи, или мѣдные гребешки на поясахъ, или мазанье сапогъ, или безумное битье лошаденки и кнутомъ, и хворостиной, и полѣномъ, или въ другихъ сферахъ что-нибудь отъ пестрыхъ жилетовъ до чтенія романовъ Александра Дюма-сына, отъ прошлогодней исторіи со Штраусомъ до порядка, какимъ идутъ у насъ процессы, все это еще не доказываетъ особеннаго прогресса. Что жъ послѣ этого: развѣ щи должны исчезнуть изъ списка блюдъ, или мужикъ не долженъ чесать голову, или не должно имѣть лошадей? Или нельзя порядочному человѣку носить жилетовъ и читать книгъ, или не слѣдуетъ въ порядочномъ обществѣ быть концерту и не нужны судилища.

Говоря по ученому, принципъ щей, т. е. приготовленіе съ кислой капустой и пустые щи, грязная мѣдная гребенка и принципъ чесанія головы и т. д. –вещи совершенно различныя. „Но вѣдь принципъ, противоположный нашему поземельному принципу, также можетъ быть усовершенствованъ“. Мы брали силы, дѣйствующія при немъ теперь, а эти силы Милль предлагаетъ ограничить. Ахъ, ограничить! Мы было и забыли. Только 1) что труднѣе сдѣлать: провести ли преобразованіе, предлагаемое Миллемъ, или не мѣшать развиваться другому принципу, не мѣшать ни прямыми мѣрами, ему вредными, ни голословными, ни задорными криками противъ него? Во второмъ случаѣ вы никому не мѣшаете, ничьихъ интересовъ не затрогиваете, а въ первомъ случаѣ вы должны бороться съ каждымъ человѣкомъ, потому что если уже называетъ человѣкъ извѣстное имущество своею собственностью, то противно всѣмъ его нынѣшнимъ чувствамъ стѣснять его право передачи его собственности дѣтямъ. А 2) если когда-нибудь введутся и будутъ исполняться реформы, предлагаемыя Миллемъ, то, позвольте полюбопытствовать, въ какомъ видѣ будетъ тогда принципъ? Многое ли

останется изъ него? Останется какой-нибудь урѣзанный кусочекъ, беречь который не стоитъ хлопотъ, — останется въ родѣ того, какъ остается медвѣдь, котораго показываютъ россійской публикѣ: почти что безвреденъ, это правда, и когти подрѣзаны, и зубы повыдерганы, и глаза выколоты. Добрый человѣкъ, развитой человѣкъ думаетъ, что легче этому медвѣдю было бы умереть, чѣмъ, подвергнувшись такимъ истязаніямъ, влачить такую жалкую, презрѣнную жизнь на общее посмѣшище.

КОНЕЦЪ.